

7

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Федор Достоевский

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ведотъ Достоевскій

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ В ТРИДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ

2-Е ИЗДАНИЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТОМА 1—17

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2019

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ СЕДЬМОЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ
РУКОПИСНЫЕ
РЕДАКЦИИ

НАБРОСКИ
1864—1867

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Д70

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ:

В. Г. Базанов (главный редактор), *В. В. Виноградов*, *Ф. Я. Прийма*,
Г. М. Фридендер (заместитель главного редактора),
М. Б. Храпченко

Тексты подготовили и примечания составили:

Л. Д. Опульская, *Г. Ф. Коган*, *А. Л. Григорьев*, *Г. М. Фридендер*

Редактор 7-го тома *В. В. Виноградов*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ:

В. Е. Багно (главный редактор), *И. А. Битюгова*,
Н. Ф. Буданова, *В. Д. Рак* (заместитель главного редактора),
И. Д. Якубович

Тексты подготовили, примечания обновили,
дополнили и исправили:

К. А. Баршт, *С. В. Березкина*, *С. А. Кибальник*, *И. А. Кравчук*,
О. И. Рославцева, *В. Д. Рак*, *Н. А. Тарасова*

Редактор 7-го тома *В. Д. Рак*

Контрольный рецензент *И. Д. Якубович*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-112-00246,
не подлежит продаже*

- © Баршт К. А., Березкина С. В., Кибальник С. А., Кравчук И. А., Рославцева О. И., Рак В. Д., Тарасова Н. А., составление, подготовка текстов, примечания, 2019
© Российская Академия наук, 2019
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2019

ISBN 978-5-02-038243-5 (т. 7)
ISBN 978-5-02-038288-6

ПЬЯНЕНЬКИЕ

- Оттого мы пьем, что дела нет.
- Врешь ты, оттого что нравственности нет.
- Да и нравственности нет, оттого что дела долго (150 лет) не было.

〈СТРАСТНЫЕ И БУРНЫЕ ПОРЫВЫ〉

〈1〉

14 февраля (*накануне*).

Страстные и бурные порывы; клокотание и вверх и вниз; тяжело носить самого себя (натура сильная, неуправляемая, до ощущения сладострастия, порывы лжи (Иван Грозный)), много подлостей и темных дел, ребенок (NB¹ умерщвлен), хотел застрелиться. *Три дня* решения. Измучил бедного, который от него зависел и которого он содержал. Вместо застрели(ться) — женился. Ревность. (Оттягал 100 000.) Клевета на жену. Выгнал или убил *приживальщика*.² Бес мрачный, от которого не может отвязаться. Вдруг решимость изобличить себя, всю интригу; покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда³ претерпеть страдание. Себя предает. Ссылка. Подвижничество.

«Гнусно подражать народу не хочу». Все-таки нет смирения, борьба с гордостью.⁴ 〈с. 8〉

¹ NB *вписано*.

² *Далее было*: Вдруг

³ жажда *вписано*.

⁴ «Гнусно подражать ~ с гордостью. *Позднейшая* приписка ниже черты, обозначающей конец наброска.

НВ. — Страстные и бурные порывы. *Никакой холодности и разочарованности, ничего пущенного в ход Байроном.* Непомерная и ненасытимая жажда наслаждений. Жажда жизни неутолимая. Многообразие наслаждений и *утолений*. Совершенное сознание и *анализ* каждого наслаждения, без боязни, что оно оттого ослабеет, потому что основано на⁵ потребности самой природы, телосложения. Наслаждения артистические до утонченности и рядом с ними грубые, но именно потому, что чрезмерная грубость соприкасается с утонченностью (отрубленная голова). Наслаждения психологические. Наслаждения⁶ уголовные нарушением всех законов. Наслаждения мистические (страхом ночью). Наслаждения покаянием, монастырем. (Страшным постом и молитвой.) Наслаждения нищенские (прошением милостыни). Наслаждения Мадонной Рафаэля. Наслаждения кражей, наслаждения разбоем, наслаждения самоубийством. — (Получил наследство 35 лет, до тех пор был учителем или чиновником (боялся начальства) (вдовец). Наслаждения образованием (учится для этого). Наслаждения добрыми делами, ⟨с. 11⟩⁷

⁵ Далее было: законах ⟨?⟩

⁶ Далее было: нару⟨шением⟩

⁷ *Каллиграфические прописи:* 1. Nero (пять) 2. Ariman (полностью дважды и сокращенно) 3. Arius 4. Roveredo ⟨Нерон, Ариман, Арий, Ровередо⟩

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

ПЕРВАЯ (КРАТКАЯ) РЕДАКЦИЯ («ПОВЕСТЬ»)

Черновой автограф конца 1-й—6-й глав (ЧА₁)

1¹

⟨...⟩ по улицам. Как это у меня на это силы хватило!² Силы до того быстро оставляли меня, что³ [я] впадал в забытье. Вспоминая теперь в подробности⁴ всё, что происходило там, я вижу, что я почти забыл, не только как проходил по улицам, но даже по каким улицам. Помню только, что я воротился домой⁵ совсем с противоположной стороны.⁶ Я еще помню⁷ ту минуту, когда добрался до В(ознесенского) проспекта, а дальше уж плохо помню. Как сквозь сон, помню чей-то оклик подле меня: «Ишь нарезался». Должно быть, я был очень бледен или шатался.⁸ Я опомнился, когда стал входить в ворота нашего дома. Никого не было.⁹ Но я уже почти не в состоянии был бояться и брать предосторожности... Я уже и¹⁰ прошел было на лестницу, но вдруг¹¹ вспомнил про топор. Его ведь надобно было положить назад, и это было самое важное дело, а я даже и об этом забыл,

¹ Вписано позднее.

² Как ~ хватило! вписано.

³ Было: что клянусь я,

⁴ Далее было начато: не

⁵ домой вписано.

⁶ Далее было: Силы и память чрезвычайно быстро оставляли меня.

⁷ Далее было: как доб(рался)

⁸ Я еще помню ~ шатался. вписано между строками и на полях.

⁹ Вместо: Я опомнился ~ не было. — было: В нашем доме в воротах я никого не встретил.

¹⁰ и вписано.

¹¹ вдруг вписано.

так был разбит. О Боже, какие это были трудности,¹ только чудом так всё сошлось, что я прошел тогда через все эти ужасы неприметно.² Сойдя опять под ворота, я увидел, что дверь³ в дворничью притворена, но не на замке. Стало быть, дворник там или где-нибудь очень недалеко на дворе. Но до того я уже потерял тогда способность рассуждать и владеть собой, что⁴ прямо подошел к двери, спустился обычные три ступеньки в дворничью и растворил дверь.⁵ Что бы я сказал дворнику, если б он спросил: «Чего надо?» Я бы ничего не сказал, я бы не смог ничего ответить и тем бы и выдал себя⁶ странным видом.⁷ Но дворника не было. Я вынул топор и положил его на прежнее место под скамейку, прикрыв поленом так, как лежал он прежде. Помню, как сквозь сон, что я был даже рад и доволен, когда⁸ кончил с топором.⁹ Затем вышел, притворил дверь и пошел домой. Никого — ни единой души я не встретил до самой квартиры¹⁰. Хозяйкина дверь была заперта. Войдя к себе, я тотчас же бросился на постель. Я не заснул, а впал в забытие или в полузабытие,¹¹ потому что если б в это время кто вошел в мою комнату, я бы тотчас вскочил и закричал¹². Ключки и отрывки мыслей так и кишили в моей голове целым вихрем¹³. Но я ни одной не помню...¹⁴

¹ *Вместо:* трудности — было: мучения

² *Вместо:* Его ведь ~ неприметно. — было: Не понимаю, как я мог хоть на одну минуту забыть об нем. Он-то меня и мучил теперь. [Его ведь надобно было] Это была последняя *теперешняя* трудность, которую надо было преодолеть.

³ *Вместо:* Сойдя опять ~ дверь — было: Я сошел под ворота и увидел, что в дверь

⁴ *Далее было:* я

⁵ *Вместо:* спустился ~ дверь. — было: сошел <и> три ступеньки и растворил ее. *Об употреблении знака <и> см. ниже, с. 758, примеч. 3.*

⁶ *Далее было:* сво(им)

⁷ Я бы ничего ~ странным видом. *вписано между строками и на полях.*

⁸ *Далее было начато:* также <и>

⁹ Помню ~ топором. *вписано.*

¹⁰ до самой квартиры *вписано.*

¹¹ *Вместо:* Я не заснул ~ полузабытие — было: а. Я не спал, я был в забытие, и что-то б. Я не спал, я был в забытие, в глубоком забытие

¹² и закричал *вписано.*

¹³ целым вихрем *вписано.*

¹⁴ *Далее было:* Након(ещ)

Продолжаю.¹ Наконец я сознал, что у меня лихорадка, и поворотился. Озноб. (с. 43)

Глава 2-я

16 июня. Третьего дня ночью я начал² писать³ и⁴ четыре часа просидел. Это будет документ...⁵

Этих⁶ листов у меня никогда⁷ не отыщут.⁸ Подоконная доска у меня приподымается, и этого никто не знает. Она уже давно приподымалась, и я давно уже знал. В случае нужды ее можно приподнять и опять так положить, что если другой пошевелит, то и не подымет.⁹ Да и в голову не придет.¹⁰ Туда под подоконник я всё и спрятал. Я там два кирпича вынул...¹¹

Сейчас входила Настасья и мне щей принесла. Днем не успела. Тихонько от хозяйки. Я поужинал и сам снес ей тарелку.¹² Настасья ничего не говорит со мной.¹³ Она тоже чем-то как будто недовольна.¹⁴

Я остановился тогда на том, что, положив топор в дворницкую и дотащившись домой, повалился на постель и ле-

---

¹ Продолжаю. *вписано.*

² *Вместо:* я начал — *было:* потянуло меня начать

³ *Было:* всё это записывать

⁴ *Далее было:* я

⁵ *Вместо:* Это будет документ... — *было:* Пусть это будет отчет...

Какой? Кому?..

⁶ *Было:* Впрочем, этих

⁷ никогда *вписано.*

⁸ *Далее было:* На этот счет я могу быть вполне безопасен.

⁹ *Далее было:* Ту(да)

¹⁰ *Далее было:* Я там два

¹¹ *Далее было:* Если б я стал записывать десятого числа, на другой день после девятого, то ничего бы не записал, потому что в порядке ничего еще не мог припомнить. Точно кругом меня всё кружилось, и так было три дня. А теперь всё так ясно, так ясно представилось, что...

¹² *Было:* чашку.

¹³ *Далее было:* и, видимо, жалеет. [А о том] [Я ей всё рассказывал про] а. Никто не подозревает. б. А об том никто не подозревает. в. О том никто не подозревает. г. А в том меня никто не подозревает... Но по порядку. Потому что я хочу всё это а. записать б. записывать по порядку. а. А впрочем, продолжаю. б. А впрочем, стану продолжать.

¹⁴ Она тоже ~ недовольна. *вписано.*

жал в забытьи.¹ Должно быть, я так пролежал очень долго. (с. 45)²

Случалось, что я как будто и просыпался³ и в эти минуты замечал,⁴ что уже давно ночь, а встать мне не приходило в голову.⁵ Наконец,⁶ почти очнувшись совсем, я заметил, что стало уже светло.⁷ Я лежал на моем диване навзничь, еще остолбенелый от сна и от забытья. До меня смутно доносились страшные, отчаянные вопли с улицы, которые я каждую (ночь) слышу под моим окном в третьем часу.⁸ «А вот уже из распивочных и пьяные выходят, — подумал я, — третий час», — подумал и вдруг вскочил, точно меня сорвал кто с дивана. «Как? третий час!»⁹ Я сел на диване¹⁰ — и тут всё, всё припомнил! Вдруг, в один миг,¹¹ всё припомнил.

Минуту спустя я бросился с дивана¹² в ужасном испуге. Холод обхватил меня.¹³ Но холод был от лихорадки, которая уже давно началась со мной во сне и что я уже чувствовал...¹⁴ Как только я встал, такой начался вдруг озноб,¹⁵ что чуть зубы не

¹ *Вместо:* Я остановился ~ в забытьи. — *было:* а. Я остановился на том, что я повалялся на постель и лежал в [по(лузабытьи)] забытьи. б. Я остановился тогда на том, что, придя домой, я повалялся на постель и лежал в забытьи. в. Я остановился тогда на том, что я, придя домой, повалялся на постель и лежал в забытьи.

² *Вверху страницы помета:* NB Надо поминутно, чтоб высказывали среди рассказа совершенно ненужные и неожиданные мелочи. *Рядом записи (вторая, по-видимому, относится к (с. 65), на которой упоминается живущий в доме процентщицы «серебреник»):* 1. Я живу наверху 2. Старый был ювелир

Между строк каллиграфические прописи, предвещающие начало текста на (с. 46): Случалось

³ *Вместо:* Случалось ~ просыпался — *было:* Часто случалось со мной, что я как бы просыпался

⁴ *Было:* я замечал

⁵ а встать ~ в голову. *вписано.*

⁶ *Было:* Вдруг слышу

⁷ *Вместо:* стало уже светло — *было:* а. уже начало рассветать, хотя [впрочем] солнце и совсем почти не заходило б. уже опять совсем светло

⁸ которые ~ часу. *вписано.*

⁹ *Вместо:* «А вот уже ~ третий час!» — *было:* «Это из распивочных пьяные выходят, — подумал я. — Здесь это каждую ночь бывает в третьем часу. Как? стало быть, уж третий час!»

¹⁰ *Вместо:* сел на диване — *было:* [вскочил] сел на [кро(вать)] диван

¹¹ Вдруг, в один миг *вписано.*

¹² *Вместо:* Минуту ~ с дивана — *было:* Мгновение спустя я вскочил

¹³ *На полях записи:* Казалось, что (нрзб.) шляпа

¹⁴ во сне и что я уже чувствовал *вписано.*

¹⁵ *Вместо:* Как только ~ озноб — *было:* а. Со мной такой был озноб б. Вдруг, как только я встал, такой начался озноб

выпрыгнули и всё-всё во мне так и заходило. Я отворил дверь и начал слушать.¹ Но всё совершенно спало у нас в доме.² Я с изумлением³ оглядывал себя и всё кругом в комнате и не понимал: как это я мог не затворить дверь, когда вошел вчера,⁴ на крючок и броситься на диван,⁵ не только не раздевшись, но (с. 46) даже в шляпе, потому что она скатилась и тут же лежала на полу подле самого того места, где подушка. Если б кто зашел, что бы он подумал? Что я⁶ пьян? — Но... И вдруг я бросился к окошку. Свету⁷ было довольно, и я⁸ стал себя оглядывать всего, всё мое платье: нет ли следов? Но так нельзя было!⁹ Дрожа от озноба, я стал снимать с себя всё и опять осматривать кругом.¹⁰ Я переверотил всё, до последней нитки, до последнего лоскутка, и, не доверяя себе, — потому что чувствовал, что никак не могу собрать всего внимания, — осматривал и перевертел в руках всё раза по три.¹¹ Но¹² не было ничего, никаких следов, кроме как на том месте, где панталоны внизу осеклись и висели, как бахрома. «Слава Богу, слава Богу!» — шептал я про себя. Помню, что я очень уж обрадовался.^{13, 14} На бахроме¹⁵ было как будто несколько¹⁶ пятен крови. Непременно было смочено и запеклось.¹⁷ Я схватил мой складной нож¹⁸ и обрезал всю ба-

¹ *Вместо:* Я отворил ~ слушать. — *было:* а. Я бросился к двери и отворил ее. б. Как в тексте. *Далее:* «Точно дикий зверь», — подумалось мне.

² *Вместо:* спало у нас в доме. — *было:* спало. Был час третий утра.

³ *Было:* Я с удивлением и с ужасом

⁴ *Вместо:* когда вошел вчера — *было:* входя

⁵ *Далее было:* даже в

⁶ *Что я* *вписано.*

⁷ *Было:* Окошко у меня маленькое, но свету

⁸ *Далее было:* а. как сумасшедший б. *Над зачеркнутым «а» написано:* [как сумасшед(ший)] безум(ный)

⁹ *Вместо:* Но так нельзя было! — *было:* Нет, так нельзя.

¹⁰ *Вместо:* снимать ~ кругом. — *было:* сдергивать с себя всё платье, чтоб осмотреть его кругом.

¹¹ *Вместо:* Я переверотил ~ по три. — *было:* а. [Но на] На платье не было ничего. б. Дрожащими руками я [рассмотрел всё] перевертел каждое место.

¹² *Далее было:* слава Богу

¹³ *Вместо:* шептал я ~ обрадовался. — *было:* говорил я сам про себя. Очень уж я обрадовался.

¹⁴ «Слава Богу ~ обрадовался. *вписано.*

¹⁵ *Было:* На бахроме-то и

¹⁶ *Вместо:* как будто несколько — *было:* несколько

¹⁷ *Непременно ~ запеклось. вписано.*

¹⁸ *Вместо:* мой складной нож — *было:* а. ножницы б. нож в. нож перочинный г. ножик

хрому.¹ Больше нигде ничего² не было. Тут³ я вдруг вспомнил, что, слава Богу, кошелек и все вещи, которые я вытащил из сундука,⁴ — все до сих пор у меня⁵ в кармане! Я и не подумал их вынуть и спрятать!⁶ Тотчас же я стал это всё вынимать и выбрасывать на стол.⁷ Впрочем, я был тогда сам не свой от лихорадки и от головокружения.⁸ Выбрав всё, даже выворотив карман, чтоб удостовериться, нет ли еще чего, я всю эту кучку снес⁹ в угол, где у меня было одно такое место.¹⁰ Тут были разодраны обои, и я стал (с. 47) всё пихать в эту дыру под бумагу.¹¹ Странно мне было самому на эт(у) вс(ю)¹² кучу смотреть, поскорей уж бы с глаз долой, и я рад был, что запихал это всё. «Но боже мой, — подумал я, — разве это спрятано, разве так прячут?»¹³ Заметно не было, потому что угол был очень темен. Но место выбрано было дурное.¹⁴ У меня хоть и кружилась голова, а я это понимал.¹⁵ Я и не рассчитывал, что вещи принесу, и потому не приготовил места. Я думал, что будут только одни деньги.¹⁶ А деньги-то я бы как-нибудь и нашел спрятать.¹⁷ Ясно было, что делать.¹⁸ «Завтра надо было всему найти место», — думал я.¹⁹ Точно в каком-то недоумении я сел на диван.²⁰ Только что я сел,²¹ озноб

¹ Далее было: Но

² ничего вписано.

³ Было: Но осматривая паль(то)

⁴ Между строками помета: Но вдр(ут) я всп(омнил)

⁵ у меня вписано.

⁶ Далее было: Ну что, если б меня так с ними и нашли!

⁷ Далее было: а. и странно как-то мне было [смотреть] взглянуть опять на эти вещи. б. Помню только, что очень было как-то странно

⁸ Впрочем ~ от головокружения. вписано на полях.

⁹ Вместо: всю эту кучку снес — было: забрал всё и снес

¹⁰ Вместо: у меня ~ место. — было: а. у меня уже давно на всякий случай приготовлено было место. б. я заметил одно место.

¹¹ Далее было начато: Само(му)

¹² В автографе: это всё

¹³ [Само(му)] Странно мне ~ прячут?» вписано, частично (со слова подумал) на (с. 49).

¹⁴ Вместо: Заметно ~ дурное. — было: Заметно не было, но место было дурное.

¹⁵ У меня хоть ~ понимал. вписано.

¹⁶ Вместо: Я и не рассчитывал ~ деньги. — было: Я и не рассчитывал на вещи, я рассчитывал сначала только на деньги.

¹⁷ Вместо: и нашел спрятать. — было: и иначе спрятал.

¹⁸ Вместо: Ясно было, что делать. — было: Что делать?

¹⁹ «Завтра надо ~ думал я. вписано.

²⁰ Вместо: Точно ~ на диван. — было: а. Я сел на диван. б. В изнеможении я сел на диван. в. В каком-то недоумении я сел на диван.

²¹ Далее было: тотчас же

нестерпимо затряс меня.¹ Машинально потащил² я подле со стула мою³ шинель,⁴ теплую, но всю в лохмотьях, накрылся ею, и сон или бред меня обхватывал.⁵

Но вдруг точно кто меня опять сдернул, я опять вскочил, сбросил с себя всё⁶ и опять стал⁷ перебирать мое платье. Как это я мог опять заснуть и даже не прибрать платье на место. О Боже мой, и вот — так и есть! так и есть! Петлю⁸ под мышкой не снял, и забыл, и не догадался.⁹ «Что ж у меня разум, что ли, ушел», — думал я.¹⁰ Ну если б да розыск, и стали осматривать^(?) Я сдернул петлю и, развернув, стал ее разрывать в куски¹¹ и потом все куски бросил под кровать. Кусочки холстины¹² не могли ни в каком случае¹³ подать подозрения. Я стоял среди комнаты и с напряженным вниманием, — потому что всё еще¹⁴ никак не мог собрать полной памяти, — стал высматривать¹⁵ кругом на полу и везде, не забыл ли я еще чего? Тяжеле всего мне было впечатление, что меня кто-то как будто оставил,¹⁶ что память тоже меня оставляет,¹⁷ что хочу я собраться с мыслями и разом всё осмотреть, все предосторожности взять¹⁸ и всё рассчитать для своего спасения, и не могу, не умею. Как это я петлю мог пропустить, когда одежду осматривал? Нет ли еще чего?

¹ *Вместо:* Только что ~ меня. — *было начато:* Скоро холод охват(ил)

² *Было:* достал

³ *Далее было:* осеннюю

⁴ *Далее было начато:* которая тут

⁵ *Вместо:* накрылся ~ обхватывал. — *было:* а. и накрылся ею. Сон меня обхватывал. б. и накрылся ею. Сон и бред меня обхватывал.

⁶ *Вместо:* Но вдруг ~ с себя всё — *было:* а. Но вдруг я опять всё сбросил б. Но [волнение] забота взяла свое, и я опять всё сбросил

⁷ *Вместо:* и опять стал — *было:* а. и чуть б. и опять бросился в. и опять вскочил

⁸ *Вместо:* Как это ~ Петлю — *было:* Как это я мог опять заснуть. Так и есть! Петлю

⁹ *Вместо:* Петлю под мышкой ~ не догадался. — *было:* а. Петлю под мышкой я еще не снял. б. Я не догадался снять даже петлю под мышкой.

¹⁰ и забыл ~ думал я. *вписано.*

¹¹ *Вместо:* и, развернув, ~ в куски — *было:* уничтожил всё до последней нитки

¹² *Вместо:* Кусочки холстины — *было:* В кусках она

¹³ ни в каком случае *вписано.*

¹⁴ всё еще *вписано.*

¹⁵ *Было:* всматриваться

¹⁶ *Далее было вписано:* что Бог меня оставил и отнимает разум

¹⁷ *Далее было:* и разум

¹⁸ *Было:* иметь

Тупо глядел я около себя, напрягая¹ внимание. Мне пришло в голову, что, может быть, платье в крови и во многих местах, а² только так кажется, что нет ничего, что я так слаб, растерян и плохо соображаю, что не могу догадаться, что разум мой мешается и оставил меня. Тут я вспомнил, что на кошельке была кровь.³ «Ба! в кармане», и радость. «Нет, значит, есть соображение».⁴ Вдруг я заметил опять: нитки⁵ той бахромы, которую я отрезал от панталон, так⁶ и валялись на полу отрезанные и неприбранные. «Господи, как это я мог так бросить?»⁷ Куда это девать?⁸ Под кровать нельзя, в (с. 48) печку? Но там они непременно, первее всего начнут рыться и тотчас найдут».⁹ В это время луч солнца осветил мой левый сапог; смотрю, на носке, который из сапога выглядывал, точно как будто знаки. Я бросился разуваться — действительно знаки крови.¹⁰ Должно быть, я запачкал, когда сапог в ту лужу поставил.¹¹ Я оглядел и сапоги, — на сапогах было¹² незаметно. «Но что же, что же с этим делать, куда деваться от всех этих пятен?»¹³ Замыть? Нет, лучше выйти куда-нибудь и всё выбросить, выбросить... Да, лучше выбросить!» — сказал я, в изнеможении опять садясь на диван.¹⁴ Страшное уныние о том, что я не в состоянии даже вещи при-

¹ Далее было начато: си(лы њ)

² Было: но

³ На нижнем поле в рамке запись, сделанная до вписанного на полях (с. 48 и 49) (см. ниже следующую сноску) фрагмента: В кармане кровь.

⁴ Тяжеле всего ~ соображение». вписано на полях (с. 48) и (со слов: что не могу догадаться) (49). Внизу (с. 49) вариант: что я их не вижу, потому что мое соображ(ение) слабо, растеряно, что мой ум затемнен и наказан (њ). Но, думая о кровавых пятнах(шках њ), я вспомнил, что и на кошельке была кровь. «Ба! стало быть, и в кармане должна быть кровь, потому что еще мокрым сунул его в кар(ман)».

⁵ Было: Вдруг я увидел нитки

⁶ Было: Они так

⁷ [Они] так валялись ~ так бросить? вписано (так бросить? на полях (с. 49)). Вместо: как это я мог так бросить? — было: «что это со мной», — подумал я. На (с. 53) на полях заметка: О бахроме и о том, как я мог быть такой дурак.

⁸ Было: деть

⁹ Вместо: Но там ~ найдут». — было: Начнут рыться и тотчас увидят. Далее было начато: Куда Над найдут надписано: [Правда (њ)]

¹⁰ крови вписано.

¹¹ Должно быть ~ поставил. вписано.

¹² было вписано.

¹³ Вместо: от всех этих пятен — было: от всей этой крови

¹⁴ Вместо: в изнеможении опять садясь на диван. — было: а. и вижу, что я уже опять на диване. б. почув(ствовав)

прятать, придавило меня. И опять начался озноб.¹ Но тут уже я не мог встать, страшно мучаясь мыслию, что надо бы встать и опять начать делать, и осматривать, и прибираться, и прятать.² И долго, несколько часов, может быть, мне всё это, как в бреду,³ мерещилось, что надобно выбросить, сходить бы⁴ куда-нибудь и всё выбросить.⁵ Но я не встал. Когда я успел опять натянуть на себя шинель — не помню.⁶ Проснулся ж я очень поздно от чрезвычайного стука в мою дверь. С первого раза мне показалось, что ее даже ломают. Ко мне стучатся; тут же я почувствовал, что я весь в жару, а может быть, в бреду. Я это и во сне чувствовал.⁷ Стук продолжался, и я вскочил и сел.⁸

— Да отвори! Жив аль нет?⁹ Чего он всё дрыхнет! — закричала Настасья. — Целый день-деньской дрыхнет, как пес. Знать, нечего делать.¹⁰

— А может, и дома нет, — проговорил еще голос.

«Ба! дворник. Что такое?» Я вскочил.¹¹

— А крюком-то¹² кто ж заперся. Ишь, запирается стал! Самого украдут, что ли?¹³ Отвори, голова,¹⁴ проснись! (с. 49)

---

¹ Страшное уныние ~ озноб. *вписано*.

² *Вместо*: Но тут уже ~ прятать. — *было*: а. Но я не встал, [не м(ог)] выбросить. б. Но я не встал, а потянул опять на себя шинель.

³ это, как в бреду *вписано*.

⁴ *Было*: сходить

⁵ *Далее было*: а. Много, много прошло времени. б. Потом я [з(а-былся)] как будто забылся. в. Наконец я совершенно забылся. г. Сколько прошло

⁶ Но я ~ не помню. *вписано*. *Вместо*: Когда я ~ не помню. — *было*: а. Когда я натянул на себя опять шинель — не помню; но проснулся я уже закутанный шинелью. б. Когда я успел этот раз натянуть на себя шинель — не помню. в. Я натянул опять шинель — но когда, я уж и не помню.

⁷ *Вместо*: Проснулся ж я ~ чувствовал. — *было*: а. Вдруг слышу, что ко мне стучатся, но я лежал весь в жару и, может быть, в бреду, и давно уже знал, что я в жару. б. Проснулся ж я на [другой день] очень поздно от чрезвычайного стука в мою дверь. С первого раза мне показалось, что ее даже ломают. Ко мне стучатся. Когда я [стал приходить] Тут же я почувствовал, что я весь в жару и, может быть, в бреду, и давно уже знал почему-то и сознавал, что я в жару, хотя и был в забытьи.

⁸ *Вместо*: и я вскочил и сел. — *было*: и вдруг я опять всё припомнил, и страшный испуг овладел мною.

⁹ *Вместо*: аль нет? — *было*: ты, что ли?

¹⁰ Целый день ~ делать. *вписано*.

¹¹ *Вместо*: проговорил ~ Я вскочил. — *было*: сказал дворник.

¹² *Было*: крюком

¹³ *Вместо*: Ишь, запирается ~ что ли? — *было*: Эх, ты...

¹⁴ *Было*: говорят

«Господи, и когда ж бывало, чтоб Настасья будила меня, и зачем дворник?»¹

Я привстал, нагнулся вперед и² снял сам ⟨;⟩ крюк.³ Вся моя комната была в три шага, и можно было⁴ с постели же снять крюк.⁵ Так и есть: стоят⁶ дворник и Настасья. Настасья как-то странно меня оглядывает. Я с вызывающим и отчаянным видом, хотя бессмысленно от сна и бреда, взглянул на дворника.⁷ Он молча протянул мне⁸ серую сложенную вдвое бумажку, запечатанную бутылочным сургучом.⁹

— Из полиции повестка, из квартала, — проговорил дворник. — Зовут к кварт(альному).¹⁰

— В полицию? — проговорил я. — Зачем?¹¹

— А я почем знаю. Требуют, и иди.¹² — Он странно посмотрел на меня, потом посмотрелся кругом¹³ и повернулся уходить.

— Да никак ты болен? — сказала вдруг Настасья, не спускавшая с меня глаза. Дворник¹⁴ на минутку тоже обернул голову.¹⁵ — Ишь ведь¹⁶, весь в жару.

---

¹ *Вместо:* «Господи ~ дворник?» — *было:* а. Я приподнялся и старался хоть что-нибудь понять. «Эти два голоса. Зачем два(?) И когда бывало, чтоб Настасья будила меня, и зачем дворник?» б. Я приподнялся и старался хоть что-нибудь сообразить, хоть за что-нибудь ухватиться, помощь найти. «Чего им надо?» Вдруг меня точно пронзило: «Господи, зачем они, и когда бывало, чтоб Настасья будила меня, и зачем дворник?» [Зачем меня им надо? Господи!] «Когда ж ко мне ходил дворник?» — думал я [с ⟨ужасом⟩] [Это] в ужасе. «Это они! Они! О Господи! что такое! Знать...»

² *Вместо:* нагнулся вперед и — *было:* и

³ *Вместо:* крюк — *было:* крючок.

⁴ *Далее было:* только

⁵ *Далее начато:* Вошл⟨и⟩

⁶ *стоят вписано.*

⁷ *Вместо:* Я с вызывающим ~ на дворника. — *было:* Я [ни жив ни мертв] с каким-то вызывающим видом смотрел на дворника.

⁸ *Далее было начато:* з⟨апечатанную⟩

⁹ *Далее было:* Зловещий знак.

¹⁰ *Вместо:* — Из полиции ~ к кварт(альному). — *было:* — а. Повестка вам. В [час⟨ть⟩] Контору, из Квартала б. В полицию повестка, из Квартала.

¹¹ *Вместо:* — В полицию? ~ Зачем? — *было:* — Мне? Зачем? — спросил я, затрепетав.

¹² *Вместо:* — А я почем знаю. Требуют, и иди. — *было:* — Там [узнаете] скажут.

¹³ *потом посмотрелся кругом вписано.*

¹⁴ *После Дворник — вписано: тоже (не вычеркнуто).*

¹⁵ *Дворник ~ голову. вписано.*

¹⁶ *ведь вписано.*

Я не отвечал и держал в руках бумагу, не распечатывая.

— Ишь ведь... — повторила¹ Настасья. — Да уж не вставай, — прибавила она, увидя, что я спускал с дивана ноги.² — Коли <с. 50> болен, так и не ходи... Что у те в руках-то?

Смотрю, у меня в руках отрезанные куски бахромы, и вчерашний носок, и лоскуты от <пет<и>ли так и остались в руке.³ Я так и спал с ними. Потом уже, размышляя об этом, я вспомнил, что, и⁴ полупросыпаясь в жару, крепко-накрепко стискивал это в руке⁵ и опять засыпал.

— Ишь, лохмотьев каких набрал, спит как с кладом. — И Настасья закатилась смех<ом>, она была очень смешлива.⁶

Я тотчас же сунул всё это под шинель и пристально-пристально смотрел на Настасью.⁷ Хотя я и ровно ничего не мог порядочно сообразить, но как-то почувствовал, что с человеком не так будут говорить, когда приходят брать. Но полиция!⁸

— Чаю бы вышил, хошь, што⁹ ли? Принесу. Остав<лю <и>.⊃>10

— Нет, я сейчас сам¹¹ пойду, я пойду, — сказал я.

— Поди,¹² и с лестницы не сойдешь?

— Нет;¹³ пойду...¹⁴

— Как¹⁵ хошь. — Она повернулась и пошла вниз.

Я схватился за носок и стал осматривать.¹⁶ Пятна есть, но¹⁷ неприметно, всё загрязнилось и еще вчера же¹⁸ затерлось. Настасья не заметила бы, если б даже и рассматривать стала. Ма-

¹ Было: проговорила

² Вместо: Да уж не ~ ноги. — было: а. Я начал спускать с дивана ноги. б. Да ты не вставай. Далее как в тексте.

³ и лоскуты от <пет<и>ли так и остались в руке вписано.

⁴ и вписано.

⁵ Вместо: это в руке — было: [их] это в руках

⁶ Ишь, лохмотьев ~ смешлива. вписано.

⁷ Вместо: Я тотчас же ~ на Настасью. — было: <—> Это... — И я тотчас же сунул всю эту дрянь под шинель. а. Носок, — проговорил я, со страхом смотря на нее. Но она ничего б. и [глядел, ничего не понимая,] смотрел на Настасью.

⁸ Хотя я и ~ Но полиция! вписано.

⁹ Было начато: чт<о>

¹⁰ Остав<лю <и>. вписано.

¹¹ сам вписано.

¹² Было: Да ты, чай

¹³ Далее было вписано: я

¹⁴ Было: пойду, повт<орил>

¹⁵ Было: Ну как

¹⁶ Было: и осмотрел Над словом осматривать знак NB

¹⁷ но вписано.

¹⁸ еще вчера же вписано.

шинально я распечатал принесенную бумагу и прочел.¹ Читал я долго и² наконец-то понял.³ Это была обыкновенная повестка из квартала, явиться на сегодняшнее число⁴ в половину десятого в контору квартального надзирателя.

У меня руки опустились. Так прошло минут пять. «Это может быть хитрость, они, может быть, хитростью⁵ хотят заманить.⁶ Какое до сего времени могло быть у меня дело?» — мелькнуло у меня.⁷ — Однако, зачем же повестку?⁸ Нет, пойду, пойду. Я сам пойду.⁹ Господи!» Я было бросился на колени молиться, но вскочил и стал одеваться.¹⁰ «Носок надеть, — подумал я, — он еще больше затрется и загрязнится, и¹¹ следы пропадут». Но только что я надел, я тотчас же и¹² сдернул его.¹³ {с. 51} Сообразив же,¹⁴ что другого нет, взял и надел его опять.¹⁵ Впрочем, страх пред предстоящим посещением квартала всё поглощал. Голова тоже очень кружилась и болела от жару. «Это они хитростью. Но, однако, зачем же повестка?»¹⁶

Тяжело мне было очень, когда я взял шляпу и вышел шатаясь на лестницу. На лестнице я вспомнил, что оставляю так вещи в обойной дыре, и остановился,¹⁷ но тут же такое отчаяние овладело мною, что махнул рукой и пошел¹⁸ далее: будь что будет. Так много всей этой тоски навалилось, а я почувствовал, что так мало способен сохранить и защитить.

---

¹ *Вместо:* Настасья не заметила ~ прочел. — *было начато:* А это... Господи! [Я распечатал] [Я бросился] И тут мне странно показалось, почему [на] [Господи] *Далее было:* а. Я распечатал бумагу и прочел. б. принесенную бумагу распечатал и прочел.

² *Далее было:* всё

³ Читал ~ понял. *вписано.*

⁴ *Вместо:* сегодняшнее число — *было:* а. сегодня б. сегодняшний день

⁵ *Было:* «Это хитрость, они хитростью

⁶ *Далее было:* и разом

⁷ «Это может быть ~ у меня. *вписано.* *Далее было:* Но может

⁸ *Далее было:* Зачем они сами не пришли? — подумалось мне. — Странно, — продолжал я, — если у них есть подозрение, то...

⁹ Я сам пойду. *вписано.*

¹⁰ *Вместо:* Я было ~ одеваться. — *было:* Я стал [обувать(ся)] одеваться.

¹¹ *Далее было:* тогда

¹² и *вписано.*

¹³ *Далее было начато:* Стр(ах)

¹⁴ *Вместо:* Сообразив же — *было (на {с. 51}):* а. Но подумав б. Подумав

¹⁵ *Вместо:* надел его опять — *было:* надел опять тот же самый.

¹⁶ «Это они ~ повестка?» *вписано.*

¹⁷ и остановился *вписано.*

¹⁸ *Было:* что [я,] махнув рукой, пошел

«Поскорей бы всё разузнать!» — говорил я про себя.¹

«Это² они видели, когда я вчера проходил мимо квартала после того. Это — хитрость!» — подумал я и вышел на улицу.³

— Жара была страшная, духота, толкотня, известка, леса, песок, пыль, вонь из лавочек, и особенно из распивочных,⁴ кричащие разносчики и пьяные, которые поминутно попадались на улице, несмотря на утро и будний день. Солнце ярко осветило меня и всё кругом, так что глазам выносить стало⁵ трудно и всё закружилось: обыкновенное ощущение лихорадочного, вышедшего на воздух на улице.⁶ Мне казалось, что голову⁷ мою взорвет, как бомбу.⁸ Шел я шатаюсь и торопясь,⁹ верно, наталкиваясь на прохожих.¹⁰ Глубокий внутренний страх продолжал поглощать все мои ощущения.¹¹ «Мне бы только хоть поскорее узнать. Будь что будет.¹² Если спросят — я скажу.¹³ да, — думал я,¹⁴ — нет, я скажу:¹⁵ нет! Нет, нет! нет!» — ходило¹⁶ в моей голове, когда я подошел к конторе¹⁷ и весь дрожал и замирал от ожидания.¹⁸ (с. 52)¹⁹

Контора была от нас шагов четыреста. Я знал, где она находится,²⁰ но в ней никогда не бывал. Войдя под ворота, я увидел

¹ Так много ~ про себя. *вписано разновременно, в два приема.*

² Было: — Али может быть

³ Вместо: того ~ на улице. — было: того, — подумал я, выходя на улицу. Далее было: Да, да, хитрость, кон(ечно)

⁴ и особенно из распивочных, *вписано.*

⁵ Было: было

⁶ Далее было *вписано:* Я жадно всё разглядывал и старался к чему-нибудь прицепиться мыслию. Иначе мне

⁷ Было: бедную голову

⁸ Мне казалось ~ как бомбу. *вписано.*

⁹ Было: а. Я шел шатаюсь б. Я шел торопясь, шатаюсь

¹⁰ Вместо: верно, наталкиваясь на прохожих. — было: а. наталкиваясь на встречных прохожих. б. даже наталкиваясь на прохожих.

¹¹ Глубокий ~ ощущения. *зачеркнуто и вновь вписано.*

¹² Мне бы ~ что будет. *частично зачеркнуто.*

¹³ Далее было: что

¹⁴ думал я *вписано.*

¹⁵ Далее было: что

¹⁶ Вместо *вписанного:* Нет, нет! нет!» — ходило — было: пронеслось

¹⁷ Далее было (*после многоточия*): а. Не знаю, что б. Но тут у меня опять всё сердце упало.

¹⁸ и весь дрожал и замирал от ожидания. *вписано.*

¹⁹ Заметки: Тряпка в печь. — на полях; по крови жожу — *вверху страницы*; несколько шагов, — *внизу страницы.* На полях *каллиграфическая пропись:* [Voldemar]

²⁰ Вместо: она находится — было: а. контора б. наша контора

мужика, сходявшего откуда-то сверху по лестнице¹ с книжкой² в руках. «Значит,³ по этой лестнице и есть контора⁴». И я стал тоже⁵ подыматься наверх. «Что придется, то и скажу.⁶ Войду, упаду в ноги и всё расскажу».⁷ Контора только что переехала в этот дом.⁸ Лестница была узенькая, грязная и⁹ вся в помоях. Все кухни всех квартир во всех четырех этажах отворяются на эту лестницу и стоят так почти целый день.¹⁰ По узенькой лестнице сходили и восходили дворники с книжками под мышкой, жопалые и разный люд — мужской и женский¹¹ — посетители.¹² В четвертом этаже налево дверь в контору была отворена настежь, я вошел — и остановился в прихожей.¹³ Тут всё¹⁴ стояли и ждали какие-то мужики. Духота была ужасная даже еще на лестнице, а здесь, кроме того, еще било в нос¹⁵ непросохшей краской.¹⁶ Но, подождав, я рассудил подвинуться еще вперед в следующую комнату. Всё крошечные были комнаты.¹⁷ Тут сидели и писали¹⁸ какие-то писцы, одетые разве немного получше моего.¹⁹ Я обратился к одному из них.

— Чего тебе?

Я показал повестку из квартала.

— Вы²⁰ студент? — спросил он, взглянув на²¹ повестку.

— Студент.

---

¹ откуда-то сверху по лестнице *вписано*.

² *Было*: с какой-то книжкой

³ *Далее было*: оттуда

⁴ и есть контора *вписано*.

⁵ тоже *вписано*.

⁶ *Вместо*: «Что придется, то и скажу. — *было*: «Не знаю, что скажу», — думал я.

⁷ «Что придется ~ расскажу». *вписано*.

⁸ *Далее было*: на новую квартиру в четвертый этаж. Я уж это знал от Настасьи.

⁹ и *вписано*.

¹⁰ *Вместо*: Все кухни ~ день. — *было*: Все двери всех квартир моментно во всех четырех этажах отворялись на эту лестницу.

¹¹ мужской и женский *вписано*.

¹² *Далее было вписано*: Духота была ужасная даже еще на лестнице.

¹³ *На полях заметка, относящаяся к предыдущему тексту (см. с. 16, примеч. 7).*

¹⁴ всё *вписано*.

¹⁵ *Было*: несло

¹⁶ Духота была ~ краской. *вписано*.

¹⁷ Всё ~ комнаты. *вписано*.

¹⁸ и писали *вписано*.

¹⁹ *Было*: меня.

²⁰ *Было начато*: Туда

²¹ *Вместо*: взглянув на — *было*: прочтя

Он оглядел меня с любопытством.¹

— Ступайте к письмоводителю,² — и он ткнул вперед пальцем, показывая на самую последнюю комнату.

Я вошел в эту комнату. Она была небольшая и тесная и полная публикой — народом, гораздо чище³ одетым, чем в тех комнатах.⁴ Были даже⁵ две дамы. Одна в трауре и бедно одетая сидела за столом против письмоводителя и что-то подписывала с его диктовки. Другая же дама, очень полная и багрово-красная, мелкими пятнами,⁶ видная женщина, (с. 53)⁷ что-то очень пышно одетая, с брошью на груди в чайное блюдечко величиною, стояла⁸ в отдалении и чего-то ждала. Было еще два посетителя в довольно истасканных пальто, купец в сибирке, весь пропитанный запахом распивочной, в черном, до невероятия засаленном атласном жилете,⁹ и какой-то иностранец, да еще кто-то, не помню, не знаю.¹⁰ Так и сновали по всем четырем комнатам, кто приходил, кто уходил. Я¹¹ сунул письмоводителю мою повестку, он мельком взглянул на меня,¹² сказал «сейчас, подождите¹³» и продолжал заниматься с дамой. «Верно, не то», — пронеслось у меня в голове. Мало-помалу я стал всё оглядывать. Я как будто стал оживать.¹⁴ Я долго стоял¹⁵, ожидая. Иное ярко до мелочи¹⁶ поражало и занимало меня, другое совсем про-

¹ Он оглядел меня с любопытством. *вписано. Рядом заметка, относящаяся к последующему тексту (см. с. 26, примеч. 11).*

² *Было: а. Ступайте! там письмоводитель б. Ступайте! письмоводитель там*

³ *Было: несколько почище*

⁴ *Было: первой комнате.*

⁵ *даже вписано.*

⁶ *мелкими пятнами вписано.*

⁷ *Каллиграфическая пропись на верхнем поле: [Леонтьев]*

⁸ *Вместо: что-то очень ~ стояла — было (частично на (с. 53)):*
одетая даже пышно, скромно стояла

⁹ *в сибирке ~ жилете вписано. Вместо: в черном ~ жилете — было: в черном атласном жилете, соверш(енно засаленном)*

¹⁰ *Вместо: да еще ~ не знаю. — было: [б] не помню дальше.*

¹¹ *Далее было: жадно и беспо(койно)*

¹² *Далее было: и*

¹³ *подождите вписано.*

¹⁴ *Вместо: «Верно, не то» ~ оживать. — было: а. Я ободрился. «Если б что [серьезное] опасное — не так бы они встретили». Я стоял и с жадностью осматривался кругом, но мысли мои были очень рассеяны и ни на чем не могли совокупиться. б. «Что же, это, верно, не то, — пронеслось в моей голове. — Господи!» Мало-помалу [я стал] я ободрился, мысли твердели...*

¹⁵ *Было: слу(шал)*

¹⁶ *Вместо: Иное ярко до мелочи — было: Мелочи иные*

пускал.¹ Письмоводитель возбуждал во мне большое и особенное² внимание. Мне всё хотелось его раскусить — по лицу его что-нибудь угад(ать).³ Это был молодой человек⁴ лет двадцати двух, довольно счастливой наружности, одетый по моде и фатом, с пробором на затылке, расчесанный и распомаженный, с бесчисленными перстнями и кольцами на белых сверкавших⁵ (пальцах)⁶ и золотыми⁷ цепями при часах, развеш(анными) накрест,⁸ и золотом лорнете. Слова два перекинул он с иностранцем по-французски.⁹ Я всеми силами вглядывался в его лицо¹⁰, стараясь определить, что он¹¹ и что у него на уме обо мне.¹² «Нет, он, верно, не про то будет говорить», — подумал я.¹³

— Луиза Ивановна, вы бы сели, — сказал письмоводитель¹⁴ мельком разодетой даме. Я тоже оглянулся на нее. Это была пышная, багрово-красная женщина, с брошкой в медаль величиной.¹⁵

— Ich danke,¹⁶ — сказала она тихо, но с шелковым шумом опускаясь на стул и осматриваясь кругом. Я оборотился и стал ее пристально рассматривать.¹⁷ Светло-голубое платье, с белым кружевным убором, точно воздушный шар распространилось¹⁸ кругом стула и заняло чуть не полкомнаты. Она сидела, очевидно робяя того, что занимает полкомнаты, и хоть и¹⁹ улыбаясь, но в каком-то робком ожидании.²⁰ Только что она повернулась, понесло духами.²¹

¹ Иное ярко ~ пропускал. *вписано.*

² и особенное *вписано.*

³ Мне всё хотелось ~ угад(ать). *вписано.*

⁴ Далее было: одетый

⁵ Было: вымытых

⁶ В автографе описка: кальцах

⁷ золотыми *вписано.*

⁸ развеш(анными) накрест *вписано.*

⁹ Далее было *вписано на полях:* Всё это меня ужасно занимало.

¹⁰ Было: лицо письмоводителя

¹¹ Далее было: и как

¹² Далее было: — Он, кажется, добрый, — подумал я.

¹³ Я всеми силами ~ подумал я. *вписано, большей частью на полях, частично между строками.*

¹⁴ Было: он

¹⁵ Вместо: сказал письмоводитель ~ величиной. — было: сказал он мельком разодетой багрово-красной даме, которая как будто боялась присесть.

¹⁶ Благодарю (нем.).

¹⁷ и осматриваясь ~ рассматривать. *вписано.*

¹⁸ Было: облегло

¹⁹ Вместо: очевидно робяя ~ хоть и — было: жеманясь

²⁰ Далее было (*вписано на полях*): NB «А ну как это ловят меня, — подумалось мне, — виду не показывают, а потом и цап. А что если на квартире теперь уж обыск идет!»

²¹ Она сидела ~ понесло духами. *вписано.*

Траурная дама кончила и начала вставать. Вдруг (с. 54) с некоторым шумом весьма молодцевато и как-то особенно с каждым шагом повертывая плечами взошел офицер, бросил фуражку с кокардой на другой стол и сел в кресло за стол.¹ Пышная дама так и вскочила с места, завидя его, и начала приседать, но офицер не обратил на нее ни малейшего внимания, и она уже не садилась при нем.² Это был поручик, помощник квартального надзирателя. Он искоса и с некоторым негодованием посмотрел на меня. Слишком уж был на мне скверен костюм.³ Да и я сам, должно быть,⁴ был такой взъерошенный, потный, лихорадочный.

— Ты здесь зачем?⁵ — крикнул он, видя, что я не ступаю от его громового взгляда.

Это восклицание отчасти ободрило меня. «Значит, ниче(го) не знают...»⁶

— Потребовали... по повестке... — отвечал я с некоторою дрожью,⁷ и вдруг негодование обхватило меня. Его нахальная фигура как будто оскорбила меня, и я этому теперь сам удивляюсь. Привычка еще н(е ъ)⁸

(—) Это по делу о взыскании с них⁹ денег... с студента, — сказал ему письмоводитель. — Подите сюда, вот! — сказал он мне, подавая тетрадь и указывая место на одной бумаге, — прочтите!¹⁰

— Каких бы денег?¹¹ — подумал я. — Стало быть, совсем-таки не об том.¹¹

— А в котором часу вам велено прибыть?¹² — крикнул поручик, всё еще взъедаясь на меня, потому что, кажется, был

¹ *Вместо:* и как-то ~ за стол. — *было:* взошел офицер, бросил фуражку и сел за стол.

² завидя его ~ при нем. *вписано.*

³ *Вместо:* был на мне скверен костюм. — *было:* было на мне скверное платье(е).

⁴ должно быть *вписано.*

⁵ *Вместо:* — Ты здесь зачем?⁵ — *было:* — а. Тебе здесь чего?⁵ б. Ты здесь чего?⁵ в. Тебе здесь зачем?⁵

⁶ Это восклицание ~ не знают...» *вписано.*

⁷ *Было:* а. дрожью. [Он] Письмоводитель об(ернулся) б. дрожью и негодованием за ты. (Первоначально в варианте «б» было: ты")

⁸ и вдруг ~ еще н(е ъ) *вписано.* Последняя фраза не закончена. Перед Привычка начато вписыванием: С

⁹ с них *вписано.*

¹⁰ прочтите! *вписано.*

¹¹ Каких бы денег?¹¹ ~ не об том. *вписано.*

¹² *Было:* приходить

очень обидчив.¹ — Вам пишут в девять, а теперь уже двенадцатый час! — Очень уж я сего ⟨*и*⟩ не пон⟨имаю⟩ ⟨*и*⟩.²

— Мне прислали всего четверть часа назад, — громко³ отвечал я ему. — И того довольно, что я в лихорадке пришел. Присылали бы сами раньше. Пишете в 9, а приносят в 11.

— Не извольте кричать-с, сударь!⁴

— Это вы кричите, а я ровно говорю.⁵ Извольте знать,⁶ что я студент и не стерплю от вас⁷ невежливости.

Я сам не пони⟨маю⟩, что со мн⟨ой⟩ было. Я, впрочем, никак не мог стерпеть попытку ⟨посягнуть⟩ на мои привилегии и на мое достоин⟨ство⟩, но подозрев⟨ал⟩, что подло бы⟨ло бы *и*⟩.⁸

Поручик до того вспыхнул, что даже затрясся и вскочил с места.

— Извольте ма-а-алчать! Вы в присутствии. Не гррру-бия-нить... суда-а-арь!⁹

— Да и¹⁰ вы в присутствии же, а вот папиросу курите.¹¹ ⟨с. 55⟩¹² Стало быть, всем¹³ нам манкируете, всей публике манкируете, — отвечал я.¹⁴

Письмоводитель, который тоже курил, с улыбкой¹⁵ смотрел на нас. Я же весь так и дрожал от оскорбления.¹⁶ Помощник надзирателя был видимо озадачен.

---

¹ *Вместо:* крикнул ~ обидчив. — *было:* а. крикнул поручик б. крикнул поручик, всё еще взъедаюсь на меня, может быть, именно потому, что я был студент и что мне нельзя говорить ты.

² Очень уж я сего ⟨*и*⟩ не пон⟨имаю⟩ ⟨*и*⟩. *вписано.*

³ *Было:* резко

⁴ *Вместо:* кричать-с, сударь! — *было:* кричать-с!

⁵ *Вместо:* а я ровно говорю. — *было:* а. а не я. б. а я [ровно] тихо говорю.

⁶ *Было:* знать-с

⁷ от вас *вписано.*

⁸ Я сам не понимаю ~ подло бы⟨ло бы *и*⟩. *вписано, не закончено.*

⁹ *Вместо:* Извольте ~ суда-а-арь! — *было:* Извольте малчать! Вы в присутствии. Не гру-бия-нить... сударь!

¹⁰ и *вписано.*

¹¹ *На полях (с. 53) заметка (см. с. 23, примеч. 1):* Папироску курит.

¹² *На полях заметки, относящиеся к последующему тексту (см. с. 27, примеч. 5).*

¹³ *Было:* вы всем

¹⁴ *Вместо:* отвечал я. — *было:* слышите-с. *После:* отвечал я. — *было:* [И сам удивляюсь теперь, как я мог тогда еще в амбицию] войти. *На полях заметка:* Об убийстве.

¹⁵ *Вместо:* Письмоводитель ~ с улыбкой — *было:* Письмоводитель с недоумением и с улыбкой *На полях:* Письмоводитель умнее ⟨*и*⟩ и плутоватый малый

¹⁶ *Вместо:* Я же ~ от оскорбления. — *было:* Я не понимаю, как я мог так разгорячиться.

— Это¹ не ваше дело-с, — прокричал² он, конфузясь, как-то уж неестеств(енно) громко, для прикрытия конфузу.³ — А вот извольте-ка дать отзыв, который с вас требуют.⁴ Покажите ему, Алек(ей) Ива—ч, — крикнул он письмоводителю.⁵ — Жалобы на вас. Денег не платите... Ишь какой вылетел сокол ясный!⁶ (с. 56)⁷

Но я уже не слышал, я с жадностию читал бумагу.⁸ Прочел раз, другой — и не понял.⁹

— Что ж это? — спросил я письмоводителя.¹⁰

— Деньги с вас, по векселю,¹¹ требуют: вы должны или уплатить со всеми издержками, с пенными и проч., или дать отзыв, когда¹² можете уплатить, а вместе с тем и обязательство не выезжать до уплаты из города, и не продавать, и не скрывать своего имущества.

— Да помилуйте, я никакому Бочкарову¹³ не должен.

---

¹ Это *вписано*.

² Было: прогово(рил)

³ прокричал он ~ конфузу. *вписано*. После: громко, — было *начато*: от(ого *и*)

⁴ Вместо: который с вас требуют — было: вот тут-то что скажете.

⁵ Далее было: [Тот] Письмоводитель, опять развернув тетрадь, указал мне рукою место.

Я весь дрожал от негодования. а. Удивляюсь б. Сам удивляюсь теперь, как я мог тогда а. еще в амбицию войти. б. в таком страхе еще в амбицию войти.

На полях заметка: Я дрожал. С удивлением. Старая привычка. Выше, на полях (с. 55) текст: Да, я дрожал в негодовании. И ничто не могло меня так развлечь, я даже забыл всё. Внизу (с. 55) текст: Положим, я всё еще это говорил по старой привычке, еще ничего не поняв. Но все-таки как мог(?) Боже, неужели я думал, что уж могу, что уж имею право вздыхать всею грудью, и что всё уж снято с этой груди, оттого только, что концы были спрятаны.

⁶ Жалобы на вас. ~ сокол ясный! *вписано*.

⁷ Следующий на (с. 56) текст см. ниже на с. 28—29 (после (с. 57)).

⁸ Вместо: Но я уже ~ бумагу — было (на (с. 56 и 57)): а. Однако я прочел б. Однако я прочел бумагу. в. Я взял бумагу и стал читать. б. Я бросил поручика и с жадностию схватил бумагу.

⁹ Прочел ~ не понял. первоначально в круглых скобках, при дальнейшей правке отмененных. Последующий не принятый вариант: Я прочел раз, другой бумагу — и не понял.

¹⁰ Было: Что ж это? — сказал я.

¹¹ Было: С вас, по векселю, деньги требуют

¹² Далее было: у(платите)

¹³ Вместо: я никакому Бочкарову — было: [ве(дь)] я никому *На полях*: Бочкаров.

— Это уж ваше дело. А к нам представлено законное требование по векселю, протестованному, выданному вами¹ вдове коллежской асессорше Зарницыной 9 месяцев тому назад, в семьдесят пять рублей.

— Да ведь она ж моя хозяйка!

— Так что ж, что хозяйка?² — Письмоводитель³ смотрел на меня с снисходительной улыбкою и⁴ сожаления, и вместе с тем некоторого торжества, как на новичка, которого только что начинают обстреливать: «Что, дескать, каково ты теперь себя чувствуешь?»⁵ Но радость и бодрость вливались в мою душу и как будто растекались по всем моим жилам. Вексель не только не тревожил, но даже вряд ли обращал хоть какое-нибудь внимание. «Нет, и какое мне дело до векселя!» — несмотря на то, что он меня так удивлял, думал я.⁶ Я слушал, и понимал, и отвечал машиналь(но:) не тем, не тем полна была голова. И я не солгу, если это была минута, нет, одно только мгновение бесконечного счастья.⁷ Я с наслаждением — дружески — смотрел на письмо-водителя. Точно всё, всё уже, все заботы ушли, и не было ничего, никогда. Это была чисто животная инстинктивная радость спасения. Я вздохнул всюю грудью.⁸ В эту минуту вдруг⁹ гром и молния поразили нас. (с. 57)

Действительно, было нечто вроде грома и молнии.¹⁰

---

¹ *Вместо:* Это уж ~ выданному вами — было: Да ведь вексель-то представлен протестованный, выданный вами

² *Вместо:* Так ~ хозяйка? — было: Так что ж? Она же и требует.

³ *Было:* Писарь

⁴ и *вписано.*

⁵ «Что, дескать, ~ чувствуешь?» *вписано.*

⁶ *Вместо:* Вексель не только ~ думал я. — было *начато:* «Не то, не про то, стало быть, а на вексель наплевать; да и какое мне дело до векселя!»

⁷ Я слушал ~ счастья. *вписано на полях.*

⁸ *Вместо:* Я с наслаждением ~ грудью. — было: И так приятно, так приятно мне вдруг стало толковать с этим добрым письмо-водителем и даже очень [з(а)хотелось], очень захотелось мне вдруг затянуть с ним разговор, подольше, пообстоятельнее, пофамильярнее. Вся душа моя как будто распарилась от счастья и вся размягчилась. [Я] И ни о чем, ровно ни о чем в эту минуту я не заботился. Одна животная малодушная радость спасения обхватила меня.

— Помилуйте, помилуйте, войдите в мое положение, — начал я, [как актер] приготавливаясь от мягкости к красноречивейшему изъяснению... *Вверху страницы записи:* 1. весь распарился 2. Это поручик-порох.

⁹ *Вместо:* В эту минуту вдруг — было: Но

¹⁰ *Далее было:* Но

⟨—⟩ А ты, такая-то и растакая-то тварь, — крикнул вдруг поручик, еще весь потрясенный моею непочтительностью, весь пылая и¹ очевидно срывая сердце и очевидно желая поддержать при людях свою амбицию, уязвленную упреком в папиресе,² — что у тебя там за дебош произош⟨ел⟩³? Опиять позор — а? На всю улицу производиш! Драка, пьянство.⁴ В смирительный захотела? Ведь я тебе говорил, ведь я уж предупреждал тебя растакая-то и растакая-то тв⟨арь⟩, а ты опять.⁵

У меня даже выпала бумага из рук, которую мне совал письмоводитель, и я дико⁶ смотрел на пышную даму, которую так бесцеремонно отделявали.⁷ Помню только, что⁸ мне доставляло⁹ это даже бескон⟨ечное⟩¹⁰ удовольствие.

— Илья Петрович... — начал было письмоводитель заботливо... Но оставил выждать время, потому что запальчивого¹¹ поручика уж нельзя было удержать, разве за руки.¹² Пышную даму¹³ так всю и передернуло сразу,¹⁴ но — странное дело,¹⁵ несмотря на самые ⟨с. 5б⟩ площадные ругательства, вид ее сделался вдруг необыкновенно любезным, уторопленно внимательным, и даже¹⁶ чем площаднее были ругательства, тем обворожительнее и любезнее становилась ее улыбка, обращенная к грозному поручику,¹⁷ точно

---

¹ *Вместо:* — А ты, такая-то ~ пылая и — *было:* — а. А ты, раз-так-то и раз-так-то тебя, — крикнул он вдруг, [б] очевидно срывая далее как в тексте. б. А ты ~ крикнул он вдруг, обращаясь к пышной даме, очевидно срывая далее как в тексте.

² *Вместо:* свою амбицию, уязвленную упреком в папиресе — *было:* а. амбицию б. свою несколько пошатнувшуюся амбицию

³ *В автографе:* произошло

⁴ *Вместо:* Опиять позор ~ пьянство. — *было:* На всю улицу позор, драка, пьянство.

⁵ *Вместо:* растакая-то ~ опять. — *было:* а. так-то и пере-так-то тебя и т. д. б. [сукина дочь] шельма ты этакая, что не спущу, а ты в друго⟨й⟩ раз *На полях заметка:* весь как был набросил⟨ся⟩ все⟨ми⟩ перуна⟨ми⟩ — и также заметки, относящиеся к последующему тексту (см. с. 31, примеч. 13).

⁶ *Было:* а. Как в тексте. б. загадочно и с недоумен⟨ием⟩

⁷ *Далее было начато:* Призна⟨юсь⟩

⁸ только, что *вписано.*

⁹ *Было:* доставило

¹⁰ *Незачеркнутый первый вариант:* некоторое

¹¹ *Было:* вспылывшего

¹² Помню только ~ за руки. *вписано.*

¹³ *Было:* Ее

¹⁴ *Далее было:* Но, приняв необыкновенно любезный и достойный вид

¹⁵ странное дело *вписано.*

¹⁶ даже *вписано.*

¹⁷ *Было:* г-ну поручику. *Далее было начато:* Пыш⟨ная⟩

все эти ругате(льства) достав(и)ли ей как будто какое-то наслажд(ение).¹ Она семенила на месте, и беспрерывно приседала, ожидая, что наконец и ей позволят вернуть свое словцо.

— Никакого шума и драки у меня не было, г-н капитан, — затараторила она вдруг, с немецким акцентом, хотя и бойко говорила по-русски, — и никакого, никакого скандалы!² Они пришли в третьем часу, г. капитан, точно упали откуда, пьяные, г. капитан, я это всё³ расскажу, капитан,⁴ но я не виновата и девицы не виноваты, потому что у меня благородный дом, г-н капитан, и всегда благородное обращение,⁵ и я всегда, всегда⁶ сама не хочу⁷ никакой скандал. А што они были пьяные и потом три бутылки шампанского требовали, а потом один встал, поднял ноги и начал по фортепьяну ногами играть, и это совсем нехорошо в благородном доме, и он весь фортепьян изломаль, и совсем, совсем тут нет никакой манер, и я сказала.⁸ А он сказал, что он так всегда в публике концерт играл, и потом бутылку взял и стал⁹ девицу сзади бутылкой толкать, изо всей силы, а меня по щеке ударил.¹⁰ (с. 58) И тут как я стала дворник звать, и Карль пришель, он взял Карль и глаз подбил, и Генриеты тоже глаз¹¹ подбил, а меня опять по щеке три раза¹² ударил. И это так не деликатно в благородном доме, г-н капитан. И я со слезами кричал,¹³ г. капитан.¹⁴ А он взял окно отворил¹⁵ на канаву и на-

¹ точно все эти ~ наслажд(ение). *вписано.*

² *Вместо:* затараторила она ~ скандал! — *было:* а. *Начато:* Это вам б. начала она улыбаясь, — а был скандал, я это сама говорю в. начала она улыбаясь и чем дальше, тем всё больше и больше входя в одушевление

³ *Далее было:* теперь

⁴ *Было:* г. капитан

⁵ и всегда благородное обращение *вписано.*

⁶ всегда *вписано.*

⁷ *Вместо:* не хочу — *было:* смотрю, чтоб не было

⁸ *Вместо:* встал ~ я сказала. — *было:* сел и начал на фортепьян кулаками играть и это совсем не хорошо, потому что он весь фортепьян изломаль, и совсем это невежливо, и я сказала.

⁹ *Было:* начал

¹⁰ *Вместо:* А он сказал ~ ударил. — *было:* А как я сказала, он вдруг из всей силы меня по щеке ударил, а другой [пьяный] гость взял бутылку и стал девицу бутылкой сзади толкать.

¹¹ *Далее было:* кулаком

¹² три раза *вписано.*

¹³ *Было:* кричал со слезами

¹⁴ *Вместо:* И это так ~ г. капитан. — *было:* И это так неблагородно, г-н капитан, а я ничем не виновата, потому что у меня благородный дом.

¹⁵ *Было:* отворил окно

чаль в окно, как поросенок, визжал¹, и это срам. И как можно в окно на улицу, как поросенок, визжал². И это срам³, фуй! фуй! фуй!⁴ И гостю это нельзя позволять⁵, потому што и я сама, хозяйка⁶, никогда этого не могу⁷ и в моем доме, г. капитан, поросенком в окно еще никогда не визжал. И Карль сзади его за фрак от окна тащиль⁸ и тут, это правда, капитан, ему зейн рок изорваль.⁹ И тогда он кричал¹⁰, чтоб ему пятнадцать целковых штраф платиль.¹¹ И я сама, капитан, ему двенадцать рублей выносиль.¹² И какой же это неблагородный гость, г-н капитан, когда он деньги взял, а на самой середине, в комнате, при всех demuазель скверность сделал. «Я, — говорит, — всегда это люблю сделать и на вас сатир пишу и в газет печатаю, потому я всё в газетах могу на всех сочиняль».¹³

— Из сочинителей, значит.¹⁴

— О¹⁵ г-н капитан, и какой же это неблагородн(ый) гость, капитан, когда в благородном доме,¹⁶ при девицах на самой (с. 59) середине, на полу...

¹ Было: кричал

² Было: кричал в благородном доме

³ Было: срам, срам

⁴ И это срам ~ фуй! *вписано*. *Далее было*: И это какой же гость? Я сама, капитан, хоть и хозяйка

⁵ *Далее было вписано*: И он говорил, что [он без этого] это ему

⁶ хозяйка *вписано*.

⁷ *Вместо*: што и я сама ~ не могу — *было*: г-н офицер, я хоть и хозяйка в доме, что хочу и делал, а

⁸ Было: тащиль от окна

⁹ *Вместо*: капитан, ему зейн рок изорваль. — *было*: что ему фрак разорваль.

¹⁰ Было: закричал

¹¹ *Вместо*: пятнадцать целковых штраф платиль — *было*: пятнадцать рублей за фрак даваль

¹² *Вместо*: выносиль. — *было*: а. за фрак даваль, б. за его Rock [заплатиль] даваль. *Далее было*: а то, говорит, все зеркала расшибу.

¹³ *Вместо*: «Я, — говорит ~ сочиняль». — *было*: Я, говорит, на вас сатир напишу и в газетах печатаю, потому, дескать, я всё в газетах [описываю] могу на всех [написаль] писал... *На полях* (с. 56) *наброски к рассказу Ловизы Ивановны* (см. с. 29. *примеч. 5*): Цугундер, как в высок(ом) слогe. Ну не благор(одный). А у Генриеты глаз подбит.

и третией бутылкой.

Начал кричать поросенком.

И я же ему за сертук 12 зильбер рубель отдал.

Я, говорит, про тебя в газетах напишу. И визжать поросенком. Я этого и сама не делаю, хоть я хозяйка дома.

¹⁴ Было: Сочинитель, значит, литератор.

¹⁵ Было: Да,

¹⁶ Было: заведении

— Ну-ну-ну! завралась. Я те дам благородный дом.¹ Я уж тебе говорил, говорил,² три раза уж тебе говорил. На середине? Ну, старая, так и быть, — сказал он ей мягче.³ — Если же еще хоть один раз у тебя будет скандал, почтеннейшая⁴ Ловиза Ивановна, так я тебя самое на цугундер, как в высоком слогe говоритсЯ.⁵

⟨—⟩ Илья Петрович... — тихо позвал⁶ опять⁷ письмоводитель. Поручик быстро взглянул на него. Письмоводитель слегка кивнул ему⁸ головою.

⟨—⟩ Дело понятн⟨ое⟩.⁹ Так литератор, сочинитель двенадцать целковых за фалду взял!.. Вот они сочинители! (и он метнул на меня грозно-насмешливый взгляд). Третьего дня в трактире тоже¹⁰ история: пообедал, а платить не хочет: не то¹¹ опишу, дескать, вас в сатире.¹² На пароходе тоже на прошлой неделе¹³ почтенное семейство, статско⟨го⟩ советника с женою и дочерью, подлеjšíими словами другой¹⁴ обозвал. Из кондитерской одного вишнеплетя три дня тому назад¹⁵ опять в толчки офицеры велели вытолкать.¹⁶ Вот они — сочинители, литераторы, студенты, глашатаи!¹⁷ Тьфу! А вы что же прежде не изволили появиться,¹⁸ — набросился он на одного¹⁹ как бы мещанина в сибирке²⁰ и в шелковой черной, замазанной жиром²¹ жилетке, [из ⟨нрзб.⟩] — а ты пошла.²² Я те дам благородный дом.²³ На самой середине!..

¹ Вместо: благородный дом — было: благородное заведение

² Далее было: смотри же

³ три раза ~ мягче. вписано.

⁴ почтеннейшая вписано.

⁵ Далее было вписано: Я те дам благородный дом.

⁶ Было начато: про⟨говорил⟩

⁷ опять вписано.

⁸ ему вписано.

⁹ Илья Петрович ~ понятн⟨ое⟩. вписано на полях.

¹⁰ тоже вписано.

¹¹ пообедал ~ не то вписано.

¹² Далее было: Так и выпустили.

¹³ тоже на прошлой неделе вписано. Далее было: другой о⟨бозвал⟩

¹⁴ другой вписано.

¹⁵ три дня тому назад вписано.

¹⁶ Вместо: велели вытолкать. — было: вытолкали.

¹⁷ Вместо: глашатаи! — было: ученый-то народ! Экие философы!

¹⁸ Вместо: А вы что ~ появиться — было: Ты что же, болван, прежде не приходил

¹⁹ Далее было: мужика в

²⁰ Далее было начато: а ты с

²¹ черной, замазанной жиром вписано.

²² Далее было: смотри же!

²³ Вместо: благородный дом — было: середину

Ловиза Ивановна уторопленно,¹ и с лобезностью, и с² достоинством и приседа^я дошла до дверей. Но в дверях наскочила сзади и отт(ого) припрыг(нула) на видного офицера,³ с открытым свежим лицом и⁴ с превосходными (с. 60) смоляными бачеками. Это был сам Никодим Фомич,⁵ кварталный надзиратель. Ловиза Ивановна поспешила присесть чуть не до полу и частыми мелкими шагами, припрыгивая, полетела из присутствия.⁶

— Опять⁷ грохот, опять гром и молнии! смерч, ураган!⁸ — лобезно и по-дружески обратился Никодим Фомич к Александру Ильичу. — Опять растревожили сердце, опять вспыхнул.⁹ Еще с лестницы слышал.

— Да што!¹⁰ и не што, а как-то шта!¹¹ — проговорил Александр Ильич, переходя с какими-то бумагами к своему столу, картинно передергивая плечами — куда шаг, туда и плечо¹² — и видимо жеманясь и рисуясь. — Вот-с, извольте видеть,¹³ господин сочинитель, [ни] — он указал на меня, — то бишь студент, бывший то есть студент¹⁴ — денег не плотит, векселей надавал, квартиру не очищает, беспрерывные на них жалобы¹⁵ и изволил в претензию войти, что я папиросу при нем закурил.¹⁶ Сами п-п-по-одличают,¹⁷ а вот-с, извольте взглянуть на них: вот они в самом своем привлекательном виде.

— Бедность¹⁸ не порок! дружще,¹⁹ ну да уж что, порок, известно!²⁰ Вы чем-нибудь, верно, обиделись и сами не удержали

¹ Было и оставлено незачеркнутым: присела на все стороны

² с вписано.

³ Вместо: наскочила ~ офицера — было: столкнулась с видным офицером

⁴ с открытым свежим лицом и вписано.

⁵ Никодим Фомич вписано.

⁶ Вместо: из присутствия — было: к вы(ходу)

⁷ Было начато: Что

⁸ Вместо: опять гром и молнии! смерч, ураган! — было: громы и молнии, смерч, ураган,

⁹ Вместо: Опять ~ вспыхнул. — было: Опять растревожили, опять вспыхнул?

¹⁰ Было: Да что!

¹¹ и не што, а как-то шта! вписано.

¹² куда шаг, туда и плечо вписано.

¹³ извольте видеть вписано.

¹⁴ то есть студент вписано.

¹⁵ Было: а. Как в тексте. б. Начато: прет(ензии)

¹⁶ Вместо: при нем закурил. — было: курил.

¹⁷ Было: п-п-подличают

¹⁸ Было начато: — Порок

¹⁹ Было: а. Бедность не порок! б. Бедность не порок, дружще
в. Бедность не порок!

²⁰ Вместо: порок, известно! — было: порок, порок!

лись, — продолжал Никодим Фомич, любезно обращаясь ко мне, — но это¹ напрасно. Это благороднейший, наи-благо-р-р-р-роднейший, я вам скажу, человек, человек развития,² но порох, порох! Вспылл,³ вскипел, сгорел — и нет! и всё прошло, и в результате — одно только золото, благородство сердца! Но благороден! благороден!⁴ Его и в полку все звали: поручик-порох!

— И какой еще п-полк был!⁵ — произнес Александр Ильич, весьма довольный, что его приятно пощекотали и похвалили, и усиленно передернув плечами.⁶ Я же⁷ вдруг почувствовал себя в каком-то восторженно-экспансивном⁸ состоянии: настроении сказать им всем что-нибудь очень приятное. (с. 61)⁹

— Да помилуйте, капитан, — начал я, — я готов просить даже у них извинения, если в чем... я...¹⁰ я бедный,¹¹ больной студент, удрученный бедностью (я так и сказал: удрученный). Я бывший студент, потому что теперь не могу содержать себя... Но я получу деньги. У меня мать и сестра в С-й губернии. Мне пришлют. И я¹² всё заплачу. У меня уроки... я найду, и всё заплачу. Хозяйка моя добрая женщина, но она до того озлилась, что я уроки потерял и не плачу уже четвертый месяц, что не дает мне обедать. И не понимаю совершенно, какой это вексель. Теперь она с меня требует по векселю; что ж я ей заплачу?

— Это не наше дело, — заметил было письмоводитель. — Но ведь вы... выдали этот вексель, и, стало быть, обязались платить.¹³

¹ Далее было: всё

² человек развития, вписано на полях.

³ порох! Вспылл вписано.

⁴ Вместо: и всё прошло, и в результате ~ благороден! — было: и всё прошло, и одно только благородное сердце остается. Гусар, гусар, старый гусар!

⁵ Вместо: п-полк был! — было: полк!

⁶ усиленно передернув плечами. вписано.

⁷ Далее было: а. бы(л) б. чувствовал

⁸ Было: восторженном и блаженном

⁹ На полях набросок: Мне ужасно хотелось помириться со всеми ними, и не то чтоб, — одно слово

¹⁰ я готов ~ я... вписано.

¹¹ Далее было: и

¹² Вместо: И я — было: Я заплачу, я

¹³ Вместо: Это не наше ~ платить. — было: а. Но ведь вы... сами же выдали этот вексель, год назад, — [сказал] заметил письмоводитель. б. Но ведь вы... — начал было письм(оводитель)

— Позвольте, это всё так-с, — перебил я поспеш(но),¹ обращаясь не к нему, а к Никодиму Фомичу и стараясь всеми силами² обращаться тоже и к Александру Ильичу, хотя тот³ делал вид, что роется в бумагах и презрительно не обращает на меня внимания, — позвольте вам разъяснить, я живу у ней уже более двух лет с самого приезда из провинции и прежде... ну да, отчего ж мне не признаться в этом...⁴ с самого начала... я... я дал обещание, что женюсь на ее дочери. Я, право, не был влюблен, а так... впрочем, я не утверждаю этим, чтобы кто меня принуждал, я совершенно по своей воле... И тогда (с. 62) хозяйка мне дала много кредиту. Я вел не такую жизнь, я очень был легкомыслен...

— Какие подробности! — фыркнул⁵ Александр Ильич... — Интимности.

— Позвольте,⁶ — перебил я. — Год назад-с⁷ дочь ее умерла от тифа. Я уж говорил, я вовсе не был влюблен, а так, легкомыслен.⁸ Я остался жильцом, как был, и хозяйка, как переехала на теперешнюю квартиру, сказала мне, — и сказала дружески, так сказать, со слезами, — что она совершенно во мне уверена и всё ... но что не захочу ли я дать ей вексель в 75 р. — всего что она сочла⁹ за мной долгу? Позвольте-с.¹⁰ она именно сказала, что как только я дам этот вексель, она опять будет меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, никогда, — это ее собственные слова были, — она не воспользуется этим векселем, покамест я сам не заплачу. Говорила она это со слезами...¹¹ И признаюсь вам, я был тронут и подписал, хотя признаюсь опять, я вовсе, вовсе не был так¹² особенно влюблен в ее дочь, а так, по легкомыслию... и вот теперь, когда я уроки потерял и у

---

¹ *Вместо:* Позвольте, это всё ~ поспешно — было: [Это так, но] Позвольте вам разъяснить, — [сказал] продолжал я

² *Было:* средствами

³ *Далее было:* а. рылся б. хоть и слушал меня, но

⁴ *Было:* в этом? —

⁵ *Вместо:* Какие подробности! — фыркнул — было: Но все эти подробности, — начал было *На полях близкий к третьей (окончательной) редакции текст:* С вас вовсе не спрашивают таких интимных подробностей, мил(остивый) государь (ср. 6, 89, строки 29—30).

⁶ *Было:* а. Позвольте б. Позвольте, позвольте

⁷ *Было:* назад

⁸ Я уж говорил ~ легкомыслен. *вписано.*

⁹ *Было:* считала

¹⁰ *Было:* [По(1 буква нрзб.)] Позвольте, позвольте-с

¹¹ *Было:* со слезами, говорила, что я ей вечно дорог, как жених ее покойницы дочери...

¹² так *вписано.*

меня есть нечего, она, кроме того, что перестала обед давать, потому что я за четыре месяца должен, но даже вексель подала ко взысканию. Каково это! Извините меня, это, это... Что же я теперь скажу?

— Все эти чувствитель(ные) подробно(сти),¹ мил(остивый) (го)сударь,² совершен(но) до нас не касаются, — презрительно прервал Алекс(андр) Ильич, — и вы бы могли их удержать при себе,³ вы должны дать отзыв и⁴ обязательство, а что вы там изволили быть влюблены и все эти трагические места — до этого нам совсем дела нет-с.⁵

— Ну уж ты жестоко... — пробормотал Никодим Фомич, с состраданием взглянув на меня. Впрочем, он тотчас же (с. 63) ушел к столу Александра Ильича, уселся и стал что-то подписывать.

— Пишите же, — сказал мне⁶ письмоводитель.⁷

— Да что же⁸ писать?

— А⁹ я вам¹⁰ продиктую... — Мне показалось, что он говорил со мной¹¹ гораздо небрежнее и презрительнее после моей исповеди.¹²

— Да вы писать не можете, у вас перо из рук валится, — сказал письмоводитель,¹³ глядя на меня с любопытств(ом). — Да вы и в самом деле больны.¹⁴

---

¹ *Вместо:* чувствитель(ные) подробно(сти) — *было:* а. подробности б. интимности

² *Было:* сударь мой

³ *презрительно ~ и вы бы могли их удержать при себе вписано в два приема.*

⁴ *Было:* приготовиться

⁵ *Вместо:* и все эти ~ нет-с. — *было:* а. и проч. — [до] нам до этого дела нет-с. б. и все ваши там несчастья — до этого нам и совсем дела нет.

⁶ *мне вписано.*

⁷ *Далее было:* сядьте и нап(ишите)

⁸ *же вписано.*

⁹ *Было:* Да

¹⁰ *вам вписано.*

¹¹ *со мной вписано.*

¹² *Далее было (вторая фраза вписана):* И мог же я этими глупостями тогда заниматься. Но я так рад, так рад был всему этому унижению; как спасению.

¹³ *Начата вставка:* с

¹⁴ *Вместо:* Да вы и в самом деле больны. — *было:* а. [Да у] У вас жар. б. Да вы и в самом деле очень больны. *На полях позднейший набросок:* Я же не об неудаче и не о подлости ее сожалел. Другое чувство — тоска. Мне показалось, что будь они братья мои, то и тогда бы я уж не мог говорить, рассказывать, и тогда со мной было бы то же самое. (Ср. б, 90, строки 33—44).

— Да... голова кругом, — отвечал я, — говорите.¹

Он стал диктовать обыкновенную подписку — т. е. заплатить не могу, обещаюсь тогда-то,² из города не выеду и имущества ни продавать, ни дарить не буду.

— Да у меня нет имущества.

— Да ведь это только форма.

— Как же, что же, она меня в тюрьму посадит? — спросил я, вода пером.³

— Может, и не посадит, — равнодушно пробормотал письмоводитель, всматриваясь в мою подпись,⁴ — вы как-нибудь помиритесь,⁵ ведь не сейчас...⁶ Еще несколько дней будет.⁷

Но я уже не слушал;⁸ я⁹ бросил перо, положил оба локтя на стол и стиснул руками свою голову. Голова горела.¹⁰ Голова так болела, точно гвоздь мне вбивали в темя, я было хотел встать, но (с. 64) вдруг так и замер на месте. Никодим Фомич с жаром рассказывал, и до меня долетали слова.

— Быть не может... Их должны освободить¹¹ немедленно. Во 1-х, всё противуречит: судите, зачем им дворника звать? Если б они сделали, на себя, что ль, доносить?¹² А Повалищев так тот, прежде чем к старухе заходить, внизу у серебреника

---

¹ *Вместо:* Да... голова кругом ~ говорите. — *было:* а. Голова болит! б. Голова болит и кружится, — сказал я, бросил перо, поставил локти на стол и с(тиснул)

² *Вместо:* заплатить не могу ~ тогда-то — *было:* а. заплатить не могу б. заплатить могу, ну, хоть через год

³ *Вместо:* Как же ~ пером. — *было:* [Что же] Как же, как же мне быть? Научите, ведь она меня в тюрьму посадит.

⁴ *Может* ~ подпись *вписано.*

⁵ *Вместо:* вы как-нибудь помиритесь — *было:* Да вы как-нибудь помиритесь тем временем.

⁶ *Далее было:* — Нельзя ли

⁷ *Было:* пройдет. *Далее было:* — Нельзя ли это задержать подольше?

⁸ Но я уже не слушал *вписано.*

⁹ *Далее было:* [подписался] (нрзб.)

¹⁰ *Вместо:* Голова горела. — *было:*

— а. Что с вами? б. Что, болит? — спросил письмоводитель.

— Голова болит, кружится... Но действительно

¹¹ *Было:* Их освободят

¹² *Далее было (вычеркнуто позднее карандашом):* А второе, студенты их видели у самых ворот с тремя приятелями, как они входили, дворники видели, и у дворников тут же он о жительстве спрашивал, все три приятеля свидетельствуют, что он с ними был, в трактире,

полчаса сидел¹ и ровно без четверти восемь к старухе пошел...²
Теперь сообразите...³

— Но позвольте, как же они говорят, что стучались и дверь заперта, а через три минуты, когда с дворниками пришли, — отперта.

— То-то и есть, что так, именно там он сидел.⁴ Студент оставил Повалищева ждать⁵ у дверей. Если б не ушел Повалищев торопить дворника, так бы они тут и захватили убийцу. А он ушел, и убийца именно в этот-то промежуток и успел и спуститься по лестнице и прошмыгнуть как-нибудь мимо них.⁶

— Да его⁷ никто не видал?

— Да где ж тут увидеть, дом Ноев ковчег, тут сто жильцов живет⁸, — заметил письмоводитель со своего места.⁹ <с. 65>

Я встал, покачулся, с трудом отыскал на полу мою шляпу и¹⁰ пошел к дверям... Дальше ничего не помню.

Когда я очнулся, то увидел, что сижу на стуле, что меня поддерживает¹¹ справа человек¹² в замасленной жилетке, что кто-то стоит с левой¹³ стороны с маленьким желтым стаканом, наполнен(ым) желтой теплой водой¹⁴ в руках и что Никодим Фомич довольно заботливо глядит на меня.¹⁵ Я привстал и покачулся.

¹ См. примеч. 2 на с. 12.

² Вместо: к старухе пошел. — было: ушел.

³ Было: Теперь сообразите, но позвольте (описка).

⁴ Вместо: там он сидел — было (вычерк сделан карандашом): [в это время] там убийца сидел

⁵ Было: стереж

⁶ Вместо: А он ушел ~ мимо них. — было: А он именно в это-то время, как они ушли, и спустился по лестнице и прошмыгнул мимо них.

⁷ Вместо: Да его — было: а. И его б. Да как же его

⁸ Было: ходит

⁹ Далее было: [— Ну да, прошел как-нибудь, прошмыгнул. реплика вписана].

— И не это одно, а вы возьмите то обстоятельство, что по этой же лестнице квартира стояла настежь пустая, работник мазал и не запер, в распивочную а. ушел с тем б. убежал как раз в эту самую секунду, может быть, с подносчиком товарищем, с тем чтоб потом а. запереть. б. воротиться запереть. Именно а. в то время б. в это-то время, как они подымались по лестнице, убийца тут же за дверь в квартире пережидал и потом шмыг — и нет его. Дело ясное! Дело ясное! [Вот куда.]

¹⁰ Далее было: ни жив ни мертв

¹¹ В автографе: поддерживают

¹² Вместо: справа человек — было: один какой-то ч(еловек)

¹³ Было: др(угой)

¹⁴ Было: а. желтым стаканом с водой б. желтым стаканом и с желтой теплой водой

¹⁵ Далее было начато: Александр

— Что это вы, больны? — резко, но с некоторою жалостию спросил Никодим Фомич.

— Да... — отвечал я, озираясь кругом.

— Они и¹ как² подписывались, так едва перо в руках держали, — заметил письмоводитель, усаживаясь на свое место и принимаясь за бумаги.

— А давно³ вы больны? — закричал Александр Ильич,⁴ перебирая⁵, стоя у своего стола, бумаги. Он, вероятно, меня рассматривал, когда я был в обмороке, и отошел, когда я очнулся.

— Со вчерашнего... — пробормотал я.⁶ <с. 66>

— Вчера со двора не выходили? — продолжал Алексан<др> Ильич.

— Выходил.

— А куда, позвольте спросить?

— По улице.

— Гм.

— Он⁷ едва на ногах стоит, а ты... — заметил было Никодим Фомич.

— Ничего... — как-то особенно проговорил Илья Петрович. Никодим Фомич хотел было еще что-то сказать, но, взглянув на писаря, который пристально смотрел на него, замолчал.

Очень всё это странно было. <с. 67>

— Ну-с хорошо-с, — покончил Александр Петрович. — Можете удалиться.⁸

---

¹ Было: и давеча

² Далее было вписано: сам(и)

³ Было: Давно

⁴ Далее было: хлопо<ча>

⁵ Далее было начато: к

⁶ Вместо: Со вчерашнего... — пробормотал я. — было: Вчера... — пробормотал я, — со вчерашнего дня.

⁷ Было: Да он

⁸ Вместо: Вчера со двора не выходили? ~ Можете удалиться. — было:

— А не выходили ль вы вчера вечером со двора?

— Выходил.

— А куда, позвольте спросить?

— Так, по улице. Голова болела.

— Гм. А не знавали ль вы старуху З—ву? — спросил он вдруг, упирая на меня грозно-вопросительный взгляд...

— К чему это?.. — заметил было Никодим Фомич.

— Позвольте, позвольте... Знали иль нет?

— Нет... т. е. не очень. Я три недели назад ей часы заложил, — прибавил я вдруг с какой-то смелостью отчаяния.

— [Часы? у вас были часы?] А какие часы?.. Это мы узнаем. [Сер<ебряные?> Какие часы? и] За сколько?>

Я вышел. Я слышал,¹ как по выходе моем начался вдруг² оживленный разговор,³ в котором слышнее всех был голос Никодима Фомича. Через минуту я сходил уже с⁴ лестницы.⁵ И [я уже] совершенно очнулся.⁶

«Обыск, обыск, сейчас будет обыск, — повторял я, трепеща и леденяя. — Они догадались. Этот подлец помощник Илья Петрович догадался». (с. 68)⁷

— Серебряные за два рубля, — отвечал я, дерзко смотря ему в глаза. — Впрочем, позвольте вас спросить, к чему эти расспросы?

— Да, конечно... Человек на ногах не стоит... — пробормотал опять Никодим Фомич, но, взглянув на писаря, который пристально смотрел на него, замолчал.

— А известно ли вам, что эта старуха, вместе с сестрой своей, вчера ввечеру, около восьми часов вечера была убита... неизвестно кем?

— Нет. (с. 67)

— Нет?

— Нет... [Ничего]

— Ну-с, хорошо-с; ступайте, больше не требуется.

[Я двинулся к двери, хотел было в дверях оборотиться [и начать опять]: «Но позвольте...» Но в эту самую минуту Александр Ильич крикнул мне вслед:

— Так вы ее три недели назад тому видели?

— Да[-с], около трех недель, — отвечал я...

— Хорошо.] — покончил Александр Петрович, мне показалось, как будто в раздумье.

— покончил ~ в раздумье. — *Записано как вставка на верхнем поле (с. 68).*

¹ Было: Я сзади слышал

² вдруг вписано.

³ Было: разговор вполголоса

⁴ Вместо: я сходил уже с — было: я был на

⁵ Далее было: Я уже

⁶ И [я уже] совершенно очнулся. вписано. Далее было: Я понимал, в чем дело.

⁷ Внизу страницы запись: Подлец, подлец и ты, мог так скоро, так подло перескочить от одного чувства к другому, нет, тебе долго жить. *Каллиграфические прописи: 1. Отто (полностью и сокращенно) 2. Видоплясов (дважды)*

«А что, если уж и был обыск, теперь, пока я был в квартале, — думал я, выходя на лестницу. — Что, (если)... их как раз дома теперь застану?»²

Но вот и дом, вот и лестница.³ Вот и моя комната. Ничего не было; даже наверно никто не⁴ заглядывал; всё как было.⁵ Даже Настасья⁶ не притрогивалась. Она, впрочем,⁷ давно уже перестала убирать у меня.⁸ Так и лежала пыль.⁹ Я отдохнул.

«Стало¹⁰, ни вчера, ни сегодня еще¹¹ они подозрений на меня не имели... — усиливался я рассудить.¹² — Этот Александр Ильич,¹³ хоть и сдуру, со злобы, а все-таки зародил в них теперь¹⁴ подозрение,¹⁵ и уж наверно станут присматривать, следить... А может, и посетят. Пожалуй, сейчас. И это очень, очень, очень вероятно. Это даже наверно.¹⁶ Но Боже, Боже мой, как, как я унизил себя. Скорей, скорей спастись, скорей прятать концы. Сейчас, Господи!» Я сел на постель, и вдруг странное ощущение овладело мною.¹⁷ «Куда, куда я дену теперь

¹ *Верху страницы план:* Куда девать. Тоска, по городу. Сошел у Невы. Заглянул в кошелек. Положил под камень. Зашел к приятелю. Переводы. 3 руб. В трактире. Пришел домой. Лег. Шум. Рассказ Настасьи. [Ночью] Это кровь у тебя. Купил сапоги, штаны и фуражку. Газеты. Глубокая радость.

² *Вместо:* пока я был ~ застану?» — *было:* в отсутствие. Что, если... Но нет, а. они бы так не отпустили меня... б. разве они бы так отпустили меня?...

³ *Вместо:* Но вот и дом, вот и лестница. — *было:* Я подходил к дому, я уже входил на лестницу.

⁴ *Было:* и не

⁵ *Вместо:* как было. — *было:* а. Как в тексте. б. оставалось как было.

⁶ *Вместо:* Даже Настасья *было:* Настасья и

⁷ впрочем *вписано.*

⁸ *Было:* мою комнату.

⁹ Так и лежала пыль. *вписано.*

¹⁰ Стало *вписано.*

¹¹ еще *вписано.*

¹² усиливался я рассудить *вписано.*

¹³ *Было:* а. Этот Александр Ильич, б. Даже удивительно, что этот Александр Ильич, в. Но этот Александр Ильич,

¹⁴ теперь *вписано.*

¹⁵ Этот Александр Ильич ~ подозрение *вычеркнуто и восстановлено.*

¹⁶ А может ~ наверно. *вписано.*

¹⁷ *Вместо:* Но Боже, Боже мой ~ овладело мною. — *было:* Но Боже мой

все эти вещи, куда?¹ Ведь их надо непременно перенести, и тотчас же, тотчас же,² не откладывая, покамест еще они не успели начаться... И как я мог всё это так оставить без вним(а)ния». Я чувствовал, что мне нужны теперь все мои мысли, чтоб обсудить мое положение, все силы мои, чтобы спасти себя. А между тем я предчувствовал, что это всё из меня выходило, что я еще намного останусь нем, слаб, безумен и беззащитен. И вот от этого напряжения, хоть, может быть, и неестественно, но во мне возбудилась даже вдруг физическая сила.³ Я бросился в угол, запустил руку под обои и начал вытаскивать все эти вещи и стал нагружать ими карманы. (с. 69)⁴ Всего на всё было, если не ошибаюсь теперь, восемь штук. Я их не разглядывал, а только так помню. Я машинально это запомнил, сосчитав их тогда именно. Были, кажется, две маленькие коробки, это я наверно помню, с чем-то, верно с серьгами какими-нибудь (я не смотрел), потом еще каких-то 4 футляра, одна как будто на ощупь цепочка была просто завернута в газетную бумагу.⁵ Был, кажется, и еще какой-то сверток, а впрочем, кажется, я ошибаюсь, тогда у меня всё это плясало в глазах.⁶ Я поклат всё в разные карманы, чтоб не оттопыривалось. Кошелек же взял и положил в боковой карман пальто. Я помню этот кошелек как сейчас: круглый, зеленый, замшевый, с стальным ободком и с одного боку густо запачканный кровью. Я еще его ни разу не раскрывал, да и не подумал раскрыть и те-

¹ Далее было: Надо

² Далее было: никуда

³ Вместо: Ведь их надо ~ сила. — было: Надо их спрятать, тотчас вынести вон, прежде чем они станут следить, но куда? [Я чувствовал, что [голова] во мне, как будто искусственно, возбудились какие-то силы.] [Я бросился] [По крайней мере] Странно, между тем я чувствовал, что мысли мои как будто прояснили и стали как будто отчетливее. Конечно, потому что [оказалось, меня требовали не за тем] первый страх соскочил, так как в полиции дело обошлось лучше, чем я думал. Одним словом, лихорадочное состояние отходило от меня.

⁴ Внизу страницы запись: в этой дыре? Разум, разум дай, Господи, разум! Каллиграфические прописи: 1. Видоплясов (полностью дважды и сокращенно), 2. [Витали] (полностью и дважды сокращенно), 3. [Основной], 4. Отдал 5. Вот.

⁵ Вместо: Всего на всё ~ газетную бумагу. — было: а. Всего-то было восемь штук. Две крош(ечные) коробки. Два футляра. Одна [цепь] какая-то цепь была просто завернута в газетную бумагу. б. Как в тексте. Далее было вписано: Я еще ни одну из этих вещей и не рассматривал.

⁶ Вместо: Был, кажется ~ в глазах. — было: Был еще и другой такой же сверток.

перь.¹ «Стало быть, и карман в панталонах кровью запачкан», — подумал я.² Затем я поскорей вышел из комнаты, по обыкновению ее³ не запирая, да она и сама не запиралась снаружи, и ключа давно не было.⁴

Я шел скоро и твердо, хоть чувствовал, что (с. 70) ум мой тускнел и силы оставляли меня. Это я впол(не) созн(авал) (и). Стало бы(ть), надо было управиться, пока еще оставалось хоть какое-нибудь рас(суждение и). Я боялся погони, боялся, что через полчаса, через четверть уже выйдет наставление следить за мной, так успеть бы, успеть бы теперь. Надо было успеть схоронить концы до того времени; и хоть чувствовал, что весь изломан, но сознание было при мне. Этот раз я почти не качался и не спотыкался, как давеча.⁵ Дело в том, что я давно уже, еще утром, еще ночью, уже решил все эти вещи бросить куда-нибудь в канаву, или «выброшу я в Неву, — решил я, — или⁶ просто подбросить где-нибудь на чужой лестнице и — и всему конец».⁷

Впрочем, надо было⁸ уйти куда-нибудь подальше. Ну куда же? Несколько раз уже с полчаса, а может быть и более полч(аса), я посматривал на сходы Екатерининского Канала.⁹ Но везде тут же у схода или плоты стояли, где их встр(ечали), или лодьи, да и отовсюду из окон с набережных со всех сторон можно было заметить: подозрительно, что человек остановился¹⁰ и что-то в

---

¹ *Вместо:* Я помню ~ теперь. — *было:* Этот кошелек был круглый, замшевый и с этого боку был густо запачкан кровью. Я этого и не разглядел а. прежде. б. вчера.

² *Далее было:* а. Потом надел шляпу и тотчас же вышел. б. Надев шляпу, я тотчас же, но осторожно, не спеша вышел.

³ *Вместо:* по обыкновению ее — *было:* ничего

⁴ *Далее было:* а. «Уж конечно, они не успели еще распорядиться следить за мной, — думал я, — и я их предупрежу». б. Дворника я не встретил. «Очень может быть, что его уже в квартал потребовали [подумал я.] за инструкциями. Следить-то уж будут, но...» в. «Дворника-то они, уж разумеется, в квартал потребовали», — подумал я, проходя воротами. Его действительно не было. *На полях запись:* «О, дай, дай мне ума на это последнее дело, а там...»

⁵ *Вместо:* Я шел ~ как давеча. — *было:* Я шел быстро и твердо; я чувствовал, что (с. 70) я весь изломан, но сознание было при мне, и хотя я был и слаб, но я не качался и не спотыкался, как давеча.

⁶ *Далее было начато:* подб(росить)

⁷ *Вместо:* Дело в том ~ конец». — *было:* Дело в том, что я еще давно, еще утром решился. «Брошу все вещи куда-нибудь в канаву или в Неву, — подумал я, — и — конец».

⁸ *Вместо:* Впрочем, надо было — *было:* Я старался

⁹ *Вместо:* Несколько раз ~ Канала. — *было:* Несколько раз я посматривал на сходы к Каналу.

¹⁰ *Было:* стал

воду бросает. Нет, в канал бросить нельзя. Тем более что все прохожие так смотрят, так любопытно смотрят на меня, как будто им и дело только до одного меня. Наконец-то я догадал(ся), что лучше идти на Неву, там людей меньше, но заметил и удивился при этом: как это я целых полчаса бродил, знал даже, что надо подалее идти, а не выдумал и не решил идти на Неву, так дол(го) и не мог этого выд(умать). Туго у меня всё шло в голове. Я пошел по В(ознесенско)му проспекту. Но дорогою пришла мне в голову вдруг и другая мысль.¹

Мелькнула у меня вдруг² мысль уйти куда-нибудь очень далеко,³ куда-нибудь на Крестовский или Петровский остров, и там в уединенном месте в лесу⁴ зарыть всё это под деревом и дерево заметить.⁵ Соображая и обдумывая,⁶ сколько мог, т. е. собирая неестественные усилия, чтобы вывести хоть какое-нибудь заключение,⁷ я нашел мысль эту очень хорошею⁸ и прямо отправился⁹ по направлению к Васильевскому Острову, и не рассчитывая, что, может быть, от слабости и голодный со вчерашнего дня,¹⁰ не дойду туда. И когда я уже прошел с четверть версты, то сам себе сказал: «Это и хорошо, что уйду далеко, а то бы я всё по канаве около наших мест таскался, и они бы меня непременно выследили».¹¹

Но на Крестовский мне было не суждено попасть,¹² да и наверно бы я не дошел. А случилось вот что: выходя с Возн(есенского) проспекта на Маринскую площадь, я (с. 71) вдруг уви-

---

¹ *Вместо:* Но везде ~ другая мысль. — *было:* Но внизу или плоты стояли, или лодки, да и напротив, шагах в пятидесяти, набережные со всех сторон можно видеть. Нет, в канал бросить нельзя.

² *вдруг вписано.*

³ *Было:* подалее

⁴ *Вместо:* там ~ в лесу — *было:* в уединенном месте

⁵ и дерево заметить *вписано.*

⁶ *Далее было:* эту

⁷ сколько мог ~ заключение *вписано.*

⁸ *Вместо:* я нашел мысль эту очень хорошею — *было:* я нашел, что мысль эта очень хороша

⁹ *Далее было:* на

¹⁰ и голодный со вчерашнего дня *вписано.*

¹¹ *Вместо:* и они бы меня непременно выследили» — *было:* меня бы и заприметили». *На полях было вписано:* Впрочем, очень может быть, что у меня в ту минуту была очень дикая наружность, а лицо, искаженное болезнью и... и всем, — даже пугало. А может быть, и то, впрочем, что мне уж очень много казалось. Мне именно в тот день чрезвычайно много казалось таких вещей, которых никогда не было. Но продолжаю:

¹² *Было:* идти

дел налево вход во двор, обставленный совершенно глухими стенами. На дворе стояли в углублении какие-то сараи и были сложены бревна.¹ Еще далее в углублении стояла черная низкая старая² деревянная постройка, очевидно, для мастеровых; это был(а) часть како(го)-то заведени(я), каретно(го) или слесарно(го),³ — не знаю.⁴ Туда в углублении много чернелось на нечистом дворе привез(енного)⁵ угля, и всё кругом⁶ было загрязнено и зачернено углем. — «Вот бы куда всё подбросить, — мелькнуло у меня в голове; — подбросить, да и был таков». В таких мыслях я вошел во двор и тут же сейчас, пройдя в черные досчатые ворота, растворенные настежь на улицу,⁷ я увидел на дворе слева⁸ деревянный забор, который начинался⁹ от самых ворот и шел дальше шагов на двадцать и потом уже делал перелом влево.¹⁰ Справа же, сейчас от ворот, тянулась глухая задняя небеленая¹¹ стена соседнего четырехэтажного дома. У забора же, только что пройти ворота, прилажен был деревянный желоб (как и везде в тех домах, где много фабричных, извозчиков, артельных), и, как бывает во всех подобных местах, тут же над желобом на заборе было, как следует, написано кем-то мелом: «Сдесь становитца воз прещено». ¹² (с. 72)

Несмотря на то, это именно такое место и было; но так всегда уж делается.¹³ Стало быть, уж и¹⁴ тем хорошо, что никакого подозрения, что зашел и остановился у желоба.¹⁵

¹ Было: дрова

² Вместо: стояла черная низкая старая — было: была какая-то

³ Вместо: была часть ~ слесарно(го) — было: было какое-то заведение, каретное или слесарное

⁴ Далее было начато вписыванием: За

⁵ привез(енного) вписано.

⁶ кругом вписано.

⁷ на улицу вписано.

⁸ Вместо: увидел на дворе слева — было начато: заметил у самых

⁹ Далее было вписано: почти

¹⁰ Было: налево

¹¹ [кирпич(ная)] небеленая вписано.

¹² Вместо: У забора ~ воз прещено». — было: У забора [сейчас у ворот], только что пройти ворота а. прилажена была, б. прилажен был желоб (как и везде, где много фабричных, извозчиков, артельных), и, как следует, тотчас же над желобом на заборе было написано мелом: «Сдесь останавливаться воз прещено». На полях слева от текста: Прилаженн(ый љ)

¹³ но так всегда уж делается. вписано.

¹⁴ и вписано.

¹⁵ у желоба вписано.

Я огляделся — никого.¹ Да, именно!² тут всё, всё, так разом и сбросить в кучу и уйти.

Огляделся я еще раз и уже руку³ в карман, как вдруг у самой стены между воротами и желобом (где всё расстояние было шириною аршина в два) увидал большой камень, примерно, может быть, в пуд весу. За этой прилежавшей прямо к наружной (уличной каменной стене)⁴ стеной была улица, тротуар, и слышно было, как шныряли прохожие, которых здесь всегда множества, но тут меня никто не мог из них⁵ увидеть, разве зашел бы кто к желобу, что очень могло случиться, и потому надо было спешить.⁶ Со двора тоже никто не показывался. Дело минуты! Я схватился⁷ за камень и без большого труда перевернул его⁸ — под ним, как и следовало, я увидел углубление, которое выдавил камень под собою.⁹ Быстро бросился я¹⁰ вынимать всё, всё из кармана, бросая в углубление. Кошелек пришелся на самый верх, но, разумеется, углубление и до половины не наполнилось. Затем я приподнял камень, одним оборотом перевернул его на прежнюю сторону, и он как раз лег точно так же, как лежал прежде, разве немножко чуть-чуть казался повыше. Я успел придавить два раза ногою: сам вдавится и слежится, мелькнуло во мне. Затем я вышел из ворот и направился по Марьинской площади. Никто, никто меня не заметил! <с. 73>

Глубокая радость овладела мною. — Довольно! все концы схоронены. И кому, кому в голову может прийти искать под этим камнем. И кому в голову придет сворачивать камень¹¹? Он, может быть, тут двадцать лет лежит, пятьдесят лет лежит.¹² Я до того был рад, что даже засмеялся. Да и найдут, так что же возьмут? Кто на меня подумает?¹³ И я даже засмеялся тихо и радостно

¹ Было: Я огляделся; никого.

² именно! вписано.

³ Вместо: Огляделся ~ руку — было: Я уже и руку

⁴ этой ~ стене) вписано.

⁵ из них вписано.

⁶ что очень ~ спешить вписано.

⁷ Вместо: Я схватился — было: подумал я, и схватился

⁸ Вместо: и без большого труда перевернул его — было: а. Начато: и б. Я без труда отвалил его в. и без труда вывернул его г. и с трудом отвалил его

⁹ Вместо: — под ним ~ под собою. — было: — под ним, как следует, образовалось углубление, которое естественно выдавил под собою камень.

¹⁰ Вместо: бросился я — было: огляделся я кругом и бросился

¹¹ Было: его

¹² пятьдесят лет лежит вписано.

¹³ Я до того ~ подумает? вписано.

при этой мысли.¹ Право, мне помнится, что я как будто и засмеялся. Да, я помню, что я смеялся, проходя по площади.² Всею грудью дохнул я свежего воздуха.³ Было знойно и пыльно, и так было душно. Грудь у меня болела. Я пошел потом по Сенатской площади.⁴ Тут всегда бывает⁵ ветер, особенно около памятника. Грустное и тяжелое место. Отчего на всем свете я никогда ничего не находил тоскливее и тяжелее вида этой огромной площади? Теперь же я странно глядел на нее; я был рассеян и скоро совсем оступел.⁶ Я очнулся на Николаевском мосту⁷ и тут только⁸ дал себе ясный отчет, что иду к Разумихину, бывшему товарищу, тоже выключенному, как и я, к которому я еще неделю тому назад положил сходить по одному очень нужному делу, а теперь, когда я положил кошелек под камень, оно стало еще нужнее.⁹ Любопытно очень, для чего я пошел к нему:¹⁰ я выдумал зайти¹¹ к нему, когда, полчаса назад, положил было¹² на Крестовский пойти. (с. 74)

Для чего же к Разумихину? А для того,¹³ что если потом будут изобличать, уличать и расспрашивать: куда и зачем так

¹ *Вместо:* И я даже ~ мысли. — *было:* И я чуть не засмеялся при этой мысли.

² *Право, мне ~ площади. вписано.*

³ *Было:* О Боже мой! Я всею грудью дохнул свежего воздуха.

⁴ *Вместо:* Право, мне помнится ~ по Сенатской площади. — *было:* а. Полная, полнейшая теперь безопасность! Я прошел мимо Исакиевского собора и пошел по Сенатской площади. б. Полная, полнейшая безопасность! Я прошел мимо Исакиевского собора и проходя машинально перекрестился. Я пошел потом по Сенатской площади. в. Полная, полнейшая безопасность! Проходя мимо Исакиевского собора, я машинально перекрестился. Я пошел потом по Сенатской площади. г. Право, мне помнится, что я как будто и засмеялся. О [Боже мой]. Я всею грудью вдохнул свежего воздуха. Но через [минуту [меня] мне начало так теснить грудь, что я не знал]

⁵ *бывает вписано.*

⁶ *Вместо:* Теперь же ~ оступел. — *было:* а. Не помню, как она тогда на меня подействовала; я был рассеян. Радость прошла, и я чувствовал, что мысли мои расходились, разбегались, что прицепиться не на что. б. Впрочем, тогда я на нее и не глядел, я был рассеян. Радость ~ не на что.

⁷ *На полях:* Я шел дальше и дальше, всё к Васильевск(ому). На Никол(аевском) мосту. [На Адми] Расположен ли дух, или что, но на Адмиралт(ейском)

⁸ *Вместо:* тут только — *было:* вдруг спро(сил)

⁹ *к которому ~ нужнее вписано.*

¹⁰ *Далее было:* а. так что я сам б. Мне не Разумихина, собственно, надо было

¹¹ *Было:* идти

¹² *было вписано.*

¹³ *Вместо:* Для чего же к Разумихину? А для того, — *было (на (с. 74)):* Это для того

понадобилось¹ уходить на весь день² из квартиры, когда видели все, что ты болен и что с тобой обморок? — так вот и сказать: есть уж очень³ хотел, к товарищу зашел денег попросить,⁴ а товарищ живет далеко⁵ на Васильевском, на Малой Неве, и, разумеется, товарищ потом окажется свидетелем, что действительно приходил просить денег, стало быть, ничего подозрительного тут нет в моем долгом отсутствии.

Как это я мог тогда придумать в моем положении, просто не понимаю,⁶ тем более что я тогда положительно не мог рассуждать ни о чем, потому что память, рассудок и силы совершенно, совершенно оставляли меня и только по временам, минутами, я мог рассуждать. Я даже и не заметил, как я это придумал.

Так, например, я совершенно не заметил, что прошел всю бесконечную первую линию⁷ до самой Малой Невы, и даже усталости не почувствовал от такого перехода, что бывает всегда, когда человек уж слишком, через меру устанет⁸ и истощится. (с. 75)⁹

Когда же я поднялся к Разумихину в 4-й этаж, произошло во мне весьма странное обстоятельство, которое я не умею хорошо рассказать словами.¹⁰

---

¹ *Вместо:* и зачем так понадобилось — *было:* так надобно

² на весь день *вписано.*

³ уж очень *вписано.*

⁴ *Было:* просить

⁵ далеко *вписано.*

⁶ *Было:* недоумеваю

⁷ *Над словами:* бесконечную первую линию — *вписано (не вычеркнуто):* и скучный путь

⁸ *Вместо:* когда человек уж слишком, через меру устанет — *было:* когда [чрез(мерно)] человек чрезмерно у(станет)

⁹ *На полях карандашные записи, относящиеся к последующему тексту (см. с. 54, примеч. 11; с. 55, примеч. 11 и с. 56, примеч. 1).*

¹⁰ *Вместо:* Как это я мог ~ словами. — *было:* Но всего любопытнее, что всё это безо всяких рассуждений и силлогизмов в голове родилось, [а так вдруг, и] так вдруг всё само собой, а все эти поводы и рассуждения, для чего и как иду, сообразил я только теперь на Николаевском мосте. Выдумал я, стало быть, всё это прежде всего по инстинкту и подивился тут я сам себе: [как тягуче и] кажется, уж и разум мешается, и способности, и силы последние человека оставляют, а инстинкт самосохранения живет, и работает, хитрость пойти к Разумихину, и [проявляется] может явиться почти безотчетно в виде какой-то животной, звериной хитрости. Так, зверь, вероятно, хлопчет, когда его травят и целая свора бегит за ним.

Впрочем, это я только теперь и на Николаевском мосту так только подумал и сообразил, что иду к Разумихину. Затем, перейдя всю первую

Разумихин был дома в своей каморке и¹ сам мне отпер. Он занимался, писал. Мы с ним были не то чтоб большие приятели, а так — товарищи прежние, довольно хорошие, впрочем.² Теперь я его уж месяцев пять не видал. [Я] Решившись идти к нему, я и не подумал совсем о том, что с ним, стало быть, сейчас лицом к лицу сойдуся, а это совсем другое, чем только думать про себя, что сойдуся.³ Одним словом не могу выразить⁴ этого ощущения, но мне показалось, что мне совсем не следовало⁵ приходиться.⁶ Омерзительно, что я пришел, и вдруг до невероятности ясно сделалось, что мне совсем нечего с ним говорить.⁷ Т. е. я и не подумал о том, и что, если есть что для меня теперь на свете именно тяжелого и невозможного, так это разговаривать и обходиться с другими людьми, как прежде.⁸ Не умею одним словом я выразиться о том, что именно я тогда почувствовал, но знаю. И только что я вошел, я вдруг в 1-й раз всё это и почувствовал.⁹ И сознание все(го) этого было мгновением¹⁰ самой тяжелой тоски моей, за весь, может быть, последний месяц, в который я так много таких бесконечных мук прошел.

Разумихин был всё тот же: добрый, высокий, худой, небритый, черноволосый и с черными, большими, как ложки, глазами, и беско(рыстный), простоват(ый), добр(ый) челов(ек), и все-

---

линию и от чрезмерной слабости почти не почувствовав такого перехода, поднялся к Разумихину в четвертый (с. 75) этаж. Тут произошло было со мной весьма странное обстоятельство, которое я не умею рассказать словами.

¹ и вписано.

² довольно хорошие, впрочем вписано.

³ Вместо: совсем ~ сойдуся. — было: а. о том, как с ним встречусь б. о том, что с ним сойдуся и буду говорить: далее следовало как ниже в тексте (Т. е. я и не подумал о том) и в примеч. 8 ниже (что мне не об чем и т. д.).

⁴ Вместо: не могу выразить — было: не понимаю

⁵ Далее было: сюда

⁶ Далее было: и что хоть дело было нужное, но что в то же время у меня никаких уже не [должно] может быть дел

⁷ Одним словом ~ говорить. вписано между строками и на полях. По тексту запись: Как можно короче.

⁸ Вместо: и что, если ~ как прежде. — было: что мне не об чем говорить с ним, что мне почему-то и быть-то с ним вместе [нельзя] нечего и что, если есть что для меня на свете тяжелого, так это разговаривать и обходиться с другими а. как прежде... б. людьми.

⁹ вместо: я вдруг в 1-й раз всё это и почувствовал. — было: мне показалось это даже совсем невозможным.

¹⁰ Вместо: И сознание все(го) это было мгновением — было: И это было мгновение

г⟨да⟩ вес⟨е⟩л ⟨;⟩.¹ Он был не глуп, иногда буянил и слыл за силача. Однажды ночью, в компании,² он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков 12 росту. Разумихин был еще тем замечателен, что мог неизвестно поскольку³ времени совсем не есть и терпеть необыкновенный холод как ни в чем не бывало. Однажды он целую зиму совсем не топил свою комнату и говорил, что так даже лучше спится.⁴

— Что ты, NB,⁵ — вскричал он, в изумлении смотря на всего меня.⁶ — Неужели уж так плохо?⁷ — Он рассматривал мой костюм. — Ну, брат, да ты всех нас перещеголял.⁸ — Разумихин был одет только что не в лохмотьях, но все-таки лучше меня.⁹ — Садись,¹⁰ — и, когда я повалился на его клеенчатый диван, который был еще моего сквернее¹¹ ⟨с. 76⟩, он тут только разглядел, что я болен.

— Да ты весь болен, и серьезно. — Он стал щупать мой пульс. Я вырвал руку.

— Не надо, — сказал я, — я пришел...¹² Вот что: у меня уроков никаких... Я хотел было. Впрочем, мне не надо теперь¹³ уроков. Не хочу.

— А так, брат, знаешь ли что, ты ведь бредишь, — сказал он, помолчав.¹⁴

Я смотрел на него, и мне даже странно было самому: зачем я пришел.¹⁵

— Нет. Прощай! — Я встал с дивана.¹⁶

---

¹ и беско⟨рыстный⟩ ~ вес⟨е⟩л ⟨;⟩. — приписано поверх текста.

² ночью, в компании вписано.

³ Было: сколько

⁴ Разумихин был ~ спится. вписано на полях.

⁵ Вместо NB был прочерк.

⁶ Вместо: он, в изумлении смотря на всего меня — было: Разумихин, увидав меня

⁷ Далее было: приб⟨авил⟩

⁸ Вместо: да ты всех нас перещеголял. — было: ты нас перещеголял.

⁹ Разумихин ~ меня. вписано.

¹⁰ Было: Садись, садись

¹¹ Было: сквернее моего

¹² См. ниже (с. 51, примеч. 1) позднейшую вставку в диалог.

¹³ теперь вписано.

¹⁴ Вместо: — А так, брат, знаешь ли что, ты ведь бредишь, — сказал он, помолчав. — было: а. Он помолч⟨ал⟩. б. — Ты, кажется, бредишь, — сказал он, помолчав.

¹⁵ Я смотрел ~ пришел. вписано на полях.

¹⁶ Вместо: Я встал с дивана. — было: Надо домой. Я взял шляпу и встал с дивана.

— Да ты постой, постой! чудак!

— Не надо, — повторил я, вырывая руку.¹

— Да ты слушай: по мне ведь как хошь! (всегда говорил с сокращением).² Ты говоришь, что я глуп. Ей Богу, брат, есть глупее.³ Вот что: уроков и у меня нет, да и наплевать,⁴ а есть на Толкучем книгопродавец Херувимов, это уж получше уроков, да и сам он в своем роде урок.⁵ Он этикие изданияца делает и теперь естественнонаучные книжонки пускает.⁶ Вот тут два листа немецкого текста и самого глупейшего шарлатанства при этом, одним словом, рассматривается, человек ли женщина или нет, и торжественно доказывается, что она человек.⁷ Я перевожу;⁸ растянет он эти два листа на шесть листов, издаст под пышным заглавием в полстраницы, а продавать будет по полтиннику, ну и сойдет.⁹ За перевод мне по 6 р. с листа, значит, всего 12,¹⁰ и шесть рублей я взял вперед. Переведу это, и еще будут переводы; об китах что-то там, и пара еще,¹¹ неутомим. Хочешь второй лист человек ли женщина или нет¹² переводить? Коли хочешь,

---

¹ *Вместо:* Не надо ~ руку. — *было:* Не надо, не надо, — говорил я, вырываясь. *Между строками и на полях вписан набросок к тексту, имеющемуся во второй и третьей (окончательной) редакциях (см. б. 97, строки 30—35 и 7, 156):*

— Я к тебе пришел потому, что, кроме тебя, ни одного не знаю... Кто бы помог начать... Ты всех проще и всех добрее — теперь чтоб начать. Но теперь я вижу, что мне нельзя уроков. Ну и не надо. Прощай. Не надо!

— Да так, брат, не делают. Я за честь вступлюсь.

— Слуш(ай), Разум(ихин)!

На полях (с. 79) набросок: Ты простоватее всех, я подлец, я другой раз приду...

— Послушай, знаешь что, ты, может, дня три не ел, ты не скрывайся.

² *Вместо:* хошь! (всегда говорил с сокращением) — *было:* хочешь

³ Ты говоришь ~ глупее. *вписано на полях.*

⁴ *Далее было:* а. на них б. на уроки, а [но]

⁵ *Вместо:* Херувимов ~ урок. — *было:* Зайчиков [и] он спекулирует.

⁶ *Было:* издает. Вот д(ва)

⁷ одним словом ~ человек. *вписано.*

⁸ *Вместо:* Я перевожу — *было начато:* [Так] Но он это рас(тянет)

⁹ *Было:* и сойдет. *На полях запись:* Но это по части женского вопроса, и, пожалуй, сойдет.

¹⁰ значит, всего 12 *вписано.*

¹¹ *Вместо:* об китах что-то там, и пара еще — *было:* а. *Начато:* [потом] он б. что-то об китах он готовит —

¹² человек ли женщина или нет *вписано.*

так возьми сейчас, и возьми три рубля, так как я за весь перевод вперед взял, а стало быть, это прямо приходится (с. 77)¹ на твой пай. Да к тому же ты даже меня одолжишь.² Потому работ(а) по пу(нрзб.). Я ведь и орфографию плохо знаю, а в немецком ни бельмеса, и всё больше от себя сочиняю, ей Богу!³ Это, пожалуй,⁴ кажется, и лучше. Книга выигрывает, ей Богу. Ну хошь иль нет?⁵

Я молча взял⁶ немецк(ие) листики статьи,⁷ выданные из какого-нибудь лексикона,⁸ взял три рубля и, н(е)⁹ говоря ни слова, вышел, но, дойдя до первой линии, воротился, поднялся опять¹⁰ к Разумихину и положил опять к нему на стол и немецкие листы, и три рубля и пошел молча¹¹ вон.

— Да у тебя белая горячка, что ли? — закричал остолбенелый Разумихин. — Зачем же ты приходил после это(го)?¹²

— Не надо... переводов... — проговорил¹³ я, уже спускаясь с лестницы.

— Эй! В... Так чего же тебе надо, черт?¹⁴ Где ты живешь? — закричал он мне вниз. Но я ничего не отвечал и пошел той же дорогой домой.

— Ну черт с тобой! — пронеслось с лестницы.¹⁵

На Николаевском мосту я¹⁶ очнулся,¹⁷ и вот как это было: меня плотно охлестнул кнутом по спине кучер одной коляс-

---

¹ Вверху страницы карандашная запись (ср. с. 47, примеч. 4): Смешная мысль: Жалко мне, что ли, стало, что я уже более не буду рассуждать о петербургских видах. Невинным мыслям

² Вместо: меня одолжишь — было: мне и поможешь

³ Вместо: и всё больше ~ ей Богу! — было: Право — я думаю, тут много от себя сочинил.

⁴ Было: впрочем

⁵ Я ведь и орфографию ~ иль нет? вписано на полях.

⁶ Над строкою вписано и не зачеркнуто: Но вторые поллиста

⁷ немецк(ие) листики статьи вписано.

⁸ Было: специ(ального) журнала

⁹ В автографе: ни

¹⁰ Было: опять поднялся

¹¹ молча вписано.

¹² Вместо: Зачем же ты приходил? — было: Вышел — ни слова не сказал, [пр(и)шел] (<и>) а теперь отдает назад и уходит.

¹³ Было: ответил

¹⁴ Вместо: — Эй ~ черт? — было: а. Послушай, б. Это

¹⁵ Ну черт ~ с лестницы. вписано.

¹⁶ Далее было: опять было

¹⁷ Между строками незаконченный вариант: Я шел, вероятно, очень задумчиво, потому что очнулся на Никола(евском) м(осту), да и то пото(му), чт(о)

ки,¹ за то что я чуть-чуть не попал под самые ноги лошадей, несмотря на то, что он мне, кажется, много² раз кричал. Удар кнута так разозлил меня, что я, отскочив к перилам, злобно заскрежетал и защелкал³ зубами.⁴ Кругом, разумеется, смех.⁵ (с. 78)⁶

Но в это самое мгновение, когда я стоял у перил⁷ и бессмысленно смотрел вслед коляски, вдруг слышу, что кто-то сует мне в руки⁸ деньги:⁹ «Прими, батюшка, Христа ради». Смотрю: купчиха¹⁰ (наверно купчиха), пожилая, и с ней дочка.¹¹ Я взял, и они прошли мимо. По костюму они очень могли принять меня за нищего,¹² за настоящего собирателя грошей на улице, а подаче целого двугривенного я, наверно, обязан был удару кнута, который их на мой счет разжалобил.

Я зажал двугривенный в руки,¹³ прошел шагов двенадцать и, помню,¹⁴ оборотился к Неве, по направлению Дворца.¹⁵ День был знойный, ясный,¹⁶ небо чистое и вода почти голубая, что так на Неве редко.¹⁷ Купол собора, который ни с какой точки¹⁸ не

¹ одной коляски *вписано*.

² *Незачеркнутый вписанный вариант*: несколько

³ и защелкал *вписано*.

⁴ *Далее было*: Но как только я сознал, в чем дело [мне тотчас же пришло на мысль, что [гораздо бы лучше], может, и хорошо бы, если б меня раздавила совсем коляска], то злоба во мне тотчас же исчезла. Мне показалось, что уж нечего теперь об этом заботиться. *На полях набросок карандашом*: Что он меня охлестнул кнутом, мне помогло очнуться от забытья, которое поминутно на меня находило, но только что я очнулся, тотчас же злость прошла, и я даже как будто удивился, как это я мог озлиться, потому что дело было совсем не в том.

⁵ Кругом ~ смех. *вписано*. *Рядом незачеркнутый вариант*: дик<ий> хохот, разумеется

⁶ *На полях вписан набросок, относящийся к последующему тексту* (см. с. 56, примеч. 4).

⁷ *Вместо*: Но в это ~ у перил — было: а. В это мгновение б. Я стоял у перил и вдруг

⁸ *Вместо*: в руки было: вдруг

⁹ *Далее было начато*: Я огл<янулся>

¹⁰ *Далее было начато*: пож<илая>

¹¹ *Было*: дочь

¹² *Далее было*: и может быть

¹³ в руки *вписано*.

¹⁴ помню *вписано*.

¹⁵ по направлению Дворца *вписано*. *Поперек строк вписано*: Дойдя до того места, где стоял давеча, вдруг остановился опять, не знаю для чего.

¹⁶ *Было*: жаркий

¹⁷ *Было*: редко на Неве.

¹⁸ *Было*: точки зрения

может выглядывать лучше, как именно отсюда, с моста,¹ в нескольких шагах от Николаевской часовни, так и сиял — и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже² каждое малейшее³ его украшение.⁴ Вспомнилось мне вдру⟨г⟩, мельк⟨нуло⟩, что⁵ когда я ходил в Университет, то⁶ обыкновенно, возвращаясь домой, случалось мне,⁷ может быть, несколько сот раз пристально оглядывать всю эту, действительно великолепную, панораму; и даже взял в привычку останавливаться минуты на две на мосту,⁸ именно у этого места.⁹ И что же!¹⁰

Есть в нем одно свойство, ⟨с. 79⟩¹¹ которое всё уничтожает, всё мертвит,¹² всё обращает в нуль, и это свойство — полнейшая

---

¹ с моста *вписано*. Далее было: с точки, взятой

² Было: почти

³ малейшее *вписано*.

⁴ *Ниже по тексту запись:* как ⟨i⟩ только боль от кнута прошла, я слов⟨но i⟩

⁵ Вспомнилось ~ что *вписано*.

⁶ Далее начато: ког⟨да⟩

⁷ *Вместо:* домой, случалось мне — было: из Университета

⁸ на мосту *вписано*.

⁹ *Между строками близкий к тексту второй редакции вариант (см. ниже, с. 159):* Я даже любил здесь останавливаться, дивясь каждый раз своему впечатлению.

¹⁰ *Далее было:* а. Я рассм⟨атривал⟩ б. [He] В самые лучшие моменты, когда небо чисто и ясно, и в самое невыгодное для панорамы время, когда хмуро, грустно и дождливо, каждый раз одно и то же впечатление, само собою, безо всяких усилий, выработывалось во мне, а именно: что, несмотря на всё это беспримерное великолепье и удивительную реку, весь этот вид — ничего не стоит.

¹¹ *На полях и между строками ⟨с. 79⟩ вписан набросок, относящийся к последующему тексту (см. с. 56, примеч. 4). На полях и между строками набросок текста, вошедшего во вторую и третью (окончательную) редакции (см. 7, 153 и 6, 95, строки 38—44):* Давеча с поручиком. Какая низость! И я, я ввязался в амбицию, в спор, в крик. Положим, это старая привычка, но потом, потом, — это потом от радости, от низости. — Нет, не стоит жить, если сознавать себя таки⟨м⟩ низким. А как⟨им ?⟩ буду я теперь сознать себя. Положим, у меня всё было решено. С ним связана карандашная заметка на ⟨с. 75⟩: Как подло я давеча говорил. Всё равно. *На полях также записи, относящиеся к последующему тексту (см. с. 56, примеч. 1). На полях записи:* 1. Живое, хоть и умершее теперь, но в камнях говорящее и рассказывающее: [но] и камни возопиют 2. За дело, не губи ⟨i⟩. Выжиг⟨а⟩ вер⟨но⟩ как⟨ая⟩-нибудь. Вот из-за таких ⟨нрзб.⟩ несчастны⟨х i⟩ ⟨нрзб.⟩

¹² всё мертвит *вписано*.

холодность и мертвенность этого вида.¹ Совершенно² необъяснимым холодом веет от него.³ Духом немоты и молчания,⁴ дух «немой и глухой» разлит во всей этой панораме.⁵ Я не умею выразиться, но тут даже и не мертвенность, потому что мертво только то, что было живо, а тут⁶ знаю, что впечатление мое было совсем не то, что называется отвлеченное, головное, выработанное, а совершенно непосредственное. Я не видал ни Венеции, ни Золотого Рога, но ведь, наверно, там⁷ давно уже умерла жизнь, хоть⁸ камни всё еще говорят, всё еще «вопиют» доселе.

И вот когда теперь я остановился тут по привычке, то вдруг то же самое мучительное⁹ ощущение, которое полчаса тому назад стеснило мне грудь у Разумихина, то же самое ощущение сдавило мне сердце и здесь. Потому что мне вдруг показалось, что незачем мне уж более останавливаться ни здесь и нигде¹⁰ и что не всё ли мне равно, какое впечатление производит этот вид,¹¹ и что теперь совсем другое, совсем другое у меня, а всё это, и все эти¹² прежние ощущения, интересы и люди <—> всё это так далеко от

---

¹ *Вместо:* полнейшая холодность и мертвенность этого вида — было: холодность этого вида

² Совершенно *вписано.*

³ *Над словом:* холодом — поставлена цифра: 1 *Под словами:* от него — *приписано:* о(т *и*) пан(орамы *и*)

⁴ *Было:* Духом немоты, молчания, и тупою, сов <сем>

⁵ *На полях набросок:* Мне всегда казалось что-то немое, глухое и отрицательное... *Между строками позднейший вариант:* И каждый раз <дух> немоты и молчания, «дух немой и глухой», разлит(ый) во всей этой панораме, сдавливал мне сердце.

⁶ тут даже ~ а тут *вписано.*

⁷ *Далее было:* не так. В Венеции

⁸ *Было:* но

⁹ мучительное *вписано.*

¹⁰ *Вместо:* незачем мне уж более останавливаться ни здесь и нигде — *было:* незачем мне останавливаться

¹¹ *На полях наброски:* 1. и что мне до того теперь, какое впечатление производит весь этот вид? 2. [И вот] Вдруг, теперь вспомнил я все эти прежние впечатления, и странно мне стало. 3. Вспомнил я теперь, что каждый раз одно и то же впечатление сдавливало меня какою-то неразрешимую грустию, и вспомнил и улыбнулся тому, что имел такое впечатление. А потом и странно мне показалось, что я как будто совсем уж собираюсь никогда больше не иметь никаких [больше] мыслей. а. Что б. Не потому мне странно, что мог я иметь такие интересы, но потому, что мне самому невозможно(о) иметь ни об этом, ни об другом, что мне всё равно, что всё это мне и вполне <и> чуж(ое *и*), что это уже не мои мысли, а чьи-то чужие. С этими набросками связана запись карандашом на (с. 75): И мне так стало странно. —

¹² *Вместо:* а всё это, и все эти — *было:* а [это] всё это, все эти

меня, как будто бы на другой планете.¹ Стоял я, нагнувшись² (с. 80) над перилами, и почувствовал в руках подающую монету. Я разжал ладонь,³ посмотрел на нее внимательно, и затем, — опустил ее в воду.⁴ И затем⁵ пошел домой прежнею дорогой.⁶ Когда я пришел к себе, было уже поздно, был вечер.

¹ *Вверху страницы запись:* Отлетел на другую планету. Выше, на (с. 75), на полях карандашом: Что я на другой планете, что ли?.. На полях (с. 79): Нева. Но это мне вдруг показалось так далеко. Ужасно давно (—) страх (—) но теперь так тихо вдруг (нрзб.) Точно прошло уже тридцать пять лет, и я приехал откуда-то, хоть с Южного полушария, и давно.

² *Слева от этого абзаца:* Я внутренне решил, что мне не восстать и что правда моя тоска.

³ Было: руку

⁴ *Вместо:* внимательно, и затем опустил ее в воду — было: а. и совершенно сознательно опустил б. и хотя вполне помня, что делаю в. внимательно, и затем, — бросил г. внимательно, и затем, — сбросил. На полях и между строками (с. 79) вариант, близкий к окончательной редакции (см. б, 100, строки 6—14): Странно мне вдруг показалось теперь тут же на этом месте стоять, как будто я и стоять на прежнем месте уже не мог. Всё это казалось мне где-то глубоко под моими ногами, где-то в беспредельной дали. Я долго стоял и наконец, вспомнив про двугривенный, разжал руку, поглядел на него и молча опустил его в воду. На полях (с. 78) набросок: Так зачем же ты бросил 20 к., без рассуж(дения), а с рассуж(дением) (—) и с рассуждением бы бросил. Господи, в бреде я иль нет! Вот Нева течет. Ведь я давеча хотел бросить все вещи в Неву, в канаву, и кошелек тоже, и кошелек. а. За что же ты убил? б. Зачем ты убил после этого[?], коли бросаешь добычу(?) Вчера ты этой добычи хотел. — Хотел? — да, а сегодня в канаву, да. Но это было, может быть, бессознательно, от страху. Ну, а сознательно, с рассудком, собирая силы — как бы ты сделал и с рассудком — в канаву. Так ли? Вспом(ни). Ты болен? Ты теперь сумасшедш(ий), ты бредишь? Бредишь. Но вспомни, что ты еще не отпирал кошелка и не смотрел в него. Нет. Может быть, и в голову не пришло. Вчера хотел добычи. А сегодня, с новой натурой решил, что ничего не хочешь. Я болен. Я сумасшедш(ий), вздор. Я болен. Я ничего не понимаю. Я подожду. Далее на (с. 81): Разве не чудовищно, что давеча я ввязался в историю с девочкой(?) Не всё ль тебе равно? Пусть погибают, развратничают. Кого спасать, тебе спасать? Чего ты в жизнь лезешь? Да разве мне жизнь заперта? Разве я то? Ты убийца. Знаю. Но я сознательно, я логически сделала. Только что же ты в кошелек даже не заглянул? Побоялся? — Нет, я потом загляну, это из предосторож(ности). А как же в Неву хотел бросить? Значит, совсем хотел отказаться. Значит, логика не выдержала перед делом. На полях (с. 81) набросок: А ты думал, что тебе остается что-нибудь в жизни.

⁵ Далее было: уже

⁶ На полях заметка, обведенная овалом: Напиться. Темное воспоминание — выгнали из кабака.

Стало быть, я возвр<атился>¹ часов <в> пять или шесть. Где и как я был это время <—> не знаю.² Я разделся и, весь дрожа, уже не от озноба, а от слабости, как одна загнанная лошадь, которую я видел в детстве,³ лег на диван и натянул на себя шинель. Носки оставались на мне.⁴ Я их скинул и сбросил в угол. Затем забылся. Ни об чем я не думал.

Проснулся я в полные сумерки от ужасного крика, а в сумерки в моей комнате и летом бывает почти совсем темно.⁵ Я открыл глаза. Боже! что это за крик. Таких неестественных звуков, такого воя, скрежета, слез, ругательств и побой я никогда еще не слыхивал. Я и вообразить не мог себе такого зверства, такого исступления. В ужасе я приподнялся и сел на диване. Я не дрожал, я просто замирал, мучился. Но драка, крики, вой и ругательства становились всё сильнее и сильнее. И вот к моему неопisanному изумлению я вдруг различил голос моей хозяйки, она выла, визжала и причитала скоро-скоро,⁶ выпуская слова, так что и разобрать нельзя, о чем-то прося,⁷ вероятно, чтоб ее перестали бить, потому ее бесщадно били,⁸ сначала в квартире, а потом вытащили на лестницу. Голос бившего стал⁹ до того ужасен, от злобы, от бешенства, что даже только¹⁰ хрипел, а все-таки и он говорил — говорил — быстро говорил что-то такое, но так, что уж понять нельзя было,¹¹ однако я различил, что бил ее¹² Александр Ильич, и должно быть бил сапогами, <с. 81> руками, топтал ее, и, схватив за косы, бил головою о лестницу. Иначе он не мог ее бить, судя по визгу и по отчаянным крикам бедной женщины. Должно быть, на всех лестницах собралась большая толпа. Слышно было много голосов, входили,¹³ стучали, хлопали дверями, все сбегались. Что это, думал я, за что он бьет ее,¹⁴ за-

¹ *Вместо:* возвр<атился> часов <в> пять или шесть. — *было:* шел часов пять или шесть

² *Стало быть* ~ не знаю. *вписано.*

³ *как одна* ~ в детстве *вписано.*

⁴ *Далее было начато:* Пускай, поду<мал>

⁵ *Вместо:* и летом ~ темно. — *было:* а. бывает совершенно темно. б. бывает совсем [почти] темно.

⁶ *Было:* скоро, скоро,

⁷ *Вместо:* причитала ~ прося — *было:* скоро-скоро [что-то] о чем-то прося

⁸ *Далее было начато:* Кто-то вы<тащил>

⁹ *Было:* был

¹⁰ *Было:* уже

¹¹ а все-таки ~ было *вписано.*

¹² *Далее было:* не кто другой, как

¹³ *Далее было:* и

¹⁴ он бьет ее *вписано.*

чем? Страх, как лед, обхватил меня всего. Мне казалось, что мой ум мешается и однако ж я всё это ясно, ясно слышал. Сейчас ко мне, ко мне тоже придут, думал я и привстал и хотел бы(ло) заложить крючок, но опомнился и не <стал ѝ>.² Наконец минут десять спустя весь этот гам постепенно стал умолкать. Хозяйка стонала и охала, а Александр Ильич, очевидно еще грозя и ругаясь, стал удаляться. Я даже слышал его шаги. Слышал тоже, как хозяйка, уйдя к себе, заперлась. Затем мало-помалу стали расходиться по лестницам и по квартирам,³ споря и ахая, то возвышая речь до крику, то понижая до шепота. Должно быть, их много было, весь дом сбежался. Господи, как же я-то — и зачем приходил Александр Ильич?⁴ И разве всё это возможно? Как он смел ее бить(?) Я наконец лег опять, но уже не мог сомкнуть глаз.⁵ Думаю, я пролежал с полчаса в таком страдании от удивления и ужаса, в таком ощущении ужаса, какого никогда не испытывал!⁶ Вдруг свет.⁷ Смотрю, передо мною Настасья со свечкой и с тарелкой супа. Погляде(в) на меня и увиде(в), <с. 82> что я не сплю, она начала⁸ раскладывать хлеб,⁹ тарелку и оловянную¹⁰ ложку на стол.

— Небось, со вчерашнего не ел, целый день-деньс(кой) прошлялся, а самого лихоманка бьет.¹¹

— Настасья...¹² За что это били хозяйку?

— Хозяйку? Кто бил хозяйку?

— Хозяйку, сейчас, полчаса назад, Александр Ильич, надзиратель.¹³ За что он ее так избил? И как она... позволила?

Настасья молча и пристально меня рассматривала и долго и сурово смотрела.¹⁴ Мне стало страшно.

¹ Далее было: и

² Сейчас ко мне ~ не <стал ѝ>. вписано.

³ и по квартирам вписано.

⁴ Далее было: Не меня ли спрашивал

⁵ Вместо: сомкнуть глаз — было: заснуть

⁶ в таком ~ не испытывал! вписано.

⁷ Было начато: Вдруг мрак

⁸ Вместо: Погляде(в) ~ она начала — было: Она посмотрела на меня, увидела, что я не сплю, и начала

⁹ Далее было начато: дер(вянную ложку)

¹⁰ Было: деревянную

¹¹ Вместо: целый день ~ бьет. — было: а. поешь. Чего целый день шляся, [когда] [а] когда самого трясет! б. Ишь, целый день шляся, а самого лихоманка трясет!

¹² Далее было: Кто

¹³ Было: помощник квартального... Я его по голосу узнал

¹⁴ Вместо: Настасья ~ смотрела. — было: Настасья молча меня рассматривала.

— Настасья, что ж ты молчишь? — спросил я.
— Это кровь! — отвечала она тихо и мрачно.
— Кровь! Чья кровь!¹ Какая кровь?² — чуть проговорил я, и всё лицо мое болезненно искривилось.²

— Кровь кричит,³ в тебе ходит, оттого и кажется; это страхи.⁴ Никто хозяюку не бил... и не станет бить, — прибавила она.⁵

Еще больший ужас нашел на меня.

— Да ведь я же не спал и на кровати сидел, —⁶ проговорил я после долгого молчания. — Ведь сюда приходил Александр Ильич?²

— Никто не приходил.⁷ Это кровь в тебе кричала.⁸ Это когда она уж печонками запекаться начнет, тогда и начнет казаться.⁹ На-тка, поешь! Будешь, што ли.

Я¹⁰ не отвечал и молча лег¹¹ опять на мой узел.

Вместо подушки я клал обыкновенно под голову узелок со всем моим бельем и так и спал, а подушки давно уж не было.¹²
(с. 83)

Настасья всё стояла надо мной.

— Пить дай... Настасьюшка, —¹³ проговорил я наконец.

Она молча сошла вниз и, кажется, очень скоро воротилась, но я уже не помнил себя. Помнил только, что выпил¹⁴ один глоток воды и затем¹⁵ впал в беспамятство.

---

¹ кровь *вписано*.

² *Вместо*: и всё лицо мое болезненно искривилось — *было*: с болезненным испугом, смотря на нее

³ кричит *вписано*.

⁴ *Вместо*: оттого и кажется; это страхи. — *было*: оттого тебе и кажется, наяву кажется.

⁵ *Далее было начато*: а. — Да ведь б. В ужас

⁶ *Было начато*: [про(говорил)]

⁷ *Вместо*: Никто не приходил. — *было*: Нужды нет.

⁸ *Вместо*: Это кровь в тебе кричала. — *было*: А кровь всё кричит.

⁹ тогда и начнет казаться. *вписано*.

¹⁰ *Было*: Но я

¹¹ *Было*: поло(жил)

¹² *Вместо* подушки ~ не было. *вписано*. *Далее* (на (с. 84)) *было*: Мне стало так страшно, что, я думаю, у меня волосы встали дыбом.

¹³ *Было начато*: [про(говорил)]

¹⁴ что выпил *вписано*, *далее было*: из

¹⁵ затем *вписано*.

Я не то что был¹ совсем в беспамятстве: многое я помню, мельком или в другом виде, как оно было на самом деле. То мне казалось, что около меня очень много народу собирается и хотят меня взять и куда-то нести и очень обо мне спорят и ссорятся.² То я один-одинехонек, и все³ оставили меня и даже меня боятся, и только изредка отворяется дверь, и из двери грозят мне, ругают меня или смеются надо мной. Последнее всего чаще казалось мне.⁴ Настасью помню часто подле меня. Видел и еще одного человека, очень мне знакомого, но кого именно — никак я не мог этого припомнить,⁵ и тосковал от этого, метался, плакал,⁶ мысли напрягал, чтоб припомнить, кто это, и не мог. Спрашивал, мне отвечали, а я не помнил.⁷ Иной раз казалось мне, что я уже с год лежу; в другой раз (—) что (с. 84)⁸ всё тот же день идет.⁹ Иногда начинал меня мучить ужасный страх, и что страннее, во-все не про то, я это очень хорошо помню, а что будто меня какой-то человек хочет бульдогом затравить и держит его за дверьми притаившись, тихонько, или что-нибудь в этом сорте. Но чего именно я боялся — я не знал¹⁰ и об том я совершенно забыл, но¹¹ я срывался с места и хотел убежать,¹² но кто-то меня останавливал силой, и я опять засыпал. Наконец я совершенно проснулся.

Должно быть, это было после обеда часа в четыре пополудни.¹³ У меня в это время в комнате луч солнца бывает. Надо

¹ *Вместо:* Я не то что был — *было:* Я, однако ж, всё это время был не то чтоб уж

² *Вместо:* куда-то ~ ссорятся. — *было:* а. вынесть. б. куда-то вынесть.

³ *Было:* все-то

⁴ *Вместо:* и даже меня ~ казалось мне. — *было:* а. и никто-то не придет ко мне и не хочет прийти, б. и даже боятся меня, и только изредка отворяется дверь, и из двери грозят мне кулаками или [дразнят языками] языками дразнят. *Далее как в тексте.*

⁵ *Было:* а. сказать б. угад(ать)

⁶ *Далее было вписано:* спрашивал

⁷ Спрашивал ~ не помнил. *вписано.*

⁸ *На полях записи, относящиеся к последующему тексту (см. с. 67—68, примеч. 12 и с. 73, примеч. 1).*

⁹ *Вместо:* всё тот же день идет — *было:* всё это (с. 84) еще вчера только было

¹⁰ *Вместо:* не знал — *было:* отнюдь не сознавал

¹¹ и что страннее ~ забыл, но *вписано на полях и между строками.*

¹² *Было:* уйти

¹³ *Вместо:* после обеда часа в четыре пополудни — *было:* а. в пятом часу б. в пятом часу после обеда

мною стояли Настасья и еще один человек, очень любопытно и с какою-то осторожностью¹ меня разглядывавший. Я никогда его не видал. Это — молодой парень еще,² в русском кафтане, с бородкой,³ с виду походил на артельщика. Из полуотворенной двери выглядывала хозяйка.⁴ Я смотрел на всех пристально⁵ открытыми глазами, потом приподнялся.

— Настасья, это кто?⁶ — спросил я, указывая на парня.

— Ишь ведь, очнулся! — сказала она.

— Очнулись, — отозвался как эхо артельщик. Хозяйка тотчас же поспешила стушеваться и притворила дверь.

— Вы... кто?⁷ — допрашивал⁷ я артельщика.

— А вот-с, мы так-с, по делу-с... — начал было он,⁸ но в эту минуту вдруг отворилась дверь и, сильно наклонившись, потому что был высокого роста, вошел Разумихин.⁹

— Экая морская¹⁰ каюта! — закричал он, — квартирой называется.¹¹ А! да, кажись, ты очнулся!¹² (с. 85)

— Сейчас очнулся, — сказала Настасья.

— Очнулись...¹³ — прибавил артельщик.

— А вы кто изволите быть-с?¹⁴ — спросил Разумихин,¹⁴ бросая всех нас и вдруг¹⁵ обращаясь к нему. — Я вот, изволите видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня величают, а Вразумихин, студент, дворянский сын, а он мой приятель. Ну-с, а вы кто таковы?¹⁶

¹ Было: смешною осторожностью

² Вместо: Я никогда ~ парень еще — было начато: Он был еще молодой

³ Далее было: и

⁴ Вместо: Из полуотворенной двери выглядывала хозяйка. — было: а. В углублении стояла хозяйка. б. Из двери выглядывала хозяйка.

⁵ пристально вписано.

⁶ Вместо: это кто? — было: кто это с тобой?

⁷ Вместо: Вы... кто? — допрашивал — было: Вам что надо? — спросил

⁸ Вместо: начал было он — было: сказал было он и хотел уходить

⁹ Вместо: сильно наклонившись ~ Разумихин. — было: [накло(нясь)] вошел Разумихин, наклоняясь головой.

¹⁰ морская вписано.

¹¹ Вместо: квартирой называется. — было: а. и ведь это она квартирой называется, деньги берет. б. и ведь квартирой называется, деньги за нее берут.

¹² Вместо: А! да, кажись, ты очнулся? — было: Ну что? да ты очнулся?

¹³ Было: а. Они очнулись б. Сей(час) очнулись

¹⁴ Было: Вразумихин

¹⁵ бросая всех нас и вдруг вписано.

¹⁶ Вместо: кто таковы? — было: а. зачем. б. кто-с?

— А я¹ нахожусь артельщиком, от купца Шерстобитова-с, и сюда по делу-с.

— Извольте садиться, — распорядился Разумихин.² — Это ты хорошо сделал, что очнулся; пятый день, братец. Не ешь и не пьешь. Я к тебе приводил два раз(а) Бакавина.³ Он тебя смотрел и с самого начала сказал, что ничего, пустяки, нервный⁴ вздор какой-то⁵ и что содержание худое было, пива и хрену мало давали⁶ — оттого и заболел, а что скоро очнешься и худым не кончится. Молодец Бакавин, знатно полечивает,⁷ угадал! Ну-с, так я вас не задерживаю,⁸ — обратился он опять к артельщику купца Шерстобитова,⁹ — угодно вам объяснить вашу надобность?¹⁰ Заметь себе, от Шерстобитова второй раз к тебе присылают, только прежде не он приходил, а другой... и мы с тем объяснялись.¹¹ Это кто прежде вас-то приходил?

— Это, надо полагать, третьего дни-с? Точно-с, то Алексей Петрович были-с, старшим у нас артельщиком.¹²

— Ну, он будет потолковее вас, как вы думаете?

— Да-с, они посолиднее-с.¹³ (с. 88)

— Ну так как же-с? А впрочем, как я вижу, и вы ничего. Ну-с, как(ое) дело?¹⁴

— А вот от Семена Семеныча,¹⁵ которого вы неоднократно изволили знать-с, — начал артельщик, обращаясь прямо ко мне.¹⁶ — В случае если вы уже в здравом уме-с,¹⁷ вручить вам деньги, десять рублей-с,¹⁸ так как Семен Семеныч-с

¹ Далее было начато: ар(тельщик)

² Было: Вразумихин

³ В автографе: два разъ Над словом: Бакавина надписано: Зосимова

⁴ Было: нервное

⁵ вздор какой-то вписано.

⁶ Вместо: и что ~ давали — было: и содержание худое

⁷ Бакавин, знатно полечивает вписано.

⁸ Далее было начато: Угодно объяснить вам

⁹ Вместо: опять ~ Шерстобитова — было: вдруг опять к артельщику Шерстобитова

¹⁰ Далее было: — Да

¹¹ Вместо: а другой... и мы с тем объяснялись. — было: а. и я с тем объяснялся. б. и я тоже с другим, как и теперь, объяснялся.

¹² Вместо: Это, надо ~ артельщиком. — было: Это Алексей Петрович, старший артельщик, [приходили-с] были-с.

¹³ Было: действительно посолиднее-с

¹⁴ Вместо: Ну так ~ дело? — было: — Ну-с.

¹⁵ Вместо: А вот от Семена Семеныча — было: Семен Семеныч-с

¹⁶ Далее было: послали меня

¹⁷ Было: уме

¹⁸ Было: рублей-с

от¹ А(н)дрона Ивановича Толстоногого-с из Пензы о том уведомление получили. Изволите знать-с?²

— Я знаю купца Толстоногого.²

⟨—⟩ Слышите,³ Толстоногого знает! Значит, в полном уме, — вскричал Разумихин. — Я ведь это давеча только так. А впрочем, и вы, кажется, толковый человек.⁴ Я теперь только стал замечать. Ну-с, продолжайте-с. Умные речи приятно и слышать.⁵

— Они самые и есть-с, Толстоногов-с, Андрон Иванович,⁶ и по просьбе вашей мамы-с, через которую неоднократно вам пересылались, [он] оне и в на(ст)оящий раз⁷ не отказались-с и уведомили Семена Семеновича, чтоб покамест вам десять рублей от мамашина имени⁸ передать, в ожидании лучшего-с,⁹ так как ваша мамаша еще не¹⁰ при деньгах, но дела их, как слышно, пришли в порядок-с,¹¹ а уж с А(н)дрон Иванычем Семен Иванович, как и прежде, сочтутся...¹²

— Ну так как же, по-вашему, в полной он или не в полной памяти¹³? — прервал его Разумихин, показывая на меня.

— По мне что же-с.¹⁴ Только вот¹⁵ насчет расписочки надо бы-с...¹⁶

— Нацарапает! Что у вас, книга, что ли?¹⁷

— Книга-с, вот-с.

---

¹ Далее было начато: Алекс

² Было: Толстоногого купца знаю.

³ Было: Видите, в памяти

⁴ Далее было: Продолжайте.

⁵ Слышите ~ слышать. *вписано.*

⁶ Толстоногов-с, Андрон Иванович *вписано.*

⁷ Было: на сей раз

⁸ Было: имени

⁹ Было: лучшего

¹⁰ Далее было: совсем

¹¹ но дела их, как слышно, пришли в порядок-с *вписано.*

¹² На полях (с. 90) вариант:

— Потому их дела переменялись. Ивана Кузьмича изволите знать-с? Ну так вот, писали-с, что ихние дела переменялись-с и что они сами вам будут писать-с — а в а. подробности б. точности ничего не слышал-с.

¹³ Далее было: обретается

¹⁴ Было: По мне в полной-с.

¹⁵ вот *вписано.*

¹⁶ Вместо: надо бы-с — было: а. Как в тексте. б. вот бы-с

¹⁷ Вместо: Нацарапает! Что у вас, книга, что ли? — было: [Где] Нацарапает! Где у вас книга.

— Давайте.¹ Ну, Васюк, подымайся. Я тебя приподыму, перо тебе в руки и подмахни. Получил, дескать,² потому, брат, деньги нам теперь стр-р-рах³ нужны. Пуще патоки!

— Не надо... — сказал⁴ я, отстраняя перо. <с. 89>

— Чего не надо?

— Не стану... подписывать.⁵

— Фу черт, да как же без расписки?

— Не надо денег...⁶

— Ну это, брат, врешь. Это он начал опять,⁷ не беспокойтесь. Я вижу, вы человек рассудительный... вот мы его будем... руководить.

— А впрочем, я и в другой раз зайду-с.

— Нет-нет-нет,⁸ вы человек рассудительный!⁹ Ну! Василий!¹⁰ — И он начал водить моей рукой.

— Оставь, я сам... — и я подписал.

Артельщик выложил деньги и удалился.¹¹

— Ну теперь,¹² Вася, не хочешь ли есть?

— Хочу,¹³ — отвечал я.

— У вас суп?

— Суп, — отвечала Настасья, всё время стоявшая тут же. — С картофелем и с рисовой крупой.

— Наизусть знаю.¹⁴ Тащи с крупой суп да¹⁵ и чаю давай.

— Принесу.

— Через две минуты¹⁶ она воротилась с супом и сказала, что сейчас и чаю принесет.

---

¹ *Вписано.* Было: — Давай. Далее было: Он взял перо и [тотчас] написал

² *Вместо:* подмахни. Получил, дескать — было: а. подпиши б. подмахни свою фамилию

³ *Вместо:* теперь стр-р-рах — было: теперь наиболее

⁴ *Было:* про(говорил)

⁵ *Вместо:* Не стану... подписывать. — было: а. Я не стану... подписывать. б. Я не стану... имя подписывать.

⁶ *Вместо:* Не надо денег... — было: И денег не надо...

⁷ *Вместо:* начал опять — было: бредит

⁸ *Было:* нет-нет-нет-нет!

⁹ вы человек рассудительный *вписано.*

¹⁰ Василий! *вписано.*

¹¹ *Далее было:* Настасья всё время

¹² *Вместо:* Ну теперь — было: — [нрзб.] Во-первых

¹³ *Было:* Хочу, очень (зачеркнуто карандашом)

¹⁴ С картофелем ~ знаю. *вписано.*

¹⁵ *Вместо:* Тащи с крупой суп да — было: а. Тащи сюда б. Давай

¹⁶ *Вместо:* две минуты — было: мин(уту)

— К супу явились две ложки и две тарелки. Скатер(ть) была чистая. Ложки были серебряные хозяйки.¹ Подле Разумихина² явилась солонка и весь прибор с горчицей и проч. В супе была и говядина. <с. 90>³

(—) Не худо,⁴ Настасьюшка, чтоб Софья Тимофевна⁵ бутылочки две пивца скомандывала. Мы выпьем-с.

— Ох уж ты, востроногой! — сказала Настасья и пошла исполнять повеление.

— Я еще не совсем мог сообразить это всё.⁶ Тем временем Разумихин присел ко мне ближе⁷ на самый диван, неуклюже, как медведь, обхватил [меня] левою рукой⁸ мою голову, несмотря на то что я чувствовал себя гораздо более в силах, чем он пре(д)полагал,⁹ а правой¹⁰ стал подавать мне ложку супу, несколько раз предварительно подув на него, чтоб я не обжегся. Но суп был только что теплый. Я с жадностию съел одну ложку, потом другую, от третьей¹¹ стал отказываться, но Разумихин влил в меня насильно.¹² В это время вошла Настасья, неся две бутылки пива.

— Слышишь, Настя, всего три ложки! Это¹³ очень есть хочет! А чаю хочешь?

— Чаю хочу.¹⁴

— Катай скорей¹⁵ чаю, Настасья.¹⁶ Ну-с, вот и пивцо явилось!¹⁷ — начал он, подсаживаясь к столу и придвигая к себе¹⁸

---

¹ Скатерть ~ хозяйки. *вписано.*

² Было: Вразумихина

³ На полях набросок, относящийся к предыдущему тексту (см. с. 63, примеч. 12).

⁴ Было: А вели-ка там

⁵ Незачеркнутый надписанный позднее вариант: Катер(ина) Прохоров(на) Далее описка: бутылочки

⁶ Вместо: это всё. — было: в чем дело.

⁷ Далее было: обхватил

⁸ на самый диван ~ рукой *вписано.*

⁹ несмотря на то ~ пре(д)полагал *вписано.*

¹⁰ Было: а правой, зачерп(нув ?)

¹¹ Далее было: я

¹² Далее было: [От] Четвертой я ни за что не [мог] хотел проглотить.

¹³ Далее было: он

¹⁴ Было: Очень хочу

¹⁵ Было: сюда

¹⁶ Далее было: а. три ложки выпьет. б. авось [тоже] еще три ложки выпьем.

¹⁷ Вместо: пивцо явилось! — было: пивцо-с!

¹⁸ к себе *вписано.*

миску супу и говядину. Он стал есть с таким видом, как будто три дня не ел.

— Я, брат, у вас тут каждый день так¹ обедаю, — проговорил он, насколько позволяя ему² набитый полный рот говядины и подмигивая мне левым глазом. — Ты думаешь, на твой счет?³ Ничуть, — этого тебе на счет не поставят. Ты думаешь, что за эти две бутылки пива я теперь заплачу.⁴ Ничуть, это его ⟨;⟩⁵ Сонечка, хозяйюшка твоя, выставляет, на свой кошт, в знак удовлетворения-с.⁶ Я не треб⟨ую⟩ и⁷ понимает⟨ся⟩ не отказы⟨ваюсь⟩.⁸ А вот и Настасья с чаем. Как повертывается. Настенька, хошь⁹ пивца? ⟨с. 91⟩¹⁰

— И ну-те к проказнику!¹¹

— А чайку?¹²

— Чаю пожалуй.¹²

— Наливай. Постой, я тебе сам налью. Садись за стол, — и он тотчас же распорядился,¹³ потом налил еще другую чашку, бросил есть, опять сел¹⁴ на диван и по-прежнему, приподняв и обхватив левой рукой мою голову, несмотря на то, что я уверял его и кричал ему, что я вовсе не так слаб,¹⁵ начал меня поить с чайной ложечки, беспрерывно подувая на ложку, пока я принужден был таким образом выпить ложек десять¹⁶ и потом повалился опять на подушки, совершенно озлоблен⟨ный⟩ на Разумихина. Под моей головой действительно была подушка.

---

¹ Было: теперь

² ему вписано.

³ Далее было: Не беспок⟨ойся⟩

⁴ На полях вариант: Подмигив⟨ая⟩. Я, брат, у вас здесь каждый день обедаю. Ты думаешь, что за пиво я заплачу.

⁵ его ⟨;⟩ вписано.

⁶ Начало слова: удовлетворения — было написано и не исправлено: удоб

⁷ Далее было: не п ⟨;⟩

⁸ Я не треб⟨ую⟩ ~ не отказы⟨ваюсь⟩. — вписано.

⁹ Было: Настасьюшка, хочешь

¹⁰ Между строк внизу вписано: Я не ⟨нрзб.⟩ И ⟨З нрзб.⟩ На полях записи, относящиеся к последующему тексту (см. ниже: с. 67—68, примеч. 12; с. 69, примеч. 4; с. 74, примеч. 4 и 12), а также слово: трактир

¹¹ Было: И ну тебя!

¹² Было: а. Чайку пожалуй. б. Чаю дав⟨ай⟩.

¹³ Вместо: Наливай ~ распорядился, — было: Ну так и наливай. Постой, я тебе сам налью. Он тотчас же распорядился,

¹⁴ Далее было: ко мне

¹⁵ несмотря на то ~ слаб вписано.

¹⁶ Далее было: хотя мне вовсе не так хотелось

Прежде же я клал всегда комком мое платье, которое снимал на ночь.¹

Я составил себе план. Я решил больш(е) молчать и жадно слушал.² Мне хотелось всё разузнать и пригляд(еться).³ Много⁴ для меня было странно. Память совершенно возвратилась ко мне, хотя голова и кружилась немного.⁵

— Надо, чтоб Сонечка сегодня же нам малинового варения прислала. Питье ему⁶ сделать, — сказал Разуმიкин, усаживаясь⁷ и принимаясь опять за суп и за пиво.

— Да где она тебе малины возьмет?⁸ — спросила Настасья, управляясь с сво(им) чае(м).⁸

— В лавочке, друг мой, в лавочке.⁹ Видишь, NN,¹⁰ тут целая история. Когда ты тогда таким мошенническим образом удрал от меня и квартиры не сказал, я положил тебя разыскать и в тот же день¹¹ принялся за дело.¹² Уж я ходил-ходил, расспрашивал-рас-

¹ совершенно озлоблен(ный) на Разуმიкина. *вписано*. Под моей головой ~ на ночь. *вписано на полях, выше запись*: Заболтал я тебя. —

² *Вместо*: совершенно озлоблен(ный) ~ жадно слушал. — *было*: Я молчал и жадно слушал. *Между строками и на полях на* (с. 92 и 93) *вписаны позже наброски к третьей (окончательной) редакции романа*: 1. *После*: принужден был таким образом выпить — [чуть] с пол(чаши), несмотря на то, что он очень хорошо мог сам усидеть на диване без посторонней помощи и чувствовал себя в силах не только владеть руками, но, может быть, даже и ходить. Но странная мысль вдруг пришла ему в голову: (с. 92) скрыть от всех, что он гораздо более в силах, чем думают, притаяться слабым и немощным по-прежнему и выведать сначала: что такое кругом его происходит? Зачем тут Разумикин? Что случилось, сколько дней прошло, не известно ли что-нибудь и проч.? До времени он решил больше молчать и слушать. Съев ложку, он повалился на подушку, под ним подушка, он и это заметил. (с. 93) 2. он чувствовал в себе и сил гораздо больше, чем, например, предполагал Разумикин, но по какой-то странной хитрости, — ему пришлось в голову скрыть свои силы, не говорить и надуть их всех. Точно зверь, попавший в клетку (с. 92)

³ Мне ~ пригляд(еться). *вписано*.

⁴ *Было*: Всё это

⁵ *Между строками вписано*: и я не знал, что

⁶ ему *вписано*.

⁷ *Далее было*: за

⁸ управляясь с сво(им) чае(м). — *вписано*. *Незачеркнутый вписанный вариант*: усевшись за стол и кус(ая) сах(ар) (i)

⁹ *Над строкой вписан текст окончательной редакции*: Малину, друг мой, она возьмет в лавочке.

¹⁰ *Вместо*: NN — *было*: Петя

¹¹ *Было*: через час

¹² *На полях около текста рассказа Разумикина*: поколотить — извини! — и: Но потом рассудил. *На* (с. 84) *набросок*: Тебя бы отколо-

спрашивал, сутки промаялся, и представь себе,¹ — ведь я тебя в адресном столе в две минуты пото(м) разыскал.² Ты там записан.³

— Записан? — спросил я с любопытством.⁴

— Еще бы, а вот генерала Кобелева⁵ никак не могли там (с. 92)⁶ при мне разыскать. Ну-с, долго рассказывать, только как я нагрянул сюда, я тотчас же со всеми твоими делами познакомился. Со всеми, братец, со всеми, всё знаю, вот и она знает, и с Никодимом Фомичом познакомился, и с дворником, и с г. Заметовым (—) письмоводителем в здешнем квартале,⁷ а наконец, и с Сонечкой. Это уж был венец.⁸ Вот и она знает.

— Усахарил, — пробормотала Настасья, пр(икусывая)⁹ сахар и¹⁰ втягивая с блюбочка чай.

— Да вы бы внакладочку, Настасья Никифоровна.

— Ну¹¹ ты, кобель! — вдруг крикнула Настасья, заливаясь смехом.¹² — А ведь¹³ я Петрова, а не Никифорова, — прибавила она, перестав смеяться.

— Буду ценить-с,¹⁴ — отвечал Разуმიхин. — Ну так вот, брат NB, чтоб лишнего¹⁵ не говорить, я хотел сначала здесь электрическую струю повсеместно¹⁶ пустить, так чтоб все пред-

---

тить за это надо, но я рассудил, что это бывает тоже и от голоду, и простил. *На полях на (с. 91) запись:* Тебя бы следовало поколотить

¹ *Над строкой начато:* и представь себе, на другие сутки пр (< ; >)

² *Было:* разузнал

³ *По тексту абзаца запись:* На прежн(ей) квартире вашей был, дом(а) № я хорошо не помнил, только и знал, что Харламов — ну, и искал Харламов, а дом-то был... не Харлам(ов), а Фогеля — это я уж теперь узнал.

⁴ *Слова:* спросил я с любопытством — *зачеркнуты и над ними вписан вариант к третьей (окончательной) редакции романа:* вскричал Раскольников, не в силах удержать себя.

⁵ *Далее было:* какого-то

⁶ *На полях наброски, относящиеся к последующему тексту (см. с. 69, примеч. 15 и с. 75, примеч. 5).*

⁷ *в здешнем квартале вписано.*

⁸ *Это уж был венец, вписано.*

⁹ *Было:* а. куса(я) б. откус(ывая)

¹⁰ *Далее было:* запивая

¹¹ *Далее было:* уж

¹² *Было:* засмеявшись

¹³ *А ведь вписано.*

¹⁴ *Было:* ценить

¹⁵ *лишнего вписано (первоначально, по-видимому, намечалось: не говорить лишнего)*

¹⁶ *повсеместно вписано.*

рассудки в здешней местности искоренить.¹ Но Сонечка победила. Я, брат, никак и не ожидал, чтоб она была такая... авенант-ненькая. А, как думаешь!² И очень даже.³ Совсем, совсем-таки ничего и очень, очень даже в порядке.⁴

— Ишь,⁵ тварь! — ворчала Настасья, которой разговор этот доставлял, по-видимому, неизъяснимое блаженство.

— Скверно, брат, то, что ты с самого начала не умел взяться за дело, — продолжал Разумихин.⁶ — С ней надо было не так! Ведь это,⁷ так сказать, самый неожиданный характер. Ну, да это почти...⁸ Ну как, н(а)прим(ер), довести, чтоб она тебе обеда смела не присылать? Или, н(а)прим(ер), этот⁹ вексель? Да ты с ума сошел, что ли, векселя подписывать! Или, н(а)прим(ер), этот брак, предполагавшийся, когда дочка жива была...¹⁰ А впрочем, это деликатная струна, ты мне извини, а потом расскажешь,¹¹ — прибавил он с серьезнейшей (миной), какую только мог устроить из своего лица.¹² — А как по-твоему, Вася,¹³ глупа Сонечка или нет?

— Н-нет; не глупа, — пробормотал я опять.

— И я¹⁴ то же думаю; она как будто и не глупа... Но ведь и не умна... Как ты думаешь?¹⁵ (с. 93)

— Ну да...

---

¹ *Вместо:* предрассудки ~ искоренить. — *было:* они обожглись.

² *Далее было:* — Да, она ничего... — [отвечал] пробормотал я [чтоб по(слушать)], жаждающая услышать дальше *Над строкой вписан текст дальнейшей редакции романа:* Раскольников молчал.

³ *Было:* И очень, брат

⁴ *Далее было:* а. во всех статьях. б. даже вещь во всех статьях. *На полях (с. 91) запись:* Совсем, брат, ничего. То есть очень, очень, очень даже в порядке.

⁵ *Было:* Ишь ведь

⁶ *Было:* Вразумихин

⁷ *Далее было:* хар(актер)

⁸ С ней надо ~ почти... *вписано.*

⁹ этот *вписано.*

¹⁰ *Незачеркнутый первоначальный вариант:* дочь была жива.

¹¹ *Вместо:* ты ~ расскажешь — *было:* ты мне потом расскажешь

¹² прибавил он ~ своего лица. *вписано.*

¹³ Вася *вписано.*

¹⁴ *Было:* Ну, и я

¹⁵ *На полях (с. 92) вариант:*

— Находишь ты, что она глупа?

— Не-ет.

— Ну и я то же нет. Да она как будто и не глупа. А впрочем, знаешь ли, и не умна!

— Ну да.

— Ну да. Пожалуй, не умна, так, как следует бабе.

— И я то же думаю. Ни глупа, ни умна,¹ а как следует румяной и телесной особе. Сорок-то ей уж будет. Она говорит тридцать шесть и на это право имеет. Ущипнуть невозможно. Это я тебе под секретом говорю, так всё и выпрыгнет из руки.² Так вот, брат, вся штука тут произошла из того, что она, видя, что ты уже не студент,³ и уроков, и костюма лишился и что по смерти барышни ей нечего тебя на родственной ноге у себя держать, вдруг испугала(сь), а так как ты с своей стороны никаких прежних отнош(ений) не поддержал и сам всё разорил (и),⁴ вздумала тебя с квартиры согнать. И давно она это намерение питала, да векселя было жалко. К тому же ты сам уверял, что мамаша заплотит.

— Это я по подлости моей говорил... — не выдержав на этот раз от злобы,⁵ сказал я. — Мать у меня сама милостыню почти⁶ просит... в Пензе...⁷ А я глал... чтоб меня на квартире держали.⁸

— Да, это ты благоразумно... Только вся штука в том, что тут и подвернулся г-н колл(ежский) ассессор Чебаров. Сонечка без него ничего бы не выдумала.⁹ Занимается этот г. Чебаров делами, т. е. делишками,¹⁰ службу¹¹ тоже имеет.¹² Сатирические

---

¹ Слова: Н-нет, не глупа ~ ни умна — зачеркнуты и над ними и на полях вписан вариант, относящийся к третьей (окончательной) редакции романа:

— Нет, не глупа,... — отвечал Раскольников, чтоб поддержать разговор, он так и прикинулся скуч(ающим и), оборотя(сь) в друг(ую) стор(ону).

— Самый неожиданный характер, братец, повторяю тебе, — продолжал Разумихин, совершенно понимая, что Раскольников говорить с ним не хочет и что сам Раскольников по лицу его увидел, но, не смущаясь этим ничуть.

² Ущипнуть ~ из руки. вписано. Ниже между строками вписан близкий к окончательной редакции текст: у нас всё, так сказать, одна еще только эмблема чего-то, чего ни я, ни она не знает

³ уже не студент вписано.

⁴ вдруг испугалась ~ всё разорил (и) вписано.

⁵ Было: не выдержав и злобно. Над строкой вписан вариант, относящийся к третьей (окончательной) редакции: злобно проговорил Раскольников

⁶ Вместо: милостыню почти — было: чуть не подаян(ие)

⁷ Далее было: сказал я

⁸ На полях: NB Может, а. она б. (хозяйка) потому-то и вознегодовала на тебя, что ты не а. хотел б. умел с этого боку начать. Ужас, уж как это им обидно, коли кто не умеет.

⁹ После: не выдумала — над строкой вписано: Очень уж стыдлива.

¹⁰ т. е. делишками вписано.

¹¹ Далее было начато: д(аже и)

¹² Далее было: Хоть и

стишки тоже пишет, общественные пороки преследует, предрас- судки искореняет,¹ от трех рыб, на которых земля стоит,² в бла- городное негодование приходит,³ корнетов, играющих на писто- не, сатирически обличает. За это от трех до семи целковых еже- недельно⁴ от журналиста с ⟨i⟩ сатир⁵ берет, — ну и деньги. Им бы только деньжонки тем иль другим пот⟨нрзб.⟩, видишь ли.⁶ Мног⟨о⟩ у нас [так⟨их⟩] теперь так⟨их⟩ Чебар⟨овых⟩.⁷ Люди они деловые и⁸ благородным негодованием торгуют, но больше делами заведуют.⁹ Всякими. И по процессам, и по су- тяжничеству,¹⁰ и в рост дают, и распивочные на чужое имя снимают,¹¹ и между прочим вот по каким делам!¹² У Сонечки, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, вексель в 115.¹³ Вопрос: есть ли надежда осуще- ствить? Есть, потому, дескать, есть такая мамаша, ⟨с. 96⟩¹⁴ ко- торая год не есть будет, а уж из своего пенсионера в 120 руб. 75 руб. хоть года в полтора,¹⁵ а отложит. Вперед заложит, да сестрица-гувернантка в петлю пойдет, а братца¹⁶ выручит. Что шевелишься-то?¹⁷ Я, брат, теперь всё, всю твою подноготную ра- зузнал и любя говорю, всё понимаю.¹⁸ Ведь с Сонечкой ты на родственной ноге стоял и откровенничал. Вот то-то и худо!¹⁹ Са- мой-то бы Сонечке по твоему делу этого и не выдумать, телесна

¹ *Вместо:* общественные ~ искореняет — было: пороки обличает

² на которых земля стоит *вписано.*

³ *На полях:* Это, брат, уж такие акулы на свете есть, в море плава- ют. Всякие на свете есть люди, брат Вася. До нас с тобой это не касает- ся, мы люди хорошие. *На полях (с. 97):* Я, брат, если ты хочешь, и сам против трехрыбья, да ведь этот трехрыбием торгует и уж кроме трехры- бья ничего ты от него не дождешься.

⁴ *Вместо:* от трех ~ еженедельно — было: целковых по три, до семи еженедельно

⁵ от журналиста с ⟨i⟩ сатир *вписано.*

⁶ *Далее было:* и

⁷ Им бы только ~ Чебар⟨овых⟩. *вписано.*

⁸ *Далее было:* этим

⁹ *Далее было:* Он, н⟨а⟩прим⟨ер⟩

¹⁰ *Далее было:* и по искам,

¹¹ и в рост ~ снимают *вписано.*

¹² *Незачеркнутый вариант:* Но главное — делишк⟨ам⟩ и между проч⟨им⟩ вот как⟨им⟩

¹³ *Было:* 75

¹⁴ *Внизу на полях:* Как [говорит] выражается артельщик купца Ше- лопаева.

¹⁵ хоть года в полтора *вписано.*

¹⁶ *Было:* брата

¹⁷ *Было:* шевелишься

¹⁸ и любя говорю, всё понимаю *вписано.*

¹⁹ Вот то-то и худо! *вписано.*

уж очень,¹ да порекомендовали ей Чебарова.² А кстати, тот и выдумал ей махинацию выд(ать),³ — потому что — верь ты мне — насчет того, как деньги содрать, нет такой шельмы, как те,⁴ которые от трех рыб в негодование приходят и этим торгуют.⁵ Именно, заметь это себе и напередки, и если, примером, ты трехрыбному задолжал⁶ или он тут только руку свою замешал,⁷ так уж тотчас⁸ норовит тебя в дом Тарасова. На том стоят-с. Это у них положительный элемент и презрением к предрассудку называется, презрение к долгу, но не к долгам, в том случае, если им должен.⁹ Ну а Чебаров именно из трехрыбных, т. е. так(их), которые дальше трех рыб ничего (и) не знают.¹⁰ Понюхал и за 10 целковых взялся вести дело. Вексель-то твой он и не думал у Сонечки покупать;¹¹ но у них так на бумаге сделано было,¹² что будто бы, дескать, он теперь и проприетер, купил, дескать, потому, видишь, Сонечка слишком уж деликатна, посоветилась — дочкина жениха сама в Тарасов тащить, ну и наняла кита тебя проглотить.¹³ Я всё это дело по-приятельски от Заметова разузнал. Мы с ним у Лавизы были.¹⁴ Лавизу Иван(овну) помнишь? Лавизу знаешь? Славный он человек. Мы тут всей компаниею чуть не каждый вечер в одном трактирчике схо-

¹ *Вместо:* по твоему делу ~ телесна уж очень — было: этого и не выдумать

² *Между строками:* столкнули ее по одному другому делу с Чебаровым

³ *Вместо:* А кстати ~ махинацию — было: Тот человек деловой
Между строками: Ну а надвор(ный) сове(тник) выдумал:

⁴ *Вместо:* как те — было: а. Как пр(отив) б. против тех в. как иного из тех

⁵ *Вместо:* и этим торгуют — было: (NB. Три рыбы — это их предел и *Между строками:* как иного сатирического человека, из трехрыбного сорта

⁶ *Было:* задолжал трехрыбному

⁷ *Вместо:* руку свою замешал — было: вмешался

⁸ *Вместо:* это себе ~ тотчас — было: Кто дальше трех рыб не пошел, тот уж охулки на руку не положит, и если ты задолжал нигилисту, так уж тот[час]

⁹ но не к долгам ~ должен. *вписано.*

¹⁰ т. е. так(их), ~ не знают. *вписано на полях.* *Между строк и на полях вписано:* что и в сатире описал и проторг(овал), якобы Юленька ему его продала уплатою, так у них и сделано было

¹¹ *Вместо:* твой он и не думал у Сонечки покупать — было: а. он не купил б. твой он совсем не покупал

¹² сделано было *вписано.*

¹³ *Вместо:* дескать, он ~ проглотить. — было: он купил, потому, видишь, Сонечка посоветилась. Ну и стал с тебя требовать.

¹⁴ *Далее было начато:* Пошел

димся.¹ Пошел я потом² к Чебарову, так веришь ли, во все часы дня я к нему раз по 5³ заходил, целых три дня записки оставлял, дескать, по делу такого-то; нет как нет: и чем свет, и в обед, даже в час ночи⁴ — всё на даче, да и только, потому что у него дача и лошади есть.⁵ Ну уж добрался бы я до него, пустил бы ему и струю⁶ электричества, да на ту пору у нас с Сонечкой⁷ гармония вышла, так я и повелел ей это дело покончить,⁸ поручившись, что ты ей⁹ заплатишь. Я, брат, за тебя поручился. Слышишь?¹⁰ Ну тогда она и заявила¹¹ Чебарову, чтоб дело покончить,¹² а ему 10 целковых за труды отдала. Был доволен.¹³ Потому что дельцо это с жаром обдел(ал) да еще сколько жару-то литературного¹⁴ положил. Я читал в конторе его требование о взыскании: «Долгом, дескать, считаю присовокупить, что НВ. НВ. намеревается столичный город С.-Петербург оставить». И ведь соврал, где тебе, НВ, что-нибудь оставить? Да ведь деловой человек. Ну (с. 97) не равно вздумаешь улизнуть, так вот и доносик полиции: смотри, дескать, в оба.¹⁵ Клопштока ведь он выпускал (<и>) лет 20 назад. Это я от Херувимова разузнал.¹⁶ Так ли, Настасьюшка? Вот они теперь лежат эти десять целковых и в гости просятя.¹⁷ И только теперь вижу я, Вася,

¹ Лавизу ~ сходимся. *вписано. На полях (с. 84) запись: НВ. Мы тут каждый день в трактирчике одним собираемся. См. ту же запись во второй редакции (ПМ₂) (7, 176, примеч. 2).*

² потом *вписано.*

³ Было: 15

⁴ *Вместо:* нет как нет ~ в час ночи — *было:* и чем свет, и в обед, на ночь,

⁵ *есть вписано.*

⁶ и струю *вписано.*

⁷ *Вместо:* да на ту пору у нас с Сонечкой — *было:* да с Сонечкой у нас

⁸ *Вместо:* и повелел ~ покончить — *было:* повелел ей дело кончить

⁹ ей *вписано.*

¹⁰ Слышишь? *вписано.*

¹¹ *Было:* написала

¹² *Было:* кончить

¹³ *Далее было:* Таким образом, за 10 рублей [они в акулы нани(маются)] служить акулами нанимаются, палачами, тюремщиками

¹⁴ литературного *вписано.*

¹⁵ *Вместо:* Да ведь ~ в оба. — *было:* Да вот, дескать, доносил полиции: смотри, дескать, [в оба] лучше, не равно улизнет.

¹⁶ Клопштока ~ разузнал. *вписано.*

¹⁷ *Вместо:* Так ли ~ просятя. — *было:* Но так-то, брат Вася: у него-то вот и дрожки, и дача, и [слава] благородная репутация: трех рыб, дескать, отвергает. Ну а нам мамаша последний свой а. кусок присылает. б. кусочик вдовый присылает. в. кусочик присылает. Так вот те

что я дурак. Хотел тебя развлечь, болтовней потешить, а кажется, жёлчь нагнал.¹

Я отворотился и через минуту спросил:²

— Это я тебя³ в бреду подле себя видал... и не узнавал?⁴

— Меня, и даже в исступление входил.⁵ Я однажды к тебе с Заметовым заходил.

— С Заметовым? с письмоводителем? Зачем?⁶

— Да чего ты встревожился, познакомиться с тобой пожелал... сам пожелал.⁷ Славный, брат, он малый... Мы с ним у Лавизы были, много⁸ с ним о тебе говорили. Теперь приятели. Иначе от кого ж бы я про тебя-то узнал.⁹

— Бредил¹⁰ я что-нибудь?

— Как же.¹¹ Себе не принадлежали.

— Об чем я бредил?¹² — спросил я,¹³ силясь приподняться с постели.

— Эвось! об чем бредил!¹⁴ Да ты не приподымайся.¹⁵ Известно, об чем бредят. Ну, брат, а теперь, брат, надо за дело...¹⁶

— Да¹⁷ об чем?..

десять целковых и эти вот десять целковых, что здесь на столе лежат и в гости просят. Так ли, Настасьюшка?

¹ *Далее было:* Что, Вася, как? — Ничего... — отвечал я, отворачиваясь. — Слушай, так *На* (с. 97) на полях запись: подразвеселить тебя

² *Между строками вариант, относящийся к третьей (окончательной) редакции романа:* спросил Раскольников, помолчав с минуту и не оборачиваясь

³ *Было:* тебя я

⁴ *На* (с. 91) на полях вариант: Я тебя в бреду видел и никак не мог догадаться, кто ты?

⁵ *Было:* в исступлении от этого был

⁶ *Вместо:* С Заметовым? с письмоводителем? — *было:* С Заметовым? [Зачем? У меня сердце дрогнуло.] С тем... письмоводителем?

⁷ *Вместо:* Да чего ты ~ пожелал. — *было:* [А так он] Да познакомиться сам желал.

⁸ *Далее было:* я

⁹ Мы с ним ~ узнал. *вписано.*

¹⁰ *Было:* Послушай... бредил

¹¹ Как же. *вписано.*

¹² *На* (с. 91) на полях запись: ...Об чем я бредил...

¹³ *Изменено при работе над позднейшей редакцией:* он

¹⁴ *Далее было:* Мало об чем. И про

¹⁵ Да ты не приподымайся. *вписано.*

¹⁶ *Вместо:* Ну, брат, а теперь, брат, надо за дело... — *было:* Всё пустяки. Теперь, брат, надо за дело...

¹⁷ *Было:* Да нет.

— Бредил-то? Ах ты, Господи, вот ведь наладил! Да уж не за секрет какой боишься?¹ Не беспокойтесь: об графине ничего не было сказано. А вот об бульдоге каком-то,² да об дворнике, да об Александре Ильиче, да об Никодиме Фомиче — много было говорено.³ Поразили они тебя, видно, очень тогда.⁴ Да, кроме того, собственным вашим носком вы очень, очень даже интересовались.⁵ <с. 98> Жалобились. Подавай, дескать, мой носок с ноги да и только. Заметов сам по всем углам нарочно твои носки отыскивал⁶ и собственными вымытыми в духах ручками, с перстнями,⁷ вам эту дрянь подавал.⁸ Тут только⁹ вы и успокоились и целые сутки в руках эту дрянь держали... Да как еще! и вырвать нельзя.¹⁰ Должно быть, и теперь где-нибудь подле вас под одеялом лежит. А то еще бахромы просил на панталоны. Заметов долго допытывался: какая бы такая сия¹¹ бахрома?¹²

Я не отвечал и притих.¹³ [Заметов] был у меня, Заметов носки рассматривал.¹⁴ Я ошупал рукой, так и есть (<:) один носок и теперь¹⁵ подле меня. Я крепко его стиснул в руке...

— Ну-с, так за дело, — продолжал Разуმიхин. — В том дело, что я беру из твоих тридцати рублей,¹⁶ с твоего позволения, ибо вижу, что они в гости прос(я)тся,¹⁷ и немедленно возвращаюсь.¹⁸ А вы, Настенька, что им надо будет¹⁹, — так не оставь-

---

¹ *Вместо:* Бредил-то? ~ боишься? — *было:* Ах ты, Боже мой! Вынь да положь. Эк его. Значит, за секрет какой боишься?

² *Вместо:* бульдоге каком-то — *было:* собаках

³ *Было:* сказано

⁴ Поразили они ~ тогда. *вписано.*

⁵ *На полях* <с. 92> *заметка:* бредил — носок

⁶ *Вместо:* по всем углам нарочно твои носки отыскивал — *было:* [их] в углу отыскал носки

⁷ с перстнями *вписано.*

⁸ *Было:* подал

⁹ *Было:* а. Еще б. Так

¹⁰ Да как еще! и вырвать нельзя. *вписано.*

¹¹ *Было:* это

¹² А то еще ~ бахрома? *вписано.* *Затем выше вписано:* под одеялом лежит

¹³ *Далее было:* Заметов искал носки и

¹⁴ *Далее было:* вот (<:)

¹⁵ и теперь *вписано.*

¹⁶ *Вместо:* из твоих тридцати рублей — *было:* сии десять рублей

¹⁷ ибо вижу ~ прос(я)тся) *вписано.*

¹⁸ *На полях:* а вечером вам в них отчет принесу. Это, брат, уж так нужно...

¹⁹ *Вместо:* Настенька ~ будет — *было:* Настасьюшка, что ему надо

те-с. Да варение чтоб было. Непременно малиновое.¹ А впрочем, я сам зайду к Сонечке.²

— Сонечкой зовет.³ Ах ты рожа повадливая,⁴ — сказала Настасья, как только он вышел, очевидно вся уж давно очарованная Разумихиным.⁵ Я молчал: она оборотилась, сначала отворила дверь, подслушать, а потом и сама вниз сошла. Ей уж очень интересно знать было,⁶ как он там будет с Сонечкой...⁷

Как только ушла она, я тотчас же выдернул носок, *тот самый*, с левой ноги, и стал пристально его рассматривать на свет: заметно ли что-нибудь?⁸ Но носок этот был и прежде уж до того заношен, черен и грязен, и потом, уже после того, я до того затер его⁹ в земле¹⁰ и смочил,¹¹ что не было возможности на глаз угадать, что тут была кровь. Весь конец носка и, главное, подошва его составляло,¹² напротив, одно большое темно-бурое¹³ пятно. Я успокоился.¹⁴ Заметов ничего не мог рассмотреть,¹⁵ но все-таки любопытно, что он был здесь сам и успел уже сойтись с Разумихиным.¹⁶

Всего более злило меня, что я чувствовал себя так слабым, (с. 99) беспомощным и в опеке у Разумихина, которого я вдруг¹⁷ почти возненавидел. Теперь он не отойдет от меня, пока я не поправлюсь,¹⁸ а я до того еще слаб, что, пожалуй, рассудка не хва-

¹ Непременно малиновое. *вписано*.

² *Между строками*: NB. Зосимова [коль увижу] я пришло. А впрочем, я и сам зайду.

³ *Было*: Ишь, Сонечкой зовет.

⁴ *Надписан вариант*: хитростная

⁵ *Вместо*: как только ~ очарованная Разумихиным. — *было*: по-видимому, до крайности довольная Разумихиным

⁶ *Было*: было знать

⁷ *Далее вариант к третьей (окончательной) редакции романа*: Наконец-то он остался один.

⁸ *Было*: заметна ли кровь?

⁹ Как только ~ затер его *вычеркнуто* (?) *вертикальной чертой*.

¹⁰ *Было*: пыли

¹¹ и смочил *вписано*.

¹² *Вместо*: Весь конец носка ~ составляло — *было*: Весь носок составлял

¹³ *Вписано над строкой и зачеркнуто*: самое

¹⁴ *Далее было начато*: Но все-таки меня мучил

¹⁵ Заметов ~ рассмотреть *вписано*.

¹⁶ *Далее было*: Господи, когда ж это кончится?.. И что еще будет? *На полях было вписано*: Я был холоден, зол. Надоедал Разуми(хину) и молча злился на Заметова.

¹⁷ *вдруг вписано*.

¹⁸ *Было вписано*: и я никуда —

тит и¹ что-нибудь неосторожно скажу.² Лучше совсем молчать.³ О, будь они прокляты! Я не хочу быть с ними, я хочу быть один! один, — вот чего я хочу. Раздражение и жар охватили меня. Что мне до них!⁴ И то,⁵ что Разумихин меня отыскал, спас, лечил на свои деньги, лекаря приводил, время свое со мною терял, дела мои устроил⁶ и напрягает все усилия, чтоб меня утешить и развлечь, — всё это меня только терзало и злило. Я с холодной злостью ожидал его возвращения. Между тем голова очень болела и всё кружилось.⁷ Я закрыл глаза.⁸ Настасья скрикнула дверью, вошла, посмотрела⁹ и, думая, что я заснул,¹⁰ опять вышла вон.¹¹

Убежать от них, подумал я, и эта идея до того воспламенила мен(я), что я приподнялся(я) с постели, но в бессилии опять упал на подушку.¹² (с. 100)¹³

Часа через полтора, уже к сумеркам, послышался на лестнице громкий и звонкий¹⁴ голос Разумихина. Я было забылся. От голоса его меня так и перевернуло.¹⁵ Он отворил дверь, но, увидав, что глаза мои¹⁶ закрыты, остановился молча на пороге.¹⁷ Тут я взглянул на него.¹⁸

¹ *Вместо:* пожалуй, рассудка не хватит и — *было:* боюсь даже за свою голову, боюсь, что здравого рассудка не хватит и я

² *Было:* скажу неосторожно

³ *Было:* а. Лучше всего молчать. б. Лучше всего стараться молчать.

⁴ один, — вот чего ~ до них! *вписано;* *было:* до них теперь!

⁵ *Было:* То

⁶ *Далее было:* [и теперь] [как] [точно] сейчас

⁷ *Вместо:* голова ~ кружилось. — *было:* голова моя болела и кружилась.

⁸ *Далее было начато:* В

⁹ *Было:* посмотрела на меня

¹⁰ *Было:* сплю

¹¹ *Вместо:* опять вышла вон. — *было:* вышла вон. *Далее было:* [Я ненавидел ее и именно злился за то, что она сама говорить не начинает.] «Вот она, — думал я, — сама не заговаривает, а давно уж обо всем слышала...» Я еще давно, еще до того, рассчитывал, что она мне вести и слухи передавать будет... Я до того был раздражен, что о бедной матери и о посылке ее я не подумал.

И откуда мать бедная взяла денег? Я об ней и не подумал! О нет, думал! думал! и [давно] мучился. Но они, они кругом! Они меня погубят! О, зачем я болен. Убежать бы куда-нибудь!

¹² Убежать от них ~ на подушку. *вписано на полях.*

¹³ *На полях наброски, относящиеся к последующему тексту (см. ниже: примеч. 18 и с. 78, примеч. 3).*

¹⁴ громкий и звонкий *вписано.*

¹⁵ *Вместо:* Я было ~ перевернуло. — *было:* Я так и вздрогнул.

¹⁶ *Было:* у меня

¹⁷ *Вместо:* молча на пороге — *было:* и выжидал. Но

¹⁸ *Вместо:* Тут я взглянул на него. — *было:* а. Я открыл глаза. б. Тут я поглядел на него. *На полях и между строками (с. 100 и 101)*

— А, не спишь, ну вот и я. Настасья, тащи всё, — крикнул он вниз. — Сейчас отчет получишь, а лихо же ты поспал!¹ — В руках у него был узел,² и вид был торжественный.³

Я холодно смотрел на него.

— Спать дело хорошее, и вот, брат Вася, я тебя до завтра оставлю.⁴ Спи. Это тебе полезно.⁵ Я к Бакавину заходил по дороге,⁶ сейчас явится⁷ на тебя посмотреть. А покамест, до Бакавина, посмотрим-ка покупки.⁸ Вот и Настасьюшка нам компанию сделает.⁹

А Настасья была уже¹⁰ в комнате. Она,¹¹ кажется, отстать не могла от Разумихина.

вписаны наброски к третьей (окончательной) редакции романа:
1. Он слегка открыл один глаз, не показывая и вида, что проснулся, и увидел Разумихина, который отворил дверь настежь и стоял на пороге, недоумевая, войти или нет. Раскольников открыл глаза. <с. 100> 2. Он а. проснул(ся) уже б. проспал часов шесть и проснул(ся) уж(е) ввечеру, на пороге стоял Разумих(ин), отворив(ший) дверь наст(ежь) и смотр(евший) на не(го) Р(аскольникова) внима(тельно). <с. 101>

¹ Настасья, тащи ~ ты поспал! *вписано.*

² Было: узелок

³ *Между строками и на полях вписан набросок к третьей (окончательной) редакции романа:* Раскольников с изумлением приподнял(ся).

— Что эт(о)! Который час(?) — крикнул он.

— Да часов 6 спал уж верных. Ну как себя чувствуешь(?)

На <с. 100> на полях также позднее вписано:

— Я здоров, я совсем здоров. Напрасно вы хотите меня сделать больным. Разумихин, ты здесь давно?

— Да заходил уж два раза. Заметов и проч.

— Нет, а прежде, давно ты сюда прих(одил). Как первый-то раз.

— Да ведь я же давеча тебе рассказал.

Раскольников задумался.

— Как во сне помню, а где деньги взял. Письмо? Артельщ(ика) помню. Спасибо.

— Ну слава Богу, теперь я вижу, что ты в здоровом уме. А давеча, ей Богу, я даже стал на тебя обижаться. Эх, Родя! У меня сегодня вечерок. Я переехал. Вот кабы ты тоже зашел.

Раскольников молчал.

Зосимов (Раздражительность еще есть).

⁴ *Далее было:* Я

⁵ *Вместо:* Это тебе полезно. — *было:* а. Это тебе даже полезно.
б. Это тебе полезно теперь.

⁶ по дороге *вписано.*

⁷ Было: придет

⁸ Было: А покамест, посмотри-ка покупки.

⁹ *Вместо:* нам компанию сделает. — *было:* будет смотреть.

¹⁰ *Вместо:* А Настасья была уже — *было:* а. Настасья б. А та в. Настасья уже была

¹¹ *Далее было:* не

— Ну-с, и во-первых, — продолжал¹ он, развязывая узел, — в 1-х — картуз. Позволь-ка примерить.² — Он подошел ко мне, приподнял меня и приготовился примерять мне картуз.³

Я с отвращением оттолкнул было его.

— Не надо. Завтра... — проговорил я.⁴

— Нет уж, брат Вася, ты не противься. Завтра — поздно,⁵ да и⁶ я целую ночь от беспокойства не буду спать,⁷ потому я картуз без мерки наугад покупал. Как раз! — вскрикнул он торжественно, — как раз по мерке! Теперь засну спокойно!⁸ Это, брат Вася! самая первая вещь, — продолжал он, сняв картуз и в наслаждении смотря на него. — Головной убор,⁹ говоря вообще, неминуемо способствует успехам в высшем обществе. Тут вся житейская философия.¹⁰ Каскетка удивительная,¹¹ — продолжал он любоваться¹² весьма серьезно. — Ну-с, Настенька, вот вам два головные убора, сей пальмерстон (он достал из угла мою исковерканную круглую шляпу, которую, неизвестно почему, назвал пальмерстоном,¹³ и положил рядом с купленным¹⁴ картузом (с. 101)¹⁵ на столе), сей пальмерстон или сие щеголеватое приобретение? Знаешь, Вася, мы эту круглую

¹ Было: начал

² Было: примерю

³ Вместо: и приготовился примерять мне картуз — было: а. и обхватил левой рукой мою голову б. и обнял меня

⁴ Не надо. вписано. На полях:

Я с отвращением оттолкнул было его.

— Завтра.

— Нет, брат, я не успокоюсь, покупал без мерки, на глаз.

⁵ Было: поздно будет

⁶ и вписано.

⁷ Вместо: от беспокойства не буду спать — было: [спать не буду] не засну от беспокойства

⁸ Теперь засну спокойно! вписано.

⁹ Вместо: говоря вообще — было: а. это самая первая вещь и б. всё равно, что философия и

¹⁰ Тут вся житейская философия. вписано.

¹¹ Вместо: Каскетка удивительная — было: Удивительный картуз

¹² Далее было: и

¹³ которую ~ пальмерстоном вписано.

¹⁴ купленным вписано.

¹⁵ На полях набросок к третьей (окончательной) редакции романа: Настасья положила перед ним узел, и он с торжеством стал развязывать, лукаво поглядывая на Раскольникова.

— Это, брат, у меня, брат, особенно на сердце лежало, — начал он, развязывая.

— Ну, начнем сверху. Во-первых, видишь, и продают у ювелиров только. Рядом помета: с торжеством развязыв(ал)

шляпу¹ в академический музей пожертвуем и скажем, что это птичье гнездо из Зангвебара, [а] что яицы все дорогой разбились.² Ну-с, далее:³ оцени-ка, Вася. Как ты думаешь, что заплачено⁴ за картуз?⁵ Настасьюшка! — обратился он к ней, видя, что я молчу.⁵

— Да што...⁶ Двугривенный, небось, отдал, — отвечала Настасья, тоже рассматривая картуз.⁷

— Двугривенный, дура! Шесть гривен.⁸ Разве можно за двугривенный в наше время такую фуражку купить?⁹ Да еще с уговором, износишь этот, на будущий год другой картуз уж даром дают. Ей богу. Ну-с,¹⁰ приступаем теперь к Соединенным американским штатам. Каковы, брат, штаны? Предупреждаю: штанами горжусь! — и он расправил¹¹ перед нами серые, казине-товые шаровары.¹² — Ни дырочки, ни пятнушка, а поношен[н]ые. Такова же и жилетка, одного цвета, как мода требует, потому, брат, что не гов⟨ори⟩,¹³ тоже поношенная, не спорю, но почти лучше, чем не поношенная.¹⁴ Видишь, Вася, чтоб сделать в свете карьеру, достаточно, по-моему, сезон наблюдать. Теперь летний сезон, ну и всё это летнее ⟨—⟩ и жилетка и шаровары. К осени, разумеется, всё это¹⁵ разру⟨ш⟩ится, как Вавилонская монархия, хоть не от¹⁶ роскоши, а от внутренних неустройств, но,¹⁷ во-первых, тогда и без того сезон более теплой материи потребует, а, во-2-х, все-таки нам весьма почтенные лоскутья останутся, ⟨с. 102⟩ зимой на портянки. Ну, много ль? Цени!¹⁸

¹ *Вместо:* эту круглую шляпу — *было:* это

² *Было:* разбились дорогой — [нрзб.].

³ *Было:* к делу

⁴ *Было:* заплатил

⁵ *На полях:* Обрадовался, что я говорил с ним.

⁶ *Да што...* *вписано.*

⁷ *Было:* любуясь картузом

⁸ *Было:* гривен!

⁹ *Вместо:* за двугривенный ~ купить? — *было:* а. дешевле найти б. за двугривенный в 19-м веку такую фуражку купить?

¹⁰ *Вместо:* на будущий год ~ Ну-с — *было:* а. другой даром дадут. Ну-с, б. на будущий год другой картуз уж даром дают. На том стоят. Ну-с,

¹¹ *Было:* выставил

¹² *После:* серые, — *вписан вариант:* весьм⟨а⟩ приличн⟨ые⟩, но поношен⟨ные⟩ пант⟨алоны⟩ из лет⟨ней⟩ шерстяной материи).

¹³ потому, брат, что не гов⟨ори⟩ *вписано.*

¹⁴ не спорю ~ не поношенная *вписано.* *Между строк вариант:* [но ведь э⟨то⟩] но ведь это даже и лучше: мягче как-то, нежнее

¹⁵ это *вписано.*

¹⁶ *Вместо:* хоть не от — *было:* от усилившейся

¹⁷ *Вместо:* разру⟨ш⟩ится ~ но — *было:* развалится, но

¹⁸ *Вместо:* зимой ~ Цени! — *было:* — теперь как ты думаешь, много ль?

Он победоносно посмотрел скорее на Настасью, чем на меня,¹ мой холодный и даже злобный взгляд, очевидно,² смущал его.³

— Рубль двадцать пять⁴ серебром, ни больше ни меньше. За штаны и жилет.⁵ Ведь это уж совершенно даром и сверх того ведь тоже с условием: износишь — имеешь право другие в той же лавке на выбор потребовать⁶ из самого что ни на есть лучшего английского трико. Даром отпускают.⁷ Ну-с, приступим теперь к сапогам.⁸ Вася, смотри, ведь поношенные,⁹ а как ты думаешь — месяца на три удовлетворят. Это уж будь! Это уж я брал¹⁰ зазнамо. Я в сапогах специалист и этим горжусь.¹¹ Эта же пара только неделю и была в носке,¹² и работа заграничная: секретарь английского посольства на толкучем спустил. Деньги очень понадобились.¹³ Цена 1 рубль с пересылкою.¹⁴ Удачно?

— Да может, не в пору,¹⁵ — сказала Настасья.

— А это што? — и он торжественно¹⁶ вытащил из своего кармана мой сапог, грязный, с ужасной дырой, весь закорузлый и засохший.

— Я с запасом ходил, и как натуралист восстанавливал¹⁷ по одной косточке целый скелет, так и в лавке Фомина по этой¹⁸

---

¹ *Вместо:* посмотрел ~ на меня — *было:* смотрел [круго(м)] на меня и

² *Было:* каж(ется)

³ мой холодный ~ смущал его. *вписано на полях.*

⁴ двадцать пять *вписано.*

⁵ *Вместо:* штаны и жилет — *было:* пару

⁶ *Было:* потребовать. Ну-с, теперь сапоги.

⁷ *Вместо:* Ведь это ~ отпускают. — *было:* [Даром, даром совершенно, даром] Даром ведь, совершенно даром и тоже с условием: износишь — другие на выбор. *На полях вписано:* У Федюхина в лавке иначе и не торгуют. Кто раз купил, тот уж на будущий год может всегда даром заимствовать.

⁸ *Вместо:* приступим теперь к сапогам. — *было:* теперь сапоги.

⁹ *Было:* смотри, поношенные

¹⁰ брал *вписано.*

¹¹ Я в сапогах ~ горжусь. *вписано.*

¹² *Вместо:* Эта же пара ~ в носке — *было:* а. *Начато:* Да и новы(е) б. Только неделю и носилась: секретарь

¹³ Деньги очень понадобились. *вписано:* *было:* а. Деньги, говорит, надо, б. Деньги уж очень понадобились

¹⁴ *Вместо:* Цена 1 рубль с пересылкою. — *было:* Цена 1 рубль сереб(ом) без пересылки.

¹⁵ *Далее было вписано:* ему

¹⁶ торжественно *вписано.*

¹⁷ *Было:* как Кювье восстанавлив(ал)

¹⁸ *Было:* <по> сей

развалине восстановили мне настоящий размер,¹ да еще сказали: на том стоим-с, и скорей уж натуралист соврет, чем Фомин.² Теперь, Вася, наступает статья интимная:³ рубах у тебя нет ничего, это я знаю допо⟨длинно⟩ ⟨;⟩⁴ — так⁵ вот две холстинные с модным верхом,⁶ поношенные правда, но оттого они еще крепче стали:⁷ полтора рубля пара,⁸ невыразимых две шту⟨ки⟩: одна штука за деньги, а другая даром в придачу,⁹ да и довольно с тебя, потому, брат, невыразимые такая вещь, которая скрыта от глаз... общества, тем более высшего.¹⁰ Ну-с, полтора рубля¹¹ да рубль — два с половиной, да рубль двадцать пять, да потом еще¹² шесть гривен, итого, итого — четыре рубля тридцать копеек и вдобавок пять рублей семь гривен в остаче, и вот они (он выложил деньги на стол).¹³ Весь костюм, с ног до головы, потому что, по моему мнению, твое теперешнее¹⁴ пальто не только ⟨с. 103⟩ еще может служить, но даже имеет в себе какой-то вид особенного благородства.¹⁵ Ну-с, а на счет носков и проч. К черту их, к чему? Эту статью уж ты сам разреши⟨шь⟩¹⁶ с Наст⟨асьей⟩ ⟨;⟩.¹⁷ Советую отмыть¹⁸ теперешнюю твою рубашку, и так как она давно уже вся в развалинах, то надери себе из нее портянок. Хватит пары на две,¹⁹ не говорю уж об том, что теперь это по-

¹ *Вместо:* восстановили ~ размер — было: угадали мне мерку

² *Вместо:* и скорей ~ Фомин — было: ну а натуралист-то, пожалуй, и наврет

³ наступает статья интимная *вписано.*

⁴ это я знаю допо⟨длинно⟩ ⟨;⟩ *вписано.*

⁵ так *вписано.*

⁶ с модным верхом *вписано.*

⁷ *Вместо:* оттого они еще крепче стали — было: все-таки дорого стоит

⁸ *На полях:* Потому, брат, хор⟨ошее⟩ белье чем больше носится, тем крепче становится: это статья известная. [Помни]

⁹ *Вместо:* невыразимых две штуки ~ в придачу — было: невыразимые даром в придачу, всего одна штука

¹⁰ *Вместо:* общества, тем более высшего — было: а. общества б. высшего общества

¹¹ рубля *вписано.*

¹² потом еще *вписано.*

¹³ и вдобавок ~ на стол). *вписано. В автографе закрывающая скобка отсутствует.*

¹⁴ теперешнее *вписано.*

¹⁵ *Вместо:* какой-то вид особенного благородства. — было: еще что-то благородное.

¹⁶ *В автографе:* разрешилось

¹⁷ Эту статью ~ с Наст⟨асьей⟩ ⟨;⟩. *вписано на полях.*

¹⁸ *Было:* вымыть

¹⁹ *Было:* на две пары

всеместно в моду входит, даже между дамами.¹ Ну-тка, давай-ка я тебе нижнюю² рубашку перемену.

— Не надо... не надо... — отмахивался я руками.³

— Невозможно, Вася, ты ее до того заносил, до того в ней⁴ потел и проч., и проч., что, пожалуй, болезнь от того дня три лишних продержится. Давай, давай! Настенька, не конфузьтесь, а лучше помогите. Вот так!

И он насильно переменял на мне белье. Настасья взяла старую рубаху, чтоб вымыть.⁵ Я был в бешенстве,⁶ — повалился на изголовье и заплакал от злости.

— Ну, ну, ну что! Экой ведь он!.. — крикнул Разумихин, совершенно переменяя свой выделанный и балагурный тон,⁷ и даже с упреком посмотрел на меня.⁸

— Не нужно мне няnek, не нужно мне никаких благодетелей и утешителей,⁹ оставьте, оставьте меня, — хрипел я, всхлипывая.¹⁰

В эту минуту¹¹ дверь отворилась и вошел Бакавин. Это был лекарь покамест без места,¹² лекарь очень искусный; белокурый, с какими-то большими, но бесцветными глазами, с улыбкой саркастической, высокий и одутловатый.¹³ Я его и прежде встречал. С ним мне как-то всегда было особенно тяжело. <с. 104>

¹ *Вместо:* повсеместно ~ между дамами — было: [как] особенно в моде.

² *нижнюю вписано.*

³ *Было:* отмахивался я руками: и особенно мне <i>и</i> Между строками набросок к третьей (окончательной) редакции романа: — Пож(а)луст(а), оставь эт(о) всё, оставь, оставь, — отмахивался Раскольников. — Я не хочу, — ск(а)жи мне: из каких это всё денег?

⁴ *в ней вписано.*

⁵ *Было:* Настасья взяла рубаху, чтоб ее вымыть. *вписано.*

⁶ *Далее было:* не знаю почему

⁷ *Вместо:* выделанный и балагурный тон — было: выделанный на веселый лад

⁸ *совершенно ~ на меня. вписано между строками и на полях.*

⁹ *не нужно мне ~ утешителей вписано.*

¹⁰ *Далее между строками и на полях было вписано:* Разумихин очень грустно, с истинною печалью смотрел на меня.

— К чему, зачем ты, — говорил я с злобным ядом, — к чему ты со мной говоришь, как нянька, шутками разными развеселить меня хочешь, што ли? Да не умеешь. Что за шутки про высшее общество, про Пальмерстон... Ничего не умеешь... Не идет к тебе. — Я злобно засмеялся. *Позднее текст:* как нянька ~ злобно засмеялся — был перечеркнут вертикальной чертой.

¹¹ *В эту минуту вписано. Возможно, с этого абзаца начиналась глава 5.*

¹² *Далее было:* а я об нем слышал б. я его и прежде видел

¹³ *Вместо:* белокурый ~ одутловатый. — было: борода черная, [гладкая] глаза черные, одет в черное, лицо смугло-желтое, улыбка саркастическая.

— Ну что? — сказал он, пристально всматриваясь в мое лицо¹ и садясь на мою постель.

— Да вот всё хандрит, плакать вздумал, что мы ему белье переменили.²

— Понятно...³ — Он пощупал⁴ мне пульс и голову.

— Голова-то всё еще болит? — а?⁵

Я не отвечал.⁶

— Гм. Ничего. Хорошо. Всё хорошо. Ел он⁷ что-нибудь?

Ему рассказали и спросили, что можно давать?

— Да... Можно давать супу, чаю... сколько захочет.⁸ У него на то своя мерка.⁹ Грибов да огурцов, конечно, не давать.¹⁰ А что надо будет, так завтра посмотрим. Микстуру прочь.¹¹

— Завтра вечером я его гулять веду! — вскричал Разумихин.¹² — Вот и костюм приготовлен, в Юсупов сад поведу, а потом и в Пале де Кристаль¹³ зайдем.

— Ну, завтра-то его я бы и шевелить еще не стал,¹⁴ — апатически произнес Бакавин.¹⁵

— Экая досада, а послезавтра(?)¹⁶

---

¹ Было: в меня

² Между строк: белье не хочет перем(енить)

³ Далее было: Белье можно бы было и после переменить...

⁴ Было: щупал

⁵ Было: [а?] спросил он.

⁶ Слова: Я не отвечал. — позже зачеркнуты и вместо них вписан вариант, относящийся к третьей (окончательной) редакции: Я здоров, я совершенно здоров! — настойчиво и раздражительно произнес Раскольник(ов), приподы(маясь). Между строками набросок: Я здоров, я здоров, я не позволю распоряжаться, я могу ходить. На полях: Я здоров.

⁷ он вписано.

⁸ Вместо: Да... Можно ~ захочет... — было: Да всё то же. Супу, чаю... Ну, сколько захочет.

⁹ Далее было: а. теперь. б. есть.

¹⁰ Под строкой: разумеется, нельзя Далее было: Микстуру долой

¹¹ Микстуру прочь. вписано между строками. На полях вариант, относящийся к третьей (окончательной) редакции: З(осимов). Что надо будет... Завтра я посм(отрю). Чего тут? Микстуру прочь, всё прочь... Неудовлетворен — понятно. Говяди(ны) тоже не надо.

¹² Далее было: — Это положено.

¹³ Над строкой: и в palais de Cristal

¹⁴ Вместо: Ну, завтра-то ~ не стал — было: а. Нет, завтра-то его и шевелить нельзя будет б. Нет, по-моему, завтра-то я бы его и шевелить Над строкой: его шевелить нельзя. Надо еще пол(ежать)

¹⁵ Позднее исправлено: проговор(ил) Зосимов

¹⁶ Вместо: Экая досада, а послезавтра(?) — было: а. Экая досада, ну а послезавтра(?) б. Што ты! Далее как в тексте.

— И послезавтра.

— Экая досада, а я именно хотел его с Заметовым свести. Все углы знает и везде хозяин.

— Углы углами, ну, а кроме углов,¹ что может быть у тебя или у него с Заметовым общего? — спросил Бакавин, указывая на <с. 105> меня² и как-то особенно скривив свои губы в обличительную улыбку.³

Между строками и на полях внизу и слева вписаны наброски к третьей (окончательной) редакции романа (записи сделаны справа сверху вниз, внизу справа налево и далее вверх, последовательность указана соединяющими наброски линиями):

<—> Пожалуй, немного можно... Если пог(о)да.

<—> Эх, кабы сегодн(я) ко мне, буду дома.

<—> Я могу и теперь [ходи(ть)] [куда угодно] ходить и куда угодно пойду... если захочу.

<—> Кто будет?

[Кт(о *i*)] Зосимов промолчал.

<—> Эх, досада! — крикнул Разуმი(х)н. — Сегодн(я) я новоселье справляю, два шага, вот бы и он. [В(ы *i*)] Ты-то будешь? Ведь обещал, — обратился он вдруг к Зосим(ову).

— Да я, не знаю, пожалуй, кто будет-то?

<—> Да всё здешние, право, у меня то два месяца нет [гостей] <нрзб.>, то вдруг их целая туча. Всё здешние современ(и)ки *i*. [Есть] Кроме разве старика дяди, древнего старика, шестидесяти пяти лет, [в Пете(рбург)] неделю как в Петербург по делам приехал.

<—> Кто такой(?)

<—> Почтмейстер, где-то в уезде всю жизнь пробы(л), пенсион теперь получает. Беднейш(ий) человек, всё молчит, а я его очень люблю. Так лет в пять по разу как-нибудь видим(ся). Ну а там все прочи(е). Порфир(ий) [Пет(рович)] Степа(ныч), пристав следств(енных) дел, твой приятель. Да полно; не гримасн(ичай) [*нрзб.*] что вы поругались-то, так уж — ты не придешь, пожалуй.

— Кой черт мне до н(его!) Кто еще-то(?)

<—> Пестряков студент, вот в этой истории. Офицер один, естественно научник, один, учитель оди(н), мальчик оди(н), ну да чер(т), всё равно. Замето(в) будет. Эх, брат Родя, как бы я хотел его... Ну да ничего!

Р.(аскольников) не понима(л).

Между строками на <с. 107> вписано: Пестряков — вот он у меня будет сегодня.

¹ *Вместо:* Углы углами, ну, а кроме углов — было: а. Углы углами, а что б. Углы, конечно-то, углами, ну, а кроме того

² *Вместо:* что может ~ указывая на меня — было: а. что у тебя общего с этим Заметовым б. что может быть у тебя или у него (он на меня показал) с Заметовым общего

³ *Вместо:* как-то особенно ~ улыбку. — было: и скривив свои губы в вопросительно-насмешливую улыбку.

— Ох уж вы, всё-то вы на принципах,¹ глупость! А я так вот всякого хорошего² человека люблю. Хорош человек — вот и принцип.³ А с Заметовым и действительно есть у меня одно такое общее дельцо.⁴

— Желательно знать? — продолжал Бакавин.⁵

— А по делу о маляре,⁶ т. е. о красильщике-то?⁷ Уж мы его вытащим, а впрочем, и беды-то нет; и без нас выпустят, дело теперь совсем, совсем очевидное, а мы только пару ему поддадим.⁸

— Какой такой красильщик?

— Да ведь я ж тебе сказывал!⁹ Аль нет(?)¹⁰ Нет, впрочем, не рассказывал; я тебе только начало дела рассказывал; вот¹¹ про убийство старухи-то, ну а тут и маляр потом¹² подвернулся.

— Про¹³ убийство-то я и прежде твоего слышал и даже в газетах читал, и этим делом даже особо интересуюсь...¹⁴

— А тебе тут што?

— Да так...

⟨—⟩ А-а, понимаю, на счет Порфирия [Ивановича] Филиппич⟨а⟩.

— А што мне Порфирий Филиппич?..

⟨—⟩ Да уж что, слышал я, что вы за это дело с Порфирием чуть не подрались.

Молчание.

⟨—⟩ Какой-то смешной человек, Разумихин, хлопотун, — прибавил он, скривив рот.

— А ты из чего интересуешься, как сам сейчас сказал(?)

---

¹ *Вместо:* Ох уж вы, всё-то вы на принципах — *было:* Ну уж вы, всё-то принципы

² хорошего *вписано.*

³ Хорош человек — вот и принцип. *вписано.*

⁴ *Вместо:* у меня одно такое общее дельцо. — *было:* одно дело общее.

⁵ *Далее было вписано:* Да ведь я рассказывал, аль нет?

⁶ *Было:* А всё по делу о маляре

⁷ *Было:* красильщике

⁸ *Вместо:* Уж мы его ~ поддадим. — *было:* Уж мы вытащим его из беды, а впрочем, и беды-то нет, дело теперь очевидное, а мы еще поработаем.

⁹ *Было:* рассказывал

¹⁰ Аль нет? *вписано.*

¹¹ вот *вписано.*

¹² потом *вписано.*

¹³ *Было:* Да про

¹⁴ и даже ~ интересуюсь... *вписано.* *Далее было:* — А [вам зачем] тебе на што? — Да следователь... Я с ним... Я его... Там в одном семействе встречаем⟨ся⟩. А впрочем, тебе на што?

— Я кого (¿) за добрым делом...

— Ну, ну довольно...¹

— Лизавету-то тоже зарезали, — вдруг перебила² Настасья, обращаясь прямо ко мне.

— Какую Лизавету? — пробормотал³ я, будучи уж⁴ не в силах смолчать.

— А Лизавету Петровну, торговку-то. Не знаешь ее, што ль?⁵ Она сюда вниз ходила. Еще тебе рубаху, вот ефту самую, починила.

— Эту рубаху? — чуть слышно повторил я за ней.⁶ (с. 106)⁷

— А как же! Ты думал, чинила-то я. Я тонкой иглой шить не умею. Ишь в пяти местах заплат наставила, — бормотала она, перебирая рубаху, — уж у тебя и рубаха-то, ишь ведь!⁸ Еще десять копеек с тебя за чинку следовало,⁹ да ты и доселева не отдал... А убили беременную, на сносях была, ведь над (нею) кто захотел, тот и надругался.¹⁰

— Ну, так что ж маляр?¹¹ — перебил Бакавин, обращаясь к Разумихину.

— Да просто-запросто в убийцы записали.¹²

— Улики, что ль? Да... как же это? Опять, что ль, улики новые появились? — спросил Бакавин, видимо желая что-то выведать.¹³

---

¹ А тебе тут ~ довольно... — *вписано на полях слева и внизу.*

² *Вместо:* зарезали, — вдруг перебила — *было:* а. убили, — брякнула — *вдруг б. убили, — вдруг [ввязалась] брякнула*

³ *Было:* ответил

⁴ *уж вписано.*

⁵ *Вместо:* Не знаешь ее, што ль? — *было:* Будто не знаешь.

⁶ *Вместо:* Эту рубаху? ~ за ней. — *было:* Рубаху эту починила, — повторил я за ней.

⁷ *На верхнем поле набросок, относящийся к последующему тексту (см. с. 95, примеч. 3).*

⁸ *уж у тебя и рубаха-то, ишь ведь! вписано.*

⁹ *Вместо:* с тебя за чинку следовало — *было:* с тебя ей следовало

¹⁰ *Далее было:*

— И я ее знал, и мне она белье чинила. Идиотка она. Ее старуха беременную колотила. Я сам видел.

— Беременная, беременная шестой

¹¹ *Вместо:* Ну, так что ж маляр? — *было:* Так что ж тут маляр-то? *Между строками вписан вариант к третьей (окончательной) редакции романа:* Ну так что ж красиль(щик)?

¹² *Вместо:* Да просто-запросто в убийцы записали. — *было:* а. А вот что маляр. Его просто-запросто стали подозревать, что это дело его, б. Да просто-запросто в убийцы пожаловали. в. Да просто-запросто чуть в убийцы не записали.

¹³ *Вместо:* Улики, что ль? ~ выведать. — *было:* [Улики, што ль?] Да он-то тут как? Улики, что ль, новые явились? Интересно.

— Какие, черт, улики! А впрочем, именно¹ улика, да улика-то² эта не улика, вот что требуется доказать. Сначала они заподозрили двух этих, как бишь их, — ну,³ Бергштольца да Котелина, студента. Фу, как это всё глупо! Так даже вчуже жёлчь подни(мается).⁴ Кстати, Вася, ты эту штуку тоже ведь знаешь.⁵ Без тебя одно убийство случилось. И ведь тем замечательно, что эти убийства да разные штуки всё чаще и чаще.⁶ Ты еще тогда выходил, ну да вот⁷ когда ты в часть ходил... Что ж я! да ты там ведь про это и слышал.⁸ При тебе рассказывали, еще ты в обморок там упал.⁹ Это еще до болезни. Накануне как ты был у меня.¹⁰

— Как в обморок упал! Господи!¹¹

Я молча отвернулся.¹² Не мог я глядеть на них и чуть дышал.¹³

— Ну?

— Ну Бергштолец, — этот толстяк-то, да и Котелин, самые удовлетворительные объяснения дали. Это уж ты слышал от Порфирия Филиппича.¹⁴ Во-первых, что ж бы им за охота самим убить да тотчас и дворника привести. Дверь, дескать, (с. 107)¹⁵ отперта. Дворнику пошли¹⁶ сказали, что изнутри заперта, а при-

¹ *Далее начато:* на(шли) (и)

² *Далее было:* тут

³ двух этих, как бишь их, — ну *вписано*.

⁴ Фу, как ~ поднимается. *вписано*.

⁵ *Вместо:* ты эту штуку тоже ведь знаешь. — *было:* ты этой штуки новой не знаешь.

⁶ *На полях:* NB *Вместо:* Без тебя ~ чаще и чаще. — *было:* Без тебя, т. е. когда вот ты тут лежал, [а здесь недалеко] а тут под боком у нас убийство случилось, т. е., впрочем

⁷ вот *вписано*.

⁸ *Вместо:* Что ж я! да ты там ведь про это и слышал. — *было:* Да ты слышал. Что ж я!

⁹ При тебе ~ там упал. *вписано*.

¹⁰ *Между строками вариант:* Еще как в обморок-то упал; мне рассказ(ывали). Он в обморок та(м) упал.

¹¹ *Было:* — а. Заметов, подумалось мне; б. Это Заметов рассказал в. Тут Заметов г. Как в обморок упал! Господи! Господи!

¹² *Вместо:* Я молча отвернулся. — *было:* Я молча отвернулся к стене.

¹³ и чуть дышал *вписано*.

¹⁴ Это уж ты слышал от Порфирия Филиппича. *вписано*.

¹⁵ *Вверху страницы заметка:* NB. Никакого спору с Бакавиным: просто-запросто коротко и ясно дело рассказывает.

¹⁶ пошли *вписано*.

шли — она вдруг¹ отперта. Ну вот в этом-то и камень преткновения. Это их сбило с толку.²

— И Бергштольца знаю, — сказал Бакавин. — Он у старухи просроченные заклады скупал.³ Это шельма,⁴ да то-то вот у нас — что шельма, что заклады скупал, так вот уж он непременно и убил. Из чего он это вывел?⁵ Хвастунишка он.

— Знаю, вы чуть не подрались с Порфирием у Порошиных. Это правда, что Порфирий гордый, но со способностями, и следователь из него выйдет отличный.⁵ Теперь, при реформе, нам таких людей надо практическ(их).

— Ну да что дальше-то?⁶ — с неудовольствием перебил Бакавин.⁷

— Ну так. Эти оба⁸ отвернулись тотчас, и студент, и Бергштолец, их⁹ десятки свидетелей видели в последние полчаса. На каждую минуту свой свидетель представлен.

— Да это всё мне известно.

— К тому ж их обоих¹⁰ дворники видели, как они вошли, сначала Бергштолец,¹¹ а потом студент.¹²

¹ она вдруг *вписано*.

² Это их сбило с толку *вписано*. На полях (с. 108) и (с. 109) взаимосвязанные записи, составляющие набросок фрагмента к третьей (окончательной) редакции романа (см.: б. 117, строки 16—31): <ру>тину их жирную, закорузлую, подлую — вот на что нападаю. Тут психология, тут по психологическ(им) данны(м) иди, а они пропустят мим(о), да и на факт смотреть с эн(тузиазмом) — тут целый мир открывается. (с. 108) Слушай... [Д] [Ты говоришь, я хлопоту(н), да разве] (с. 109) а еще новые деятели. Ты Порфирия впроче(м) не кори, его не разбер(ешь), всё молчит. А работника заарест(о)вал(и). (с. 108) Вдруг самы(й) неожиданн(ый) факт всё раскрывает. Крестьянин Пушкин, содержатель распивочно(й) и на вынос, представлял уже на третий день вещь. (с. 109)

³ *Вместо*: И Бергштольца знаю ~ скупал. — *было*: — а. Знаю. Э(тот Бергштолец) б. Это я уж всё знаю, — сказал Бакавин. — Этот Бергштолец у ней просроченные заклады скупал и внизу же серебреннику их продав(ал).

⁴ *Далее было*: знаю

⁵ отличный *вписано*.

⁶ *Вместо*: Ну да что дальше-то? — *было*: Ну, так что же? [что] как же этот

⁷ Это шельма ~ перебил Бакавин. — *вписано между строками и на полях*.

⁸ оба *вписано*.

⁹ *Вместо*: Ну так ~ их — *было*: а. Шельма, да не виноват. Обоих, и его, и студента б. Ну вот, по порядку. *Далее как в тексте*.

¹⁰ *Вместо*: Да это ~ обоих — *было*: Да к тому же их обоих

¹¹ *Было*: тот

¹² *Далее было*: Студент-то а. выкупить б. закладывать вещь приходил, так в такое время, каких-нибудь три минуты, как он там пробыл,

— Это на квартиру-то пустую думают, что там убийца прятался, когда они приходили?¹ Это всё мне известно, вся эта теория, — насмешливо прибавил Бакавин.²

— Непременно, — с жаром вскричал Разумихин, как бы предвидя возражения,³ — иначе повстречали бы его.

— Хитро. Только уж что-то больно всё это, — пробормотал, скривив рот, Бакавин, — на тонину смахивает.⁴ Надо бы потолще, да пояснее.⁵ <с. 108>

— Эх ты, Бакавин, какой! — с горячим упреком и с болью⁶ крикнул Разумихин, — бесподобный ты малый и благороднейший человек, а ненависть какая в тебе. Что в одном доме встречаетесь и что враги, черт знает из-за чего, так вот и надо противуречить очевидности, не понимать! А по-моему, так Порфирий [в суть] теп(ерь љ) в самую, в самую точку попал.⁷

<—> Тут у него, видишь,⁸ на первом шаге вопрос, который он разрешить не может: вместе ль в квартире⁹ были Лизавета и старуха, — хладнокровно сказал Бакавин,¹⁰ — когда убийца их убивал,¹¹ иль он обеих порознь уколошил?

— Порознь, порознь! — вскричал, горячась, Разумихин. — В том-то и штука, што порознь, теперь на этом все дальнейшие догадки построены.

— Порознь — так¹² значит, он стал бить старуху, а дверей не запер? Потому что в них потом другая вошла. Иначе, с какой

нет возможности убийство совершить, несмотря на то что [еще] оба трупа, когда дворники вошли, были еще теплые. Значит, именно там в то время, как эти господа стучались, и убийца сидел [и они правду говорили, что заперто]. Они его застали, ему помешали, и уж он бы попался, какмышь, если б Бергштольц не наскучил ждать студента и не а. сошел б. пошел, дурак, тоже за дворником. Убийца крючок-то отворил да и был таков.

¹ *Перед фразой:* Это на квартиру-то ~ приходили? — *было:* Знаю я все эти предположения.

² Это всё ~ Бакавин. *вписано.* *Выше было вписано:* слышал

³ с жаром ~ возражения *вписано.*

⁴ *Вместо:* Хитро, ~ смахивает. — *было:* а. Да все-таки это как-то уж на тонину смахивает. б. Нет, уж это что-то

⁵ *Далее было:* [Как они] Вот еще следовательно полагает. Я следовательно-то знаю, этот следовательно фанфарониска, психология!

⁶ с болью *вписано.*

⁷ Эх ты, Бакавин, какой! ~ попал. *вписано на полях.*

⁸ *Было:* А тут

⁹ в квартире *вписано.*

¹⁰ хладнокровно сказал Бакавин *вписано.*

¹¹ *Вместо:* когда убийца их убивал — *было:* когда тот пришел

¹² так *вписано.*

бы стати ему впускать. Так же бы точно обробел и притаился, как и от Бергштольца.¹

— В том-то и дело, что эта незапертая дверь — выходит, драгоценнейший факт,² и на нем вся штука основывается.

— Хитро...

— Совсем не хитро.³ Эх уж ты, Бакавин! [Уж] Не взлюбил человек, так и разорвать готов. Что вы там с этим Порфирием за одной и той же волочитесь, так уж...⁴

— Да полно вздор-то молоть, — побледнев, но спокойно сказал Бакавин.

— Вздор?⁵ А факты? Факты показывают, что не вздор, не теория.⁶ Теперь всё это восстановлено, и это непременно всё⁷ так! Убийца, во-первых, кто бы там ни был, был человек опытный.

— А Семенов (следователь)⁸ говорил, что ловкий и опытный, ловкий, петля.

— Это он врет, тут он соврал! Да и притом он это только вначале говорил, а теперь согласен,⁹ непременно неловкий и неопытный и именно это был его первый шаг. Он до того растерялся,¹⁰ что даже забыл дверь запереть. И это-то, это-то верность точки, основание всему. Тут психология. Чего смеешься?¹¹ И только и умел, что убить, потому что¹² даже и денег-то захватить не умел.¹³ Тут же, в том же самом сундуке, пятипроцентных

---

¹ Потому что ~ от Бергштольца. *вписано*.

² *Вместо:* эта незапертая дверь ~ факт — *было:* это драгоценнейший факт

³ *Далее было:* — Это был совершенно посторонний человек, который с 1-го разу до того обробел, что про дверь и забыл.

— а. Ну да, психологические этюды, хитро-с. б. Ну да, уж слышали, психологические этюды, хитро-с.

⁴ Не взлюбил ~ так уж... *вписано*.

⁵ *Далее было:* А факты? — крикнул что есть силы Разумихин. Он до невероятности горячился, из себя выходил. Он был всегда таков. Бакавин [как <с>] же был [апатичен] как-то даже вял, и мне показалось [даже тогда], что [Бакавину] ему хочется будто бы а. что-то выведать. б. выведать что-то.

⁶ *Вместо:* Факты ~ не теория. — *было:* Факты? а. Стой! Слушай! Как было дело? б. Да ты выслушай! Как было дело, с самого начала?

⁷ всё *вписано*.

⁸ *Вместо:* А Семенов (следователь) — *было:* А следователь

⁹ тут он ~ согласен *вписано*.

¹⁰ *Было:* обробел

¹¹ И это-то ~ смеешься? *вписано*.

¹² *Далее было:* и

¹³ *Было:* не успел.

(с. 109)¹ билетов на полторы тысячи оказалось, а он их и не взял, а только несколько вещей каких-нибудь² захватил, черт знает для чего,³ а может, и ничего не успел захватить,⁴ и не потому именно, что ему помешали, а потому что уж очень сконфузился. Он, и брать-то чего, не знал. Правда, и помешали, вошла Лизавета, непременно так, ее не было дома, да и быть не могло, да⁵ и узел подле нее оказался, и дворник ее видел, как она с этим узлом в ворота входила и⁶ к себе наверх пошла. Это минут за десять было до того, как уж их⁷ убитых нашли.⁸ Значит: всё дело обошлось каких-нибудь в пять⁹ минут. Убийца, испугавшись, что дверь была отворена и вошла Лизавета, заперся, а ее убил.¹⁰ Заметить себе, он топор отмывал.¹¹ Тут вдруг¹² Бергштольц и Котелин являются и начинают стучать.¹³ Но (1 нрзб.) главное¹⁴ в том, что третьего дни и не далее утром в полицию представлены были сережки, заложенные в распивочной, крестьянину Мортерину, за-

¹ На полях зачеркнут набросок, относящийся к последующему тексту (см. ниже, с. 95, примеч. 4).

² Вместо: их и не взял, а только несколько вещей каких-нибудь — было: не взял, а только очевидно несколько вещей

³ черт знает для чего вписано.

⁴ захватить вписано.

⁵ Вместо: и не потому ~ быть не могло, да — было: а. и именно потому, что не успел, и именно потому, что помешали, и помешала Лизавета, а не тот другой б. и не потому именно, что ему помешали, а потому что уж очень сконфузился. Правда, и помешали, вошла Лизавета, непременно она

⁶ в ворота входила и вписано.

⁷ Было: а. как они на(верх) б. как их уж

⁸ Было: увидели

⁹ Было: в десять

¹⁰ Вместо: Убийца ~ ее убил. — было: Убийца-то тут испугался, что дверь отворена была и заперся.

¹¹ На полях: в воде кровь оказалась — вот он чем занят был.

— Значит, предусмотрительный человек.

— Нет, нет, не предусмотрительный, а именно неопытный. Ох, жаль, что я не могу теперь этого всего-всего рассказать. Ну почему ты обвиняешь Порфирия, что он на Бергштольца подумал? Его и студента Котелин(а) и нельзя было не потревожить.

¹² вдруг вписано.

¹³ Вместо: являются и начинают стучать — было: сошлись и стали стучать. Ни тот, ни другой никогда друг друга до тех пор и не выдвигали и доказательства всевозможные тому представили. Но несмотря на всю нелепость и на все доказательства, их-таки все-таки захватили [и следовательно, действительно, маху дал, что на них было подумал, потому что на другой же день вечером], потому что и нельзя было иначе. И не было а. тут никакой б. никакой тут ошибки следователя.

¹⁴ главное вписано.

ложены же в тот самый вечер убийства и именно¹ красильщиком, который тут в пустой квартире мазал. Сережки были в футляре, и футляр обернут в бумагу,² а на³ каждой подобной⁴ обертке старуха обыкновенно имела фамилию прописывать, чья, дескать, вещь,⁵ и многие из оставши(х)ся в сундуке вещь(ей) оказались с такими ж обертками и с прописанными на них фамилиями. Работник во всем повинился⁶ и обертку представил, он её тут же в квартире и бросил...⁷

— Повинился? Значит...

— Совсем не значит. То-то и штука, што нет. Повинился, да не в том.⁸ Об этом-то мы и хлопочем, он всё изъяснил и правду до последнего слова сказал.⁹ Он эту самую (с. 27)¹⁰ вещь, эти самые сережки, — продолжал отдельно и торжественно Вразумихин, — этот самый футлярчик нашел в пустой квартире, за дверью, нашел в то же самое время, почти в ту же самую минуту, как наверху¹¹ дворник с Бергштольцем и студентом вошли и трупы увидели.¹²

— Да чем же он доказывает?

— Видели его, видели! в том-то и дело, что видели! Три свидетеля, которые в это самое почти время по лестнице проходили, его видели. Бергштольд и студент с первого еще началу, когда и подозрения на него не было,¹³ показали, что он тут был, когда они поочередно наверх проходили и когда квартира была заперта.

{—} Как же он мог быть и там, запершись, и тут?

{—} И чиновник один, посторонний, который на лестнице Бергштольца встретил, помнит, что работник в это время был

---

¹ *Вместо:* заложены ~ именно — *было:* хозяину распивочной, заложены накануне, в девятом часу, заложены

² *Вместо:* в футляре ~ в бумагу — *было:* в футляре и в бумаге

³ *Далее было начато:* бу(маге)

⁴ *Далее было:* бумаге была с(тарухой)

⁵ *Далее было:* а все оставшиеся в сундуке вещи,

⁶ *Вместо:* во всем повинился — *было:* провинился

⁷ *Далее было:* — Так, стало быть, это улика.

⁸ *Повинился, да не в том. вписано.*

⁹ *Вместо:* он всё изъяснил ~ сказал — *было:* работник всё объяснил и правду сказал.

¹⁰ *Вверху страницы вписано:* Как бы то ни было, а убийца один из закладчиков. Разумеется! — Порфирий их спрашивает. — А откуда их нашел? — Одних Кох указал. — Закладчиков спрашивают? {—} А что?

¹¹ *Вместо:* эти самые ~ наверху — *было:* продолжал отдельно и торжественно Вразумихин, — этот самый футлярчик с сережками нашел в пустой квартире, за дверью, нашел в то же самое время, как наверху уж

¹² *Далее было:* — Ну, так он и убил?

¹³ с первого еще ~ не было *вписано.*

тут,¹ а Бергштольц, так тот даже остановился и спросил работника:² чья квартира? Потому ушлого характера, что всё ему надо узнать — (пустая-то, которую красили).³ И этот вопрос, этот свой разговор с работником выставлял он в первый же вечер допроса,⁴ как свидетельство,⁵ и что его, дескать, работник видел, он работника как свидетеля ставил, тогда как еще на самого работника никаких подозрений не было. Работник-то, как только уж они за дворником пошли, побежал из квартиры за Митькой, за другим работником, за товарищем, с которым вместе мазали,⁶ и со всего маху с криком налетел на всю партию, на <с. 28> Бергштольца, студента и дворника, которые шли уж наверх. Те его выбрали, а он все-таки, не останавливаясь, преследовал Митьку. Штука, стало быть, именно в том и оказывается, что настоящий убийца успел выскочить и, услышав, что дворники уж идут, скользнул в отпертую настежь⁷ квартиру, на этот раз пустую, потому что работник только что выбежал Митьку догонять,⁸ переждал,⁹ и как дворник с Бергштольцем¹⁰ прошли мимо него наверх (воображаю его положение в эту минуту), и как всё кончилось,¹¹ и¹² был таков, только следы оставил — коробочку с серьгами потерял. А работник, оттузив Митьку, через минуту явился, глядь — на полу сережки.¹³ Долго не думая, он¹⁴ квартиру-то запер и, разумеется, тотчас в распивочную, где заложил¹⁵ находку Мортирину за 2 руб. Вещь новая 6 руб. стоит.¹⁶ А как

¹ и когда квартира ~ был тут *вписано между строками и на полях.*

² Было: его

³ Вместо: чья квартира? ~ которую красили). было: чья квартира, пустая-то, которую красили.

⁴ он в первый же вечер допроса *вписано.*

⁵ Далее было: [что его] как оправданье свое, что он именно за а. минуту [одну] б. одну только минуту вошел, а. и что [нрзб.], стало быть, нельзя в одну минуту убить. б. что через минуту они вдвоем дворника звали и что [нрзб.], стало быть, нельзя в одну минуту убить. Да и убив, а не обобрав, оставя сундук только початым, нечего им было дворника звать. Да не в них дело, а дело в работнике.

⁶ за товарищем, с которым вместе мазали *вписано.*

⁷ настежь *вписано.*

⁸ потому что ~ догонять *вписано.*

⁹ Было: там переждал

¹⁰ Вместо: дворник с Бергштольцем — было: те

¹¹ (воображаю ~ кончилось *вписано.*

¹² Было: он и

¹³ Вместо: глядь — на полу сережки — было: нашел вещь

¹⁴ Вместо: Долго не думая он — было: и найдя их, нимало не медля

¹⁵ разумеется ~ где заложил — было: тотчас в распивочную, где их и заложил.

¹⁶ находку ~ стоит. *вписано.*

Мортирин услышал про всё, подумал-подумал да¹ и явился, наконец, с серьгами в полицию, и именно третьего дня.² Так, дескать, и так, вот и вся штука!

— Этого я не слыхал. Да, штука сложная! И вот увидишь, они тут всех вместе запутали, — пробормотал, подымаясь, Бакавин.³ — А знаешь что, Разумихин, надо заметить, что ты большой... сплетник.⁴

— Да наплевать. Я, может быть, горячо что-нибудь давеча сказал, а ты обиделся, а?⁵

— Ну черт с тобой, — сказал Бакавин, полудружески махнул головой и вышел.

— Да что он, рассердился, што ль, — вскричал Разумихин.⁶

— С Лизаветой жил, — брякнула Настасья, как только он вышел.

— Как? Он? быть не может? — вскричал Разумихин.

— Он. Она ему и белье стирала. Тоже ничего не давал.⁷

— Да совсем нет! — вскричал Разумихин. — У ней и другой был. Я знаю.⁸

— Да, может, и третий был,⁹ может, и четвертый, — засмеялась Настасья. — Девка была сговорчивая.¹⁰ И не то чтоб

---

¹ *Вместо:* А как Мортирин услышал про всё, подумал-подумал, да — *было:* А как услышали на другой день про розыск, крестьянин Мортирин

² *Вместо:* явился ~ третьего дня. — *было:* явился с серьгами.

³ *Вместо:* Этого ~ Бакавин. — *было:* Да, штука сложная! — пробормотал, подымаясь, Заметов. Ну-с, до свидания... *Вверху* (с. 106) *набросок:* Бакавин замечает: (—) Выходит, что они всю эту штуку вместе сочинили, т. е. и Бергштольц, и студент, и работник вместе убили, а потом и подсочинили всю эту комедию.

— Ну, так представь же, что действительно они на этом остановились. Да к счастью свидетель!

— Экие пакости делаете.

(—) Да, пакости... — Бакави(н) встал.

⁴ *Было:* хлопотун. *На полях* (с. 109) *зачеркнуто:* слушай... ты говоришь, я «хлопотун», да разве

⁵ *Вместо:* А знаешь ~ обиделся, а? — *было:* А, однако, надо заметить, г. Разумихин, что вы любите вещами интересоваться. Ну-с, до свидания...

— То есть как это?

⁶ Ну черт с тобой ~ Разумихин. *вписано.*

⁷ *Вместо:* ничего не давал — *было:* мало платил

⁸ *Вместо:* и другой был. Я знаю. — *было:* другой был.

⁹ был *вписано.*

¹⁰ *Вместо:* Девка была сговорчивая. — *было:* Она была девка сговорчивая.

так своей волей, а так уж от смирения своего терпела.¹ Всяк-то² озорник над ней потешался. А робеночек-то, что нашли, был его, лекарев.

— Какой робенок?

— А ведь ее ж потрошили. На шестом месяце была. Мальчик. Мертвенький. <с. 29>

<—> Да... помню... — задумчиво сказал Разуმიхи<н>. — А про Бакавина я этого не знал. А впрочем, ты врешь, Настасья. — <Разумихин> посвистал.³ — А впрочем, что же, одно другому не мешает, потому он, видишь ли, Вася, на следователя зол. Это на Порфирия-то Иванови<ча>. Они у Порошиных оба за дочкой претендуют, так чуть не дерутся, во всем соперничают.⁴ Вот он теперь опять пойдет с ним сегодня у Порошиных спорить, злость срывать. Мальй он, впрочем, славный, да...⁵ А впрочем, мы тебя замучили, Вася, да и разговор-то такой. Спишь?

Я молча⁶ отвортился к стене.

— В самом деле: смешной я человек и, уж конечно, сплетник. Это правду Бакавин сказал, — прибавил он в добродушном раздумье. — От этого я отучусь, — прибавил он серьезно.⁷ — Ну да⁸ довольно. Настенька, так то, об чем я вам говорил, попомните.⁹ Нет, нет, да и загляните сюда.¹⁰ И ночью. До свидания, Вася.¹¹ Вещи сдал, деньги сдал... Ничего не забыл — про-

---

¹ *Вместо:* так своей ~ терпела. — *было:* ей самой надо было, а так [в] уж от смирения отговориться не умела.

² *Было:* Всяк

³ *Вместо:* Да... помню ~ посвистал. — *было:* а. Эва! Рахметов посвистал. б. Эва! Я этого не знал про Бакавина. А впрочем, ты врешь, Настасья. Рахметов посвистал.

⁴ *Вместо:* на следователя ~ соперничают. — *было:* потому на следователя зол, что у Порошиных оба за дочерью волочатся, так чуть не подрались.

⁵ *Вместо:* злость срывать. Мальй он, впрочем, славный, да... — *было:* а. *Начато:* Дочь-то Порошина б. Злость срывать, потому что его совсем там не любят. Какой-то он, право...

⁶ *Вместо:* Я молча — *было:* Я взглянул и молча

⁷ В самом деле ~ серьезно. *вписано. Рядом незначеркнутый вариант:* до всего-то мне дело есть. Сплетник уж я, что ли, какой?... — сказал он в каком-то добродушном раздумье.

⁸ *Было:* Ну

⁹ *Вместо:* об чем я вам говорил, попомните — *было:* [что] об чем я говорил, помните.

¹⁰ *Было:* к нему

¹¹ *Вместо:* До свидания, Вася. — *было:* а. А мне пора. Прощай, Вася.; б. До свидания, Вася, мне пора.

щай.¹ Настасья, выйдем-ка,² я тебе еще одно милое³ словечко скажу.

Когда они вышли, я вскинулся навзничь и схватил себя за голову.⁴ (с. 30)⁵

⁶«Подлецы, истязатели, сплетник! сплетник! Сплетник! Почему⁷ Заметов рассказал ему про обморок? Значит, Заметов⁸ подозревает, что я в обморок упал именно⁹ от этого. Так! так: Я с самого начала знал,¹⁰ что он подозревает.¹¹ Змея!¹² Подлец Разумихин. Его шпионят, шпионом употребляют, а он не замечает...¹³ Подлец! Американские соединенные штаты! Экая острота кадетская!

И неужели вечно, вечно это будет продолжаться!¹⁴ Завтра же съеду отсюда. О, как я их всех ненавижу! Как бы взял я их и всех, всех до единого зарезал.¹⁵ Я зарежу¹⁶ Заметова! Будь я проклят. О, проклятая болезнь...¹⁷»

Я очень хорошо помню, что в ту же ночь я хотел идти нанимать квартиру, не понимая, что теперь ночь, а не день.¹⁸ Не-

¹ Было: до свидания

² Было: выйди

³ милое вписано.

⁴ Вместо: Когда они ~ за голову. — было: Когда он вышел, Настасья постояла, хотела было что-то сказать, но заблагорассудила выйти. На полях: Всех подозреваю. Я теперь пишу, вспоминая хладнокровнее.

⁵ На полях продолжение начатого на (с. 31) (см. с. 99, примеч. 5) варианта к последующему тексту (см. с. 100, примеч. 5).

⁶ Вверху страницы, перед следующим далее текстом было: VI

⁷ Было: Кому

⁸ Далее было: именно

⁹ именно вписано.

¹⁰ Вместо: Так! ~ знал было: а. Я подозревал б. Я с самого начала знал

¹¹ с самого ~ подозревает. вписано.

¹² Было: Экая змея! Он разыщет! Он разнохает!

¹³ Далее было: Что мне делать! что мне теперь делать!

¹⁴ Далее было начато: Что

¹⁵ Было: перерезал

¹⁶ Было: Я зарежу, зарежу

¹⁷ Было: болезнь! Дойдя здесь до конца абзаца, Достоевский вычеркивает текст: Подлецы ~ болезнь... — и предшествующую ему цифру VI, повторяет ее ниже и начинает под нею с абзаца новый текст: А между тем болезнь проходила и след. При дальнейшей работе в образованный цифрою пробел (в том числе по ней самой) вписывается текст: Я очень хорошо помню ~ потом в Америку...

¹⁸ не понимая ~ день. вписано.

сколько раз срывался я с постели, сбивая с себя тяжелое забытье, и потом, скрежеща зубами, опять падал на¹ постель.²

К утру, сквозь сон, мне мерещился всё проэкт уехать, убежать, как-нибудь³ сначала в Финляндию, а потом в Америку...

А между тем болезнь проходила. Через три дня, когда все эти нравственные страдания, боязнь, подозрительность и мнительность возросли во мне до размеров чудовищных, — физически я стал себя чувствовать всё более и более в силах; но я притворился.⁴

Я их всех⁵ обманул. Меня подталкивала какая-то животная, звериная хитрость: обмануть охотника и провести всю эту стаю собак. Только об себе и об своем спасении я и думал и не подозревая, между прочим, что⁶ на мне вовсе нет таких подозрений и улик, которые я преувеличил сам ⟨i⟩ себе,⁷ и что, в сущности, я почти совсем безопасен. Но разговор⁸ об убийстве,⁹ бывший подле моей постели между Разумихиным и Бакавиным, довел меня до нестерпимой злобы, и замечательно еще то, что во всё время этих мучений, этого страха, я ни разу не подумал о совершенном преступлении.¹⁰ Животная злоба и чувство самосохранения поглотили всё. Итак, я их всех обманул.¹¹ Я нарочно казался все три дня таким слабым, что как будто и пошевелиться не могу и чтоб они¹² поверили. Я с ними не говорил почти ни слова, и особенно с Разумихиным. Не понимаю: я столько показал ему в это время ненависти¹³ взглядами, невниманием, грубостью,¹⁴ —

---

¹ Далее было: [бол ⟨не дописано⟩]

² Вместо: тяжелое забытье ~ на постель. — было: тяжелое забытье. О, как тяжелы были эти пробуждения.

³ как-нибудь *вписано*.

⁴ Вместо: Через три дня ~ притворился. — было: Через три дня я стал себя чувствовать в силах; но я притворился.

⁵ всех *вписано*.

⁶ Далее было: я гораздо

⁷ Вместо: преувеличил сам ⟨i⟩ себе — было: а. воображал б. с таким ужасом воображал

⁸ Было: рассказ

⁹ Было: о преступлении

¹⁰ Вместо: ни разу ~ преступлении. — было: я ни разу не почувствовал ни малейшего собствен⟨ного⟩ сожаления о совершенном мною преступлении.

¹¹ Меня подталкивала ~ обманул. *вписано между строками и на полях*.

¹² Вместо: все три дня ~ чтоб они — было: таким слабым, что даже пошевелиться не могу и они

¹³ в это время ненависти *вписано*.

¹⁴ Было: злобой

что уж, кажется, можно бы ему¹ меня бросить. Действительно, он как будто про себя втихомолку оскорбляться начал, и всего мне досаднее было то, что он, вероятно, всё это моему болезненному состоянию приписывал, а потому и терпел.² Он,³ кажется, дал себе слово поставить меня на ноги, а до тех пор быть моей нянькой. И мне тем более хотелось их всех озадачить,⁴ чтоб *⟨с. 31⟩*⁵ уж не одному болезненному состоянию они мою злобу⁶ приписывали...

На третий день к вечеру, когда проклятый Бакавин,⁷ который повадился ходить к нам для болтовни (о Боже, какие все они⁸ болтуны!),⁹ ушел, — я тотчас же притворился, что сплю. Разумихин, сделав свои обычные распоряжения и проговорив ужасно много сожалений о том, что я не могу быть у него завтра вечером по поводу дня его рождения, вышел. Я знал, что он Наверстывал потерянное со мной время по ночам и работал до 4-х часов утра. Только что он вышел, я мигом встал,¹⁰ оделся и отправился со двора отыскивать себе другую квартиру. Денег моих, я надеялся, на переезд хватит, я нанял бы угол от жильцов и к тому же на днях я должен был получить еще от матери.¹¹ О, как я радовался, воображая, как они ахнут, когда узнают, что больной, который вчера едва двигался, уж на другую квартиру от них съехал.¹² Почему я воображал, что я от них избавлюсь, что тем самым не привлеку их еще сильнее к себе, хотя бы и на другую квартиру,¹³ и, может быть, не зароню этим в них уже настоящих

---

¹ ему *вписано*.

² *Вместо*: вероятно, всё это ~ приписывал, а потому и терпел. — *было*: всё это моему болезненному состоянию приписывает. и *вписано*.

³ *Далее было*: говорил

⁴ *Вместо*: а потому ~ озадачить — *было*: Вот почему я и решился их всех озадачить.

⁵ *На полях ⟨с. 30—31⟩ вписан вариант к последующему тексту (см. с. 100. примеч. 5).*

⁶ они мою злобу *вписано*.

⁷ *Далее было*: ушел

⁸ *Далее было*: каза(лись)

⁹ (о Боже ~ болтуны!) *вписано*.

¹⁰ *Вместо*: и проговорив ~ встал — *было*: вышел. Тогда я встал

¹¹ *Вместо*: Денег моих ~ от матери. — *было*: Денег моих, я надеялся, хватит, потому что на днях же я должен был получить от матери.

¹² *Вместо*: О, как я радовался ~ съехал. — *было*: И как, и как я радовался, воображая, как их всех завтра [озадачит] озадачу, когда узнают, что больной, который едва двигался, уж на другую квартиру съехал.

¹³ хотя бы и на другую квартиру *вписано*.

подозрений¹ — этого я не могу понять. Но теперь, соображая и обсуживая всё прошлое, я прихожу к некоторому убеждению, что во все эти дни и особенно во² весь этот вечер я был немного³ не в своем уме. Впрочем, на завтра же я сам стал как бы подозревать⁴ это. Это я помню.⁵

Тихо, как кошка, прокрался я с лестницы и пошел к Вознесенскому мосту. Я хотел нанять где-нибудь подальше на Фонтанке или за Фонтанкой. Было около восьми часов. На углу Садовой и Вознесенского я набрел на одну гостиницу, и (с. 32) так как я знал, что в ней есть газеты, то и зашел туда, чтоб прочесть в газете, под рубрикой ежеднев(ных) событий,⁶ о том, что там написано об убийстве старухи. Я еще дома⁷ жаждал прочесть это, но из подозрительности боялся просить⁸ Разумихина достать мне газеты. Только что я вошел и спросил себе стакан чаю и «Голос», как вдруг (точно нарочно) вижу, в другой комнате сидит Заметов с каким-то очень толстым господином. Перед ними стояла бутылка шампанского. Господин угощал. Но этого мало: я совершенно, с первого взгляда, убедился, что За-

¹ *Вместо:* не зароню ~ подозрений — *было:* этим зароню в них настоящие подозрения

² во все эти дни и особенно во *вписано.*

³ немного *вписано.*

⁴ *Вместо:* Впрочем, на завтра же ~ как бы подозревать — *было:* На завтра же я сам стал подозревать

⁵ *К тексту:* На третий день ~ помню. — *на полях* (с. 30—31) *вариант:* Когда они вышли, я вскочил с постели и даже потом удивлялся, откудова я взял столько сил. Бежать, бежать. Начал собирать, но минут через пять упал и зарыдал от злости. Злость, нестерпимая злость. О, как бы я их зарезал — целых дв(а) дни я был как сумасшедший и странно только было ощущение притвориться, всех надуть и бежать. Дальше я не буду рассказывать. Одно ощущение — сумасшествие. Надуть и уйти, и я смеялся злобным смехом, как я их надую. Всё это было как-то не по-рассудочному, а по-детски. Одно ощущение пленяло меня: они придут, а меня нет, я вдруг убежал. (с. 31) На четвертый день это определилось во мне более рассудочно. Мне пришло в голову, я как-то смог сообразить, что ведь бежать мне некуда, а лучше потихоньку нанять квартиру, угол, и чтоб обо мне ни слуху ни духу, и целый месяц сидеть запершись, так что уж никто из них не придет меня мучить и никто не отыщет, и так навсегда будет. Нужно заметить, что здоровье мое действительно возвращалось, И потом дальше: я так повеселел, когда отделал Заметова и Бакавина. (с. 30)

⁶ *Вместо:* в газете, под рубрикой ежедневных событий — *было написано:* а. в «Голосе» или в «С.-Петербургских» б. в «Голосе» или в «С.-Петербургских», которые толь(ко)

⁷ *Вместо:* Я еще дома — *было:* Я еще лежа дома, еще до болезни

⁸ *Вместо:* из подозрительности боялся просить — *было:* боялся спросить

метов видел меня, но не хочет показать виду, что видел. Я нарочно решился не уходить, закурил папиросу и сел спиной к Заметову, ближе к дверям. Выходя, он не мог на меня не наткнуться.¹ «Захочет узнать или нет?» — подумал я.

В газете² действительно была статья, уже 2-я, с ссылкой на первую. Я потребовал тот номер, где первая. Отыскали и принесли. Я не боялся, что Заметов увидит, что я это читаю. Напротив, мне даже хотелось, чтоб он заметил, что я про это читаю,³ и отчасти я для того-то и спросил еще прежний номер.⁴ Не понимаю, зачем⁵ меня тянуло рискнуть этой бравадой, но меня именно тянуло рискнуть. Со злости, может быть, с животной злости, которая не рассуждает.

В газете <с. 33>

Подготовительные материалы (ПМ₁)

ПЛАН

После сна...

— Разуმიхин приходил все три дня, злость. На третий день сам пошел. Хозяйка на лестнице, брожу по Петербургу, встречи. *Эксцентрич(еские) выходки*, девка, старикашка-козел. Встреча с Заметовым. В стр<2 буквы нрзб.>е, теленок. Лош<адь>.⁶ Трактир, разговор. Входит Разумихин, хочу съехать. «Оставь меня!» <—> «Черт с тобой!»

Оправился. Ожесточение, холодное, расчет. Для чего все эти нервы были? Вынул кошелек. Припоминает, как это было. Письмо от матери. Вся его история и все мотивы убийства. Совершенно закрепился и пошел к Разумихину. Там собрание, и Заметов, и Бакавин. Разговор. Гас.

NB. Разговор у фонаря, мы простили вора.⁷ Когда Разумихин провожает его. На другой день. Обошел.

---

¹ *Вместо:* на меня не наткнуться — *было:* меня не за(метить)

² *Было:* «Голосе»

³ что я про это читаю *вписано*.

⁴ *Вместо:* спросил еще прежний номер. — *было:* спрашивал.

⁵ *Далее было:* я это

⁶ В стр<2 буквы нрзб.>е, теленок. Лош<адь>. *вписано*.

⁷ мы простили вора. *вписано*.

— Страдания и вопросы. — Сяся. — Эпизоды. *Вдова Капет. Христос, баррикада. Мы недоделанное племя. Последние конвульсии. Признание.*

Воспоминания мельком из того, что он видел в детстве: лошадь, которую били в детстве, теленок, которого зарезали, фельдъегерь.¹ (с. 94)

— В печке бахрома незаметна. Я засмеялся: «Как я вчера мог, тосковать об этом?»

— Всё началось как бы сызнова. (Впечатление) бахромы в кармане.

Замечания:

1) Не заглянул в кошелек.

2) Так легко отказался: для чего ж я убил?

3) Как легко такое тяжелое дело сделалось.

Разумихин: «Да ведь я же вон подлостью занимаюсь. Херувимову работа (—) разве это не подлость?»

«Штука тут в том, что она тебя задумала согнать, так как ты денег не плотишь, а в ожидан(ии) и вексиль в оборот пустить, потому знает, что мать тебя выкупит».

Разговоры у студентов. Компания. О Гасе.

Уединился² после, «черт с тобой», стал мрачный, пошел к Разумихину. Гас.

Разумихин на другой день к нему: убил. Разумихин отстает.³

NB

NB ПЛАН. NB

— Сходил с лестницы. «Пожалуйста ко мне». Хозяйка стала извиняться. Я и не подумал зайти к ней. Ничего не отвечал.

---

¹ Воспоминания ~ фельдъегерь. вписано на полях.

² Предваряющая запись (частично в рамке): Типы (i) подождать. [Уед(инился)]

³ Разумихин: ~ отстает. Отдельные записи в разных местах страницы.

Хотел квартиру другую. Не всё ли равно? Стал деньги отдавать. Отказалась.¹

Я не найму другую квартиру. Разумихин обругал меня и ушел:

〈—〉 Довольно я с тобой возился. Я приду еще.

— А вот и² Бакавин был.

〈—〉 Ах! кабы ты знал, как бы хорошо было, если б ты ушел.³

— Да что ты.

— Оставь мен〈я〉, оставь мен〈я〉!

— Черт знает что за человек.

Это всё быстрее. Событие, и потом начинается искажение. Собственная психология. Потому что только теперь он очнулся.

Всё это после как с Заметовым в трактире и статьи «Голоса» и рассказов Настасьи и всех справок. Совершенно ободрил〈я〉. Достал кошелек. NB.

Достал кошелек. «Ведь этот кошелек я тогда совсем положил, чтоб никогда не брать, а теперь вот сам взял».

NB *главнос*. После болезни жестокость какая-то и полное самооправда〈ние〉, а когда всё это покачнулось, тут и письмо матери.

Через час пришел с платьем. Встреча Замето〈ва〉.

— Почему ты с Заметовым〈?〉

〈—〉 Мы с ним теперь разыскива〈ем〉 по делу о маляре.

Об убийстве рассказ. Еще пива. Тут же и Настасья. О том, что в обморок упал когда.

С Заметовым. «Вы в обморок упали, как об убийстве стали рассказывать». 〈с. 95〉⁴

PROSPECTUS № I

Вышел нанимать квартиру.⁵ Хотел прочесть «Голос». Встреча с Заметовым. Вызов и бравада. Разумихин зовет на именины.⁶ Разрыв с Разумихиным, бравада (пошел в дом и в квартиру). «Вот он тот самый, который приходил». Привязался к

¹ Хотел квартиру ~ Отказалась. выделено полукруглой скобкой.

² А вот и *вписано*.

³ Далее было начато: О〈ставь〉

⁴ Каллиграфическая пропись: Ореноко

⁵ Далее было: (разговор с хозяйкой личнее. Во

⁶ Разумихин зовет на именины. *вписано*.

словам. Сумасшедшая вещь. Пришел (—) хозяйка, просит извинения. Я поссорился с Разумихиным.¹ Пришел домой — решил остаться и не переезжать. Ночь, о дочке. Сон.²

На утро деньги. Сцена на бульваре. Совершенное убеждение, что всё вздор. Воспоминания детства. О матери, о сестре: «Нет, для вас, для вас, мои милые создания! А люди подлы». Утешает себя совершенно. Надо поправить дело. К Разумихину, на именины. Разумихин хлопотун, но он добр. Письмо от матери.

— Что ж, неужели ж растерзать ее сердце? Нет, я буду достоин!

«Да уж как мне бы дали денег, я б его разыскал. Он теперь в Нарве. Это верно-с». (с. 30)

(PROSPECTUS РАЗГОВОР С ЗАМЕТОВЫМ)

Нервная дрожь.

— Да вот читаю в газетах о преступлении. Впрочем, эта газета известна... вот и о Папе. Вольтеров «Кандид». О Фонтенеле. Впрочем, вы человек не литературный. — Я насмешливо посмотрел на него. — Впрочем(м),³ другие романы выгоднее. Ишь какой вы щеголь. Это кто вас шампанским поил?

— Да, мы выпили.

— Ну, угощал, конечно. Разумихин от вас без ума, говорит, что вы все закоулки знаете.

— Ну, уж какой он буян.

— Буян-то он буян, ну а вам-то лафа. Везде пользуетесь.

— Что ж, почему вы так думаете?

— Эх, батюшка, славно бы этак куш тяпнуть да вдруг разбогатеть. Что, у вас уж и ушки на макушке? А ведь я знаю, почему они на макушке.

— Это⁴ что еще за макушка такая?

— Так я вам дальше поясню-с.⁵ Вот хоть бы этот куш тяпнуть у старух(и). Славно. На проценты давала.

— Откроется ведь (вызывающий вид).

— Чего откроется? Да ведь это⁶ как делает(я). Ведь вот бумажку менял, 5-процен(тный) фальшивый. Да не досчитал,

---

¹ Я поссорился с Разумихиным. *вписано.*

² Сон. *вписано.*

³ Впрочем *вписано.*

⁴ Это *вписано.*

⁵ да вдруг разбогатеть ~ поясню-с. *вписано карандашом.*

⁶ это *вписано.*

ну и подозрение возбудил. А тут бы еще на свет и т. д. Так точно и тут. Ходи без порток, два года, а там и вынь. А то что?

— Чтой-то. Да ведь вы меня просто в дрожь кидаете. Эх вы какой!¹ Не уберезетса. Вон саечник убил.

— Ну я бы не так сделал.

— Да разве вы знали?

— Об заклад, что вы² думаете теперь, что я вам скажу, что не знаю. Ну так вот нет же, знаю.³ Я у ней закладывал. А как вы считаете, ну что, если это я ткнул и под камень положил? А ну что если есть(?)

— Что вы-с?⁴

— Ну а признаетесь, ведь вы подумали, что я. А зачем Александр-то Ильи(?) остановил?

— Эх, аппетит! — захохотал, входя, Разумихин. (с. 42)⁵

PROSPECTUS № 2-Й

Пришел ночью. Захохотал. Ночью сон. На утро очнулся, вспомнил, что накутил вчера, но положительная часть осталась. Пошел кошелек смотреть, взял в карман, отправился на острова. История на Адмиралтейском бульваре: «О, подлые люди». Пошел деньги рассматривать, и как это странно: вспоминает все обстоятельства преступления и дивится им. О том, как он хотел вести себя, денег не трогать и проч.⁶ «Нет, теперь надо солиднее!» О самом преступлении: «Что задумываться — все подлецы. Стоят ли, стоят ли они того? Ничего не истрачу, а там. Зачем этот сон? Что пугают меня?⁷ О, только вы, бедная моя мать и сестра!» О сестре, о матери. История с сестрой. «Я хотел его убить, но в это время я занят был любовью».⁸ Смешная любовь. Солидно и положительно. «Зайду к Разумихину»: Вечер у Разумихина. Разговор у фонаря. Приходит письмо от матери.

¹ Чтой-то ~ какой! вписано карандашом.

² что вы вписано.

³ Вместо: Ну так вот нет же, знаю. — было: Ну так вот нет.

⁴ — Что вы-с? вписано.

⁵ На полях карандашом: Заметов утверждает (NB после), что у него и прежде, и в конторе не было мысли, а было что-то такое так. (Ну а с этого вечера совершенно подозрение прошло).

⁶ О том ~ и проч. вписано.

⁷ Зачем ~ пугают меня? вписано.

⁸ О сестре ~ любовью». обведено рамкой.

На другой день.¹ «Что же, неужели ж растерзать ее сердце. Неужели ж я не могу быть как Гас?»² Стучит в комнату.² Ребенок. «О ты, милое создание» (это Лизаветина). О Лизавете.³

(Эпизод с пьяницей на Крестовском, разве у меня сердце не болит, разве не болит. О жене. Как он ее уважает и кто она. «Надо в Неву, а я, подлец, живу». Довел его до квартиры. Дал ему денег из кошелька. И потом донес под камень⁴ в кошелек).

Потом к Разумихину после фонаря:⁵ Потом «подлец, подлец, подлец, отдал деньги, которые достал из-под ножа».

«Дочь по желтому паспорту моя ходит».⁶

К дочери пошел. По-блядски. Потом дочь сама пришла. Дочь матери помогает. Относит деньги. Детей жалко. Сяся ей: тётенька!

В это время эпизод с пьяницей. К Разумихину.

Приходит домой повестка. Письмо матери. Доложил под камень. Мать, сестра, история любви. «Почему я не могу сделать-ся Гасом? Почему всё потеряно(?) Ребенок? Кто мне запретит любить этого ребенка? Разве я не могу быть добрым?» Помогался. Тут-то и Сон. На другой день ходил. Вдова Капет. Вечером приходит⁷ к нему дочь чиновника. И вдруг: «Удивляюсь, почему Лизавету я не жалею. Бедное создание!»⁸ (с. 26)

7-е августа⁹

Это был злой дух: каким образом иначе удалось мне преодолеть все эти трудности?... и т. д.

— Заметов сказал, что рождение Разумихина.

— Он пошел (после ссоры), потому что совершенно оправдал себя совестью и убедился, что жизнь его нимало не надломлена, не отпета и что он тоже в числе человек. Но *опыт*, т. е. посещение Разумихина, доказало противное.

Выделанная речь, очевидно, чтобы рассмешить меня, что в подобных случаях почти никогда не удается.

Разговор с Разумихиным.

¹ На другой день. *вписано*.

² Стучит в комнату. *вписано*.

³ Далее было: Выход

⁴ под камень *вписано*.

⁵ Было: Потом к Разумихину:

⁶ «Дочь ~ ходит». *вписано*.

⁷ Было: Вечером блядь приходит

⁸ В это время ~ создание!» *вписано на полях*.

⁹ Далее было: ([ночью (< >)])

〈—〉 Я, брат, признаюсь, мне очень понравилось, Вася, когда ты громко сказал, что веришь в Бога. Оно, знаешь, до сих пор между нашими как-то стыдно бывало признаться, а все-таки по ночам молюсь, и даже, знаешь, теми же самыми словами, как мать покойница еще с 3 лет меня учила. Оно, знаешь, можно и умнее слова для молитвы прибрать, да уж лучше эти.

〈—〉 А Заметов мне говорил, что ты сумасшедший.

〈—〉 Я пришел к тебе (к Разумихину), потому что думал, что имел право приходить.

— Помилуй, ты так говорил.

— Я думал, что имел право говорить. Но теперь почувствовал.

— Оставь меня.

Записка.

Разумихину вообразилось именно с этой минуты, что он виноват в убийстве старухи, и с этого вечера он прервал знакомство с Заметовым.

Я должен был это сделать. (*Свободной¹ воли нет. Фатализм.*)

Дверь отворена (следователь думает), это уж хитро (Бакавин).² Заметов совершенно подтверждает это и³ именно выводит из этого, что это человек неопытный, слабый, первый шаг, и которому только посчастливилось необыкновенно.

НВ. «Ну а Заметов более чем 〈i>; моего знакомства искал, особенно когда узнал, что я за него стою, сам приходил, рылся в книгах, а уж как мы в трактире. Напоил меня, как свинью».

Дело в том: *мои часы*. На многих написано от кого?

В объяснении с хозяйкой: о том, что квартира наверху, а хозяйка внизу.

Здесь кончается *рассказ* и начинается *дневник*.

Капитальный вопрос, который он, наконец, себе формулирует ясно и задает положительно: Да почему же кончилась жизнь моя(?) Ропот: Ведь Бога нет и проч. 〈с. 1〉⁴

¹ *Вместо: (Свободной — было: (вол(и)*

² *Вписано: а. это хитро (Бакавин) б. Как в тексте.*

³ *Далее было: что необыкновенно(но) толь(ко)*

⁴ *Каллиграфические прописи: Itineraire (правильно: Itinéraire; фр. маршрут, путевые заметки), [Уголо(вное)], [Уроков]*

{—} А што, коли я убил? Мой заклад был у старух(и).¹

И в глаза захохотал Заметову. (Злоба.)

{—} А признайтесь, вы меня подозревал(и).

{—} Что вы, помилуйте.

Разумихин. Оттолкнул Разумихина со злобой и ушел.

Начинаются странствия. Рассказывает всю жизнь, все побуждения. Укрепляется. Идет к Разумихину. Разговор ночью у столба.²

Когда Разумихин воротился, т. е. догнал его ночью: «Послушай, мне Заметов уже говорил, что он тебя сумасшедшим считает».³

Исступление. Почему. Девочка. Воспоминания детских впечатлений.

«А что, может, я в самом деле сумасшедший?» — подумал я. Посещение квартиры старухи (маляры там, говорил с ними, и тут как бы невзначай — биография Лизаветы).

Воспоминания жизни непрерывно. Мелочами,⁴ но каждое со значением.

О любви; смешное описание невесты и трогательное (короче, вся история, но как можно короче).

О ключе.

«И тогда, когда уж я стану благородным, благодетелем всех, гражданином, я покаюсь». Помолился Христу, лег, и Сон.⁵

Несчастья отца, матери. «Как гадки люди, стоят ли они того, чтоб перед ними каяться. Нет! Нет, буду молчать».

Подвиги.

Девочка на бульваре (подлец!).

Сами тысячу раз больше пакостей делают, а тут преследуют, как зайца, как животное. Только-то и умеют! Этому только и выучились.

¹ Мой заклад был у старух(и). *вписано.*

² Начинаются странствия ~ у столба. *обведено слева фигурной скобкой.*

³ Когда Разумихин ~ считает». *вписано.*

⁴ Было: Мелочь

⁵ Вместо: Помолился ~ Сон. — было: (Сон).

«Как гадки люди!» И сейчас же письмо матери. (Это его перевортывает с ожесточения.)

Тут совершенно постороннюю историю.¹ (с. 2)

На Крестовском. Память и здравый смысл пришел вполне.

Разбирает сначала все обстоятельства и всё теперешнее положение дела.²

— Какая гадость люди.

— Но есть и добрые.

— Знаю, знаю. Зачем мне быть злым(?) Преступленье?

О Боже: Наполеон и проч. Они только это и имеют.

«Бедная мать, бедная сестра. Я хотел для вас. Если есть тут грех, я решился принять его на себя, но только чтоб вы были счастливы. Денег мало, не удалось, но это мне поможет, и потом я буду вашей (о)порой, я буду и честным, но денег, денег, прежде всего денег».

— Нет, ты будь честен без денег. Знаю, знаю эти идеи...

«Но, о с каким презрением. Как низки, гадки люди... Нет: сгresti их в руки и потом делать им добро. А тут: гинуть как гниды в их глазах и возбуждать только насмешки».

Злоба задушила меня, я прилег. Воспоминание: лошадь палкой. (Митя.) Чиновник с бутылкой.

Он выходит в испуге и входит к Разумихину. Разговор о Гасе.

Чиновник с бутылкой. «А разве я не страдаю. Она меня бьет. И я чувствую наслаждение. Ибо если б не была она меня, я бы был очень несчастлив».³

Она прекрасной фамилии. Дочь. Ходил к дочери. Дала опохмелиться. Живет у портного. Рассказ о радости, когда он жалование принес. О радости ее, и проч.

Чиновн(ик): Бедность, да, не порок. Бедность ничего, но нищета, Мил(остивый) Госуд(арь), нищета — порок. За нищету в полицию тащут. За нищету вас последняя шельма презирает и право имеет, потому что за нищету я сам себя презираю. Как вы думаете, много ли нищих, как я, выдержут⁴ и сами не станут презирать себя(?) Самая благородн(ая) гордость — уничтожает(я). М(илостивый) Г(осударь), нищего гонят и

¹ Сами тысячу раз ~ постороннюю историю. записи на полях.

² Память ~ дела. вписано.

³ Далее было: Это

⁴ Далее было вписано над строкой: [но вы(держут)]

уж не в толчки, а палкой, и даже не палкой, а метлой, метлой.¹ Мою жену прибили. Что же мне делать? И я пью — ибо сам презираю себя!

Жена ее гнала (падчерицу). Но когда она пришла опозоренная, она всю ночь над нею сидела и ноги ее целовала, и я тут же лежал и слышал. Пьяный лежал-с. По билету она теперь ходит-с.

Он² вошел в дом и стал на колени.

NB. Когда я тогда удивился, как это я мог озлиться за то, что меня кучер ударил, точно я не в числе человек и права мои потерял. О как тяжелы эти чувства!³ (с. 4)

Общее главное NB:

Во все эти шесть глав он должен писать, говорить и представляться читателю отчасти как бы не в своем уме.

NB. Как воротился от Разумихина с именин, всю ночь ужасных и совершенно ясных рассуждений, а к утру вдруг девочка, Сяся, обнялся с нею.

Чиновник. «Хорошенькие картинки-с».

— И когда пришел, в сенях на колени стал. И когда его бьют, он кричит: «Это мне в наслаждение, Милост(ивый) Госуд(арь). Это мне в наслаждение».

Утопиться? — духу нет.

NB. Его задавили лошади, смерть его дома. Оригинальнее и короче. На свечу. Жена плачет.

(—) А когда выпью, я думаю. Вот кабы я богат был, я бы им денег принес, дочь бы мою восстановил и облагородил, деток тоже — а я их люблю-с.

NB. Восклицание молодого человека: «О! вы, непогрешившие!» (Мечтание об земном рае.) (с. 6)

---

¹ Вместо: нищего гонят ~ метлой, метлой. — было: нищего гонят метлой.

² Далее было: на к(олени ѿ)

³ NB. ~ эти чувства! Запись карандашом.

Чиновник. Никто не выдержит презрения к самому себе. О, Милостивый Государь, вы думаете гордость, или злоба, иль из желания¹ самому оправдаться я это говорю. О Милостив(ый) Государь! Знаю, знаю, что есть великие сердца, которые гибнут под тысячепудовым гнетом, ничего не говоря, молча, и дело свое исполняют. Не те, не те, которые, которые чины захватили и дома построили. Я не про тех говорю. Я про ангелов Божиих говорю.² И таков-то ангел Божий дочь моя, которая мне сегодня 30 копеек дала, — ангел, несмотря что с желтым билетом, такова и жена моя, да, и жена! Но, М(илостивый) Государь, — если я и говорю про ангелов Божиих, так ведь я-то не ангел. Мы бедные, мы павшие, мы погибшие. Пусть, пусть, пусть мы погибли! Но, М(илостивый) Г(осударь), кто ж пожалеет нас?³ Ведь надобно, чтоб пожалели о человеке! А о нас, о нас,³ кто пожалеет нас, бедных, погибших, оскотинившихся!

О жена⁴ моя, жена моя законная! Государь мой: если вы видите меня в сем поросычем виде, то знайте, что она — дама. Да, М(илостивый) Г(осударь), дама! Дама-с! Я подлец, а она дама.⁵ А между тем, Господи, если б она меня пожалела. Я знаю, что она когда и вихры мне дерет, то дерет не иначе как от жалости. Да-с, да-с, это так! Но Боже, если б она⁶ умела пожалеть меня без драния вихрам. Государь мой, государь мой, я, может, и очнулся б тогда... Да!.. Гм. Впрочем,⁷ нет, не очнулся бы.

Всё, всё бы пропил, всё бы пропил! Чулки ее последние и те бы пропил. А впрочем, я уж их и пропил, а⁸ козыночку ее из козьего пуху снес,⁹ и она простужалась в зиму.¹⁰ Государь мой! видали вы¹¹ свинью? Кормленую свинью, подлую свинью? Ну-с,

¹ Было: иль желание

² Далее было: Но,

³ Над строкою: NB

⁴ Было: О милая жена

⁵ Я подлец, а она дама. *вписано.*

⁶ Далее было начато: пож(алеть)

⁷ Впрочем *вписано.*

⁸ Было: и (<и>)

⁹ *Последующий вариант:* из козьего пуха от холоду пропил

¹⁰ А впрочем ~ в зиму. *вписано.* На нижнем поле: Милостивый государь мой, знаете ли, что я раз чулки ее пропил, не башмаки-с (это еще походило на что-нибудь, было бы еще, так сказать, в порядке вещей), а чулки, чулки, — вот те самые, которые носят дамы и которые, [кажется, ни]

¹¹ вы *вписано.*

это я-с.¹ (И опять начал пить из бутылки.) А дочь меня пожалела. Зачем она мне 30 коп. дала? Ведь она знала, что я пропью. А все-таки дала. Зачем? Потому что меня пожалела. Вот так-то и ангелы Божии жалеют: греховен ты иль нет, а все-таки жалеют и об тебе плачут, и балуют, и любят. Скажут: жалость нехорошая, не в пользу. Нет-с, в пользу: ибо если 30 коп. и пошли на винишка, которое во вред и в пакость, то поступок ее в сердце и в страдание пошел. Я терзаюсь и плачу через него,² стало быть, живу...³ <с. 8>

Чиновн(ик). Взял 30 коп. у дочери.⁴ «Ну а ей надо; она должна теперь чистоту наблюдать: одеться, на помадиться, ботиночками, через лужу переходя, щегольнуть? Понимаете ли, понимаете ли, про что я говорю,⁵ Милостив(ый) Госуд(арь)?!»

«Осмелюсь, М(илостивый) Г(осударь), беседу начать; ибо хотя вы и не в значительном виде, но по всему видно, что человек образованный». И потом после разговора: «Ибо в вашем лице страдание видел».

НВ. «15 коп. в день, более не наработает, да и то не всякий день, да и то один статский советник, за шитье рубах, ничего не отдал, да еще обидно прогнал». <с. 9>⁶

От Разумихина приходит Сяся, и письмо от матери.

Донес сейчас же 25-рублевую.

«О Боже, ес(ть) ли кто, кто меня пожалеет? Да за что жалеть? За глупость, за скотский эгоизм, за дикость и бесстыдство, за неудачу, за бесполезность дел, тут плевки, тут ужас, тут смех.

Ну а пожалеет-то кто? Никто? Никто? И меня, убийцу подлого и низкого, смешного и сребролюбивого, именно этого-то пожалеть! Ес(ть) ли кто таков во всем мире? Ес(ть) ли кому пожалеть? Никто, никто! Никто! Да и невозможно это!

А мать? Боже, что с нею будет. Разве может она не проклясть меня? Меня, свою утробу, свою любовь? Разве может? Может ли в самом деле? Нет, нельзя, нельзя...

¹ Далее было: О-ох-ох!

² Я терзаюсь и плачу через него записано на <с. 9>.

³ Всё, всё ~ живу... вписано на полях.

⁴ Взял 30 коп. у дочери. вписано.

⁵ про что я говорю вписано.

⁶ Записи сделаны на полях.

И потому теперь я всю жизнь *один!*

Один и с женой, один и с детьми! Один всегда. Может быть, благословлять меня будут другие, всегда один. У меня тайна, которую если б узнали, тотчас же с ужасом бы отворотились. И потому я навеки один.

Можно ли так прожить? Посмотрим, посмотрим, серьезно посмотрим и решим». ¹

И тут начинаются мечты его, о жене и детях. «Зачем говорить? Я добром искуплю. *Погружусь в добро*». Соня, ² дочь чиновника. *Veuve Capet*, ³ мечты о всеобщем счастье. И всё не ладится. Наконец злоба... «Я курица, я глупое сердце». Наполеон и проч. ⁴ (с. 10)

Для полноты *лица* его пленяет роль затаенного существа, тайны, Унгерна, Sbogar, Ускока ⁵ и проч. Но потом сам смеется над этим. ⁶ (с. 11)

У ней ноги целовал. (Конец). Поклонился народу. Донес на себя.

НВ. «Посмотрим, из-за чего я это сделал, как я решился, тут злой дух».

НВ (и тут-то начинается анализ всего дела, озлобления, нищеты, выгод, необходимости, и выходит, что сделал *логично*). ⁷ (с. 10)

С чиновником.

⟨—⟩ М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩! Случалось вам просить денег безнадежно?

— Не знаю, может быть... Как это безнадежно?

— То есть безнадежно-с, безнадежно вполне. Вот вы, ⁸ н⟨а⟩прим⟨ер⟩, знаете, что этот человек ни за что вам не даст, что скорей вы утопитесь, а он вам не даст. Ну, а вы все-таки идете к нему просить, зная это.

— Для чего же?

¹ Далее записи на полях: И тут начинаются ~ логично).

² Было начато: Ся(ся)

³ Вдова Капет (фр.).

⁴ Рядом с фразой: Я курица ~ Наполеон и проч. — заключенная в рамку помета: я

⁵ Ускока вписано.

⁶ Запись сделана на полях, рядом заключенная в рамку помета: я Ср. выше примеч. 4.

⁷ НВ. «Посмотрим ~ логично). вписано на полях.

⁸ Было: вам ⟨i⟩

— А коли не к кому?¹ Коли, кроме его, уже никого, никого больше нет? Ну и идешь к такому.² Вот я ходил перед тем, как дочь моя в первый раз с желтым билетом пошла, и потом еще раз ходил!³ В ноги кланялся, сапоги целовал — и пришел [без ничего]. Ну-с и пришел — после того как сапоги-то целовал⁴ — пьяненькой-с, — потому что, Милостивый Государь, когда вы в первый раз поцелуете сапог у другого, вам подобного существа, вы непременно придете домой пьяненькой-с.⁵ Вот оттого-то и пьянство пошло, — прибавил он вдруг. — А впрочем, Бог знает отчего оно пошло.⁶ Есть такой благовонный старец.⁷ Ну из-за чего он мне даст? Ведь я пропью, ведь я не отдам. Из сострадания? Да ведь у него нет сострадания, ну и кончишь тем, что после такого визита запьешь.

Мы Божии чада, мы в пекле живем. Есть один — Христос. Тот всех жалел, за то-то и смеялись над ним, и смеются, «и ругах(у)ся⁸ ему». Придет он и спросит, а где дочь моя, что себя отцу пьянице, мачехе злой и чахоточной и детушкам малым продала.⁹ И скажет ей: «Прииди, прииди: — проща(ю)тся тебе грехи твои мнози,¹⁰ ибо возлюбила много».¹¹ И потом, когда уж¹² всех разберет, скажет: «Выходите и вы,¹³ пьяненькие! Именно потому, что и вас приласкать тоже надо».¹⁴ И мы выйдем. Все выйдем, все,¹⁵ не стыдась. И разверзнет прогвожденные руде свои, раскроет объятия и скажет: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные. Свиньи. Скоты вы. Но вы страдали.¹⁶ Я всё

¹ Далее было: Т. е.

² Было: такому-то

³ Вместо: дочь моя ~ ходил! — было: дочь моя первый раз пошла. Потом еще раз ходил!

⁴ после того как сапоги-то целовал *вписано*.

⁵ Потому что ~ пьяненькой-с. *вписано над строкой на (с. 12), а также на полях (с. 13).*

⁶ А впрочем ~ пошло. *вписано*.

⁷ Рядом на полях помета: Старец,

⁸ В автографе: ругахоя

⁹ Было: отдала. Между строками *незачеркнутый вариант*: отцу пьяницу, не ужасаясь зверства его, пожалела

¹⁰ Было: прощается тебе много

¹¹ И скажет ей ~ много. *вписано между строками на (с. 12), а также на полях (с. 13).*

¹² уж *вписано*.

¹³ и вы *вписано*.

¹⁴ Именно потому ~ надо». *вписано на полях (с. 13).*

¹⁵ все *вписано*.

¹⁶ Далее было: и потому вы тоже сюда и п(риидите). На полях (с. 13) *вариант*: Вы скоты, вы свиньи, вас не за што призывать. Но приидите и вы.

видел и взвесил. Я малодушных пакость видел и видел, что они больше тех, кого губили, страдали, и потому приидите», и мы припадем... все... и заплачем:¹ «Господи, да приидет Царствие твое!»

НВ И скажут сильные: «Господи! Мы то делали и то, а ты их берешь. Они только на несчастье и себе и другим жили, и всё по своей беде». «Знаю, — скажет, — но уж слишком они были унижены, даже не в меру, ибо сами возгнушались² собой. Слишком уж пострадали, и потому я их беру в лоно свое, что ни один из них не считает себя достойным того. Приидите, приидите все, как все братья», и тогда-то³ я жену свою обниму и выпрошу многострадалице венец, помирюсь и в согласии обнимусь.

Ну нам, конечно, не Царствие Божие, а так что-нибудь отведут,⁴ где-нибудь отведут местечко.⁵ (с. 12)

— А как вы думаете, что, если б этого ничего не было, что, если этого никогда не будет?

Он⁶ посмотрел:

— Т. е. Бога-то нет-с, и пришествия его не будет... Тогда... тогда жить нельзя... Слишком зверино... Тогда в Неву и я бы тотчас же бросился. Но, М(илостивый) Г(осударь), это будет, это обещано, для живых. Что же, что же тогда для нас и останется. Никуда нас ж(ивых ?)⁷ Нет,⁸ кто бы ни был живущий, хотя бы в злате (и) по горло, но если только он и в сам-деле живущий, то он страдает, а стало быть, ему Христос нужен, а стало быть, будет Христос. Господи, что это вы сказали? Не верят в Христа только те, которые потребности в нем не имеют, которые мало живут и которых душа подобна камню неорганическому. (с. 13)

Чинов(ник). Когда его бьют:⁹ «Ибо это мне в наслаждение, ибо это мне, М(илостивый) Г(осударь), в наслаждение».

---

¹ Далее было: И нас

² Было: гнушались

³ Было: тогда

⁴ а так что-нибудь отведут вписано.

⁵ НВ И скажут ~ местечко. вписано на полях.

⁶ Вместо: Он — было: и

⁷ Что же ~ нас ж(ивых ?) вписано.

⁸ Нет вписано.

⁹ Когда его бьют вписано.

Жена.¹ Она: «Несчастливы ваши деньги, на похороны пойдут».

Она (ему). Когда он пришел к ней: «Уж как вы были несчастны, а у меня тогда и слезы не лились. А теперь всё вы изгладите: коли чужую жизнь взяли, то свою отдаете».

NB. Пошел он к ней так: сначала повалился на Сенной, потом прямо в контору, но воротился и пошел к ней, с которой давно не видался.

NB) Произошло с Сясей так: он ласкает Сясю, а она к нему пришла (от жены-вдовы),² (и видно, что сама рада была предложу прийти). Тут она сказала, что дочь Лизаветина и что она знала Лизавету.³ Потом, когда он ей повинулся, то вдруг, хватъ, нет Сяси, это она приходила и увела ее к себе. Он понял.⁴

NB) О любви нет между ними ни слова. Это *sine qua non*.⁵

NB) Чиновник говорит: «Ей простится много, потому что она возлюбила много».

— 1-я⁶ встреча в распивочной с чиновником: «Я его часто встречал шатающегося».

NB) Под конец, в раскаянии, когда она уже отвергла его, — начинается и злоба (Veuve Capet).

— Если б старику, аль никому, это всё равно, что в карты сыграть. Зачем я не таков?⁷

— В этой злобе встречает раз ее промышленяющую. Скандал на улице. Она украла. Он поддакивает. Пошел к ней. Плач. Пришел проститься. Прощаются.⁸

Потом повалился на Сенной.

Потом донес на себя.

NB. Но когда после того, когда он ее оскорбил на улице и пришел к ней, то нашел ее в слезах и волнении, и она, забыв,

¹ Жена вписано.

² Было: (от жены)

³ и что она знала Лизавету. вписано.

⁴ Далее было: потому что она сказала ему, когда он

⁵ непременно (лат.).

⁶ 1-я вписано.

⁷ Рядом помета карандашом: Тут Сон.

⁸ На полях: [Тут] NB (Нет, это не там, а [тогда] перед тем, когда он ей открывает.)

что он же ее сейчас оскорбил, говорит: «Вы меня не судите, она вся в жару лежит, дети плачут, что ж мне было делать, он позвал меня, я думала денег даст, а он меня же обокрал...»

НВ. Она и Бакалин.¹ (с. 15)

1) Программа ближайшая.

Сначала он вышел и побежал за кошельком.²

После разговора в трактире с Заметовым и после того, как его выгнали из квартиры убитой старухи, где он даже опасности подвергался, он был в веселейшем расположении духа, и тут встреча с чиновником. *НВ.*³ Вообще встреча с чиновником его образумливает. На другое утро он уже рассуждает и обдумывает.

НВ «Что же, что же, разве я не могу быть⁴ полезным?»⁵ О мать, о сестра, всё для вас, милые. Старух(а), Лизавета. Бедные, зачем они подвернулись?»⁶

Между тем письмо от матери. Получил, прочел, к Разумихину. Деньги доложил ночью. Домой пришел. Сяся. Потом вечером раздавлен чиновник.⁷ (с. 14)⁸

1

2-я программа разговора у Разумихина, начинается с того, что Разумихин о своих хлопотах по оправданию работника рассказывает.

Другой говорит о белоручках и о том, как у нас скоро хотят разбогатеть.

Иные ставят вопрос: отчего уголовные преступления так неловко совершают(ся) — нитки видны и улики наружу? — Он начинает говорить с жаром о деятельности, как он начнет с работы на бирже, Гас. И выходит дрожа от жару. В это время разговор у фонаря. И потом пошел доложил деньги. Завтра Сяся⁹ —

¹ *НВ. Она и Бакалин. помета на полях.*

² Сначала ~ за кошельком. *вписано.*

³ *НВ. вписано.*

⁴ *Далее: [полезным]*

⁵ *Далее вписано: [нрзб.]*

⁶ «Что же ~ подвернулись?» *вписано на полях.*

⁷ *На полях: Стоит ли того человек? Текст: 1) Программа ближайшая ~ раздавлен чиновник. — написан поверх сделанных ранее пяти карандашных портретных рисунков.*

⁸ *На верхнем поле каллиграфическая пропись: [Особливо]*

⁹ *Далее над строкой вписано: (НВ)*

еще что-нибудь, что смущает его, он ищет примирения. Вспоминает о чиновнике. NB. Сон.

Окончательная тема разговора у фонаря. «Оставь меня. Ведь если б ты знал, что я сделал, то отшатнулся бы от меня, а я горд и не хочу красть твоей дружбы. Прощай». Доложил 25 рублей.

Нестерпимая гордость, с которой он изложил вопрос (пример на бульваре).¹

NB «Что, бегают, что, ищут преступника? *Лучше ли вы сами?*² А Наполеон? рутиня, толпа, Андрей Александрович. О низость!»

Так что тут *сoup de maître*.³ Сначала было описание, потом страх и болезнь, и всё характера не выставлялось, а тут вдруг выставился весь⁴ характер во всей его демонской силе и становятся понятными все прежние побуждения к преступлению.⁵ (с. 17)

2

Я сделал себе программу: ободриться совершенно,⁶ погрузиться в занятия, работать, сапоги тачать, мастерству выучиться али на биржу пойти; к Херувимову тоже; искать дела. Не сбиваться целые годы, десятки лет в сторону. Не просить у людей ничего и не нуждаться в их дружбе и любви. Прожить без людей. Умереть гордо, заплатив горой добра и пользы за мелочное и смешное⁷ преступление юности.⁸ Денег старухиных не брать. Вздор, всё вздор — нечего бояться.

Но развитие любви к дочери Мармеладова сбивает его с толку.

До этого. Разговор с Мармеладова дочерью после похорон. Он тяготеет, что она к нему стала ходить. «Зачем вы ко мне ходите(?)» Она ушла убитая. Оскорбил. Хотел пойти к

¹ Рядом помета: Не о Гасе. О Гасе другой говорит.

² сами вписано.

³ хорошо задуманное и проведенное дело (фр.).

⁴ весь вписано.

⁵ Нестерпимая гордость ~ к преступлению. записи на полях.

⁶ ободриться совершенно вписано.

⁷ и смешное вписано.

⁸ Далее было: Впрочем, не

ней, но вдруг встречает ее на дороге, униженную. Он к ней утешить, слезы(;) нет, *без людей не проживешь!* Опять новые страдания. Признается ей во всем. Расстались. Она взяла Сясю и т. д. Опять себя успокаивает и одобряет. Сон.

Положил не ходить к Мармеладову. «Сяся, разве я не могу любить ее(?)» *Лизаветина*. Вечером встреча с раздавленным Мармеладовым, дочь.

Выход и описание Петербурга. Прощание со всем этим светом, грусть. Великолепнее описание, и вдруг встреча раздавленного.¹ (с. 16)

14 октября (на пароходе «Vice-roy»)

NB. Ввести эпизод, что *его*, на основании его разговора с Заметовым, посещения в тот же вечер квартиры убитых, выдачи вдове Мармеладовой денег, неосторожных разговоров и проч. — преследует судебный следователь. Допрос. Он гордо и совершенно свободно выпутывается из дела.

NB NB. Перемена в программе.

Он, после сцены у своей постели с Разумихиным и Бакалиным, решил в эту же ночь² бежать. (NB. *Мамаша* прислала 40 руб. с купцом и письмо, которое он не распечатывает, а Разумихин сказал, что Сонечка подождет.) Ночью он берет³ с собою только нераспечатанное письмо матери, а деньги оставляет в незапертом комодe для расплаты с хозяйкой. Идет, вынимает кошелек из-под камня. Считает на Крестовском. Потом читает письмо матери. Потом судит себя. Укрепляется. Анализ своего⁴ преступления. «Нет, — нет и нет. Не имел права убить. Но я беру всё на себя». Впрочем, только вообще и слегка, главную мысль. Презрение и смелость отчаянные вдруг рождаются в нем после утра на Крестовском. Всё это еще болезненное. Идет, сцена на Адмиралтейском бульваре. Пьяные. Все пакости. (Воспоминания о лошади, о Демяненском и проч.) Вечером сцена с Заметовым, посещение дома. Смерть Мармеладова. — На другое (с. 18) утро Сяся. У Мармеладова.⁵ Проводит дочь Мармеладова домой. Разговор с ней. Вечер у Разумихина. На другое

¹ Положил ~ раздавленного. *вписано на полях.*

² *Вместо:* в эту же ночь — *было:* вечером

³ *Было:* забир(ает)

⁴ *своего вписано.*

⁵ *Вместо:* Сяся. У Мармеладова. — *было:* у Мармеладова.

утро Сяся. Приход Мармеладовой. У них после похорон. Ей обида на улице — и т. д., и т. д.

NB) Впоследствии перед *доказанием на себя*, про дочь Мармеладова: Зачем они не стонут? Какая ее участь? Бледное создание ночью... Она тоже пожертвовала собой. Злость его берет: «Зачем они не стонут, зачем они тихи, покорны. Считают ли они, что вправе с ними так поступать?..» Он ей это высказывает: «Ну что будет с семьей? Ну вас (дочь) хватит на год, на два, — ну а дальше, дальше?» Доводит ее до истерики¹ и до любви. Зачем они не стонут?

NB. Сцена с б.² на Сенной (с рыбой).

NB. «О, зачем не все в счастье?» Картина золотого века. Она уже носится в умах и³ в сердцах. Как ей не настать — и проч.

NB. «Но какое право имею я, я, подлый убийца, желать счастья людям и мечтать о золотом веке!

Я хочу иметь это право».⁴

И *вследствие того* (этой главы) он идет и на себя доказывает. Заходит только проститься с ней, потом поклон народу и — признание.⁵

— Она пожертвовала себ(я)⁶ семье. Господи! Даже и в жертве-то, самой великой — безобразии и пакость.⁷ До того унижает судьба униженных, что даже в благороднейшей жертве их — позор и безобразии! (с. 19)

— Воспоминания мерещатся:

Отчего, когда мать читала Евангелие: Талифа куми,

— NB. Представляется ему вдруг, в горячешных *последних* фантазиях, как будут говорить о нем: «Дурак, и этого не умел сделать. Убить — убил, а денег взял сто рублей. Струсил». Мать. Сестра. Представляются разговоры в провинции: сестра убийцы. О том, как они будут вспоминать о нем: «О, безобразии! Нет, ни за что! Ни за что!» (с. 20)

¹ Было: истерики. За(чем)

² Так в рукописи.

³ Было: в умах,

⁴ Этот и следующий абзацы выделены особым значком.

⁵ Было: донос

⁶ В автографе: себѣ

⁷ и пакость вписано.

ПРИМЕЧАНИЕ К «ИСПОВЕДИ»

НВ. Да, вот поди и объяви: скажут, глупо, убил без причины, взял 280 руб. и на 20 руб. вещей. Вот если б 15 000 али я Краевского убил и ограбил, вот тогда б не смеялись, тогда б цель видели и поверили, что я планы большие имел.¹ А теперь даже и смех и презрение я должен вынести: дурачок, скажут, бесполезно убил. Воображал, что двумястами себя обеспечит и всех счастливыми сделает. Не поверят моему плану, когда я буду об нем толковать. О позор, позор! Даже самый гнусный позор не минует меня.

О подлец я, подлец! Низкими, гадкими их называю, а сам за их мнением гоняюсь! Ни к чему, ни к чему-то я не готов! Ничего еще² не дала мне жизнь.

НВ. (Я думал, что у ней тысяч пять найду.)

НВ. (Дочь чиновника мимоходом, чуть-чуть и оригинальнее вывести. Простое и забитое существо. А лучше грязную и пьяную с рыбой. Ноги целует.) (с. 149)

---

¹ тогда ~ имел вписано.

² еще вписано.

ВТОРАЯ (ПРОСТРАННАЯ) РЕДАКЦИЯ

Черновой автограф: «Под судом» (ЧА₂)

ПОД СУДОМ

Я под судом и всё расскажу.¹ Я всё запишу. Я для себя пишу, но пусть прочтут и другие, и все судьи мои, если хотят.² Это — исповедь. Полная исповедь. Ничего не утаю.³

Как это всё⁴ началось — нечего говорить.⁵ Начну прямо с того, как всё это исполнилось.⁶ Дней за пять до этого дня, я ходил как сумасшедший. Никогда не скажу,⁷ что я был тогда и в самом деле⁸ сумасшедший, и не хочу себя ложью эт(ой) оправдывать.⁹ Не хочу, не хочу!¹⁰ Я был в полном уме.¹¹ Я говорю

---

¹ Было: Я всё расскажу.

² если хотят вписано.

³ Вместо: Это — исповедь ~ утаю. — было: Это полная исповедь. Я [по] для себя, по своей потребности пишу, и потому ничего не утаю.

⁴ всё вписано.

⁵ Далее было вписано, частично карандашом: Само [видно] ясно будет

⁶ Вместо: всё это исполнилось. — было: это всё [сделалось] было.

⁷ Было: не скажу и не захочу

⁸ и в самом деле вписано карандашом.

⁹ Вместо: что я был ~ оправдывать. — было: что я был тогда действительно сумасшедший и не хочу себя оправдывать этим. Далее было вписано: Ни одного слова лжи не скажу, хотя бы от этого зависело [оправдание] спасение мое.

¹⁰ Было (исправлено карандашом): Нет, не хочу, не хочу!

¹¹ Далее было: а. но я ходил как б. но я ходил тогда как в. Я хочу только сказать, что ходил г. я утверждаю это, весь этот месяц. д. хочу только сказать, что моим словам

только, что ходил как сумасшедший, и это правда было.¹ Я всё по городу тогда ходил, так, слонялся, и до того доходило, что даже в забытьё в какое-то впадал. Это, впрочем, могло быть отчасти и от голоду, потому что, уже целый месяц, право, не знаю, что ел. Хозяйка, видя, что я из университета вышел,² не стала мне отпускать обеда. Так, разве Настасья что от себя принесет. Впрочем, что ж я! совсем не в том главная причина была!³ голод тут⁴ был третьестепенная вещь и я⁵ очень хорошо помню, что даже и внимание не обращал во всё то самое последнее время:⁶ хочу ли я есть или нет? Даже не чувствовал. Всё, всё поглощалось моим проэктom,⁷ чтоб привести его в исполнение.⁸ Я уже и⁹ не обдумывал его (с. 79)¹⁰ тогда, в последнее время, когда слонялся, потому что уже прежде всё было обдумано¹¹ и всё порешил. А меня¹² только тянуло, даже¹³ как-то механически тянуло поскорее всё исполнить и порешить, чтоб уж как-нибудь да развязаться с этим. А отказаться я не мог... не мог...¹⁴ Я болен делался, и если б это продлилось еще долее, то с ума бы сошел, или всё на себя доказал, или... уж и не знаю, что было бы.

По правде, во всю¹⁵ эту последнюю неделю хорошо и отчетливо помню¹⁶ только то, как встретился с Мармеладовым. Впрочем, это, может быть, потому, что я давно уже ни с кем тогда¹⁷ не встречался и всё оставался один, так что встреча с каким бы то ни было человеком как бы заклеилась во мне. Об Мар-

¹ и это правда было. *вписано*. Далее было начато: Нет,

² *Вместо вписанного*: видя, что я из университета вышел — было (также *вписано*): видя, что я уроков не имею и выключен из университета)

³ что ж я! ~ была! *вписано*.

⁴ тут *вписано*.

⁵ *Вместо*: и я — было: потому что я

⁶ *Вместо (исправлено частично карандашом)*: внимание ~ время: — было: а. внимание не обращал на то: б. внимание не обращал: в внимание не обращал во всё это последнее время:

⁷ Было: намерением

⁸ Далее было: Когда уже

⁹ и *вписано*.

¹⁰ На полях запись, начинающаяся на (с. 78) (см. 7, 165) и относящаяся к работе над второй редакцией.

¹¹ Было: всё обдумал

¹² Было: А теперь меня

¹³ даже *вписано* карандашом.

¹⁴ поскорее ~ не мог... не мог... *вписано над строкой и на полях*.

¹⁵ *Вместо*: По правде, во всю — было: [Но] [И во всю э(ту)] [И во всю] И про всю

¹⁶ *Вместо*: хорошо и отчетливо помню — было: я помню

¹⁷ тогда *вписано*.

меладове же потому особенно¹ запишу, что во всем моем деле эта встреча играет большую дальнейшую роль.² Это ровно за четыре³ дня до девятого числа было. Остальная же вся неделя у меня, как в тумане, мелькает. Иное припоминаю⁴ теперь с необыкновенною ясностью, а другое как будто во сне только⁵ видел. Про весь тот день, как Мармеладова встретил, совершенно ничего не помню. Совершенно.⁶ В девять часов вечера, — так я думаю, очутился я в С—м переулке подле распивочной. В распивочные доселе я никогда не входил,⁷ и теперь вошел не по тому одному, что меня действительно мучила ужасная жажда⁸ и хотелось пива выпить, а потому, что вдруг, неизвестно почему, захотелось хоть с какими-нибудь людьми⁹ столкнуться. Иначе я бы упал на улице, голова хотела треснуть, и хоть для меня тогда было неосторожно входить, но я уж не рассуждал и вошел.¹⁰ (с. 80)

Даже не помню и того отчетливо, как я подошел к застойке, снял свое серебряное крошечное колечко, из какого-то монастыря, от матери еще досталось,¹¹ и как-то уговорился, что мне дадут за него бутылку пива. Затем я сел, и, как выпил первый стакан, мысли мои тотчас, в одну минуту какую-нибудь, прояснили, и затем¹² весь этот вечер, с этого первого стакана, я помню так, как будто он в памяти¹³ у меня отчеканился.

В распивочной было мало народу.¹⁴ Когда я вошел, вышла целая толпа, человек в пять,¹⁵ с одной девкой и с гармони-

¹ *Вместо:* особенно — *было:* еще

² Впрочем, это ~ роль. *вписано на полях.* *Вместо:* особенно ~ роль. — *было:* еще запишу, что во всей моей истории эта встреча играет большую роль.

³ *Вместо:* ровно за четыре — *было:* за три

⁴ *Было:* выст(упает)

⁵ только *вписано.*

⁶ *Вместо:* Про весь ~ Совершенно. — *было:* Про Мармеладова же и надо рассказать. Мармеладова я встретил вечером, а про весь тот день совершенно ничего не помню.

⁷ *Вместо:* доселе я никогда не входил — *было:* я никогда не ходил

⁸ *Вместо:* теперь ~ жажда — *было:* а. хоть меня б. теперь вошел не потому, что меня мучила жажда

⁹ *Было:* людьми на улице.

¹⁰ *Вместо:* для меня ~ и вошел. — *было:* это было неосторожно, но я тогда не рассуждал.

¹¹ *Вместо:* Даже не помню ~ досталось — *было:* Как в тумане помню, что я подошел к застойке, снял свое серебряное кольцо

¹² *Вместо:* в одну минуту ~ и затем — *было:* а. прояснили и б. после того прояснили и

¹³ в памяти *вписано.*

¹⁴ *Далее было:* Один очень пьяный лежал

¹⁵ *Было:* в пять человек

ей.¹ Остались потом один пьяный,² который спал или дрем(ал)³ на лавке, товарищ его, толстый, в сибирке,⁴ который сидел хмельной, но немного, тоже за пивом, и Мармеладов, которого я до тех пор никогда не встречал. Сидел он за полштофом и изредка отпивал из него, наливая в стаканчик и посматривая кругом, в каком-то, как мне показалось, даже волнении.⁵ Потом во всё это время вошло человека два, три, не помню хорошо каких. Всё голь. А я сам⁶ был совершенно в лохмотьях.⁷

Хозяин распивочной⁸ был в другой комнате, но часто входил в нашу, спускаясь к нам вниз по ступенькам. Он был в сапогах с красными отворотами, в сибирке и в страшно засаленном атласном черном жилете.⁹ За застойкой стоял, кроме того, мальчишка и был еще другой мальчишка,¹⁰ который подавал, если что спрашивали. Стояли крошеные огурцы, ржаные сухари и какая-то соленая рыба.¹¹ Атмосфера была душная, да и погода тогда стояла знойная, жаркая, июльская, так что в распивочной было даже нестерпимо сидеть,¹² и всё до того было пропитано винным запахом, что, мне кажется, с одного этого воздуха можно в десять минут¹³ было пьяным напиться.¹⁴

Я невольно обратил внимание на Мармеладова,¹⁵ может быть именно потому, что и сам он обращал на меня внимание, и кажется, с самого начала ему хотелось ужасно заговорить, — (с. 81) и именно со мной, на тех же, которые были кроме нас в распивочной, он¹⁶ видимо с пренебрежением смотрел и даже

---

¹ с одной девкой и с гармонией *вписано*.

² *Начато исправление*: один [пьяный]

³ или дрем(ал) *вписано*.

⁴ толстый, в сибирке *вписано*.

⁵ *Вместо*: товарищ его ~ волнении. — *было*: товарищ его, который сидел и ничего не пил, и Мармеладов, который сидел [поодаль] за полштофом. Я Мармеладова прежде никогда не видал.

⁶ *Было*: Я же

⁷ Потом ~ в лохмотьях. — *было вычеркнуто и восстановлено*.
Далее было (новый абзац): а. Я б. За застой(кой)

⁸ распивочной *вписано*.

⁹ спускаясь ~ жилете. *вписано*.

¹⁰ мальчишка *вписано*.

¹¹ Стояли ~ рыба. *вписано*.

¹² *Вместо*: да и погода ~ сидеть — *было*: да и погода была мучительно жаркая. В распивочной же было нестерпимо

¹³ в десять минут *вписано*.

¹⁴ *Между строками незначеркнутые варианты*: сделаться и стать
Далее было: — А позвольте ли, Милостивый Государь

¹⁵ *Далее было*: [да] да

¹⁶ *Было*: на этих он

чуть не свысока, считая себя принадлежащим к более высшему обществу.¹ Это был человек лет сорока пяти,² среднего роста, с проседью и с большой лысиною, с отекившим от постоянного пьянства³ желтым, даже зеленоватым⁴ лицом и с припухшими веками,⁵ из-за которых светились крошечные, как щелочки, но одушевленные глаза. Взгляд его⁶ даже мое обратил внимание; а⁷ я ничем тогда, кроме одного, не мог особенно⁸ интересоваться. Но во взгляде этом светилась какая-то восторженность. Пожалуй, и смысл, и ум, и в то же время тотчас же как бы и безумие,⁹ — не умею иначе выразиться. Одет он был в какой-то оборванный фрак с совершенно осыпавшимися пуговицами, в нанковый жилет, из-под которого виднелась манишка, вся скомканная, запачканная и залитая.¹⁰ Лицо было выбрито,¹¹ по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала высыпать¹² сизая щетина.¹³ В его приемах¹⁴ и ухватках действительно было что-то солидно-чиновничье. Он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда¹⁵ в тоске обеими руками голову, положи локти на стол. Наконец он прямо посмотрел на меня и громко и твердо¹⁶ заговорил.

— А могу ли¹⁷ я, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным. Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отмечает¹⁸ в вас человек⟨а⟩ образованного и к

¹ *Вместо:* и именно ~ обществу. — *было:* только не с теми, которые были кроме нас в распивочной.

² *Было:* пя⟨тидесяти⟩

³ *Вместо:* с проседью ~ пьянства — *было:* с отекившим от пьянства

⁴ *Было:* зеленоватым даже

⁵ *Далее было:* сквозь

⁶ *Далее было:* был

⁷ *Было:* а. а б. *Начато:* т ⟨и⟩

⁸ особенно *вписано.*

⁹ *Вместо:* Пожалуй ~ безумие — *было:* ум и в то же время как бы безумие

¹⁰ *Вместо:* запачканная и залитая. — *было:* а. *Начато:* и че⟨м-то⟩ б. запачканная и чем-то облитая.

¹¹ *Было:* выбритое

¹² *Вместо:* густо начала высыпать — *было начато:* высыпать

¹³ *Далее было:* Руки страшно испачканы, с черными

¹⁴ *Было:* Его приемы

¹⁵ *Вместо:* Он был ~ иногда — *было:* Иногда он ерошил волосы и подпирал

¹⁶ и громко и твердо *вписано.*

¹⁷ *Было:* Могу ли

¹⁸ *Вместо:* разговором ~ отмечает — *было:* моими словами. Не смотря на наружность, — он указал на платье, — отмечаю

напитку непривычного. Сам всегда уважал образованность, со-единенную с сердечными чувствами, да и, кроме того, состою титулярным советником. Мармеладов по фамилии.¹ Позвольте спросить — служить не изволили?² Делать опыту?³

— Нет... учусь,⁴ — отвечал я, удивленный особенным⁵ важным тоном, с которым он говорил.

— Студент, может быть, или бывший студент.⁶ Так я и думал. Были студентом или происходили ученую <с. 82> часть. Позвольте-с. — Он привстал, покачнулся, захватил полштофа, стаканчик и тотчас же пересел за мой столик,⁷ немного наискось от меня.

— Милостивый Государь, — продолжал он, — бедность не порок, это правда. Знаю я,⁸ что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостив(ый) Государь, — нищета, — порок. За нищету в полицию тащут. За нищету даже и не палкой выпгоняют, а метлой выметают из компании человеческой.⁹ За нищету последняя шельма вас¹⁰ презирает и право имеет, ибо за нищету я первый сам себя презираю и более всех.¹¹ Бедность по-зволяется, а нищета запрещается.¹² В бедности вы можете еще¹³ сохранять свое благородство врожденных чувств,¹⁴ а в нищете никогда, никто и никакого.¹⁵ Милостивый Государь, две недели назад мою супругу прибил г. Лебезятников, а супруга моя не то, что я. Да-с, не то!.. Гм... Понимаете?¹⁶ Позвольте еще¹⁷ спросить

---

¹ Мармеладов по фамилии. *вписано.*

² *Вместо:* служить не изволили? — *было:* служили?

³ *Делать опыту?* *вписано карандашом.*

⁴ *Было:* учился

⁵ *Было:* его особенным

⁶ *Вместо:* Студент, может быть, или бывший студент. — *было:* а. Студент. б. Т. е. студент.

⁷ *Было:* столик, напр(отив)

⁸ *я вписано.*

⁹ *Вместо:* выметают из компании человеческой. — *было:* как сор из кухни, вас выметают из всякого человек(ого) общества.

¹⁰ *Вместо:* последняя шельма вас — *было:* вас последняя шельма

¹¹ *Вместо:* сам себя презираю и более всех. — *было:* и более всех сам себя презираю.

¹² *Было:* строго запрещается

¹³ *еще вписано.*

¹⁴ *Вместо:* врожденных чувств — *было:* а. чувств б. врожденных чувств и достоинство

¹⁵ *Вместо:* никогда, никто и никакого. — *было:* никогда и никто.

¹⁶ *Вместо:* мою супругу ~ Понимаете? — *было:* мою жену прибили, а она не такая, как я, — и вот я пью.

¹⁷ *еще вписано.*

вас, милостивый Государь, изволили вы ночевать на Неве на Сенных барках?¹

— Н-н-нет, — отвечал я, удивленный² вопросом.

— Ну-с, а я оттуда, и³ пятую ночь-с, и вот! — он ткнул пальцем в полштофа, налил и выпил.

Действительно, на его платье, кое-где, виднелись прилипшие былинки⁴ сена. Я оглядел его:⁵ очень вероятно было, что он пять дней не раздевался и не умывался. Особенно руки были страшно грязны, с черными, грязнейшими ногтями.

Его разговор, кажется, возбудил общее внимание. Даже мальчишки за застойкой одушевились и начинали хихикать. Хозяин, тоже, кажется, немного хмельн(ой), сошел из комнаты и сел поодаль, с живым любопытством слушая Мармеладова.⁶ Очевидно, Мармеладов был здесь известен. Да и некоторую витиеватость⁷ речи своей приобрел он, вероятно, от частой привычки в кабачных монологах.⁸ Он был пьян, но говорил речисто и плавно и только немного местами сбивался и затягивал речь, да и то уже под конец разговора.⁹ Это был¹⁰ пьяница <с. 83> запоем, которому нужно¹¹ рюмку или две, чтоб всё в нем опять разболталось.¹²

— Позвольте, милостивый Государь, позвольте, — с жаром продолжал он, как будто уже я возразил ему, — предвижу возражения ваши: Скажете, может быть, что в нищете моей я сам более всех причинен.¹³ Согласен¹⁴ и согласен вполне.¹⁵ Но по-

---

¹ На полях: Я обратил вним(ание). Он очевидно был *немытый*, с черными волосами. Ночевали вы когда-нибудь на Сенных барках на Неве? Ну, а я, ночевал-с.

² Было: [немного] отчасти удивленный

³ и *вписано*.

⁴ Было: соломины

⁵ Вместо: Я оглядел его: — было: [Я оглядел его:] действительно он

⁶ Вместо: Хозяин ~ Мармеладова. — было: Хозяин сошел из комнаты и сел поодаль. Он тоже был, кажется, немного хмелен. Слова: с живым любопытством слушая Мармеладова *были вписаны, зачеркнуты и восстановлены. На полях карандашом: позевывая*

⁷ Далее было: и форс <и>

⁸ Да и некоторую ~ монологах. *вписано на полях.*

⁹ Вместо: только немного ~ разговора. — было: хотя немного и сбивался, [местами] [и протягивал речь] и тянул речь.

¹⁰ Далее было: запой(ный)

¹¹ Далее было: каждодневно

¹² Было: *взболталось*

¹³ Вместо: с жаром ~ причинен. — было: вы скажете, что в нищете моей я сам виноват.

¹⁴ Далее было *вписано*: и на это

¹⁵ Далее было *вписано*: Виноват.

звольте спросить вас,¹ молодой человек: случилось вам испрашивать денег взаймы безнадежно?

— Не знаю... может быть. Как это безнадежно?

— Т. е. безнадежно-с, безнадежно вполне. Вот вы знаете, н(а)прим(ер), заране и вполне знаете, что² сей человек, сей благолепный³ и благолюбящий старец ни за что вам денег не даст, — ибо зачем, спрошу я, он даст? Ведь он знает, что я не отдам. Из сострадания? Но г-н Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснял намедни, в наше время сострадание даже наукой запрещено.⁴ Ну зачем же он после этого даст?⁵ И вот зная вполне, что не даст,⁶ вы все-таки идете испросить⁷ у него взаймы известную сумму.

— Для⁸ чего же ходить?

— А коли не к кому?⁹ Коли идти больше некуда? Ведь надобно ж куда-нибудь идти? Чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь было можно пойти.¹⁰ Ну а коли, кроме него,¹¹ уже никого, никого больше у вас не имеется?¹² Ну и идешь.¹³ Вот и я ходил перед тем, как едиnorodная дщерь¹⁴ моя в первый раз по желтому билету¹⁵ пошла. Ибо старшая дочь моя по желтому билету живет, государь мой, — прибавил он, с некоторым беспокойством¹⁶ смотря на меня.¹⁷ — Но не беспокойтесь, милостивый Государь, — когда фыркнули оба мальчишки за застойкой и даже улыбнулся хозяин.¹⁸ — Не беспокойтесь, здесь всем всё извест-

¹ спросить вас *вписано*.

² *Вместо*: Вот вы ~ что — *было*: а. Вот вы н(а)прим(ер) б. Вот вы знаете н(а)прим(ер), что

³ *Было*: благостный

⁴ *Вместо*: Из сострадания ~ запрещено. — *было*: Из сострадания, но ведь сострадание в наше время даже наукой запрещено-с.

⁵ *Вместо*: Ну зачем же он после этого даст? — *было*: Ну зачем он даст?

⁶ *Вместо*: что не даст — *было*: что скорей вы утопитесь, а он вам ничего не даст

⁷ *Было*: просить

⁸ *Было*: Да для

⁹ *Далее было вписано*: идти

¹⁰ Коли идти ~ пойти. *вписано*.

¹¹ *Вместо*: Ну а коли, кроме него — *было*: Коли кроме его

¹² *Вместо*: у вас не имеется — *было*: нет

¹³ *Было*: Ну идешь к благолепному и к благовонному.

¹⁴ *Было*: дочь

¹⁵ *Было*: с желтым билетом

¹⁶ *Вместо*: с некоторым беспокойством — *было*: с легким беспокойством

¹⁷ *Вместо*: Ибо старшая ~ на меня. — *было*: Ибо дочь моя с желтым билетом ходит, милостивый Государь.

¹⁸ *Было*: сам хозяин

но,¹ и я не с презрением, а со смирением к сему отношусь.² Пусть!³ «Се человек! Се человек!»⁴ Милостивый Государь, знайте, что⁵ я сапоги сего старца, вычищенные и лакированные, целовал, прах ног его (с. 85) лбызал⁶ и — пришел домой пьяненькой.⁷ Ибо, Милостивый Государь, когда⁸ придется вам, в первый раз, целовать⁹ сапог другого, подобием схожего¹⁰ вам существа,¹¹ хотя бы и благолепнейшего из старцев,¹² то вы непременно домой воротитесь¹³ пьяненькой. Если же¹⁴ вы чувствительностью одарены, то и в третий и в пятый раз домой воротитесь¹⁵ пьяненькой.

Он крикнул и отпил.

— Забавник! — проговорил хозяин. — А для ча¹⁶ не работаешь? Для ча не служите,¹⁷ коли чиновник?

— Для чего я не служу, милостивый Государь, — продолжал Мармеладов, исключительно обращаясь ко мне, как будто это¹⁸ я ему задал вопрос, — для чего не служу? А разве сердце у меня не болит? разве не болит? Разве я того же самого не чувствую? Когда г-н Лебезятников полтора месяца¹⁹ назад супругу мою собственноручно избил, а я лежал пьяненькой, — разве я не страдал?²⁰ Позвольте, позвольте, Милостивый Государь, мо-

¹ На полях (против начала абзаца): здесь знают, здесь всё знают

² Вместо: не с презрением ~ отношусь. — было: с презрением к [тому] ним отношусь. Далее было: а. В вашем же лице, молодой человек, я заметил как бы некую скорбь, и потому в минуту сию к вам единому отношусь. [И таким] И так б. В настоящую же минуту я к единому вам обращаюсь и говорю единственно с вами.

³ Далее было: Но

⁴ Далее было: Понимаете?

⁵ знайте, что вписано.

⁶ Было: целовал

⁷ Далее было: после того как сапоги-то его целов(ал), ибо

⁸ Далее было: вы в

⁹ Было: поцеловать

¹⁰ Было начато: по(хожего) <и>

¹¹ Было: а. существа б. лица. На полях *незачеркнутый вариант*: человек(а)

¹² хотя бы и благолепнейшего из старцев вписано.

¹³ Было: придете домой

¹⁴ же вписано.

¹⁵ Было: придете домой

¹⁶ Было: для чего

¹⁷ Было: Для чего не служишь

¹⁸ это вписано.

¹⁹ Было: три недели

²⁰ Было (исправлено частично карандашом): а. не страдал б. оттого не страдал

жете ли вы, скажу более, —¹ осмелитесь ли вы,² утвердительно сказать, глядя в сей час на меня, что я не свинья?

Ну-с, Милостивый Государь, — продолжал он, когда уже последов(ал) всеобщ(ий) взрыв хохота,³ — я свинья — а она — дама! Я звериний⁴ образ ношу, — а супруга моя особа⁵ образованная, и фамилии благородной, и сердца высокого. Милостивый Государь, если вы (с. 86) усматриваете меня в сем якобы пороссячем виде, то знайте, что я подлец, а она и штаб-офицерская дочь, и исполнена врожденного благородства, в богатстве воспитанная.⁶ А между тем, Господи, если б она пожалела меня; ибо надобно же всякого человека пожалеть?⁷ Кто бы ни был он, человек-то, а надо, надо, а надо, чтобы кто-нибудь и его да пожалел.⁸ Ибо⁹ иначе ведь пропадет человек, не подымется. Окажите¹⁰ ему, — и, — и подымется.¹¹ А супруга моя дама хотя и великодушная, но несправедливая. И хотя я в глуби сердца чувствую, что когда она и вихры мне дерет при каждом возвращении моем, Мил(остивый) Го(суда)рь,¹² то дерет не иначе как от жалости (ибо она дерет меня за волосы),¹³ но Боже, что если б она умела пожалеть меня без дранья волос!¹⁴ Государь мой, государь мой, я, может быть, и очнулся бы. Да! Гм. Впрочем, нет, не очнулся бы!..

— Еще бы очнулся! — сказал хозяин, зевнув.¹⁵ Мармеладов решительно стукнул кулаком по столу.¹⁶

¹ скажу более, — *вписано*.

² *Далее было начато*: а. утв(ердительно) б. глядя в

³ *Вместо*: уже последовал всеобщ(ий) взрыв хохота — *было*: захихикали вновь мальчишки и опять усмехнулся хозяин

⁴ *Было начато*: дик(ий)

⁵ *Было*: дама,

⁶ *Вместо*: штаб-офицерская дочь ~ воспитанная. — *было*: благородная особа и штаб-офицерская дочь, в богатом доме возросшая и воспитанная.

⁷ *Вместо*: всякого человека пожалеть? — *было*: Господи, пожалеть.

⁸ *Вместо*: Кто бы ни был ~ да пожалел. — *было*: Кто бы ни был он, а чтоб кто-нибудь да пожалел. Я разве не страдаю?

⁹ *Далее было*: чтоб

¹⁰ *Было*: Откажите

¹¹ Ибо иначе ~ подымется. *вписано*.

¹² Мил(остивый) Го(суда)рь *вписано* карандашом.

¹³ *Вместо*: в глуби сердца ~ за волосы) — *было*: [знаю] и знаю, что когда она и вихры мне дерет (ибо она дерет мне вихры), то дерет не иначе как от жалости

¹⁴ *Было*: вихров

¹⁵ *Вместо*: Еще бы ~ зевнув. — *было*: а. Еще бы! — прибавил хозяин.; б. Еще бы очнуться! — сказал хозяин, позевав (<i>).

¹⁶ *Вместо*: решительно ~ по столу. — *было*: стукнул кулаком об стол.

— Нет! не очнулся бы! Милостивый Государь! Знаете ли, знаете ли вы, М(илостивый) Г(осударь),² что я раз чулки ее пропил! Не башмаки-с,³ ибо это еще походило б на порядок вещей,⁴ а чулки-с, чулки⁵ пропил-с. Косыночку ее из козьего пуха пропил, дареную, причем ее соб(ственную),⁶ и всего-то за шкалик, а живем мы в угле, в холодном угле, детей маленьк(их) трое, и Катерина Ивановна⁷ в работе с утра до ночи, скребет и моет, и детей обмывает, ибо к чистоте с измалетства⁸ привыкла, а с грудью слабою и к чахотке наклонною. И когда я пропил козынку, она в ту зиму⁹ простудилась и кашлять¹⁰ пошла, а теперь (с. 87) кровью харкает. И я это чувствую. Разве я это не чувствую? Что¹¹ пьян, так уж и не чувствую? Нет-с, я пьяный лежу, а страдаю... всё это чувствую. Именно оттого страдаю, что косыночку пропил, и от прочего.¹² Ибо чем более я пьян, тем более понимаю.¹³ Без страданья сего я бы и жить не стал...¹⁴ И в питии сем не веселья, а скорби ищю.¹⁵

---

¹ *Далее было:* Ибо уже опыты были. И сверх того я вам всё наврал, потому что нечего жалеть того, кто других не жалеет. Но разве я не чувствую, разве не чувствую?

² М(илостивый) Г(осударь) *вписано.*

³ *Было:* Не обувь, не башмаки-с

⁴ *Вместо:* порядок вещей — *было:* что-нибудь, еще было бы, так сказать, в порядке вещей

⁵ *Было:* чулки-с

⁶ дареную, причем ее соб(ственную) *вписано.*

⁷ *Вместо:* детей маленьк(их) трое, и Катерина Ивановна — *было:* детей четверо, и она

⁸ с измалетства *вписано.*

⁹ в ту зиму *вписано.*

¹⁰ *Вместо:* простудилась и кашлять — *было:* простудилась, не имея

¹¹ *Было:* Что я

¹² *Вместо:* Разве я это ~ от прочего. — *было:* а. Разве я не чувствую, разве я не страдаю? Пьяненькой лежу, а страдаю... б. Разве я это не чувствую, разве я не страдаю? Что [я] пьян, так уж и не чувствую? Нет-с, я пьян лежу, а страдаю... *Окончательная правка произведена карандашом.*

¹³ *Вместо:* тем более понимаю — *было:* тем более [я сам] [всё] понимаю, что я свинья и подлец... Ну и страдаю.

¹⁴ *Вместо:* Без страданья ~ не стал — *было:* Без страданья этого я бы и жить не мог

¹⁵ *Вместо (исправлено частично карандашом):* И в питии ~ скорби ищю. — *было вписано между строками:* Ибо в питии сем не веселья, а скорби ищю. [Для того и пью]. *На полях (с. 91) набросок:* ибо в питии сем не веселья, а скорби ищю

Милостивый Государь, в лице вашем¹ я читаю как бы² некую скорбь. И потому — не на позорище себяставляю, а вам единому говорю. Как же — пусть! Се человек. Мил(остивый) Гос(ударь),³ супруга мо(я), Катери(на) Иван(овна), в неге росла,⁴ в благородном губернском, дворянском институте воспитывалась⁵ и при выпуске с шалью танцевал(а), при губернаторе и при прочих лицах,⁶ за что золотую⁷ медаль и похвальный лист получила. Медаль-то продали, т. е. давно уж продали, — да,⁸ ну а похвальный-то лист, на пергаменте, до сих пор у ней в комодке лежит, и еще недавно его хозяйке показывали, ибо хотя мы и в углах живем, и с хозяйкой у них непрерывные раздоры,⁹ а все-таки похвальным листом своим¹⁰ надо было хоть перед кем-нибудь погордиться. И я не осуждаю! Не осуждаю! Ибо сие последнее из всех воспоминаний ее прошлой жизни осталось, а прочее всё прахом пошло.¹¹ Дама горячая, гордая и непреклонная, пол сама моет и на простом хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит,¹² оттого и г-ну Лебезятникову его грубость не захотела спустить, и когда прибил он ее за то, что не хотела спустить,¹³ то не столько от побоев, сколько от чувства в постель¹⁴ слегла. Вдовой уже взял¹⁵ ее, с троими¹⁶ детьми, маленькими. Вышла замуж за 1-го мужа, офицера пехотного, по любви, с ним и бежала из дому родителей.¹⁷ Мужа любила, чрезмерно, но служить он не

¹ Было: в вашем лице

² Вписано: а. карандашом: как бы б. чернилами: я (нрзб.) как бы

³ Мил(остивый) Гос(ударь) вписано.

⁴ Вместо: И потому ~ в неге росла — было: а. и потому скажу вам сначала про супругу мою. В неге росла б. Вы поймете, что супруга моя в неге росла

⁵ Было: училась

⁶ при губернаторе и при прочих лицах вписано.

⁷ золотую вписано.

⁸ Вместо: т. е. давно уж продали, — да, — было: давно ее продали,

⁹ Было: ссоры

¹⁰ Далее было: до сих пор

¹¹ Вместо: из всех воспоминаний ~ пошло. — было: а. у ней только и осталось б. из всех воспоминаний прошлых лет осталось. Остальное всё прахом пошло.

¹² Было: не позволит

¹³ Вместо: оттого и г-ну ~ спустить — было: и когда прибил ее у нас в углах господин Лебезятников

¹⁴ Было: она в постель

¹⁵ Было: взял я

¹⁶ Было: с двумя

¹⁷ Вместо: за 1-го мужа ~ родителей. — было: за офицера, по любви, бежала от родственников.

хотел,¹ в картишки пустился, спился, под суд попал, с тем и помер.² Бил он ее под конец, а она хоть и не спускала ему³ сама, что мне доподлинно по документам известно,⁴ {с. 88} но до сих пор вспоминает его со слезами и досель им⁵ меня попрекает. Живого-то она бы,⁶ может быть, со свету дав(но) бы сжила его...⁷ Ну а мертвы(й). Гм. Хоть забава. Да-с, так вот-с. А я тому и рад, тому и рад-с. Гм... Ну а мертвый ей на утешение остался. И я рад, я рад, что хоть вспомянуть-то ей есть что.⁸ И осталась она с двумя⁹ маленькими в уезде далеко, где и я находился тогда,¹⁰ и осталась в такой нищете безнадежной, что я, хотя много видал, но даже и описать вам сего не (в) состоянии.¹¹ Родные же все от нее отказались.¹² Да и горда была, горда.¹³ И тогда, Милостивый Государь,¹⁴ тогда я, тоже вдовец¹⁵ и от первой жены дочь имея двенадцатилетнюю, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание.¹⁶ Можете судить по тому, государь мой, до какой степени ее бедствие доходило, когда она, образованная и фамилья известной, столбовой,¹⁷ за меня согласилась пойти. Я же к тому и к напитку привержен был. Но пошла; плача и рыдая, и руки ломая, пошла... ибо некуда было идти.¹⁸ Понимаете ли вы, Мил(остивый) Гос(ударь),

¹ *Вместо:* служить он не хотел — *было:* вышел он в отставку, служить не хотел,

² *Вместо:* под суд попал, с тем и помер — *было:* так и помер

³ *Вместо (вписано карандашом):* не спускала ему — *было:* дра-лась с ним

⁴ *Вместо:* мне ~ известно — *было:* доподлинно известно *На полях:* о чем я доподлинно и по документам известен

⁵ *Вместо:* его со слезами и досель им — *было:* его и им

⁶ *Вместо:* она бы — *было:* она его

⁷ *Вместо:* со свету давно бы сжила его — *было:* давно не любила

⁸ *Текст:* Живого-то ~ есть что. — *вписан на полях.* *Вместо:* И я рад ~ есть что. — *было:* а. И я рад, я рад, [Да] я [и] не сержусь б. И я рад, даже рад, рад, что хоть в воспоминании ей есть чем пожить *Между строками:* Ну-с, так начал я:

⁹ *Было:* трема

¹⁰ *Было:* тогда находился

¹¹ *Вместо:* сего не (в) состоянии — *было:* того не [могу] сумею

¹² *Вместо:* Родные же все от нее отказались. — *было:* Родители меж тем померли, и родные все от нее отказались.

¹³ *Вместо:* Да и горда была, горда. — *было:* Да и горда [она] же была.

¹⁴ *Далее было:* я

¹⁵ *Далее было:* рук(у)

¹⁶ *Было:* бедствие

¹⁷ *Вместо:* известной, столбовой — *было:* а. хорошей б. высокой

¹⁸ *Вместо:* плача ~ некуда было идти. — *было:* а. плача и рыдая, пошла... б. плача и рыдая, а пошла... *Далее было:* пошла все-таки

что значит: некуда идти? О Милостив(ый) Государь! И я ходил к моему благолепному, сапоги целовал.¹ И вот я, Милостивый Государь, чувствуя всё сие, целый год² не касался напитка. Целый год и обязанность свою я исполнял, но — тогда места³ лишился внезапно, и даже не по вине, а по перемене штатов.⁴ И тогда опять⁵ прикоснулся...

Он ткнул пальцем в штоф, чтоб указать, к чему прикоснулся.⁶

— Года полтора назад⁷ очутились мы здесь⁸ в великолепной здешней и украшенной многочисленными памятниками столице.⁹ И здесь я место достал. Достал-с... и... опять потерял. Понимаете-с?¹⁰ Живем мы теперь в угле,¹¹ у хозяйки Амалии Федоровны Липпевехзель, а чем живем мы теперь¹² и чем плотим, не ведаю.¹³ Не ведаю.¹⁴ В углах наших народу много, содом.¹⁵

Ну-с, а тем временем, Милостивый Государь мой,¹⁶ тем временем возросла и дочка моя, от прежнего брака,¹⁷ и что только вытерпела она, моя дочка, Софья Никитишна, от мачихи своей(й), возрастая, — и рассказать того невозможно.¹⁸ Ибо хотя

¹ Понимаете ли ~ целовал. *вписано на полях и между строками.*

² *Вместо:* вот я, Милостивый Государь ~ год — *было:* а. вот я, Милостивый Государь, [я, — целый год] чувствуя это, целый год б. я, целый год, чувствуя это, Милостивый Государь

³ *Вместо:* Целый год ~ тогда места — *было:* Целый год выдержал, и обязанность свою исполнял, но — места

⁴ а по перемене штатов *вписано.*

⁵ опять *вычеркнуто и восстановлено.*

⁶ чтоб указать, к чему прикоснулся *вписано.*

⁷ *Далее было:* пр(одождал)

⁸ здесь *вписано.*

⁹ *Вместо:* в великолепной ~ столице. — *было:* а. в Питере. *Над строкой:* [1 нрзб.]

¹⁰ *Вместо:* Достал-с... ~ Понимаете-с? — *было:* Достал... Но напиток сгубил, и я опять потерял свое место и жалованье.

¹¹ *Вместо:* Живем мы теперь в угле — *было:* а. Живем мы в угле б. Стали мы жить наконец в угле

¹² мы теперь *вписано.*

¹³ *Было:* не знаю

¹⁴ Не ведаю. *вписано.*

¹⁵ *Было:* много народу, содом. *Далее было:* И целый-то день [она] Катерина Ивановна не устаёт, моет и чистит, и гладит, и ребятишек обмывает, и ежеминутно меня костит и попрекает. Но что женщина зарабатывает, и к тому же чахоточная.

¹⁶ *Вместо:* Ну-с ~ Милостивый Государь мой — *было:* Ну-с, Милостивый Государь

¹⁷ от прежнего брака *вписано.*

¹⁸ *Вместо:* от мачихи ~ невозможно. — *было:* от мачихи — и рассказать невозможно.

Катерина Ивановна, супруга моя, дама великодушная, но горячая и несправедливая, и оборвет. Гм... Воспитания Соня¹ не получила, только кротость еще от Бога приобрела.² Пробовал я было с ней географию лет (с. 89) пять тому назад проходить и всемирную историю, но так как я в познаниях сих³ и сам был не крепок, да и приличных⁴ руководств не имелось, ибо какие имевшиеся книжонки... гм. Ну да уж что говорить, туда же пошли,⁵ а потому всё обучение тем тогда же и кончилось.⁶ Потом уже, достигнув зрелого возраста, прочла она несколько книг, содержания большею частью романического, да недавно уже в этом году, перед тем, назад тому полгода, одну книжку какую-то об море и что внутри его есть (извольте знать-с?) прочла, г-н Лебезятников ей ссудил, ибо на нее свои виды имел, и очень сим сочинением заинтересована была, и даже детям много вслух из нее читала, и мы слушали,⁷ — вот и всё ее просвещение...

Теперь спрошу я вас,⁸ Милостивый Государь, может ли женщина в день более 15 коп. серебром заработать,⁹ средним числом, да и то рук не покладая работавши?¹⁰ А то и 12.¹¹ Да и то статский советник,¹² Клопшток, Иван Иванович, — извольте знать? — не только денег за шитье полдюжины голландских рубах до сих пор¹³ ей не отдал, но даже с обидою прогнал ее, зато-

¹ Было: дочка моя

² Вместо: только кротость еще от Бога приобрела. — было (исправлено частично карандашом): а. кротка же душою и сердцем, как ангел Божий, была, кротка и безответна. б. только кротостью взяла

³ Было: в познание сем

⁴ Далее было: тому

⁵ туда же пошли вписано.

⁶ Вместо: приличных руководств ~ кончилось. — было: книг не имелось, то тем тогда же и кончилось; [до Кира, царя персидского, впрочем, дошли кое-как]. Далее вписано: Ибо пропил я их. На полях записи: и были книги, те скоро... Ну да уж исчезли...

⁷ Вместо: достигнув ~ мы слушали — было: возросши, прочла она несколько книг романических, да недавно, с полгода назад, одну книгу об море и что внутри его есть прочла, чем очень заинтересована была, [но]

⁸ Вместо: Теперь спрошу я вас — было: Поймите

⁹ Вместо: может ли ~ заработать — было: а. что может женщина заработать? б. может ли женщина в день более 15 коп. заработать,

¹⁰ Между строками: Теперь вопрос: как вы думаете, сколько может женщина в день заработать. Не знаете?

¹¹ А то и 12. вписано.

¹² Далее было: И(ван)

¹³ Вместо: за шитье полдюжины голландских рубах до сих пор — было: за полдюжину рубах

пав ногами и обозвав ее словами неприличными, за то будто бы, что рубашечный ворот шит¹ не по мерке и косяком.² А тут ребя-тишки голодные.³ А тут Катерина Ивановна руки ломает, да красные пятна у ней на щеках выступают, как это и всегда в сей болезни⁴ в волнении бывает.⁵ «Живешь, дескать, ты,⁶ дармоедка, у нас, ешь и пьешь и теплом пользуешься». А чего тут пьешь и ешь и какое тепло, когда не только мы, но и ребятишки-то три дня иной корки не видим.⁷ Я, милостивый государь, вот и лежал тогда пьяненькой и слышу, говорит моя Сонечка — кроткая она такая и голосок у ней такой.⁸ «— Что же, Катерина Ивановна, неужели ж мне... на это пойти».⁹ А уж Дарья Феклистова, женщина злонамеренная и полиции многократно известная, раза три¹⁰ заходила. — «А что ж, — говорит Катерина Ивановна, — чего беречь! Эко сокровище!» Но не вините, <с. 90> не вините, Милостивый Государь, не вините!¹¹ Не в здравом рассудке сие сказано было; а сказала, когда дети уже два дни сидели не емши и плача¹² и когда красные пятна на ее исхудалых щеках выступи-ли.¹³ Когда уже ум помутнел, да и сказано было более в оскорб-ление и в обиду, чем в самом деле.¹⁴ Ну-с, а тут-то вот именно, в этот последний день, поутру и¹⁵ статский советник Клопшток, в визит-то ее последний, обиду¹⁶ за свои рубашки нанес, плюнул в

¹ Было: а. сделан б. был

² Вместо: не по мерке и косяком. — было: не по мерке. Далее бы-ло: Ну так и вот-с.

³ На полях помета: Голодные дети.

⁴ Было: в сей грудной болезни

⁵ Было: а. Как в тексте. б. во время волнения бывает

⁶ Вместо: «Живешь, дескать, ты — было: Катерина Ивановна дама великодушная, но несправедливая и оборвет. — Ты, дескать

⁷ Вместо: и какое тепло ~ не видим — было: когда [сами по<суди-те>] три дня корки не видим

⁸ Вместо: Я, милостивый государь ~ такой — было (исправлено карандашом): [Ну-с, я лежал] Лежал я тогда пьяненькой, и говорит моя Сонечка — ангел Божий [она] — кроткая и безответная

⁹ Вместо: на это пойти — было: а. решиться на то б. решиться на это

¹⁰ Было: уже три

¹¹ Было: Но не вините, Милостивый Государь,

¹² Вместо: а сказала ~ и плача — было: говорилось это, когда дети голодные

¹³ Далее было: а. Ну-с, так прошло еще два дни или три б. Ну-с, продолжаю-с: прошло еще два дни или три

¹⁴ Когда уже ум ~ деле. вписано.

¹⁵ Вместо: Ну-с ~ поутру и — было: А тут

¹⁶ Вместо: в визит-то ее последний, обиду — было: обиду моей дочке

лицо и собственноручно толкнул ее, обозвав неприличным именовани-ем. Пришла она и без денег и оскорбленная. Катерина же Ивановна того только и ждала, что она придет с деньгами. Но что тут было, нечего говорить,¹ ибо Катерина Ивановна, как рас-плачутся дети, хотя бы от голоду или больные, тотчас же их бить начинает.² Лежал я тогда и всё слышал,³ что у них был за содом, т. е. больше Катерина Ивановна попрекала, терзалась и плакала. Наконец замолчала.⁴ И вот тут часов около 6-ти⁵ вдруг Соня моя встает, надела платочек, надела бурнусик и⁶ с квартиры от-правилась, а в девятом часу назад и пришла; пришла⁷, прямо к Катерине Ивановне подошла и на столик перед ней тридцать руб-лей серебром⁸ положила. Ни малейшего слова при этом не вы-молвила, а взяла тотчас большой свой зимний зеленый платок,⁹ накрыла им голову и лицо и легла на кровать лицом к стенке, ни на кого не смотря, только плечи и тело всё вздрагивали.¹⁰ Лежал я тогда¹¹ пьяненькой. И видел¹² я, Милостивый Государь мой, как супруга моя Катерина Ивановна весь вечер у Сонечкиной постельки на коленках простояла и встать не хотела,¹³ ноги ее це-ловала, да потом так обе и заснули обнявшись,¹⁴ обе... страдали-цы.¹⁵ Гм!.. Бог!..

Он вышил... и стукнул стаканчиком об стол.

¹ *Незачеркнутый вариант:* [Вышел-с] Ну-с, что там было, я вам не описываю,

² *Вместо:* Но что ~ начинает. — *было:* ибо ребятишки уже более ждать не могли, а Катерина Ивановна, как расплачутся, хотя бы от голоду или болезни, тотчас же бить начинает.

³ *Незачеркнутый вариант:* Всё слышал я, ибо я тут же лежал

⁴ Лежал ~ замолчала. *вписано между строками и на полях.*

⁵ *Вместо:* И вот тут часов около 6-ти — *было:* а. Сидели, сидели и б. И вот тут в в. И вот тут наконец таки

⁶ *Далее было:* в шесть часов вечера

⁷ *Вместо:* назад и пришла; пришла — *было:* а. назад пришла; б. на-зад пришла, вся бледная и потрясенная

⁸ серебром *вписано.*

⁹ *Вместо:* при этом не вымолвила ~ зеленый платок — *было:* не вымолвила, а взяла платок

¹⁰ *Вместо:* только плечи ~ вздрагивали — *было:* только тело всё вздрагивает от рыданий

¹¹ *Было:* а. Как в тексте. б. А я лежал

¹² *Вместо:* пьяненькой. И видел — *было:* а. пьяненькой; но всё слышал и видел, и видел б. пьяненькой. Слышал и видел, и видел

¹³ *Вместо:* весь вечер ~ не хотела — *было:* ни слова тоже не гово-ря, подошла к Сонечкиной постельке, стала в ногах на колени и два часа стояла

¹⁴ *Было:* а. Как в тексте. б. обнявшись и плача

¹⁵ страдалицы *вычеркнуто и восстановлено.*

〈—〉 Каковы причины, Милост(ивый) Государь? — проговорил он, и подбородок его запыргал.

〈—〉 Эх! — проговорил хозяин зевнув и вышел из комнаты.¹

— С тех пор, государь² мой, — продолжал, 〈по〉молчав, Мармеладов, — с тех пор,³ по одному неприятному случаю и по донесению неблагонамеренных лиц, чему особенно способствовала Дарья Феклистова,⁴ за то будто бы, что ей надлежащего почтения не оказывали,⁵ дочь моя, Софья Никитишна, желтый билет принуждена была получить⁶ и уже вместе с нами, по случаю сему, жить не могла, ибо хоз(яйка) Амал(ия) Иван(овна) того допустить не могла, да и г. Лебезятников. Гм. Ну!⁷ И Соня с тех пор⁸ всё наше семейство содержит и Катерину Ивановну облегчает, заходит к нам, сама же живет, нанимая квартиру⁹ у портного Ухватава, косноязычного,¹⁰ у которого и жена тоже (с. 91)¹¹ косноязычная и все дети тоже косноязычные. Люди беднейшие¹² и комнату ей дают... и косноязычные, гм...¹³ Так, ширмы поставлены и за ширмами... Гм. Да! Что ж я!¹⁴ Ну да! За ширмами... Что бишь! Да только встал я тогда поутру,¹⁵ одел лохмотья мои, простер руки к небу, отправился¹⁶ к Его Превосходительству Ивану Афанасьевичу и пал ему в ноги.¹⁷ Его Превосходительство Ивана Афанасьевича изволите знать-с? Не знаете? Ну так Божия Человека¹⁸ не знаете. Это¹⁹ — воск пред

¹ Каковы причины ~ комнаты. *вписано*.

² *Было*: Милостивый Государь

³ продолжал ~ с тех пор *вписано*.

⁴ *Вместо*: чему особенно способствовала Дарья Феклистова — *было*: а именно Дарья Феклистова

⁵ за то будто ~ не оказывали *вписано*.

⁶ *Вместо*: принуждена была получить — *было*: получила

⁷ ибо хозяйка ~ Гм. Ну! *вписано*.

⁸ *Вместо*: И Соня с тех пор — *было*: И с тех пор же

⁹ нанимая квартиру *вписано*.

¹⁰ *Между строками*: Теперь у портного живет *На полях заметки*: Косноязычные. Я же отправился к директору.

¹¹ *Вверху страницы запись, относящаяся к предшествующему тексту (см. с. 132, примеч. 15)*.

¹² *Было*: беднейшие и добрейшие

¹³ и косноязычные, гм... *вписано*.

¹⁴ Что ж я! *вычеркнуто и восстановлено*.

¹⁵ *Вместо*: Что бишь! ~ поутру — *было*: а. Только встал я тогда же б. Только встал я тогда, оделся

¹⁶ *Было*: и отправился

¹⁷ и пал ему в ноги *вписано*. *Далее было*: Так и так, дескать... примите, защитите, помилуйте!

¹⁸ *Было*: посланника

¹⁹ *Вместо*: Это — *было*: [Эту] Это душа

лицом Господним. Даже прослезилась, изволив всё¹ выслушать: «Ну, говорит, Мармеладов, раз уже ты обманул мои ожидания, обещался и заклинался.² Смотри же! Беру тебя еще раз, но смотри!»³ Помни, что беру тебя на личную ответственность и потом уж пощады не жди...⁴ Ступай!»⁵ Облобызал я прах ног его, мысленно, ибо физически сделать сего не позволил бы, так как сановник⁶ и человек новых государственных и образованных мыслей, воротился домой и как объявил, что на службу зачислен и жалование получаю, — Господи! Что тогда было!

Мармеладов остановился; очевидно в волнении.⁷ В это время вошла целая партия пьяниц, уже пьяных, и раздались звуки нанятой шарманки и детск(ий) голос, поющий «Хуторок»⁸ у входа. Стало шумно. Хозяин и прислуга заняты были вошедшими. Мармеладов, не обращая никакого внимания, продолжал рассказ. Он уж сильно пьянел, иногда повторял по два, по три раза слова,⁹ и сбивался, но все-таки продолжал речисто и бойко. Воспоминания о недавнем успехе своем по службе¹⁰ отразились на лице его как будто каким-то сиянием.

— Было же это, Государь мой, всего назад пять недель. Да!¹¹ Только (с. 91а) что узнали они обе,¹² Катерина Ивановна и Сонечка, Господи! Точно я в Царствие Божие переселился. Бывало лежи как скот, только брань. А ныне... На цыпочках ходят, детей унимают:¹³ «Захарий Семенович¹⁴ на службе устал, пусть отдохнет». Кофейком меня перед службой поят. Сливки кипятят! Сливок настоящих мне к кофею доставать стали!¹⁵ И откуда они

¹ всё *вписано*.

² *Вместо*: «Ну, говорит, Мармеладов ~ заклинался. — *было*: «Ну, говорит, ну Мармеладов, раз уже ты обманул меня, обещался [и слово давал, а сам] и заклинался, а между тем сам принудил меня тебя исключить».

³ *Было*: смотри, смотри!

⁴ *Вместо*: на личную ~ не жди... — *было*: на мою личную ответственность...

⁵ *Далее было*: зап(лакал)

⁶ *Было*: он сановник

⁷ *Было*: в сильном волнении

⁸ и детский голос, поющий «Хуторок» *вписано*.

⁹ *Вместо*: Он уж ~ слова — *было*: Он видимо пьянел, повторял слова

¹⁰ *Вместо*: о недавнем успехе своем по службе — *было*: о недавнем успехе его

¹¹ *Вместо*: назад пять недель. Да! — *было*: назад полтора месяца.

¹² обе *вписано карандашом*.

¹³ *Далее было начато*: Семен

¹⁴ *Далее было*: трудился

¹⁵ Сливки ~ стали! *вписано*.

сколотились, достали мне на обмундировку приличную 11 р. с полтиной.¹ Сонечка, тут Сонечка, да! Это она...² Сапоги, манишки коленкоровые, великолепнейшие, вицмундир, всё за 11 с полтиной, состряпали в превосходнейшем виде. Пришел я в первый день поутру со службы. Смотрю: Катерина Ивановна два блюда изготовила.³ Суп и солонину под хреном. И ведь вот что странно: платьев нет у нее, всё... Ну, одним словом, всё куда надо пошло.⁴ Лохмотья последние, а тут смотрю, точно в гости собралась, приделалась, точно праздник в доме какой. Умеют это как-то⁵ они: причешутся, воротничок там какой-нибудь⁶ чистенький, на-рукавнички, — смотришь, точно совсем другая особа, и помолодела, и похорошела, и жить опять начинает.⁷ Сонечка, ангел мой, только деньгами способствовала, а самой, говорит, мне часто у вас бывать теперь уж и⁸ неприлично, разве в сумерки как-нибудь, чтоб никто не видал. (Слышите! Слышите!)⁹ Прилег¹⁰ я после обеда заснуть¹¹ — что ж бы вы думали,¹² ведь не вытерпела Катерина Ивановна: За неделю¹³ еще они с хозяйкой, с Амалией Карловной, чуть не подрались, самыми низкими¹⁴ именами обзывали друг друга, а тут и на кофеек позвала рассказать кому-нибудь про это про всё еще разик и единст(венно) для того, чтоб хоть какого-нибудь человека иметь перед собою и перед ней мною¹⁵ похвастаться. И я не осуждаю, не осу(ждаю). Говорят, так и трещат.¹⁶ Дескать, как теперь Захар¹⁷ Семеныч¹⁸ на службе, жалование получает и к Его Превосходительству сам являл-

¹ Было: 11 р. 70 к.

² Сонечка ~ Это она... *вписано*.

³ Было: приготовила

⁴ всё... ~ пошло. *вписано*.

⁵ *Вместо*: Умеют это как-то — *было*: а. Как это умеют б. И как это умеют

⁶ какой-нибудь *вписано*.

⁷ *Вместо*: совсем ~ начинает. — *было*: другое совсем существо.

⁸ *Вместо*: бывать теперь уж и — *было*: быть

⁹ (Слышите! Слышите!) *вписано*.

¹⁰ Было: Лег

¹¹ Было: заснуть на диван

¹² Далее было: накан(уне)

¹³ Было: Наканун(е)

¹⁴ низкими *вписано карандашом*.

¹⁵ Было (*исправлено карандашом*): мной

¹⁶ *Вместо*: с Амалией Карловной ~ и трещат — *было*: чуть не подрались, самыми подлейшими именами обзывали друг друга, а тут не утерпела и на кофеек позвала — пока я сплю — только для того, чтоб перед ней мной похвастаться. Говорит шепотом, чтоб меня не разбудить:

¹⁷ Было: Ив(ан)

¹⁸ Было: Семенович

ся. И Его Превосходительство сам вышел, всех оставили и всех ждать велел, а Захар Ивановича в кабинет увел и посадил.¹ (Слышите! Слышите!) Я, конечно, говорит, Захар² Семеныч, помню ваши заслуги и хоть знаю, что вы прежде придерживались этой легкомысленной³ слабости, но так как уже⁴ вы обещаете (сь) и притом же ценя ваши способности и что, сверх того, у нас без вас всё худо пошло... (слышите, слышите!), то и надеюсь, дескать, на ваше честное и благородное слово. Т. е. всё это выдумала и не то чтоб только (с. 92)⁵ похвастаться, а так, сам(а)⁶ себя тешит, ей Богу! И я не осуждаю! не осуждаю. Милостивый Государь, вы не понимаете? Вам это смешно, ну а я понимаю, глуп, а понимаю... Я чувствую. Мне не смешно. Вы не чувствуете!⁷ И когда я неделю назад первое жалование мое 23 (р.) 40 коп. сполна принес, Малявочкой меня назвала. «Малявочка, говорит, ты этакая!» И наедине-с! Понимаете? Главное, что наедине-с, без детей! Ну уж что, кажется, во мне за краса? Ну уж куда я как супруг гожусь?⁸ Нет, — ущипнула за щеку: «Малявочка ты этакая?», — говорит!¹⁰

Мармеладов опять остановился, хотел засмеяться, но вдруг подбородок его запрыгал, он, впрочем, удержал себя. Этот штоф и эта беспредельная любовь¹¹ к жене и к семье сбивали меня с толку...

¹ и посадил *вписано*.

² Было: Ива(н)

³ легкомысленной *вписано*.

⁴ уже *вписано*.

⁵ На верхнем поле запись — см. ниже, примеч. 8.

⁶ В автографе: сам

⁷ *Вместо*: И я не осуждаю! ~ Вы не чувствуете! — *было*: О, Милостивый Государь! Мне не смешно. Я чувствую. Ну да и похвастаться тоже перед Липпевехзель хотела. Дама честолюбивая! Мы вот, говорит, теперь квартиру найдем приличную, вот только хозяйство как заводить? И пошли у них тут расчеты и толки, как хозяйство нам заводить, часа два друг дружке рапортовали, до тысячей [дошли] доходили, до того доходили, что я генеральский чин наконец могу получить, — слышите! Слышите! О, Милостивый Государь! *Далее было*: А когда *На полях запись*: в генералы меня произвели!

⁸ *Вместо*: Главное ~ гожусь? — *было*: Ну уж что, кажется, во мне есть красы? Ну уж куда я в супружеском отношении. *На полях* (с. 92): Ну уж какая моя краса, ну уж куда я в супружеском отношении гожусь. Нет, ущипнула за щеку, да еще наедине: «Малявочка ты, говорит, этакая!»

⁹ Было: моя

¹⁰ *Далее было*: Э-э-эх! Мил(остивый) Государь!

¹¹ *Вместо*: хотел засмеяться ~ беспредельная любовь — *было*: и подбородок его запрыгал, но он удержал себя. Этот штоф и эта любовь

— И весь тот день, и весь тот вечер,¹ милост(ивый) Государь, — прибавил Мармеладов, — я сам в мечтаниях летучих препроводил:² и как это всё³ устрою, и ребятишек одену, и ей спокой дам, и дочь мою однородную от погибели спасу, и в лоно семьи возвращу. Ну-с, а на другой же день, т. е. ровно⁴ пять дней назад, к вечеру, я обманом, как тать в ночи, похитил у Катерины Ивановн(ы)⁵ от сундука ключи, вынул всё вчерашнее⁶ жалование, и вот-с — пятый день из дому и там меня ждут-с, и службе моей⁷ конец, и вицмундир мой лежит в Стремянном переулке в распивочной, взамен чего получил сие одеяние... Вот-с! <с. 93>⁸

Теперь, Милостивый Государь, позвольте вас спросить, что я могу ожидать по возвращении домой от Катерины Ивановны?⁹

— Ну... Ничего хорошего, разуме(ется).¹⁰

— Гм. Да! Разумеется? Разумеется? Ну-с, а вот я давеча у Сонечки был.¹¹ Сегодня поутру-с, заходил.¹² Вот этот самый полуштоф на ее деньги куплен, тридцать копеек мне вынесла, своими рук(ами).¹³ Я для того и заходил, чтоб на похмелье у ней попросить.¹⁴

— И вы попросили? И она дала?¹⁵

— Ни слова даже не сказала, дала.¹⁶ Я знаю, что после(дние).¹⁷ Так только на меня молча посмотрела. Понимаете, как

¹ Далее было: пр(ибавил)

² Было: проводил

³ всё вписано.

⁴ ровно вписано.

⁵ у Катерины Ивановн(ы) вписано.

⁶ Было: оставшееся

⁷ моей вписано.

⁸ На полях запись, относящаяся к последующему тексту (см. с. 145, примеч. 3).

⁹ Вверху страницы на полях запись: М(илостивый) Г(осударь), что я могу теперь себе ожидать. К Катерине Ивановне? Невозможно. Пошел к Сонечке.

¹⁰ Было: Ничего хорошего, [разумеется].

¹¹ Вместо: Разумеется? ~ был. — было: у Сонечки был-с. Вверху страницы на полях вариант (вычеркнут карандашом): Но всего, всего для меня тяжелее было, когда я сегодня к Соне зашел.

¹² Было: к ней заходил

¹³ Вместо: тридцать копеек мне вынесла своими рук(ами). — было: опохмелиться дала, тридцать копеек-с.

¹⁴ Было: заходил на похмелье просить.

¹⁵ Вместо: И вы попросили? И она дала? — было: а. И дала? б. И вы просили? и она дала? в. И вы попросили? У ней? И она дала? Между строками: И вы взяли? — Взял-с,

¹⁶ Вместо: Ни слова даже не сказала, дала. — было: Ни слова не сказала.

¹⁷ Вместо: Я знаю, что после(дние). — было: Последние взяла, вынесла и дала.

ангелы об людях толь(ко)¹ тоскуют, плачут, а не укоряют.² И с самого утра Сонечкин взгляд мне³ мерещится. И тридцать копеек эти были последние, я это знаю, ибо угадал,⁴ т. е. уж последние. Понимаете? А вы вникните,⁵ что ей теперь надо *чистоту* наблюдать! Юбочку чистенькую, помадки баночку,⁶ чулочек чистенькой, ботиночку чистенькую, чтоб выставить, когда на улице лужу будет переходить, понимаете? Понимаете? Понимаете ли, что значит сия⁷ *чистота*? Ну-с,⁸ а я вот тридцать коп. (с. 94) на похмелье просить приходил.⁹ Понимаете ли теперь всё?¹⁰ Теперь вы всё выслушали, всё.¹¹ Ну скажите же теперь, ну¹² кто такового, как я, пожалеет?

— Да чего тебя жалеть-то! — крикнул хозяин, очутившийся опять подле. За ним фыркнули и другие, и слушавшие и неслушавшие, так, глядя только на одну фигуру Мармеладова.

— Жалеть,¹³ зачем меня¹⁴ жалеть! — закричал Мармеладов, вставая в решительном вдохно(вении).¹⁵ — Зачем жалеть, говоришь ты. Да! Меня жалеть не за что, правда!¹⁶ Меня распять надо, а не жалеть!¹⁷ распять! Но распни, судья, распни и пожа-

---

¹ только *вписано*.

² *Далее было:* а. Милостивый Государь — это тяжело. б. Милостивый Государь, мне это тяжело, чем я встречусь теперь с Катер(иной) Ивановн(ой).

³ *Вместо:* Сонечкин взгляд мне — *было:* а. взгляд ее передо мной б. этот взгляд мне в. этот взгляд ее мне. *Между строками:* Государь мой, и вот теперь, как к Катер(ине) Ивано(вне) идти, мне Сонечка

⁴ я это знаю, ибо угадал *вписано*.

⁵ *Вместо:* Понимаете? А вы вникните — *было:* Вы понимаете, молодой человек? Понимаете ли

⁶ *Вместо:* Юбочку чистенькую, помадки баночку — *было:* Надо сверх того помадки баночку

⁷ *Было:* эта

⁸ *Вместо:* Юбочку ~ сия *чистота*! Ну-с, — *было:* Понимаете, что значит эта *чистота*? Юбочку чистенькую, помадки баночку, чулочек чистенькой, ботиночку чистенькую, чтоб выставить, когда на улице лужу будет переходить, понимаете? Понимаете? Ну,

⁹ *Было:* пришел

¹⁰ *Было:* Понимаете?

¹¹ *В рукописи:* Теперь вы всё выслушали, всё?

¹² ну *вписано*.

¹³ *Далее было:* жале(ть)

¹⁴ меня *вписано*.

¹⁵ *Вместо:* Жалеть ~ вдохно(вении). — *было:* Жалеть, зачем жалеть! — закричал Мармеладов.

¹⁶ *Вместо:* Зачем жалеть ~ правда! — *было:* Да, меня не за что жалеть, это правда!

¹⁷ а не жалеть! *вписано*.

лей его!¹ Кто же, кто же нас пожалеет, если некому пожалеть? Разве мы не чувствуем, разве не страдаем? Думаешь ли ты, продавец, что сей полуштоф твой мне всласть пошел? Нет, скорби, скорби искал я на дне его, скорби² и слез, ибо знаю, чьи деньги я положил к тебе на застойку!³ И нашел, и оттого и пил, и оттого и на похмелье ходил просить.⁴ Чтоб пожалеть, надо понять. Кто поймет? один поймет, один,⁵ ибо всех жалел, и добрых и злых, и премудрых и павших!⁶ За то-то⁷ и смеялись над ним.⁸ «И ругахуся ему!» Придет в тот час⁹ и спросит: «А где дочь моя, что мачехе злой (с. 95) и чахоточной, что детям чужим малолетним себя продала? Где дочь моя, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?» И скажет: «Прииди!» И скажет:¹⁰ «Я уже простил раз тебя,¹¹ я уже простил тебя раз. Прощаются же и теперь грехи твои многи за то, что возлюбила много! За то же, что и прежде. За то же. За прежнее же! — Мармеладов зарыдал.¹² — Прииди!» И всех рассудит тогда,¹³ и добрых и злых, и правых и неправых, и кротких и насмехающихся,¹⁴ и премудрых и разумных. И когда рассудит всех,¹⁵ тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы. Выходите¹⁶ пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромнички!»¹⁷ И мы выйдем, все, не стыдясь, и станем все, и скажет: «Приидите и вы».¹⁸ И возглаголят премудрые, возглаголят разумные:¹⁹ «Господи, почто приемлеш сих; ибо звериного образа

¹ *Вместо:* Но распни, судья, распни и пожалей его! — *было:* Но распни его и пожалей его!

² *Было:* и скорби

³ *На полях (с. 93) запись:* Не на веселье, а на скорбь просил... В скорби своей вину свою искупиша.

⁴ И нашел ~ просить. *вписано.*

⁵ *Вместо:* Чтоб ~ один — *было:* а. *Начато:* Один, один пожалеет нас, один, в то(т) б. *Начато:* Нас один, один пожалеет, один

⁶ *Было:* упавших

⁷ *Было:* За то

⁸ *Далее было:* и смеются доселе:

⁹ *Было:* день

¹⁰ И скажет *вписано.*

¹¹ *Было:* тебя во храме

¹² За то же, что и прежде ~ зарыдал. *вписано.*

¹³ тогда *вписано.*

¹⁴ и правых и неправых, и кротких и насмехающихся *вписано.*

¹⁵ *Далее было:* и премудрых и разумных,

¹⁶ *Вместо:* Выходите, скажет, и вы. Выходите — *было:* Выходите и вы

¹⁷ *Было:* соромнички

¹⁸ *Вместо:* выйдем, все, не стыдясь ~ и вы». — *было:* выйдем, все, выйдем, все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы».

¹⁹ *Далее было начато:* и ск(ажут)

и сами себя заклемиша». ¹ И скажет: ² «Всё сие знаю, премудрые, всё сие знаю, разумные, ³ но потому их приемлю, что ⁴ ни один из них не считает ⁵ себя достойным сего». ⁶ И простит всё, за скорбь. ⁷ И прострет пречестные и прогвожденные руде свои и скажет: «Приидите». И мы припадем и... заплачем. И всё пойдем... Тогда я и с Катериной Ивановной обнимусь ⁸ и... заплачем. И пойдем... всё... ⁹ Господи, да придет царствие твое!

И он сел как бы истощенный и задумавшись. (с. 96)

— Да неужели ж и тебя в рай, — крикнул кто-то из гостей.

— Ну, не в рай! ¹⁰ — проворчал Мармеладов, не подымая ¹¹ головы, — а так, где-нибудь и нам уголок такой отведут. Так, уголок, уголочек. ¹² По чину ¹³ — по чину — по чину — по чину...

— Заврался. ¹⁴

— Пойдемте... Милостивый Государь... — сказал на(о-нец) он, ¹⁵ подымая голову. ¹⁶ — Доведите меня, я живу... в доме Козеля... на дворе. Пора... к ¹⁷ Катерине Ивановне.

Мне самому хотелось поскорее с ним развязаться и потому я не отказал его довести. ¹⁸ Ногами он оказался слабее, чем в речах, и крепко оперся на меня. Идти было шагов двести, триста.

— А вы думаете ¹⁹, что я боюсь Катерины Ивановны, молодой человек, — бормотал он дорогой в ужасном волнении. ²⁰ — Да! я боюсь Катерины Ивановны, но не того, что она волосы

¹ *Вместо:* сами себя заклемиша». — *было:* сами заклемиша себя.

Знаю

² *Вместо:* И скажет — *было:* И скажет он им: «Знаю

³ *Всё сие ~ разумные вписано. Вместо:* всё сие знаю — *было начато:* а. Знаю, но б. Всё сие знаю, но [премудрые]

⁴ *Вместо:* потому их приемлю, что — *было:* потому приемлю, что ско(лько)

⁵ *Было:* а. не считал б. не считал и не считает

⁶ *Далее было:* При(идите)

⁷ *И простит всё, за скорбь. вписано.*

⁸ *Было:* там помирюсь

⁹ *И пойдем... всё... вписано.*

¹⁰ *Было:* Ну, в рай, не в рай!

¹¹ *Было:* не поднимая

¹² *Вместо:* и нам уголок ~ уголочек. — *было:* [тож(е)] и нам уголок такой отведут, где все успокоимся.

¹³ *Было:* Так, по чину

¹⁴ *Было:* Ну, заврался.

¹⁵ *Было:* Мармеладов

¹⁶ *сказал он, подымая голову вписано.*

¹⁷ *Было:* и к

¹⁸ *Далее начато:* Он

¹⁹ *Было:* Не думаете ли вы

²⁰ *в ужасном волнении вписано.*

мой драть начнет¹ и бить меня будет. Нет-с, нет-с, не того:² глаз ее я боюсь; да, глаз,³ красных пятен на щеках ее (с. 97) боюсь... и еще, и еще... прерывистого ее дыхания боюсь.⁴ Видали вы, как в этой⁵ болезни дышут, когда расстроишь... Детского плача тоже боюсь... ибо, если Соня не накормила, то...⁶ А что мне волосы будут драть и мне в лицо ударять, то знайте, молод(ой) чел(о-век), что сие мне не только не в боль, но и в наслаждение.⁷ Без сего я бы и жить не мог и домой бы возвращать(ся) не мог.⁸ Но вот и дом... Козеля дом... Слесаря... Козеля, немца богатого...⁹ Веди.

Я провел его чуть не в пятый этаж. Лестница чем дальше, тем становилась уже, грязнее,¹⁰ темнее. Впрочем, и на дворе уже был десятый час, и хотя в эту пору нет ночи, но на верху лестницы было очень темно.¹¹

Маленькая черная дверь, в конце лестницы на самом верху, под крышей, была отворена.¹² Огарок освещал крошечную беднейшую¹³ комнату. Всё было разбросано,¹⁴ в беспорядке, в особенности разное детское тряпье. Всю комнату было видно из сеней. В одном углу стояли ширмы и за ширмами, вероятно, была кровать. В комнате же было два¹⁵ стула и клеенчатый до невероятности ободранный¹⁶ диван, перед которым стоял простой сосновый стол, ничем не покрытый.¹⁷ На столе стоял догоравший

¹ Было: бу(дет)

² Вместо: Нет-с, нет-с, не того — было: Нет

³ Вместо: да, глаз — было: слез боюсь

⁴ Вместо: и еще, и еще ~ боюсь. — было: и прерывистого дыхания.

⁵ Было: сей

⁶ Вместо: Детского ~ не накормила, то... — было: Голодного детского плача боюсь... Далее было начато: Но еще пуще б(оюсь)

⁷ Вместо: молодой человек ~ наслаждение. — было: что это мне не только не в боль, но даже в наслаждение.

⁸ Вместо: Без сего ~ не мог. — было: а. Ибо если б мне ничего теперь не сказали, тогда было бы более скорби... б. Ибо если б ничего не сказали, совсем ничего, как давеча Соня, то еще было бы более скорби.

⁹ немца богатого вписано.

¹⁰ Было: не чище

¹¹ Вместо: на верху ~ очень темно — было: на лестнице было [очень] темно

¹² Выше на полях набросок: Дверь была отперта. Перед дверью плач. Слышите, войдите, ибо я не могу.

¹³ беднейшую вписано.

¹⁴ Было: [Всё б(ыло)] Всё было грязно, разбросано

¹⁵ Было: два-три

¹⁶ Было начато: раз(одранный?)

¹⁷ Вместо: простой сосновый стол, ничем не покрытый. — было: а. столик. б. стол.

сальный огарок в железном подсвечнике. Выходило, что Мармеладов жил в комнате, а не в углу, но комната его была проходная. Дверь в дальнейшие комнаты, или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпехезель, была отворена. Там было шумно, крикливо. Хохотали. Казалось, что играли в карты и кто-то пил чай. Из двери вылетали иногда (с. 98) слова самые нецеремонные.

Катерину Ивановну я тотчас узнал.¹ Это была ужасно² худая и бледная женщина, тонкая, высокая и стройная, еще с прекрасными темно-русыми волосами, но,³ действительно, с раскрасневшимися до пятен щеками. Она ходила взад и вперед по комнате⁴ с запекшимися губами⁵ и неровно дышала. Глаза блестели лихорадочно.⁶ Это была женщина лет тридцати⁷ и даже милотвидная, с резким и как будто неподви(жным) взглядом.⁸ Всё было видно из темноты при ярком последнем освещении догора(вшего) огарка,⁹ сверкавшем на лице ее, но нас она не заметила. Казалось, она была в каком-то забытии, не слушала и не видела. В комнате было душно, но окна она не отворила.¹⁰ С лестницы несло нестерпимую воню, но дверь на лестницу была не затворена.¹¹ Из полурастворенной двери неслись волны скверного¹² табачного дыма. Она кашляла, но не запирала дверь. Самая маленькая девочка лет пяти¹³ спала на полу, как-то сидя, уткнув голову в диван. Мальчик, вероятно только, может быть, годом¹⁴ постарше ее, больной, худой и слаб(ый), весь дрожал в углу и плакал.¹⁵ Кажется, его прибили. Старшая девочка лет семи, высокая и тоненькая как игла,¹⁶ обхватила его рукою, шептала ему, упрашивала, стискивала и сдерживала, чтоб он как-нибудь не заплакал,¹⁷ в то же время с боязнию следя за матерью. Дети

¹ Далее было: Мальчик

² ужасно вписано.

³ тонкая ~ волосами, но вписано.

⁴ Далее было: ломая руки и

⁵ Далее было начато: Всё б(ыло)

⁶ и неровно ~ лихорадочно. вписано.

⁷ Было: лет тридцати, еще не старая

⁸ Вместо: и как будто неподви(жным) — было: по крайней мере с

умным

⁹ догора(вшего) огарка вписано.

¹⁰ Было: не отворяла

¹¹ Было: тоже была отперта.

¹² скверного вписано.

¹³ Было: шести

¹⁴ Вместо: Мальчик ~ годом — было: Мальчик капельку

¹⁵ Вместо: больной ~ плакал. — было: весь дрожал в углу.

¹⁶ Вместо: лет семи ~ как игла — было: лет восьми

¹⁷ В автографе была описка: не заплатил

все были в лохмотьях.¹ Мармеладов не хотел входить, но стал в самых дверях на колени, а <с. 99> меня протолкнул вперед. Женщина, увидя меня, остановилась передо мной, как бы сообщая и догадываясь, зачем я это вошел.² Но тотчас же ей представилось, что я в другие комнаты, так как их был(а)³ проходная. Не обращая на меня внимания, она подошла мимо меня⁴ к сенным дверям, чтоб притворить их, и вдруг вскрикнула,⁵ увидев стоящего на коленях мужа.

— А! — закричала она в испулен(ии).⁶ — Это ты! Колдунник! Изверг!⁷ Деньги? Где деньги? деньги?

И она бросилась его обыскивать. Мармеладов развел руками, чтоб облегчить карманный обыск. Денег не было ни к(опейки).⁸

— Деньги! — кричала она и вдруг, схватив его за волосы, потащила в комнату.

— И это мне в наслаждение! И это мне не в боль, а в наслаждение, мо-ло-дой⁹ человек, — выкрикивал Мармеладов, потрясаемый за волосы и¹⁰ стучаясь лбом об пол. Ребенок проснулся и заплакал. Мальчик заплакал тоже.

— Пропил!¹¹ Всё, всё, всё пропил! — вскричала она в отчаянии.¹² — И платью не то! И платью пропил(!)¹³ Голодные! Голодные! — продолжала она, ломая руки. — А вам, а вам не стыдно! — вдруг набросилась она на меня. — Из кабака! Ты с ним пил! Ты тоже пропивал.¹⁴ Вон! <с. 100>

Но я и так рад был уйти. К тому же¹⁵ внутренняя дверь отворилась и из нее высыпало много людей. Протягивались головы

¹ Было: страшных лохмотьях

² Вместо: как бы ~ вошел. — было: не зная, зачем я пришел к ним. Встрев(оженная)

³ был(а) вписано.

⁴ Вместо: Не обращая ~ мимо меня — было: а. и она подошла б. Она подошла

⁵ вскрикнула вписано.

⁶ в испулен(ии) вписано.

⁷ Вместо: в испулении ~ Изверг! — было: а. Это ты! б. Это ты, изверг!

⁸ Денег не было ни к(опейки). вписано.

⁹ Было: молодой

¹⁰ Вместо: выкрикивал Мармеладов, потрясаемый за волосы и — было: приговаривал Мармеладов

¹¹ Было начато: Деньги! день(ги)

¹² Было: а. Как в тексте. б. в отчаянии, ломая рук(и)

¹³ И платью пропил(!) вписано.

¹⁴ Вместо: Ты тоже пропивал. — было: Ты его деньги...

¹⁵ Далее было: дв(ерь)

с папиросками, с трубками, в ермолках, с картьми, скалили зубы и особенно¹ хохотали, когда Мармеладов, таскаемый за волосы, кричал, что это ему в наслажд(ение).² Послышался зловеший визг: это продиралась сама Амалия Липшевехзель, чтоб произвести свой распорядок и в сотый раз пугнуть бедную женщину ругательным³ приказанием завтра же очистить квартиру. Я поскорей ушел. Тут только подумал я, как неосторожно я сделал, зайдя и в распивочную, да и теперь показавшись⁴ так многим лицам. Но уж сделанного нельзя было воротить.⁵ Я проклинал и Мармеладова и всех. Жалости во мне не было. Не тем я был занят. Не то было в моей голове. (с. 101)⁶

Черновой автограф отрывка главы II первой части (ЧА₃)⁷

(...) всего только два стула и клеенчатый, чрезвычайно ободранный диван, перед которым стоял старый, большой⁸ сосновый стол, некрашенный и ничем не покрытый. На столе⁹ стоял догоравший сальный огарок в железном подсвечнике. Выходило, что Мармеладов помещался в комнате, а не в углу, но комната его была проходная. Дверь в дальнейшие помещения или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липшевехзель, была отворена. Там было шумно и крикливо. Хохотали. Кажется, играли в карты и кто-то пил чай. Вылетали иногда слова самые нецеремонные.

Катерину Ивановну я тотчас признал.¹⁰ Это была ужасно¹¹ [худ(ая)] похудевшая женщина, тонкая, высокая¹² и стройная,

¹ особенно вписано.

² когда Мармеладов ~ наслаждение. вписано.

³ ругательным вписано.

⁴ Вместо: зайдя и в распивочную, да и теперь показавшись — было: войдя и показавшись

⁵ Было: сделанного не воротить

⁶ На нижнем поле каллиграфическая пропись: Je vous (фр. Я вам (вас)).

⁷ Здесь и далее в текстах ЧА₃ приводится первый слой записи (вторая редакция); в подстрочных примечаниях даны варианты, возникшие при создании третьей редакции.

⁸ Исправлено: кухонный

⁹ Исправлено: а. на столе на краюшке б. на столе на краю

¹⁰ Вместо: Катерину Ивановну ~ признал. — исправлено: Раскольников(ков) тотчас признал Катерину Ивановну.

¹¹ Исправлено: очень

¹² Исправлено: довольно высокая

еще с прекрасными темно-русыми волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками. Она ходила взад и вперед по своей маленькой комнате, ⟨л. 1⟩ сжав руки на груди, с запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ее блестящие как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен. Мне показалась она лет тридцати.¹ Из темноты всё было видно; при ярком, последнем освещении догоравшего огарка, трепетавшем на лице ее, но нас² она не слышала и не заметила. Казалось, она была в каком-то забытии, не слушала и не видела. В комнате было душно, но окна она не открывала.³ С лестницы несло вонью, но дверь на лестницу тоже⁴ была не затворена. Из внутренних помещений Амалии Федоровны, тоже непритворенных, неслись волны скверного⁵ табачного дыма; она кашляла, но не запира- ла дверей. Самая маленькая девочка, лет пяти, спала на полу, как-то сидя⁶ и уткнув голову в диван. Мальчик, капельку⁷ по- старше ее, весь дрожал в углу и плакал. Его, вероятно,⁸ прибили. Старшая девочка, лет семи, высокая и худая, обхватила его⁹ рукою и, кажется, унимала ⟨л. 1 об.⟩ его, что-то шептала ему, стискивала его рукой¹⁰ и сдерживала,¹¹ чтоб он как-нибудь опять не заплакал, и в то же время с боязнию следила за матерью своими большими-большими темными глазами, которые казались еще больше на ее чрезвычайно похудевшем и бледненьком личи- ке.¹² Мармеладов, не входя, стал в самых дверях на коленки, а меня протолкнул вперед. Женщина, увидев меня, остановилась передо мной, как бы догадываясь и соображая: зачем я¹³ вошел? Но тотчас же ей, верно, представилось, что я¹⁴ в другие комна-

¹ *Вместо:* Мне показалась она лет тридцати. — *исправлено:* Показа- лась Раскольникову она лет тридцати, и действительно была не пара Мармеладову, [что] о чем он и сам говор⟨ил⟩.

² *Вместо:* ее, но нас — *исправлено:* ее. Входящих

³ *Исправлено:* не отворила

⁴ тоже *зачеркнуто*.

⁵ скверного *зачеркнуто*.

⁶ *Исправлено:* а. сидя и б. сидя, скорчившись

⁷ капельку *зачеркнуто*.

⁸ *Далее вписано:* только что

⁹ *Вместо:* лет семи ~ его — *исправлено:* лет девяти, высокенькая и худая как спичка, обхватила его [длинной] своей голой и длинной, сухой как лучинка

¹⁰ стискивала его рукой *зачеркнуто*.

¹¹ *Исправлено:* всячески сдерживала [его]

¹² *Далее вписано:* и в которых уже много было такого, что странно было читать в глаза⟨х⟩ девяти⟨летней⟩

¹³ *Исправлено:* это он

¹⁴ *Исправлено:* он

ты, так как [их б(ыла)] ихняя была проходная. Сообразив это и не обращая на меня¹ более внимания, она подошла² к санным дверям, чтобы притворить их, и вдруг вскрикнула, увидев³ стоящего на коленках мужа.

— А! — закричала она в испуге, — это ты! Колодник!⁴ изверг! Деньги!⁵ где деньги? деньги!⁶

И она бросилась его обыскивать. Мармеладов развел руки,⁷ чтоб облегчить карманный обыск. Денег не было ни копейки.

— Деньги! — кричала она и вдруг, схватив его за волосы, потащила в комнату.⁸ <л. 2>

— И это мне в наслаждение! И это мне не в боль, а в [наслаждение] нас-лаж-дение, мо-ло-дой чело-век, — выкрикивал Мармеладов, ползя на коленках, потрясаемый за волосы и стучаясь лбом об пол. Спавший ребенок проснулся и заплакал. Мальчик в углу заплакал тоже.⁹

— Пропил! всё, всё, всё пропил! — вскричала она в отчаянии. — И платье не то! Голодные, голодные! — продолжала она, ломая руки. — О треклятая жизнь! А вам, вам не стыдно! — вдруг набросилась она на меня.¹⁰ — Из кабака! Ты с ним пил! Ты тоже с ним пил! Вон!..

Но я и так спешил уйти.¹¹ К тому же внутренняя дверь отворилась еще больше и из нее высыпало много зрителей. Протягивались наглые, любопытные головы с папиросками, с трубками, в ермолках. Виднелись фигуры в халатах и совершенно нараспашку, в <...> <л. 2 об.>

¹ Исправлено: него

² Исправлено: пошла

³ Исправлено: увидев на самом пороге

⁴ Исправлено: Ах! Колодник!

⁵ Исправлено: А деньги!

⁶ Вместо: где деньги? деньги! — исправлено: Что у тебя в кармане? И платье не то! [Где деньги!] Где платье, где день(ги), о бо(же)

⁷ Вместо: Мармеладов развел руки — исправлено: Мармеладов тотчас же развел руки и нагнул голову

⁸ Было: в комнаты

⁹ Вместо: заплакал тоже — исправлено: не выдер(жал), задрожал, закричал [и] бросился к сестре в страшном испуге, как бы в припадке. Старшая девочка дрожала сама как лист.

¹⁰ Исправлено: Раск(ольникова)

¹¹ Вместо: Но я и так спешил уйти. — Исправлено: Раскольников поспешил уйти, не говоря ни слова

Черновой автограф отрывка главы II
второй части (ЧА₂)

Почему-то мне вдруг, в эту минуту, особенно ярко представилось, как мерзко подличал я давеча в конторе, как лебезил и заигрывал с сквернейшим Ильей Петровичем; как подличал всё это утро и молился, чтоб удалось схоронить концы, подличал до самой этой минуты... И однако ж не то, не то было главное и не то меня теперь мучило наиболее, не эти воспоминания...

Не мог я и сам себе ясно выразить эту внезапную, совсем новую тоску, которая вдруг ко мне привязалась там у скамейки. И, может, именно тем мучительнее я ее чувствовал,¹ что самому себе дать в ней полного отчета не мог. Чувствовал я только, что наступила² одна какая-то [д⟨олгая⟩] новая и долгая забота, как будто совсем непредвиденная и пропущенная и на которую пойдут все³ мои ⟨л. 1⟩ силы.⁴ А главное было в том, что я сам не хотел верить в эту тоску и заботу.

— Это не тоска,⁵ а болезнь, решил я наконец. Это не то. Это целый месяц последний сказывается. Это лихорадка, пожалуй даже голод, а не тоска. Вылечусь, и пойдет по-новому.⁶ Гм, да... может, и⁷ *вчера* тоже слишком уж перевернуло меня. Не вынес. Нервы. Так и должно было быть. И рассудительный человек боится иногда⁸ в темную комнату войти. Тоже [ведь]

¹ Исправлено: почувствовал

² Вместо: Чувствовал ~ наступила — исправлено: Но тут же почувствовал, что тоска его не только не уменьшилась от этого утешения, но что наступает

³ Исправлено: отны⟨не⟩ все

⁴ Далее вписано: и мысли. Он чувствовал это сознательно. Он пошел дальше в глубокой задумчивости. Он шел более полчаса, наконец пройдя весь Васильевский остров и выйдя на Малую Неву, он очнулся и осмотрелся. Да вот тут живет Разумихин. Далее: а. Я к нему иду — зачем? Что ж, разве б. Стало быть, я шел к Разумихи⟨ну⟩. Странное воспоминание: 3-го дни также на [мосту] [скам⟨ейке⟩] острове я сказал, что на другой день после того пойду к Разумихину. Неужели меня самого тянет. Ведь я это знаю, чего ж я боюсь про это говорить? На полях (с переходом на л. 3): Чего ж я боюсь, чего ж я сам от себя скрываю. в. Окна и его дверь, кажется, так. Гм. Я и третьего дня сказал, что на другой день после того пойду к Разумихину. Гм. На вот, пришел. На полях запись: Усача не захотел встретить.

⁵ Исправлено: тоска

⁶ Вылечусь ~ по-новому. зачеркнуто.

⁷ Вместо: Гм, да... может, и — исправлено: Впрочем, это всё вздор, а меня

⁸ иногда зачеркнуто.

нервы.¹ А кроме того,² — сколько я должен был наподличать, вчера³ и сегодня, лгать [унижаться], вилять, концы хоронить, унижаться-то сколько был должен!..⁴ Ну и это подбавило... нервов, с непривычки. Нервов и бреду. Почему, почему я чужой? Кому чужой? Почему я на «другой планете»?⁵ Откуда мне в (л. 1 об.) голову пришли эти слова, там, у скамейки? Почему мне сейчас у скамейки так гадко стало? Разве не один я себе судья? Конечно, бред...⁶ Я факта не [вынес] перенес. Что ж[?]: не перенес, так перенесу.⁷ Да ведь я и заране знал, что этот бред должен [быть] прийти в своем месте; ведь я еще за месяц его предсказал, — [ну] так чего же? [Это надо] Надо перенести. Надо выздороветь.⁸ Тогда и на дело ясно буду глядеть.⁹ Чего я стою? Я жить хочу и буду жить.¹⁰ [Я задачу] [Ведь я мою задачу] Я задачу мою сознательно [взял] беру на себя, а не как дурак... Стой: куда я теперь иду?¹¹ Я к человеку одному иду. Ведь я еще за месяц назад решил, что на *другой же день* к этому человеку пойду, и с того начну. Ну так и пойду...¹² Хотя бы для точности одной пойду! —¹³

---

¹ Исправлено: от нерв(ов) *Между строками*: Совесть моя покойна. Так ли? Так ли? Конечно, так это (нрзб.) — и помета: NB

² Исправлено: А

³ Исправлено: хоть бы вчера

⁴ *Между строками и по тексту вписано*: Наплевать мне на них на всех. Впрочем, это всё вздор. Чего ж запираяться перед самим собою.

⁵ См. вставку (другой вариант следующего далее отрывка, до слов «Хотя бы для точности одной пойду»): 7. 163—164.

⁶ Почему, почему ~ Конечно, бред... — *зачеркнуто*.

⁷ *Между строками и на полях вписано*: Ведь я знал, что я кирпич, который упал на голову этой старухи. Гм, вопросов, впрочем, много неразрешенных. Тут один вопрос действительно представился ему очень ясно, до того, что он стал посреди бульвара и задумался. Вопрос был простой: «Если дело было сделано сознательно, а не по-дурацки, для чего же ты до сих пор не заглянул, что у тебя есть в кошельке(?) Мало того: ведь ты просто-запросто хотел утопить кошелек, в воду бросить его, даже не рассудив, что для этого не стоило быть кирпичом, и самому столько страдать предвари(тельно)...» — подумал он. Ведь в совесть в(ерить?) «Да, я слыш(ком) упал духом, я болен, я факта не вынес, — решил он наконец, — но выздоравлию...» — упрямь проговорил он опять.

⁸ *Вместо*: Надо выздороветь — *исправлено*: и выздоравлию

⁹ *Вместо*: ясно буду глядеть — *исправлено*: яснее буду глядеть, а до тех пор не надо и думать, а хоро(нить) концы и скор(ее).

¹⁰ Чего ~ жить. *зачеркнуто*.

¹¹ *На полях*: В это мгновен(ие)

¹² *Далее вписано*: Теперь я хочу начать и могу начать. —

¹³ *Вверху страницы на полях запись*: Нева. Он никогда не мог подумать, чтоб такие пустяки, могли так огорчать его.

Так, — если только можно хоть примерно перевести, <—> высказывалась во мне начинавшаяся тоска моя. Шел же я тогда к одному студенту, Разумихину, бывшему товарищу, <л. 3> тоже выключенному, как и я, и жившему теперь на Васильевском. Когда я двинулся с Николаевского моста, то даже какое-то особенное нетерпение охватило меня: поскорей, поскорей хотелось увидеть Разумихина, точно всё при этом должно было разрешиться. И усталости даже не чувствовал. Впрочем, я, кажется, дошел [уже] до того предела усталости, после которого перестают ее ощущать и начинается уже что-то другое.

Разумихин был дома, в своей каморке, в четвертом этаже над Малой Невой и сам мне отпер. Он занимался, писал. Это был добрый и веселый парень, худой, [вечно небритый] худо выбритый, черноволосый и с черными большими глазами. Он был не глуп, но очень уж прост, иногда буянил и слыл за силача. Однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту. Разумихин был еще тем замечателен, что мог почти всё переносить, квартировать хоть на крыше и терпеть необыкновенный холод. Он однажды целую зиму совсем не топил <л. 3 об.> свою комнату и [говорил] утверждал, что так [даже] лучше спится. Мы с ним были не то чтоб большие приятели, [а так] а только товарищи. Теперь же уже месяцев пять не встречались. Но решившись идти к нему, я и не подумал о том, что с ним, стало быть, лицом к лицу сойду...¹ Одним словом я не смогу передать того отвращения, которое вдруг я почувствовал к тому, что у него очутился. [Вся жолчь во мне поднялась.] И опять вся жолчь поднялась во мне.²

— Что ты? — вскричал он, в изумлении осматривая всего меня. — Неужели уж так плохо? Да ты, брат, нашего брата перещеголял, — прибавил он, глядя на мои лохмотья; — да садись же, устал небось, — и когда я повалился на его клеенчатый диван, который был даже моего хуже, — он вдруг разглядел, что я болен:

— Да ты весь болен, и серьезно.³ — Он стал щупать мой пульс. Я⁴ вырвал руку.

---

¹ Между строками вписано: Теперь же, в один миг, догадался он, с болью, что всего менее расположен сходитья лицом к лицу с кем бы то ни было на свете.

² Вместо: И опять ~ мне. — исправлено: Вся жолчь поднялась в нем. Между строками: Он [так], если можно сказать, захлебнулся от жолчи и отвращения к тому, что здесь очутил(ся).

³ Вместо: Да ты весь болен, и серьезно. — исправлено: Да ты серьезно болен.

⁴ Исправлено: его

⁵ Исправлено: Раск(ольников)

— Не надо, — сказал я, — я пришел... Вот что: <л. 4> у меня уроков никаких... я хотел было... [Но] Впрочем, мне не надо уроков.

— А знаешь что, ведь ты бредишь, — сказал он, помолчав.

— Нет. Прощай. — Я встал с дивана.¹

— Да ты постой, постой! чудак!

— Не надо, — повторил я, вырывая руку.

— Так зачем же ты [пришел] приходил?² Очумел ты, что ли? Ведь это... ведь это почти обидно. Я [брат] так не пу-
щу...

— Ну, слушай же: я к тебе пришел, потому что кроме тебя никого не знаю, кто бы помог... начать... потому что ты всех [простее] и всех добрее...³ А теперь я вижу, что [уроков не хочу. Ну и не надо, прощай...] не надо. Не надо мне ни ваших состра-
даний, ни ваших участия.⁴ Не надо ничего. Оставьте меня в по-
кое [прощай!] одного! Прощай!

— Да постой на минутку, трубочист! Совсем сумасшедший! По мне ведь как хошь. [Вот что] Слушай: уроков и у меня нет, да и наплевать, а есть на Толкучем книгопро <л. 4 об.> давец, Херувимов, — это уж получше уроков, да и сам он в своем роде урок. Я его теперь на три купеческих урока не променяю. Он этикие изданияца делает и теперь естественнонаучные книжонки пускает, и как⁵ расходятся-то! Вот ты всегда утверждал, что я глуп: ей-Богу, брат, есть глупее меня! Теперь же он книжки⁶ с направлением пускает. Вот тут два листа немецкого текста и са-
мого глупейшего⁷ шарлатанства при этом: одним словом, рас-
сматривается — человек ли женщина или нет, и торжественно
доказывается, что она человек.⁸ Я перевожу; растянет он эти
два листа на шесть листов печати, вдвоем сочиним пышнейшее
заглавие в полстраницы, и пустит он всё это по полтиннику,⁹
и сойдет. За перевод мне по шести целковых с листа, значит все-

---

¹ *Вместо:* Прощай. ~ с дивана. — *исправлено:* Прощай, — сказал он и пошел к дв(ери).

² *Исправлено:* приходил? Черт тебя знает!

³ *Между строками:* т. е. умнее и обсудить можешь

⁴ *Вместо:* Не надо ~ участия. — *исправлено:* Слышишь, совсем не надо мне ничьих услуг и участия. Я сам...

⁵ *Исправлено:* да еще как

⁶ *Вместо:* Теперь же он книжки — *исправлено:* Теперь он по моему совету естественные книжонки уж

⁷ *Вместо:* самого глупейшего — *исправлено:* и если уж правду говорить, глупейшего

⁸ *Далее вписано:* Это по части женск(ого) вопр(оса).

⁹ *Исправлено:* 40 коп.

го двенадцать целковых, а шесть взял я вперед. (л. 5) Переведу это, и еще будут переводы: об китах что-то хочет издать; говорит, что требуется. Потом еще и еще переводы. Неутомим. Хочешь второй лист: «Человек ли женщина?» — переводить? Коли хочешь, так возьми сейчас и возьми три рубля; так как я за весь перевод вперед взял, за первый и за второй лист, то, стало быть, это прямо приходится на твой пай. Да к тому же ты мне и поможешь — ей-Богу. Я ведь как все нынче¹ — орфографию плохо знаю.² Ну, а в немецком просто швах, и [право] всё больше тут от себя сочиняю и только тем утешаюсь, что от этого еще лучше выходит. Право, лучше немца доказываю, что женщина человек. Не хочешь ли взглянуть?.. возьми...

Я молча взял немецкие листки статьи, выданные из какого-нибудь³ лексикона, взял три рубля и, не говоря ни слова, вышел. Разу (л. 5 об.) михин с удивлением глядел на меня,⁴ а его трудно было удивить. Но, дойдя⁵ до первой линии, я⁶ вдруг воротился, поднялся опять к нему⁷ и, положив на стол и немецкие листы и три рубля, ни слова не говоря, пошел вон.

— Да у тебя белая горячка, что ль? — закричал взбесившийся наконец Разумихин. — Что ты комедии-то разыгрываешь! Даже меня сбил с толку. Зачем же ты приходил после этого — черт?

— Не надо... переводов... — пробормотал я,⁸ уже спускаясь с лестницы.

— Так какого же [тепе(рь)] тебе черта надо? — закричал он сверху.⁹ Я¹⁰ молча продолжал спускаться.

— Эй, ты! где ты живешь? (л. б)

Я не дал ответа.

— Ну так черт с тобой! — заревел он во всё горло мне вниз, но я уже выходил на улицу.

¹ как все нынче *зачеркнуто*.

² *Далее вписано:* Иначе какой же бы я был студ(ент).

³ *Исправлено:* какого-то

⁴ *Вместо:* глядел на меня — *исправлено:* поглядел ему вслед, [а Разум(ихина)]

⁵ *Исправлено:* дойдя уже

⁶ *Исправлено:* Раскольн(иков)

⁷ *Вместо:* к нему — *исправлено:* а. в четвертый этаж б. к Разум(ихину)

⁸ *Исправлено:* Раскольн(иков)

⁹ *Вместо:* он сверху — *исправлено:* сверху Разум(ихин)

¹⁰ *Исправлено:* Ра(скольников)

На Николаевском мосту я опять¹ очнулся², и вот как это было:³ меня плотно охлестнул кнутом по спине кучер одной коляски за то, что я чуть-чуть не попал под лошадей, несмотря на то что [он] кучер, кажется, раза три или четыре мне⁴ кричал. Удар кнута так разозлил меня,⁵ что я,⁶ отскочив к перилам (неизвестно почему я был на⁷ середине моста), злобно заскрежетал и зашелкал зубами. Кругом, разумеется, раздавался смех:

— И за дело! — говорил один.⁸

— Выжига, какая-нибудь.

— Известно, пьяным представится и лезет под колеса, а ты за него отвечаешь.

— Тем промышляют, друг любезный, тем <л. 6 об.> промышляют. Уж такое их продовольство.

Но в это самое мгновение, как я стоял у перила и всё еще бессмысленно и злобно смотрел вслед коляски,⁹ потирая спину, слышу, что кто-то сует мне в руки деньги. Смотрю:¹⁰ пожилая купчиха [и с н(ею)] (наверно, купчиха)¹¹ и с нею дочь: «Прими, батюшка, ради Христа». Денег двугривенный. Я взял, и они прошли мимо. По платью они очень могли принять меня за нищего, за настоящего собирателя грошей на улице, а подаче целого двугривенного я наверно обязан был удару кнута, который их на мой счет разжалобил.

Я зажал двугривенный в руку, прошел шагов двенадцать и оборотился к Неве, по направлению дворца. Небо было [чис- <тое> без облачка] без малейшего облачка, а вода почти голубая.¹² Купол собора, который ни с какой точки не может выглядывать лучше, как именно¹³ отсюда, шагах в десяти от часовни, — так и сиял, и сквозь чистый <л. 7> воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение. Боль от кнута прошла, и

¹ опять *вписано* карандашом. *Исправлено*: он вполне

² *Далее вписано*: ясно суждение

³ *Вместо*: и вот как это было — *вписано*: Это случилось особым обр(азом)

⁴ *Вместо (было вписано)*: мне — *исправлено*: ему

⁵ *Исправлено*: его

⁶ *Исправлено*: он

⁷ *Вместо*: я был на — *исправлено*: он шел по самой

⁸ говорил один *зачеркнуто*.

⁹ *Исправлено*: удалявш(ейся) коляски

¹⁰ *Вместо*: слышу ~ *Смотрю* — *исправлено*: вдруг он почувствовал, что кто-то сует ему в руки деньги. Посмотрел

¹¹ *Исправлено*: купчиха или очень похожая на нее

¹² *Далее вписано*: что на Неве так редко бывает

¹³ *Далее вписано*: смотря на него

я совершенно забыл про него. Я стоял и смотрел вдаль долго и пристально.¹ Когда я ходил в университет, то обыкновенно, возвращаясь домой, случалось мне [всего], может быть, несколько сот раз пристально оглядывать всю эту, действительно великолепную, панораму, и я даже нарочно любил останавливаться, дивясь каждый раз моему² впечатлению: необъяснимым холодом веяло на меня³ от [этого вида] этой великолепной картины [духом немоты и какого-то отрицания]. Дух немой и глухой разлит в этой⁴ панораме. Дивился я⁵ каждый раз своему впечатлению и себе не верил и теперь вдруг вспомнил про [это] прежнее свое удивление.⁶ Но как вспомнил, то мне даже то странно показалось теперь, что я стою на этом же месте. В какой-то бесконечной глубине, внизу, под моими⁷ ногами, казалось мне⁸ всё — и панорама, и прежние впечатления, и настоящее, и всё прошедшее — всё, всё. Казалось, я улетал куда-то вверх и всё исчезало в глазах моих.⁹ Сделав <л. 7 об.> движение рукой, я вдруг ощутил в кулаке своем зажатый двугривенный. Я разжал руку, поглядел¹⁰ на монетку, протянул руку над водой и разжал ее совсем.¹¹ Монетка мелькнула и исчезла в воде; [а я] я поглядел,¹² повернулся и пошел домой.

¹ После (было вписано): Боль ~ пристально, — позднее приписано: потому что это место было ему очень зна(комо) особенно

² Исправлено: одному неразрешимому своему

³ Вместо (было вписано): на меня — исправлено: на него всегда

⁴ Вместо: разлит в этой — исправлено: как бы разлит был для него в этой несравненной

⁵ Исправлено: он

⁶ После (было вписано вместо: и теперь ~ удивление.): каждый раз своему впечатлению и себе не верил — исправлено: откладывая окончательную поверку своих впечатлений на будущее, [на развитие] до окончательного сознания и развития, и теперь вдруг вспомнил про прежнее свое удивление и про [все] эти [вопро(сы)] прежние вопросы и недоум(ения), и показалось ему, что нечаянно он вспомнил про них. Уж то одно [поразило его не вычеркнуто] теперь странным показалось, что <он> сто(ит), как прежде, на этом же месте и об том же самом хочет думать. Точно хоть когда-нибудь [он еще будет об эт(ом)] он может еще об этом думать и такими прежними темами интересоваться.

⁷ моими зачеркнуто.

⁸ Исправлено: ему

⁹ Исправлено: его

¹⁰ Исправлено: пристально поглядел

¹¹ Вместо: протянул ~ совсем. — исправлено: разжал кул(ак) и бросил его в воду.

¹² Вместо (частично было вписано, со слова я): в воде; я поглядел — исправлено: в воде, как будто он всех людей похоронил вместе с ней. Затем

Я пришел к себе уже [в сумерки] вечером — стало быть, шел¹ часов пять или шесть. Где я был и как шел — ничего не помню.² Я, однако ж, разделся и, весь дрожа, как загнанная лошадь, лег на диван и натянул на себя шинель. Затем забылся...³

Я очнулся в полные сумерки от ужасного крика; было темно; в [сум(ерки)] сумерки в моей комнате и летом бывает совсем темно. Но Боже, что это за крик! Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, ругательств и побой я еще никогда не слышивал. Я и вообразить <л. 8> не мог себе такого зверства, такого исступления! В ужасе я приподнялся и сел на диване; я замирал [от страху] и мучился. Но драка, вопли и ругательства становились всё сильнее и сильнее. И вот, к моему изумлению, я вдруг расслышал голос моей хозяйки. Она выла, визжала и причитала скоро-скоро, выпуская слова так, что и разобратить нельзя было, о чем-то умоляя, — вероятно, чтоб ее перестали бить, потому что ее бесщадно били, вытащив на лестницу.⁴ Голос бывшего стал до того ужасен от злобы и бешенства, что уже только хрипел, но все-таки и он говорил что-то такое, и тоже быстро,⁵ неразборчиво, сипя⁶ и захлебываясь. Вдруг я весь затрепетал как <л. 8 об.> лист: я узнал этот голос; это был голос Ильи Петровича!.. Но как же он смеет ее бить и, Боже, как он ее бьет! Должно быть, он ее бил ногами, каблуками, топтал и, вытащив за [косу] косы на лестницу, бил головой о ступени: я судил по звукам, по воплям, по отчаянию бедной жертвы.⁷ [Д] На всех лестницах и во всех этажах⁸ собиралась большая толпа. Слышно было⁹ много голосов, восклицаний; всходили, стучали, хлопали дверями, все сбегались. Но за что же он бьет ее, и как

---

¹ Исправлено: ходил всего

² Вместо: Где я был и как шел — ничего не помню. — исправлено (ничего осталось невычеркнутым): Где был и как шел, он потом не помнил.

³ Между строками и на полях вписано: «Господи, — подумал он, — разве возможно было так сделать? Разве это было сделано разумно. Боже мой, какие страшные промахи! Да и теперь схоронены ль еще все концы...» Но он не мог много думать. Он забылся... Жар и холод. Одно ясное мгновение еще раз посетило его. [Была минута, когда он как будто ясно опять всё припомнил и сообразил, и в этот раз даже задрожал от ужаса при мы(сли)]

⁴ Исправлено: били на лестнице

⁵ Исправлено: скоро

⁶ Исправлено: торопясь

⁷ Далее вписано: Что это, свет перевертывается, что ли?

⁸ Далее вписано: слышно было,

⁹ Вместо: Слышно было — исправлено: Слышалось

он может!¹ — повторял я, и мне казалось, что мой ум мешается; но нет! я ясно, ясно слышал...² «Но, стало быть, и ко мне придут сейчас, если так,³ потому что... верно, всё это по тому же... Господи!» [Я хотел было] Мне пришло было в голову запереться на крючок, но я не посмел. Страх, как лед, *(л. 9)* обложил мою душу. Наконец весь этот гам, продолжавшийся минут с десять,⁴ постепенно стал умолкать.⁵ Хозяйка стонала и охала; Илья Петрович всё еще грозил и ругался. Наконец, кажется, и он ушел:⁶ не слышно стало его. Ушла и хозяйка; я⁷ даже слышал, как захлопнулась у ней дверь. Затем мало-помалу стали расходиться [по лестницам и] с лестниц по квартирам[, споря и ахая] зрители, споря, ахая и перекликаясь, то возвышая речь до крику, то понижая до шепоту. Должно быть, их много было; весь дом сбегался. Но Боже, разве всё это возможно? И зачем он приходил сюда, зачем, зачем?⁸

Я лег опять,⁹ но уже не мог сомкнуть глаз. Думаю, я пролежал с полчаса,¹⁰ в *(л. 9 об.)* таком страдании, в таком ощущении безграничного ужаса, [которого] какого никогда еще не испытывал. Вдруг свет: передо мной¹¹ Настасья со свечкой и с тарелкой супа. [Увидав] Посмотрев на меня внимательно и [увидав] разглядев, что я не сплю, она [молча [начала] стала раскладывать] разложила [на столе]¹² принесенное: хлеб, соль, тарелку и ложку.

— Небось, со вчерашнего не ел. Целый-то день прошлялся, а самого лихоманка бьет.

— Настасья! за что это¹³ били хозяйку?

Она [молча и] пристально на меня посмотрела.

---

¹ может зачеркнуто, и начато исправление: эт(о может)

² Над словом: слышал — исправлено: слышит

³ Над строкой вписано: подумал

⁴ Вместо (было вписано): минут с десять — исправлено: верные десять минут

⁵ Исправлено: утихать

⁶ Вместо: ушел — исправлено: затих, ушел, должно быть

⁷ Исправлено: он

⁸ Вместо: И зачем ~ зачем? — исправлено: И зачем же он приходил сюда, вот задача?

⁹ Вместо: Я лег опять — исправлено: В бессилии [он] Раскольников упал на постель

¹⁰ Вместо: Думаю ~ с полчаса — исправлено: и, может быть, он пролежал так с полчаса

¹¹ Вместо: Вдруг свет: передо мной — исправлено: Вдруг яркий свет озарил комнату: перед ним

¹² Вместо: разложила [на столе] — исправлено: поставила на стол свечку и стала раскладывать

¹³ это зачеркнуто.

— Хозяйку? А кто бил хозяйку?

— Хозяйку. Сейчас. Полчаса¹ назад, Илья Петрович, надзирателя помощник! За что он ее так избил?² И как он... смел?

Настасья молча и нахмурившись стала меня рассматривать и долго так смотрела. Мне *(л. 10)* стало страшно.³

— Настасья, что ж ты молчишь? — [спросил] проговорил я наконец слабым голосом.

— Это — кровь! — ответила⁴ она тихо и как будто про себя.

— Кровь! Чья кровь? Какая кровь? — я затрепетал от испугу и отодвинулся к стене.

— [Кровь; в тебе ходит;] [В тебе ходит кровь;]⁵ оттого и страхи. Никто хозяйку не бил.⁶

Еще сильнее трепет⁷ напал на меня.

— Да ведь я не спал, тут сидел.⁸ Ведь сюда приходил помощник надзирателя?.. — едва мог я выговорить.

— Никто не приходил. А это кровь в тебе ходит. Это уж когда она печонками запекаться начнет, тогда и начнет мерещиться.⁹ Станешь есть-то, что ли? *(л. 10 об.)*

Я не отвечал и [лег опять на мой узел] опустился на подушку. Настасья всё стояла надо мной, глядела на меня пристально и не уходила.

— Пить дай... Настасьюшка, — проговорил я наконец.

Она молча сошла вниз и, кажется, очень скоро воротилась; но я уже не помню, что было дальше. Помню только, как отхлебнул один глоток холодной воды и [плеснул] пролил себе на грудь; затем наступило беспамятство. *(л. 11)*

¹ Возможно, намечена правка: Хозяйку; сейчас; полчаса

² Далее вписано: и... зачем... приходил

³ Вместо: страшно — исправлено: [как-то] очень неприят(но) от этого безмолвн(ого) присталь(ного) взгляда, даже страшно...

⁴ Исправлено: проговорила

⁵ Возможно, правка (зачеркивания) относится к позднейшим исправлениям.

⁶ Вместо: Кровь! Чья кровь? ~ не бил. — исправлено: Кровь! Какая кровь? — Волосы его встали дыбом [от] ужаса, и <он> отодвинулся к стене. Настасья молча, как будто приковавшись, смотрела на него.

— Никто хозяйку не бил, — ответи(ла) он(а) наконец.

⁷ Исправлено: уж(ас)

⁸ В рукописи: сидел? Вместо: Да ведь я ~ сидел. — исправлено: Да ведь я, — робко проговорил он, — не спал, а тут же был.

⁹ Вместо: Это уж ~ мерещиться. — начато исправление: <...> ходит [кр(овь)] [в крови] — исправлено: Это кровь в тебе ходит.

— Какая кровь? — вскричал он наконец, задыхаясь.

— Твоя кричит. Это когда запекаться печонками начнет. Кровь в тебе кричит, ходит. Ей выходу нет, тут и начинает казаться...

Черновой автограф варианта отрывка главы II
второй части (ЧА₃)¹

⟨...⟩ отдать свою кровь, чтоб только той крови можно было избежать, и ведь я знаю, я знаю, что говорю это искренно. Чего ж мне бояться? Я — кирпич, который упал старухе² на голову; я — леса, которые над ней обвалились.³ Я всё знал ведь это⁴ заранее; а что сейчас от скамейки отошел и осекся⁵ — так это уныние, это голод, болезнь, лихорадка, нервы.⁶ Чем же я ⟨;⟩ И болезнь и нервы пройдут.⁷ Я жить начинать иду.⁸ Куда я иду? Я к человеку одному иду, и это я за месяц еще⁹ решил, что на другой день к этому человеку пойду [что] и с этого новую жизнь начну; ну так и надо идти.¹⁰

Так, — если только можно хоть примерно перевести, ⟨—⟩ высказывалась во мне начинавшаяся тоска моя. Так хотел я истолковать вот себе новые ощущения, которые вдруг встретились при первом шаге начавшейся новой жизни.¹¹ Шел же я тогда к одному студенту, Разумихину, бывшему товарищу, тоже исключенному, как и я, и жившему теперь на Васильевском, на Малой Неве.¹² Когда ⟨л. 2⟩ я двинулся с Николаевского моста, то

¹ Отрывок, по-видимому, не содержит следов правки, относящейся к третьей редакции.

² Исправлено карандашом: челове⟨ку⟩

³ Абзац зачеркнут карандашом, на полях помета: т⟨ак⟩ гов⟨орит⟩ себе он

⁴ ведь это вписано.

⁵ и осекся вписано. Исправлено: осекся и себя гаже того франта счел

⁶ Вместо: так это ~ нервы. — исправлено: так это бред.

⁷ Вместо: Чем же я ⟨;⟩ ~ пройдут. — начато исправление: Я струсил задачи. — исправлено: Я струсил; но болезнь и нервы пройдут, и бред пройдет, и я не струшу задачи, которую сознательно беру на себя.

⁸ Исправлено: Я жить хочу и буду жить! Стой:

⁹ Вместо: иду, и это я за месяц еще — исправлено: иду. Я еще за месяц назад

¹⁰ Вместо: надо идти — исправлено: пойду... начинать

¹¹ Вместо: Так хотел ~ жизни. — исправлено: Не помню, как тогда было; я теперь только так перевел.

¹² На полях и по тексту записи карандашом и чернилами:

а я болен

⟨нрзб.⟩

то сколько был должен

Оттого и уныние, но это бред.

...сам и жизни своей я хозяин. Я и отчет только себе, одному себе дам.

даже¹ какое-то нетерпение охватило меня. Я спешил;² мне поскорей-поскорей хотелось увидеть Разумихина, я даже не чувствовал усталости.³ Впрочем, я, кажется, дошел до того предела усталости, после которого перестают ее ощущать, а уже начинается что-то другое.

Разумихин был дома, в своей каморке, в четвертом этаже над Малой Невой, и сам мне отпер. Он занимался, писал. Это был добрый и веселый парень, худой, вечно⁴ небритый, черноволосый и с черными, большими, как ложки, глазами. Он был не глуп, иногда буянил и слыл за силача. Однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту. Разумихин был еще тем замечателен, что мог почти всё переносить, квартировать хоть на крыше и терпеть необыкновенный холод. Однажды он целую зиму совсем не топил {...} (л. 2 об.)

Подготовительные материалы (ПМ₂)⁵

Его Пр(евосходительст)во, как ангел Божий, добры... Возьму я тебя, — но смотри, смотри! и на обмундировку дал — есть вакан(сия).

Дама опрятная.

...Преобразилась вся, и ведь в том же платье, но как-то умеют они, воротнички новенькие, нарукавнички, дети чистые — точно в гости собирается или гостей ждет. Лег важно. Дескать, Иван Макарыч после службы, устал. Лег я на диван — детей чуть не приколотила — тише! И ведь не вытерпела, — хозяйку, враждебницу, которую сама же корила, в гости на кофей позвала. Сидели это они в углу, кофей пили и шепотом говорили, чтоб меня не разбудить, а я всё слышал: дескать, теперь Ива(н) Макары(ч) на службе, жалова(нье) получать будет и к Его Пр(е-

---

Да ведь я и знал, что этот бред будет, за месяц еще знал.

И я знал, что он будет. Я знал, что он будет и его надо перенести. Пройдет болезнь, пройдут нервы, и перенесу. Я задачу созн(ательно)

¹ даже *вписано*.

² Я спешил *зачеркнуто*.

³ *Вместо*: увидеть ~ усталости. — *исправлено*: увидеть Разумихина, точно всё при этом свидании должно было разрешиться. Даже уже и не чувствовал усталости.

⁴ вечно *вписано*.

⁵ В ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3.

восходител(ь)ству являл(ся). И Его высокопрев(осходительство) сами вышел и принял так вежливо, посадил, и когда выслушал, то отвечал: «Я, конечно, Иван Макарыч, помню ваши заслуги, и хоть¹ знаю, что² вы прежде придерживались этой слабости, но так как вы обещаетесь, и притом же ценя ваши способности, и так как у нас всё без вас худо пошло (слыши(те), слышите!), то и беру вас опять, надеясь на ваше честное и благородное слово». Т. е. всё это выдумала, и не то чтоб похвастаться, а так сама себя потешить, ну да и похвастаться тоже перед Савишной захотела, дама честолюбивая.³ Мы, говорит, теперь квартиру найдем, вот только хозяйство как заводить, и пошло у них тут про хозяйство и как это всё устроить, и ведь наговориться не могли, два часа друг дружке рапортовали, и я лежал, и меня даже слезы прошибли,⁴ а как я назад тому неделю⁵ первое жалованье принес, малявочкой меня назвала, малявочк(а) ты, говорит, этакая.

И лежал я и думал, и как я их устрою, и дочку позову, и как это всё хорошо, и как ребятишек одену, и ей покой дам, и вот-с на 2-й день к вечеру, как тать, ключи украл у ней и открыл сундучок, где деньги лежали, и из дому ушел и с тех пор не являлся, и вот-с! и он ткнул пальцем в штоф. (с. 78)

Молодой человек, доведите меня, ибо я боюсь

Страда(ние) в вашем лице заставило меня быть откровенным...

ибо я боюсь; ибо Катерин(а) Ивановн(а) будет бить меня и кричать и терзаться. Этого я и боюсь, а что будет бить, не боюсь, ибо это мне в наслаждение. И не может понять Катерина Иванов(на), что если бы не била она меня, это было бы мне в⁶ мучение. Что если бы кротко, как дочь, у меня бы от муки тогда всё сердце истекло... Понимаете ли вы это, М(илостивый) Г(осударь)? Понимаете ли?

Не беспокойтесь, М(илостивый) Г(осударь), не беспокойтесь, здесь всё обо мне известно. Здесь всем и всё обо мне известно...⁷ (с. 79)

¹ Было: хотя

² Далее было: иногда

³ Было: честолюбивая, она,

⁴ и я лежал, и меня даже слезы прошибли *вписано*.

⁵ Было: [третьего] четвертого дня

⁶ в *вписано*.

⁷ Молодой человек ~ мне известно... *вписано на полях*.

NB Капитальное в роман.

После того как в 6-й главе Разумихин разговаривает с Бакалинным, у того в голове — бежать. А после того как Бакалин говорит «шевелить нельзя», то он говорит: «Вздор, я силен, я могу ходить».

И действительно, ночью, к рассвету, он бежал.

И тут целый день странствий (NB Вразумихин ищет его). Кончается день смертью Мармеладова.

Но на него за этот день и потом, — подозрения.

Следователь, снимающий показания, гордые его ответы. (В преследовании его и вывертывании новый интерес.) (с. 146)¹

— Ласки матери тяжелы.

— Я дурак, который в расчете ошибся.

— О всех язвительно говорит.

— Не хочет ничего работать сообща в переводах.

— Поссорился со всеми за Мармеладову, а сам еще вовсе не влюблен в Соню, беспорядочность.²

— Пулю в лоб, потому что вдруг осветилась перспектива будущего и представилось ему, как он будет семьянином, отцом, мужем, хорошим гражданином и проч. (Сознание, что не уважают люди.)³

— Мармеладова говорит: покаяйтесь. Споры о настоящей гордости. Низкие мучения о том, что подумают и проч. Ходьба, видение. Эпизод с Мармеладовой и шарманкой.

Зачем они не стонут?⁴

— Одна из глав начинается: Не понимаю я эту глупость, которая случилась со мной.

— Когда жениху надо возвратить деньги, — он бежит считать свои. Разумихин достал. Он свои не мог сосчитать. Вечером Разумихин делает проэкт работы переводов. Все рады, он нет. Над ним шутят, но мать беспокоится. Разумихин говорит, что он повихнулся.

— Даже ласки матери тяжелы,

Выходит, бродит и мечтает, как он будет хорошим мужем, отцом и проч. «Замолою и заработаю!» Из отчаяния в надежду. Письмо от нес. Она им оскорблена, его презрением, ему жалко, он идет к ней. Ее оскорбляют. Он у ней, и всё ей открывает, ее ужас, его гордость.

¹ Записи на (с. 146) сделаны карандашом.

² а сам ~ беспорядочность. вписано.

³ (Сознание, что не уважают люди.) вписано.

⁴ На полях запись: Я удивляюсь себе: как это я еще могу чувствовать, мыслить, рассуждать и даже смеяться.

Сон, и панихиду отслужил, и потом сам себя отсмеял.

— Домашние же подозревают связь с Мармеладовой. Сцена дома.

— Смерть Мармеладовой. Пулю в лоб. Разумихин жених сестры.

Пожар.

Последние конвульсии.

— Али есть закон природы, которого не знаем мы и который кричит в нас.

Сон. (с. 125)¹

— Что же вот вам сын?

— Разумихин ему: «Ты огорчаешь мать».

Он ему: «Неужель ты не видишь?»

И тот остолбенел от ужаса.

— Но что с тобой? Что с тобой?

— Написал всё и оставил матери. Пошел проститься с Мармеладовой.

Мать говорит: «Я сначала думала: не тяжело ли ему, что мы так ему на шею сели, и думала это до самого предложения Разумихинского, но после его предложения о другом стала думать».² (с. 130)³

ГЛАВНАЯ ИДЕЯ (Ευρίκα!⁴)

Роман начинается у него в последней степени унижения и отчаяния с Мармеладовой.

Когда вдов(а) Мармеладов(а) умер(ла), та слегла. Мать его против Мармеладовой, сцены.⁵

Спор у него с Мармеладовой. Та говорит: покаяйтесь. Перспективы новой жизни и любви ему показывает. (Ни слова о любви.)

Тот предает себя наконец, побежденный.

— Жизнь кончилась с одной стороны, начинается с⁶ другой.

¹ На верхнем поле помета: [1-я] 1-я стр.

² Было начато: дум(ать стала)

³ На верхнем поле помета: 2-я стр. Каллиграфические прописи: 1) La Routine (рутина, фр.) 2) PARTIE (трижды)

⁴ Было: Ευρίκα! Оба написания ошибочные, правильное: Εύρηκα (греч. Нашел!)

⁵ Мать его ~ сцены. вписано.

⁶ Запись карандашом.

— С одной стороны похороны и проклятие, с другой — воскресенье.

— Ему даже тяжелы ласки матери.¹

1-е отделение. Начало

Бульвар. Девочка.

Мое первое личное оскорбление, лошадь, фельдъегерь. Изнасилованное дитя.

И для чего живет эта вчерашняя старуха? Математика.

Неужели несправедлива моя мысль.²

Пришел домой: письмо от матери. Вышел из себя.³ С хозяйкой за суп.

Через 10 дней.

2-е отделе(ние).

Вот как это случилось.

Услышал разговор Лизаветы.

Тогда я спросил себя в ужасе: «Да неужели это не праздная идея, а настоящая была у меня в голове(?)» (с. 124)⁴

NB) 2-е отделение. Исповедь, рассказ об убийстве: «Я этого сам не ожидал», и всё время рассказа следует как бы удивление на самого себя, как бы удивление со стороны. И потом полное суждение себя.⁵

3-е отделение. Полная гордость. Приезд матери, сестры. Выгнали жениха. Капризы. Против Разумихина. Сцены с сестрой. Разговор у фонаря. Подозрение Мармеладовой: «Я не могу вас любить». Наконец вдруг ужас и отчаяние. Скитальчество. Встреча с Мармеладовой: ей всё объясняет, пулю в лоб. Та восстанавливает его. Бежит от него. Убрала Сясю. Видение. Христос. Отчего они не рошцут? Идет прощаться — та восстанавливает его. (с. 123)

---

¹ Текст: Жизнь ~ матери. — на полях, частично карандашом.

² Неужели ~ мысль. запись карандашом на полях.

³ Вышел из себя. вписано.

⁴ Каллиграфическая пропись: Главная Два мелких портретных рисунка.

⁵ Между строками вписано карандашом: через две недели покоен. На полях: О женихе и прочем слегка.

Сон.

— Лучше пулю в лоб. Все странствования и рассуждения. Спрашивает окончательно Разумихина, тот не отказывается. Растерзать мать. Идет к *ней* прощаться.¹

Разумихину поручает мать. Тот отговаривает, но потом в восторге.

Предает себя.

Прощание с матерью: «Разве ты не страдал?»

Мать с Мармеладовой.

Всем мешаю.²

«Я глупо сделал, например, что ей сказал. Пользовался бы любовью, и кончено». — Но разве это честно. Разве это можно вынести?

Всем мешаю: пулю в лоб.

Приходит прощаться.³

— Она его останавливает.

«Развяжите их иначе. Покайтесь и начните другую жизнь».

Из отчаяния новая перспектива.

*Пожар.*⁴

«Во 1-х уж то одно, что вы геройством загладите, вы выкупите».

Перевоспитать себя.

НАЧАЛО РОМАНА

Тон.

Сперва: Ходил, например, к старухе высматривать, а между тем легкомысленно и сам почти еще не верит себе, что сделает. Так, на всякий случай.

— *Потом:* Продолжение и посторонние вещи, даже вроде юмора. Как будто сам не ожидает, что *это* может случиться.

Далее: Убийство совершается почти нечаянно. «Я этого сам не ожидал».⁵ Рассказ о паническом страхе и болезни. Это кончается смертью Мармеладова. <с. 122>

¹ *На полях:* Сам буду мужем.

² *На полях карандашом (в рамке):* Всем мешаю. *Рядом:* NB.

³ *Приходит прощаться. вписано.*

⁴ *Пожар. вписано.*

⁵ «Я этого сам не ожидал». *вписано карандашом.*

Наконцѣ. Вдруг: угрюмая грусть и бесконечная гордость и борьба за то,¹ что не погибла совсем жизнь, а что будет жизнь.

NB. С самого этого преступления начинается его нравственное развитие, возможность таких вопросов, которых прежде бы не было.

— В последней главе, в каторге, он говорит, что без этого преступления он бы не обрел в себе *таких* вопросов, желаний, чувств, потребностей, стремлений и развития. <с. 123>

— Жених сестры. (Разные эпизоды.) С ним приезжает знакомиться. Деньги дает. Нанимает им квартиру. Скупец и хочет в черном теле держать.²

— Похороны Мармеладова и разговор с *нею*. Судебный следователь.

— У Разумихина вечер. (Страшная гордость.)³

— Приходит домой. Приезд матери и сестры.⁴ Объяснение. Не надо жениха, ибо для него.

— Они выпроваживают жениха. Ты один у нас теперь.⁵ Записка от Мармеладовой.⁶ Она к нему приходит. Мать и сестра (ее оскорбляют).⁷ Она рассказывает, куда он деньги дел. Тут и Разумихин.⁸ Он *ей*⁹ делает сцену. Говорит, что он не может ее любить.¹⁰

— Сцена с Мармеладовой и шарманкой.

— Мать и все приняли участие. NB.¹¹ Ее оскорбляют. Он *ей* всё открывает. Не говори, что люблю (но это видно).

---

¹ Над строкой вписано: идею <и> или идеи <и>

² На полях записи: Мать говорит: сестра для тебя жертвует. — Он: не надо! Не надо! Затекает с женихом ссору. Тут Разумихин, жених обижается и уходит. Потом письмо к невесте. Ответ от нее. Деньги должны. Он бежит считать деньги. Разумихин достает 300 р.

³ На полях заметка: С этого времени он ударяет(ся) в страшную гордость.

⁴ Далее было: Не

⁵ Ты ~ теперь. вписано карандашом.

⁶ Между строками помета карандашом: Тут приезд матери и сестры.

⁷ Было: Мать и сестра ее оскорбляют. Скобки вставлены карандашом.

⁸ На полях заметка, частично карандашом: После жениха: «Бог видит, я для них делал это». Говорит, что не может ее любить. На полях и по тексту обведенная овалом запись карандашом: Судебный следователь

⁹ Подчеркнуто частично карандашом.

¹⁰ Далее было: Ее оскорбляют.

¹¹ NB. вписано карандашом.

— Она отвергает его и боится.

— Странствования его. Ничего не хочет делать — ни переводить, ни работать. Разумихин, как друг, сближается с матерью. Делает предложение. Он приходит раз вечером и видит, что Разумихин жених. Сцена. Провожает Разумихина. У фонаря. Намеки только. Но не всё.¹ <с. 121>

ПЕРЕДЕЛКА²

1) Наконец приезжают его мать и сестра. А сначала жених сестры. По поводу жениха сестры он еще до убийства письмо отослал к ней: *не выходить*. Теперь они сами приезжают. Разумихин влюбляется. Они выталкивают жениха. Мать говорит: теперь на тебя одна и надежда. Что делать?

2) Советуется с Мармеладовой. Ищет ее: она переехала.

3) Дома странно ведет себя: Учить не могу, переводить не могу. Мать говорит Разумихину: не в тягость ли мы ему? Разумихин делает декларацию. Узнав об этом, он идет к Разумихину. Тот говорит: ну что ж. Сон. Во сне к матери.

— Разумихин, узнав всё от него, *remue ciel et terre*,³ чтоб загладить им сделанные глупости: скрывать! Скрывать! Но когда под концом узнал, что он сделал: «Вася! ты всё омыл, всё омыл».

— Мать говорит ему: «А разве ты не страдал».

Детей Мармеладовой в приют. <с. 119>⁴

— А сама дочь Мармеладова за ним в Сибирь.

— Старуха в чачотке. У ней завещание: всё в монастырь в Новгород(одской) губерн(ии) на поминание ее души. *Сто руб.* на помина(ние) души Лизаветы.

— Мать его приписывает сперва всё дело Мармеладовой, допрашивает ее и оскорбляет ее.⁵

Если в форме дневника.

NB 1) Дыра под подоконником.⁶

¹ На полях заметка: Мать подозревает ее влияние. Исследуют. Ссора с матерью.

² Повторено рядом каллиграфической прописью.

³ употребляет все средства (фр.).

⁴ Каллиграфические прописи: 1. Лизавета (трижды) 2. Члове(к) (дважды) 3. Переделка Два портретных рисунка.

⁵ Далее каллиграфические прописи (полностью и недописанные): 1. Прости 2. Простите

⁶ NB 1) Дыра под подоконником. вписано.

1) Ходил закладывать часы и *высматривать*. Рассуждения. NB (чтоб читателю дано было знать, что он не для закладу ходил и что тут неспроста).

2) Встреча в распивочной. Мармеладов.

3) Дома. Отношения к хозяйке. Письмо от матери о женихе. — «Нет, они не должны страдать». Рассуждения скептические.¹ На Сенной Лизавета.²

4) Перед приготовлением воспоминания.³ Убийство.

5) В полиции. Под камень. На бульваре. 20 к. Возвратил переводы.

6) Болезнь. Письмо матери. Деньги.

7) Бежал. Трактир. Страшное высокомерие. Ссора с рабочими. Смерть Мармеладова. (с. 120)⁴

ГЛАВНАЯ АНАТОМИЯ РОМАНА

После болезни и проч. Непременно поставить ход дела на настоящую точку и уничтожить неопределенность, т. е. *так или так* объяснить всё убийство и поставить его характер и отношения ясно. Гордость, личность и заносчивость.⁵ Затем уже начать 2-ю часть романа.⁶ Столкновение с действительностью и логический выход к закону природы и долгу.⁷

С *ней* начинается так: Он говорит ей о ее ужасном положении на улице, о том, что слушаться судьбы нельзя, о рутине⁸ и проч.

Он получает от нее письмо (идет к Разумихину, судебный следователь).

---

¹ Далее было: Пошел к Разумихину. Встреча на бульваре. Переводы возвратил. 20 к. На

² На полях заметки, большей частью карандашом: 1) Как они все низки. 2) Молодость одна и [дает] возбуждает еще жалость. 3) А что-то Мармеладова? 4) Я не думаю об той. Мысль, но зачем она живет? 5) Заходила Лизавета.

³ Незачеркнутый первоначальный вариант: рассуждения.

⁴ На полях заметки карандашом: (о топоре). Объяснение с хозяйкой. Девочка на бульваре. Рассуждения. Воспоминания обид, фельдгерь и проч. Самоубийство.

⁵ Гордость, личность и заносчивость. *вписано на полях.*

⁶ Далее было: Опр(авдание)

⁷ Далее каллиграфическая пропись: За Пробой

⁸ Ср. каллиграфическую пропись на (с. 130) этой же тетради (7, 167, примеч. 3).

Сходится с ней у Мармеладовой, обходится грубо, чтоб не дать ей влюбиться в себя.

На другой день еще письмо. (Ни капли любви, но в то же время робко.)

Идет к ней. Презрение. Не узнал ее (ибо она разодетая шляется).¹ И вдруг ее на улице оскорбляют. Он защитил ее и отвел домой. Полное объяснение. <с. 118>

<—> Но всё же это преступление?

<—> А вы юрист?

<—> Да.

<—> Неужели же вы не замечали, что никогда никто власть имеющий не повиновался этим законам. Наполеоны попирали и изменяли их, послабее — управляли ими, еще послабее — избегали их. Держав(ные) нации.²

<—> Есть один закон — закон нравствен(ный).

<—> Согласен. Согласен! Ну-с, а этот закон? Что ж, если совесть меня не обвинит. Я власть беру, я силу добываю — деньги ли, могущество ль <—> не для худого. — Я счастье несу. Что ж, из-за ничтож(ной) перегородки стоять смотреть по ту сторону перегородки, завидовать, ненавидеть и стоять неподвижно. Низко это!

<—> Черт возьми! Это отчасти справедливо. Вот я Херувим(ова) отчасти надуваю, потому что по-немецки не знаю (хотя книга выигрывает). Что ж, ведь я знаю, что это нехорошо, да ведь не так важно, ну и позволяю себе. А на более важное, конечно, уж не решусь.³

— Неужели вы отвергаете даже всякое тут преступление(?)

— Нет, не отверга(ю).⁴

— Не отвергаете. Есть преступл(ение)?

— Есть. Но ведь тут математика. (Если сердце мучит, перенеси.⁵) <с. 117>

На Крестовск(ом) только одно утро и росинки дождя. После росинки дождя, — естественная и психологическая потребность людей этой планеты. А кончает тем, что у Разумихина

¹ (ибо она разодетая шляется) вписано.

² Запись карандашом на полях: Отчего люди вообще умеют умирать лучше, чем жить(?) Потому что жить надо долго, а умирать можно скоро.

³ Черт возьми! ~ решусь. вписано на полях.

⁴ В рукописи: Нет, не отвергает.

⁵ Вместо: Если ~ перенеси. — было: Сердце — перенеси

разошелся со всеми и самого Разумихина попросил *оставить себя*.¹ У Разумихина — намеки (достать 3000 — дело делать, *Notboog*; рутина и проч., неоригинальность и проч.). *Намек мыслей*.

— Потом вся *исповедь* ей, после того как ее обидели и унизили и она было хотела оправдаться.

— И потом уже когда *она* отвергла его, между вопросами о *Veuve Carot* и проч. — вопрос: почему ты до сих пор не посмотрел в кошельке и в Неву хотел бросить?²

(NB. Она, между прочим, во время исповеди его спрашивает: «Сколько денег? Как же вы не знаете сами. Не посмотрели?» И странно на него посмотрела. Так что он потом (при *Veuve Carot*) сам себя спрашивает: «Да, кстати, почему я еще не посмотрел в кошельке(?)»³)

И только перед прощанием (выдачей себя) идет в кошелек и с грустной улыбкой видит, что денег мало.

— Уже только *потом* под самый конец справляется, что было в кошельке.

ГЛАВНОЕ NOTA-BENE

Когда вырвался бежать и попал в трактир, то сначала с Заметовым, а потом и вся компания и Разумихин, и это *вместо* вечера у Разумихина. Его защита в полубреду. «Что ж не берете? Берите». Вышел. Разумихин выбежал за ним. У фонаря. Разумихин предуведомляет его, что его считают сумасшедшим, но чтоб он остерегался. — Он идет потом в квартиру убитых, ссорится с работниками. Потом смерть Мармеладова. Домой. (с. 116)⁴

— Я отыскал еще 10 р., стало быть, я выдал только 40.

Взял Сясю. «Отслужите, батюшка, панихиду».

— Она написала ему наконец письмо: «Люблю, буду ваша раба». Она пленилась его гордостью и независимостью и проповедью того, что она не унижена.

¹ После росинки ~ себя. вписано на полях и между строками.

² На полях запись, частично карандашом: 23-летняя черта. Я бы признался, но как они скверны.

³ В рукописи: в кошельке, {...}

⁴ Карандашный портретный рисунок.

(Ее письмо художественно.)

Он идет к ней после этого письма. Оскорбление на улице.
Исповедь ей. Она отшатывается.

Ушел от нее. Пожар. Спасение. Ура! Есть жизнь.¹

Его отчаяние. Ходьба. — Разбирает все пункты *Veuve Saret*. Как скверны люди. Хлопочет о 3-х детях.² *Мечты о новом преступлении*. Спасает от смерти. Разумихин тоже работает. Панихида. Сон. *Следователь*. <с. 115>³

— Да куда-те прет?

Девочка поет «Хуторок».

Лебезятников ее за то избил, что она заступилась за Соню.

Повела детей, нашла им костюмов, под окна, петть и плясать.

— А вы, может, лишили ее минуты покаяния тем, что убили.

(NB. Письма к публике.)

— Подзнаменитить маленько.

— Всё в Питере есть, отца-матери только нет.

В ТОЙ ГЛАВЕ. Я не могу не жить. 'Я понимаю свое значение под словом жизнь. Я не такой человек, чтоб дозволить мерзавцу губить беззащитную слабость. Я вступаюсь. Я хочу вступиться. А для того власти хочу.⁴ Для того человек(ом) стать хочу. С образования начиная — потому образование — сила, и дальше всю жизнь...

абрек

и потому:⁵

Меня было перевернула пролитая кровь, и потому я ослабел.

А теперь я жизни хочу, жизни жажду и будет жизнь.

Эта кровь — я панихиду по ней, пожалуй, отслужу. (Засмеялся.)

— Бедная Лизавета.

А не то

¹ Ушел ~ жизнь. *вписано*.

² Хлопочет о 3-х детях. *вписано*.

³ Два карандашных портретных рисунка.

⁴ Вместо: А для того власти хочу. — было: Я власти хочу.

⁵ Чтение *Акад. ПСС (Т. 7. С. 144)*: всю жизнь обрек... и потому:

Смиренно опять: «Не хочу. Мастера жизни не так делали. Они весь свет перевора(чивали). Они сотнями тысяч как по шахматной доске ходили! Отчего ж они не колебались? Оттого, что были сильны...»¹ (с. 114)²

НОВЫЙ ПЛАН

Рассказ преступника

8 лет назад

(чтоб совершенно отнести его в сторону)

— Это было ровно восемь лет назад, и я хочу рассказать³ всё по порядку.

— Начал я с того, что пошел закладывать ей часы. Мне уже давно говорили про нее (студент). НВ.⁴ Кто была эта старуха, визит, квартира и проч. Как он осматривал (НВ. *Неясно*, но для читателя тут уж *что-то такое*).

— Вышел от нее, даже весь дрожал. Проходил мимо расписочной, но так как я хочу рассказывать по порядку, то и расскажу, как познакомился с Мармеладовым, подробный рассказ о Мармеладове и заметка в конце,⁵ что Мармеладов отразился в судьбе его.

— Пришел домой, я жил тогда у хозяйки, боялся. Письма из дому. Взбесили меня. Пришлю денег. Написал письмо, отправил на почту и⁶ пошел к Разумихину. На бульваре. Не пошел, а решил, что на другой день как сделает то дело. Нева. Скитался. Оскорбление. И для чего живет эта старуха. Математика. Пришел домой. Сцена с хозяйкой. Жаловаться будут (Настасья сказала). Вышел. Лизавета.

— И до того это всё случилось нечаянно, что я и не подумал, что ведь мне все-таки придется убивать самому. Мучения. Оазис, вода.

— Тогда я стал думать.

¹ А не то ~ сильны... *вписано на полях.*

² *На полях записи:* НВ *Мысль.* Ночное странствование. Солнце, жизнь, жизнь! И потом к Разумихину, и там уже все эти рассуждения. А потом *ей* уже про мать и сестру. *Вверху страницы запись:* — Мы тут каждый день в трактирчике одном собираемся.

³ *Было:* начать

⁴ НВ. *вписано.*

⁵ в конце *вписано.*

⁶ Написал ~ на почту и *вписано.*

— Думал, 3 дня¹.

— И вот² что не выходило у меня из головы:

— весь процесс.

— Чем я тогда жил — не помню. Сестра выходит замуж.³

Сцена с хозяйкой. Вышел на улицу. Лизавета.⁴

— Убийство.

Панический страх, к Разумихину. Потом выздоровление. Смерть Мармеладова.

— На утро жених. Квартиру нанимать. Бешенство и оправдание себя.⁵ Разговор с нею. Вечером к Разумихину. Спокойствие. Похороны Мармеладова. Вдова. Серьезный разговор с ней. Болен.

— Приезжают они. Прогоняют жениха. Чего-то ожидал от приезда семьи. Даже ласки матери тяжелы. Разумихин: «Ты огорчаешь мать». Рассорился. Разумихин жених.⁶

Ходил-бродил. Вся перспектива. Обиженная им Мармеладова. Не отвечал на письмо. Оскорбление ее на улице. У ней. Исповедь.⁷ Заносчивость.⁸ (с. 110)⁹

Соня. Панихида.

— Ходит к ней.

— Сцена с Мармеладовой вдовой.

— Ссоры дома.

— Пожар.

Приносит пакет к¹⁰ ней. Прощаться.

Не могу жить дома, нечист, гадок, «если б вы знали». *Друзья мои!* Она говорит ему потом: «Мы не могли сказать друг другу, что любим, прежде чем ты не донес на себя». (с. 111)¹¹

¹ Незачеркнутый первоначальный вариант: неделю

² Было начато: Чем

³ Сестра выходит замуж. вписано.

⁴ Тогда ~ Лизавета. вписано на полях.

⁵ Далее было: Вечером к Разу(михину)

⁶ Далее было: Письмо

⁷ Далее было: Пулю в лоб. Признайтесь.

⁸ Выше на полях заметка: Заносчивость.

⁹ Начатая каллиграфическая пропись: Jou(тал) (фр. журнал).

¹⁰ Далее было начато: Марм(еладовой)

¹¹ О каллиграфических прописях на этой странице см. 7, 189, примеч. 2.

ТРЕТЬЯ (ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ) РЕДАКЦИЯ

Подготовительные материалы (ПМ₃)

ЕЩЕ ПЛАН¹

Рассказ от имени автора, как бы невидимого, но всеведущего существа, но не оставляя его ни на минуту, даже с словами: «и до того всё это нечаянно случилось».

После того как письмо, его злость, ответ, пошел на бульвар, бродил. «Нет, они должны быть счастливы!» Он не мог войти домой, надо бродить. Идея засела ему в голову.

— Глав(нос) NB. Идея эта уже давно сидела у него в голове; как она забрела к нему, трудно и рассказать. Математика. — Что ж, что (самая трудная глава, от автора. Очень серьезно, но с тонким юмором).

Вошел домой. Жаловаться. Сцена с хозяйкой. Вышел опять. Лизавета.

— И до того всё это неожиданно случилось.

— Убийство и панический страх.²

Потом:

Вот какие приходили ему мысли: «А для чего я хочу быть благороднее всех(?)»

---

¹ В ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212.1.3.

² Было: Панический страх.

Идея романа главная.

— А во всё время переговоров с *ней* потом, он приходит всё настаивать, что он может искупить, что он может быть добр и что это математика.

К Мармеладовой он ходил вовсе не по любви, а как к Провидению.

Работник сам на себя доказывает. На религию сбился.¹ По-страдать хотел, да путается.² Приставать стали очень. А тут старик сидит: пострадать, говорит, надо.

NB. Странствовани⟨я⟩:³

— Можно ли их любить? Можно ли за них страдать? Ненависть к человечеству. NB. (Во время странствований воспоминация о лошади и об обидах.)

— Сначала: посещение старухи и заклад часов. Он, *впрочем*, высматривает.

— Потом письмо, бульвары, неприятности, нелюбовь к человечеству⁴ и вдруг идея о старухе, не то чтобы совсем нечаянно, ибо надо *признаться*, что она была давно, но теперь она в первый раз сложилась в форме полной и отчетливой.

— Затем, и уже совершенно нечаянно, — Лизавета. Тут переворот и муки. И затем вдруг исполнение и панический страх. (с. 109)⁵

— После панического страха на другое утро он просыпается в странном состоянии духа, а именно: в совершенно спокойном относительно *того* дела. Он даже удивляется себе. Ему приходит на ум, что он вчера себя скомпрометировал в трактире. «Это надо поправить», — думает он. Потом, восходя мыслию, доходит он и до всех обстоятельств дела и видит, до какой степени всё было сделано ужасно рискованно. Удивляется. Сознается и сознает, что всё дело было сделано почти нечаянно (влечет неотступно, *тянет*), что теперь он, может быть, не рискнул бы опять на него, если б еще не было кончено, даже ни при каких гарантиях. Конечно, наверно бы не рискнул. Но сознает, однако, что всё вышло из правильной логической идеи. Безумия не было. Отнюдь не было. Он с негодованием это отвергает. Но если уж сделано, — он воспользуется. Он загладит. «И однако ж ты ук-

¹ На религию сбился. *вписано*.

² да путается. *вписано*.

³ В *рукописи*: Странствовании:

⁴ нелюбовь к человечеству *вписано*.

⁵ *Каллиграфические полные (дважды) и неполные прописи*: Journal

рал! Господи, какие сделки можно делать с своею совестью. Отчего мне не стыдно внутри себя? Не оттого ли, что тут нет греха. Ужасно, впрочем, убивать. Картина пролитой крови, старуха, бедная Лизавета. О, я заглажу, но как это тяжело!..»¹

— В это время входит жених. Неприятнейшее впечатление. Говорит, что нанимает квартиру и что *упредил* только двумя днями. Тот с ним ни то ни се. Сухость. Пошел к Мармеладову на панихиду. Она. Легкий пренебрежительный разговор с нею.² Смиренная. Потрясенный, утвержденный и гордый идет к Разумихину на вечер. Бесовская гордость.

— Похороны Мармеладова. После похорон. Долгий разговор с нею. Она видимо потрясена. Между тем Разумихин его ищет. Приехали. Все у них. Разумихин нечаянно познакомился. «Расторопный молодой человек». Внезапная ссора его с женихом. Жених дерзок. Сцена. Выгоняется. Остаются одни. Мать говорит, плача, что «это для тебя она замуж шла». — «Не хочу». — «Ты один теперь нам остался». От жениха записка.³ Разумихин достает 300 р., а тот в отчаянии, что денег своих взять не может. Остается один.⁴ Спрашивает себя: для чего так долго не брал денег? Для чего в воду? Для чего теперь не смел предложить, сказавши, что достал где-нибудь(?) Визит к нему Мармеладовой. Оскорбляет ее. (с. 108)

Между тем действие у матери: что с ним? Разумихин. Мать боится, не в тягость ли? Все вместе идут к нему. Застают ее. Она оскорблена. Он в ссору. Разумихин с ним ссорится. Она (—) письмо к нему. Мать же рада тому, что открылась истинная причина его дурного расположения духа и что это не жадность, не дурное чувство, не боязнь того, что ему на шею приехали. Он идет к ней. Ее оскорбляют на улице. Сталкивается у ней с Разумихиным, ссора, Разумих(ин) уходит.⁵ Он высказывает ей:⁶ кто он такой и что он ее хуже. Сцена. Она в ужасе. Тот самонадеянно идет домой. Мармеладова на улице с детьми. Он Разумихину, матери и сестре,⁷ которы(е) тут же: вот! вот! Горячка, в больницу. Детей в приют. Вопрос матери: не у ней же?⁸ У ма-

¹ На полях помета: NB в воду долго не смотрел.

² Вместо: Легкий пренебрежительный разговор с нею. — было: Разговор с нею.

³ В рукописи: От жениха записка.

⁴ В рукописи: Остается один.

⁵ Разумих(ин) уходит. вписано.

⁶ ей вписано.

⁷ матери и сестре вписано.

⁸ Далее было: Он в сомнениях: перспектива будущего. Она ищет его.

тери: Разумихин объявлен женихом. Его сомнения. Перспектива будущего. Говорит Разумихину. Тот захлопотал спастись. Она ищет его. Он болен, у ней. Приходит Разумихин много раз.¹ Бежал от нее и от их сочувствия² по городу. Вихрь, Христос, *Veuve Carpe*, отчего они не стонут? *Crevez chiens si vous n'êtes pas contents*.³ Пожар. Тут и Разумихин. Тут и все.⁴ Обгорелый пошел домой.⁵ Торжество матери. Мать приходит, плачет. Безмолвно слезы текут. Затем он бежал. Мать у ней руки целует в сених: «Сохраните его, сохраните его бедную голову».⁶ Разумихину два слова. Тот сначала в ужасе, потом пленен. На Сенную, поклонился. К ней прощаться. Скажи матери. Поручик-порох. Открытие.

Перерывать все вопросы в этом романе. Но сюжет таков. *Рассказ от себя, а не от него*. Если же исповедь, то уж слишком до последней крайности, надо всё уяснять. Чтоб каждое мгновение рассказа всё было ясно.

NB К сведению. Исповедью в иных пунктах будет не целомудренно и трудно себе представить, для чего написано.

Но от автора. Нужно слишком много наивности и откровенности.

Предположить нужно автора существом *всеведующим* и *не погрешающим*, выставляющим всем на вид одного из членов нового поколения.

Полная откровенность *вполне серьезная до наивности*, и одно только *необходимое*.⁷ (с. 107)⁸

NB. NB. NB.

Тон.

3-я или 4-я глава. Я должен признаться, что уже идея не раз заходила. *NB*⁹ Таким образом объяснить преступление естественнее, но чтоб и серьезность сохранить. Эта полная серьезность

¹ Приходит Разумихин много раз. *вписано*.

² и от их сочувствия *вписано*.

³ Подышайте, собаки, если вы недовольны (*фр.*).

⁴ Тут и Разумихин. Тут и все. *вписано*.

⁵ *Далее было*: На Сенную, поклонился,

⁶ Мать приходит ~ голову». *вписано на полях*.

⁷ Полная ~ *необходимое*. *вписано на полях*.

⁸ *Выполненная рисунком буква*: J (original ç)

⁹ *NB* *вписано*.

должна проявиться на вечере у Разумихина в его гордости сатанинской.

NB. Когда его тянуло к убийству, от себя:¹ это бывает. Саешник. Про чиновника жених: «Такие бывают, я знал одного такого».

Панический страх тоже так от себя объяснять: (тон).

Ее объяснить.

Скептические его воззрения, скепичнее и насмешливее.

Когда он думает о будущем.²

Сон и панихиду.

Любовь в унижении, между *последними* существами.

Восторг пожара.

Прощание при Разумихине и тут же первое объяснение в любви.

Затем: «Оставьте меня. Придите через два часа, или завтра, если можно. А ты мать. А теперь оставьте меня».

И затем последняя глава: лето, пыль, известка, поручик-порох и проч., как можно гаже, пакостнее и прозаичнее.

Порох: «Почему вы обгорелый? Ах да! Фу ты, Боже мой!» (с. 106)³

— Мать вспылила и навеки рассталась с ним. На другой день она же пришла и лебезит уладить дело, но сестры нет, сестра любит больше, и оттого сердится больше, столько же гордости и негодования.

— Сестра становится злейшим врагом Сони, восстанавливает против нее Разумихин(а)⁴, чтоб он оскорбил ее, и когда, впоследствии, Разумихин перешел на сторону Сони, то она рассоривается с ним.

NB. Сестра говорит: «Я хочу прожить оригинальнее, сама по себе; все трусят, а я хочу быть сама по себе».⁵

А потом сама идет объясниться к Соне, сперва оскорбляет. А потом в ногах у ней.

NB NB NB. Сестра узнает всё.

¹ от себя: *вписано*.

² *Далее было*: Сон(я)

³ *Портретный рисунок*.

⁴ *В автографе*: Разумихину

⁵ NB. Сестра ~ по себе». *вписано на полях рядом с текстом*: Сестра становится ~ с ним.

— Потом он признается: до матернего письма я еще только так мечтал. Письмо как громом... Меня всего перевернуло. Надо было или бросить, или решиться, в самую решительную минуту <—> Лизавета.

— Разумихин говорит: «Я уже ходил просить у ней (у Сони) прощения. Как она рада-то была, что я пришел».

— У Разумихина на вечере — студент, который стучался с Кохом. «А! так это были вы».

— Про Коха: он еще пресмыкается, а там вдруг!.. Как он подл...

НВ. — Под конец романа рождается у иных мысль, что он помешался на том, что убил старуху. Разумихин верит этому и разуверяет Соню. Это Заметов сообщает ему мысль.

Дом, хороший дом, Севрюгина дом.¹ <с. 102>²

С 7-го декабря.

— Это неправда-с, — говорит Соня. — А в комфорте-то, в богатстве-то вы бы, может, ничего и не увидели из бедствий людских, Бог, кого очень любит, и на кого много надеется, посылает тому много несчастий, чтоб он по себе узнал и больше увидел, потому в несчастии больше в людях видно горя,³ чем в счастье.

— А может, и Бога нет, — говорит он ей.

Она хотела было возражать, но вдруг заплакала.

— Ну что ж бы я без Бога-то была?³

— С горем-то⁴ (иной раз) больше счастья.

У Разумихина защищая свои парадоксы, он настаивает на том, что у мертвого не крадут, что кражи не было, что старуха по завещанию оставила на монастырь.

— У Разумихина доказывает он главное, что необходи(мо) иметь *обеспеченье* 5000⁵ с самого начала, чтоб стать на твердую дорогу, не то будешь подличать, лебезить, поддакивать.

— Велико ль вы считаете это обеспечение? (Замет(ов), следоват(ель)).

— Вы любопытствуете, извольте. 5000 соверш(енно) до-вольно, даже три (изображение, что можно на них сделать, раз-

¹ Дом, хороший дом, Севрюгина дом. *вписано на полях.*

² *Каллиграфические прописи: Большая (дважды)*

³ *Над строкой вариант: на людях горе приметно*

⁴ *Над строкой вариант: В горе-то*

⁵ 5000 *вписано.*

вить силы и *отстоять* свободу) и, напротив, картина лебезятничества перед Лужинными в случае нищеты.

НВ. Про *мать*. Она любит меня, потому что видит во мне всё прекрасное, идеал недостижимого, а если бы узнала, то, очень может быть, возненавидела бы меня. (Неверие, сомнение, отпадение от матери. Сестра подавно.)

НВ) Люди никогда не поймут и никогда не оправдают.

Соня покорила.

— Мать (про Родю): он меня очень огорчал прежде (любовью к хозяйкиной дочери).

НВ. У *Разумихина*. Заметов говорит: «Вы, может быть, оттого тогда подличали перед Ильей Петровичем, что больны были».

— Нет, это просто от подлости. А знаете,¹ вы очень добры, когда у вас явилась эта мысль о болезни.

— Ну а вы очень горды, даже оправдываться не хотите.

НВ. — А это, впрочем, он справедливо сказал, что я в паническом страхе тогда наподличал, — думает Раскольников про себя уже дома.² (с. 103)

— Мать рассчитывает, с чем приехать? Что у ней останется 3 руб., всегда рассчитывает более на доброе, в жару желания свидеться.

— Сестра скорее негром, скорей латышом у остзейского немца, скорей Соней, чем наложницей у г-на, служащего в двух местах.

Чебалов говорит Расколь(нико)ву. «*Tant que*³ я устроил свои дела, стало быть, и другим полезен, и чем более, стало быть, я эгоист, тем для других же лучше. А то, что по-прежнему-то: возлюбил, дескать, о других думай, а свои дела запустил,⁴ вот и сел на шею к своему ближнему. Тут, знаете, арифметика».

После арифметик(и), как вышел на Сенную: «А зачем я топор приготовил(?) А зачем обдумал(?) А зачем шаги сосчитал?»⁵

¹ Вместо: А знаете — было начато: Вы

² НВ. У *Разумихина* ~ дома. вписано на полях.

³ Поскольку (фр.)

⁴ Было: плохи

⁵ После арифметики ~ сосчитал?» вписано на полях.

Нет, я, знаете, люблю этот реализм новейшего поколения, нет этих романтизаций, сапожник и Пушкин, и хоть я не согласен в иных частностях, но зато целое направление спасительно.

А завтра же меня другой Наполеон за вошь сочтет и под Маренго истратит. А может, и просто из-за угла топором истратит.

Личность. Она мне на одно мгновение дана, и это мгновение — мое.¹

Что гражданск(ое) преступлен(ие) — согласен. Но ведь мы тихими стопами сделаем, не избежит (и) Сибир(и).

А так чтоб свидет(елей) гражд(анских) не было, не порядк(а) в общест(ве).

Это мы согласны, согласны.

Он читает и думает: про Неофитова, про Гаврилова (Коха) и проч. О причинах и отторжениях.² (с. 104)

НВ. *важное*: Когда он ходит и вихрь: нет, это была не глупость, это была не молодость, это была не нечаянность, а это было убеждение, неуважение к личности.

После бульвара. Придя домой: почему ему мерещилось, что топор лучше... и проч. До того доходил этот стук в голове, что он вышел. А тут Лизавета...³

НВ. Она считает себя постоянно глубокой грешницей, павшей развратницей, которой не замолить спасения. Она ужасно стыдлива, но, оскорбленная, выходит из себя.

Черта: На вечере у Разумихина его укоряют за то, что он вообще всегда от всех удалялся, несмотря на то что его могли оценить товарищи. Разумихин тоже укоряет его в этом.

Соня всегда кроткая, и никогда у ней нет юмору, всегда важная и тихая, — но вдруг как-то внезапно она ужасно расхохоталась, каким-то пустякам, и это очень грациозно подействовало на м(олодо)го человека.

---

¹ Личность. ~ мое. вписано на полях.

² Он ~ отторжениях. вписано на полях.

³ На полях помета: презирает людей

NB. Когда он пришел с Сенной, после разговора Лизаветы, он ушел спать, и тут несколько слов (страница) о том, что он думал же о топоре, и «для чего я ходил к старухе разведывать(?)»¹ (с. 105)

28 декабря.

NB. Жених (Лужин) — совершенно развивает ему теорию, по которой убить можно. (NB. Даже разговаривает про убийство старухи, «конечно, можно» (по теории жениха).

Раз сделай, но потом перестань. (с. 104)

Проснулся он после болезни утром в 10 часов. Разумихин завтракает. Принес платье.²

«Уйди!» Когда тот ушел:³ «Оставь меня, оставь меня».⁴

Заснул — он проснулся вечером в злобе — нанять другую квартиру. — Трактир, Заметов.⁵ Посещение квартиры убитой, выгнали, Мармеладов.⁶ («Господи, помилуй мя!» — вскричал он падая. Арифметика.) — (Раскаянный элемент.)⁷

На утро она, потом Разумихин, потом Лужин. Соня приходит говорить, что хоронят сегодня.⁸ Он ее сажает и удерживает, Разумихин хотел было уйти, но садится. Выпроваживает Лужина. Тот оскорбляет ее. Он заступается. Когда Лужин уходит, он говорит⁹ Разумихину: «Я оскорбил тебя вчера, но оставь меня». — «Ты странен, — говорит Разумихин, — но изволь, остаю», и уходит.¹⁰

Он идет к Мармеладовым. Панихида. К Митрофанью. Лития у них. Папенька и маменька.¹¹ Соня. Говорит с ней, хочет у

---

¹ Перед текстом и рядом с ним с обеих сторон большие вопросительные знаки.

² Далее было: Входит Лужин. Разговор, и выгоняет. Разумихин свидетель. (Молчал). Хотел уйти при разговоре.

³ «Уйди!» Когда тот ушел: *вписано*.

⁴ На полях *вверху страницы* было: После покупки платья — «оставьте меня».

⁵ Над строкой: Разумихин

⁶ Над строкой: Смерть

⁷ Вместо: («Господи ~ элемент.) — было: (Господи, помилуй мя! Арифметика.)

⁸ Соня приходит говорить, что хоронят сегодня. *вписано*.

⁹ он говорит *вписано*.

¹⁰ Между строками: Разумихин говорит ему: «Ты странные слова говорил вчера».

¹¹ Панихида ~ Папенька и маменька. *вписано*.

ней прощения просить, а та говорит ему: я виновата. Провожает Соню — говорит ей сальные слова, та скромно.¹

Он идет к Разумихину. Вечер.² Он приходит раскаявшись,³ и гордость демонская: полная защита (а тут гордый элемент и полная защита). Приходит домой: Мать.

НВ. Следователь получает подозрение, его призывают. Он с улыбкой дает показания.

<—> А почему вы были в квартире старухи(<?>)

<—> Она мне во сне снилась. Я искал квартиры.

Молитва его по приходе от Мармеладовых: кротко⁴ — «Господи! Если это покушение над старухой слепой, тупой, никому не нужной, грех, после того что я хотел посвятить себя, то обличи меня. Я строго судил себя, не тщеславье, и если б тщеславье, то это законно. Зачем ты мне дал силы(<?>) Без этих денег не мог я жить».⁵ <с. 113>⁶

Разумихин⁷ ссорится с Заметовым, с следователем и проч. и не хочет сказать причины.

(Факт о посещении квартиры убитой узнает после.)

В тот вечер в сцене с матерью — ссора с ней и с сестрой, деспот.⁸ Разумихин примирительное лицо, уверяет мать, что он еще не в себе от болезни.

«Ты мог бы говорить с сестрой иначе!» — «Не нужно жертв». — «Еще бы! Петр Петров(ич) застает тебя с женщи(ной) подозрительной». — «Эта женщина, да, она подозрительная женщина, она гуляет по улицам, но он⁹ мизинца не стоит».

«После этого мы не можем оставаться», и уходят. (Характеры).

---

¹ Было: расплакалась, скромно и гордо. На полях запись: Она говорит ему потом: «Я виновата-с, не сердитесь давеча», а он же хотел у ней прощения просить.

² Далее было: возвращается. Мать.

³ Далее было: и защищается

⁴ кротко вписано.

⁵ Текст: Молитва ~ жить». — на полях.

⁶ Внизу страницы заметки: про(тив) свид(ания). Мать, письмо Лужина насчет девицы сомнительной, чтобы не было его.

⁷ Было: [нрзб.]

⁸ деспот вписано.

⁹ В рукописи ошибочно: она

Мать говорит Разумихину потом: «Он уж раз жениться хотел, он огорчал меня, вот и на этой женится».

Разумихин посредником.

На другой же день примирение. Разумихин сводит,¹ рад. Он хоть и рад и нежен, но мрачен. Лужин. Выгоняют Лужина, что² делать, денег нет. Достает Разумихин. Учреждает общество. Отыскивает квартир(у), вместе жить. *Он не хочет.*

НВ. С этого времени начинаются сцены в разных местах. Несколько интриг.

Его с Соней (письма Сони к нему), матери против Сони, Разумихина с дочерью, Следователя, молодого человека. И его хождения.³

NB NB NB

Разумихин оскорбляет Сою (признание Соне).

Он совершенно отделяется от сестры и матери.

Уединение, мысли, судебн(ый) следователь. Сумасшествие. (Разумихин это поддерживает).

Мать и Соня.

Мармеладова переехала к Соне. Оскорбляет мать, пришедшую к Соне. Мармеладова сходит с ума, сцена на улице.

Он начинает работать, чтоб жить, несет Мармеладовой.

Он признается Разумихину, уговаривающему его. «Да⁴ для чего ты мне это говорил. Да разве могут (с. 112) быть честные отношен(ия)? (NB⁵ Соня не оставила меня даже при это(м) призн(ании),⁶ а вы оставили.) Я лгал сегодня перед следователем».

Тысячи предположений Разумихина и проектов, как делать. «Пойдем домой к матери».

НВ) Чуть примет(ся) за дел(о) и обострит что-нибудь (Соня и проч.).

Потом опять⁷ сомнения: «Ведь я это от трусости характера только выносить не могу. Арифметика справедлива, а я мягок. Я не могу принять Байроновские мучения».

¹ Было: Разумихин уж

² Было: Д(снег)

³ НВ. С этого времени ~ хождения. *приписано на полях.*

⁴ Далее было: разве могут

⁵ НВ *вписано.*

⁶ даже при это(м) призна(нии) *вписано.*

⁷ Потом опять *вписано.*

Разумихин говорит:

— Уезжай куда-нибудь.

— А деньги где?¹

— А старухины, — тот посмотрел на него.

Он не смотрит в кошелек даже до конца процесса (об этом в последней главе). <с. 111>²

Арифметики — губят, а непосредственная вера спасает. Всё помутилось. Не во что верить, не над чем остановиться.³ Но непосредственная вера, ведь тоже предрассудок.

В красоту русского элемента верь (Соניה).

Русский народ всегда, как Христос, страдал, говорит Соня.
<с. 112>

NB NB. Можно быть великим и в смирении, говорит Соня — доказывает то есть.

Рейслер и воровка — (Рейслер говорит Соне). Я слышала, что он тебя учил: убей. Соня дала знать Разумихину. Разуми(хи)н, прикинувшись в глазах Рейслер врагом Сони, выпытал Рейслер. Ничего не знает. Но Соня уже достала 50 р. вперед, чтоб к Луизе Ивановне, куда сам Разумихин посоветывал. Разумихин там всё разбивает у Луизы и дивится Соне, которая себя запрдала за него. Разумихин всё спасает и перед матерью ее защищает, приходит к нему и объявляет, что он виноват перед Соней и ее поступок ему говорит. — «Любить! разве она полюбит меня», — восклицает он и тут же признает(ся) Разумихину во всем. Соня и он. «Разве вы не страдали(?)» Он перед ней на коленях: «Я люблю тебя».

Он перед Соней на коленях. «Я люблю тебя». Она говорит ему: «Отдайтесь суду». «Стало быть, ты меня не любишь», — говорит он. Она молчит. Его хождение. Его хождение. Пожар (награда ему). Мать, сестра около постели. Примирение со всеми. Радость его, радостный вечер. Наутро к обедн(е), народу поклон, прощание. Приеду, говорит Соня.

¹ Было: А деньги?

² *Каллиграфическая пропись: [Добролюб(ов)] Другая пропись, сделанная на этой же странице, но ранее, в ходе работы над второй редакцией (см. 7, 177, примеч. 11): Журналь, слева от нее буква J, оформленная рисунком. (См. также на <с. 109 и 110> этой же тетради каллиграфическую пропись, а также ее элементы: Journal). Портретный рисунок.*

³ Далее было начато: В

NB *главное*. Когда он говорит, что это lâcheté,¹ то вдруг со стороны ему доказывается, что он не может вынести Сбогара не от lâcheté. (От Сонички идет.)

NB? Донесите на себя, говорит Соня. NB. NB. <с. 111>²

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОНИ

— После смерти Мармеладовой, когда он называет ее святою, она с испугом говорит: «Ах, что вы это! Я великая грешница». Когда же он думает, что она говорит о желтом билете, и высказывает ей это: Соня (усталая от его непрерывных слов на эту тему) говорит ему: я *не про это*, но я неблагодарна была, я против любви много раз погрешила, и рассказывает тут историю (сочинить мастерски), как униженной и убитой Мармеладовой захотелось раз воротничка вышитого,³ Сониного, и она попросила у ней, и та ей не дала, что воротничок пропал сам собой и что теперь, если б воротить только и если б она попросила — «Как бы я отдала, всё бы отдала».

Про отца Соня рассказывает много тоже анекдотов, иногда весело, а другой раз страдальчески-мучительные. NB. Это всё сочинить. <с. 134>

Не забыть 1) Разуმიхин, рассказывая ему, что он интересовался собственными носками, как-то странно посмотрел на него.

2) Потом Разумихин, после вечера у него, упомянул,⁴ что у них были странные мысли, но что он их рассеял.⁵

3) Потом он сам говорит про себя, что оттого говорил у Разуმიхина про арифметику, что знал, что его *после этого* не заподозрят. (Восторженное состояние.)

Главное NB. Он говорит: царить над ними! Все эти низости кругом только возмущают его. Глубокое презрение к людям. Гордость. Сообщает Соне свое презрение к людям. Из гордости не хочет. Спорит с нею. О, я⁶ *не могу примириться* с ними. Наконец примиряется со всеми. Видение Христа. Прощения просит у народа. Гордость. Идет. Соня и любовь к ней

¹ трусость, низость (фр.)

² *Каллиграфическая пропись*: Журналь

³ *Над строкой помета*: трогательность с кокетством

⁴ Было: как-то упомянул

⁵ Пункт помечен знаком выделения на заметку X.

⁶ *Вместо*: О, я — было: Я

сломали. (Может ли быть, чтоб такая была несчастна, разве это справедливость?)

Наделал громких дел на пожаре. Болен после пожара. Пожар решил всё. Короткий срок.

NB После сцены в конторе (обморок) и был бы обыск, если б не подозрение на работника. Однако ж в доме наведывались и выспрашивали, об этом потом рассказал ему Разумихин, который тоже много способствовал тогда, когда он больной лежал, чтоб подозрения полиции рассеялись. (с. 133)

К СЮЖЕТУ РОМАНА (ОКОНЧАТЕЛЬНО)

Надобно, чтоб Лыжин (у Лебезятникова) поражен был Соней. Застает *развратную* женщину у него. Он был у Лебезятникова¹ во время смерти Мармеладова и видел Соню. Он уведомляет Пульхерию о том, что сын тратит деньги на содержание бляди. (Сплетник прирожденный.)

Он оскорбляет Соню на улице с Лебезятниковым (непонятное даже ожесточение его против Сони. «Я тебя в бараний рог согну»). Соня его бегаёт.

Наконец открывается, что он влюбляется в Соню ужасно (натура). Он делает связи в Петербурге и сам дивится, что так падает.

— Рейслер слышала (всё про Рейслер). Он связывается с Рейслер и догадывается (всю историю), что он убил. Грозит Соне, что он погубит его.

«А зачем достали 50 р. для него?»

Сходится с следователем и Заметовым.

Те его допрашивают (NB² у Филипова), следят за ним. Он разрушает все их убеждения.

У Заметова же, у Бакалина и у Разумихина³ убеждение, что он помешан, на том, что убил.

Аристов (бывший с Заметовым у Разумихина и в трактире) приходит к нему еще вначале, излагает ему все убеждения свои и намекает, что есть сестра и можно по фальшивой монете. Он шпион Лыжина. Они мучают Соню.

¹ Было ошибочно: у Мармеладов(ых)

² NB вписано.

³ Над фамилией: NB

Разумихин то преследует Сою, то защищает ее. *Сестра* была у Сони. *Аристова* ее приятельница. <с. 132>

Главные заботы об том: что ему делать? Переводить он пробует, но не может. Аристов противен ему, он познакомился с сестрой А(ристо)ва. — Писать комедию.²

СЕЙЧАШНИЕ СПРАВКИ

Бакалин, о болезни, Разумихин, те начали говорить об убийстве³ — вдруг входит Лужин, разговор с ним, заминается, о молод(ом) поколении. Тот продолжает об убийстве Бакалину, Лужин слушает и ждет, рассказ об убийстве дает ему повод начать разговор о том, что начинается разлад, о молодом поколении. Его выходки, что это по вашей же теории.

— А правда ли, что вы благодеяние делаете? (Лужин сам проговорился.)

— Ваша матушка женщина восторженная.

— А не хотите ли в шею?

— Что ты! Что ты!

(Когда Лужин ушел.) Он их выгоняет, спит, вечером ушел как *безумный*, молитва. *НВ* (*Сестрица* послала, только она велела не говорить, что послала.)⁴

Аристов и его история. Он приходит к *нему*: «А признайтесь, это вы сделали». У Дюссо. Наивно. Продает сестру франгу с К-го бульвара. Бьет сестру и отнимает у ней всё. Купил фальшивые билеты. Рейслер. Лужин употребляет его. Бьет мать. Сестра уезжает с Кохом в Москву.

— У нас в классе одного учителя дразнили...

— Как это всё гадко, как это всё низко! — говорит он. — Царить над ними! <с. 150>⁵

Входит в 11 часов к Разумихину. Все удивляют(ся). Он возбужден ужасно. Разговор о деморализации, пьянство и пре-

---

¹ Далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: *РГАЛИ. Ф. 212. 1. 4.*

² Главные заботы ~ комедию. *вписано на полях.*

³ те начали говорить об убийстве *вписано.*

⁴ *На полях: 1. в №-х, в каких не говорит, здесь близко, Лебезятников 2. Но ничто не могло сравниться с тем бешенством, когда он выбежал на улицу (перед Palais de Cristal).*

⁵ *Каллиграфическая пропись: Малекбранш (дважды).*

ступления. Он начинает свою теорию о сумасшествии. Следовательно говорит: а нравственное основание, стало быть, вы совершенно его исключаете. Что же бы стало удерживать преступника. Неофитов.¹ Сила и страх. Гражданское общество. — Этого мало. — Будьте уверены, что только это одно до сих пор удерживало общество. Голоса: это так, неверно. А кровь? А Наполеона кровь удерживала? То не преступление. Почему нет. (Пестряков² рассказывает, как они вошли в комнату и трупы увидели. По всем признакам, убийца — образованный человек.) Почему истратить 100 000 при Маренго — не то, что истратить старуху. Пестряков: в самом деле, старуха никому не нужная. Аристов: туда ее и надо! Стало быть, нет, по-вашему, греха? Грех есть и великий. Как же вы говорите, что можно? Теория арифметики. Как приобретает〈ся〉 немцем. Нравственная обязанность, взятая на себя... и т. д. Аристов в востор〈ге〉 (да уж и *пожить* хорошо, довольно). Стало быть, один другого может по этой теории (ты, дескать, менее нужен). И потому это и единственная причина: сила и страх.³

О рутине.

— Вы бы сделали?

— Не знаю.

— Ну уж это нет-с. Не вам совершить преступление.

Он слышал про мою раздражительность и хотел меня раздражить.

〈—〉 Это неверно сплошь, — возражает один. — Мы не знаем шансов.

Шатов —

〈—〉 Когда вы поживете, вы увидите, что есть в преступлении нечто более арифметики. У вас арифметика, а тут жизнь.⁴ Не дай вам бог подвергнуться несчастью преступления. Да и по статье вашей я это угадал. Это всё теория. Поверьте, не так легко преступлен〈ие〉 на практике.

〈—〉 Однако ж вы давно за мной следите.

Следователь〈:〉⁵ Не вынесете. Вы, то есть, вы — не вынесете. Я по вашему лицу сужу — другие (он взглянул на Аристова) вынесут. Для тех рано уничтожать телесные наказания. (Встает.)

¹ Неофитов. *вписано*.

² Было начато: [Пестря〈ков〉]

³ Далее следует: Это неверно сплошь, — возражает один. — Мы не знаем шансов. Соединительной чертой перенесено ниже, перед: Когда вы поживете, вы увидите и т. д.

⁴ Было: жить

⁵ Да и по статье ~ Следователь *вписано*.

У него лицо больное и бледное.¹

Разумихин провожает.

⟨—⟩ Слушай: они подозревали — теперь после твоих слов не будут.

— Я это знал.

— Как знал(?)

(Раскольников говорит загадочно и восторжен⟨но⟩. Обморок на улице.)

⟨—⟩ Что вы, нездоровы?

⟨—⟩ Говор⟨ю⟩ вам, здоров.

Да я слышал, слышал про вашу болезнь, так⟨ая⟩ болезн⟨ь⟩ — может быть и опасной. А вы уж, кажется, слишком⟨м⟩ пренебрега⟨ете⟩.² (с. 151)

После Разумихина и загадочных слов у фонаря³ встреча матери в квартире (Настасья). Легкая размолвка. Разумихин делается необходимым. На другой день Соня⁴ (между прочим рассказывает и о Лыжине. 10 р.). Мать и сестра. Соню усадил. Разумихин тут же. Безмолвное оскорбление (грустное объяснение). Разумихин проболтался: письмо от Лужина,⁵ чтоб вечером его не было. (А мать спрашивала: «Ты не будешь(?) Лучше полежи дома».) Он говорит Разумихину: «Бьюсь об заклад, что Лужин будет». Разумихин и проболтался. Вечером он входит. Разумихина на лестнице встречает (поручение исполнял).⁶ Qui pro quo⁷ и malcontent.⁸ Мать в волнении:

⟨—⟩ Вот Петр Петрович говорит, что ты на содержании.

⟨—⟩ Да, я отдал деньги, не стоит мизинца. Обида. Коротко и ясно рассказывает историю Сони. Но вот что я спрошу: правда ли, что было непременно условие, чтоб я не приходил? Я заметил, как вы, мамаша, давеча спрашивали.

⟨—⟩ Н-нет. Правда.

⟨—⟩ Вот что я скажу: я был так глуп, что сделал было такое же предложение, т. е. либо меня, либо прогнать Лужина. Я был деспот. Я пришел всё устроить и всё развязать. 1) Я не в состоянии помогать вам. 2) Если, как я было предположил, сестра вы-

¹ Рядом начато: Да, ⟨я слышал, слышал про вашу болезнь и т. д. :⟩

² Разумихин ~ пренебрегаете. вписано на полях.

³ и загадочных слов у фонаря вписано.

⁴ Было: Соня, [и]

⁵ Было: Лыжина

⁶ (поручение исполнял) вписано.

⁷ Недоразумение (лат.).

⁸ недоволен (фр.).

ходит — только для меня, то никогда я не захочу такой карьеры и быть вместе с г. Лужиным или получить хоть какую-нибудь помощь от г. Лужина. Жребий мой неизвестен мне, а Богу (темные слова), и потому если только для этого, то я должен был объявить это, чтоб развязать сестру. Если же и другие причины заставили ее дать согласие, то я считал себя в обязанности сказать, что не буду настаивать, чтоб прогнать Лужина, и не посмею ссориться с сестрой.

— Лужин спрашивает: правда ли, что только для них? Она вдруг говорит: только для того и выходила. Лужин встает и говорит грубость. Его молча выгоняют. Разумихин в восторге: новая жизнь, давайте! Общий восторг. Он говорит: «Я не могу. Оставьте меня, не могу ни жить вместе, ни даже, может быть, работать, жребий мой брошен». Мучительные слова.

Разумихин поддерживает всех, его слезы. Мать благодарит Разумихина. Потом похороны Мармеладова, жена — трагичнее.¹ <с. 152>

² Коллежская ассессорша Юлия Прохоровна Зарницына
Александр Григорыч Заметов
Афанасий Иванович Вахрушин
Петр Петрович Лужин
Надворн(ый) Советн(ик) Чебаров
Илья Петрович, поручик-порох —
Купец Шелопаев деньги прислал.
Дом Шиля — Раскольников
Бакалеева — помещены дамы, невеста.
Андрей Семеныч Лебезятников
Дом Починкова № 47 — чиновник Бабушк(ин), Разумихин
Николай Дементьев работ(ник)
Митрей³
Семен Семеныч, купец в В
Алексей⁴ Семеныч, артельщик Вахрушина
Дом Бабушкина <с. 1>⁵
Андрей Семеныч Лебезятников, дом Бакалеева.⁶

¹ быть вместе с г. Лужиным ~ трагичнее. вписано на полях.

² Далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3.

³ Вписано.

⁴ Было: Афан(асий)

⁵ Каллиграфическая пропись посередине страницы: Italia

⁶ Рядом помета: Лица и места романа. Далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5.

V

V-я глава, разговор Порфир(ия) расстроил его. Гениален он или нет? У Порфирия видно, что всё готово; он только насмешничает.

У него видимо какое-то озлобление на меня, это оттого, что нет улик; а он убежден, — он был слишком невежлив (о статье). Это не естественно, тут умысел. Какой же? Раздражить или дать знать. А может, он и сам раздражился. Тоже¹ человек!

Свидриг(айлов) Дуне. Помните, ведь раз почти было, когда уж склонились и млели.

NB. После вечера с Лужи(ным) и прощания с братом, при лампе, Дунечка всё сильнее и сильнее задумывалась.²

Р(аскольнико)в Соне.³

Я молод, не знаю. Я не могу даже понимать, кто это может предугадать. Но мне нужно было первый шаг сделать. Мне власти надо. Я не хочу... Я хочу, чтоб всё, что я вижу, было иначе. Покамест мне только это было нужно, я и убил. Потом больше нужно. Я не мечтать хочу, я делать хочу. Я сам делать хочу.

(Голландец Петр.)

Я не знаю, куда дойду.⁴

<—> Вы, чтоб матери помочь, это сделали.

<—> Нет, совсем нет, для себя, для себя одного. Я не хотел несправедливость.⁵

Или: я не для других, я для себя, для себя, для одного себя сделал.

— Ох, зачем вы мне сказали? — говорила Соня, бегая по комнате и ломая руки.

Он хотел уходить.

— О, стойте,⁶ — стала на колени... — Скажите мне, зачем. Неужели ограбить? Вам есть нечего было? Вы голодны были?

— Я не хотел перенимать. Я не хочу подчиняться.⁷ Если б

¹ Тоже *вписано*.

² Свидриг(айлов) ~ задумывалась. — *вычеркнуто*.

³ Р(аскольнико)в Соне. *вписано на полях*.

⁴ Текст: Я молод ~ не знаю, куда дойду. — *вычеркнуто*.

⁵ Вы, чтоб ~ несправедливость. *вписано на полях*.

⁶ Было: Стойте,

⁷ Если б были ~ подчиняться. *вписано*.

были люди, которые бы всё подчинялись, — ничего бы не было на свете.

22 ию<ля> <с. 1>

Лужин подводит через Рейслер, что Соню берут в часть. Мармеладова в отчаянии, 5 sous,¹ а Разумихин подводит Лужина, помогает Соне и тем мирится с *ним*.²

(3-я часть)

NB Он видит, что Соня его любит; он удаляется от нее, *зная, что из этого будет* [(т. е.) (т. е. обходится с ее сердцем не как с тряпкой, а как с сокровищем, уважая его). Соня считает это за презрение с его стороны. Случай с Лужиным и Лебезятниковым (украл(а)), и тогда объяснение у ней: я тебя хуже (убил). Соня этого не выдерживает, делается больна. *Cinq sous*.³

О вы, матери, для чего вы их родили!

NB. Соня оттого и сказала мне, что с кем-нибудь надо было жить.

— Я люблю тебя, потому и сказал.

— Я нужна вам, потому и любите. <с. 2>⁴

ИДЕЯ РОМАНА

=1=

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЗЗРЕНИЕ В СЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ

Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, — есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания.

Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием.

¹ су (фр.).

² Лужин ~ с ним. вписано на полях вверху страницы.

³ Пять су (фр.)

⁴ *Каллиграфические прописи (обе полностью и незавершенно):*
1. Менотти 2. [Ричиотти]

А/

Идея романа

1. Мн. человек, который...
 2. ...
 3. ...
 4. ...
 5. ...

Правильнее верить
 в сам себя, пробовать
 Промы счастья, то комфорт,
 покупается счастье
 страданиями.

Счастья не рождается, это
 счастье. Счастье засту-
 дивается в свое счастье, и
 всегда страданиями.
 Жизнь имеет некую
 несправедливость, когда
 жизненные знаки и сны
 (т.е. непосредственно-убвен-
 ные) имеют и божество,
 но с уменьшением божества про-
 цессом) приобретается от-
 ный про и сонта, которое
 нужно переставить на себя

empadonim,
 Prisht, Batak,
 Haili и мндр,
 но это несправ-
 доливо, чтобы
 Сильнейшими
 процессом со-
 бражничать
 радость, за-
 которую
 своего жанра
 имеет счастье
 Справедлив

«Преступление и наказание».
 Страница черновых подготовительных материалов
 3-й редакции. 1866.
 Российский государственный архив литературы и искусства.
 Москва.

Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственно чувствуемое телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретается опытом pro и contra,¹ которое нужно перетащить на себе. <с. 3>

=2=

В его образе выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество.² Деспотизм — его черта. Она ведет ему напротив.

— NB. В художественном исполнении не забыть, что ему 23 года.

Он хочет властвовать — и не знает никаких средств. Поскорей³ взять во власть и разбогатеть. Идея убийства и пришла ему готовая.

NB. Чем бы я ни был, что бы я потом ни сделал, — был ли бы я благодетелем человечества или сосал бы из него, как паук, живы(е) соки — мне <нет> дела. Я знаю, что я хочу владычествовать, и доволюно.⁴

— NB. Всё это выразить на вечере Разумихина.

NB. К роману: сыскать и выпустить в роман⁵ русского купца (Бабушкина) Алонкина, фабриканта, чтоб он потом место Разумихину в 3000 дал.

NB. Катерина Ивановна идет к г-ну, раздавившему. Сцена 10 р., бросает в рожу и идет на улицу. <с. 4>

---

¹ за и против (лат.).

² Далее было: чтобы делать ему добро.

³ Далее было начато: нао(борот ?)

⁴ NB. Чем бы ~ доволюно. вписано на полях.

⁵ в роман вписано.

2-е января 1866 год.

ЗАМЕТКИ К РОМАНУ
ХАРАКТЕРИСТИКИ

1

Разумихин

Разумихин очень сильная натура и, как часто случается с сильными натурами, весь подчиняется Авд(отье) Ро(мановне)¹. (NB. Еще и та черта, которая часто встречается у людей, хоть и благороднейших и великодушных, но грубых буянов, много грязного видевших бамбошеров — что, н(а)прим(ер), он сам себя как-то принижает перед женщиной, особенно если эта женщина изящна, горда и красавица.)²

Разумихин сначала стал рабом Дуни (расторопный молодой человек, как называла его мать); принизился перед нею. Одна мысль, что она может быть (с. 5) его женою, казалась ему сначала чудовищною, а между тем он был влюблен беспредельно с 1-го вечера, как ее увидал. Когда она допустила возможность того, что она может быть его женой — он чуть с ума не сошел (сцена). Он хоть и любит ее ужасно, хоть по натуре самоволен и смел до нелепости, но перед ней, несмотря даже на то, что он жених, он всегда дрожал, боялся ее, а она, как избалованная, сосредоточенная и мечтательная, хоть и любила его, но иногда как будто презирала. Он не смел с ней говорить. И потому, с 1-го разу, он возненавидел Соню, так как и Дуня³ возненавидела и оскорбила ее, (зашел далеко) и поссорился через это с ним. Но потом (со 2-й половины романа) — поняв, что такое Соня, он вдруг перешел на ее сторону, а Дуне сделал страшную сцену, рассорился и закутил. Но когда узнал, что Дуня была (с. 5а) у Сони и проч. (и когда не перенес сам своего отчаяния), Дуня нашла его и спасла. Она теперь его больше уважать стала за характер. Одним словом, Разумихин (—) характер.

NB. Разумихин запил. Она к нему сама пришла, к пьяному.

— Нет, барышня, не хочу.

А потом, когда она покорилась, (—) у ног. Она смеется в восторге:

¹ В рукописи ошибочно: Род(ионовне)

² Далее знак: — · —

³ Было: она

— Экой ты славный! А не будешь пить(?)

— Буду!

Экая ты злодейка, ведь ты у меня теперь 15 000 стоишь.
Укушу пальчик. (—) Пребольно укусил. (с. 6)¹

2-й характер. Хозяйка Юлия Прохоровна. (с. 12)²

Отец, севастополец,³ всё промотал, слабая пенсия, дочь, два сына, брат (пьянчужка и приживальщик, характер, рассказчик). Старший сын больной, всех кормит. Младший сын, растленный Свидр(игайловым). Свид(ригайлову) 45⁴ лет, хочет жениться на 16-лет(ней), богат. С отцом дело имеет.⁵ Покупает дочь, отказывают. Продолжает быть другом (тот самый, который хотел застрелиться. Демон, сильные страсти. Говорит). Распекает (дает деньги) младшего, обольщает дочь. Обличает, что жених, которого ему предпочли⁶ (молокан), намерен предать ее начальнику. Жена старшего сына (в нигилистки). Дочь за Свидри(гайло)ва сама идет. (Свид(ригайлов) умерщвляет своего приживальщика. Дружится с ребенком на улице). *Переворот*. Катастрофа. NB (Распаленному молодому человеку карьеру. Сочинить.) Кто-то из них получает наследство. (с. 14)⁷

3-й характер.

Петр Петрович Лужин.

При тщеславии и влюбленности в себя, до кокетства, мелочность и страсть к сплетне. Он вошел душою и сердцем во вражду к Соне, назло Раскольникову, единственно потому, что тот сказал, что он мизинца ее не стоит, и с жаром говорил о ее подвиге. Лужин смеялся тогда над этим подвигом и потом возненавидел Соню до личной ненависти и даже вошел в интересы Лебезятникова и связался с ним, чтоб унижить Соню.

Расколькова же он постоянно считает врагом своим злейшим. Даже делами неглижирует своими, увлекаемый этой враждою.

Он связывается с Рейслер и грозит Соне.

---

¹ На верхнем поле помета: NB, и каллиграфическая пропись: Ne-apinois (фр. однако, тем не менее).

² Каллиграфические прописи: 1. Roveredo 2. Bousiris (Ровередо, Бу-сирис)

³ Далее было: Старший

⁴ Было: 40

⁵ Над строкой: дуэль объяснений

⁶ Далее было: на(мерен)

⁷ Каллиграфические прописи (карандошом): 1. Semiramis 2. [Romul] 3. Caius Caligula (Семирамида, Ромул, Кай Калигула)

НВ. Но Лужин, человек выбившийся из семи <с. 16> нарисован, из низкого звания и из рутины, — все-таки человек не ординарный. Назло себе все-таки он не может не признать достоинств в Соне и вдруг влюбляется и пристает к ней до *последнего*. (Трагедия.)

— Он связался с следователем, чтоб вредить Раскольникову. Сплетни Рейслер.

НВ. Он потому было влюбился в Дуню, что та красива и горда, а его тщеславию лестно было, что вот, дескать, какая у меня жена, и 2) лестно было самому, до сладострастия, что вот, дескать, я господствую и деспотирую над такой прекрасной, гордой, добродетельной и сильного характера.

НВ. Он *скуп*. В его скупости нечто из пушкинского скупого барона. Он поклонился деньгам, — ибо всё погибнет, а деньги не погибнут; я, дескать, из низкого звания и хочу непременно <с. 17> быть на высоте лестницы и господствовать. Если способности, связи и проч. мне манкируют, то деньги зато не манкируют, и потому поклонюсь деньгам. <с. 18>¹

Св<идригайлов> и Дуня

— Ключ щелкнул.

Св<идригайлов>. Послушайте, Авд<отья> Ром<анов>на, если б даже что и было (т. е. это только одно предположение: оно, положим, ни за что не будет), то дверь заперта и я принял меры — и криков не услышат, и втрое сильнее вас.² И потом: Да уж разумеется, будет: неужели же вы не поняли?

НВ. Пистолет наведен:

Св<идригайлов>. — Вы брата предаете, Авд<отья> Ром<ановна>.

<—> Напротив, если тебя застрелю. <с. 58>

Чтоб властвовать:

Когда Р<аскольников>ву замечают, что до власти он столько пакостей наделает, что уже потом не загладит, он отвечает с насмешкой:³

---

¹Текст на <с. 16—18> зачеркнут чернилами. На полях <с. 18> каллиграфическая пропись: [Ich] (нем. я).

²и криков ~ вас. вписано.

³с насмешкой вписано.

— Что же стоит впоследствии более добро наделать и потом сделать вычет + и —, так что, может, и окажется более добра.

И потом, рассердясь: Никакого мне не надо добра делать. Я для себя, да, для себя.

(Главное, выхода не было.) <с. 59>¹

N⟨B⟩₂

Свидригайлов.

Наши демократы недостаточно демократичны. (Свобода с венком в руке. Народ не народный.) Семинаризм в России, главное дело семинаризм.

Свидр⟨ига́йлов⟩ и Р⟨аско́льнико⟩в. Да зачем тут вопросы нравственности? Взял да и сделал (убил т. е.).²

— Да коль нельзя иначе?

— Ну так не делать.

⟨—⟩ Мужик режет и не раскаивается.

⟨—⟩ Да мужик не то; это так.

Раскольников как-то с трудом сообразил.

⟨—⟩ Так зачем же вы могли прийти ко мне? — спро⟨сил⟩ Р⟨аско́льнико⟩в.

Перед смертью после истории деньги дала, вот, Арка⟨дий⟩ Ив⟨анович⟩, чтоб утешить вас.

— Да не уколошил ли ты ее?

— Вы думаете, что я ее уколошил.

— Что это с вами?

⟨—⟩ Нет, знаете, оно естественно, только нет, апоплексии и анатомии, было всё это.

Свидр⟨ига́йлов⟩. Всё на свете ложь, да ведь так³ и должно быть.

Раскол⟨ьников⟩ Свидр⟨ига́йло⟩ву⁴. Ну а какое на вас производит впечатление Соня и проч.

¹ На верхнем поле значок в виде православного креста (с лишней перекладиной внизу).

² Далее было начато: — Нравствен⟨...⟩

³ Вместо: да ведь так — было: да так

⁴ Раскол⟨ьников⟩ Свидр⟨ига́йло⟩ву. вписано.

Свидр<игайлов>. Впечатление прекрасных обманутых, а от этого еще грустнее (скучнее).¹

NB. Свидригайлов, в гостинице, ночью, смотрит в дверь и наблюдает офицера с блядью.

NB. Ему пришло между прочим в голову: как это он мог давеча, говоря с Р<аскольниковы>м, отзываться о Дунечке действительно с настоящим восторженным пламенем, сравнивая ее с великомученицей первых веков и советуя брату ее беречь в Петербурге — и в то же самое время знал наверно, что не далее как *через час* он собирается насиловать Дуню,² растоптать всю эту божественную чистоту ногами и воспламениться сладострастием от этого же божественно-негодующего взгляда великомученицы. Какое странное, почти невероятное раздвоение. И однако ж так, он к этому был способен.

Ему пришлось вспомнить, что за час до насилия он поручал Дуню Разумихину. «Да, действительно, я это из сладострастия, может быть, сделал. Шельма этот Р<асколько>в, *раскусил и не поверил*. И так всю жизнь будет. Раскусил и не поверил!

Фу, какое я это слово сказал! Да это³ и каждый человек с своею жизнью, раскусывает ее как орех и не верит тому, что уже во рту лежит. Какие пустые слова делаются иногда значительными».⁴ <с. 60>⁵

NB₃

Свидригайлов, в распивочной, много говорил с Раскольниковым (о развратных похождениях своих), но это нельзя рассказать. Он ничем не стеснялся и с *наслаждением* даже обнаруживал...

«Мне понравились вы фантастичностью своего положения» и прямо намекает, что он убил.⁶ <с. 61>

¹ Свидригайлов. Всё ~ (скучнее). *вписано на полях*.

² насиловать Дуню *вписано*.

³ это *вписано*.

⁴ NB. Ему пришло ~ значительными». *вписано на полях*.

⁵ Записи на <с. 60—66> обозначены автором на верхнем поле: NB₂—NB₈.

⁶ NB₃ Свидригайлов ~ он убил. *вписано на полях*.

ОТМЕТКИ О СВИДРИГАЙЛОВЕ

Свидригайлов. Если б я был социалист, ну, конечно, остался бы жить. Остался бы жить, потому что было б что делать, — нет убежденнее народа, как социалисты. А ведь в жизни главное убеждение.¹ Подите-ка, разубедите его. Да ведь он же чувствует, что весь жизненный материал потеряет. Для него главное <—> убеждение. А в чем его убеждение? Главная мысль социализма — это *механизм*. Там человек делается человеком механикой. На всё правила. Сам человек устраняется. Душу живу отняли. Понятно, что можно быть спокойным. Настоящая китайщина. И эти-то господа говорят, что они прогрессисты! Господи! Если это прогресс, то что же значит китайщина!

NB. Верите ли в будущее?
Много неверия.

Социализм — это отчаяние когда-нибудь устроить человека. Они устроивают его деспотизм<ом> и говорят, что это самая-то и есть свобода!

А чтоб он не очень куражился, то ужасно любят мнение о том, что человек сам одна только механика. <с. 62>²

— Что такое время? Время не существует; время есть цифры, время³ есть: *отношение бытия к небытию*.

Дуня стреляет в него: какая, однако ж, она красивая, подумал Свидригайлов.

СИМВОЛ ВЕРЫ. «В смысле даже наврал».⁴

¹ как социалисты ~ убеждение. *вписано*.

² *Каллиграфические прописи, в различных написаниях, в том числе незавершенных: 1. Napoleon Buonaparte 2. Capo d'Istria 3. Pozzo di Borgo 4. Соня Мужской портрет.*

³ Было: время это

⁴ Что такое ~ наврал». *вписано на полях. СИМВОЛ ~ наврал». обведено в рамку.*

Призрак Марфы Петровны.

NB — Не *занятой* человек (всю жизнь ленился, ничего не делал).

Была эпоха «есть хорошо».

NB — Ползучим гадом. (Пугает даже, неожиданно выказав столь сильное воображение и столько гнездившихся вопросов.)

Как это вы не верите ни во что лучше, справедливее.¹

— Да ведь это, пожалуй, *будет и справедливо...* (что ползучим гадом).

〈—〉 А у вас сильная фантазия, только пауков-то выдумали.

〈—〉 Да, но ведь в одном этом-то —²

— У ней изо рта дурно пахло (коричку держала). — Замечание вскользь и *один* раз.

— Свидригайлов, зная тайну, никогда не выдавал ее, и странно: он как будто уважал за это Раскольникова.

— Насильничество явилось *внезапно*, как мысль; а сошелся он с Авд(отъей) Романовной совсем по другой идее.

— Приехал в Петербург как влюбленный в Дуню, и оказывается, что совсем не так влюблен (сам видит). А меж тем кончает тем, что влюблен.

Ра(скольнико)в. Убийство — повесил на воротах. *Свидри(гайлов)*. Нет, неправда, а что-то кричит. Кровь вызывает. *Р(аскольнико)в*. Я сам то же думал. *Свидр(игайлов)*. Как же вы сейчас говорили о воротах. *Р(аскольнико)в*. Я так говорил. *Свидриг(айлов)*. Я знал, что вы так говорили.³ (с. 63)

NB₆

— Свидригайлов говорит: «Я знаю одну немку, которая утопила свою дочь». Но не говорит, что это его хозяйка. Он рассказывает в виде бесчувственности и даром полученной над собой силе.

(NB. Много подобных⁴ анекдотов и эпизодов из прошедшей и настоящей жизни Свидригайлова.)

¹ *Вместо*: Как ~ лучше, справедливее. — *было*: — Как это вы не верите ни во что лучше.

² А у вас ~ этом-то *вписано на полях*.

³ *Раскольников* ~ говорили. *заметки на полях*.

⁴ *подобных вписано*.

О хозяйке говорит, что дочь изнасиловали и утопили, но кто, не говорит, и потом уж объясняется, что это он.¹

NB. — Засек; тень являлась.

— Свидригайлов говорит в полунасмешке: «Ну, вы будете, например, Провидением бедных сирот; вас это не соблазняет?»² (При детях тетка, и завещание у Марфы Петровны было.)

— Ну что Разумихин? Я ничего не нахожу в нем.

— Свидригайлов³ долго не показывает, что знает, что он убил, и вдруг говорит.

NB. «Да вы не бойтесь, я ведь много таких дел знаю. Я ведь и сам участвовал».⁴

— Марфа Петровна умерла за неделю до их выезда (NB⁵ сейчас после письма матери к нему). Умерла она таким образом: Свидригайлов вышел из себя и отколотил ее (первый раз в жизни, собственно, по страшной досаде, что выходит за Лужина; объявил М(арфе) П(етров)не, что поедет в Петербург). Марфа Петровна была расстроена, слегла, в город не успела съездить *исплетничать* свое горе, под вечер пошла в купальню и умерла ударом. Всё (с. 64)

NB₇

это Свидригайлов наивно рассказывает сам.⁶ Он помещается у Рейслер. Почему у ней, он, человек богатый? Дает ответы, хоть неуклончивые, но неполные: не хочу встречаться, не хочу того общества и проч. А главное (—) у самого желание ступешаться, убить себя, исчезнуть на Сенной и проч. Черты. 1) Рассказывает, как он был шулером. Теперь не хочет. 2) Рассказывает, что он был хорошим агрономом. 3) Безо всякого угрызения совести рассказывает, как во время помещичьего права

---

¹ О хозяйке ~ это он. *вписано на полях. Выше запись:* Да тут же, на канавк(е) в Мойке.

² *На полях запись:* Власти. А власть не соблазнила бы вас. Сек бы головы. А справедливость? Да ведь это невозможное дело. Так весь земной шар устроен. Материя и дух, должно быть равенство, из этого жизнь.

³ *Далее было:* говорит

⁴ NB. «Да вы ~ участвовал». *вписано на полях.*

⁵ NB *вписано.*

⁶ сам *вписано.* *На полях (с. 64) заметка:* NB. Рассказывает комически и с циничским смехом, как поколотил. Физическая подробность — взял за нос, ущипнул.

он двух засек, и пользовался *невинностями*.¹ 4) Что не пьет вина.² 5) Призраки Марфы Петровны. 6) Хочет жениться на 16-летней. 7) Хочет дать много денег Авд(отье) Р(оманов)не. (Отказ.) 8) Дает семейству покойной Мармеладовой денег и обеспечивает. *Неограниченная* благодарность Сони. 9) Ненависть к Лужину, не очень. 10) Любовь к Авд(отье) Романовне — оказывается, что мало любит, и сам говорит и критикует ее в глаза и смеется над ней, чем очень ей нравится.³ Впрочем, настаивает на браке, но не очень. 11) Знает тайну Раскольникова, но не говорит ему о ней (с. 65)

NB₈

и за это его уважает, в чем и высказывается.⁴ 12) Насильничание сделано нечаянно. 13) Рассказывает вдруг невзначай, как ни в чем не бывало, такие анекдоты, как о Рейслер. 14) О насильничании детей, но бесстрастно. NB.

NB (Анекдоты его ужасны. Не проговаривается. Говорит как бы нечаянно. Чрезвычайно согласен и уживчив. Весьма снисходителен. Холоден как будто, но и ужасен. *Не знает, что делать*. Хотел бы какого-нибудь ехсès.⁵ Заговорит об одном и тотчас готов разговор переменить. «А знаете, Петербург ужасен. В России еще чему-то веришь, на что-то надеешься, но в *Петербург* приехав, это уже город семинаристов и канцеляристов».⁶ Предлагает денег Р(аскольнико)ву. Рассуждает хладнокровно о всех проектах, н(а)прим(ер) о власти Р(аскольнико)ва. Верит в будущую жизнь, в пауков и проч. Не насмешлив, всех и всё извиняет, всё из цинизма отрицает, всё допускает,⁷ перенослив, *моменты черного духа*, хотел жениться на 16-летней. *Полюбил немного Соню и пользовался ее советами*. Приходил к ней проститься перед выстрелом, довольно весело. NB. (Заходил прежде к нему проститься.)⁸ NB Ни энтузиазма, ни идеала. Не дано направления.⁹

¹ *На полях*: NB. О детях и девчонках нищих. Раскольников встречает его на промысле. Описание.

² *На полях*: редко пью

³ *Далее было*: 11)

⁴ *На полях*: NB. Какое мне дело!

⁵ экссеса (фр.). Хотел бы какого-нибудь ехсès. вписано.

⁶ «А знаете ~ канцеляристов». вписано.

⁷ всё из цинизма ~ допускает вписано.

⁸ NB. ~ проститься.) Обведено справа полукруглой линией.

⁹ NB. ~ направления. Обведено справа полукруглой линией.

Зазывает Дуню без намерения и вдруг нечаянно.¹

NB. Иногда разговоры с Соней об хороших идеалах. Признается, что с ней было бы ему лучше. Говорит об этом Авд(отье) Романовне и хвалит Соню, но после, судя сам себя по бестиальным и звериным наклонностям (16-летняя и насилия), говорит, что «я неспособен».

NB Главное. Свидригайлов знает за собой таинственные ужасы, которых никому не рассказывает, но в которых проговаривается фактами: это судорожных, звериных потребностей терзать и убивать. Холодно-страстен. Зверь. Тигр.

— Жалует о потере ядов; излагает при сем нечаянно теорию. NB. Если его сильно опровергают, то он никогда горячо не защищает: не интересуется. Говорит об игре; об рулетках. Таким образом нечаянно излагает свои суждения — весьма замечательные. Видно, что он мыслит.

— NB. Он очень холодно сказал раз (вскользь совершенно) о том, что он убил человека. Что ему случилось убивать. «Мне это тоже случилось раз... даже, если строго судить, два»² (это при объяснении Р(аскольнико)ву, что знает то).³ (с. 66)⁴

Свидригайлов (продолжение)

— Весьма часто (вскользь) произносит весьма замечательные рассуждения о предметах (литературе и проч.), но не интересуясь, не удивляясь и не настаивая, даже не интересуясь своим собственным суждением.

NB. Суждение его о явлении призраков.⁵ Говорит, что призраки являются только в нездоровом состоянии, стало быть, неспособность. Неправильное логическое суждение: отчего не сказать так, что они могут только⁶ являться в правильн(ом)⁷ неоргани-

¹ Зазывает ~ нечаянно. вписано.

² если строго судить, два» вписано.

³ Между строками: NB. Он ~ знает то). — вписано: 1. [NB]. Вс(кользь)] 2. [NB]. Иногда, вскользь пр(оговаривается)]

⁴ Жалует о потере ~ знает то). записано на полях.

⁵ На полях помета: Значит, он об этом уже думал.

⁶ Далее было: в

⁷ правильн(ом) вписано.

ческом состоянии и совершенно мы с ними соприкасаемся, когда разрушается наш организм. А что здоровому не являются, так это и понятно: тут сама природа противится призракам, ибо для порядка и для полноты жизни, а более всего для порядка,¹ нужно, чтоб мы жили одною жизнью, а не двумя (за 2 зайцами),² так что тут сама природа себя защищает и отстаивает от другого мира, то есть от призраков.³ Чуть же расстроен организм, и мы способны становимся тотчас соприкасаться с призраками и с другими мирами.⁴ Так что это и⁵ правильно, что явление призраков есть признак нездорового организма, из чего, впрочем, совсем нельзя заключить, что призраки не существуют. (с. 61)

— Очень откровенен.

— Да ведь зачем иначе-то? Зачем не быть откровенным? Я ведь ничего не добиваюсь. А впрочем, при случае и я сумею надуть.

— Вы как будто этим хвалитесь.

— А вы нет, не похвалитесь?⁶ (с. 63)

Свидригайлов Раскольникову:

— Вы, так сказать, не захотели раздробиться на анализ и захотели синтезу.

— Да, из таких матерьялов создаются Наполеон(ы) (насмешливо).

Раскольников ему: Говорите, говорите.⁷ (с. 66)

Свидригайлов

Одной⁸ общечеловеческой жизнью жить нельзя. Дела нет никакого, гражданского чувства не развито. Национального чувства не развито.

— Ну а этот-то человек национальный?

— Какое! Всю жизнь над книгами просидел. На этот счет я вам любопытный анекдот расскажу, *Символ веры*.

---

¹ Вместо: для полноты ~ для порядка — было: для полноты, а более для порядка

² (за 2 зайцами) вписано.

³ от другого мира, то есть от призраков. вписано.

⁴ и с другими мирами. вписано.

⁵ и вписано.

⁶ Очень откровенен ~ похвалитесь? — вписано на полях.

⁷ Вписано на полях.

⁸ Одной вписано.

⟨—⟩ А знаете, я верую и в воскресение Лазарево.
— Боязнь эстетики — первый признак бессилия.

NOTA-BENE

К РОМАНУ

1) Его поражает потом, во всё продолжение романа, мысль: «Я хотел обеспечить себя и мать. Немецким путем было некогда. Грех и страдание я брал на себя. А между тем я с 1-го раза ничего не сумел сделать, — я не умел даже обокрасть хорошо — доказательство, что и дело это — не мое было дело, да и всё дело, весь путь был ложный. Нельзя было идти по этому пути».

2) Глава «Христос» (как «Сон Облом(ова)») кончается пожаром. — После пожара он пришел с ней проститься. «Нет, я еще не готов, я полон гордости (с. 67)¹ и фальши; я только что начинаю весь процесс переделки» — в каторге. (7 лет каторги,² смягчено, по высочайшему повелению.)

NB Свидригайлов, бежавший от Марфы Петровны, приезжает в Петербург.

NB Зосимов и Порфирий Семеныч, что-нибудь завязать. (NB³ Он свидетельство дал Раскольникову против подозрений Порф(ирия) Семеныча.⁴)

NB Соня на другое утро у него.⁵ Он не спрашивает, зачем она пришла. Сначала разговор *догматический*.⁶ Он высказывается полуфразами. «Может, и Бога-то нет». ⟨—⟩ «Мне грустно, оставим этот разговор». Об Кат(ерине) Иван(овне), что она пошла. Мечты. *Внезапное движение Сони*, подошла к нему. «Зачем вы это сделали(?)» Слезы. «Я люблю тебя» — гордый разговор.⁷

— Соня, ты не должна быть в этом положении.

---

¹ Последовательность заполнения (с. 67): 1. Nota-bene к роману ~ полон гордости (и далее на (с. 68)). 2. Одной общечеловеческой ~ признак бессилия. 3. Свидригайлов.

² Далее было начато: по (высочайшему повелению)

³ NB вписано.

⁴ Вместо: подозрений Порфирия Семеныча — было: его подозрений

⁵ Далее было: [Сна(чала)] Обо

⁶ Далее было: Мож(ет)

⁷ На полях: NB Долго не верит.

Высокомерно с ней насчет *этого* пункта.¹

НВ НЕ НАДО: Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

«Я уверен, что вы Богу промолились всю ночь». Молчание.² <с. 68>³

НВ Соня *говорит*: «Как же вы говорили вчера, как власть имеющий?» Соня идет к Катерине Ивановне и говорит: «Не берите от *него* ничего».

Пришла домой и больна стала. Тут Свидригайлов, как сосед. Знакомитс(я). Долгие разговоры у больной с Раскольниковым. Смерть Катерины Ивановны.⁴

НВ Он отделяется от сестры и матери совершенно до того, что даже не интересуется, чем они живут? (И не то чтоб не страдал от этого.)

НВ Гордость и надменность его⁵ и самоуверенность в безвинности идут всё *crescendo*⁶ и вдруг на самом сильном фазисе, после⁷ пожара, он идет предать себя.

— О любви к Соне мало; только фактами.

— Исповедь Соне, что «я сам злодей». — Сделана без особой чувствительности.

НВ. Разумихин, провожая мать, говорит, что он <с. 69>⁸ вздору ему сам сейчас наговорил ужасного (об убийстве. Об этом и говорить не надо было).

НВ.⁹ — На другое утро Разумихин, послем от матери, говорит ему¹⁰ между прочим, что он вчера много врал ему.

(*Это* у Разумихина самого созревает наконец в убеждение, что он на этой идее помешан. *Порфирий* это слышал, допрос; ничего не узнал, но факт тот: что Раскольников опровергал, что он убийца.¹¹ У Порфирия остается убеждение, что он убил. Встреча во время вихря; во сне видит Порфирия.

¹ Абзац обведен фигурной скобкой.

² Я уверен ~ Молчание. вписано на полях.

³ Каллиграфическая пропись: Ивапин

⁴ НВ Соня ~ Катерины Ивановны. обведено фигурной скобкой.

⁵ Далее было: иду(т)

⁶ возрастая (итал.).

⁷ Было: перед

⁸ Вверху страницы каллиграфическая пропись: Raphael Santio d'Urbino На правом поле: Иваши(н))

⁹ НВ. вписано.

¹⁰ Далее было: ч(то)

¹¹ Далее было: Стало быть, не убийца, думает Порфир(ий).

NB Гадкий, унижительный, мальчишнический¹ сон про то, как его ловит Порфирий.)

Разумихин приводит Заметова и Порфирия. Порфирий приходит познакомиться.² Или так: он знакомится с Порфирием где-нибудь, не зная, что это Порфирий. (с. 70)

(всё факты, без рассуждений)

NB. Холодность к матери, которая их особенно изумляет. Вся 3-я часть. Их беспокойство растет. «Помирись с нами». Ему тяжело у них, не ходит. Сначала ненависть к Соне, а потом примирение с ней. И в минуту примирения, когда и мать и сестра у Сони (новая квартира (—) Свидригайлов уступил свою), он является проститься с ней. Объявляет всем. И тут всеобщее примирение. Поручик-порох. (с. 71)

Характерная черта 3-й части.

Холодность к матери, которая их особенно удивляет.

NB. Не забыть хозяйку.

Всё факты без рассуждений.³

3-Я ЧАСТЬ⁴

ПРОГРАММА⁵

1-я глава.⁶ — Несколько загадочных слов,⁷ сказанных им сейчас после обморока. «Подойдите ближе, дайте посмотреть на вас. Так как я слаб (NB слабым голосом) и должен лечь и некогда говорить,⁸ то прямо к делу: получили ли письмо от Лужина?»

(—) Нет, только известили о приезде и всё⁹ здесь сидели.

(—) Хорошо я прогнал его.

— Как? Что?

Не отвечая на восклицания:

¹ В рукописи: мальчижнический

² Далее было: Он зн(акомится)

³ Всё факты, без рассуждений. — отмечено знаком креста (ср. ту же запись на (с. 71)).

⁴ Было: 1(-я глава) (i)

⁵ Запись «Программы» сделана ранее верхних приписок на (с. 87).

⁶ 1-я глава. вписано.

⁷ Далее было: сейчас

⁸ Над строкой: NB

⁹ Было: только

⟨—⟩ Не принимаю жертвы, и брак должен быть разрушен. Это нелепость.

⟨—⟩ Она для себя.

⟨—⟩ Этого быть не может, и потому сейчас же садись и пиши отказ.

⟨—⟩ Но какое право ты имеешь?

⟨—⟩ Слушай, или я, или он? Вот тебе ночь на размышление.

Прощайте. Ссора.

— Разумихин отводит, утешает (показать, что Разумихин уже влюблен в Дуню), отколотить.

— Ради Бога, спешите к нему. О, что теперь с ним?

— Знаете что, я сбегая и вернусь вам сказать. Забежал и к себе.¹ ⟨с. 87⟩

У матери. Мать в отчаянии. Рассказывает, как он огорчал ее прежде. Дуня несколько свысока, очнется. Письмо от Лужина.² Разумихин обещает, что ночевать будет у него, в том доме. Ночевал у Настасьи.

2-я глава. — Утро к нему. (Не приходи вечером.)³ Объяснение с Разумихиным. «Я закладывал у старухи, не хочется потерять отцовские часы. Познакомь с Порфирием». Явился как закладчик.⁴ У матери.⁵ Совет.

Идти к нему. К Раскольникову заходит Соня, посадил. Сегодня похороны.⁶ NB. С Соней разговор скептический.⁷ Вечером не приходит.⁸

(Сладить встречу с Порфирием и с Свидригайловым.) Заходит к Мармеладовой.⁹ С Мармеладовой пансион благородных девиц. Совет сходить¹⁰ к раздавившему и к генералу. Похоронный обед.¹¹

¹ Ради Бога ~ к себе. *вписано на полях.*

² Было: [Письмо от Лу(жина). Письмо от Лужин(а)].

³ (Не приходи вечером.) *вписано.*

⁴ Я закладывал ~ закладчик. *вписано. На полях заметка:* Его требуют к Порфирию.

⁵ Далее было: Письмо от Лужина.

⁶ Сегодня похороны. *вписано.*

⁷ NB. С Соней разговор скептический. *вписано на полях.*

⁸ Далее *вписано между строками:* (Приду. Наверно и нарочно приду.)

⁹ Заходит к Мармеладовой. *зачеркнуто и восстановлено.*

¹⁰ Было: Сходить к

¹¹ С Мармеладовой ~ обед. *вписано на полях.*

От Мармеладовой уходя, расстается с Соней. Свидригайлов подслушал адрес. Идет за Соней.¹ «А, это в моем доме». Свидригайлов с Раскольниковым. Хочет вознаградить деньгами. Разумихин 1000 р., а выйдет. «Я достану». — «Отчего ты так мрачен, дай взглянуть на тебя».²

Вечером у матери кончено с Лужиным. Проект жить; дядя. Смерть Марфы Петровны. «Я подозреваю, что Свидригайлов здесь».³

Порфирий и Заметов. Закладчик. «А для чего вы в квартире были?»⁴

Свидригайлов. У Мармеладовой. Похороны. Обед. Хозяйка,⁵ разговоры, советы. Говорят тоже об убийстве старухи.⁶ Сон(ю) зазывают к Лужину. Обокрала. Лебезятников лебезит и отрекается. Мармеладова в иступлении; он идет к Соне (с. 88)⁷ и говорит ей, что он убил. Свидригайлов подслушивает.

— Мать,⁸ сестра и Разумихин. Окончательная ссора за Соню. Посещение Свидригайловым Раскольникова.⁹ Разговор оригинальный. Соня у него. «Может, и Бога-то нет», склоняется к нему.¹⁰ Предостерегает Катерину Ивановну.¹¹ Катерине Ивановне ничего не дали. Болезнь Сони. Больная ночь, чтоб добыть денег для Катерины Ивановны. Катерина Ивановна узнает, что Соня больна. Сумасшествие Катерины Ивановны. Соня бежит в квартиру, ушли на улицу. Сумасшествие и смерть. Свидригайлов является¹² мельком. Обещается Соне помочь. Болезнь Сони.

Идет к Заметову и объявляет, что и у него тоже есть вещи заложенные. К приставу. Работник винится — допросная сцена. «А почему вы были в квартире?»

¹ Было: к Соне

² Вместо: Свидригайлов с Раскольниковым ~ на тебя». — было: а. Начало: Вечером у м(атери) б. Как в тексте. Далее зачеркнуто: Не могу трудиться, надо капитал, говорит Раскольников. Я ничего не могу сделать. Я не могу работать.

³ Смерть ~ здесь». вписано на полях.

⁴ Порфирий ~ были?» вписано.

⁵ Далее было (не вычеркнуто): Об

⁶ Говорят тоже об убийстве старухи. вписано.

⁷ Вверху страницы каллиграфические прописи: 1. Raphael 2. Raphael Sanctio 3. Raphael Sanctio d'Urbino

⁸ На полях помета, по-видимому, предполагающая перестановку внутри абзаца: 2) (см. ниже примеч. 11).

⁹ Было: Свидригайлова к Раскольникову

¹⁰ «Может ~ к нему. вписано.

¹¹ На полях помета: 1) (см. выше примеч. 8).

¹² Было: появляется

Свидригайлов у Сони.

Соня у Раскольникова, «для чего вы это сделали(?)», входит Свидригайлов к Соне.

Не после ли сцены с Соней, вдруг Свидригайлов, а потом Порфирий. Он с Заметовым и Раскольниковым лжет при Соне и при Свидригайлове — — —

NB. 4-я часть. Свидригайлов. Разговоры, с Соней. Отчаяние его. Преследует Порфирий, отказывается от матери. в 5-й вихрь.¹ (с. 89)

У Порфирия. Познакомились. Разговор, о чем спорили на вечере. Выпытывает мысли. Раскольников догадывается, в ударе. О работнике. О разных предметах. О преступлении, о власти рутины и исключения и проч. Выходит и хохочет.² (Разумихину: «А ведь он меня допрашивал».) «И вдруг³ мещанин показание сделал, что приходил кто-то. Ведь это я был».

NB. В разговоре с Соней: «Я не хочу им добра; я не для добра, я для власти».

— А добро делаете.

— Я чтоб власть, чтоб делать добро, нужна прежде власть. Что, хорошо, что ты так ходишь по улицам(?) Полечка тоже пойдет. Я не хочу проходить мимо и молчать... Для всех надо закон, а для избранных нет.⁴ За грех страдание. (с. 90)

Nota-bene (важное). Порфирию был донос (но уже на третий день)⁵ от мещанина, что он вчера был на квартире убитой. Между тем Заметов рассказал ему о разговоре и сцене в Хруст(альном) дворце и выказал энтузиазм к Раскольникову, а вместе рассказал и об обидчивом состоянии Раскольникова и проч. Это парализовало донос. Потом узнали о смерти Мармеладова и о роли там Раскольникова. Это еще больше парализовало. Но сомнения остаются, и Порфирий⁶ не знает, что

¹ Свидригайлов ~ в 5-й вихрь. *записи на полях. Вверху и внизу страницы каллиграфические прописи: 1. Raphael (дважды) 2. Raphael Santio (трижды) 3. Raphael Sanctio*

² *Далее было: А в(едь)*

³ *И вдруг вписано.*

⁴ *На полях заметка: в виде разговора желчного, едкого и с умолчаниями, т. е. как бы нехотя.*

⁵ *Над словами в скобках: NB?*

⁶ *Далее было: в виде знакомств(а)*

делать, как вдруг входит сам Раскольников. Показание работника. Разговор Порфирия с Раскольниковым о споре у Разумихина. Решение Раскольникова. «Почему вы заходили к мешанину?» — «Ей Богу, не знаю». — «А признайтесь, что вы меня хотели экзаменовать». Расставание двусмысленное и холодное.

(NB. Ловчее.) (с. 91)¹

NB. Раскольников, проснувшись на другой день после встречи с матерью,² соображает, что он вчера накутил и проговорился, как разговор с Заметовым в его пользу обратился, но то, что он был в квартире старухи, может дойти, потому что он фамилию свою сказал. Стало быть, всё это надо поправить.

Показание работника на некоторое время сбивает и останавливает Порфирия. Ихним же топором и убил. Да, в кухне действительно был топор. Только топор отыскался покойно лежащим. «Я вытер и положил».³

NB. «Почему вы были в той квартире?» Этот вопрос Порфирия был предложен при Соне, при Свидригайлове (который, войдя, тотчас познакомился с Соней и удержал ее), но только что она хотела выйти — вошли Порфирий и Заметов, который ее знал и остановил с Разумихиным, и (с. 92) Заметов стал расспрашивать о Мармеладове. Она осталась. (Весь разговор с Порфирием и проч.) Те ушли. Подозрения Порфирия рассеялись. (Раскольников на вопрос: почему были в квартире, — отвечал, что он едва помнит (а тут же и Зосимов), что после разговора с Заметовым в Хрустальн(ом) дворце ему вдруг померещилось, что часы его пропали. Тут он вдруг обратился к Зосимову и стал описывать психологию этого положения и вышел молодцом.)⁴ NB. Раскольников хоть и не объяснил тему разговора с Заметовым, но наверно знал, что Порфирий его знает.⁵ — ((NB.) Разумихин утром объявил Раскольникову, что Порфирий знает о том, что он был на квартире старухи. Разумихин пришел раньше их и очень удивился их приходу, а те (—) что его встретили. «Как же вы сказали, что не сюда пойдете, как

¹ Внизу страницы каллиграфическая пропись: Сиро(ты ѿ)

² после встречи с матерью вписано.

³ На полях: А заклад? Запись, возможно ошибочно, соотнесена значком со словами: Ихним же топором и убил.

⁴ ему вдруг померещилось ~ вышел молодцом. вписано на полях внизу страницы. На полях помета: Зосимов поддерживает.

⁵ NB. Раскольников ~ его знает. — Было заключено в круглые скобки, завершающая зачеркнута, открывающая оставлена.

же вы сказали, что у вас дома дело?» Раскольников тотчас смекнул *qui pro quo*¹ и принял самый иронический вид.)²

Когда все ушли, Соня встала (с. 93) вдруг бледная и шепнула ему:³ «Это ужасно, это нечестно, нет, это страшно», и ушла к Катерине Ивановне. Тогда он обратился к Свидригайлову: «Ну чего вам надо?» Разговор с Свидригайловым. Загадочные вставки того. Девушка, отдавшаяся за 10 р., рассказ Свидригайлова, и утопившаяся.⁴ (Пошел к⁵ Соне, *нет дома*, бродит ночью, ее находит на улице. Та, чтоб добыть.)

Зашел к матери, хотел быть добрым и был очень зол. Грустный. «Не могу, не хочу, оставьте меня».

— Надо взять верх! — деспотические и резкие слова, ушел от них.⁶

Между тем Соня пришла к Катерине Ивановне: не берите! А та рассказывает, как она была у тех и у тех и хочет идти к Раскольникову: Соня ей: не ходите к нему. Мармеладова начала с ума сходить. Соня побежала достать⁷ на улице. Ее ночь (встреча: *Ich mache ein Kreuz*⁸). Встреча с Раскольниковым; бежала от него; догоняет. Несколько слов; она в отчаянии. Встреча с Катериной Ивановной; сцена на улице.⁹ (с. 94) (Катерина Ивановна им рассказывает всё: и о пансионе и *ne parlez pas Russe*.¹⁰ Сумасшествие. Кашляет.¹¹ И пляшет, и всё.) Смерть Катерины Ивановны у Сони. Свидригайлов дает деньги. Он у Сони.

⟨—⟩ А вот я как благородный пансион заведу.

Схватила камень, бросила в окно и убежала.

---

¹ путаницу, недоразумение (лат.).

² Вверху страницы заметка: NB??? Как сделать приличнее и складнее, что Порфирий сам приходит к Раскольникову. Нужен чтоб был случай, предлог и чтоб Порфирий с радостью ухватился за предлог, чтоб побывать у Раскольникова. Раскольников был [зара(не)] накануне у Порфирия, не застал дома.

³ Вместо: шепнула ему — было: сказала

⁴ Девушка ~ утопившаяся. *вписано на полях.*

⁵ Далее было: Катерине Ив(ановне) *Над строкой начато: нет*

⁶ Зашел ~ от них. *вписано на полях.*

⁷ Далее было: кусо(чек)

⁸ Я крещусь (нем.).

⁹ Далее было ((с. 94—95)): Смерть Катерины Ивановны у Сони.

¹⁰ не говорите по-русски (фр.).

¹¹ Сумасшествие. Кашляет. *вписано.*

〈—〉 Для похорон купили башмачки. Не с босыми же им ножками ходить?

〈—〉 Сапожки я ниткой зашью и зачерню чернилами.¹

Дети, увидав Соню, бросились к ней с криком.

— *Ничего не дают.* Чем же я их накормлю, мне не дали талантов, ничему не учили.

— Ну, несите меня.

(Кровь хлынула вдруг.)²

НВ. *Мать* ему: Помирись с нами; у тебя такой вид...

— Какой у меня вид! У меня такой вид, какой ему следует быть. Не говорите мне об виде(!)³ — Не спрашивайте о здоровье. Ничего нет неприятнее, как вопросы — об виде и об здоровье.⁴

НВ. Разумихин говорит, что ему Заметов шепнул, что Порфирию сделан донос, что Раскольников был в квартире. «Но Порфирий мне ни слова об этом: хитрейший человек».

НВ. Разумихин ему: «Родька, веришь ты в предчувствия?» Ну а я верю. Почему меня тянуло связаться с тобой?»

«Я верю» (влюблен). (с. 95)⁵

НВ. Дуня приходит к нему одна с объяснением. «Ты путаешь мать, ты измучил мать».

Его ответ страшно фантастический, сумасшедший, «не могу с вами — выходи за него».⁶

НВ. Так как Дуню и мать⁷ тревожит он, а Разумихина прогнал и от них совсем отказался, то они и стали засылать его к Соне, и мать пошла к Соне. Дуня за это рассердилась (но потом⁸ тоже

---

¹ Для похорон ~ чернилами. Обе записи отмечены одним и тем же корректорским значком «абзац».

² Дети ~ вдруг.) записано на полях.

³ В автографе — вопросительный знак, после которого знак:

---

⁴ Текст: НВ. *Мать* ему ~ здоровье. — обведен на полях фигурной скобкой и обозначен цифрой 1.

⁵ Вверху страницы каллиграфическая пропись: Raphael Santio d'Urbino (с. 95—134, 146—149) имеют авторскую (позднейшую) нумерацию: (1—44).

⁶ Его ответ ~ за него». вписано, с корректорским значком «абзац».

⁷ и мать вписано.

⁸ Было: мать

пошла). Тут-то и подмазался Свидригайлов. Сцена. Насилие. Спасение от насилия. А тут пожар. Он спасает. Прощается со всеми и предает.

NB. Не забыть хозяйку.

NB Главное:

NB. Не забыть, что на другой день Разумихин весьма серьезен и не словоохотлив по многим причинам. 1) Дуня и вчерашние воспоминания. 2) Лужин, вместо: «раздавлю Лужина» — отношения достойные как относительно Дуни, так и относительно Лужина. (с. 96) 3) Чрезвычайно озабочивает его, что он вчера, спьяну, проболтался Раскольникову о подозрении его в убийстве. 4) Тихие и загадочные¹ слова Разумихина Раскольникову о предчувствиях.

И НАКОНЕЦ:

NB. Раскольников припоминает утром, что он очень накутил и дал важную улику (посетил квартиру).² Говорит Разумихину о часах и колечке. Тот идет к Порфирию. По допросу, весьма вежливому (как оба знакомые) (говорят о разных вопросах, бывших у Разумихина и насчет *рутины* и *избранных*) — Раскольников догадывается, что Порфирий знает о разговоре в трактире с Заметовым и *ценит* этот разговор. Шутка — шуткой, а между тем отбирает от него показания серьезно,³ на бумаге. (Но о разговоре с Заметовым он хоть и знает, и дал знать, но не говорил.)⁴

В 3-й части работник еще не сознается (с. 97), а только разве в самом конце 3-й части.

Мещанин же дал показание о посещении Раскольниковым дома в конце 3-й части, так что читатель предчувствует, что об этом пункте будет в 4-й части.⁵

¹ и загадочные *вписано*.

² (посетил квартиру) *вписано*.

³ серьезно *вписано*.

⁴ В рукописи *закрывающая скобка отсутствует*.

⁵ Рядом с абзацем на полях и между строк (над фамилией героя) *вопросительные знаки*.

NB

(В 4-й части)

В четвертой части Раскольников обыскивают, отбирают от него серьезные показания (взять не решаются).¹

NB

Украла

Петр Петрович просит Лебезятникова позвать Соню, дает 10 р. и тихонько сует в карман *серию*. Лебезятников видит, как будто что-то сунул. Как благородный. Украла серию.² Лебезятников отреагирует. (с. 98)

NB. Разумихин во 2-й главе³ кричит Р(асколько)ву:⁴

— Если ты сам говоришь, что она для тебя одного выходит, так разве ты можешь с ней таким языком говорить? Ты деспот и мучитель. Это не мое дело, конечно. Я вчера был пьян и врал, и сегодня решился молчать, потому что мне стыдно, но я не могу молчать.

NB. Разумихин с необыкновенным уважением говорит с дамами о Лужине на другой день и обходится с Лужиным. Он понял, что ему неприлично было вчера ругать Лужина, потому что он сам влюблен, а следственно, Лужин ему соперник.

NB. Разумихина Дуня особо просит быть вечером на чае, и это для того: чтоб, объясняя его присутствие Лужину, сказать, что «г-н Разумихин⁵ очень нам много сделал услуг, и без него мы, внове, совершенно пропали и потерялись бы...»

— Я не мог вас встретить, — заметил Лужин.⁶ (с. 99)

NB. Заносчивые слова Раскольникова, когда прогнали Лужина. «Люди (—) пигмеи, надо властвовать. Для цели, я бы не

---

¹ Абзац заключен в фигурные скобки.

² Вместо: Лебезятников видит ~ серию. — было: Лебезятников видит. Как благородный.

³ В журнальном тексте — глава II второй части (апрельский номер «Русского вестника»); в окончательном тексте — глава II третьей части.

⁴ Было: ему

⁵ Над строкой: Дм(итрий) Федор(ыч)

⁶ Текст: NB. Разумихина ~ Лужин. — на полях обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой 5 (та же цифра вверху страницы). Внизу страницы каллиграфические прописи: 1. Ich 2. Иисус

остановил⟨ся⟩, конечно, на месте моем, Дуня, выйти за богача, но ты не должна, и Лужин не стоит того».

NB. «Я совершенно неправильно судил, Дуня. Выходи, забирай богатство и властвуй».¹ Сестра удивляется этим мыслям.² Дуня противуречит: как ты изменил⟨ся⟩, Родя.³ Он не удостоивает объяснения. «Да, переводы — хорошо. Это первый шаг. Они дадут первый кусок хлеба, жалкий, но дадут».⁴

NB. (Драгоценный вопрос)

NB. При вопросе Порфирия — он как бы невзначай спрашивает:

— Когда вы проходили по лестнице, не заметили ли вы красильщиков в квартире⟨?⟩⁵

— Да, я (что-то пронзило Раскольников) никаких, все квартиры были заперты. Из одной выносили только мебель наверх.⁶

— Да ведь это не тогда, — вскричал Разумихин, — это в день убийства красильщики.

— Ах да! Извините. Нет, я потому, что никто не видал их, и этот бедный красильщик. ⟨с. 100⟩⁷

— Раскольников понял, что он его хотел сбить. Разумихин удивилс⟨я⟩ и разозлился потом.

Капитальное NB

Порядок такой:

1) Сначала Порфирий допрашивает о пустяках.

¹ NB. «Я совершенно ~ властвуй». вписано на полях.

² Далее было: Да, перево⟨ды⟩

³ Дуня ~ Родя. вписано.

⁴ Текст: Для цели ~ дадут». — на полях обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой 6.

⁵ В автографе: квартире —

⁶ На полях вариант:

⟨—⟩ А вот только помпо загородили...

⟨—⟩ Что загородили?

— Солдаты...

⟨—⟩ А, так вы уже, стало быть, знали, что квартира напротив пуста будет...

— Да, тут и узнал...

— Эх, напрасно я об этом заговорил, срезался.

⁷ На верхнем поле страницы каллиграфические прописи: 1. Raphael Santio 2. Ich d

2) Затем донос мещанина. Порфирий арестует.

3) Он под арестом. Любовь Дуни и Разумихина.¹ Насилие Свидригайлова. Дуня узнает, визит к Соне.

4) Мещанин показывает на себя. Он изучил обстоятельства. Сначала пугается, но потом поправляется.

5) Между тем за Раскольниково хлопчут. Его выпускают из-под следствия.

(NB. Это можно ли сделать?) (с. 101)

NB

NB. Раскольников о покойной хозяйкиной дочери: «Она больная такая девочка была и нищим любила подавать, и такая приниженная, смиренная, об монастыре мечтала и залилась раз слезами, когда мне об этом рассказывала.² Право, не знаю, за что я полюбил ее, за то, кажется, что больная была. Право, если б она еще была хромая или горбатая — я бы ее еще больше, кажется, полюбил. Такой бред весенний был».³

— И не дурна⁴ собой была?

— Нет, — так, — разве в молодости кто-нибудь дурен? Ну да черт ли об этом!

⟨—⟩ Я это понимаю, — сказала Авдотья Романовна, — ты эксцентричес⟨кий⟩ и особенный человек, брат. Ты не нам чета.

— Ты думаешь? — спросил Раскольников. — Ну да черт ли, Дуня, я должен у тебя попросить извинения, вчера... Но я остаюсь при тех же намерениях.

— Я знала это.⁵

NB NB и еще один только раз упомянуть об этом:

NB. У него портретик на слоновой кости невесты (Зарницыной). Поцеловал его перед тем, как идти в каторгу. Отдает Соне.

«Она мне тебя напророчила».⁶

---

¹ Любовь Дуни и Разумихина. фраза начинается открывающей скобкой.

² и такая ~ рассказывала. вписано.

³ Между строками: Нет, это не бред весенний. Оставьте, у меня это всё как отреза⟨но⟩, точно на том свете было.

⁴ Место: И не дурна — было: Хороша

⁵ Я это понимаю ~ знала это. вписано на полях. Запись ниже: Дуня: тут дело должно одним разом решиться.

⁶ Отдает ~ напророчила». вписано на полях.

NB

Не забыть

NB. Мать ему: «Мы и поговорить с тобой не успели. Мне надо. Мне надо знать тебя за все эти годы. Ты мой... Отчего ты уклоняешься?..» (с. 102)

23 февр(аля).

NB.

{—} Когда я был?¹ Дни за два до смерти я был, кажется...

{—} Вот почему это тебя так и поразило.

— Да, но тут забота чисто эгоистическая. Дело в том, что эти часы хоть и ничего не стоят, но они отцовск(ие), и я бы не желал, чтоб они пропали. Кроме того, колечко Дуни... Я,² признаюсь, так заботился...³

— То-то об цепочках, да об колечках каких-то, да о браслетах и в бреду толковал...

Раскольников усмехнулся. «Так я скажу проще».

Разумихин ушел.

Раскольников один: «Ведь вот этот, пожалуй, — подумал он, — за меня на распятые пойдет,⁴ а ведь очень рад, что разъяснилось, почему я об колечках да об цепочках во сне бредил. Уж не заползала ли и к нему эта мысль, несмотря на то что он Заметова из-за меня⁵ за волосенки выдрал. Чего доброго! Гм».

(И обратился к Соне. Вышли.)

NB. По поводу часов — пошли к Порфирию, а (у) Порфирия Заметов. Разумихин: «Разве вы знакомы(?)» Заметов сконфузился. Порфирий о том, что это, конечно, из высшего обществ(а). Раскольников разгорячился.

{—} Так вы завтра это по форме.

{—} Я вам и повестку пришлю.

— Это пустяки.

{—} Нет, ведь вы можете быть свидетелем.

¹ Когда я был? *вписано.*

² Было: Мне

³ Далее было: что

⁴ Против слов: Раскольников один ~ пойдет — пропись: Он

⁵ из-за меня *вписано.*

— Вот ведь этот работник; кстати: не видали ли вы... Мамонов?² и проч.¹ — (с. 103)

НВ. — Когда Раскольников заговорил о часах, Разумихин начал было поспешно свои объяснения — фу, какой вздор!

— Но у Порфирия Раскольников рассказывает откровенно о вопросе Ильи Петровича.²

НВ. — Кажется хорошо! — говорит он, когда вышел. — Осилено!

Порфирий судит о сцене между Заметовым и Раскольниковым в трактире:

— Зачем так шутить. *Ne touchez pas à la hache.*³

НВ Психологическая черта

НВ. Он у матери, или где-нибудь, или идет по улице, и вдруг бросает всё, бежит домой и в угол, к обоям, в дыре: не осталось ли там как-нибудь, не забыл ли он как-нибудь какой-нибудь *вещи*, когда вытащил⁴ тогда из дыры, чтоб идти бросить?

О мещанине

Он боится мещанина. Тот встретился и кричит ему: «Убийца!» Сновидения. (Хочет убить мещанина.)

Мещанин делает показание почти накануне ареста. Раскольников мастерски справляется с этим. (с. 104)

Встреча с Кохом (фантастичнее)

— А, так это были вы? «А ну, как он по голосу узнает? Нет, ведь я ничего не говорил».

¹ На полях запись: Раскольников вслушивался внимательно в вопрос Разумихина: зачем здесь Заметов? Его это раздражило.

² Далее было: — А впро(чем)

³ Не прикасайтесь к топору (фр.). Порфирий ~ *la hache*. вписано на полях. Вверху страницы дважды каллиграфическая пропись: *Colombina*

⁴ Было: спрят(ал)

NB?

— На другой день после трактирного разговора (Palais de Cristal) у Заметова переменяются вдруг мысли, с самых пустяков, с того именно, что Раскольников, говоря ему об убийстве старухи, говорил очень серьезно, и сам был бледен, шевелил губами и дрожал. Только он некоторое время еще не высказывает эту мысль.

NB

¹Когда он открыл всё Соне, — он отнюдь не сказал ей: «не говори никому». Ее поражает эта мысль: значит, высоко ее чтит. Ей же как бы легче.

Он говорит Соне: «Меня ищут». Та пугается.

— Как же ты² сейчас только умоляла меня донести на себя?

Отв(ечает): «Лучше донести самому. Есть разница». — «Какая?» — «Большая».³ У Сони привычка какое-нибудь слово говорить. (с. 105)⁴

NB!!!⁵

⁶В тоске он *пришел как-то к матери*, когда Дуни не было, целовал ей ноги, плакал, рыдал и ушел, ничего не объяснивши.

Лужин на вечере

— Объяснение за эти слова. «Вы передали(?)»

— Я передала их, как поняла. Не знаю, как передал вам их Родя. Может быть, он что-нибудь преувеличил...

NB — Без ваших слов он не мог преувеличить.

— Петр Петрович, — с достоинством сказала Пульхерия Александровна, — доказательство тому, что мы не приняли Ваших только⁷ слов в очень дурную сторону и доверились Вам, то, что мы здесь.

¹ На полях знак абзаца.

² Было: вы

³ В рукописи: Какая? большая?

⁴ Каллиграфические прописи: 1. Colombina 2. Colomba 3. Вселенский

⁵ На полях запись дневникового характера: Непременно. Москва 7-го сент(ября).

⁶ На полях знак абзаца.

⁷ только вписано.

— Это вы хорошо сказали, маменька, — заметила Дуня.

— Стало быть, я во всем виноват, — обижался Лужин.

〈—〉 И вы наслетничали на меня в вашем письме?

— Извините, сударь, я исполнил просьбу вашей сестры и матери, которые, когда я уезжал, не надеясь скоро отправиться, просили от меня немедленно письма, с отчетом о том, как я вас нашел и какое вы на меня произвели впечатление. Что же касается до описанного в письме моем, то найдите хоть одну строку несправедливую, — т. е. что вы не истратили денег и что в семействе этом, положим несчастном, не было недостойных лиц.

— Недостойных? Кто же?¹ Мизинец и т. д.²

1000 руб. от Марфы Петровны.

Завещание Марфы Петровны. Она не успела, но заявила Свидригайлову, и тот настаивает, чтобы приняли. «Справьтесь, весь город знает, что она хотела вам оставить».

NB

«Разве ты не видишь, что я должна за него выйти, Родя(?)»

— Или вечером Лужину она: «Вы знаете,³ что я должна теперь выйти за вас».

Когда ушел Лужин: «Маменька, я положила за него выйти. Я решилась давеча. Но разве это было возможно, — вы видели».

— Как не видала ты этого раньше? — сказал брат. (с. 106)⁴

У него

Зосимов при(шел).⁵

〈—〉 Мы ни о чем не переговорили, Род(я). Мне так много хоте(лось) сказать.

— Успеем, маменька.

¹ Кто же? вписано.

² И вы наслетничали ~ Мизинец и т. д. вписано на полях. На полях заметки: 1. издержал 2. Ра(скольников). «Дуня, тебе не стыдно?» — «Я видела по-настоящему всего один только раз Петра Петровича, но — ты прав, мне стыдно». Вместо фамилии героя ошибочно написано: Разум(ихин).

³ Было: понимает

⁴ Каллиграфические прописи: 1. Круковский 2. Печаткин 3. Colombine

⁵ Зосимов при(шел). вписано.

Дуня смотрит: «Неужели у тебя нет какого-нибудь нежного слова, чтоб отпустить его(?)»

НВ. Я непременно приду, — сказал Родя.

— Так и надо, — сказала Дуня.

— Ну уж как вы решили,¹ значит, так тому и быть; а мне и самой лучше; не люблю я этак притворяться да лгать, а будет(е) правду говорить. Только я все-таки, Дуня, боюсь... Ты знаешь что?

— А я, маменька, не боюсь, — сказала Дуня.

НВ. Вашего ангела (Настасья нафискалила).

НВ. А немецкий язык² в совершенстве знаю.

НВ. Вдумчиво.

⟨—⟩ Как же ты мне раз сказал, что не знаешь.

⟨—⟩ А, да, черт, правда, это я так сказал тогда, соврал.³

Я знаю.⁴

— А зачем вы солгали?⁵ (Дунечка)

— Да так.

— Нет, для чего(?)

— Да так, не стоит говорить.

— Нет-нет-нет, — зачем?

— Ах, Боже мой, вот женское-то любопытство, да для чего это вам, мы об деле говорим, а вы,

— Так я хочу узнать, при каких случаях вы лжете, при каких говорите правду.

— А вы интересуетесь?

— Да...

— Это он для того тогда, — сказал Раскольников, — чтоб убедить меня взять перевод и деньги за него вперед и чтоб я думал, что я еще⁶ ему одолже(ние) делаю и тем помогаю.⁷ ⟨с. 107⟩

— А знаете, работник сознался — в этой части.⁸

¹ Было: решили оба

² язык вписано.

³ Вместо: черт ~ соврал! — было: это я так сказал, соврал

⁴ Как же ты ~ знаю. вписано.

⁵ Было: соврали

⁶ Далее было: имею

⁷ Это он ~ помогаю. вписано на полях. *Каллиграфические прописи:* 1. Кирсанов (полностью и дважды сокращенно) 2. schisme (фр. раскол) (полностью и сокращенно).

⁸ В рукописи между этой и следующей строками — знак абзаца.

НВ. На вечере у Лужина вдруг он остановился как пронзенный в разговоре. Он вспомнил, что мещанин был из того дома.¹

НВ. С работником ведь ничего не может быть, думал Раскольников.

— Соня напоминает ему об работнике.

НВ. Раскольников следит за мещанином неоднократно.

〈—〉 Скажи, как ты жил всё это время?

〈—〉 Наговоримся, маменька, разом никак нельзя... Вот кончим сначала это.²

Капитальное и главное

Никогда ни одного слова не было произнесено о любви между ними; но Соню, кроме того, что она влюбилась в него еще в вечер смерти отца, с первого разу поразило то, что он, чтобы успокоить ее, сказал ей, что 〈с. 108〉³ убил, след(ственно), до того ее уважал, что не побоялся ей открыться совсем. Он же, не говоря с ней о любви, видел, что она ему нужна как воздух, как всё — и любил ее беспредельно.

В разговоре он даже ей говорит (на другой день):

— Я вас уважаю.

— Я это знаю, разве вы пришли бы ко мне. Вот почему и мне показалось, что мне непременно надо к вам прийти и быть около вас.

НВ (Отец Мармеладов говорил ей о встрече с ученым студентом и много о нем рассказывал. Тоже Катерина Ивановна.)

Милые и трогательные рассказы Сони, как отец приходил к ней и рассказывал, как он говорил с одним ученым студентом.⁴

НВ Соня читала книги. Давал Лебезятников.

〈—〉 Може(шь) ты с ним помирить(ся)?⁵

---

¹ Абзац обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой 14 (та же цифра вверху страницы). Рядом помета: (всё в 3-ю часть и работник)

² Скажи ~ сначала это. вписано на полях. Обведено фигурной скобкой и обозначено цифрой 14 (ср. примеч. выше).

³ Каллиграфические прописи: 1. Благополучие 2. Благос(ловение)

⁴ Милые ~ студентом. приписано позднее, с отнесением (проведена линия) к словам об «ученом студенте» в предыдущем абзаце.

⁵ В рукописи: Может ты с ним помѣрить(ся)

〈—〉 Нет. Неужели ты его не понимаешь?
— Как это молодо, Родя...¹ 〈с. 109〉²

NB Капитальное

— Что мне в том, что будет дальше (проговаривался Раскольников Соне). Теперь-то возможно ли жить? (проходить мимо всех этих ужасов, страданий и несчастий хладнокровно не могу. Власти хочу).

В 3-й части.

〈—〉 Что ж вы выиграли, убив старуху(?)

— *Это глупость была,* — говорил Раскольников. — Я и денег не успел взять. *Даже и не глупость, а стремление.* Во всем этом идея созрела — вот чт(о) важно.

— *Какая идея?*

— *Пойдем вместе и т. д.*

Дуня в 4-й части.

— *Брат, нужна я тебе!*

— *Оставьте меня одного.*

— *Придешь?*³

— *Да,* — 〈с. 110〉

Соня в V-й части.

— *Есть ли на вас крест? Натe, кипарисный — крест.*

NB. 〈—〉 Следует написать по форме в полицию о ваших вещах,⁴ вам это там сделают.

А между тем он не написал просьбу в полицию.⁵

NB

Мать Дуне: «Он и ласков с нами, но как будто „отвяжитесь только от меня”».

¹ *Може(шь) ~ Родя... вписано на полях.*

² *На верхнем поле каллиграфическая пропись: Писаренко*

³ *Далее было начато: Не будь дома*

⁴ *Далее было начато: и т(ам)*

⁵ *На полях корректорский знак «абзац».*

NB

NB. Лужин обещался Катерине Ивановне выхлопотать пенсию, и та воспламенилась, а потом: «сама пойду». Пришла — их гонят.

У Сони.¹ <с. 111>

Не могу дотронуться до семейства. Как я их любил! Мать, сестру теперь как будто уж и не люблю. Я знаю, что не люблю. Мне тяжело с ними. Как буду обнимать я женщину, которую полюблю. Разве это возможно? Что если б она знала, что обнимает ее убийца. Она должна это знать. Она должна это знать. Она должна быть *такая*, как я... Я давеча поцеловал мать.

Сумма улик? Да где же она, сумма улик? От всей суммы улик отболтаюсь.

Ну как я буду говорить. Ну с кем я буду говорить. Нет, я этого не рассчитал.

NB. Лизавета?² Бедная Лизавета! А почему я об ней с тех пор ни разу не подумал? Точно я и не убивал ее. — Убивал! Как в самом деле это страшно.

NB

Еще то, что Заметов ничего о вчерашнем, о Хруст(альном) дворце не упомянул (у Порфирия).

(Старуха — глупость. Я сделал глупость.)

NB

NB. Женщина всегда только то, чем мы сами хотим ее сделать.³

NB. Ему надо было вдумать в свое положение. Утром не давали.

---

¹ У Сони. помета на полях.

² Далее было: 1. Об 2. Лизавета!

³ Обведено фигурной скобкой и обозначено цифрой: 18 (та же цифра вверху страницы).

И я имел несчастье поссориться с весьма достойным человеком, что расстроило свадьбу моей сестры.

Давеча Дунечка поклонилась ей — в восторг пришел. А потом — забыл. Чего! чего?

NB. (Никогда, никогда мне не *говорить* с людьми.)

Один вечером.

«Как, однако же, мне теперь тяжело говорить с людьми. Глупости!»

— Странно, я их так любил издали, а вот вблизи точно не люблю.

— Неужели у меня кончилась вся любовь к ним, когда они приехали(?)

Чуть-чуть жены (?)

(«И как мог я поцеловать мать¹ давеча», — думал он).

Ни с кем никогда не говорить и никому не сообщать своих мыслей. Потому что ведь это не разговор теперь. Разве я могу об чем-нибудь говорить искренно(?)

— Хорошо, что за сумасшедшего считают.

— Бог знает какими путями узнается преступление.

— Нет, дурак или сумасшедший только рискует на преступление. Лучше уж делать легальные преступления, т. е. прямым подлецом.

— Вчерашние промахи надо поправить.

Сегодня у Порфирия я прикинулся болтуном.

Незначайные случаи.

Какой *откровенный* Порфирий.

NB. Вошли к Порфирию с таким хохотом — да разве это штука невероятная?

¹ *Было*: ее

Дуня высокомерна. Она и того сознаться не хотела сегодня, что для меня выходит, а ведь, видимо, уже сама решила разлад. А впрочем, мне давеча приятно было с ней помириться.

Я этого не люблю. Ничего тут нет особенно благородного. Я деспот — всех ненавижу. <с. 112>¹

NB

Удивляюсь, Дуня, как могла ты все-таки этого человека за честного считать, после низкой клеветы о том, что я не Катерине Ивановне отдал.

NB. Капитальная новость

Порфирий.

— А знаете, это даже хорошая бы уловка преступнику, — сказал Раскольников: — сознаться в своем преступлении и тут же врать и путаться...

— Э, да у вас идеи! — сказал Порфирий.²

И вдруг при прощании: — Знаете, что я вам скажу, — как-то особенно смотря на него: — идеи у вас преостроумные, но вот беда: всё бы это было хорошо, если б человек был вроде машины или если б, н(а)пр(имер), управлялся одним рассудком. Рассудок <—> славная вещь. Рассудок может такие фокусы загадывать, что где их угадать какому-нибудь бедному следователю. Но видите ли: натура не выдерживает — вот это-то следователю и помогает. Человек отлично солжет — тут бы и триумф, а он вдруг³ в обморок упадет. Фокус подведет удивительный, а сам побледнеет али денег не досчитается. Вы человек молодой и, как водится у молодежи, натуру ни во что считаете — один ум уважаете... Что вы нездоровы, что ли, как будто бледны немного?

---

¹ Вверху страницы помета: NB. См. стран(ицу) NB³. Этим знаком помечена в тетради (с. 61). Записи на (с. 112) носят разновременный характер и большей частью сделаны как приписки на полях и между строк. В верхней части (с. 112) каллиграфическая пропись (дважды, первая по написанию зачеркнута: Itinéraire (фр. путевые заметки)).

² Далее было (осталось незачеркнутым): Заметов улыбнулся.

³ Было: а вдруг сам

— Нет, не беспокойтесь, не беспокойтесь, — и захохотал.¹
Порфирий Петрович сам засмеялся.

Заметов переглянулся.

⟨—⟩ До свидания-с.

⟨—⟩ Лучше арестуйте меня.

Порфирий смотрел на него молча:

⟨—⟩ Да так ведь и будет, и даже сегодня же-с.

⟨—⟩ Эх, вы убеждены-то как, да надоело это мне всё.²

NB

Порфи(рий). NB. Скажите, статья в «Ведомостях» *ваша*?
Или учиться, или писать?

Главное, Обзорение

Порфирий. Идея Порфирия,³ что много преступников было (между прочим и работники), и Кох и Пестряков могли быть и⁴ Раскольников даже, и что это всё ловко разыгранная комедия.

NB? Порфирий не говорит посетителям о том, что работник сознался.

Порфирий расспрашивает. NB. О Мармеладовских деньгах.

Как я не лобло эту старуху, теперь, теперь особенно после *того*. Простить не могу.⁵ Я бы ее другой раз, может, убил, если б ожила.

Порфирий ему: знаком вам Лужин?

NB (Непреренно интрига Лужина.)

На восьмом часу сбил меня крепко, нечаянно, не сказать в 8-м, так в котором.

---

¹ Далее было: До св⟨идания⟩.

² И вдруг ~ мне всё. *вписано на полях*.

³ Порфирия *вписано*.

⁴ Далее было: студ⟨ент⟩

⁵ *Над строкой*: Ни за что не прощу.

Про сцену с *Заметовым* в трактире. — Да побледнеет-то уж очень натурально.¹ <с. 113>²

Порфир<ий>.

— Я по юридическому факультету. Посмотрите на них (теория болезненного состояния преступника).

— Кто болен, тот не призван.

— Как призван к преступлению<?>

(«Пусть я болтун, — пронеслось в его голове, — пусть буду мальчишкой, зато все-таки³ подозрение искореню».)⁴

— Скажите, в «Ведомостях» это ваша статья?

<—> Моя.

<—> Читал.

Проговорился (Порфирий), что знает о том, что он отдал деньги Мармеладовым.⁵

22 июля

Необходим<ое>

У *Сони* — книг — не следует.

У *Лужина* — Ему дают деньги от *Марфы Петровны* — не берет.⁶

Из сотни кроликов никогда не составитя лошадь, из сотни подозрений никогда не составитя доказательство (английская судейская поговорка).⁷

Капитальное

Он *Сонс*.

Почему я к тебе привязался, потому что ты одна только моя, один только человек, что мне и остался. Те все, мать, сестра — все чужие. Они ведь уж со мной никогда не сойдутся. Если я им

¹ Как я не люблю ~ натурально. заметки на полях и между строками.

² Внизу страницы на полях каллиграфическая пропись: Обо<зрение>

³ всё-таки вписано.

⁴ Рядом значок — православный крест.

⁵ Проговорился ~ Мармеладовым. вписано на полях.

⁶ У *Сони* ~ не берет. объединено фигурной скобкой, за которой стоит дата и помета к ней: Необходим<ое>

⁷ Из сотни ~ (поговорка). вписано на полях.

не скажу — то я не¹ <с. 114> сойдуся, а если открою им всё, — то они не сойдутся. А мы с тобой прокляты, следств(енно), нам дорога одна, хоть мы и в разные стороны смотрим.² Ты теперь моя повелительница, и моя судьба, жизнь — всё. А мы оба прокляты — парии общества.

После Лужина. — К нам переезжать.³

У Сони.

<—> Это я убил...

<—> Зачем же вы мне это сказали?

— Да я нарочно и пришел, чтоб вам это сказать.

Про себя. — NB А впрочем, не всё ли мне равно? Пусть выходит за кого угодно. Мне говорить с кем-нибудь надо...

У Сони. Соня. Что ж мне делать?

— Что делать, взять и сломать что-нибудь, а выйти из этого положения. <с. 115>⁴

У Сони. Вы сами всё нам отдали, — сказала Соня.

Капитальное

У Порфирия на допросе.⁵

Когда он вышел из особой комнаты, где сидел с мещанином, и прошел мимо работника — может быть, первый вопрос Николаю Порфирия был: «Знаешь ли ты этого господина(?)» Он и провел меня для того, чтоб безмолвную очную ставку сделать.

NB. Говорить не с кем.

Про себя раздумы(вает). Порфирий стоит у Лебезя(тникова).

На вечере. Лужин. Мармеладов <—> сахарная такая фамилья.

¹ Весь абзац выделен цепочкой из фигурных скобок.

² Далее было: Если б ты была униж(ена)

³ Текст: прокляты ~ переезжать. обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой 21 (та же цифра вверху страницы).

⁴ Вверху страницы каллиграфическая пропись: Освобождение

⁵ У Порфирия на допросе. вписано на полях.

〈—〉 Чем же лучше Раскольников?

Мать: «Раскольниковы — хорошая фамилья, хоть твой отец и учитель был, а Раскольниковы двести лет известны».¹

А после ухода Лужина он говорит:

〈—〉 Я ничего не могу для вас сделать. Пустите меня.

— Родя, зачем ты такой?

Когда Петр Пет(рович)² ушел, мать говорит:³

— Теперь легко... Мы сами виноваты, потому что на несправедливое дело пошли, и я виновата.

— А Петру Петровичу: Ну отдам я вам, такому, Дуню? Полноте. — Мы виноватее вас, мы несправедливо пошли, и главное — я.

— Славно, маменька!

Вообще она отличается.⁴ 〈с. 116〉

NB. Лазарь, *гряди вон, и вышел* умерший (за несколько).

У матери на вечере.⁵ NB. Мать про Соню:

〈—〉 Как я не знала, что она совсем такая. И ты мог ее знакомить с своей сестрой, Родя?⁶

Капитальное

NB. — Разумихина выставлять постоянно хлопотуном.

NB. — Панихиду в третьей (во всей)⁷ части и болтовню о явлении Марфы Петровны тоже.

NB. — Он непременно сестре (когда та узнала) или вообще, говорит о двух разрядах людей: об *предназначенных* и об *материале* и воспаляет и ее этим учением.

На вечере. NB. Лужин о Свидригайлове. Р(аскольников) в рассказывает, что видел его. 〈с. 117〉

---

¹ Абзац обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой 22 (та же цифра вверху страницы).

² Вместо: Петр Пет(рович) — было (осталось невычеркнутым): тот

³ Далее было: Мы

⁴ Когда тот ~ отличается. вписано на полях.

⁵ У матери на вечере. вписано на полях.

⁶ Абзац обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой 23 (та же цифра вверху страницы).

⁷ (во всей) вписано.

Капитальнейшее

В конце вечера. «Расстанемся на несколько дней. Простите меня». Полный упадок воли.

С Соней. Соня раз сказала ему: «Я не понимаю, — ну как вы будете, ну как вы женитесь, как детей будете иметь?»

— Приучусь, — отвечал он.

Про тех, т. е. про мать, про Дуню и про Раскольников(а), в начале 3-й части главы, и об отношениях к ним Раскольникова в этой главе. У Дуни с ним серьезное объяснение. Свидригайлов ей объявляет. Она с Соней и Разумихиным у него, конклав. Известие о смерти Свидригайлова. — Он на конклаве гордо всех побеждает. Тут-то он всё высказывает в первый раз.¹ Как уж известно семейству, то он тут-то не выносит, бред. И в бреду-то все страдания людей и тут-то вечер бляди.²

Дома его заметили.³

На конклаве известие, что в религиозном настроении был человек.⁴ (с. 118)

Лебезятников.

<—> Да! Но женщина свободна.

<—> Да ведь вы же прибили Катерину Ивановну.

— Это было другое... Тут позволительно было защищаться. И к тому же я никому не позволю с собой.⁵

<—> Знает(е), ее можно кликнуть (Соню) книжки читать. Вот она какая.

(Мне очень жаль, что у меня нет отца. Отрезанный ломоть. Я воображаю, как бы я там.) Я ее развиваю.

— Ну и пользуетесь.

¹ Тут-то он всё высказывает в первый раз. вписано.

² Абзац обведен фигурной скобкой и снабжен пометой: совершенно социально.

³ Далее три строки каллиграфических прописей (полностью, образующих род заголовка, и отдельных слов, в том числе одного недописанного): Особое Прибавление Слово Особое прописано также на верхнем поле страницы.

⁴ Над строкой вписано: работник

⁵ Да ведь вы ~ с собой. вписано. Далее было: Я, например

— Нет, знаете, она мне отказывает. И я это вижу. Мало того, я по принципу считаю это самым естественным состоянием женщины.¹

Лазарь, гряди вон.

〈—〉 А вы будьте кротки, а вы будьте смирны — и весь мир победите, нет сильнее меча, кроме этого.

— А я знаю, что Бог вас найдет.

— Я грешна, *то* был великий грех.

— Я жестокосерда, — воротнички.

Картина

Проводят каторжных 〈с. 119〉²

Капитальное

Он *Соне*: «Я не хочу ждать. Я хочу моих человеческих прав сейчас же. Я не могу проходить, не отдав всех денег. Я не так, как социалисты. Да и не надо мне ничего, я хочу властвовать. Вот я студент через 10 лет; мать, сестра. Вы, Соня (картина ее жизни и будущности). Ну и живите, и ждите».

Соня: «Да³ как же можно для этого убить другого〈?〉»

— Она вошь.

— *Нет, не вошь. А коли вошь, почему вы так мучаетесь〈?〉*⁴

〈—〉 Ну так арифмети〈че〉ски, кто больше потянет.

〈—〉 Да может, вы меньше потянете.

— Не мучьте меня этим вздором. Неужели же вы думаете, что я этого не передумал и не перемучился. Другие же делают, Наполеон и проч., и я хочу.

Слушайте: есть два сорта людей. Для высших натур, можно переступать через препятствия.

〈—〉 Вы больны.

— Да, я болен. Меня они тревожат. Семейство. Не могу я с ними.⁵ Я с предрассудками борюсь. *Привыкну*. 〈с. 120〉

---

¹ На полях: Лужин меж тем упрекает себя, что действительно мало пожертвовал Дунечке деньгами.

² Вверху страницы начата пропись: Бого〈...〉

³ Далее было: и

⁴ А коли ~ мучаетесь〈?〉 вписано на полях.

⁵ Далее было: Да

NB. <—> Наполеон, Наполеон, да это, может быть, не то,
<—> Нет, то, —

<—> Во¹ времена баронов повесить на воротах вассала ничего не значило. Убить своего брата тоже. След<ственно>, натура подчиняется тоже разным эпохам.

Все великие люди были счастливы. Их грусть — счастье <и>, их страд<анья> <—> счастье.² Они должны были быть счастливы. Великий человек не может быть несчастлив. А что их на крестах распинали, то это ничего.

У³ Сони. «Соня, посиди со мной, а я ушла играть» (воспоминания Сони). Нарукавнички Катерины Ивановны. Катерина Ивановна заплакала. Он огорчился. «О! я за Катерину Ивановну, теперь... Какая это женщина! Какая это женщина!...» <с. 121>

С Лужиным. Дуня. Это правда, я виновата в моем слишком быстром увлечении, но ведь это всё равно что виновата в том, что сочла вас за порядочного человека, так что вам вовсе не к лицу⁴ меня в этом укорять. А что я не первая отказалась, а вы. Что это значит в вашем письме: «Пеняйте на себя». Это угроза, вы⁵ при первом знакомстве таких выходов⁶ себе не позволяли, и я вам скажу, почему теперь позволили: вы увидели, что мы уже в Петербурге и что, стало быть, совсем в ваших руках, вот вы и сбросили маску. Вы даже не хотели нас встретить в воксале,⁷ по каким-то сенатск<им> делам, а мы две ничего не понимающие в Петербурге женщины.

Много истратил. Что вы истратили? сундук. Действительно, такие люди есть; каждая ихняя истраченная копейка кажется им дороже чужих ста рублей.

Вот ему и проба.

---

¹ Было начато: Ва<...>

² Их грусть ~ счастье. вписано.

³ Было начато: Во<споминания и>

⁴ Было: нейдет

⁵ Далее было: в наших

⁶ Далее было: тепе<рь>

⁷ Было: на жел<езной дороге>

Часть, Петербургская сторона, медная каска, Ахиллесс.
(с. 122)

— Вы ведь по ночам ходите.

— Мне одна рассказывала: «Ich mache ein Kreuz und ich gehe».¹

— Сломать что-нибудь!

Точно издевается, но не издевался...

<—> Ходите, а на похороны не хватило.

<—> Так и кланяться им.

<—> Вы тоже не богаты. И не в университете. Терпеть надо.

<—> Зачем терпеть. Голландец.

Про Лизавету. «Она мне работу давала. Торговать! Да убили».

— Заплакала. «Плачьте».

NB. А когда объявил: «я убил», что же, пойдете за куском для них хлеба(?)

— Да, пойду, пойду, уйдите. Тело им отдам. (Вечер она ходит.)

Он у Сони. Он ей рассказывает. Ich mache ein Kreuz,² и про блядь с ребенком. Мать с детьми (неужели блядь будет), и эти-то создания, чудные и невинные, которых Спаситель... и они будут блядьми.

— Но что же мне делать.³ Папаша, дети, я грешница. Плачет.⁴

Бросилась за ним: «Постойте! постойте! Куда же вы?» Он не слушал и вышел. «О Боже мой!» — раздалось на лестнице.⁵

NB Главнейшее

В это *первое* свидание он ей рассказывает про голландский метод и готовится ее к пониманию *завтрашнего* признания.
(с. 123)⁶

¹ Я крещусь и выхожу (нем.). В автографе написано: Крейз

² В автографе: Kreiz

³ Далее было: Я гре(шница)

⁴ Далее было: Натe.

⁵ Он у Сони ~ на лестнице. вписано на полях.

⁶ Вверху страницы запись: Но ее он не находил

В конторе у Порфирия

— Ну-с, написали? Теперь одно меня обстоятельство¹ беспокоит: почему вы кровь в квартире (и т. д.)

— А вас почему это обстоятельство беспокоит? (дрогнув внутри).

— Да... потому. (И он посмотрел на него.)

— Вот видите — сухая тирада.

О Порфирии

Для Р(аскольников)ва дело ясное: другой бы, может, и арестовал его, а Порфирий (это видно) давно уже изучил и изучает его, и, конечно, понял, что, арестуя, он ничего не узнает нового; а на воле этот скорей себя компрометирует. Да и притом же ведь он на примете, следит за ним, касательно же обыска² — что у него обыскивать, когда он нарочно, уходя,³ с самого того дня оставляет дверь открытою. Порфирия *камень* поразил.⁴ Но все-таки какие же причины у Порфирия так упорно подозревать его: ведь фактов никаких. Неужели одни психологические соображения вскружили ему голову. Да ведь психологические соображения о двух концах. Али, может, он физиономист. Нет, фактов никаких, (с. 124) но ясно, что за ним следят и ждут фактов для *полнейшей* психологической достоверности, тем более что знают, что птичка ни за что не улетит от них во всяком случае. Только бы вот случай-то нашелся; случая и ждут.

Разумихин был у Порфирия и напел ему.⁵

Капитальное

Всё замутилось! Где же обетование, что пребудет «Дух во веки», что пребудет до скончания мира Христос и что, стало быть, уже не уклонится в своем развитии с пути человечество?⁶ Стало быть, непременно есть где-нибудь!

¹ обстоятельство *вписано*.

² *Далее было*: ведь

³ *Далее было*: вот уж

⁴ *На полях*: На другой день Порфирий на допросе поминает:

— Вы вчера об каком-то кладе под камнем говорили.

⁵ *Выделено обводящей чертой*: для *полнейшей* ~ во всяком случае. *Рядом вписано на полях*: Разумихин ~ ему.

⁶ и что ~ человечество? *вписано*.

Начало 3-й части.

Не надо было ходить, узнавать и спрашивать. И так Порфирий говорит: «*Вы сами выдаете — бабочка на свечке*». Поэтому не узнает о работнике. *Руки опустил.*

Но работник? Работник, что такое работник? Это сумасшедший или идиот, или запугали, скорей хочет кончить — всё равно. Что если б повесился... да и в самом деле, ведь он вешался уж... Гм. Работник разглядит, правду увидит, и он опять меня начнет подозревать, — но все-таки главное главней, ты мне факты подай. А без того... какое мне дело, что ты психологически убежден. Так он знает Лужина... Гм. Это, верно, он за депутатами уже послал.¹ <с. 125>

У Сони. О Лебезятникове. Он: Да ведь это из глупеньких; есть гораздо умнее; по одному не судите...

Пульхерия Александровна сердится (курица).

<—> Он сын мой, он должен меня слушаться. (Умирает, благословляет.)²

Умирает. «Ах, жизнь-то какое тяжелое поле, дети».

У Катерины Ивановны. В кармане у Мармеладова петушка нашли.³ <с. 126>

Пришел прощаться с Соней.

<—> Ну, поцелуйте евангелие, ну, поцелуйте, ну, прочтите! (Лазарь, гряди вон!)

Это когда она убеждает его, т. е. прежде прощания.⁴

— Я сама была Лазарь умерший, и Христос воскресил меня. И потом, когда Свидригайлов дает ей денег.⁵

NB. Соня идет за ним на Голгофу, в 40 шагах. <с. 127>

¹ *Начало 3-й части* ~ послал. вписано на полях.

² Абзац обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой 32.

³ Далее было начато: Сме(рть)

⁴ Это когда ~ прощания. заметка на полях, рядом с отчеркнутым абзацем.

⁵ И потом ~ денег. заметка на полях, рядом с фразой: «Я сама ~ меня».

Капитальное

«¹За что эта смиренная несчастна, а я хочу жить? Не должен и я жить... если она несчастна!»²

НВ. — После суда Дуни, Сони и проч., где решают, чтоб он предал себя, он убегает, видения, в видении и смерть Свидригайлова.

Капитальное

1-й раз у Сони. Заговаривает сам, нарочно о Лизавете.
(с. 128)

Смерть Катерины Ивановны

— Ваше Прев(осходительство), В(аше) Пре(восходительств)во, защитите сирот,³ вы видите, Семен Захарыч, вы благодетельствовали... (в бреду).

— Прибила детей. Дети побежали от нее. «Не бегите!»

Про мужа. «Бедный, смотрит на меня, бывало, а я ему и доброго-то слова не могу сказать». (С уважением о нем.)

НВ. На поминках Амалия Ивановна рассказала анекдот, как ограбили одного господина. (Сердце пронзила.)⁴

НВ

С Соней.

— Отчего я тебе ты говорю, Соня?

— А отчего я вам ты не говорю?

— И потом, когда он пошел на предание и когда крест она ему повесила — стала в первый раз⁵ говорить: ты.

НВ

— НВ. Катерина Ивановна умерла:

---

¹ Было начато: Отчего они не стонут?

² Вместо: и я жить... если она несчастна! — было: а. я жить. б. я жить счастливее ее!

³ защитите сирот вписано и отмечено особым значком.

⁴ НВ. На поминках ~ пронзила.) вписано.

⁵ в первый раз вписано.

— Ну что, все ли жить и брать проценты, или этим умирать? Что красивее?

(Эта бедная дура Амалия Ивановна, так ей и не заплотят!)

И за что судьба так поставила? Передернула карты. О человек!

можно даже сказать аристократического.

Похвальный лист на площадь.

Умерла с похвальным листом

ноги сухие

О человек!¹ Что Соня?

Свидригайлов и в 3-й части. В другой части, что Свидригайлов взял сирот.

Скажите Авдотье Романовне, что 10 000, которые она не хотела принять, я назначаю на этих² сирот — и на Софью Семенов(ну).³ (с. 129)

Порфирий: «Нет, вы⁴ погуляйте! Погуляйте!»

— Об камне — да это действительно так в мечтах представляется. (Стало быть, дескать, ты мечтаешь об этом и у тебя становятся возможным такие мечты.)

⟨—⟩ Зачем же вы себя так компрометируете⟨?⟩

Работник признается. — Но мещанин показаний не дает.

⟨—⟩ Вот оттого ведь я и думал.

Мещанин говорит:

⟨—⟩ А потом у нас стали говорить, дворник, что по этому делу Миколка сознался, я и не пошел, потому омраченный больной дуמוю.

— Таким образом он мне с Николашкой ловкую очную ставку устроил.

---

¹ О человек! вписано.

² этих вписано.

³ И за что ~ Семенов(ну). записи на полях.

⁴ Нет, вы вписано.

Порфирий мещанину в конце романа:

— Зачем же ты не являлся(?) Ведь это улика, я бы его тогда посадил, но вот что я тебе скажу. Теперь нельзя посадить. Я изучил: болезненное состояние (было тогда), странность поведения, почти сумасшествие и после того все приемы, все поступки не то что не оправдывают, но даже противоречат. Нет улики. Мы хорошо следили. Но, однако, я не знаю.¹ <с. 130>

Свидригайлов Р<раскольнико>ву, встретясь после того разговора у Сони:

<—> Да вы чего? Не бойтесь. Я вашего разговора ведь не слышал.

У Порфирия.

<—> Только они слишком уж натурально побледнели. Это мне ночью во сне пришло...

— Да натурально и было.

— А ведь и в самом деле может быть мономан. Ведь эти мономаны до чего доходят. Упрется в одну точку, 25 руб. отдал, ну отдай 20, а 5 себе оставь. Ведь он сегодня лежит и в бреду.²

На другой день при допросе у Порфирия.

<—> Какой это чиновник? (о 25 руб., о Мармеладове)

— Да я вчера вырвался квартиру нанимать. Да хотел в Америку; и³ на одну такую... преоригинальную квартиру зашел.⁴ А потом и попал к Марм(еладову).

<—> Э, гор<ячечный> вздор...⁵

<—> Гм! Скажите, вот меня это очень интересует.

(«Нет, это очень можно даже так разъяснить; именно оно так и было», — думал Порфир(ий) про себя.)

(А когда в коморке с мещанином сидит: Раскольников, он сейчас передо мной, донос, так что тот и депутата не мог пригласить, как это следовало при такой улике.)

Ну сделает ли это человек (на квартиру пошел, если не в бреду, сам на себя).⁶

¹ В начале абзаца (на полях) знак вопроса. В центральной части страницы каллиграфические прописи: 1. Мадазима (дважды) 2. Хазильдея Вандальская (полностью и недописанная)

² А ведь ~ в бреду. вписано между строками и на полях.

³ и вписано.

⁴ Далее было: Гм

⁵ Сверху надписано (осталось невычеркнутым): Какую...

⁶ Перед фразой: Ну ~ себя). — было: Разумихин у Порфирия,

«А что ж, в бреду-то и выдал себя», — думал Порфир(ий).
(NB. Да нет, врут, этого им никак в голову не придет.)
(Николаю все обстоятельства дела Митька передал. Арестовали Николая.) (с. 131)¹

Капита(льное)

— Разумихин и Раскольник(ов), после Лужина, вышли от матери:

Разум(ихин). Я был у них, ничего, даже удивились. Я, признаюсь, разгорячился. Они только считают тебя несколько помешанным. Правда, я заметил, что Порфир(ий) что-то уж очень осторожен, но Заметов(а) я исколочу. Он даже и надо мной позволял смеяться.²

Раск(ольников). «Хорошо иль нехорошо! — что этот с ними говорил. Отчасти хорошо, отчасти нехорошо. Ну будь что будет! Как обернется...»

Капитель(ное)

Соне.³ Возлюби! Да разве я не люблю, коль такой ужас решился взять на себя? Что чужая-то кровь, а не своя? Да разве б не отдал я всю мою кровь? если б надо?

Он задумался.

(—) Перед Богом, меня видящим, и перед моей совестью, здесь сам с собой говоря, говорю: я бы отдал!⁴

(—) Я не старуху зарезал: я принцип зарезал.

(—) Так живи смирно. А я имею право. Я сознал, что имею его, потому и имею.

(—) А любопытно, что я не об старухе, а об Лизавете поминую. Бедная Лизавета!

— С родней надо кончить. Теперь я не могу с ними. Не способен. (с. 132) Потом разве.

(—) Это хорошо: мономан. Надо эту идею укоренять.

(—) Статья-то, может быть, и главное дело у Порфирия и побуждает его.

¹ В верхней части страницы каллиграфические прописи: Itineraire (трижды).

² На полях: Твоя статья... — Наплевать на мою статью.

³ Соне. вписано.

⁴ Этот и следующий абзацы выделены скобкой.

Капитальнейшее

Порфирий его посещает. Разговор уединенный.

Лужин, вечер. Разумихин, выходя, Р(аскольнико)ву:

〈—〉 Слушай, я был там¹ — ничего не вышло. Не мог как-то заговорить настоящим образом. Заметов тоже там. Отвел наконец Порфирия к окну и стал говорить, но — опять² не так. Он смотрит в сторону, и я смотрю в сторону. Наконец я поднес к его роже кулак и сказал, что разможжу его по-родственн(ому). Он только посмотрел на меня. Я плюнул и ушел, вот и всё! Очень глупо! Недоволен. С Заметов(ым) ни слова не сказал!³

— Брось это всё, — с отвращением сказал Р(аскольнико)в.

NB⁴

NB. Встреча с мещанином в камерке Порфирия.

Да разве ты факт(?)

И потом. — И это-то у вас факт? И вам не стыдно, не известно? (с. 133)

Идя к Порфирию

«Нет у них фактов! — думал Раскольников, — потому и потому».⁵ (с. 134)

— Заметов? А зачем у него Заметов? Сам не пришел бы, если не знаком, иначе как по делу. Не посмел бы прийти иначе. Ну, а коль тот сам⁶ пригласил прийти, — так не иначе как тоже⁷ по делу. Что за статья им иначе знакомиться.

— Не знаю: хорошо или нет, что я болтуном прикинулся? Кажется, хорошо. Нынче все на эти темы болтают. Тем более наш брат, «социалист».⁸ Стало быть, натурально. Лучше, чем

¹ Далее было: — и всё

² опять вписано.

³ Было: говорил.

⁴ Записи ниже на (с. 133) выделены волнистой чертой.

⁵ Вся запись на (с. 134) перечеркнута, и вокруг нее располагаются наброски к роману «Идиот»; к работе над этим же произведением относится и каллиграфическая пропись среди строк наброска к «Преступлению и наказанию».

⁶ сам вписано.

⁷ тоже вписано.

⁸ Не знаю ~ «социалист». Отчеркнуто, с пометой: Перед

молчать. Гораздо. У¹ болтуна вид безвинный, кто болтает, тот уж, конечно,² не так способен *на дело*. А коль слишком с большим увлечением болтаешь, так и совсем неспособен. А главное, об убийстве с безвинным видом говорить можно было. Сам сознавался, что убить готов. Перехитрено, впрочем, немного. Он человек очень умный, очень умный.³ <с. 146>⁴

— А для чего я сам первый пошел? Во-первых, тем, что сам первый пошел, подозрительно. Бабочку на свечку тянуло. Правда, у ней, может, записано на часах, что мои;⁵ ну, так что ж. Вещи слишком ничтожные, если б и не явился. Следовало бы дома сидеть. Правда, узнал кое-что, много <у>знал. В ползучем виде какое-то подозрение кроется.

— Порфирий даже не удостоивал концы хоронить? Может быть, на мое-то раздражен(ие) и негодование он и рассчитывал.

— Но уж одно то, что Порфир(ий)⁶ так язвится, есть признак того, что он бессилен. Что же, кроме совершенно неясных подозрений, у него было(?)

Завтра бой настоящий. Заметов потому был.⁷

Фактов нет. Он потому, может, и злится. А впрочем, когда он мне говорил, что не выдержу, было много подозренья натурального в нем.

Главное, почему он не хотел даже скрывать от меня?

Хорошо иль не хорошо я сделал, что пошел.

...Проходить мимо и не помочь...

— О если б я был уверен в том, что теперь говорю!..⁸
<с. 147>⁹

— Явление Свидригайл(ова). Тот лежит с закрытыми глазами. Этот сидит и смотрит.

¹ Было начато: Б(олтун ;)

² Далее было: не д(елает)

³ А коль ~ умный. выделено фигурной скобкой, конец фрагмента отмечен особым значком.

⁴ На верхнем поле: NB³ В разных местах каллиграфические прописи: Николь, и дважды недописанные: 1. Нико 2. Никол

⁵ на часах, что мои вписано.

⁶ Было: он

⁷ Около текста: Правда, у ней ~ потому был. — на полях помета: На утро перед конторой. Текст обведен фигурной скобкой.

⁸ Под строкой одиннадцать раз: NB

⁹ На верхнем поле каллиграфические прописи: 1. Ессентуки 2. Неопалимый

«Это улика! Это новая улика! — думал Раскольников. — Это что-нибудь видел, иль слышал, иль знает, чего я не знаю... Это кончик в клубке.

Нет. Старух(а) была глупость. Я¹ и ограбить не умел, я только и умел что убить, как они говорили вчера. Да ведь не в том дело...»²

Порфирий *не успел* депутата.

Раск(ольников) у Порф(ирия). Я не могу оправдываться, я считаю это для себя унижительным.

НВ. Азе сто-зе вам и здесь на-а-до? Здесья не место!
...Я, брат, в чужие края еду.
— В чужие края? (с. 148)

НВ. (—) Не мог понять: я не я, надо жить-с!
— Так что же: вы молоды.

Миколка словно подделал ответы: способный и талантливый. Часто рождалась во мне мысль: мужик пашет, а он, может, Нютон аль Шекспир. Падает яблоко, зарождается мысль и угасает. Кабы общее-то образование-с. Не надо спорить (о системах) и надо жить. Работать будут машины. Хорошо бы хоть кирпичик.³

Порфирий пришел к нему.

— А знаете ли, для чего вы ко мне пришли? Чтоб еще больше *уверить себя в сумме улик*.

— Вы ловкий человек, это так; вы психолог. Может, я и сам себе ясно не давал отчету, зачем меня к вам тянуло.

— Ничего не будет.

(НВ. Что вы не убежите. Да ведь если б я и не пришел, если б я и не сказал, вы все-таки бы ведь знали, что я вас преследую. Напротив же, я теперь вас ободряю, признаваясь вам в своем бессилии.)

(—) Мне стоит только подождать, пока вы больны сделаетесь. В болезни всё и расскажете.⁴

---

¹ Далее было начато: [нрзб.]

² На полях запись (отмечена особым значком): — Что пауки-то? Да может, это и в самом деле так, — да об чем мы это говорили с вами(?)

³ НВ. Не мог ~ кирпичик. вписано на полях.

⁴ Мне стоит ~ расскажете. вписано на полях.

(дайте руку-то; я пожму)

{—} Покайтесь. Нельзя через кровь переступить.¹

{—} Ну, а если вы передо мной виноваты?

— Тогда, конечно, мне ничем не отмолить. Всю жизнь на коленях перед вами буду стоять.

Порф(ирий). — Я даже, может быть, думаю, что я сверх закона сделал, но я по совести верю, что я хорошо сделал, что к вам пришел и прямо вам рассказал. Вы, может быть, подумаете. Да и непременно. Я по лицу вашему вижу. Так, понимаете после того: когда даже Миколка пришел, я вас все-таки с мещанином посадил. Поняли, зачем? Коль не поняли — скажу: я вам хотел дать знать, что все-таки я убежден, что это вы. Ну, откровенно ли я с вами теперь говорю?²

— Да зачем мне говорить? — Так и останусь.

— Да разве так можно прожить, для такого-то человека, как вы. Что вы, помилуйте. — Еще замечу вам: если вам вздумается руки на себя наложить, то оставьте записку, — чтоб не пострадали невинные.

— Я-то руки наложу?³

— Оно не то чтоб; вы не наложите и даже скорей не способны. Но в *минуту* такую можете попасть, за минуту не отвечает человек, примеры были. (с. 149)⁴

[Я с вами вожусь]

в глазах Порфирия решимость человека, отвечающего за свои поступки

Позвольте посе(тить). Я всегда до(ма)

— А квартиру нанять?

— А я утром от бреда очнулся. А с вечера они меня испугали. Опять точно бред начинался. Я от них убежал, квартиру хотел нанять. Вообразите, думал, что если переберусь на квартиру, то они меня не поймают. Впрочем, не пос(…)⁵

¹ Покайтесь ~ переступить. *вписано на полях.*

² Так, понимаете ~ говорю? *вписано на полях.*

³ *Далее было начато: Вы способны*

⁴ *Все записи на (с. 149) отчеркнуты волнистой линией.*

⁵ *Далее лист с текстом оборван.*

— Если успел высказать всё то, что мне говорил, — то и довольно. Я могу избавить себя от всех объяснений.

— Берите меня, и почему вы спрашиваете меня без депутата.

— Я не предполагал вас спрашивать. <с. 155>

Свидр<игайлов> и Дуня:

Свид<ригайлов>. А ведь револьвер-то мой!

<—> Да, я у вас тогда взяла.

После обжога.

Очнулся, Дуня (бледная).

1) Встал. Посмотрела на меня, покачала головой.

2) Мать больна, об тебе бредит. Про тебя говорят.¹

Дуня упала в объятия. Ничего не говоря. Не надо объяснений.

<—> Прощай, брат!

<—> Прощай.

Дуня зашла к Соне. Обе за ним идут.

(матери)

— Я к ней пойду.

<—> Будь честным, страдай!²

Взбирается по лестнице доносить Пороху — вот эта собачка лает — вот это всё так всегда,³ а сейчас уже будет всё не такое.

— (НВ. Голгофа. Он не видал Сони.) <с. 136>⁴

Порф<ирий>. Я уверен, я уверен, что вы ни одного рубля не взяли из ее денег. Ведь так! Ведь так! ведь в огороде?⁵

— Да не проговорюсь, не беспокойтесь.

— Да ведь уж это вы давно сказали!⁵

<—> Э-эвы! (но тотчас же засмеялся)

¹ 1) Встал ~ головой. 2) Мать ~ говорят. — *цифры вписаны как исправление первоначального порядка записи: Мать ~ говорят. Встал ~ головой.*

² *Запись на полях, выделена фигурной скобкой.*

³ *Было: как и всегда*

⁴ *Каллиграфические прописи на <с. 136>, в том числе связанная с «Преступлением и наказанием» (Соня), сделаны позднее, в процессе работы над романом «Идиот».*

⁵ *Да ведь ~ сказали? вписано.*

⟨—⟩ Я полюбил ваше лицо.¹

NB Порф⟨ирий⟩, ему, у него. Знаете ли вы это слово: *пострадать*.

— Воспользоваться вашей болезнью захотелось, я вас тогда и мучил, чтоб в бешенство ввести. Ну а теперь вы здоровы.

Признание Порфирия Р⟨аскольников⟩у.

Знаете ли вы, что я даже предполагал, зная вас и вас раскусивши: я предполагал, судя по вашему гордому, властному и нетерпеливому характеру и по расстроенным нервам, что вы при всем своем уме и хитрости вдруг не выдержите, встанете с места и брякнете нам вдруг всю подноготную. Так это или нет? Могло ли это с вами случиться, припомните-ка! Я такой один случай наяву сам видел.² Не бывали ли вы в таком иногда положении, в *такой, так сказать, минуте*? Но мне нужно было не признание. Я ведь понимаю, что это случай редкий, полное-то признание, чтоб встал этак да и брякнул, а вы хоть бы черточку-то, а я думал черточку, мне бы только черточку — бытовую черточку приобрести.³ Я не спрашиваю, чтоб вы мне вслух отвечали: довольно, если вы про себя сознаетесь. Я вам даже напомню. Помните, как вы у меня были, в части, и я вдруг вам засмеялся в глаза. Ведь вы так вдруг рассердились, что я думал вы и... брякнете. Я тогда хорошо подготовил. Вас *унизить* надо было нравственно всей этой судейской процедурой, уколоть вашу гордость в высочайшей степени, а тут бы я и сюрприз из-за двери выпустил,⁴ и вы бы покаялись. Ну, ей богу же, это случилось бы, если б не проклятый Миколка.⁵ Конечно, так только можно было с вами, а не с другим поступать, да ведь виноват ли я, что вас раскусил, помните?⁶ ⟨с. 137⟩ в полном смысле.

— Конечно, вы и теперь изменили тон, и начали что-то новое, с какою-нибудь целью.

— Может быть...⁷ ⟨с. 136⟩

---

¹ Порф⟨ирий⟩. ~ ваше лицо. вписано на полях.

² Я такой ~ видел. вписано.

³ Но мне нужно ~ приобрести. вписано между строками и на полях.

⁴ а тут ~ выпустил вписано.

⁵ Над строкой: и может, и было бы, если б не проклятый...

⁶ судейской процедурой ~ помните? вписано на полях. Выше отдельная запись: Воспользоваться всеми этими вещами, болезненной разд⟨ражительностью⟩

⁷ в полном смысле ~ Может быть... вписано на полях.

Порф(урий) и Р(аскольнико)в. Обыску я у вас тоже не делал, не к чему было-с. Я ведь и без того знал, что вы дверь, уходя, никогда не запираете-с.¹ А во-вторых,² у вас³ и без того г. Заметов обыскивал, ну а как вы о *камне-то* изволили упомянуть, да еще два раза, помните на второй-то день, когда ко мне пришли, да на господи(на) Заметова рассердились, — зачем он вчерашнее уважение и подобострастие⁴ к вам потерял — так ведь оно и слишком было понятно,⁵ что у вас оно действительно в огороде каком-нибудь под камнем лежит.

Главная мысль Порфирия в X-й главе 2-й части, —⁶

Я сам хотел увериться окончательно — и уверился. И принял меры для этого, чтоб пробыть с вами минут 20 наедине. А мещанин был мне нужен, на всякий случай, чтоб огорошить окончательно, и всё было заготовлено, на всякий случай дано было знать.⁷

Или:

Я, конечно, должен был тогда вас допросить по форме. Но я мог это сделать и на другой день, а на *этот* раз — так как форма стеснительна — я хотел вас посмотреть, каков вы, как говорится, *во хмелю*, посмотреть и ощупать вас одного, раззадорить вас и проч. (с. 138)⁸

Свидр(игайлов) и Р(аскольнико)в

⁹Р(аскольнико)в. Так вы только на разврат один и надеетесь?

Свидр(игайлов). Прямой вопрос. Разврат? В этом разврате, по крайней мере, есть нечто постоянное, угольком в крови пребывающее, вечно прожигающее, которое, может, и долго еще не залить. Ну что ж — разве не занятие? Пикантное. Было бы только разнообразие. Оно, положим, говорят,¹⁰ чудовищно, — да ведь...

¹ Я ведь ~ запираете-с. *вписано*.

² Было: Во-первых

³ Далее было: его

⁴ Было: друж(бу)

⁵ Было: понять

⁶ В окончательном тексте — глава V части четвертой (*вошла в июльский номер «Русского вестника»*).

⁷ Абзац обведен фигурной скобкой.

⁸ На верхнем поле: NB₂

⁹ Было начато: Разврат?

¹⁰ говорят *вписано*.

⟨—⟩ Я иногда, право, думал: не будь этого, ведь этак застрелиться придется.

— А вы могли бы застрелиться⟨?⟩

— Ну вот, с какой стати⟨?⟩ — с отвращением.¹

Оно, положим, заливать всё труднее и труднее, да, может, еще хватит на сколько-нибудь. А то, что жить-то посторонним человеком? Да и всё выдумка.² Все-то себя чем-нибудь тешат, и всё одни выдумки. Вот вино кабы пить, али кабы я обжорой был, али вправду играл. Вот у меня специальность — женщины. Да ведь что и в них-то...

— А любовь...

— Любовь требует развития, а я³ соскучусь, не выдержу, да и что за охота себя дурачить.⁴ А впрочем, знаете ли что я... жду одной пикантнейшей вещи... Я одну штуку придумал. Оттого и шампанское пью. Мне скучно, говоря без всякого вычура. Я вам прямешенько говорю. Я вот даже⁵ вам обрадовался, думал, вы мне что-нибудь скажете.

— Веселый у нас разговор происходит, Род⟨ион⟩ Роман⟨ыч⟩.

— Такая болезнь, сумасшествие, что бы случилось с миром (фантазия) (побольше таких фантазий).

— Девочка 16⟨-ти⟩ лет невеста.

— А мрак, а ужас вас не смущает?

— Что это у вас было тогда за дело, говорил Лужин, правда?

Свидриг⟨айлов⟩ (нахмурысь). Да что... (Я этого не люблю.)
NB и⁶ ⟨с. 139⟩

Свидригайлов и Дуня.

⟨—⟩ А ведь была минутка, когда вы склонялись и млели.

— Лжешь!

— Ну так начинали склоняться и млеть, я по глазкам видел. А впрочем, женщинам не надо об этом напоминать.⁷

¹ Я иногда ~ с отвращением. *вписано на полях.*

² *Далее было начато: [Чем]*

³ *Далее было: не способен себя обманывать, т. е.*

⁴ *да и что за охота себя дурачить. вписано.*

⁵ *даже вписано.*

⁶ *Заметка на полях: Свидригайлов отнюдь как бы не хвальнось говорит. Он только просто рассказывает Р⟨аскольникову⟩ (шампанское), как проводил время, танц-класс и проч. А в подробных объяснениях и допросах — не словоохотлив и даже хмурится.*

⁷ *Было: напоминать об этом*

Свидригайлов и Раскольников.

Теория обольщения. Лыстить, про всё. Как он обольщал жену от мужа и уверял ее, что она добродетельна (при ужасных мерзостях).

⟨—⟩ Вот эти-то контрасты я и люблю.

Бугорки, доктор говорит. (Уныние на него от бугорков.) Для контраст⟨а⟩¹ рассказывает и Р⟨асколько⟩ву. (Ты убил, а я тебе об Христе.)² Рассказ в танцклассе о девочке. Милые шалости.

Ведь я человек мрачный, знаете ли вы это?³ Вреда не делаю, а сижу в углу.³ — Иной раз дня три не могут разговаривать.⁴ ⟨с. 142⟩⁵

Контраст. (Меня и Софья Семеновна контрастом поразила и привлекла.)⁶

Стоял один гроб...

О невесте — жениться иль нет?

У Марфы Петровны договор был, девчонки, но за ⟨Авдотью⟩⁷ Романовну из себя вышла.

(не серьезно) Это вам не говорила Авдотья Романовна, от нее было скрыто, но я подозреваю, что она знала.⁸

НВ. Главное. После того:

Свидригайлов и Дуня (сцена насилия). Не удалось. Ночь в разврате. На другой день застрелился. Контрасты. Описание гемморoidalн⟨ых⟩ петербургск⟨их⟩ припадков (поэтичнее).

(Великолепно будет)

Свидригайлов сидел и долго ловил муху.⁹

НВ. Выражение куда-нибудь: «Точно так же как каждый человек на луч солнца отзывается».

¹ В рукописи: Для контрасты

² (Ты убил, а я тебе об Христе.) вписано.

³ Вреда не делаю, а сижу в углу. вписано.

⁴ Ведь я ~ разговаривать. вписано на полях.

⁵ ⟨С. 142—145⟩ имеют авторскую нумерацию: 1—4.

⁶ (Меня ~ привлекла.) вписано.

⁷ В рукописи ошибочно: Софью

⁸ (не серьезно ~ знала. вписано на полях.

⁹ Отмечено особым значком.

NB 13 ноября. Нигилизм — это лакейство мысли. Нигилист — это лакей мысли. <с. 143>¹

<—> Я выстрелю.²

Свидригайлов. Знаю, что выстрелите, — зверок хорошенький.

Р(асколько)ву, Вы не поверите, что значит учтивость с этими забитенькими (невеста, сравнивает свою невесту с Раф(аэлевой) Мадоной). О Рафаэлевой Мадоне — юродивая.³

— Мнение его о Соне. Всё в том (высказал свое мнение о Соне),⁴ что к ней пришел проститься и ей по завещанию невесту оставляет.

— О бугорках.

Теория овладения женщиной. Льстить. Как подла женщина.

Марфа Петровна ему позволяла крепостных, только чтобы он сказывался. Вот только насчет Дунечки возмутилась.

NB. Если это Бог сочинил, то это — великий человек!⁵

NB. Свидригайлов и Дуня. — Донесете на него. (Это от вас зависит.)

Д(уня). — Как(ие) вы хотите планы(?)

— Зачем? (Я просто изнасильничая) и с наслаждением и с грязным смехом стал рассказывать.

— Я знала тебя, подлеца. Изверг. Скот.

— Скот?⁶ Полюбить вы, знаете ли вы,⁷ можете и можете меня в человека⁸ пересоздать. <с. 144>

NB. — Катерина Ивановна.

<—> Не надо Священника, Бог и без того должен простить, я слишком много страдала. Только деньги тратить. А не простит, так и не надо.⁹

¹ Вверху страницы каллиграфическая пропись, которая могла носить характер заголовка к записям на <с. 143>: Свидригайлов [Петербургский]

² Я выстрелю. вписано.

³ О Рафаэлевой Мадоне — юродивая. вписано. Обведено фигурной скобкой: (невеста ~ юродивая.

⁴ (высказал ~ о Соне) вписано.

⁵ Над строкой фраза, имитирующая детскую речь: дядюйте ба-лин! (здравствуйте, барин!)

⁶ Скот? вписано.

⁷ знаете ли вы вписано.

⁸ Было: человеком

⁹ А не простит, так и не надо. вписано.

— Соня и Р(аскольнико)в, молча обнявшись, плачут.

— Рассказ Свидригайлова о 16(летне)й, как она его обняла и говорила, что будет хорошей женой.

— НВ. — В чем же счастье-то, — сказала Соня.
(—) Счастье есть — Власть, — сказал он.

— На поминках у Катерины Ивановны: начать главу с объяснения бешенства Лужина и о том, что значило для него лишиться Дуни.

На поминках: о пансионе благород(ных) девиц.

А Амалия Иванов(на): о белье и романсы.

Катерина Ивановна смеется над нами или Р(аскольнико)ву выказывается даже веселого харак(тера)¹

Дуня

Не выдержала и приходит на третий день к брату: «Ты убиваешь мать».

НВ. ПОСЛЕДНЯЯ СТРОЧКА:

Неисповедимы пути, которыми находит Бог человека.

«Что, Соня, что, Лужину ли жить и пакостить или умирать Кат(ерине) Ивановне(?)»

Один из толпы подошел и дал 3 р. «Благодарю вас. Это всё благородные дети. Ничего не дают.

Полечка, поправь платице, плечико спустилось. Я говорила тогда, что лифчик надо было длинней сделать, вырезка совсем обезобразила».

Ах, если вам случилось видеть труп с полуоткрытыми губами.

«Можно даже сказать аристократического семейства».

---

¹ На поминках ~ веселого характера *вписано на полях*.

Катер⟨ина⟩ Иванов⟨на⟩

— Du hast Diamanten und Perlen.¹

— В полдневный жар в долине Дагестана.

(Я до обожания люблю этот романс.)

А и всего-то умела сказать: M-me voulez-vous du pain?²
(с. 145)

ФИНАЛ РОМАНА

РАСКОЛЬНИКОВ ЗАСТРЕЛИТЬСЯ ИДЕТ.

Свидригайлов: Я в Америку хоть сейчас рад, да как-то никто не хочет.

Свидр⟨игайлов⟩ Р⟨аскольникову⟩ на Сенной:³ Застрелитесь, да я, может быть, застрелюсь.

— Вы заметили, что в последнее время больше странности⟨ей⟩. Там две утопленницы, там выбросился и закрыл кассу. Время становится игровое. Разве не похоже на пауков?

Свидригайлов — отчаяние, самое циническое.

Соня — надежда, самая неосуществимая.

(Это должен высказать сам Раскольников.)

Он страстно привязался к ним обоим.

Свидригайлов: Застрелитесь, не с вашим характером оставаться в живых, вам 2 пути⟨:⟩ или сознаться, или застрелиться. Эй, игривенькие признаки... Не заняты мы... Белоручки, en grand.⁴

— Ну, а заседай мы в палате депутатов, хлопочи из всех сил сбивать министерство, хлопочи о финансах — как тогда?

— Это было бы ниже теперешнего состояния. Гаже (как хотите, в белоручничестве много высокого. Но — тогда бы я не застрелился).⁵

¹ У тебя алмазы и жемчуг (нем.).

² Мадам, не хотите ли вы хлеба? (фр.). Один из толпы ~ du pain? вписано на полях.

³ Свидр⟨игайлов⟩ Р⟨аскольникову⟩ на Сенной вписано.

⁴ в общем (фр.).

⁵ Между строками и на полях: 1. Только и человеком бы был ничтожнее.

⟨—⟩ Послушайте — вы выпили много шампанск⟨ого⟩.

{—} *Ниже?*

{—} Разумеет{ся}. Теперь мы проистлеваемся, не стесняемся обязанностями, нас бьют по рожу и мы прячемся, исподлились — ведь это свободнее. Нигилизм в своем роде. — Нигилизма ведь два, и обе точки соприкасаются. Можете себе представить, что накануне пули в лоб я откровенно с вами объясняюсь. Ну, а этакое состояние выше, свободнее, хоть и не так счастливо. Вот захотел и застрелился.

{—} Да я сгораю любовью к отечеству, нет, переписывай от телева, до селева, а своего не заявляй, сгорай, да по регламенту. Согласитесь сами, что и плюнешь на всё.

Инвалид. Статья об Австрии (игривенькие сюжетцы).¹
{с. 150}

*Черновой автограф третьей (окончательной)
редакции (ЧА₄)*

Глава VII второй части²

ХIII ГЛАВА

Посреди улицы стояла коляска, ³с виду богатая и щегольская, барская, запряженная парой⁴ великолепных⁵ гор{ячих} серых лошадей; седока не было; кучер встал с козел и стоял подле коляски, пугливых⁶ лошадей держали под уздцы. Кругом народу теснилось⁷ множество, впереди всех⁸ полицейские. В руках у одного из них был маленький зажженный фонарик⁹: Городовой нагнул¹⁰ и освещал фонариком что-то на мостовой у самых ко-

---

{—} Так часто кажется, но то, что я сейчас высказал, право, хоть капелькою да во мне гайтся. 2. *Статья об Австрии.*

¹ Свидригайлов: Застрелитесь ~ сюжетцы). *записано на полях.*

² *Далее следует текст автографа 93.1.1.2/4.*

³ *Было начато: б{огатая}*

⁴ *Было: а. барская. В ней б. барская, с парой*

⁵ *великолепных зачеркнуто, надписано: прек{расных } гор{ячих},
восстановлено великолепных*

⁶ *пугливых вписано.*

⁷ *Было: было*

⁸ *Было: а. впереди б. всё кричало в. впереди всех у самой коляски*

⁹ *Было: а. Начато: мал{енький} ф{онарик} б. зажженный фонарик*

¹⁰ *Было: нагбался*

лес. Кругом говорили и вскрикивали. Кучер казался в большом недоумении и изредка повтор(ял):¹

— Экой грех, экой грех!²

Раскольников протеснился по возможности сквозь толпу и взглянул на мостовую. На ней лежал раздавленный лошадыми человек, без чувств,³ по-видимому очень худо одетый, но в «благородн(ом) немецком» платьи, весь⁴ в крови. С лица, с головы текла кровь; лицо было все избито, изодрано, исковеркано. Видно было, что его раздавили не на шутку.

— Батюшки! [Г(де)] Как тут усмотреть. [Ведь] Коли б я гнал, али б не кричал ему; а то ехал не поспешно, равномерно. Вижу его —⁵ шатается, улицу переходит, чуть не валится — я ему три раза прокричал⁶, а он прямо под лошад(ей). Я было хотел остановить-то, а он [не уд(ержался)] прямехонько-таки пал им под ноги и свалился.⁷ Нарочно што⁸ ли, а уж очень был пьян. Лошади молодые, горячие, испужались⁹ — дернули, он вскричал¹⁰ — они пуще, вот и вышла беда.¹¹ [Чем тут я виноват.]¹² (л. 1)

— Это так как есть! [Он]

— Кричал-то он, это правда, три раза кричал.

— Это точно что он аккуратно три раза ему прокричал, — раздавались кругом голоса. — Пьяный человек. Пьяный свечки не поставит.¹³

Впрочем кучер был не очень уныл и испуган. Видно, что он принадлежал богатому владельцу и не очень заботился. Он ехал

¹ Было и оставлено незачеркнутым: жалобил.

² Было: а. Батюшки, б. Батюшки! Экой грех, экой грех! говорил он, потеряв(шись).

³ Было: без чувств, весь (в) крови

⁴ Было: в немецком платьи. Он был весь

⁵ Было: Вижу он

⁶ Вместо: я ~ прокричал было и оставлено незачеркнутым: раз крикнул, другой, третий

⁷ В автографе: сваливался; далее было начато надписыванием: и м

⁸ Было начато: чт(о)

⁹ Было: горячие, запрягают недавно

¹⁰ Было и оставлено незачеркнутым: закричал

¹¹ Было: вот и вся беда

¹² На полях против текста: Батюшки! ~ [Чем тут я виноват.] запись: в №-х Зап(исной) книж(ки). Коли улицу переходишь, так иди постепенно, оглядываясь. Пьяный свечки не поставит, изве(стно). Кто ж его знал! Каллиграфические прописи: 1. Разумихин 2. Раскольников(ов) (трижды)

¹³ Вместо: — Кричал-то он ~ свечки не поставит. было: — Кричал, три раза кричал. — Это точно, что он аккуратно три раза ему кричал, — раздавались кругом голоса.

порожняком¹; владетель ждал его прибытия за ним, и полицейские уже конечно немало беспокоились² о том, как уладить³ это последнее обстоятельство. Раздавленн(ого) же надо было везти в часть и в больницу.

Между тем Раскольников протеснился и нагнулся еще ближе⁴. В эту минуту фонарик ярко осветил лицо⁵ раздавленного, и он⁶ узнал его.

— Я его знаю, знаю! — вдруг закричал он, протискиваясь вперед, — это чиновник, отставной, титуляр(ный) совет(ник), Мармеладов.⁷ Он здесь живет, подле. — Дом, Коз(еля) (и)⁸. Доктора, скорей доктора. Я заплачу — вот. — Он вытащил из кармана деньги и показывал полицейскому⁹. Он был в удивительном¹⁰ волнении.

Полицейские были довольны, что узнали: кто раздавленный. Раскольников назвал себя, дал свой адрес, и всеми силами, как будто дело шло о родном отце, уговаривал перенести¹¹ Мармеладова прямо в его квартиру:

(—) Вот тут, через 3 дома, — хлопотал он¹², — дом — ля немца... богатого. Он теперь верно с выпивки домой пробирал(ся), я его знаю, знаю... Он пьяница... Там у него семейство, — кричал он, — жена, дочь. Ему (л. 1 об.) сейчас доктор нужен, сию минуту, а¹³ пока еще ждать частного да переносить его¹⁴. А здесь верно в том же самом доме живет. Я заплачу... Кровь пустить можно либо што...¹⁵ Все-таки его разденут, положат, все-таки уход будет свой, [хот(я бы)] все-таки умрет между своими. А коли надо, очнется жив, мы¹⁶ сами его, тотчас же сегодня же в больницу можем предостави(ть)¹⁷... Тут уж что доктор скажет.¹⁸

¹ Вместо: порожняком было и оставлено незачеркнутым: пустой

² Было: а. уж конечно об этом беспокоились и уж конечно б. уж конечно об этом беспокоились, а меж тем экипаж приходилось

³ Было: как бы все э(то) уладить и

⁴ Было: протеснился еще ближе [к]

⁵ Было: самое лицо

⁶ Вместо: и он было: Раскольников

⁷ Далее зачеркнуто: Я его знаю.

⁸ Далее надписано над строкой и зачеркнуто: [не(мца и)]

⁹ Было: городовому

¹⁰ Было и оставлено незачеркнутым: чрезмерном

¹¹ Было: а. Как в тексте. б. уговаривал их поскорее перенести

¹² Далее было начато: Он помо(гал)

¹³ Было начато: а где

¹⁴ да переносить его вписано.

¹⁵ Кровь пустить можно либо што... вписано.

¹⁶ Было: а. А останет(ся) жив, б. А очнет(ся) мы

¹⁷ Вместо: можем предостави(ть) было: предоставим

¹⁸ Тут уж что доктор скажет. вписано.

Раскольников [кричал] суетился, он даже успел сунуть в руку: Дело впрочем было ясное и законное. [Он успел ⟨у⟩говорить.] Раздавленн⟨ого⟩, все еще бесчувственн⟨ого⟩, решили перенести для немедл⟨енной⟩ помощ⟨и⟩ дом⟨ой⟩¹, нашлись помощники, дом — ля был ровно в тридцати шагах. Раскольников шел сзади, в головах у трупа и суется² показывал дорогу. Он задыхался от нетерпенья.

— Сюда. Сюда! На лестницу-то надо головой вверх внести; высоко ведь... вот так! Я заплачу, я заплачу, я поблагодарю, — бормотал он. ⟨л. 2⟩³

¹ Вместо: решили ~ домой было: понесли

² суется вписано.

³ Внизу и на полях л. 2 заметки и наброски: Это была не из тех женщин, что падают в обморок. Воды, полотенце — захлопотала.

Заперли — но все-таки сновали.

в колесе...

⟨—⟩ Добился своего!

⟨—⟩ Он жив, жив, пульс тонкий

⟨—⟩ Его в колесе.

Натолпилось народу. Раздевал, помогал. Мармеладова лежала больна, вскочила вне себя...

воды — [очнул⟨ся⟩] К Соне⟨:⟩ Сто ешь духу беги.

⟨—⟩ Умереть-то хоть дайте.

Липпехвель Амалии Карловне⟨:⟩ Вы понимаете, хоть мы и живем, но при таком случае вы должны оставить, иначе к генерал-губернату⟨ору⟩, и поступок ваш будет в газетах опубликован.

— Священника! Раскольников послал за священником.

⟨—⟩ О треклятая жизнь⟨!⟩

⟨—⟩ Священника⟨!⟩

⟨—⟩ Пошли-и!

⟨—⟩ Ну что ж я теперь буду, что ж я теперь буду!

— Да ведь он только издерживал.

— Я все-таки была не одна.

⟨—⟩ Его должны в больницу везти. Я не хочу. Я похороню.

— Свезем! Свезем!

— Я заплачу. Нам теперь помогает великодушный человек. Если великодуш⟨ный⟩ человек, имеющий связи, решился помочь и нас защитить. Вы сами знаете, что у Аркадия Семеныча было много друзей и если б только не несчастная слабость его; ибо он, имея такую слабость, сам удалился от них из благородной гордости. Я сама благородная и ваш отец мог быть лакеем у моего. [Мой отец!] ради в ⟨и⟩

⟨—⟩ С шалью танцевала⟨!⟩ — крикнул кто-то из дверей. Она быстро отворила дверь.

⟨—⟩ Возьмите! вот! поругайтесь над мертвым! — вот он перед вами.

О треклятая жизнь.

Очнулся.

— Босенькая.

Добрались до 4-го этажа.

¹В это время Катерина Ивановна опять по прежнему ходила сложа руки по комнате;² дверь на лестницу была отворена настежь <и>³, чтоб хоть сколько-нибудь защититься внутри от волн табачного дыма, беспре<ривно> врывавших<ся> из отворенных внутре<нных> дверей⁴ и заставлявших мучительно кашлять бедную чахоточную.

⁵Старшая девочка раздевала [на стуле] мальчика и укладывала спать. ⁶В ожидании он сидел на стуле в одной рубашечке⁷, прямо и недвижимо с протянутыми вперед ножками, плотно вместе сжатыми, пяточками на себя⁸ вперед и носками врозь. Девочка что-то рассказывала ему, кажется сказку; он слушал серьезно, надув губки, выпучив⁹ глаза, не шевелясь — точь в точь как обыкновенно должны сидеть¹⁰ все умные мальчики, когда их раздев<ают>¹¹ Маленькая девочка, в совершенных лохмотьях, стояла у ширм и смотрела, как раздевают старш<его>¹² брата.

<—> Ты и вообразить не можешь, Поленька, и вообразить себе не можешь теперь, как я росла¹³ и как этот пьяница погубил всех нас. Мой папенька был статский полковник и уже почти губернатор, ¹⁴ему оставалось только два шага до настоящего губернатора, все к нему ездили. Когда на последнем бале меня увидела княги<ня> Безземельская, которая образом меня благословляла, когда я выходила за твоего покой<ного> отца, Поля, она была даже пораж<ена> и спросила: Не та ли это прелестная особа, которая на выпуске танце<вала?>¹⁵ Прореху-то зашить надо, вот взяла бы иголку да сейчас бы и заштопала. А то ночью во

---

¹ Было: а. Начато и оставлено *незачеркнутым*: Семья Мармеладова [была] в эту минуту точно б. Странно, что

² На полях помета: Она всегда

³ настежь *вписано*.

⁴ Вместо: беспре<ривно> ~ дверей было: врывавших<ся> из отворенных дверей

⁵ Было начато: М<аленькая девочка и>

⁶ Было начато: О<н>

⁷ Было: а. в одной рубашке б. в одной худеньк<ой> рубашечке

⁸ на себя *вписано*.

⁹ Было и оставлено *незачеркнутым*: раскрыв

¹⁰ Было и оставлено *незачеркнутым*: как сидят

¹¹ когда их раздев<ают> *вписано*.

¹² старш<его> *вписано*.

¹³ Было: Ты не можешь и знать, Поленька, ты не можешь вообразить себе в этой жизни то, как я росла.

¹⁴ Было: Папаша был полковник и почти губернатор

¹⁵ Было: Когда на последнем бале меня увидела княги<ня> Безземельская, она спросила: Кто это прелестная особа...

сне еще больше¹ руками раздерет. Тогда еще приезжал из Петербурга камер-юнкер князь Шегольской, так он протанцевал со мной мазурку и на другой же день хотел просить руки моей. Но я сама ⟨*и*⟩ отвергла его.² Вода-то готова? [Вот сейчас вымыть, а к завтраму ему и будет готово надеть...] А то ведь просмотр⟨ишь⟩. Скинь рубашечку. Эх ты, Пол⟨ечка *и*⟩, а чулки-то забыла.³ Давай сюда! Что это трекля⟨тый⟩ пьяница нейдет. Жди его, рубаху заносил, что нельзя...⁴ Что это? Что э⟨то *и*⟩⁵ — закричала она вдруг, глянув на толпу в сенях и на людей, [теснив⟨шихся⟩] теснившихся, с какой-то тяжелой ношей, в ее комнату: Что это?

⟨—⟩ Куда же тут положить?⁶ — [спросил] говорил полицей⟨ский⟩, осматриваясь у Мармеладова.⁷ ⟨л. 3⟩

1 ⟨—⟩ На див⟨ан⟩, кладите на див⟨ан⟩, — [не отвеча⟨л⟩] крикнул Раск⟨ольников⟩. — Сюда прямо, вот сюда голов⟨ой⟩.

2 — Раздавили лошади, раздавили лошади хмельного⁸, — крикнул кто-то.

3 Катерина Ивановна остолбенела от испуга. Маленькая девочка вскрикнула, заплакала и бросилась к сестре.⁹

4 — Он переходил улицу, его раздавили, не беспок⟨ойтесь⟩, я велел сюда нести... я у вас был, помните, — говорил Расколь⟨ников⟩ наскоро Катер⟨ине⟩ Ива⟨новне⟩¹⁰. — Не беспокойтесь. Он очнется. Я заплачу... Я за всё запла⟨чу⟩.

5 ⟨—⟩ Добился! — отчаянно вскрикнула Катер⟨ина⟩ Ив⟨ановна⟩¹¹, заломив¹² руки. — О-о-о!

6 ⟨—⟩ Ради Бога не отчаивайтесь! — крик⟨нул⟩ бы⟨ло⟩ Раск⟨ольников⟩.¹³ Но та уже его не слушала.¹⁴ Больного по ее

¹ во сне еще больше *вписано*.

² Тогда еще ~ отвергла его. *вписано на полях и между строками*.

³ А то ведь ~ забыла. *вписано между строками*.

⁴ Что это ~ что нельзя... *вписано между строками*.

⁵ Что э⟨то?⟩ *вписано*.

⁶ Было: Куда положить прикажете?

⁷ Было и оставлено *незачеркнутым*: у дивана ⟨*и*⟩.

⁸ Было: Раздавили, раздавили лошади

⁹ Было: Катерина Ивановна стояла вся бледная и трудно дышала, дети перепугались.

¹⁰ говорил Расколь⟨ников⟩ наскоро Катер⟨ине⟩ Ива⟨новне⟩ *вписано*.

¹¹ Было: вскрикнула Мармеладова.

¹² Было начато и оставлено *незачеркнутым*: вспле⟨снув⟩

¹³ Ради бога ~ Раскольников. *вписано при перестановке фрагментов (см. далее, с. 266, примеч. 3)*.

¹⁴ Далее следует первоначальный, оставленный *незачеркнутым* вариант: Она бросилась к бесчувственному и засуетилась.

указанию положили на диван. Она бросилась за подушкой. Изредка из ее груди раздавались восклицания, но она подавляла их. Вместо обморока она бросилась¹ подать помощь.² Она не потерялась.³

Раскольников меж тем уговорил кого-то сбегать за доктором, который жил в двух шагах.⁴

— Я послал за доктором, — твердил он Катерине Ивановне, — не беспокойтесь, я заплачу. Нет ли свежей воды?⁵ И дайте салфетку, полотенце, что-нибудь... поскорее. Неизвестно еще как он ранен! Он ранен, а не убит, будьте уверены, он очнется.⁶ Что скажет доктор.

Катерина Ивановна бросилась к окну⁷, там на продавленном стуле, в углу, приготовлена была в глиняном тазу вода для ночного мытья детских рубашонок, что дельвалось два раза в н(еделю),⁸ ибо почти не было рубашек на смену,⁹ когда уложат детей, чтоб к утру белье, вывешанное за окно, успело просохнуть.¹⁰ Старшая девочка помогала в работе, таскала воду и проч. Катерина Ивановна схватилась было за таз и приподняла его, но ей было не по силам.

〈—〉 Не надо! Не надо! — [го(ворил)] кричал Расколь(ников), — дайте только полотенце, и схватив¹¹ наконец какую-то оборванную тряпку, погрузил ее до половины в воду и приложив 〈л. 3 об.〉 к испачканному кровью лицу несчастного, стал смывать кровь с лица и с головы. Он начал понимать, что плохо сделал, уговорив перенести сюда раздавленного. Городовой тоже стоял в недоумении¹².

— Только бы доктор поскорее, только бы доктор. Он все решит.¹³

¹ Было: подавляла их и суетилась

² Далее было начато: а. Это б(ыла) б. Кажется эта бедная женщина до того

³ Было: терялась

Первоначальная последовательность фрагментов, измененная их нумерацией: 1, 3, 2, 5, 4, 6.

⁴ На полях помета: О боже

⁵ Далее было начато: — Для

⁶ Было: Неизвестно, как он ранен!

⁷ Было: а. бросилась в угол к б. бросилась за водой к окну

⁸ Было: а. Начато чтоб б. что дельвалось почти всегда,

⁹ ибо почти не было рубашек на смену вписано.

¹⁰ На полях вписано: Катерина Ивановна не могла видеть на своих детях заношенного бельишка.

¹¹ Было начато: по(дхватив ?)

¹² уговорив ~ в недоумении вписано.

¹³ Он все решит. вписано.

— Поля! — крикнула Катерина Ивановна, — беги к Соне скорее, если не застанешь дома, скажи, что¹ когда воротится чтоб ей тотчас сказали, что отца ее лошади раздавили, умирает и чтоб она бросила все и сюда бежала². Скорей, беги, беги... Нечего одеваться, на, возьми мой платок.

— Сто есь духу беги! — крикнул вдруг мальчик со стула и, сказав это, погрузился опять в прежнее важное прямое сиденье³ на стуле выпуча глазки, пятками вперед и носками врозь.

Меж тем комната наполнилась, [как] так, что яблоку негде было упасть. Полицейские ушли кроме одного, который все еще оставался [выж(идая) <і>] на время и выгонял лишнюю публику в сени.⁴ Но зато из внутренних комнат высыпали все жильцы [Амалии] г-жи Липпехель и сначала было теснились только в дверях, но потом гурьбой хлынули в самую комнату.⁵ Катерина Ивановна пришла в испуге.

— Хоть бы умереть-то дали спокойно! Что за спектакль⁶ с папиросами. В шляпах войдите еще, и так в шляпе один. Вон... К смерти-то хоть имейте состраданье.⁶

Жильцы все один за одним протеснились обратно в дверь, с равнодушным и даже довольным, как всегда бывает в таких случаях, выражением лиц, и что видно⁷ даже сквозь маску сожаления. Впрочем слышались голоса про больницу, что здесь не место беспокоить... <л. 4>

<—> Умирать-то, — крикнула <Катерина> Ивановна, но в эту минуту протеснилась в дверь сама Амалия Липпехель и, притворив дверь за собой, всплеснула руки и вскрикнула смотря на окровавленн(ого) Марм(еладова).

<—> Ах боже мой!⁸ Ваш муж пьян лошадь затоптал!⁹ В больниц его! Я хозяйка.¹⁰

¹ Было: чтоб

² Вместо: что отца ~ бежала было: а. что приходили за ней. б. что приходили за ней и чтоб она шла немедля

³ Было: со стула мальчик [и погрузился в прежнее сид(енье)] и сказав это погрузился в прежнее важное прямое сиденье

⁴ и выгонял лишнюю публику в сени. *вписано.* На полях помета: К несчастью в

⁵ Было: а. в самую комнату осматривать Мармеладова. б. в самую комнату. Это тотчас же

⁶ На полях помета: Кашель.

⁷ и что видно *вписано*; знак вставки поставлен ошибочно перед словом выражением.

⁸ Далее было: а. Что будет! б. Что это будет!

⁹ Далее было перенесено (см. примеч. 8): Что это будет!

¹⁰ На полях заметки к последующему тексту: [Объясне(ние)] — Объяснение с Амалией. — Он очнется. Священ(ника), пошли! Испо-

⟨—⟩ Амалия Людвиговна! потому что вы не Иванов⟨на⟩, а Людвиговна. Прошу вас, вспомните...¹ что вы говорите.²

⟨—⟩ Я всегда себя поминаль, а вы не поминаль.³ Я вам ска-
заль раз на прежде, чтоб вы никогда не смель зываль меня
Амаль Людвиговна, я Амаль-Иван!

— Вы не Амаль-Иван, а Амаль-Людвиговна, и я это всегда
буду вам⁴ говорить, потому что не принадлежу к вашим под-
лым льстецам как г. Лебезятник⟨ов⟩. Вы видите, что случилось
с моим Аркадием Степаньчем⁵. Он умирает. Прошу вас за-
переть⁶ эту дверь. Дайте хоть умереть-то покойно. Иначе, уве-
рюю вас, ваш поступок будет известен самому генерал-губерна-
тору. Я сама пойду. Нам помогает теперь великодушный человек,
[ва⟨м ъ⟩] имеющий связи... Не беспокойтесь, вам заплатят.
Вы сами знаете, что у Аркадия Степаньча было много дру-
зей,⁷ которых он сам оставил из благородной гордости, пото-
му что, [буд⟨учи⟩] имея такую несчастную слабость, он не хо-
тел...

Говоря это Катерина Ивановна суетилась, бегала, хлопотала,
рвала последние детские рубашонки на бинты и перевязы⟨вала⟩
⟨1 нрзб.⟩.⁸

В это время раздался стон. Больной открыл глаза и, еще ⟨не⟩
понимая хорошо, смотрел на склонившего⟨ся⟩ к нему Расколь-
никова. Он очень тяжело дышал, хрипло, глубоко и ⟨л. 4 об.⟩
редко. На окраинах губ выдавилась кровь. Пот⁹ выступил на
лбу. Ему было очень трудно. Катерина Ивановна [б⟨росилась⟩],
не договорив, смотрела¹⁰ на него грустным, но строгим взгля-
дом.¹¹ Глаза ее стали вдруг¹² наполнены слезами.

ведь. — Что вы исповедь подслушиваете. — Босенькая. Доктор — в
колесе. Священ⟨ник⟩. Соня. С шалью танцевала.

¹ *Вместо: вспомните... было: а. велите сейчас, вспом⟨ните⟩ себя
б. вспомните себя*

² *Ниже между строками помета: Громкий кашель.*

³ *Я всегда ~ не поминаль. вписано*

⁴ *вам вписано.*

⁵ *Было: с моим мужем*

⁶ *Было: закройте*

⁷ *Между строками вписано: которые теперь генералами служ⟨ат⟩.*

На полях помета: Кашель

⁸ *Говоря ~ ⟨1 нрзб.⟩. вписано между строками и на полях.*

⁹ *Было начато: Потом*

¹⁰ *Было: не договорив, бросилась к нему и смотрела*

¹¹ *Было: а. на него с полной грустного отчаяния б. на него с груст-
н⟨ым⟩, отчаян⟨ным⟩ взглядом.*

¹² *вдруг вписано.*

〈—〉 Надо снять с него¹ платье. Боже, сколько [на груди] крови на груди! У него вся грудь изранена. Повернись немного, Сем〈ен〉 Захар〈ыч〉, если мож〈ешь〉.²

— Священника! — проговорил Мармеладов, узнав Катерину Ивановну.

Катерина Ивановна отошла к окну³ и, прислонив свою голову к оконной раме, с отчаянием вскрикнула.

— О треклятая жизнь!

Наступило опять молчание. В комнате была тяжелая тишина, полная ожидания, стенные часы в углу с гирей на веревке⁴ отбивали секунды. Раскольников беспокоился о докторе и хотел сам бежать.⁵

〈—〉 Священника! — проговорил Мармеладов.

— Пошли-и-и! — крикнула на него Катерина Ивановна, не отрываясь от окна⁶, и он замолчал. Она опять подошла к нему и стала у изголовья. Задумчивы〈ми〉 и робкими глазами он отыскивал ее взгляд, но остановил на маленьк〈ой〉 девочке, Лидочке,⁷ больной и его любимице⁸, дрожавшей в углу и смотревшей на него большими отворенными глазами.

〈—〉 А, А... — указывал он с беспокойством.

— Чего тебе?⁹ — крикнула Катерина Ивановна.

— Босенькая! Босенькая! — говорил он, полуумным взглядом кивая¹⁰ на босые ножки девочки.

— Молчи-и-и! — крикнула Катерина Ивановна. — Сам знаешь, почему босенькая!

[Больной] Умир〈ающий〉 замолчал. Опять наступило молча〈ние〉.¹¹

〈—〉 А вот кажет〈ся〉 и доктор, — крикнул обрадованный Раскольников.

Вошел доктор, аккуратный старичок¹², во фраке, озираясь с недоверчивым видом.

¹ с него *вписано*.

² У него ~ если мож〈ешь〉. *вписано позднее между строками*.

³ Было: отошла к окну, стала

⁴ с гирей на веревке *вписано*.

⁵ Раскольников ~ сам бежать. *вписано между строками; позднее там же приписано: Обтирает полотенцем кровь и не мог дожидаться док〈тора〉.*

⁶ не отрываясь от окна *вписано*.

⁷ Далее было начато: а. она 〈i〉 б. в

⁸ больной и его любимице *вписано*.

⁹ Было: Чего?

¹⁰ Было и оставлено *незачеркнутым*: показывая

¹¹ [Больной] ~ молча〈ние〉. *вписано*.

¹² Было: Действительно вошел доктор, почтенный старичок

— Что частный доктор не был еще? — спро(сил) он¹ (л. 5) и подошел к больному, взял пульс, слегка оцупал голову и, расстегнув всю смоченную кровью рубашку², в чем сильно хлопотала Катерина Иванов(на), обнажил грудь.³

Вся грудь была исковеркана, измята⁴ и истерзана, несколько ребер с правой стороны⁵ изломано. С левой стороны, на самом сердце⁶, было зловещее большое, желтовато-черное пятно, — жестокий удар лошадиным копытом. Доктор нахмурился. Полицейский рассказал ему, что раздавленного захватило в колесо рукой иль коле(ном)⁷ и тащило вертя шагов тридцать по мостовой.

— Удивительно! как еще он очнулся⁸! — сказал потихоньку доктор Раскольник(ову).

— Что вы скажете? — спросил его тот.

— Сейчас умрет⁹.

— И никакой надежды(?)

— Ни малейшей! Да уж он отходит.¹⁰ Пожалуй можно кровь отворить... но... Это будет бесполезно. Через пять или десять минут он умрет непременно.¹¹

— Так уж отворите лучше кровь.

— Да, пожалуй. Если хот(ите) пошлите за цирюльником, здесь кажет(ся) есть в этом до(ме).¹² Впрочем я вас предупреждаю, это будет совершен(но) бесполе(зно).

В это время послышались еще шаги и на пороге показался¹³ священник, с запасными дарами. За ним было послано еще с самого начала с согл(асия) Катер(ины) Ив(ановны).¹⁴ Это был седой старичок. Он поклонил(ся) на все стороны и подошел к больному. Доктор тотчас дал ему место и обменялся с ним значитель(ным) взглядом, который священ(ник) очень хо-

---

¹ Было: а. — Я частный б. Это частный доктор не видал? — говорил он.

² Было: расстегнув рубашку

³ Далее было начато: Доктор нак(лонился)

⁴ Было: и измята

⁵ с правой стороны вписано.

⁶ Было: у самого сердца

⁷ рукой иль коле(ном) вписано.

⁸ Было и оставлено незачеркнутым: жив

⁹ Было: Он кончае(тся).

¹⁰ Да уж он отходит. вписано.

¹¹ Вместо: Через пять ~ непременно. было: Он умирает, он через пять или десять минут умрет непременно.

¹² Вместо: Да, пожалуй ~ в этом д(оме). было: Пожалуй. Пошлите.

¹³ Было: явился

¹⁴ За ним ~ Катер(ины) Ив(ановны). вписано.

рошо понял. Затем пожал плечами, расставил руки и пошел из комнаты. Раскольников догнал его и сунул ему рубль серебр(ом).¹

Исповедь длилась очень недолго. Священник торопил(ся), он отпустил все грехи², вынул дары и стал приобщать его. Катерина Ивановна с начала³ исповеди взяла обоих детей и стала в уголок на колени⁴. Девочка вся дрожала и [пл(акала ;)] не плакала только от испуга. Мальчик, стоя на голеньких коленочках, подымал ручонку, крестился сам полным кр(естом) и кланялся в землю,⁵ (л. 5 об.) что по-видимому делал с особенным удовольствием, думая что его похвалят. Катерина Ивановна нашла впрочем минуту поправить раза два его крест и сложить ему как следует пальцы.⁶ Катерина Ивановна [кус(ала)] закусывала (губы) и сдерживала этим рыдания⁷, оправляя между прочим рубашечку на ребенк(е)⁸, а на плечи девочки накинула косынку, которую успела достать⁹ с комода. Раскольников отошел к окну¹⁰. Двери из внутренних комнат стали опять отворяться и целая группа любопытных наблюдала церемонию, в сенях же плотно теснились жильцы со всей лестницы — кухарки, служанки, дети, мужики. Один [ту(склый)] сальный огарок освещал всю сцену. В эту минуту из сеней сквозь толпу быстро протеснилась в комн(ату) Поленька¹¹, бегавшая за Софьей Аркадьевной. Она вошла¹², едва переводя дух от быстрого бега, сняла с себя платок, отыскала глазами мать, подошла к ней и сказала: «Идет. На улице встретила»¹³. Мать пригнула ее на колени и поставила¹⁴ подле себя.

¹ Затем пожал ~ рубль серебр(ом). *вписано между строками и на полях.*

² отпустил все грехи *вписано.*

³ Было и оставлено *незачеркнутым*: вначале

⁴ Было: стала в уголок на колени и взяла туда (обоих детей)

⁵ *Против текста*: Исповедь длилась ~ в землю на полях *заметки*:

Свеч(ка) испов(едь)

заглядыв(ают) опять, отворили дверь. Свет.

Кат(ерина) Ив(ановна) заплакала.

⁶ думая ~ пальцы. *вписано в два приема* (Катерина Ивановна ~ пальцы. *позднее*).

⁷ Было: рыдания. Но

⁸ *В рукописи*: на ребенку

⁹ Было: достала

¹⁰ *Далее было начато*: В сенях теснились жи(льцы)

¹¹ *Вместо*: быстро ~ Поленька было: протеснилась Поленька

¹² Было: вошла в комнату, тяжело дыша, бледная,

¹³ На улице встретила». *вписано.*

¹⁴ и поставила *вписано.*

Раскольников начал выглядывать.¹ Он тоже чего-то ждал и странно — с какой-то трев(огой)².

Вдруг из толпы тихо и неслышно протеснилась девушка [странно одетая — странно для такой обстановки]. Странное это было появление, среди бедности, нищеты и отчаяния.³ Она была в новеньк(ой)⁴ лиловой мантилке, в светлом платьице, с щегольской омбрелькой в руках, в поношенных, но хорошеньких перчаточках и в соломенной круглой шляпке с огненно⁵ алым пером. Она [не перешла за порог и] остановилась в сенях у самого порога, но не перешла за порог. При ее появлении поднялся [и] на лестнице говор, а из внутренних комнат кто-то⁶ громко плюнул. Но вошедшая казалось уж и не могла обратить ни на что внимания: она стояла как потерянная. Сколько мог разглядеть Раскольников, она была среднего роста, восемнадцатилетняя, худенькая, но довольно хорошенькая⁷ блондиночка, с робким, а теперь испуганным лицом⁸, вся бледная, с раскрытым ртом и глазами. Она пристально (л. б) смотрела на постель, на священника. Она тоже задыхалась от скорого бега. Девочка не застала ее дома и встретила случайно на улице. Наконец шушукание и некоторые слова в сенях, вероятно, до нее долетели. Она осмотрелась, потушила глаза, переступила шаг⁹ через порог и стала в комнате, но все-таки у самых двер(ей).¹⁰

Исповедь и причащение кончил(и)сь.¹¹ Священник отступил и¹² обратился было сказать в напутствие и утешение¹³ два слова к Катерине Ивановне.

— А куда я этих-то дену? — перебила она его утешитель(ные) ре(чи),¹⁴ указывая на малютку.

— Бог милостив, надейтесь на помощь Всевышнего, — начал было священник.

¹ *Вместо:* начал выглядывать. было и оставлено незачеркнутым: смотрел в сени.

² *Вместо:* с какой-то трев(огой) было: с каким-то ощущ(ением)

³ Странное это ~ отчаяния. вписано на полях позднее следующего предложения.

⁴ в новеньк(ой) вписано.

⁵ огненно вписано.

⁶ Было: даже смех и кто-то

⁷ довольно хорошенькая вписано.

⁸ Было: робкими, а теперь испуганными чертами лица

⁹ шаг вписано.

¹⁰ Было и оставлено незачеркнутым: но опять-таки в самых дверях.

¹¹ Было: Исповедь кончилась.

¹² и вписано.

¹³ в [утеше(ние)] напутствие и утешение вписано.

¹⁴ Было: а. спросила она священника б. резко спросила она священника

— Эх, батюшка, милостив да не до нас.

— Это грех! Грех-с, сударыня!¹ — ответил священник, качая головой.

— А это не грех! — крикнула Катерина Ивановна, указывая на умирающего.

— Может быть те, которые были причиною, вознаградят вас хотя бы в потере доходов...

— Э-эх! Не поняли вы меня. — Она махнула рук⟨ой⟩. — [Да и з⟨а⟩чем] Да и чем вознаграждать? За что? И искать нельзя. Ведь он пьяный сам полез под лошадей, да от него и не доход, а убыток был один, всё пропивал... Ведь он пьяница. Он ихнюю, да мою жизнь в кабаке пропил — и слава Богу что помирает.²

— Простить бы³ надо в предсмертный час, это грех, грех, сударыня, очень грешно.⁴

— Эх вы всё только говорите, да говорите! Простить:⁵ Вот он пришел бы пьяный, рубашка-то на нем одна и заношенная. Сам бы завалился⁶ спать, а я бы до трех часов полоскалась, ⟨л. б об.⟩ рубашку бы его мыла да детей обмыть надо,⁷ да потом высушила бы всё на восходе солнца и штопать бы начала⁸ ⟨—⟩ вот моя и ночь... Так чего уж тут говорить о прощении? И то простила давно!⁹

Глубокий кашель прервал ее слова. Она [плюнула] вынула свой носовой платок и показала священнику, платок был весь в крови¹⁰.

⟨—⟩ Вот смотрите! мое житье! А они-то на кого останутся! Не Бог да вот еще кормит. Дворянск⟨ая⟩ дочка, титулярн⟨ая⟩ советн⟨ица⟩, с желтым билетом по улице ⟨не ъ⟩ шляет⟨ся⟩, а ей довел⟨ось⟩. Э-эх! болтовня!¹¹

---

¹ Было: Это грех! Грех!

² Было: — Э-эх! — Она махнула рук⟨ой⟩. — Чем вознаграждать? За что? Ведь он пьяный сам полез под лошадей, да к тому от него и не доход, а убыток был один, всё пропивал... Он ихнюю да мою жизнь погубил — [а он] и слава Богу, что помирает.

³ Было: Простить

⁴ Было: это грех, это грешно.

⁵ Простить: *вписано*.

⁶ Было: повалился

⁷ да детей обмыть надо *вписано*.

⁸ Было: рубашку бы его мыла да потом высушила бы на солнце и штопать бы стала

⁹ И то простила давно! *вписано*.

¹⁰ Далее было начато: Она

¹¹ Вот смотрите ~ болтовня! *вписано между строками и на полях*.

Бросив священника, она подошла к мужу. Священник перекрестился и намеревался уж было¹ выходить, любопытно посматривая на молоденькую испуганную и разодетую [судя по всей] в сравнении с окружающей обстановкой деву(шку)².

³В эту минуту Мармеладов в последней агонии встретил глаза Катерины Иванов(ны), склонившейся над ним. Он пошевелил рукой, губами и хотел было [ей] что-то сказать. Он конечно⁴ слышал разговор ее⁵ с священником. Но Катерина Ивановна, смотревшая на него с глубоким [со]страданием и горечью и вся в слезах, вдруг повелительно крикнула ему, что совершенно противоречило ее слезам:

— Молчи-и-и! Знаю что сказать хочешь, молчи-и! Не надо! — и он послуш(но)⁶ умолк, не спуская с нее глаз.⁷

Опять молчание, опять затикали часы, священник медлил.

Но в то время когда Катерина Ивановна вздумала было чуть-чуть поправить под головой его окровавленную⁸ подушку, взгляд его случайно упал на дверь.

— Кто это? Кто это? — проговорил он вдруг⁹ хриплым [задышающимся] голосом¹⁰. Он протянул руку и с ужасом показывал на дверь, на то место, где стояла (дочь)¹¹.

— Лежи, лежи-и-и! — крикнула было Катерина Ивановна. Но он уже вставал, он приподнимался¹² на руке с чрезвычайным усилием, весь дрожа от ужаса¹³, испуганным, недоверчивым

---

¹ уж было вписано.

² Было и оставлено незачеркнутым: испуганную девушку с огненным пером, стоявшую в самых дверях.

³ Было начато: Но уже наступала последняя агония. Мармел(адов)

⁴ Было: Вероятно он

⁵ ее вписано.

⁶ послуш(но) вписано, поверх наложилось вписанное: хочешь

⁷ Было: крикнула ему:

— Молчи-и-и! — и он умолк, не спуская с нее глаз.

Далее было начато: а. Дети б. Он в. В это мгновение слу(чилось) г. Но На полях помета: тяжело дышать. Тишина.

⁸ окровавленную вписано.

⁹ Далее было: хотя за минуту уже

¹⁰ Между строками вписано: Он еще не видал ее до сих пор. Она стояла в тени. Весь задрожал. Поперек строк вписано: И узнавать

¹¹ В рукописи ошибка: дверь. На полях набросок к последующему тексту (см. далее с. 277): и мамаша сама нам сказала, что она ее больше всех нас любит. Господи, благослови сестрицу Соню.

¹² Было: приподнялся

¹³ весь дрожа от ужаса вписано.

⟨л. 7⟩ и страдальческим взглядом смотря на свою Соню, раздетую по-уличному, с алым пером.¹ Вдруг он узнал ее.

Необыкновенное чувство изобразилось в лице его.²

— Соня! — вскрикнул он [и] ⟨нрзб.⟩. — Соня! Дочь!³ Прости! — крикнул он и хотел было протянуть к ней обе⁴ руки, но [лишившись] потеряв опору, сорвался и грохнулся с дивана прямо лицом наземь; бросились подымать его, подняли, положили, но уже отходил. Соня бросилась к нему и обняла его. Он умер у нее в руках.

— Добился своего!⁵ — крикнула Катерина Ивановна, увидав труп мужа⁶. — Ну, что вы теперь скажете! Что! — крикнула она в исступлении и заломив руки священнику, который еще не ушел и был свидетелем последней сцены⁷, — чем я похороню его, чем? чем? А чем их-то, их-то накормлю?⁸

Раскольников [тихо] подошел к Катерине Ивановне.

⟨—⟩ Катерина Ивановна, — сказал он [тихо], дрожа от волнения, — один раз на прошлой неделе ваш покойный муж рассказал мне всю свою жизнь и все обстоятельства. Будьте уверены, что он⁹ говорил с восторженным уважением.¹⁰ С этого вечера, когда я узнал как он всем вам был предан, и как, особенно вас, Катерина Ивановна, уважал и любил, несмотря на свою несчастную слабость — с этого вечера мы и¹¹ стали друзьями. Позвольте же мне и теперь участвовать в отдании¹² долга моему покойному другу. Вот двадцать рублей — и если это может послужить Вам в помощь... то... я... одним словом... я зайду. Я непременно зайду... я может быть еще завтра зайду... Прощайте!¹³

¹ Было: смотря на Соню.

² Необыкновенное чувство изобразилось в лице его. *вписано.*

³ Вместо: Соня! — вскрикнул ~ Дочь! было: Соня! Дочь!

⁴ обе *вписано.*

⁵ Было: отходил, через минуту он умер.

— Добился своего!

⁶ увидав труп мужа. *вписано.*

⁷ Было: Что? крикнула она [к] священнику, который был свидетелем последней сцены

⁸ А чем их-то, их-то накормлю? *вписано.*

⁹ Было: а. он возд(авал) б. он понимал себя

¹⁰ Будьте уверены ~ уважением(ем) *вписано.*

¹¹ и *вписано.*

¹² Было: способствовать к отданию

¹³ На полях запись: Ему хотелось поскорее быть одному. *Господин.*

И он быстро вышел из комнаты и протеснился через толпу на лестницу. За ним вышел священник. Раскольников молча пропустил его мимо себя и пошел сзади. Он сходил тихо; глубокое волнение было в[о вс⟨ей⟩ ⟨и⟩] его душе. ⟨7 об.⟩

Он¹ обернулся к ней. Та сбежала последнюю лестницу и остановилась вплоть перед ним, ступенькой выше его. Тусклый² свет проходил со двора и Раскольников разглядел [улыб⟨ающее-ся⟩] худенькое, но милое личико девочки, [детски] улыбающееся ему и весело по-детски на него смотревшее.³ Она прибежала⁴ с поручением, которое видимо ей самой очень нравилось.

— Послушайте, как вас зовут... и где вы живете?⁵ — спросила она. Он положил ей обе руки на плечи и тихо глядел⁶ на нее. Ему⁶ так приятно было на нее смотреть. Она засмеялась ему.

— А кто вас прислал?⁷

— А меня послала сестрица Соня, — отвечала девочка, еще веселее⁸ улыбаясь.

— ⁹Я так и знал, что вас прислала сестрица Соня.

— Меня и мамаша тоже прислала. Когда сестрица Соня стала мне говорить, мамаша тоже сказала: поскорей беги¹⁰, Поленька.

— А любите вы сестрицу Соню⟨?⟩

— Я ее больше всех люблю! — с какою-то особенною твердостью проговорила Поленька, и улыбка ее стала серьезнее.¹¹

— А меня будете любить?¹²

Вместо ответа Раскольников увидел приближающееся к нему личико девочки и две пухленькие губки, протянувшиеся поцеловать его. Во время поцелуя, она как бы еще больше раскрыла свои большие, блестящие глаза, чтоб глядеть на него, но вдруг руки ее обхватили его крепко-крепко, головка¹² склонилась к его

---

¹ Было: Раскольников

² Тусклый *вписано*.

³ Было: худенькое личико, улыбающееся ему и весело на него смотревшее.

⁴ Было: Она была

⁵ Было: пристально поглядел

⁶ Было: а. Как в тексте. б. и ему

⁷ Было: прислал, Поленька?

⁸ Вместо: веселее было: больше

⁹ Было начато: А лю⟨бите⟩

¹⁰ Было: да поскорей спроси

¹¹ Было: отвечала Поленька, не переставая улыбаться.

¹² головка *зачеркнуто и восстановлено*.

плечу, и девочка вдруг <л. 8>¹ зарыдала, прижимаясь лицом² к его плечу все крепче и крепче.

— Папочку жалко! — проговорила она через минуту, подымая³ свое заплаканное личико и вытирая руками глаза.

<—> А он вас любил?⁴

<—> Он Лидочку больше всех нас любил, потому что она больная, и ей всегда гостинцу носил, и нас всех читать учил, когда был он здоров, а мамочка [всегда] это видела и ничего не говорила, а только мы знали, что⁵ она это любит, и папочка знал⁶, и когда мы спать ложимся, то каждый день за него Богу молимся и за сестрицу Соню.⁷

— А как вы молитесь?

---

¹ На полях наброски к последующему тексту (см. далее с. 278—279):

Какая разница. Смерть воскрес<ила>. Прочь миражи, прочь напускные стра<хи>.

Если б был на луне и возвратился к людям.

Что же случилось? Да ничего больше как ощущение жизни. Значит, можно же жить, такую же полную же жизнью, как и все живут, значит, [может] можно же жить для других и с другими. — [Значит] Значит, всё это страх, мираж и я не отрезан. (Отдает послед<нее>.)

Значит, был на аршине пространства из мрака и бури и возвратил<ся> к людям.

То, что было, был панический страх, моя теория болезни верна — а теперь — царство убеждения и рассудка, теперь посмотрим, теперь померяемся, посмотрим, кто кого — сам бессознатель<но> вызывая черную темную силу.

В первый раз дыш<ал> свободно всею грудью с того самого вечера.

Что же случилось<?>

<—> Ведь я сказал, что перебесишь дурь и воротисься.

<—> Да, я перебесил дурь и воротился, — сказал Раскольников.

<—> Так примете капли<?>

<—> Приму.

На полях каллиграфические прописи: 1. Lapidaire (фр. четкий, сжатый — о стиле) 2. Борятин<ский> (дважды) 3. Вознагра<ждение> 4. [Благосв<етлов>] 5. Нил<...>

² лицом вписано.

³ Далее было: от

⁴ Вместо: личико ~ любил? было: а. — личико. — А вы его <любили> б. личико. Она вытирала руками глаза. — А он вас очень любил?

⁵ Далее было: это

⁶ Далее было: мамочка

Вместо: и ей всегда ~ знал было: и нас всех читать учил, а мамочка его за это всегда хвалила, и когда

⁷ См. выше, с. 274, примеч. 11, набросок к этому месту.

— Я уж¹ большая сама² про себя, а Аркаша с Лидочкой³ вместе с мамашей вслух: Боже прости и благослови сестрицу Соню, Боже прости и благослови другого нашего папашу — потому что наш первый папаша умер, а этот ведь другой, и мы об том тоже молимся.⁴

— Полечка, меня зовут Родион, помолитесь когда-нибудь и обо мне: Господи, прости раба твоего Родиона — больше ничего⁵.

— Всю мою будущую жизнь буду об вас молиться! — с жаром проговор(ила) девочка; и вдруг опять засмеялась, бросилась к нему и горячо его поцеловала.⁶

Раскольников сказал свое имя, сказал адрес [поцеловал ее еще раз] и отпустил ее. Был час одиннадцатый, когда он вышел на улицу. Через пять минут он стоял на мосту, ровно на том самом месте, с которого давеча бросилась женщина. Смерть и воскресен(ие). Да, это полное воскр(есение), — подумал он про себя. Он почувствовал, что жизнь разом переломилась, кончился ад и наступила другая жизнь.⁷ Что же случилось? [Что перевернуло] Что перевернуло его? Изменилось ли что в прежнем(?) Факты не изменились, но получился новый внезапный факт и именно в тот самый момент, когда он наиболее отчаялся в возможности этого факта. Этот факт был полное, непосредст(венное) жизненное ощущение, мысль о том, что он не отрезан от человекoв, как почувствовал он тогда на мосту у часовни, и что это неправда, ошибка, панический страх, а что, напротив, он может, тоже может⁸, как и все, жить полною, общею жизнью вместе со всеми, с ними радоваться и мучиться; что он не один, а со всеми.

Воскрес из мерт(вых). Что же случилось? То, что он отдал свои послед(ние) день(ги) — это что ли(?) — Какой вздор. Девочка эта? Сон(я)? — Не то, а всё вместе.⁹

¹ уж зачеркнуто и написано вторично.

² Было: а. сама б. так сама

³ Было: а брат с сестрой

⁴ Было: потому что ведь наш первый папенька умер и мы и об том тоже молимся.

⁵ Далее было начато: а впрочем

⁶ Вместо: буду об вас молиться ~ поцеловала. было: каждую ночь буду молиться! — с жаром сказала девочка; и опять засмеялась.

⁷ Он почувствовал ~ другая жизнь. вписано.

⁸ Вместо: и что это ~ тоже может было: а что может, тоже может

⁹ Воскрес из мерт(вых) ~ всё вместе. вписано позднее фрагментов: Мираж это ~ к Разумихину.

Мираж это иль нет, — не знаю, я знаю только то, что я тоже живу, — подумал он. — Прочь напущенн(ые) страхи! прочь привидения...¹

Он был слаб, он устал, он чуть не падал. Но душа его была слишком полна. Ба! здесь должен быть недал(еко) дом Бакал(еева), 11-й № помню. Он пошел к Разумихину. <л. 8 об.>²

Он легко отыскал Разумихина на новой квартире. В доме его уже [совер(шенно)] знали, и дворники³ тотчас указали ему дорогу. Уже⁴ с половины лестницы можно было отличить шум и оживленный говор большого собрания. Слышались крики, голоса, споры. ⁵Лестни(чная) дверь была отвор(ена). Он вошел⁶. Комната Разумихина была довольно большая, собрание было человек в пятнадцать, как можно было заметить из прихожей, где остановился Раскольников. В прихожей за перегородкой готовялись закуски. Две женщины-прислужницы хлопотали около самовара, бутылок и только что принесли с хозяйск(ой) кух(ни) пироги и котл(еты). Раскольников⁷, не входя в комнату, послал выслать хозяина. Разумихин тотчас же явился и восторженно обрадов(ался).

— Слушай, [я то(лько)] — поспешил сказать Раскольников, — я только для того, чтоб [док(азать)] показать тебе, что ты заклад выиграл. Но я не могу войти⁸: я так слаб, так слаб, что сейчас упаду. И потому здравствуй и прощай, а завтра ко мне приходи.

— Знаешь что! доведу я тебя,⁹ ты хоть на меня обопрешься, потому, брат, уж коли ты сам говоришь, что слаб...

— А гости?

---

¹ Между строками и на полях заметки: Ощущение не слабело. Оно было все то же. Ему припомнилось, как он бросил монету. Прочь страхи!

вспомнил, когда бросил монету.

Прочь низкое чувство. Я могу жить и буду жить.

² Каллиграфические прописи поверх текста, расположенные при повороте страницы левым краем вверх: 1. Эмилия 2. Бог 3. Преступ(ление)

³ Было: а. Он легко отыскал Разумихина. Его уже знали и дворники в доме и б. Начато: Он легко отыскал Разумихина в доме Б(акалсева)

⁴ Было: Еще

⁵ Было начато: Квартира

⁶ Лестни(чная) ~ вошел. вписано. На полях: Тогда-то <і> весело-то <і> — подумал Раскольников.

⁷ Было: а. Начато: хлопотали с б. хлопотали около самовара. Раскольников

⁸ Было: идти

⁹ Было: доведу я тебя!

— А дядя? Ты не понимаешь, брат, что это за драгоценный человек. Да¹ и черт с ними, им теперь не до меня, а мне самому надо освежиться, потому, брат, ты кстати пришел: Если б еще мгновение — я бы подрался, ей богу! Врут такую дичь, что невозможно слушать... Я тебе расскажу... Стой, посиди, я приведу Зосимова.

Зосимов пришел тотчас же и² с какою-то жадностью накинулся осматривать Раскольников. Лицо его прояснилось:

— Немедленно спать! — сказал он. — Это очень хорошо, что ты сам его поведешь, — сказал он Разумихину. — Что завтра будет (л. 9) не знаю, но... кажется хорошо, что он теперь пошлял(ся), перемена сильная, к лучшему. Поболтай³ с ним дорогою, — шепнул он Разумихину, — и его самого заставь [говорить] болтать, и мне Расскажи, как воротиться⁴.

— Знаешь что мне сейчас Зосимов шепнул? — брякнул Разумихин, только что вышли на улицу. — Я, брат, тебе всё прямо скажу, потому они дураки. Зосимов велел мне болтать с тобой дорогою и тебя заставить болтать, а потом ему рассказать, — потому что⁵ у него идея... что ты... близок к помешательству. Во-первых, если ты не сумасшедший, так тебе наплевать, что у них такие ид(ей)⁶, а во-вторых, это вовсе не обидно, особен(но) когда я слушал его (и)⁷, — это кусок мяса и по специальности своей хирург, матерьялист, в Бога не верующий, помешал(ся) сам на душевных болезнях. У него теперь это конек, а всему причиною был разговор твой с Заметовым.

— Заметов рассказал тебе всё?

— Всё, и отлично сделал. Я, брат, теперь всю подноготную понял и Заметов понял и все поймут. Заметов только чудом спасся теперь от дранья вихров да я его из-за радостного результата простил...⁸ ну... да одним словом, Родька, дело в том... дело в том... что эта мысль действительно была у них — понимаешь? Т. е. они никто не смели ее вслух высказывать — потому нелепость, а она была так сказать в зачатии, — может быть я очень скверно делаю, что тебе говорю, потому это глуп(ость)⁹, — > с

¹ Далее было: одним

² Далее было начато: а. и стал осматривать [Раскольник(ова)] больного и не б. и с каким-то жадным любопытств(ом) осмотрел

³ Было: кажется хорошо. Поболтай

⁴ Вместо: шепнул он ~ как воротиться. было: шепнул он Разумихину и Расскажи мне — [шепнул он Разумихину].

⁵ что вписано.

⁶ что у них такие ид(ей) вписано.

⁷ это вовсе ~ слушал его (и) вписано.

⁸ да я его ~ простил вписано.

⁹ может быть ~ глуп(ость) вписано.

самого обморока в конторе и началось по мелкой злобе Ильи Петровича. Да тогда же впрочем и кончилось, больше ничего не было [особ(енно)], кроме смеху, особенно как работника арестовали.¹ Я тогда Заметова немного поколотил (это между нами, брат, не говори ему пожалуста и намека не подавай. Это у Лави-зы было), но — сегодня, сегодня всё стало ясно, и Заметов первый в восторге. Зосимов [говорит] разъясняет так: болезненно настроен, голоден, мнителен, обидчив, с зародышем воспаления в мозгу — а тут Илья Петрович накинулся за папироску, взыска-ние Чебарова², а тут вдруг рассказ об это(м) убийств(е)³... об-морок.

— Я в обморок упал, оттого, что у них духота была и⁴ све-жей масляной (л. 9 об.) краской пахло, что я не могу вы(но-сить).

— Ну да конечно так!⁵ Ну а тут болезнь, и в болезни, и как выздоровел, тебя это убийство проклятое всего и перевер-нуло. Затем припомнил всё — и оплевал сегодня⁶ Заметова в Palais de Cristal, одурачив его тем, что напугал. Как ему, брат, стыдно-то теперь. Мизинца, говорит, этого человека, не стою!

— А почему ж меня в сумасшедшие-то записал(?)

— То есть не в сумасшедшие, а поразило его давеча, Зоси-мова-то,⁷ что тебя слишком беспокоит это убийство. Теперь ясно почему, зная все⁸ обстоятельства. Ты болезненно настроен и обиду не можешь забыть. Только ты плюнь: я бы им всем показ-зал такой кукиш...

(—) Слушай, Разумихин, — сказал Раскольников, — я те-бе хочу сказать прямо, — я сейчас у мертвого был, один человек умер, я там все мои деньги отдал и кроме того меня целовало сейчас одно существо, которое... если б я и убил кого-нибудь, тоже бы... одним словом... впрочем я завираюсь, я очень слаб. Главное дело жить можно... А впрочем, вот когда я проверил⁹ по опыту, по факту, что и я могу еще жить — то¹⁰ мне теперь всё

¹ Да тогда же ~ арестовали. *вписано.*

² *взыскание Чебарова вписано.*

³ *Вместо: рассказ об это(м) убийств(е) было: это убийство*

⁴ *духота была и вписано.*

⁵ *Было: И вероятнее всего что так!*

⁶ *Было: а. и отпел (описка ?) б. Как в тексте. в. сегодня вычерк-нуто карандашом.*

⁷ *Зосимова-то вписано.*

⁸ *все вписано.*

⁹ *Было: догадался*

¹⁰ *то вписано.*

равно, что наплевать надо. Разве я не могу¹ молча страдать... И если я убил... если когда-нибудь ты услышишь... А впрочем, брат, поддержи меня. У меня голова кружится, устал. Что это?² смотри! У меня окно освещено, — крик(нул) Р(аскольников)².

— Да!³ Настасья, должно быть, — отвечал Разуმიхин.

— Никогда ее не бывает когда меня нет, да и теперь ей спать время. Это... а впрочем пойдем... Мне решительно всё равно.

У Разуმიхина мелькнула мысль, что действительно может (л. 10) быть Зосимов-то прав. Он дурно сделал сейчас, рассказав ему⁴ о поручении. Зосимов наблюдал за ним.⁵ Впрочем бред, думал он. Они взбирались на лестницу, Разуმიхин его поддерживал и действительно подходя к двери они увидели из неплотно-притворенн(ой) двери свет и слышали голоса...

— Кто же это может быть(?) — крикнул Разумихин⁶.

(—) Пойдем, — сказал Раскольников и потащил его сам наверх.

Он первый взялся за ручку двери и отворил ее, отворил и стал на пороге⁷. Мать и сестра его сидели на его диване и ждали его уже полтора часа. Все эти полтора часа они наперебив⁸ расспрашивали Настасью, стоявшую перед ними и рассказавшую им всю подноготную.⁹ Они себя не помнили от испуга, когда узнали, что он «сегодня сбежал» больной и в бреду¹⁰ должно быть; Боже мой¹¹, что с ним!¹² Теперь обе плакали, обе вынесли крестную муку в эти полтора часа ожидания. Восторженный радостный крик встретил появление сы(на)¹³. Мать и Дуня бросились обе к нему... Но он стоял как мертвый. Страшное внезапное сознание¹⁴ ударило в него как громом. «Я не могу их обнять, — пронеслось как молния в его голове. — Отчего у меня руки не

¹ Вместо: я не могу было: нельзя

² Вместо: У меня ~ Р(аскольников). было: У меня всё окно освещено.

³ Да! вписано.

⁴ Далее было начато: ч(то)

⁵ Он дурно ~ за ним. вписано на полях наверху страницы.

⁶ Далее было и оставлено незначеркнутым: и потащил его сам

⁷ Далее было начато: Раздали(сь)

⁸ Было: неумолчно

⁹ Далее было начато: Б(оже)

¹⁰ Вместо: сбежал» больной и в бреду было: сбежал». В бреду

¹¹ Боже мой вписано.

¹² Далее было начато: Они

¹³ Было: Раскольников(а)

¹⁴ Было: а. Страшное внезапное чувство б. Как в тексте. в. Страшн(ая) внезапн(ая) мысль

подн(имаются) обнять их¹». Но это было только мгновение. У природы есть исходы таинственные и чудные, через минуту он сжимал их² обеих в своих руках³ и никогда еще он не испытывал более порывистого и восторженного ощущения, а еще через минуту — он уже гордо сознавал⁴, что он господин своего рассудка и воли, что ничей он не раб и что сознание — опять оправдало его. Кончилась болезнь, кончился панический страх.

В первую минуту все смотрели друг на друга молча и обнимались. Разумихин стоял на пороге как вкопанный и смотрел на всю сцену... Он смотрел еще на Дуню неподвижно как истукан⁵... Наконец и его⁶ стали замечать. (л. 10 об.)

Черновые наброски к главам VI—VII второй части (ЧН₁)

〈—〉 Это што, дядынка, журнал(?)

〈—〉 А вот картинки-то, как барыням одеваться, они выставляют их, красками. Иной такая намалевана, что — ах — так бы вот ей.

— Отца-матери только нет.

Раскольников встал и пошел в ту комнату.

〈—〉 Вам чего?

У моста:

Обморок.⁷ Стал на мосту. Голов(а) его начала кружиться, огненные колеса, закат, панорама.⁸

Городовые при входе на мост возились с пьяным.

Стал на мосту. Картина.

«Вот и прийти через два часа, когда стемнеет. В Неву, впрочем, лучше...»

С моста.

После утопления

---

¹ Отчего ~ обнять их *вписано*. На полях внизу страницы: Почему он всего менее их ожидал [и менее в(сего)], несмотря на поминутные известия, что они едут, выезжают, сейчас приедут.

² Далее было: в обеих (руках)

³ Было: в руках своих

⁴ Вместо: уже гордо сознавал было: он вполне убедился

⁵ Было и оставлено *незачеркнутым*: как прикованный

⁶ Далее было: кажет(ся)

⁷ Обморок. *вписано*.

⁸ Стал ~ панорама. *вписано*.

Сбегай в контору-то, два шага.

— Ба! до конторы два шага, — подумал Раскольников.
Странная мысль, он пошел.

— Нет, постой, дом <2 нрзб.>

Текущее.

Ассигнации менял:

<—> Нет, это не всегда так делается.

<—> А старуху-то? Ищут его, поди, ловко сделано...

— А как бы вы сделали?

И Раскольников почувствовал какую-то цель, да и Заметов как будто не хотел уж скрывать ее.

Раскольников. Ну уж так и быть — скажу, как бы я сделал.
Что? Удовлетворил желание — а?

<—> Не стоим мы все его.

<—> Так и Разумихин мне тогда говорил, когда бить меня хотел, — за мысль!

У моста.

«И чего я спасался давеча от Заметова, после того как уже брякнул ему?»

«Я могу и так жить, но не хочу из гордости, из презрения». <л. 1>

У Разумихина. Про Лужина:

«Я подлецом клеймлю, intrus'ом».¹

«Ведь он давеча правду говорил, а между тем вышла неправда».

NB. Непременно черту характера Мармеладова в рассказе Пашеньки.

Мармеладов. NB. — Поддерживал голову и запачкался в крови.

Голландские рубашки <л. 1 об.>²

¹ Самозванцем (фр.). Было: intrus'ов

² Каллиграфические прописи: 1. Виноторг<овец> 2. Виноградов (полностью и недописанная).

Черновой набросок конца главы VII
второй части (ЧН₂)

С первого¹ взгляда Раскольников (заметил), что он необыкновенен(но) много выпил, и хотя Разумихин, почти никогда, не мог напиться допьяна, но на этот раз что-то было заметно.²

— Непременно, и знаешь что, я тебя сам провожу домой. Потому если уж ты сам говоришь, что слаб, значит, слаб, но теперь — теперь ты войдешь.

И Разумихин схватил его за руку.

— Не могу! — сказал Раскольников.

— Знаю, знаю, но только на десять минут. На пять минут и не более. Ни за что не пушу. Ты должен для меня это сделать! Видишь: черт с ними со всем(и)! ты кстати вошел: еще минута, и я бы там подрался, ей Богу. Врут такую дичь... Ты представить себе не можешь, до какой степени может изовратиться человек, и потому ты там нужен, я хочу, чтоб ты сейчас же им решил один вопрос. Один только вопрос, и уйди, и я тебя поведу...

— Но это невозможно. Какой вопрос(?)

— Возможно! идем! пять минут! пять минут! Сядь и скажи им. Если хочешь, буду тебя всё время на руках держать.

Он³ потащил его насильно.

(—) Вот разрешит! — крикнул он.— Молчание. Этот не пьян, и в мизинце его больше ума, чем... ну чем хоть у меня. Садись, Родион.

Раскольников с изумлением окидывал собрание. В другом каком-нибудь собрании — вечер, дошедший до такого градуса, давно бы обратил(ся) в оргию. Здесь уже началась⁴ оргия, только другого рода, умственная. Раздавались неестественные крики и споры. Чуть не дрались. Дело шло, разумеется как и всегда, об самых отвлеченных вещах. Расслушать и понять постороннему уже ничего нельзя было. Всё (л. 1) говорило и кричало разом. Раскольников тихо и пристально⁵ оглядывал лица. Была молодежь, были и люди уже в летах. Были и такие, которые, конечно, не поверили бы, что и они изменят своей всегдашней светской солидности, что и они кончат тем, что вместе с другими, схватив друг друга за пуговицы или за воротник, будут кричать в

¹ Было начато: Он

² С первого ~ заметно. вписано.

³ Было начато: И

⁴ Вместо: уже началась — было: была

⁵ Было: внимат(ельно)

одно и то же время, не понимая друг друга. Все сидели¹ за длинным тесовым столом, конечно, принесенным из кухни, к одному концу его был приставлен другой, ломберный.² Весь этот длинный стол был уставлен бутылками, стаканами пуншу, водой и покамест еще только черными сухарями в ожидании закуски. Дым от папирос и сигар³ стоял непроходимый. Старичок, седой и тихий, с прекрасными чертами лица и с умной, снисходительной и ясной улыбкой, сидел вместе со всеми за стаканом пуншу и курил трубку. Были студенты, были два офицера, два художника, француз, не понимавший ни слова, толстейший господин, одетый даже богато, лет пятидесяти, с отвислым и обрюзглым лицом, мало говоривший и неизвестно зачем бывший в этой компании. [Когда потом] Раскольников, припомнив этого господина, спросил Разумихина, кто такой, то он отвечал:

— Это один... А впрочем, ей Богу, не знаю. Может, дядин знакомый, а может, и нет.

Были совершенно молоденькие мальчики, чуть не гимназисты, и были люди весьма в летах и серьезные с виду. Были ничего не знавшие и были пре(по)даватели лекций.⁴ Был один господин, лет под тридцать, с весьма красивым, солидным и благородным выражением лица, которого тотчас же отметил Раскольников и (л. 1 об.) который тоже пристально смотрел⁵ или, лучше сказать, осматривал его...⁶

— Стой, — закричал Разумихин, — прежде всего, прежде чем начнешь говорить, позволь: вот Порфирий... Ты уже слышал давеча, разговарива(ли)... Здешний пристав следствен(ных) дел, мой родстве(нник)⁷... Об тебе слышал и желает познакомиться.

— Очень, очень желаю, — сказал тот и протянул Раскольникову руку. Он ничего не пил.

Заметов подбежал и с каким-то горячим, особенным, необыкновен(ным) увлечением пожал Раскольников(у руку). Тому даже показалось, что он броситс(я) целовать его.

— Это невозможно! — закричал Зосимов, который тоже был соверш(енно) трезв.⁸ — Он едва стоит, он упадет, а ты его мучаешь.

¹ Было начато (осталось незачеркнутым): за(седали)

² Далее зачеркнуто: Таким образом составилось

³ от папирос и сигар вписано.

⁴ Были ~ лекций. вписано.

⁵ Вместо: которого ~ смотрел — было начато: который пристально смотр(ел)

⁶ Далее зачеркнуто: Б(ыл)

⁷ мой родстве(нник) вписано.

⁸ который тоже был соверш(енно) трезв вписано.

— Пять минут, и он в твоих руках, — но пусть разрешит вопрос.

— Да, да, пускай, ничег(о), с ветру пришел! Послушаем. Начинать. Слово, слово. Оракул.

— Позвольте, господа. Вопросы так не разрешают, — заметил было¹ Раскольников.²

— И никто не требует. Мнения,³ мнения только требуют, вашего личного мнения и больше ничего.

— Скажи и уйди! — подтвердил Разумихин.

Всё это было весьма необычно.⁴ В другое время это крайне бы не понравилось бы Раскольникову. Теперь же какое-то особенное ощущение, может быть, на один только миг посетило его. Контраст ли этой гурьбы и крику с тремя или четырьмя последними месяцами совершенного уединен(ия), новое ли психологическое настроение, посетившее его внезапно, вера ли необъятная в новоначавш(уюся) полчаса назад жизнь — (л. 2)

(—) Есть тысячи дураков, тупых, с изъясном. Этим мы взялись не брать.⁵

(—) Есть ли внутреннее наказание(?)⁶

(—) Есть ли это жалость(?)

(—) Нет, а к самому наказан(ному)(?)

(—) Я не сяду. Я скажу и пойду.⁷

(—) Господа, я не могу выдержать спора и не желаю. Но высказать мое мнение — могу. Я выскажу и не буду отвечать на возражен(ия).

— Нет преступлений.

— Быть не может, врешь, — вскричал Разумихин.

— Не отнимайте слова, к вопросу.

Но деятель может.

(—) К какой деятельности(?)⁸

— К какой бы то ни было. Всякая деятельность, даже и злая, полезна.

Провозвестник какой-нибудь новой истины.

¹ было вписано.

² Далее было: Ор(акул)(и)

³ Над строкой было вписано: собствен(ного)

⁴ Вместо: весьма необычно — было: необыкновенно оригинально

⁵ Есть ~ не брать. вписано.

⁶ Ср. ту же запись на полях БА (7, 333, примеч. 1).

⁷ Я не сяду. Я скажу и пойду. вписано на полях.

⁸ Но деятель ~ деятельности? отчеркнуто, помечено значком: NB и прописью: Что

Пророк какого-нибудь нового слова.

С теми площадными выходками

до пошлого торжества

до [социализма] цинизма <л. 2 об.>¹

Черновой автограф глав II—IV
третьей части (ЧА₄)

²ГЛАВА 2

Озабоченный и серьезный проснулся Разумихин на другой день в восемь часов. Много новых и непредвиденных³ забот и недоумений очутилось вдруг у него в это утро. Он и не воображал⁴ прежде, что когда-нибудь так проснется. Он⁵ помнил до последних подробностей всё вчерашнее, помнил все свои слова⁶ и все свои впечатления. Он помнил [и понимал], что с ним совершилось вчера что-то *огромное* и необыкновенное⁷, что он принял в себя одно [необыкновенное и] доселе совершенно неизвестное ему впечатление и⁸ понимал, что этот совершившийся факт был уже неотразим и что может вся жизнь его ломаться теперь на двое⁹, что отседе наступит поним(ание; *Далее* <1 нрзб.>)¹⁰ и что в то же время цель его, которая установилась перед ним в один миг и разом и не может быть другою¹¹ — совершенно неосу-

¹ *Каллиграфические прописи: 1. Что 2. Кто 3. Каково? (и дважды без вопросительного знака) 4. Помялов(ский) 5. Писемский 6. Наростали*

² *Далее следует текст автографа 93.1.1.2/9.*

³ *и непредвиденных вписано.*

⁴ *Было: предчувствовал*

⁵ *Было: а. Он разумеется б. Разумеется он*

⁶ *Далее было начато: и соор(ажал)*

⁷ *Было: огромное, необычай(ное)*

⁸ *Далее было начато: а. конечно не много думал он, — именно потому б. конечно не много думал он собственно об этом впечатлении*

⁹ *Было: что этот совершившийся факт был неотразим, что [вся] жизнь его переломилась на двое*

¹⁰ *Вместо: наступит поним(ание?) было: наступает всё новое, и что всего надо ожидать*

¹¹ *Вместо: цель его ~ другою было: а. Начато: цель его — соверш(енно неосуществима) б. цель его, которая уже установилась перед ним и не может быть другою*

ществима¹, так что нечего и думать о ней. Нечего и думать, а в то же время и не может быть другой цели²

Впрочем о всей тоске этого противоречия он, по характеру своему, как-то не хотел много и раздумывать,³ да и не любил много заботиться собств(енно) о своих страданиях и муках, хотя бы и продолжал их чувствовать.⁴ Мысли и заботы его приняли другую, более частную, насущную, практическую фор(му)⁵. И прежде всего ему предстояло понять и узнать, во всей полноте и ясности, — что такое отношения Авдотьи Романовны к жениху ее Лужину и почему такой человек как Лужин жених ее? Он знал, что знание это ни к чему не поведет его, даже если бы брату, сумазброду и деспоту, и⁶ удалось расстроить брак сестры своей, что почти невозможно. Во всяком случае он⁷, Разумихин, не имеет тут ни малейшего права голоса и даже [напротив] он-то именно и должен, потому что он сам один из мечтателей на место Лу(жина),⁸ именно потому, что он влюблен, и должен молчать⁹, — что же он мог бы сказать? Разве осуществима хоть сколько-нибудь при самом ярком воображении мечта¹⁰ его? Позволительна ли мечта эта? Имеет ли право существовать?¹¹ Кто

---

¹ Было: а. совершенно неосуществима. Он даже положил и не думать, хотя знал, что другой цели у него и быть не может. Мысли и заботы его приняли другую, б. совершенно неосуществима. Знал тоже он тогда, что другой цели у него и быть не может.

² На полях вписано: Начинались мечты <и>. В то же время он ясно и беспристрастно понял, что мечта его, что новая цель [его], заманивавшая его так издалека, но в таком ярком свете — совершенно невозможна, неосуществима. Таким образом представлялось самое тоскливое и самое безотрадн(ое) [завтра] про(творение): Если мечта и цель невозможна, стало быть, нечего и думать о ней; нечего думать — [а не] а между тем не может быть другой цели.

Разумихин был такой человек, который на собственном горе и на заботах о самом себе мало останавливался. а. Достаточно было, что он ломал себе голову б. [Де] Достаточно, что он [ломал себе голову] думал <прзб.> об этом, когда приходило время.

³ Было: раздумывать. Элегическое начало б(ыло)

⁴ да и не любил ~ чувствовать вписано на полях. Вместо: и продолжал их чувствовать было: их чувствовал

⁵ Вместо: Мысли ~ форму. было: Мысли его обратились на более частную, поверхностную заботу.

⁶ и вписано.

⁷ Далее было начато: не <имеет>

⁸ Вместо: даже он-то ~ Лу(жина) было: даже именно должен молчать, во всяком случае должен молчать, — потому что

⁹ именно потому, что он влюблен, и должен молчать вписано на полях.

¹⁰ Было: цель

¹¹ Позволительна ли ~ существовать? вписано.

он такой? Разумихин, без роду и племени, без сил и средств. Да это еще пустяки — вздор, а кто¹ он такой, он, пьяный буян и пьяный вчерашний хвостун², сравнительно с такой женщиной. Разве³ такая женщина могла бы⁴ когда-нибудь полюбить его?⁵ Разве это подходящее дело? Разве это возможное дело? Разве это не кощунство?⁶ Разве возможн(о) так(ое) циническ(ое), так(ое) смешн(ое) и даже низк(ое) сопоставление с его стороны?⁷ Разве не стыдно наконец мечтать об этом? Это и в мечтах-то допустить — безнравственно. Он с испугом и со стыдом⁸ поскорее отвернулся от этого мечтания: оно казалось ему унижающим ее и унижительным для него. Мечтать, например, о том, что обладаешь Бразильской империей, конечно унижительно для сколько-нибудь⁹ серьезного человека, потому что смешно, бесполезно и неосуществимо. А на сколько тут выше и недоступнее¹⁰ Бразильской империи? (л. 1)

Но вот что его более всего «убивало»¹¹: он был низок и гадок вчера — не по тому одному, что был пьян, а потому уже, что ругал перед девушкой, пользуясь ее пол(ной) беззащитностью¹², из глупо-поспешной ревности, ее жениха, не зная не только их взаимных между собой отношений и обязательств, но даже и человека-то не зная порядочно¹³. Впрочем из одной ли ревности я ругал его? — уним(ался ъ) немн(ого ъ) Ра(зумихин)¹⁴. — Да и из ревности ли сколько-нибудь(?) Не потому ли, что [он]

¹ *Вместо*: Да это ~ а кто было: Но конечно не это главное. Кто

² *Вместо*: пьяный буян ~ хвостун было: пьяная вчерашняя гадина

³ *Было*: И опять: разве

⁴ *Было*: может

⁵ *Было*: осуществить его цель — полюбить его?

⁶ *Вместо*: Разве это подходящее ~ кощунство? *было*: а. Разве это возможно? Разве это не кощунство? б. Разве это возможное дело? Разве это подходящее дело?

⁷ *Было*: Разве возможна такая циническая, такая смешная, низкая с его стороны мысль?

⁸ *Вместо*: сопоставление с его стороны? ~ Он с испугом и со стыдом было: а. сопоставление с его стороны? Нет, он с испугом и со стыдом б. с его стороны? Разве не стыдно наконец мечтать об этом? Он с испугом и со стыдом в. с его стороны? Разве не стыдно наконец мечтать об этом? Да, это и допустить даже безнравственно. Он с испугом и со стыдом

⁹ сколько-нибудь *вписано*.

¹⁰ и недоступнее *вписано*.

¹¹ *Было и оставлено незачеркнутым*: заботило

¹² пользуясь ее пол(ной) беззащитностью *вписано*.

¹³ *Далее было начато*: пото(му)

¹⁴ уним(ался ъ) немн(ого ъ) Ра(зумихин) *вписано*.

Петр П(етрович) действительно гадко рекомендовал себя(?) Да, но разве он имел право так поспешно и опрометчиво судить.¹ Он видел его мельком, вскользь, он показался ему с недостатками, но может быть есть достоинства, выкупающие эти недостатки сторицею. Да и уж конечно есть достоинства?² Разве могло такое существо, как Авдотья [Александровна] Романовна, выходить за одни только ден(ьги)³. Номера? Да почему же он в самом деле мог знать, что это⁴ скандальные номера. Он же ведь готовит квартиру, а тут только несколько дн(ей).⁵ И как это было низко.⁶ Что, что теперь она должна подумать об нем?⁷ Что в том, что он был пьян? Это глупая отговорка, еще более его унижающая. «В вине правда, и правда-то вся и выказалась, т. е. вся грязь его завистливого, самонадеянного, грязного, глупого и подлого сердца!» Да одно ли это? Он с ужасом припоминал каждое свое вчерашнее слово, каждый промах, каждую откровенность, каждый жест. «Всё это было до того грязно, гадко, грубо, и цинично, и нечестно! да, нечестно!» Это так: преступления, каких и не омыть...⁸ а след(ственно) и думать об этом нечего, а что бы ни было, что бы теперь ни было, что бы ни думали, твердо, честно нужно. Не напиваться. Прощенья не просить ни за что, не надо. Извиняться тоже! К чему? К чему?⁹ Разумеется и думать было нельзя, чтоб загладить это [впечатление] когда-нибудь и заставить переменить о себе мнение и потому — «нечего об этом думать, — решил он, — но тем не менее, даже не помышляя оправдываться¹⁰, твердо и свято исполнить предстоящие ему теперь обязанности...¹¹», — хотя уж конечно ему будет ужасно стыдно и главное — он такой грубый, грязный, нетерпимый, ругательный — обращение такое у него трактирное, сальное, не-

¹ Впрочем ~ опрометчиво судить. *вписано на полях.*

² достоинства *вписано.*

³ В автографе: за одни только денег.

⁴ Далее было *вписано* и *зачеркнуто*: так(ие)

⁵ Номера? ~ несколько дн(ей). *вписано на полях.*

⁶ Вместо: И как это было низко. было: а. И как низко, как цинически он ругал его перед ней и как оскорблял ее б. И как низко, как цинически он издевался над ним перед ней и как оскорблял ее этим.

⁷ Что, что ~ об нем? *вписано на полях.*

⁸ Вместо: припоминал ~ не омыть... было: припоминал каждое слово, каждый промах, каждую откровенность и уж конечно считал их а. преступлениями. б. преступлениями, которых не омыть

⁹ «Всё это было ~ К чему? *вписано, большей частью на полях: на л. 1 об. до нужно. с переходом последней буквы и точки (о.) на л. 2, где написано продолжение (Не напиваться ~ К чему?)*.

¹⁰ Вместо: даже не помышляя оправдываться было: не оправдываясь

¹¹ Было: предстоящий ему теперь долг и

приличное и... и... и положим он про себя знает, что он все-таки... ну хоть немного, да честный же человек! Так чем же, однако ж, тут хвалиться-то... Всякий должен быть честный человек и... и... он все-таки помнит, что и у него были дела... делишки т. е.¹ одним словом хоть и не бесчестные, но все-таки... Э-эх! И какая бездна таких-то² дел. А уж про помышления и говорить нечего! Да вот хоть бы сейчас. Об чем это³ он мечтает? По поводу чего раздумался? Краска ударила ему в лицо и стыдом залилось сердце...

Вдруг в это мгновение, он ярко вспомнил об том, что он говорил этим дамам на лестнице о Пасковье Павловне, хозяйке Раскольниковова, и об том, что она приревнует. Батюшки!⁴ Он ударил с размаху кулаком по кухонной печи, повредил⁵ себе кулак и вышиб один⁶ кирпич.⁷

Проходило в его голове много и других неприятных и заботливых мыслей. Он, например,⁸ вчера проболтался об одной вещи Раскольникову. Надобно объяснить; он обязан перед ним объяснением; тот⁹ молчалив, принимает впечатления угрюмо и болезненно¹⁰ и, по странности характера, может быть сам захочет уклониться от объяснений. Тогда что делать? Приступить ли прямо, или тоже смолчать? Разумеется всего лучше: поступить судя по обстоятельствам, но... во всяком случае все это очень тяжело и даже мучительно.¹¹

В этот раз, одеваясь, он невольно посмотрел на свой костюм. Другого у него не было, конечно.¹² Да если б и был, он может быть и не надел бы его, так, нарочно. Но во всяком случае циником и грязной неряхой нельзя¹³ оставаться — он не имеет права

¹ делишки т. е. вписано.

² Было: подоб(ных)

³ это вписано.

⁴ Далее было начато: Да не повеситься ли уж лучше чем

⁵ Было: разбил

⁶ один вписано.

⁷ хотя уж конечно ~ один кирпич. вписано на полях *Ниже там же заметка: да пусть! [И] буду [именно] нарочно такой сальный, грязный, трактирный. Как хотят, мне что, наплевать!..*

⁸ например соединено образующими угол линиями со словами каждый промах (см. выше, с. 291) и помечено знаком NB (в рамке) и цифрой 2.

⁹ Было: но тот

¹⁰ В автографе: болезненность

¹¹ Против этой фразы на полях помета: Бразильская империя

¹² На полях заметка: Тут он опять было намахнулся, но не ударил и прошел мимо.

¹³ Далее было: нельзя быть, хоть из уважения к ним

оскорблять чувства других, тем более что те, другие, сами в нем нуждаются и зовут его к себе.¹ Но к удивлению своему он не заметил на своем платье никаких особенно грязных следов вчерашней попойки, ничего залитого, сального. Надо только почистить хорошенько² щеткой и кончено. Это он и сделал. Белье было на нем всегда сносное: на этот счет он даже был всегда особенно³ чистоплотен и до того, что когда, в прежние времена, случалось ему подолгу⁴ бывать без копейки, сам ходил по ночам на Неву мыть свое белье, просушивал его, вывесив за окном⁵, на восходящем солнце, и сам потом скатывал его, занимая валеk и скалку у соседки.

Вымылся он рачительно, — у Настасьи нашлось мыло, — вымыл волосы, шею⁶ и особенно руки, даже вычистил всю грязь с (л. 1 об.) ногтей, о чем прежде никогда и не помышлял⁷. Но когда дело дошло до вопроса: выбрить ли свою щетину или нет? (у Прасковьи Павловны⁸ имелись отличные⁹ бритвы, сохранившиеся еще после покойного супруга ее, господина Зарницына) — то вопрос был решен отрицательно — из особенного рода¹⁰ гордости и из стыда. Пожалуй прочтут на лице цель, с которой он выбрился. Ну как угадают об том, что он мечтает? Господи! Нет не надо, вздор, потому что нет и не может быть никаких мечт(аний).¹¹ Но так как цель эта хотя и неизменна отселе, но нелепа и неосуществима, то нелепо и унижительно стало быть и бриться,¹² что надеются на осуществление этой цели, показать даже хотя бы и в таком микроскопическом признаке как [улучшение] забота о красоте и щеголеватости физиономии в виде бритья бороды.

---

¹ *Вместо:* чувства других ~ к себе. *было:* а. чувства других. б. чувства других, тем более что те, другие, и зовут его к себе.

² *хорошенько вписано.*

³ *особенно вписано.*

⁴ *Было:* по долгим дням

⁵ *вывесив за окном вписано.*

⁶ *Далее было начато:* ру(ки)

⁷ *Вместо:* и не помышлял *было:* не заботился (заботился *оставлено незначеркнутым*).

⁸ *Далее было начато:* б(ыли)

⁹ *Было:* хорошие

¹⁰ *особенного рода вписано.*

¹¹ *Ну как ~ мечт(аний). вписано на полях и между строками.*

¹² *Вместо:* стало быть и бриться, *было:* а. стало быть показывать хоть каким-нибудь микроскопическим признаком, как например [улучшение] [щеголеватость физиономии] бритья бороды б. стало быть и бриться. в. стало быть и бриться, что хоть даже мысль одна,

На этом раздумьи застал его Зосимов. Разумихин, который первым делом¹ по пробуждении [своем], побывал на верху у больного², отапортовал теперь³ тотчас же Зосимову о состоянии его, т. е. о том, что тот спит как сурок, и Зосимов распорядился отнюдь не будить его.⁴ Затем сказал, что теперь у него дела, а зайдет⁵ часу в одиннадцатом.

— Если только он будет дома? Потому что я лечу, а над пациентом не властен. Навязался же такой.⁶ Не знаешь, он к тем пойдет или они к нему придут?

— Они придут, — ⁷ответил Разумихин, тотчас⁸ поняв цель вопроса, — и... и будут говорить про свои семейные дела, — прибавил он. — Я сам уйду, чтоб дать им наговориться. Ты конечно как доктор⁹ имеешь право входа...

— Ну да ведь не духовник же и я. Приду и уйду.

— Подожди:¹⁰ Скажи пожалуйста... видишь, я вчера спьяну проболтался ему об разных глупостях, между прочим и о том, что ты боишься, что [он] у него начало помешательства.

— Фу, как глупо! И разве я это утверждал так прямо? Да и женщинам этим ты сказал.¹¹

— Это я знаю, что глупо.¹² Хоть бей. Не в том теперь: А скажи мне правду, серьезно ты чего-нибудь боишься в этом роде, иль нет?¹³

— Нет, вздор, кажется... Так идея... да ведь я же вовсе однако¹⁴ не утверждал.

— Да ты не бойся, другой раз не проболтаюсь.

---

¹ *Вместо:* Разумихин, который первым делом было: а. Как в тексте. б. Разумихин первым делом

² *Между строками вариант:* Сначала оба посоветывались о больном, у которого [оба уже побывали] Разумихин уже побывал проснувшись.

³ *теперь вписано.*

⁴ *Вместо:* отнюдь не будить его. было: не будить его, пока сам не проснется.

⁵ *Вместо:* что теперь у него дела, а зайдет было: а. что зайдет б. теперь уйдет, а зайдет

⁶ *Потому что ~ такой. вписано.*

⁷ *Было начато:* а. утв(ердительно) б. сурово

⁸ *тотчас вписано.*

⁹ *Было:* Ты конечно доктор,

¹⁰ *Было:* Конечно <и>

¹¹ *Да и женщинам этим ты сказал. вписано.*

¹² *Было:* Это я знаю.

¹³ *Между строк пропись:* Как [Обломов]

¹⁴ *Вместо:* я же вовсе однако было: и я же ее вовсе

— Да вздор же, говорю. Знаю, что не проболтаешься. Сколько я вчера понял из этого рассказа Заметова¹ — т. е. это все теперь яснее становится. Ну а мы вчера, еще так ему напомнили, об маляре-то ты своим рассказывал.² Развеселый, признаться, разговор для больного.³ Это ты все... Зол он, мнителен, ипохондрик, раздражен. Ну и самолюбив уж до последнего предела, а слова этого дурака в конторе его разобидели и именно в то время когда уж болезнь началась. Ну и ясно что некоторое время [он теперь бредит об этом. Теперь все ясно...] А кстати этот Заметов и в самом деле милый мальчишка. Как он славно это рассказывает и... чувство есть. Только гм... Напрасно он это все рассказывает⁴.

— Да кому ж он рассказывал? Тебе да мне только.⁵

---

¹ *Далее было:* — он получил ясно первое впечатление... об этой нелепости... [тогда,] когда уже с ним началась болезнь, ...тогда, в конторе, в сильном [истер(ическом)] ипохондрическом настроении. Грубое обращение и [грубое подозрение] глупый вопрос этого дурака, [хоть совсем и не высказанное явно] Ильи... ну да черт его знает, поразили его. Эта нелепость его жестоко обидела и потрясла. В болезненном состоянии это обращается в неподвижную идею

² *Вместо:* Ну а мы ~ рассказывал. *было:* А мы вчера, так неосторожно, чуть только он очнулся, стали болтать об этой старухе.

³ *Было:* Развеселый разговор. Ну и раздражили его до истерики. И Лужина прогнал и нас прогнал. А [над] Заметова он отделал мастерски, художественная насмешка.

⁴ *Было:* рассказывал

⁵ *Было:* Да ведь только нам, тебе да мне только.

На полях против текста: На этом раздумьи застал его Зосимов. ~ Тебе да мне только. *наброски:* Разумихин, который проснувшись, первым делом побывал у Роди.

— А как ты думаешь на счет того(?) (помешатель(ство))

— Э, пустяки, я так. Конечно всё, что вчера я слышал и понял из рассказа Заметова, меня очень поразило, но за то стало многое ясно. Его мучит и обижает эта нелепость, а в болезненном состоянии его, это даже превращает(ся) в неподвижную идею. В ипохондрии это поминутно и особенно всё что действует на[при(мер)] самолюбие... Гм... да... Но я серьезно надеюсь, что приезд этого семейства [его] сильно переломит в другую сторону. Кстати, неужели этот Лужин действительно жених? Раскольников сам не хочет? Ну да...

— Что?

— Да дело понятное. Лужин богат, а они очень кажется бедны. Так и дай Бог.

Разумихин промолчал.

(—) Я буду через полутора часа. Зайду. Кстати: Поблагодари от меня Прасковью Павловну за ночлег. Заперлась, не вышла, не отвечала сейчас на мой бон-жур, хотя я и слышал, что она проснул(ась) и уже возится, и я знаю наверно, что к запертой двери в ее комнаты, изнутри

⟨л. 2⟩¹

²Разумихин замолчал, точно отрезал. Он не знал, что³ думает об⁴ его ответе Авдотья Романовна. Мать тоже как будто ждала чего-то от нее и находилась [как бы] в нерешимости, но наконец, запинаясь и беспрерывно посматривая на Дуню, объявила⁵, что их⁶ чрезвычайно озабочивает теперь одно чрезвычайное обстоятельство...

был приставлен стол и нагромождены стулья. Таким образом я и не видел еще твою Прасковью Павловну...

Ровно в девять часов Разумихин был у своих дам.

Мария Антуанета

(и он стал рассказывать им всё, почти всё об этой девушке).

(NB чем дольше он спит тем лучше). У нас письмо. Это вчерашнее приказание Дунечки. — Не беспокойтесь, маменька, всё это сегодня же решится.

— Приходить ли ему вечером?

— Письмо показать, — сказала Дуня.

в какой он каморке!

Я первый раз в Петербурге (дорогою). Совет.

NB. Раскольников сначала ничего не говорит о том, написала ли Дуня письмо? Даже ни слова ⟨;⟩. Даже говорит о деле с Зарницыной. Маленькая история — ...

Дуня прямо и благородно говорит: положение мое очень тяжелое, потому и выхожу.

⟨—⟩ Я приду вечером.

⟨—⟩ А если жених рассердится и откажется⟨?⟩

⟨—⟩ Тогда он недостойн меня и я сама откажу ему.

⟨—⟩ Вы оба горячи и я вас хочу помирить.

⟨—⟩ Не может быть, чтоб он не уступил мне.

⟨—⟩ Считаешь ты письмо это приличным? (холодно и сухо).

— Нет.

— И выходишь?

— А разве прилично было вчера твое повед⟨ение⟩ с матерью и со мной. И вот я пришла к тебе, потому что верю, что ты гораздо больше любишь меня, чем выглядит это в поступках твоих. Будь же справедлив и к нему. Он тоже имеет чувства. Ведь ты хотел его бить, и я... сообразив все, извиняю его, в большей части.

Дуня Разумихину: И вас очень прошу быть сегодня вечером у нас, вместе с братом. Можете? Не откажете⟨?⟩ Очень прошу. Это особая просьба моя. У меня есть причина, я вам скажу после.

¹ *Каллиграфические прописи: 1. Петербург 2. Кирпичные (дважды)*
3. Как 4. [Обломов]

² *Далее следует текст автографа 93.1.1.2/10.*

³ *Вместо: что было: как*

⁴ *Было: об это⟨м⟩*

⁵ *Было: сказала*

⁶ *Было: ее*

— Теперь после этой... размолвки, т. е. ссоры Петра Петровича и Роди, это понятно, но, видите... ах Боже мой! я еще не знаю как ваше имя и отчество¹, можно узнать?

— Дмитрий Прокофьич.

— Видите, Дмитрий Прокофьич, мы сегодня... Я буду совершенно откровенна с Дмитрием Прокофьичем, Дунечка.

— Уж конечно, маменька, и особенно теперь, — внушительно отвечала Авдотья Романовна.²

Милостивая Государыня, Пульхерия Александровна, — писал Петр Петрович,³ — имею честь Вас уведомить, что по происшедшим⁴ внезапным задержкам, встретить Вас у дебаркадера⁵ не мог, послав с тою целью человека, особенно расторопного.⁶ Равномерно не буду иметь чести свидания с Вами и завтра поутру, по неотлагательным сенатским делам⁷ и чтоб не мешать⁸ родственному свиданию Вашему с Вашим сыном и Авдотьи Романовны с ее братом. Я же⁹ буду иметь честь посетить Вас, и откланяться Вам в вашей¹⁰ квартире, завтрашний день, ровно в 8 часов вечера. Но присовокупляю при сем особую, убедительную и, прибавлю к тому, настоятельную просьбу¹¹ мою, чтоб при общем¹² свидании нашем Родион Романович не присутствовал, так как он беспримерно обидел меня, при вчераш(нем)¹³ посещении его в болезни, и кроме того имея лично к Вам необходимое и обстоятельное объяснение по известному пункту, о коем желаю испросить¹⁴ Вашего толкования. Имею честь кроме того предуведомить Вас, если, вопреки просьбе моей, встречу Родиона Романовича, то принужден буду немедленно удалиться. Пишу же в том предположении, что Родион Романович, казавшийся при по-

---

¹ Было: как вас зовут

² Ниже *разделительный отчерк* двумя короткими чертами и значок X₁, а также *каллиграфические прописи* (недописанная и полнотью): Fourlane

³ Далее было начато: уведом(ляю)

⁴ Было: встретившимся

⁵ Было и оставлено *незачеркнутым*: воксала

⁶ Вместо: человека, особенно расторопного. было: человека.

⁷ Далее было начато: а. и сверх того б. да и

⁸ Далее было начато: сви(данию)

⁹ Вместо: Я же было: При сем присовокупляю, что

¹⁰ Вместо: и откланяться Вам в вашей было: а. Начато: у б. в. в. вашей

¹¹ Вместо: особую ~ просьбу было: особую и убедительнейшую просьбу

¹² общем вписано.

¹³ вчераш(нем) вписано.

¹⁴ Было: просить

сещении моем столь большим, через два часа вдруг выздоровел, а стало быть может выходить со двора,¹ а след(ственно)² и к Вам прибыть. Утвержден же в том потому, что видел его³ вчера собственными моими⁴ глазами в квартире одного разбитого лошадыми пьяницы, от сего умершего, дочери которого, девице отъявленного поведения, выдал⁵ он вчера до двадцати пяти рублей, при моих глазах,⁶ под предлогом похорон, что весьма меня удивило, зная⁷, при каких хлопотах достались вам эти деньги.⁸ При чем, свидетельствуя мое почтение уважаемой Авдотье Романовне, прошу принять⁹ чувства почтительной преданности

Вашего покорного слуги.

П. Лужин.

— Понимаете ли, понимаете ли, Дмитрий Петрович, — воскликнула в тревоге Пульхер(ия) Александр(овна), когда он окончил письмо, — что мне теперь делать? Ну как я предложу Роде, чтоб он не приходил вечером? Ну как он тоже¹⁰ обидится, и не захочет не придти?¹¹ Он так настойчиво требовал вчера решительного отказа, а тут его самого велено не принимать. А с другой стороны и Петр Петрович обидится и не захочет... — Она вдруг взглянула на Дуню, которая вспыхнула от досады.¹² — Я потому, главное, — заторопилась она, — что Родя вчера настоятельно и так несправедливо требовал от Дуни, чтоб она написала это письмо с отказом Петру Петровичу.¹³ Ну как они оба-то сойдутся у меня, — что тогда будет?

---

¹ *Вместо:* может выходить со двора, *было:* выходит,

² *Далее было:* может

³ *Вместо:* Утвержден ~ видел его *было:* а. Я же видел его б. Видел же я его в. Пишу же потому так утвердительно

⁴ *моими вписано.*

⁵ *Было:* девице поведения развратного и отъявленного, отдал

⁶ *Вместо:* при моих глазах *было:* а. присланных Вами ему денег б. из присланных Вами денег

⁷ *Далее было:* как тяжело

⁸ *Вместо:* что весьма ~ эти деньги. *было:* ее пьяного, но умершего отца.

⁹ *Вместо:* прошу принять *было начато:* имею честь

¹⁰ *тоже вписано.*

¹¹ *Вместо:* и не захочет не придти? *было:* а. не захочет? б. и не захочет?

¹² *которая вспыхнула от досады. вписано.*

¹³ *а тут его самого ~ с отказом Петру Петровичу. вписано между строками и на полях.*

— Поступить так, как решила Авдотья Романовна,¹ — спокойно и тотчас же отвечал Разумихин.² <л. 1 (3)>³

<—> Ах Боже мой! она говорит... она говорит Бог знает что и не объясняет мне цели. Она говорит, что лучше будет, т. е. надо для чего-(то) непременно, то, чтоб Родя напротив тоже пришел сегодня в 8 часов — и чтоб они встрет<ились>⁴, а я так и письма-то ему не хотела⁵ показывать, а как-нибудь хитростью сделать, посредством Вас, чтоб он не приходил⁶, потому он такой раздражительный, так⁷ я даже не знаю, как и письмо ему показать.⁸ Ну как и сегодня он тоже... — прибавила она, посмотрев на Дуню. — А и⁹ кроме того я ничего не понимаю, какой там пьяница умер и какая там дочь, и каким образом мог Родя отдать все последние деньги этой дочери, которые¹⁰, которые...¹¹

— Которые так дорого вам достались,¹² маменька, — прибавила Авдотья Романовна.

¹ В автографе вопросительный знак.

² На полях рядом с текстом: Разумихин замолчал ~ отвечал Разумихин. наброски к последующему тексту:

Разбита рука.

Что делать теперь? Маменька, пойдем. Ах Дуня, как я боюсь.

Смерть Мармеладова. Ах Боже мой, ведь Марфа Петровна умерла. у которого нарывал всю ночь палец или болит зуб

Авдотья Романовна ничего не решает. Жаловаться на благой <и>. (Помечено знаком X).

Я сокру что-нибудь, я слаба, а ты умная, ты не проговоришься (не гоюсь в посланники).

Вы думаете, она меня не уважает, — так ошибаетесь, она очень меня уважает, уважает, ценит и любит, а я ее уважаю.

Запись на верхнем поле л. 1 об.: Во все это вр(емя) Авд(отья) Ром(ановна) ходила и не произнесла сл(ова) (вылилось у Пульхе(рии)).

³ В скобках указывается авторская нумерация, продолжающая авторскую нумерацию листов предыдущего автографа.

⁴ Вместо: т. е. надо ~ встрет<ились> было: а. если Родя придет ввечеру, б. т. е. надо непременно для чего-(то), то, чтоб Родя напротив тоже пришел сегодня в 8 часов —

⁵ Далее было: ему

⁶ Было (измененная часть оставлена незачеркнутой): не пришел

⁷ Вместо: так было: и

⁸ Далее было вписано между строк и на полях: И кроме того... он сегодня... вспомнит что вчера он говорил и требовал от Дуни при вас?

⁹ Ну как и ~ А и вписано на полях как продолжение текста предыдущей сноски.

¹⁰ Далее было: так дорого нам достались

¹¹ Далее между строками помета: Тут недостает дочери —

¹² Далее следовал замененный позднее, но оставленный в большей части незачеркнутым текст: прибавил Разумихин, — я признаться и

〈—〉 А я понимаю это, — вскричал Разумихин. — Он в бреду это сделал, он был не в себе вчера. Если б вы знали, что он там наговорил в трактире всем...¹ Сегодня всё это слетит, не бойтесь, не бойтесь. На счет же какого-то покойника и какой-то девицы, он действительно мне что-то борм(отал)², когда мы шли, но тоже как бы в бреду... Т. е. это-то уж было, я полагаю, совершенно в бреду. Да и я признаюсь был немного того... А впр(очем) не бойтесь, всё это сегодня же слетит.³

— Одним словом, лучше всего, маменька, пойдемте скорее к нему, сами там сразу увидим что делать.⁴ Да и к тому же пора, одиннадцатый час, — прибавила Авдотья Роман(овна)⁵, взглянув на свои золотые часы, висевшие на ее шее на тоненькой цепочке.

— Ах пора⁶... пора, Дунечка, пора! — тревожно поднялась Пульхерия Александровна. — Боже мой! думала ли я, что буду бояться свиданья с моим милым, милым Родей,⁷ как теперь боюсь... Я боюсь, Дмитрий Прок(офьич)! — сказала она, болезненно взглянув на него.

— Маменька, не бойтесь!⁸ — сказала Дуня, подойдя и целуя⁹ ее, —¹⁰ а лучше верьте в него. Я верю...

— Ах Боже мой! я верю тоже¹¹, а всю ночь не спала, — вскричала бедная, потерявш(аяся) совсем женщина¹². — Ах Родя. Ах, когда знаете вчера нам сказала эта женщина, что он

сам этого не понимаю. Он мне что-то вчера говорил о каком-то умершем; и о какой-то девице, идя домой, но я ничего не понял, точно в бреду. А главное его раздражать не надо, доктор не велел, а потому это письмо...

¹ *всем вписано. Далее было: И с Петром Петровичем он поссорился в бреду и от Авдотьи Романовны требовал отречения в бреду.*

² *Было: говорил*

³ *А я понимаю ~ сегодня же слетит. вписано начало между строками и большая часть на полях.*

⁴ *Вместо: Одним словом ~ что делать. было: Лучше всего, маменька, пойдемте к нему [потом] и тогда увидим с чего начать.*

⁵ *Далее было начато с абзацным отступом: Авдотья Романовна вынула*

⁶ *Вместо: Ах пора было: Пора*

⁷ *Было: с моим сыном,*

⁸ *Было: Не бойтесь, маменька!*

⁹ *Вместо: подойдя и целуя было: поцеловав*

¹⁰ *Далее было начато: я верю*

¹¹ *тоже вписано.*

¹² *Далее: а. Набросок, относящийся к последующему тексту: Раскольников проснулся ровно в половину десятого... На полях помета: Раздумье о том, что он сделал вчера (короче). б. Текст: Знаешь, Ду-*

убежал куда-то в горячке и в бреду, — как мы испугались. Мы думали было обе бежать к Петру Петровичу, но остановились расспрашивать, и когда потом эта женщина сказала, что они поспорились с Петр(ом) Петровичем, я так была встревожена, так измучилась и вот с тех пор, с тех пор — до сих пор, и всё чем дальше, тем больше, и когда это кончится не знаю. А я ведь так была уверена, так уверена.¹ Знаешь, Дунечка, как только я к утру немного заснула, мне вдруг приснилась покойница Марфа Петровна, вся в белом... к добру ли это(?) Ах Боже мой, Дмитрий Прокофьевич, вы еще не знаете: Марфа Петровна умерла... (а я думала, что вам известно). Вы мне прост(ите).² Право я вас считаю за какое-то провидение наше³ — а потому так и убеждена, что вам все известно, а если еще не известно, то должно быть известно. Право я вас как бы за родного считаю. Вы... не сердитесь, что я так говорю. Я иногда [от с(ердца)] слишком уж от сердца говорю, так что Дуня меня поправляет... Но Боже мой, как я боюсь: [Думала ли я, что я к сыну моему буду идти и так бояться...] Проснулся ли он однако?⁴ И в какой он крошечной комнате и эта женщина, хозяйка его, считает это за комнату? Но вот и эта лестница. Какая ужасная лестница.

— Мамаша, вы даже бледны, успокойтесь, голубчик мой.

— Постойте, я на минутку гляну проснулся ли. Послушайте, кстати, не спрашивайте его очень, об чем-нибудь, если увидите, что он морщится, и не распространяйтесь, если увидите, что он не хочет распространяться, про здоровье очень не спрашивайте, не любит.⁵

— Когда они подымались мимо хозяйкиной двери, черный глаз Прасковьи Павловны и со стуком заперлась дверь. Пульхерия Александровна даже вскрикнула...

<—> Встал, одет, здоров, и доктор тут, — крикнул Разумихин.⁶ (л. 1 (3) об.)

нечка ~ Пульхерия Александровна даже вскрикнула..., который после вставки текста: Ах, Родя ~ так уверена (см. следующую сноску) переместился после него (см. далее).

¹ Ах, Родя ~ так уверена. вписано.

² Вы мне прост(ите). вписано.

³ Между строками помета: взяв его руку На полях набросок: Боже мой, что это у вас, Дм(итрий Прокофьевич), разбита рука.

⁴ На полях рядом набросок: Что он там делает? Лежит, думает, пишет?..

⁵ Послушайте ~ не любит. вписано рядом с текстом.

⁶ Текст: Знаешь, Дунечка ~ крикнул Разумихин. отмечен слева двумя образующими угол линиями и знаком NB, обведенным рамкой.

1{—} Здоров, здоров! — встретил их Зосимов, который уже сидел с десять минут² у больного в вчерашнем углу на диване и вставая при входе двух дам и Разумихина. Комната вдруг разом наполнилась³; но несмотря на то Настасья тотчас же успела пройти вслед за ними и стала в дверях слушать.⁴

Раскольников сидел в другом углу дивана⁵. Раскольников, конечно, был почти здоров, в сравнении с вчерашним, но был мрачен, задумчив и угрюм.⁶ Зосимов видел, что почти каждое слово разговора точно прикасалось к какой-нибудь его ране, и не знал уж что с ним говорить в ожидании посещ(ения)⁷. Да и действительно Раскольников походил немного снаружи⁸ как бы на раненного человека или вытерпывающего какую-нибудь сильную физическую боль. Лицо его было очень бледно, брови сдвинуты, зубы стиснуты, губы не разжимались, говорил он мало и не охотно, был как бы рассеян и изредка какое-то физическое беспокойство⁹ даже бессознательно проявлялось в иных движениях его¹⁰. Не доставало какой-нибудь черной повязки на руке или чехла из тафты на пальце, для полного сходства с человеком, у которого, наприм(ер)¹¹, нарывает палец, или ушиблена¹² больно рука, или что-нибудь в этом роде.

Впрочем, это мрачное и задумчивое лицо¹³ невольно озарилось каким-то светом, когда вошли мать и сест(ра)¹⁴, хотя оттого выражение его стало как бы еще более грустным. Свет по-

---

¹ Далее следует черновой текст третьей главы.

² Вместо: встретил их ~ десять минут было: сказал Зосимов, сидевший

³ Было: при входе двух дам и Разумихина, так что комната вдруг разом наполнилась

⁴ На полях заметка: Что это был уже не тот человек, как вчера, как третьего дня.

⁵ Далее было: а. Уже час прошел б. Зосимов сидел уже минут десять и очень рад был [вошедшим] пришедшим, потому что сделав все свои осмотры и допросы, не находил уже почти возможн(ости) о чем разговаривать.

⁶ На полях набросок: NB. Но говорил все так как бы с усилием, не договаривая фраз, досад(уя).

⁷ и не знал ~ в ожидании посещ(ения) вписано.

⁸ Далее было начато: на

⁹ Вместо: брови сдвинуты ~ беспокойство было: губы не разжимались, говорил он мало, неохотно, был как бы рассеян и беспокойство

¹⁰ Далее было позднее начато вписыванием на полях: точно забота

¹¹ наприм(ер) вписано.

¹² Вместо: ушиблена больно было: прострелена

¹³ Вместо: это мрачное и задумчивое лицо было: лицо его

¹⁴ Было: мать и дочь

мерк, но мука осталась, и очень скоро¹ Зосимов заметил, что не только ему не стало легче, но напротив в лице появилась какая-то тяжелая [мучительная] мысль, как будто сознательная решимость² перенести час-другой пытки, — только бы поскорее.³ Но видно было, что нынешний день уже не было бреда и что человек этот вполне владел собой, и мог побеждать⁴ в себе ощущения⁵.

— Да я теперь сам вижу, что почти здоров, — сказал он, приветливо целуя мать и сестру, отчего Пульхерия Ал(ександровна) тотчас просияла, — и говорю не по-вчерашнему, что здоров, — прибавил он, пожимая руку Разум(ихину).⁶

— Я⁷ даже подивился, — ска(зал)⁸ Зосимов, когда все уселись, — разумеется я ожидал⁹ сегодня лучшего, но он превзошел¹⁰ даже мои ожидания: ни раздражительности особенной, т. е. вчерашней¹¹, ни бреда...¹² Дня через три-четыре¹³ совсем будет как прежде,¹⁴ когда был совсем¹⁵ здоров, месяц назад например, али два, али три. Это издалика начал(ось) — а? сознаетесь теперь?¹⁶ — с улыбкой спросил Зосимов.

---

¹ Свет померк ~ очень скоро *вписано*.

² *Было*: готовность

³ *Вместо*: как будто ~ поскорее. *было*: мысль, означавшая, что вот перетерплю муку — только бы поскорее

Текст: Свет померк ~ поскорее. *вписан на полях*.

⁴ победить

⁵ *Вместо*: как бы еще более грустным ~ ощущения. *было*: а. грустнее. б. как бы грустнее. Но видно было, что нынешний день уже не было бреда и что человек этот вполне владел собой, и мог победить в себе какие угодно чувства.

⁶ *Вместо*: сказал он ~ пожимая руку Разум(ихину). *было*: сказал он, целуя мать и сестру, — и говорю не по-вчерашнему, что здоров.

⁷ *Было*: Да, я

⁸ *Вместо*: ска(зал) *было*: а. *Начато*: Э(осимов) б. промямлил

⁹ *Вместо*: разумеется я ожидал *было*: а. *Начато*: проснул(ся) б. я разумеется ожидал

¹⁰ *Вместо*: но он превзошел *было*: а. *Как в тексте*. б. *Начато вписыванием и оставлено незначеркнутым*: но то, судя по ви(ду)

¹¹ особенной, т. е. вчерашней *вписано*.

¹² *Далее было*: Так только, бледность

¹³ четыре *вписано*.

¹⁴ *Далее было*: в свое лу(чшее)

¹⁵ совсем *вписано*.

¹⁶ *Вместо*: месяц назад например ~ сознаетесь теперь? *было*: месяц назад, например. Ведь так? Ведь уж это с месяц приготавливалось что было, ведь так? *На полях набросок*: а. Это издалика началось-то — а? б. Ведь это издалика началось-то — а?

— Совершенно так, — отвечал Раскольников с странной интонацией, точно держа¹ что-то про себя. Ему действительно мелькнула в голове² его теория болезненного состояния преступления.³

— Я не знаю уж⁴ как благодарить вас за ваши⁵ неусыпные старания о нем, — сказала Пульхер(ия) Алекс(андровна), с чувством обращаясь к Зосимову, — и особе(нно)⁶ за вчерашнее ночное посещение ваше к нам.

Раскольников с любопытством слушал.⁷

— Как, он у вас был ночью? А вы ночью не спали. Гм...⁸ И⁹ я не знаю чем благодарить его, — сказал Раскольников. — Отклонив вопрос денежный — (вы извините, что я об этом упом(янул), ведь у меня денег нет¹⁰) — я пра(во)¹¹ не знаю, чем заслужил я от вас такое особенное внимание, которое ничем ведь¹² не купишь...¹³ Просто не понимаю этого, — отрезал (Раскольников).

— Да вы не дивитесь. Предположите, что вы мой первый пациент, ну и знайте, что начинающие практиковать своих первых пациентов как своих детей любят или даже как любовниц. А я ведь не богат пациентами-то...

(—) Проговорив это с нек(оторым) замешат(ельством), Зосимов несколько покраснел¹⁴.

— Я уж не говорю про него, — промолвил Раскольников, указывая на (л. 2 (4)) Разумихи(на), — а между тем и вы и он, кроме оскорблений и хлопот, ничего от меня не видели¹⁵.

¹ Было: думая

² Было: а. Ему действительно припомнилась б. Над зачеркнутым Ему начато: В эт(о)

³ На полях набросок: И я вам скажу, что моя теория ве(рна).
— Какая теория?

— Тут одна теор(ия)

⁴ уж вписано.

⁵ Далее было начато: ста(рания)

⁶ особе(нно) вписано.

⁷ Раскольников с любопытством слушал. вписано между строк.

⁸ Как ~ Гм... вписано на полях.

⁹ Было: Да и

¹⁰ Вместо: я об этом упом(янул) — ведь у меня денег нет было: а. что я так говорю б. что я так говорю, ведь у меня денег нет

¹¹ пра(во) вписано.

¹² ведь вписано.

¹³ Было: а. не купишь; али вот б. не купишь... Я это

¹⁴ Было: Проговорив это, Зосимов был действительно очень хорош,

¹⁵ На верхнем поле набросок: что(-то) презритель(ное) и высокомер(ное), что-то досадливое, как форм(альная) обязанность, что-то та-

— Эх ведь врет. Да ты в чувствитель(ном) настро(ении), что ли, сегодня? — сказал Разумихин, но взглянув на него, он увидел, что он вовсе не в особенно чувствительном настроении.¹ Даже убедился, что всё посещение это и разговор — чрезвычайно тягостны.

— Нет, вообще я про то, что-то люди интересуют(ся) и... Я не знаю, чем я мог возбудить. После этой болезни, у меня новые знакомые, или желающие со мной познакомиться. А про вас, маменька, я уж и говорить не смею. Я сегодня только сообразил, как вы должны были мучиться здесь, ожид(ая) меня вчера и слушая вот ее болтов(ню). — Он указал на Настасью.

Сказав это,² он вдруг протянул руку сестре, с которой с самого прихода еще не сказал ни сл(ова).³ Та тотчас⁴ взяла ее и пожала благодар(но) улыбнувшись. Лицо матери так и сияло, увидев это безмолвное и бессловное их примирение.⁵

«Как это хорошо, — подумала она, — какие у не(го) благородные порывы. Как он деликатно и просто протянул сестре руку и вот помирились. Но только какой у него бедный костюм, как он одет. Что это за пальто. У Афанасия Иванов(ича) мальчишки в лавке носят лучше. Боже, какая обстановка!» Так бы и бросилась обнять его, прижать к сердцу, но... но тут же почувство(вала) он(а), что всё еще боялась его... что в нем было что-то такое, что мешало этому.⁶

— Да, Родя, — начала она⁷, — мы вчера так измучились⁸. Теперь уж прошло и так счастливо кончилось, так что можно

кое, что [всякий простодуш(ный) и добрый] человек хоть и видит, но как-то не хочет угадывать, простому и добр(ому)

Вздор это

¹ Текст: Эх ведь врет ~ настроении. обведен фигурной скобкой, указывающей на связь с ним пометы на полях: такая мука Выше там же помета: Н а с м е ш к а

² Место: не в особенно чувствительном настроении ~ Сказав это было: не в особенно чувствительном настроении; [и] даже говорит через силу, может быть исполняя искренно сознаваемую обязанность, но все-таки через силу.

— А уж про вас, маменька, я и не говорю. Я сегодня только сообразил, как вы должны были мучиться здесь, ожид(ая) меня вчера. Сказав это

³ Было: он протянул руку сестре.

⁴ тотчас вписано.

⁵ их вписано. Далее было: примирение, она хоть и видела, что Роде лучше, но его болезнен(ное) состояние ее поражало и мучило, [теперь же] Она как-то боялась говорить...

⁶ улыбнувшись ~ мешало этому. вписано на полях разновременно. фрагментами.

⁷ Было: Ах Боже мой, Родя, подхватила вдруг Пульхерия Александровна

⁸ Было: как мы вчера беспокоились

сказать.¹ Вообрази, приходим сюда, чтоб обнять тебя². Эта женщина, ах да вот она, здравствуй, Настасья, — рассказывает она нам³, что ты в белой горячке⁴ и тихонько от доктора убежал в бреду. Мы конечно еще больше преувеличили, как это и всегда бывает. Что делать! Я едва на ногах устояла. Хотели было⁵ броситься отыскивать Петра Петровича... чтоб с его помощью — потому что ведь мы были одни, совершенно одни, — заторопилась⁶ и осеклась вдруг Пульхер(ия) Александров(на), вспомнив, что заговорила о Петре Петровиче.⁷

— Да, воображаю... Это [всегда] трудно... (проговорил он как бы говоря «да довольно же!»). — Будьте уверены, что я сегодня хотел⁸ идти к вам поскорей⁹, вас не дожидаясь, — не думайте, чтоб я ждал ваш визит¹⁰ — да платье задержало.¹¹ Я и забыл ее попросить вчера, — прибавил он, указывая на Настасью, — замыть... эту кровь... и только что теперь успел — вот одеться...

— Кровь? какая кровь? — встревожилась Пульхерия Александров(на).

—¹²Это так... не беспокойтесь... маменька. Эта кровь¹³ оттого, что вчера, когда я шатался несколько¹⁴ в бреду, я наткнулся на раздавленного чиновника, здесь недалеко¹⁵. Мармеладов по фамил(ии).¹⁶ <л. 2 (4) об.>

¹ Теперь уж ~ можно сказать. *вписано на полях.*

² чтоб обнять тебя *вписано.*

³ Было: Эта женщина, ах да вот она, — рассказывает нам

⁴ Вместо: в белой горячке было: был в горячке

⁵ Было: преувеличили. Хотели было

⁶ Далее было начато: вдр(уг)

⁷ На полях помета: Совершенно счастливая Пульхер(ия) Александров(на).

⁸ Было: Да, воображаю...как вам было трудно...[А я как сегодня проснулся], — тоже перебил Раскольников. — А я как сегодня проснулся, тотчас же и хотел

⁹ поскорей *вписано.*

¹⁰ не думайте, чтоб я ждал ваш визит *вписано.*

¹¹ На полях вариант: Не думайте, пожалуста, маменька, и ты, Дунечка, [чтоб я вас ожидал сегодня] что я не хотел к вам идти сегодня и ждал вас. — Меня платье задержало. Я позабыл.

— Ну полно, ну что ты, — вскричала мать.

— Я только что проснул(ся), хотел идти, но меня платье задер(жало).

¹² Было начато: Не б(еспокойтесь)

¹³ Вместо: маменька. Эта кровь было: не моя кровь!

¹⁴ несколько *вписано.*

¹⁵ Было: я наткнулся, [часу в одиннадцатом], на раздавленного человека, здесь недалеко, чиновника одного...

¹⁶ На полях набросок: NB. В бреду? но ведь ты помнишь, — сказал Разумих(ин).

1(—) Вот что, Дуня, — начал он серьезным и сухим² и чуть не деловым то(ном)³, — я бы очень желал, чтоб ты мне простила вчерашний спор⁴.

— Да разве она не простила? — воскликнула⁵ Пульхерия Александровна в умилении.⁶

— Ну так я тебе это объясню, Дуня.⁷ Хорошо, стой:⁸ хоть я и обязан просить⁹ у тебя прощения, но знай, что я от главного моего¹⁰ не отступаюсь. Или я или Лужин. Пусть я подл¹¹, а ты не должна. Один кто-ниб(удь).¹² И если ты выйдешь за Лужина, я тотчас же перестану тебя считать сестрой. Тебе выходить за Лужина совсем¹³ не надо, потому что беспол(езно).¹⁴

— Разумеется, даже всё помню, *Далее два варианта продолжения: а. но ты знаешь это состояние, полумумное, и помнишь, а Бог знает что делаешь и куда идешь.*

— Разумеется, разумеется, — подхватил Зосимов.

б. до малейшей подробности, а вот поди: зачем я то делал, да то говорил — не могу уж сказать... А ведь и говори не глуп...

— Это совершенный кажется и известный феномен, — спокойно *Продолжение текста:*

— Ну что ж этот чиновник (Пульх(ерия) Ал(ександровна)).

— Ну да, я и запачкал, когда переносил [его в его] раздавл(енного) в его квартиру. Кстати, маменька, я сделал непростительную вещь —

¹ *Далее следует текст автографа 93.1.1.2/11.*

² *Было: и строгим (оба варианта вписаны).*

³ *Было: голосом*

⁴ *Далее было: Во всяком случае я много виноват.*

⁵ *Далее было начато: в ум(илении)*

⁶ *Далее было: Дуня подошла и подала брату руку. [Мы]*

— Понимаю, что простила. Пришла, стало быть простила, — сказал Раскольников.

— Да я бы во всяком случае пришла сегодня, — сказала Дунечка, с удивлением смотря на брата. — Неужели ж ты полагаешь, что я бы могла не придти(?)

— Если б я не простил, я бы не пришел, — сказал Раскольников.

— Я может быть не так тебя понимаю, — сказала Дунечка.

⁷ *Было: а. Я тебе объясню, Дуня. б. Я тебе объясню это, Дуня.*

На полях набросок: — Я очень рад, что могу это тебе объяснить(ить).

⁸ *Хорошо, стой: вписано.*

⁹ *Было: выпросить*

¹⁰ *моего вписано.*

¹¹ *Было: подлец*

¹² *Один кто-ниб(удь). вписано.*

¹³ *Было: совершенно*

¹⁴ *На полях набросок: [— А я еще не знаю... впрочем это оставил]*

— Подумай, что ты говоришь¹, Родя, — сказала мать в тяжелом изумлении. — И почему ты все говоришь я подлец, я подлец.

— Я выхожу за Лужина потому толь(ко)², что положение мое слишком нестерпимое и я³, не видя выхода, из двух зол выбираю меньшее. Я исполню честно всё, что потребует от меня г-н Лужин, следственно его не обманываю.

— Всё исполнишь?.. — спросил он с иронией.⁴

— До известного предела. Я буду с тобою говорить откровенно, брат. И манера, и форма сватовства Петра Петровича показали мне с первого шагу чего ему надобно⁵. Ему надо такую жену, как я, — законную жену.⁶ О любви моей он кажется не очень⁷ интересуется.

— Уверю тебя, что он ее потребует. Он совершенно уверен, что она в контракт само собой входит⁸.

— Что и получит⁹, если заслужит. Но главное знай¹⁰, что ты совершенно ошибаешься, если думаешь, что я выхожу для кого-нибудь. Я един(ственно ъ)¹¹ для себя выхожу; потому что¹² мне

---

¹ *Вместо:* считать сестрой ~ Подумай, что ты говоришь было: а. считать моей сестрой. — Это невыносимо! — закричал Разумихин, стукнув кулаком по столу, — встал с места, повернулся и сел опять на стул. — Подумай, что ты говоришь б. считать сестрой, хоть я и подлец. — Почему ты всё говоришь подлец и подлец! — вскричала Пульх(ерия) Алек(сандровна).

² толь(ко) *вписано.*

³ *Далее было:* рассудительно

⁴ *Было:* а. — Всё исполнишь?.. б. *Вместо зачеркнутого «а» вписано:* — Уверю тебя, что никакой пользы не будет ни для меня, ни для матери. Краска ударила ему в лицо. «Лжет, для меня выходит. А главное горячка: сознаться не хочет, что хочет благодетельствовать, не люблю я таких характеров».

Зачеркнутое «а» не помечено знаком восстановления; спросил он с иронией вписано на полях.

⁵ *Далее было:* [Мысли] Взгляды и убеждения его, я, кажется, угадала:

⁶ *Вместо:* законную жену. *было:* жену ему надобно.

⁷ *Вместо:* кажется не очень интересуется. *было:* не интересуется.

⁸ *Было:* она в контракт войдет.

⁹ *Было:* И получит

Текст: от главного моего не отступаю ~ Что и получит, если заслужит. *обведен линией, и на полях вдоль него снизу вверх крупными буквами:* Разговор был как бы небрежен. *На полях против текста каллиграфические прописи:* 1) Къ 2) Напишите (дважды)

¹⁰ *Было:* Знай

¹¹ един(ственно ъ) *вписано.*

¹² потому что *вписано.*

самой тяжело. А затем уж следует вопрос¹ быть полезною тебе и маменьке². Это само собой, я сестра и вас люблю, но это не главный вопрос.

— Что ж и то и другое подло... — холодно сказал³ Расколь(ников).

— Родя! — вскричала Пульхер(ия) Ал(ександровна).⁴

— До того правда, до того тут на первом плане расчет⁵, что сегодня же вечером решится, выходить ли мне за него или нет? Так как я выхожу для себя, <л. 1 (5)> но так как не желаю впасть в худшее, чем теперь, положение, то и очень рада случаю, который даст мне в эт(ом) убедиться сегодня же.⁶ Если Петр Петрович удовлетворит сегодня моим ожиданиям — я выйду за него и даже буду любить, потому что это будет лучшее, чем теперь, полож(ение).⁷ Если же нет, то положение мое с ним в замужест(ве)⁸ будет очевидно худшее, чем теперь — и тогда я не выйду. А если б я прежде всего жертвовала⁹ для кого-нибудь из вас, то уж конечно вышла бы во всяком случае. Я все сказала, брат. Больше мне нечего прибавлять¹⁰. Разве только то, что я сама знаю, что всё это низко и подло даже. Положим так, — сказала пикирован(ная ;) Дун(ечка).¹¹ — Но ведь оставаясь в том положении, в котором я теперь¹² нахожусь, я могу поневоле¹³ упасть еще ниже. Тут все на расчете. Это я по опыту говорю. Это арифметика. Низко и безжалостно требовать от человека.¹⁴

— А ты веришь в арифметику?

---

¹ *Вместо:* А затем уж следует вопрос было: Затем

² *Далее было:* Во всяком случае это был не первый вопрос.

— а. Это неправда б. Во-первых, это неправда, а во-вторых все-таки это подло.

³ *Было:* с досадой ск(азал)

⁴ *На полях набросок реплики:* А впрочем что ж, выходи за кого угодно, по мне всё равно —

⁵ *Далее было начато:* (я знаю, что всё это низко, и

⁶ *Было:* а. выхожу для себя, то и не желаю впасть в худшее, чем теперь, положение. б. выхожу кроме всего для себя, то и не желаю впасть в худшее, чем теперь, положение.

⁷ *Было:* и даже буду любить.

⁸ с ним в замужест(ве) *вписано.*

⁹ *Было:* Если б я жертвовала

¹⁰ *Было:* прибавить

¹¹ *Было:* Разве только то, что я сама знаю, что всё это низко.

¹² теперь *вписано.*

¹³ поневоле *вписано.*

¹⁴ *Вместо:* Тут всё ~ требовать от человека. *было:* Всё на расчете. Это арифметика.

— Еще бы. И так я истин(но њ) в арифметику верю и действую по расчету (чего ты смеешься њ)¹?

— Гм... А каким же образом это всё сегодня вечером решится?²

³(—) Маменька, покажите брату письмо Петра Петровича, — сказала Дунечка.

— Ах Боже мой, вот это письмо. Родя, друг мой, ради Бога не рассердись и не взволнуй себя⁴ как-нибудь. Я тебе говорила ведь, Дуня...

— Ничего, маменька, не беспокойтесь, — сказала Дуня...

Раскольников взял письмо и внимательно прочел его. Он прочел два раза. Все ждали, что он скажет. Прочтя, он сложил его и подал назад Пульх(ерия) Александ(ровне).

— Как же ты решаешь, Родя?⁵ — спросила она с беспокойством.

— Т. е. об чем?⁶

— Петр Петрович пишет, чтоб тебя не было сегодня, когда он придет к нам.

— Это, конечно, уж решать не мне, а во-первых вам, а во-вторых Дуне. Согласны вы, чтоб я присут(ствовал њ), я приду. Это очень кстати, что он это письмо прислал. Вот и проба ему будет. Странно только — ведь он по делам ходит,⁷ адвокат, и разговор⁸ даже у него такой... с замашкой... а ведь как безграмотно пишет.

— Да ведь они все так пишут, — сказал Разумихин.

— А разве и ты читал⁹ письмо?¹⁰ — спросил Раскольников.

— Да.

---

¹ *Далее было:* — Да, если б мы были только цифры, — а то ведь мы люди... Пусть я в арифметику верю, а ты... не должна. Но всё это вздор.

Текст: А если б я прежде всего ~ а то ведь мы люди... *отчеркнут линией и против него на полях набросок:* Право, брат, ты так небрежно всё это спрашиваешь, что, право, [брат] я не знаю, серьёзно ли ты или чтобы что-нибудь сказать.

(Ого! характер, — подумал Расколь(ников)).

— Полно, Дуня (Пульх(ерия Александровна))

² *Было:* А каким образом всё это сегодня вечером решится?

³ *Было начато:* а. После(довало) б. Дунечка

⁴ *Было:* не взволнуйся

⁵ *Вместо:* Т. е. об чем?⁶ ~ он по делам ходит, *было:* Это, конечно, уж решать не мне, а Дуне, и этим, разумеется, она решит разом всё. Это очень хорошо, что он письмо прислал. По крайней мере скоро всё разъяснится.

⁶ *Было начато:* и по разговору

⁷ *Было:* А ты разве читал

— А-а-а.

— Мы показывали, Родя, мы...¹

— Все судейские бумаги этим слогом пишутся, — замыл Разумихин.

— Да, да, совершенно судейский слог: не то что уж совсем безграмотно, не по-лакейски, но дале(ко) и не литературно².

— Петр Петрович даже хвалится тем, что учился на медные деньги и сам себе дорогу проложил, — сказала Авдотья Романов(на), несколько обиженная тоном брата.

— Да, он человек умный. Жаль только, что этого мало... Но я замечаю, что ты обижена, Дуня.³ Впрочем об этом нечего спорить. Я только хочу доказать, до какой степени необходимо знать обстановку и даже слог этих господ, чтоб верно⁴ судить об них и не ошибиться в сношениях с ними.⁵ Тут, например⁶, есть выражение: Пеняйте на себя, и затем⁷ угроза тотчас же уйти, если я приду⁸. Это почти равносильно тому, что он грозит тебя бросить, от тебя совсем откажется⁹, Дуничка, если [только] я вечером тоже приду. И уж конечно это невежливо¹⁰, но как ты думаешь, можно ли от него обидеться в так(ой) степени, как если б вот он написал али кто друг(ой)?¹¹

— Это обидно. Но разумеется нельз(я)¹², — сказала Дуня.
(л. 1 (5) об.)

---

¹ Против текста: по делам ходит ~ Мы показывали, Родя, мы... на полях набросок к последующему тексту (см. ниже, с. 313):

В самом деле ведь он говорил вчера, что стоит в тех же номерах... с Лебезятниковым. Как это всё так случается(?)

— Что же тут удивительного? Как пустяк тебя интересует, а о главном ты не заботишься.

— Нет, это очень важно —

² Вместо: не то что уж ~ не литературно. было: не то что безграмотно, да и не то что литературно.

³ Но я замечаю, что ты обижена, Дуня. вписано на полях.

⁴ верно вписано.

⁵ и не ошибиться в сношениях с ними. вписано.

⁶ например вписано.

⁷ затем вписано.

⁸ если я приду вписано.

⁹ Вместо: грозит ~ откажется было: от тебя откажется

¹⁰ Было: Это конечно невежливо

¹¹ Было: вот он написал. — Раскольников указал на Разумихина.

¹² Вместо: Это обидно. Но разумеется нельз(я) было: Разумеется нет

На полях заметки: 1. Разу(меетс) нет. Суд(ейский) сл(ог). 2. Разумеет(ся) нет. Слог такой судейский, а может и в мыслях большой обиды не было.

[— Разумеется нет, — подтвердил Раскольников, — потому что он иначе ни мыслить, ни писать не умеет.]

— Но все-таки может быть на деле лучше, чем напислось¹, — сказала Дуня.

— Не думаю.² (Факт).³

— Это мы увидим сегодня. Я решила попросить тебя сегодня быть при этом свидании. Придешь?

— Непременно приду.

— Я и вас тоже попрошу быть у нас сегодня,⁴ — обратилась она к Разумихину. — Маменька, я их приглашаю.

— Конечно, конечно, это даже и лучше, — проговорила Пульхер(ия) Алекс(андровна).

— Уж конечно лучше, смягчительнее, извинительнее, безобиднее в глазах Петра Петровича, если б я один пришел⁵.

— Не совсем для того я желала бы видеть их, — сказала Дуня. —⁶ Но... и это пойдет⁷ кстати, что ты заметил, брат. Ты увидишь, для чего я зову вас, — сказала Дунечка.⁸ — Это все объяснится потом.⁹

— Ну уж как вы так решили, — сказала Пульхерия Александровна, — так уж пусть так и будет. А мне и самой лучше: не люблю притворяться и лгать; лучше¹⁰ будем правду говорить.¹¹

— Ну и делу конец, до вечера, — сказал Раскольников.¹² — В этом письме есть одна клевета, доволь-

---

¹ Было: Но всё-таки может быть лучше, чем написал

² Было: Не знаю.

³ На полях набросок: Неужели он не обижается, — подумала Дуня.

⁴ На полях заметка: Часы. Я и вас тоже попрошу быть.

⁵ Было: один был

⁶ Далее было: Ты поймешь, Родя, — если вы помириться или если даже он не уйдет тотчас же как тебя увидит, — я за него выйду, потому что он буд(ет)

⁷ пойдет вписано.

⁸ Ты увидишь ~ сказала Дунечка. вписано.

⁹ Текст: Непременно приду ~ объяснится потом. обведен фигурной скобкой.

¹⁰ Далее было начато: пу(сть и)

¹¹ Ниже, между строками, начато позднее: В эту минуту (отворилась дверь)

¹² Далее было: [Только тут есть одна клевета в письме, довольно низкая. Я деньги отдал вчера в руки вдове, чахоточной и убитой, а не в руки дочери, несчастной тоже девушки. Он написал, что я девушке отдал и это ясно с намерением. Я для того собственно говорю, а. что так как вечером сегодня ты, Дуня, последний раз испытаешь этого человека,

но¹ ⟨низкая⟩. Написал тоже, что это девуш⟨ка⟩ дурного пове-ден⟨ия⟩, и это положим наивно, как ты выразил⟨ась⟩. Но во всем этом я вижу жела⟨ние⟩ меня размарать и вооружить против вас.² [Что он способен оклеветать, в этом я не сомневал⟨ся⟩ и не сержусь на него. Это уж натур⟨а⟩ и он не виновен³. Я только удивляюсь грубости судейско⟨го⟩ слога, потому что клевета эта слишком натянута и слишком уж сюда⁴ притянута, стало быть грубо, несмотря на то что он человек умный... Впрочем в судейском слоге всегда так выходит.] Только... только... только как же я не знал, что он тоже там живет⁵? Ах Боже мой, — вскричал он, хлопнув себя по лбу. — Ведь он же говорил вчера, что он остановился⁶ у Лебезятникова, ведь я должен же был это помнить⁷!

— Что тебя так это интересует, — сухо спросила сестра.

— Да интересует⁸, — сказал он в видимом волнении.⁹
⟨л. 2 (б)⟩¹⁰

перед решением идти за него или нет? Ну теперь кажется всё кончено об этом...] [Дв⟨ерь⟩] В эту минуту отворилась дверь. б. чтоб ты, Дуня, знала факт, что он человек злой, низкий и клеветник. Этот факт, впрочем не очень важный, он очевидно написал рассерд⟨ившись⟩. Правда форма, в какой он сделал это, показывает степень его ума и ... развит⟨ия⟩ ⟨—⟩ тебе уж поможет. В эту минуту отворилась дверь. *Фрагмент*: что он человек ~ тебе уж поможет. *вписан на полях и помечен знаком X.*

¹ В этом письме ~ довольно *вписано на полях с пометой =X₂, соответствующие две вертикальные черты проставлены в тексте перед словами*: Только тут

² *На полях предшествующий набросок*: Я не дочери раздавл⟨енно-го⟩ чиновн⟨ика⟩ деньги отдал. Он же написал, что я отдал дочери, и прибавил, что она нехорош⟨его⟩ поведения. Всё это клевета и цель слишк⟨ом⟩ заметна.

³ Было: не виноват

⁴ Вместо: слишком уж сюда было: наивно

⁵ Было и оставлено *незачеркнутым*: стоит

⁶ Было и оставлено *незачеркнутым*: стоит

⁷ Было: должен был это знать

⁸ Было: Так; это очень важно...

⁹ *Набросок к тексту*: Ведь он же говорил ~ в видимом волнении. см. выше, с. 311, примеч. 1.

¹⁰ *На обороте наброски*: Приходи обедать:

Гляжу я на твою каморку.

Родя, как это, как это можно так жить — и вдруг заплакала.

А дорогою, я вот заплакала, Господи, он рассердится.

Что же будет сегодня вечером.

Каллиграфическая пропись: С уб⟨...⟩ ⟨л. 2 (б) об.⟩

¹В это мгновение дверь тихо отворилась и² в комнату робко вошла одна девушка³. Раскольников⁴ смотрел на нее несколько секунд удивленными глазами, не двигаясь с места. Кстати сказать, что в последнее время, даже задолго до того дня⁵, каждое новое, совсем незнакомое лицо, если только оно входило к нему, или обращалось к нему внезапно, или сталкивалось просто с ним на улице, или⁶ если б даже только особенно⁷ пристально взглянуло на него — производило во всем существе его трепет и на несколько мгновений даже как будто столбняк.⁸ После же того дня внезапное⁹ соприкосновение и сообщение со всяким незнакомцем, может быть, способно было возбудить в нем в иную минуту крик и даже конвульсии. Так было например вчера при внезапном входе Лужина.

¹⁰Вошедшая была Софья Семеновна Мармеладова. Раскольников с первого мгновения не узнал ее.¹¹ Вчера только увидел он ее в первый раз и в такую минуту¹², при таком освещении и главное в таком костюме,¹³ что в памяти его отпечатлелся образ совершенно другого лица. Действительно Соню едва можно было сегодня узнать.¹⁴ Теперь это была скромно и даже бедно одет(ая) девуш(ка) в темненько(м) (но нетраурно(м)) платьице,¹⁵ с скромной, приличной и благородной манерой, а вместе с тем что-то до крайности запуганное¹⁶, неразвязное и несветское было

---

¹ Далее следует текст четвертой главы, содержащийся в автографе 93.1.1.2/13.

На полях запись: Этот невозможный родственный тон разговора, при полной невозможности хоть об чем-нибудь говорить.

² Далее было: и на пороге показалось новое лицо

³ Было: а. посетительница б. женщина

⁴ Далее было: не сразу узнал ее и даже задолго до того дня вписано.

⁵ Далее было начато: даж(е)

⁶ особенно вписано.

⁷ Было: на некоторое время даже столбняк.

⁸ Далее было начато: новое лицо, может

⁹ На полях росчерки пера и слово: какая

¹⁰ Было: Раскольников не сразу узнал ее сегодня.

¹¹ Было: а. Вчера увидел он ее бледную, взволнованную б. Вчера увидел он ее в первый раз бледную, взволнованную

¹² Далее было начато: который [укр(епился)] в памяти его укреп(ился)

¹³ Вместо: сегодня узнать. было: узнать теперь.

¹⁴ Было: Это было робкое существо, скромно и даже бедно одетое в темненькое платьице. Воротничок, нарукавнички, шарфик, всё это было скромное, но

¹⁵ На полях вписано и оставлено незачеркнутым: было в ней в эту минуту

в ее движениях¹. На голове у² ней была старенькая, [но] чистенькая шляпка, старого фасона. Только в руках был по-вчерашнему зонтик³.

Увидав⁴ полную комнату людей, она не то что сконфузилась, но просто как бы оробела и⁵ на минуту совсем потерялась.

— Ах... это вы... — сказал Раскольников в чрезвычайном удивлении и вдруг сам смутился.

Он сам смутился того, что его мать и сестра⁶ знают уже вскользь, по письму Лужина, о некоторой девице отъявленного поведения. Сейчас только он протестовал против клеветы Лужина и [объявил] упомянул, что он видел эту девицу вчера в первый раз, и вдруг⁷ она входит сама.⁸ Протестовав против клеветы, он не протестовал впрочем⁹ против того, что она девица от(ъявленного) повед(ения).

Всё неясно и мигом скользнуло¹⁰ в его голове. Но взглянув на Соно, он мигом угадал, что это приниженное существо,¹¹ может быть с ясным умом и теплым сердцем, благословленное умиравшим отцом¹², слишком уж само готово себя принизить¹³, до того дрожит пред общественным взглядом и что до того готово само себя презирать. Когда она сделала было движение поскорей уйти, — всё сердце его перевернулось — он еще не видал такой степени забитости и раздав(ленности).¹⁴

---

¹ неразвязное и несветское было в ее движениях *вписано на полях*.

² голове у *вписано*.

³ *Далее было:* и по этому-то наружному признаку [он] его и подтолкнуло узнать ее.

⁴ *Было:* Приотворив дверь и увидав

⁵ *Было:* она не сконфузилась, но как бы оробела и [ра(стерялась ;)]

⁶ *Было:* а. Он смутился того, что мать и сестра б. Он смутился до того

⁷ *Было:* вот

⁸ *Было:* входит сама: его пожалуй сочтут лжецом.

⁹ *Было:* а. *Начато:* о х(арактеристике) б. против характеристики девицы в письме Лужина: Как же он должен теперь обойтись с ней при матери и сестре?

¹⁰ Все эти вопросы, конечно неясно и мигом, скользнули

¹¹ *Между строками:* ей богу ска(зал ?)

¹² *Было:* с умом и сердцем, благословленное отцом

¹³ *Было:* а. слишком мало б. слишком готово само принизить себя

¹⁴ *Вместо:* до того дрожит ~ раздав(ленности). *было:* а. слишком дрожит пред общественным взглядом и мнением, и слишком презирает себя. Сердце его перевернулось. б. до того дрожит пред общественным взглядом, и когда она сделала было движение поскорей уйти, — эта степень забито(сти) — всё сердце его перевернулось.

— Я вас совсем не ожидал ко мне... Но садитесь. Вы верно от Катерины Ивановны. Позвольте не сюда, вот тут сядьте¹.

При входе Сони Разумихин, сидевший на одном из трех стульев Раскольников, сейчас подле двери, привстал, чтоб дать ей войти.² Сначала Раскольников указал было ей место в углу дивана, где сидел Зосимов, но вспомнив, что этот диван был в то же время и постель его и что это слишком «фамильярное» место, он указал ей на стул Разумихина.

— А ты садись здесь, — сказал³ он Разумихину, сажая его в угол Зосимова. (л. 1 (7))⁴

Соня села [робко], чуть не трепеща от страху, робко и бегло взглянула на обеих дам, и⁵ потерялась совершенно. Видно было, что она не понимала, как могла она сидеть на одной доске с такими женщинами. Ей до того было это страшно, что она вдруг встала и как потерянная обратилась к Раскольникову.

— Я от Катерины Ивановны, — начала она запинаясь.⁶ — Простите, что я вас обеспокоила. Послать некого кроме меня, а Катерина Ивановна приказала вас очень просить, быть завтра на отпевании... утром... за обедней... на Митрофаньевском и потом у нас... у ней... откушать... честь ей сделать... Она велела просить.

Соня осеклась и замолчала.

(—) Постараюсь непременно быть... — отвечал Раскольников. — Позвольте⁷ вас спросить как сегодня... были ли какие-нибудь беспокойства? Признаюсь, я вчера оставил... Ах, сделайте одолжение садитесь, — сказал он, — мне надобно с вами сказать два слова... Пожалуста... вы может быть⁸ торопитесь... сделайте одолжение, подарите мне две минуты⁹...

И он подвинул ей стул и сел сам. Вдруг он вздрогнул и бледное лицо его вспыхнул(о):¹⁰ глаза загорелись.

¹ На полях заметки: 1. мгновенья горячие и высокие 2. Кто

² Между строками заметка: ей богу

³ Было начато: указ(ал)

⁴ Каллиграфические прописи: 1. Зосимов (дважды полностью и одна зачеркнутая недописанная) 2. Никитин 3. Мы 4. Тепе(рь)
⁵ и вписано.

⁶ Было: начала она.

⁷ Было начато: Сделайте (одолжение)

⁸ Было: может

⁹ Было: подарите мне две минуты и он по(двинул)

¹⁰ Было: И он подвинул ей стул. Вдруг он весь вспыхнул и вздрогнул:

〈—〉 Это моя мать, а это моя сестра, — сказал он¹ вдруг Сонечке, указывая и как бы представляя ей обеих² дам. — Маменька, это Софья Семеновна Мармеладова, дочь того самого несчастного г-на Мармеладова, которого вчера в моих глазах раздавили лошади и об котором я уж³ вам говорил.

Он произнес последние слова ясно, твердо, веско, сдвинув брови и настойчивым горячим вызывающим⁴ взглядом смотря на мать и на сестру.

Пулхерия Александровна взглянула на Соню⁵ и слегка прищурилась. Не смотря на всё свое замешательство перед взглядом Роди⁶, она никак не могла отказать себе в этом удовольствии.⁷ Дунечка серьезным, пристальным взглядом, и почти с суровым⁸ лицом уставилась прямо в лицо бедной девушке и пристально ее рассматривала. Соня, при рекомендательных словах Раскольниковова, чуть-чуть было привстала, но тотчас же села обратно. Раскольников поскорей заговорил с ней.

— Я хотел вас спросить, как у вас всё это сегодня⁹ устроилось. Не беспокоила ли вас опять¹⁰ полиция?

— Нет-с, всё прошло...¹¹ Ведь уж слишком видно отчего смерть была¹², — не беспокоили. Только жильцы сердятся...¹³

— Они чего?

— Что тело целый день стояло¹⁴, ведь теперь жарко...¹⁵ дух... Так что¹⁶ сегодня к вечерне мы хотим перенес(ти)¹⁷ на кладбище, до завтра, в часовню. Катерина Ивановна сначала никак не хотела, а теперь и сама видит, что нельзя (нрзб.).¹⁸

¹ Далее было начато: почт(ительно)

² Было: своих

³ уж вписано.

⁴ вызывающим вписано.

⁵ Далее было начато: но не могла при этом отк(азать)

⁶ Было: Несмотря на всё свое замешательство[она] перед Родей

⁷ Было: не могла отказать себе в этом.

⁸ Вместо: и почти с суровым было: с серьезным даже суровым

⁹ сегодня вписано.

¹⁰ опять вписано.

¹¹ Было: всё это уладилось.

¹² Было: Ведь уж видно [как у(мер)] отчего умер

¹³ Было: жильцы ропщут и сердятся, что тело

¹⁴ Было: а. целый день стоять сегодня будет б. целый день еще стоять будет

¹⁵ Вместо: теперь жарко... было: теперь лето,

¹⁶ Было: Может быть даже

¹⁷ Вместо: мы хотим перенес(ти) было: перенесут

¹⁸ Было: сначала не хотела, а теперь сама видит, что нельзя.

— Так сегодня значит?

— Она просит вас сделать нам честь [и] на отпеванье в церкви быть завтра, а потом уж¹ прибыть к ней на закуску.

— Так она закуску устраивает?² <л. 1 (7) об.>

— Да-с. Она вас очень, очень велела благодарить за то, что вы вчера помогли нам³. Без вас совсем нечем было бы похоронить, — сказала Соня и губы и подбородок(ок)⁴ ее запрыгали. Она потупилась.⁵ Слезинки показались было на глазах, но она успела сдержаться.

Между разговором Раскольников выглядывал ее⁶ пристально. Это было худенькое, совсем худеньк(ое) и бледное личико, довольно неправильное⁷, какое-то востреньк(ое), с востреньким маленьким носиком и подбородком⁸. Она вовсе не была хороша собою, но зато в ней было что-то такое откровенное и простодушное, глаза ее были такие ясные, как вчера у Полечки, а взгляд⁹ до того робкий и смиренный, что это очень даже могло привлекать в ней.¹⁰ Когда оживлялось лицо, то выраже(ние) становил(ось) такое доброе и прямодушное.¹¹

— Но как же, неужели Катерина Ивановна могла обойтись... такими малыми средствами. Да еще закуску вздумала.¹²

— Гроб ведь простой-с, колода¹³, — сказала Соня, — и всё обойдется недорого, мы рассчитали, так что капельку и останется,¹⁴ а Катерине Ивановне очень¹⁵ хочется помянуть папеньку¹⁶. И к тому ж она надеется выхлопотать вспоможение у господина,

¹ уж *вписано*.

² Было: *делает*

³ Было: *вчера помогли*.

⁴ и подбородок *вписано*.

⁵ Она потупилась. *вписано*.

⁶ Было и оставлено *незачеркнутым*: *вглядывался* в нее

⁷ Было: *довольно правильное, не лишенное*

⁸ Далее было *начато*: *Черты*

⁹ Было: *но зато глаза ее были такие ясные, а взгляд*

¹⁰ Было: *что это личико даже могло привлекать к себе*.

¹¹ Когда оживлялось ~ *прямодушное. вписано*.

¹² *Вместо*: Да еще закуску вздумала. *было*: И как же она вздумала затеять эту закуску.

¹³ Было: *а. Гроб простой, колода б. Гроб ведь простой*

¹⁴ Было: *и [так <и>] всё остальное обойдется по расчету недорого, так что капельку останется*

¹⁵ *очень вписано*.

¹⁶ Было: *папашу*

чья коляска была¹. Ведь нельзя же-с... И... ей утешение... Она такого характера.²

— Понимаю, понимаю вас.. Что это вы, мою комнату³ осматриваете. Вот маменька говорит, что тоже на гроб похожа.

Сонечка вдруг вся опять потупилась и опять губки и подбородок ее задрожали. Но в этот раз больше пре⟨жнего⟩.⁴

— Вы нам всё вчера отдали, — проговорила вдруг в ответ Сонечка сильным и скорым шепотом. Слова ее вдруг вырвались, не думавши. Она уже не смотрела на то, что ее слушают и что из ее слов вых⟨одит⟩, и уж в эту минуту не смущали ее никакие дамы, про всё это она мигο⟨м⟩ забыл⟨а⟩ в эт⟨у минуту⟩.⁵

Последовало мгновенное молчание. Глаза у Дунечки как-то⁶ прояснели и Пульхерия Александровна посмотрела на Соню даже приветливо⁷.

⟨—⟩ Родя, — сказала Пульхерия Александровна⁸ вставая, — мы разумеется у на⟨с⟩ обеда⟨ем⟩...⁹ Пойдем, Дуня, пора.

— Я... не знаю... Да-да. Может быть приду, не знаю, — ответил торопясь и вставая Раскольников. — ...Я найду.¹⁰

— Да неужели ж вы будете обедать сегодня-то¹¹ розно? — закричал Разумихин, с удивлением смотря на Раскольникова. — Что ты это?

— Да, да, приду, приду разумеется. А ты останься¹² на минуту... — сказал он Разумихину. — Ведь вы конечно дойдете одни... днем-то. Или я может быть отнимаю его?

---

¹ чья коляска была *вписано на полях с знаком NB.*

² *Вместо:* И к тому ж ~ такого характера. *было:* И к тому ж это очень ее занимает. [Пото⟨му⟩] Она такого характера...

³ *Было:* квартиру

⁴ Сонечка вдруг ~ больше пре⟨жнего⟩. *вписано.*

⁵ *Вместо:* проговорила вдруг ~ в эт⟨у минуту⟩ *было:* прошептала вдруг Сонечка, потупилась и губки ее опять запрыгали. Она знала, что это нехорошо. *Исправления и дополнения вписаны между строками и на полях.*

⁶ как-то *вписано.*

⁷ *Вместо:* на Соню даже приветливо *было:* даже добродушно на девушку

⁸ *Вместо:* Последовало мгновенное молчание ~ Пульхерия Александровна *было:* — Последовало мгновенное молчание.

— Родя, сказала Пульхерия Александровна

⁹ *Было:* ты разумеется придешь к нам обедать... Приходи

¹⁰ *Вместо:* Да-да ~ Я найду. *было:* Может быть... — [сказал] ответил торопясь и вставая Раскольников. — [Я хотел] У меня одно дело... Я пойду.

¹¹ сегодня-то *вписано.*

¹² *Было:* Да, да, приду. Ты останься

— Нет, не беспокойся, Родя, нам¹ с Дуней тоже нужно одну лавку отыскать.² Мы не прямо домой. А уж вы разум(еется)³ тоже... придете обедать... будете так добры? — прибавила она, умоляющим образом смотря на Разумихина.

〈—〉 Пожалуста придите, — прибавила Дуня. Все как-то странно стали вдруг конфузит(ься).⁴

— Непрем(енно)⁵ приду-с... Как только вот отделаю-с. Час тот же.

— Так,⁶ прощай, Родя, прощай, милый⁷, т. е. до свидания, не люблю говорить: прощай. Прощай, Настасья. Ах, опять прощай сказала.

И затем⁸ Пульхерия Александровна чуть-чуть поклонилась Сонечке, несколько потупясь и не глядя⁹ при этом, и вышла из комнаты. Авдотья Романовна, вслед за ней проходя мимо Сони, откланялась ей внимательным, вежливым и полным поклоном и полным взглядом смотря ей в глаза.¹⁰

Сонечка сконфузилась ужасно¹¹ и благодарно наклонилась с своей стороны.

— Дуня! Прощай же, голубчик! — крикнул ей Раскольников уже в сени. — Дай же¹² руку-то!

— Да ведь я же подавала, забыл? — сказала, улыбаясь, Дуня.

〈—〉 Ну еще, дай!¹³

И он с бесконечной любовью¹⁴ посмотрел на нее, крепко стиснув ее пальчики. Дунечка вырвала поскорей руку и ушла за матерью, — тоже вся счастливая на одну минуту.¹⁵

— Вы мне дали мгновение хорошее! — сказал вдруг Раскольников, à bout portant¹⁶ обращаясь к Сонечке, — полное...

¹ Было: а. тем более что нам б. нам еще

² Было: а. нужно одну лавку б. нужно в одну лавку

³ Было: конечно

⁴ Пожалуста ~ конфузит(ься). вписано между строками и на полях. Рядом на полях заметка: Стали очень дело(выми)

⁵ Было: Извольте

⁶ Так вписано.

⁷ прощай, милый вписано.

⁸ И затем вписано.

⁹ и не глядя вписано.

¹⁰ Было: Авдотья Романовна откланялась [Дунечке] ей внимательным, вежливым и полным поклоном.

¹¹ ужасно вписано.

¹² Далее было: мне

¹³ Было: Ну еще...

¹⁴ Было: Он благодарно и с бесконечной любовью

¹⁵ Было: тоже вся счастливая.

¹⁶ в упор (фр.).

счастливое... жить можно, как вчера¹, — пробормотал он, обращаясь к окну и погружаясь в задумчивость. Соня ничего не поняла во всем этом движении.

Разумихин видел, что все отклонялись, благополу⟨чные⟩ и счастливые.² ⟨л. 2 (8)⟩

³— Господи, Дунечка, в какой он каморке живет, — заговорила⁴ Пульхерия Александровна, только что обе вышли на лестницу, — и как одет, — я чуть не заплакала на него глядя, да думаю рассердится и — удержал⟨ась⟩.

— Это видно, что он еще болен, мамен⟨ька⟩, и все оттого происход⟨ит⟩, и мы хорошо сделали⁵ что ушли, он куда-то идти хотел, ему нужно пройтись, поды⟨шать⟩⁶ воздухом, в комнате ужасно душно было.

— Да, да, да и на улицах-то⁷ как здесь у них⁸ душно. Чем тут дышать?⁹ Господи, какой город... Постой, пост⟨ой⟩. Задавят, посторонись. Господи! Заметила ты, Дунечка¹⁰, какой он, точно он нам не рад был.¹¹

— Больной.

— Это правда, правда, Дунечка,¹² да все-таки как будто ему тяжело с нами было.¹³ Он и ласков с нами, но как будто «отвяжитесь только от меня».

— Не грешите, маменька. Он очень раздражит⟨ельный⟩. Это правда...¹⁴

⟨—⟩ Отчего это я его обнять не могла, точно боюсь, да и боюсь. Ты, Дунечка, сама была такая с ним неуступчивая...¹⁵ Ах Боже мой, что этот господин заглядывает!¹⁶ Ах какой красавчик.

¹ как вчера *вписано*.

² Вы мне дали ~ и счастливые. *вписано на полях. Ср. заметку на л. 1(7) — см. выше, с. 316, примеч. 1.*

³ На верхнем поле *заметка*: Ах Боже мой, теперь вот он отдал все деньги, что ж у него осталось?

⁴ Было: *говорила*

⁵ Было: Он еще болен, маменька, это видно, что болен, и мы хорошо сделали

⁶ *Вместо*: поды⟨шать⟩ было *начато*: про⟨йтись ;⟩

⁷ *Далее было*: так

⁸ у них *вписано*.

⁹ Чем тут дышать? *вписано*.

¹⁰ Было *начато*: Заметила, Д⟨унечка⟩

¹¹ Было: точно он нам не рад.

¹² Было: Это правда, Дунечка

¹³ Было: ему тяжело с нами.

¹⁴ Не грешите ~ Это правда... *вписано*.

¹⁵ *Далее было и оставлено незачеркнутым*: А какой он красавчик.

¹⁶ *Далее было начато*: Чай

{—} Оставьте ма{менька}.¹

{—} Ах, Ду{нечка},² что-то будет, что-то будет сегодня вечером, я уж и не знаю...

— Не беспокойтесь, маменька, будет что должно быть, придем домой и я вам всё расскажу.³

— Ах, Дунечка, подумай, подумай, в каком мы теперь положении. Ну что если Петр Петрович откажет!

— Так чего же он будет стоять после того⁴?.. Сегодня и испытание ему. Сегодня и всё узнаем и все решится само собой.⁵ Не беспокойтесь, голубчик. Я могу найти место. Во всяком ведь случае будет не хуже...

— ⁶Господи, Дунечка, не знаешь, что ты это говоришь! — вскрикнула Пульхерия Александровна⁷. — Смотри, смотри, задают, ах какие пьяные, перейди, перейди на ту улицу, пожалуста перейди.

Обе женщины перебежали испуганно на другую сторону.

{—} Ах Боже мой, я еще давеча боялась, когда с Дмитрием Прокофь{евичем} шли, а теперь ведь одни... Слушай, Дунечка, сюда ли мы идем — да, сюда... Вот что, я боюсь тоже этой девицы, что приходила.

— Какой это? что сейчас-то была?⁸

— Да, этой Софьи Семеновны, Мармелад{овой}, какая фамилия!⁹ боюсь я ее...

— Чего же?

— Так, предчувствие какое-то у меня. Ну вот веришь иль нет, как я увидела ее, так я и поняла, что тут всё что-нибудь нехор{ошее} заключается.¹⁰

---

¹ Ах Боже мой ~ Оставьте ма{менька}. *вписано. Между строками знак NB.*

² *Вместо: Ах, Ду{нечка}, было: Господи,*

³ *Вместо: придем ~ расскажу. было: а. придем, я вам всё расскажу. б. придем домой и я вам весь мой план расскажу. На полях рядом начата заметка: Ах Бо{же мой}*

⁴ *Было: этого*

⁵ *Было: Сегодня всё узнаем, маменька, довольно.*

⁶ *Вместо следующего далее текста: Господи, Дунечка ~ что приходила. было: Да... да, Дунечка, не знаешь. Я боюсь тоже этой девицы, что приходила. Дополнения вписаны между строками и большей частью на полях.*

⁷ *Далее было: и обе жен{щины}*

⁸ *Было: что сейчас пришла?*

⁹ *Вписано; было: Мармеладовой, какая фамилия сахарная*

¹⁰ *Было: что тут всё заключается.*

— Да что же всё-то, маменька? Ах, какие вы с вашими предчувствиями!¹

〈—〉 Да так...

〈—〉 Ведь они почти в первый раз видятся. Ведь он ее даже не узнал, как он(а) вошла, и он правду говорил давеча, что он вчера ее в первый раз видел.

— Да, но как-то она смущает меня, вот увидишь, вот увидишь... И наконец все-таки она... Петр Петрович так об ней пишет, а он давеча знакомить вздумал.²

— Да может быть Петр Петрович неверно пишет.

— Дай Бог. А то я так испугалась,³ стал рекомендовать и так глядит, так глядит... Я едва на стуле усидела!⁴ Значит она ему дорога. Ах кабы поск(орее) Дмит(рий) Прок(офьевич) пришел, я бы расспросила.

— Не она дорога, а тут другое⁵, успокойтесь, маменька, довольнo... А Дмитр(ий) Прокоф(евич)⁶ действительно прекрасный человек.

— [Вот види(шь)] Вот видишь, — начал Раскольников, обращаясь вдруг к Разумихину, только что ушли мать и дочь, — у меня до тебя дело. Вы извините, Софья Семен(овна), я сейчас с ним кончу.

— Ах, извините меня⁷... мне тоже пора, — сказала Сонечка, быстро подни(маясь)⁸.

— Нет, нет, я еще вам⁹ хотел сказать... Я в одну минуту. Сделайте одолжение посидите. — Видишь что: у меня до тебя небольшое дело. Ты знаком или даже кажется ведь родственник с этим Порфирьем Петровичем, следовательно в нашей части? Так кажется вчера вы с Зосимовым говорили, когда я лежал?

— Да... родстве(нник)... и был у меня вчера на вечеринке... славная личность, только смешон очень... а что тебе?¹⁰ — спросил он вдруг с необыкновен(ным) любопытством.¹¹ 〈л. 2 (8) об.〉

¹ Было: Да что же всё-то? Ведь это ясно, что они почти в первый раз видятся.

² На полях набросок: И Бог знает кто она такая, пишут какого-то поведения. Текст: Он и ласков с нами ~ знакомить вздумал. отчеркнут на полях и обозначен пометой: короче.

³ Далее было начато: он так гляди(т)

⁴ Я едва на стуле усидела! вписано.

⁵ а тут другое вписано.

⁶ Далее описка, повторено: Дмитрий Прок(офьевич)

⁷ меня вписано.

⁸ Было: вставая

⁹ Было начато: я еще с вами

¹⁰ Было: и славный человек, а что тебе?

¹¹ На полях наброски: Послушай, я тебе вчера врал пьяный, — сказал Разумихин.

Черновые наброски к главам III—IV
третьей части (ЧН₃)

— Рядом с Зосимовым.¹

— Недоставало повязки.

— Здоров, здоров.

— Да я теперь сам вижу.

— Как я вам благодарна! — начала Пульхер(ия) Ал(ександровна) Зосимову.

— Да я, право, не знаю, — сказал Раскольников, — чем заслужил. Он и он (Разумихин то есть). Кроме оскорблен(ий), да и вам, мамаша, только горе...

— Ах Боже мой, когда ты убежал вчера... мы ждали.

— Воображаю, как вам было трудно.² Я тотчас же, как проснул(ся), хотел было к вам идти, не дожидаясь вас, но задержало платье. Я и забыл сказать ей вчера. Оно было в крови запачка(но), в этой крови,³ надо было отмыть и высушить. Только что оделся.

— В крови?

— Не беспокойтесь, маменька, это вчера чиновник Мармеладов умер, в бреду, отдал деньги... Я ходил в бреду по улицам.⁴ Но я не жалею. Это ужасная картина и... может быть, вы бы сами отдал(и). Но я, я, конечно, не имел права... Чтоб помогать несчастью, нужно ведь иметь право, т. е. быть богатым, не то: *Stevez chiens, si vous n'êtes pas contents.*⁵ Так ли, Дуня?⁶

— Полно, Родя, я уверена, что всё, что ты сделал, благородно.

— Вы уверены?

— Да, Родя.

(—) Благодарю вас, — задумчиво и с чувством.⁷ А однако ж, что касается(ся) до вас, ничего, кроме огорчений⁸ и даже оскорблений... Я вас обирал и мучил...⁹

— Признаюсь тебе, эта мысль меня в болезни огорчала.

Разумихин тоже счастлив. У Разумихина гора с плеч свалилась.

НВ. Разум(ихин). А мне как раз к нему зайти надо. Он мне работу одну хотел достать.

¹ Справа каллиграфическая пропись: Зосимов

² Далее было начато: Кстати я

³ в этой крови вписано.

⁴ Я ходил в бреду по улицам. вписано.

⁵ Подышайте, собаки, если вы недовольны (фр.).

⁶ Так ли, Дуня? вписано.

⁷ Благодарю вас, — задумчиво и с чувством. вписано.

⁸ Было: не(приятностей)

⁹ Я вас обирал и мучил... вписано.

— Полно, полно, Родя, не тревожь себя, милый. Напротив, мне хотелось бы, мы так давно не видались, рассказать бы всё.

— После, маменька, всё успеем...¹

— Зосимов поднялся (прекрасный человек,² просторней стало, вошла Настасья). Шпион.

— И умный. Ну и... Я его³ прежде знал. Я забыл, где встрет(ил) его. Это после (<и>) у того... Помнишь, недокончил, да, да! в рассеянности.⁴ А помните, как я жениться хотел, девочка горбатая...

Молчание (об Лужине)

— Ты знаешь, Марфа Петровна умерла.

Посмотрел равнодушно.

<—> А...

— Дуня, я перед тобой вчера был очень виноват и т. д.

(Письмо)

«Прочел. Буду». — «И приходи. И вас».⁵

(Как ты живешь.) Все объяснимся потом, как кончится дело.

Соня.

С ней говорит, встала.

<—> Да у мен(я) есть одно дело. Я к вам приду.

<—> Мне с тобой два слова надо бы сказать. Ведь вы дойдете одни. Днем мож(но).

Всё о Лужине.⁶

Состояние Раскольников(а), внизу: «Постой, я сейчас, подожди меня здесь».

Вошел в комнату, заперся.

К дыре. «Странно». И вышел.⁷

(Тем главу кончить.)

<—> Так ли, Дуня?

---

¹ Далее было: А помните, как я жениться хотел. Помните, как я вас огорчал.

² прекрасный человек В основном тексте реплика Пульхерии Александровны (6, 197).

³ Над строкою вариант: это всё

⁴ И умный ~ в рассеянности. вписано; место вставки помечено знаком X₂, соотнесенным со знаком X₁ в конце добавленного текста. Перед И умный открыта круглая скобка, оставленная в конце незакрытой.

⁵ Далее было: — Соня

⁶ Было: О Лужине. отчеркнуто.

⁷ На полях записи: Я забыл. Ну пошли, ступай, экие предосторожности!

〈—〉 Нет, не так.¹

— А так ты вот как думаешь — уж не социалистка ли? Это похвально.² — Ну и дойдешь до такой черты, что остановишься перед ней — несчастна будешь, а перешагнешь, то, может быть, будешь еще несчастнее. Такая черта есть. Впрочем, это всё метафизика.³

Глаза Дунечки засверкали:

〈—〉 Как «суди по человеку»?⁴

— Это правда, ты говоришь, «суди по человеку», — сказал Раскольников.

〈—〉 Я так не говорила, — сказала Дунечка и с удивлен(ием) посмотрела на него, дивясь, что он угадал ее мысли.⁵

— Я во всяком случае не имел права это сделать. Это неблагоразумно и несправедл(иво). Я согласен и прошу у вас прощен(ия), мам(енька).

— Полно, Родя, всё, что ты сделаешь, прекрасно, — в восторге мать.

— Да-с, вот в наше время сделают доброе дело и считают его несправедл(ивым), потому что это и действит(ельно) так, — сказал Зосимов, — а в ваше врем(я) это-то и считалось справедливостью.

Авдотья Ром(ановна) слушала с удивлением, для нее-то и говорил Зосимов.

〈—〉 Ну уж, и в наше-то время такие плуты были, — сказала Пульх(ерия) Алекса(ндровна). — Только я не знаю, чем же ваше-то вре(мя) разнит(ся). Как же в ваше-то время добрые дела делаются?〈?〉

— Это я вам скажу, — сказал Разумихин. — Одни добрые, великодушн(ые) и действительно умные люди скажут вам, что грустно и тяжело помогать единично, а что надо корень зла искоренить, насадив добро. Другие, тоже хорошие и добрые люди, но уж слишк(ом) засевш(ие) в теор(ии), принесут вам целые томы доказательств — действительно верных (с одной стороны), — что единичное добро не помогает обществу, забывш(и) между прочим, что оно все-таки помогает единично и вас самих лучше делает и в обществе любовь поддержи(вает). Ну а дураки и плуты тотчас из этого выведут, что и совсем помогать не

¹ Так ли ~ не так. *вписано.*

² Это похвально. *вписано.*

³ *Далее было начато: Но во всяком сл(учае)*

⁴ *Вместо: суди по человеку — было: человек*

⁵ *Вместо: Я так не говорила ~ ее мысли. — было: Дунечка с удивлением посмотрела на него, дивясь, что он угадал ее мысли.*

надо, что это-то и есть прогресс, что тут-то и вся мысль сидит, чтоб свой кошель не развязывать. Вот у нас теперь¹ как...

Наступило маленькое молчанье.

〈—〉 Марфа Петров〈на〉 умерла.

〈—〉 Охота вам говорить об этом, маменька, успеем.

〈—〉 Рассказать бы всё...

〈—〉 Всё много... успеем.

(разговор вяло и как бы нехотя, беспрерывно удаляясь в стороны)

Зосимов встал.

〈—〉 Хороший человек.

〈—〉 Вот и этот. Свинья!

〈—〉 Что вы как будто меня робеете.²

〈—〉 Дуня, да! он болен, входи.

Решить об Марфе Петровне.

в какой каморке

Раскольников сидел на диване ряд〈ом〉

НВ. Кроме огорч〈ений〉, вам ничего. А помните, я жениться хотел.

1. Дуня, я у тебя прощ〈ения〉 прошу, письмо.

---

¹ теперь вписано.

² Соединено линией с записями выше: Охота вам ~ всё...

ВАРИАНТЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

(Том 6. С. 5)

Варианты белого автографа (БА)

Глава VII второй части¹

С. 160.

^{36—38} Вдруг ~ отцом. / вдруг он узнал ее и понял всё, — понял ее приниженную, убитую, расфранченную и стыдящуюся, смиренно ожидающую в углу пока а. чтоб кинуться к б. своей очереди проститься. ◊ запись на верхнем поле л. 3 об.

С. 163.

^{21—22} к какой-то ~ и вызывая ее. / и вызывая какую-то темную силу

^{22—23} А ведь я ~ на аршине пространства! / «Подлец я: ведь я уже соглашался жить на аршине пространства и только от отвращения одного хотел [предать себя] кончить совсем!.. Достало, впрочем, хоть этого-то благородства!.. ◊

^{24—25} но... кажется, вся болезнь прошла. / но и только. Кроме чисто физической слабости, кажется, вся болезнь прошла.

²⁵ Я и знал, что пройдет, когда вышел давеча. / а. Я знал, что я вылечусь, когда вышел. А что же скажет Зосимов? Как удивится-то! б. Я знал, что [всё] пройдет, когда вышел давеча. Да... ◊

^{25—26} Кстати: дом Починкова, / Кстати: Дом Бабушкина... ◊

^{26—27} Уж непременно ~ и не два шага... / Конечно, к Разумихину! ◊

^{27—28} Фразы: Пусть и он потешится, — ничего, пусть!.. — нет.

^{28—31} Сила, сила ~ моста. / а. ничего на свете не сделаешь, а силу — надо взять силой... б. ничего не возьмешь, а силу — надо добывать силой же, коли хочешь взять», — прибавил он гордо и самоуверенно, и пошел, едва переводя ноги, с моста. ◊

---

¹ Далее следуют варианты текста автографа 93.1.1.2/6.

- 31—42 *Текста*: Гордость и самоуверенность ~ в превосходнейшем расположении духа. — *нет*.
43—44 отыскал Разумихина ~ тотчас указал / отыскал Разумихина; на новой квартире его уже знали, и дворник тотчас указал ◊

С. 164.

- ¹ различить / отличить ◊
2—3 Дверь на лестницу ~ крики и споры. / Слышались крики, споры; дверь на лестницу была отворена настежь. ◊
⁶ хозяйские служанки / женщины-прислужницы ◊ *⟨л. 1⟩*
⁹ Тот прибежал / Тот был
9—11 *Текста*: С первого взгляда ~ что-то было заметно. — *нет*.
14—15 я так слаб, / я так слаб, так слаб, ◊
19—25 — А гости? ~ освежиться / — А гости?
— А дядя? Ты не понимаешь, что это за драгоценнейший человек! Жаль, что ты не можешь [войти!] теперь познакомиться! а. Ну, брат, много любопытного! б. Уверяю, брат, что много любопытного! А впрочем, черт с ними!.. Им теперь не до меня, да и мне самому надо освежиться ◊ *На следующих листах между строками и на полях вписано: 1. Кто этот господин (?). Ей-Богу, не знаю. Может, дядин знакомый, а может, и нет. ⟨л. 3⟩ 2. Дядин знакомый, должно быть. А может, и сам пришел. ⟨л. 3 об.⟩*
25—26 еще две минуты, и я бы / если б еще мгновение — а. и я бы б. так я бы ◊
27—28 изовратиться наконец / изовратиться иногда
28 Впрочем / Но впрочем ◊ *⟨л. 1 об.⟩*
29 *Фразы*: Да и пусть врут: зато потом врать не будут... — *нет*.
32—33 в нем заметно было ~ скоро лицо его / но скоро лицо его ◊
34—39 решил он ~ Это очень хорошо / а. сказал он в заключение. Это очень хорошо б. сказал он в заключение, с улыбкой. — Надо бы одну штучку сейчас же принять, да где ее (...). Очень хорошо *⟨л. 3⟩* в. сказал он в заключение, — а на ночь принять одну штучку; Примете? Я еще давеча заготовил... Порошок один.
— Хоть два, — ответил Раскольников.
— Великолепно! Ложку! Это очень хорошо ◊ *⟨л. 2⟩*
39—42 заметил Зосимов ~ век учись... / а. прибавил он Разумихину. — Что завтра будет — увидим, а сегодня очень даже недурно: значительная перемена к лучшему, с давешнего. Поболтай с ним дорогою, — шепнул он Разумихину, — и его самого заставь говорить, а воротись — расскажи... *⟨л. 3⟩* б. прибавил он Разумихину. — Что завтра будет — увидим, а сегодня очень даже недурно: значительная перемена с давешнего. Век живи, век учись. Поболтай с ним дорогою, — шепнул он Разумихину, — и его самого заставь говорить *⟨л. 2⟩* ◊
43—44 *Слов*: как мы выходили — *нет*.

С. 165.

- 2—3 и потом / а потом ◊
- 3—4 сумасшедший ~ это себе! / близок к помешательству.
- 5 не помешанный / не сумасшедший ◊
- 6 такая дичь в голове / такие идеи ◊
- 8 а насчет тебя повернул / а перевернул
- 9 сегодняшний разговор / разговор
- 11 Я теперь / Я, брат, теперь ◊ (л. 3)¹
- 12 После: Заметов понял — и все поймут. ◊
- 12 дело в том... / дело в том... дело в том... ◊
- 13 пьян капельку / пьян
- 15—16 высказывать, потому дичь нелепейшая / а. высказать б. высказывать, потому что всё дичь нелепая ◊
- 16 особенно когда / потом, как
- 17 Фразы: Но зачем же они дураки? — нет.
- 19—20 Слов: я заметил, что он щекотлив — нет.
- 20 у Лавизы было / это у Лавизы было
- 21—23 Главное ~ ведь знаю... / а. Начато: Главное Илья Петрович... твой обморок в конторе б. Главное Илья Петрович... он воспользовался твоим обмороком в конторе, чтоб заговорить, но тогда же тотчас же дело и кончилось... в. Главное Илья Петрович... он воспользовался твоим обмороком в конторе, он сукин сын, чтоб заговорить тогда, но тогда же тотчас же дело и кончилось... Смехом кончилось. Так только в ползучем этом виде осталось, (2 нрзб.) ◊
- 24—25 Текста: Раскольников ~ пробалтывался. — нет.
- 26—27 оттого ~ сказал Раскольников. / а. оттого упал, что было душно и краской масляной пахло. б. оттого упал, что было душно и краской масляной пахло сильно, — сказал Раск(ольников). ◊
- 28 Еще объясняет! Да и не одна краска: / Да зна-ю! Не одна краска:
- 30 так ты себе представить не можешь вписано.
- 31—33 У него иногда ~ верх совершенства! / а. У него предобрые иногда чувства, но урок — урок ему сегодня в Хрустальном дворце великолепен! б. У него предобрые иногда чувства, право, будет прок, если только пронять его вдруг, да так, чтоб вот понял. Но урок — урок ему сегодня в Хрустальном дворце (—) это верх совершенства! ◊
- 33—38 Ведь ты его ~ надо. / Ведь ты его заставил опять испу- (л. 3 об.) гаться Далее: а. почти убедиться заставил в этой бессмыслице и потом — язык ему выставил. Раздавлен! уничтожен! так их и надо! б. опять почти убедил его в этой безобразн(ой) бессмыслице и потом — вдруг язык ему выставил. Раз-

¹ Вверху л. 3 запись (ср. ЧН₂ — 7, 287): есть ли внутреннее наказание На полях дважды каллиграфическая пропись: Раскольников

давлен! уничтожен! Мастер ты, ей-Богу, мастер! так их и надо! ◇

³⁸ Слов: Эх, не было меня там! — нет.

⁴⁰ А... уж и этот... / А этот зачем... *вписано.* ◇

^{40—41} А в сумасшедшие-то меня почему записали? / А почему же меня в сумасшедшие-то записали? ◇

^{42—43} Фразы: Я, брат, кажется, слишком тебе разболтался... — нет.

С. 165—166.

^{43—4} Поразило ~ плюнь... / а. а поразило его давеча то, что тебя один только этот пункт и интересует... Теперь ясно, почему интересуется... зная все обстоятельства... Ты болезненно настроен и обиду не можешь забыть. Только ты плюнь: я бы им всем, на твоём месте, показал такого... б. а поразило давеча Зосимова то, что тебя один только этот пункт и интересует... Понима(ешь?) Теперь ясно, почему интересуется... зная все обстоятельства... как это все сплелось вместе. Ты... обиду не можешь забыть. Так ведь? Так? Я, брат, пьян немножко. Только ты плюнь: я бы им всем, на твоём месте, спираль показал такой... ◇ *Далее приписано:* Ах, как они вдруг, и что за подлец. Курчавый-то. (л. 4)

Главы II—IV третьей части

С. 179.¹

³³ II / Глава 2. ◇

^{35—36} недоумений / забот и недоумений ◇

^{37—38} Он помнил до последних подробностей всё вчерашнее / Он помнил до последних подробностей всё вчерашнее, все свои слова и все впечатления ◇

С. 179—180.

^{39—4} доселе совсем неизвестное ~ «растреклятого вчерашнего дня». / доселе совершенно неизвестное ему впечатление и что [этот] жизнь его как будто ломается теперь надвое. В то же время он ясно понимал, что новая мечта, загоревшаяся в его голове, — совершенно неосуществима. Таким образом, представлялось самое (л. 1) безотрадное противуречие: «мечта неосуществима, стало быть, нечего бы и думать о ней; нечего [и] думать, а между тем и не может быть другой мечты [и цели!]» отныне и вовеки!»

Но Разумихин был такой человек, который на а. заботах о собственном горе мало останавливался б. собственном горе всегда мало останавливался в. заботах о собственном горе мало

---

¹ Далее следуют варианты текста автографа 93.1.1.2/7.

останавливался [и не любил [остана(вливаться)] много заботиться о своих ощу(щениях)], хотя и способен был ощущать его не меньше кого бы то ни было. Теперь представлялись ему более посторонние вопросы, [хоть и] разумеется на ту же тему. И прежде всего ему очень бы хотелось догадаться и по возможности разъяснить себе: что такое отношения Авдотьи Романовны к жениху ее Лужину и почему такой человек, как Лужин, — жених ее? Вопрос, разумеется, естественный [Далее незавершенные варианты продолжения: а. и в удовлетворении которого могло не быть заключено и тени эгоизма. Что же до Разумихина, он вполне понимал, что ответ на вопрос б. который не мог в. но хотя бы в вопросе его не заключалось и тени эгоизма, все-таки Разумихин] (л. 1 об.) и не только не отклонимый [и необходимый] но даже и «разрешительный». Разумихин отлично понимал, что ответ на этот вопрос — если б [даже] он был предложен с «целью только эгоистической» — ни к чему бы не привел его, даже если бы брату, сумасброду и деспоту, и удалось расстроить брак сестры своей. «И разве [осуществима] разрешительна хоть сколько-нибудь мечта эта ему, Разумихину? Кто он такой? — Разумихин, без достоинств и средств. [Да что, это еще только пустяки. Нет. —] И главное — кто он, сравнительно с такой женщиной; он — пьяный буян и вчерашний хвостун! Разве возможно такое циничское и смешное с его стороны сопоставление?» — Разумихин даже покраснел при этой мысли. «Мечтать, например, о том, что обладаешь Бразильской империей, — разумеется, занятие [неосуществимое] смешное и бесполезное, потому что неосуществимое... А тут... А насколько тут выше Бразильской империи[?]!»» ♦ На полях вписано: Тут вдруг вспомнил о том, что об хозяйке говорил на лестнице. (л. 2)

С. 190.¹

⁶⁻⁷ во вчерашнем своем углу / во вчерашнем углу ♦

⁹⁻¹⁰ но Настасья все-таки / но несмотря на то, Настасья тотчас же

¹⁰⁻¹¹ стала слушать. / стала в дверях слушать. ♦

¹⁴ Снаружи он походил / [Он уже владел] Вчерашней раздражительности почти уж не было, но видно было, что и сегодня почти каждое слово разговора точно прикасалось к какой-нибудь ране а. и бередило ее. Даже снаружи он походил б. и бередило ее, несмотря на умение его владеть собою. Снаружи он походил (л. 1)

¹⁵⁻¹⁹ брови его ~ движениях. / а. Брови его были сдвинуты, глаза смотрели мрачно и сверкали, губы были сжаты; говорил он мало и неохотно, как бы через силу или по обязанности, и какое-то

¹ Далее следуют варианты текста третьей главы, содержащегося в автографе 93.1.1.2/8.

- беспокойство изредка появлялось в его движениях. б. Брови его были сдвинуты, [взгляд мрачный], губы сжаты; взгляд воспаленный и всех избегавший; говорил он мало и неохотно, как бы через силу или исполняя обязанность, и какое-то [бессознательное] беспокойство изредка появлялось в его неровных, часто даже неожиданных движениях. ◇ *На л. 3 об. на полях набросок:* Но Раскольников, видимо, исполнял только обязанность
- 20 повязки / черной повязки ◇
- 25 как бы светом / как бы каким-то светом ◇
- 26 прежней тоскливой / тоскливой прежней ◇
- 30 с удивлением заметил / заметил
- 31 вместо радости ~ решимость / а. как бы тяжелую, сознательную решимость б. вместо радости и счастья, как бы тяжелую, скрытую решимость ⟨л. 1 об.⟩
- 32 нельзя уж избежать. / нельзя избежать. *На полях:* ее свидание с родными и во всё время он рад
- 32—33 Он видел ~ разговора / Он [видел] заметил тоже, что почти каждое слово разговора
- 35—36 подивился отчасти сегодняшнему умению / а. дивился умению б. подивился сегодняшнему умению ◇
- 37 впадавшего вчера / впадавшего
- 37—38 *После:* бешенство. — Быстрота кризиса удивляла его. ◇

С. 190—191.

- 41—1 уже не *по-вчерашнему* это говорю / уже не *по-вчерашнему* говорю, что здоров

С. 191.

- 3—5 сегодня ~ с своим больным. / а. когда пришел сегодня, — начал Зосимов, когда все уселись б. сегодня — [поспешил сказать] начал Зосимов, [только что все] когда все уселись. ◇
- 7—8 али, пожалуй, и три? / али три?..
- 8 да подготавливалось... / и приготавливалось... ◇
- 8—9 Сознаётеcь теперь, что, может, и сами виноваты были? / а. Сознаётеcь теперь? б. Сознаётеcь, что сами виноваты были? ◇
- 10 улыбкой / улыбкою ◇
- 10—11 его чем-нибудь раздражить. / раздражить чем-нибудь своего пациента.
- 12 Очень может быть, — холодно ответил Раскольников. / а. Совершенно так, — отвечал Раскольников с какой-то странной интонацией, [видимо] как будто разумея что-то сам про себя. б. Да... пожалуй и так, — отвечал тот с ⟨л. 2⟩ какой-то странной интонацией, разумея что-то сам про себя. в. Это так, это так, — отвечал тот, видимо, для формы. ◇
- 13—14 разлакомившись / а. серьезно и внушительно б. серьезно и внушительно и видимо желая поговорить ◇
- 14 *Слов:* в главном — нет.

- 16—19 что необходимо устранить ~ даже и хуже. / а. что [ваша болезнь гораздо серьезнее, чем вы, может быть, думаете] необходимо устранить первоначальные, коренные причины, влиявшие на зарождение вашего болезненного состояния, — тогда и вылезаетесь; одними же пальятивами ничего не сделаешь. б. что необходимо устранить первоначальные, коренные причины, влиявшие на зарождение вашего болезненного состояния, — тогда и вылезаетесь; не то кончите чем-нибудь еще хуже. Одними же пальятивами, как теперь, ничего не сделаешь. в. что необходимо устранить первоначальные, коренные причины, влиявшие на зарождение вашего болезненного состояния, — тогда и вылезаетесь; не то кончите чем-нибудь еще хуже, предрекаю вам. Одними же пальятивами ничего не сделаешь. ◊
- 19—20 Этих первоначальных причин / а. Причин этих б. Первоначальных причин этих
- 20—21 Вы человек ~ наблюдали. *вписано.*
 21 наблюдали / наблюдаете ◊
 22 совпадает отчасти / совпадает ◊
 22 с выходом вашим / с выходом
- 23—25 Вам без занятий ~ могли вам помочь. / Без занятий вам а. нельзя оставаться б. оставаться нельзя, а потому [усиленный] труд и твердо поставленная какая-нибудь цель, мне кажется, очень бы вам помогли. ◊
- 26—27 Да, да ~ как по маслу... / Да, да, вы совершенно правы, вот я поступаю в университет, и тогда... всё пойдет как по маслу. ◊ *вписано.*
- 28—31 Зосимов ~ мгновение. / Зосимов, начавший весь разговор несколько для эффек(та) перед дамами, был даже удивлен насмешливым и враждебным выражением лица, с которым его слушал Рас(кольников). ◊ *Вариант на л. 2 об. автографа 93.1.1.2/7.*
- 29—31 конечно, несколько озадачен ~ продолжалось мгновение. / а. даже удивлен, когда, взглядевшись несколько пристальней в своего слушателя, заметил что-то насмешливое в лице его, [что-то] даже как бы что-то высокомерное, — впрочем, до того хорошо скрытое, что никто не заметил этого. б. конечно, несколько удивлен, когда, кончив речь и взглянув на своего слушателя, заметил что-то насмешливое в лице его, даже как бы что-то злое, — впрочем, до того хорошо скрытое, что, кроме него, никто этого и не заметил. в. конечно, несколько удивлен, когда, кончив речь и взглянув на своего слушателя, заметил что-то удивительно насмешливое и даже [злбн(ую)] высокомерную насмешку в лице его, даже как бы что-то злое, — впрочем, до того хорошо скрытое, что, кроме него, никто этого и не заметил. ◊

- 32—34 Пульхерия Александровна ~ в гостинице. / а. Пульхерия Александровна бросилась благодарить Зосимова. — Не знаю, как и благодарить вас за все ваши непрестанные старания о нем, — сказала она, с чувством обращаясь к Зосимову, — и особенно за вчерашнее ваше ночное посещение к нам... б. Пульхерия Александровна тотчас же пустилась благодарить Зосимова <л. 2 об.> [за все старания о Роде, и особенно за] и в особенности за вчерашнее ночное посещение их в гостинице. ◊
- 35 был и ночью? / был ночью?
- 35—36 спросил Раскольников, как будто встревожившись. / а. с любопытством спросил Раскольников, б. спросил Раскольников, вдруг оживляясь любопытством ◊
- 36 Стало быть / и... и стало быть
- 36—37 тоже не спали после дороги? / тоже не спали? ◊
- 38 только до двух часов / до двух часов
- 39 раньше двух никогда / раньше двух часов
- 40—41 чем его благодарить ~ нахмурясь и потупясь. / чем благодарить его, — продолжал Раскольников, несколько нахмурясь, что всегда бывает с теми, которые не любят выказывать своих чувств.
- 42—43 вы извините ~ чем это я заслужил / (вы извините, что я об этом упомянул) — я не знаю, чем заслужил

С. 192.

- 1—2 высказываю / говорю
- 3—7 Да вы ~ не богат. / а. Да вы не дивитесь, — засмеялся Зосимов, — предположите, что вы мой первый пациент, ну и знайте, что обыкновенно наш брат, только что начинающий практиковать, своих первых пациентов как своих детей любит или даже как любовниц... А я ведь не богат пациентами-то... б. Да вы не дивитесь, — засмеялся Зосимов, на этот раз плохо поняв двусмысленность такой благодарности, — предположите, что вы мой первый пациент, ну а наш брат, только <л. 3> что начинающий практиковать, своих первых пациентов как собственных детей любит, а иные так почти влюбляются в них, — прибавил он затем. — А я ведь пациентами-то не богат... ◊
- 9—10 а тоже ~ от меня не видал. / а между тем и вы и он, кроме оскорблений и хлопот, ничего от меня не видали. ◊
- 12—25 крикнул Разумихин ~ размолвки. / крикнул Разумихин, но взглянув на него, даже удивился про себя. В лице Раскольникова, говорившего все эти чувствительные [слова] вещи, а. было нечто б. хоть и неприметно, но было нечто как будто даже насмешливое, а. и надоедливое б. и надоедливое, и скучающее, как бы при исполнении чего-нибудь через силу, что-то высокомерное, рассеянное, что-то скрытное, тайное про себя... а. Разумихин, разумеется, ничему не поверил, тем более что Раскольников искренно б. Разумихин, разумеется, не поверил, что видит

это, и тотчас же убедился, когда Раскольников действительно с искренностью и теплым чувством обратился вдруг к матери и сестре.

— Про вас же, маменька, я и говорить *а.* не смею. Сегодня только *б.* не смею, — [сказал он] [продолжал Раскольников] [продолжал Раскольников заученный <урок>]. — Сегодня только [я] мог я сообразить сколько-нибудь, как должны были вы здесь вчера *а.* мучиться *б.* измучиться в ожидании [меня] моего <л. 3 об.> возвращения... [слушая ее болтовню. — Он кивнул на Настасью и вдруг, молча, с простодушной *а.* и нежной *б.* и даже несколько робкой, нежной улыбкой]. Сказав это, он вдруг, молча и с улыбкой [в которой как-то неожиданно мелькнуло даже чувство], протянул руку сестре [с которой до сих пор еще не сказал ни слова]. Но в этой улыбке вдруг мелькнуло даже чувство. Та тотчас же схватила и горячо пожала [его] протянутую ей руку, благодарно улыбнувшись. ◊ *Между строками вписано:* Удивляя ее брат. *На полях:* Но он

- ²⁵ осветилось / засветилось ◊
^{28—30} и люблю! ~ эти движения!.. / и люблю [сукина сына] мерзавца! — энергически шепнул Разумихин Пульхерии Александровне *а.* и повернулся *б.* сверкнув глазами и повернувшись *в.* и повернулся на стуле так, что стул затрещал. К счастью *а.* та его не расслышала. *б.* та не совсем его расслышала. ◊
³¹ И как это у него / Как это у него ◊
^{32—33} деликатно / деликатно, изящно даже ◊
^{33—34} всё это вчерашнее недоумение ~ руку протянул / *а.* всё это недоумение [в один <миг>] одним мигом, одним разом, без слов, *б.* [теперь] одним раз<ом> всё это вчерашнее недоумение с сестрой — ◊
³⁶ Он собой даже / Он даже
^{37—38} в лавке Вася, рассыльный / рассыльный мальчик в лавке ◊
³⁸ И так бы вот, так бы / Господи, <л. 4> вот так бы ◊
⁴⁰ Вот ведь / вот

С. 193.

- ¹ мы опять счастливы, — можно рассказать. / *а.* мы счастливы, можно рассказать. *б.* мы опять счастливы, — так можно рассказать. ◊
² из вагона / из воксала
³ Говорит она / рассказывает ◊
^{6—7} Мне как раз представилось, как трагически погиб / Я как раз припомнила, как погиб ◊
^{8—10} ты его ~ вытащить. / *а.* тоже в белой горячке — выбежал и в колодезь на дворе упал. *б.* тоже в белой горячке — таким же образом выбежал и в колодезь на дворе упал, только на другой день могли вытащить! ◊
¹⁰ А мы / Мы ◊

- 13—14 протянула она ~ совсем осеклась, / а. заторопилась она вдруг и осеклась б. протянула она жалобным голосом и вдруг осеклась, совершенно сконфузившись, ◊ (л. 4 об.)
- 15—16 все уже опять / все опять ◊
- 17 всё это / это
- 18—19 рассеянным и почти невнимательным видом / рассеянным видом
- 19 в изумлении / даже с удивлением ◊
- 19 После: посмотрела. — *зачеркнуто*: — Что он, по обязанности, что ли, нам отвечает? — невольно подумалось ей.
- 20 Что бишь я еще хотел / Да... что бишь я хотел еще
- 22 сегодня первый прийти / а. идти сегодня б. придти сегодня ◊
- 24 Да что это ты / Ах, что ты
- 24 вскричала / вскрикнула ◊
- 26—28 — Что он ~ затвердил. / — Что он, по обязанности, что ли нам отвечает? невольно подумала Дунечка, — и мирится и прощения просит точно а. службу служит б. службу служит, или урок затв(ердил). ◊ *вписано*.
- 29 хотел было идти / хотел идти ◊
- 34 Это так... не беспокойтесь. Это кровь оттого / а. Ах да... это так... не беспокойтесь. Эта кровь оттого б. Это так... не беспокойтесь, маменька. Эта кровь оттого ◊ (л. 5)
- 39 ответил на это / а. ответил б. и с усиленно-натуральным видом ответил ◊
- 42 не могу хорошо объяснить. / не могу сказать. По ощущению какому-то. Он [му(чительно)] с мучением припоминал сегодня, как он накутил вчера в квартире покойницы, с обойщиками и с дворниками.
- 44 иногда мастерское, прехитрейшее / прекрасное, [престроумное] и даже прехитрое ◊

С. 194.

- 1—2 от разных болезненных впечатлений. / от каких-то болезненных впечатлений... ◊
- 2 Фразы: Похоже на сон. — *нет*.
- 3 почти / отчасти ◊
- 4 После: Раскольников. — а. Пожалуй, и пригодится. б. Пригодится...
- 5 здоровые / а. Как в тексте. б. здоровые-то ◊
- 5—6 заметила Дунечка / возразила Пульхерия Александровна ◊
- 7 Довольно верное замечание / Верное замечание ◊
- 7 ответил тот / ответил он
- 8—11 все мы ~ черту. / а. все как бы помешанные, с тою только разницей, что «больные» несколько больше. Есть такая черта. б. все мы, и весьма часто, как помешанные, с тою только разницей, что «больные» несколько больше нас помешаннее. Все-таки такая черта есть... ◊ (л. 5 об.)

- 11 это правда, совсем почти нет; / а. действительно совсем почти нет б. это правда, совсем почти нет в природе.
- 12—13 на десятки ~ слабых экземплярах... / Может быть, на десятки тысяч по одному [только] приходится, да и то в довольно посредственных экземплярах... ◇
- 14—15 заболтавшегося на любимую тему / заболтавшегося
- 16 Раскольников / а. Как в тексте. б. Но Раскольников ◇
- 17 странно / странной ◇
- 17—18 Он что-то продолжал соображать. *вписано.*
- 21 Что? ~ запачкался / а. — Ну и запачкался б. — А? что? — как бы проснулся тот, — да... Ну и запачкался ◇
- 22 После: в квартиру... — Очень уж раздавили... ◇
- 22 Кстати / Да, кстати
- 23—24 не в своем был уме. / не в своем разуме.
- 25 Теперь вдова / Вдова ◇
- 26 в доме пусто / в доме нич(его)
- 28—29 сознаюсь, особенно зная / а. зная б. сознаюсь; [особенно] зная ◇
- 29 Чтобы / а. Ведь чтоб б. Чтоб ◇
- 30 право такое / а. Как в тексте. б. ведь право такое в. право ~ (л. б) ведь такое ◇
- 31 Фразы: Он рассмеялся. — нет.
- 33—36 Ба! да и ты ~ тебе же лучше... / а. Ага, да и ты... с намерениями... — сказал он, посмотрев на нее внимательно, — что ж, похвально; б. Ба... да ты... так ты с намерениями! — пробормотал он, посмотрев на нее внимательно и холодно улыбнувшись, — я бы должен был это сообразить. Что ж, и похвально; ◇
- 39 раздражительно, досадуя / а. видимо досадуя б. с раздражительностью и досадою ◇
- 39—41 Я хотел только ~ резко и отрывисто. / а. У вас же, маменька, я прощения прошу... б. Я хотел только сказать, маменька, что у вас я прощения прошу... чтобы как-нибудь не обидеть, — заключил он резко и отрывисто. ◇

С. 195.

- 3 Не будьте уверены, — ответил он, скривив рот в улыбку. / а. Неужели? — насмешливо ответил он. б. Неужели? — ответил он, скривив рот в улыбку. ◇
- 5 и в молчании, и в примирении, и в прощении, / а. и в молчании б. и в молчании, и в примирении, и прощении, — ◇
- 6 После: чувствовали. — *вписано и зачеркнуто:* — Что он, точно по обязанности нам отвечает, — невольно подумала Дунечка, — и мирится, и прощения просит, точно службу служит.
- 6 После: чувствовали. — Разные эпохи и разные взгляды, — нескладно напыщенно заговорил Зосимов, искоса посмотрев на Авдотью Романовну, — так и насчет добрых дел, [и даже] так и насчет нравственности и даже всего... Всё сменяется, с обстоятельствами... повинуюсь [своим] общим законам. (л. б об.)

— Он сконфузился и замолчал. Как-то не вышла его фраза.

— Разве [и] добрые дела а. теперь не так б. теперь уж не так, как прежде, делаются? — [из вежливости спросила] спросила [несколько разгорячившись] Авдотья Романовна.

— Уж конечно, не так, — [отвечал небрежно] ответил Зосимов с какою-то усиленною небрежностью.

— Я вам скажу, как они у нас теперь делаются, — подхватил Разумихин. — Действительно добрые, ну... и умные люди, — которые все-таки про себя добро делают — скажут вам, что грустно и тяжело помогать единично, а что надо самый корень а. зла б. общественного зла искоренить, насадив добро. В одном смысле они, разумеется, правы. а. Другие б. Другие за ними, тоже хорошие и добрые люди, но уж слишком захиревшие от книг, притащут вам целые томы доказательств, что единичное добро даже вредит, а не помогает обществу, забывая, в скобках, что, во-первых, оно все-таки помогает единично, а во-вторых, [вам самим помогает] вас самих удовлетворяет, что, уж конечно, всего остального стоит, а в-третьих... ну, в-третьих, не скажу... а. не время. Наконец, после всех придут плуты и модные дурачки. Упустив и не поняв великодушную [идею, на которой] цель, для которой построено учение вспоможения социального и искоренения злых начал, они всего более б. не время! не место! Наконец, после всех придут плуты и модные дурачки — вот эти-то и всего драгоценнее! Первым делом они всего более обрадуются тому, что совсем уж не надо помогать. Хоть и не было этого правила, а. но <л. 7> они его выведут и только это одно и выведут. б. хоть и никто этого не говорил, но они тотчас же так поймут и так только это одно из всего и выведут. Они и прежде [эгоистами] подлецами жили, но по крайней мере плевать [запрещалось] боялись, а теперь [— политическая экономия, наука, стало быть] прямо в книгу можно плевать. И во всех-то вещах они так, именно это-то, и поймут. И до того они квакают и позорят всё, к чему не притронутся, а. что за их кваканием б. всякую чистую, светлую мысль, что за их кваканием и умного слова узнать а. нельзя. б. нельзя, [всё искажат!]. Имя им легион, и... и... ну да а. черт, б. черт с ними, не всё ли равно!

Разумихин замолчал и рассердился. Никто не отвечал ему.

Молчание как будто еще более укрепилось. ◇

7—8 думал сам про себя ~ на мать и сестру. / а. подумал Раскольников, и чуть не со злобой посмотрел на оробевшую мать. б. думал он, исподлобья и со скукой глядя на мать и сестру. ◇

11—12 «Заочно, кажется, так ведь любил их», — промелькнуло в его голове. / а. — Заочно так любил их, а при свидании выносить не могу! Этого я не представлял! б. — Заочно, кажется, так ведь любил их, — продолжал он про себя, — а при свидании и выносить не могу! Да мне иного хотелось тогда! в. — Заочно, кажется, так ведь любил их, — [про]мелькнуло в нем [среди] с

- тоск(ой ѿ), — а при свидании и выносить не могу! Даже я этого не ожидал. [Нет, даже и не предчувствовал.] [Многого, впрочем, я не ожидал.] А впрочем, правда ли это? Может быть, это только минута! ◇
- 15 Какая это Марфа Петровна? / Какая Марфа Петровна?
- 16—17 Ах, Боже мой ~ писала тебе. / а. Марфа Петровна, Свидригайлова. В одночасье, знаешь, я писала тебе. б. Марфа Петровна, Свидригайлова; я еще так <л. 7 об.> много об ней писала тебе. Неужели заб(ыл?) ◇
- 18 да, помню... / да...
- 18—19 Ах, в самом деле ~ проснувшись. / а. Ах, Боже мой, — вдруг встрепенулся Раскольников б. Ах, в самом деле? — встрепенулся он, как бы очнувшись, ◇
- 20 Отчего же? / Отчего?
- 21—22 заторопилась ~ его любопытством, / заторопилась, ободренная его вниманием, Пульхерия Александровна, ◇
- 24 даже день! / день даже. ◇
- 25 причиной / причиною ◇
- 25 ужасно избил! / нещадно избил! ◇
- 26 Разве они / Во-о-от! разве они
- 26 спросил он / спросил Раскольников
- 27—29 напротив даже ~ к ее характеру, / а. он, напротив даже, был очень терпелив; до странности был к ней снисходителен... б. напротив даже, он всегда был очень терпелив; даже вежлив; во многих случаях даже слишком был снисходителен к ее характеру... ◇
- 29—30 потерял терпение. / вышел из терпения. ◇
- 31—32 Стало быть ~ оправдываешь? / а. Стало быть, он вовсе не так ужасен? б. Стало быть, он вовсе не так ужасен, коли семь лет крепил(ся), да и ты, Дунечка, кажется, его как <-то> оправдыва(ешь) ◇
- 33 Нет, нет / Нет ◇
- 33—34 и представить не могу / [не зн(аю)] и вообразить не могу ◇
- 35 задумалась. / замолчала в раздумьи.
- 36 Случилось это у них утром / Это случилось утром
- 37—38 приказала заложить лошадей / приказала лошадей ◇
- 38—39 После: в город — вписано: потому что она всегда в таких случаях в город ездила по всем знакомым. ◇ <л. 8>
- 42 эта... привычка / эта слабость ◇
- 43 чтобы / чтоб ◇
- 44 в купальню... / купаться. ◇
- 44 купаньем / купанием ◇

С. 196.

- 1 ключ холодный / ключ такой святой, холодный ◇
- 1—2 купалась в нем ~ удар! / каждодневно регулярно а. купалась б. купалась в нем и, как только вошла в воду, — вдруг, как молния, апоплексический удар! ◇

- ⁵ отозвалась / сказ(ала)
- 7—8 раздражительно и как бы нечаянно проговорил вдруг Раскольников. / а. раздражительно проговорил Раскольников. б. раздражительно проговорил вдруг Раскольников. ◇
- ⁹ да я не знала, о чем уж / а. я, право, не знала даже, об чем б. я, право, не знала, об чем уж ◇
- ¹⁰ вырвалось / нечаянно вырвалось ◇
- 11—12 *Слов:* сказал он с искривившеюся улыбкою. — *нет.*
- ¹³ Это действительно / — Ах, Родя, ведь это и правда, что боюсь. — Это действительно ◇
- ¹⁴ Маменька / она ◇ (л. 8 об.)
- 14—15 даже крестилась / крестилась ◇
- ¹⁷ Ах, что ты / а. Как в тексте. б. Что ты ◇
- ¹⁷ *Слова:* пожалуйста — *нет.*
- ¹⁸ заговорила в смущении / заговорила
- ¹⁹ это я ~ всю дорогу мечтала / я [дей(ствительно)] и вправду, а. ехала сюда — так мечтала всю дорогу б. как ехала сюда — мечтала всю дорогу ◇
- ²⁰ друг другу... и так / друг другу и... и так ◇
- ²² тем только счастлива / тем счастлива
- ²⁶ смутился и побледнел: / страшно побледнел. ◇
- 26—28 опять одно ~ душе его; / а. Странная и страшная мысль озарила в это мгновение его голову и стала перед ним во всей ужасной и неожиданной своей истине, б. Опять одно ужасное прежнее ощущение, мертвым холодом прошло по душе его, ◇
- ²⁸ опять ему вдруг / а. Ему вдруг б. Ему вдруг и только теперь, в эту минуту, в первый раз в. Ему вдруг опять ◇
- 28—34 ясно и понятно ~ вон из комнаты. / ярко и понятно, что а. сказал: «Успеем наговориться», — он сказал ужасную ложь и что не только ему не *говорить* уже более с ними, но что отселе *никогда* и ни об чем ему *нельзя уже говорить с людьми*. б. он сказал сейчас страшн(ую) ложь и что никогда ему уже не *говори(ть)* и не только с ними, но и ни об чем ему *нельзя уже говорить с людьми*. в. он сказал сейчас страшную ложь и что не только никогда ему не успеть наго(вориться), но и ни об чем ему *нельзя* (л. 9) *уже говорить с людьми*. [Эта неожиданная мысль или, лучше сказать, а. вдруг и неожиданно б. этот вдруг и неожиданно выжитый факт, до того поразил его, что он, на мгновение, почти забыл, что делает: встал с места и с изумлением стал осматриваться кругом.] *Далее:* а. Еще утром, проснувшись, [решил он] (нрзб.) решил он, что вчераш(нее) мгновение у Марм(еладовых) — один мираж. б. И несмотря на то что он твердо решил сегодня владеть собой, ощущение было так сильно, что он побледнел ужасно, встал с места и вопросительно, в глубокой задумчивости, смотрел перед собой. Вера его пропала. «Вчерашнее мгновение у Мармеладовых — один мираж!» — подумал он с гробовым холодом в душе. ◇

- 35 крикнул Разумихин, хватая его за руку. / вскрикнул Разумихин. ◊
- 36—37 Он сел опять ~ с недоумением. / а. Осмотревшись, Раскольников сел на диван и вдруг по причудливому, чуть не истерическому побуждению вдруг расхохотался. б. Я? Ничего... — ответил он и сел. в. Ничего [я]... — ответил он и сел, осматриваясь. ◊
- 38—39 вскрикнул он вдруг, совсем неожиданно, — скажите что-нибудь! / [вскрикнул] воскликнул он [вдруг] неожиданно, [оживившись]. Он медленно окинул всех взглядом. — Скажите что-нибудь, да а. посмешнее. б. повеселее. ◊
- 40—41 Станем разговаривать ~ что-нибудь! / А то собрались и сидим. Ну, что-нибудь! Станемте разговаривать. ◊
- 42—43 что-нибудь вчерашнее начинается, — сказала, перекрестившись / что-нибудь начинается! — проговорила ◊

С. 197.

- ³ одну штуку вспомнил, / а. вспомнил про одну штуку! б. вспомнил одну штуку!
- ^{3—4} и вдруг засмеялся. / а. продолжая хохотать. б. сдерживая хохот.
- ⁵ коль штуку / коль про штуку
- ^{5—6} и я сам было подумал... — пробормотал / я и сам было думал... — сказал ◊
- ⁷ После: если застану... — До свидания. ◊
- ⁸ Он / Зосимов ◊
- ⁹ Какой прекрасный человек! / Прекрасный человек! ◊
- 11—14 Да, прекрасный ~ оживлением / а. Да прекрасный, умный, — отозвался Раскольников, б. Да, прекрасный, прекрас(ый), образов(анный), умный, — начал вдруг Раскольников с какой-то [странной и] [необ(ыкновенной)] отрывистой скороговоркой <л 9 об.> [как будто прицепившись к слову] и с каким-то необыкновенным, до сих пор, оживлением ◊ На верхнем поле заметка: [как бы <нрзб.> говор(ил)]
- 14—15 прежде до болезни встречал... Кажется, где-то встречал... / а. прежде встречал, — прибавил он, как-то вдруг оживившись, или продолжая оживлять себя, но только какой-то неожиданной, напускной и болезненной веселостью; вследствие недавнего припадка смеха, еще оставшегося в нем, он с какою-то жадностью отдавался новому настроению, б. прежде, до болезни, встречал, [а] кажется, где-то встречал. ◊
- ¹⁷ Слов: спросил он ее и вдруг, неизвестно чему, рассмеялся. — нет.
- ¹⁸ ответила / сказала ◊
- 19—20 какой ты ~ покрасневший / какая ты свинья! — а. произнес сконфузившийся б. громко произнес страшно сконфузившийся
- 20—22 Пульхерия Александровна ~ расхохотался. / а. Все захохотали. б. Дамы улыбнулись. А Раскольников захохотал громко и весело. ◊

- 23 Да куда ты? / а. Ты куда? — спросил Раскольников. б. Да куда ты? — вдруг спросил он. ◊
- 25—26 Совсем тебе ~ Не ходи... / А. Совсем тебе не надо. Это ты потому, что я сказал маменьке: «успеем наговориться», а Зосимов и встал, точно а. я его этим словом выгнал. Не ходи. б. я хотел его этим словом выгнать. Не ходи. в. я его этим словом выгнать хотел. Не ходи. г. он нам мешает говорить. Вот и ты... Не ходи. У меня даже есть одно дело к тебе, серьезное. Потом скажу... Б. Совсем тебе не надо. Оставайся. Это ты [за Зосимовым] потому, что Зосимов ушел, вот и ты за ним! Не ходи. Мне надо. До тебя одно дело есть, дело серьезное. Потом скажу... *Далее вписано и зачеркнуто:* Да что вы молчите все... Я один только и говорю. ◊
- 26 А который час? / Не мешаем ли мы? — встrepенулась Пульхерия Александровна.
— а. Ничуть; успеем. Который час? б. Ничуть, ничу(ть); успеем. Который час? ◊
- 27—28 я да я говорю!.. / а. я говорю... б. я один говорю... в. я да я говорю... <л. 10>
- 29 Это подарок Марфы Петровны, — ответила Дуня. / а. Это подарок Марфы Петровны, при прощаньи... б. Это мне подарок Марфы Петровны, при прощаньи, — [сказала Дуня] отвечала Дуня. ◊
- 31 какие большие / но какие большие
- 33—34 подумал Разумихин и неизвестно чему обрадовался. / подумал обрадованный Разумихин. ◊
- 35 это Лужина подарок / это подарок Лужина ◊
- 36 *После:* не дарил Дунечке. —
[— Это и хорошо, маменька, — сказала Дуня].
Последовало молчание. Раскольников [задумался и смотрел в землю] как бы а. что-то припоминая. б. с усилием что-то припоминал. ◊
- 37—38 А-а-а! ~ жениться хотел / а. А, помните, маменька, я влюблен был и жениться хотел б. А [и...] а... помните, маменька, я влюблен-то был и жениться хотел, еще к вам такие письма писал ◊
- 38—39 пораженную ~ об этом заговорил. / а. и почти сам не понимая, почему заговорилось об этом. б. пораженную неожиданным тоном, с которым он об этом заговорил. ◊
- 42 Гм! Да! а что мне вам рассказать? / А. — Я уверен, что вы обе умираете от любопытства, — заметил он а. насмешливо б. улыбнувшись, — а мне вам почти нечего и а. сказать... б. рассказать... Б. — Я уверен, что вы обе умираете от любопытства, — заметил он, улыбнувшись. — [А жаль, что мне вам почти нечего и рассказать.] Гм, да... а что же мне рассказать? ◊ <л. 10 об.>
- 43—44 как бы ~ совсем хвора; / а. опять задумываясь, не подымая глаз, и как бы припоминая, б. припоминая, опять задумываясь и не подымая глаз, ◊

- 2—3 да, да... помню... очень помню. Дурнушка такая... собой. / [Робкая была, но... твердая...] Дурнушка такая. ◇
- 6 После: полюбил... — *вписано и зачеркнуто*: К ней именно это бы шло.
- 6 Слов: (Он задумчиво улыбнулся.) — *нет*.
- 6 Так... какой-то бред / Какой-то бред
- 6—11 бред весенний был... ~ не понял ее слов. / А. бред весенний был... — Нет, это не один бред весенний, — заметила Дуня. Он внимательно и с напряжением посмотрел на сестру, но видимо не понял, что она сказала, даже не расслышал. *Далее*: а. — Не знаю, для чего мне давно вам об этом рассказать хотелось, именно вам, мамаша... б. [Не пон(имаю)] Мне давно вам об этом хотелось скорее рассказать, маменька, Б. бред весенний был... Мне давно вам, маменька, хотелось это всё рассказать. ◇
- 11—13 Потом ~ и сел. / а. Он встал и поцеловал ее; [почти не давая] [не сознавая] [взгляд его был рассеянный, он, может быть, и не сознавал, что делает.] видимо, не давая себе полного отчета в том, что делает. б. Потом встал, подошел к матери и поцеловал ее, но опять-таки с таким странным видом, как будто сам не давал себе отчета [в], что де(лает). в. Он вдруг задумал(ся). Потом, видимо в глубок(ой) задум(чивости), встал, подошел к матери и поцеловал ее. Затем обратно сел на свое место. ◇ (л. 11)
- 14—15 Ты и теперь ~ Пульхерия Александровна. / а. Может быть, ты и теперь ее любишь, — [спросила] сказала Пульхерия Александровна. б. Ты и теперь ее любишь! — с нежностью сказала Пульхерия Александровна, тотчас же растроганная. ◇
- 17 Слов: и так давно. — *нет*.
- 17—18 не здесь делается... / не на земле...
- 19—20 Он со вниманием ~ точно / Он со вниманием осмотрелся.
— Да, [не здесь] и вы... и всё это — точно я ◇
- 20 на вас / на всё
- 21—22 мы об этом ~ к чему спрашивать? / а. я об этом заговорил! Зачем вы меня это спросили? б. я об этом заговорил! — [вдруг вскрич(ал)] А зачем, зачем вы меня стали спрашивать? Что вам-то за дело? ◇
- 22 с досадой / с досадою ◇
- 22—23 кусая себе ногти и вновь задумываясь. / а. кусая себе ногти и задумавшись. б. кусая себе ногти. в. кусая себе ногти и опять задумываясь. ◇
- 23 После: задумываясь. — Все молча переглянулись друг с другом. ◇
- 24 Какая / Ах какая
- 25—26 Слов: прерывая тягостное молчание, — *нет*.
- 29 я об этом тоже думал... / а. я уверен... б. я тоже уверен... в. я сам об эт(ом) дум(ал)... ◇

^{29—30} А если б вы знали, однако / а. Если б вы знали б. Если б вы
⟨л. 11 об.⟩ знали, однако ◊

³¹ усмехнувшись. / улыбаясь.

— [а. Я б. А я ведь] — Да; я вас очень мучил, очень огорчал, — проговорил он [отрывисто] внезапно, после минутного молчания.

— Полно, Родя! Не говори об этом более ни разу. Всё, что ни делал ты, — всё прекрасно и благородно. Если б ты знал, как ты счастливишь меня теперь своими словами. ◊

^{32—38} Еще немного ~ как выходу. / А. Между тем он пришел в себя и тотчас нахмурился. Еще немного, и это общество, этот разговор и родственный тон разговора стали бы ему невыносимы. Никогда он более не чувствовал себя а. ⟨несколько нрзб.⟩ б. более в тисках, как теперь, более [нрзб.], более чужим, более ломтем отрезанным. Он мучительно что-то припоминал. [Слава Богу, он вспомнил про] Он вспомнил, однако ж, одно неотлагательное дело, которое так или этак, а надо решить. Он обрадовался делу, как выходу. Б. Мало-помалу он приходил в себя от недавнего столбняка. Еще немного, и это общество, этот разговор хоть об чем-нибудь, родственный тон разговора, [и] усиленное желание об чем-нибудь говорить и совершенная невозможность говорить, — стали бы ему невыносимы. [Но однако ж] Было, однако ж, одно неотлагательное дело, которое так или этак, а надо было непременно решить в этот же раз. Он вспомнил и обрадовался делу, как выходу. ◊ На полях набросок: с [милыми] родными после трехлетней разл⟨уки⟩ ◊

⁴⁰ прошу / просил и прошу

^{40—41} долгом считаю опять тебе напомнить / а. долгом тебе считаю напомнить б. долгом тебе считаю опять напомнить ◊ ⟨л. 12⟩

⁴¹ я не отступаюсь. / я все-таки не отступаюсь.

^{43—44} перестаю тебя сестрой считать. / перестану тебя считать сестрой. ◊

С. 199.

¹ Родя, Родя! ~ что и вчера / а. Родя, Родя, опять! б. Родя, Родя, опять! да ведь это всё то же, что и вчера-то. ◊

² воскликнула / вскрикнула ◊

^{2—3} и почему ты / а. Как в тексте. б. то же са⟨мое⟩ и почему ты ◊

³ выносить! / понять;

⁴ И вчера то же самое... / и вчера то же. ◊

⁵ твердо и тоже сухо отвечала / а. твердо и [сд⟨ержанно⟩] холодно проговорила б. твердо и то⟨же⟩ несколько сухо отве⟨тила⟩ ◊

^{6—8} Я за ночь ~ приношу себя в жертву. / а. я рада, что ты заговорил; потому что я и пришла, чтоб эту ошибку исправить. [Знай же] Дело в том, что ты предполагаешь, будто я чем-нибудь и для кого-то жертвую, что я приношу себя в жертву за маменьку,

- например, или за тебя. б. я обдумала всё за ночь и отыскала [поняла] эту ошибку. Я рада, что ты теперь заговорил; потому что я и пришла, чтоб эту ошибку восстановить. Ты, кажется, предполагаешь, будто я кому-то чем-нибудь и для кого-то жертвую, что я приношу себя в жертву за маменьку, например, или за тебя. ◇ На полях заметка: Ошибка в источнике.
- ⁹ После: выхожу — вписано: за Петра Пет(ровича) ◇
- ⁹ После: тяжело — вписано и зачеркнуто: стало
- ¹⁰ если удастся быть полезною родным, / если б удалось быть полезной а. маменьке или тебе. б. тебе и маменьке. ◇
- ¹¹ но в моей решимости ~ побуждение... / Но это уж а. второй б. второстепенный вопрос. ◇
- ¹² «Лжет! ~ со злости. / А. Краска ударила а. в лицо Раскольникову. б. ему в лицо. «Лжет! — [по]думал он, дрожа от негодования. Б. Краска ударила ему в лицо. «Лжет!» — думал он, вдруг почувствовав страшную злость. ◇ (л. 12 об.)
- ¹³ После: благодетельствовать! — Высокомерие!.. ◇
- ¹⁴ О, низкие характеры! Они и любят, точно ненавидят... / а. Низкие характеры; они и любят точно ненавидят... б. О, низкие характеры!
- ¹⁵ ненавижу их всех! / ненавижу их!..
- ¹⁶ Одним словом, я выхожу за Петра Петровича, / Я выхожу за Петра Петровича,
- ^{16—17} Слов: продолжала Дунечка — нет.
- ¹⁷ потому что из двух зол выбираю меньшее. / потому что положение мое слишком нестерпимое, и я, не видя а. выхода б. из него выхода, из двух зол выбираю меньшее. ◇
- ^{18—19} Я намерена ~ не обманываю... / Я исполню честно всё [что требует] [чего ожидает от меня Петр Петрович], чего он от меня ожидает, и следственно, его не обманываю... ◇
- ²⁰ Она / а. Как в тексте. б. Дунечка ◇
- ²⁰ в глазах ее мелькнул гнев. / глаза ее [сверкнули] загорелись гневом.
- ²¹ ядовито усмехаясь. / со злобной насмешкой. ◇
- ^{24—25} слишком высоко ~ меня ценит... / а. слишком, слишком. Но ценит же он и меня; это видно... б. слишком высоко. Но ценит же он и меня; я это вижу... ◇
- ^{26—30} ты нарочно лжешь ~ низко, / а. из хорошей цели, [конечно] может быть, но заключение твое очень... подло. Ты не можешь быть женой Лужина. б. из хорошей цели, конечно, но лжешь, и заключение твое очень... неблагородно. Ты не можешь продать Лужину и в. и заключение твое очень неблагородно. В результате все-таки ты продаешься Луж(ину), ведь ты уважать его не можешь: я его увидел. ◇
- ^{30—31} и я рад / Я рад
- ^{32—33} не лгу!.. ~ я / а. не лгу. Я б. не лгу! — вскричала Ду(нечка). — Потому что я ◇

- 33—35 не быв убеждена ~ уважать его. / а. если не буду убеждена, что могу полюбить его. б. если не буду <л. 13> твердо убеждена, что могу и уважать и даже полюбить его. Я так решила. ◊
- 35 К счастью / Кстати
- 36—38 сегодня же. ~ решила на подлость, / может быть, сегодня же. *Далее:* а. Такой брак не будет подл, потому что я не продаюсь Лужину! Но если б ты был и прав, если б он был действительно подл, б. Такой брак не подлость. Но если б ты был и прав, если б я действительно решалась на подлость, ◊
- 40 и в тебе-то / в тебе самом ◊
- 40—41 Это деспотизм, это насилие! / [И что за деспотизм] Это деспотизм. Это низкое насилие, тебе нет до меня дела, потому что ◊ *вписано.*
- 41 Если я погублю кого / а. Если я гублю б. Если я гублю [кого-нибудь] кого ◊

С. 200.

- 1—4 — Господи! ~ эти обмороки!.. / а. Но страшно побледневший Раскольников уже очнулся. [Восклицание] Последнее восклицание и испуг сестры его [вполне] разуверили...
— Я? ничего, — сказал он, быстро оправляясь. Капельку голова закружилась... б. Но мгновенная бледность уже прошла.
— Ничего, так, голова закру(жилась).
— Этот разговор только расстраивает вас обоих, — вскр(ичала) Пульх(ерия) Алек(сандровна) ◊
- 4 Гм! да... / Да, ◊
- 5—7 Да: каким образом ~ ослышался? / а. Да: Каким ты образом сегодня же [может быть] убедишься, что можешь полюбить его? Ты, кажется, сказала, что сегодня? Если так скоро, то я, разумеется, виноват и беру все мои слова назад, — прибавил он, стараясь говорить нежно и, главное, чтоб казаться развязнее, — чего же [луч(ше)] тогда лучше? Дай Бог любовь да совет. б. Скажи мне, каким ты образом сегодня же убедишься, что можешь полюбить его и уважать? Ты, кажется, сказала, что сегодня, или я ослышался? — спросил он [рассеянно]. ◊ <л. 13 об.>
- 10—12 Пульхерия Александровна ~ как-то с удивлением / [Раско(ль)ников)] а. Он с любопытством взял письмо. б. Он взял письмо. в. Он с любопытством взял письмо. Пульхерия Александровна [хотела было что-то сказать] робко смотрела на него. Но прежде чем развернуть письмо, он а. как-то б. вдруг как-то вдумчиво и с удивлением ◊
- 13—14 медленно ~ новою мыслию / а. как бы удивляясь б. как бы удивляясь и как бы про себя, в. как бы вдруг поражен(ный) какой-то мыслью и как бы про себя, но вслух ◊
- 14—15 Из чего весь крик? Да выходи / а. выходи б. из чего ввязываюсь? выходи в. и зачем ввязываюсь? да выходи ◊

- 16—17 Он говорил ~ озадаченный. / а. «Странно, — подумал он тут же, — про себя. — Из чего это я захоптал с самого маменькинова письма? Да пусть их!..» б. Он несколько врем(ени) смотрел [как] на нее точно озадаченный. ◊
- 18—23 развернул, наконец, письмо ~ матери, но не обращаясь / а. развернул письмо, всё еще как бы продолжая удивляться, и медленно и внимательно прочел его. Он прочел два раза.
— [Странно] Удивительно очень, — сказал он, отдавая письмо матери и не обращаясь б. развернул письмо, как бы продолжая удивляться и как бы озадаченный, и медленно и внимательно прочел его два раза. Долго длилось молч(ание). Все ждали, что он скажет; в особенном беспокойстве была Пульхерия Александровна.
— Это мне удивительно, — проговорил он наконец, передавая письмо матери и не обращаясь ◊
- 25 а ведь как безграмотно / а. Как в тексте. б. а как безграмотно
- 26 Все пошевелились ~ ожидали. / Все как-то [странно] пошевелились; совсем не того ожидали. ◊ *вписано.*
- 27 они и все / они все
- 27 отрывисто заметил / заметил ◊
- 29 Ты разве читал? / а. А ты разве читал письмо? б. А ты разве читал? ◊
- 31—32 начала / начала было ◊
- 33—37 Это, собственно, ~ деловой! / Это собственно судейский слог; все судейские бумаги а. до сих пор б. почти до сих пор таким слогом пишутся, — [прибавил] перебил Разумихин. (л. 14)
— Да, да, именно судейский: *Далее:* а. Не то, чтоб уж слишком безграмотно, да и не то, чтоб литературно. б. Это ты прав. Я видел экзем(пляры): и не то чтоб уж очень безграмотно, да и не то чтоб уж очень литературно. ◊
- 38 и не скрывает / не скрывает
- 40 заметила / сказала ◊
- 40 несколько обиженная / а. Как в тексте. б. как будто пикированная ◊
- 40—41 новым тоном брата. / а. тоном брата. б. тем, что брат об таких пустяках [гово(рит)] нарочно заговорил. в. тем, что брат как будто нарочно об таких пустяках заговорил. ◊
- 42—43 Что ж, если хвалится ~ не противоречу. / а. Что ж, и есть чем, деловой человек, — отозвался тот. б. Что ж, так и есть чем, если хвалится, — отозвался тот. ◊
- 43 сестра / Дунечка ◊

С. 200—201.

- 44—1 что я нарочно ~ с досады. / а. может быть, что я ломаюсь. б. может быть, что я ломаюсь перед тобой с досады. в. что я нарочно об таких пустяках говорю вместо дела. г. как будто нарочно об таких пустяках заговорил ◊

- 2—4 мне, по поводу слога ~ одно выражение: / а. я хочу одно очень важное замечание сделать и именно указать, как легко, например, ошибиться с людьми не нашего общества и не нашего развития. Это замечание для тебя полезно, потому что ты выходишь за него замуж. Смотри, тут есть выражение: б. я хочу одно очень интер(есное) для тебя замечание сделать по поводу этого слога и именно указать, как легко, например, нам ошибиться в сношениях с людьми не нашего общества и не нашего развития. Это замечание для тебя особенно будет полезно, потому что [тебе с ним жить.] тебе же с Лужиним жить приходится. Смотри сама, тут есть выражение: в. Мне по поводу слога пришло в голову одно нелишнее замечание. Вот смотри сама, тут есть выражение: ◊
- 5 есть угроза, что он тотчас / — угроза, что он тотчас же ◊
- 6—7 Эта угроза ~ и бросить теперь, / а. Это почти равносильно тому, что он прямо грозит тебя бросить, теперь, б. Всё это почти равносильно, если б он прямо грозил тебя бросить, если не послушаешься, бросить теперь, в. Это всё равно, если б он прямо грозил тебя бросить, если не послушаешься, бросить теперь же ◊
- 7 уже в Петербург / в Петербург уж ◊
- 8 Ну, как ты думаешь: можно ли таким / Но как ты думаешь, можно ли этим (л. 14 об.)
- 9—10 вот он написал ~ из нас кто-нибудь? / а. например, Разумихин это написал, али Зосимов, али кто-нибудь из нас? б. например, вот он это написал (он указал на Разумихина), али Зосимов, али кто-нибудь из нас? ◊
- 11 отвечала Дунечка, оживляясь, / а. ответила Дунечка, б. ответила Дунечка, оживляясь, ◊
- 13—14 Это ты ~ не ожидала... вписано.
- 15 по-судейски выражено / а. Как в тексте. б. выражено по-судейски ◊
- 15 иначе написать / иначе и написать ◊
- 16—17 и вышло грубее ~ несколько разочаровать: / а. Гм... Может быть, и думать-то иначе нельзя. Впрочем, я должен тебя еще одним фактом обогатить, что послужит для... назидания. б. И вышло грубее, чем, может быть, он хотел. Впрочем, я должен тебя [одним фактом разочар(овать)] несколько разочаровать. ◊
- 18 одно выражение, одна клевета на мой счет / одна клевета ◊
- 21 девицы / девушке ◊
- 22 в первый раз / а. Как в тексте. б. первый раз ◊
- 22 а именно вдове вписано.
- 23—24 слишком поспешное ~ поссорить. / желание меня размарать и поссорить с вами. ◊
- 24—26 опять по-судейски ~ Человек он умный, / а. всё это опять по-судейски, то есть грубо и с слишком явным обнаружением

- цели, с грубою поспешностью и неловкостью. Он человек умный, б. всё это опять по-судейски, то есть грубо и с слишком уж явным обнаружением цели, (л. 15) с наивною поспешностью и с судейскою неловкостью. Человек он умный $\diamond$ На нижнем поле л. 15 замечка: не очень ценит
- 26—27 одного ума мало. / а. Как в тексте. б. одного ума всегда мало. $\diamond$
- 27—28 Текста: и... не думаю, чтоб он тебя много ценил. — нет.
- 28—29 единственно ~ добра... / а. это единственно для... назидания. б. это единственно для твоего только назидания, потому что [все-таки] искренно желаю тебе всякого добра... [А] впрочем, как хочешь. $\diamond$
- 30 После: не отвечала — вычеркнуто: да и нечего было отвечать:
- 30—31 решение ее ~ ждала только вечера. / а. Решение ее было сделано... б. Решение ее было давно уже сделано... $\diamond$
- 32—36 решаешься ~ Петр Петрович-то пишет, чтобы / решаешь, Родя? — спросила с беспокойством Пульхерия Александровна.
— а. Об чем? б. Об чем это?
— а. Петр Петрович пишет, чтоб б. Да вот, Петр Петрович пишет, чтоб $\diamond$
- 37—38 коли ты придешь. Так как же ты... будешь? / если ты придешь... так как ты... будешь? $\diamond$
- 39 Это уж / Это уж ко мн(е) $\diamond$
- 40 такое требование Петра Петровича / это
- 41 Дуне / Дунечке $\diamond$
- 41—42 А я сделаю, как вам лучше, — прибавил он сухо. / [довольно] весьма спокойно произнес Раскольников(иков.) вписано. $\diamond$

С. 202.

- 1—3 просить тебя ~ придешь? / А. а. особенно просить б. просить особенно тебя, Родя, непременно быть у нас сегодня при этом свидании, придешь? Б. а. настоятельно просить тебя, Родя, непременно (л. 15 об.) быть у нас сегодня при этом свидании, придешь? б. настоятельно просить тебя, Родя, непременно (л. 15 об.) быть у нас сегодня при этом свидании, — сказала Дуня, — придешь? И тут мы все вместе всё узнаем и решим окончательно. Пойми, что ты, как брат, мне очень много можешь помочь. $\diamond$
- 4 Приду. / а. Как в тексте. б. Приду, — сказал он, с некоторым любопытством посмотрев на сестру. $\diamond$
- 5 прошу быть у нас / попрошу быть у нас сегодня $\diamond$
- 7—9 И прекрасно ~ самой легче; / Конечно, это даже и лучше, — проговорила Пульхерия Александровна. — Ну, уж как вы так решили, — прибавила она, — так уж пусть так и будет. А мне и самой лучше: $\diamond$
- 10 всю правду говорить... / всё правду говорить... $\diamond$

- 10—11 *Фразы*: Сердись, не сердись теперь Петр Петрович! — нет.¹
- 13—15 и в комнату ~ с первого взгляда. / а. и в комнату, робко озираясь, вошла какая-то девушка. Раскольников смотрел на нее несколько секунд удивленными глазами и не двигаясь с места. Кстати сказать, что в последнее время, даже [задолго] и до того дня, каждый новый, незнакомый человек, если только входил к [нему] Раскольникову, или обращался к нему внезапно, или если б даже только [особенно пристально посмотрел] стал его рассматривать, хоть на ⟨л. 16⟩ улице, производил во всем существе его внезапную дрожь и, на одно мгновение, как будто даже столбняк. После же того дня внезапное столкновение с кем-то из незнакомых женщин, может быть, способно было вызвать в нем крик и [истерические] в лице конвульсии начались. Так было, например, вчера при внезапном входе Лужина. б. и в комнату, робко озираясь, вошла одна девушка. Раскольников [по]смотрел на нее несколько секунд удивленными глазами и не двигаясь с места. Он ее не узнавал. ◊
- 16 Это была ~ Мармеладова. / Вошедшая была Софья Семеновна Мармеладова. В первое мгновение он совсем не узнал ее. ◊
- 17—18 и в таком костюме / и, главное, в таком костюме ◊
- 18 отразился / нарисовался ◊
- 20—22 с скромною ~ лицом. / с скромной, очень даже приличной манерой, [хотя] неразвязной и совершенно несветской, с ясным, но как будто за⟨пуганным лицом⟩ ◊ ⟨л. 16 об.⟩

Варианты наборной рукописи (НР)

Отрывок главы V четвертой части

С. 289.

- ⁸ серьезного / важного ⟨и⟩
- ^{8—9} но только совсем постороннего / но совсем постороннего
- ¹³ во всех правилах и наставлениях / во всех курсах юридических
- ^{16—18} Порфирий Петрович прищурился ~ по лицу его / Порфирий вдруг прищурился и [подмигнув] подмигнул Раскольникову, совершенно по-вчерашнему, затем, вдруг
- ¹⁹ вдруг залился / залился
- ^{19—20} продолжительным смехом / продолжительным, почти неслышным смехом ◊
- ^{20—21} прямо смотря в глаза / и в то же время прямо смотря в глаза
- ^{25—26} После: Порфирия — всё
- ^{26—27} и как бы с намерением не прекращавшегося *вписано*.

¹ Далее следуют варианты текста четвертой главы, которая в тексте РВ была продолжением предыдущей (главы III).

- 29—30 принимающим этот смех / принимавшим этот смех
 33 напротив, сам он / напротив, что, кажется, он
 34 что тут явно существует что-то / Что тут уже не скрывают и
 что явно существует что-то
 35—36 что, может ~ обрушится... / и что всё уже подготовлено
 35 и сейчас / и может быть сейчас
 37 пошел прямо к делу / разом решился
 39—40 довольно сильною *вписано*.
 41 чтоб я пришел / чтоб я к вам пришел ◊
 41—42 (Он особенно упер на слово: *допросов.*) *вписано*.
 43—44 у меня дело... / у меня дела

С. 290.

- 2—3 а потом тотчас же еще более раздражившись / а. и тотчас же
 раздражившись еще более б. а вместе с тем и раздражившись
 еще более в. а потому тотчас же еще более раздражившись ◊
 5 *После: словом — начато: ил(и)*
 8—9 потому, покамест прощайте / а потому — прощайте-с ◊
 9 так как нам вдвоем / так как мне у вас
 9 так как нам ~ делать. *вписано*.
 16 Я как гостя вас принимаю. *вписано*.
 19 человек-с / человек иной
 19 меня очень / меня уж очень
 20—21 как гуммиластик / как губка
 25—26 фуражки / фуражку ◊
 30 встретиться глазами с своим гостем. / встретиться взглядом с
 Раскольниковым;
 34 и всего более / и именно всего более
 36—37 вот как мы теперь с вами-с *вписано*.
 40 высшего тона / высшего круга
 41 всегда есть разговорная тема и *вписано*.
 41 c'est de rigueur, а / и c'est de rigueur, а у нас

С. 291.

- 7 в пустую и сбивчивую / в пустяки и сбивчивую
 9 глупую своею болтовней?» / глупой своей болтовней?» — подумалось ему.
 12 сыпал Порфирий / болтал Порфирий
 19 в нашем веке-с / в нашем веке
 25 сейчас заметить изволили. / заметить изволили
 28 реформа идет / реформа скоро идет
 31 согласен-с. / согласен.
 35 *После: в самое-то темя — начато: как вы*
 36—37 в самом деле подумали / подумали
 37—38 Иронический же вы человек! *вписано*.
 39—40 давеча изволили упомянуть / изволили упомянуть
 42—43 никогда не уйдет / никогда не уйдет-с ◊

⁴³ в этом позвольте мне вас успокоить-с *вписано*.
^{43—44} что такое в сущности форма / что такое форма

С. 292.

- ^{1—3} Дело следователя ~ хе-хе-хе!.. *вписано*.
⁴ *Вместо:* Порфирий Петрович ~ дух. — *было начато:* Он сыпал
⁷ он уже почти бегал / он шагал
⁹ за спину / назад, за спину
⁹ левою / левой ◊
^{11—12} бегая по комнате ~ останавливался / раза два он как бы останавливался
^{13—14} «Ждет он, что ли, чего-нибудь?» / а. «Ждет чего-нибудь», — подумал Раскольников, б. «Ждет он, что ли, чего-нибудь», — подумал Раскольников. ◊
^{16—17} весело ~ смотря на Раскольникова / вдруг останавливаясь перед своим гостем и весело, с необыкновенным простодушием смотря на него ◊
¹⁹ изволили посмеяться / посмеялись
²² формой-то очень / формой они
^{23—25} *Вместо:* ну, признавай ~ порученному — *было начато:* Вот я вам
²⁷ Да, готовился... / Да, в юристы...
³³ буду я его / я буду его ◊
^{33—34} улики против него имел-с? / улики имел-с
³⁶ погулять по городу / погулять
³⁷ пояснее изображу-с / пояснее скажу-с
³⁹ нравственную, так сказать, опору / нравственную силу
⁴⁰ стиснув губы / стиснув губы и бледный
⁴³ *Вместо:* потому люди — *было начато:* потом тут
⁴³ люди многообразны / люди многообразны-с ◊

С. 293.

- ¹ *После:* о двух концах — *начато:* да
⁴ улику достать / уличку достать ◊
⁵ прямое и бесспорное *вписано*.
^{7—8} средства отниму / средства отыму ◊
⁸ а почему? А потому что / почему? Потому, что
⁹ *После:* положение дам — *вписано:* он арестант
¹¹ поймет ~ арестант. *вписано*.
¹¹ он арестант / он арестант ◊
¹⁷ *После:* когда-то — *было начато:* ему
^{17—18} правильной-то осадой возьмут! / его возьмут
²¹ частный-с / частный
^{24—25} вовсе не существует-с / не существует-с
^{25—26} всякое, хоть, например, преступление / всякое, например, преступление

- 27 частный случай-с / частный случай
 28 ни на что прежнее / совершенно ни на что прежнее ◊
 28—29 Прекомические иногда случаи / Прекомические ведь иногда случаи ◊
 28—29 Прекомические ~ роде-с. *вписано*.
 31—32 или по крайней мере подозревал *вписано*.
 33 сторожу / стерегу
 38 может произойти / может случиться
 40 Потому, голубчик, что / Потому опять тут
 41—42 А нервы-то-с / А нервы-то ◊
 42 вы их-то так и забыли-с! *вписано*.
 43—44 А желчи-то, желчи в них во всех / А желчи-то, желчи-то

С. 294.

- 1—2 что он несвязанный / что он пока несвязанный
 3 я ведь и без того / когда я и без того
 4 *После*: хе-хе! — *начато*: В глубин(у)
 5 *После*: убежит — да, пожалуй, еще человек большой какой-нибудь
 6 меры принял / меры взял
 8 современно-то / современно
 10 Что такое: убежит! *вписано*.
 10—11 *Вместо*: Это форменное; а главное-то не то; — *было начато*:
 а. А главное, не б. а главное-то не то: в. Это форменное; главное-то не то;
 11—12 от меня, что некуда убежать *вписано*.
 14 хотя бы даже и было куда убежать. *вписано*.
 15 около меня / около меня же
 15—16 как около свечки *вписано*.
 17—18 затревожит себя насмерть!.. / затревожится насмерть...
 19—20 лишь дай я ему только / дай я ему только
 22 я его и / я и
 22—23 а это уж очень приятно-с / а. что и приятно-с б. а это-то очень приятно-с
 25 *После*: напряжением — *начато*: не
 26 думал он, холодея. / думал он, — понимаю
 27—29 бесполезно ~ умнее! / высказывает: он гораздо умнее
 29—30 пугаешь ты меня и хитришь! / пугаешь, хитришь
 31—33 А ты просто ~ оборвешься! / С толку сбить хочешь, раздражить меня хочешь, только врешь, оборвешься, оборвешься!
 34 до такой степени / до такой-то степени ◊
 35 он рассчитывает!.. / рассчитываем?.. ◊
 35 врешь, / врешь!
 36—37 хотя ты ~ приготовил». *вписано*.
 36 *После*: приготовил — и чего-то, кажется, ждешь
 37 ты там приготовил / ты приготовил ◊
 38 готовясь / готовившись

- 39 *После*: катастрофе. — а. скрепился через силу; злоба кипела в нем; б. но скрепился через силу, потому что страшная злоба кипела в нем. ◊
- 39—40 По временам ~ Порфирия. / ему хотелось кинуться и задушить Порфирия.
- 40 *После*: задушить Порфирия. — а. Он решил про себя, что если случится теперь что-нибудь окончательное, непоправимое, он первым делом бросится на Порфирия. б. *Начато*: Он даже Он, еще ~ на губах. *вписано*.
- 40—42 *После*: злобы боялся — потому что теперь ее ужасно <i>⟨i> чувствовал!
- 42—43 Но он ~ до времени. / а. А покамест решился молчать. б. Но он все-таки решился молчать, рта не разевать.

С. 295.

- 1 раздражит молчанием самого врага / рассердит молчанием Порфирия
- 2—3 По крайней мере, он на это надеялся. *вписано*.
- 12 выше всего / и выше всего ◊
- 22 слабость / слабость-с
- 25 Наполеоном-то / Полк<оводцем>
- 29 расчет подсекают! / расчет подсекает!
- 35—36 задаром сообщаю / задаром говорю
- 37 продолжаю-с: остроумие / продолжаю-с, что остроумие
- 38 *После*: утешение жизни — а. на б. нату<ра> в. натурально
- 40 *После*: следовательно — *начато*: и тем паче
- 43 А об этом / о том

С. 296.

- 1—2 изволили выразиться / изволили вчера выразиться ◊
- 5 а он — хлоп! / так вот
- 8 мысль / начало
- 8 бесподобно / отлично
- 11 побледнеет / и побледнеет-то ◊
- 15 *После*: малый не промах. — (Впрочем, вообще говоря, выдумки такие хоть и [хи<тры>] довольно хитры, но всегда опасны; их бы не надо употреблять-с... Игривость юмористическая соблазняет, вот то-то и есть!) ◊
- 16 сам вперед / вперед
- 17—18 о том ~ молчать / а. об том, об чем бы надо смолчать б. об том, об чем бы надо, напротив, молчать²
- 19 хе-хе! Сам придет и спрашивать начнет / а. сам спрашивает — хе-хе! сам придет и спрашивает б. сам начнет спрашивать — хе-хе! сам придет и спрашивать начнет ◊

¹ Об этом варианте см.: Тарасова, 2007. С. 576—577.

- 26 пожалуйста, не беспокойтесь! / пожалуйста, пожалуйста
 28 *После:* захохотал, вслед за ним. — Оба смеялись вместе, глядя друг на друга. ◊
 29 прекратив свой, совершенно припадочный / прервав свой припадочный
 30—31 громко и отчетливо / громко, отчетливо
 31 наконец / теперь
 39 Не позволю-с! / Не по-зволю-с! ◊
 40 слышите вы это, Порфирий Петрович? / слышите ли вы это, Порфирий Петрович! ◊
 42 *После:* вскрикнул — *начато:* соверш(енно)

С. 297.

- 2—3 Ведь услышат, придут! Ну что тогда мы им скажем / ведь услышат, придут! ну что тогда будет
 3—4 прошептал ~ Раскольников. / шептал Порфирий и вдруг бросился отворить окно, затем бросился б(ыло) <...>
 4 приближая свое лицо ~ Раскольников. *вписано.*
 7 *После:* отворить окно — вероятно, скрывая у(лыбку)
 12—13 бросаясь к нему с графином, — авось поможет / бросаясь с графином к Раскольникову
 22 поставил на стол. / поставил его на стол
 23 Да-с, припадочек у нас был-с! / Да-с, припадок у вас, да-с, это припадок-с, — закудахтали Порфирий.
 25—26 всё еще с каким-то растерявшимся видом. / тоже как бы [со-все(м)] растерявшийся
 36 Ну что же из этого? / Ну что же, что же из этого? ◊
 37 я не такие / я и не такие ◊
 40 стали звонить / звонили

С. 297—298.

- 44—1 *После:* благородное-с — да

С. 298.

- 8 к нему прилипчивая / прилипчивая
 10—11 лица на вас нет; / лица на вас нет! ◊
 14 ухаживавшего / ухаживающего
 16—17 Неожиданные ~ его поразили. *вписано.*
 18 подумалось ему вдруг / подумал он
 22 продолжал скороговоркой Порфирий. *вписано.*
 36 или с колокольни / али с колокольни ◊
 40 что у вас этот толстый-то!.. / что этот толстый-то!..
 42 *Перед:* На мгновение — *начато:* Всё
 43 Неужели, неужели / Неужели, неужели ж ◊
 43 мелькало / мелькнуло
 43—44 лжет и теперь? Невозможно / — лжет и теперь, и хочет только мне сам подсказать [всю], что его не надуешь и что он знает

всю психологию будущей защиты моей, что он знает все мои средства? Нет, невозможно ◊

С. 299.

- ¹ чувствуя заранее / чувствуя заране ◊
² *После*: довести его — «О, если он только смеется надо мной!»
² чувствуя, что от бешенства / чувствуя, что он от бешенства ◊
²⁻³ чувствуя ~ может. *вписано*.
⁴ вскричал он / Наяву, наяву, слышите! — вскричал Раскольников, неестественно
⁵⁻⁶ *После*: в игру Порфирия — и как можно скорее узнать: жет он или нет? Смеется он или нет? Иначе это становится невыносимо.
⁶ Наяву, наяву! Слышите ли? *вписано*.
⁷ *После*: и слышу-с! — *начато*: Всё это
⁷⁻⁸ не в бреду / не в бреду; то есть <і>
⁸ особенно даже ~ не в бреду! *вписано*.
¹⁰⁻¹¹ это-то обстоятельство / это обстоятельство

Конец главы V—начало главы VI четвертой части

С. 302.

- ²⁵ завопил Раскольников / завопил он
²⁹ подскочил он к нему. *вписано*.
³² Романыч / Романович ◊
⁴⁰ а? / да?
⁴¹⁻⁴² Ну какие тут ~ человеку! / Какие тут депутаты!
⁴¹⁻⁴² батюшка ~ человеку! *вписано*.
⁴² действовать-то нельзя / действовать нельзя
⁴³ дела вы, родимый, не знаете / вы дела не знаете
⁴³⁻⁴⁴ А форма ~ увидите!.. *вписано*.

С. 303.

- ² как бы шум / шум
² *После*: как бы шум — и Порфирий Петрович стал [жадно<і>] с большим волнением прислушиваться.
³ *После*: А, идут! — *начато*: под<нялся или скочил і>
⁴ Ты их ждал! *вписано*.
⁴ *После*: Ты их ждал! — Я, верно, раньше пришел... ◊
⁵ Я готов! готов!.. / а. Как в тексте. б. Я готов! ◊
⁶⁻⁷ *После*: неожиданное — и даже невозможное
¹⁰ *Обозначения главы*: VI — нет.
¹⁴ немного приотворилась / вдруг немного приотворилась
¹⁶ *После*: предупредил. — *зачеркнуто*: экой <і>
¹⁹ Да что там такое? / Да что такое?
²² Прочь! / Прочь! после!

- 22—23 Что за беспорядок! *вписано.*
 23 закричал Порфирий, бросаясь к дверям. / закричал и затопал ногами Порфирий Петрович, схватившись за ручку дверей.
 25 настоящая борьба / как бы настоящая борьба ◊
 27—28 После: Порфирия Петровича — почти на него наткнувшись
 30 прямо ~ не видя / как-то прямо перед собою, как бы не [глядя] смотря
 34 Он был еще очень молод, одет / Человек он был еще очень молодой, одетый
 38 за плечо / за руку
 40 Иные из них / Иные

С. 304.

- 1 Прочь, рано еще! / Прочь! Куд(а)
 2 После: привели? — Прочь!
 2 бормотал / крич(ал)
 5 Чего ты? — крикнул Порфирий в изумлении. / Да чего ты? — крикнул Порфирий Петрович в изумлении, смотря на него.
 6 вдруг произнес / произнес
 6—7 После: произнес Николай — *начато*: неско(лько)
 9 Секунд десять / а. Секунды три б. Секунд пять
 10—11 подходил к Николаю / подходил к нему
 16 Кого ты убил? / Да кого ты убил?

Варианты прижизненных изданий (РВ, 1867, 1870¹)

С. 7.

- 11 в огромной телеге / в огромной пустой телеге (РВ, 1867, 1870)

С. 11.

- 29 кусок сухаря / кусок сахару (РВ)

С. 16.

- 12 не один раз уже бывало / не один уже раз бывало (РВ, 1867, 1870)
 13 но... такова / но... но такова (РВ)
 19 из козьего пуха / из зимнего пуха (РВ)
 38 похвальный лист / похвальный лист, на пергаменте (РВ)

С. 17.

- 28 на полуштоф / в полуштоф (РВ, 1867, 1870)
 28—29 чувство имею / чувства имею (РВ)

¹ Об этом издании и правомерности учета отличий его текста см. 7, 471.

С. 18.

²⁷ личико / и личико (РВ, 1867, 1870)

С. 20.

⁴⁰ помня ваши заслуги / помню ваши заслуги (РВ)

С. 22.

²⁷ а не жалеть / и не жалеть (РВ)

^{27—28} и, распяв, пожалей его! / и не жалеи его!¹ (РВ)

³⁴ детям чужим и малолетним / детям чужим малолетним (РВ, 1867, 1870)

С. 23.

^{4—5} ни единый из сих сам не считал / ни единый из них сам никогда не считал (РВ, 1867)

С. 24.

^{31—32} годом старше ее / годом постарше ее (РВ)

С. 25.

^{14—15} неужели же / неужели ж (РВ, 1867, 1870)

³⁴ с папиросками и трубками / с папиросками, с трубками (РВ, 1867, 1870)

С. 26.

^{7—8} язвительно усмехнулся / язвительно усмехаясь (РВ, 1867, 1870)

С. 29.

³⁴ и, стало быть / а, стало быть (РВ)

^{38—39} Мы тебя тогда обманули / Мы тебя обе тогда обманули (РВ)

С. 33.

² мы вместе / мы обе вместе (РВ, 1867, 1870)

⁹ как увидишься / когда увидишься (РВ, 1867, 1870)

^{34—35} человек очень расчетливый / человек очень умный и расчетливый (РВ)

⁴³ После: честные и справедливые. — А в этом сомневаться еще нечего, да и повода мы не имеем. Наружность же человека весьма обманчива, и по одной наружности, особенно по первому взгляду, никак судить нельзя. (РВ)

---

¹ По-видимому, опечатка (ср.: 1926. Т. 5. С. 461), должно быть: и пожалей его!

С. 34.

³ выразился / выразился так (РВ)

С. 37.

⁴ при жизни твоего отца / еще при жизни твоего отца (РВ)

С. 42.

¹¹ тоже вчерашняя / та же вчерашняя (РВ)
^{36–37} девушка очень молоденькая / девушка и очень молоденькая (РВ)

С. 44.

⁴⁴ ему показался / ему казался (РВ, 1867, 1870)

С. 45.

² шатаюсь / шаталась (РВ, 1867, 1870)
¹⁰ и у него / и у него самого (РВ)
¹⁷ и хотел / и кажется хотел (РВ)

С. 51.

^{25–26} и в ярости сечет учащенными ударами кобыленку / и в ярости сечет, сечет учащенными ударами кобыленку (РВ)
^{32–33} что они делают? / что они делают! (РВ)
⁴³ лошаденка / лошаденька (РВ)

С. 52.

^{32–33} со всего розмаху / со всего розмаха (РВ, 1867) / со всего размаха (1870)

С. 53.

²⁷ дыханье / дыхание (РВ)

С. 54.

⁴³ (по которой даже и идти ему незачем) / (по которой даже и идти ему было незачем) (РВ)

С. 55.

^{43–44} ничего не говорите-с / ничего и не говорите-с (РВ, 1867, 1870)

С. 57.

^{16–17} в один плохенький трактиришко / в один плохенький трактиришка (1867, 1870)

С. 59.

^{12–13} она намедни Лизавете палец со зла укусила / она зла; она намедни Лизавете палец со зла укусила (РВ, 1867, 1870)

С. 60.

⁸ принесла ему чаю и хлеба / принесла ему чай и хлеба (РВ)

С. 62.

³⁷ отказался от всего / отказался от всего окончательно (РВ)

С. 63.

² чрез час / через час (РВ, 1867, 1870)

¹⁶ он только *пробовал* было сделать / он только *попробовал* было сделать (РВ, 1867, 1870)

^{31–32} его занимал один вопрос / его занимал, между прочим, один вопрос (РВ)

С. 65.

² Вдруг он вздрогнул. / Вдруг он весь вздрогнул. (РВ, 1867, 1870)

²⁶ он иногда думал / он думал (РВ)

С. 66.

²⁷ тоже пустая / точно пустая (РВ)

С. 67.

^{38–39} уставилась глазами / уставилась опять глазами (РВ, 1867, 1870)

С. 68.

⁷ и решительный тон / а решительный тон (РВ)

¹³ Да чтой-то вы / Да, чтой-то вы, батюшка (РВ, 1867, 1870)

⁴² ее малый рост / ее весьма малый рост (РВ)

С. 69.

¹⁹ только что услышал / только что он услышал (РВ)

С. 70.

³ руки его так дрожали / руки его уже так дрожали (РВ, 1867, 1870)

³² Вдруг послышалось / Вдруг ему послышалось (РВ, 1867, 1870)

^{42–43} побежали судороги; приподняла руку / побежали судороги. Она приподняла руку (РВ)

С. 71.

^{22–23} остается ему преодолеть и совершить / остается ему преодолеть (РВ)

²⁴ тотчас пошел бы / тотчас же пошел бы (РВ)

⁴¹ Следов не осталось / Следов не оставалось (РВ, 1867, 1870)

С. 72.

¹ помочил тряпку / намочил тряпку (РВ)

⁸ пробормотал он / вскричал он (РВ)

³⁹ третий начался / третий этаж начался (РВ, 1867, 1870)

⁴⁴ встрепенулся / встрепенулся, вздрогнул (РВ)

С. 73.

⁶⁻⁷ а он прислушивался / и он прислушивался (РВ)

²⁰ Голова его / Он терялся, голова его (РВ)

²⁵ старая ведьма! / старуха ведьма! (РВ)

⁴³⁻⁴⁴ Куда бы старухе уйти? / Куда бы старухе-то уйти? (РВ)

С. 74.

³⁷ Зачем оставаться? / А зачем оставаться? (РВ, 1867, 1870)

С. 76.

¹⁹ Наконец вот и переулочек / Мысли его мешались. Наконец вот и переулочек (РВ)

²⁶ Он плохо теперь помнил себя / Он плохо помнил себя (РВ)

С. 78.

²⁸⁻²⁹ до последней нитки и лоскутка / до последней нитки, до последнего лоскутка (РВ, 1867, 1870)

С. 79.

¹⁻² Он схватил складной большой ножик / Он схватил свой складной большой ножик (РВ, 1867, 1870)

¹¹ тотчас же он начал / тотчас же начал он (РВ, 1867, 1870)

С. 80.

²² голова его опять склонилась / голова его опять склонялась (РВ, 1867, 1870)

³⁸ запирать стал! / запираться стал! (РВ, 1867, 1870)

³⁹⁻⁴⁰ Сопrotивляться или отворить? Пропадай... / Сопrotивляться, или отворить? Лучше отворить! Пропадай... (РВ, 1867, 1870)

С. 81.

⁴¹ долго читал он / долго, долго читал он (РВ, 1867, 1870)

С. 82.

¹⁰⁻¹¹ всё относительно / всё это относительно (РВ, 1867, 1870)

³² выходящего вдруг на улицу / вышедшего вдруг на улицу (РВ)

⁴⁴ не хотел / не хотелось (РВ)

С. 83.

¹⁰ Здесь тоже духота была чрезвычайная / Духота была чрезвычайная (РВ)

С. 84.

⁸ раскусить / раскусить его (РВ)

С. 85.

¹⁵ тоже внезапно / тоже вдруг внезапно (РВ)

²¹ Помощник до того вспылал / Поручик до того вспылал (РВ)

С. 86.

^{15—16} хотя какого-нибудь даже внимания / хоть какого-нибудь даже внимания (РВ, 1867, 1870)

С. 87.

⁸ не будь / не будь (РВ)

¹¹ шкандаль / скандал (РВ)

¹¹ они пришьоль / они пришли (РВ)

¹¹ я всё расскажит / я всё расскажу (РВ)

¹⁴ не хотел никакой шкандаль / не хочу никакой скандал (РВ)

¹⁵ пришьоль пьян / пришли пьян (РВ)

^{25—26} за фрак от окна таскаль / за фрак от окна тащиль (РВ)

²⁸ господин капитэн / капитэн (РВ)

³⁰ шкандаль делаль! / скандал делаль! (РВ)

С. 88.

^{6—7} почтенное семейство статского советника / почтенное семейство одного статского советника (РВ)

⁸ намедни / тоже намедни (РВ)

С. 89.

⁹ не плачу четвертый месяц / не плачú уже четвертый месяц (РВ, 1867, 1870)

¹⁶ подхватил опять Раскольников / подхватил Раскольников (РВ)

²¹ уж около трех лет / уже около трех лет (РВ, 1867, 1870)

С. 91.

¹⁹ лучше и не думая / лучше не думая (РВ)

^{29—30} если с таким намерением шел? / если с таким намерением при-шел? (РВ)

С. 93.

⁹ Но вот его комната. / Но вот и его комната. (РВ, 1867, 1870)

С. 94.

^{2—3} дело только до него / дело только до него одного (РВ, 1867, 1870)

^{8—9} полчаса бродил в тоске и тревоге / полчаса бродит в тоске и тревоге (РВ, 1867, 1870)

С. 96.

³¹ гадки были их лица / гадки были даже их лица (РВ, 1867, 1870)

С. 97.

²⁸ на кой черт ты пришел / на кой черт ты вошел (РВ)

³⁷ как хочешь / как хошь (РВ, 1867, 1870)

С. 98.

⁸⁻⁹ и шесть рублей взял я вперед / а шесть рублей взял я вперед (РВ, 1867, 1870)

С. 99.

¹⁶ в головке и козловых башмаках / в головке и в козловых башмаках (РВ, 1867, 1870)

⁴² в будущее / в далекое будущее (РВ)

⁴³ про эти прежние свои вопросы / и про эти прежние свои вопросы (РВ)

С. 100.

⁶⁻⁷ В какой-то глубине / В какой-то бесконечной глубине (РВ, 1867, 1870)

С. 101.

¹⁶ он пролежал с полчаса / он пролежал так с полчаса (РВ, 1867, 1870)

С. 103.

¹⁴ поддакнул опять артельщик / опять поддакнул артельщик (РВ, 1867, 1870)

³⁸ третьегодни-с / третьёгодни-с (РВ, 1867, 1870)

С. 104.

¹¹ После: вы тоже толковый человек. — Я ведь это вам давеча только так... для внушения... (РВ)

¹⁷ во ожидании лучшего-с / в ожидании лучшего-с (РВ, 1867, 1870)

С. 106.

³⁸⁻³⁹ помню только, что у Пяти углов, — Харламова дом / помню только, что не доходя какого-то моста на здешней канаве и в здешних местах, — Харламова дом (РВ)

С. 108.

¹⁶ это ты благо разумно / это ты благо разумно делал (РВ)

С. 109.

^{28—29} подайте, дескать, да и только / подайте, дескать, носок, да и только (РВ, 1867, 1870)

⁴⁰ али чего-нибудь / али чего иного (РВ, 1867, 1870)

С. 110.

⁵ как полоумный / как полуумный (РВ, 1867, 1870)

С. 114.

^{37—38} Оно бы сегодня / Оно бы и сегодня (РВ, 1867, 1870)

С. 115.

¹⁴ пенсионишко получает / пенсионишка получает (РВ, 1867, 1870)

³⁹ я за тебя две дам... / я за тебя и две дам... (РВ)

С. 118.

^{38—39} и начал вставать / и стал вставать (РВ, 1867, 1870)

С. 119.

⁶ близ —ской заставы / близь —ской заставы (РВ, 1867, 1870)

¹⁴ сколько лет — «двадцать два» / сколько лет — «двадцать пять» (РВ)

²⁷ Чего испугался? / Чего испужался? (РВ, 1867, 1870)

С. 122.

^{13—14} После: положительно доказал — десятками свидетелей и свидетельств (РВ)

³⁸ из нее выбежали / из нее побежали (РВ)

⁴⁰ сошел себе вниз / вышел себе вниз (РВ)

⁴⁴ не заметил, что выронил / не заметил (РВ)

С. 123.

²⁹ хотя и не без строгости / хотя не без строгости (РВ)

³⁷ А вот он лежит на диване! / А вон он лежит на диване! (РВ, 1867, 1870)

С. 126.

³² уж от других причин / уже от других причин (РВ)

С. 127.

¹⁷ оборотился он / обратился он (РВ)

¹⁸ теперь ее отделявают / теперь ее отделяваю (РВ, 1867, 1870)

С. 129.

¹⁴ при мне говорят / при мне заговорят (РВ, 1867, 1870)

^{32—33} Особенно желаю здоровья... / Особенно же желаю вам здоровья... (РВ)

³⁶ Убил непременно закладчик! / Непременно закладчик! (РВ)

С. 130.

⁴² то чем же объяснить / Чем же объяснить (РВ)

С. 131.

⁴² вскричал Раскольников / вскрикнул Раскольников (РВ)

С. 132.

^{9–10} нарочно оставался здесь / оставался здесь (РВ)

²² он уносит с собой ужасное оскорбление / он ужасно оскорблен (РВ)

С. 133.

¹² После: медлила уходить. —

— А, ведь, ребенок-то лекарский был! — таинственно сказала она, ступив шаг вперед и понизив голос.

— Что?

— Вот этого, лекаря-то твоего. Сама сказывала...

Раскольников посмотрел на нее задумчиво, как бы не совершенно ее понимая; прежнее нетерпение блеснуло в глазах его. (РВ)

С. 135.

⁶ а я дома сидел / а я всё дома сидел (РВ)

С. 136.

³ Ты мой бутושник прикрасной / Ты мой бутושник прикрасный (РВ, 1867, 1870)

С. 137.

^{36–37} Он заглянул / Он взглянул (РВ)

С. 138.

¹⁰ старались тогда / старались-то тогда (РВ)

^{22–23} «а по всей то есь любви / «а по всей то есь любви (РВ)

С. 139.

^{21–22} показалось потом Заметову / показалось Заметову (РВ)

С. 140.

²¹ собирается / сбирается (РВ, 1867, 1870)

²⁴ Бланбеки! / Ведь их куча, сброд, за всякого не поручишься! Бланбеки! (РВ)

³³ Да разве этак возможно? / Да разве это возможно? (РВ)

С. 141.

^{25—26} среди бела дня / среди белого дня (РВ)

^{33—34} Вот ведь что у вас главное / Вот ведь что главное (РВ)

С. 142.

^{14—15} под ним ямка должна быть / под ним должна ямка быть (РВ, 1867, 1870)

²² У того засверкали глаза / У того вдруг засверкали глаза (РВ)

³⁵ После: Признайтесь, что вы поверили? — сказал он наконец холодно и насмешливо: (РВ)

³⁷ торопливо сказал Заметов / торопливо вскричал Заметов (РВ, 1867, 1870)

С. 144.

⁷ Ведь знаете же / Ведь знаете (РВ)

¹⁶ и так же быстро ослабевали / и ослабевали быстро (РВ)

⁴⁰ После: Ты смеешь говорить: «пусти»? — после того что ты сделал! (РВ)

С. 145.

⁶ После: был бы рад умереть? — Впрочем, ты мог не знать этого, и конечно, я должен поставить в счет твое великодушие, — но я не хотел и не хочу твоего великодушия — вот что главное! (РВ)

⁸ После: мучить людей! — Давеча, когда ты платье принес и стал, для увеселения моего, отпускать свои остроты, которые все, — так как ты не самолюбив, то признаюсь тебе в этом искренно, — все были чрезвычайно неудачны и переслащены... одним словом, тупы, — извини, пожалуйста, — то я... мне стало жаль тебя, стыдно стало, противно... Это меня так раздражило!.. (РВ)

¹² После: удерживать меня силой? — Это право кулачное и не прилично великодушному человеку. (РВ)

^{41—42} на кушетке уложу / на кушетке уложу, на подушках (РВ)

С. 146.

^{11—12} Раскольников повернулся и пошел прочь / И Раскольников повернулся и пошел прочь (РВ)

³⁹ над водою / над водой (РВ, 1867, 1870)

С. 147.

²⁸ протянул ему товарищ / протянул ему другой городской (РВ)

³⁵ Пошла я теперь в лавочку / Пошла теперь в лавочку (РВ)

⁴² Нет, гадко / Нет, это гадко (РВ, 1867, 1870)

С. 148.

⁸ Что ж, это исход! / Что ж, и это исход! (РВ, 1867, 1870)

^{10–11} Какой, однако же, конец! / Какой, однако ж, конец! (РВ, 1867, 1870)

С. 149.

^{11–12} чего ты передо мной, говорю, апельсинничаешь? / чего ты передо мной апельсинничаешь? (РВ)

С. 151.

^{11–12} проговорил ему Раскольников / проговорил Раскольников (РВ)

С. 154.

³⁴ После: вся затряслась — с ней бывали нервные припадки, похожие на падучую болезнь. (РВ)

С. 155.

^{22–23} Она схватилась / Она уже схватилась (РВ)

^{25–26} лицо Мармеладова / лицо и голову Мармеладова (РВ)

С. 156.

^{35–36} Прошу вас сейчас запереть эту дверь / Прошу вас сейчас же запереть эту дверь (РВ, 1867, 1870)

С. 157.

⁹ пот выступил на лбу / пот выступал на лбу (РВ)

³⁸ Славу Богу / Слава Богу (РВ, 1867, 1870)

С. 158.

¹⁹ с запасными Дарами / с запасными дарами (РВ, 1867, 1870, 1877)

С. 159.

¹⁶ Соня была малого роста / Соня была среднего роста (РВ)

С. 160.

^{3–4} она подавала ему пить / подавала ему пить (РВ)

¹⁴ про прощение говорить / о прощении и говорить (РВ); о прощении говорить (1867, 1870)

²⁰ После: склонившейся снова над ним — и ронявшей на него безмолвные слезы (РВ)

³³ Но он с неестественным усилием / Но он уже приподнялся, и с неестественным усилием (РВ)

^{40–41} протянуть к ней руку / протянуть к ней обе руки (РВ)

С. 161.

⁴¹ После: Кто-то догонял его — он почувствовал почему-то, что это именно его догоняют, и остановился у самого выхода с лестницы во двор (РВ)

С. 162.

⁴³ Коля с Лидочкой / Аркаша с Лидочкой (РВ)

С. 163.

¹⁸ Царство ей Небесное / Царство ей небесное (РВ, 1867, 1870, 1877)

²⁵ После: когда выпшел давеча. — Что-то скажут все эти Зосимовы! (РВ)

^{35—36} ему, как хватавшемуся за соломинку, вдруг показалось, что и ему / он только узнал, опытом, что и ему (РВ)

С. 164.

³⁷ отвечал Раскольников / ответил Раскольников (РВ)

С. 165.

^{2—3} тебя заставить болтать, и потом ему рассказать / тебя заставить болтать, а потом ему рассказать (РВ)

^{43—44} Поразило, видишь ли, его давеча то, что тебя один только этот пункт интересует / Поразило, видишь ли, его давеча-то, что тебя один только этот пункт интересует (РВ, 1867, 1870)

С. 169.

²⁶ Ты выходишь за Лужина для меня. / Ты выходишь за Лужина для меня. (РВ, 1867, 1870)

³⁴ закричал хмельной Разумихин / закричал Разумихин (РВ)

С. 170.

³ заревел Разумихин / заревел хмельной Разумихин (РВ)

²⁶ Но я пойду к здешней хозяйке / Но я пойду к хозяйке (РВ)

С. 171.

^{13—14} утащить за собою / утащить за собой (РВ, 1867, 1870)

С. 172.

⁵ Вот вы... вы... меня понимаете / Вот вы... вы... вы меня понимаете (РВ)

¹¹ Впрочем, он ее беспокоил / Впрочем и он ее беспокоил (РВ)

^{15—16} огромнейшими шажищами / огромными шажищами (РВ, 1867, 1870)

^{20—21} я вас недостойн... Я вас в высшей степени недостойн!.. / я вас недостойн... (РВ)

³⁵ а вы тут приехали / а вы тут и приехали (РВ)

С. 173.

^{17—18} в первом предуготовительном классе гимназии / в первом приуготовительном классе гимназии (РВ)

С. 174.

- ¹⁰ свой ум спешил выставлять / свой ум и либерализм спешил вы-
ставлять (РВ)
¹² Нет, он дурак, дурак! / Нет, он дурак, дурак, потому что не по-
дозревает, как легко его разглядеть. (РВ)
¹³ О Боже мой! / О Боже мой! так бы и разорвал его на клочки
теперь! (РВ)
¹⁵ зато все честные / зато все честные и любят то, что великодуш-
но и хорошо (РВ)
^{15—16} хоть мы и врем, потому ведь и я тоже вру / хоть мы и врем все,
потому что ведь и я тоже вру (РВ)
²³ был скандал / целый скандал (РВ)
^{34—35} И как я могла решиться / И как могла я решиться (РВ)
^{41—42} Ах, эта болезнь! Что-то будет, что-то будет! И как он говорил с
тобою, Дуня! / Но он так говорил с тобой, Дуня! (РВ)

С. 175.

- ^{18—19} не говоря уже об эксцентрическом его состоянии / даже не визи-
рая на эксцентрическое его состояние (РВ)

С. 176.

- ^{17—18} противоречило ее убеждению / противоположно ее убеждению
(РВ)

С. 180.

- ³¹ не закрасить и не загладить теперь никогда / не закрасить и не
загладить теперь и никогда (РВ)

С. 181.

- ²⁰ спит как сурок. Зосимов распорядился / спит как сурок, на что
Зосимов распорядился (РВ)

С. 182.

- ²⁶ Я не удостоился лицезреть / Я и не удостоился лицезреть (РВ)

С. 183.

- ⁴³ Ужасно иногда неразговорчив! / Ужасно неразговорчив: (РВ)

С. 184.

- ²⁰ то, кажется / и кажется (РВ)

С. 185.

- ⁶ Я уверена / Я уверена, я уверена (РВ)
²⁹ очень не по душе... / очень не по душе... почему-то. Почему, не
знаю (РВ)
^{33—34} да он на приданое / да на приданое он (РВ)

С. 186.

^{35–36} в самом вокзале. Вместо того в вокзал / в самом вокзале. Вместо того, в вокзал (РВ, 1867, 1870)

С. 189.

¹⁸ я вас считаю как бы за Провидение наше / я вас считаю как бы за провидение наше (РВ, 1867, 1870, 1877)¹

С. 192.

³ Да вы не раздражайтесь / Да вы не дивитесь (РВ)

С. 193.

³⁴ не беспокойтесь / не беспокойтесь, маменька (РВ)

С. 194.

²⁵ Теперь вдова / Вдова (РВ)

С. 195.

¹¹ После: так ведь любил их — а при свидании и выносить не могу! Этого недоставало! (РВ)

С. 196.

⁷ раздражительно и как бы нечаянно / раздражительно (РВ)

¹⁰ вырвалось / нечаянно вырвалось (РВ)

^{11–12} Слов: сказал он с искривившею улыбкою — нет. (РВ)

³¹ нельзя ему теперь говорить / нельзя уже ему теперь говорить (РВ)

С. 197.

^{5–6} А то и я сам было подумал / А то я и сам было думал (РВ)

²³ Да куда ты? / Да куда ты? — спросил он. (РВ)

С. 198.

²⁰ точно из-за тысячи верст на вас смотрю / точно я из-за тысячи верст на вас смотрю (РВ, 1867, 1870)

С. 199.

¹³ После: благодетельствовать! — Высокомерие! (РВ, 1867, 1870)

¹⁹ стало быть, его не обманываю / следственно его не обманываю (РВ)

²⁵ он и меня ценит / он дорожит и мной (РВ)

²⁷ по одному только женскому упрямству / по одному только женскому упрямству лжешь (РВ, 1867, 1870)

³⁴ не выйду за него / я не выйду за него (РВ)

---

¹ Ср. 6, 383, строка 41: «ты бы остался у них провидением» (так в РВ, 1867, 1870, 1877).

³⁵ что сама могу уважать его / что могу уважать его (РВ)

³⁷ А если бы ты был и прав / Но если бы ты был и прав (РВ)

С. 200.

¹⁶ Он говорил как бы для себя / Он говорил как бы про себя (РВ, 1867, 1870)

С. 201.

¹¹ отвечала Дунечка / ответила Дунечка (РВ, 1867, 1870)

²² вчера в первый раз в жизни видел / вчера первый раз в жизни видел (РВ)

С. 202.

⁵ тоже прошу быть у нас / тоже попрошу быть у нас (РВ, 1867, 1870)

С. 203.

^{38—39} Дунечка серьезно, пристально уставилась / Дунечка серьезным, пристальным взглядом уставилась (РВ)

С. 204.

²⁹ даже еще закуски намерена / да еще закуски намерена (РВ)

С. 205.

⁷ будете и обедать розно / будете обедать розно (РВ)

С. 206.

⁹ не была снисходительна / и не была снисходительна (РВ).

^{19—20} неосторожно высказала / неосторожно высказалась (РВ)

^{26—27} на улицах, как в комнатах без форточек / на улице, как в комнате без форточек (РВ)

С. 208.

² не посмотрев на Разуихина / не посмотрев почему-то на Разуихина (РВ)

С. 210.

²³ я ведь не выкупить теперь вещи иду / я ведь не выкупать теперь вещи иду (РВ, 1867, 1870)

С. 211.

¹³ Что это? / Чего это? (РВ)

²³ После: и не говори! — «И стоила эта пакость таких мук!» — подумал он опять про себя. (РВ)

С. 212.

¹⁸ Когда это бывало? / Когда это случилось? (РВ)

²³ Того и надо было Раскольникову / Того только и надо было Раскольникову (РВ)

С. 214—215.

⁴⁴⁻¹ не совсем при деньгах / не совсем при деньгах-с (РВ)

С. 215.

²⁴ закладчиков опрашивает / закладчиков спрашивает (РВ)

⁴⁴ Фразы: — Зачем сказал: «женщины»? — нет. (РВ)

С. 217.

³¹ а ты не знаешь / а ты и не знаешь (РВ)

С. 218.

¹⁻² Фразы: Он был ужасно раздражен. — нет. (РВ)

²² После: дразнят меня? — «На-а-против»... «Если бы вы знали, как интересуете!...» «Так рад, что наконец пожаловали...» Почему ж наконец?.. (РВ)

²² После: или знают!.. — А коли знают, то что ж они знают? Значит, много знают, коли так смелы! (РВ)

²⁵ Порфирий его за гостя не считает / Порфирий его и за гостя не считает (РВ)

²⁷⁻²⁸ Знают ли про квартиру-то? / Знают ли, наконец, про квартиру-то? (РВ)

С. 221.

¹⁷ Какой, однако ж, у вас характер! Живете так уединенно, / Какой однако ж у вас характер: живете так уединенно, (РВ)

С. 222.

¹⁴⁻¹⁵ начал он просто и скромно / начал он просто, не раздражаясь и скромно (РВ)

С. 225.

⁸ За увлечение / За увлечения (РВ)

¹¹ очень благонаравны / очень на этот счет благонаравны (РВ)

¹⁶⁻¹⁷ вы меня хоть несколько успокоили / вы меня успокоили (РВ)

С. 226.

¹⁸ Ты не можешь так думать / Ты не можешь так думать, Родя (РВ)

С. 227.

⁴³⁻⁴⁴ После: ответил Раскольников. — Он не смог удержаться. (РВ)

С. 228.

⁸ следственно, и не могу / а следственно и не могу (РВ, 1867, 1870)

^{32—33} Фразы: Вы не так поняли. — нет. (РВ)

С. 230.

¹⁸ После: наглостью сбить. — Ведь он меня первый раз видит, — ощупывал, значит... (РВ)

¹⁹ с досады прорвался / с досады и прорвался (РВ)

²⁰ После: Он человек, кажется, умный — хотел именно показать мне, что знает... (РВ)

С. 231.

²³ А потому, что только одни мужики / А потому что одни только мужики (РВ, 1867, 1870)

⁴³ После: надо сбивать. — Заметь себе, что быв за два дня, в виде закладчика, я действительно мог не заметить мастеровых, по рассеянности, если б они там и были; узнать же наверно, что их там не было и за два дня, я ниоткуда не мог, до самого твоего восклицания Порфирию о том, что их тогда не было. Стало быть, я очень мог сбиться, и (РВ)

С. 232.

²² тут же поклявшись / и тут же поклявшись (РВ, 1867, 1870)

³¹ Подходя давеча уже / Подходя уже (РВ)

С. 233.

⁷ строго и с неудовольствием / строго и с недовольством (РВ, 1867, 1870)

С. 235.

^{4—5} После: Разве этак возможно? — Она перескажет! (РВ)

²³ с красною укладкою / с красною укладкой (РВ)

³⁹ «всеобщего счастья» / «всеобщего счастья» (РВ)

⁴³ Ха-ха! / Нельзя-с! (РВ)

С. 235—236.

^{44—1} я ведь тоже хочу / я тоже хочу (РВ)

С. 236.

¹ и больше ничего, / и больше ничего! (РВ)

⁸ а имею в виду / а имея в виду (РВ, 1867, 1870)

^{8—9} приятную цель, — ха-ха! / приятную цель, и так далее, и так далее (РВ)

³⁰ После: я помню... — обниму ль, поцелую ль я когда кого-нибудь? (РВ)

С. 238.

^{14—15} тихим, неслышным смехом / тихим, неслышным, неровным смехом (РВ)

^{19—20} смех и шепот из спальни раздавались всё сильнее и слышнее / смех из спальни раздавался всё сильнее и слышнее (PB); смех и шепот из спальни раздавались всё слышнее и слышнее (1867, 1870)

С. 241.

⁶ при сем питал / при этом питал (PB)

³⁹ Охота же так беспокоиться! / Охота же была так беспокоиться! (PB)

С. 242

²⁰ почти никогда не дрались / почти никогда не дикались (PB, 1867, 1870)

С. 243

⁸ чего ж обижаться / чего ж обижаться-то (PB)

С. 244

²³ тотчас же в капкан / тотчас в капкан (PB)

²⁹ всегда мне тошно бывало / всегда мне там тошно бывало (PB, 1867, 1870)

С. 245.

⁷ подарила / подарила при этом (PB)

²⁹ а в третий раз / а третий раз (PB, 1867, 1870)

³⁸ да неужели / да неужели же (PB)

С. 246.

⁴ тут же и сказал себе / тут же я и сказал себе (PB)

¹¹ Что ж она вам говорит / Продолжайте! Что ж она вам говорит (PB)

^{33—34} внимательно ей в лицо посмотрел / внимательно, внимательно ей в лицо посмотрел (PB, 1867, 1870)

⁴¹ Взяла да и вышла / Взяла да вышла (PB)

С. 251.

²³ семь лет безвыездно проживал / семь лет безвыездно прожил (PB, 1867, 1870)

С. 252.

³³ не совсем хорошо понимаю / не совсем хорошо понимаю, Родя (PB)

^{35—36} показалось теперь / показалось теперь, вдруг (PB)

С. 253.

³ Раскольников не отвечал / Раскольников не ответил (PB, 1867, 1870)

- ¹⁷ Ты тут ни при чем / Ведь ты тут ни при чем (РВ, 1867, 1870)
- С. 255.
- ¹⁰ с ним отношения / с ним сношения (РВ)
- ³³ если хотите знать / если хотите узнать (РВ, 1867, 1870)
- С. 256.
- ¹⁴ еще во время крепостного права / еще во времена крепостного права (РВ, 1867, 1870)
- С. 257.
- ¹³ Это действительная правда / Это действительно правда (РВ)
- ^{35—36} о весьма важных пунктах / о весьма важных делах (РВ)
- С. 258.
- ³³ и с его, и с вашей стороны / и с вашей и с его стороны (РВ, 1867, 1870)
- С. 259.
- ²⁵ по-моему, повыгоднее / по-моему, выгоднее (РВ, 1867, 1870)
- ²⁹ на вашей собственной корреспонденции / на вашей собственной передаче ему этих слов моих письменно (РВ)
- ^{35—36} а передала, как сама поняла / я передала, как сама поняла (РВ, 1867, 1870)
- С. 260.
- ²⁹ высокомерно улыбнулся / высокомерно улыбался (РВ, 1867, 1870)
- С. 261.
- ²⁷ Авдотья Романовна, / Авдотья Романовна, — сказал он (РВ)
- ^{28—29} я уж не ворочусь никогда / я уже не ворочусь никогда (РВ)
- ³¹ возвращались назад / возвращались назад, Петр Петрович (РВ)
- ⁴⁴ через то в издержки / через это в издержки (РВ)
- С. 263.
- ^{36—37} сладостных эпизодов / сладостных эпизодов и драм (РВ)
- С. 264.
- ¹ благоговейно уничтожится / благоговейно приникнет и уничтожится (РВ)
- ^{11—12} Этот теперешний / Одним словом, этот теперешний (РВ)
- ^{22—23} Еще бы и этого-то поставить / Еще бы этакого-то поставить (РВ) / Еще бы и этакого-то поставить (1867, 1870)
- ³⁸ тоже будет рада / тоже будет так рада (РВ)

С. 265.

³⁸ с признаками как будто помешательства / с признаками помешательства (РВ)

С. 267.

²⁷ сказала она / сказала Дуня (РВ)

³⁹ дело смыслит / дело знает (РВ)

С. 270.

^{18—19} слезы выступили на глазах / слезы выступили в глазах (РВ)

С. 271.

¹⁶ Всё завтра утром / Всё завтра устроим (РВ)

С. 272.

¹³ Я его точно сегодня видела / Я его сегодня видела (РВ)

⁴³ После: и раздражается — и жаль ее, что она ничего не замечает, ни людей, ничего. (РВ)

С. 273.

⁸ Не знаю, они на той квартире должны / Не знаю. Они на той квартире должны (РВ)

^{21—22} на вас она всё надеется / на вас надеется (РВ)

³⁴ Тут же в лавке / Тут же в лавочке (РВ)

⁴² Я жестоко поступила! / Я жестокая, жестокая была! (РВ)

С. 274.

⁷ После: книжки всё доставал — а думает, что хороши. (РВ)

^{21—22} Уж этого-то не надо было бы ей говорить! / Уж этого-то не надо было бы ей-то говорить! (РВ)

С. 275.

³⁰ не допустит!.. / не допустит!.. Нет! Нет!.. (РВ)

С. 276.

⁷ Передо мной! / И передо мной! (РВ)

^{17—18} Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница! / Да ведь я недостойная!.. я... я ведь бесчестная, я великая, великая грешница! (РВ); Да ведь я... бесчестная... (1867, 1870)

С. 277.

³⁸ когда ей говорят / когда ей заговорят (РВ, 1867, 1870)

С. 278.

^{29—30} стояла всё на том же месте / стояла всё на том месте (РВ)

С. 279.

¹ Найди и прочти мне / Найди и прочти мне, Соня (РВ)
^{21—22} Голова начала кружиться. / Голова начинала кружиться. (РВ, 1867, 1870)

С. 280.

³³ и как бы с болью переведа дух / и как бы с болью переводя дух (РВ)

С. 285.

² Царствие Божие / царствие Божие (РВ, 1867, 1870, 1877)
⁸ Свободу и власть / Свобода и власть (РВ)
^{9—10} Это мое тебе напутствие! / Это мое тебе напутствие, Соня! (РВ)

С. 286.

³ неслышно принес его к самым дверям / неслышно перенес его к самым дверям (РВ, 1867, 1870)
³⁶ как он мог видеть? / как мог он видеть? (РВ)

С. 287.

^{5—6} И так сильно было его негодование / И так сильно было это негодование (РВ)

С. 288.

^{15—16} от двух только взглядов / от двух взглядов (РВ)
²⁴ Чрезвычайно странною казалась / Чрезвычайно странною и почти смешною казалась (РВ)
^{32—33} Теперь почти готово / Теперь уж почти готово (РВ)
⁴³ мыслящим и загадочным взглядом / смыслящим и загадочным взглядом (РВ)

С. 289.

^{19—20} продолжительным смехом / продолжительным, почти неслышным смехом (РВ)
⁴¹ чтоб я пришел / чтоб я к вам пришел (РВ)

С. 290.

^{8—9} покамест прощайте / покамест прощайте-с (РВ)

С. 291.

^{42—43} никогда не уйдет / никогда не уйдет-с (РВ, 1867, 1870)

С. 292.

^{13—14} После: «Ждет он, что ли, чего-нибудь?» — подумал Раскольников. (РВ)

^{16—17} подхватил Порфирий ~ смотря на Раскольников / подхватил Порфирий, вдруг останавливаясь перед своим гостем и весело, с необыкновенным простодушием смотря на него (РВ)

С. 293.

^{28—29} Прекомические иногда случаи случаются / Прекомические ведь иногда случаи случаются (РВ)

С. 294.

³⁹ После: неведомой катастрофе — но скрепился через силу, потому что страшная злоба кипела в нем; (РВ)

С. 295.

¹² ум человеческий цените / ум человеческий и цените (РВ)

²⁰ смеетесь вы надо мною / смеетесь вы надо мной (РВ, 1867, 1870)

С. 296.

^{1—2} изволили выразиться / изволили вчера выразиться (РВ, 1867, 1870)

¹² слишком уж натурально побледнеет-то / слишком уж натурально и побледнеет-то (РВ)

¹⁵ После: малый не промах. — (Впрочем, вообще говоря, выдумки такие хоть и довольно хитры, но всегда опасны; их бы не надо употреблять-с... Игривость юмористическая соблазняет, вот то-то и есть!) (РВ)

¹⁸ После: начнет подпускать — сам начнет спрашивать (РВ)

²⁸ После: захохотал, вслед за ним. — Оба смеялись вместе, глядя друг на друга (РВ)

С. 297.

²³ припадочек у нас был-с! Этак вы опять / припадочек у вас был-с! Эдак вы опять (РВ, 1867, 1870)

³⁶ Ну что же из этого? / Ну что же, что же из этого? (РВ)

^{37—38} я не такие еще ваши подвиги знаю / я и не такие еще ваши подвиги знаю (РВ)

^{42—43} ведь все-таки этак / ведь все-таки эдак (РВ, 1867, 1870)¹

С. 298.

^{43—44} лжет и теперь? Невозможно / лжет и теперь, и хочет только мне сам подсказать, что его не надуешь и что он знает всю пси-

---

¹ Дальнейшие разночтения «этак (этакий) / эдак (эдакий)»: С. 298 (32, 36), 300 (20, 20—21, 26), 302 (6, 42), 305 (10), 360 (7), 368 (2, 20), 370 (23), 385 (2), 386 (14), 406 (38), 417 (8), 418 (28), 451 (43).

хологию будущей защиты моей, что он знает все мои средства?
Нет, невозможно (РВ)

С. 299.

- ⁷ Вы и вчера говорили / Вы вчера говорили (РВ)
^{37—38} смотреть на него, говоря это, и вдруг опять беспредельная злоба / смотреть на него, говоря это, отшатнувшись на спинку дивана, и вдруг беспредельная злоба (РВ)
^{40—41} по возможности не скрывать / по возможности правду говорить... по возможности не скрывать (РВ, 1867, 1870)

С. 300.

- ³ Губы Раскольникова задрожали. / Губы Раскольникова задрожали от злости. (РВ)
⁵ взявши за руку Раскольникова / взявшись за руку Раскольникова (РВ, 1867, 1870)
^{6—7} После: наблюдайте вашу болезнь — не предавайтесь мрачной меланхолии вашей, развлекайте себя. (РВ)

С. 301.

- ¹⁹ комиссия же с вами, / комиссия же с вами, батюшка, Родион Романыч! (РВ)
^{34—35} бабьи-добродушного / бабски-добродушного (РВ, 1867, 1870)
^{39—40} опять послушался приказания говорить тише / опять послушался (РВ)
⁴⁴ не подчиниться приказанию / не подчиниться этому приказанию Порфирия Петровича (РВ)

С. 303.

- ⁴ После: Ты их ждал! — Я, верно, раньше пришел... (РВ)
⁴ Ты рассчитал... / Ты рассчитывал... (1870)
⁵ Я готов! готов!.. / Я готов! (РВ)

С. 305.

- ² ответил Николай / отвечал Николай (РВ)
^{22—23} проговорил вдруг Раскольников / проговорил вдруг насмешливо Раскольников (РВ, 1867, 1870)
³⁶ там насчет всего / так насчет всего (РВ)

С. 306.

- ^{18—19} должность комическая / должность комическая-с (РВ)
²¹ повернувшийся было уйти / спешивший было уйти (РВ)
²⁶ разминать начнете / разминать начнете, да только с другого конца (РВ)
²⁸ Ну, так как же / Сбивать его начнете и путать... ну, так как же (РВ)
³² Как не заметить? / Ну, как не заметить? (РВ)

³⁹ до приятнейшего / ну-с, до приятнейшего (РВ)

С. 307.

⁶ опасность неминуемая / опасность была неминуемая (РВ)

¹⁴ и он мог выдать себя / и конечно, он мог выдать себя (РВ)

²⁵ После: Николая? — Окончательно, Раскольникову становилось всё яснее и ощутительнее, что тут нет положительных фактов. (РВ)

^{28—29} После: показал бы и то. — Стало быть, не было, если не показал! (РВ)

³⁶ После: закрыв руками лицо. — Не только думать, но даже и ощущать ясно и точно он был еще не в силах. (РВ)

^{41—42} радость: ему захотелось / радость. Ему хотелось (РВ)

С. 308.

⁴⁰ Лицо говорившего / Лица говорившего (РВ)

С. 309.

⁵ кроме психологии / кроме этой психологии (РВ)

³⁵ а донес я ему обо всем и говорил / а донес я ему обо всем. Много спрашивал. А я говорил (РВ)

⁴⁰ принес, и меня запер / принес, и запер меня (РВ)

С. 310.

⁸ После: вышел из комнаты. — Странная мысль, совершенно невольно, мелькнула в уме Раскольникова: «Что-то скажет этот же человек, когда узнает всю правду! Но по крайней мере фактов нет совершенно. И всё это было еще можно поправить. (РВ)

^{9—10} твердил Раскольников ~ вышел из комнаты / и более чем когда-нибудь он бодро вышел из комнаты (РВ)

С. 311.

²⁷ следовала неприятность за неприятностью / для Петра Петровича следовала неприятность за неприятностью (РВ)

С. 312.

¹⁸ Я думал / Правда, я думал (РВ)

²⁴ Не так бы легко мне теперь отказали! / Во-первых, всё бы ко мне же назад воротилось, в дом же пошло, потому пришлось же бы потом это же самое покупать, а во-вторых, не так бы легко мне теперь отказали! (РВ)

^{26—27} а возвращать-то / ну, а возвращать-то (РВ)

²⁹ После: Гм! — Вот что значит неуместная скаредность! (РВ)

^{33—34} в комнате Катерины Ивановны / в комнатке Катерины Ивановны (РВ)

С. 315.

¹¹ потому что-то уж слишком сбивается / потому что что-то уж слишком сбивается (РВ)

С. 317.

⁴⁰ После: подобного рода письма! — Я наизусть выучил... (РВ)

С. 318.

⁸ а вот что скажите-ка / а вы вот что скажите-ка (РВ, 1867, 1870)

С. 320.

¹⁶ А вы всё об этом, об этих проклятых «потребностях»! / А вы всё об этом! Вам бы всё только об этом, об этих проклятых «потребностях»! (РВ, 1867, 1870)

⁴⁰ припрятал деньги / попрятал деньги (РВ, 1867, 1870)

С. 321.

^{19—20} во время объяснения / во время объяснения-то (РВ)

²⁰ лучше / лучше-с (РВ)

^{33—34} интересного существа / интересного существа, как она (РВ, 1867, 1870)

С. 323.

^{5—6} торопясь поддакивала Соня / торопясь и как бы без особой мысли поддакивала Соня (РВ)

С. 325.

² как-то приглядываясь / изредка приглядываясь (РВ)

^{21—22} Андрей Семенович / Андрей Семеныч (РВ)

³⁷ После: сумела протестовать!» — Вот что я скажу жене моей! (РВ)

С. 328.

²³ и на кухню бы не пустили / и на кухню-то бы не пустили (РВ)

С. 329.

^{23—24} не в такой доле привыкла жить. Об этом непременно / не в такой доле привыкла жить, о чем, впрочем, непременно (РВ)

²⁷ что это было чрезвычайно глупо / что это было смешно и, во всяком случае, чрезвычайно глупо (РВ)

С. 330.

^{38—39} И что это она хочет показать своим чепчиком! / И что это она хочет показать своим чепчиком? (РВ, 1867, 1870)

^{40—41} покровительствует и мне честь делает, что присутствует. / покровительствует из милости и мне честь делает, что присутствует-

ет. Она поминутно повторяет, что она хозяйка, — это ее привычка. (РВ)

С. 331.

² я никогда не видала / я никогда не видала, и никто их не знает (РВ)

^{32—33} Что, Соня, где была? / Что, Соня, где ты была? (РВ)

С. 333.

³⁴ После: А впрочем, не надо! — Merci! (РВ)

^{34—35} Прощаю... / горе... всё прощаю... (РВ)

^{39—40} приглядывался к Соне / приглядывался к Соне и раза два обменялся с нею горькою улыбкой (РВ)

С. 334.

^{16—17} чтобы отвлечь / чтоб отвлечь (РВ)

С. 335.

^{16—17} из самого благородного / из самого благородного, дворянского (РВ)

^{41—42} заметив про самое себя / заметив про себя (РВ)

С. 336.

⁴² Амалия Ивановна покраснела / Амалия Ивановна вскочила, покраснела (РВ)

С. 337.

^{6—7} совсем отца не было / совсем никакого отца не было (РВ)

³⁸ отмахивался Петр Петрович / отмахивался несколько раз Петр Петрович (РВ)

С. 338.

⁵ в противоположный угол / в противоположный угол комнаты (РВ, 1867, 1870)

²⁵ я даже и рад при публике. / я даже и рад при публике: оно в известном смысле полезно. (РВ)

^{34—35} уверяю вас честным словом / уверяю вас честным словом моим (РВ)

^{43—44} пристально смотря на нее / пристально смотря на Соню (РВ)

С. 339.

¹⁰ После: Я это знаю-с. — Изложу вам дело, — пусть все услышат; таиться ведь нам нечего; так ли-с? Вслушайтесь же, мадемуазель, и поймите, сколь нелепо и сколь безвыгодно для вас заирательство! Говорю вам, так сказать, как бы говорил с вами сам ваш покойный отец (вы еще так молоды!). (РВ)

¹⁸ В эту минуту прибыли вы / В эту минуту вошли вы (РВ)

- ^{19—20} так что даже три раза / так что даже вы три раза (РВ)
²⁸ лотереи или подобного / лотереи или тому подобного (РВ, 1867, 1870)
³¹ не изгладилась ни малейшая черта / не изгладилась ни малейшая черта происшедшего (РВ)
^{33—34} и в видах первого вспоможения / в видах первого вспоможения (РВ, 1867, 1870)
⁴¹ Извольте же рассудить / Я тщательно пересчитал снова, — пересчитал деньги, уже отложенные прежде в бумажник, — осмотрел карманы, комнату, в столе, под столом, везде, — но билета не оказалось! Теперь извольте рассудить (РВ)

С. 340.

- ¹ Согласитесь сами / Комнату я осмотрел; согласитесь сами (РВ)
⁴ с ужасом / с ужасом, с отвращением (РВ)
⁹ После: некоторый для меня риск. — А потому и признаюсь откровенно, перед всеми, что несмотря даже на явную для меня очевидность, ни за что бы не рискнул вас обвинить, как теперь, прямо и гласно, и наверно оставил бы дело втуне, хотя бы только для того, чтоб избегнуть всех, сопричастных делу хлопот и беспокойств. (На это-то, вероятно, вы и надеялись; иначе, не могу объяснить.) (РВ)
¹⁵ После: нехорошо-с! — Очень даже не хорошо-с! Тем не менее, во всеуслышание повторяю еще раз, в третий и последний раз, что если вы, сей же час, возвратите билет, или только укажете, где бы он мог находиться, то наказание ограничится одним теперешним стыдом вашим! Я вас не буду преследовать и прошу-с! Согласен, что и это для вас тяжело, и понимаю-с; но что же делать! (РВ)
²¹ вот возьмите их / вот они, возьмите их (РВ, 1867, 1870)
^{28—29} После: сложив накрест руки — закусив нижнюю губу (РВ)
⁴³ как! / как! она? (РВ)

С. 341.

- ¹ она, как в тисках / она в иступлении, как в тисках (РВ)
^{1—2} иссохшими руками / иссохшими своими руками (РВ, 1867, 1870)
¹⁹ увидала она хозяйку / увидала она вдруг хозяйку (РВ, 1867, 1870)
²³ подле Родиона Романовича и села!.. / подле меня и села; все видели. Вот подле Родиона Романовича и села!.. (РВ, 1867, 1870)

С. 343.

- ⁵ Позора убоялись? / Позора убоялись? так ли-с? (РВ)
¹¹ теперешний стыд / сей теперешний стыд (РВ)
¹² оставлю втуне / оставляю втуне (РВ, 1867, 1870)
^{33—34} мои слова / мои слова-с (РВ)

С. 345.

⁹ «Забыл, вспомнил, забыл» / «Забыл, вспомнил, вспомнил, забыл» (РВ, 1867, 1870)

^{39—40} а тут вон какая история / а тут вот уж какая история (РВ, 1867, 1870)

С. 346.

⁶ все верили / все поверили (РВ)

^{18—19} О жалкий, подлый человек! / О жалкий, низкий обскурант, о подлый человек! (РВ)

²⁵ знает, в чем дело, и что дошло до развязки / знает что-то и что дело дошло до развязки (РВ)

^{32—33} Прошу всех, всех прислушать / Прошу всех прислушать (РВ)

³⁴ сватался недавно к одной девице, и именно к моей сестре / сватался недавно на одной девице, и именно на моей сестре (РВ)

^{37—38} Этот человек очень зол... / Этот человек очень зол и не прощает обиды. (РВ)

^{40—41} он был свидетелем того / он был свидетелем тому (РВ)

С. 347.

¹⁹ После: происходило вчера вечером. — Кажется, для него это было слишком неожиданно: он до того тщеславен, что понять не может, как может девушка отказать ему? или, например, как может мать не рассориться с своим сыном, если ему того захочется? (РВ)

С. 348.

^{19—21} Раскольников попросил было ~ не дали докончить: / Но Раскольников попросил опять внимания, кое-как стараясь утишить волнение. Наконец, непрерывно прерываемый и сбиваемый восклицаниями, произнес-таки еще несколько слов, которых контекст мы представляем:

— Я конечно удивляюсь, — сказал он, — как такой хитрый и ловкий, по-своему, человек рискнул на такое хлопотливое, неверное, по-видимому, дело? Но кроме того, что это можно объяснить его крайней злобой, — рассудив еще немного, вы все увидите, что тут ничего не было неверного и что его именно соблазнила чрезвычайная легкость исполнения. Так мне, по крайней мере, кажется. Например, тут есть один пункт чрезвычайно знаменательный. Заметили ль вы, Андрей Семенович, — впрочем я ко всем обращаюсь, — заметили ль вы, что сначала он немолимо грозил полицией, но потом, хотя и продолжал угрозы, но как-то смягчился, даже расчувствовался и несколько раз повторил, что хочет наказать одним позором. Ну вот этого-то одного ему и надо было, позору-то, оттого он так легко и рискнул! Доказать воровство судебным порядком, разумеется, было бы ему труднее; но опозорить домашним образом, — при много-

численных свидетелях вынуть из кармана деньги; заронить более чем сомнение, что Софья Семеновна воровка, — этого слишком легко было достигнуть: он не рисковал ничем, а получал значительные результаты. Даже выигрывал в общем мнении тем, что пожалел и простил. Вспомните еще, что он сказал давеча про «общественное положение Софьи Семеновны и сопричастные этому положению привычки». Каков наемк! Понимаете, в чем тут дело и какой именно при этом был у него расчет? Это с одной стороны. Теперь посмотрите с другой: человек с виду такой почтенный, солидный, деловой, в летах, капиталист — ну для чего бы, казалось, ему связываться, для чего заводить историю и клеветать на незнакомую почти девушку, которую он и по имени-то как зовут не знает: называет Софьей Ивановной (хотя наверно знает, что ее зовут Софьей Семеновной)?

— Знает! — крикнул Лебезятников, — он несколько раз назвал ее Софьей Семеновной давеча, у нас в комнате; я сам слышал!

— Тут непременно, — продолжал Раскольников, — надо было знать предыдущее, чтобы хоть что-нибудь понять, и если б не было, случайно, меня, чтоб объяснить это, и Андрея Семеновича, как свидетеля (тоже ведь совершенно случайного), то погибла бы Софья Семеновна!

— Подлец! мошенник! — раздавалось кругом.

— Не говорю уж о том, что этот человек никогда бы не решился дать бедному *ста* рублей и что он до того ненавидит Софью Семеновну со вчерашнего вечера, что уж ей-то бы ни за что не стал благодетельствовать! В одном только он тут несколько рискнул: Софья Семеновна могла доискаться этих денег у себя в кармане несколько раньше, чем он рассчитывал, и если б пошла его благодарить, то он, пожалуй, потерял бы свои сто рублей. Но этого очень могло и не случиться (как и в самом деле не случилось); да к тому же он взял меры и поскорей поспешил сюда. Да, наконец, и в самом крайнем случае он мог вернуться, мог сказать...

Но Раскольникову уже не дали докончить: (РВ)

С. 349.

¹⁶ бросилась вон из комнаты / бросилась вон из комнаты, рыдая и закрывая лицо руками (РВ)

С. 350.

¹⁴ Но, выстрадав столько утром / Но, кажется, подобная способность отвлечения, подобная беспокойная потребность сосредоточиться на стороне, на чем-нибудь *постороннем* и внешнем, именно и бывает в самой сильной степени у тех людей, у которых собственное внутреннее страдание дошло слишком уже до больной и невыносимой степени. В этом смысле бывает много

поразительных психологических примеров между преступниками, приговоренными к смерти и везомыми на казнь. Раскольников еще не был приговорен к смертной казни; но выстрадал столько утром (РВ)

С. 351.

³¹ в расчеты входило / в расчеты его входило (РВ)

³¹ упрятал вас в острог-то / упрятал вас сегодня в острог-то (РВ)

³⁴ рассеянно и в тревоге / и подперла голову рукой (РВ)

С. 352.

²⁵ И кто меня тут судьей поставил / И кто меня поставил судьей (РВ)

^{38—39} Это я про Лужина и Промысл / Это я про Лужина и про Промысл (РВ, 1867, 1870)

С. 353.

¹³ спросила Соня, ужасно оробевшая / робко спросила Соня (РВ)

^{16—17} и ждала / и тревожно ждала (РВ)

³⁰ непрерывную дрожь / непрерывную мелкую дрожь (РВ)

С. 354.

¹⁵ После: улыбаясь как ребенок. — Губы ее побелели. (РВ)

¹⁷ неотступно продолжая смотреть / как бы не сам собой и неотступно продолжая смотреть (РВ)

²² глядели друг на друга / глядели друг на друга в упор (РВ)

³⁷ с тем же испугом / с тем же детским испугом (РВ)

^{43—44} После: детскою улыбкой. — Но взгляд его, мгновениями, как бы застлался. Порой он даже не видал ее перед собою. (РВ)

С. 355.

⁷ После: смотреть в его лицо. — Зрачки ее расширились; всё лицо было точно в конвульсиях. (РВ)

²¹ но быстро воротилась / вдруг быстро воротилась (РВ)

²² После: прикасаясь к нему плечом к плечу — дрожа всем телом и боясь заговорить с ним, робко, но поминутно на него взглядывая и с усилием сдерживая в себе крики и слезы. (РВ)

^{25—26} проговорила она и, вскочив с колен / проговорила она, сложив руки и как бы с мольбой смотря на него, и вдруг вскочив с колен (РВ)

²⁷ сжала его руками / сжала его в объятия (РВ)

³¹ Себя ты не помнишь. / Себя ты не помнишь: у меня... руки в крови! (РВ)

³⁴ После: как в истерике. —

— Вчера я тебе за страдание твое поклонился, — тихо продолжал он, — а нынче ты... обнимаешь меня... Сравнялись. Вот ты мне вдруг ты стала говорить. Знаешь ли, что... я этому

рад... да, Соня, — бормотал он, сиюсья выразить беспорядочные свои ощущения. (РВ)

38—39 говорил он, чуть не с надеждой смотря на нее / проговорил он, с бесконечною любовью смотря на нее (РВ)

С. 356.

³ После: вместе пойду! — Тебя сошлют, и я пойду... с тобой... в каторгу! (РВ)

⁴ прежняя / и прежняя (РВ)

¹⁶ Да что это! / И зачем?.. что это! (РВ)

²⁰ как бы с досадой / как бы с какою-то страшною досадой (РВ)

²² После: был голоден! — тебе есть нечего было? (РВ)

³¹ После: вскрикнула она вдруг — вся испуганная (РВ)

С. 357.

⁴ Соня из всех сил слушала / Соня слушала, из всех сил слушала (РВ)

²⁵ Соня опять хотела ~ но промолчала. / Соня хотела было что-то сказать, но промолчала. Слезы рвались из ее сердца и ломили душу. (РВ)

^{26—27} одна ты у меня и осталась. / одному мне нельзя, — прибавил он отрывочно и загадочно. (РВ)

^{32—33} сам не понимал куда. За одним и звал, за одним приходил / сам еще не понимал куда. За одним и звал, за одним и приходил (РВ, 1867, 1870)

³⁵ Она стиснула ему руку. / — Нет, — прошептала она, стиснув его руку. (РВ); Она стиснула его руку. (1867, 1870)

С. 358.

⁷ а я начать не умею / а что я скажу тебе? Разве это можно рассказать? я и начать не умею (РВ)

^{11—12} это хорошо, что пришел! ~ Гораздо лучше! / это хорошо, что пришел! Это лучше, лучше!.. — восклицала Соня, стараясь его успокоить, складывая руки, упрашивая, ободряя его, и сама навивно пугаясь, что он уйдет от нее: — лучше, чтоб я знала! гораздо лучше! и... и разве ты мог не прийти? — прибавила она, вдруг как бы озаренная. (РВ)

²¹ Фразы: Он замолчал и долго обдумывал. — нет. (РВ)

^{23—24} и не было бы у него / и не было б у него (РВ)

С. 359.

³ Ты опять права / Ты права (РВ)

⁸ После: принужден был выйти — (ну, как дальше-то... да!) (РВ)

¹⁴ После: и хуже случиться!.. — Ну, да положим это всё ничего, зато мне хорошо. Только, вот, видишь ли, полно, хорошо ли? Скажи, пожалуйста, на кой черт ушли бы все эти мои двена-

дцать лет трудов, нищеты, пожалуй, может быть, и подличанья?
Да и кроме того, — разве не подлость то, что, может быть, я
вовсе не для этого рожден, а вот всем пренебрег, надеждами и
способностями, и местечку обрадовался? (РВ)

С. 360.

² И странно он так говорил / И странно так он говорил (РВ)

⁶ внезапный поворот мыслей / внезапный новый поворот мыслей
(РВ, 1867, 1870)

³³ все станут умными / все станут умными, или добрыми (РВ)

³⁵ не стоит тратить / не стоит терять (РВ, 1867, 1870)

С. 361.

⁵⁻⁶ У меня тогда / Ох, помню, лежал я один раз, ночью, в темноте,
помню, еще жарко и душно было, у меня лихорадка была, и ме-
сяц в окно светил. И вдруг я ужасно захохотал... Так захохотал,
что целую минуту себя удержать не мог от одной мысли! Вдруг
у меня тогда (РВ)

¹⁰⁻¹¹ Я... я захотел осмелиться / Что всё это один только вздор и
мираж, один только призрак, и что стоит только осмелиться и
можно полземли перевернуть. Можно! можно! Я... я и захотел
осмелиться (РВ)

¹⁴⁻¹⁵ От Бога вы отошли ~ дьяволу предал!.. / О богохульник!
Боже, что он говорит! От Бога вы отошли, и глухотой и немотой
вас Бог поразил, дьяволу предал!.. (РВ)

¹⁹ О, Господи! / О, Господи! что я скажу ему! (РВ)

²⁰ Слов: я совсем не смеюсь — нет. (РВ)

²² Перед: Я всё знаю. — Ничему, ничему ты не можешь меня нау-
чить новому, ни единого возражения не скажешь мне неизвест-
ного! (РВ)

²⁵ надоела мне тогда / надоела мне (РВ)

²⁶⁻²⁷ неужели ты думаешь / неужель ты думаешь (РВ)

³⁵ ясно чувствовал / ясно почувствовал (РВ)

³⁸⁻³⁹ Я лгать не хотел в этом даже себе! / Я лгать не хотел никому,
даже себе! (РВ)

⁴⁰ После: вздор! — Это всё были смешные бредни, когда я лежал
у себя в темноте. Я стряхнул их с плеч. Я не захотел уговарива-
ться сам с собой и за позор почел. (РВ)

С. 362.

⁶ и поскорей узнать / и наверно узнать (РВ)

¹⁷ Насмеялся он надо мной / Насмеялся он надо мной, Соня (РВ)

⁴¹ Тогда Бог опять тебе жизни пошлет. / Тогда Бог опять тебе
жизни пошлет и воскресит тебя. Воскресил же чудом Лазаря, и
тебя воскресит. (РВ)

С. 363.

- ⁴ *После:* вот что надо. —
— И это ты любя меня говоришь?
— Да, да, любя, любя говорю. (РВ)
- ⁵ Нет! Не пойду я к ним / Не пойду я к ним (РВ)
- ⁷ *После:* восклицала Соня — ну как, как ты теперь полюбишь, как женишься, как будешь детей своих ласкать? (РВ)
- ⁹ *После:* что теперь будет!) — Ну, ты ей помощь принесешь, а ведь твои руки в крови, и деньги твои будут в крови. (РВ)
- ^{10–12} О Господи! ~ теперь будет! / Значит, сам понимаешь, что нельзя... О, Господи! — вскрикнула она и всплеснула руками, вся волнуясь и мучась: — ведь он уже знает, ведь он уже это всё знает сам, ох, я несчастная! Милый! милый! — бросилась она к нему: — ну, пришел ли бы ты ко мне, если бы можно было одному с кровью жить? Вот уж и понадобился тебе человек, а как же без человека-то прожить. Милый! я любить тебя буду... Милый! воскресни! Поди, покайся, скажи им... Я тебя во веки веков буду любить, тебя, несчастного! Мы вместе... вместе... вместе и воскреснем... И Бог благословит... Пойдешь? пойдешь?
Рыдания остановили ее испуганную речь. Она обхватила его и как бы замерла в этом объятии, себя не помнила. (РВ)
- ²¹ Не пойду. / Не пойду, Соня. (РВ)
- ³⁶ *После:* испугалась? — Да... правда, это не то... ошибся... (РВ)

С. 364.

- ¹⁸ уж лучше не ходи / лучше не ходи (РВ)
- ¹⁹ *После:* в остроге сидеть. — Я, может, еще возненавижу тебя... за то, что тебя страдать заставил. Я зол, Соня. (РВ)
- ²⁰ *После:* она плакала — рука его была в ее руке, и она тихо пожимала ее. (РВ)
- ²⁴ *После:* ведь нет? — Я знаю, подхватила она, не дожидаясь ответа. (РВ)
- ^{28–29} Вместе ведь страдать ~ понесем!.. / Я носила! Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!.. — И она опять зарыдала. (РВ)
- ^{30–31} *После:* ее огорчить. — Заметил он тоже и два раза повторенное: «ведь мой! ведь мой!» «Как верит она в мою любовь!» — подумал он. (РВ)
- ³⁶ *После:* и пойдем — вместе! да! да!.. Лизавета! Лизавета! — горько вскричала она, смотря на ее крест и вдруг вспомнив о ней: — Молись об ней, молись! Она простит, простит, я знаю... А знаешь ее любимую поговорку: «не пострадаешь, так и не порадуешься». О, что, что ты над собой сделал! (РВ)

С. 365.

- ¹⁶ *После:* из-за стола. — По крайней мере, так кажется. (РВ)

С. 366.

- ² После: Это ясно. — По крайней мере, так кажется. (РВ)
^{3—4} ответил Раскольников / пробормотал Раскольников (РВ)
^{34—35} сделал ее несчастнее / сделал ее еще несчастнее (РВ)

С. 367.

- ^{16—17} такое великое горе / какое великое горе (РВ)
^{34—35} разве мы в самом деле навеки расстаемся / разве мы навеки расстаемся (РВ)
⁴¹ и даже сказать / и даже сказать ей (РВ, 1867, 1870)

С. 368.

- ³⁶ После: в полицию возьмут. — По крайней мере, так кажется. (РВ)

С. 369.

- ⁵ страдальнее / страдательнее (РВ)
³⁵ воткнул обломок / воткнул был обломок (РВ)

С. 370.

- ^{15—16} место потеряет / места лишится (РВ)
²⁵ И она, сама чуть не плача / И она, ломая руки и сама плача как маленькая (РВ)
³² тотчас после смеху / тотчас же после смеху (РВ, 1867, 1870)
⁴² чего этот болван смеется / чего вот этот болван смеется (РВ, 1867, 1870)

С. 371.

- ^{11—12} надо сговориться / надо сговориться, растолковать, научить (РВ)
¹⁶ более благородное / более необыкновенное и благородное (РВ)
²⁰ После: учила же — о, непонятливые дети! (РВ)
^{23—24} совершенно детская песенка / совершенно детская, совершенно детская песенка (РВ, 1867, 1870)
^{30—31} и подхлопывать / и подхлопывать в ладошки (РВ)

С. 372.

- ³⁵ ну тебе-то какое дело / ну какое тебе дело (РВ)
⁴⁴ После: дозволение! — Чем я их накормлю? (РВ)

С. 374.

- ²⁶ спросила она слабым голосом / спросила она тревожно слабым голосом (РВ)
³³ Иссосали мы тебя / Иссосали мы тебя всю (РВ)
⁴⁴ клокотало в горле / клокотало в ее горле (РВ)

С. 375.

¹⁷ После: как же? — чуть не плача повторяла она (РВ)

²⁹ перед собой / пред собой (РВ)

³⁰ и ты здесь? / ты здесь! О... ребенок!

Рука Сони была в ее руке. Она так и прильнула к ней губами. (РВ)

³² Прощай, горемыка!.. / Прощай, моя горемыка! (РВ)

С. 376.

¹⁶ Он отошел к окну. / Раскольников с мучением смотрел на Сонию. Но странно, что-то как будто подтолкнуло его вдруг, почти чрез силу, на непонятную в его настроении и безобразную жестокость. Он подошел, и нагнувшись к Соне, шепнул ей на ухо:

— Ну что? кому жить? ей или Лужину?

И, не дождавшись ответа, отошел к окну. (РВ)

¹⁷ После: — сказал Лебезятников. —

— По крайней мере так кажется, — ответил Раскольников. (РВ)

^{41—43} Раскольников побледнел ~ выражения, сказанные Соне. / Раскольников побледнел и похолодел. (РВ)

С. 380.

^{8—9} и слова мне не сказала / и ни слова мне не сказала (РВ, 1867, 1870)

^{14—15} Этот короткий жест / Этот короткий дружеский жест (РВ, 1867, 1870)

²⁰ Если б возможно было / Если бы возможно было (РВ)

³⁷ было что-то, требующее / было что-то другое, что-то требующее (РВ)

С. 382.

⁴¹ Встала и говорит / Встала наконец и говорит (РВ)

⁴³ у порога стоять / у порога его стоять (РВ)

С. 382—383.

^{44—1} Вижу, говорит, для своей / Вижу, говорит, что для своей (РВ)

С. 384.

⁴ то пусть / то уж пусть (РВ, 1867, 1870)

С. 385.

¹ нарочно устроил, именно для отводу / нарочно устроил и именно для отводу (РВ, 1867, 1870)

^{5—6} нечему особенно удивляться / и нечему особенно удивляться (РВ, 1867, 1870)

⁴³ После: От кого это письмо? — И что это за джентльмен с белокурою бородой?.. (РВ)

С. 386.

^{23—24} после того, что между ними / после того-то, что между ними (РВ, 1867, 1870)

³⁵ прошла тогда не даром / прошла, значит, тогда не даром (РВ, 1867, 1870)

³⁸ Ведь он непременно / Нет, он непременно (РВ, 1867, 1870)

С. 387.

^{9—10} Раскольников остолбенел на одну минуту. / Раскольников остолбенел на минуту, но только на одну минуту. (РВ, 1867, 1870)

^{20—21} усаживал гостя Раскольников / усаживал Раскольников (РВ, 1867, 1870)

²² сам на себя подивился / сам бы на себя подивился (РВ, 1867, 1870)

^{27—28} закуривать папироску / закуривать папиросу (РВ)

С. 388.

⁴ тогдашнее чувство / чувство тогдашней ненависти (РВ)

^{35—36} немного откинув голову / немного отвернув голову (РВ, 1867, 1870)

С. 390.

^{13—14} с одной совершенно случайной случайности / с одной стороны и совершенно случайной случайности (РВ)

²⁴ После: сцену осилил — по моим настояниям, то есть, а то бы он и совсем пропустил ее мимо (РВ)

С. 391.

² Статейку вашу я прочел / Статейку вашу я тогда прочел (РВ, 1867, 1870)

⁷ Я тогда только заметил. / Я тогда только заметил и жду-с. (РВ)

^{20—21} коль виноват / как виноват (РВ)

С. 392.

⁴ что это я / что ж это я (РВ)

⁶ После: натуральнее выйдет. — Сам ведь себе признаюсь, что натуральнее выйдет. (РВ, 1867, 1870)

С. 393.

^{12—13} Рвение имел, по ночам Богу молился / Рвение имел по ночам Богу молиться (РВ)

С. 394.

⁷ как с горы упал / как с горы точно упал (РВ)

³¹ После: по всему его лицу — и верхняя губа задрожала мелкою нервною дрожью. (РВ)

С. 395.

- ²⁹ сам вот я пришел / сам вот пришел (РВ)
^{42—43} Ну что, если и сами вы / Ну что, — ну что, если и сами вы (РВ)

С. 396.

- ² я и тогда ведь нашел-с / я тогда ведь нашел-с (РВ)
²² совсем неожиданная / совсем никому неожиданная (РВ)

С. 397.

- ² да сами того не знаете / да и сами того не знаете (РВ, 1867, 1870)
²⁵ слова мои / все слова мои (РВ, 1867, 1870)

С. 398.

- ²⁹ помяните мое слово / помянете мое слово (РВ, 1867, 1870)
^{32—33} на слово теперь не верите / на слово не верите (РВ)
³⁹ Прогуляться собираетесь? / Прогуляться собираетесь? (РВ, 1867, 1870)

С. 399.

- ¹⁴ две только строчечки / две только строчки (РВ)
¹⁵ Ну-с, до свидания... / Ну-с, прощайте... (РВ)
²¹ вышел и сам из комнаты / вышел сам из комнаты (РВ)

С. 400.

- ⁹ О, как ему всё это надоело! / О, как надоело всё это Расколь-
никову! (РВ)
^{41—42} в мрачную ярость / в холодную, мрачную ярость (РВ)

С. 402.

- ¹ маленькой задней комнате / маленькой, задней комнатке (РВ)
² к большой зале / к большой пятиконной зале (РВ)
⁹ в тирольской шляпке / в тирольской шляпе (РВ, 1867, 1870)
²⁶ потащился и мальчишка / последовал и мальчишка (РВ)
^{30—31} в этой комнате / в этой комнатке (РВ, 1867, 1870)

С. 403.

- ⁴ Да и этого ведь довольно. / Да... а этого ведь довольно. (РВ)
³⁷ останавливается среди дороги надолго / останавливается среди
дороги и надолго (РВ, 1867, 1870)

С. 404.

- ^{13—14} подпер пальцами / подпер тремя пальцами (РВ)
³¹ свое прежнее намерение / ваше прежнее намерение (РВ, 1867, 1870)

С. 405.

^{16–17} пошли ко мне теперь / пришли ко мне теперь (РВ, 1867, 1870)

С. 406.

⁴ Вы, кажется, игрок? / Ну, вот, вы, стало быть, игрок? (РВ)

⁷ Да, был шулером. / Да, был и шулером. (РВ, 1867, 1870)

²⁶ Дался им разврат. / Дался вам разврат. (РВ, 1867, 1870)

^{34–35} переходящее через меру / происходящее через меру (РВ)

³⁸ но что же делать? / но ведь что же делать? (РВ, 1867, 1870)

С. 407.

^{5–6} приходят продолжают? / приходит продолжает? (РВ)

¹⁵ а мерзость всей этой обстановки / а мерзость, мерзость всей этой обстановки (РВ, 1867, 1870)

С. 410.

² После: были тоже чему-то причиной — прибавил Раскольников. (РВ)

^{6–7} Слов: раздражался всё более и более Раскольников — нет. (РВ)

С. 411.

⁸ Заметьте себе, я вам сообщаю / Заметьте себе, что я вам сообщаю (РВ)

С. 413.

^{28–29} известен только им двум / может быть, известен только им двум (РВ)

С. 414.

¹⁰ у меня уж есть невеста / у меня уж есть и невеста (РВ, 1867, 1870)

²³ она мне всё это состряпала / она мне всё это и состряпала (РВ, 1867, 1870)

С. 415

¹⁰ вспыхивает, как заря / вспыхивает, как заря, разумеется (РВ)

²² вот какой величины / вот такой величины (РВ)

³⁰ употребит всю жизнь / употребит всю свою жизнь (РВ, 1867, 1870)

^{32–33} и более мне, — говорит, «ничего, ничего не надо / и больше мне, говорит, — «ничего, ничего, ничего не надо (РВ, 1867, 1870)

³³ Согласитесь сами / Согласитесь сами, cher ami (РВ)

С. 417.

¹⁹ о таких похождениях / о своих похождениях (РВ)

С. 420.

^{10—11} извольте видеть / изволите видеть (РВ, 1867, 1870)
¹⁹ Свидригайлов сидел уже / Свидригайлов уже сидел (РВ)

С. 421.

³ чтоб Раскольников не увидал его / чтобы Раскольников не увидал его (РВ, 1867, 1870)

С. 423.

^{8—9} Ей хотелось спросить / Ей хотелось было спросить (РВ, 1867, 1870)

С. 424.

²⁸ Какие же... причины! / Какие же, какие причины! (РВ)
³² Единственное зло и сто добрых дел! / Единичное зло и сто добрых дел! (РВ, 1867, 1870)
³³ Оно тоже, конечно / Оно, конечно (РВ)

С. 425.

¹¹ После: не гениальный. — Он бесится теперь, что вышло не так, что вышло как будто бы подражание. (РВ)
^{40—41} проговорила слабым голосом / сказала, запыхавшись (РВ)

С. 427.

^{38—39} Так что, если даже и братом / Это во всяком случае подозрительно. Вы далеко совершеннолетняя и свой собственный рассудок имеете, так что, если даже и братом (РВ)

С. 428.

⁵ Подумайте об этом; судьба вашего брата / Подумайте об этом и знайте, что судьба вашего брата (РВ)
^{32—33} Это непременно ты... / Это ты... Это непременно ты... (РВ, 1867, 1870)

С. 430.

^{32—33} осталось еще два заряда / оставалось еще два заряда (РВ, 1867, 1870)

С. 431.

^{9—10} стояли несколько зеленых столиков и стульев / стояло несколько зеленых столиков и стульев (РВ)
^{14—15} уже с четверть часа / уже с полчаса (РВ)

С. 432.

²⁵ У Родиона Романовича / У Родиона Романыча (РВ, 1867, 1870)

С. 433.

^{40—41} пожелал видеть невесту / пожелал видеть поскорее невесту
(РВ, 1867, 1870)

С. 434.

⁷ Даже необходимые оханья / Даже самые необходимые оханья
(РВ, 1867, 1870)

^{33—34} и немного грустная / и даже немного грустная (РВ)

С. 436.

^{29—30} После: прицепиться воображением — словно он ощущал внутри
себя бессознательно скрытую, таинственную тревогу. (РВ)

³⁴ Тут вспомнил / Тут он вспомнил (РВ, 1867, 1870)

С. 437.

⁴² он сбросил подушку / он сбросил подушки (РВ)

С. 438.

⁷ После: не зажигал. — Из соседней комнаты слышался густой
храп. (РВ)

¹² наклонность и желание / наклонность и желания (РВ)

^{13—14} прелестный пейзаж / прелестный цветущий пейзаж (РВ, 1867,
1870)

¹⁶ клумбами цветов / клумбами пестрых цветов (РВ)

¹⁸ грядами роз / грядами роз в фарфоровых банках (РВ)

С. 439.

²⁰ всплывут подвальные крысы / всплывут крысы (РВ)

^{22—23} После: где-то близко — должно быть, в самой гостинице (РВ)

²⁵ пойду прямо на Петровский / пойду прямо по грязному, дере-
вянному тротуару на Петровский (РВ)

С. 440.

^{23—24} поскорее уйти отсюда / поскорей уйти отсюда (РВ, 1867, 1870)

²⁵ вернулся еще раз посмотреть / вернулся, еще раз посмотрел
(РВ)

С. 441.

^{39—40} Он поглядел / Он остановился, поглядел (РВ)

С. 442.

⁵ которая так кисло отпечаталась / кисло отпечатавшаяся (РВ)

²⁹ Свидригайлов спустил курок. / Свидригайлов спустил курок...
(РВ, 1867, 1870)

³⁶ и как бы колеблясь / и колеблясь (РВ)

С. 443.

²⁷ После: разгадка вещей! — Ученые всегда такие. (РВ, 1867, 1870)

С. 444.

² И ведь Дунечка тоже / И ведь Дунечка, Дунечка тоже (РВ, 1867, 1870)

С. 445.

¹⁴ Давно я уже предвижу / Давно уж я предвижу (РВ); Давно я уж предвижу (1867, 1870)

³⁸ упал перед нею / упал пред нею (РВ, 1867, 1870)

С. 446.

¹ и обнимал и целовал меня / обнимал и целовал меня (РВ, 1867, 1870)

⁹ пришел час роковой / пришел теперь час роковой (РВ)

С. 447.

³⁰ Слов: сказал он, забегая наперед. — нет. (РВ)

⁴¹ Поздно, пора. / Поздно, — сказал он, — пора. (РВ)

С. 448.

⁷ Слов: в каком-то внезапном бешенстве — нет. (РВ)

¹² После: преступление!» — Я только удивляюсь теперь, как мог я в эти дни предполагать, что не прожить мне теперь всю жизнь с этою тайной и что мне жить на свете нельзя по-прежнему. (РВ)

^{12–13} нелепость моего малодушия / нелепость всего этого малодушия (РВ)

¹⁵ предлагал этот... Порфирий / предлагал... этот... Порфирий (РВ, 1867, 1870)

^{35–36} А! не та форма ~ решительно не понимаю / А! договорились: не та форма, вот в чем всё и дело! — подхватил он, горько смеясь. — Пожалуй, не так эстетически хорошая форма, хотя решительно не понимаю (РВ)

⁴² бледное, изнуренное лицо / бледное лицо (РВ)

С. 449.

^{1–2} Он почувствовал, что все-таки сделал несчастными / Он почувствовал, что не стоит такой любви и все-таки сделал несчастными (РВ)

^{4–5} (хоть меня и нельзя простить, если я виновен) / хоть меня и нельзя простить, если я виновен (РВ)

¹⁴ Слов: я еще докажу — нет. (РВ)

^{32–33} Слов: опять возвращаясь к тоске своей — нет. (РВ)

⁴² но, отойдя шагов пятьдесят, обернулась / не утерпев, чтобы, отойдя шагов пятьдесят, не обернуться (РВ)

С. 450.

- 6–7 *После: Не было бы всего этого!* — Я не просил, я не требую их любви. Ведь я признаю, раз навсегда, что я недостоин любви, ну, и довольно! (РВ)
- 8–9 что я с благоговением буду хныкать / что уже не будет более никогда во мне таких жестов и я с благоговением буду хныкать (РВ)
- 16 Он глубоко задумался о том: / Он глубоко задумался; он серьезно спрашивал себя: (РВ)

С. 451.

- 12 у Раскольниковых две дороги / у него две дороги (РВ)
- 22 *После: побледнела* — закрылась руками и опустилась на постель, точно ноги у нее подкосились (РВ)
- 26 Соня в изумлении смотрела / Соня быстро приподнялась и в изумлении смотрела (РВ)
- 36–37 будут указывать пальцами / указывать пальцами (РВ)
- 43–44 где кресты? / где же кресты? (РВ, 1867, 1870)

С. 452.

- 3–4 *Слов: мысли его перескакивали одна через другую, он заговаривался; нст.* (РВ)
- 24 *После: как мать или Дуня?* — Неужели я взаправду тогда угадал, что она *полюбила* меня, — эта сердобольная идиотка? Хе! хе! И в какое время! О, Господи! А впрочем, бывают такие, у которых всё так ни на что не похоже выходит; да и в лицо только стоит ей посмотреть... (РВ)
- 26 помолись хоть раз / помолись хоть раз, выходя (РВ)

С. 453.

- 1 опять-таки подумал он / думал он (РВ)
- 2–3 неужели нельзя ~ не ходить?» / так ли я решился? Зачем? Не новую ли глупость я опять начинаю? Зачем я иду? Неужели нельзя еще остановиться и опять всё переправить... и не ходить? Конечно, многое испорчено, но... (РВ)
- 13 Экая надобность! / Эка надобность! (РВ, 1867, 1870)
- 18 Надо было хоть обо что-нибудь зацепиться / Даже и не этого; просто надо было хоть обо что-нибудь зацепиться (РВ)
- 19 И я смел / И я смел после этого (РВ)
- 25–26 сосредоточить внимания / сосредоточить своего внимания (РВ)
- 29 Вот эта вывеска / Или: вот эта вывеска (РВ)
- 34 *Слов: все эти мои теперешние... заботы!* — нст. (РВ)
- 36 я ребенком делаюсь / но, я ребенком делаюсь (РВ)

С. 454.

³² После: мещан. —

— Ишь ведь, весь в грязи, как свинья, извалялся! (РВ)

С. 456.

²⁰ не куплю-с / не куплю (РВ)

С. 459.

³ на его устах / на его губах (РВ, 1867, 1870)

⁵⁻⁶ Перед ним / Пред ним (РВ, 1867, 1870)

С. 460.

²⁸ собственно им похищенных / им похищенных (РВ)

С. 461.

¹¹ После: мономании убийства и грабежа — собственно для убийства и грабежа (РВ)

²¹ почти не пробовал / почти и не пробовал (РВ)

С. 462.

⁶ подозрений почти не имелось / подозрений не имелось (РВ)

С. 463.

³⁰ После: состоянии рассудка. — О своем Роде она, конечно, не могла не говорить и говорила непрерывно. (РВ)

⁴⁰ подозревает что-то ужасное / почти подозревает истину (РВ)

С. 464.

⁸ виделся с ним в тюрьме / виделся с ним в тюрьме постоянно (РВ)

С. 465.

² Родя / Родион Романыч (РВ)

²¹ надо ожидать его / надо будет ожидать его (РВ, 1867, 1870)

²⁵⁻²⁶ После тревожного дня / Однажды, после тревожного дня (РВ)

²⁶⁻²⁷ в радостных грезах и слезах / в радостных грезах и в слезах (РВ, 1867, 1870)

²⁸ Через две недели / Через три недели (РВ)

³²⁻³³ хотя корреспонденция с Петербургом установилась / хотя корреспонденция с Петербургом и была установлена (РВ)

³⁴ чрез Соню / через Соню (РВ, 1867, 1870)

С. 466.

⁵ что поручил ей / что поручал ей (РВ, 1867, 1870)

¹⁴ спрашивает иногда о матери / спрашивает только о матери (РВ)

С. 467.

⁶ некоторые знакомства и покровительства / некоторые знакомства и покровительство (РВ, 1867, 1870)

С. 470.

⁴⁻⁵ Он ходил в церковь молиться вместе с другими. / Он ходил в церковь и молился вместе с другими. (РВ, 1867, 1870)
¹⁷⁻¹⁸ встречали они ее редко / встречали они ее слишком редко (РВ)
³⁰ идущих на работы / идущих на работы, на улице (РВ)
⁴⁰ припомнил свои сны / припомнил раз один свой сон (РВ)
⁴¹ Ему грезились в болезни / Ему грезились (РВ)

С. 471.

⁵⁻⁶ как считали зараженные / как считали эти зараженные (РВ, 1867, 1870)
¹⁰ в нем в одном и заключается истина / в нем одном заключается истина (РВ, 1867, 1870)
¹² Слов: не могли согласиться — нет. (РВ)
³⁴ впечатление этих горячешных грез / впечатление этого сна (РВ)

С. 472.

² пронзило в ту минуту его сердце / пронзило в ту минуту Раскольникова (РВ)
²⁷ самое время остановилось / само время остановилось (РВ, 1867, 1870)

С. 473.

²⁸ бедное, худенькое личико / бледное, худенькое личико (1870)
³²⁻³³ Слов: в первом порыве — нет. (РВ)

С. 474.

⁹ была до того счастлива / была до того счастлива и до того неожиданно счастлива (РВ, 1867, 1870)
¹¹ Слов: в иные мгновения — нет. (РВ)
¹³⁻¹⁴ надо еще дорого купить / надо дорого купить (РВ)

ПРИМЕЧАНИЯ

В седьмой том второго издания Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского вошли все относящиеся к напечатанному в шестом томе роману «Преступление и наказание» предварительные наброски и материалы, в публикацию которых здесь внесены существенные изменения в отличие от их текста в *Акад. ПСС*. Набросок «Пьяненькие», напечатанный в первом издании в подстрочном примечании к первой (краткой) редакции романа (см.: *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 5), выделен как самостоятельный замысел и снабжен соответствующим комментарием;¹ в том же качестве помещены в раздел «Наброски 1864—1867» два начинающихся одинаковыми словами («Страстные и бурные порывы...») фрагмента, включенные в *Акад. ПСС* в подготовительные материалы к третьей редакции «Преступления и наказания». В рукописных текстах исправлены неверно прочитанные слова и фразы, значительно подробнее представлены варианты, возникшие по ходу работы и при ретроспективной правке, учтено большинство сопутствующих каллиграфических записей, которые могли быть связаны так или иначе с творческой мыслью автора, полнее воспроизводится графическое оформление рукописей (см. ниже, с. 758), черновой автограф третьей редакции, опубликованный в первом издании в виде вариантов в одном ряду с вариантами белового автографа (см.: *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 215—263), дан развернутым текстом, а варианты белового автографа составили самостоятельный раздел, несколько фрагментов перенесены в другие места, в том числе некоторые в другие разделы.²

---

¹ Тем самым учтено замечание контрольного рецензента первого издания Е. И. Кийко, отметившей в своем заключении от 3 декабря 1969 г.: «Необходимо также найти соответствующее место для неосуществленного замысла „Пьяненькие“, который был поглощен романом „Преступление и наказание“. Этому замыслу не уделено достаточное внимание и в части комментария, где излагается творческая история романа» (Архив Группы по изданию Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского).

² Изменения сделаны на основе собственных наблюдений и выводов сотрудников тома и с учетом опубликованных материалов и предложений

В комментариях изложена творческая история романа, охарактеризована обстановка, в которой он создавался, освещены этапы истории его восприятия русскими читателями, критикой и литературой, его первые и основные последующие переводы на иностранные языки, театральные и другие инсценировки в дореволюционной и постсоветской России, СССР и за рубежом, объяснены требующие этого реалии, находящиеся в основном тексте романа и предшествующих ему рукописных материалах. Вступительная статья к комментариям дополнена двумя отсутствующими в первом издании разделами (§ 11 и 12).¹

Электронные ресурсы, на которые имеются ссылки в примечаниях, посещены в мае—июне 2017 г.

В первом издании рукописный материал к роману подготовила Л. Д. Опульская, в его оформлении принимала участие Г. В. Степанова. Ряд уточнений к тексту публикации рукописных материалов, хранящихся в РГБ, был сообщен В. С. Нечаевой. Г. Ф. Коган и Л. Д. Опульской была выполнена подготовка вариантов прижизненных изданий.

Комментарий к «Преступлению и наказанию» составили: Л. Д. Опульская (§ 1—6, 10), Г. М. Фридендер (§ 7, с включением отдельных материалов, подготовленных Г. Ф. Коган для реального комментария; § 8, 9 и несколько вставок в другие разделы), А. Л. Григорьев (§ 11) и Г. Ф. Коган (реальный комментарий к роману и к его рукописным редакциям); несколько уточнений к реальному комментарию, касающихся топографии Петербурга 1860-х годов, сообщены А. С. Бурмистровым. Редакция комментария после кончины В. В. Виноградова была завершена Г. М. Фридендером.

В редакционно-технической подготовке рукописи тома к печати участвовали Г. В. Степанова и Е. М. Хмелевская. Редактор тома — В. В. Виноградов.

Во втором издании тексты подготовили: С. В. Березкина (рукописные материалы к роману, варианты белого автографа и наборной рукописи, набросок «Пьяненькие»), И. А. Кравчук (варианты прижизненных изданий, при участии О. И. Рославцевой), В. Д. Рак (черновой автограф третьей редакции, варианты белого автографа); текстологическое рецензирование подготовленных рукописных материалов осуществила Н. А. Тарасова.

Комментарии обновили, дополнили и исправили: С. В. Березкина (комментарий к наброску «Пьяненькие», вступительная статья § 1—9, статья «Рукописные редакции», реальный (построчный) коммента-

---

этого рода в работах: Тихомиров, 1996; Тихомиров, 2000; Тихомиров, 2005; Тихомиров, 2010б; Заваркина М. В., Панюкова Т. В. Исправление ошибок чтения в записной тетради Ф. М. Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5) // Неизвестный Достоевский. 2015. № 3. С. 22—42 ([URL www.unknown-dostoevsky.ru](http://www.unknown-dostoevsky.ru)).

¹ В первом издании § 11 имел другое содержание, соответствующее § 13 настоящего издания.

рий к основному тексту романа и рукописным материалам), В. Д. Рак (статья § 10), Н. А. Тарасова (комментарий к наброскам «Страстные и бурные порывы...», статья § 11), С. А. Кибальник (статья § 12 и § 13—14 с выборочным использованием материалов, предоставленных И. А. Кравчуком).

В публикации и комментировании сопутствующих каллиграфических записей и портретных рисунков принимал участие К. А. Баршт.

Иное в основном тексте «Преступления и наказания» в настоящем издании (т. 6), чем в его источнике и других прижизненных изданиях, употребление прописных и строчных букв в названиях, связанных с религией, отражено в разделе «Варианты прижизненных изданий».

Ссылки на вышедшие (1—6) и настоящий (7) тома второго издания приводятся в краткой форме, например: 4, 278 (что значит: *наст. изд., т. 4, с. 278*); 7, 253 (*наст. т., с. 253*).

Редакционно-техническую подготовку тома к печати осуществила Н. И. Коваленко. Редактор тома — В. Д. Рак. Контрольный рецензент — И. Д. Якубович.

НАБРОСКИ 1864—1867

ПЬЯНЕНЬКИЕ

(С. 5)

Печатается по черновому автографу: *РГБ. Ф. 93. I. 2. 7. С. 111*. См.: *Описание. С. 123*.

Впервые напечатано: Там же.

В собрание сочинений впервые включено: *Акад. ПСС. Т. 7. С. 5* (в примеч. к тексту первой редакции романа «Преступление и наказание»).

Набросок под заглавием «Пьяненькие» представляет собой фрагмент диалога для одноименного романа, датировемый предположительно концом июля—началом августа 1864 г. по месту записи в тетради Достоевского 1863—1864 гг. (см.: *ЛН. Т. 83. С. 183*). Возможно, именно об этом романе было объявлено в августовском номере «Эпохи» за 1864 г. (ценз. разр. — 22 октября 1864 г.): «Ф. М. Достоевский, кроме постоянного, непосредственного своего участия в „Эпохе“, поместит в ней в будущем году свой роман» (*Акад. ПСС. Т. 20. С. 217*; см. об этом: *ЛН. Т. 83. С. 196*). К концу того же года относятся расчеты Достоевского, связанные с замыслом нового периодического издания — «Записной книги» (прообраз «Дневника писателя»), в которых многократно упоминается о каком-то романе; публикация его должна была осуществляться «особо», т. е. «с особым *pagination* (нумерацией страниц, фр.)» (*Акад. ПСС. Т. 20. С. 181*; см. также: *ЛН. Т. 83. С. 224, 226* и след.). По-видимому, об этом же произведении — «большой повести» или же романе, который, как предпола-

гал Достоевский, придется писать «из-под палки, то есть из нужды, наскоро», идет речь в его письмах к И. С. Тургеневу от 14 декабря 1864 г. и к А. Е. Врангелю от 31 марта—14 апреля 1865 г. (Акад. ЛСС. Т. 28, кн. 2. С. 108, 119).

Последние отголоски связанных с «Пьяненькими» планов обнаруживаются в переписке Достоевского в июне—начале июля 1865 г. В это время публикация произведения представлялась Достоевскому, наряду с привычными возможностями на страницах «толстого журнала», и в виде газетного романа-фельетона. В начале июня 1865 г. Достоевский предложил задуманный роман издателю «Санкт-Петербургских ведомостей» В. Ф. Коршу (письмо не сохранилось), который 5 июня ответил согласием на его условия, но напомнил при этом о тех «требованиях», которые касаются публикации большого произведения на страницах газеты (см.: Там же. С. 525). 8 июня Достоевский обратился в «Отечественные записки» к А. А. Краевскому: «Я прошу 3000 руб. теперь же, вперед за роман, который обязуюсь формально доставить в ред(акцию) „От(ечественных) записок” не позже первых чисел начала октября нынешнего года. {...} Роман мой называется „Пьяненькие” и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч. — Листов будет не менее 20, но может быть и более. За лист 150 руб. (За «Мертвый дом» я получал в «Русск(ом) мире» и во «Времени» по 250 р.)» (Там же. С. 127). Краевский ответил 11 июня отказом — ввиду большого у редакции запаса беллетристики и отсутствия денег (см.: Там же. С. 421). В конце июня—начале июля Достоевский еще раз обратился к Коршу (письмо не сохранилось), ответившему ему 5 июля весьма уклончиво, со ссылкой на финансовые трудности и те же «газетные требования», о которых писал раньше (см.: Там же. С. 525; *Летопись*. Т. 2. С. 35).

Не подлежит сомнению, что Достоевский предлагал еще не написанную, да вряд ли и начатую вещь. Почти одновременно с обращением к А. А. Краевскому он писал председателю Литературного фонда Е. П. Ковалевскому, ходатайствуя о 600 рублях (с выплатой до 1 февраля 1866 г.) и рассказывая о своей тяжелой работе по журналу «Эпоха» после смерти брата: «...за этими трудами я сам не успел написать почти ни строчки. {...} В настоящее время я начал одну работу, за которую могу взять деньги только осенью. Успешно и как можно скорее окончить эту работу необходимо, чтобы начать, получив деньги, уплату долгов» (Акад. ЛСС. Т. 28, кн. 2. С. 125).

Острота «теперешнего вопроса о пьянстве», связывавшегося Достоевским с задуманным романом, была обусловлена акцизной реформой, которой отменялась откупная система, вызывавшая повсеместное возмущение из-за многочисленных злоупотреблений; новые законы об акцизном доходе с алкогольных напитков вступили в действие с начала 1863 г., улучшив поступления в государственную казну, но привели к неожиданным результатам: из-за удешевления «питей» (при сравни-

тельном улучшении качества) произошло стремительное увеличение не только их потребления, но и числа разного рода питейных заведений. Эту ситуацию горячо обсуждали периодические издания в 1864—1865 гг., ища выход из нее. Достоевского, однако, волновала не столько сиюминутная острота общегосударственной проблемы, сколько внутренние, давние причины пьянства как язвы, разъедающей русское общество. По мнению Л. П. Гроссмана, Достоевский, задумывая свой роман, брал «самую драматическую сторону вопроса о пьянстве — судьбу детей в семьях алкоголиков» (Гроссман, *Биография*. С. 337). «Пьяненькие» были, возможно, связаны и с раздумьями Достоевского над судьбами близких ему людей, одержимых смертельным недугом (Ап. Григорьев, Н. М. Достоевский).

Л. М. Лотман обратила внимание на сходство задач, которые ставили перед собой, с одной стороны, Достоевский в «Пьяненьких», а с другой — Н. Г. Помяловский в незавершенном романе «Брат и сестра» (1862—1863) (см.: Лотман Л. М., 1974. С. 195—200).¹ В предисловии к нему автор, страдавший алкоголизмом, сообщал: «Вперед предупреждаю, что я не обличитель <...> Можно ли обличать человека, вечно пьющего, но у которого пьянство — болезнь, наследованная от отца и деда и прадеда? <...> Вот скажите этому отцу семейства: „Посмотри, до чего ты довел свою семью пьянством, — и голод, и холод, и проч.“ Он, быть может, заплачет <...> и знаете, какой будет результат? Раздумавшись и видя бессилие выбиться на добрую жизнь, он махнет рукой, скажет: „Какой я негодяй!.. <...> хоть выпить с горя!“ — и потащит в кабак последний салопишко жены»; конкретизируя свою цель, Помяловский, желавший показать все ужасы притонов вокруг Сенной площади, писал: «Будем заявлять только факты и, по возможности, их причину <...> Мы покажем вам разврат глубокий, невежество поражающее <...> бедность, до того облежавшуюся, что потеряно и притуплено чувство страдания от нее; покажем забитость неисходную <...> Тут будут даже отцы, растлевающие и продающие своих детей» (С. 1864. № 3. С. 153). Предположение о связи несуществленного замысла Достоевского с публикацией «Повести о Горе-Злочастии» (XVII в.) и статьи о ней Ф. И. Буслаева 1856 г., дающей широкую картину пьяного бедствия на Руси, было высказано Г. В. Старостиной.² Статья Буслаева вошла в его книгу «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (СПб., 1861. Т. 1. С. 548—643), с которой Достоевский был хорошо знаком (он

¹ См. также: Евнин, 1959. С. 137—138; Ямпольский И. Г. Ф. М. Достоевский и Н. Г. Помяловский: (К статье Л. М. Лотман) // *Д. Материалы и исследования*. Т. 1. С. 200—202; Пис Р. Realism in «Crime and Punishment» // *Sub specie tolerantiae*. С. 204—205.

² Старостина Г. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и статья Ф. И. Буслаева «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин»: (Средневековые жанры в структуре романа) // *РЛ*. 2004. № 3. С. 144—146.

упомянул о ней в статьях «Книжность и грамотность» (1861) и «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником”» (1864) — см.: *Акад. ПСС*. Т. 19. С. 9; Т. 20. С. 132).

Еще в «Петербургской летописи» (фельетон от 15 июня 1847 г.) Достоевский писал о «жажде деятельности» и об отсутствии для нее предварительных условий как о характерном для русского послепетровского общества болезненном явлении (см.: Там же. Т. 18. С. 30—31). Эта тема получила дальнейшее развитие в статьях Достоевского периода «Времени», где разъединение в России образованного общества и народа после петровской реформы стало для Достоевского центральным трагическим узлом русской жизни. Она же должна была явиться одной из основных и в романе «Пьяненькие». В наброске к нему «Оттого мы пьем...» говорится, что упадок «нравственности» в России связан с отсутствием «дела» уже 150 лет, т. е. со времен Петра I (см. коммент. ниже).

Мнение об отнесении к «Пьяненьким» еще двух отрывков в сходной диалоговой форме из той же записной книжки Достоевского 1863—1864 гг. было высказано Ю. И. Селезевым и Б. Н. Тихомировым.¹ Речь идет о следующих отрывках, напечатанных в первом академическом издании Достоевского в отделе «Записи публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860—1865 гг.»:

— Ты немногим задайся, братец, и лучше немного, да хорошо сделай.

— Нельзя русскому человеку задаваться немногим. Это немецкая работа. Русский человек лучше сделает много, да нехорошо.

(*Акад. ПСС*. Т. 20. С. 171)

— Отчего у нас заблуждаются?

— Потому что дела не знают.

— Позвольте вас спросить, откуда мы узнаём дело?

При незнании дела вечные беспорядки.

(Там же. С. 179)

Оба отрывка, судя по месту в тетради, были написаны в середине лета 1864 г. (см.: *РГБ*. Ф. 93. I. 2. 7. С. 7, 148; *ЛН*. Т. 83. С. 177, 186). Отнесение их к замыслу задуманного романа не выходит за пределы самой осторожной гипотезы, поскольку содержанием они не связаны с темой, заявленной в заглавии наброска «Пьяненькие», а также в письме Краевскому («...преимущественно картины семейств, воспитание детей {...} и проч.» — см. выше, с. 410).

---

¹ Селезев Ю. И. Достоевский. М., 1981. С. 330—331. (ЖЗЛ); Тихомиров Б. Н. Пьяненькие // *Д*, *Словарь-справочник*, 2008. С. 326—328 (здесь же библиография к наброску «Пьяненькие»).

Скудость сохранившихся подготовительных материалов к «Пьяненьким», занимавшим писателя на протяжении года, связывается комментаторами с судьбой одной из его записных книжек (см.: *Акад. ПСС. Т. 7. С. 309*), упомянутой Достоевским в письме к А. Е. Врангелю от 9 мая 1866 г., где речь идет о долге писателя, сделанном в сентябре 1865 г.: «...записную книжку мою я потерял и помню мой долг приблизительно, но не точно» (*Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 157*). А. С. Долинин с сожалением отмечал отсутствие в рукописях Достоевского «следов <...> срастания сюжета романа „Пьяненькие“ с сюжетом «Преступления и наказания», обнаруживающих «превращение Раскольникова в главного героя, все вокруг себя объединяющего» (*Долинин, Последние романы. С. 29*). О «Пьяненьких» в связи с работой Достоевского над романом «Преступление и наказание», пришедшим на смену неосуществленного замысла 1864—1865 гг., см. далее на с. 433—434, 478.

С. 5. ...дела долго (150 лет) не было. — В «Преступлении и наказании» сходную мысль выражает Разумихин: «А мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены...» (6, 128; см. также коммент. к этой странице); ср. в подготовительных материалах к роману (*ПМ₃*): «Я не мечтать хочу, я делать хочу <...> (Голландец Петр.)» (7, 196). Мысль, неоднократно варьировавшаяся в творчестве Достоевского, — см., например, в подготовительных материалах к «Бесам»: «...у нас с Петра Великого ввелись в ничего неделание»; «Петр Великий нас упразднил от дел...» (*Акад. ПСС. Т. 11. С. 157, 272*); в записной книжке 1872—1875 гг.: «Наше Петром Великим отученное от всякого дела общество» (Там же. Т. 21. С. 256). Из статей и исследований, которые были опубликованы в журнале братьев Достоевских «Время», восставала эпоха петровских преобразований и последующих десятилетий XVIII в. как картина жизни оторвавшихся от народа верхов, невежественных, развращенных и одержимых корыстными интересами; их пример, а также повсеместное привлечение иностранцев («колонизаторов просвещения») имели пагубное влияние на все дворянское сословие. Об отношении Достоевского к преобразованиям Петра I в период, предшествовавший созданию «Преступления и наказания», см.: *Нечаева, «Время»*. С. 201—203. Петр I, его личность и деяния были одной из животрепещущих тем русской периодики, причем подход к ней Достоевского, при сходстве некоторых критических приемов в борьбе с исторической апологетикой на страницах журналов различной направленности, имел специфические черты, опирающиеся на понятие внесословной национальной «почвы».

〈СТРАСТНЫЕ И БУРНЫЕ ПОРЫВЫ〉

(С. 5)

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5. С. 8, 11. См.: *Описание*. С. 123—124.

Впервые напечатано:

Набросок 〈1〉 — ЛП. С. 551 (в составе рукописей третьей редакции (ПМ₃) романа «Преступление и наказание», вместе с наброском 〈2〉).

Набросок 〈2〉 — Записные тетради Ф. М. Достоевского / Подгот. к печати Е. Н. Коншиной; коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935. С. 391 (в качестве Приложения III к рукописям романа «Бесы»).

В собрание сочинений впервые включено: *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 156, 158 (оба наброска в составе рукописей третьей редакции (ПМ₃) романа «Преступление и наказание»).

Датируется предположительно: набросок 〈1〉 — 1866 г. (январь—март), набросок 〈2〉 — 1867 г.

Две записи без названия, начинающиеся одинаково словами «Страстные и бурные порывы...», относятся к так называемым «незавершенным замыслам» Достоевского. Содержание такого рода набросков невозможно связывать только с одним конкретным произведением, потому что они посвящены не образу, а типу героя (например, «хищный тип»,¹ получивший воплощение в разных замыслах и произведениях писателя, включая «Житие великого грешника» и романы). Признаком самостоятельности этих записей является, в частности, то, что каждая из них имеет обособленное расположение, — в таких случаях, набрасывая сюжет замысла или описывая художественный тип, Достоевский использовал страницы рабочих тетрадей, оставшиеся незаполненными.

Постраничное «окружение» набросков «Страстные и бурные порывы» неоднородно, составляя типичное для творческого процесса Достоевского соединение на соседних страницах тетради заметок, сделанных в разное время и к разным художественным замыслам. Первые шесть страниц тетради заполнены набросками к роману «Преступление и наказание», на 〈с. 7〉 текст отсутствует и имеется портретный рисунок; на 〈с. 9〉 расположены записи к роману «Идиот», сделанные чернилами разного оттенка, и портретный рисунок; на 〈с. 10〉 — наброски к незавершенному замыслу «〈Ростовщик〉» (см.: 5, 358); на 〈с. 12〉 — каллиграфические прописи, портретные рисунки и двустрочная заметка к роману «Преступление и наказание»; на 〈с. 13〉 — каллиграфические прописи и портретные рисунки; на последующих

¹ См. комментарий к первой публикации второго наброска: Записные тетради Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 449.

A.R.T. Поврежденный лист
Странный Неро Странно Странно

В - Страстные и бурные порывы, ~~какая-то~~ ~~идея~~
 и безразличности, много курьезных выходов (Байроника).
 Неполноценная и неактивная оценка, наблюдений.
 Живая мысль неупорядоченная. С многообразием наблюдений
 и умовений. Совершенное созрание и анализ (Байроника)
 наблюдений, есть боязнь что оно оттого оставлено
 потому что основано на ~~фактах~~ ~~популярности~~ ~~своей~~
 натуре, тождественности. Наблюдения артистические
 до упорности и рвения к ним, грубым, но
 именно потому, что чрезвычайная грубость сопря-
 жается с упорностью. (отрубленная голова) Наблюдения
 неактивные. Наблюдения ~~какие-то~~ ~~наблюдения~~ ~~наблюдения~~
 без законов. Наблюдения артистические (сентиментальность)
 Наблюдения покаянные, самоотверженные (Страдания
 постыжные и мучительные) Наблюдения инстинктивные (про-
 шенные мучительные) Наблюдения Мадонной Рафаэля
 Наблюдения Крамля, Наблюдения Рафаэля, Наблюдения
 Самоудовольствия. — (Полезно наблюдать в 35 лет, до
 того поре для учителя, или невольника (до сих пор не)
 (видны) Наблюдения образованные (группа до 30 лет)
 Наблюдения образованные (группа до 30 лет)

Набросок «Страстные и бурные порывы». 1867.
Российский государственный архив литературы и искусства.
Москва.

страницах расположены записи к романам «Преступление и наказание» и «Идиот».

Текстологические решения, связанные с пониманием места указанных набросков в творческом процессе Достоевского, были разными. И. И. Гливенко не включил их в публикацию рукописей романа «Преступление и наказание». Е. Н. Коншина напечатала второй набросок, выделив его из общего корпуса рукописных текстов и поместив в приложение к публикации рукописей романа «Бесы», при этом соотнеся его содержание с образами Свидригайлова и Ставрогина.¹ В. С. Нечаева поместила обе записи в раздел «Планы и наброски неосуществленных произведений», уточнив в указателе, что они представляют «замысел романа» (*Описание*. С. 123—124, 562). Л. Д. Опульская и Г. Ф. Коган опубликовали эти отрывки в составе рукописей романа «Преступление и наказание» сначала в *ЛП* и затем в *Акад. ПСС* (см. выше).²

Наброски отражают особенность творческого метода Достоевского, чьи записные тетради образуют единый художественно-публицистический контекст, содержащий постоянные и вариативно повторяющиеся идеи, мотивы и образы, нередко имеющие устойчивые лексические обозначения. Мотив наслаждений, звучащий в этих записях, присутствует во многих произведениях Достоевского (в том числе в более ранних «Записках из подполья» (замысел 1862—1863 гг., публикация — 1864 г.) и «Игроке», задуманном в 1863 г. и опубликованном в 1866 г.) и восходит к размышлениям писателя над пушкинскими строками из «Пира во время чумы»: «Всё, всё, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Незыблемы наслажденья — / Бессмертья, может быть, залог!» (*Пушкин*. Т. 7. С. 180). Характер, рисуемый в набросках, может быть с разной степенью приближения соотнесен с образами Валковского («Униженные и оскорбленные»), Вельчанинова («Вечный муж»), Гани Иволгина («Идиот»), Ставрогина («Бесы») и Верилова («Подросток»). Некоторые определения, содержащиеся в набросках: «натура сильная», «наслаждения уголовные нарушением всех законов», «наслаждения разбоем» и др. — роднят описанный характер с образом Орлова в «Записках из Мертвого дома».³ Иными словами, Достоевский в середине 1860-х годов разрабатывает художественный тип, который был предметом его внимания ранее и сохранил свое значение в более поздний период создания больших романов.

Из ближайших по времени произведений записи «Страстные и бурные порывы» тематически соотносимы с «Преступлением и нака-

¹ Там же.

² Обоснование этого решения см.: *ЛП*. С. 704—705; *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 321—322.

³ По замечанию Р. Л. Джексона, «в своих темах и основных вопросах „Мертвый дом“ предвосхищает проблематику романов Достоевского 1860—1870-х гг.» (*Джексон*. С. 16); ср.: *Мочульский*, 1995. С. 314; *Фрилендер*, 1985. С. 58—59.

занием» (в большей степени первая заметка) и с «Идиотом» (вторая заметка).¹ Первая запись содержит мотивы, которые оказываются важными при разработке образа Свидригайлова: «...тяжело носить самого себя (натура сильная, неудержимые, до ощущения сладострастия, порывы лжи (Иван Грозный)), много подлостей и темных дел, ребенок (NB умерщвлен), хотел застрелиться», «Выгнал или убил приживальщика. Бес мрачный, от которого не может отвязаться». Вместе с тем, соответствуя задаче описания типа героя, набросок имеет обобщенный характер и не содержит указания на имя персонажа в отличие от других заметок из этой же рабочей тетради, посвященных Свидригайлову. Отсутствие подобного упоминания особо знаменательно потому, что ко времени записи в тетради этого наброска Свидригайлов как персонаж «Преступления и наказания» уже появился в письме матери Раскольникову (ч. I, гл. 3; см. 6, 29—32).² Вероятно, к первым упоминаниям Свидригайлова в данной тетради относится запись «Отец, севавтополец...»,³ в которой излагается один из сюжетных планов, частично реализованный в романе.⁴

На обособленность набросков «Страстные и бурные порывы» от записей к «Преступлению и наказанию» указывает также их композиционное расположение. В начале тетради есть раздел «Заметки к роману. Характеристики», посвященный разработке образов «Преступления и наказания» и начинающийся цифрой 1, под которой размещены заметки о Разумихине («с. 5, 5а, б»). Затем следуют страница с портретным рисунком («с. 7») и наброски «Страстные и бурные порывы», разделенные записями к роману «Идиот» и замыслу «(Ростовщик)» и не имеющие продолжения авторской нумерации — цифры 2, которая могла бы указывать на то, что записи содержат харак-

---

¹ Ср.: Баршт К. А. Рисунки в рукописях Достоевского. СПб., 1996. С. 105—106.

² Первая часть романа была отослана в «Русский вестник» в середине декабря 1865 г. (Летопись. Т. 2. С. 48).

³ Формально первой записью с упоминанием Свидригайлова выступает набросок на (с. 1): «Свидриг(айлов) Дуне. Помните, ведь раз почти было, когда уж склонились и млели» (см. 7, 196). Однако его следует считать более поздним, исходя из следующих соображений: 1) разница в почерке и цвете чернил указывает на то, что записи на этой странице делались в разное время (что подтверждает дата «22 ию(ля)», поставленная автором возле одной из заметок), 2) набросок тематически относится к сценам последней части романа, разработка которых ведется позднее на (с. 58, 60) и др. (в основном тексте: «Видно, забыли, как в жару пропаганды уже склонялись и млели...» (ч. VI, гл. 5; 6, 428)).

⁴ Иную точку зрения см.: Тихомиров Б. Н. Другой Свидригайлов: неосуществленный замысел Достоевского начала 1867 года (наблюдения и гипотезы) // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения. Ф. М. Достоевский: о творчестве и судьбе: к 190-летию со дня рождения. М.; Иркутск, 2011. Вып. 25. С. 141—152.

теристика следующего персонажа «Преступления и наказания». Цифра 2 появляется далее, когда Достоевский записывает: «2-й характер. Хозяйка Юлия Прохоровна» (с. 12)). Под цифрой 3 («3-й характер») сделаны записи о Лужине (с. 16—18)). Основная часть записей, относящихся к характеристике Свидригайлова (в том числе с пометой-заголовком «Свидригайлов»), расположена во второй половине и в конце тетради, на (с. 58, 60—66, 139, 142—144, 150). Эти факты позволяют предположить, что художественный тип из первого наброска «Страстные и бурные порывы» изначально не ассоциировался со Свидригайловым и рождался, по-видимому, за пределами «Преступления и наказания». Однако, возникнув отдельно от замысла романа, запись оказалась по ходу работы над ним включенной в круг размышлений автора, связанных с разработкой идеи этого произведения. Отдельные эпизоды, намеченные в первом наброске (смерть девочки и дворового Филиппа), упоминаются Лужиным (ч. IV, гл. 2¹; см. 6, 256), а позднее с его слов и Раскольниковым (ч. VI, гл. 4; см. 6, 409—410) как факты биографии Свидригайлова. Кроме того, это мотив «наслаждений Мадонной Рафаэля» (ч. VI, гл. 4; см. 6, 415; 7, 6) и помета «вдовец» из второго наброска. Обе заметки содержат мотив самоубийства, имеющий значение для истории Свидригайлова.

Тематическое сходство с ранними записями к «Идиоту» проявляется в характеристиках, данных герою обоих набросков и Идиоту: «Страстные и бурные порывы; клокотание и вверх и вниз», «Вдруг решимость изобличить себя, всю интригу; покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда претерпеть страдание», «Наслаждения покаянием, монастырем. (Страшным постом и молитвой.) Наслаждения нищенские (прошением милостыни)» (7, 6) / «Страсти у Идиота сильные, потребность любви жгучая, гордость непомерная, из гордости хочет совладать с собой и победить себя. В унижениях находит наслаждение», «то смирен и послушен, то вдруг взбунтуется» (Акад. ПСС. Т. 9. С. 141), «Он проникается глубочайшим состраданием и прощает ошибки. (...) Взамен получает высокое нравственное чувство в развитии и делает подвиг» (Там же. С. 146).

Отмечается сходство мотивов в изображении героя набросков и Дяди (персонажа ранней редакции «Идиота»): «хотел застрелиться (...) Вместо застрели(тсья) — женился» (7, 5) / «Дядя в крайнем припадке ипохондрии. Повеситься или жениться? Жениться, на героине» (Акад. ПСС. Т. 9. С. 145), «Дядя в один из припадков хочет повеситься и вдруг женится» (Там же. С. 150).

Тематические параллели обнаруживаются при сравнении комментируемых набросков с «Житием великого грешника», которое, как известно, вобрало в себя идеи, получившие воплощение в разных произ-

¹ По журнальной публикации (РВ. 1866. № 6. С. 760—761) — ч. II, гл. 8, отосланная в «Русский вестник» 18—20 апреля 1866 г. (Летопись. Т. 2. С. 63, 68; Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 165, 436).

ведениях, ср.: «NB — Страстные и бурные порывы. (...) Непомерная и ненасытимая жажда наслаждений. (...) Наслаждения покаянием, монастырем. (Страшным постом и молитвой)» (7, 6) / «После монастыря и Тихона великий грешник с тем и выходит вновь на свет, чтоб быть *величайшим из людей*. Он уверен, что он будет *величайшим из людей*. Он так и ведет себя: он *гордейший из всех гордецов* и с *величайшею надменностью* относится к людям. (...) Вдруг юношество и разврат. Подвиг и страшные злодейства. Самоотвержение. Безумная гордость» (Акад. ПСС. Т. 9. С. 138—139).¹

О замысле «Жития великого грешника» Достоевский сообщал в письме Н. Н. Страхову от 24 марта / 5 апреля 1870 г.: «Идея этого романа существует во мне уже три года (...)» (Акад. ПСС. Т. 29, кн. 1. С. 112). Таким образом, зарождение замысла писатель относит к 1867 г. Над первым наброском «Страстные и бурные порывы» значится авторская дата «14 февраля», отнесенная в Акад. ПСС к 1866 г. Запись «14 февраля» сделана чернилами иного оттенка и находится на некотором расстоянии от последующих заметок — в данном случае есть основания допускать разновременность возникновения даты и текста под ней и независимость их друг от друга. Два наброска «Страстные и бурные порывы» начинаются одинаково, что, казалось бы, указывает на одновременность их возникновения. Однако они также разделены временем, о чем свидетельствует различие в почерке этих заметок. Вначале сделан первый набросок, предположительно датируемый январем—мартом 1866 года. Вероятно, Достоевский перечитал свои записи уже в период работы над «Идиотом» и сделал второй набросок.² Общность начальной формулировки означает, что автор вернулся к мысли (к разработке отмеченного художественного типа), но видит этого героя по-новому (на что могла оказать влияние работа над романом «Идиот»). На это указывает содержание обеих записей, принципиально различное. Первый набросок, включая отдельные характеристики образа, имеет форму авторского описания фабулы («Три дня решения», «Измучил бедного», «Клевета на жену», «Выгнал или убил приживальщика», «уходит, делается великим подвижником», «Себя предает»). Второй сконцентрирован на раскрытии характера (отсюда его построение, основанное на мотиве наслаждений), с небольшими фабульными вкраплениями («Получил наследство 35 лет (...)»).

У записей «Страстные и бурные порывы» есть также сходство с замыслом, получившим в Акад. ПСС название «(Роман о князе и ростовщике)» (1869—1870) (точнее был бы заголовок «(Роман об

¹ См.: Тихомиров Б. Н. *Другой Свидригайлов...* С. 148, 150—152.

² Косвенным свидетельством более позднего происхождения записи служит каллиграфическая помета «Него», которая сопровождает второй набросок «Страстные и бурные порывы» и повторяется возле позднейших записей (в тетрадях 1867—1871 годов) к роману «Идиот» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6. С. 128; ф. 212. 1. 7. С. 103).

атеисте (ростовщике)», см. об этом: наст. изд. Т. 9): «Он думал спастись от отчаяния женитьбой. (...) Рад бы делать преступления. (...) Помешался на самообладании (...). Мысль о постепенном само-совершенствовании в подвигах Святых, поражает его (веры нет). Он хочет совершенствоваться. (Берется за подвиг и падает разом.)» (Акад. ПСС. Т. 9. С. 123).

Высказанные наблюдения являются достаточным основанием для выделения указанных набросков из общего корпуса рукописей «Преступления и наказания» и помещения их в самостоятельный раздел в настоящем томе.

С. 5. ...натура сильная, неудержимые, до ощущения сладострастия, порывы лжи (Иван Грозный)... С. 6. Непомерная и ненасытимая жажда наслаждений ~ Наслаждения покаянием, монастырем (страшным постом и молитвой). Наслаждения нищенские... — Упоминание Ивана Грозного могло быть вызвано появлением в «Отечественных записках» (1866. № 1) трагедии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»; в характеристике типа, разрабатываемого в набросках «Страстные и бурные порывы» и при создании образа Свидригайлова, возможно, отразились суждения о «грозном царе» как воплощении духовного своеволия, «художественной природы, не основанной на нравственном чувстве», которые содержались в опубликованной в 1856 г. в «Русской беседе» и перепечатанной в 1861 г. в т. 1 собрания сочинений К. С. Аксакова рецензии на шестой том «Истории России с древних времен» С. М. Соловьева (см.: Лодзинский В. Э. «Тайна» Свидригайлова: (Одна из «поворотных вех» в работе Достоевского над романом «Преступление и наказание») // *Д, Материалы и исследования*. Т. 10. С. 70—74). Образ «грозного царя», «натуры сильной» и подверженной страстям — это и тема Карамзина, чью «Историю Государства Российского» Достоевский читал в юности и хорошо помнил. Известен интерес писателя к творчеству Карамзина (см. письмо Достоевского к Н. Н. Страхову от 2 (14) декабря 1870 г. — *Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 153) и, в частности, к «Истории» (*Достоевский А. М., 1992*. С. 71). В «Дневнике писателя» за 1877 г. Достоевский почти дословно передает рассказ Карамзина об Иване Грозном и «рабе Шибанове».¹ В карамзинской

¹ У Достоевского: «Помните ли вы, господа, „раба Шибанова“? Раб Шибанов был раб князя Курбского (...) Царь поднял жезл свой с острым наконечником, с размаху вонзил его в ногу Шибанова, оперся на жезл и стал читать послание. Шибанов с проколотой ногою не шевельнулся. А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: „Устыдися раба твоего Шибанова“. Это значило, что он сам устыдилса раба Шибанова» (*Акад. ПСС*. Т. 26. С. 117). — У Карамзина: «(...) Гневный Царь ударил его в ногу острым жезлом своим: кровь лилася из язвы: слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоани оперся на жезл и велел читать вслух письмо

«Истории» отмечена противоречивость личности Ивана Грозного: «набожность», но в то же время «пылкая, беспокойная душа, стремительная в движениях гнева, приученная к шумной праздности, к забавам грубым, неблагочинным», «необузданность прихотей», «игра милостями и опалами», «своеволие» (Т. 8. Гл. 3. Продолжение государственного Иоанна IV, г. 1546—1552. С. 94). Подчеркивается страстность его характера: «...суд Божий гремит над главою Царя легкомысленного и злострасного...» (Там же. С. 99); «Иоанн родился с пылкими страстями, с воображением сильным, с умом еще более острым, нежели твердым или основательным» (Т. 9. Гл. 1. Продолжение царствования Иоанна Грозного, г. 1560—1564. С. 8); «Государь возмужал: страсти зреют вместе с умом, и самолюбие действует еще сильнее в летах совершенных» (Там же); «Нет исправления для мучителя, всегда более и более подозрительного, более и более свирепого; кровопийство не утоляет, но усиливает жажду крови: оно делается лютейшею из страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безумие, казнь народов и самого тирана» (Там же. С. 23). Согласно Карамзину, сочетание набожности с жестокосердием проявляется в Иване Грозном и в зрелые годы, когда наивысшего предела достигает деспотизм его власти: «Любопытно видеть, как сей Государь, до конца жизни усердный читатель Христианского Закона, хотел соглашать его божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, чародеи, враги Христа и России; то смиренно винулся пред Богом и людьми, называл себя *гнусным убийцею невинных*, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением, и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители Св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным Иноком!» (Там же. С. 23—24). Сходные характеристики — охваченность страстями и в то же время мотивы покаяния и ухода в монастырь — содержатся в комментируемых набросках: «страстные и бурные порывы; клочотание и вверх и вниз; тяжело носить самого себя», «много подлостей и темных дел», но — «вдруг решимость изобличить себя», «покаяние, смирение», «наслаждения покаянием, монастырем».

С. 6. *Наслаждения Мадонной Рафаэля*. — Автобиографический мотив. Сикстинская Мадонна Рафаэля — одна из любимейших картин Достоевского. По свидетельству А. Г. Достоевской, Сикстинскую Мадонну писатель «признавал за высочайшее проявление челове-

---

Курбского (...) Царь, волнуемый гневом и внутренним беспокойством совести, немедленно отвечал Курбскому. „(...) Устыдися раба своего, Шибанова: он сохранил благочестие пред Царем и народом; дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти”» (Карамзин Н. М. История Государства Российского: В 12 т. СПб., 1818—1829. Т. 9. Гл. 2. Продолжение царствования Иоанна Грозного, г. 1563—1569. С. 60—63). Далее ссылки на это издание в тексте в скобках.

ческого гения» и «мог стоять перед этою поразительной красоты картиной часами, умиленный и растроганный» (*Достоевская А. Г., Воспоминания, 1987. С. 169*). Помимо данного наброска, Сикстинская Мадонна упоминается в черновых записях к романам «Преступление и наказание» (7, 257), «Подросток» (*Акад. ПСС. Т. 16. С. 15*), к «Дневнику писателя» за 1877 г. (Там же. Т. 24. С. 219). В печатном тексте — в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (5, 71), «Преступлении и наказании» (6, 415), «Бесах» (*Акад. ПСС. Т. 10. С. 25, 172, 264—266*), «Братьях Карамазовых» (Там же. Т. 14. С. 100), см. также 7, 736, коммент. к 6, 415. Образ Мадонны в творчестве Достоевского представлен в религиозном и эстетическом аспектах (см.: *Степанян К. А. Достоевский и Рафаэль // Достоевский и мировая культура. № 20. С. 234—235; Касаткина Т. А. «Главный вопрос, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие...» Опыт духовной биографии Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский и Православие. М., 2003. С. 162—173; Пухачёв С. Б. Достоевский и Леонардо да Винчи («Сон смешного человека») // Достоевский и современность. Чт. 18 (2003). 2004. С. 294—295*). Сикстинская Мадонна воспринимается как идеал прекрасного — «идея вечной красоты» (*Акад. ПСС. Т. 10. С. 25*). Несомненно в этих оценках и проявление религиозного чувства: так, в «Бесах» Мадонна Рафаэля определяется как «божественный лик великого идеала» (Там же. С. 266). В «Братьях Карамазовых» выделен иной аспект темы и говорится о том, что красота «есть не только страшная, но и таинственная вещь», что в одном человеке возможно соединение «идеала Мадонны» с «идеалом содомским» (см. также 7, 699, коммент. к 6, 251). В наброске «Страстные и бурные порывы» присутствует именно этот мотив — духовной противоречивости героя, стоящего «по ту сторону добра и зла». В образах подобного типа, по мнению Г. М. Фридендера (отметившего звучание этой темы в описаниях «преступников омского острога» в «Записках из Мертвого дома»), воплощена «способность человека сживаться со злом и преступлением, эстетизировать их, видеть в этом источник самовозвышения и даже морального наслаждения» (*Фридендер, 1985. С. 58; ср.: Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 196, 468*).

С. 6. Каллиграфические прописи. *Nero* — римский император Нерон (*Claudius Caesar Nero; 37—68 н. э.*). Несколько написаний его имени содержатся на отдельных листах, заполненных каллиграфическими прописями (*РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6. С. 106, 108*), и среди записей к роману «Идиот» (см. выше, с. 419, примеч. 2). Встречается также каллиграфическая помета «*Nero*», сделанная карандашом (*РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5. С. 13*). Ассоциативно запись «*Nero*», по-видимому, связана с персонажем «*Nero* (артист)», намеченным в плане «(Ростовщик)» на соседней (с. 10) этой же тетради (см.: 5, 358). *Antipar* — в религии зороастризма воплощение тьмы и зла; Достоев-

скому был, вероятно, известен как персонаж поэмы Байрона «Манфред». Независимо от данной пометы, не будучи с нею знаком, Вяч. Иванов в разделе «О демонах» (Иванов Вяч., 1987. С. 559—588) книги «Достоевский: трагедия—миф—мистика» писал о двух воплощениях зла, «прообразе отъединения и прообразе растления» — Люцифере и Аримане. По мысли философа, «разлагающая» ариманова сила проявилась в герое «Записок из подполья», Свидригайлове в «Преступлении и наказании», «черте-приживальщике», Федоре Карамазове и Смердякове в «Братьях Карамазовых» (Иванов Вяч., 1987. С. 559, 561—562, 568, 573—574). Тема, заданная образом Аримана и его упоминанием в тетради Достоевского, важна для понимания художественного типа, изображенного в набросках «Страстные и бурные порывы». *Agius* (256—336) — александрийский священник Арий, отвергнувший около 318 г. идею о божественной сущности Иисуса Христа, но признававший его сотворенность Богом. Учение Ария было осуждено Никейским (325 г.) и Константинопольским (381 г.) соборами. Задумывая роман о «положительно прекрасном человеке», приближающемся к идеалу Христа, Достоевский мог принимать во внимание идеи арианства (см.: Баршт К. А. «Ariman», «Agius»: заметки о двух загадочных записях Достоевского // *Достоевский и современность*. Чт. 8 (1993). 1994. С. 21—35), в том числе в связи с осмыслением идей Ренана, упоминаемого в рукописях романа «Идиот» (Акад. ПСС. Т. 9. С. 183, 281, 396—399, 451; см.: Степанян К. А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. М., 2013. С. 95—100). *Roveredo* — возможно, запись связана с победой над австрийскими войсками при взятии Ровередо, одержанной Наполеоном 4 сентября 1796 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

(Т. 6. С. 5; Т. 7. С. 7)

Источники текста

Первая (краткая) редакция («повесть»)

ЧА₁ — Черновой автограф. Главы 1 (конец) — 6 (начало) (ср. в основном тексте романа конец главы VII первой части — главы I—IV, VI второй части). 69 страниц. Хранится: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 4. С. 27—33, 43, 45—85, 88—93, 96—109 (переплетенная тетрадь, содержащая также ПМ₁, планы и наброски статей, черновые наброски к рассказу «Крокодил» и план неосуществленного романа «Брак»); см.: *Описание*. С. 113. Август—первая половина октября 1865 г. (текст первой редакции); вторая половина октября—декабрь 1865 г. (исправления и вставки, относящиеся к последующим редакциям). Опубликовано: *Гливенко*. С. 91—142, 144—160.

ПМ₁ — Подготовительные материалы (планы, конспекты, заметки: «План», «Prospectus № 1», «Prospectus разговор с Заметовым», «Prospectus № 2-й», «Примечание к „Исповеди“ и др.). На с. 1 авторская дата: «7-е августа», на с. 18: «14 октября (на пароходе „Vice-roy“)». Хранится: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 4. С. 1, 2, 4, 6, 8—20, 26, 30, 42, 94, 95, 149 (переплетенная тетрадь, содержащая также ЧА₁); см.: *Описание*. С. 113. Август—первая половина октября 1865 г. (первая редакция); вторая половина октября—декабрь 1865 г. (исправления и вставки, относящиеся к последующим редакциям). Опубликовано: *Гливенко*. С. 78—91, 98—99, 142—144, 162—163.

Вторая (пространная) редакция

ЧА₂ — Черновой автограф: «Под судом». 21 страница. Хранится: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 79—83, 85—101 (переплетенная тетрадь, содержащая также ПМ₂, наброски и планы статей, черновые наброски к рассказу «Крокодил»); см.: *Описание*. С. 113. Вторая половина октября—ноябрь 1865 г. Опубликовано: *Гливенко*. С. 36—55.

ЧА₃ — Черновой автограф: 1) отрывка главы II первой части (см. 6, 24, строка 4 — с. 25, строка 35). 2 листа. Авторская нумерация листов: «19—20». Хранится: РГБ. Ф. 93. I. 1. 2/1; см.: *Описание*. С. 116; 2) отрывка главы II второй части (см. 6, 95, строка 40 — с. 102, строка 10). 11 листов. Авторская нумерация листов: «79—88». Листы 2 и 3 имеют авторскую нумерацию «80» и содержат два варианта одного и того же отрывка (второй вариант напечатан в наст. томе отдельно на с. 163—164). Хранится: РГБ. Ф. 93. I. 1. 2/2; см.: *Опи-*

санис. С. 116. Ноябрь 1865 г. Опубликовано: ЛП. С. 520—523, 598—606.

ПМ₂ — Подготовительные материалы (заметки, планы, конспекты: «NB. Капитальное в роман», «К сюжету романа», «Главная идея (eurika!)», «Начало романа», «Переделка», «Главная анатомия романа» и др.). Хранится: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 78, 79, 110, 111, 114—125, 130, 146 (переплетенная тетрадь, содержащая также ЧА₂); см.: *Описание*. С. 113. Вторая половина октября—декабрь (?) 1865 г. Опубликовано: Гливенко. С. 35—36, 62—72.

Третья (окончательная) редакция

ПМ₃ — Подготовительные материалы (заметки, планы и наброски): 1) «Еще план», «К характеристике Сони», «К сюжету романа окончательно», «Идея романа главная», «Лица и места романа» и др. На с. 103 авторская дата: «С 7-го декабря», на с. 104: «28 декабря» (1865 г.). Хранится: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 3. С. 1, 102—109, 111—113, 132—134 (переплетенная тетрадь, содержащая также ЧА₂ и *ПМ₂*); см.: *Описание*. С. 113. Декабрь 1865 г.—начало 1866 г. Опубликовано: Гливенко. С. 35, 55—62, 72—77; 2) «Сейчасшние справки» и др. Хранится: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 4. С. 150—152; см.: *Описание*. С. 113. Декабрь 1865 г.—начало 1866 г. Опубликовано: Гливенко. С. 163—165; 3) «Идея романа (Православное воззрение, в сем есть православие)», «Заметки к роману. Характеристики», «3-я часть. Программа», «NB. Капитальное», «Главное», «NB. Последняя строчка», «Финал романа» и др. На с. 1 авторская дата: «22 ию(ля)», на с. 5: «2-е января 1866 год», на с. 8: «14 февраля (накануне)», на с. 103: «23 февр(аля)», на с. 106: «Москва. 7-го сент(ября)», на с. 114: «22 июля», на с. 143: «13 ноября». Хранится: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5. С. 1—6, 12, 14, 16—18, 58—71, 87—134, 136—139, 142—150 (переплетенная тетрадь, содержащая также подготовительные материалы к роману «Идиот»); см.: *Описание*. С. 114. Декабрь 1865 г.—ноябрь 1866 г. Опубликовано: Гливенко. С. 166—217; 4) Вырезанный из тетради лист (нумерация рукой А. Г. Достоевской: «155»); авторская дата на странице: «9 сент(ября)».¹ Хранится: ИРЛИ. № 29491; см.: *Описание*. С. 114. Опубликовано: ЛП. С. 596.

ЧН₁ — Черновые наброски к главам VI—VII второй части. 1 лист. Хранится: РГБ. Ф. 93. I. 1. 2/3; см.: *Описание*. С. 114. Декабрь 1865 г. Опубликовано: ЛП. С. 607—608.

ЧН₂ — Черновой набросок конца главы VII второй части (посещение Раскольниковым Разумихина после смерти Мармеладова). 2 листа. Хранится: РГБ. Ф. 93. I. 1. 2/5; см.: *Описание*. С. 116. Декабрь 1865 г. Опубликовано: Изв. АН СССР. Отд. яз. и лит. 1956. Т. 15. Вып. 1. С. 65—66 (публ. В. С. Нечаевой).

¹ На обороте листа другая дата: «15 июля. (18)66».

ЧН₃ — Черновые наброски к главам III—IV третьей части. 1 лист. Хранится: *РГБ*. Ф. 93. I. 1. 2/12; см.: *Описание*. С. 117. Январь—февраль 1866 г. Опубликовано: *ЛП*. С. 630—633.

ЧА₄ — Черновой автограф: 1) главы VII второй части (обозначена как «XIII глава»). 10 листов. Хранится: *РГБ*. Ф. 93. I. 1. 2/4; см.: *Описание*. С. 116. Листы 4 и 6 имеют авторскую нумерацию: «6», «7». Декабрь 1865 г.; 2) главы II — середины главы IV третьей части (см. 6, 179, строка 33 — с. 182, строка 11; с. 186, строка 19 — с. 194, строка 23; с. 198, строка 39 — с. 207, строка 18). 8 листов. Авторская нумерация в тексте начала главы II: «7—8». Хранится: *РГБ*. Ф. 93. I. 1. 2/9, 2/10, 2/11 и 2/13; см.: *Описание*. С. 117. Январь—февраль 1866 г. Опубликовано (в виде текста): *ЛП*. С. 608—626, 633—654, 661—678.

БА — Беловой автограф: 1) отрывка главы VII второй части (см. 6, 163, строка 22 — с. 166, строка 4). 4 листа. Авторская нумерация листов: «236—238» («237» дважды). Хранится: *РГБ*. Ф. 93. I. 1. 2/6; см.: *Описание*. С. 116. Декабрь 1865 г.; 2) начала главы II третьей части (см. 6, 179, строка 33 — с. 180, строка 4). 2 листа. Авторская нумерация листов: «262—263». Хранится: *РГБ*. Ф. 93. I. 1. 2/7; см.: *Описание*. С. 117. Январь—февраль 1866 г.; 3) главы III — начала главы IV третьей части (см. 6, 190, строка 4 — с. 202, строка 21). 16 листов. Авторская нумерация листов: «277—292». Хранится: *РГБ*. Ф. 93. I. 1. 2/8; см.: *Описание*. С. 117. Январь—февраль 1866 г. Опубликовано: *ЛП*. С. 620—625, 633—636, 645—672.

НР — Наборная рукопись: 1) отрывок главы V четвертой части (см. 6, 289, строка 8 — с. 299, строка 11); 2) конец главы V — начало главы VI четвертой части (см. 6, 302, строка 25 — с. 304, строка 16). 14 листов. Авторская нумерация листов: «60—71, 76—77». Хранится: *ИРЛИ*. Ф. 160. Т. 1. Л. 51; см.: *Описание*. С. 117—118. Июль—начало августа 1866 г. Опубликовано (в виде вариантов): *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 263—268.¹

РВ — 1866. № 1, 2, 4, 6—8, 11, 12.

1867 — *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом / Изд. испр. СПб.: Изд. А. Базунова, Э. Праца и Я. Вейденштрауха, 1867. Т. 1—2.

1870 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. / Вновь просмотр. и доп. автором. СПб.: Изд. Ф. Стелловского, 1870. Т. 4.²

1877 — *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом / 4-е изд. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1877. Т. 1—2.

Впервые напечатано в *РВ*. 1866. № 1. С. 35—120; № 2. С. 470—574; № 4. С. 606—689; № 6. С. 742—793; № 7. С. 263—341;

¹ Публикацию ряда пунктуационных вариантов *НР* см.: *Тарасова, 2007*.

² Об этом издании и правомочности учета отличий его текста см. 7, 471.

№ 8. С. 690—723; № 11. С. 79—155; № 12. С. 450—488, с подписью: Ф. Достоевский.¹

Текст романа печатается по изданию 1877 с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями по предыдущим изданиям и сохранившимся рукописям:

С. 16,² строки 26—27: «сострадания и чувства ищущу. Не веселья, а единой скорби ищущу...» вместо «сострадания и чувства ищущу...» (по *РВ* и *ЧА*₂).³

С. 17, строка 1: «пошло прахом» вместо «прошло прахом» (по *РВ*, 1867, 1870 и *ЧА*₂).

С. 18, строка 2: «сам в познании сем был некрепок» вместо «сам был некрепок» (по *РВ*, 1867, 1870).

С. 22, строка 15: «Говорите, сударь» вместо «Говори, сударь» (по *РВ*).

С. 28, строка 4: «Каку работу?» вместо «Какую работу?» (по *РВ*, 1867, 1870).

С. 29, строка 11: «Афанасия Ивановича» вместо «Василия Ивановича» (по согласованию с последующим текстом).

С. 38, строка 38: «так ежжал» вместо «там ежжал» (по *РВ*).

С. 40, строка 14: «оподлит дух свой» вместо «оподлить дух свой» (по *РВ*, 1870).

С. 41, строка 5: «Понимаете ли, понимаете ли вы» вместо «Понимаете ли, понимаете ли, понимаете ли вы» (по *РВ*, 1867, 1870).

С. 48, строка 29: «ища усиленно развлечения» вместо «ища усиленного развлечения» (по *РВ*).

С. 55, строка 41: «как ребенок малый» вместо «как ребенок малый» (по *РВ*, 1867, 1870).

С. 62, строки 11—12: «и обвязал тоненькою тесемочкой, тоже накрест, а узелок приладил так» вместо «и обвязал так» (по *РВ*).

С. 73, строка 4: «Незванный гость» вместо «Незнакомый гость» (по *РВ*, 1867, 1870).

С. 76, строка 16: «на незнакомой лестнице» вместо «на незнакомой улице» (по *РВ*, 1867, 1870).

С. 79, строка 5: «Он и не подумал» вместо «Он и не думал» (по *РВ*, 1867, 1870).

---

¹ Деление на части и главы в журнальной публикации было иным, нежели в отдельных изданиях (см. об этом во вступ. статье, с. 449). Указываем последовательность публикации романа в *РВ* по тексту 1877: № 1 — часть 1-я; № 2 — часть 2-я; № 4 — часть 3-я; № 6 — часть 4-я, главы I—IV; № 7 — часть 4-я, главы V—VI, часть 5-я, главы I—III; № 8 — часть 5-я, главы IV—V; № 11 — часть 6-я, главы I—VI; № 12 — часть 6-я, глава VII—VIII, эпилог.

² Здесь и ниже указаны страницы т. 6 наст. изд.

³ Об этом исправлении подробнее см.: *ЛП*. С. 733.

С. 80, строки 1—2: «соображение его ослабело» вместо «соображение его ослабло» (по РВ, 1867, 1870).

С. 84, строка 32: «поручик, помощник квартального надзирателя» вместо «помощник квартального надзирателя» (по РВ и ЧА₁).

С. 87, строка 11: «а они пришьоль» вместо «и они пришьоль» (по 1867, 1870).

С. 91, строка 24: «стиснул руками голову» вместо «стянул руками голову» (по РВ, 1867, 1870 и ЧА₁).

С. 82, строки 15—16: «пойти вместе с ними» вместо «пойти вместе с ним» (по РВ, 1867, 1870).

С. 94, строка 36: «приложенный у забора желоб» вместо «приложенный у забора желоб» (по РВ, 1867, 1870).

С. 96, строки 6—7: «ты до сих пор даже и не заглянул» вместо «до сих пор даже и не заглянул» (по РВ, 1867, 1870).

С. 96, строки 13—14: «ночью решено было в воду кинуть, то решено было» вместо «ночью решено было» (по РВ, 1867, 1870).

С. 99, строка 4: «он, отскочив к перилам» вместо «он отскочил к перилам» (по РВ, 1867, 1870 и ЧА₃).

С. 101, строки 9—10: «Вот и толпа расходится» вместо «Вот толпа расходится» (по РВ, 1867, 1870).

С. 103, строка 18: «все величают» вместо «всё величают» (по РВ, 1867, 1870).

С. 112, строки 42—43: «эти износишь» вместо «это износишь» (по РВ, 1867, 1870).

С. 115, строка 15: «Порфирий Петрович» вместо «Порфирий Семенович» (унификация).

С. 119, строка 27: «испужались мы» вместо «испугались мы» (по РВ, 1867, 1870).

С. 120, строки 6—7: «по всей то есь любви» вместо «по всей то есть любви» (по РВ, 1867, 1870).

С. 128, строки 9—10: «есть увлечения, неправильности» вместо «есть увлечение, неправильности» (по РВ, 1867, 1870).

С. 130, строки 40—41: «убита одним из закладчиков, то и это, стало быть, был человек из общества более высшего» вместо «убита одним из общества более высшего» (по РВ).

С. 138, строка 22: «я ведь не назло» вместо «я ведь не назло» (по РВ, 1867, 1870).

С. 140, строка 21: «для этакой цели» вместо «для этой цели» (по РВ, 1867, 1870).

С. 142, строка 20: «выговорил почему-то Заметов» вместо «говорил почему-то Заметов» (по РВ, 1867, 1870).

С. 144, строки 10—11: «весь дрожа от какого-то дикого истерического ощущения» вместо «весь дрожа от какого дикого истерического ощущения» (по РВ, 1867, 1870).

С. 144, строка 20: «установил его мнение» вместо «остановил его мнение» (по РВ).

С. 147, строки 30—31: «села и стала чихать и фыркать» вместо «села, стала чихать и фыркать» (по РВ, 1867, 1870).

С. 147, строка 37: «подле живем» вместо «подле живет» (по РВ, 1867, 1870).

С. 149, строка 12: «Тит Васильич» вместо «Тит Васильевич» (по РВ, 1867, 1870).

С. 149, строка 19: «с тем то есь» вместо «с тем то есть» (по РВ, 1867, 1870).

С. 153, строка 10: «был шагах в тридцати» вместо «был в шагах тридцати» (по РВ, 1867, 1870).

С. 159, строка 10: «и о необъятном кринолине» вместо «и необъятном кринолине» (по РВ, 1867, 1870).

С. 165, строка 1: «тебе всё прямо скажу» вместо «тебе не всё прямо скажу» (по РВ, ЧА₄ и БА).¹

С. 174, строка 1: «вы забылись» вместо «вы забыли» (по РВ).

С. 179, строка 39: «принял в себя» вместо «принял в себе» (по РВ, ЧА₄ и БА).

С. 188, строка 16: «он там наговорил» вместо «он там натворил» (по ЧА₄).

С. 193, строка 35: «я наткнулся» вместо «и наткнулся» (по РВ, 1867,² ЧА₄ и БА).

С. 199, строки 18—19: «а стало быть» вместо «я стало быть» (по 1867, 1870).

С. 210, строки 28—29: «неизвестно чему поддакивал» вместо «известно чему поддакивал» (по РВ, 1867, 1870).

С. 231, строка 9: «всё до корней» вместо «всё до крайней» (по РВ, 1867, 1870).

С. 231, строка 40: «Всего легче!» вместо «Всего лучше!» (по РВ, 1867, 1870).

С. 250, строки 19—20: «не стал бы я предлагать так прямо; да и не стал бы я предлагать всего только десять тысяч» вместо «не стал бы я предлагать всего только десять тысяч» (по РВ, 1867, 1870).

С. 258, строка 11: «всё наше будущее» вместо «всё будущее» (по РВ, 1867, 1870).

С. 259, строка 3: «обязательствах, существующих между нами» вместо «обстоятельствах, существующих между нами» (по РВ, 1867, 1870).

С. 273, строка 33: «миленькие ботиночки» вместо «маленькие ботиночки» (по РВ).

С. 276, строки 17—18: «Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница!» вместо «Да ведь я... бесчестная...» (по РВ и по контексту).³

¹ Об этом исправлении подробнее см.: ЛП. С. 733.

² В 1870: я и наткнулся

³ Об этом исправлении см. с. 780—781, коммент. к 7, 190.

С. 281, строка 20: «приходит ко гробу» вместо «проходит ко гробу» (опечатка во всех изданиях).¹

С. 291, строки 42—43: «да и что такое в сущности форма» вместо «да что такое в сущности форма» (по РВ, 1867, 1870).

С. 294, строки 3—4: «не убежит от меня» вместо «не убежит меня» (по РВ, 1867, 1870).

С. 294, строка 23: «приятно-с» вместо «приятно» (по НР).

С. 297, строка 18: «А-ах!» вместо «А-х!» (по НР).

С. 297, строки 41—42: «Ведь я понимаю» вместо «Ведь и понимаю» (по РВ, 1867, 1870 и НР).

С. 302, строка 41: «батюшка» вместо «батенька» (по НР).

С. 304, строки 11—12: «стал неподвижно» вместо «стал неподвижен» (по НР).

С. 306, строка 15: «А уж я и не знаю» вместо «А уж и не знаю» (по РВ).

С. 312, строки 41—42: «незнакомые покойному» вместо «незнакомые покойнику» (по РВ, 1867, 1870).

С. 314, строки 11—12: «так на него и накинулся» вместо «так на его и накинулся» (по РВ, 1867, 1870).

С. 314, строка 13: «поскорей и немедленно» вместо «поскорей немедленно» (по РВ).

С. 314, строки 23—24: «худосочный и золотушный человечек» вместо «худосочный и золотушный человек» (по РВ и 1867).

С. 317, строка 24: «Вон у нас» вместо «Вот у нас» (по РВ, 1867, 1870).

С. 319, строка 35: «вы не понимаете» вместо «не понимаете» (по РВ, 1867, 1870).

С. 319, строка 42: «Жаль тоже, что при всей своей энергии» вместо «Жаль тоже, при всей своей энергии» (по РВ, 1867, 1870).

С. 320, строки 5—6: «был у нас дебатирован» вместо «у нас дебатирован» (по РВ, 1867, 1870).

С. 327, строка 38: «все жили в мире и радости» вместо «все жили в мире и радостно» (по РВ, 1867, 1870).

С. 330, строки 22—23: «посадила его за столом подле себя» вместо «посадила его за стол подле себя» (по РВ, 1867, 1870).

С. 340, строки 6—7: «Прибавляю еще» вместо «Прибавляю еще» (по РВ, 1867, 1870).

С. 344, строка 28: «это вы правду говорите» вместо «это правду говорите» (по РВ, 1867, 1870).

С. 356, строки 28—29: «да какая ж это правда» вместо «да какая ж эта правда» (по РВ, 1867, 1870).

С. 357, строки 5—6: «а сами ничего не взяли» вместо «а сами ничего взяли» (по РВ, 1867, 1870).

---

¹ Об этом исправлении см. с. 704, коммент. к 6, 281, а также: 1926. С. 475.

С. 368, строки 28—29: «детей заставляет петь и плясать» вместо «детей заставляет плясать» (по РВ).

С. 369, строка 11: «начинала им растолковывать» вместо «начала им растолковывать» (по РВ, 1867, 1870).

С. 370, строка 33: «Родион Романыч» вместо «Родион Романович» (по РВ).

С. 370, строка 38: «теперь я этих сама кормить буду» вместо «теперь и этих сама кормить буду» (по РВ, 1867, 1870).

С. 386, строка 6: «опять борьба — значит, нашелся исход» вместо «опять — значит, нашелся исход» (по РВ, 1867, 1870).

С. 389, строка 17: «самую махочкую черточку» вместо «самую махочку черточку» (по РВ, 1867, 1870).

С. 391, строки 40—41: «где-нибудь там, в огороде, — в огороде ведь, говорили вы» вместо «где-нибудь там, в огороде, — ведь говорили вы» (по РВ, 1867, 1870).

С. 392, строка 13: «после того как он» вместо «после того он» (по РВ, 1867, 1870).

С. 395, строка 8: «Признаётся аль нет» вместо «Признается аль нет» (по РВ).

С. 395, строка 35: «Не хочу, чтобы вы» вместо «Не хочу, что вы» (по РВ, 1867, 1870).

С. 398, строка 29: «а там вдруг» вместо «а так вдруг» (по РВ, 1867, 1870).

С. 402, строка 36: «Да и дорога к вам» вместо «Да дорога к вам» (по РВ, 1867, 1870).

С. 403, строка 42: «взглядывая» вместо «вглядывая» (по РВ, 1867, 1870).

С. 403, строки 43—44: «ответил Свидригайлов» вместо «спросил Свидригайлов» (по смыслу).

С. 409, строки 18—22: «Ну, да и Авдотья-то Романовна! Я очень хорошо понял, с первого взгляда, что тут дело плохо, и — что вы думаете? — решился было и глаз не подымать на нее. Но Авдотья Романовна сама сделала первый шаг» вместо «Ну, да и Авдотья Романовна сама сделала первый шаг» (по РВ, 1867, 1870).

С. 415, строки 35—36: «ангельчика, в тюлевом платьице, со взбитыми локончиками, с краскою девичьего стыда» вместо «ангельчика, с краскою девичьего стыда» (по РВ, 1867, 1870).

С. 416, строки 31—32: «нашу публику» вместо «вашу публику» (по РВ).

С. 418, строка 31: «только заранее скажу» вместо «только заранее» (по РВ, 1867, 1870).

С. 422, строки 23—24: «просторные комнаты» вместо «просторные комнаты» (по РВ, 1867, 1870).

С. 434, строки 17—18: «в необыкновенно возбужденном состоянии» вместо «в обыкновенно возбужденном состоянии» (по РВ, 1867, 1870).

С. 435, строка 11: «отдаленный номер» вместо «отдельный номер» (по РВ, 1867, 1870).

С. 445, строка 1: «я вас всегда любил» вместо «я вас любил» (по РВ, 1867, 1870).

С. 445, строка 13: «вижу по всему» вместо «вижу по своему» (по РВ, 1867, 1870).

С. 445, строки 13—14: «оттого ты и тоскуешь» вместо «оттого ты тоскуешь» (по РВ, 1867, 1870).

С. 460, строки 17: «предметов, лежавших в ней» вместо «предметов, лежащих в ней» (по РВ, 1867, 1870).

С. 465, строки 35—36: «каждый месяц писала в Петербург на имя Разумихина и аккуратно каждый месяц получала из Петербурга ответ» вместо «каждый месяц получала из Петербурга ответ» (по РВ, 1867, 1870).

С. 465, строка 40: «из этих писем в результате» вместо «в этих письмах в результате» (по РВ, 1867, 1870).

С. 470, строки 33—31: «Она улыбалась и откланивалась, и все они любили, когда она им улыбалась» вместо «Она им улыбалась» (по РВ, 1867, 1870).

1

«Преступление и наказание» создано в 1865—начале января 1867 г.¹ Но вместе с тем это и итог многолетних, более ранних размышлений Достоевского. Из его писем к А. Н. Майкову и М. М. Достоевскому мы знаем, что еще на каторге в творческом сознании писателя складывалась «большая окончателная (...) повесть» (письмо А. Н. Майкову от 18 января 1856 г.; *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 1. С. 209). Замысел ее сменился рядом других романических замыслов, оставшихся неосуществленными или осуществленными по условиям жизни и писательской работы Достоевского 1850-х и начала 1860-х годов лишь в урезанном виде по сравнению с первоначальными, более широкими планами (см. краткое изложение этих планов и их эволюции: 3, 557—560). Как можно думать, сюжет «Преступления и наказания» вобрал в себя множество элементов из этих более ранних, в свое время не осуществленных замыслов.

О том, что одна из центральных идей романа вполне сложилась уже к 1863 г., свидетельствует дневник А. П. Суловой. Здесь под 17 сентября 1863 г. А. П. Сулова, находившаяся в это время вместе с Достоевским в Италии, в Турине, сделала следующую запись: «Когда мы обедали (в гостинице, за table d'hôte'ом. — *Ред.*), он, смотря на девочку, которая брала уроки, сказал: „Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: «Истребить весь город». Всегда так было на свете”».² Эта запись — первое

¹ На первой неделе января 1867 г. Достоевским в Москве дорабатывался эпилог (см. ниже, с. 468—469).

² Сулова А. П. Годы близости с Достоевским: Дневник. Повесть. Письма. М., 1928. С. 60.

документальное свидетельство, вводящее нас в круг основных философских идей будущего «Преступления и наказания». Однако к творческой работе над романом и к обдумыванию его сюжета Достоевский обратился позднее.

Существенным этапом на пути, приблизившим автора к «Преступлению и наказанию», явилась работа над «Записками из подполья». Трагедия мыслящего героя-индивидуалиста, его горделивое упоение своей «идеей» и поражение перед лицом «живой жизни», в качестве воплощений которой в «Записках» выступает прямая предшественница Сони Мармеладовой — девушка из публичного дома, образ которой в «Записках», однако, не несет еще той глубокой философско-этической нагрузки, какую несет образ Сони,¹ — эти основные общие контуры «Записок» непосредственно подготавливают «Преступление и наказание».²

Следующее известное нам звено в истории разработки замысла «Преступления и наказания» — план романа «Пьяненькие», задуманного в 1864 г. Единственная дошедшая до нас заметка к нему под этим заглавием, начинающаяся словами «Оттого мы пьем...» (7, 5), находится в записной книжке 1863—1864 гг., среди записей середины лета 1864 г. Замысел, который Достоевский обдумывал на протяжении 1864—1865 гг. (см. о нем 7, 409—413), предшествовал роману «Преступление и наказание», вобравшему в себя отдельные элементы как его сюжета (пьяный чиновник и его семья), так и проблематики. По мнению Б. Н. Тихомирова, «роман этот мыслился Достоевским не просто как картины быта и нравов, но как произведение с масштабной (...) религиозно-этической проблематикой» (Тихомиров, 1997. С. 246; см. также: Фридлендер. С. 137—138; Коган, 1981. С. 434). Исследование причин пьянства, занимавшее Достоевского при обдумывании замысла «Пьяненьких», обнаруживается в первой редакции «Преступления и наказания» как попытка выявления его корней в глубоком социальном неравенстве: «...когда вы в первый раз поцелуете сапог у другого, вам подобного существа, — говорит Мармеладов Раскольникову, — вы непременно придете домой пьяненькой-с. Вот

---

¹ В рукописных редакциях «Преступления и наказания» Соня Мармеладова постепенно эволюционировала к «прямой противоположности» того образа падшей женщины, который Достоевский дал в «Записках из подполья» (Розенблюм. С. 179).

² Высказывалось предположение, что замысел «Преступления и наказания» восходит «к началу 1850-х годов» и что под задуманным Достоевским романом «Исповедь», упоминаемым в письме к брату от 9 октября 1859 г. (Акад. ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 351), писатель имел в виду «Историю Раскольникова» (см.: Гроссман, Биография. С. 331, где название «Роман-исповедь» дано главе о «Преступлении и наказании»). О замысле «Исповеди» и о более вероятной связи его с «Записками из подполья» см.: 3, 560; 5, 482, 487—488, а также 7, 775, коммент. к с. 121.

оттого-то и пьянство пошло» (7, 114; из последующих редакций сен-тенция Мармеладова исчезает, поскольку «прах ног» сановника он лобызает «мысленно»)¹. Несмотря на страшные жизненные коллизии, порождаемые алкоголизмом (судьба семейства пьющего чиновника и его исповедь намечены уже в материалах первой редакции романа), замысел ненаписанного произведения, по-видимому, предполагал то воззвание к «пьяненьким» всепрощающего Бога, которое в исступлении провозглашает на страницах «Преступления и наказания» Мармеладов.

После безрезультатных попыток получить аванс за еще ненаписанный роман «Пьяненькие», предпринимавшихся в июне—начале июля 1865 г., Достоевский оставил его и за границей задумал повесть, замысел которой явился зерном будущего «Преступления и наказания». В сентябре 1865 г. он предложил ее издателю «Русского вестника» М. Н. Каткову.² До этого писатель никогда не печатался в этом журнале. Самую мысль обратиться теперь в «Русский вестник» подала, по всей вероятности, княжна Н. П. Шаликова, писательница (псевдонимы Е. Нарская и Н. Горская), родственница Каткова. В позднейшем письме к Достоевскому (май 1873 г.) она вспоминала «встречу в Висбадене у о. Янышева» (тамошнего священника) и «непродолжительную», но полную искренности беседу в аллеях Висбадена (*РГБ*. Ф. 93/П. 9. 130; *Летопись*. Т. 2. С. 41).

Достоевский не сразу решил обратиться в «Русский вестник». В августе 1865 г. он еще надеялся получить аванс за повесть и за обещанные «Письма из-за границы» от «Библиотеки для чтения» (см. о несохранившемся письме Достоевского к соиздателю журнала Н. Н. Воскобойникову (издателем был П. Д. Боборыкин) от первых чисел августа 1865 г.: *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 526). Н. Н. Воскобойников писал 12 (24) августа в Висбаден: «От редакции „Библиотеки для чтения“ нельзя ждать денег до конца русского августа. Когда получатся, поспешу выслать их Вам, а Вас покорнейше прошу облегчить мне это либо Вашею повестью, либо Вашими письмами, а еще лучше тем и другим. Всё это было бы приобретением для нас, а для меня лично еще великою радостью... В заключение покорно прошу Вас дозволить мне прислать Вам хотя бы сто франков, до 26-го ав-

---

¹ О преломлении в творчестве Достоевского темы пьянства см.: Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Достоевский над бездной безумия. М., 2003. С. 104—113.

² В письме к жене от 23 марта (4 апреля) 1868 г. Достоевский вспоминал, как в 1865 г. в Висбадене «после проигрыша выдумал „Преступление и наказание“ и подумал завязать сношения с Катковым» (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 290). Воспоминание не было учтено в *Акад. ПСС* (Т. 7), о нем напомнил Б. Н. Тихомиров в своей диссертации (см.: Тихомиров Б. Н. Творческая история романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. С. 3).

густа, если бы они скопились у нас, на что, впрочем, мало надежды» (*Д. Письма*. Т. 1. С. 579; *Летопись*. Т. 2. С. 37—38; о планах, связанных с «Библиотекой для чтения», см. также в письме Достоевского к А. П. Сусливой от 12 (24) августа 1865 г.: *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 132). В первой половине августа из Висбадена Достоевский написал своему давнему знакомому (еще со времен кружка Петрашевского) А. П. Милюкову. Письмо не сохранилось (см.: Там же. С. 526; датировка: *Летопись*. Т. 2. С. 38), но в воспоминаниях Милюков рассказывает его содержание и приводит цитаты: «Сижу в отеле, кругом должен, и мне грозят; денег ни гроша»; сюжет задуманной повести «расширился и разбогател». Затем следовала просьба «запродать повесть хоть куда бы ни было, но только с условием выслать немедленно 300 рублей». Милюков обошел редакции «Библиотеки для чтения», «Современника», «Отечественных записок»; везде получил отказ (*Милюков*. С. 225—227).

Беловой текст письма Достоевского к Каткову (оно было написано между 10 и 15 (22 и 27) сентября) неизвестен. Но письмо было отправлено, так как в октябре 1865 г. просимые деньги были посланы Достоевскому редакцией «Русского вестника». Позднее, в ноябре—декабре, когда в ходе работы замысел преобразился и повесть превратилась в роман, из-за размера гонорара возникли осложнения, но в начале 300 руб. аванса за повесть были высланы автору сразу. Правда, денег этих Достоевский своевременно не получил. Они пришли в Висбаден, когда писатель уже уехал оттуда, и были пересланы ему И. Л. Янышевым в Петербург.

К моменту обращения Достоевского к Каткову издававшийся им журнал занимал ведущую позицию в борьбе с нигилизмом. Своему письму к издателю «Русского вестника» Достоевский придавал большое значение: в записной тетради с подготовительными материалами к роману находится его черновик. Эти несколько страниц имеют первостепенную важность для датировки начальных стадий работы и для представления о ее характере. Достоевский писал Каткову:

«Могу ли я надеяться поместить в Вашем журнале „Р(усский) В(естник)“ мою повесть?»

Я пишу ее здесь, в Висбадене, уже 2 месяца и теперь оканчиваю. В ней будет от пяти до шести печатных листов. Работы остается еще недели на две, даже, может быть, и более. Во всяком случае, могу сказать наверно, что через месяц и никак не позже она могла бы быть доставлена в редакцию „Р(усского) В(естника)“.

Идея повести, сколько я могу предпола(гать), не могла бы ни в чем противоречить Вашему журналу; даже напротив. Это — психологический отчет одного преступления.

Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шатости в понятиях поддавшись некоторым странным „недоконченным“ идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положе-

ния. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты. Старуха глупа, глуха, больна, жадна, берет жидовские проценты, зла и заедает чужой век, мучая у себя в работницах свою младшую сестру. „Она никуда не годна“, „для чего она живет?“ „полезна ли она хоть кому-нибудь?“ и т. д. Эти вопросы сбивают с толку молодого человека. Он решает убить ее, обобрать; с тем, чтоб сделать счастливою свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков, от сластолюбивых притязаний главы этого помещичьего семейства — притязаний, грозящих ей гибелью, докончить курс, ехать за границу и потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении „гуманного долга к человечеству“, чем, уже конечно, „загладится преступление“, если только может назваться преступлением этот поступок над старухой глухой, глупой, злой и больной, которая сама не знает, для чего живет на свете, и которая через месяц, может, сама собой померла бы.

Несмотря на то, что подобные преступления ужасно трудно совершаются — то есть почти всегда до грубости выставляют наружу концы, улики и проч. и страшно много оставляют на долю случая, который всегда почти выдает винов(ных), ему — совершенно случайным образом удастся совершить свое предприятие и скоро, и удачно.

Почти месяц он проводит после того до окончательной катастрофы. Никаких на них подозрений нет и не может быть. Тут-то и развертывается весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он — кончает тем, что *принужден* сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его. Закон правды и человеческая природа взяли свое, убежд(ение *¿*) внутреннее (*¿*) даже без сопр(отивления *¿*). Преступн(ик) сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело. Впрочем, трудно мне разъяснить вполне мою мысль. (...)

В повести моей есть, кроме того, намек на ту мысль, что налагаемое юридическ(ое) наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти и потому, что он и сам его нравственно требует.

Это видел я даже на самых неразвитых людях, на самой грубой случайности. Выразить мне это хотелось именно на развитом, на нового поколения человеке, чтобы была ярче и осязательнее видна мысль. Несколько случаев, бывших в самое последнее время, убедили, что сюжет мой вовсе не эксцентричен. Именно, что убийца развитой и даже хорош(их) накл(онностей) м(олодой) человек. Мне рассказывали прошлого года в Москве (верно) об одном студенте, выключенном из университета после московск(ой) студент(ской) истории — что он решился разбить почту и убить почтальона. Есть еще много следов в наших газетах о необыкновенной шатости понятий, подвига-

ющих на ужасные дела.¹ (Тот семинарист, который убил девушку по уговору с ней в сарае и которого взяли через час за завтрак(ом), и проч.) Одним словом, я убежден, что сюжет мой отчасти оправдывает современность.

Само собою разумеется, что я пропустил в этом теперешнем изложении идеи моей повести — весь сюжет. За занимательность ручаюсь, о художественном исполнении — не беру на себя судить. Мне слишком много случалось писать очень, очень дурных вещей, торопясь, к сроку и проч. Впрочем, эту же вещь я писал неторопливо и с жаром. Постараюсь, хотя бы для себя *только*, кончить ее как можно лучше» (*Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 136—138*).²

Совсем не касаясь того, что составляло особенную трудность в работе — поиски нужного тона, художественной формы, Достоевский подробно определил в письме содержание и главную идею повести. «Психологический отчет» о преступлении, которое родилось под воздействием современных «недоконченных идей», и о нравственном раскаянии преступника, убедившегося таким образом в несостоятельности этих идей, — таков основной смысл повести. В ней не предполагался еще на этой стадии работы тот огромный социальный фон, какой при-

---

¹ О публикациях, которые могли привлечь внимание Достоевского в сентябре 1865 г., см.: 7, 476 (дело Чистова), 663—664 (дело фальшивомонетчиков), а также: *Коган, 2000. С. 173—174*.

² Попытку интерпретировать письмо Достоевского к Каткову как отражение не одной, а двух, сменивших одна другую, редакций произведения (первоначальная (висбаденская) редакция — «психологический отчет одного преступления», следующая редакция — «новый этап эволюции замысла», связанный с «идеей непреложности нравственного возмездия») см. в статье Б. Н. Тихомирова: *Д, Словарь-справочник, 2008. С. 148—150*. Здесь же утверждается, что в первоначальном замысле (вопреки свидетельству автора, запечатленному в письме, которое предполагает изображение рокового события, по-видимому, как воспоминание героя) «еще нет преступления», а сам он представляет собою «философскую притчу» (хотя эта жанровая модификация чужда сложным психологическим построениям). Несмотря на то что Достоевский в письме говорит о «неразрешимых вопросах», встающих перед убийцей, «неподозреваемых и неожиданных чувствах», замысел повести характеризуется как «элементарный по интеллектуальной оснастке» (*Тихомиров, 2005. С. 16*). Письмо Достоевского к Каткову не дает оснований для таких заключений. О притчевой основе «Преступления и наказания» см. также: *Габдуллина В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Барнаул, 2008. С. 175—185*; о сложном характере свойственного Достоевскому психологизма, неразрывно слитого в его произведениях с проблемами социально-нравственного и религиозно-философского характера, см.: *Фрилендер Г. М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Д, Материалы и исследования. Т. 4. С. 10—12*.

существовал в замысле «Пьяненьких» и вошел в роман «Преступление и наказание» с линией Мармеладова. Названия повести в письме нет; поскольку запись ее начала в тетради утрачена, оно остается нам неизвестным. Возможно, в ту пору его еще не было.¹

Кроме письма к Каткову, сохранились два сентябрьских письма к А. Е. Врангелю со свидетельствами о работе над повестью. 10 (22) сентября, рассказывая о бедственном своем положении и прося в долг 100 талеров, Достоевский писал: «Надеялся я на мою повесть, которую пишу день и ночь. Но вместо 3-х листов она растянулась в 6, и работа до сих пор не окончена. Правда, мне же больше денег придется, но во всяком случае раньше месяца я их не получу из России. А до тех пор? Здесь уже грозят полицией. Что же мне делать?» (Там же. С. 135). Через шесть дней, в письме от 16 (28) сентября 1865 г., Достоевский благодарил Врангеля за присланные деньги, рассказывал про письмо к Каткову и про свою работу: «А между тем повесть, которую я пишу теперь, будет, может быть, лучше всего, что я написал, если дадут мне время ее окончить. О друг мой! Вы не поверите, какая мука писать на заказ» (Там же. С. 140).

На этом исчерпываются эпистолярные и мемуарные свидетельства, относящиеся к первому — заграничному — периоду работы. Наиболее существенная, внутренняя, творческая ее сторона раскрывается авторскими рукописями.

2

В хронологически первой рабочей тетради, содержащей подготовительные материалы к роману, авторские даты имеются лишь в двух случаях.

На самой первой странице, заполненной мелкими, одновременными заметками (разными чернилами и явно не одним пером), в одном месте помечено: «7-е августа».² На странице (18) этой тетради датирована запись, сделанная на пароходе «Vice-гоу» («Вице-король»): «14 октября» (7, 106, 119). На этом пароходе Достоевский возвращался в октябре 1865 г. из Копенгагена в Кронштадт. Позднейшие записи в тетради сделаны на страницах (150—152); в настоящем из-

---

¹ О письме к Каткову и о дальнейшей эволюции замысла романа см. также: *Карякин Ю. Ф.* Миф о «черной магии» Достоевского (черновики к «Преступлению и наказанию») // *РЛ.* 1972. № 1. С. 113—125.

² Нельзя, впрочем, исключить, что дата эта относится к августу 1864 г. и связана с теми столбиками цифр и расчетов, которые находятся в верхней части страницы; вероятнее всего, расчеты делались во время издания журнала «Эпоха», как и все записи в начальной, следующей за страницей с датой «7-е августа», части тетради, заполненной набросками журнальных статей с пропуском многочисленных пробельных страниц, на которых спустя год и появились подготовительные материалы к «Преступлению и наказанию».

дании (в отличие от *Акад. ПСС*) они отнесены к третьей редакции (см. ниже, с. 760).

Довольно точной датировке поддается черновик приведенного выше письма к М. Н. Каткову. Из сопоставления этих трех дат видно, что положение в начале тетради не означает обязательно раннюю пору записи. Несомненно, не только письмо к издателю «Русского вестника», но и весь текст первой — краткой — редакции (Достоевский сообщал в середине сентября Каткову, что пишет повесть в Висбадене два месяца, хотя приехал туда за полтора месяца до этого, по-видимому, 29 июля (10 августа)) предшествуют октябрьской заметке на пароходе. Сама эта заметка относится к тому времени, когда обещанная «Русскому вестнику» повесть уже заканчивалась: на соседних страницах — записи о «доказании на себя», прощании с дочерью Мармеладова, «поклоне народу» и «признании» убийцы (7, 120).

Повесть не была закончена Достоевским; изложение обрывается в начале VI главы: выздоровевший убийца идет в трактир узнать, что пишут о преступлении газеты. Здесь происходит встреча с Заметовым (письмоводителем, знакомым герою по конторе, куда он был вызван по случаю долга хозяйке) и с неизвестным «каким-то очень толстым господином» — следователем (см. ЧА₁).

Отдельные заметки, конспекты, планы вносились в тетрадь как одновременно с писанием первой редакции (иногда прерывая ее текст), так и позднее. Датировать их можно промежутком времени от августа по октябрь 1865 г. В основном они намечают развитие действия последних, не написанных глав: разговор с Заметовым о старухе, именинный вечер у Разумихина, письмо от матери, встреча с чиновником Мармеладовым, посещение квартиры убитой, допрос следователем, смерть Мармеладова, знакомство с его дочерью, признание народу (см. ПМ₁).

Сохранившийся черновик повести начинается на странице <43> этой тетради окончанием фразы: «по улицам» (7, 9). Если сопоставлять весь черновик с будущим романом, видно, что сюжетно он соответствует заключительным строкам первой части и главам I—IV и VI второй части. Характер повествования иной, чем в романе: через несколько дней после убийства герой вспоминает и записывает, как оно случилось. Рассказ ведется в первом лице. Это — дневник убийцы. На странице 45 проставлена дата дневниковой записи: «16 июня». Она открывается признанием: «Третьего дня ночью я начал писать и четыре часа просидел. Это будет документ... Этих листов у меня никогда не отыщут». Свой «отчет», дневник-исповедь он пишет для себя (7, 11).

Убийство случилось 9 июня: «Если б я стал записывать десятого числа, на другой день после девятого, — отмечает герой, — то ничего бы не записал, потому что в порядке ничего еще не мог припомнить. Точно кругом меня всё кружилось, и так было три дня» (Там же, примеч. 11). Сам дневник начат был 14 июня; написанное тогда составило сохранившуюся в отрывке первую главу. Глава вторая (16 июня) рассказывает о беспокойной ночи с 9-го на 10-е, о том, как утром явились дворник и Настасья с повесткой в квартал; далее следовал подробный

рассказ о посещении квартала. На странице <69> стоит цифра «3» (7, 41). Это третья глава повести. Она рассказывает о событиях того же дня — 10 июня. Когда ведется эта запись, не помечено (видимо, предполагается, что того же 16 июня). Рассказывается о том, как убийца отправился на Крестовский остров спрятать вещи, затем пошел к Разумихину, вернулся домой и впал в беспамятство. Со страницы <84> начинается четвертая глава (7, 60). Через несколько абзацев рассказ переходит (как и в окончательном тексте романа) на то, что случилось, когда герой совсем очнулся. Произошло это утром — на «пятый день», как говорит Разумихин (7, 62), т. е. как раз 14 июня. Идут диалоги и сцены с Настасьей, Разумихиным, артельщиком купца Шерстобитова, а потом Разумихин приносит новую одежду. Из всей повести эта глава в наибольшей мере близка к тексту будущего романа. Один из фрагментов прямо в записной тетради, но значительно позднее, когда писался окончательный текст романа, выправлен автором: герой был назван Раскольниковым и повествование велось не от его лица, а от автора (см. исправления и наброски в сносках: 7, 66—92). Этот выправленный Достоевским фрагмент свидетельствует ясно, что третье лицо, авторский голос, понадобились не только из-за огромного расширения материала, недоступного наблюдению и памяти героя, но и для того, чтобы полнее, подробнее, точнее, достовернее раскрыть его психологию. Напряженность, сложность, часто — безотчетность внутренней жизни героя требовала взгляда на нее всеведущего автора. Осознана эта художественная необходимость была позднее, пока же писалась дальше «исповедь».

Новое обозначение главы: VI — появилось лишь в конце связного изложения повести, на странице <31> записной тетради (7, 97, примеч. 6 и 17). Выходит, что есть и пятая глава, лишь не помеченная автором. Можно предположить, что она началась на странице <104> появлением, как и в окончательном тексте, доктора (он носит фамилию Бакавин, а не Зосимов) (7, 83). Действие происходит все в тот же день — 14 июня. После докторского осмотра в разговоре между Разумихиным и Бакавиным выясняется, что Разумихин хочет познать больного с Заметовым и что вместе с Заметовым хлопочет об оправдании красильщика, взятого по подозрению в убийстве. В разговоре участвует и Настасья, вспоминая Лизавету, а потом Разумихин и Бакавин (Бакалин) спорят об уликах убийства. Упоминается пристав следственных дел Порфирий. Бакавин именует его «хвастунишкой», а Разумихин защищает: «Порфирий гордый, но со способностями, и следовательно из него выйдет отличный. Теперь, при реформе, нам таких людей надо практичных» (7, 89). После ухода Бакавина Настасья говорит, что убитая Лизавета была беременна, а «робеночек-то», что нашли, когда ее «потрошили», был лекарев, т. е. Бакавина: «На шестом месяце была. Мальчик. Мертвенький» (7, 96).¹

¹ О переменах в рукописях и окончательном тексте романа, связанных с положением убитой Лизаветы, см. 7, 638—639, коммент. к 6, 58.

«Когда они вышли, я вскинулся навзничь и схватил себя за голову», — так заканчивается пятая глава (7, 97). В романе эпизод кончается иначе: появляется Лужин (глава V второй части). Когда писалась повесть, Лужина не было совсем. Шестая глава повести, оставшаяся неоконченной, рисует переживания героя после ухода Разумихина с Настасьей (7, 97—101). На третий день, т. е. 16 июня, он, обманув их всех и притворившись совсем больным, вышел из дому — «отыскивать себе другую квартиру» (7, 99). Он заходит в гостиницу, чтобы прочесть в газете о том, что там написано об убийстве старухи. Увидев Заметова и с ним какого-то господина, он все-таки потребовал номер, где была первая статья про убийство. «В газете...» — на этом изложение обрывается.

Рассказ от первого лица выдержан последовательно во всех шести главах, хотя принятая форма неизбежно ограничивала рамки изображения тем, что видит, помнит, знает сам герой или что ему кажется. Это много раз подчеркивается на первых же страницах: «Ключки и отрывки мыслей так и кишели в моей голове целым вихрем. Но я ни одной не помню...»; «да еще кто-то, не помню, не знаю» (о посетителях конторы); «Дальше ничего не помню»; «Право, мне помнится, что я как будто и засмеялся. Да, я помню...» (7, 10, 23, 38, 47). Даже и о том, что знает, он не всегда способен рассказать: «произошло во мне весьма странное обстоятельство, которое я не умею хорошо рассказать словами»; «не могу выразить»; «я не умею выразиться». И наконец, хотя пишется полная и совершенно искренняя исповедь, герою не всегда и не обо всем хочется говорить: «Дальше я не буду рассказывать. Одно ощущение — сумасшествие» (7, 48, 55; 100, примеч. 5).

Как всегда в черновиках Достоевского, на полях много заметок «вперед» — о дальнейшем развитии событий, вариантов текста, а также указаний для себя, автора.¹ Например: «Надо поминутно, чтоб высказывали среди рассказа совершенно ненужные и неожиданные мелочи»; «Как можно короче» (7, 12, примеч. 2; 49, примеч. 7).

Рукопись буквально испещрена множеством поправок. Как и другие черновые и беловые автографы Достоевского, она опровергает бытующее представление о том, что, торопясь к сроку, измученный безденежьем и долгами, Достоевский работал поспешно, наот-

---

¹ Такого типа заметка «вперед» — помета на верхнем поле страницы (45), относящаяся, по-видимому, к «серебреннику» («Старый был ювелир» — 7, 12, примеч. 2), у которого задержался по пути к ростовщице Повалищев (в окончательном тексте Кох) (см. страницу (65) тетради — 7, 37—38). С самого начала работы Достоевскому было ясно, что жертвами убийцы должны стать старуха и ее сестра. Поэтому неправомочным представляется отнесение пометы о «ювелире» к попытке Достоевского заменить старуху-процентщицу другим персонажем (см.: Тихомиров, 2005. С. 59—60), тем более что она в разговоре с Раскольниковым упоминает какого-то ювелира и его мнение о полученных ею вещах.

машь, сразу для печати. Рукописи демонстрируют огромную, взыскательнейшую работу буквально над каждой фразой.¹

В черновой рукописи повести правка шла по разным направлениям: расширение сюжета, уточнение характеристик, психологическое углубление, обогащение речи персонажей.² Особенно интересна, например, правка речи Луизы Ивановны, содержательницы публичного дома, вызванной в контору по случаю скандала в ее «благородном заведении».

В ходе работы над первой редакцией менялся состав персонажей, их имена. Главный герой не назван по фамилии. Разумихин обращается к нему: Василий, Васюк, Вася. Сам Разумихин назван был так сразу (он, как и в окончательном тексте романа, поясняет, что на самом деле его фамилия Вразумихин). Не менялось имя хозяйкиной прислуги, появляющейся довольно часто: Настасья. Сама хозяйка называется Софья Тимофеевна, Сонечка. Над строкой на странице (91) исправлено: Катерина Прохоровна (7, 65, примеч. 5); В. Л. Комарович справедливо полагал, что имя хозяйки было изменено, когда появился Мармеладов с дочерью Соней (*Комарович, Лит. наследство. С. 263*). Позднее, когда писался роман, хозяйка стала называться Пашенькой, Прасковьей, а затем Юлией Прохоровной Зарнищыной; имя Катерина было отдано жене Мармеладова. Пристав следственных дел (будущий Порфирий Петрович), приятель Бакавина и Заметова, называется в первой записной тетради то Порфирием Степанычем, то Порфирием Филиппычем Семеновым, то Порфирием Ивановичем (7, 85, 86, 88, 91). По-видимому, Достоевский подбирал ему отчество; кроме того, нужно учитывать, что он писал дальше, не всегда помня во всех деталях предыдущее, поэтому в именах второстепенных лиц бывали описки. Поручик-порох, например, помощник квартального надзирателя, на соседних друг с другом страницах именуется то Александр Ильич, то Александр Петрович, то Илья Петрович (последнее имя закрепилось за ним) (7, 29, 32, 33, 39).

Не дописав повести, Достоевский в той же первой рабочей тетради намечал планы ее окончания. Находятся они в начале тетради (страницы (1—20, 26, 30, 42)), в середине ((94—95)) и в самом конце ((149)). Большая часть их озаглавлена («Prospectus», «Программа», «Перемена в программе» и др.). Два плана прерывают на страницах (94—95) связанное повествование первой редакции: «План. После сна...» и просто «План», сопровождаемый, однако, тремя значками NB (7, 101—103). Некоторые из намеченных здесь пунктов

¹ О творческих рукописях Достоевского см. сходные замечания Л. М. Розенблюм в статье: «Творческая лаборатория Достоевского-романиста» (*ЛН. Т. 77. С. 22—48*); см. также: *Фридлендер Г. М. Творческий процесс Достоевского // Д, Материалы и исследования. Т. 12. С. 12—17.*

² О мастерстве речевой характеристики в произведениях писателя см.: *Фридлендер, 1995. С. 325—326.*

были тут же реализованы — в написанной части повести; большинство относится к событиям после болезни героя.

Конец повести рисовался в этом плане так: «Страдания и вопросы — Сяся. — Эпизоды. Вдова Капет. Христос, баррикада. Мы недоделанное племя. Последние конвульсии. Признание» (7, 102).

Сяся, упомянутая здесь, что видно из других записей, — молодая девушка, дочь Лизаветы, с которой у преступника завязывается дружба (о ней есть записи и в подготовительных материалах второй редакции). Позднее Сяся станет знакомой Сони, а потом исчезнет из романа совсем.¹ Упоминание «вдовы Капет» (7, 102, 106, 113, 116, 174), т. е. казненной в 1793 г. французской королевы Марии Антуанетты, не вполне ясно. Предполагается, что она связывалась в рукописях с образом вдовы Мармеладова, еще молодой и красивой женщины.² «Вдова Капет» включалась писателем в сложную ассоциативную цепь, в которой упоминались и Христос, и баррикады, что могло быть связано с одной из сцен в романе В. Гюго «Отверженные», которая привлекла особое внимание Достоевского, — беседа епископа и старого члена Конвента о правосудии Божьем и революционном (см. 7, 767—768, коммент. к с. 102).

Прерывая текст повести, на странице <30> первой тетради внесен «Prospectus № 1». На странице <42> записан подробный проспект разговора в трактире с Заметовым. Затем Достоевский возвратился вперед, на свободную — <26-ю> страницу. Записан «Prospectus № 2-й» — новый проспект продолжения повести (7, 103—106). Проспект намечает развитие действия после возвращения из трактира и разговора там с Заметовым.

Впервые в этом наброске появляются мотивы, которые призваны неизмеримо расширить сюжет повести и превратить ее в роман. Это — история сестры и, главное, встреча с пьяным Мармеладовым; тут же намечается судьба его дочери. Кончается проспект так: «Вечером приходит к нему дочь чиновника. И вдруг: „Удивляюсь, почему Лизавету я не жалею. Бедное создание!“» (7, 106). Ясно, что покаяние произойдет под влиянием «дочери чиновника».

На первых страницах тетради подробно, со множеством художественных деталей, разрабатывался эпизод с чиновником. Судьба преступника связывалась с историей пьяного чиновника и его несчастного семейства. Самому герою приходят мысли о сходстве сво-

---

¹ По мнению Л. М. Розенблюм, исчезновение трагического образа Сяси, как и снятие детали, связанной с беременностью Лизаветы в момент убийства (об этом упоминалось только в журнальном тексте), отражали стремление писателя отказаться от усиления «и без того огромной вины преступника» (Розенблюм. С. 178).

² Мнение о том, что «вдовой Капет» Достоевский называет в черновиках Катерину Ивановну, впервые высказано в статье: Карякин Ю. Ф. Миф о «черной магии» Достоевского. С. 121; оспорено Л. Д. Опульской (см.: Акад. ПСС. Т. 7. С. 314). См. ниже, с. 777, примеч. к 6, 175.

его положения с грехом Мармеладова и его дочери (7, 109—115, 118—120).

В первой редакции промелькнул в связи с героиней ход, напомиравший о «Записках из подполья»: «Простое и забытое существо. А лучше грязную и пьяную с рыбой», причем подчеркивалось, что написать о дочери чиновника надо «мимоходом, чуть-чуть» (7, 121). Намечались разные варианты конца повести, краткие и более подробные, но все они соприкасались с дочерью Мармеладова, которой он «ноги целует»; эта фамилия появляется и сразу закрепляется (7, 118), как и ее имя Соня (впервые — 7, 113 — она так названа на странице <10> тетради). Связанная с ней сюжетная линия и взаимоотношения с героем в какой-то момент характеризовались автором в тетради в соответствии с ее «ремеслом» («К дочери пошел. По-блядски. Потом дочь сама пришла» — 7, 106). Роль дочери чиновника возростала и преображалась по мере разработки в планах произведения любовной коллизии между ею и героем.

В набросках намечена религиозная и философско-нравственная проблематика, которая займет потом такое большое место в романе: разговор с Разумихиным о вере в Бога, с пьяным чиновником — о Христе и втором Его пришествии (7, 107, 114—115); философско-нравственная линия вводится, с одной стороны, упоминанием о Наполеоне и «демонской силе» характера героя, приведшей к преступлению (7, 109, 113, 118), с другой стороны — его протестом против насилия («Зачем они не стонут?»), мечтами о всеобщем счастье, «земном рае», «золотом веке» (7, 120, 110). Мечтания о «золотом веке», которым предается рефлектирующий убийца (в рукописных материалах третьей редакции он характеризует себя: «наш брат, „социалист”» — см. ниже), не вошли в окончательный текст.

Как всегда, и на этих первых страницах вносятся заметки для автора, определяющие форму, тон повествования: «Здесь кончается рассказ и начинается дневник»; «Воспоминания жизни непрерывно. Мелочишки, но каждое со значением»; «Тут совершенно постороннюю историю»; «Во все эти шесть глав он должен писать, говорить и представляться читателю отчасти как бы не в своем уме» (7, 107—110).

В первой тетради хронологически самая поздняя запись на странице <149>: это «Примечание к „Исповеди”» — горькое сомнение преступника в нужности покаяния («смех и презрение я должен вынести: дурачок, скажут, бесполезно убил»), прямое продолжение записи на странице <20> (7, 120—121).

Итак, первая тетрадь отражает тот период работы над «Преступлением и наказанием», когда оно мыслилось еще автором как «повесть», «психологический отчет одного преступления», всецело сосредоточенный на судьбе и переживаниях главного героя. Но постепенно «повесть» вбирала в себя темы и коллизии, нарушавшие ее первоначальные — более узкие — рамки, и в нее входил материал будущего романа.

Высказывалось предположение, что повесть преобразовалась в роман, потому что появилась линия следователя Порфирия Петровича и

его борьбы с преступником.¹ Рукописный материал этого не подтверждает. Как видно из текстов, следовательно действует в самой первой записи повести. Тщетность его борьбы с убийцей, бесполезность исходящего от него наказания была очевидна Достоевскому с самого начала. «Взорвал» повесть другой материал — «чиновник с бутылкой», т. е. история семейства Мармеладова и весь связанный с этой линией широкий «петербургский» социальный фон.

Но и преобразившись в роман, «Преступление и наказание» еще не скоро обрело ту форму, которая известна по окончательной редакции. Предстояли новые попытки вести повествование в прежнем духе — от первого лица. Об этом рассказывает вторая рабочая тетрадь (ЧА₂ и ПМ₂) и сохранившиеся фрагменты ранних рукописей (ЧА₃).

3

Возможно, что намерение превратить задуманную «повесть» в большой роман возникло еще за границей. Декабрьское письмо 1865 г. к Каткову Достоевский начал словами: «Получив, в ответ на письмо мое к Вам из-за границы, 300 руб. в октябре месяце, я счел себя вправе считать, что дело о напечатании моего романа в „Русском вестнике“ вполне решено, а вследствие того усердно принялся за продолжение работы» (*Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 144—145*). Вопреки действительности, ему запомнилось, что, еще находясь за границей, он предлагал Каткову роман (на самом деле в тогдашнем письме речь шла о повести).

Во всяком случае, несомненно, что, приехав в Россию, Достоевский возобновил усиленную работу уже над романом. Одна из первых записей во второй записной тетради обозначена: «Капитальное в роман» (7, 166).

Несмотря на расстроенное здоровье, он трудился, «не разгибая шеи». Об этом говорится в первом письме, написанном из Петербурга А. Е. Врангелю 8 (20) ноября 1865 г. О романе здесь сказано, что его «надо кончить», и сообщается, что получен задаток. Уговаривая друга потерпеть с долгом, Достоевский замечал: «За роман получу не менее 2500 р.» (*Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 141*). Стало быть, в это время объем романа предполагался около 20 листов (по 125 рублей за лист).

С 15 октября 1865 г., т. е. со времени возвращения в Россию, начался новый период работы над «Преступлением и наказанием»: создание второй (пространной) редакции, сопровождавшееся непрерывными поисками нужной художественной формы. Завершился этот период в конце ноября того же года, когда Достоевский «всё сжег». Он

¹ См.: *Серман И. Э.* От повести к роману. (Из творческой истории «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского) // *Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков.* М.; Л., 1958. С. 196—201.

так рассказал об этом в письме к А. Е. Врангелю от 18 февраля 1866 г.: «В конце ноября было много написано и готово; я всё сжег; теперь в этом можно признаться. Мне не понравилось самому. Новая форма, новый план меня увлек, и я начал сызнова» (Там же. С. 150).

Намек на тот же крутой поворот находится в письме к И. Л. Янышеву от 22 ноября 1865 г. О своей жизни в Петербурге Достоевский здесь рассказывал: «Засел я работать ускоренно и усиленно. Начались припадки, один за другим. Четыре припадка в 1½ месяца, и до сих пор болен. Но это ничего, потому что я все-таки работал, но работа моя пошла так, что надо было вновь переработать — и я решился на это (надо сделать хорошо, иначе будущему поврежу)» (Там же. С. 142—143). Решившись, Достоевский начал писать роман в новой редакции, при этом в письме к Н. М. Достоевскому от 15 декабря признавался, что «работа идет туго» (Там же. С. 144). Первые главы романа в середине (или конце) декабря 1865 г. он счел возможным отправить в печать; работа над последующим текстом романа заняла еще год.

Написанное во второй половине октября—ноябре 1865 г. остается в основном неизвестным. Однако сохранилось в черновике самое раннее начало второй редакции романа, заметки, конспекты, планы того времени, небольшие фрагменты рукописей.

Во второй тетради текст расположен таким образом: связное повествование шло от <79-й> страницы вперед, отдельные заметки вносились в обратном порядке. Первые конспективные заметки во второй тетради продолжают разработку эпизодов шестой главы, уже написанной в первой тетради.¹

Начало повествования озаглавлено: «Под судом» (ЧА₂). Как и в повести, изложение ведется в форме исповеди, но исповедь пишется в иных обстоятельствах: «Я под судом и всё расскажу» (7, 122).

Действие начинается, как и в окончательном тексте, за несколько дней до убийства. Но не закладом вещей у старухи, а встречей с Мармеладовым. Как будто уяснив всю значительность истории Мармеладова для романа, Достоевский с самого начала сосредоточивает на ней внимание читателя. Объяснение такого начала дается с точки зрения рассказчика: «Об Мармеладове же потому особенно запишу, что

¹ Это определяет характер публикации материалов второй тетради в нашем издании: сначала черновик начатого романа с относящейся к нему записью речи Мармеладова, потом — планы и конспекты: от записи на странице <146> к странице <102> (ЧА₂, ПМ₂ и ПМ₃). Перечень имен персонажей и владельцев домов (на первой странице тетради) — хронологически самый поздний. Связный текст писался и с другого конца, тетрадь заполнялась отдельными заметками одновременно. Записи продолжались и тогда, когда вторая редакция романа была оставлена. Две из них (на страницах <103> и <104>) датированы автором: «С 7-го декабря», «28 декабря» (1865 г.).

во всем моем деле эта встреча играет большую дальнейшую роль» (7, 123—124).

Дальше следует, занимая подряд двадцать одну страницу, подробный рассказ о сцене в распивочной и о том, как Раскольников приводит Мармеладова домой. Несмотря на то что изложение ведется в первом лице и перед нами явный черновик, текст близок к окончательной редакции. В именах героев, правда, разнобой: дочь Мармеладова называется Софья Никитишна, а сам он сначала Иван Семеныч, потом Захар (Захарий) Семеныч. Весь текст потому близок к окончательному (глава II первой части), что представляет собой сцены и диалоги; элемент психологический, исповеди, занимает мало места, подается протокольно и бегло (см.: 7, 122—150).

Несомненно, что когда роман писался уже не в тетради, а на отдельных листах (см. ЧА₃), разборчивым, ясным почерком (в ноябре 1865 г. Достоевский думал о его окончании и скором печатании), черновик был использован (точно так же, как ранний текст повести для первых глав второй части).

В архиве Достоевского сохранилась небольшая рукопись (два листика), начинающаяся словами: «...всего только два стула и клеенчатый, чрезвычайно ободранный диван» (описание комнаты, где помещались Мармеладовы, — отрывок главы II первой части; см.: 7, 150—152). Как и фрагмент главы II второй части будущего романа (одиннадцать листиков, также малого формата; начало: «Почему-то мне вдруг, в эту минуту, особенно ярко представилось...»; см.: 7, 153—164), это случайно уцелевшие обломки текста, который создавался в ноябре 1865 г. В обеих рукописях (ЧА₃) позднее проведена правка, заменяющая первое лицо на третье (с указанием уже выбранной фамилии героя: Раскольников), сделаны замены и добавления; но первый слой доносит более раннюю редакцию. Авторская нумерация листов в этих рукописях доходит до 88, что свидетельствует о большом объеме работы Достоевского, проделанной над второй редакцией романа.

Остальные записи во второй тетради, занимающие, с небольшими перерывами, страницы <102—134>, не поддаются каждая в отдельности точной датировке; это были подготовительные материалы как ко второй, так и к третьей редакции.¹ Можно лишь сказать, что все они относятся к ноябрю—декабрю 1865 г. и вносились большей частью в обратном порядке. Об этом говорит, например, конспект «Еще план», который начинается на странице <109>, продолжается на <108> и заканчивается на <107> (см.: 7, 178—181). Этот план намечает рассказ от имени автора. Несомненно, что ему предшествовал записанный на

---

¹ К третьей редакции относятся страницы <111—113> и <132—134>, которые в *Акад. ПСС* были включены во вторую редакцию, — см. об этом: *Тихомиров Б. Н.* Спорный вопрос хронологии рукописных материалов к роману Достоевского «Преступление и наказание» // *Д. Материалы и исследования.* Т. 7. С. 53—64.

страницах <110—111> «Новый план / Рассказ преступника¹ / 8 лет назад / (чтоб совершенно отнести его в сторону)», который начинается так: «Это было ровно восемь лет назад, и я хочу рассказать всё по порядку. Начал я с того, что пошел закладывать ей часы» (7, 176). Также к более ранним стадиям (так как опять имеется в виду рассказ от первого лица) относится заметка на страницах <122—123> о «начале романа», продолженная записями: «Сперва», «Потом», «Далес», «Наконец» (7, 169—170).

На страницах <118—120> в последний раз намечен план всего романа — «Если в форме дневника», определена «Переделка» и «Главная анатомия романа» (7, 171—173). Судьба героя осложняется «мечтами о новом преступлении» (7, 175). Поворотный пункт — конспект, названный «Еще план» (см. начало ПМ₃).

Здесь впервые появляется новая форма, впоследствии уже не менявшаяся: «Рассказ от имени автора, как бы невидимого, но всеведущего существа, но не оставляя его ни на минуту, даже с словами: „и до того всё это нечаянно сделалось”» (7, 178).² Конспект сюжета близок к окончательному. Правда, самый конец рисуется в сентиментально-патетическом духе: «Пожар. <...> Обгорелый пошел домой. Торжество матери. Мать приходит, плачет. <...> Затем он бежал. Мать у ней руки целует в сених: „Сохраните его, сохраните его бедную голову”. Разумихину два слова. Тот сначала в ужасе, потом пленен. На Сенную, поклонился. К ней прощаться. Скажи матери. Поручик-порох. Открытие». Свидригайлова совсем нет. О судьбе детей Мармеладова сказано коротко: «Детей в приют» (7, 181, 180).

В конце сформулировано авторское задание и объясняется перемена формы: «Перерыть все вопросы в этом романе. Но сюжет таков. Рассказ от себя, а не от него. Если же исповедь, то уж слишком до последней крайности, надо всё уяснять. Чтоб каждое мгновение рассказа всё было ясно <...> Исповедью в иных пунктах будет не целомудренно и трудно себе представить, для чего написано. Но от автора. Нужно слишком много наивности и откровенности. Предположить нужно автора существом всеведущим и не погрешающим, выставляющим всем на вид одного из членов нового поколения» (7, 181).³

---

¹ Предположение, что «Рассказ преступника» представлял один из вариантов названия романа, высказано в изд.: *Летопись*. Т. 2. С. 47.

² О преимуществах, которые видел Достоевский для этого произведения в окончательно найденной им форме, см.: *Розенблюм*. С. 264—274; *Frank*, 1995. P. 80—95. Томпсон назвала «невидимое, но всеведущее существо», от лица которого идет повествование в романе, «совестью Раскольникова» (*Томпсон Д. О. Проблемы совести в «Преступлении и наказании» // Евангельский текст*. Вып. 2. С. 364—365).

³ О стилистических изменениях, сопровождавших разные типы повествования в рукописях «Преступления и наказания», см.: *Виноградов В. В. О теории художественной речи*. М., 1971. С. 85—102.

Это и был тот план, который увлек Достоевского в конце ноября 1865 г. и заставил начать роман сызнова. Писатель отказался от формы произведения, которая содержала «исповедь человека, пережившего трагический кризис и обретшего нравственную правду» (Розенблюм. С. 269). В планах и конспектах исповеди (дневника) делались наброски, связанные с совершением героем добрых поступков и даже подвигов во имя «искупления греха». В уста персонажей вкладывались на этом этапе слова о том, что убийца всё изгладил, «отдавая» свою жизнь, искупил страданием и даже «всё омыл» (7, 116, 171). Писателя, по-видимому, смущала быстрота и упрощенность подобной эволюции. По сравнению с исповедью (дневником), авторское повествование давало возможность обогатить переживаемый убийцей процесс, перенося в далекое будущее сам момент его воскресения («перерождения», как говорится об этом в эпилоге). Именно сложность этого процесса заставила автора поставить перед собой цель «перерыть все вопросы» современной жизни.

Какую-то особую роль в истории создания произведения играла дата на странице <103> «С 7-го декабря» (7, 183): возможно, так Достоевский обозначил начало работы над рукописью первых глав, которые вскоре были отосланы им в журнал.¹

4

Как видно по письмам Достоевского и по сохранившимся рукописям, вся работа над «Преступлением и наказанием» проходила с огромным волнением, «жаром» и любовью. Особенно увлеченно писалась последняя редакция романа.

В романе вначале предполагалось шесть частей. Среди заметок третьей записной тетради, начатой в декабре 1865 г., некоторые помечены как относящиеся к четвертой и пятой частям. 18 февраля 1866 г. Достоевский писал А. Е. Врангелю, когда вышел январский номер «Русского вестника» с первыми главами: «Роман большой в 6 частей» (Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 150). Однако вторая часть появилась в февральском номере (увидел свет в марте) как продолжение первой. В целом журнальная публикация вышла в трех частях, причем третья оказалась несоразмерно мала и включала лишь шестую, последнюю часть, что в переписке с редакцией, уже на заключительном этапе, автор сам с удивлением отметил (см. далее, с. 468). В отдельном издании 1867 г. роман был снова поделен на шесть частей.

По-видимому, в середине (или конце) декабря 1865 г. в Москву, где издавался «Русский вестник», уже было послано «никак не менее 7 листов, а может быть, и восемь» — т. е. вся первая и начало второй

¹ Датой начала третьей (окончательной) редакции романа ошибочно указано в *Летописи* (Т. 2. С. 49) «28 декабря 1865»; на самом деле она была начата раньше.

части, «начерно» кончены еще две, «в обделанном виде» (*Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 146, 145*). Так свидетельствовал сам Достоевский в письме к М. Н. Каткову во второй половине декабря (датировку см.: *Летопись. Т. 2. С. 50¹*). Тогда же Достоевский просил известить его поскорее и определенно, будет ли печататься роман в «Русском вестнике», если будет — начать публикацию с январского номера и «не делать в нем никаких поправок. Я ни в каком случае не могу на это согласиться» (*Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 147*).²

Кажется странным, что, отправив значительную часть рукописи, Достоевский не был уверен, будет ли она опубликована. Но это было так. Лишь позднее он узнал, что редакция «Русского вестника» согласилась печатать его роман «с радостью, потому что у них из беллетристики на этот год ничего не было: Тургенев не пишет ничего, а с Львом Толстым они поссорились» (письмо А. Е. Врангелю от 18 февраля 1866 г.; Там же. С. 151). Хотя плата, какую запросил автор (125 рублей за лист), представлялась ему минимальной и в самом деле была невысокой,³ редакторы журнала «страшно (...) осторожничали и политиковали». В том же письме к А. Е. Врангелю Достоевский заметил по этому поводу: «Дело в том, что они страшные скряги. Роман им казался велик. Платить за 25 листов (а может быть, и за 30) по 125 р. их пугало» (Там же).⁴ Неуверенность в назначенной журналом цене звучит и в письме писателя к Д. И. Достоевской от 13 февраля 1866 г. (Там же. С. 149).

Обратившись во второй половине декабря 1865 г. к издателю журнала, Достоевский откровенно написал, как мешает безденежье («впал теперь в совершенную нищету») его работе: «...я люблю мою теперешнюю работу, я слишком много возложил надежд и положил

---

¹ Сомнение в правильности датировки этого письма, а также времени пересылки в Москву наборной рукописи первой части, с предложением даты «январь 1866», см.: *Тихомиров, 2007*. О несохранившихся более ранних письмах Достоевского в редакцию «Русского вестника» с просьбой о высылке денег см.: *Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 527*.

² Условия «Русского вестника», по-видимому, не исключали публикацию отрывка из «Преступления и наказания» в «Санкт-Петербургских ведомостях», о которой просил В. Ф. Корш в письме от 27 декабря 1865 г.; Достоевского, по-видимому, не устроило то, что гонорар предполагался в счет оплаченного Коршом векселя (см.: Там же. С. 527).

³ Л. Н. Толстому за напечатанное тогда же в «Русском вестнике» начало «Войны и мира» (под названием «Тысяча восемьсот пятый год») платили 300 рублей за лист, хотя и пытались 50 рублей отторговать.

⁴ В январе 1866 г. Н. Н. Воскобойников еще выяснял, будет ли печататься роман в «Русском вестнике» (см. его письма к Достоевскому от 19 и 22 января 1866 г.: *ВЛ. 1971. № 11. С. 201—202* (публ. Л. Р. Ланского); см. также о недошедшем письме Достоевского к Воскобойникову, написанном между 19 и 22 января 1866 г.: *Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 527—528*).

свою (душу) на этот роман мой, которым занят, а между прочим, беспрерывно отрываюсь от работы, теряю золотое время и с расстроенным духом (а Вы литератор, Вы сами занимались изящной литературой, Вы поймете это!) — должен садиться за вещь, прежде всего поэтическую, которая требует и спокойствия духа, и определенного настроения» (Там же. С. 145).

Он просил 700 рублей, в дополнение к прежним 300. Просьбу было решено удовлетворить, о чем было сообщено Достоевскому в письме от 22 января на официальном бланке журнала (см.: *Летопись*. Т. 2. С. 53); в конце марта 1866 г. он поехал сам в Москву и получил «вперед» еще 1000 рублей, а 29 апреля писал И. Л. Янышеву: «За написанное я уже получил до 2000 (...) Мне остается получить еще до 2000, по мере окончания романа» (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 156).

О своей работе зимой 1865/66 г. Достоевский рассказывал в письме от 18 февраля 1866 г. к А. Е. Врангелю: «...сижу над работой как каторжник. (...) Всю зиму я ни к кому не ходил, никого и ничего не видал, в театре был только раз на первом представлении „Рогнеды“. И так продолжится до окончания романа — если не посадят в долговое отделение» (Там же. С. 150—151).

С декабря 1865 г. и до декабря 1866 г., когда роман был закончен, результаты авторской работы составили наборную рукопись, которая, за исключением 14 листиков, не дошла до нас. Записи этого времени в тетрадях (хронологически последние в первой, второй и всей третьей тетрадах) носят исключительно конспективный характер. Но именно они, вместе с немногими сохранившимися рукописями и письмами Достоевского, дают представление об этом последнем, самом продолжительном периоде работы — создании печатной редакции романа.

Последняя, третья, рабочая тетрадь с записями к «Преступлению и наказанию» относится к 1866 г. Она начинается заметкой, продолжающей перечень персонажей и мест на первой странице второй записной тетради (перечень этот совпадает с окончательным текстом). К перечню «лиц и мест романа» добавлено: «Андрей Семенович Лебезятников, дом Бакалеева» (7, 195).

На (5-й) странице тетради авторская дата: «2-е января 1866 год» (7, 200). Даты встречаются и далее: 14 февраля (7, 5), 23 февраля (7, 224), 22 июля (7, 197, 235), 7 сентября (7, 226), 9 сентября (7, 251—252; на вырезанном из тетради листе; см. в списке источников), 13 ноября (7, 257). Всё это, конечно, 1866 г.¹ Записи третьей тетради — исключительно конспекты, планы, отдельные заметки; фрагментов связного повествования нигде нет, так как в это время роман уже писался, а тетрадь служила для обдумывания и разработки отдельных его эпизодов в ходе работы.

¹ Смутившая в свое время И. И. Гливенко дата «13 ноября» относится к 1866, а не к 1865 г. (см.: *Комарович, Лит. наследство*. С. 265, 281).

В третьей тетради последовательность страниц ближе к хронологии записей, нежели в других тетрадях. На одной из последних страниц, например, запись: «Финал романа» (7, 259). О том же говорит последовательность авторских дат.¹ Страницы (95—134) пронумерованы, по-видимому, «вперед» рукой Достоевского: 1—40, однако заполнение этих пронумерованных страниц осуществлялось им непоследовательно.²

Картина работы над романом, рисуемая по третьей тетради, дополняется отрывочными набросками на отдельных листах, а также черновыми и беловыми (со множеством исправлений и вставок) рукописями. Все они относятся ко второй и третьей частям романа. Повествование ведется в третьем лице, почти везде персонажи носят окончательные свои имена. Рукописи можно датировать декабрем 1865—февралем 1866 г.³

Таким образом, хронологически рукописи параллельны последним записям второй и первым записям третьей тетради. Значительная часть заметок третьей тетради — более поздняя, чем другие сохранившиеся рукописи.

Понятно, что в записях конца второй и всей третьей тетради сюжет уточнялся применительно к последним частям романа, которые предстояло переделать или написать. Первые были намечены многие сцены и эпизоды, которые без изменений вошли в них. Некоторые рисовались сначала совершенно иначе, чем они известны по окончательному тексту. Намеченная ситуация вражды между Дуней и Соней (см.: 7, 182) при дальнейшей работе подробно развивается; потом от нее не останется и следа. Отношения Раскольникова с матерью и сестрой выглядят в черновых набросках внешне более напряженными и конфликтными; весь сюжет — более занимательным и эффектным.

В письме к М. Н. Каткову, рассказывая содержание повести, Достоевский замечал, что герой его — «мещанин по происхождению».

---

¹ Дата «22 ию(ля)» на полях страницы (1) (7, 197), после которой в тетради на страницах (5а) и (103) проставлены даты, во-первых, январская, а во вторых — февральская (см.: 7, 200 и 5), по-видимому, была связана с обращением Достоевского к данной записи при подготовке публикации очередных глав в августовском номере «Русского вестника».

² Публикация ПМ₃ дается в строгом соответствии с этой нумерацией (см.: 7, 218—248). Об этой особенности расположения подготовительных материалов третьей записной книжки, некоторым образом ломающей хронологию появления той или иной записи, см.: 7, 756—757.

³ К числу самых ранних — вероятно, 1865 г. — следует отнести заметки к главе VI—VII второй части (ЧН₁) и черновой автограф (ЧА₄) всей главы («XIII глава. Посреди улицы стояла коляска...»), в котором Мармеладов именуется Аркадий Семенович, Аркадий Степанович (его дочь соответственно Софьей Аркадьевной); в отосланных в декабре для набора главах первой части он назван Семен Захарыч.

Фамилия героя (Раскольников) впервые называется в конспективных заметках в конце второй тетради (характерная примета окончательной редакции). Так он назван и в самой последней по времени конспективной записи к роману в первой тетради, где отмечена деталь, не реализованная в романе, — писательские наклонности Раскольникова (см.: 7, 192). В тексте произведения он станет автором единственной газетной статьи, которую внимательно будет изучать следователь и с которой будет связывать радужные надежды на будущее своего сына мать Раскольникова. В одном из черновых набросков ей принадлежит реплика: «Раскольниковы — хорошая фамилия, хоть твой отец и учитель был, а Раскольниковы двести лет известны» (7, 237; см. об этом: *Альтман*. С. 44). В окончательном тексте о социальном происхождении Раскольникова прямо не сказано.

Сюжетно более острой выглядела в первоначальных планах роль Лужина. В записи, сделанной во второй тетради на странице <113> (далее на <112-й> и затем на <111-й>), намечаются эпизоды, которые будут и в окончательном тексте: столкновение Раскольникова с Лужиным, приход Сони¹ (в отличие от опубликованного текста, в сцене не участвуют мать и сестра) (7, 186). Здесь же добавлено: «Мать, письмо Лужина насчет девицы сомнительной, чтобы не было его» (7, 187, примеч. 6). После ссоры с Лужиным намечались разные линии романного сюжета на стадии, предполагающей его доработку (7, 188). На странице <132> той же второй тетради сделана запись: «К сюжету романа (окончательно)», которая, однако, никак не воплотилась в печатном тексте романа: Лужин влюбляется в Соню и затевает против нее интригу («Сплетник прирожденный») и гонение («Я тебя в бараний рог согну») (7, 191).² В другой записи (ПМ₃) о нем сказано: «Лужин подводит через Рейслер, что Соню берут в часть. Мармеладова в отчаянии (...) Разумихин подводит Лужина, помогает Соне и тем мирится с ним». Сцена обвинения Сони в краже денег предполагалась такою: «Соню зазывают к Лужину. Обокрала. Лебезятников лебезит и отрекается». И еще раз: «Петр Петрович просит Лебезятникова позвать Соню, дает 10 р. и тихонько сует в карман серию. Лебезятников видит, как будто что-то сунул. Как благородный. Украла серию. Лебезятников отрекается» (7, 197, 215, 221). В окончательном тексте все конфликты остались, даже были усилены, но как бы вошли внутрь, в область душевных переживаний.

¹ Обозначение Сони личным местоимением (*она*, *ее*), которое автор подчеркивает, явственно говорит о том, что она стала, наравне с Раскольниковым (*им*), главной героиней романа; такова обычная манера Достоевского, засвидетельствованная рукописями всех позднейших его романов.

² Об этом сюжетном ответвлении и причине отказа от него в романе (Лужин, при его приверженности буржуазному комфорту, неспособен, по мысли автора, к трагическим чувствам) см.: *Розенблюм*. С. 226.

По мере работы увеличилась роль Свидригайлова. Впервые он появляется под фамилией Аристов в позднейшей записи в первой тетради (Аристов — преступник, о котором рассказано в «Записках из Мертвого дома», — см.: 4, 67—70; см. также 7, 781, коммент. к с. 192), однако предназначается ему пока небольшая роль, лишь отчасти близкая к той, какую Свидригайлов играет в окончательном тексте. Он говорит герою, что знает о его преступлении. В первоначальных записях Аристов противопоставлен Раскольникову. Участвуя в разговоре на вечеру у Разумихина о преступлении и наказании, Аристов говорит про убитую старуху: «туда ее и надо!» А после того как Раскольников изложил свою теорию «арифметики», Аристов восклицает в восторге: «да уж и пожить хорошо, довольно». Следовательно, присутствующий при разговоре, замечает, что Раскольников не вынес бы на практике своей теории: «...другие (он взглянул на Аристову) вынесут. Для тех рано уничтожить телесные наказания» (см.: 7, 193).¹

Сама фамилия Свидригайлов появилась лишь в записях третьей тетради. По первоначальному замыслу, Разумихин, по-видимому, после женитьбы на Дуне, через фабриканта Алонкина (Бабушкина) должен был получить место в 3000 руб. (7, 199). Линия Дуня — Свидригайлов детально и много раз разрабатывается в записях третьей тетради, самоубийство Свидригайлова тоже явилось не сразу (см.: 7, 202, 205—209, 252, 255—257).

В самом рассказании Раскольникову, в последних переживаниях его, Свидригайлову отводилась все большая роль. Соня и Свидригайлов — как бы две стороны души Раскольникова. Об этом прямо сказано на последних страницах тетради: «Свидригайлов — отчаяние, самое циническое. Соня — надежда, самая неосуществимая. (Это должен высказать сам Раскольников.) Он страстно привязался к ним обоим» (7, 259).²

В сюжетном развитии действия Свидригайлов и Соня все больше и больше разводились по разным, полярным сторонам. В окончательном тексте Свидригайлов встречается с ней лишь однажды, чтобы передать деньги на следование за Раскольниковым в Сибирь. В предварительных записях все выглядело иначе: Свидригайлов разговаривает с Соней об идеалах, но признается, что следовать им «неспособен» (7, 209).

Несколько раз (*ПМ₂*, *ПМ₃*) возвращался Достоевский к эпизоду пожара, где Раскольников должен был натворить «громких дел», спасая детей (7, 181, 182, 191 и др.). В окончательном тексте об этом

---

¹ Об этом диалоге как «эмбрионе важнейшего идейного узла романа» см.: Дрыжакова Е. Н. По живым следам Достоевского: Факты и размышления. СПб., 2008. С. 286.

² Об оппозиции в романе Сони Мармеладовой и Свидригайлова см.: Поддубная Р. Н. Этические функции образа Сони и их художественное обоснование в структуре «Преступления и наказания» // *Studia Rossica Posnaniensia*. 1976. Vol. 7 (1975). S. 33—51; *Кларр*. P. 55—65.

лишь вскользь упомянуто¹ — в эпилоге, когда говорится о смягчении приговора.

В одном из конспектов предполагался арест Раскольникова (см.: 7, 221). В романе конфликт опять уйдет внутрь, превратившись в сложный психологический поединок следователя и преступника. Драматичность конфликта усилится оттого, что Раскольников внешне, логически окажется не победителем, а нравственно побежденным.

Финал романа записан так: «Раскольников застрелиться идет. Свидригайлов: Я в Америку хоть сейчас рад, да как-то никто не хочет» (7, 259; см. с. 737—738, коммент. к 6, 419). И тут же подчеркивается в качестве «последней строчки» романа мысль: «Неисповедимы пути, которыми находит Бог человека» (7, 258 и коммент. на с. 791).

Благодаря третьей тетради становится известным, хотя и неполно, в виде пунктирной линии, весь ход работы над последними частями романа. При отсутствии другого рукописного материала к этим частям значение конспективных записей автора трудно преувеличить.

В этой тетради, естественно, нет заметок о форме повествования, каких было так много в тетради второй. Впрочем, отдельные записи для себя и в ней время от времени появляются и чрезвычайно интересны. Например: «NB. В художественном исполнении не забыть, что ему 23 года»; «Исповедь Соне, что „я сам злодей“. — Сделана без особой чувствительности»; «NB. Ловчее» (о первом разговоре Раскольникова с Порфирием Петровичем); «Встреча с Кохом (фантастичнее)» и т. п. (7, 199, 212, 217, 225).

Помимо сюжетных положений подробно записаны характеристики персонажей, сформулированы главные и частные идеи романа.

Запись 2 января 1866 г. на страницах (5—6) третьей тетради озаглавлена: «Заметки к роману. Характеристики». Поставлена цифра 1 и дана обстоятельная характеристика Разумихину (7, 200—201). В публикации И. И. Гливенко далее следовал перескок к странице (16-й) (см.: Гливенко. С. 169), где Достоевским помечено: «3-й характер. Петр Петрович Лужин» (его характеристика занимает две лишние страницы). Потом записей к «Преступлению и наказанию» нет до (58-й) страницы, а там конспективно намечена сцена «Свидригайлов и Дуня. Ключ щелкнул» (известная по главе V шестой части «сцена насилия», как называл ее сам автор в других местах) (7, 201—202).

Где же второй характер? Он помечен на странице (12): «Хозяйка Юлия Прохорова» (7, 201).

¹ «Подвиг Раскольникова, спасающего детей во время пожара, должен был отчасти реабилитировать его, открыть ему пути к возрождению. Но писатель отказался от такого сюжетного построения, заведомо облегчающего разрешение психологического кризиса Раскольникова» (Розенблюм. С. 178).

На странице <14> находится набросок, отразивший размышления писателя касательно образа Свидригайлова, названного здесь по фамилии. В этой записи упомянуты «отец, севастополец», старший брат, сестра Свидригайлова (здесь явственна связь с прототипом, о котором есть записи в первой тетради (ПМ₃) — Аристовым; см. выше). Ничего этого не будет в окончательном тексте, однако дважды в нем звучит намеченный в наброске мотив «хочет жениться на 16-летней» — оба раза в разговоре с Раскольниковым (6, 246, 414—415). По ходу работы над романом Достоевскому стало ясно, что Свидригайлов займет в нем большое место и его образ конкретизировал в себе наметки типа, содержащиеся в двух отдельно и одновременно написанных набросках «Страстные и бурные порывы» (см. выше, с. 5—6, 417—418). Отмечая страстность натуры этого «великого грешника» как главную его черту, страстность всех порывов — добрых и злых, благородных и отвратительных, Достоевский колебался в том, как определить жизненную судьбу героя. Первая из этих записей кончается так: «Вдруг решимость изобличить себя, всю интригу; покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда претерпеть страдание. Себя предает. Ссылка. Подвижничество» (7, 5). В романе эту же роль выполнит идейный близнец и в то же время антагонист Свидригайлова — Раскольников.

Что касается «третьего характера» — Лужина, то он рисуется здесь во многом не так, как в романе. Как и раньше, говорится о «трагедии» человека, выбившегося из семинаристов, из низкого звания и рутины, но все-таки человека неординарного; о его влюбленности в Соню. Его скупость не имеет мелкого, буржуазно-деляческого характера: в ней нечто от пушкинского скупого барона (см.: 7, 202). Вся характеристика Лужина зачеркнута, а в дальнейших записях начата разработка его характера в ином направлении.

В самом начале третьей тетради, на странице <3>, сформулирована «идея» романа, вернее две идеи:

1. «ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЗЗРЕНИЕ / В СЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ. Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием (...) Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием» (7, 197; см. коммент. к этой странице).

2. «В его образе выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество [чтобы делать ему добро]. Деспотизм — его черта. Она (т. е. Соня) ведет ему напротив» (7, 199).¹

В начале работы над третьей редакцией (как и в материалах второй) Соня Мармеладова еще обладала способностью земной любви и могла ее активно проявлять: «Она написала ему, наконец, письмо:

¹ Отражение сходных идей в тех подготовительных материалах, которые связаны с замыслом романа «Идиот», прослежено И. А. Битюговой — см.: *Акад. ПСС. Т. 9. С. 343.*

„Люблю, буду ваша раба”» (7, 174). После того как в замысле романа кристаллизовалась идея счастья в страдании, изменяется образ Сони, превратившейся в набросках третьей тетради в идеальную проповедницу христианства (см.: Розенблюм. С. 226; ср. критическую оценку Н. Д. Ахшарумовым этого образа как лица «глубоко идеального», которому, по его мнению, «тела недостает», — Ахшарумов. С. 151).

На многих страницах тетради намечается полемика с нигилизмом и, главным образом, социализмом 1860-х годов: она поручается то Свидригайлову, то Раскольникову. Свидригайлову (согласно одной из записей, жена его брата стала нигилисткой — 7, 201) принадлежат такие высказывания: «Нигилизм — это лакейство мысли»; «Теперь мы проистлеваемся (...) исподлились — ведь это свободнее. Нигилизм в своем роде. — Нигилизма ведь два, и обе точки соприкасаются» (7, 257, 260; см. коммент. к этим страницам). С оттенком зависти Свидригайлов говорит про убеждения социалистов, вполне понимая при этом их механистичность: «Если б я был социалист, ну, конечно, остался бы жить. Остался бы жить, потому что было б что делать, — нет убежденнее народа, как социалисты» (7, 205).

Соне Раскольников должен был сказать: «Я не хочу ждать. Я хочу моих человеческих прав сейчас же. Я не могу проходить, не отдав всех денег. Я не так, как социалисты. Да и не надо мне ничего, я хочу властвовать». Запись помечена: «Капитальное», как и другая, связанная уже не с протестом, а с мечтами героя: «Всё замутилось! Где же обетование, что пребудет „Дух во веки”, что пребудет до скончания мира Христос и что, стало быть, уже не уклонится в своем развитии с пути человечество? Стало быть, непременно есть где-нибудь!» В другом месте сам Раскольников именуется социалистом: «Не знаю: хорошо или нет, что я болтуном прикинулся? Кажется, хорошо. Нынче все на эти темы болтают. Тем более наш брат, „социалист”» (7, 239, 242, 248; см. с. 790, коммент. к 7, 242).

Так думает герой после именинного вечера у Разумихина. Над этим эпизодом главы VII второй части Достоевский особенно много работал. Помимо многочисленных заметок в записных тетрадях сохранилось несколько рукописей этой главы. При этом один из вариантов (ЧН₂) существенно отличается от окончательной редакции. По всей видимости, он относится к концу декабря 1865—январю 1866 г., когда писалась и готовилась к печати вторая часть романа, появившаяся в февральском номере «Русского вестника» в виде глав VIII—XIII части первой.

Разумихин насильно ведет Раскольникова к себе решить «один вопрос». Компания, собравшаяся у него, — типичное собрание нигилистов 1860-х годов. Среди них «старичок седой и тихий, с прекрасными чертами лица и с умной, снисходительной и ясной улыбкой» — бывший декабрист, вернувшийся из ссылки. К сожалению, самый спор изложен лишь конспективно. Но смысл и направление его ясны. Спор идет о преступлении, наказании, социализме и нигилизме. Вопрос по-

ставлен так: «Есть ли внутреннее наказание? Есть ли (...) жалость?» Раскольников гордо отвечает: «Нет преступлений». Разумихин оспаривает: «Быть не может, врешь». Раскольников продолжает: «Но деятель может». Снова возражение: «К какой деятельности?» Следует уверенный ответ: «К какой бы то ни было. Всякая деятельность, даже и злая, полезна». Далее следуют отрывочные наброски: «Провозвестник какой-нибудь новой истины. Пророк какого-нибудь нового слова»; и характеристика, по-видимому, исхода этого спора: «до [социализма] цинизма» (7, 287—288; см. с. 792, коммент. к 7, 287).

5

После появления в январской и февральской книжках «Русского вестника» за 1866 г. первых двух частей «Преступления и наказания» (в журнальной редакции это была одна часть) Достоевский писал 29 апреля 1866 г. И. Л. Янышеву: «Остается написать еще до 20 листов. (...) Надо заметить, что роман мой удался чрезвычайно и поднял мою репутацию как писателя. Вся моя будущность в том, чтоб кончить его хорошо» (*Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 156*).

Сдав начало романа в «Русский вестник», Достоевский продолжал лихорадочно работать над продолжением (как это было обычно для него) до конца года — параллельно с печатанием «Преступления и наказания» в «Русском вестнике».

«Преступление и наказание» создавалось Достоевским в условиях постоянной острой материальной нужды. В то время как кредиторы угрожали писателю тюрьмой, редакция «Русского вестника» всячески тянула с одобрением романа, а затем — с выплатой автору очередных частей гонорара, которые сразу переходили в руки тех же кредиторов. Едва ли не во всех своих письмах конца 1865—1866 г. Достоевский вынужден был горько жаловаться на невыносимую обстановку, в которой ему приходилось работать: «Я убежден, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я *постоянно* пишу, Тургенев умер бы от одной мысли. Но если б Вы знали, до какой степени тяжело портить мысль, которая в вас рождалась, приводила вас в энтузиазм, про которую вы сами знаете, что она хороша — и быть принужденным портить ее сознательно!» (письмо к А. В. Корвин-Круковской от 17 июня 1866 г.; Там же. С. 160).

В третьей (мартовской) книжке «Русского вестника» очередных глав романа не появилось. Книжка эта вышла вскоре после выстрела Д. В. Каракозова в Петербурге (4 апреля 1866 г.). В конце ее допечатана страница, посвященная покушению Каракозова на Александра II. На обложке номера под оглавлением помещено от редакции объявление: «Продолжение романа „Преступление и наказание“ отлагается до следующей книжки, так как болезнь не позволила автору пересмотреть рукопись перед набором, как он того желал».

Из этого объявления видно, что ко времени сдачи номера в набор редакция располагала очередными главами романа. Очевидно, это были шесть глав второй (ныне третьей) части, которые появились в следующей, апрельской, книжке журнала. Однако в условиях общественного возбуждения, связанного с выстрелом Каракозова, Катков, по-видимому, счел желательным отложить печатание этих глав, так как опасался, что авторский анализ преступления Раскольникова может вызвать у читателей журнала нежелательные ассоциации с покушением Каракозова. Высказывалось вполне вероятное предположение, что, перенося (возможно, уже набранные ранее) главы «Преступления и наказания» из мартовского номера в апрельский, Катков потребовал от автора внести в них ряд исправлений (см.: *Гус.* С. 292—294, где сделана гипотетическая попытка определить их объем и характер). Однако ввиду отсутствия в нашем распоряжении соответствующего рукописного материала (или гранок «Русского вестника») мы не располагаем точными данными для суждения о первоначальном тексте этих глав и отличии его от журнальной редакции.

Из свидетельств современников мы знаем, что покушение Каракозова произвело на Достоевского сильнейшее впечатление. В день покушения он в большом волнении вбежал в квартиру А. Н. Майкова, у которого в это время находился П. И. Вейнберг, чтобы сообщить о выстреле в царя и его спасении, после чего Достоевский и Майков выбежали на улицу и «смешались с ликующей толпой».¹ Ряд упоминаний о Каракозове имеется в позднейших подготовительных материалах к «Бесам» и наброске предисловия к этому роману, где он назван «несчастливым, слепым самоубийцей» (см.: *Акад. ПСС.* Т. 11. С. 74, 279, 303). Вторая половина «Преступления и наказания» писалась Достоевским в дни ожидавшегося суда над Каракозовым (28 июня он был предан Верховному суду) вместе с другими участниками кружка Н. А. Иштутина, а затем — под свежим впечатлением от его казни (3 сентября 1866 г.). Выстрел Каракозова привел к жестким мерам со стороны правительства. Были закрыты «Современник» и «Русское слово», произведены многочисленные аресты в Петербурге, Москве и других городах. Вся эта обстановка несомненно отразилась на настроениях, владевших Достоевским в период работы над завершением «Преступления и наказания» (см.: *Гус.* С. 291—295), и усиливала его общественно-политическое звучание. «Узнаваемость в Раскольникове некоторых важных черт образа жизни и образа мысли молодого поколения, узнаваемость мотивов его протеста, символика самого орудия его преступления, напоминавшего о недавнем времени, когда крестьянская Русь призывалась к топору — орудию народных бунтов, превращали героя романа в представителя нигилизма, возможного соратника

---

¹ Вейнберг П. И. 4 апреля 1866 г. (Из моих воспоминаний) [1906] // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / Сост. С. В. Белов. СПб., 1993. С. 176—177.

„государственных преступников”, подобных тем, кого судили в тот же 1866 г., когда печатался роман» (Твардовская. С. 78).¹

Притязания кредиторов помешали Достоевскому уехать весной 1866 г. за границу, в Дрезден, с целью «засесть там на 3 месяца и кончить роман, чтоб никто не мешал» (Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 157). Так писал он 9 мая 1866 г. А. Е. Врангелю. И, имея в виду своих кредиторов, добавлял: «Мне решительно нельзя жить в Петербурге. Несмотря на всё это, сижу и продолжаю роман изо всех сил. Он, в настоящую минуту, одна моя надежда. За него еще придется мне дополучить около 1500 р., а может, и более, а потом продам на второе издание, тоже никак не менее 1500 (уже торгуют)» (Там же). Отвечая А. В. Корвин-Круковской в апреле—начале мая 1866 г. на ее приглашение приехать к ним летом на дачу, Достоевский рассказывал о своей работе: «Напишите мне на всякий случай — в какое время лета всего было бы удобнее? Впрочем, главный пункт, который может меня задержать, это — моя работа. Ее нужно кончить во что бы то ни стало и как можно скорее. Правда, грустный, гадкий и зловонный Петербург, летом, идет к моему настроению и мог бы даже мне дать несколько ложного вдохновения для романа; но уж слишком тяжело» (Там же. С. 158). В июне 1866 г., когда была написана для печати «только что разве половина» «Преступления и наказания», Достоевский оказался вынужденным параллельно начать думать над другим романом, обещанным Ф. Т. Стелловскому при заключении в 1865 г. кабального контракта.² Он писал А. В. Корвин-Круковской 17 июня 1866 г.: «...если не доставлю к 1-му ноября 1866-го года (последний срок), то волен он, Стелловский, в продолжение девяти лет издавать даром, и как вздумается, всё что я ни напишу безо всякого мне вознаграждения». Писатель пробовал «откупиться от Стелловского деньгами, заплатив неустойку»; тот не захотел, потому что знал, что Достоевскому «некогда написать роман в 12 листов». В цитированном письме романист изложил свой план: «Я хочу сделать небывалую и эксцентрическую вещь: написать в 4 месяца 30 печатных листов, в двух разных романах, из которых один буду писать утром, а другой

¹ Анализ образа Раскольникова и оценку романа Д. И. Писаре-вым на фоне дела Каракозова и восприятия его современниками см.: Володин А. И. Раскольников и Каракозов: (К творческой истории статьи Д. Писарева «Борьба за жизнь») // *НМ*. 1969. № 11. С. 212—231.

² Согласно кабальному контракту, заключенному «в обстоятельствах ужасных», на крайне тяжелых для Достоевского условиях, Ф. Т. Стелловский получал право на издание полного собрания его сочинений, включая и новый роман, который должен был быть написан к установленному сроку (см.: 5, 562; об условии за № 292, заключенном 2 июля 1865 г., см.: Сб. Достоевский, 1. С. 444—446, а также в письме к П. А. Исаеву от 10 (22) декабря 1869 г.: Акад. ПСС. Т. 29, кн. 1. С. 86).

вечером и кончить к сроку» (Там же. С. 160). План этот удалось выполнить, правда не в четыре, а в шесть месяцев.

Лето 1866 г. писатель провел под Москвой, на даче в Люблине, где жила тогда его сестра В. М. Иванова. Здесь был составлен план «Игрока» (см.: *Летопись*. Т. 2. С. 72) и написана пятая часть «Преступления и наказания».¹ Ко времени приезда Достоевского в Москву (13 или 14 июня 1866 г.) уже была отпечатана апрельская книжка с первыми шестью главами второй части² и отправлены для набора еще три главы, не появившиеся, однако, в майском номере.

В это время у автора возник острый конфликт с «Русским вестником». О нем Достоевский рассказал в письме к А. П. Милюкову, написанном после двух недель жизни на даче в Люблине, т. е. 10—15 июля 1866 г.: «Катков на даче, в Петровском парке, Любимов (редактор-исполнитель «Русск(ого) вест(ни)ка») тоже на даче. В редакции только и можно застать (и то не всегда) убитого тоской секретаришку, от которого ничего не узнаешь. Однако я с первых дней-таки достал Любимова. У него уже были в наборе 3 моих главы.³ Четвертую же я предложил ему написать ускоренно, что и составило бы половину окончания 2-й части романа (4 печатных листа) и к следующему номеру осталось бы еще 4 главы — то есть полное окончание 2-й части. Но Любимов с первых слов сказал мне: „Я Вас ожидал, чтоб сказать Вам, что теперь, в июне и в июле, не только можно (и должно) печатать понемножку, но даже один месяц и совсем пропустить, ибо летние месяцы, а мы лучше расположимся так, чтоб вся 2-я половина романа пришлось бы более к осени и последние строки заключились бы в декабре, ибо эффект будет способствовать подписке“. Вследствие чего и решено было пропустить еще м(еся)ц».⁴ Дальше в письме говорится: «Так что 4 главы (4 листа) явятся в номере, имеющем выйти в июле, и уже сданы в набор» (Там же. С. 165—166).

Речь здесь идет об июньском номере, где были напечатаны, однако, не четыре, а три главы, сильно пострадавшие от вмешательства ре-

---

¹ В «Русском вестнике» появилась в виде глав X—XV второй части (в июльском и августовском номерах). О том, с каким напряжением писатель работал над романом в Люблине, можно судить по переданным в воспоминаниях М. А. Ивановой опасениям их лакея, что «Достоевский замышляет кого-то убить — все ночи ходит по комнатам и говорит об этом вслух...» (*Достоевский в воспоминаниях*, 1990. Т. 2. С. 41).

² Они составили всю третью часть в отдельном издании романа. О посылке трех глав из нее Достоевский писал Каткову в письме от 25 апреля 1866 г. (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 153).

³ Главы VII—IX второй части, т. е. главы I—IV четвертой части по окончательному распределению (глава VIII журнального текста была поделена на две: II и III).

⁴ Роман не печатался в мартовской книжке журнала.

дакции. Достоевский так рассказал про имевший место конфликт с Катковым и Любимовым в том же письме к А. П. Милюкову: «Но в расчете Любимова (оказалось впоследствии) была еще и другая, весьма коварная для меня мысль, а именно: что одну из этих, сданных мною 4-х глав, — *нельзя напечатать*, что и решено было им, Любимовым, и утверждено Катковым. Я с ними с обоими объяснялся — стоят на своем! Про главу эту я ничего не умею сам сказать; я написал ее в вдохновении настоящим, но, может быть, она и скверная; но дело у них не в литературном достоинстве, а в опасении за *нравственность*. В этом я был прав, — ничего не было против нравственности и даже *чрезмерно напротив*, но они видят другое и, кроме того, видят следы *нигилизма*. Любимов объявил *решительно*, что надо переделывать. Я взял, и эта переделка большой главы стоила мне, по крайней мере, 3-х новых глав работы, судя по труду и тоске, но я переправил и сдал. Но вот беда! Не видал Любимова потом и не знаю, удовольствуются ли они переделкою и не переделают ли *сами*? То же было и еще с одной главой (из этих 4), где Любимов объявил мне, что много выпустил (хотя я за это и не очень стою, потому что выпустили место неважное). Не знаю, что будет далее, — но эта, начинающая обнаруживаться с течением романа противоположность воззрений с редакцией начинает меня очень беспокоить» (Там же. С. 166).

Из письма Достоевского к Н. А. Любимову от 8 июля 1866 г. можно выяснить, в какой именно главе редакция «Русского вестника» усмотрела «следы нигилизма», — это глава IX второй части (по журнальному) или глава IV четвертой части по окончательному тексту романа: эпизод чтения Соней Евангелия Раскольникову. Под давлением редакции Достоевский вынужден был ее переработать и пойти на ряд нежелательных для него сокращений.

Возражения Каткова и Любимова были вызваны прежде всего тем, что слова Евангелия Достоевский в этой главе вложил в уста «падшей женщины», сделав ее вдохновенной толковательницей учения Христа и наставницей героя на пути его возрождения. Возвращая Любимову при письме от 8 июля 1866 г. переделанную рукопись, Достоевский писал: «Опоздал одним днем, многоуважаемый Николай Алексеевич, но зато переделал, и, кажется, в этот раз будет *удовлетворительно*. *Зло и доброе* в высшей степени разделено, и смешать их и использовать превратно уже никак нельзя будет. Равномерно, прочие означенные Вами поправки, я сделал все и, кажется, с лихвою. Мало того: я даже благодарю Вас, что дали мне случай пересмотреть еще раз рукопись прежде печати: решительно говорю, что не оставил бы сам без поправок. А теперь до Вас *величайшая* просьба моя: *ради Христа* — оставьте всё остальное так, как есть теперь. Всё то, что Вы говорили, я исполнил, всё разделено, размежевано и ясно. *Чтению Евангелия* придан другой колорит. Одним словом, позвольте мне вполне на Вас понадеяться: поберегите бедное произведение мое, добрейший Николай Алексеевич!» (Там же. С. 164).

Просьба писателя не была исполнена редакцией «Русского вестника». Сохранилось письмо М. Н. Каткова, не датированное, но относящееся к середине июля 1866 г. Посылая автору «для просмотра» корректуру VII—IX глав второй части (главы I—IV четвертой части в отдельном издании), Катков сообщал: «...я позволил себе исключить некоторые из приписанных Вами разъяснительных строк относительно характера и поведения Сони. (...) Скажу только, что ни одна существенная черта в художественном изображении не пострадала. Устранение резонирующих¹ мест придало ему только большую объективность...» (Там же. С. 437). Достоевский отвечал Каткову 19 июля: «Я просмотрел корректуру и два-три слова, *неразобранные в рукописи*, восстановил. Что же касается до переделок и выпусков, сделанных Вами, то некоторые из них, как замечаю теперь, конечно, необходимы, но других выпусков (в конце) мне жалко. (...) Впрочем, об одном бы выпуске попросил Вас, на странице 786 (отметил на полях карандашом NB) — нельзя ли восстановить? Тут ясно для читателя, что если он говорит: я счастлив(в), то уж, конечно, не потому, что любит себя своим поведением. Впрочем, если нельзя, то нечего делать». И дальше: «Мне жалко не *всех* в конце выпусков. Некоторые действительно улучшили это место. Я чувствую уже 20 лет, мучительно, и яснее всех вижу, мой литературный порок: *многословность* и никак не могу избавиться» (Там же. С. 166—167). Позднее, уже после смерти Достоевского, публикуя в «Русском вестнике» за 1889 г. приведенное выше письмо писателя к А. П. Милюкову, редакция сделала к нему такое примечание: «Из письма видно, что ему (Достоевскому) не легко было отказаться от задуманной утрированной идеализации Сони как женщины, доведшей самопожертвование до такой ужасной жертвы. Федор Михайлович значительно сократил разговор при чтении Евангелия, который в первоначальной редакции главы был много больше, чем сколько осталось в напечатанном тексте» (РВ. 1889. № 2. С. 361).² Позиция «Русского вестника» была впоследствии еще раз прояснена Н. А. Любимовым: «...выведенная Достоевским фигура Сони как выдуманная и деланная весьма претила (...) М. Н. Каткову.

¹ От слова *резонировать* (то же, что *резонерствовать*), т. е. пространно и скудно рассуждать о чем-либо в нравоучительном тоне (БАС. Т. 12. С. 1167, с пометой *устар.*); см. также ниже о правке Достоевского в этой главе.

² По воспоминаниям Н. Фон-Фохта, Достоевский после поездок с дачи в редакцию «Русского вестника» «всегда возвращался домой недовольный и расстроенный», потому что «ему приходилось почти всегда исправлять текст или даже прямо выбрасывать некоторые места (...) вследствие разных цензурных стеснений» (Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 1. С. 371—381, 362—370). О том, как правил тексты произведений Н. А. Любимов, которого Н. С. Лесков в 1870 г. назвал «Агиллой, бичом литературы», см.: ЛН. Т 86. С. 131 (коммент. И. С. Зильберштейна).

⟨...⟩ Катков с трудом принял на страницы своего издания те главы, где говорится об отношениях Сони и Раскольникова. ⟨...⟩ Катков не мог перевернуть мысли, чтоб занятие проституцией могло в каких бы то ни было условиях сделаться высшим подвигом самопожертвования и таить под собою невинную чистоту души, сохраняющей белизну в грязной оболочке тела».¹

Столкновение Достоевского с редакцией «Русского вестника» вокруг евангельской главы романа проходило в русле бурно обсуждаемого в России «женского вопроса», одной из сторон которого была проблема свободы женщины в том, что связано с ее ответственностью перед обществом за «чистоту» своей жизни. Демократический лагерь был единодушен в оправдании «падшей женщины» как жертвы общественных порядков и нравов (см.: *Тишкин. С. 66, 99, 146—147*). Эти настроения встречали решительный отпор со стороны консервативной журналистики, публиковавшей проникнутые резко выраженным или чуть приглушенным негативизмом реалистичные картины и суждения по поводу положения женщин, переступивших важную для общественной морали черту. В представлениях деятелей консервативного лагеря иной подход к этой этической проблеме был одним из самых ярких проявлений нигилизма.² В переговорах по поводу четвертой главы «Преступления и наказания» именно «нигилизм» в подходе к «женскому вопросу» определил позицию и претензии со стороны редакции «Русского вестника» к Достоевскому (подробнее см.: *Березкина, 2013б. С. 174—179*).

В одной из записей в третьей тетради Достоевского читаем: «После смерти Мармеладовой, когда он называет ее святою, она с испугом говорит: „Ах, что вы это! Я великая грешница“. Когда же он думает, что она говорит о желтом билете, и высказывает ей это: Соня ⟨...⟩ говорит ему: я не про это, но я неблагодарна была, я против любви много раз погрешила, и рассказывает тут историю ⟨...⟩ как униженной и убитой Мармеладовой захотелось раз воротничка вышитого...»³ (7, 190 и коммент. на с. 780). Эпизод с воротничком и Катериной Ивановной, обиженной вопросом Сони «на что вам?», попал именно в главу IV четвертой части, но без характерной оговорки «я не про это», которая могла возмутить, в числе прочего, Каткова и Любимова: звучала она в духе самых «нигилистических» представлений о взаимоотношениях полов, поскольку предлагала считать ничего не зна-

---

¹ Свет. 1895. 1 марта, № 49. Отд. «Отголоски». С. 3; подп.: Н ***. О работе в этой газете Любимова см.: *Котов А. Э. Любимов Н. А. // Русский консерватизм середины XVIII—начала XX века: Энцикл. М., 2010. С. 279.*

² О «женском вопросе» и нигилизме см.: *Дрыжакова Е. Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов // Д. Материалы и исследования. Т. 17. С. 3—29.*

³ Анализ сцены в записях Достоевского см.: *Медведев. С. 168—170.*

чащим то, что представляло абсолютную ценность для общепринятой этической системы.¹

Первоначальный текст нынешних I—IV глав четвертой части до нас не дошел, и они известны только в журнальной редакции. Из цитированных писем Достоевского очевидно, что конец IV главы (разговор героя с Соней после чтения Евангелия) был пространнее, чем в известном нам варианте. Упомянутой Достоевским с. 786 журнального текста (см. выше, с. 463) соответствует 6, 277 (строка 36) — 278 (строка 32). В. Я. Кирпотин, основываясь на словах приведенной заметки о Соне как «женщине, доведшей самопожертвование до такой ужасной жертвы», высказал предположение, что в исключенном тексте главы Соня стала «возлюбленной», «женой» Раскольникова (Кирпотин, *Разочарование Раскольникова*, 1986. С. 152—153). Однако представляется, что для такого толкования цитированных слов у нас нет оснований. Подготовительные материалы к роману свидетельствуют лишь о том, что разговор с Соней виделся Достоевскому первоначально более страстным, напряженным по тону, чему соответствовали обращения Раскольникова к ней как своей «повелительнице и <...> судьбе». Более ярко выраженной была и роль ее в качестве резонера: «Ну, поцелуйте евангелие, ну, поцелуйте, ну, прочтите! <...> Это когда она убеждает его, т. е. прежде прощания. „Я сама была Лазарь умерший, и Христос воскресил меня”» (7, 236, 243; в окончательном тексте инициатором чтения Евангелия становится Раскольников, которому по-своему сопротивляется героиня, — см.: 6, 278—279). Соня Мармеладова в записях третьей тетради — «выразитель одной из важнейших идей романа», связанных, по словам Достоевского, с «православным воззрением» на страдание как условие искупления, счастья и нравственного возрождения человека; исчезнувшие из сцены с Евангелием высказывания и мысли героини впоследствии были вложены автором в уста следователя, пришедшего к Раскольникову с предложением явиться с повинной и ставшего своего рода «апологетом страдания» (*Мочульский*. С. 237).²

---

¹ Об усилении антинигилистического звучания романа под воздействием редакции Каткова см.: *Плященко Т. Е.* «Русский вестник» // *Русский консерватизм середины XVIII—начала XX века*. С. 422.

² См.: *Blackmur R. P.* *Eleven Essays in the European Novel*. New York: Harcourt, Brace and World, 1964. P. 138—139; *Чирков*, 1967. С. 107; *Карякин Ю. Ф.* Человек в человеке: (Образ пристава следственных дел в «Преступлении и наказании») // *ВЛ*. 1971. № 7. С. 82—83; *Назирова Р. Г.* Достоевский и роман У. Годвина // *Д, Материалы и исследования*. Т. 4. С. 164—165; *Тихомиров Б. Н.* Из творческой истории романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: (Соня Мармеладова и Порфирий Петрович) // *РЛ*. 1990. № 4. С. 217—223. Высказывались различные суждения о причине неожиданного перерождения Порфирия Петровича, после которого он начинает выражать сокровенные мысли автора о благотворности страдания; между тем они

Корректировка «резонирующих», по выражению Каткова, реплик и жестов Сони происходила, вероятнее всего, под его воздействием.¹ Впоследствии, при подготовке отдельного издания романа 1867 г., Достоевский уже самостоятельно, без какого-либо давления, сглаживал сходные черты при редактировании IV главы пятой части (сцена признания Раскольникова Соне). Что же касается главы IV четвертой части, то изменения в ее тексте в издании 1867 г. оказались минимальными. Это говорит о том, что писатель был удовлетворен своей работой, сделанной над этой главой по настоянию Каткова.²

В письме к Любимову от 8 июля (см. выше, с. 462) Достоевский обещал дать еще главу для июньского номера «в самом непродолжительном времени», 12 или 13 числа. Однако, по-видимому, с представлением ее он опоздал, и X глава попала в следующий, июльский номер, где были напечатаны главы X—XIII второй части, соответствующие главам V—VI четвертой и I—III нынешней пятой части.

Закончилось печатание второй части в августовском номере еще двумя главами (признание Соне в убийстве и смерть Катерины Ива-

---

вполне объяснимы, если иметь в виду его склонность к актерству, о которой предупреждал Раскольникова Разуმიкин. По-видимому, именно поэтому Порфирий Петрович уходит от Раскольникова после последней встречи с ним, «как бы избегая глядеть» на него, т. е. прячет глаза, боясь выдать свои подлинные чувства (ср.: *Кунильский А. Е. Ценностный анализ литературного произведения: (Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»)*. Петрозаводск, 1988. С. 55—56). Те возможности, которые таились в образе следователя (а среди персонажей, населяющих роман, он глубже всех проник не только в теорию, но и в душу героя), прослежены по рукописям и окончательному тексту в указанной выше статье Б. Н. Тихомирова. При этом следует учесть, что Порфирия Петровича тронула та трагедия молодого талантливого человека, которая разворачивалась перед ним в ходе следствия (см. об этом: *Бухарев. С. 235*).

¹ Ср. полярное расхождение в оценке столкновения писателя с редакцией журнала из-за главы IV, причем с учетом именно ее религиозного содержания: *Мочульский. С. 228; Лурье. С. 298*. О том давлении, которое оказывал Катков практически на всех публиковавшихся в его журнале писателей, см.: *Трофимова Т. А. «Положительное начало» в русской литературе XIX века («Русский вестник» М. Н. Каткова)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

² Высказывалось предположение и о другой стороне доработки Достоевским IV главы четвертой части — переводе евангельских цитат с издания Российского библейского общества 1823 г. на новое издание Святейшего Синода, печатавшееся с 1860 г.: *Тихомиров Б. Н. Достоевский цитирует Евангелие: (Заметки текстолога) // Д. Материалы и исследования. Т. 13. С. 189—194*. См. также: 7, 701—704, коммент. к 6, 278—281.

новны), будущими заключительными главами пятой части. Оставалась последняя часть, но из-за срочной работы над «Игроком» произошел вынужденный перерыв в писании и печатании «Преступления и наказания», который, как это следует из письма к Любимову Достоевского от 2 ноября 1866 г., был согласован с Катковым.

Вернувшись в Петербург, Достоевский, по совету А. П. Милюкова, пригласил для ускорения процесса работы над «Игроком» стенографистку А. Г. Сниткину. Вечером 4 октября началась диктовка нового романа, а 1 ноября 1866 г. рукопись «Игрока» была доставлена Стелловскому, и Достоевский получил возможность вернуться к «Преступлению и наказанию». На другой день, 2 ноября, он писал Н. А. Любимову: «Теперь принимаюсь за окончание „Преступления и наказания“. Буду работать без устали и к 20 декабря непременно намерен кончить и сделать, по крайней мере, не хуже того, что уже напечатано. Начать присылать роман я, конечно, могу скоро, но не ранее 15-го ноября, по главам, так что и в будущем 10 № „Р(усско)го в(естни)ка“ может явиться несколько; и за это я могу отвечать. Но не лучше ли будет, многоуважаемый Николай Алексеевич, если вся 3-я часть романа будет напечатана в 2-х № — в 11-м и 12-м, то есть, если только возможно, в X-м № не помещать (объявив, впрочем, публике, что в следующих 2-х №№, то есть в настоящем году, непременно будет кончено «Преступление и наказание»)). В том же письме Достоевский сообщил: «Я теперь нанимаю стенографа и хотя, по-прежнему, продиктованное по три раза просматриваю и переделываю, тем не менее стенография чуть ли не вдвое сокращает работу. Единственно только этим способом мог я кончить, в один месяц, 10 печатных листов Стелловскому; иначе не написал бы и пяти» (Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 168, 169).

3 ноября, посетив А. Г. Сниткину и ее мать в их доме на Песках, писатель предложил ей стенографировать последнюю часть «Преступления и наказания» (Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 1987. С. 87—89; ЛН. Т. 86. С. 267—269). Адрес А. Г. Сниткиной (ставшей в начале 1867 г. женой Достоевского) записан в третьей записной тетради к роману. В письме к Н. А. Любимову от 8 ноября, вновь повторив свою просьбу о том, чтобы печатать конец романа в двух последних номерах,¹ Достоевский заметил: «Сам же работаю безостановочно. Чтоб себя спасти, я написал, менее чем в месяц, издателю Стелловскому роман в 10 печатн(ых) листов (с помощью стенографии). Но работа работе рознь» (Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 170). Как вспоминала А. Г. Достоевская, в конце ноября—декабре 1866 г. она три-четыре раза на неделе приходила стенографировать роман; в остальные дни автор готовился к диктовке, делая заметки в записной тетради и

¹ Н. А. Любимов в письме от 7 ноября, которое было ответом на первое письмо Достоевского, от 2 ноября, согласился на все его условия, в том числе денежные (см.: ЛН. Т. 86. С. 130; *Летопись*. Т. 2. С. 82—83).

переделывая продиктованное (на всю эту работу — написание шестой части и эпилога — ушло, по свидетельству А. Г. Достоевской, четыре недели). В первом по времени письме к будущей жене от 9 декабря 1866 г. Достоевский писал: «Вчера сидел над переделкой 5-й главы до второго часа ночи»¹ (Там же. С. 172).

В тот же день Н. А. Любимову он сообщал:² «Простудился, пролежал два дня и опять опоздал. Спешу, однако же, выслать V-ю главу (...) VI-я глава (небольшая и заключительная для ноябрьской книги) — почти написана, но требует некоторой переписки и переделки.³ (...) Но все-таки изо всех сил буду стараться выслать поскорее VI-ю главу. Она, по существу своему, именно и заключает этот отдел и почти необходимая для первых V глав. Остальные же главы для декабрьской книги (окончание романа) будут высылаться по мере подготовки. Спешу, но ни за что не буду портить (разумея по мере сил моих). Но, к удивлению моему, декабрьских глав выйдет немного, всего четыре (от 3-х до 4-х листов), и тем закончится весь роман. Я полагал и рассчитывал прежде, что выйдет более. Но представляется необходимость повести действие быстрее, чтобы не повредить *заключительному* эффекту растянутости» (Там же. С. 171—172).

13 декабря VI глава (самоубийство Свидригайлова) была отправлена и появилась, вместе с пятью предыдущими, в ноябрьском номере «Русского вестника» (вышел 29 декабря); Достоевский сообщил об этом в письме к А. Г. Сниткиной из Москвы 2 января 1867 г.

Относительно окончания Достоевский писал 13 декабря Н. А. Любимову: «После этой 6-й главы, теперь, как уже ясно обозначилась передо мной дальнейшая работа окончания романа — и я уже приступил к ней, теперь — я вижу ясно, что окончание будет *еще короче*, чем я предполагал. (Так выходит; так лучше и эффектнее будет в литературном отношении.) Таким образом, на декабрьскую книгу может выйти, со всем, с заключительною главою (эпилогом) *весьма немного*, листов до трех. (...) Следующие главы будут высылаться одна за другой непрерывно. К Рождеству *твердо надеюсь* окончить и переслать весь роман в рукописи, всё окончание» (Там же. С. 173).

Однако до Рождества были пересланы лишь заключительные две главы третьей части (главы VII и VIII шестой части). Эпилог же, заключивший не одну, а две главы, Достоевский взял с собою в Москву, куда приехал 28 декабря. Занятый делами и визитами (ввиду предстоящей женитьбы), он писал своей невесте 2 января: «Вообрази, до сих пор еще не успел просмотреть двух последних глав» (Там же. С. 177).

¹ Четыре главы третьей (шестой в отдельном издании) части были к этому времени уже отправлены в Москву.

² О несохранившемся письме из редакции журнала, которая начала торопить Достоевского с окончанием романа еще в конце ноября, см.: Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 1987. С. 114.

³ Наброски в третьей тетради к главам IV—VI шестой части помечены датой 13 ноября.

По возвращении в Петербург (около 6—7 января) Достоевский передал их для набора. Две главы последней части и эпилог в декабрьском номере «Русского вестника» за 1866 г. (вышел 14 февраля 1867 г.) заключили журнальную публикацию «Преступления и наказания».

6

Об отдельном издании романа Достоевский думал уже, приступая к печатанию его в журнале. «...ведь я мечтаю, знаете об чем, — писал он 18 февраля 1866 г. А. Е. Врангелю, который советовал своему другу поступить на службу, чтоб не жить одним ненадежным литературным заработком, — продать его нынешнего же года книгопродавцу вторым изданием, и я возьму еще тысячи две или три даже. Ведь этого не даст коронная служба? А продам-то я вторым изданием наверно, потому что ни одно мое сочинение не обходилось без этого» (Там же. С. 151). В майском письме к тому же Врангелю он сообщал, что второе издание «уже торгуют» (Там же. С. 157). Двухтомное «исправленное» издание «Преступления и наказания» вышло в Петербурге в декабре 1867 г.¹

Для этого издания Достоевский перечитал весь роман и выправил текст. Три части журнальной редакции были преобразованы в шесть, частично изменено и деление на главы, хотя никаких добавлений (кроме отдельных слов и фраз) автор не внес, а напротив — сделал сокращения, устранив длинноты и сняв некоторые детали. Так, в конце V главы второй части Достоевский убрал отягчающий вину Раскольникова момент, зачеркнув слова Настасьи о том, что Лизавета была беременна, а ее ребенок был «лекарский» (т. е. Зосимова) (см. выше, с. 369); исправление было вполне закономерным, поскольку, во-первых, соответствовало наказанию, понесенному Раскольниковым, а во-вторых, в переживаниях героя нигде не отразился факт убийства им не двух, а фактически трех человек. В главе VI той же части из монолога Раскольникова убрана оскорбительная для Разумихина характеристика его «тупых» остроум по поводу купленного на Сенной платья (7, 370). О Лидочке, дочери Мармеладова, говорится в следующей главе: «Маленькая Лидочка вскрикнула, бросилась к Поленке, обхватив ее, и вся затряслась». В журнальном тексте дальше объяснялось: «с ней бывали нервные припадки, похожие на падучую болезнь» (7, 371).

В главе IV третьей части, в разговоре Разумихина и Раскольникова по дороге к Порфирию Петровичу, зачеркнуто психологически неточное в этом эпизоде размышление героя: «И стоила эта пакость таких мук! — подумал он опять про себя». А после второй встречи с

---

¹ В *Летописи* (Т. 2) нет установленных дат, связанных с работой Достоевского над изданием 1867 г., поэтому можно сказать, что обстоятельства и время ее осуществления остаются неизвестными.

Порфирием Петровичем, которая закончилась неожиданным признанием Николая (глава VI четвертой части), приведшим в смятение обоих, и следователя и убийцу, снята противоречащая этому смятению уверенность Раскольникова в том, что «тут нет положительных фактов» и что все «еще можно поправить» (7, 375, 384).

Значительно сокращены речи Лужина в главе III пятой части (обвинение Сони в краже и напутственные наставления ей), как, впрочем, и защитительные разъяснения Раскольникова. Очевидно, Достоевский стремился сделать всю эту сцену более лаконичной и компактной.

Существенные поправки внесены в IV главу пятой части (признание Соне в убийстве). В самом начале снято авторское рассуждение о переживаниях человека, приговоренного к смерти. После исключений, связанных с упоминаниями «конвульсий», «слез», «криков», «объятий» и т. п., сцена признания стала более сдержанной (см.: 7, 390—393, варианты прижизненных изданий к 6, 354—364). Резко сокращено взволнованное заключительное обращение Сони. В журнальном тексте она выступала как резонер, страстно призывающий убийцу к покаянию («Милый! воскресни!») и убеждающий его евангельским примером («Воскресил же чудом Лазаря, и тебя воскресит»). Далее, когда Соня отдает Раскольникову Лизаветин крест, сняты столь же испуленные слова ее о Лизавете и призыв к молитве за нее. Эти исключения сделали более цельным скромный облик Сони Мармеладовой.

В рассказе Раскольникова о том, как у него «одна мысль выдумалась» — о том, что надо только «осмелиться», вычеркнуто психологически неправдоподобное здесь: «И вдруг я ужасно захохотал... Так захохотал, что целую минуту себя удержать не мог от одной мысли!» (7, 392).

В последней главе пятой части выброшено восторженное, несколько сентиментальное обращение умирающей Екатерины Ивановны к Соне: («О... ребенок!») и следующая далее авторская фраза: «Рука Сони была в ее руке. Она так и прильнула к ней губами». Здесь же устранена злая выходка Раскольникова: после того как Соня упала на труп Екатерины Ивановны, он шепнул ей на ухо: «Ну что? кому жить? ей или Лужину?» (7, 395).

В главе VII шестой части (прощание с Дуней) была несколько смягчена резкость последних бунтарских сомнений Раскольникова в необходимости принесения повинной (7, 401, варианты к 6, 448—449). Аналогичный характер имеет правка в заключительной главе шестой части, где после размышлений Раскольникова о Соне: «Эта-то, эта-то чего? Я-то что ей? Чего она плачет, чего собирает меня, как мать или Дуня? Нянька будет моя!» — отброшены слова: «Неужели я взаправду тогда угадал, что она *полюбила* меня, — эта сердобольная идиотка? Хе! хе! И в какое время! О, Господи! А впрочем, бывают такие, у которых всё так ни на что не похоже выходит; да и в лицо только стоит ей посмотреть...» (7, 402). Кроме приведенных и некоторых других, более мелких, сокращений (см. «Варианты прижизненных изданий»), в 1867 г. было сделано довольно много стилистических ис-

правлений. Была проведена писателем и работа по устранению несообразностей в разных частях книги; например, во второй части портрет Сони в ее портретном описании был приведен в соответствие с другими страницами, в частности с эпилогом, где она была охарактеризована как «маленькое и худенькое создание» (7, 371, вариант к 6, 159).

В декабре 1870 г. «Преступление и наказание» было перепечатано в составе полного собрания сочинений Достоевского, изданного Стелловским (об этом издании романа см. письма Достоевского к А. Н. Майкову от 27 октября (8 ноября) 1869 г. и к П. А. Исаеву от 10 (22) декабря 1869 г. — *Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 75—77, 83—84). Роман составил здесь четвертый, заключительный том. Издание это повторило, без изменений (но с опечатками),¹ текст 1867 г.²

В 1877 г. вышло последнее при жизни автора отдельное издание романа в двух томах. Вероятно, Достоевский просматривал корректуру, так как в тексте есть несколько десятков авторских исправлений. Набор производился с издания 1867, причем снова было допущено немалое количество опечаток, пропущенных Достоевским и его женой (которая, как обычно в эти годы, читала корректуру).

В журнальном тексте и всех последующих прижизненных изданиях романа осталось неустранимым противоречие: одна из маленьких дочерей Мармеладовой называется в разных местах то Лидочкой (в части второй), то Леней (в частях четвертой и пятой). Оба эти ее имени сохранены и в настоящем издании, так как возможно, по мысли автора, это — две разные уменьшительные формы одного и того же имени.³

7

В «Бедных людях», «Господние Прохарчине» и других повестях и рассказах 1840-х годов, в «Униженных и оскорбленных» Достоевский нарисовал многочисленные трагические картины жизни обездоленных

---

¹ То, что Достоевский не имел отношения к выходу издания 1870 г., несомненно, однако оно учтено в *Акад. ПСС* и соответственно в настоящем издании — ссылками, надо признать, условного в некоторых случаях характера на 1870 — в «Вариантах прижизненных изданий» и списке исправлений к тексту произведения. Иная позиция усматривается в издании «Канонические тексты» (1995. Т. 7), где в этих разделах нет ссылок на 1870.

² Достоевский сразу же после объявления о выходе этого издания начал самые решительные действия для получения за него гонорара, для чего привлек А. Н. Майкова. Стелловский расплатился с писателем только в 1875 г.

³ Нельзя, впрочем, исключить, что этот разнобой был следствием недосмотра при какой-то авторской перемене имен. Так, в журнальном тексте мальчика Мармеладовой звали Аркашей (см.: 7, 372), в окончательном — Колей.

слоев населения Петербурга, дал ряд образцов насыщенного философской символикой городского пейзажа. Их можно рассматривать как своеобразные эскизы к «Преступлению и наказанию». В рассказе «Господин Прохарчин» (1846) в связи с обрисовкой психологической раздвоенности бедного человека Достоевский впервые — хотя и мимоходом — коснулся и занявшей столь значительное место в его романе «наполеоновской» темы («Наполеон вы, что ли, какой? что вы? кто вы? Наполеон вы, а? Наполеон или нет?!» — 1, 294; см. о «мечтах сделаться Наполеоном» в рукописях переработки «Двойника» 1861—1862 гг. — 1, 610, 752). Образы петербургских «мечтателей» в повестях Достоевского 1847—1849 гг. (ср. также изображение двора и лестниц в «петербургской поэме» «Двойник», одиноких блуждающих по городу Ордынова в повести «Хозяйка») во многом предвосхищают отдельные грани трактовки Раскольникова и его истории. Углубленный интерес к психологии преступника и отражение собственных переживаний на каторге в «Записках из Мертвого дома», мрачные картины социальных контрастов капиталистического Лондона и вызванные ими религиозно-философские размышления о грядущих судьбах цивилизации в «Зимних заметках о летних впечатлениях» также подвели автора к «Преступлению и наказанию», как и изображение противоречивой, парадоксальной цепи рассуждений «уединенного» мыслителя в «Записках из подполья» в его столкновении с Лизой, посрамляющей героя-«теоретика» непосредственностью и теплотой своего чистого сердца (см.: Гроссман, *Город и люди*. С. 49—52; Гроссман, *Биография*. С. 331—332; Назиров Р. Г. Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // *Достоевский и его время*. С. 143—153). Критико-публицистические выступления на страницах журналов «Время» и «Эпоха» дали Достоевскому ценный опыт обсуждения самых животрепещущих проблем русской жизни, отразив его обеспокоенность тем уклоном образованных слоев русского общества, главным образом из молодежи, который был связан с новейшими общественно-политическими учениями. «Преступление и наказание», первый из романов «великого пятикнижия» Достоевского, стало важным свидетельством осмысления им действительности в свете христианских идеалов.

Таким образом, «Преступление и наказание» было итогом всего предшествующего творчества Достоевского. Здесь получили продолжение в условиях новой эпохи и на новом, высшем этапе развития писателя достигли наибольшей трагической выразительности многочисленные мотивы его более ранних произведений — как 1840-х, так и первой половины 1860-х годов.

С самого начала творческого пути Достоевского волновала, по его собственному признанию, сделанному в ДП за 1876 г., судьба «девяяти десятых» человечества, нравственно растоптанных, социально обездоленных и призванных «лишь послужить (...) материалом и средством» для избранных (*Акад. ПСС*. Т. 22. С. 31). Картины социальных страданий городской бедноты, тема растущего пауперизма, изображе-

ние тех сложных и «фантастических», «химических» превращений, которые душа человека претерпевает в обстановке большого города, — все эти мотивы, звучавшие уже в более ранних произведениях Достоевского, приобрели новый, углубленный религиозно-философский смысл в «Преступлении и наказании».

В предисловии к переводу романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», напечатанному во «Времени» в 1862 г., Достоевский определил как основную «мысль христианскую и высоконравственную» всего великого и передового европейского искусства XIX в. идею «восстановления погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков», «оправдание униженных и всеми отринутых парий общества» (Акад. ПСС. Т. 20. С. 28). Этой идеей проникнуто «Преступление и наказание», роман, главных героев которого — «убийцу и блудницу» — автор прямо называет в подготовительных материалах «париями общества», пользуясь формулой из цитированного предисловия (см.: 7, 236 и 789 (коммент.); см. также: 6, 284). Именно сочувствие к обездоленным и нежелание смириться с вековой предопределенностью сословных преград отделяло Достоевского от круга русских консерваторов катковского толка, наблюдавших за развертыванием его христианской проповеди. Подозрительна для них была и страстная критика Достоевским нарастающих и крепнущих в России капиталистических порядков, близкая направленности радикального литературного лагеря.

По справедливой характеристике исследователя, «Преступление и наказание» прежде всего — «роман большого города XIX в. Широко развернутый фон капиталистической столицы предопределяет здесь характер конфликтов и драм. Распивочные, трактиры, дома терпимости, труппные гостиницы, полицейские конторы, мансарды студентов и квартиры ростовщиц, улицы и закоулки, дворы и задворки, Сенная и „канавы“ — все это как бы порождает собой преступный замысел Раскольникова и намечает этапы его сложной внутренней борьбы». «В „Преступлении и наказании“, — пишет далее исследователь, — внутренняя драма своеобразным приемом вынесена на людные улицы и площади Петербурга. Действие все время перебрасывается из узких и низких комнат в шум столичных кварталов. На улице приносит себя в жертву Соня, здесь падает замертво Мармеладов, на мостовой истекает кровью Катерина Ивановна, на проспекте перед каланчой застреливается Свидригайлов, на Сенной площади кается всенародно Раскольников. Многоэтажные дома, узкие переулки, пыльные скверы и горбатые мосты — вся сложная конструкция большого города середины столетия вырастает тяжеловесной и неумолимой громадой над мечтателем о безграничных правах и возможностях одинокого интеллекта {...} С щедростью и всеобъемлющим размахом „Человеческой комедии“ Достоевский в границах одного романа развернул исключительное богатство социальных характеров и показал сверху донизу целое общество в его чиновниках, помещиках, студентах, ростовщиках, стряпчих,

следователях, врачах, мещанах, ремесленниках, священниках, кабатчиках, сводниках, полицейских и каторжниках. Это — целый мир сословных и профессиональных типов, закономерно включенный в историю одного идеологического убийства» (*Гроссман, Город и люди*. С. 43, 49—50).¹ На страницах «Преступления и наказания» проявилось стремление к «максимальной полноте социального объяснения характера», свойственное Достоевскому (*Розенблюм*. С. 113).

Как свидетельствуют письма и публицистика писателя, в 1860—1870-х гг. он рассматривает свои романы в качестве своеобразного, углубленного художественного отклика на «текущие» темы современной общественной жизни. Это относится и к «Преступлению и наказанию». Рост социального неравенства, распад семьи, пьянство, увеличение преступности, проституция и многие другие явления пореформенной действительности, художественно отраженные в «Преступлении и наказании», широко обсуждались в середине 1860-х годов, когда Достоевский работал над романом, на страницах русских газет и журналов. К анализу этих явлений не раз обращались в 1861—1865 гг. издававшиеся Достоевским (совместно с его старшим братом) журналы «Время» и «Эпоха» (см.: *Нечаева, «Время»*. С. 93—125; *Нечаева, «Эпоха»*. С. 39—65). Освещение некоторых сторон жизни Петербурга в журналах Достоевского созвучно их художественной трактовке на страницах романа.

Изображенный в нем район Петербурга (примыкающий к торговому центру города в 1860-е годы — Сенной площади), где живут Раскольников и другие главные герои романа, был хорошо знаком Достоевскому по личным наблюдениям. В этой части Петербурга писатель жил дважды, в 1840-х и в 1860-х годах. Как установлено занимавшимися топографией «Преступления и наказания» исследователями, район этот, прилегающие к нему улицы и переулки описаны Достоевским на страницах романа с «физиологической» достоверностью. В тексте «Преступления и наказания» большинство называемых автором улиц обозначено сокращенно: «С-й (Столярный) переулок», «В-й (Вознесенский) проспект», «К-й (Конногвардейский) бульвар» и т. д., — но, взяв план тогдашнего Петербурга, сокращения эти легко расшифровать, и сравнение убеждает, что расположение и облик домов и улиц, описанных в романе, большей частью соответствуют их реальному местоположению и внешнему облику. До настоящего времени в Петербурге сохранились так называемые «дом Раскольникова» (по-видимому, на углу Гражданской (Средней Мещанской) улицы и Столярного переулка — см. 7, 605—607, 670, коммент. к 6, 5 и 150), «дом Сони Мармеладовой» (угловой по каналу Грибоедова и Казначейской (Малой Мещанской) улице, с одного

¹ См. также: *Кирпотин, Разочарование Раскольникова; Поддубная Р. Н.* Особенности художественной структуры романа Достоевского «Преступление и наказание» // *Метод и мастерство*. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 178—194.

или другого ее конца, — см. 7, 700—701, коммент. к 6, 269), «дом Алены Ивановны» (на углу канала и Средней Подъяческой улицы — см. 7, 608, коммент. к 6, 7) и многие другие места, здания, их дворы и лестницы, изображенные Достоевским как бы непосредственно с натуры, о чем он сам рассказывал позднее своей жене А. Г. Достоевской.¹ Вместе с тем исследователями, анализировавшими противоречия в ряде указаний на местоположение того или иного дома в «Преступлении и наказании», доказана «тенденция, вероятно, принципиальная для Достоевского, к деконкретизации и сдвигу реальной топографии» Петербурга (*Купман, Конечный*. С. 190). Спорность отдельных адресов романа (а речь идет о домах, находящихся поблизости друг от друга) не делает менее достоверной общую картину Петербурга середины 1860-х годов, нарисованную Достоевским.

В романе воспроизведена реальная атмосфера жизни города того времени. Так, из газет начала 1860-х годов мы узнаем, что в связи с ростом нищеты и изменениями законодательства в Петербурге особенно усилилось ростовщичество, ставшее широким бытовым явлением. Только в одном, 141-м, номере «Ведомостей С.-Петербургской полиции» за 1865 г. помещено одиннадцать объявлений об отдаче денег на проценты под различные залоги. «Все эти объявления <...> — писала другая газета того времени, — показывают, с одной стороны, крайнюю потребность в деньгах в бедном классе, а с другой — накопление <...> сбережений людьми, не умеющими обратить эти деньги на какое-нибудь производительное предприятие <...> При чтении всех этих предложений денег представляется, с одной стороны, скаредность и алчность, а с другой — раздражающая душу нищета и болезнь» (*Г.* 1865. 7 (19) февраля, № 38. С. 3).

Рост в конце 1850-х—начале 1860-х гг. нищеты городских низов, неуверенность их в завтрашнем дне вели к систематическому увеличению преступности, на что также постоянно жаловались петербургские газеты. В сообщениях об уголовных преступлениях все чаще и чаще фигурировали и подпадавшие пореформенному нравственному разброду представители дворянского сословия. О том, что в основу рассказа о преступлении Раскольникова легли художественно претворенные им на страницах романа факты, извлеченные из уголовной хроники, Достоевский сам писал в цитированном выше письме к Каткову. Говорится и в романе, и в подготовительных материалах к нему и о падении нравственности «в цивилизованной части нашего общества», кото-

¹ См. об этом: *Гроссман, Семинарий*. С. 56—58; *Анциферов, 1991*. С. 224—257; *Анциферов, 2009*. С. 253—254, 263—266, 271—272, 279—286 и след.; *Гроссман, Город и люди; Холшевников, 1976; Гранин Д. А.* Примечания к путеводителю. Л., 1967. С. 263—272; *Саруханян; Купман, Конечный; Батист, Федоренко; Бурмистров, 1977; Белов, Комментарий; Тихомиров, 2005*. См. также 7, 607, 619—620, 628, 633, 641, 644, 648, 652, коммент. к 6, 6—7, 19, 37, 48, 65, 76, 94, 98 и др.

рое Достоевский называл «нигилизмом своего рода», — см. 7, 663—665, 709—710 и 791—792, коммент. к 6, 130, 314 и к 7, 260).¹

По свидетельству тогдашней статистики, число дел о различных преступлениях в петербургской полиции уже в период с 1853 по 1857 г. удвоилось. В среднем в Петербурге в это время совершалось краж и мошенничеств на 140 тыс. рублей в год. Число арестантов достигло 40 000 человек ежегодно, что составляло одну восьмую часть населения тогдашней столицы.²

В августе 1865 г. в Москве происходил военно-полевой суд над приказчиком, купеческим сыном Герасимом Чистовым, 27 лет, раскольником по вероисповеданию. Преступник обвинялся в предумышленном убийстве в Москве в январе 1865 г. двух старух — кухарки и прачки — с целью ограбления их хозяйки. Преступление было совершено между 7 и 9 часами вечера. Убитые были найдены сыном хозяйки квартиры, мещанки Дубровиной, в разных комнатах, в лужах крови. В квартире были разбросаны вещи, вынутые из окованного железом сундука, откуда были похищены деньги, серебряные и золотые вещи. Как сообщила петербургская газета, старухи были убиты порознь, в разных комнатах и без сопротивления с их стороны одним и тем же орудием — посредством нанесения многих ран, по-видимому, топором. «Чистова избочичает в убийстве двух старух орудие, которым это преступление совершено, пропавший топор (...) чрезвычайно острый, насаженный на короткую ручку» (см.: Г. 1865. 7—13 (19—25) сентября, № 247—253). На то, что Достоевский, вероятно, читал стенографический отчет по делу Чистова и что материалы этого процесса могли дать толчок его художественному воображению на первой ступени разработки сюжета «Преступления и наказания», впервые указал Л. П. Гроссман. Газетные материалы процесса Чистова изучены Г. Ф. Коган (ЛП. С. 779).

На другой источник сведений о сходном преступлении (убийство ростовщика и его кухарки), причем в той же самой газете и примерно за те же числа (Г. 1865. 9 (21) сентября, № 249. С. 3), указала Т. И. Орнатская (см.: Д, Материалы и исследования. Т. 7. С. 48—52). 30 сентября, а затем 6 октября были напечатаны более подробные сообщения, с именем убийцы (князь Микеладзе) и рядом деталей, возможно, отразившихся в романе: об обнаружении при обыске «перед печкою» и «на самой печке» кусков бумаги «с кровавыми пятнами и некоторых вещей», о запертстве убийцы, который потом был «потрясен нравственно» и раскаялся в убийствах, совершенных, как он настаивал, «в беспамятстве». О том, что было после, Микеладзе сообщил: «...возвратился в комнату, где лежал Бек (ростовщик), взял у

¹ О концепции «двух нигилизмов» в творчестве писателя и, в частности, в романе «Преступление и наказание» см.: Буданова, 1987. С. 50—53.

² См.: Карнович Е. П. Санкт-Петербург в статистическом отношении. СПб., 1860. С. 51—59, 67—69, 114—122.

него со стола бумажник, в котором денег вовсе не было (...) потом пошел в спальню, вынул из стоящего там шкафа несколько вещей (...) отправился в другую комнату, взял там шубу. (...) бросил книжку (с фамилиями закладчиков) в канаву. (...) Возвратясь же домой (...) узелок с вещами Бека положил под диван (...) некоторые вещи положил в печку...» (Г. 1865. 6 (18) октября, № 276. С. 3; ср.: 7, 168, 169). По мнению Т. И. Орнатской, «омерзительная фигура ростовщика Бека, „французского подданного“, ругающего гордого и конечно же страдающего от бедности князя (...) „непристойными словами“, не могла не обратить внимания Достоевского, вынужденного неоднократно прибегать к „помощи“ ростовщиков» (Д, Материалы и исследования. Т. 7. С. 51).

Неизбежным спутником социально-экономических сдвигов, наряду с ростом преступности и алкоголизма, в России 1860-х годов был рост проституции. В 1862 г. в журнале «Время» появились статьи о книге Э. А. Штейнгеля «Наша общественная нравственность» (1862) — М. В. Родевича и П. П. Сокальского (№ 8. С. 60—80; № 10. С. 164—180), специально посвященные вопросу о причинах «падения» женщины и условиях, способствующих развитию проституции как социального явления (см. 7, 618—619, коммент. к 6, 18). С данным в романе описанием Сенной, примыкающих к ней улиц, заселенных чиновниками и беднотой, жаркого и пыльного петербургского лета 1865 г. непосредственно перекакается содержание многих фельетонов в тогдашних газетах. «Сенная, — писал о рынке на этой площади фельетонист «Петербургского листка» за год до появления «Преступления и наказания», — удобопроходима только для потерявших обоняние (...) бараки с преющими рогожами, с гниющей парусиной, с грязными проходцами между балаганов, заваленных разными испортившимися продуктами (...) Жалок бывает иногда при дурной погоде петербургский дачник, но во сколько раз несчастнее его петербуржец, поставленный в необходимость провести лето в городе, где со всех сторон его охватывает пыль, духота, зловония» (ПЛ. 1865. 3 января, № 1). «Жара невыносимая, — писал корреспондент другой газеты, — (сорок градусов на солнце), духота, зловоние из Фонтанки, каналов (...) оглушительная трескотня экипажей, пыль не столбом, а целым облаком над всем Петербургом от неполиваемой мостовой; известковая пыль от чистки штукатурками наружных стен домов днем, от разгрузки и развозки извести с каналов и Фонтанки ночью; серая, от толстого слоя пыли, зелень скверов и садов и т. д. (...) вот что представляет из себя Северная Пальмира уже более двух недель» (Г. 1865. 18 (30) июля, № 196. С. 1).

Место жительства Раскольников в романе — район Столярного переулка (здесь, на углу Малой Мещанской улицы, в доме И. М. Алонкина жил в 1864—1867 гг. и сам писатель) — славилось обилием питейных заведений. «В Столярном переулке, — сообщалось в «Отрадной петербургской статистической заметке», — находится 16 домов (по 8 с каждой стороны улицы). В этих 16 домах помещается 18 пи-

тейных заведений, так что желающие насладиться подкрепляющей и увеселяющей влагой, придя в Столярный переулок, не имеют даже никакой необходимости смотреть на вывески: входи себе в любой дом, даже на любое крыльцо — везде найдешь вино» (ПЛ. 1865. 18 марта, № 40). Рядом, на Вознесенском проспекте, помещалось 6 трактиров (один из них посещает в романе Свидригайлов), 19 кабаков, 11 пивных, 10 винных погребов и 5 гостиниц (см. в заметке «Статистические сведения»: ПЛ. 1865. 21 марта, № 42).

Как показано выше, «Преступление и наказание» впитало в себя более ранний замысел романа «Пьяненькие» (см. 7, 433—434). В окончательном тексте романа не случайно поэтому столь значительное место заняли фигура Мармеладова, многочисленные уличные сцены, где фигурируют пьяные мещане, мастеровые, проститутки. Как свидетельствуют тогдашние газеты, живо обсуждавшие акцизную реформу 1863 г. и ее катастрофические последствия, эти сцены выросли из непосредственных живых наблюдений над жизнью тогдашнего Петербурга. «Пьянство, — писала газета «Голос», — в последнее время приняло такие ужасающие размеры, что невольно заставило призадуматься над этим общественным несчастьем...» (Г. 1865. 11 (23) апреля, № 99. С. 3).

Точно соотноствуют фактам, зафиксированным в газетных сообщениях, и другие, более второстепенные детали романа. Так, ввиду отсутствия водопровода, газеты жаловались неоднократно на «желтую воду» из каналов и рек, которую развозили водовозы (см. 7, 648, коммент. к 6, 92), на «полуразвалившихся извозчиков» (см. 7, 644, коммент. к 6, 82), «вонь из распивочных», квартирных хозяек-немок (см. 7, 615, коммент. к 6, 17) и т. д. Мысль Раскольниковова о необходимости в городе устроить фонтаны, которые бы «освежали воздух на всех площадях» (см. 7, 641, коммент. к 6, 65), перекликается с аналогичным проектом, изложенным в «Петербургском листке» (1865. 18 июля, № 106. Петерб. обзор.), а иронические слова поручика-пороха о «сочинителе», который, не уплатив в трактире за обед, был задержан и обещал отомстить своим обидчикам «сатирой» (см. 7, 647, коммент. к 6, 88), варьируют аналогичные слухи, распространявшиеся по городу (см.: СПбВ. 1865. 11 (23) июля, № 175. С. 4). Детальное сопоставление между картиной Петербурга в романе и отражением событий жизни города в текущей газетной хронике 1865—1866 гг. проведено В. В. Даниловым в статье 1933 г. (см.: Данилов).

Ряд характеров и деталей романа восходят к определенным бытовым прототипам или к сходным деталям биографии автора «Преступления и наказания», раскрываемым далее в комментариях. После смерти своего старшего брата и прекращения в начале 1865 г. журнала «Эпоха» писатель оказался без литературной работы и без средств. «В течение целого года, — пишет биограф писателя, — Достоевский не перестает лихорадочно искать денег и барахтаться под обломками материальной катастрофы, подписывая векселя, удовлетворяя кредиторов, отбиваясь от нотариальных протестов, спасаясь от описи своего

имущества и ежеминутно ощущая угрозу долговой тюрьмы. Действуя во всех направлениях, он закладывает свои сочинения, ищет денежного компаньона для журнала, обращается в Литературный фонд за крупным пособием, заключает кабальный договор с издателем Стелловским (<...> Достоевский вынужден беспрерывно общаться с петербургскими процентщиками, квартальными надзирателями, ходатаями и дельцами всевозможных видов и рангов» (*Гроссман, Город и люди*. С. 5). Многие из этих лиц были выхвачены им из жизни и перенесены на страницы романа, о чем с особенной наглядностью свидетельствуют подготовительные материалы к «Преступлению и наказанию», где ряд будущих персонажей романа носит имена кредиторов Достоевского или других лиц, известных нам из его собственной биографии (см. 7, 763, 764 (и 646), 766 (и 659), 778 (и 663—664), 781, 784, коммент. к 7, 62, 70, 89, 185, 192, 199).¹

Все эти реальные прототипы персонажей романа в процессе творческой работы подверглись более или менее значительному художественному переосмыслению. Неудивительно поэтому, что позднейшие исследователи указывают часто для одного и того же персонажа несколько различных прототипов (так, среди прототипов Лужина наряду со стряпчим П. П. Лыжиным назывался не без основания зять писателя П. А. Карепин; в Катерине Ивановне, насколько можно судить, сложным образом совмещены отдельные черты М. Д. Достоевской — первой жены писателя — и, возможно, подруги П. Н. Горского, Марфы Браун (Е. А. Хлебниковой), и т. д.).² Поэтому вряд ли допустимо в персонажах романа искать непосредственного, бытового сходства с их прототипами. Творческая фантазия писателя скорее лишь отталкивалась от прототипов, сочетая «поэзию» с «правдой», подвергая жизненные впечатления подчас очень сложной философско-художест-

---

¹ О П. Н. Горском (Мармеладов), П. Аристове (Свидригайлов), П. П. Лыжине (Лужин), И. П. Бочарове (Чебаров), С. М. Пушкине (Душкин), А. И. Рейслер (Ресслих) и других прототипах различных персонажей романа, как засвидетельствованных авторскими черновиками или сообщениями А. Г. Достоевской, так и предполагаемых, кроме комментариев в настоящем томе, см.: *Гроссман, Семинарий*. С. 56—58 (примеч. А. Г. Достоевской); *Гроссман, Город и люди*. С. 7, 32—41; *Д. Письма*. Т. 1. С. 563; Т. 2. С. 509 и др. (По Указ.); *Комарович, Лит. наследство*. С. 265; *Нечаева В. С. Поездка в Даровое // НМ*. 1926. № 3. С. 138—144; *Достоевский и его время*. С. 255—267 (публ. Е. М. Хмелевской); и др. Биографические сведения и библиографию по персоналиям см. в Указателях имен к письмам Достоевского: *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2; Т. 29, кн. 2; Т. 30, кн. 1, а также: *Белов, Достоевский и его окружение*.

² О различных гипотезах в связи с прототипами Достоевского см. 7, 615, 626—627, 658—659, 673—674, коммент. к 6, 16, 17, 32, 115, 172 и 175. Об автобиографизме «Преступления и наказания» см. также: *Фридендер, 1995*. С. 304.

венной интерпретации, в результате чего перенесенные на страницы романа жизненные реалии и детали приобретали более глубокое звучание, а иногда и символический смысл.

Так же сложен образ главного героя романа; при создании его использованы отдельные автобиографические мотивы (см. об этом: *Шкловский*. С. 210—216; ср. также эпилог романа с «Записками из Мертвого дома»), а именно — встреча на каторге представителя образованного сословия, к тому же выразителя радикальных настроений, с народной массой, религиозная рефлексия, вызванная событиями его недавнего прошлого, чтением Евангелия и церковной жизнью. При этом Достоевский не избегал показа исключительной сложности внутреннего религиозного процесса, поскольку был убежден, что единственный путь к вере для мыслящего человека лежит через сомнение и отрицание всего того, что более простыми натурами принимается инстинктивно, без внутреннего усилия над собой (подробнее см.: *Фридлендер*, 1995. С. 305—306). В целом Раскольников был задуман как образ представителя молодого поколения 1860-х годов с характерным для этой эпохи душевным складом и умонастроением. Сочувствуя Раскольникову в его страданиях и возмущении окружающей неправдой (и здесь, несомненно, вкладывая в него частицу самого себя), автор делает его выразителем круга идей, которые он отвергает и с которыми ведет в романе острую и напряженную борьбу.

Как впервые отметил Л. П. Гроссман, заглавие романа Достоевского возвращает нас не только к названию знаменитого трактата Ч. Беккариа «О преступлении и наказании» («*Dei delitti e delle pene*»; 1764), но и к журналу «Время», где в 1863 г. (№ 3. Совр. обзор. С. 17—53) среди других материалов, посвященных уголовной хронике, появилась статья В. П. Попова «Иностранная литература. Преступления и наказания (эскизы из истории уголовного права)» (см.: *Гроссман*, *Город и люди*. С. 21; *Нечаева*, «Время». С. 113—114). В. А. Твардовская указала еще одну публикацию со сходными названием и проблематикой, которую мог знать Достоевский, — это статьи П. Н. Ткачева (автора журнала «Время» и активного участника революционного движения 1860-х годов) «Преступление и наказание» из цикла «Статистические этюды», печатавшегося в 1863—1864 гг. в «Библиотеке для чтения» (см.: *Твардовская*. С. 66—67).

В журнале «Время» Достоевский периодически помещал материалы ряда получивших общеевропейскую известность французских судебных процессов 1830—1850-х гг., представлявших интерес для психолога, в том числе процесса Пьера-Франсуа Ласенера, приговоренного к смертной казни в 1835 г. (*Вр.* 1861. № 2. Отд. II. С. 1—56; пер. Р. Р. Штрандмана). В примечании к публикации отчета об этом процессе Достоевский писал, что процессы, подобные делу Ласенера, «занимательнее всевозможных романов, потому что освещают такие темные стороны человеческой души, которых искусство не любит касаться, а если и касается, то мимоходом, в виде эпизода...» (*Акад. ПСС*. Т. 19. С. 89—90). Эти слова свидетельствуют, что не внеш-

ний, авантюрный, но более глубокий, нравственно-психологический аспект темы преступления, те возможности, которые психологический анализ «души» преступника открывал для изучения «темных сторон» современного ему общества, в первую очередь привлекал внимание Достоевского — в отличие от авторов современных ему обычных авантюрно-уголовных «романов-фельетонов» — к этой теме.¹

Причиной интереса, который вызвало во Франции 1830-х годов дело Ласенера, было то, что свои преступления Ласенер, вор и изощренный убийца, пытался оправдать мнимыми «идейными» соображениями. В стихах и мемуарах, написанных в заключении (изданы посмертно в 1836 г.), Ласенер заявлял, что он — не обычный преступник, а борец с общественной несправедливостью, «жертва общества», решившаяся смело, очертя голову, «идти против всех», чтобы отомстить за всеобщую несправедливость. Эта тенденция показаний Ласенера и его мемуаров и привлекла к нему внимание писателя. «В предлагаемом процессе, — писал Достоевский в цитированном примечании к публикации во «Времени» процесса Ласенера, — дело идет о личности человека феноменальной, загадочной, страшной и интересной. Низкие инстинкты и малодушие перед нуждой сделали его преступником, а он осмеливается выставлять себя жертвой своего века» (Там же. С. 90).²

После осуждения Ласенер в мемуарах пытался представить себя «интеллигентным» убийцей, вставшим на путь преступления под влиянием «идеи» индивидуального мнсения обществу, — идеи, будто бы подсказанной ему, по его словам, социалистическими идеалами той эпохи (подробнее см.: Там же. С. 284—286). Таковы были причины, вызвавшие интерес к личности Ласенера со стороны будущего создателя образа Раскольникова, объединившего в себе напряженный интеллектуализм, страдальческие, мучительные размышления над социальными противоречиями эпохи с индивидуалистическими порывами, толкнувшими его на убийство Алены Ивановны и ее сестры.³

---

¹ О Ласенере Достоевский впоследствии упоминал в «Идиоте», в черновых материалах к нему и к «Подростку» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 8. С. 350; Т. 9. С. 274; Т. 16. С. 291); см. также 7, 642—643, коммент. к 6, 73.

² См. об этом: *Дудкин В. В.* Философия преступления у Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М., 2002. С. 136—137, 147—148.

³ Из многочисленной литературы, посвященной различным аспектам философско-этической проблематики «Преступления и наказания», укажем: *Д. Словарь-справочник*, 2008. С. 151—161 (статья Б. Н. Тихомирова; здесь же основная библиография по роману — русская и иностранная); *Кирпотин*, *Разочарование Раскольникова*; *Реззов*; *Blackmur R.* Eleven Essays in the European Novel. P. 126—140; *Reese*. P. 19—33; *Карякин Ю. Ф.* Самообман Раскольникова: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М., 1976; *Cabat G. C.* Ideology and Imagination: The Image of Society in Dostoevsky. New York: Columbia Univer-

Начиная с «Преступления и наказания», Достоевский в своих романах связывает анализ современной ему общественной жизни с анализом проблемы преступления, которую он освещает с широкой религиозно-философской и морально-психологической точки зрения.¹ Истоки напряженного интереса писателя к проблеме преступления лежат в его личных наблюдениях периода пребывания на каторге, где жизнь столкнула его не только с политическими, но и с уголовными преступниками. Впоследствии Достоевский вновь и вновь как художник и мыслитель обращается к проблематике преступления, которая связывалась в его сознании с широким кругом социальных, нравственных вопросов русской жизни его эпохи. Внимание Достоевского к ней особенно обострилось в 60-е годы, так как неизбежным следствием ломки крепостнического уклада и развития капитализма в России было увеличение числа преступлений и усложнение их психологических мотивов.

В семье самого Достоевского в 1864—1865 гг., когда он задумывал роман, остро вставали вопросы, близкие к проблемам, занимавшим Раскольникова. После смерти М. М. Достоевского его дети — богато одаренные юноши и девушки — остались без куска хлеба. А между тем тетка М. М. и Ф. М. Достоевских (сестра их матери) — выжившая из ума старуха А. Ф. Куманина, обладательница огромного капитала, к тому же известная своей церковной благотворительностью, дала Ф. М. Достоевскому на издание «Эпохи» в августе 1864 г., в счет его доли в наследстве, 10 000 руб., под два векселя, по которым он в том же году выплатил ей проценты (см.: ЛН. Т. 83. С. 184, 197; *Летопись*. Т. 1. С. 464—465).² В 1865 г. другой родственник и наследник той же А. Ф. Куманиной, московский профессор А. Т. Неофитов был осужден за подделку билетов пяти-

---

sity Press, 1978. P. 120—131; Назиров. С. 91—101; *Ветловская, Приемьы полемики; Ветловская В. Е.* Логическое опровержение противника в «Преступлении и наказании» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 13. С. 74—87; *Frank, 1995*. P. 96—148; *Дрыжакова Е. Н.* По живым следам Достоевского. С. 262—282; *Gerigk H.-J.* Dostojewskijs Entwicklung als Schriftsteller: Vom «Toten Haus» zu den «Brüdern Karamasow». Frankfurt a/M., 2013. S. 61—101; и др.

¹ Особое направление в работах о психологии Раскольникова как преступника связано с именами Э. Фрейда и, в особенности, К. Юнга; см., например, о невротическом расщеплении личности героя и его блужданиях в поисках цельности и нравственного здоровья: *Dauner L.* Rascholkolnikow in search of a soul // *Modern Fiction Studies*. 1958. Vol. 4. № 3. P. 199—210.

² Впоследствии проценты не выплачивались. После смерти Куманиной в 1871 г. Достоевский опасался, что наследники предъявят ему иск по этим векселям (см.: ЛН. Т. 86. С. 432—433, 438—439 и др.), однако этого не произошло, и данные Куманиной деньги остались тем, что унаследовал от нее Достоевский.

процентного займа (об этом см. 7, 663—664, коммент. к 6, 130). Эти события, затрагивавшие писателя лично и характерные для быта окружавшей его среды, способствовали рождению у Достоевского и постановке тех острых, тревожных вопросов, которые составляют идеологическую сердцевину романа.

8

Если картины Петербурга, нарисованные в романе, насыщены неповторимыми, конкретными чертами «текущей» действительности, то тревожные и лихорадочные мысли его главного героя впитали в себя, по уже известному нам собственному замечанию автора в письме к Каткову, «идеи, которые носятся в воздухе» (см. выше, с. 435). Как установили исследователи, в размышлениях Раскольникова и других героев «Преступления и наказания» мы постоянно встречаемся с отзвуками идей, обсуждавшихся в тогдашней печати и вызывавших в эпоху создания романа острую идеологическую борьбу.

Особо важное место в проблематике романа занимает полемика Достоевского с революционно-демократической и социалистической мыслью 1860-х годов.

«Социализм (...) указывает на аномалию настоящего общественного порядка, а следовательно, и всех общественных учреждений. Он утверждает и доказывает, что настоящая цивилизация бессильна, ведет к противоречиям, что она порождает угнетение, нищету и преступление; он обвиняет политическую экономию как ложную гипотезу, как софистику, изобретенную в пользу эксплуатации большинства меньшинством; он начертывает страшную картину человеческих бедствий...» — писал на страницах журнала «Время» В. А. Фукс в статье «По поводу некоторых экономических вопросов. I. Свобода торговли». Противопоставляя последователей английской «политической экономии», защищающих эгоистические интересы владельцев капиталов, социалистам, Фукс указывал, что сии последние «предлагают коренные общественные реформы, которые решительно оказываются бессильными в практическом своем приложении и возбуждают только одни насмешки противников» (Вр. 1862. № 9. С. 133, 135; об этой статье см.: Нечаева, «Время». С. 95—97). Эти слова весьма точно соответствуют художественному диагнозу писателя, отраженному в романе. Сходясь во многом с русскими и западноевропейскими социалистами своей эпохи в искании социальной справедливости и оценке «бедствий» современного общества, Достоевский расходился с ними в понимании причин этих «бедствий», а потому — и в понимании путей исцеления от них, возможного для Достоевского только через усвоение и принятие христианских нравственных ценностей.

Уже в «Записках из подполья» Достоевский выразил мысль, что тип человеческой личности, порожденный пореформенной действительностью, значительно сложнее, чем это представлялось «лекарям-

социалистам» 1840-х годов.¹ Отсюда утверждение героя «Записок», что социалистические теории слишком отвлеченны и прямолинейны, не учитывают всей противоречивости реальной человеческой природы, ее внутренней диалектики (см. об этом 5, 490—497). Сходная мысль во многом определила и выбор центрального героя «Преступления и наказания».

В начале 1865 г., за полгода до начала работы Достоевского над «Преступлением и наказанием», Н. Н. Страхов писал в хронике «Заметки летописца» о давнем интересе русской литературы к «новым людям»: «Первый начал дело чуткий Тургенев, который в своем Базарове задумал изобразить нового человека. Затем г-н Писемский написал „Взбаламученное море“, в котором по необходимому ходу дела являются и фигуры новых людей {...} В „Русском вестнике“ явился роман „Марево“, в „Современнике“ — „Что делать?“ {...} Всё это вертится около одной главной точки, — именно — образа нового человека, и если дело пойдет тем же порядком дальше, то нас ждет впереди, очевидно, еще немало романов того же рода» (Э. 1865. № 1. С. 5). Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», вышедший в 1863 г., пользовался среди молодежи огромной популярностью. Апологию его героев дал Д. И. Писарев в статье «Новый тип» («Мыслящий пролетариат»), напечатанной в октябрьском номере «Русского слова» за 1865 г. (об этой статье см. 7, 662—663, 710, коммент. к 6, 128 и 315). В «Преступлении и наказании» Достоевский по-своему вмешался в полемику начала 1860-х годов о «новых людях», создав на страницах романа, с одной стороны, трагическую фигуру мыслящего «нигилиста» Раскольников, а с другой — сатирические образы носителей «уличной философии» — Лужина и Лебезятникова.²

Достоевский писал Каткову в письме от 25 апреля 1866 г., что «много видал» совсем молодых людей, которые «беззаветно обратились в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы» (Акад.

---

¹ О «лекарях-социалистах» см. в «Дневнике писателя» за 1877 г. (Акад. ПСС. Т. 25. С. 201), а также: Фридлендер, 1985. С. 84—86. Ср.: *Neuhäuser R. Dostojewskij. Schuld und Sühne // Der russische Roman / Hrsg. v. B. Zelinsky. Düsseldorf, 1979. S. 162—164; Джексон. С. 158—164. См. также 7, 686—688, коммент. к 6, 224.*

² О разного рода полемических пересечениях романа Достоевского с идеями Чернышевского см. 7, 627, 633, 658, 661—663, 679, 682, 691, 710, 713, 715—716, 752, коммент. к 6, 33, 47, 114, 128, 219, 220, 235, 315, 320, 325, 471. О полемике Достоевского с теорией «разумного эгоизма», помимо указанных в этих комментариях работ, см.: Мочульский. С. 227; *Drouilly J. La Pensée politique et religieuse de F. M. Dostoievski. Paris, 1971. P. 272—282; Offord D. Dostoevsky and Chernyshevsky // Slavonic and East European Review. 1979. Vol. 57. № 4. P. 509—530; Wett B. «Neuer Mensch» und «Goldene Mittelmässigkeit»: F. M. Dostojewskijs Kritik am rationalistisch-utopischen Menschenbild. München, 1986. S. 139—153.*

ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 154). Раскольников в его изображении социально и психологически сродни тем героям, которых рисовала демократическая литература 1860-х годов: это умный и талантливый полунищий студент, с философским складом ума, чуткий к страданиям окружающих и готовый в любую минуту бескорыстно прийти на помощь другому бедняку. Перед нами — не заурядный убийца, а честный и одаренный представитель молодежи, увлеченный своей «идеей» на ложный путь и в результате ставший преступником. Задуманное убийство он совершил не безотчетно, но на основании целой системы теоретических соображений, рассматривая его как практическое приложение и поверку этой «идеи». По мнению В. А. Твардовской, «противоречивая система идей Раскольникова, его „теория“ не имеют аналогов в общественном движении 60-х годов»; в мировоззрении героя Достоевский соединил, «наряду с действительно присущими революционной демократии взглядами, своеобразно им интерпретированными, те, которые (...) должны быть ей свойственны как непрменный итог материалистического мышления» (Твардовская. С. 79).¹

Объектом своего наблюдения Достоевский делает сложный и противоречивый тип личности, зарождавшийся в ту эпоху. В его герое сострадание и совесть сложным образом совмещаются со стремлением стать выше других людей и презрением к ним, мечта об искоренении социального зла — с злыми и мстительными индивидуалистическими порывами.² Именно к этому новому для жизни и литературы и психологически противоречивому типу критически мыслящей личности Достоевский стремился в романе приковать внимание своих современников, считая его, как он указывал в письме к Каткову еще до создания романа, сгустком важных и характерных тенденций общественной жизни и психологии, беспокоивших писателя.³ Кризис традиционной морали, сознание относительности старых общественных и нравственных норм рождали бунтарские настроения, подобные настроениям Раскольникова. Убежденность в своем избранничестве была в высшей степени свойственна людям «передовых убеждений» (см. об этом 7, 750—752, коммент. к 6, 470—471). Теория Расколь-

---

¹ О критическом отношении Достоевского к антинигилистическим романам, выраженном на страницах записных книжек 1864—1865 гг., а также в ходе редактирования журнала «Эпоха», и выработке им подхода к художественному анализу такой важной стороны жизни русской молодежи, как нигилизм, см.: *Викторович В. А. О двух историко-публицистических замыслах Достоевского // Д. Материалы и исследования.* Т. 6. С. 148—153.

² О противоречивости в осмыслении пути Раскольникова исследователями, выдвигающими на передний план то его альтруистические устремления, то, напротив, индивидуалистические стимулы, см.: *Щенников.* С. 212—214.

³ О ценности такого типа ищущей личности для Достоевского см.: *Фридлендер, 1985.* С. 152—154.

никова причудливым образом соединяла идеи радикальной интеллигенции и апологетику индивидуалистической морали.

Свои наблюдения над русской общественной жизнью Достоевский поверял и углублял, размышляя над историческими судьбами западноевропейской культуры, критически анализируя идеи Т. Карлейля, М. Штирнера и других представителей индивидуалистической философии и морали той эпохи. «Преступление и наказание» было написано в последние годы режима Второй империи во Франции, когда в Пруссии Бисмарк проводил свою политику «железа и крови». Как и Толстому (писавшему в те годы «Войну и мир»), исторический опыт общественной борьбы в эпоху Наполеона III позволил Достоевскому связать критический анализ индивидуализма с развенчанием фигуры Наполеона как исторического прообраза современных ему индивидуалистов и проповедников идеи «сильной личности».¹ Характерно, что «Преступление и наказание» и главы «1805 года» (т. е. будущего романа «Война и мир») печатались в 1866 г. на страницах «Русского вестника» одновременно. Герои романов Стендаля или Мюссе, восхищавшиеся в юности Наполеоном, считали своей исторической трагедией то, что они «опоздали» явиться на историческую сцену вместе с Наполеоном и что их молодые годы пришлось на последующую полосу политической реакции, под покровом которой уже зрело будущее царство расчета, буржуазной пошлости и мелочности. Толстой и Достоевский показали, что не только в «великом» Наполеоне были заложены основные черты его вульгарного племянника, Наполеона «Малого», но что самая идея «наполеонизма» глубоко бесчеловечна, буржуазна и антидемократична. Это было важное эстетическое и вместе с

---

¹ См. об этом: *Мережковский. Вечные спутники*. С. 182—183; *Seghers A. Über Kunstwerk und Wirklichkeit*. Berlin: Akademie-Verlag, 1971. Bd. 2. Erlebnis und Gestaltung. S. 145—217; *Реизов*. С. 389—393; *Leatherbarrow W. J. Fedor Dostoevsky*. Boston: Twayne Publishers, 1981. P. 88—93; *Волгин И. Л., Наринский М. М.* «Развенчанная тень»: Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // *Метаморфозы Европы*. М., 1993. С. 127—164; *Волгин И. Л.* 1) «Родиться в России...»: Достоевский и современники: Жизнь в документах. М., 1991. С. 144—156; 2) Наполеоновская тема в творчестве Достоевского // *Наполеон: Легенда и реальность: Мат-лы науч. конф. и наполеоновских чт.*, 1996—1998. М., 2003. С. 284—302; *Козан Г. Ф.* «Наполеон и великий и теперешний»: Отзвуки газетной полемики 1860-х гг. вокруг имени Наполеона в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Там же. С. 303—313; *Жукова Ю. А.* Наполеоновская фабула в произведениях Ф. М. Достоевского: (От «Двойника» до «Преступления и наказания»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2007.

На (с. 62) третьей записной книжки, содержащей полемику с идеями социализма (см.: 7, 205), Достоевским сделан рисунок, представляющий, по мнению К. А. Баршта, шаржированный портрет Наполеона III (см.: 2003—2007. Т. 18. С. 126. № 118).

тем социально-психологическое открытие, значение которого для мировой литературы трудно преувеличить (см.: Фридлендер, 1985. С. 223).

Проблемы бунта и преступления в романе слились в единый комплекс вопросов. Решение одних оказалось для автора тесно связанным с другими. Это сообщило образу главного героя «Преступления и наказания» ту внутреннюю глубину, сложность и противоречивость, которая вызвала споры и борьбу вокруг романа, завязавшиеся в критике 1860-х годов и не утихающие до наших дней.

Делая в лице Раскольникова, Свидригайлова и других героев романа предметом художественного анализа новый, сложный тип личности и сознания человека, в душе которого совершается сложная диалектика добра и зла, а глубокая отзывчивость к страданиям окружающих совмещается с индивидуалистическим ощущением себя «властином судьбы», противостоящим «твари дрожащей», Достоевский склоняется к мысли, что единственным спасением для личности такого типа является нравственное перерождение в чувстве общности с другими людьми и прежде всего — в страдании. В отличие от Раскольникова на это оказывается не способен Свидригайлов, кончающий с собой из-за угрызений совести, чувства пресыщения жизнью и гадливости к себе. Индивидуалистическая «идея» Раскольникова и совершенное под ее влиянием преступление ведут героя романа к «разомкнутости и разъединенности с человечеством» (слова из цитированного выше (см. с. 436) письма Достоевского к Каткову). Совесть, мучающую Раскольникова после преступления, Достоевский изображает как то присутствующее ему потенциально религиозное и одновременно народное начало, которое не дает ему спокойно пожать плоды преступления, так как напоминает ему о единстве с другими страдающими и угнетенными, делает восприимчивым к разуму людей из народа и к их нравственным требованиям, близким евангельскому идеалу любви и милосердия.¹ Столкнувшись со свидетельством глубочайшего греховного и преступного отпадения от Бога, Соня призывает Раскольникова отказаться от морали «сверхчеловека», чтобы стойкостью и страданием искупить свою вину — в этом смысл символической сцены чтения ею Раскольникову евангельских страниц о воскресении Лазаря и следующих за нею финальных глав романа (см. об этом подробнее 7, 702—704, коммент. к 6, 278—281). Призыв к внутреннему просветлению, к очищению личности посредством ее смирения представляет последний, главный вывод, который вытекает из художественного осмысления в романе писателем трагической несладкицы современного ему бытия.

¹ «Раскольников принимает „закон силы“ (и стремится доказать собственную силу), отвергает „закон слабости“ (его теория учит презирать слабых), но не чувствует, не замечает закона солидарности как сложившегося идеала „народной жизни“. В отпадении от этого идеала состоит подлинный разрыв героя-бунтаря с миром» (Шенников. С. 222).

Особую силу этой идее придавала, по убеждению Достоевского, ее укорененность в сознании русского народа.

Достоевский дал в романе глубокий критический анализ личности «свободного», индивидуалистического типа, который был новым словом для русской и мировой литературы его эпохи. В герое, колеблющемся между протестом и преступлением, было передано ощущение гибельности для общества и отдельного человека индивидуалистических умонастроений, уходящих своими корнями в радикальное по своему настрою неприятие общенародных, христианских ценностей. В романе подобным настроениям был противопоставлен идеал морального перерождения отдельной личности, ее освобождения от индивидуалистических страстей и порывов путем приобщения к нравственно-религиозному мировоззрению народа, что обусловило многочисленные полемические выпады на страницах «Преступления и наказания» против идей революционно-демократических кругов 1860-х годов.¹ В уста Раскольникова и Разумихина автор вкладывает ряд иронических размышлений и реплик, вплотную примыкающих к рассуждениям героя «Записок из подполья»: в них подчеркивается отвлеченность и упрощенность решений, предлагавшихся социалистами, решений, не учитывающих, по мысли автора, всей сложности человеческой природы и обусловленной ею сложности ответов на реальные социальные вопросы. В эпизоде разговора Лужина с Раскольниковым (ч. II, гл. 5) Достоевский стремится полемически указать на точки соприкосновения между этикой «разумного эгоизма» Чернышевского, Писарева и др. (а именно эта доктрина, по мнению ее адептов, указывала путь для полной эмансипации личности) и утилитаризмом И. Бенгтама и Дж. С. Милля (см. 7, 611—613, 639—640 и 661—663, коммент. к 6, 15, 58—59 и 128).² Вкладывая в уста простодушного и глуповатого Лебезятникова ряд мыслей о женском вопросе и принципах супружеской жизни, извлеченных из «Что делать?» Чернышевского и принявших в изложении Лебезятникова грубо опошленную форму, Достоевский подвергает эти мысли ядовитой насмешке (см. 7, 710—713, коммент. к 6, 315—320). Наконец, самый крах «идеи» Раскольникова Достоевский освещает как крах, хотя и особой, доведенной до своего край-

---

¹ Из многочисленной литературы, посвященной различным аспектам полемики Достоевского с радикальной литературно-общественной мыслью в «Преступлении и наказании», кроме комментариев в настоящем томе (с. 616—618, 627, 648—652, 661—663, 678—684, коммент. к с. 6, 18, 33, 97—98, 128, 219—221), см.: *Гроссман, Город и люди*. С. 13—17, 19—21; *Гус*. С. 292—296; *Чирков, 1967*. С. 110—112; *Frank, 1995*. P. 60—79.

² Об отношении Достоевского к идеям утилитаризма и рационализма см.: *Комарович. «Мировая гармония»*; *Jackson, 1966*. P. 136—157; *Proctor Th. Dostoevskij and the Belinskij School of Literary Criticism*. The Hague; Paris: Mouton, 1969. P. 117—148; *Шкуринов*. С. 227—241; *Кларр*. P. 44—65; *Зохран*.

него логического завершения и в этом смысле отличной от идей социалистов, системы «книжной», отвлеченной мысли, но системы, самая «отвлеченность», «книжный» и «кабинетный» характер которой роднят ее с революционной мыслью эпохи, делают своеобразным, более парадоксальным ее вариантом. В этой же связи автор «Преступления и наказания» рассматривал и атеизм как оборотную сторону новейших русских идей, почерпнутых в европейском утилитаризме и позитивизме. Д. С. Мережковский считал, что основная проблема романа сводится к поиску «критериума добра и зла» («...наука ли, которая путем открытия неизменных законов определяет *общую пользу* и посредством ее дает оценку наших поступков, или же внутренний голос совести, чувство долга, вложенное в нас самих Творцом...») и «оправданию божественного инстинкта сердца» (Мережковский, *Вечные спутники*. С. 188, 189).

Полемика с революционно-демократической и социалистической мыслью 1860-х годов, ведущаяся автором по нескольким направлениям, сложным образом переплетается в романе с острой критикой ряда течений тогдашней науки — политической, философской, естественной, юридической, исторической и т. д., особенности которых Достоевский рассматривает как выражение единого, целостного, несмотря на разнообразные формы своего проявления, комплекса «идей времени».¹

Незадолго до появления «Преступления и наказания», в марте 1865 г., вышла «Жизнь Юлия Цезаря» Наполеона III — сочинение апологетического характера, в предисловии к которому французский император, опираясь на вульгаризированные им воззрения Т. Карлейля и других мыслителей-романтиков, защищал политические идеи бонапартизма, выдвигая тезис о праве «сильной личности» нарушать любые, обязательные для других, более обыкновенных людей нравственные нормы. Это сочинение Луи-Наполеона, тогда же ставшее известным русскому читателю, и вспыхнувшая в связи с ним в русской печати полемика могут рассматриваться, по справедливому указанию ряда исследователей, как один из идейных источников «теории» Раскольникова (подробнее см. 7, 683—685, коммент. к 6, 220—222). При этом в критике теории разделения человечества на «обыкновенных» и «необыкновенных» людей и отрицании права «избранной» личности нарушать общеобязательные моральные нормы Достоевский оказался близок к позиции представителей различных литературно-общественных сил, в том числе Ю. Г. Жуковского и других публицистов «Современника».

В романе получили разнообразное отражение также многие другие — крупные и мелкие — факты русской и зарубежной политической жизни 1860-х годов, которые остро и болезненно воспринимались Достоевским как выражение существующего общественно-политического неравенства (см. 7, 611—613, 618, 628—630, коммент. к 6, 15,

---

¹ Ср. название статьи А. М. Бухарева (опубл. 1884): «О романе Достоевского „Преступление и наказание“ по отношению к делу мысли и науки в России» (Бухарев).

18, 40 и др.). Среди них — борьба между белыми плантаторами и неграми в США, остзейский вопрос (т. е. угнетение латышских крестьян немецкими помещиками в Прибалтийском крае), возбудившая внимание русской печати заметка об избиении дворянином Козляниновым в поезде рижской мещанки (см. 7, 630—631 и 694—695, коммент. к 6, 40 и 242) и т. д. Все эти и другие многочисленные факты социального и политического угнетения воспринимаются Достоевским не изолированно, а как проявления общих закономерностей жизни его эпохи. Поэтому они непосредственно сопоставляются с кругом повседневных наблюдений его героев над жизнью Петербурга, порождающих гневные и негодующие размышления Раскольникова: «...вошь ли я, как все, или человек?»; «Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» (6, 362).

Одна из популярных идей современной ему позитивистской науки, с которой устами Раскольникова полемизирует Достоевский в IV главе первой части романа (6, 46), — это фаталистическое представление о неизменности основных социально-экономических законов. В 1850—1860-е годы учение это получило отражение в популярных в России 1860-х годов сочинениях английского историка Т. Бокля, немецкого экономиста А. Вагнера и других ученых и публицистов позитивистского толка, опиравшихся на получившие в то время широкую известность идеи бельгийского математика и социолога А. Кетле (см. 7, 631—633, коммент. к 6, 46). Основываясь на статистических выводах, Кетле полагал, что процент убийств и других преступлений, а также процент женщин, занимающихся проституцией, представляет, при прочих равных условиях, постоянную величину и может быть вычислен заранее. Исходя из этого, представители указанного направления утверждали, что проституция и преступления неизбежны во всяком обществе: определенный процент лиц всегда был и неизменно будет осужден в нем на то, чтобы служить средством удовлетворения соответствующей общественно-психологической потребности. К подобному выводу из статистических наблюдений Кетле склонялись не только Бокль и Вагнер (сборник со статьей которого на эту тему упоминается в романе — см. 7, 718, коммент. к 6, 345), но и критик журнала «Русское слово» В. А. Зайцев, с которым Достоевский резко полемизировал в 1860-х годах в своих статьях и своем художественном творчестве (см.: *Фридендер*. С. 150—157; *Этов*. С. 221—231; *Гус*. С. 314—317; *Акад. ПСС*. Т. 20. С. 320—329 (коммент. Н. С. Никитиной), а также: 5, 537—539).

Другой круг идей западноевропейской социологии 1860-х годов, полемика с которыми получила отражение в романе, — это идеи социального дарвинизма. В 1862 г. в журнале братьев Достоевских «Время» была помещена статья Н. Н. Страхова «Дурные признаки» (№ 11. Совр. обзор. С. 158—172), в которой автор критиковал предисловие французской переводчицы К.-О. Руайе к книге «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) Ч. Дарвина (во Франции книга вышла в 1862 г.). Высоко оценивая значение идей Дарвина для естествознания, Страхов в этой статье предостерегал

против механического перенесения учения об естественном отборе в науку об обществе, порицая Руайе за ее попытку с помощью ложно истолкованного ею учения Дарвина доказать «естественное» происхождение и вечный характер неравенства между расами, общественными классами, а также — отдельными индивидами (см.: Фридлендер. С. 157—162; Фридлендер, 1985. С. 255—259; об откликах на эти идеи в русской печати см.: Писарев, 2000. Т. 6. С. 484—488, 498—500 (коммент. И. Б. Павловой)). Защищая «естественное» происхождение и неустранимость в будущем обществе личного и социального неравенства, Руайе утверждала, что стремление содействовать равенству между людьми разных классов и рас является вредной утопией, и, предвосхищая Ф. Ницше, резко ополчалась против идей христианского сострадания, милосердия, братства (см. 7, 613, коммент. к 6, 15). В России горячими пропагандистами идей социального дарвинизма стали публицисты «Русского слова» Д. И. Писарев и В. А. Зайцев. Не может быть сомнения в том, что предисловие Наполеона III к «Истории Юлия Цезаря» и предисловие Руайе к ее переводу были восприняты Достоевским как близкие по духу проявления одной и той же, глубоко враждебной и неприемлемой для него тенденции, которой он стремился дать в романе страстный отпор.

Значительное место в философской концепции романа играет борьба с утилитаризмом, которая была начата писателем в «Записках из подполья». Критикуя мораль «разумного эгоизма» как вид моральной «арифметики» (см. 7, 639—640, коммент. к 6, 59), Достоевский — это показывает эпизод с Лужиным — относит тот же упрек и к другому, более широкому течению современной ему западной этики, представленной именами И. Бентама, Дж. С. Милля, Г. Спенсера и их последователей. Недостаток этики «разумного эгоизма» Достоевский видит в том, что в силу своего рационалистического характера она отрицает роль непосредственного нравственно-религиозного побуждения и в философском отношении основана на том же принципе разумно понятого личного интереса, что и «политическая экономия» Милля.¹ Лужин свой образ действий пытается оправдать с точки зрения принципов именно этого учения. Как заявляет Лужин, преимущество новейшей экономической науки состоит в том, что она освободила человека от ложной идеи любви к другим людям, от сознания нравственного долга личности перед обществом. Отбросив в сторону всякую мораль, она провозгласила, что единственная обязанность человека заключается в заботе о «личном интересе», который должен стать основой и гарантией «всеобщего преуспевания» (6, 128—129). Выслушав эти рассуждения, Раскольников неожиданно сознает, что слова

---

¹ Об «ограниченности утилитаристской перспективы», обнаруживающейся по отношению к социально ущемленным слоям населения и целым народам во всех ответвлениях утилитаристской экономической доктрины на протяжении как XIX, так и XX в., см.: Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. М., 2004. С. 80—81.

Лужина являются, в сущности, более низменным вариантом его собственных взглядов, вулгарным опошлением его «идеи». «А доведите до последствий (...) и выйдет, что людей можно резать...», — заявляет он Лужину (6, 131).

Шаткость «разумного эгоизма» на практике писатель усматривает в том, что он легко может быть, во-первых, использован для оправдания выгоды не только общества, но и отдельного лица, а во-вторых, служить для последнего всего лишь иллюзорным прикрытием его личных побуждений. Поэтому идеям утилитарной этики Достоевский стремится противопоставить иное обоснование нравственности. Общеобязательный нравственный закон, по Достоевскому, заложен в самой натуре человека и более или менее сильно ощущается им, как бы он ни был испорчен. Высшее выражение этого вековечного закона для Достоевского — жертвенная любовь. Его верными хранителями являются люди из народа, подобные Соне, Лизавете, Миколке, внутреннее убеждение которых созвучно инстинктивному голосу, живущему также и в груди человека из образованных кругов, каким является Раскольников, но обычно заглушаемому в нем «кабинетными» теориями, порожденными отвлеченным рассудочным анализом, отрывом от народной «почвы». Выраженный в романе взгляд на этический закон как на своеобразный «категорический императив» сближает моральную проблематику романа с нравственным учением Канта.¹ Однако в отличие от Канта Достоевский, во-первых, находит источник нравственного закона в нравственном чувстве народа, а во-вторых, оценивает его исключительно с позиций христианской этики. «Достоевский, — писал Иустин (Попович) в работе, вышедшей в 1923 г., — нам не только показывает, но и неопровержимо доказывает, что человек (...) в своей эмпирической данности не обладает такой силой, которая бы сделала его способным быть единственным создателем и осуществителем своей личности» (*Иустин, 2007 С. 112*). Общепризнанная «почва» для Достоевского — это одно из проявлений силы, формирующей человеческую личность.

В идеологии представителей современного прогрессивного движения Достоевского возмущала не только проповедь наслаждения и комфорта, переносимая в область этики, но и вытеснение из всей жизненной сферы человека самой идеи жертвенной любви (см. 7, 681—682 и 782—783, коммент. к 6, 220 и к 7, 197, 199). Он решительно противился позитивистским подменам проявлений жертвенности рационально-этическими понятиями, базирующимися на «разумности» и «выгодности» представлений о пользе «для себя и для всех» (Писарев).

---

¹ См.: *Jackson, 1966. Р. 184—212; Гулыга А. В. Кант. М., 1977. С. 287—293. (ЖЗЛ); Вильмонт Н. Н. Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М., 1984. С. 90—189; Дулова А. Идея свободы в мировоззрении Ф. М. Достоевского и в философии Канта и Шеллинга // Болгарская русистика. 1983. № 1. С. 19—28; Фридендер, 1995. С. 380.*

Судьбы Раскольникова и Сони, притягивающие своим трагизмом и красотой напряженных внутренних переживаний, опровергали искусственные идеологические схемы, не приемлемые для Достоевского со времен разработки «почвеннической» теории основ русской жизни. Рационалистическая этика «новых людей» воспринималась им как противоречие исторически сложившимся в России традициям нравственности.¹

В 1860-х годах, вслед за проведением крестьянской реформы, правительство обратилось к подготовке другой, не менее важной, — судебной. После Крымской войны в русской печати были подвергнуты критике дореформенный суд и вся совокупность связанных с ним учреждений, юридических порядков и норм. В обсуждении этих вопросов заметное участие принял Достоевский как автор «Записок из Мертвого дома», редактор «Времени» и «Эпохи». В ноябре 1864 г. правительством Александра II были опубликованы новые судебные уставы, заменявшие старый суд, целиком зависимый от правительственной администрации, новыми судебными учреждениями с адвокатами и присяжными.

Вопросы, обсуждавшиеся в годы создания романа в русском обществе, в печати и юридической науке, в связи с проведением судебной реформы, также получили широкое отображение в романе. Это — проблема преступления в ее связи с общим строем социальной жизни, вопрос о соотношении влияния различных — социальных, нравственных и медицинско-патологических — факторов на волю преступника, об его нравственной и юридической ответственности за свои действия, о необходимости замены старых деятелей дореформенной полиции и суда новым типом деятелей, владеющих достижениями современной юридической и психологической науки (такой тип деятеля критически обрисован в романе в лице Порфирия).² В решении указанных вопросов Достоевский шел своим особым путем, развивая общий взгляд на причины, порождающие преступление, и пути исправления преступни-

---

¹ О зависимости теории эгоизма, исповедуемой радикальным общественно-литературным лагерем, от материалистической этики Запада см.: *Щербаков В. И.* Этика Писарева: Теория и практика // Мир Д. И. Писарева. М., 2000. Вып. 2: Исследования и материалы. С. 118.

² См. об образе Порфирия, его роли в романе и внутренней противоречивости: *Истокин К. К.* Достоевский. «Преступление и наказание». Пг., 1923. С. 52—56; *Поддубная Р. Н.* Образ Порфирия Петровича в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы русской литературы. Львов, 1971. Вып. 1 (16). С. 48—58; *Карякин Ю. Ф.* Человек в человеке. С. 73—79; *Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986.* С. 258—270; *Орнатская Т. И.* Редакционно-литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860—1865) // *Д, Материалы и исследования.* Т. 8. С. 259; *Джоунс М. В.* Достоевский после Бахтина: Исследование фантастического реализма Достоевского / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 109—118. См. также 7, 643—644, 658—659, коммент. к 6, 74, 115 и др.

ка, который был намечен им в «Записках из Мертвого дома»: соглашаясь с огромной ролью социально-исторической среды и обстановки в формировании характера и психологии преступника, Достоевский в то же время отводил такую же важную роль нравственным факторам.¹ Писатель предостерегал современную ему юриспруденцию против оправдания преступника воздействием окружающей среды и против отрицания его личной нравственной ответственности за свои действия. Эта позиция Достоевского заставила его в романе многократно полемизировать по различным юридическим вопросам с современными ему правовыми и судебно-медицинскими учениями.²

9

Появление «Преступления и наказания» было подготовлено широким развитием в России начала 1860-х годов очерка, рассказа и повести из жизни большого города, дававших «протокольные», физиологически точные зарисовки быта Петербурга, Москвы и провинции и проникнутых глубоким сочувствием к городским низам. В журналах Достоевского «Время» и «Эпоха» был помещен ряд очерков и рассказов такого рода — Н. Г. Помяловского, В. В. Крестовского, П. Н. Горского, А. И. Левитова, М. А. Воронова и др. Аналогичные по типу и содержанию произведения печатались и в других тогдашних изданиях, в частности в «Современнике».³

Однако вместо разрозненных очерковых зарисовок, характерных для его предшественников, Достоевский дал в «Преступлении и наказании» широкую и цельную панораму Петербурга,⁴ и, что еще важнее, социально-бытовой план романа он слил с психологическим и философским, соединив в нем изображение самых «простых», повседневных фактов жизни города с их сложной символической трактовкой,

---

¹ См.: Соловьева И. Е. Проблема суда в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 1998.

² О позиции представителей либерально-демократического лагеря 1860-х годов в юридических вопросах см.: Эттов. С. 226—231, а также 7, 684 и 746, коммент. к 6, 221 и 461.

³ Характеристику мотивов, объединяющих социальный очерк 1860-х годов и «Преступление и наказание», см.: Евнин, 1959. С. 133—139; Лотман Л. М., 1974. С. 195—205. Отмечалась также близость городских зарисовок и петербургских типов «Преступления и наказания» к графике выдающихся русских и западных рисовальщиков 1840—1860-х годов — А. А. Агина, М. Л. Неваховича, П. Гаварни и др. (см.: Гроссман, Город и люди. С. 47—48).

⁴ См.: Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens and Gogol. Cambridge, U.S.A.: Harvard univ. press, 1965. P. 191—213.

углублением в сложный круг тех социальных, философских и религиозно-нравственных вопросов, вокруг которых сосредоточена главная идейно-художественная проблематика романа.

Обстановка в «Преступлении и наказании» насыщена контрастами света и тени. Самые трагические и впечатляющие эпизоды разыгрываются здесь в трактирах, на грязных улицах, в гуще обыденности и прозы — и это подчеркивает глухоту страшного мира, окружающего героев, к человеческой боли и страданию. Как в трагедиях Шекспира, в действии принимают участие не только люди, но и стихии — природа и город, вода и земля. Они выступают как силы то дружественные, то враждебные людям. Раскольников перед убийством почти физически задыхается в каменном мешке жаркого, душного и пыльного города; он живет в каморке, похожей на гроб. Самоубийство Свидригайлова происходит сырой и дождливой ночью, когда не только переполняется чаша его страданий, но и вся природа, кажется, хочет выйти из берегов. Многие эпизоды тонут в своеобразном «рембрандтовском» освещении.¹ Существенную роль играют в романе также религиозные, философские и числовые символы (сны Раскольникова, возвращение к евангельскому повествованию о воскресении Лазаря, символизирующему способность героя к нравственному возрождению, посещения Раскольниковым Порфирия и Сони, мотив нехватки «воздуха» в петербургской жизни героя, антураж прощания с девочкой-самоубийцей в последнем сне Свидригайлова, «трихины» в апокалиптических видениях Раскольникова и др.).²

---

¹ О мотивах солнца закатного и утреннего в романе см. 7, 723, коммент. к б, 368, а также: *Гибан*. С. 228—240; *Соловьев С. М.* Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. М., 1979. С. 167—177; *Гуардини*. С. 15—16, 77—78. О своеобразии цветового колорита в произведении см.: *Кожин*. С. 122—124; *Лебедева Т. Б.* О некоторых истоках символики цвета в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // XXVII Герцен. чт. Литературоведение: (Науч. докл.). Л., 1975. С. 44—49; *Соловьев С. М.* Изобразительные средства... С. 197—258; *Тихомиров*. 1997. С. 236—248 (анализ цветовой гаммы по изд.: *A Concordance to Dostoevsky's «Crime and Punishment»* / Ed. by A. Ando, Y. Urai and T. Mochizuki. Sapporo, 1994. Vol. 1—3); *Словарь языка Достоевского*, 2008. Т. 2. С. 767—769 («Желтый»; статья С. Н. Шепелевой).

² О символических мотивах в «Преступлении и наказании» см.: *Бахтин*, 1972. С. 287—293; *Шкловский*. С. 198—220; *Giban G.* Traditional symbolism in «Crime and Punishment» // *PMLA*. 1955. Vol. 70. № 5. P. 979—996 (пер.: *Д.* *Материалы и исследования*. Т. 10. С. 228—240); *Рубанович А. Л.* Пейзаж в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Тр. Иркут. ун-та. Иркутск, 1958 (обл.: 1959). Т. 28. Сер. литературоведения и критики. Вып. 1. С. 91—105; *Чирков*, 1963. С. 98—105; *Зунделович Я. О.* Романы Достоевского. Ташкент, 1963. С. 10—61; *Щенников Г. К.* Функции снов в романах Достоевско-

Так возник новый, характерный для Достоевского, насыщенный религиозной и философской мыслью тип «романа-трагедии», классическим образцом которого можно считать «Преступление и наказание». ¹ Определение принадлежит Вяч. Иванову, ² который считал, что Достоевский возродил религиозно-мифологическую сердцевину трагедийности. ³

го // Русская литература 1870—1890 годов. Свердловск, 1970. Сб. 3. С. 37—52; *Rease*. P. 34—58; *Топоров*. С. 193—258 (гл. «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание»)»; *Андерсон Р.* О визуальной композиции «Преступления и наказания» // *Д, Материалы и исследования*. Т. 11. С. 89—95; *Catteau J.* La résurrection de Lazare dans «Crime et châtiment» // *Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов*. СПб., 2011. С. 11—20. См. также 7, 619, 621, 634—636, 648, 657—658, 703—706, 725—726, 742, 749—751, коммент. к 6, 18—19, 49—53, 94—95, 114, 279, 281, 285, 379, 448, 470—471 и др.

¹ О религиозной проблематике романа и ее освещении в русской религиозно-философской и филологической мысли с конца XIX в. (Вл. Соловьев, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов и т. д.), см. ниже § 11, а также 7, 613—614, 619—624, 653—654, 686—688, 701—704, 721—722, 749—751, 754, 782—783, 790, коммент. к 6, 15, 19, 22—23, 99, 224, 278—281, 362, 470—471, 473 и к 7, 197, 199, 241, 242.

² См. в статье Вяч. Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (1911; перераб.: 1932): «жизненная трагедия», вспыхивающая «снова и снова» как «борьба между Божественным началом в твари и силою „князя мира сего”» (*Иванов Вяч.*, 1987. С. 511; см. раннюю редакцию статьи: С. 401—436; ср. несколько иное толкование термина «роман-трагедия»: *Мочульский*. С. 238, 243—244 и след.). О другом типологическом определении, также звучащем уже в названии статьи Б. М. Энгельгардта «Идеологический роман Достоевского», см.: *Сб. Достоевский*, 2. С. 71—105. Наконец, определение, предложенное М. М. Бахтиным, — «полифонический роман» (*Бахтин*, 1972. С. 7—9; из полемических выступлений, вызванных этой концепцией, см., например, критику ее с позиций структуралистского анализа: *Schmid W.* *Der Textaufbau in den Erzählungen Dostoevskijs*. München, 1973). Ср.: «...жанр остродраматического, проблемно-идеологического романа-трагедии с характерными для искусства Достоевского внутренней напряженностью и полифонизмом» (*Фридендер*, 1985. С. 231; см. также: С. 154—156); «роман прозрения» (*Ковач А.* Жанровая структура романов Ф. М. Достоевского: Роман-прозрение // *Проблемы поэтики русского реализма*. Л., 1984. С. 144—169. О полемике вокруг романов Достоевского см.: *Эсалнек А. Я.* Типология романа (теоретический и историко-литературный аспекты). М., 1991. 100—103.

³ См. подробнее: *Фридендер*, 1995. С. 406; ср.: *Дорский А. Ю.* Достоевский как трагик: версия Вяч. Иванова // *Д, Материалы и исследования*. Т. 16. С. 232—244.

Явившись своеобразным зеркалом общественной жизни эпохи, роман впитал в себя многочисленные традиции предшествующей мировой литературы. Стремясь исследовать сложный клубок философско-нравственных проблем своей эпохи, Достоевский в то же время считал, что проблемы эти неразрывно связаны с «вековыми» проблемами, всегда занимавшими величайшие умы человечества. Отсюда его внимание к тем произведениям мировой литературы, которые в прошлом и в современную ему эпоху поднимали вопросы, близкие к философско-нравственной проблематике романа.

Раскольников — петербургский студент, русский юноша 1860-х годов. Но его духовный мир сложным образом соотносен в романе не только с духовным миром современного ему поколения, но и с историческими образами прошлого, частично названными (Наполеон, Магомет,¹ шиллеровские герои), а частично не названными в романе (пушкинские Германн, Борис Годунов, Самозванец;² бальзаковский Рас-тиньяк;³ Ласенер — см. выше, с. 480—481; и т. д.). Это позволило автору предельно расширить и углубить образ главного героя, придать ему желаемую философскую масштабность.

Не случайна в этом смысле и самая фамилия героя. Она свидетельствует о том, что в сознании автора страстная любовь Раскольникова к людям, доходящее до полного безразличия к своим интересам участие к ним и фанатизм в отстаивании своей «идеи» в определенной мере ассоциировались с расколом, т. е. с определенной стороной исторического самосознания русских народных масс.⁴ Следует напомнить, что еще в 1862 г. в статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский признал раскол «самым крупным явлением в русской жизни», подчеркнув в нем «страстное стремление к истине, глубокое недовольство действительностью» (*Акад. ПСС. Т. 20. С. 21*).⁵

---

¹ См.: Фридлендер, 1985. С. 31—32; Подосокорский Н. Н. Об аналогии «Наполеон-Магомет» в романе «Преступление и наказание» // *Достоевский и современность. Чт. 21 (2006). 2007. С. 234—244.*

² См.: Бахтин, 1972. С. 291—292, а также 7, 685—686 и 693—694, коммент. к 6, 223 и 236—238

³ См.: Гроссман Л. П. Бальзак // *Гроссман, Библиотека. С. 47—65; Купреянова Е. Н. Трагедия «своеволия» в интерпретации Достоевского и Бальзака // Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы: Очерки и характеристики. Л., 1976. С. 401—411; Назиров, 1976. С. 89—90; Фридлендер, 1985. С. 20—22, а также 7, 639, коммент. к 6, 58—59.*

⁴ См.: Бем А. Л. Личные имена у Достоевского // *О Dostojevském. S. 278, 286; Альтман. С. 40—47; Brodey E. C. Meaning and symbolism in names of Dostoevsky's «Crime and Punishment» and «The Idiot» // Names: Journal of the American Name Society. 1979. Vol. 27. № 2. P. 117—140; Коган, 2000. С. 172—179.*

⁵ По мнению Л. Н. Цой, фамилия героя «Преступления и наказания» отразила восприятие Достоевским переживаемых русской интелли-

Если теоретический фанатизм героя автор сблизил с религиозным фанатизмом раскольников, то в имени Лужина (Петр) и отчестве Порфирия (Петрович) можно увидеть отдаленный намек на их принадлежность к чиновничьей касте, созданной Петром I, а в имени Сони — аналогичный намек на духовную близость ее к той стихии высшей мудрости — Софии, которая, согласно народным верованиям, скрыта от «мудрецов», но зато открыта чистым сердцем «детям» и блаженным духом (см.: *Щенникова Л. П. Имена // Д, Словарь-справочник, 1997. С. 167*). Образ Мармеладова, сознающего свое нравственное падение и в то же время верящего в милосердие Христа к нему и таким же, как он, «малым мира сего», психологически близок к образам апокрифов и народных легенд.¹ В «Преступлении и наказании» в полной мере отразился тот интерес к различным отраслям народознания, который зародился у Достоевского под воздействием переживаемого в это время взлета русской научной мысли в области изучения древнерусской литературы, фольклора, а также различных народных и общественных движений.²

В критической литературе образ Раскольников не раз и не без основания соотносили с образами Гамлета, Фауста, Франца и Карла Мооров, байроновских героев-бунтарей, гофмановского Медарда (из «Элексилов Сатаны») и другими позднейшими носителями романтического «титанизма» в литературе 1820—1840-х гг., характерные настроения которых получили новое, углубленное опытом русской жизни социально-психологическое истолкование в романе.³

В русской литературе XIX в. трагическая тема «Преступления и наказания» была в значительной мере подготовлена творчеством Пуш-

---

гендией под знаком религиозного кризиса нигилистических в отношении русской истории настроений. См.: *Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995. С. 56—62. Об интересе Достоевского к расколу см. также 7, 728—731, коммент. к 6, 393.*

¹ См. об этом: *Лопман Л. М., 1974. С. 286—290*, а также 7, 622—624, коммент. к 6, 22, 23; ср. обращение Христа в аду к грешникам, по одной из первопечатных книг: «Прощаются вам ваши согрешения (...) вы много страдали на земле из-за властей и правителей, заповедей Моих не соблюдали и не знали любви между собой. Идите за Мною» (*Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. М., 1908. Вып. 2. С. 77—78*).

² См.: *Фридлиндер Г. М. Проблемы народа и народности в творчестве Достоевского: (Из неопубликованной статьи) // Д, Материалы и исследования. Т. 16. С. 401—402.*

³ См. 7, 631, 771—773, 779, коммент. к 6, 42 и к 7, 113, 188, а также: *Гроссман, Библиотека. С. 113—114; Potthoff W. Zu Dostoevskijs Konzeption des literarischen Helden in den 1860-er Jahren. Am Beispiel von «Schuld und Sühne» // Dostojevsky Studies. 1981. Vol. 2. S. 69—81; Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. М., 2001. С. 5—72; и др.*

кина — романиста, поэта и драматурга. Многократно отмечалось, что основная сюжетная коллизия «Пиковой дамы» — поединок полунищего бедняка Германна, наделенного «профилем Наполеона» и «душой Мефистофеля» (Пушкин. Т. 8. С. 244), с доживающей свою жизнь, никому не нужной старухой графиней через три десятилетия вновь ожил у Достоевского в трагическом поединке Раскольникова с другой старухой — ростовщицей. Сам Достоевский указал на эту связь, охарактеризовав пушкинского Германна в «Подростке» как «колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода» русской истории (Акад. ПСС. Т. 13. С. 113; Т. 17. С. 372). Не менее тесно связан «бунт» Раскольникова с бунтом Евгения из «Медного всадника». Но и Сильвио — герой повести «Выстрел», Борис Годунов, страдающий от последствий своего преступления,¹ Сальери с его мрачными, уединенными сомнениями и нравственными терзаниями в определенной степени ввели Достоевского в круг тех психологических и нравственных проблем, которые стоят в центре «Преступления и наказания». Пушкин не только обрисовал душевные терзания честолюбивого, полного сил молодого человека, страдающего от своего неравного положения в обществе, не только впервые в русской литературе дал психологическую драму убийцы, являющегося жертвой своего отравленного ядом индивидуализма, нравственно больного сознания. В стихотворениях, посвященных Наполеону (в особенности в оде «Наполеон», 1821), поэт очертил общие контуры той «наполеоновской» психологии, которая неотразимо притягивает мысль Раскольникова. Позднее, в «Евгении Онегине» (гл. 2, XIV), «наполеоновские» мечты рассматриваются Пушкиным уже как настроение не одного, но многих, безымянных наполеонов, как черты целого нарождающегося общественного типа:

Мы все глядим в Наполеоны;
 Двуногих тварей миллионы
 Для нас орудие одно...

Поставленная Пушкиным проблема судьбы современного человека «наполеоновского» склада с его «озлобленным умом» и «безмерными мечтаньями», не останавливающегося перед мыслью о преступлении, в новом аспекте получила развитие у Лермонтова в «Маскараде» и «Герое нашего времени». В судьбе лермонтовских Вадима, Печорина, Демона, в гоголевском Чарткове (в повести «Портрет») определенную роль играли и индивидуалистические мотивы, и тема преступления, и мотив психологического экспериментирования над собой (особенно отчетливо выраженный у Печорина).²

¹ См. 7, 685—686, коммент. к 6, 223.

² См.: Альми И. А. О романтическом «пласте» в романе «Преступление и наказание» // Д. Материалы и исследования. Т. 9. С. 66—75. См. также полемические замечания Г. М. Фридлендера по поводу отрицания в ряде исследований глубоко реалистического характера творчества Достоевского: Фридлендер, 1985. С. 77—82.

Индивидуалистическое умонастроение, приводящее к противопоставлению отдельных избранных людей толпе, колебания между «обычной» моралью толпы и преступлением были характерны и для многих литературных героев западноевропейского преромантизма. Сочетание страстного протеста против несправедливостей общества с повышенным чувством личности и горделивым недоверием к «обыкновенным» людям было свойственно героям Байрона — Корсару, Ларе, Манфреду. Встречается подобное умонастроение и в творчестве других западноевропейских романтиков. Сам Достоевский в черновых материалах к роману сопоставляет Раскольникова с Жаном Сбогаром — романтическим разбойником и бунтарем-индивидуалистом, героем одноименного романа Ш. Нодье (1818) (см. с. 772—773, коммент. к 7, 113). Отдельные близкие Раскольникову психологические мотивы можно найти и во французском реалистическом романе 30—40-х гг. XIX в. у молодых героев Бальзака и Стендаля — Растиньяка («Отец Горио», 1835) и Жюльена Сореля («Красное и черное», 1830). В черновике речи Достоевского о Пушкине (1880) есть строки: «У Бальзака в одном его романе один молодой человек, в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к другу, своему товарищу, студенту, и спрашивает его: послушай, предствь себе, вот ты нищий, у тебя ни гроша, и вдруг где-то там, в Китае, есть дряхлый, больной мандарин, и тебе стоит только здесь, в Париже, не сходя с места, сказать про себя: умри, мандарин, и он умрет, но за смерть мандарина тебе какой-то волшебник пришлет затем миллион, и никто этого не узнает, и главное он где-то в Китае (...) Студент ему отвечает: „Est'il bien vieux ton mandarin? Eh bien non, je ne veux pas!”¹ Вот решение французского студента» (Акад. ПСС. Т. 26. С. 288; см. также 7, 639, коммент. к 6, 58—59). Эти строки, в которых речь идет о разговоре Растиньяка и его друга Бьяншона в романе Бальзака «Отец Горио», указывают, что Достоевский хорошо помнил соответствующий эпизод названного романа Бальзака, тематически близкий «Преступлению и наказанию». В Англии Э. Бульвер в романе «Юджин Арам» (1831), основанном на действительном происшествии, случившемся в середине XVIII в., рассказал о судьбе молодого ученого, которого нужда и мечты о великом научном открытии привели к преступлению, сходному с преступлением Раскольникова. Э. Гаскелл в своем более позднем социальном романе «Мери Бартон» (1848), русский перевод которого был напечатан в 1861 г. в журнале «Время», ярко обрисовала историю падшей женщины и картину нравственных мук рабочего-убийцы Бартона после совершенного им убийства фабриканта Карсона (см. примечание Достоевского к роману Э. Гаскелл «Мери Бартон»: Акад. ПСС. Т. 19. С. 211, 347—348). Перечисленные произведения, так же как многие другие, в частности «Последний день приговоренного к смерти» (1829) В. Гюго и его же прочитанные Достоевским летом 1862 г. в Италии «Отверженные»

¹ «Он стар, твой мандарин? Но нет, я не хочу!» (фр.).

(1862), затрагивавшие близкие автору вопросы и остававшиеся в годы создания «Преступления и наказания» литературной злобой дня, сыграли определенную, более или менее заметную роль для процесса формирования и развития социальной и философско-этической проблематики «Преступления и наказания».¹

В то же время следует указать и на те черты, которые принципиально отличают нравственный облик героя «Преступления и наказания» от большинства его литературных предшественников. Пушкинский Германн, Бальзаковский Растиньяк, Жюльен Сорель Стендаля полны более или менее глубокого возмущения против общества, в котором живут. Но при этом их интересы направлены прежде всего на собственное положение в обществе, улучшить которое они хотят посредством карьеры или обогащения. Раскольников же глубоко и искренне бескорыстен.² Он принадлежит к числу тех натур, для которых внешний мир является объектом постоянной пытлиwej мысли, наблюдений и беспокойства. Как всем последующим героям Достоевского,

---

¹ Подробнее о связи «Преступления и наказания» с традициями предшествующей русской и западноевропейской литературы (Пушкин, Бальзак, В. Гюго, Э. Гаскелл, Э. По и др.) — помимо указанных выше комментариев к тексту и рукописям романа — см.: *Библиотека*. С. 84, 210, 227, 229; *Иванов Вяч.*. 1987. С. 530—532; *Бем. У истоков*. С. 411—491; *Бем А. А.* Гюго и Достоевский: (Лит. обзор) // *O Dostojevském*. S. 143—144; *Бахтин*, 1972. С. 288—291; *Гроссман А. П.* 1) Гюфман, Бальзак и Достоевский // *София*. 1914. № 5. С. 94—95; 2) Достоевский и чартистский роман // *ВЛ*. 1959. № 4. С. 147—158; *Гроссман. Город и люди*. С. 31, 37; *Цейтлин А. Г.* «Преступление и наказание» и «Les misérables»: Социологические параллели // *Литература и марксизм*. 1928. № 5. С. 20—58; *Шкловский*. С. 179, 181—184; *Фридендер*. С. 144—148, 181, 203—207; *Катарский И. М.* Достоевский и Диккенс (1860—1870-е гг.) // *Д, Материалы и исследования*. Т. 2. С. 280—284; *Врошп; Благой*. С. 545—550; *Фридендер*, 1985. С. 176—197; *Гроссман Дж. Д.* Эдгар По в России: Легенда и литературное влияние. СПб., 1998. С. 35—41; *Ипатов С. А.* Достоевский и повесть Томаса Де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум»: (К теме «мечтательства») // *Д, Материалы и исследования*. Т. 17. С. 189—190; *Ветловская В. Е.* Достоевский и Пушкин: Петербургская тема в «Преступлении и наказании» // Там же. Т. 19. С. 152—168; см. содержательные комментарии по этой проблематике в первом академическом издании сочинений Достоевского, например: *Акад. ПСС*. Т. 19. С. 281—283 (коммент. В. А. Туниманова); Т. 23. С. 366—367 (коммент. В. Д. Рака); и др. См. также 7, 641—642, 666, 676—677, 693, 767—769 и 789, коммент. к 6, 65, 136—137, 194, 236—238 и к 7, 102, 236.

² Первым об отличии Раскольникова от этих героев написал Д. С. Мережковский в «Вечных спутниках». О проблеме «Стендаль и Достоевский» см.: *Фридендер*, 1995. С. 269—285.

ему надо прежде всего «жизнь разрешить», т. е. найти такой выход из существующего несправедливого положения вещей, который круто переменял бы не только его собственную жизнь, но и бытие всех окружающих людей. Для этого-то Раскольников хочет утвердить свою «идею», обосновать возможность полного переворота в этике и свое «право» произвести этот переворот во имя не только своего личного, но и общего блага. Не случайно он сравнивает себя сам не только с Наполеоном, но и с Магометом, т. е. считает себя создателем своего рода новой мировой религии (о соединении в Раскольникове черт Наполеона и мессии см.: *Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 73—119, 162—194*).¹

Если «Записки из подполья» явились, по меткому выражению А. С. Долинина, своего рода философскими «пролегоменами» к «Преступлению и наказанию» (*Долинин, Последние романы. С. 230*), то значение «Преступления и наказания» для дальнейшего творчества Достоевского-романиста было еще более существенным. Отныне в его романах сложным образом совмещаются черты «романа эпохи» (*Zeitroman*), повествующего о социально-психологических процессах, умственных веяниях времени и его главном герое, носителе господствующих общественно-идеологических настроений, романа об «униженных и оскорбленных» и, наконец, философского романа-испытания. При этом мотив уголовного преступления образует в произведениях Достоевского центральный сюжетобразующий узел, вокруг психологического развития и анализа которого концентрируется, как правило, социальная, философская, этическая, религиозная проблематика каждого романа.²

Тема «случайного семейства», проблемы разложения общественных связей и трудного развития человеческой личности в пореформенную эпоху, гибельности индивидуалистической философии и морали (нередко вплотную подводящих даже глубоко мыслящего, богато одаренного молодого человека к отрицанию норм общечеловеческой нравственности или прямо толкающих его к преступлению) — все эти центральные проблемы «Преступления и наказания» получили дальнейшее сложное преломление в «Идиоте», «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых». В то же время при их создании Достоевский смог опереться на те принципы построения большого социально-философского романа с широким охватом действительности и многочисленными участниками (причем через разные, несходные между собой их «голоса» художником искусно проведена одна и та же главная тема), которыми впервые он воспользовался в «Преступлении и наказании».

---

¹ Следует отметить, что в XIX в. у русских сектантов существовала особая секта «наполеоновых», о которой сообщалось в «Письмах о расколе» (1862) П. И. Мельникова-Печерского (см.: *Мельников-Печерский. Т. 8. С. 48*).

² Подробнее см.: *Фридендер Г. М. Путь Достоевского к роману-эпопее // Д. Материалы и исследования. Т. 8. С. 160.*

А одна из основных философско-этических идей романа — о невозможности для человека основать свое счастье на несчастье другого человеческого существа — стала лейтмотивом не только позднейшего художественного творчества Достоевского, но и его публицистики — вплоть до критического разбора «Анны Карениной» в «Дневнике писателя» (1877) и анализа «Евгения Онегина» в Речи о Пушкине (1880). По мнению автора «Преступления и наказания», никто не имеет права нарушать нравственные законы — даже во имя самой возвышенной цели. Без выстраданного живого чувства братства с другими людьми любой член общества становится потенциальным преступником. Человек не должен быть «вошью». Но у него нет и права ощущать себя «сверхчеловеком», которому «всё позволено». Возвышая себя над другими, он убивает в себе человеческое начало, свою совесть, свою причастность тайне бытия.¹ Отвергая право человека на пролитие крови «по совести» и оправдывая древнюю заповедь «не убий», Достоевский ставит «голос сердца» выше «отвлеченных теорий», которые основаны на «гордом и помраченном рассудке», а не на «истинном знании» (см.: Мережковский, *Вечные спутники*. С. 189; Щенников. С. 231).

10

Уже первая часть «Преступления и наказания», появившаяся в январском и февральском номерах «Русского вестника» за 1866 г., имела большой успех у читающей публики. 18 февраля Достоевский, продолжавший в это время работать «как каторжник» над последующими частями, писал А. Е. Врангелю, что о начальных главах «Преступления и наказания» он «уже слышал много восторженных отзывов», а 29 апреля И. Л. Янышеву, что роман «поднял» его «репутацию как писателя» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 150, 151, 156).

Первым печатным откликом на начальные главы «Преступления и наказания» явился разбор первых глав романа в обзоре «Журналистика» в газете А. А. Краевского «Голос» от 17 февраля (1 марта) 1866 г. (№ 48). Анонимный автор писал здесь: «...роман обещает быть одним из капитальных произведений автора „Мертвого дома“. Страшное преступление, положенное в основу этой повести, рассказано с такою потрясающею истинною, с такими тонкими подробностями, что вы невольно переживаете перипетии этой драмы, со всеми ее психическими пружинами, переходите по изгибам сердца с первого зарождения в нем преступной мысли до ее окончательного развития {...} Самая субъективность автора, от которой иногда страдали характеры его героев, здесь нисколько не вредит, потому что сосредоточивается на одном лице и проникается художественною ясностью типа». Находя, что анализ в романе «полнее, живее дает чувствовать силу драмы», рецензент

¹ См.: Фридлиндер Г. М. Человек в мире Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 18. С. 432—433.

с особым сочувствием выделял сон Раскольникова как «один из лучших в романе» эпизодов, в котором «нельзя убавить ни одной черты».

В отличие от либерального «Голоса» орган революционных демократов 1860-х годов «Современник» отнесся к первым главам романа остро полемически, так как увидел в нем нападение на передовое студенчество и вообще революционную молодежь 60-х годов. Эта мысль была отчетливо сформулирована в обзоре Г. З. Елисеева «Журналистика. Январь 1866» (С. 1866. № 2. Отд. II: Современное обозрение. С. 263—280; ценз. разр. — 24 февр., вышел 1 марта 1866). Приведя из романа авторское замечание о том, что в словах студента в разговоре с офицером об убийстве ничтожной «старушонки» как о возможном средстве спасти «сотни, тысячи, может быть, существовавший» Раскольников узнал «самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли», созвучные его собственным убеждениям (ч. I, гл. 6; см.: 6, 58—59), Елисеев писал, что, выдвигая подобные обвинения против демократического студенчества, Достоевский становится в ряды бывших представителей «натурализма» 40-х годов, «озлобленных движением последнего времени». Защищая молодое поколение от подобных «позорных измышлений», критик писал: «Бывали ли когда-нибудь случаи, чтобы студент убивал кого-нибудь для грабежа? Если бы такой случай и был когда-нибудь, что может он доказывать относительно настроения вообще студенческих корпораций? (...) Что сказал бы Белинский об этой новой фантастичности г-на Достоевского, фантастичности, вследствие которой целая корпорация молодых юношей обвиняется в повальном покушении на убийство с грабежом?» (С. 1866. № 2. Отд. II: Современное обозрение. С. 276—277).

Полемику с Достоевским Елисеев продолжил в третьем номере «Современника». Иронически сравнивая здесь «Преступление и наказание» с повестью Н. Д. Ахшарумова «Натурщица» (ОЗ. 1866. № 1—2), которую критик оценил как «чепуху и галиматью», он писал, что «повесть эта по смелости замысла нисколько не уступает новому роману Достоевского, а по художественности даже далеко превосходит его». Переходя от этих иронических замечаний к существу своего спора с Достоевским, Елисеев писал, что Раскольников — не тип, а одиночное, исключительное или скорее даже вовсе не существующее явление. «Что же сказать о художественном такте поэта, который процесс чистого, голого убийства с грабежом берет темой для своего произведения и самый акт убийства передает в подробнейшей картине со всеми малейшими обстоятельствами? В художественном отношении — повторяем — даже в художественном отношении это чистая нелепость, для которой не может быть найдено никакого оправдания ни в летописях древнего, ни в летописях нового искусства».

«Рецензент „Голоса“, расхваливающий этот роман, — писал Елисеев, — становится чисто на психологическую точку зрения. Он говорит, что интерес романа сосредоточен на изображении той борьбы, которая происходит в душе преступника перед совершением убийства.

Это совершенно неправда. Уничтожьте только тот оригинальный мотив убийства, в силу которого Раскольников видит в убийстве не гнусное преступление, а *поправление* и *направление* природы, некоторым образом подвиг, мало того: сделайте такой взгляд на убийство только личным, индивидуальным убеждением одного Раскольникова, а не общим убеждением целой студенческой корпорации, всякий интерес в романе г-на Достоевского немедленно пропадет. Это ясно показывает, что основу романа г-на Достоевского составляет предположенное им или принятое за данный факт существующее в студенческой корпорации покушение на убийство с грабежом, существующее в качестве принципа. От этого только и частный факт убийства, в сущности обыкновенного, принимает интерес в глазах читателя и делается сюжетом, годным для романа...» (С. 1866. № 3. Отд. II: Современное обозрение. С. 32—40, 43; ценз. разр. — 3 и 21 марта 1866 г., вышел 27 марта 1866 г.).

Вывинутое Елисеевым по адресу Достоевского обвинение в том, что своим новым романом он присоединился к противникам революционного студенчества, развязавшим в середине 60-х годов ожесточенную с ним борьбу, повторил анонимный рецензент газеты «Неделя» (в целом далекой от революционного лагеря): «...отдавая полную справедливость таланту г-на Достоевского, — писал он, — мы не можем пройти молчанием тех грустных симптомов, которые в последнем его романе обнаруживаются с особенною силою (...) Г-н Достоевский в настоящую минуту недоволен молодым поколением. Это бы еще ничего. В поколении этом, действительно, есть недостатки, заслуживающие порицания, и выводить их наружу вполне похвально, конечно, если дело ведут честно, не бросая камня из-за угла. Так поступил Тургенев, изобразивший (впрочем, весьма неудачно) недостатки молодого поколения в своем романе „Отцы и дети“, но г-н Тургенев вел дело начистоту, не прибегая к грязненьким инсинуациям (...) Не так поступает г-н Ф. Достоевский в своем новом романе. Он не говорит прямо, что либеральные идеи и естественные науки ведут молодых людей к убийству, а молодых девиц к проституции, а так, косвенным образом, дает это почувствовать...» (Н. 1866. № 5, 10 апреля. Литературные заметки. С. 72—73).¹

Аналогичную позицию в оценке первой части романа заняла близкая «Современнику» «Искра». В фельетоне И. Р. (И. Н. Россинский) «Двойник: Приключения Федора Стрижова» отмечалось, что роман «Злодейство и возмездие» писали как бы два человека: Федор Стрижов и его двойник. Первый создал образ сочувствующего страданиям бедняков студента Раскольникова, второй — тенденциозно извратил его, превратив в «пугало», в «косматого нигилиста» (*Искра*. 1866. № 12. С. 159—162). В следующем номере «Искра» иронически утверждала, будто бы свое убеждение, что «любимым предметом беседы в студенческих кружках служит оправдание убийства для гра-

¹ О направлении «Недели» в 1866 г. см.: Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 256—257.

бежа», Достоевский почерпнул «при посредстве вертящегося стола» (т. е. на спиритическом сеансе) из бесед с «надворным советником, проглоченным в Пассаже крокодилom» (*Искра*. 1866. № 13. С. 174; ср. также продолжение фельетона в № 14. С. 184).

Тем не менее среди первых отзывов о романе были и такие, в которых отмечались его глубина и правдивость и высоко оценивалось искусство Достоевского — психолога и романиста.

«Главной видимой целью, — писал уже знакомый нам рецензент «Недели», — автор поставил себе психологический анализ преступления, причин, к нему ведущих, и его последствий. Эту задачу г-н Достоевский выполнил блистательно, с потрясающей душу правдой. Читатель шаг за шагом следит, как преступная мысль, случайно запавшая в голову молодого человека, убитого безвыходно нищетою, растет, развивается, преследует этого несчастного, как кошмар, и, наконец, дает ему в руки топор — орудие убийства. Сюжет далеко не новый, но кажется совершенно новым благодаря той поразительной правде и отчетливости, с которыми автор, имевший случай близко наблюдать преступников, анализирует припадки полусумасшествия, под влиянием которого его Раскольников, почти бессознательно, совершает убийство и потом инстинктивно, движимый чисто животным чувством самосохранения, старается скрыть следы преступления» (*Н.* 1866. № 5, 10 апреля. Литературные заметки. С. 72—73).

О глубине психологического анализа как об отличительной черте дарования Достоевского, ярко проявившейся в его новом романе, писал и другой рецензент: «Талант Ф. М. Достоевского развился рельефно, и главная сторона и свойства его таковы, что он резко отличается от дарований других наших писателей. Предоставив им внешний мир человеческой жизни: обстановку, в которой действуют их герои, случайные внешние обстоятельства и т. п., Достоевский углубляется во внутренний мир человека, внимательно следит за развитием его характера и своим глубоко основательным, но беспощадным анализом выставляет перед читателем всю его внутреннюю, духовную сторону — его мозг и сердце, ум и чувства. Этот анализ и отличает его от всех других писателей и ставит на почетное и видное место в русской литературе» (Ф. М. Достоевский / [Без подписи] // Воскресный досуг. 1866. № 164, 10 апреля. С. 214).

О двойственном характере восприятия романа широкой массой читателей — как «тенденциозного» произведения, направленного против настроений демократической молодежи, с одной стороны, и — с другой — как вещи, отмеченной огромной мощью психологического проникновения в душу героев, — иронически вспоминал через год один из современников:

«Начало этого романа наделало много шума, в особенности в провинции, где все подобного рода вещи принимаются, от скуки, как-то ближе к сердцу. Главнейшим образом заинтересовала всех не литературная сторона романа, а, так сказать, тенденциозная: вот, мол, студент ведь старуху-то зарезал, следовательно, тут *тово*, что-нибудь да

не даром! А тут, как раз кстати, появилась и известная рецензия в „Современнике“, которая, надобно правду сказать, много дала „Русскому вестнику“ новых читателей. О новом романе говорили даже шепотом, как о чем-то таком, о чем вслух говорить не следует (...). С этого именно времени научное слово „анализ“ получило право гражданства в провинциальном обществе, которое прежде его совсем не употребляло, — и новое слово, как видно, пришлось по вкусу. Только, бывало, и слышишь толки: „Ах, какой глубокий анализ! Удивительный анализ!..“ „О, да! — подхватывала другая барыня, у которой и самой уже возбудилось желание пустить в дело это новое словечко, — анализ действительно глубокий, но только, знаете ли что? — прибавляла она таинственно, — говорят, анализ-то потому и вышел очень тонкий, что сочинитель сам был...“ — при этом дама наклонялась к уху своей удивленной слушательницы... „Неужели?..“ — „Ну да, зарезал, говорят, или что-то вроде этого...“» («Преступление и наказание» / [Без подписи] // Гласный суд. 1867. 16 (28) марта, № 159. Заметки и разные известия).

«Роман этот (...) — писал тогда же другой печатный орган, — возбуждает в обществе толки самые разнообразные. Приводим здесь главные из них, которые чаще других привелось нам слышать: „Что можно сказать особенного на эту избитую тему?“ — говорят, пробежавши первые странички романа, люди, начитавшиеся вдоволь судебного-уголовных процессов и романов на подобные темы. „Как жалко этого молодого человека (преступника) — он такой образованный, добрый и любящий, и вдруг решился сделать такой ужасный поступок“, — отзываются люди, обыкновенно с жаром читающие всякого рода романы и не размышляющие о том, для чего они пишутся. „Фу... какое скверное и мучительное впечатление остается после этой книги!..“ — говорят, бросая ее, люди, доказывающие этими самыми словами, что ни одно слово романа не оставлено ими без внимания и что мысли, возбужденные им, тяжело западают в голову, несмотря на всё желание от них отделаться» (*Капустин С. Я.* По поводу романа г-на Достоевского «Преступление и наказание» // Женский вестник. 1867. № 5. Критика и библиография. С. 1—2).

Из суждений писателей-современников о начальных главах романа известен отзыв И. С. Тургенева, отметившего после чтения первых двух книжек «Русского вестника» 25 марта (6 апреля) 1866 г. в письме к А. А. Фету из Баден-Бадена, что первая часть «Преступления и наказания» Достоевского «замечательна» (вторая половина первой части, т. е. теперешняя вторая часть, показалась ему слабее первой, отдающей «самоковырняем»). (*Тургенев, Письма (2 изд.)*. Т. 7. С. 28). А. Ф. Кони сообщает в своих воспоминаниях о восторженном отношении А. Н. Майкова к первой части.¹ Одобительно отзывался о романе в Женеве, в 1867 г., по свидетельству А. Г. Достоевской, по

---

¹ Кони А. Ф. Собр. соч. и писем. М., 1969. Т. 6. С. 431.

прочтении его первой половины и Н. П. Огарев (ЛН. Т. 86. С. 239, 240; Достоевская А. Г., Дневник. С. 328, 329).

Что касается непосредственно читающей публики, вспоминал позднее Н. Н. Страхов, впечатление, произведенное на нее романом, «было необычайное». «Только его («Преступление и наказание». — Ред.), — писал он, — и читали в этом 1866 г., только об нем и говорили охотники до чтения, говорили, обыкновенно жалуясь на подавляющую силу романа, на тяжелое впечатление, от которого люди с здоровыми нервами почти заболели, а люди с слабыми нервами принуждены были оставлять чтение» (Биография. С. 289). По свидетельству Достоевского, в письме к племяннице, С. А. Ивановой, от 8 (20) марта 1869 г. Катков в 1867 г. говорил ему, что благодаря «Преступлению и наказанию» у «Русского вестника» «прибыло 500 подписчиков лишних» (Акад. ПСС. Т. 29, кн. 1. С. 24).

Усилению интереса публики к роману способствовало появление в печати сообщений о совершенном в Москве студентом А. М. Даниловым преступлении, внешняя фактическая сторона которого во многом была сходна с картиной, обрисованной в романе.

12 января 1866 г., во время печатания в «Русском вестнике» первых глав «Преступления и наказания», в Москве студентом Даниловым были убиты и ограблены отставной капитан — ростовщик Попов и его служанка М. Нордман. В течение всего 1866 г. в газетах и журналах печатались сообщения об этом убийстве и о процессе Данилова, приговор которому (9 лет каторжных работ) был вынесен 14 февраля 1867 г. (ОЗ. 1867. № 3. С. 297—324). По словам одной из тогдашних газет, первые главы «Преступления и наказания» «были написаны и сданы в редакцию „Русского вестника“ прежде, чем Данилов совершил свое преступление, и прежде, вероятно, чем он даже задумал его; окончание же романа, его роковая развязка (признание Раскольников и его осуждение) появились в печати почти одновременно с процессом Данилова и его осуждением» (Г. 1867. 8 (20) марта, № 67). Неудивительно, что в первых статьях о «Преступлении и наказании», появившихся в 1867 г., после завершения печатания романа в «Русском вестнике», постоянно проводились психологические сопоставления Раскольникова с Даниловым, хотя, как показали материалы процесса, преступление Данилова было совершено под влиянием иных, более элементарных мотивов, чем «идейное» преступление Раскольникова. Об этом писал в начале 1867 г. рецензент газеты «Русский инвалид»: «Странное дело: незадолго до появления „Преступления и наказания“ в Москве совершено убийство, почти такое же, какое описывает г-н Достоевский, и также молодым образованным человеком. Мы говорим об убийстве Попова и служанки его Нордман, — убийстве, подробности которого читатели недавно имели случай читать. Раскольников убивает старуху, потом Лизавету, которая нечаянно входит в незапертую дверь. Данилов убил Попова, потом Нордман, которая вернулась из аптеки, войдя также в незапертую дверь. Если вы сравните роман с этим действительным происшествием, болезненность

Раскольников бросится в глаза еще ярче. Убийца Попова и Нордман вел себя вовсе не так, как вел себя Раскольников, и тотчас после преступления, и во время следствия. Честная, добрая природа Раскольникова постоянно проявлялась сквозь болезненную рефлексию и давила ее почти против его воли, внутренний голос заставил Раскольникова принести повинную, хотя он всячески старался уверить себя, что он совершил вовсе не преступление, а чуть ли не доброе дело; убийца Попова и Нордман сплетает невероятные происшествия, отличается хладнокровием и жмет в самые торжественные минуты. Тут не было никакой давящей рефлексии, никакой *idée fixe*, а просто такое же черное дело, как и все дела подобного рода» ([Суворин А. С.]. Журнальные и библиографические заметки / А. И-н // *РИ*. 1867. 4 (16) марта, № 63).

Психологическое отличие Данилова от Раскольникова отмечал также рецензент газеты «Гласный суд»: «Данилов <...> — красивый франт, не имеющий с университетскими товарищами ровно ничего общего и постоянно вращающийся между женщинами, ювелирами и ростовщиками. Раскольников убивает старуху единственно только потому, что дворника не было дома, а топор лежал под лавкой; он глупейшим манером зарывает захваченные вещи где-то вблизи здания Министерства государственных имуществ у Синего моста и потом опять бежит, сомневаясь, наяву он сделал преступление или все это видел в белогорячечном бреду, — Данилов же действует вовсе не так. Этот красивый салонный франт действует очень основательно <...> Данилов — человек практический, созревший с двадцати, а может быть, и с пятнадцати лет; на господ этого сорта университет может иметь такое же влияние, как на гуся вода, т. е. самое поверхностное <...> Одним словом, Данилов столько же похож на Раскольникова, сколько живая, хотя и печальная, действительность может походить на произведение болезненно настроенного воображения» (Гласный суд. 1867. 16 (28) марта, № 159).¹

Сам Достоевский, возвращаясь к оценке «Преступления и наказания», в письме к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. писал (имея в виду дело Данилова и противопоставляя свое понимание реализма пониманию его задач своими современниками): «Ихним реализмом — сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты» (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 329). О своей авторской гордости, вызванной тем, что своим романом он художественно предвосхитил реальные явления, подобные преступлению Данилова, Достоевский тогда же говорил Страхову (*Биография*. С. 290).

Центральное место в критических статьях о романе, появившихся после завершения его печатания, в 1867 г. занял анализ мотивов, толкующих Раскольникова на преступление.

---

¹ Ход следствия по делу Данилова и его процесс описаны в кн.: Уголовные тайны, разоблаченные судом и следствием... / Сост. В. Л. СПб., 1874. С. 205—291.

Критики «Русского инвалида» (А. С. Суворин) и «Гласного суда», защищая Достоевского от упреков в намерении «опозорить молодое поколение», в то же время характеризовали героя романа как «нервную, повихнувшуюся натуру», «больного человека», у которого «все признаки белой горячки» (*РИ*. 1867. 4 (16) марта, № 63; *Гласный суд*. 1867. 16 (28) марта, № 159). Тем самым они снимали вопрос о социально-психологической типичности идей Раскольникова как представителя «определенного направления, усвоенного обществом», толкуя его преступление как продукт большой психики, т. е. чисто индивидуальный, клинический случай.

Противоположная этому точка зрения на роман, подчеркивающая широкую социально-психологическую типичность преступления Раскольникова, получила наиболее глубокое и последовательное развитие в статье Д. И. Писарева «Борьба за жизнь», которую можно рассматривать как итоговую оценку романа, исходившую от одного из наиболее влиятельных представителей революционно-демократического лагеря 1860-х годов.

Первая часть статьи Писарева появилась в журнале «Дело» (1867. № 5) под названием «Будничные стороны жизни». Продолжение ее, которое должно было появиться в следующей книжке журнала, было запрещено цензурой и появилось в печати лишь год спустя под заглавием «Борьба за существование» (*Дело*. 1868. № 8), уже после смерти автора. В том же году обе части статьи были перепечатаны в составе собрания сочинений критика в объединенном виде и под восстановленным авторским заглавием «Борьба за жизнь» (см. далее, с. 515).¹

В своей статье Писарев подчеркивал, что ему «нет никакого дела ни до личных убеждений автора (...) ни до общего направления его деятельности» (*Писарев, 2000*. Т. 10. С. 118). Положив в основу своей статьи принципы добролюбовской «реальной критики», Писарев стремился понять роман не как выражение субъективных идей Достоевского, но как отражение реальных процессов жизни русского общества своего времени, трагического положения в нем массы, «огромного большинства людей» (Там же. С. 122). В противовес критикам «Русского инвалида» и «Гласного суда» Писарев подчеркивал, что «Раскольникова невозможно считать помешанным» (Там же. С. 124) и что преступление его, как и вообще большинство преступлений в современном обществе, обусловлено социальными, а не «медицинскими» факторами.

Как на основную причину преступления Раскольникова и других аналогичных преступлений критик указал на общественное неравенст-

---

¹ О цензурной истории статьи и отличиях ее журнального текста от книжного см. коммент. И. Б. Павловой и Г. Г. Елизаветиной в изд.: *Писарев, 2000*. Т. 10. С. 474—485. Там же (с. 486) воспоминания материнской критики, В. Д. Писаревой, о впечатлении, произведенном на него романом. В *Акад. ПСС* использовался комментарий Ю. С. Сорокина в изд.: *Писарев Д. И. Соч.*: В 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 451—453.

во, лежащее в основе современного ему социального и политического строя. Неизбежным следствием его, утверждал Писарев, является для сотен и тысяч бедняков тягостная и изнурительная повседневная борьба за существование, одной из жертв которой стал Раскольников.

«Нет ничего удивительного в том, — писал критик, — что Раскольников, утомленный мелкою и неудачною борьбою за существование, впал в изнурительную апатию; нет также ничего удивительного в том, что во время этой апатии в его уме родилась и созрела мысль совершить преступление. Можно даже сказать, что большая часть преступлений против собственности устроивается в общих чертах по тому самому плану, по какому устроилось преступление Раскольникова. Самую обыкновенную причину воровства, грабежа и разбоя является бедность; это известно всякому, кто сколько-нибудь знаком с уголовного статистикою (...) огромное большинство людей, отправляющихся на воровство или на грабеж, переживают те самые фазы, через которые проходит Раскольников» (Там же. С. 121—122).¹

Анализируя — шаг за шагом — предысторию преступления Раскольникова, Писарев стремился показать, что «противообщественные» чувства и мысли, зародившиеся у героя романа и толкнувшие его на убийство ростовщины, явились неизбежным следствием бесчеловечности и противоестественности того общественного строя, при котором даже право на сострадание и помощь другому человеку становится социальной привилегией: «Пока Раскольников обеспечен имением, капиталом или трудом, до тех пор ему предоставляется полное право и на него даже налагается священная обязанность любить мать и сестру, защищать их от лишений и оскорблений и даже в случае надобности принимать на самого себя те удары судьбы, которые предназначаются им, слабым и безответным женщинам. Но как только материальные средства истощаются, так тотчас же вместе с этими средствами у Раскольникова отбирается право носить в груди человеческие чувства, так точно, как у обанкротившегося купца отбирается право числиться в той или в другой гильдии. Любовь к матери и к сестре и желание покоить и защищать их становятся противозаконными и противообщественными чувствами и стремлениями с той минуты, как Раскольников превратился в голодного и оборванного бедняка. Кто не может по-человечески кормиться и одеваться, тот не должен также думать и чувствовать по-человечески. В противном случае человеческие мысли и чувства разрешаются такими поступками, которые произведут неизбежную коллизию между личностью и обществом» (Там же. С. 142).

Если в раскрытии социальных истоков преступления Раскольникова отразились наиболее глубокие и сильные стороны мысли Писарева, то в его анализе теории Раскольникова о «необыкновенных» людях и о

---

¹ Вторая половина приведенного отрывка (начиная со слов: «Можно даже сказать» и кончая словами: «через которые проходит Раскольников»), формулирующая основную мысль критика, была выброшена цензурой при первой публикации; см.: Писарев, 2000. Т. 10. С. 475.

праве сильной личности на преступление сказался ряд противоречий, свойственных его прочтению романа.

Одной из задач Писарева было отвести от передовой молодежи 60-х годов обвинение в том, что в ее идеях и настроениях потенциально содержится зерно теоретических построений Раскольникова. Эту задачу Писарев выполнил со свойственным ему теоретическим блеском и силой убеждения. «Раскольников, — писал он, — не мог заимствовать свои идеи ни из разговоров с своими товарищами, ни из тех книг, которые пользовались и пользуются до сих пор успехом в кругу читающих и размышляющих молодых людей (...) Теория Раскольникова не имеет ничего общего с теми идеями, из которых складывается миросозерцание современно развитых людей». Критик утверждал, что «с точки зрения тех мыслителей, которых произведения господствуют над умами читающего юношества, деление людей на гениев, освобожденных от действия общественных законов, и на тупую чернь, обязанную раболепствовать, благоговеть и добродушно покоряться всяким рискованным экспериментам, оказывается совершенною нелепостью, которая безвозвратно опровергается всею совокупностью исторических фактов» (Там же. С. 152, 153).

«Теория» Раскольникова построена на несправедливом отождествлении двух различных типов исторических деятелей, указывал Писарев. Одни из них — это деятели типа Наполеона и другие «законодатели и установители человечества» из среды общественных верхов, которые «действительно были преступниками» и «кровопроливцами», «раздавили на своем пути много человеческих существований и отняли у многих работников продукты их честного труда» (Там же. С. 147). Другие — это «великие деятели науки», подобные Ньютону и Кеплеру, которые вследствие самоотверженной любви к человечеству «становились иногда мучениками, но никакая любовь к идее никогда не могла превратить их в мучителей по той простой причине, что мучения никого не убеждают и, следовательно, никогда не приносят ни малейшей пользы той идее, во имя которой они производятся» (Там же. С. 150, 151).

Превосходно показав теоретическую несостоятельность «идеи» Раскольникова, Писарев, однако, не видел в ней хотя и противоречивый, но типический факт социальной жизни, отражение настроений не только одного героя романа, но и целого разряда людей в условиях тогдашнего общества. «Теория» Раскольникова представлялась Писареву плодом логических хитросплетений героя, а не выражением определенной, обусловленной самой жизнью, общественной позиции, опасные стороны которой писатель показал, стремясь привлечь к ней внимание общества. «Всю свою теорию Раскольников построил исключительно для того, чтобы оправдать в собственных глазах мысль о быстрой и легкой наживе» (Там же. С. 160). Эта оценка «теории» Раскольникова, вступавшая в противоречие с исходным положением статьи — о преступлении Раскольникова как общественном явлении, свидетельствовала о том, что те новые тенденции общественной жизни

ни, на которые Достоевский стремился указать своим романом, не были уловлены и важность их не была понята Писаревым, так как они в той или иной мере выходили за пределы его социально-исторического и философско-эстетического кругозора.

В противоположность Писареву Н. Н. Страхов в своей статье о романе (Наша изящная словесность. Преступление и наказание / [Без подписи] // ОЗ. 1867. № 3 и 4) сосредоточил свое внимание не на широком социальном, а на более узком, нравственно-психологическом содержании романа. Оставив в стороне занимавший Писарева вопрос о социальных истоках преступления Раскольникова, об отражении в его жизни и умонастроении жизни и настроения широких масс «униженных и оскорбленных», Страхов выдвинул на первый план другой вопрос — об отражении в романе идей демократической молодежи 1860-х годов и о сложном отношении к ним романиста.

Страхов отвел упреки демократической критики по адресу Достоевского, что своим романом он обвинил «целую студентскую корпорацию» в исповедании «в качестве принципов» убийства и грабежа. Он отказался также категорически видеть в Раскольнике «сумасшедшего», «больного человека» (см.: *Страхов*. С. 96—99). Отвергнув оба эти прямолинейных и упрощенных истолкования романа, критик предложил такую интерпретацию, которая выдвинула на первый план другие тенденции авторской мысли.

Вслед за Тургеневым, создавшим образ Базарова, Достоевский в «Преступлении и наказании», по мнению Страхова, вывел в лице Раскольникова новый образ «нигилиста». Причем преимущество Достоевского перед его предшественниками, решавшими сходную задачу, состоит в том, что вместо сравнительно легкого «осмеиванья безобразий натур пустых и малокровных» писатель изобразил «нигилиста несчастного, нигилиста глубоко человечески страдающего», «изобразил (...) нигилизм не как жалкое и дикое явление, а в трагическом виде, как искажение души, сопровождаемое жестоким страданием» (ОЗ. 1867. № 3. Отд. I. С. 329—331; *Страхов*. С. 100, 101—102).

«Раскольников, — писал Страхов, разъясняя свою мысль (и опираясь при этом, возможно, на свои беседы с писателем о романе), — есть истинно русский человек именно в том, что дошел до конца, до края той дороги, на которую его завел заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайной серьезности, как бы религиозности, с которою они предаются своим идеям, есть причина многих наших бед. Мы любим отдаваться целно, без уступок, без остановок на подороге; мы не хитрим и не лукавим сами с собою, а потому и не терпим мировых сделок между своею мыслью и действительностью. Можно надеяться, что это драгоценное, великое свойство русской души когда-нибудь проявится в истинно прекрасных делах и характерах. Теперь же, при нравственной смуте, господствующей в одних частях нашего общества, при пустоте, господствующей в других, наше свойство доходить во всем до края — так или иначе — портит жизнь и даже губит людей» (ОЗ. 1867. № 4. Отд. I. С. 527; *Страхов*. С. 122).

Приведенные положения статьи Страхова (о максимализме мысли и бескомпромиссности природы как характерных чертах Раскольникова) позволили ему высказать ряд тонких суждений о романе, стержнем которого Страхов считал духовную драму «убийцы-теоретика», против отвлеченной теории которого, противоречащей жизни, восстает его собственная живая натура и свойственные ей «инстинкты человеческой души». «Это не смех над молодым поколением, не укоры и обвинения, это — плач над ним», — писал Страхов, характеризуя отношение писателя к его герою. «По своему всегдашнему обычаю, он представил нам человека в самом убийце, как умел отыскать людей и во всех блудницах, пьяницах и других жалких лицах, которыми обставил своего героя» (ОЗ. 1867. № 3. Отд. I. С. 330—331; Страхов. С. 101, 102).

По позднейшему свидетельству Страхова, Достоевский остался доволен его статьей о «Преступлении и наказании», сказав о ней критику: «Вы одни меня поняли» (*Биография*. С. 290).¹

После статей Писарева и Страхова третьей, наиболее значительной из критических статей, опубликованных в 1867 г. после окончания печатания романа в «Русском вестнике», была статья романиста Н. Д. Ахшарумова («Всемирный труд». 1867. № 3. С. 125—156), сосредоточившегося по преимуществу на психологической стороне романа и на оценке отдельных его персонажей, из которых самыми удачными он признал, наряду с Раскольниковым, семью Мармеладовых, Порфирия и Свидригайлова. Ахшарумов чутко почувствовал необычность поэтики романа и своеобразно ее осмыслил: в образе Раскольникова он усмотрел противоречие между внешним обликом героя — «мальчика, недоучившегося в школе» — и вложенным в него сложным духовным миром автора, вследствие чего Раскольников наделен несвойственными ему будто бы чертами «Гамлета» и «Фауста», облагораживающими и возвышающими его. Наиболее глубокая мысль, высказанная Ахшарумовым в его статье, — мысль о нераздельности в

---

¹ Опущены полтора абзаца исходного текста *Акад. ПСС*, в которых, в качестве итоговой оценки разбираемой статьи, утверждается (в духе идеологических приоритетов советской эпохи), что «изоляция Страховым Раскольникова и его „идеи“ от обрисованного в романе мира „униженных и оскорбленных“, сведение им духовной драмы Раскольникова к драме юноши-„нигилиста“ сужали идейное содержание романа, делая его анализ однолинейным и лишая трагедию Раскольникова в его интерпретации более глубокого и широкого социально-исторического содержания», не позволяя «раскрыть философской глубины и масштабности мысли писателя». Автор комментария, Г. М. Фридендер, также высказывает сомнение в том, что разговор Страхова с Достоевским о статье действительно имел место, а если и состоялся, то высказанное писателем одобрение «можно считать скорее признанием верного истолкования Страховым (...) отдельных существенных слоев авторского замысла, чем выражением солидарности Достоевского с критиком в общем, более широком понимании романа».

романе «преступления» и «наказания». Последнее, в соответствии с замыслом писателя, критик оценил не как внешнее, юридическое, но прежде всего как внутреннее нравственное наказание, настигшее преступника сразу после совершения преступления и потенциально заложенное уже в его замысле: «За преступлением следует наказание. „Следует“, впрочем, мало сказать; это слово далеко не передает той неразрывной связи, какую автор провел между двумя сторонами своей задачи. Наказание начинается раньше, чем дело совершено. Оно родилось вместе с ним, срослось с ним в зародыше, неразлучно идет с ним рядом, с первой идеи о нем, с первого представления. Муки, переносимые Раскольниковым под конец, когда дело уже сделано, до того превосходят слабую силу его, что мы удивляемся, как он их вынес. В сравнении с этими муками всякая казнь бледнеет. Это сто раз хуже казни — это пытка и злейшая из всех, — пытка нравственная» (Ахшарумов. С. 149).

Ахшарумов тонко уловил особое умение автора «Преступления и наказания» втянуть читателя в круг мыслей и чувств героя, заставить его активно внутренне сопереживать драму последнего: «Нас заставляют смотреть на то, что мы не желали бы видеть, и принимать душою участие в том, что нам ненавистно (...) Мы не можем себя отделить от него (Раскольников. — Ред.), несмотря на то, что он гадок нам (...) мы стали его соучастниками; у нас голова кружится так же, как у него: мы оступаемся и скользим вместе с ним и вместе с ним чувствуем на себе неотразимое притяжение бездны» (Там же. С. 126—127).

В 1867 г. появилась и первая статья о «Преступлении и наказании» в зарубежной печати: анонимный отзыв в немецком журнале «Magazin für die Literatur des Auslandes» (Bd. 71. № 23. S. 317).

Полемика вокруг «Преступления и наказания» продолжалась в 1868—1869 гг.

В августе 1868 г. вышла в свет уже освещенная ранее (см. с. 510 и след.) вторая статья Писарева о «Преступлении и наказании» (Дело. 1868. № 8. Отд. II. С. 1—33). В этом же году, как отмечалось выше, обе статьи Писарева в объединенном виде были перепечатаны в его «Сочинениях» (СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1869. Ч. 9. С. 204—261). В 1869 г. на протяжении почти полугода в газете «Судебный вестник» (№ 1, 4, 14, 83, 133) печаталась статья А. В. Лохвицкого о романе — анализ «Преступления и наказания» со специальной, научно-криминалистической точки зрения.

На защиту романа от критиков, обвинявших автора в том, что он «хотел в Раскольникове изобразить представителя молодого поколения», тогда же встал Н. С. Лесков в анонимном отзыве об «Идиоте», где он главным «внутренним достоинством» романа признал глубокий «психологический анализ».¹

---

¹ Фельетон // Вечерняя газета. 1869. 1 янв., № 1. Об авторстве Лескова см.: Столярова И. В. Неизвестное литературное обозрение Н. С. Лес-

В том же 1869 г. В. Р. Зотов, автор краткого очерка литературной деятельности Достоевского, писал о романе: «Более глубокого анализа трудно представить себе. Сюжет романа как нельзя более соответствует возможности выказать эту сторону его (Достоевского. — *Ред.*) таланта. Запнута в себе душа героя романа проходит через множество перипетий, и ход мыслей, ощущений ведет ее последовательно к страшному концу. Чтобы понять, до какой поразительной верности доходит этот анализ, стоит только вспомнить, например, сон Раскольникова перед преступлением! Все вышеозначенные достоинства заставляют причислить Ф. М. Достоевского к числу первоклассных наших литературных деятелей».¹

В 1870 г. педагог и писатель А. Н. Острогорский (1840—1917) напечатал анонимно в руководимом им журнале свой рассказ, представлявший переработку для детского возраста эпизода несчастного происшествия с раздавленным лошадьми Мармеладовым и его смерти (ч. II, гл. 7).² Пятью годами позже рассказ был включен, с некоторыми изменениями, в сборник, единоличным автором которого был четко обозначен на титульном листе А. Острогорский.³ В журнальной публикации была довольно полно воспроизведена сюжетная канва и передана психологическая напряженность разворачивающихся на улице и в квартире сцен, описанных в романе, сохранены многие их подро-

---

кова // Учен. зап. Ленинград. ун-та. 1968. № 339. Сер. филол. наук. Вып. 72. С. 224—229.

¹ [Зотов В. Р.] Краткий биографический очерк замечательнейших деятелей из бывших воспитанников Николаевской Инженерной Академии и училища // Всемир. иллюстрация. 1869. 20 дек., № 52. С. 411.

² Раздавили! человека раздавили! // Детское чтение. 1870. Год 2, т. 4, кн. 8. С. 111—119. В «Содержании» заглавие рассказа: «Раздавили, человека раздавили!».

³ Раздавили! Человека раздавили! // В своем кругу / А. Острогорского. СПб., 1875. С. 253—262. На с. [4] «Примечание» к «Содержанию»: «Содержание большинства статей заимствовано из разных источников; у русских авторов взяты: (...) Раздавили! (у Ф. Достоевского) (...)». Относящееся в равной мере ко всем включенным в сборник произведениям указание титульного листа в совокупности с этим примечанием достаточны для уверенного определения авторства рассматриваемого рассказа. В сетевом издании: www.fedorostoevsky.ru Исследования / Разное — первая публикация рассказа неправомерно представлена как «Плагиат отрывка романа „Преступление и наказание“». См. подробнее: Федорова Е. А., Андрианова И. С. Кто автор рассказа по мотивам романа Достоевского «Преступление и наказание»? // Неизвестный Достоевский: Международ. науч. журнал. Петрозаводск, 2015. № 3. С. 43—60 (URL: www.unknown-dostoevsky.ru). Научная републикация рассказа: Раздавили! человека раздавили! (1870) / Подгот. текста и публикация О. А. Сосновской и И. С. Андриановой // Там же. С. 61—67 (URL: www.unknown-dostoevsky.ru).

ности, в том числе весьма жестокие, и реплики действующих лиц, имена жены погибшего, одной его дочери и сына. Место Раскольниковова было передано стороннему повествователю, ведущему рассказ от своего лица, живущему неподалеку и часто встречавшему на улице пострадавшего, но оставшемуся с ним незнакомым. Последний был преобразен из опустившегося пьяницы Мармеладова в благопристойного бедного чиновника Ивана Михайловича (имя и отчество отца Катерины Ивановны) Прохорова, бьющегося в тисках нищеты и старающегося из всех сил прокормить свое семейство. Присутствующая в главе линия Сони была, разумеется, полностью изъята. В измененной для сборника версии были смягчены описания страданий умирающего, сглажены разговорные интонации и экспрессивность речи.¹

Сборник «В своем кругу» переиздавался еще трижды (1889, 1892, 1899), но рассказ «Раздавили! Человека раздавили!» был из него исключен, чему причиной стало определение Синода о его непригодности в качестве чтения для детей. Приписав ошибочно его самому Достоевскому, рецензент Синода дал о нем следующий отзыв: «...написан он живо, но оставляет даже во взрослом читателе тяжелое, мрачное впечатление; заключение его ставит семью раздавленного человека в такую безвыходность, что нельзя не пожалеть о внесении подобного рассказа в собрание статей для детского чтения. Могут сказать, что это впечатление хотя будет и резко, но благотворно; оно пробудит сочувствие в ребенке к страждущему человеку, к бедной семье трудолюбивого человека, вызовет даже практическое желание помочь бедняку, но все же подобное впечатление слишком тяжело, и так как дети, особенно нервные и впечатлительные, легко поддаются возбуждению чувства, то мрачная картина страшного горя житейского и страданий невинно, случайно потерпевшего человека, с сознанием собственного бессилия помочь этому горю, облегчить его, — может принести детям много страдания нравственного. Это рассказ не для детей».²

В 1871 г. появилось седьмое издание «Курса истории русской литературы» К. П. Петрова, в которое автор включил краткую оценку романа, положив в основу ее идеи Страхова.³ Через три года более обстоятельный разбор романа, приспособленный для педагогических целей, дал близкий к славянофильским кругам О. Ф. Миллер.⁴

Кроме печатных отзывов современников о «Преступлении и наказании» сохранилось немало восторженных суждений о нем чита-

---

¹ См. раздел «Варианты» в указанной выше научной републикации рассказа (с. 66—67).

² Цит. по: Федорова Е. А., Андрианова И. С. Кто автор рассказа по мотивам романа Достоевского «Преступление и наказание»? С. 44—45.

³ Петров К. П. Курс истории русской литературы. Изд. 7, испр. и доп. СПб., 1871. § 337. С. 310—312.

⁴ Миллер О. Ф. Русская литература после Гоголя // Н. 1874. № 22, 2 июня. С. 820—828; ср. отдельное издание: Миллер, Публ. лекции, 1874. С. 54—65.

телей в письмах к Достоевскому 1870—начала 1880-х гг. В письме к С. Е. Лурье от 17 апреля 1877 г. Достоевский заметил, что многие современники сопоставляли «Преступление и наказание» с «Отверженными» В. Гюго, причем «Ф. И. Тютчев, наш великий поэт, и многие тогда находили, что „Преступление и наказание“ несравненно выше „Misérables“» (*Акад. ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 151*). См. также оценки романа в письмах к Достоевскому Я. П. Полонского от 22 ноября 1877 г.¹ и И. В. Ливанского от 14 февраля 1880 г.²

11

Следующие опыты истолкования «Преступления и наказания» появились в России уже после смерти автора. Среди них нужно отметить ряд попыток подойти к роману с различных специальных точек зрения: юридическо-криминалистической,³ медицинско-психологической,⁴ философско-религиозной⁵ и др. В настоящее время научная и критическая литература о «Преступлении и наказании» насчитывает тысячи книг и статей, содержащих факты и наблюдения, относящиеся к его творческой истории и его восприятию в отечестве и за рубежом, в мировом масштабе, в разные исторические периоды, доскональный идейный и художественный анализ всего произведения и отдельных его проблем, разнообразные интерпретации общих и частных моментов его содержания, гипотезы, догадки, сопоставления и т. п. Накопленные в этом материале важнейшие выводы и положения, имеющие прочное обоснование и получившие общее признание в достоевковедении, равно как и весомые отличные мнения и полемические соображения с достаточной полнотой отражены, в той или иной форме, в данном статейном и ниже в реальном комментариях. Но одна тема остро нуждается в отдельном аналитическом источниковедческом обзоре в силу приобретенной ею в последнее время особой научной и общественной

¹ Из архива Достоевского: Письма русских писателей / Ред. и вступ. Н. К. Пиксанова; коммент. Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова. М.; Пг., 1923. С. 78.

² *ИРЛИ. Ф. 100. № 2972.*

³ *Кони А. Ф. Ф. М. Достоевский: Речь, произнесенная в общем собрании Юридич. об-ва при С.-Петербургск. ун-те 2 февраля 1881 г. // Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 406—427. Впервые: Достоевский как криминалист // Н. 1881. № 6, 8 февр. С. 208—218; также: Журн. граждан. и уголов. права. 1881. № 2. Март—апр. С. 10—27.*

⁴ *Чиж В. Ф. Достоевский как психопатолог: Очерк // РВ. 1884. № 5. Май. С. 272—316; № 6. Июнь. С. 825—885.*

⁵ *Бухарев А. М. О романе Достоевского «Преступление и наказание» по отношению к делу мысли и науки в России [1870] // Правосл. обозрение. 1884. Т. 1. Янв. С. 12—60; отд. изд.: М., 1884; Соловьев Вл. С. Три речи в память Достоевского (1881—1883 гг.). М., 1884.*

значимости и соответственного сосредоточения на ней едва ли не преимущественного внимания исследователей. Имеется в виду религиозная составляющая идейного содержания и художественных особенностей романа.

Вынесение этой стороны романа на широкое обсуждение и начало ее общественного осмысления можно отнести к 1884 г., когда были опубликованы «Три речи в память Достоевского (1881—1883)» Вл. Соловьева и написанная еще в 1867 г. (доработанная в 1870 г.) статья А. М. Бухарева «О романе Достоевского „Преступление и наказание“ по отношению к делу мысли и науки в России». В последующие десятилетия религиозный аспект «Преступления и наказания» активно изучался и обсуждался в русской философско-религиозной критике, выступлениях священнослужителей и трудах литературоведов.¹ В советское время его объективное изучение получило статус запрещенного. Проблема продолжала разрабатываться русскими эмигрантами и зарубежными учеными. В Советском Союзе прорыв завесы молчания начался в 1980-е годы, а в постсоветский период, 1990-е и последующие годы, работы на эту тему образовали мощный поток, захвативший в себя исследование и других сторон романа.

Для понимания условий развития христианской проблематики в творчестве Достоевского в целом и, в частности, в «Преступлении и наказании» имеют значение биографический, мировоззренческий и эстетический аспекты темы.²

---

¹ См. работы обзорного характера, посвященные анализу взглядов русских религиозных мыслителей на творчество Достоевского и роман «Преступление и наказание» в частности: *Келдыш В. А.* Наследие Достоевского и русская мысль порубежной эпохи // *Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX—начала XX в.* / РАН. ИМЛИ. М., 1992. С. 76—115; *Созина Е. К.* Творчество Ф. М. Достоевского в русской философско-критической мысли рубежа XIX—XX веков // *Ф. М. Достоевский и национальная культура* / Под ред. Г. К. Щенникова. Челябинск, 1996. Вып. 2. С. 163—246; *Исупов К. Г.* Возрождение Достоевского в русском религиозно-философском ренессансе // *Христианство и русская литература* / РАН. ИРЛИ. СПб., 1996. Сб. 2. С. 310—333, и др. См. также главу «Возрождение человека — Раскольников» и раздел «Достоевский в русской церковной и религиозно-философской критике» в кн.: *Григорьев Д.* С. 22—28, 102—156.

² См. об этом подробно: *Тарасова Н. А.* Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: Проблемы изучения: Монография. М., 2015. Наиболее полная библиография по теме представлена в изд.: *Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков: Библиографический указатель. 1800—2000* / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; сост. А. П. Дмитриев, Л. В. Дмитриева; под ред. В. А. Котельникова. СПб., 2002. См. также материалы в сериальных изданиях *Д, Материалы и исследования, До-*

Г. М. Фридендер отметил «воздействие евангельской, житийной и народнопоэтической символики на творческое воображение писателя» в период создания этого произведения.¹ Т. А. Касаткина определила «Преступление и наказание» как роман «о действии греха в человеке» (Касаткина, 2005а. С. 204). По мнению Д. Григорьева, Достоевский «значительно больше сосредотачивается на теме, связанной с грехопадением, и лишь намечает тему Воскресения, но она безусловно присутствует в этом романе, и без нее некоторые важные его элементы были бы неоправданны» (Григорьев Д. С. 25).

«Преступление и наказание» характеризуется как нравственно-философский роман, который, по словам О. Н. Осмоловского, «построен на развенчании идеи нравственного нигилизма, философским выражением которой является теория Раскольникова».² Подобная трактовка сформировалась еще в дореволюционное время, но была принята и советским литературоведением.³ С нею связано обсуждение проблемы совести как ключевого вопроса в «Преступлении и наказании»,⁴ получившего освещение также еще в дореволюционной критике (см., например: Орианский. № 11. С. 65). В советский период характерно преобладание этического аспекта этой темы, вне связи с религией (Карякин, 1971. С. 188). Поворот к религиозной трактовке темы про-

---

стоевский и мировая культура, Достоевский и современность, Евангельский текст. Современный обзор зарубежных исследований о проблемах изучения творчества Достоевского содержится в сб.: Д, Материалы и исследования. Т. 20.

¹ Фридендер Г. М. Проблема народа и народности в творчестве Достоевского: (Из неопубликованной статьи) // Д, Материалы и исследования. Т. 16. С. 402.

² Осмоловский О. Н. Из наблюдений над символической типизацией в романе «Преступление и наказание» // Д, Материалы и исследования. Т. 7. С. 84.

³ Введенский Арс. И. Общественное самосознание в русской литературе: Критические очерки. СПб., 1900. С. 191 (глава «Ф. М. Достоевский»); Туган-Барановский М. И. Нравственное мировоззрение Достоевского // О Достоевском, 1881—1931. С. 134; Евнин, 1959. С. 128—172; Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 5; Карякин, 1971. С. 177; Фридендер Г. М. «Преступление и наказание» Достоевского // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом. М., 1978. С. 7.

⁴ Фридендер Г. М. Примечания // Акад. ПСС. Т. 7. С. 337 (7, 487); Миджиферджян Т. В. Греха единичного нет... (наблюдение к композиции романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Декабрьские лит. чт.: Мат-лы науч. конф. (12—15 декабря 1988 г.) / Под ред. Л. М. Мкртчяна. Ереван, 1989. Вып. 2. С. 3—10; Белов С. В. «Не убий» // Байкал. 1981. № 1. С. 127—130; Такахаси С. Проблема совести в романе «Преступление и наказание» // Д, Материалы и исследования. Т. 10. С. 56—62.

исходит в постсоветское время и проявляется, в частности, в работах зарубежных исследователей, получивших возможность быть опубликованными в России. По мысли Д. О. Томпсон, совесть Достоевским понимается «как пречистый образ жизни Христа на земле»,¹ Р. Л. Джексон считает, что «вся идея „Преступления и наказания“ в том, что совесть в человеке — трансцендентальный элемент в его природе» (Джексон. С. 102). По утверждению С. М. Капилупи, «история Раскольникова учит нас тому, что бытие и мысль могут снова и в полноте совпасть только в совести кающегося человека» (Капилупи. С. 124).

Другой подход, согласно которому «Преступление и наказание» понимается как религиозный роман, возникает тоже на рубеже XIX—XX веков, также прерывается в период действия советской идеологии и возрождается в 1990-е годы. Соответственно утверждается, что в этом произведении «впервые явственно сказалась религиозная точка зрения в решении нравственных вопросов» (Глинка. С. 189).² Н. Д. Тамарченко, говоря о «Преступлении и наказании», называет его, наряду с «Войной и миром» Л. Н. Толстого, «достаточно наглядным примером теодицеи» (Тамарченко, 1997. С. 77).

Определяют «Преступление и наказание» и как религиозно-нравственный роман, примером чего могут служить слова Вяч. Иванова, характеризующие взаимосвязь религиозных и этических аспектов романной проблематики: «Так как вина и возмездие суть, прежде всего, понятия нравственной философии, то исследуются они, прежде всего, этически в „Преступлении и Наказании“, чтобы в рамках того же романа быть рассмотренными уже и метафизически; а в эпилоге к роману мы встретили, собственно, и гносеологическое исследование о последних выводах уединенного познания» (Иванов Вяч., 1987. С. 430). Подобного рода трактовки также появляются вновь в постсоветское время.³

В контексте романной поэтики христианская тема представлена на уровне сюжета и композиции произведения, в системе образов и мотивов, в особенностях хронотопа, на лексическом уровне. В «Преступлении и наказании» проявляется «единство противоположностей в комплексе мотивов, образующих основу сюжета» (Тамарченко, 1997. С. 79) и действует принцип сюжетно-композиционного противопоставления ключевых сцен и образов, имеющих нравственно-религиозное значение: «Сцене со Свидригайловым противопоставляется сцена

---

¹ Томпсон Д. О. Проблемы совести в «Преступлении и наказании» // *Евангельский текст*. Вып. 2. С. 365.

² Сходные характеристики см.: Плетнев. С. 174; Шестов Л. О «перерождении убеждений» у Достоевского // *Рус. эмигранты о Достоевском*. С. 246; Фудель, 2005. С. 43.

³ См., например: Пустовойт. С. 82—84; Курьянская Г. Б. Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой: к проблеме религиозно-нравственных исканий // *Рус. лит. XIX в. и христианство*. С. 129.

с Соней, злему ангелу — добрый, „бане с пауками” — воскресение Лазаря» (*Мочульский, 1995. С. 370*).

В научной литературе представлены два подхода к характеристике сюжета романа. Во-первых, это обоснование христианской основы сюжета «Преступления и наказания» (*Абрамович. С. 96; Альтман. С. 56—57; Назиров, 1976. С. 88; Тороп. С. 122*); ряд исследователей (*Аскольдов, 1921. С. 253; Габдуллина, 1998. С. 162; Круглый стол. С. 51; Касаткина, 2005б. С. 238*) отмечает сюжетообразующее значение евангельской притчи о блудном сыне (Лк. 15, 11—32). Во-вторых, это указание на фольклорно-мифологическую основу сюжета и отражение в романе дохристианских мотивов (*Иванов Вяч., 1987. С. 431; Гибиан. С. 228; Тамарченко, 1997. С. 79*).

Концепция героя и образ Раскольникова рассматриваются в более широком контексте творчества: отмечены связи образа Раскольникова с проблематикой письма Достоевского к Н. Д. Фонвизиной 1854 г.; «Записками из Мертвого дома» и темой сверхчеловека; образом подпольного парадоксалиста в контексте «проблемы безграничной свободы»; записями «Маша лежит на столе...», «Социализм и христианство» из рабочих тетрадей 1860-х годов; содержанием романного «пятикнижия»; главами «Влас» из «Дневника писателя» 1873 г., «Приговор» из октябрьского «Дневника писателя» за 1876 г. (*Глинка. С. 212—213; Бердяев. С. 30; Плетнев. С. 162; Мочульский, 1995. С. 314; Труайя А. Достоевский (Главы из книги). «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. № 7. С. 146; Фридендер, 1985. С. 58—59; Амелин, Пильщиков. С. 274; Джексон. С. 16*).

Центральное место в исследовательских работах занимает проблема веры и неверия, которая заключается в определении позиции героя в романе. В критической и научной литературе нет однозначного ответа на вопрос о характере убеждений Раскольникова. По справедливому наблюдению И. И. Лапшина, «Достоевский прекрасно понимал, что деление людей на „верующих” и „неверующих” непригодно для философского анализа религиозных проблем. Он с поразительной проникновенностью оттеняет бесчисленные градации веры и неверия. Прежде всего замечательно то, что его главнейшие атеисты не суть безусловно неверующие».¹ Тем не менее многие авторы определяют Раскольникова как представителя атеистического мировоззрения. В критике XIX века образ героя связывали с темой нигилизма (7, 459, 462, 505, 513, 583). В советское время о неверии Раскольникова писал, в частности, В. Я. Кирпотин, назвав причины «отпадения» героя от Бога: «Раскольников не верит в бога, он возмущен ходом земных дел, но он ищет „утешения”, ищет, пусть ошибочным и преступным путем, справедливости, осуществления идеала» (*Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 216*). Согласно другой точке

¹ Лапшин И. И. Как сложилась легенда о великом инквизиторе // О Достоевском, 1881—1931. С. 379.

зрения, герой не лишен религиозного чувства. Одним из первых в критике об этом сказал Ис. Г. Оршанский, отметив трудность самой проблемы определения убеждений героя (Оршанский. № 11. С. 51). Д. С. Мережковский считал, что «Раскольников неминуемо должен бы погибнуть, если бы в душе его не было скрыто другое начало. Достоевский довел его до момента, когда в нем пробуждается подавленное, но не убитое религиозное чувство» (Мережковский, *Вечные спутники*. С. 187). По мнению С. И. Фуделя, «Раскольников с самого начала показан как больная, но живая душа», что определяет «возможности его будущего покаяния» (Фудель, 2005. С. 45—46. См. также: *Иванов Вяч.*, 1987. С. 431; *Аскольдов*, 1922. С. 12). Сложность проблемы веры и неверия показывает Т. А. Касаткина, по мысли которой, Раскольников — трагический герой именно потому, что он не уверен в небытии Божиим: «Единственный раз, когда Раскольников заявляет свое неверие (Сонечке), он оговаривается: „Да я в Бога-то, может, и не верую“. Отвечая же на вопрос Порфирия, он твердо и уверенно заявляет: „Верую“».¹ Г. Б. Курляндская относит Раскольникова к числу сомневающихся и ищущих истину персонажей Достоевского (Курляндская. С. 286).

В определении теории Раскольникова выделяют понятия «правота» и «своеволие».² Герой, пришедший к отрицанию справедливости божественного мироздания, категорично заявляет о собственной правоте и своем праве на изменение мира. Р. Л. Джексон считает, что подлинная трагедия Раскольникова заключается в отчаянии, испытываемом героем при «ощущении слепой, бессмысленной вселенной, лишённого любви мира, над которым господствует злой дух» (Джексон. С. 148—149, 163). Отмечено бескорыстие самой попытки героя-идеолога изменить мир (см.: *Бахтин*, 1972. С. 146; *Карякин*, 1976. С. 22). Однако в вопросе Раскольникова Соне «А тебе Бог что за это делает?» (6, 278) проявлена расчетливость: справедливость в его восприятии «основана на „мере“, „весе“ и „арифметике“, на идее воздаяния — точного воздаяния {...}».³

Понимание теории Раскольникова как выражения своеволия гордой личности позволяет исследователям говорить о богоборческих мо-

---

¹ Касаткина, 1994. С. 83. См. другие толкования: *Епишев*. С. 92; *Виноградов И. И.* С. 513; *Щукин В. Г.* О петербургском «грунте», пшеничном зерне и Новом Иерусалиме: (Смысловой контекст одного из мотивов «Преступления и наказания») // *Д, Материалы и исследования*. Т. 19. С. 316.

² *Соловьев Вл.* С. 299—300; *Антоний (Храповицкий)*. С. 115—116; *Касаткина Т. А.* О правоте // *Касаткина Т. А.* Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М., 1996. С. 198—199.

³ *Касаткина*, 1994. С. 83; ср.: *Власкин А. П.* Энергия непонимания: Соня Мармеладова и Раскольников // *Достоевский и современность*. Чт. 19 (2004). 2005. С. 72.

тивах в романе и создании образа сверхчеловека.¹ Иустин (Попович) назвал бунт героев Достоевского «логическим следствием человеческой веры в разум» (*Иустин, 1998. С. 45*). По мнению В. Я. Кирпотина, теория Раскольникова определяется оригинальной² идеей, основа которой — «синтез Наполеона и Мессии», в результате чего герой охвачен «стремлением искупить мир при помощи необъятной и деспотической личной власти» (*Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 114, 116*). Позднее В. А. Недзвецкий определил путь Раскольникова как ложное мессианство.³ Знаком ложности теории героя становятся «непредвиденные последствия преступления для окружающих людей» (*Мережковский, Вечные спутники. С. 189*), в том числе и неожиданная жертва преступления Лизавета (*Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 181*). По мысли В. Е. Ветловской, в образе Раскольникова отражены языческие представления: «Герой уподобляется языческому идолу и одновременно — жрецу, готовому ради величия обожествленного кумира (то есть «для себя») принести человеческие жертвы».⁴

В связи с ориентацией сюжета на евангельскую историю о распятии и воскресении в исследованиях о романе появляется соотнесение героя с Христом (*Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 114, 116; Тороп. С. 108; Амелин, Пильщиков. С. 272; Круглый стол. С. 52; Тарасов Ф. Б. Роль Евангелия в художественном творчестве Ф. М. Достоевского // Евангельский текст. Вып. 4. С. 310*). Более точными представляются те оценки, в которых доказывается

---

¹ *Леметр. С. 9—10; Булгаков С. Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Властитель дум. С. 366; Глинка. С. 201; Иванов Вяч., 1987. С. 402; Аскольдов, 1921. С. 254—255; из современных публикаций: Артемьева С. В. Апокалипсис у Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 17. С. 236; Морильяс Ж. Утверждение и отрицание воли к жизни у Раскольникова: А. Шопенгауэр и Ф. М. Достоевский // Достоевский и мировая культура. № 28. С. 96.*

² Напротив, по мнению П. Торопа, теория Раскольникова основана на «чужом слове»: «Чужое слово, которым пропитана теория Раскольникова, делится на две части — одни чужие тексты связаны с темой права выдающейся личности управлять историей и применять насилие (Наполеон III, Т. Карлейль, М. Штирнер), другие вводят тему нравственно-экономическую, сопоставляя личную и общественную пользу (Дж. Милье, Дж. (Иеремия) Бентам). Таким образом, собственные мысли Раскольникова являются в то же время чужими. В результате и следствие теории — преступление — показывает не столько самостоятельность Раскольникова, сколько зависимость от теории» (*Тороп. С. 135*).

³ *Недзвецкий В. А. Мистериальное начало в романе Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 9. С. 47.*

⁴ *Ветловская В. Е. «Арифметическая» теория Раскольникова // Достоевский и мировая культура. № 15. С. 84.*

связь романного повествования с евангельским текстом не через прямое сравнение Раскольникова и Христа в контексте идеи мессианства (фактически допускающее необоснованное отождествление преступника/грешника и Спасителя), а благодаря установлению библейских цитат и аллюзий, свидетельствующих о тематической ориентированности образа Раскольникова на содержание евангельского сюжета в целом: ключевыми для романного героя становятся темы страдания, искупления греха и воскресения, а также мотив крестного пути; именно они, а не идея мессианства, определяют связь этого образа с Христом.

Одну из самых сложных проблем романа, связанных с теорией Раскольникова, представляют тема «рая на земле» («золотого века») и вопрос о Новом Иерусалиме. Тему «золотого века» в творчестве Достоевского принято соотносить с идеями утопического социализма, оказавшими влияние на мировоззрение писателя.¹ Во многих работах ответ Раскольникова на вопрос Порфирия Петровича о вере и Новом Иерусалиме трактуется в контексте этой темы. Б. Н. Тихомиров указывает, как на одно из первых истолкований такого рода, на статью Н. Д. Ахшарумова, появившуюся после публикации романа Достоевского, отмечая, что, «в отличие от истолкований, основанных на строго библейском наполнении образа Нового Иерусалима, здесь оказывается существенно редуцированным, если не снятым вообще, мотив преобразования, необходимости преобразования греховной человеческой природы (...)» (Тихомиров, 2005. С. 244. См. также: Касаткина, 2005б. С. 254; Касаткина, 2007. С. 435; 7, 686—688, коммент. к б, 224).

С. И. Фудель писал, что Достоевскому была свойственна «вера в какое-то духовное благополучие истории человечества, в какую-то

---

¹ Комарович, «Мировая гармония». С. 585, 603—604; Комарович В. Л. Юность Достоевского // Былое. 1924. № 23. С. 3—43; Флоровский Г. В. Религиозные темы Достоевского // О Достоевском. 1881—1931. С. 388; Мочульский, 1995. С. 273; Зеньковский. С. 227; Холшевников, 1970. С. 544; Вагин Е. А. Достоевский: От христианского социализма к социальному христианству // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1981. Т. 14. С. 261—277; Кирпотин, Разочарование Раскольникова. 1986. С. 109—110; Пруцков. 1971. С. 93, 98, 100; Ветловская В. Е. 1) Идеи Великой французской революции в социальных воззрениях молодого Достоевского // Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 282—317; 2) Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф. М. Достоевский // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 224—269; Пономарева Г. Б. «Горнило сомнений». О религиозном опыте Достоевского и его значении // Достоевский и современность. (1991) 1992. Ч. 1. С. 115—121; Кийко Е. И. Белинский и Достоевский об утопическом социализме // Д, Материалы и исследования. Т. 14. С. 234—241; Проскурина Ю. М. К. Н. Леонтьев о религиозных взглядах Ф. М. Достоевского // Рус. лит. XIX в. и христианство. С. 199; Кириллова, 1997. С. 19—21.

будущую победу добра в этом мире», хотя «христианин никак не может верить в духовное благополучие истории и в историческое торжество христианства. Если он верит, то он или лукавит, или не знает Евангелия» (Фудель, 2005. С. 87, 90). Между тем существует и мнение о том, что тема «рая на земле» присуща самому христианству: «Быть может, все содержание истины Христа, столь согласной с истинами всех вдохновенных людей, заключается в Вести Его о мире-радости, о мире в солнце, о красоте...» (Абрамович. С. 154). С. Сальвестрони считает, что «рай на земле», представляемый героями Достоевского, «имеет все характеристики внутреннего опыта, описанного в произведениях Исаака Сирина и Симеона Нового Богослова».¹ На развитии темы сказались интерес Достоевского к древнерусской литературе и, возможно, знакомство с апокрифами, но «легендарно-апокрифический образ „земного рая“ мог войти в сознание писателя и непосредственно из народной среды, от того же „мужика Мареля“ или „Столетней“»: так или иначе, «образ „золотого века“ или „земного рая“, в котором воплотился социальный идеал писателя, нес в себе многое от собственно народных устремлений» (Истомина. С. 17). По словам В. Я. Кирпотина, в теории Раскольникова идея «рая на земле» связана с мечтой о восстановлении справедливости и «обновлении мира», подобно «пророкам или Христу», однако герой «вооружился не пальмовой ветвью, а мечом» (Кирпотин, *Разочарование Раскольникова*, 1986. С. 101).

Развенчание теории Раскольникова представлено через восприятие преступления как пути во зло и формы демонической одержимости героя. Одним из первых это отметил Д. С. Мережковский.² Текстуальное подтверждение этой мысли (вопрос героя: «Соня, (...) это ведь дьявол смущал меня?» — 6, 361) указывает Иустин (Попович), связывая подверженность человека демонической одержимости с проявлением своеволия (Иустин, 1998. С. 102, 107; ср.: Мейер. С. 365). Исследователи также отмечают значение мотива холода как атрибута дьявольской силы, действующей на человека.³ Для данной темы

---

¹ Сальвестрони. С. 17. См. также: Гачева А. Г. Царствие Божие на земле в понимании Ф. М. Достоевского // *Евангельский текст*. Вып. 4. С. 316.

² Мережковский, *Вечные спутники*. С. 185. См. также: Трофимов. С. 175; Ветловская В. Е. Анализ эпического произведения: Логика положений («Тот свет» в «Преступлении и наказании») // *Д. Материалы и исследования*. Т. 14. С. 121; Кори С. Смерть в сюжетном построении романа «Идиот» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 14. С. 135; Ясенский С. Ю. О некоторых особенностях литературного и культурологического контекста романа «Преступление и наказание» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 15. С. 377; Габдуллина, 2012. С. 133—142.

³ Погодин А. Л. От Фурье к св. Серафиму Саровскому: (Эволюция Достоевского) // *Рус. эмигранты о Достоевском*. С. 109; Артемьева С. В. Образы ада в произведениях Ф. М. Достоевского // *Достоев-*

имеет значение агиографическая традиция, в которой присутствует мотив дьявольского искушения (Лебедева, 1976. С. 84; ср.: Тихомиров, 2005. С. 338). Отмечено влияние житийного жанра на творчество Достоевского и русскую литературу нового времени в целом.¹ Т. Б. Истомина (Лебедева) подробно пишет о роли житийной традиции в создании образа Раскольникова, в связи с чем возникает аналогия с последующим творческим замыслом «Жития великого грешника» (Лебедева, 1976. С. 83), которую в контексте проблемы теодицеи рассматривал В. Л. Комарович.² Сходство с житийным повествованием романному сюжету придает не только мотив бесовского искушения, но и характер Раскольникова, однако отличие житийного героя заключается в том, что его личность «создается незыблемостью единой веры — веры в Христа», а в Раскольникове «одновременно, в непримиримом борении живут две „веры“», создающие конфликт сознания (теория героя) и души.³ Преступление Раскольникова исследователи объясняют действием греха гордыни (Кольшко. С. 34; Иустин, 1998. С. 109—111; Трофимов. С. 169). С. Сальвестрони указывает на то, что замысел убийства, возникший у Раскольникова, «основывается на соблазне трех искушений из Евангелия от Луки. Прежде всего это желание „хлебов“, стремление конкретно и быстро разрешить материальные проблемы, которые мучают его и семью. Сильнее этого — искушение „стать Наполеоном“ и „управлять будущим“» (Сальвестрони. С. 45). С темой преступления связан также мотив отчуждения — это чувство герой испытывает после убийства ростовщицы (Аскольдов, 1921. С. 256; Барсотти. С. 21; Чирков, 1967. С. 89; Тарасов, 2012. С. 263). При этом именно «потребность в другом человеке, несмотря на решение отрезать себя от всех других», как указывает Н. А. Натова, «приводит Родиона в убогую комнату Сони, где он заявляет, что приходит „в последний раз“ (6, 271), хотя пришел к ней впервые».⁴ В. Е. Ветловская выделяет в сюжете романа мотив мы-

---

ский и современность. Чт. 19 (2004). 2005. С. 10—11; ср.: Тихомиров Б. Н. Библия, жития святых, народная религиозность: (Цитаты, аллюзии, парафразы) // *Д, Дополнения к комментарию*. С. 146.

¹ Истомина. С. 5—7; Бухаркин П. Е. Православная Церковь и светская литература в Новое время: Основные аспекты проблемы // *Христианство и русская литература*. СПб., 1996. Сб. 2. С. 56.

² Комарович В. Л. Ненаписанная поэма Достоевского // *Сб. Достоевский*, 1. С. 201.

³ Лебедева, 1976. С. 86—87. См. также: Пономарева Г. Б. «Житие великого грешника» Достоевского: (Структура и жанр) // *Исследования по поэтике и стилистике*. Л., 1972. С. 67—68; Дудкин В. В. Философия преступления у Достоевского // *XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества*. М., 2002. С. 134—135.

⁴ Натова. С. 30; ср.: Баршт К. А. «Научите меня любви»: К вопросу о Н. Ф. Федорове и Ф. М. Достоевском // *Простор*. 1989. № 7. С. 163.

тарств души, проявляющийся после совершения Раскольниковым убийства.¹

В научной литературе неоднократно ставился вопрос о проблеме покаяния героя. Распространено мнение о том, что Раскольников не испытывает раскаяния вплоть до эпилога к роману.² Д. С. Мережковский назвал преступление Раскольникова основанным на «теоретической и бескорыстной идее», которая заставляет героя и после преступления «верить в то, что оправдывает его убийство» (*Мережковский, Вечные спутники*. С. 181). Неспособность к раскаянию объясняется раздвоенностью его личности (*Иустин, 1998*. С. 83) и нравственным имморализмом (*Виноградов И. И.* С. 520). С вопросом о раскаянии Раскольникова связана также проблема сердца и разума, которая рассматривается двояко. Преобладает мнение, согласно которому в Раскольникове происходит борьба рационального и сердечного начал. Герой описывается как человек чувствительный и добрый, но поддавшийся воздействию ложной разрушительной идеи, в результате чего разум с его ложной «арифметикой» и сердце вступают в противоборство.³ Другая точка зрения состоит в том, что «головной», теоретический характер преступления не отменяет свободного выбора, сделанного Раскольниковым не только разумом, но и сердцем. В подтверждение ссылаются на слова самого героя («Соня, у меня сердце злое, ты это заметь: этим можно многое объяснить» — б, 358) (*Карякин, 1976*. С. 24). «Сердце» в данном случае должно понимать как «источник доброй и злой воли, чувства и энергии которого формируют общий духовный склад и жизнепонимание личности».⁴

Следующая проблема романного сюжета — воскресение души. В контексте христианских представлений важны две идеи. Во-первых, путь героя к воскресению объясняется не только его личным выбором

---

¹ Ветловская. «Хождение души», 1. С. 102—103. См. также: Ветловская. «Хождение души», 2. С. 144; Касаткина, 2005а. С. 211.

² Антоний (Храповицкий). С. 5; ср.: Туган-Барановский М. И. Нравственное мировоззрение Достоевского // *О Достоевском, 1881—1931*. С. 134; Мочульский, 1995. С. 359; Зеньковский. С. 232; Комарович В. Л. Ненаписанная поэма Достоевского // *Сб. Достоевский, 1*. С. 201. Другие точки зрения см.: Коган, 1996. С. 148—149; Трофимов Е. А. Творческие искания Ф. М. Достоевского 1860-х годов и онтологическая проблематика русской литературы середины XIX века // *Достоевский и мировая культура*. № 4. С. 30; Епишев. С. 92.

³ Оршанский. № 11. С. 59; Гус. С. 323; Холишевников, 1970. С. 549; Ашимбаева. С. 383—384; Буланов А. М. Творчество Достоевского-романиста: проблематика и поэтика: (Художественная феноменология «сердечной жизни»). Волгоград, 2004. С. 37; Фридлендер Г. М. Человек в мире Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 18. С. 430—431.

⁴ Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник»: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М., 2009. С. 538.

между добром и злом, но прежде всего самим присутствием Бога в жизни даже грешной души.¹ Богоприсутствие определяет обращение героя к покаянию и вере и возможность воскресения, которое, таким образом, воспринимается как чудо: «Только чудо может спасти убийцу, и Соня страстно молит о чуде» (Мочульский, 1995. С. 370). Мотив чуда введен в сюжет романа через евангельский рассказ о воскресении Лазаря.² Во-вторых, воскресение — это именно путь к Богу, в сущности, представляющий экзистенциальный опыт. О Соне Мармеладовой сказано, что ей «ведом Бог в Его живом присутствии» (Гуардини. С. 57), но эта мысль важна и для понимания характера Раскольникова. Как замечает И. И. Виноградов, Достоевский выводит героя «на путь не теоретического, а экзистенциального акта — принятия, а не „доказательства” веры».³ Кроме того, для этой темы имеет значение литературная традиция — особенности духовного пути героя исследователи объясняют влиянием житийного жанрового канона: обращение к Богу «после многих испытаний, ошибок и заблуждений», «поворот человека от преступности к святости» (мотив сочинений житийного жанра) определяется как «ситуация, исконно характерная для христианской литературы» (Истомина. С. 8—9).

Не менее значим в романе образ Сони Мармеладовой. В советский период сложилась его социологизированная трактовка. В. Я. Кирпотин, называя героиню «образом дидактическим»,⁴ писал о том, что «ни Раскольников, ни Сонечка Мармеладова не перешли на страницы романа Достоевского со страниц Евангелия», а «Соня стала блудницей вследствие разделения общества на богатых и бедных (...)» (Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 13—14). В настоящее время очевидна связь данного образа с христианской традицией. В истории героини звучат мотивы греха и вины (Гуардини.

---

¹ Зандер Л. А. Тайна добра: (Проблема добра в творчестве Достоевского). Frankfurt am Main, 1960. С. 14.

² Лебедева, 1976. С. 90. См. также: Хоц А. Н. Типология «странного» в художественной системе «Преступления и наказания» // *Д, Материалы и исследования*. Т. 10. С. 38.

³ Виноградов И. И. С. 325; ср.: Меерсон О. Авраам и Исаак — свидетели покаяния Раскольникова // *Достоевский и мировая культура*. № 30. Ч. 2. С. 13.

⁴ Кирпотин, *Разочарование Раскольникова*, 1986. С. 127; ср. с более ранними оценками в духе вульгарного социологизма: Мельников Г. А. Религиозные влияния в русской литературе: Очерки из истории русской художественной литературы XIX и XX в. М., 1933. Гл. 3: Мученик богоискательства (Ф. Достоевский). С. 21; Кудрявцев Ю. Г. Бунт или религия: (О мировоззрении Ф. М. Достоевского). М., 1969. С. 151—152. См. также: Луначарский А. В. Достоевский как художник и мыслитель // *О Достоевском, 1881—1931*. С. 234—242; Фриче В. М. Ф. М. Достоевский // *О Достоевском, 1881—1931*. С. 243—245.

С. 53; *Курляндская*. С. 149), но вместе с тем в ней, как и в евангельском рассказе о Лазаре, символически отражена мысль о воскресении души (*Касаткина, 2005а*. С. 210).

В характере Сони подчеркивается материнское начало (в том числе имеется в виду буквальное выполнение материнских функций по отношению к другим героям¹), которое связано с христианскими представлениями о святости. Эта мысль была высказана, в частности, Д. С. Мережковским: «Соня — преступница, но в ней есть и святая, как в Дуне есть мученица, в Раскольникове — подвижник. Недаром каторжники в Сибири смотрели на Соню как на мать, как на спасительницу; она является им в ореоле почти сверхъестественной красоты, бледная, слабая, кроткая, с голубыми, тихими глазами».² Отношение каторжников к Соне объяснялось также ее близостью к народу (*Чирков, 1967*. С. 107). Современные исследователи выделяют мифологические и сакральные смыслы в определениях «мать», «матушка», обращенных к героине, соотнося этот образ с «культом Матери-Земли, являющимся частью русского национального самосознания»,³ народными представлениями о Богородице⁴ и с образами жен-мироносиц из евангельской истории распятия и воскресения Христа (*Серопян*. С. 170—171), значимой в целом для романного сюжета и обретающей особое звучание в эпилоге, действие которого развивается в пасхальные дни.

Р. Г. Назиров считал, что «Преступление и наказание» «пронизано раннехристианскими ассоциациями» (*Назиров, 1974*. С. 207), и с

---

¹ *Иванов В. В.* Материнская основа диалога Сони Мармеладовой и Раскольникова // *Достоевский и современность*. Чт. 21 (2006). 2007. С. 133.

² *Мережковский*. *Вечные спутники*. С. 191; ср.: *Абрамович*. С. 60—61; *Барсотти*. С. 48, 153; *Лебедева, 1976*. С. 88; *Осмоловский О. Н.* Из наблюдений над символической типизацией в романе «Преступление и наказание» // *Д, Материалы и исследования*. Т. 7. С. 87. Образ героини характеризуется детскостью, которая, с христианской точки зрения, также есть свидетельство святости (*Гуардини*. С. 47, 49; *Накамура К.* Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / Пер. с яп. А. Н. Меццержакова. СПб., 2011. С. 183). Отмечено, кроме того, что Соня фактически выполняет по отношению к Раскольникову «священнические» функции: «...святая в душе, она сумеет утешить и воодушевить его. Такого именно исповедника ему и надо (...)» (*Леметр*. С. 14; ср.: *Круглый стол*. С. 46; *Касаткина, 2005б*. С. 256).

³ *Черненко Т. Ю.* Мифологические основы образа Сони Мармеладовой в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века*. М., 1997. С. 137.

⁴ *Трофимов Е. А.* Творческие искания Ф. М. Достоевского 1860-х годов и онтологическая проблематика русской литературы середины XIX века // *Достоевский и мировая культура*. № 4. С. 30; *Касаткина, 1996*. С. 70.

образом святой соотносил сестру Раскольникова Дуню (Там же; ср.: Тихомиров, 2005. С. 380). С мучеником за веру сравнивается Раскольников (Тихомиров, 2005. С. 370); мотив святости рассматривается и применительно к образу Лизаветы (Касаткина, 2005б. С. 245). По мнению Б. Н. Тихомирова, Соню, Лизавету и невесту Свидригайлова объединяет мотив юродства, которое определяется как «предел забвения „самости“» (Тихомиров, 2005. С. 383—384. См. также: Альтман. С. 176—178).

Кроме того, образ Сони признан христоподобным.¹ Важна при этом его связь с народными духовными ценностями. Т. Б. Истомина (Лебедева) указывает на то, что Соня, движимая состраданием к Раскольникову, «выступает в роли, аналогичной роли „всепрощающего“ Христа в апокрифах о распятом разбойнике. Право прощать и направлять на истинный путь куплено ею дорогой ценой собственных страданий».² В связи с отражением в романских образах народных религиозно-этических представлений некоторые исследователи говорят о значении почвеннических идей, имея в виду «исповедь земле» (К. Итокава) и «„почвеннические“ тенденции» в образах Разумихина и Порфирия Петровича — «прежде всего в требовании национальной самобытности, в осуждении „современного человека“, предавшего забвению народные истоки русской культуры, подобно Раскольникову забывшего истонные религиозно-нравственные представления народа, его глубинные настроения» (Г. Б. Курляндская).³ Центральной для понимания образа Сони Мармеладовой становится тема сострадания и любви: Раскольникову, по мнению А. М. Бухарева, послана в лице Сони «любовь состраждущая».⁴ Исследователи подчеркивают характер воздействия Сони на Раскольникова, основанного не на доводах логики, а на велении сердца (Головин. С. 324; Аскольдов, 1921. С. 256; Пруц-

---

¹ *Абрамович. С. 122.* См. также: *Алексеев А. А. Христианские основы эстетики Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский и национальная культура / Под ред. Г. К. Щенникова. Челябинск, 1996. Вып. 2. С. 14; Ключ Э. Образ Христа у Достоевского и Ницше // Достоевский в конце XX века. С. 474.*

² *Лебедева. 1977. С. 27—28;* ср.: *Михнюкевич В. А. Ф. М. Достоевский и национальная христианская культура // Ф. М. Достоевский и национальная культура / Под ред. Г. К. Щенникова. Челябинск, 1996. Вып. 2. С. 125.*

³ *Итокава К. Почвенничество в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и современность. Чт. 20 (2005). 2006. С. 183; Курляндская. С. 277—278.*

⁴ *Бухарев. С. 240.* См. также: *Миллер, Публ. лекции. С. 63; Щенников Г. К. Принципы детерминации характера в философском романе Ф. М. Достоевского (Роман «Преступление и наказание») // Русская литература 1870—1890 годов. Свердловск, 1982. С. 13; Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // *Евангельский текст.* Вып. 2. С. 30.*

ков, 1971. С. 93; Иванов В. В. Исихазм и поэтика косноязычия у Достоевского // *Евангельский текст*. Вып. 2. С. 323); при этом Соня рассматривается как воплощение духовной силы (*Гуардини*. С. 49; *Барсотти*. С. 44; *Курляндская*. С. 147—148), которой центральный герой романа не наделен (*Лотман Л. М.*, 1974. С. 184).

Объединяет героев тема милосердия к грешникам. Для Достоевского, как писал Г. В. Флоровский, никогда «не закрывался образ Божий в человеке».¹ В развитии этой темы видится влияние апокрифов — прежде всего, «Хождения Богородицы по мукам», содержание которого определяется идеей «безграничной жалости к страдающим, не мирящейся с тем, чтобы даже самые ужасные грешники мучились бесконечно» (по мысли О. фон Шульца, данная идея связана также с богословскими взглядами Оригена и Григория Нисского).² Тема милосердия в подобном истолковании становится темой всепрощения (*Лебедева*, 1977. С. 27). Следует говорить о субъективном понимании Достоевским содержания апокрифа «Хождение Богородицы по мукам», на что указала В. Е. Ветловская: как известно, в тексте апокрифа Богородица уступает Христу в Его стремлении осуществить суд над грешниками, не желая увидеть второе распятие, — Достоевский этот сюжет переосмысливает в духе всепрощающей любви.³

Идея «конечного всеобщего спасения» объясняется также значением для писателя евангельского текста, о чем пишут Е. Г. Новикова

---

¹ Флоровский Г. В. Религиозные темы Достоевского // *О Достоевском*. 1881—1931. С. 389; ср.: Мережковский, *Вечные спутники*. С. 194; Головин. С. 326; Радонежский А. А. Очерк истории русской литературы. СПб., 1899. С. 441 (Глава «Достоевский»); Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма: (К 50-летию дня смерти Достоевского) // *Рус. эмигранты о Достоевском*. С. 201.

² Шульц О., фон. Русский Христос // *Евангельский текст*. Вып. 2. С. 34.

³ Ветловская В. Е. Апокриф «Хождение Богородицы по мукам» в «Братьях Карамазовых» Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. № 11. С. 35. О публикациях апокрифа, вышедших в 1850—1860-е годы, см.: Ветловская В. Е. Достоевский и поэтический мир Древней Руси: (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых») // *ТОДРА*. Л., 1974. Т. 28. С. 298—299. По мнению исследователя, «замечания о распространности „Хождения“ в Древней Руси, близости этого апокрифа каким-то существенным моментам народного мирозерцания (о чем свидетельствует усвоение апокрифа народным стихом) имели для Достоевского серьезное значение», так как и в «Братьях Карамазовых», и в более ранних романах — «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах», «Подростке» — «Достоевский стремился ориентироваться не просто на христианскую сумму идей, но на их народную адаптацию» (Там же. С. 300). См. также: Тоичкина А. В. Тема ада в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // *Достоевский и мировая культура*. № 23. С. 43.

и Б. Н. Тихомиров, интерпретируя слова из исповеди Мармеладова о Втором пришествии Христа и Страшном суде. В речи Мармеладова появляются апокалипсические эсхатологические мотивы, но писатель, по мысли Е. Г. Новиковой, «предлагает свою интерпретацию Откровения и организует ее с помощью других христианских текстов — Нагорной проповеди и Евангелия от Луки». Отвечая на вопрос, «будут ли грешники „образа звериного и печати его” прощены, или сбудется пророчество Апокалипсиса о том, что им уготован ад, „вино ярости Божией”, мучения „в огне и сере”», Достоевский дополняет мотивы Апокалипсиса цитатами из «Нагорной проповеди, Молитвы Господней, а также стихом 47 главы 7 Евангелия от Луки, в котором говорится именно о прощении грехов».¹

Главные образы романа — Раскольников и Соня Мармеладова — часть более сложной системы персонажей произведения, для понимания которой также имеют значение христианские идеи. Сложилась традиция со- и противопоставления героев «Преступления и наказания».² В романе играет важную роль мотив двойничества (Бахтин, 1972. С. 149). Ю. Ф. Карякин назвал двойниками Раскольникова, Свидригайлова и Лужина (Карякин, 1971. С. 178.³ См. также: Барсотти. С. 54; Мейер. С. 29, 393), Т. В. Миджиферджян — Свидригайлова и Порфирия Петровича.⁴ Т. А. Касаткина считает, что Свидригайлов «не один из „двойников” Раскольникова, а своего рода второй, теневой, герой романа».⁵ «Эмоциональным двойником» Раскольникова признается Катерина Ивановна, которая, как и

---

¹ Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: Евангельский текст и художественный контекст. Томск, 1999. С. 99. См. также: Тихомиров, 2005. С. 79—81.

² Миллер, Публ. лекции. С. 63—64; Леметр. С. 14; Фридендер. С. 183; Карякин, 1971. С. 182; Тихомиров, 2005. С. 25; Ветловская, «Хождение души», 2. С. 147; Борисова В. В. «Братья и сестры» в романе «Преступление и наказание»: Поэтика образов // Достоевский и мировая культура. № 27. С. 170.

³ Ср.: «Между Раскольниковым, Лужиным и Свидригайловым, ненавидящими, боящимися и презирающими друг друга, — действительно есть „общая точка”. Это — „возлюби прежде всего одного себя”. Это — „я и сам хочу жить, а то лучше уж и не жить”. Это — „все позволено”. Это — „арифметика”, „кровь по совести”, „приглашение к убийству» (Карякин, 1976. С. 39). См. также: Тусичишный А. П. Пародия в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. № 25. С. 279.

⁴ Миджиферджян Т. В. Раскольников — Свидригайлов — Порфирий Петрович: поединок сознаний // Д, Материалы и исследования. Т. 7. С. 67.

⁵ Касаткина, 2007. С. 427. См. также: Касаткина, 2005а. С. 215; Манолакев Х. Сюжет Свидригайлова: текст и контекст // Достоевский и мировая культура. № 22. С. 156—186.

главный герой, страдает от убежденности в своей правоте и несовершенности мироустройства и «хочет справедливости немедленно и во что бы то ни стало» (Касаткина, 1994. С. 83. См. также: Чирков, 1967. С. 96—98). Г. А. Мейер соотносил образы Сони и Свидригайлова как прямо противоположные по их отношению к главному герою: «Миссия Сони, свыше ей данная, — спасти Раскольникова от духовной гибели; предназначение Свидригайлова утвердить идейного убийцу в нераскаянности».¹ В развенчании теории героя немаловажную роль играют Порфирий Петрович и Свидригайлов (Ветловская, «Хождение души», 2. С. 150). Образ следователя в романе выполняет особую сюжетно-композиционную функцию: именно после вопросов Порфирия Петровича о вере и Новом Иерусалиме Раскольников отправляется к Соне Мармеладовой и просит ее прочесть евангельский рассказ о воскресении Лазаря, на что указал П. Тороп.² Кроме того, в образе Порфирия, соотнесенном с мотивом мытарств души, подчеркиваются «инфернальные „корни“ («полишинель», «буффон», т. е. шут, нечисть) (...) Вид Порфирия, роднящий его с дьяволом, ясно указывает на то, что важнейший грех Раскольникова, который сказался в его преступлении и за который его немилосердно казнят, — грех сатанинской гордыни, богоборчество (...)» (Ветловская, «Хождение души», 2. С. 158—160).

Сопоставление Раскольникова и Миколки указывает на связь главного героя с раскольниковством (Альтман. С. 41—42, 193) и значение идеи «страдание принять»,³ которая согласуется с суждениями, изложенными Достоевским в черновиках («Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием...» — 7, 197).⁴ В романе раскрывается мысль о том, что «все за всех виноваты, что есть только одно истин-

---

¹ Мейер. С. 268; Холшевников, 1970. С. 552; ср.: Поддубная Р. Н. Этические функции образа Сони Мармеладовой и их художественное обоснование в структуре Преступления и наказания // *Studia Rossica Posnaniensia. Poznań*, 1976. Z. 7. S. 33—34; Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб., 1997. С. 47; Трофимов. С. 167—168.

² Тороп. С. 107—108. Позднее на этот факт обращают внимание: Натова. С. 30; Сальвестрони. С. 38—39; Тихомиров, 2005. С. 224; Тоичкина А. В. Malbrough s'en va-t-en guerre...: (Тема воскресения в «Преступлении и наказании») // *Д. Материалы и исследования*. Т. 17. С. 242.

³ Фридендер Г. М. Человек в мире Достоевского // *Д. Материалы и исследования*. Т. 18. С. 431; Натова. С. 30. См. также: Белопольский В. Н. Достоевский и философская мысль его эпохи: Концепция человека. Ростов н/Д., 1987. С. 55.

⁴ Васильева Е. Н. Кто такой Миколка? (К теме раскола в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // *Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока: История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи*. Владивосток, 2000. С. 157.

ное отношение к греху ближнего — это взять его грех на себя, взять его преступление и вину на себя — хотя бы на время понести его бремя, чтобы он не пал в отчаянии от непосильной ноши, но увидел руку помощи и дорогу воскресения» (Касаткина, 2005а. С. 207). Не случайно поэтому общность героев в финале (Касаткина, 1996. С. 81). По утверждению Вяч. Иванова, Достоевский в романе «Преступление и наказание» приблизился к «идее богоносной соборности».¹

Отдельный вопрос — анализ образа Свидригайлова, занимающего большее пространство в романе по сравнению с другими «двойниками» главного героя. По мнению Р. Л. Джексона, у Свидригайлова, «возможно, находятся ключи к центральным проблемам романа (...)».² Отмечена парадоксальность этого героя, сочетание в нем противоположных качеств, добра и зла (Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 207. См. также: Чирков, 1967. С. 101). Д. С. Мережковский считал эту противоречивость присущей в целом человеческой натуре (Мережковский, Вечные спутники. С. 193). Н. Я. Абрамович видел в Свидригайлове трагическую фигуру, ставшую воплощением «кощунственного раздвоения» души (Абрамович. С. 24). Именно через образ Свидригайлова вводятся в роман темы безверия и демонизма.³ Подчеркнута связь образа с темой смерти⁴ и мотивом страстей, через которые грех входит в душу человека и умерщвляет ее.⁵ П. Тороп, позднее Т. А. Касаткина и Б. Н. Тихомиров, указывают на языческую (дохристианскую) основу образа Свидригайлова.⁶

В связи с противоречивостью образа Свидригайлова имеет значение проблема воздаяния, т. е. вопрос о посмертной участи героя, о его «вечности». В. Е. Ветловская возводит «образ вечности в виде дере-

---

¹ Иванов Вяч. Экскурс: Основной миф в романе «Бесы» // Иванов Вяч., 1987. С. 440.

² Джексон Р. Л. Завещание Достоевского: (Лекция, прочитанная на филологическом факультете МГУ 17 янв. 1994 г.) / Пер. с англ. Т. В. Бузиной // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1994. № 4. С. 7.

³ Бердяев Н. А. Великий инквизитор // Властитель дум. С. 331; Мейер. С. 29, 464; Карякин, 1976. С. 37; Лебедева, 1976. С. 92; Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 216.

⁴ Ветловская, «Хождение души», 2. С. 153; Сальвестрони. С. 45; Владимирцев В. П. Поэтический бестиарий // Владимирцев В. П. Достоевский народный: Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура. Статьи. Очерки. Этюды. Иркутск, 2007. С. 308.

⁵ Кори С. Смерть в сюжетном построении романа «Идиот» // Д. Материалы и исследования. Т. 14. С. 132—133; Морильяс Ж. Утверждение и отрицание воли к жизни у Раскольникова: А. Шопенгауэр и Ф. М. Достоевский // Достоевский и мировая культура. № 28. С. 90.

⁶ Тороп. С. 121, 123, 148; Касаткина, 2005а. С. 227; Касаткина, 2007. С. 427—430; Тихомиров, 2005. С. 396—399; Тихомиров Б. Н. Академический комментарий: цели, задачи, принципы // Достоевский и мировая культура. № 24. С. 121—122.

венской баньки с пауками» к содержанию сказки В. Ф. Одоевского «Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жок» (Ветловская, «Хождение души», 2. С. 155). В этом образе видят также символическое определение ада.¹ Вместе с тем двойственность поступков Свидригайлова, его равнозначная способность к добру и злу позволяют, по мнению Т. А. Касаткиной, соотнести данного героя с образом «благодетельного блудника, традиционно изображаемого на иконах Страшного Суда привязанным к столбу между раем и адом» (Касаткина, 2007. С. 435—436).²

Достоевский наделяет многих романых героев говорящими именами, большая часть которых расшифровывается посредством обращения к христианской традиции.³ Подробно изучена символика фамилии

---

¹ Джексон. С. 79; Артемьева С. В. Образы ада в произведениях Ф. М. Достоевского // *Достоевский и современность*. Чт. 19 (2004). 2005. С. 14; Ветловская, «Хождение души», 2. С. 156; Касаткина Т. А. «Записки из Мертвого дома»: сцена в бане и ее иконописный первообраз. Образ Исая Фомича // *Достоевский и современность*. Чт. 21 (2006). 2007. С. 143; Тоичкина А. В. Тема ада в романе Достоевского «Братья Карамазовы». С. 42.

² Говоря о символике иконы в развитии художественных идей писателя, Т. А. Касаткина указывает также на значение иконы «Споручница грешных», содержание которой выражает идею заступничества и «благодатной любви» Богородицы к «грешному роду человеческому» и важно, по ее мнению, в контексте романной проблематики, а особенно эпилога (Касаткина, 1996. С. 73, 75; ср.: Трофимов. С. 181). Г. Боград отмечает параллели между символическими характеристиками пространства в романе и образами византийской иконографии (имеются в виду иконы, изображающие воскрешаемого Христом Лазаря, а также иконы на сюжет «Лестницы» Иоанна Лествичника) (Боград Г. Метафизическое пространство и православная символика как основа мест обитания героев романа «Преступление и наказание» // *Д. Дополнения к комментарию*. С. 194—196). Л. В. Сыроватко анализирует иконографию сюжета «Искушения Христовы» в связи с образом Раскольникова (Сыроватко Л. В. Фотодосия у Достоевского. Светопись «великого пятикнижия»: общий очерк // *Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя* / Под ред. С. Алёз. СПб., 2012. С. 387—391).

³ Иустин, 1998. С. 109; Барсотти. С. 47; Гибиан. С. 239—240; Альтман; Игэта С. Славянский фольклор в произведениях Ф. М. Достоевского — «Земля» у Достоевского: «Мать сыра земля» — «Богородица» — «София» // *Comparative and Contrastive Studies in Slavic Languages and Literatures: Japanese Contribution to the Ninth International Congress of Slavists*. Kiev, September 7—13, 1983 / Ed. by Shoichi Kimura. Tokyo, 1983. P. 75—87; Медведев. С. 161; Касаткина Т. А. Софиология Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. № 17. С. 73; Касаткина, 2005б. С. 236—237, 241; Тихомиров, 2005. С. 54—

семейства Капернауумовых, в квартире которых пересекаются пути центральных героев романа,¹ — основные символические смыслы, заложенные в данном именовании, связаны с идеями покаяния и прощения грехов, исцеления и обретения веры (см.: 7, 619—621, коммент. к 6, 19).

Кульминацией сюжета признается сцена чтения Нового Завета, которая «отражает религиозную окраску нравственных идеалов Достоевского» (Фридлендер. С. 188) и имеет автобиографическую основу: «Достоевский описывает в романе „Преступление и наказание” тот самый экземпляр Евангелия, который был ему подарен в 1850 г. в Тобольске на пересыльном дворе женами декабристов» (Коган, 1996. С. 147; см.: 7, 701—702, коммент. к 6, 278). Об истории появления сцены высказывались разные мнения. Г. Ф. Коган согласилась с предположением Дж. Гибiana (Гибiana. С. 236) о том, что этот эпизод появился в окончательном тексте романа вместо задуманного в черновиках «Видения Христа», но подчеркнула, что обе сцены могли существовать «в сознании писателя при создании романа с самого начала» (Коган, 1996. С. 150). По мнению Т. Б. Истоминой (Лебедевой), писатель отказался вводить в роман образ Христа, потому что «открытое привнесение мистического элемента в „современнейшее” для 60-х годов произведение нарушило бы внутреннюю логику развития действия в нем».² П. Тороп считает сознательной художественной установкой автора на имплицитность представления истории Христа (Тороп. С. 107). Для сцены важна метафора «книга — храм»: чтение становится символической формой введения героя в храм Божий, попыткой

56, 81, 90; Ветловская, «Хождение души», 2. С. 145; Серопян. С. 167; Габдуллина, 2012. С. 140; Белопольский В. Н. Достоевский и «западный раскол»: генезис и семантика фамилии главного героя романа «Преступление и наказание» (дополнение к комментарию) // *Достоевский и мировая культура*. № 30. Ч. I. С. 286—291; Капицули. С. 116.

¹ Мейер. С. 263; Плетнев. С. 174—175; Кирпотин. *Разочарование Раскольникова*, 1986. С. 155; Альтман. С. 55—56; Лебедева, 1977. С. 26; Иванов В. В. Исихазм и поэтика косноязычия у Достоевского // *Евангельский текст*. Вып. 2. С. 323; Тихомиров, 2005. С. 76—77; Боград Г. Метафизическое пространство и православная символика как основа мест обитания героев романа «Преступление и наказание» // *Д. Дополнения к комментарию*. С. 189; Касаткина, 2005а. С. 227; Березкина, 2013б.

² Лебедева, 1976. С. 95. О черновой стадии работы Достоевского над романом см.: Мочульский, 1995. С. 357—361; Фридлендер. С. 137, 140, 169—172; Карякин, 1976. С. 124—129; Амелин, Пильщиков. С. 276—277; Медведев. С. 168—170; Тихомиров Б. Н. К осмыслению глубинной перспективы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Достоевский в конце XX века*. С. 251—269; Тихомиров, 2005. С. 79—80; Березкина, 2013а. С. 16—25.

вернуть его к Богу.¹ Принято говорить об адресованности прочитанного Соней евангельского текста Раскольникову,² но указанная сцена имеет не меньшее значение для самой героини (*Сальвестрони*. С. 42). Справедливо замечание о том, что смысл евангельских строк не сразу воспринят Раскольниковым: «Чтение Евангелия вызывает взрыв дьявольской гордыни» (*Мочульский*, 1995. С. 371). Центральное место в сцене занимает символическое соотнесение Раскольникова и Лазаря.³ Одна из первых оценок такого рода принадлежит А. М. Бухареву.⁴

Темы крестного страдания и искупления грехов связаны с образом креста и мотивом покаяния (посестримства Сони и Лизаветы) (*Барсотти*. С. 45—46; *Гибиан*. С. 236; *Лебедева*, 1976. С. 93; *Истомина*. С. 14; *Натова*. С. 30—32; *Тихомиров*, 2005. С. 342). В контексте развития романной коллизии важен также мотив отсутствия воздуха. Г. Ф. Коган назвала основой этого мотива публикации журнала «Время» — в частности, обзор А. У. Порецкого «Наши домашние дела. Современные заметки» (*Вр.* 1862. № 1. С. 37—60), посвященное полемике с газетой «День», которая писала о необходимости свежего воздуха и об отказе от «отвлеченных доктрин».⁵ Г. М. Фридендер, со ссылкой на В. В. Данилова, указал, что многие подробности бытописания петербургской жизни, мотив невыносимой жары и удушья и др. — обычные темы фелетонных публикаций 1860-х годов, отражавшие реалии того времени,⁶ но вместе с тем связанные с характеристикой «душевного состояния героев» (*Фридендер*. С. 200). Психологическое значение данного мотива подчеркивал

---

¹ *Иванов В. В.* «Вопрошание идеального образа» как поэтический принцип христороцентризма у Ф. М. Достоевского // *Евангельский текст*. Вып. 4. С. 329.

² *Натова*. С. 31. См. также: *Кириллова И. А.* Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна // *Достоевский в конце XX века*. С. 55; *Кириллова*, 1997. С. 24.

³ Г. Ф. Коган отмечает, что «замысел Достоевского о нравственном воскресении и исцелении Раскольникова связан не только с историей о воскресении Лазаря, но и с другим чудом Иисуса — исцелением сына царедворца (...)», описанным в Евангелии от Иоанна (Ин. 4, 46—54) (*Коган*, 1996. С. 148).

⁴ *Бухарев*. С. 240. См. также: *Тороп*. С. 98—99; *Касаткина*, 2005б. С. 248; *Тихомиров*, 2005. С. 295—297.

⁵ *Коган Г. В.* К истории замысла романа «Преступление и наказание» (по одному из забытых мемуарных источников) // *Достоевский и современность*. (1991) 1992. Ч. 2. С. 77. См. также: *Солянкина О. Н.* Мотив свежего воздуха и духовное возрождение Раскольникова в романе «Преступление и наказание» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2014. № 11 (41): В 2-х ч. Ч. 2. С. 183—187.

⁶ *Фридендер*. С. 139. Имеется в виду: *Данилов*. С. 249—263.

Дж. Гибиан.¹ Современные исследователи видят в мотиве отсутствия воздуха метафизическую и символическую основу, соотношенность с «хтонической, сатанинской, адской, смертной, греховной сферой»: в романе Достоевского эта «негативная коннотация заявляется в „семантическом поле“ скверных запахов лексемой „смердит“, введенной в текст „Преступления и наказания“ как часть цитаты из евангельского рассказа о воскресшем Лазаре»² (см.: 6, 281; 7, 725—726, коммент. к 6, 379).

Особая роль в повествовании отводится снам главного героя. По мнению Т. А. Касаткиной, все они «связаны между собою в систему на символическом уровне понимания смысла романа.³ В. Н. Захаров считает сны формой «исцеления одержимого своей идеей Раскольникова».⁴ Сон о савраске вызывает в герое отвращение к мысли о задуманном убийстве, а также передает ощущение богооставленности человека, бессмысленности жизни, полной зла и страдания (Касаткина, 1994. С. 83; ср.: Викторович В. А. Paideia от Достоевского // *Sub specie tolerantiae*. С. 106). Сон об оазисе («греза о чистой воде») связывали с содержанием стихотворения М. Ю. Лермонтова «Три пальмы»,⁵ девятого стихотворения из «Подражаний Корану» А. С. Пушкина,⁶ псалма 41 (41, 2) (Епишев. С. 93—94), а также соотносили с мотивом жажды (ср. с романной темой «духоты»), восходящим к биб-

---

¹ Гибиан. С. 235; ср.: Кожин В. В. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 121.

² Неминуций А. Н. «Воздуху пропустить, свежего!» («Пятикнижие» Достоевского sub specie ольфакции) // *Достоевский и современность*. Чт. 20 (2005). 2006. С. 225—226; ср.: Касаткина, 2005б. С. 240; Зыховская Н. Л. Ольфакторная поэтика: запахи в художественных текстах. Челябинск, 2011. С. 28—29, 60, 94—95.

³ Касаткина, 2005а. С. 208. См. также: Карякин, 1976. С. 131—132; Гороп. С. 94; Иванов В. В. О евангельском смысле метафоры сна в оде А. С. Пушкина «Пророк» и романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» // *Евангельский текст*. Вып. 3. С. 353.

⁴ Захаров В. Н. Символика христианского календаря в поэтике Достоевского // Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики: Этнологические аспекты. М., 2012. С. 136. См. также: Симидзу Т. Двойники Раскольникова и Ивана Карамазова // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М., 2002. С. 216.

⁵ Назиров, 1976. С. 94—95. См. также: Касаткина, 2005а. С. 215; Тихомиров, 2005. С. 124—125.

⁶ Борисова В. В. Синтетизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф. М. Достоевского (Библия и Коран) // Творчество Ф. М. Достоевского. Искусство синтеза. Екатеринбург, 1991. С. 72—73; ср.: Краснова Г. А. Страны и народы в художественном космосе Ф. М. Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. № 10. С. 80—81.

лейскому тексту, в котором «вода отождествляется с Божественным Словом. Иисусом Христом сказано: „кто жаждет, иди ко Мне и пей” (Ин. 7: 37), „кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную” (Ин. 4: 14)» — в этом контексте жажда, которую испытывает герой во сне, истолковывается как «томление духа во гробе, томление по живой жизни».¹ Сон из эпилога рассматривается в разных аспектах. Реальная основа сна обусловлена газетными сообщениями 1865—1866 гг. о «микроскопических существах-трихинах и о повальной болезни, причиняемой ими, в Европе и в России» (Коган, 1996. С. 152). Сон Раскольникова связан с темой своеволия и, как следствие, обособления человека — здесь изображено состояние, когда «каждый самозаконодатель» (Бухарев. С. 242). Кроме того, сон истолковывается как начало подлинного осознания героем содеянного (Фудель, 2005. С. 47). При этом важен масштаб видения, в котором показаны последствия человеческого своеволия для всего хода истории (Аскольдов, 1921. С. 263).

В сне из эпилога отражены апокалипсические представления.² Композиционно сон становится своего рода отзвуком начальной сцены романа — «видения» Мармеладова о Страшном суде, и «эти два совершенно различных пророчества о конце мира, два „апокалипсиса” могут быть рассмотрены и поняты лишь в кругу эсхатологических христианских представлений» (Лебедева, 1976. С. 96). Значение кольцевой композиции также в том, что роман открывается темой прощания грешников и завершается мыслью о перерождении героя и начале новой жизни (Серопян. С. 174—175). В последнем сне Раскольникова выделяют ветхозаветный подтекст (Тороп. С. 146; Якубович, 2005. С. 52; Тихомиров, 2005. С. 432—433). Мотивы этого сна связывают также с содержанием духовных стихов³ (о последнем сне Раскольникова см.: 7, 749—752, коммент. к 6, 470—471).

Эпилог романа, привлечший повышенное внимание критиков и исследователей, вызвал двойственные оценки. О. Ф. Миллер, говоря о последнем сне Раскольникова, считал его «решитительно отрывающимся придуманностью».⁴ Кроме того, споры вызвал вопрос о возрождении Раскольникова. По мысли Н. Н. Страхова, воскресение героя «рассказано в слишком общих чертах, и сам автор говорит, что оно отно-

¹ Кустовская М. А. «Воздух» и «вода» как символы «живой жизни» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Достоевский и современность*. Чт. 22 (2007). 2008. С. 135.

² Плетнев. С. 177—178; Гибан. С. 238—239; ср.: Борисова В. В. Синтетизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 73—74.

³ Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск, 1994. С. 113; Тихомиров, 2005. С. 436—437.

⁴ Миллер. Публ. лекции. С. 65.

сится не к этой истории, а к новой, к истории обновления и перерождения человека». ¹ В советское время к такого рода оценкам прибавляется осуждение героя в духе социологизма, связанное с неприятием христианских идей произведения (Холшевников, 1970. С. 553; Гус. С. 325—326, 333; Кирпотин, *Разочарование Раскольников*, 1986. С. 405). Ю. Ф. Карякин обратил внимание на то, что Раскольников «„так и не раскрыл” Евангелия, переданного ему Соней», и, по мнению исследователя, эпилог романа свидетельствует не столько о христианском разрешении темы, сколько о нравственно-духовном: «Достоевский очень хотел сказать: „Их воскресил бог”. Но этого — нет. Он сказал: „Их воскресила любовь”. Это — есть» (Карякин, 1976. С. 82). Исследователь также указал на автобиографическое звучание эпилога, напоминая, что сама тема любви и светлая тональность романного финала могут быть связаны с обстоятельствами создания произведения — именно в это время зарождаются отношения писателя с А. Г. Сниткиной (Там же. С. 106—107). Существует иное объяснение: по мнению К. Кроо, герой не раскрывает Евангелие, потому что, находясь в поисках «нового слова», «его он сам созидает в душе, лично, и не по буквам, взятым из Писания». ²

«Критическую оценку» эпилога объясняют «невнимательным отношением к той стороне романа, которая раскрывается лишь на символическом уровне» (Гибан. С. 238). Т. Б. Истомина (Лебедева) назвала финал «Преступления и наказания» «эпически открытым», подобно житийному повествованию, так как «путь Раскольникова — путь страданий, ошибок и искупления — снова и снова будет повторяться людьми» (Истомина. С. 11—12). Особое значение в эпилоге придают сцене на берегу Иртыша, ³ в которой упоминается ветхозаветный образ Авраама. Вяч. Иванов видел в этом эпизоде проявление мифологической символики (Иванов Вяч., 1987. С. 434). Эта сцена определяется также как символ происходящего в душе Раскольникова переворота: герой «больше не сознает себя оторванным от людей и — шире (благодаря упоминанию об Аврааме) — от человечества в его прошлом и настоящем». ⁴

---

¹ Страхов Н. Н. Наша изящная словесность. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. Ф. М. Достоевского. Издание исправленное. Два тома. Петербург. 1867. Статья вторая и последняя // *ОЗ*. 1867. Апрель. Кн. первая. С. 526; ср.: Кольшико. С. 10; Шестов Л. Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф. М. Достоевского) // *Властитель дум*. С. 504—505.

² Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского — герой, текст, интертекст. СПб., 2005. С. 203.

³ Б. Н. Тихомиров указывает на автобиографический характер этого описания (Тихомиров. 2005. С. 438—439).

⁴ Гибан. С. 239. См. также: Фридендер Г. М. Творческий процесс Достоевского // *Д. Материалы и исследования*. СПб., 1996. Т. 12. С. 26; Лебедева, 1977. С. 29; Лавлинский С. П. К интерпрета-

Символичен хронотоп «Преступления и наказания». К. В. Мочульский противопоставил пространство главных героев романа: «У Раскольникова, отъединившегося от мира, тесный гроб, у Сони, обращенной к миру, — „большая комната с тремя окнами”» (*Мочульский, 1995. С. 363*). Комната-гроб Раскольникова — пространственный символ, определяющий героя и его теорию. А. И. Введенский отметил, что «уединение и жизнь в гнетущей дух обстановке, в его гробоподобной комнате, — не причина, а только условие беспрепятственного развития его душевного процесса».¹ По мысли Г. А. Мейера, комната Раскольникова «отражает (...) смертный грех», но герою не отказано в покаянии и милости Божией (*Мейер. С. 259*). М. М. Бахтин видел в сравнении с гробом символическое отражение идеи смерти и последующего воскресения.² В контексте рассказа о воскресении Лазаря романное сравнение комнаты с гробом характеризует всё «городское пространство героя, давящую картину рационально понятого мира» (*Хоц. С. 56—57*). П. Тороп считает, что путь героя в романе следует рассматривать как «переход из одного мира в другой, из чужого (антропоцентричного) мира в свой (теоцентричный) мир, из мира Свидригайлова в мир Сони Мармеладовой» (*Тороп. С. 134*). Комната Раскольникова сравнивается также с Ноевым ковчегом, что объясняется ориентированностью сюжета на библейский текст (Там же. С. 106). Комнату Сони Г. А. Мейер назвал «материализовавшейся частью души Раскольникова»: герой «„знает бессознательно”, кого убьет и к кому придет признаваться в убийстве» (*Мейер. С. 268*). С. Сальвестрони указывает на контрастность пространственных характеристик: «Распивочная и комната, где Соня принимает клиентов, являются местами, в которых Раскольников получает то, что приведет его к внутреннему возрождению, так же, как и сам писатель получил это на каторге от людей, дошедших до предела унижения и страдания» (*Сальвестрони. С. 31*). Площадь, на которую Соня просит Раскольникова выйти и поклониться земле, определяется как «распахнутое всем, от-

---

дии «остановки мира» в финале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Достоевский и современность: Мат-лы межрегион. науч. конф. (22—23 ноября 1996 г., Новокузнецк)*. Кемерово, 1996. С. 56—62; *Тоичкина А. В. Религиозно-философский смысл образа природы: («Отверженные» В. Гюго в контексте творчества Достоевского 1860-х гг.) // Д. Материалы и исследования. Т. 18. С. 353—354; Свитов М. М. Преодоление общечеловеческого братства в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и христианское (православное) миропонимание евразийцев // *Классика и современность: проблемы изучения и обучения: XIV Всерос. науч.-практич. конф. словесников*. Екатеринбург, 2009. С. 361.*

¹ *Введенский Арс. И. Общественное самосознание в русской литературе: С. 190.*

² *Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. С. 99.*

крытое христианскому миру пространство, глубинно ей родственное; это то сквозное место спасительного „воздуха“, о котором говорят Порфирий и Свидригайлов» (Хоц. С. 56). Семантически противоположный «аршин пространства» (слова Раскольникова, см.: 6, 137, 148, 163, 368) имеет «эсхатологическое значение, связанное с „исходом“, концом» (ср. «банька-вечность» Свидригайлова) (Хоц. С. 70). Особенность христианского сознания заключается в «идеальном преодолении» пространственности: «...истинное бытие при этом мыслится „вне пространства и времени”» (Хоц. С. 78). Именно это происходит в эпизоде романа: отсылка к библейскому тексту через образ Авраама «означает, что так раздвигаются границы времени и пространства» (Серолян. С. 174).

Особое значение для романа имеет мотив целования земли, отраженный в эпизоде покаяния Раскольникова на площади. По мысли В. Н. Белопольского, земля воспринимается как «первооснова жизни», и преступление Раскольникова «рассматривалось как осквернение земли».¹ Указанный мотив имеет мифологические корни (Пустовойт. С. 89—90) и анализируется также в контексте противопоставления городской и природной жизни,² отражающего душевное состояние героя. Д. Барсотти писал о том, что христианская жизнь есть «примирение с Богом в примирении человека с землей, с людьми, с самим собой».³ Целование земли, с этой точки зрения, становится формой «восстановления утраченных связей» (Губиан. С. 237).

На связь образа земли с христианскими представлениями указывают многие авторы. По словам С. И. Фуделя, «утверждение земли как начала благословенной вечности основано в христианстве на том, что „Слово плоть бысть“, что Бог жил и страдал на этой самой земле» (Фудель, 2005. С. 79). Исповедь земле рассматривается как обряд «народного христианства» (Там же. С. 49; Тихомиров, 2005. С. 342. См. также с. 414). Т. Б. Истомина (Лебедева) отмечает, что народное сознание связывало образ Матери-Земли с Богородицей, а сам обряд исповеди земле уходит корнями «в народные представления о ее неразрывной связи с порожденным ею человеком».⁴

¹ Белопольский В. Н. Достоевский и Шеллинг // *Д, Материалы и исследования*. Т. 8. С. 46—47; ср.: Мейер. С. 41.

² Кузьмина-Караваева Е. Ю. Достоевский и современность // *Рус. эмигранты о Достоевском*. С. 128.

³ Барсотти. С. 144. См. также: Вышеславцев Б. П. Достоевский о любви и бессмертии (Новый фрагмент) // *О Достоевском, 1881—1931*. С. 405; Зандер А. А. Тайна добра: (Проблема добра в творчестве Достоевского). Frankfurt am Main, 1960. С. 15—21; Капилуни. С. 222.

⁴ Лебедева, 1976. С. 94; ср.: Паршин А. Н. «Богородица — мать сыра земля...»: (О трех лекциях в Московской Духовной академии) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2011. Вып. 5 (37). С. 71—84. См. также: Михнюкевич В. А. Духовные стихи в системе поэтики Достоевского // *Д, Материалы и исследования*.

Изображение времени определяется спецификой художественного мира Достоевского, в котором «в зависимости от духовного напряжения героев отрезки времени вмещают большее или меньшее количество событий» (Мочульский, 1995. С. 365). Г. М. Фридендер указывает на связь временных характеристик с душевным состоянием Раскольникова (Фридендер. С. 174). Время в романе также проявляет символический характер, связанный с действием христианских представлений. Особенно значим для сюжета православный календарь. В целом для творчества Достоевского, по словам В. Н. Захарова, «из всех символических дат церковного календаря исключительное значение имеет Пасхальный цикл».¹ По мысли Б. Н. Тихомирова, моментом перехода из профанного времени в христианскую «систему временных координат» становится Ильин день, в который герой совершает явку с повинной (Тихомиров, 2005. С. 430). Кроме того, изображение грозы в романе, приуроченность этого события к Ильину дню «делает более очевидным принадлежность этого мотива мифопоэтическому плану романа. Именно во время грозы в Раскольникове совершается решающий перелом».² Т. А. Касаткина допускает возможность двойного символического прочтения дат православного календаря в эпилоге, которое связано с образами Раскольникова и Сони: слова «Шла уже вторая неделя после Святой» (6, 471) могут означать 1) воскресенье как день недели, и тогда имеется в виду «вторая неделя по Пасхе (Святом Воскресении Христовом) — неделя ап. Фомы», 2) неделю (седмицу) — тогда это «неделя жен-мироносиц» (Касаткина, 1996. С. 79). Из контекста соответствующего эпизода (6, 471) следует, что речь идет не об одном дне («стояли теплые, ясные, весенние дни»), а значит, о седмице. Вторая неделя после Святой также вызывает ассоциации с «Радоницей, называемой в народе Родительским днем» (Габдуллина, 1998. С. 163). Как пространство, так и время становятся символическим отражением «высшей реальности»³, а в эпилоге ро-

---

Т. 10. С. 85; Власкин А. П. 1) Народная религиозная культура в творчестве Ф. М. Достоевского // *Христианство и русская литература*. СПб., 1996. Сб. 2. С. 244; 2) Творчество Ф. М. Достоевского и народная религиозная культура. Магнитогорск, 1994. С. 93. См. также: 7, 721—722, коммент. к 6, 362.

¹ Захаров В. Н. Символика христианского календаря в поэтике Достоевского // Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М., 2012. С. 136. См. также: Трофимов. С. 170; Тихомиров, 2005. С. 430.

² Тихомиров Б. Н. Из наблюдений над романом «Преступление и наказание» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 13. С. 232.

³ Серопян А. С. О сакральном в художественном времени Достоевского // *Евангельский текст*. Вып. 6. С. 168. См. также: Шукин В. Г. О петербургском «грунте», пшеничном зерне и Новом Иерусалиме (Смысловой контекст одного из мотивов «Преступления и наказания») // *Д. Материалы и исследования*. Т. 19. С. 314; Катто Ж. Пространст-

мана «соединяются образы христианской и нехристианской символики», — в описании пасхальных дней «на фоне солнечной теплой весны, времени года, символизирующего пробуждение к жизни мертвой природы» (*Гибан. С. 239. См. также: Баротти. С. 141*).

На лексическом уровне основное внимание уделяется особенностям функционирования библейского текста в творчестве Достоевского. По мнению Т. Б. Истоминой (Лебедевой), «уровень осмысления евангельского слова характеризует у Достоевского степень нравственной зрелости героя. Потребность прикосновения к Евангелию возникает у персонажей в процессе поисков собственной истины, собственного жизненного пути» (*Лебедева, 1976. С. 90*). Н. В. Балашов отмечает, что чаще всего в произведениях Достоевского Библия цитируется в русском переводе, что объясняется художественной спецификой повествования: «Если библейские цитаты в романах Достоевского становятся словом живого Бога, обращенным к героям повествования, — оно, это слово, должно, конечно, прозвучать на их же языке».¹ Вопрос о библейских цитатах и аллюзиях в романе «Преступление и наказание» рассматривается в большом количестве работ.² Исповедь Марме-

---

во и время в романах Достоевского // *Д. Материалы и исследования. Т. 3. С. 46*. Исследователи указывают, кроме того, на символику чисел в романе. С. Сальвестрони считает, что каторжный срок Раскольникова, о котором говорится в финале романа, — семь лет (6, 474) — содержит в себе библейскую аллюзию на семь дней творения (*Сальвестрони. С. 47; ср.: Лебедева, 1976. С. 99; Белов. Комментарий. С. 230*).

¹ Балашов Н. В. Спор о русской Библии и Достоевский // *Д. Материалы и исследования. Т. 13. С. 12—14*. См. также: Тихомиров Б. Н. Достоевский цитирует Евангелие: (Заметки текстолога) // *Д. Материалы и исследования. Т. 13. С. 189—194; Kjetsaa G. P. 5—17*.

² Коган Г. Ф. Примечания // *Акад. ПСС. Т. 7; Ветловская, Премьемы полемики. С. 92; Ветловская В. Е. «Арифметическая» теория Раскольникова // Достоевский и мировая культура. № 15. С. 84; Ветловская, Из комментария 2. С. 456; Тороп. С. 150—153; Джексон. С. 153; Меерсон О. Библейские интертексты у Достоевского: Кошунство или богословие любви? // *Достоевский и мировая культура. № 12. С. 47—48; Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: Евангельский текст и художественный контекст. Томск, 1999. С. 95—96; Сальвестрони. С. 29, 36 и др.; Епишев. С. 90—94; Якубович, 2005. С. 46; 2008. С. 583—655 (коммент. и примеч. Т. А. Касаткиной); Тихомиров, 2005; Тихомиров Б. Н. Отражения евангельского слова в текстах Достоевского: Материалы к комментарию // *Евангелие Достоевского. Т. 2. С. 63—469; Гумерова А. Л. Евангельский фон романа «Преступление и наказание»: (На примере сцены поминок по Мармеладову) // Д. Дополнения к комментарию. С. 274—277; Михновец Н. Г. 136-й псалом в творчестве Ф. М. Достоевского // Михновец Н. Г. Прецедентные произведения и прецедентные темы в диалогах культур и времен. СПб., 2006.***

ладова, роль которой в романе определяется темой прощения (Фудель, 2005. С. 47—48; см. также: Аскольдов, 1921. С. 253; Курляндская. С. 131), соотносят не только с библейским текстом, но также с древнерусской легендой о бражнике (Лотман Л. М., 1974. С. 288—290), содержанием апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» и духовными стихами, восходящими к нему.¹

12

Роман «Преступление и наказание» вызвал большое число разносторонних «отражений» в русской литературе последней трети XIX—XX вв.

Одним из первых в их ряду стал роман А. П. Чехова «Драма на охоте» (1884; публ. авг. 1884—апр. 1885), в котором наличествует открытое соотнесение с произведением Достоевского эпизодов преступления и расследования.² Кузьма, обвиненный крестьянами в убийстве,³ внутренне сопоставлен у Чехова с Миколкой Достоевского, оговаривающим себя, чтобы «страдание принять» (6, 393). Чехов преобразует этот эпизод таким образом, каким подобные ему чаще встречаются в жизни: его Кузьма оказывается обвинен в убийстве, которого не совершал.⁴ Соотносима в «Драме на охоте» с «Преступлением и наказанием», но также разнонаправленна и линия публичного

С. 207—263; Серопян. С. 164; Серопян А. С. Литургическое слово в русской литературе: Постановка проблемы // *Евангельский текст*. Вып. 7. С. 10; Захаров В. Н. 1) Тобольск, 1850: Обретение книги // *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 643—646; 2) Достоевский и Евангелие // Там же. Т. 2. С. 5—35; 3) «Православное воззрение»: Идеи и идеал в романе «Преступление и наказание» // Захаров В. Н. *Имя автора — Достоевский: Очерк творчества*. М., 2013. С. 260—271; Сыроватко Л. В. *Фотодосия у Достоевского*. Светопись «великого пятикнижия»: общий очерк // *Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя* / Под ред. С. Алоэ. СПб., 2012. С. 383—386.

¹ Лебедева, 1976. С. 96—98; Михнюкевич В. А. Духовные стихи в системе поэтики Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 10. С. 84; Бузина Т. В. Духовные стихи о Страшном суде как стилистическая модель и идейный противовес монолога Мармеладова // *Д, Дополнения к комментарию*. С. 270—273.

² Назиров Р. Г. Достоевский и Чехов: преемственность и пародия // Назиров Р. Г. *Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход*. Исследования разных лет: сб. статей. Уфа, 2005. С. 166.

³ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1975. Т. 3. С. 393—399.

⁴ См.: Кибальник С. А. Чехов «за» и «против» Достоевского («Драма на охоте» как роман-пародия) // *Новый филологический вестник*. 2015. № 1 (32). С. 18—31.

объявления главного героя себя преступником. В чеховском романе убийца, он же следователь, заметавший по ходу расследования собственные следы, признается в совершенном им тяжком деянии, в отличие от Раскольникова, не прилюдно, а в литературном произведении, написанном и публикуемом им под псевдонимом так, чтобы даже читатели «среднего уровня» могли догадаться, кто же истинный убийца; но движут им не мучения совести и не потребность в покаянии, а желание, чтобы на него глядели как на «необыкновенного» человека.¹ Отзвуки романа Достоевского присутствуют и в последующем творчестве писателя.²

Лучшим романом Достоевского считал «Преступление и наказание» Л. Н. Толстой, впрочем, полагавший настоящим шедевром лишь первые его главы.³ В своей публицистике писатель не раз обращался к образу его главного героя. Так, в статье «Для чего люди одурманиваются?» (1890) он воспользовался этим образом для иллюстрации положения о том, что все действия человека имеют свое начало в его мыслях. Для Раскольникова, писал Толстой в этой статье, вопрос о том, «убьет ли он или не убьет старуху», решался «не тогда, когда он, убив одну старуху, стоял с топором перед другой, а тогда, когда он не действовал, а только мыслил, когда работало одно его сознание и в сознании этом происходили чуть-чутьочные изменения».⁴ В какой-то степени именно от «Преступления и наказания» отталкивался Толстой при создании своего романа «Воскресение» (1899).⁵

Роман Достоевского получил целый ряд творческих «отражений» и в прозе русского модернизма. «Трансформатором концепции „Преступления и наказания“ на новой мировоззренческой основе» первым выступил Федор Сологуб в своем романе «Тяжелые сны» (1896): за имеющим мистический характер преступлением следует «не наказание, а духовное освобождение героя».⁶ Целенаправленный характер подобной трансформации очевиден. Автор сам позднее форму-

---

¹Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 414.

²См.: Полоцкая Э. А. Человек в художественном мире Достоевского и Чехова // Достоевский и русские писатели. Сб. статей. М., 1971. С. 191 и др.

³Лазурский В. Ф. Дневник. Запись от 12 июля 1894 г. // ЛН. № 37/38. С. 465.

⁴Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1936. Т. 27. С. 280. См.: Гусев Н. Н. Толстой и Достоевский. С. 117.

⁵Арденс Н. Н. [Апостолов Н. Н.] Достоевский и Толстой. М., 1970. С. 288—306: Два «воскресения» в русской литературе; Hudspith S. Dialogues with Dostoevsky in Tolstoy's *Resurrection* // Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm Jones / Eds S. Young, L. Milne. Ilkerton, 2006. P. 110—119.

⁶Долженко А. Н. Преступление без наказания: наследие Ф. М. Достоевского в неомифологии Ф. Сологуба // Достоевский и XX век. Т. 1. С. 292—294.

лировал это как общий принцип современной литературы: «Если могут быть романы и драмы из жизни исторических деятелей, то могут быть романы и драмы о Раскольникове, о Евгении Онегине и о всех этих, которые так близки к нам, что мы порою можем рассказать о них такие подробности, которых не имел в виду их создатель».¹

Главный герой романа Логин «находится на более поздней, по сравнению с Раскольниковым, стадии психологического развития, более глубокой представляется двойственность сологубовского героя (у него даже появляется порочный двойник). Автор окрашивает сны Логина эротизмом и садизмом, противоречащими русской классической традиции и несущими мистическое символистское значение».² Сюжетные и психологические ситуации героев в «Тяжелых снах» «повторены внешне, но с целью прямой идейной полемики: высочайшая нравственная требовательность, предупреждающая о жизненно-необходимой обязанности смотреть дальше и глубже рубежей общераспространенных общественно-моральных установлений, оборачивается грубым упрощенным аморализмом, облеченным в формы прямой публицистической агитации. Раскольниковско-карамазовская сюжетная схема воспроизводится Сологубом почти буквально: последним судьей убившего героя должна оказаться любящая его женщина» (*Старикова, 1974. С. 185*). Однако героиня не только не призывает, но, напротив, отговаривает его от того, чтобы признаться в преступлении: «Ты убил прошлое, — решительно сказала она, — теперь мы будем вместе ковать будущее, — иначе и заново. (...) Зачем тебе цепи каторжника? Вот у тебя есть сладкая ноша — я: возьми, носи меня» (ТС, 234). Иногда полагают, что «с этого освобождающего момента» для Логина и Анны началась другая жизнь (*Старикова, 1974. С. 185*). В действительности же сразу после этого объяснения «новая тоска загорелась в нем. „Я был тогда пьян, — злобно думал он, — и ничего не соображал. Я шел, куда несли меня ноги да моя пьяная удача. Убийство спьяна! И я ей не сказал, что был пьян! Я пропустил самую простую и главную причину и постарался внушить ей какое-то странное почтение к моему хмельному убийству“. (...) Странные мысли развивались в голове Логина. И по мере их нарастания, чувства его становились все более дикими и злыми. Ему казалось,

---

¹ Сологуб Ф. К. Тяжелые сны: Роман; Рассказы / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М. Павловой. Л., 1990. С. 358. Далее при цитатах из романа Сологуба указываются в тексте в скобках: ТС и номер страницы. Краткий обзор трансформации «Преступления и наказания» в «Тяжелых снах» см.: *Богданова О. А. Достоевский в жизни и творчестве Федора Сологуба: современное состояние изучения вопроса // Д. Материалы и исследования. Т. 21. С. 181—205.*

² *Веселова О. Н. Традиции Ф. М. Достоевского в символистских романах Ф. К. Сологуба «Тяжелые сны» и «Мелкий бес». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2011. С. 16.*

что не любовью любит он Анну, а ненавистью» (ТС, 234). Только после ранения, болезни и выздоровления Логина для него и Анны «началась новая жизнь, обновленные небеса засинели над ними...»; но даже и тогда еще звучит вопрос: «...что будет с ними и куда придут они?» (ТС, 243). Кончается роман на далеко не оптимистической ноте: «Итак, всё идет по-старому, как заведено, и только Логин и Анна *думают*, что для них началась новая жизнь» (ТС, 244. Курсив мой. — С. К.).

По мнению И. В. Пантелей, исходный замысел Сологуба состоял в том, чтобы убедить, что можно «пройти путь от преступления к воскресению, отказавшись от креста и наказания», но попытка Логина совершить это «приводит в тупик».¹ В этом утверждении непонятно, на чем основывается представление исследовательницы о замысле Сологуба. Цитированной выше финальной фразой романа автор недвусмысленно отделяет себя от своих героев, иначе говоря — в финале повествователь ставит под сомнение, что преступление Логина сможет вывести его и Анну к новой жизни. Вероятнее всего, именно в этом и состоял замысел писателя.

А. Н. Долженко видит в главном герое романа «Тяжелые сны» «трансформацию не только образа Раскольникова, но и Свидригайлова с его романтическим „байронизмом“ и аморалистическим индивидуализмом»: «Свидригайлов близок как тип и Раскольникову, и Логину прежде всего потому, что он так же грубо попирает моральный закон, считая „единичное злодейство“ позволительным, „если цель хороша“ {...} Сологубовский герой представляет трансформацию обоих вариантов внутренней борьбы добра и зла — и Раскольникова, и Свидригайлова, — ведь и тот, и другой соединяют в себе и героя, и антигероя».² С учетом многочисленных колебаний и душевных переживаний Логина эта позиция исследователя представляется далеко не безусловной.

В своем дальнейшем творчестве Сологуб отказался от прямой трансформации тех или иных произведений Достоевского, однако сумел, прежде всего в романе «Мелкий бес» (неполн. журн. публ. 1905; отд. изд. 1907), переплавить образы многих его произведений в абсолютно самобытное произведение, главный герой которого соединяет в себе черты не только Свидригайлова, но и Смердяко-

---

¹ Дословно: «...вопреки замыслу автора, попытка Логина пройти путь от преступления к воскресению, отказавшись от креста и наказания, приводит в тупик» (Пантелей И. В. Традиции Ф. М. Достоевского в романах Федора Сологуба. М., 1998. С. 4—5).

² Долженко А. Н. Преступление без наказания: наследие Ф. М. Достоевского в неомифологии Ф. Сологуба. С. 294. Раскольников оказался литературным прототипом и некоторых других героев русского «декадентского романа». Так, например, Юрий Сварожич из романа М. Арцыбашева «Санин», по характеристике А. Н. Долженко, «соединяет в себе черты Раскольникова и Мышкина...» (Там же. С. 295).

ва, Голядкина, «подпольного парадоксалиста», чеховского Беликова и др.¹

Вслед за Сологубом «Преступление и наказание» попытался «переписать» Максим Горький в своем романе «Трое» (1900), где, как отметил Б. В. Михайловский, «беря (...) ряд мотивов, ситуаций, проблем, напоминающих о „Преступлении и наказании“, (...) дает им иное истолкование и разрешение».² Мотивы романа Достоевского очевидным образом переплетены у Горького с мотивами «Дамы с камелиями» А. Дюма-сына — романа, который многообразно отозвался у самого Достоевского в «Игроке», «Идиоте» и некоторых других его произведениях.

Разносчик Илья Лунев убивает содержателя своей любовницы Олимпиады купца-менялу Полуэктова и забирает имевшиеся в тот момент в лавке деньги. В отличие от Раскольникова и точно так же, как и сологубовский Логин, Лунев совершает убийство под влиянием внезапного порыва, неожиданного приступа беспричинной ненависти к старику. Стараясь затем понять: «Зачем я его душил?» — он пытается объяснить сделанное желанием убрать соперника: «Смотрел я на него тогда и думал: „Вот кто стоит на моей дороге...“». Однако Олимпиада решительно оспаривает это: «Не намекала я тебе, не говорила разве, что могу всегда прогнать его? Ты молчал да посмеивался, — ты ведь никогда по-человечески не любил меня...».³

Как и Раскольников, Лунев настраивает себя не на добровольное признание, а на борьбу со следователем: «Ты думаешь, я за себя постоять не сумею? Думаешь, я из-за этого старика — в каторгу пойду? Ну, нет, я в этом деле не весь! Не весь, — поняла?». Однако, в отличие от Сони Мармеладовой и как и сологубовская Анна, Олимпиада и не думает убеждать его в обратном. Более того, она сочувствует Луневу даже в том, что его нажива оказалась незначительной: «Денег-то

---

¹ Характеристика Е. В. Стариковой соотносительности «Мелкого беса» с произведениями Достоевского: «...мнимо следуя за их автором, прийти к пародийно-выраженным обратным идейно-нравственным и эстетическим результатам, т. е. по сути вступить в открытую полемику с Достоевским, отстаивая право человека на преступление и на все виды аморализма» (Старикова, 1974. С. 189) — отмечена идеологически маркированной односторонностью.

² Михайловский Б. В. Творчество М. Горького и мировая литература. 1892—1916. М., 1965. С. 326.

³ Горький М. Полн. собр. соч.: Худож. произведения: В 25 т. М., 1970. Т. 5. С. 145, 154, 157. Позднее сам Лунев так рассказывает эту историю Олимпиаде: «Вышло это нечаянно. Бог — знает! Я — не хотел. Я хотел взглянуть на его рожу... вошел в лавку. Ничего в мыслях не было. А потом — вдруг! Дьявол толкнул, бог не заступился» (С. 156—157). Далее цитаты из романа Горького и материалы из комментариев к нему приводятся по этому изданию с указанием в тексте в скобках: Тр. и номер страницы.

только две тысячи? — Две... с чем-то... — Бедненький ты! И это не удалось! — грустно сказала женщина...» (Тр., 157).

Тем не менее в финале Лунев, как и Раскольников, сам признается в своем преступлении, но не под влиянием раскаяния, а, напротив, в качестве протеста против несправедливого суда, на котором побывал накануне, и глубже — против социального устройства общества: «Я вот смотрю на вас, — жрете вы, пьете, обманываете друг друга... никого не любите... чего вам надо? Я порядочной жизни искал, чистой... нигде ее нет! Только сам испортился... Хорошему человеку нельзя с вами жить. Вы хороших людей до смерти забываете... Я вот — злой, сильный, да и то среди вас — как слабая кошка среди крыс в темном погребке... Вы — везде... и судите, и рядите, и законы ставите... Гады однако вы...» (Тр., 312). Сам Горький подчеркивал, что «Илья не кается пред людьми, а говорит им от презрения. Суда над собой он не может принять ни от людей, которых сам осудил, ни от бога, которого потерял» (Тр., 523).¹

«В художественном претворении ключевого мотива романа — мотива преступления без раскаяния, — отмечала Л. А. Колобаева, — Горький полемичен по отношению к Достоевскому. Совесть героя Ильи Лунева молчит, и его слова с прямым отрицанием совести вынесены в финал романа: „Совести нет...“ Позиция автора, разумеется, сложнее. Но, акцентируя власть обстоятельств социального порядка и трагическую необходимость им противостоять, Горький тем самым как бы снимает вину с „преступившего“» (Колобаева. С. 103).

Во второй части романа Л. Н. Толстой видел «анархизм, злой и жесткий», а Леонид Андреев, также полагавший, что от Лунева «анархистом за версту пахнет», считал, однако, что «если бы он, как Моор, в разбойники пошел, и то было бы лучше, чем по образу и подобию Раскольникова, кувыркаться перед самим собою и народом» (Тр., 521, 522). В таком восприятии романа Горького можно видеть истоки собственного обращения Леонида Андреева к образу протестующего и жертвующего собой индивидуалиста в его романе «Сашка Жегулев» (1911) и других произведениях. Так, например, в повести «Мысль» (1902) Леонид Андреев явно отталкивается не только от «Преступления и наказания», но и от романа Горького. Фамилия главного героя повести Андреева — Керженцев,² а «Трое» начинают

---

¹ «Признание Лунева — не покаяние и примирение, а вызов мещанскому обществу, бунт против него, протест, — констатировал Б. В. Михайловский. — Лунев не только не преклоняется перед евангелием, христианской моралью, но этот человек из народа вовсе утрачивает воспитанную в нем веру в бога, видя беззаконие и зло, царящие на земле» (Михайловский Б. В. Творчество М. Горького и мировая литература. С. 326).

² Возможно, не случайно фамилия «Керженцев» появится впоследствии на страницах романа Марка Алданова «Ключ» (1929). Помощники адвоката Семена Кременецкого обсуждают здесь достоинства своего ше-

ся с указания на местность, из которой происходит главный герой произведения Илья Лунев: «Среди лесов Керженца рассеяно много одиноких могил...» (Тр., 25).¹ Впрочем, в отличие от героя Горького и точно так же, как и герой Сологуба, доктор Керженцев прямо противопоставляет себя Раскольникову: «Для убийцы, для преступника самое страшное не полиция, не суд, а он сам, его нервы, мощный протест всего тела, воспитанного в известных традициях. Вспомните Раскольникова, этого так жалко и так нелепо погибшего человека, и тьму его подобных». ² Если по мнению Раскольникова, сильные личности каждым своим действием совершают преступления, то, с точки зрения Керженцева, это верно применительно ко всем людям: «...ведь почти все, что мы делаем, преступление, и только слепой не видит этого. Для тех, кто верит в Бога, — преступление перед Богом; для других — преступление перед людьми; для таких, как я, — преступление перед самим собой» (Анд., 3, 197). В отличие от Раскольникова Керженцев не только не испытывал угрызений совести — более того, он предполагает, что был бы «горд» содеянным (Анд., 3, 199).

Герой повести Андреева убивает своего друга, писателя Савелова, и при этом симулирует сумасшествие. В качестве мотивов совершенного преступления он в своих «письменных объяснениях» выдвигает хилость, ничтожность и бесполезность Савелова, что, естественно, вызывает ассоциации с философией Ф. Ницше. Однако поскольку Керженцев, как ему кажется, любит жену Савелова, то читатель вправе видеть здесь зависть и ревность, чем объясняет случившееся сама «достопочтенная Татьяна Николаевна», которая, как он признается, никогда не верила его любви и не верит даже после убийства им ее мужа: «По ее логике выходит так: я ее не любил, а Алексея убил за то, что она его любит» (Анд., 3, 205). За стремлением Керженцева принизить в ее глазах Савелова как писателя она легко распознает именно эти мотивы: «Вы не можете ему простить (...) того, что он мой муж и я люблю его» (Анд., 3, 197). Более того, ниже Керженцев сам готов принять объяснение совершенного им убийства его собственным уязвленным самолюбием вследствие обидного отказа Татьяны Николаевны в ответ на предложение руки и сердца, сделанное им еще до того, как она вышла замуж за Савелова: «Не стану я отстаивать и своего мотива к преступлению. (...) Татьяна Николаевна действительно оскорбила меня своим смехом, и обида залегла очень глубоко (...) Но пусть это неправда. Пусть даже любви у меня не было. Но разве нельзя до-

---

фа: «Достоевского знает, как сенатские решения, — с уважением подтвердил Фомин. — Если на антиинтеллигентных присяжных, да со следой, — никто, как Сема. Разве из Москвы Керженцова выпишут» (Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1993. Т. 3. С. 29).

¹ Отмечено: *Матомедова*. С. 300—301.

² Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 17 т. СПб., 1913. Т. 3. С. 128. Далее цитаты из произведений Леонида Андреева приводятся по этому изданию с указанием в тексте в скобках: Анд., номер тома и страницы.

пустить, что убийством Алексея я просто хотел попытать свои силы?» (Анд., 3, 242). Тем самым Керженцев пытается выглядеть похожим в каком-то общем смысле на Раскольниковца.

Изначально Керженцев формулирует свою «задачу» так: «Нужно, чтобы я убил Алексея; нужно, чтобы Татьяна Николаевна видела, что это именно я убил ее мужа, и чтобы вместе с тем законная кара не коснулась меня» (Анд., 3, 199). Таким образом, герой Андреева хочет не проверить, как Раскольников, а утвердить себя в качестве «сильной личности» ницшеанского типа, презирающей законы человеческого общежития и безнаказанно совершающей преступления. Впрочем, с самого начала у Керженцева появляется «мысль о грозной опасности» его опыта: «Сумасшествие — это такой огонь, с которым шутить опасно» (Анд., 3, 206). Однако он чувствует свою мысль «безусловно» ему «послушной» (Анд., 3, 207). Сильным ударом оказывается для него, когда в его голову входит «новая мысль, обладающая всеми свойствами моей мысли: ясностью, точностью и простотой (...)» *„Он думал, что он притворяется, а он действительно сумасшедший. И сейчас сумасшедший“* (Анд., 3, 235). Но уже в следующем «листе» своих «письменных объяснений» он отказывается признавать себя сумасшедшим: «И, доказав, что я сумасшедший, знаете вы, что я увидел? Что я не сумасшедший (...) Самое большое, в чем уличают меня наследственность и припадки, — это дегенерация. Я один из вырождающихся, каких много (...) Это дает прекрасный ключ ко всему остальному» (Анд., 3, 241).

Отдав дань модной в те времена теории «вырождения» Макса Нордау, Керженцев, однако, не оставляет вовсе мысли о своем безумии и, главное, ощущает себя обманутым: «Я ничего не знал и не знаю выше своей мысли, я боготворил ее (...) Подлая мысль изменила мне, тому, кто так верил в нее и ее любил. Она не стала хуже: та же светлая, острая, упругая, как рапира, но рукоять ее уж не в моей руке. И меня, ее творца, ее господина, она убивает с тем же тупым равнодушием, как я убивал ею других» (Анд., 3, 250—251). «Самоотчуждение и рационалистическое измерение жизни, — комментирует это место О. Н. Осмоловский, — лишает его возможности понять себя и законы жизни».¹ «Андреев вместе со своим героем Керженцевым, — отмечала М. Я. Ермакова, — приходит к излюбленной своей теме о зыбкости человеческого разума, о роковых силах, нависших, как опасность, над человеком и его мыслью» (Ермакова. С. 238).²

¹ Осмоловский О. Н. Принципы познания человека Ф. М. Достоевского и Л. Н. Андреева («Преступление и наказание» — «Мысль») // Эстетика диссонансов: О творчестве Л. Н. Андреева. Орел, 1996. С. 10.

² См. также: Беззубов В. И. Леонид Андреев и Достоевский // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1975. Вып. 369. Тр. по рус. и слав. филологии. 26. С. 86—125.

Керженцева охватывает «бешеный ужас», состоящий в том, что для него «никто не решит вопроса: *Притворялся ли я сумасшедшим, чтобы убить, или убил потому, что был сумасшедшим?*» (Анд., 3, 253). Как пишет Д. Магомедова, «герой не в силах отдать отчет даже самому себе, действительно ли его безумие — искусная симуляция, или вся его изощренная подготовка к убийству и уходу от наказания — свидетельство его подлинного, а не мнимого безумия. (...) безнаказанность оказывается мнимой, хотя автор-повествователь демонстративно объективен и безоценочен» (Магомедова. С. 302).

Кончатся «письменные объяснения» Керженцева просьбой к «г. экспертам» сказать, что он здоров (и, следовательно, должен идти на каторгу, где надеется «найти неведомые» ему «источники жизни» среди людей, «нарушивших ваши законы, убийц, грабителей» (Анд., 3, 253). В противном случае он грозит им «наделать» «крупных неприятностей»: «Для меня нет судьи, нет закона, нет недозволенного. Все можно. Вы можете представить себе мир, в котором нет законов притяжения, в котором нет верха, низа, в котором всё повинуется только прихоти и случаю? Я, доктор Керженцев, этот новый мир. Все можно. И я, доктор Керженцев, докажу вам это. (...) я взорву на воздух вашу проклятую землю, у которой так много богов и нет единого вечного Бога» (Анд. 3, 254—255).

Последней фразой своего героя, проникнутой ницшеанским культом сильной личности, Андреев ставит его человеконенавистничество и стремление к разрушению в параллель к штирнеровскому крайнему эгоцентризму и одновременно безбожию не только Раскольникова, но и «подпольного парадоксалиста», Ставрогина, Ивана Карамазова и других героев Достоевского. В андреевском варианте «преступления и наказания» легко обнаруживаются и другие существенные точки схождения с Достоевским: «Одна из главных причин трагедии людей видится им (обоим писателям. — С. К.) в рационалистическом самообмане, отвлеченном представлении о сущности жизни и человека. Теоретическая мысль не в состоянии обеспечить достоверное самосознание личности. Они больше доверяют непосредственному сознанию и опыту».¹

Более существенную трансформацию сюжетной схемы «Преступления и наказания» представляет повесть Леонида Андреева «Иуда Искариот» (1907), в центре которой «тоже преступление (...) только вместо убийства — предательство», совершаемое как «своего рода эксперимент (каким было для Раскольникова убийство старухи-процентщицы)» с целью «апробировать „идею”» (Ермакова. С. 219). Впрочем, «идея» Иуды, заявленная в самом начале повести («...он знает всех людей, и каждый человек, которого он знает, совершил в своей жизни какой-нибудь дурной поступок или даже преступление» — Анд., 7, 160), которая раскрывается своими разнообразными

¹ Осмоловский О. Н. Принципы познания человека Ф. М. Достоевского и Л. Н. Андреева... С. 10.

гранями в дальнейшем повествовании, построенном на художественном приеме «срывания масок», соотносится с позицией некоторых героев разных произведений Достоевского. И так же, как у Достоевского, в качестве сколько-нибудь серьезного обоснования совершенного Иудой предательства она отвергается: в финале рассказа герой испытывает муки и кончает жизнь самоубийством.

Роман Леонида Андреева «Сашка Жегулев» (1911) непосредственным образом связан с «Бесами» Достоевского. С «Преступлением и наказанием» его отчасти сближает только допущение главными героями, Сашей Погодиным и Василием Колесниковым, человеческих жертв на пути к счастью народа. При этом в отличие от Раскольникова они допускают гибель и «невинных», которая нужна даже больше, чем наказание «виновных», так как ею «совесть в людях разбудишь, а совесть... только и держит народ» (Анд., 5, 47).¹ По замечанию О. А. Богдановой, «„идея” героя „Преступления и наказания” трансформируется, таким образом, из „крови по совести” в „кровь для совести”» (Богданова. С. 251). В романе Андреева в качестве такой закланной жертвы планируется гибель и самого Сашки Погодина, превращающегося во второй части романа в атамана разбойничьей шайки Сашку Жегулева. «...Вместо наполеонизма — мессианские идеи, — замечает по этому поводу другая исследовательница. — Однако формула „все позволено”, если конечная цель хороша, звучит здесь с новой силой, хотя и в новом варианте» (Ермакова. С. 193). При этом идея Колесникова о «крови» как необходимой ступени к спасению напоминает ход рассуждений не столько Раскольникова, сколько некоторых героев романа А. М. Ремизова «Пруд».

Как и в «Преступлении и наказании», весь ход повествования: бессмысленные убийства, совершаемые Жегулевым и Колесниковым, а затем и не менее бессмысленная гибель их обоих — опровергает «идеологию» героев. «Используя отдельные компоненты, характерные для романной структуры Достоевского, Андреев сталкивает „идею” с практикой: высокая, чистая „идея” Колесникова и Сашки Погодина осуществляется на практике в страшных, кровавых и грязных делах Сашки Жегулева, несущего беды и тому самому народу, на защиту которого он по „идее” должен был встать. И если Раскольников, кроме старухи-процентщицы, был вынужден убить и невинную Лизавету, то и герой Андреева не случайно убивает восемнадцатилетнего теле-

---

¹ Незадолго до выхода романа Андреева тема терроризма была в близком ключе и также с ориентацией на Достоевского развита В. Ропшиным (Борисом Савинковым) в повести «Конь бледный» (1909). Несмотря на звучащие в сознании героя-рассказчика предупреждения: «Раскольников убил старушонку и сам захлебнулся в ее крови» (Савинков Б. В. (В. Ропшин). То, чего не было: Роман, повести, рассказы, очерки, стихотворения. М., 1992. С. 142), — он идет до конца, убивая не только ради революции, но и ради собственной прихоти — и закономерно кончает жизнь самоубийством.

графиста, который также „случайно” становится „препятствием” на пути „экспроприации”» (Ермакова. С. 193).¹

Среди героев романа А. М. Ремизова «Пруд» (соч. 1901—1902; журн. публ. 1905; отд. изд. 1908), написанного раньше андреевского «Сашки Жегулева» и отчасти, вероятно, на него повлиявшего, есть немало «двойников» или, по крайней мере, «родственников» персонажей разных произведений Достоевского. Так, «„строитель Божий” отец Глеб ориентирован Ремизовым на старца Зосиму, Николай Огорельшев уподобляется сначала Раскольникову, а потом Алеше Карамазову...».² И первая, и вторая (1907) редакции романа стали «эстетической декларацией декадентски-бунтарского мировосприятия Ремизова 1900-х годов и его рефлексией на него».³ Это выразилось прежде всего в том, что в изображении судьбы главных героев романа ощущается своего рода апологетизация «своеволия». Внутренне сопоставленный с Иваном Карамазовым Александр Финогенов, имея в виду библейский рассказ об «избиении младенцев», говорит о Глебу, что «кровь-то и Христу понадобилась... Чтобы прийти на землю...». Он утверждает: «Кровь-то она нужна, для любви нужна, так выходит...» «Если не полюбишь врага своего, — возражает ему о. Глеб, — нелюбовью измучаешься, а твой нож и кровь, пролитая тобою, на тебя же обратятся» (Пр., 189). В соответствии с рецептом брата Александра Николай Финогенов насилует его невесту, а затем убивает другого идеолога «своеволия», своего дядю Арсения Огорельшева. Тем самым он оказывается соотнесен с Родионом Раскольниковым, которому отчетливо уподобляется в сцене убийства.⁴

Ремизов находился под сильным влиянием шестовской интерпретации Достоевского, согласно которой писатель разделял позиции таких своих героев, как Раскольников. «Мы можем проследить, — отмечает О. А. Богданова, — как Ремизов в „Пруде”, вслед за Шестовым, принимает раскольниковскую „идею” и строит на ней свой авторский миф о необходимости перейти через „кровь” для обретения истинного пути» (Богданова. С. 239). Исследовательница вполне основательно указывает на то, что «если в герое Достоевского гуманность противопоставлена „крови по совести” как *положительное*

---

¹ Аналогична оценка О. А. Богдановой: «Мы видим в центре „Сашки Жегулева” героев-интеллигентов, исповедующих „чужую” для автора разрушительную идею, которую они активно проводят в действительность» (Богданова. С. 259).

² Розанов Ю. В. Достоевский в оценке и интерпретации Алексея Ремизова // *Достоевский и мировая культура*. № 14. С. 226.

³ Данилевский А. А. О романе А. Ремизова «Пруд» // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. [Т. 1]: Пруд: Роман. С. 517. Далее цитаты из первой и третьей редакции романа приводятся по этому изданию с указанием в тексте в скобках: Пр. и номер страницы.

⁴ Отмечено: Данилевский А. А. О романе А. Ремизова «Пруд». С. 521.

качество, то для героя Ремизова все наоборот. Раскольниковская гуманность — это то, что притягивает Николая к „безглазому страданию” „бесовской” земли, мешает „подняться” до „крови»» (Там же. С. 246).¹ Однако ее финальный вывод: «Его образ явно полемичен по отношению к герою „Преступления и наказания”» — нуждается в одной существенной оговорке. Во-первых, не столько, может быть, полемичен, сколько отличен, а во-вторых, только от самого Достоевского. Что касается Достоевского в интерпретации Шестова (и в не менее популярной и не менее хорошо Ремизову известной концепции Д. С. Мережковского, также построенной на апологетизации Раскольникова),² которую, по всей видимости, разделял и сам автор «Пруда», образ Николая Финогенова находится с ней в согласии, хотя и неполном.

В финале романа, еще до убийства Николаем дяди Арсения, о. Глеб говорит ему «о крови, через которую перейти суждено, о заповеди своей: вольно и кротко все принять, всю судьбу — всякую не-долю и благословить ее всю до конца» (Пр., 286). Однако, убив, Николай спрашивает себя: «Вот он убил старика, ну и что ж? Через кровь перешел, ну и что ж? Прими теперь вольно судьбу свою, благослови ее всю до конца, и получишь власть над бесами! А на что она ему, эта власть? И бесы не помогут ему» (Пр., 296).

Предчувствуя арест, Николай пытается бежать и погибает под колесами кареты. В такой концовке иногда видят ремизовское обличение разума как главного средства осуществления господства Дьявола на земле: «Выполнив первую часть завета о. Глеба — „перейдя через кровь”, — Николай не нашел в себе сил для выполнения второй его части, — по той причине, что резкий переход от „бунта” к „смирению” показался ему, рационалисту, противоречащим рассудку и здравому смыслу».³ Однако в ней можно видеть и элементы солидарности

---

¹ Более удачной представляется другая формулировка исследовательницы: «Как видим, авторская „идея” Ремизова, во многом соотносясь с „идеями” „человекобожеских” героев Достоевского, абсолютно чужда авторскому миропониманию создателя „Преступления и наказания”» (Богданова. С. 248).

² В своей книге «Л. Толстой и Достоевский» (1901—1902) Д. С. Мережковский отказался принять раскаяние Раскольникова, считая эпилог романа искусственной приставкой, которая сама по себе отпадает, как «маска с живого лица». Разделяя теорию Раскольникова о двух категориях людей и их различном предназначении, критик прославил человекобожескую сущность Раскольникова, воспел его как «властелина». Мережковский стремился склонить на свою сторону и автора «Преступления и наказания», утверждая, что «последний нравственный вывод самого Достоевского из всей трагедии — именно эти слова Раскольникова: „совесть моя спокойна”». См.: Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. М., 2000. С. 289, 290.

³ Данилевский А. А. О романе А. Ремизова «Пруд». С. 523—524.

писателя с Достоевским в трактовке преступления. Ведь в результате последовавшей за его убийством смерти о. Глеба он испытывает своего рода богооставленность («Боже мой! Боже мой, почто Ты меня оставил!»), а также «жажду до неистовства» «схватить чью-нибудь руку и держаться, или грохнуться оземь да так, чтобы уж навсегда» (Пр., 411). Еще в большей степени солидарность не столько с шестовской интерпретацией Достоевского, сколько с самим Достоевским ощущается в относящейся уже к периоду своего рода «примирения» Ремизова «с действительностью» третьей редакции «Пруда» (1911), в которой о. Глеб во время последнего свидания с Николаем говорит ему: «Любите, любите всем сердцем. Есть любовь, которая может остановить руку убийцы, зажечь потухшие чувства, просветить темные помыслы...» И пусть Николай отказывается простить: «Есть вещи, которых простить нельзя...» (Пр., 488), — «огонек», прыгающий «в решетчатом окне высокой тюремной башни у Николая» (Пр., 500), оставляет вопрос о его будущем открытым.

Возможно, больше солидарности с самим «Преступлением и наказанием» Достоевского, а не с его ницшеанскими истолкованиями Шестова и Мережковского, в повести Ремизова «Крестовые сестры» (1910), герой которой Маракулин свою ненависть к бессмыслице жизни сосредоточивает на бессмертно-благополучной генеральше, живущей своей «вошьей жизнью». Маракулин иступленно мечтает убить ее, но генеральшу случайно убивают без его помощи. Мертвая, она вызывает в герое только жалость, а в страшно-бессмысленном мире так ничего и не меняется.

Осложненное идеями и поэтикой символизма переосмысление трагико-фантастического мира дворянско-буржуазного Петербурга, впитавшее в себя разнородные темы «Преступления и наказания», а также «Бесов», «Шинели», «Медного всадника», «Пиковой дамы», отразилось в романе Андрея Белого «Петербург» (публ. в альм. 1913—1914; отд. изд. 1916; сокрац. ред. 1922). «В „Петербурге“ влияние Гоголя осложнено Достоевским, которого меньше», — признавался его автор.¹ Тем не менее некоторые исследователи находят возможным говорить о перенесении в этот роман «важнейших символов» «Преступления и наказания».² Так, по мнению Е. В. Стариковой, «две главных сюжетобразующих идеи „Петербурга“ идут от Достоевского. Первая: „бесы“ революции, опутывающие ее сетями провокации, обрастающие революционное подполье в „подполье“ духовное. Вторая: „преступления и наказания“ петербургских отцов и детей, где покушение сына, студента-философа, вовлеченного в провокационное псевдоревolutionное подполье, на отца (сенатора-чиновника) выступает и как неизбежное историческое возмездие, и как гибельный нравственный результат большой головной абстракции, чистой „мозговой“ игры.

¹ Белый А. Мастерство Гоголя. Л., 1934. С. 302.

² Долгополов Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 242.

{...} Само стремление и возможность соединить сюжетные элементы „Бесов”, „Братьев Карамазовых” и „Преступления и наказания” в один идейно-образный узел нагляднейше демонстрирует ту же главную тенденцию Белого в его отходе от реализма названных им предшественников, которую мы видели на примере Гоголя, — синтезирование результатов, добытых полувековым опытом художественного анализа, в „превосходную степень” обобщения» (Старикова, 1974. С. 243).

При этом Белый «явно ориентируется здесь на Достоевского, на его роман „Преступление и наказание”, социально-нравственная коллизия которого уже приобрела к тому времени устойчиво мифологический характер. И „преступление” совершено, и „наказание” понесено. Но если „преступление” Раскольникова есть следствие созданной им и теперь решаемой теории, если поставленная им проблема имеет характер четко сформулированной дилеммы (ничтожная старушонка или счастье всего человечества), а сама эта дилемма есть следствие замысленного и вполне обдуманного эксперимента, то у Белого никакой „открытости” нет, все спрятано в подсознание, уведено в затекстовую сферу психологической жизни героя. По-своему воспроизводя коллизию, созданную Достоевским в „Преступлении и наказании” (жалкий и ничтожный старик или акт социального террора), Белый сознательно нейтрализует открытые у Достоевского социально-психологические предпосылки ее, — нейтрализует, но не убирает вовсе. Он растворяет эту страшную коллизию в целом романа, включает ее в общую широкую систему собственных размышлений о судьбах мировой истории».¹

Немало общего и в финалах обоих романов: как и Раскольников, сын-убийца «Николай Аполлонович терпит крах, знаменующий отрицательное отношение обоих авторов к самой идее социального насилия; как и Раскольников, он находит искупление в приобщении к „земле” и патриархальному началу, — но он не идет ни целовать землю, ни каяться перед народом. Его перерождение и выход за сферу социальных конфликтов (в которые он оказался втянут и не выдержал этого) вообще отсутствуют в романе, процесс этот снят Белым, подан только результат (в эпилоге). Но неизвестно, что же произошло с Николаем Аполлоновичем после взрыва бомбы и до того момента, когда он появляется в деревне в крестьянской поддевке, картузе и с бородой. Процесс перерождения также подается в виде скачка из одного состояния непосредственно в другое».²

¹ Там же. С. 240.

² Там же. С. 240—241. Как отмечает Магнус Юнтрен, «все важнейшие символы „Преступления и наказания” — камень, вода, воздух, земля, солнце, Христос, София — переносятся Белым в „Петербург”. Порой символы принимают иную окраску, вплоть до пародийной. Пано라마 города Белого полностью вбирает в себя петербургскую образность Достоевского. Петербург — это не просто город, это душевный град. Исходя из мистического представления о мире, Белый выходит за рамки

Многочисленные параллели к произведениям Достоевского, в том числе и к «Преступлению и наказанию», отмечены в лирике А. А. Блока.¹ Образами «Преступления и наказания», освоенными «до степени не цитирования уже, а некоей естественной языковой субстанции», Блок нередко говорил и в своих статьях. «Достоевский как бы всегда присутствует в подкладке его мышления, — пишет Т. А. Касаткина о блоковской лекции «О театре», — из образов Достоевского Блок создает свои — но неизменно сохраняющие всю глубину заложенного в них Достоевским смысла. Блок не цитирует — он продолжает говорить, он сдвигает смыслы Достоевского, но сам этот сдвиг предполагает непреходящее фоновое присутствие „достоевских“ смыслов». По мнению исследовательницы, «„Преступление и наказание“, и — особенно — Свидригайлов и сопутствующие ему образы-символы, занимают, если можно так сказать, довлеющее над другими произведениями и образами положение». «Отзвуки снов-видений Свидригайлова» исследовательница находит не только в статье Блока «О современном состоянии русского символизма», но и в поэме «Двадцать».²

Тесную связь с Достоевским ощущали и многие другие поэты начала XX века — причем не только символисты, но и акмеисты, и футуристы.³ Так, А. А. Ахматова признавалась: «Блок от Достоевского и от Некрасова, и по секрету вам скажу, мы тоже — и Осип (Мандельштам. — С. К.), и я».⁴ По-видимому, опираясь в том числе и на всю выше прослеженную традицию переосмысления «Преступления и наказания» в литературе русского модернизма, Ахматова говорила: «Достоевский знал многое, но не все. Он, например, думал, что если убьешь человека, то станешь Раскольниковым, а мы сейчас знаем, что можно убить и 50 и 100 человек — и вечером пойти в театр».⁵

романа Достоевского, развивает его символы, расширяет его пространственные структуры до космического масштаба» (Юнгрен М. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Петербург» Андрея Белого // *Достоевский и Серебряный век*. С. 243).

¹ См.: Минц Э. Г. Блок и Достоевский // *Достоевский и его время*. С. 217—247.

² Касаткина Т. А. Феномен «Ф. М. Достоевский и рубеж XIX—XX веков» // *Достоевский и XX век*. Т. 1. С. 168—172.

³ См.: Богданова О. А. Достоевский и литература Серебряного века: (История изучения вопроса, обзор литературы (по 2008 год включительно)) // *Достоевский и мировая культура*. № 30. Вып. 1. С. 365—406.

⁴ Цит. по: Шестакова Е. А. Анна Ахматова и Достоевский // *Достоевский и мировая культура*. № 1. Ч. 3. С. 85. Ср. аналогичное высказывание поэтессы: «Достоевский у меня самый главный. Да и вообще он самый главный. Я сейчас как раз перечитывала „Преступление и наказание“» (Там же. С. 87).

⁵ Там же.

Аналогичным образом, не только непосредственно, но и зачастую опосредованно происходила рецепция образов «Преступления и наказания» в творчестве В. В. Маяковского, у которого она окрашена отзвуками восприятия творчества Достоевского В. В. Розановым.¹ Тонко ощущал и выразил это поэт Н. Н. Асеев, полагавший, что Маяковский ближе остальных к Достоевскому. В задуманной им пьесе между Маяковским и Достоевским происходит следующий разговор: «— А вы, Федор Михайлович, кем бы вы хотели стать из ваших детищ литературных? Мышкиным, Дмитрием Карамазовым либо Свидригайловым, может быть? Ведь он при всей сладострастности своей природы великих страстей был персона? — Я, — слабо ответил Достоевский, — я не только их воплотил. Я и вас, Маяковский, воплотил, хотя бы в Раскольниковой фигуре. Это ничего, что вы старуху не убивали, но душа-то у вас Раскольничья, раздвоенная, расщепленная на любовь и на долг, на разум и на чувство. Вот я вас и создал, да не в книгах, а в жизни. Подсмотрел в щелочку будущего».²

Художественная соотнесенность с романом «Преступление и наказание» характерна для многих дореволюционных произведений И. А. Бунина: повести «Суходол» (1911) и рассказов «Ночной разговор» (1911), «Игнат» (1912), «Ермил» (1912). Полемизируя со своими предшественниками в изображении «народа», писатель рисует преступления без наказания и без мук совести, совершаемые простыми мужиками. Встречаются у него в произведениях этого периода и прямые реминисценции из романа Достоевского. Например, в рассказе «Последняя весна» (1916) «бунинский мужик, пытаюсь помочь выбраться своей утонувшей в колдобине лошади, одновременно бьет ее „кнутовищем по голове, из которой смотрят совсем человеческие глаза“», что вызывает в памяти эпизод убийства лошади пьяным Миколкой.³

---

¹ См.: Кацис Л. Ф. Достоевский. Розанов. Маяковский (О литературных истоках поэмы «Про это») // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 6. С. 52—68. См. также: Shapiro Korten J. The Influence of Dostoevskij on Majakovskij's poem «Про это» // Studies Presented to Professor Roman Jacobson by His Students. Cambridge, Mass., 1968. P. 73—83; Перцов В. О. Маяковский: Жизнь и творчество. 3-е изд. М., 1976. Т. 2. С. 232—233; Тарановский К. Ф. Поэма Маяковского «Про это»: Литературные реминисценции и ритмическая структура // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1979. Vol. 4. P. 114—125.

² Асеев Н. Н. Достоевский и Маяковский // ВЛ. 1979. № 4. С. 150, 154 (также: Асеев Н. Н. Родословная поэзии: Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 141, 146).

³ Жильцова Е. А. Роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского в творческом восприятии И. А. Бунина и М. А. Алданова // Вестн. Новгород. гос. ун-та. Сер. Филология. История. 2010. № 57. С. 35. Ранее этот эпизод отозвался в повести Бориса Савинкова «Конь бледный» (1909), в которой Ваня говорит герою-рассказчику: «Тихон

Решение проблемы преступления, прямо противопоставленное тому, что получило воплощение в «Преступлении и наказании», содержится в рассказе Бунина «Петлистые уши» (1916). Впрочем, по мнению В. А. Туниманова, «ранние редакции рассказа позволяют предположить, что поначалу в намерения Бунина не входили ни художественная полемика с Достоевским, ни своеобразное творческое соревнование с романом „Преступление и наказание“». ¹ С этим решительно не согласен Д. Риникер: «Бунинский рассказ — попытка (но отнюдь не спонтанная) переписать Достоевского, создать пародию в тыняновском смысле с героем-двойником Раскольниковом, убийцей-идеологом, в которую и Бунин, естественно, не мог не „сунуть“ Христа: „Я сын человеческий“ (...) — очень злое самоопределение Соколовича («сказал Соколович с какой-то странной торжественностью, которая могла сойти и за иронию»...). А произносит все это герой, который пришел именно губить, а не спасать души человеческие». ²

Д. Магомедова обратила внимание на то, что полемика с Достоевским в рассказе Бунина ведется в основном в сфере героя: «Герой предпринимает попытку собственной судьбой переписать сюжет романа Достоевского, вступая с его автором в открытую риторическую полемику. Герой рассказа Бунина „Петлистые уши“ прямо претендует на замену текста Достоевского собственным текстом:

„Довольно сочинять романы о преступлениях с наказаниями, пора написать о преступлении без всякого наказания“. ³

Особое раздражение вызывает именно мотив раскаяния Раскольникова на фоне мировой человеческой истории, переполненной жестокостью и массовыми убийствами:

„Мучился-то, оказывается, только один Раскольников, да и то только по собственному малокровию и по воле своего злобного автора, совавшего Христа во все свои бульварные романы“ ⁴ (Магомедова. С. 301).

По мнению В. А. Туниманова, «„Петлистые уши“ и есть рассказ о преступлении без наказания. Так что, говоря условно, Бунин выпол-

---

стоит. Ноги расставил, рукава засучил, кулачищи у него громадные, — и лошаденку свою вожжой по глазами хлещет. Лошаденка-то хилая, еле дышит, морду в гору дерет. А он ее по глазам, по глазам. (...) Так и ты, Жоржик, всех бы ты вожжой по глазам... Эх ты, бедняга» (Савинов Б. В. (В. Ропшин). То, чего не было. С. 144).

¹ Туниманов В. А. И. А. Бунин и Достоевский (По поводу рассказа Бунина «Петлистые уши») // Туниманов, 2004. С. 210.

² Риникер Д. Подражание — пародия — интертекст: Достоевский в творчестве Бунина // Достоевский и русское зарубежье XX в. С. 193. По мнению Л. А. Колобаевой, с помощью этой детали «автор рассказа подчеркивает реальную опасность своего героя и его философии» (Колобаева. С. 105).

³ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 4. С. 389.

⁴ Там же. С. 391.

нил социально-философский „заказ” Соколовича. Но выполнил, отстранив Соколовича от литературных обязанностей и максимально обособившись от героя-выродка».¹ Однако, обратившись к особенностям повествования в рассказе, Д. Магомедова показала, что наказание за свое преступление Соколович все же понес: «В рассказе Бунина внешним образом герой не подвергается наказанию: задушив проститутку, он спокойно покидает гостиницу. Такое построение повествования может ввести читателя в заблуждение. (...) в структуре авторского повествования заметны следы полицейского протокола («человек, который называл себя бывшим моряком, как оказалось потом, Королькову, называвшую себя просто Корольком»). (...) О чем говорят такие „проговорки” повествователя? Несомненно, они свидетельствуют об официальном раскрытии этого преступления „человеческим судом”» (Магомедова. С. 302). Таким образом, «у автора и героя бунинского рассказа задачи прямо противоположные. Герой стремится „написать” собственной судьбой „преступление без наказания”. Автор же стремится написать „Преступление и наказание”, но сделать это иначе, чем Достоевский» (Там же. С. 303). Если ситуация «преступления без наказания» у Бунина выдерживается лишь в рамках сюжета, а нарратологическая структура рассказа свидетельствует о том, что оно все же последовало, то каких-либо колебаний Соколовича при совершении убийства или какого-либо намека на возможное его раскаяние в нем в будущем действительно нет.

Плодотворность подобной «пародии на „Преступление и наказание”», как называют рассказ некоторые исследователи,² вызвала сомнения у Р. Боуи: «...стоило ли доказывать, что обыкновенный убийца — это не полураскаивающийся шизофреник, как Раскольников?».³ Впрочем, другие исследователи справедливо рассматривают рассказ Бунина скорее не как пародию, а как своего рода полемическую интерпретацию «Преступления и наказания»: «„Петлистые уши” — это рассказ о жестокости как норме существования (и исторического, и индивидуального), о нравственном тупике, в который зашло человечество».⁴

---

¹ Туниманов В. А. И. А. Бунин и Достоевский... С. 217.

² См., кроме указанной выше работы Д. Риникера, также: Белкин А. А. Сюжетные связи произведений Достоевского и Бунина («Преступление и наказание» и «Петлистые уши») // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1978. С. 141—146.

³ Боуи Р. Достоевский и «достоевщина» в произведениях Бунина // И. А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2001. С. 702—703.

⁴ Долгополов Л. К. На рубеже веков: О русской литературе конца XIX—начала XX века. Л., 1985. С. 293. При этом, например, О. В. Сливичкая подчеркивает не социальный, а космический характер

Вариации на мотивы «Преступления и наказания» — без прямых отсылок к роману — представляют собой и некоторые другие предреволюционные рассказы писателя. Так, в рассказе «Казимир Станиславович» (1916), несомненно, реализована полемически сниженная трактовка Буниным образа Свидригайлова: принадлежащий к сходному типу личности герой, приехав из провинции в Москву, кутит на последние деньги прежде чем совершить самоубийство, на которое ему в итоге так и не хватает духу, и он попрошайничает на вокзале, собирая деньги на обратный билет.

«Своеобразных спутников „Преступления и наказания”» некоторые исследователи видят также и в ряде бунинских рассказов эмигрантского периода («Дело корнета Елагина», 1925; «Страшный рассказ», 1926; «Илюшка» и «Убийца», 1930; и др.). В обоснование этого предположения указывается лишь то, что во всех этих рассказах, как и в романе Достоевского, изображаются преступления, совершаемые по самым разным причинам; при этом связываемые с Достоевским мотивы (не только и не по преимуществу с «Преступлением и наказанием»)¹ совмещаются в них с мотивами многих других произведений, причем не только русских писателей.

Не прошел мимо «Преступления и наказания» и русский авангард 1920—1930-х годов. Отмечено, например, что романы К. К. Вагинова «населены персонажами — главными, второстепенными и совершенно эпизодическими, — судьбы которых выглядят как повторение — на новом социальном и историческом витке — судеб и коллизий героев и героинь Достоевского (...) главный герой „Козлиной песни”, Неизвестный поэт оказывается связанным в годы, предшествовавшие революции, а затем во время „военного коммунизма”, с несчастной девушкой, почти подростком, которая вынуждена торговать своим телом, совсем как Соня Мармеладова из „Преступления и наказания”».² Очевидна близость к «Преступлению и наказанию» сюжетных ситуаций в повести Даниила Хармса «Старуха» (1939): «...в комнате с трупом старухи находится молодой человек, в страхе пытающийся найти выход из ужасного положения. (...) Герой-рассказчик описывает свой маршрут по городу, подобно тому, как описан маршрут Раскольникова, и так же, как последний, он страдает от летней

изображаемого Буниным зла и присущей человеку воли к разрушению (Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 142—145).

¹ Жильцова Е. А. Роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского в творческом восприятии И. А. Бунина и М. А. Алданова. С. 35. См. также: Жильцова Е. А. Мотивы романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского в новелле «Сын» и рассказе «Дело корнета Елагина» И. А. Бунина // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Русская филология». 2013. № 5. С. 84—88.

² Сегал Д. К. Вагинов и Ф. М. Достоевский: к постановке проблемы // Достоевский и Серебряный век. С. 314—366.

жары. Наконец, он, так же как и Раскольников, живет в одной бедной комнате со скудной мебелью и часто лежит „на кушетке”, как Раскольников на своей „неуклюжей большой софе».¹ Вместе с тем в переосмыслении романа Достоевского Хармс делает по сравнению с русским модернизмом новый существенный шаг. В его повести нет не только мук совести и наказания, но и самого преступления: «...Текст предстает как рассказ о *следствиях*, не имеющих *причин*: герой вынужденно ведет себя как преступник, и делает это осознанно. <...> отказавшись от причинно-следственной связи — „наказание без преступления” — писатель с явным осуждением смотрит на свою эпоху. <...> Не давая ответов, он разыгрывает то, что движет как им самим, так и героями Достоевского, а именно — метафизическое сомнение. Только в нем и таится надежда на утешение, ведь, по словам Хармса: „Сомнение — это уже частица веры”».²

В советской литературе к «Преступлению и наказанию», отзвываясь на гуманистические идеи романа и в то же время решая аналогичные этические проблемы в условиях новой действительности, неоднократно обращались А. Н. Толстой, Е. И. Замятин, Л. М. Леонов, Ю. К. Олеша и другие писатели. В рассказе Толстого «Голубые города» (1925) «нищий и больной студент, одержимый верой в свою миссию приблизить человечество к гармоническому будущему, под влиянием высокой идеи и роковой плотской страсти убивает человека и сжигает родной город, то есть совершает сразу несколько преступлений, соединяя в себе Раскольникова, Митю Карамазова и героев „Бесов»». Как бы продолжая традицию его ближайших предшественников — писателей-модернистов, «нарисовав картину „идейного преступления”, осложненного страстью, в системе знакомых читателю литературных ассоциаций, А. Толстой не касается проблем „наказания”: его таланту, испытывшему в молодости сильное воздействие Достоевского, в целом чужда моральная атмосфера книг Достоевского...».³ Зато явный гипертекст «Преступления и наказания» представляет повесть Михаила Козакова «Мещанин Адамейко» (1927), герой которой Ардальон Порфирьевич Адамей-

---

¹ Жаккар Ж.-Ф. Наказание без преступления: Хармс и Достоевский // *Достоевский и XX век*. Т. 1. С. 412 (см. также: Столетие Даниила Хармса: Мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Хармса / Науч. ред. А. Кобринский. СПб., 2005. С. 49—64).

² Жаккар Ж.-Ф. Наказание без преступления... С. 417, 424.

³ Старикова Е. В. Достоевский и советская литература (к постановке вопроса) // *Достоевский — художник и мыслитель*. Сб. ст. М.: Худож. лит., 1972. С. 630—632. Вместе с тем А. Н. Толстому близки мотивы «Записок из подполья» и «Игрока», использованные им в сатирических целях при изображении русского эмигранта в рассказе «Рукопись, найденная под кроватью» (1923). См.: *Толстой А. Н. Собр. соч.*: В 8 т. М., 1972. Т. 2. С. 281—310, особенно с. 297, 308.

ко,¹ развивая теорию о ненужных в новой жизни людях, убить которых не грех,² толкает к убийству вдовы Вострунковой безработного наборщика Федора Сухова.

В творчестве Замятина соотнесенность с «Преступлением и наказанием», наряду с реминисценциями из «Медного всадника», «Шинели», лирики Блока, прозы Ремизова и Андрея Белого, присуща его рассказу «Наводнение» (1929).³ Героиня рассказа Софья убивает топором свою приемную дочь Ганьку, которая живет с ее мужем Трофимом Ивановичем. Убийство остается нераскрытым, и когда Софье, наконец, удается родить дочь и, казалось бы, ничто не препятствует ее дальнейшей счастливой жизни, в больнице она сама в горячем бреду высказывает свою тайну.

Отзвуки «Преступления и наказания» ощущаются в романе Л. М. Леонова «Вор», в первой редакции которого (1927) М. Горький увидел «оригинально построенный роман, где люди даны хотя в освещении Достоевского, но поразительно живо и в отношениях крайне сложных».⁴ Некоторые прямо отсылающие к роману Достоевского образы («несчастной клячи») появляются и во второй редакции «Вора» (1959),⁵ и в других поздних произведениях Леонова. Так, юная героиня романа «Русский лес» (1953, 2-я ред. 1959) Поля Вихрова, выйдя из фашистского плена, многое поняв и на многое получив право, проникает в дом к злому гению своего оклеветанного отца Грацианскому и бросает ему в лицо чернильницу. Это, несомненно, отзвук рассказа Екатерины Ивановны Мармеладовой Раскольникову о том, как она сама «чернильницей пустила» в «генералишку», шефствовавшего над Мармеладовым.⁶

Актуальным текстом оставалось «Преступление и наказание» и в литературе русской эмиграции. Впрочем, это выражалось и в довольно критическом его восприятии со стороны некоторых из ее представительниц. Так, И. С. Шмелев в письме к И. А. Ильину ссылался на «Преступление и наказание» в подтверждение своей мысли о том, что русская литература не справилась с задачей показать воскресение пад-

---

¹ Фамилия героя, возможно, скрыто отсылает к герою бунинских «Петлистых ушей» Адаму Соколовичу, а отчество саркастически напоминает о следователе из «Преступления и наказания» Порфирии Петровиче.

² Козаков М. Э. Мещанин Адамейко: Повесть. Л., 1927. С. 128, 168, 173.

³ Туниманов В. А. Что там дальше? (Достоевский и Е. И. Замятин) // Туниманов. 2004. С. 185.

⁴ Письмо Ромену Роллану 9 апреля 1928 г. // Горький М. Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. М., 2014. Т. 17. С. 304.

⁵ Отмечено: Старикова Е. В. Достоевский и советская литература... С. 633—635. Этот образ из сна Раскольникова использовал и К. А. Федин в своей повести «Анна Тимофеевна» (1923). См.: Там же.

⁶ Старикова Е. В. Достоевский и советская литература... С. 645.

шего человека: «Провал у Достоевского с Раскольниковым — явный, ложь и ложь. Соня — ясна, а Раскольников — обманывает себя, нудящий неврастеник».¹

М. А. Алданов, напротив, считал «Преступление и наказание», вместе с «Войной и миром» Толстого, «двумя истинно бессмертными шедеврами»,² а сцену двойного убийства в «Преступлении и наказании» — одной из лучших у Достоевского.³ В то же время восхищение Алданова Достоевским, в отличие от его восприятия Толстого, было далеко не безусловным. Недаром одну из своих самых ярких статей о Достоевском он назвал «Черный бриллиант»,⁴ а в романах «Ключ» (1930) и «Начало конца» (1936—1942) вывел полемические по отношению к Порфирию Петровичу (Федосьев) и Раскольникову (Альвера) образы следователя и преступника.⁵

Как и в бунинских «Петлистых ушах», которые Алданов признавал одним из лучших рассказов своего старшего современника, в этих романах критическое отношение к «Преступлению и наказанию» имеет открыто заявленный характер и входит в характеристику героев. Так, следователь Николай Петрович Яценко, которому поручено расследовать дело об убийстве банкира Карла Фишера, «находил, что в Порфирии Петровиче все выдуманно: и следствие так, по-домашнему, никогда не ведется, и следователя такого не могло быть даже в дореформенное время. Однако самому Яценко случилось при допросах сбиваться на тон Порфирия Петровича; он видел в этом лишь доказательство того, как прочно засели книги великих писателей в душе образованных людей. Метод же пристава следственных дел в „Преступлении и наказании“ Яценко считал совершенно неправильным». По его мнению, «в громадном большинстве случаев при заперательстве преступника следователь должен прибегать к ухищрениям».⁶ Яценко действительно удается почти довести дело до суда над главным

---

¹ Цит. по: Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003. С. 178.

² Алданов М. А. Вековой заряд духовности, две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. 1996. № 12. С. 111.

³ Алданов М. А. 1) Черный бриллиант (О Достоевском) // Жар-птица. Берлин, 1921. № 4—5. С. 33—35; 2) Из записной тетради // Современные записки. Париж, 1930. № 44. С. 359.

⁴ О Достоевском Алданов писал и в некоторых других своих статьях: «Убийство Урицкого» (1923), «Мата Хари» (1932).

⁵ Тассис Ж. 1) Достоевский глазами Алданова // Достоевский и XX век. Т. 1. С. 395—400; 2) Роман «Преступление и наказание» в двух романах М. А. Алданова // Достоевский и русское зарубежье XX в. С. 147—158.

⁶ Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1993. Т. 3. С. 55. Далее цитаты из произведений Алданова даются по этому изданию (М.: Правда, 1991—1993) с указанием в тексте в скобках: Алд., номер тома и страницы.

подозреваемым Вячеславом Загрядским, который, как выясняется в заключительной части романа, совершенно невиновен: здесь, по-видимому, сказываются уже отзвуки романа Э. Габорио «Дело вдовы Леруж» (1866).

Впрочем, с Порфирием Петровичем в романе сопоставлен не Яценко, а глава политической полиции империи Сергей Васильевич Федосьев, ведущий на страницах романа разговоры (их, как и в «Преступлении и наказании», три) со знаменитым химиком, связанным с революционным движением доктором Александром Брауном, которого он подозревает в убийстве Фишера. В заключительном разговоре Федосьев сам признается: «Ведь в каждом из нас сидят Шерлок Холмс и Порфирий Петрович... Кстати, по поводу Порфирия Петровича, не думаете ли вы, что Достоевский очень упростил задачу своего следователя? Он взвалил убийство вместе с большой философской проблемой на плечи мальчишки-неврастеника. Немудрено, что преступление очень быстро кончилось наказанием» (Алд., 3, 223). То же самое думает Федосьев и о задаче самого Достоевского в романе: «...мальчишка убил ради денег. Интереснее было бы взять богатого Раскольниковова». — «Может быть, было бы интереснее, но от житейской правды было бы дальше», — отвечает ему Браун (Там же). Как и Раскольников, Браун не попадает в расставленные Федосьевым ловушки и так же резко на них реагирует: «Уж очень вы демоничны — и порою, извините меня, по-дешевому. В вас в самом деле есть Порфирий Петрович» (Алд., 3, 228).

Таким образом, критика Достоевского устами героев Алданова оказывается в большинстве случаев несколько оспорена в романе развитием сюжета или другими его героями. При этом соотносительность с Раскольниковым Брауна выражается также в том, что он — автор философского трактата, в котором люди делятся на две категории,¹ и в самом начале романа бросает с моста возле Зимнего дворца ключ от квартиры, в которой был убит Фишер.

Полемическая интерпретация «Преступления и наказания» самим автором «Ключа» выражается в финале, в котором «рабочая гипотеза» Федосьева так и остается лишь одной из возможных. Даже несмотря на то, что Федосьев уже в отставке, а на дворе начало февральской революции, Браун не думает сознаваться; а в последующих романах трилогии — «Бегство» (1932) и «Пещера» (1934—1936) — он оказывается не только не наказан, но и невиновен. Таким образом, пря-

---

¹ Это разделение носит иной, чем у Раскольниковова, характер, однако Федосьев, так же как и Порфирий Петрович, подозревает Брауна в убийстве в том числе и на основании его теории. «Параллель с Раскольниковым и его теорией, и без того прозрачная в романе, — отмечает В. А. Туниманов, — подчеркивается и дополнительно: „А как же ты мог Фишера отравить, в мире А или в мире Б?..“» (Туниманов В. А. Достоевский в художественных произведениях и публицистике М. А. Алданова // Туниманов, 2004. С. 247).

мая соотносённость с романом Достоевского в «Ключе», как постепенно выясняется, «во многом литературный прием («игра» с сюжетом романа Достоевского), а отчасти и камуфляж. Постепенно — и чем дальше, тем сильнее — роман Алданова отклоняется от классической схемы. Нет ни преступления, ни наказания. Диалог-спор между подозреваемым в убийстве и его преследователем не имеет завершения: каждый из них уходит в свою „пещеру“. Уединенный философ Браун в своей „пещере“ немало размышляет над словами («метафорами») Достоевского, ироническое отношение к которым становится очевидным уже во второй части трилогии». ¹ Во второй и третьей частях трилогии герой Алданова оказывается сопоставлен уже не столько с Раскольниковым, сколько с другими «бунтарями» Достоевского, и восстает не только против мира и человека, но и против их патетического бунтарства.

Позднее, говоря о «Преступлении и наказании» в книге «Ульмская ночь. Философия случая», Алданов подчеркнет, что в «гениальном романе» Достоевского «убийца неизмеримо симпатичнее и жертвы, и следователя». ² Образ Раскольникова вследствие этого казался писателю во многом искусственным. Вот почему еще в романе «Начало конца», создавая образ преступника Альвера, Алданов постарался придать ему гораздо более отталкивающий вид. Его Альвера — это «злая карикатура Раскольникова, в которой утрированы все черты характера». ³ В этом образе писатель «дал собственный, сильно усеченный вариант Раскольникова, — отмечает Ж. Тассис. — Он стер с него трагические черты, лишил каких бы то ни было сомнений и угрызений совести. Сложности Раскольникова он противопоставил упрощенного, неглубокого и отталкивающего Альвера». ⁴

Как и бунинский Соколович, Альвера читал роман Достоевского. Как и Соколович, он относится к Раскольникову, а заодно и к Достоевскому резко критически. ⁵ Своему патрону, писателю Вермандуа, если тот навестит его в тюрьме, он собирается сказать, что «убил назло Достоевскому». Он почти уверен, что ему удастся избежать наказания, и даже не помышляет о раскаянии: «Пусть сознается крестин

¹ Там же. С. 248.

² Алданов М. А. Ульмская ночь. Философия случая. Нью-Йорк, 1953. С. 247.

³ Тассис Ж. Роман «Преступление и наказание» в двух романах М. А. Алданова // *Достоевский и русское зарубежье XX в.* С. 157.

⁴ Тассис Ж. Достоевский глазами Алданова // *Достоевский и XX век.* Т. 1. С. 399—400, 397.

⁵ «Переключка „романа-фильма“ Алданова с „Петлистыми ушами“ ни в коей мере не может быть названа случайной, — отмечал В. А. Туниманов. — „Петлистые уши“ были любимым рассказом Алданова...» (Туниманов В. А. Достоевский в художественных произведениях и публицистике М. А. Алданова. С. 257).

Достоевского. (...) Как он и думал, все оказалось вздором: особенно эти *ими* выдуманные *угрызения совести*».¹

Романы Алданова «Ключ» и «Начало конца» «являются «критикой в действии (*la critique en action*), ибо, переделывая несколько сцен знаменитого романа Достоевского, Алданов тем самым их критикует и комментирует. Он придает своему тексту явную метатекстуальную функцию».² При этом «его комментарий к „Преступлению и наказанию“ отлично выражает всю амбивалентность отношения эмигрантского писателя к творчеству великого писателя XIX в.».³

Когда Алданов писал «Начало конца», он, безусловно, в определенной мере опирался на роман В. В. Набокова «Отчаяние» (1934), герой которого Герман, так же как и бунинский Соколович, неоднократно противопоставляет себя Раскольникову и не скрывает своего пренебрежительного отношения к автору «Преступления и наказания». Герман собирается убить некоего Феликса, который кажется ему похожим на него самого как две капли воды и, выдав его труп за свой собственный, получить страховку. Вспоминая один из своих разговоров с Феликсом, он пишет: «Что-то уж слишком литературен этот наш разговор, смахивает на застеночные беседы в бутафорских кабаках имени Достоевского; еще немного, „сударь“, даже в квадрате: „сударь-с“, — знакомый взволнованный говорок: „и уж непременно, непременно...“, а там и весь мистический гарнир нашего отечественного Пинкертона».⁴ Подразумеваемая усматриваемое им в нем мелодраматическое сочувствие к раскаявшемуся убийце, он издевательски перефразирует заглавие романа Достоевского: «Кровь и Слюни» (Отч., 440).⁵ Обдумывая свое будущее преступление, он испытывает чувство собственного превосходства не только по отношению к «великим преступникам», но и к авторам детективных произведений, в ряд которых он включает и Достоевского: «Да что Дойл, Достоевский, Леблан, Уоллес, что все великие романисты, писавшие о ловких преступниках, что все великие преступники, не читавшие ловких романистов! Все они невежды по сравнению со мной» (Отч., 406).

Очевидно, однако, что «агрессивно-презрительное отношение к Достоевскому включено Набоковым в кругозор антигероя, который

---

¹ Алданов М. А. Начало конца. М., 1995. С. 96—97 и др.

² Тассис Ж. Роман «Преступление и наказание» в двух романах Алданова. С. 154.

³ Там же. С. 158.

⁴ Набоков В. В. Отчаяние // Набоков В. В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 386. Далее цитаты из романа «Отчаяние» приводятся по этому изданию с указанием в тексте в скобках: Отч., номер страницы.

⁵ Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004. Глава «Набоков, Достоевский и достоевщина». С. 207.

„топает ногами” не на одного только творца „Преступления и наказания”, но буквально на все: на Бога и на бессмертие, на женщину, с которой живет, и вообще на всех окружающих. Единственное, что ему мило, это марксистская классовая теория. Возникает вопрос: кто здесь кого отрицает — Герман — Достоевского, или...? Не потому ли именно „Преступление и наказание” столь ненавистно герою, что это еще одно „зеркало”, поставленное перед ним автором? И зеркало явно обличает». ¹ Становится ясно, что с самого начала роман пишется от лица не Раскольникова, а скорее Смердякова, чей образ вызвал у Набокова наибольший интерес в «Братьях Карамазовых», как это явствует из его доклада «Достоевский без достоевщины», сделанного меньше чем за год до начала работы над «Отчаянием». Набоков определял в нем Смердякова как «недалекого, тупого человека, — вкладывающего в убийство весь запас жалкой хитрости и небольшого ума — грустный преступник, глупый преступник, как большинство убийц; выродок, невольно мстящий миру за свое собственное несовершенство, за лакейство свое, за скопческое лицо, за скудоумие, за унижительное прозвание», — и эта характеристика в полной мере может быть перенесена на Германа. ²

Уже после совершения преступления, описывая свои «неприятные ощущения», связанные с необходимостью играть теперь роль убитого им Феликса, Герман «не принимает» «соболезнования» читателей и, отталкиваясь, по всей видимости, от школьных и церковных интерпретаций судьбы Раскольникова как истории раскаявшегося грешника, тут же заявляет: «О каком-либо раскаянии не может быть никакой речи, — художник не чувствует раскаяния, даже если его произведения не понимают» (Отч., 440—441). Через несколько страниц Герман начинает ощущать «карикатурное сходство с Раскольниковым» (Отч., 449). Как и последний, он не раскаивается, а жалеет о том, что ему не удалось совершить задуманное: его «пронзало» «сознание, что все (...) произведение, так тщательно продуманное, так тщательно выполненное, теперь в самом себе, в сущности своей, уничтожено, обращено в труху, допущенную (...) ошибкой» (Отч., 457).

Однако не только Герман отрицает Достоевского, но и Набоков в «Отчаянии» — самим образом Германа — отрицает Раскольникова и тем самым полемизирует с Достоевским: «Германа действительно не занимает нравственная проблема (...) Но не занимает потому, что, по Набокову, она и не может такого преступника занимать. Иначе он не был бы преступником. Это вновь полемика с Достоевским, доказательство искусственности его философских и образных построений. Если и может преступник рассуждать, то только на уровне Германа. Облагородить убийцу нельзя. В этом Набоков видит невозможность,

¹ Злочевская А. В. Достоевский и Набоков // *Достоевский и мировая культура*. № 7. С. 93.

² См.: *Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина*. С. 206.

если не сказать, порочность, идеи романа Достоевского».¹ Таким образом, вопреки распространенному мнению,² в «Отчаянии» действительно имеет место серьезная критика Достоевского не только со стороны героя, но и со стороны автора. Она проистекает уже из того, что роман полемически соотнесен со своим гипотекстом, а Герман Карлович — со своим литературным прототипом, Раскольниковым, причем это соотнесение носит в основном диссонансный характер.

Еще одну попытку «переписать» уже не столько «Преступление и наказание», сколько метароман Достоевского вообще, представляет собой «Лолита» (англ. 1947, рус. 1955) Набокова. Герой этого романа Гумберт Гумберт соотнесен уже не столько с Раскольниковым, сколько со Свидригайловым и Ставрогиним и несет на себе трагический отсвет этих героев Достоевского, покончивших свою жизнь самоубийством. Причем, как полагает А. В. Злочевская, «именно между Свидригайловым и Гумбертом Г. существует некая таинственная связь. Для Свидригайлова, как и для героя Набокова, характерен трагически нерасчленимый уже симбиоз искренней любви с грубым сладострастием».³ В сюжете романа Набокова заново проигрывается сюжетная история и обыгрываются черты характера Свидригайлова: «Злодейство, дьявольский расчет и холодный цинизм Свидригайлова спародированы в поведении главного героя „Лолиты” Гумберта. Тяжелая, мрачная страсть к Дуне, убийство жены, доведенная до самоубийства девочка-утопленница, являющаяся в предсмертные часы

---

¹ Целкова Л. Н. Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция. М., 2011. С. 138. Это, разумеется, не отменяет глубокой ориентации Набокова на Достоевского как мастера повествования. См. об этом также: Гурт М. Набоков, наследник поэтики Достоевского в повести «Отчаяние» // *Достоевский и мировая культура*. № 12. С. 202—209; Davydov S. Dostoevsky and Nabokov: The morality of structure in *Crime and Punishment* and *Despair* // *Dostoevsky Studies*. 1982. Vol. 3; Connolly J. Dostoevsky and Vladimir Nabokov: The case of *Despair* // *Dostoevsky and the Human Condition after a Century*. New York, 1986. P. 155—162. Прямая ориентация на «Преступление и наказание» имеет место в романе Набокова наряду с опосредованным его восприятием через многочисленные «спутники» романа Достоевского в последующей литературе. См. об этом: Hypertext *Отчаяние*. Сверхтекст *Despair*: Studien zu Vladimir Nabokovs Roman — Ratsel / Hrsg. von I. Smirnov. München, 2000.

² Например, А. А. Долинин полагает, что только английский автоперевод «Отчаяния» (1937) носит резко полемический по отношению к Достоевскому характер, в то время как его русский оригинал бьет по «достоевщине» (Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина. С. 211).

³ Злочевская А. В. Роман В. Набокова «Лолита» в контексте литературной традиции Ф. М. Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. № 10. С. 187.

Свидригайлову, — все находит свой отклик в повествовании „Лолиты”».¹

При этом Гумберт Г. «оказывается в том же трагическом тупике, что и герои Достоевского: перед выбором между самоубийством и убийством — того **другого**, кто воплощает собой *ужас* содеянного», а любовь героя к Лолите становится основой для его «*расскаяния* (но не *покаяния*)»: «Гумберт Г. отказался простить себя потому, что осознал всю полноту своей вины перед Лолитой и не в состоянии представить себе, чем может быть она искуплена. <...> Искренние **любовь** и *расскаяние* грешника, который сам не находит себе оправдания, смягчило **наказание**: вместо самоубийства Гумберт Г. предан естественной смерти».² В то же время «реминисцентная ориентация романа „Лолита” на Достоевского, несмотря на моменты полемического отталкивания, представляет собой редкий, если не уникальный, для Набокова случай, по существу, тотального следования за своим великим, хотя и не слишком любимым предшественником, как в принципиальной постановке и решении проблем преступления, наказания и свободного нравственного выбора человека, так и в этико-философской оценке греха *растления* ребенка».³

«Преступлению и наказанию» Набоков посвятил отдельную лекцию в своих «Лекциях о русской литературе», где уже аналитическим сформулировал свое несогласие с идеями и образами романа Достоевского (прежде всего самого Раскольникова и Сони Мармеладовой, а также Порфирия Петровича и Свидригайлова),⁴ которое он художественно воплотил в романах «Отчаяние» и «Лолита».

«Фиксацию трагического разрыва с культурой», воплощенную в «образах Свидригайлова и Ставрогина и соединенных с ними педофильских мотивах, по-видимому, воспринятых в укоренившемся в Серебряном веке» толковании, видят также в «Распаде атома» (1938) Георгия Иванова.⁵

---

¹ Целкова Л. Н. Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция. С. 208.

² Злочевская А. В. Роман В. Набокова «Лолита» в контексте литературной традиции Ф. М. Достоевского. С. 192. См. также: Сараскина Л. И. «Мне страстно хочется Достоевского развенчать»: (Набоков, который сердится и бранится) // Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006. С. 425—443.

³ Злочевская А. В. Роман В. Набокова «Лолита» в контексте литературной традиции Ф. М. Достоевского. С. 193.

⁴ Набоков В. В. Лекции по русской литературе. СПб., 2012. С. 181—187.

⁵ Ранчин А. М. Свидригайлов, Ставрогин и поэтика извращения в «Распаде атома» Георгия Иванова // Достоевский и Серебряный век. С. 364. См. также: Котельников В. А. «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и «Распад атома» Г. Иванова // Достоевский и

Многочисленные и многообразные трансформации «Преступления и наказания» и воплощенной в романе Достоевского концепции преступления присутствуют в творчестве Гайто Газданова. В его романе «История одного путешествия» (1934—1935) сделана попытка изобразить как бы справедливое спонтанное убийство: влюбленный в проститутку Викторину англичанин Артур убивает доктора Штука за оскорбительный отзыв о своей возлюбленной. В романе «Пилигримы» (1953—1954) просматривается отчетливый параллелизм целого ряда героев с персонажами «Преступления и наказания»: Фред — Раскольников, Жанина — Соня, Роберт — Разумихин, сенатор Симон — Лужин, Шарпантье — Свидригайлов, Рожэ — Порфирий Петрович — и присутствуют такие общие с романом Достоевского сюжетные элементы, как близость проститутки и молодого преступника, а также его нравственное возрождение через благотворное влияние другого человека.¹

Пример критического сопоставления романа Достоевского с народным представлением о преступлении — рассказ Ивана Лукаша «Полок», в котором сам Достоевский, зайдя в торговые бани, выслушивает отзывы их «старосты» и тезки писателя Федора Михайловича о «Преступлении и наказании» как о «несправедливой книге»: «А книга несправедливая, что показана в ней жизнь человека, который живет как бы для одного преступления, за которым жить надо по наказанию. Такое для жизни человека несправедливо. По моему разумению, та книга справедлива, в которой для жизни обиды нет. Потому, жизнь от Бога. А та несправедлива, в которой обида есть. Я так полагаю». И Достоевский воспринимает такую оценку с пониманием: «Хорошо полагаете, Федор Михайлович. Очень хорошо. Очень. Я понимаю».²

Целый ряд любопытных художественных преломлений «Преступление и наказание» получило и в советской литературе 1950—1980-х годов.³ Важное место эта тема занимала в произведениях Фридриха Горенштейна: его рассказе «Контрэволюционер» (1969), пьесе «Споры о Достоевском» (1973) и романе «Место» (1976), глав-

---

русское зарубежье XX в. С. 116—125; Исповедь антигероя («Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и «Распад атома» Г. Иванова) // Там же. С. 126—141.

¹ См.: Кибальник С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб., 2011. С. 161, 198.

² Лукаш И. С. Соч.: В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С. 531.

³ См.: Мешалкин А. Н. Традиции Ф. М. Достоевского в творчестве В. П. Астафьева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. СПб., 1993; Быстров В. Н. В. Шукшин и Ф. Достоевский: К проблеме гуманизма // РЛ. 1984. № 4. С. 18—33; Левашова О. Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX века (Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2003.

ный герой которого, по мнению А. М. Зверева, это «далекое, искаженное подобие Раскольникова, его слабый аналог, созданный фантазматической сталинским и послесталинским времени».¹ В этом общем плане сходен с ним и Глебов, герой повести Юрия Трифонова «Дом на набережной» (1970—1976): заданное автором необходимое сопоставление его с Раскольниковым, по мнению исследовательницы, «ведет к дискредитации „современного Наполеона“ и одновременно — к уяснению масштабов той социальной опасности, которую таит в себе „феномен Глебова“, недооцененный современностью».²

Одним из своих учителей в литературе считал Достоевского В. Г. Распутин, и это ощущается во многих его произведениях. Впрочем, их герои оказываются, как правило, в еще более трагических обстоятельствах, из которых найти выход совсем непросто, если вообще возможно. Так, героиня повести «Живи и помни» (1984) Настена, в отличие от Сони Мармеладовой, оказавшись не в состоянии спасти своего мужа Андрея, дезертировавшего из армии в самом конце Отечественной войны, кончает жизнь самоубийством.³ Героиня повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) Светлана, убедившись, что насильник ее дочери не получит законного возмездия, убивает его сама. Причем «создается впечатление, что В. Распутин хочет убедить нас не только в трагической неизбежности убийства — возмездия насильнику, но и в его позитивном, так сказать, нравственном потенциале. Автор не скупится на изображение положительных духовных сдвигов в жизни близких к героине людей — дочери Светы, сына Ивана, мужа Анатолия. Страшный поступок героини побуждает к внутреннему укреплению всех этих персонажей — толкает к *первому волевому* действию дочь. Прямой полемики с Достоевским в повести Распутина нет, однако она — объективно — содержится в художественном *целом* произведения, где ведущая христианская идея Достоевского, идея неотвратимости внутреннего, наказующего суда совести человека, по существу, снимается» (Колобасва. С. 112).⁴

---

¹ Зверев А. М. Зимний пейзаж // Лит. обозрение. 1991. № 12. С. 21. Подробнее об «отражениях» «Преступления и наказания» у Горенштейна см.: Чулова О. И. Рецепция Ф. М. Достоевского в творчестве Ф. Н. Горенштейна. Пермь, 2012.

² Емец Т. В. Традиции Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова в творчестве Юрия Трифонова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Куйбышев, 1986. С. 16.

³ Влащенко В. И. Герои В. Г. Распутина и Ф. М. Достоевского (Повесть «Живи и помни» и роман «Преступление и наказание») // Писатели русской традиционной школы второй половины XX века в контексте современности. Сб. ст. Сургут, 2009. С. 158.

⁴ Отмечались переключки с «Преступлением и наказанием» и повести Распутина «Пожар» (1985), в последней главе которой весенняя земля «намекает на воскресение, и эта сцена имеет что-то общее с картиной, в которой Раскольников смотрел на пейзаж того берега реки в эпилоге

Сходную в этом отношении тенденцию развивал в своем романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» (журн. публ. 1998) Владимир Маканин, главный персонаж которого, бывший андеграундный писатель Петрович, чьего брата, художника, залечили в психиатрической больнице, исповедует философию «удара» и совершает два убийства. То прямо противопоставляя, то косвенно соотнося свои переживания с Раскольниковым, Петрович, однако, склонен к оправданию своих преступлений: «Я не чувствую раскаяния...»; «Я не виновен», отплатил «за попытку унижить меня»; «Я защищал „Я“». ¹ При этом в оправдания он, как и Раскольников, ссылается на многочисленные преступления государственной машины, а его собственные признание и раскаяние, которые так и не приходят, пытаются вызвать нейрорептиками, поместив его в ту же психиатрическую больницу, в которой находится его брат. Но ему удается из нее вырваться.

Таким образом, поскольку идеалы русской литературы не выходят для Петровича за пределы книг, то «Преступление и наказание» становится для него не «призывом к покаянию, а средством, помогающим избежать наказания и мук совести». ² В целом же полемика Маканина с Достоевским «идет по линии проблемы — веры и неверия, их реальной устойчивости в самосознании современного человека, выяснения меры внутренних возможностей человека в защите от зла, — отмечала Л. А. Колобаева. — Однако до конца одолеть художественную логику Достоевского в освещении духовного опыта Раскольникова для героя Маканина оказывается все-таки невозможно. Вновь проснувшаяся в нем потребность сбросить бремя тягостного „умолчания“, высказаться в Слове, хоть и в скомканном, искаженном варианте, воспроизводит ситуацию Раскольникова и Сони, ситуацию покаянной исповеди героя (эпизод с Натой, уличной проституткой в «Андеграунде»). Нервный срыв героя («образ горечи») в маканинском романе может быть истолкован в конце концов как проявление подспудной власти совести в его душе. Главным же виновником, попустителем убийств оказывается в романе государство с его репрессивной практикой и присвоенным „правом“ решать судьбу человека, вопрос жизни и смерти» (Колобаева. С. 110). ³

О том, что «Преступление и наказание» до сих пор сохраняет свою актуальность в литературе, свидетельствует целый ряд рецензий

романа „Преступление и наказание“. Это пейзаж не этого мира, а того берега будущего, который как будто возвысился над временем» (Оки Т. Достоевский и В. Г. Распутин: (Опыт размышления о проблеме «Спасения») // *Достоевский и мировая культура*. № 13. С. 115).

¹ Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. Роман. М., 1999. С. 151, 159, 158.

² Степанян К. А. Кризис слова на пороге свободы // *Знамя*. 1999. № 8. С. 204—214.

³ См. также: Семькина Р. С.-И. В матрице подполья: Ф. Достоевский — Вен. Ерофеев — В. Маканин. М., 2008. С. 124—157.

его в русской прозе конца XX—начала XXI в.: в романе Виктора Ерофеева «Страшный суд» (1995), в романе Дмитрия Галковского «Бесконечный тупик» (1997),¹ в рассказе Юрия Буйды «Века Авраама и стад его» (2014),² в романе Юрия Мамлеева «Мир и хохот» (2004) и его рассказе «Простой человек»,³ в романах Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996) и «Числа» (2003) и др.⁴

Роман активно используется и современной массовой литературой: так, в романе Бориса Акунина «Ф. М.» разворачивается детективный сюжет охоты за якобы сохранившимся и неопубликованным первоначальным вариантом «Преступления и наказания», текст которого, озаглавленный «Теорияка», воспроизводится на страницах романа.⁵

13

Роман «Преступление и наказание» был переведен на многие языки, на некоторые из них неоднократно, и имел огромное число «спутников» во многих национальных литературах.

Начало романа появилось в переводе на французский язык в издававшейся в Петербурге газете «*Courrier russe*» почти одновременно с журнальной публикацией русского оригинала.⁶ Эта публикация прошла незамеченной. Первым полным переводом был немецкий,⁷ выполненный и изданный на собственные средства Вильгельмом (Василием Егоровичем) Генкелем (1825—1910), деятельным пропагандистом русской литературы в Германии, прожившим много лет в России.⁸

---

¹ См.: *Оробий С. П.* «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского: структура, идеология, контекст. Благовещенск, 2010.

² *Прохорова Т. Г.* Метарефлексивный диалог с Ф. М. Достоевским в малой прозе Юрия Буйды // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология.* 2014. № 6 (32). С. 145—148.

³ См.: *Семыкина Р. С.-И.* О «Соприкосновении мирам иным»: Ф. М. Достоевский и Ю. В. Мамлеев. Барнаул; Екатеринбург, 2007.

⁴ См.: *Трунин С. Е.* Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX—начала XXI века. Минск, 2006. С. 43, 52, 77—79, 124—125, 128—130.

⁵ См.: *Сараскина Л. И.* Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры. М., 2010. С. 281—283.

⁶ *Courrier russe.* 1866. 29 августа (10 сентября), № 2; 12 (24) сентября, № 4; 19 сентября (1 октября), № 5; 26 сентября (8 октября), № 6; 3 (15) октября, № 7; 7 (19) ноября, № 12; 14 (26) ноября, № 13; 1867. 9 (21) января, № 2.

⁷ *Raskolnikow: Roman von F. M. Dostojewski.* Nach der 4. Aufl. des russischen Originals: «Преступление и наказание». Leipzig: Wilhelm Friedrick, 1882. Bd. 1—3.

⁸ См. о нем: *Дудкин, Азадовский.* С. 665; *Loew R.* Wilhelm Henckel: Buchhändler — Übersetzer — Publizist. Frankfurt am Main, 1995.

Видя, что роман не расходуется, издатель В. Фридрих разослал его видным писателям и критикам и получил восторженные отзывы. С этого времени роман прочно вошел в немецкую литературную жизнь. Перевод этот впоследствии дорабатывался и неоднократно переиздавался.

Роман русского писателя сразу высоко оценили такие немецкие писатели, как Пауль Хейзе, Густав Фрейтаг, Фридрих Боденштедт, Конрад Фердинанд Мейер. Так, Хейзе был поражен «такой психологической глубиной и силой, которая встречается редко даже у соотечественников писателя», а Мейер в одном из писем называл роман «болезненным шедевром (все же неизмеримо превосходящим Золя), из которого здоровый человек может бесконечно много почерпнуть, особенно в изучении анатомии души». ¹ Впрочем, в сознание европейского читателя 1890-х годов Достоевский вначале входил преимущественно как детективный автор «типа Габорио» (*Бушуева*. С. 465). «Если оставить в стороне психологические достижения „Раскольников“, — писал немецкий критик К. Блайбтрой, — то остается полицейский роман à la Габорио». ²

Особенно ценили «Преступление и наказание» писатели, в той или иной мере связанные с натурализмом: Герхарт Гауптман, Герман Бар, Арно Хольц, Вильгельм Хейне. В их борьбе за новое искусство им импонировали социальная направленность, гуманизм и психологическая глубина Достоевского. Именно эти черты подчеркивали в русском писателе такие немецкие критики, как Ойген Цабель, Теобальд Циглер и Александр Рейнгольд. Можно сказать, что писатели-натуралисты увидели в Раскольникове «героя своего времени». ³ Высоко оценивали роман и представители социал-демократической критики, например Роберт Швейхель в его статье «Об одном русском романе» (1884). ⁴ Как отметил немецкий исследователь темы «Достоевский в Германии», «„Раскольников“ считается самым значительным произведением Достоевского вплоть до конца 90-х годов, а отчасти и значительно позже». ⁵

За «Раскольниковым» Генкеля последовала долгая, продолжающаяся до настоящего времени череда других немецких переводов

S. 81—105; *Beyer-Thoma H. Vorwort // Bayern und Osteuropa: Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns Frankens und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weissrussland*. Wiesbaden, 2000. S. 18—19; *Ebert Ch. Literatur in Osteuropa: Russland und Polen*. Berlin, 2010. S. 37; *Schult M. Im Banne des Poeten: Die theologische Dostoevskij-Rezeption und ihr Literaturverständnis*. Göttingen, 2012. S. 39.

¹ Цит. по: *Дудкин, Азадовский*. С. 666.

² Цит. по: *Дудкин В. В. Достоевский в немецкой критике (1882—1925) // Достоевский в зарубежных литературах*. С. 179.

³ См.: *Дудкин, Азадовский*. С. 662—668.

⁴ См. подробнее: *Дудкин, Азадовский*. С. 718—719.

⁵ *Kampman Th. Dostojewski in Deutschland*. Münster, 1931. S. 27.

«Преступления и наказания»: Ханса Мозера (1888), Пауля Стычинского (1891), Вильгельма Таля (1903), Элизабет (Лесс) Кэррик (1906),¹ Вольдемара Йенсена (1907), Адама Котульского (1907), Германа Рёля (1912), Александра Элиасберга (1921), Грегора Ярхо (1924), Бернхарда Дедека (ок. 1925).² Далее появились еще два перевода: Вернера Бергенгрюна (1925) и Валерии Лесовски (1930), а затем наступил двадцатилетний перерыв, после которого интерес немецких переводчиков к «Преступлению и наказанию» заново пробудился, и свет увидели новые его версии: Феги Фриш (1952), Рихарда Хоффмана (ранее 1960), Бениты Гиргензон (ок. 1958), Бригитты Клаас (1980), Маргит и Рольфа Бройеров (1994), Светланы Гайер (1994).³

Различия в оценке финала «Преступления и наказания» отразились в немецких переводах заглавия романа: пер. В. Генкеля (1882) — «Raskolnikow» («Раскольников»); пер. Х. Мозера (1888) — «Schuld und Sühne» («Преступление (букв.: вина) и искупление»); пер. Э. Кэррик (1908) — «Rodion Raskolnikoff» («Родион Раскольников»); пер. А. Элиасберга (1921) — «Verbrechen und Strafe» («Преступление и наказание»)⁴ Преимущественное употребление получило заглавие «Schuld und Sühne», вариант «Verbrechen und Strafe» актуа-

---

¹ Под заглавием «Schuld und Sühne» и под псевдонимом переводчицы: Е. К. Rahsin (Е. К. Разин). В 1908 г. этот перевод под заглавием «Rodion Raskolnikoff: (Schuld und Sühne)», под другим псевдонимом переводчицы (Michael Feofanoff — Михаэль Феофанов) и с предисловием Д. С. Мережковского был включен в Собрание сочинений Достоевского, предпринятое книгоиздателем Р. Пипером. См. об этом переводе: Потапова Г. Е. К истории восприятия Достоевского в Германии (Из писем немецкой переводчицы Достоевского Лесс Кэррик) // *Д, Материалы и исследования*. Вып. 19. С. 400—428. Подробнее о Л. Кэррик, ее восприятии и переводах Достоевского см.: Кэррик Л. Достоевский и «Другая Европа»: Афоризмы. Статьи. Эссе. Дневники. Путевая проза. Письма / Сост., пер. с нем., предисл. и коммент. Г. Е. Потаповой. СПб., 2017.

² Подробнее о перечисленных переводах см.: Jekutsch U. Auktorial-personal oszillierendes Erzählen in Dostoevskijs *Prestuplenie i nakazanie* und in der Wiedergabe durch frühe deutsche Übersetzungen // *Erlebte Rede und impressionistischer Stil: europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen*. Göttingen, 1995. S. 141.

³ Краткие характеристики этих переводов со ссылками на другие работы по компаративистике, в которых рассматриваются различные немецкие версии «Преступления и наказания», см. в работе: *Vyкупil S. Erlebte Rede und verwandte Verfahren zur Bewußtseinsdarstellung in deutschen Übersetzungen von Prestuplenie i nakazanie nach 1924 // Erlebte Rede und impressionistischer Stil... S. 179—220.*

⁴ Дудкин В. В. Достоевский в немецкой критике (1880—1925). С. 182.

лизирует скорее юридические, чем этические коннотации, заключенные в нем.

На французский язык «Преступление и наказание» впервые было переведено в 1884 г. Виктором Дерели,¹ хорошим знакомым И. С. Тургенева, под чьим влиянием он, вероятно, задумал этот перевод и чьими советами, возможно, пользовался в работе над ним. В том же году перевод был четырежды переиздан, а выпущенное той же фирмой в 1901 г. очередное переиздание было помечено как сорок восьмое.² Именно в этом переводе с романом познакомились Андре Жид, Марсель Пруст, Поль Клодель, Андре Бретон, процитировавший его в своем «Манифесте сюрреализма»,³ а также Фридрих Ницше, Оскар Уайльд, Томас Стернз Элиот, Сэмюэл Беккет и др. За ним последовали переводы Жана Шузевиля (1931), Дуси Эргаз (1931), Марка Семенова (1933), Элизабет Гертик (1947), Мишель-Ростислава Хофмана и С. Кевремона (1948), Веры Волман (1949), Леона Бродовикоффа (1958), Артура Адамова (1963), Пьера Паскаля (1965), Андре Марковича (1996) и др.

Первый английский перевод романа (1886), сокращенный и не вполне удачный, принадлежал перу родившегося в Санкт-Петербурге беллетриста, поэта и музыканта Фредерика Уитшоу.⁴ Несколько раз переиздававшийся до 1911 г. включительно, он после 1914 г. был совершенно вытеснен переводом Констанс Гарнетт, опубликованным в составе издаваемого ею Собрания сочинений Достоевского.⁵ На несколько десятилетий этот перевод стал главным и до настоящего времени остается широко востребованным в англоязычном мире источником знакомства с «Преступлением и наказанием». Новый перевод, выполненный Дэвидом Магаршеком, появился лишь в 1951 году.⁶ За ним последовали переводы Джесси Коулсон (1953), Майкла Скэммела (1963), Сидни Монаса (1968), Дэвида Макдаффа (1991), Оливе-

---

¹ *Le Crime et le châtement / Traduit du russe par Victor Derély. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1884.*

² Выходили также издания без указания издательской фирмы; выпущенное в 1909 г. было обозначено шестнадцатым.

³ См. это место в русском переводе манифеста: *Бретон А. Манифест сюрреализма // Поэзия французского сюрреализма: Антология. СПб., 2004. С. 351.*

⁴ *Crime and Punishment / Trans. by Frederic Whitshaw. London, 1886.* См. о нем: *Leatherbarrow W. J. Introduction: Dostoevskii and Britain // Dostoevskii and Britain. Oxford; Providence, 1995. P. 24—25.*

⁵ *Crime and Punishment: A novel in six parts and an epilogue // The Novels of Fyodor Dostoevsky / From the Russian by Constance Garnett. London, 1914. Vol. 4.*

⁶ См.: *Muchnik H. Dostoevsky's English Reputation. Northampton, 1949. P. 150; Glad J. Constance Garnett and David Magarshack as Translators of Crime and Punishment. Bloomington, 1964; Dostoevskii and Britain. Oxford; Providence, 1995. P. 24—25.*

ра Реди (2014). В англоязычных странах за пределами Европы читатели пользовались и пользуются переводами, выполненными в Англии, и только во второй половине XX в. два перевода были осуществлены в США: дочерью П. А. Кропоткина Александрой Кропоткиной (1953), а через много лет Ричардом Пивиром и Ларисой Волохонской (1992).¹

На чешский² и норвежский языки роман впервые был переведен в 1883 г., на шведский и датский — в 1884, на голландский — в 1885, на польский — в 1887—1888, на венгерский и финский — в 1888, на сербский — 1888 (неполный), 1899—1901, на итальянский — в 1889,³ на болгарский — в 1889—1890, на испанский — в 1901, на румынский — в 1912, на японский — в 1913, на арабский — в 1914, на китайский — в 1930 г., на словацкий — в 1944—1945. При этом первые переводы на скандинавские языки делались с немецкого перевода В. Генкеля, а в основу первых переводов на итальянский и испанский языки лег французский текст Виктора Дерели. На японский, арабский, китайский и некоторые другие восточные языки «Преступление и наказание» вначале переводилось, как правило, с перевода Констанса Гарнетт.⁴

По мере публикации переводов роман «Преступление и наказание» активно обсуждался в зарубежной критике.⁵

---

¹ Перевод Джулиуса Катцера (Moscow: Raduga Publishers, 1985) не может рассматриваться как факт восприятия «Преступления и наказания» в англоязычном мире.

² Когда популярная в те годы в Чехии «Народная газета» начала публиковать перевод Й. Пенижека, ее редакция «заставила переводчика удалить из текста все сложные размышления и диалоги, „тормозящие развитие действия”» (Каутман Ф. К вопросу об актуальности произведений Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Вып. 20. С. 330).

³ В Италии «Преступление и наказание» печаталось в 1890-х годах «короткими отдельными выпусками, как печатались в ту пору полицейские романы „с продолжением”» (Бушуева. С. 465).

⁴ См.: Checkland O. Japan and Britain after 1859: Creating Cultural Bridges. London, 2003. P. 67; Чжань Бянь Гэ. Восприятие Достоевского в Китае // *Достоевский и XX век*. Т. 2. С. 468; Долинина А. А. Первый арабский перевод Достоевского // *Русская классика в странах Востока*. М., 1982. С. 163—173.

⁵ Выше сообщены сведения только о первых переводах «Преступления и наказания» на иностранные языки; более подробные, хотя и не полные, охватывающие период до начала 1950-х годов, приведены в *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 358—359, 361. Картина рецепции и научного изучения романа за рубежом до конца 1950-х годов представлена в статье: Григорьев А. Л. «Преступление и наказание» за рубежом // *ЛП*. С. 712—732; с 1960-х годов и до настоящего времени, в статьях и библиографических списках, по отдельным странам, в сб.: *Д, Материалы и*

Впрочем, профессиональная литературная оценка «Преступления и наказания» предшествовала в Европе выходу его первого перевода. Французский критик Ж. Флери сравнил «Преступление и наказание» и «Терезу Ракен» Э. Золя как два почти одновременно написанных романа на тему об убийстве и отдал предпочтение русскому писателю: «У Достоевского больше человеческого, — утверждал он, — а у Золя — звериного».¹ С появлением переводов отзывы о романе последовали в статьях и книгах Г. Брандеса (1883), Э.-М. де Вогюэ (1885; отд. изд. 1886), Э. Эннекена (1885), Э. Пардо Басан (1887), Ч. Тернера (1890), и далее один за другим во все возрастающем количестве.

Суждения о «Преступлении и наказании» Э.-М. де Вогюэ, высказанные им в книге «Русский роман» (1886), получили широкий резонанс, вызвали множество откликов в других странах и надолго определили зарубежную репутацию Достоевского. Вогюэ утверждал, что в этом романе талант русского писателя достиг своего расцвета, и определил его главную этическую установку как «религию страдания» («la religion de la souffrance»). Этими словами озаглавлен раздел книги, посвященный Достоевскому.² Восхищаясь глубиной психологической правды у Достоевского, он в то же время отмечал большое отличие его художественной манеры от изобразительной техники западноевропейских писателей, предполагающей обязательную «игру литератора». Корни этого различия он видел в особенностях русской души и представлял «Достоевского-скифа» «абсолютной противоположностью западного человека»,³ что на долгое время сформировало тип русского писателя в глазах зарубежного читателя: русские писатели, по словам Вогюэ, уступая французским в формальном совершенстве письма, «pretendent на то, чтобы питать души, и наибольшее оскорбление, которое вы бы могли им нанести, состояло бы в том, чтобы сказать, будто они собрали слова, не прибегая к идеям».⁴

Автор первой книги о русском романе, опубликованной в Испании в 1887 году, Эмилия Пардо Басан рассказывала в предисловии, что ее замысел возник у нее в 1885 г., когда она была до глубины души по-

---

исследования. Т. 20. См. также: *Достоевский и XX век*. Т. 2. Существует большое число работ, посвященных общим и частным вопросам восприятия «Преступления и наказания» в различных национальных культурах.

¹ *Fleury J.* Deux romanciers russes contemporains: Dostoievskii et Pissemkii // *La Revue politique et littéraire*. 3-me ser. 1881. Т. 1. P. 279.

² См.: *Заборов П. Р.* [Вступительная заметка] // Вогюэ Э. М. Русский роман. Предисловие // К истории идей на Западе: «Русская идея». Сб. ст. СПб., 2010. С. 499—503; *Röhl M.* Le roman russe de Eugène-Melchior de Vogüé: étude préliminaire. Uppsala, 1974; *Bachés J.-L.* Introduction // Vogüé E.-M. de. Le Roman russe. Paris, 2010. P. 7—70.

³ См.: *Фокин*. С. 51—52, 55—56, 61.

⁴ *Vogüé E.-M. de.* Le Roman russe. Paris, 1912. P. 254—255.

трясена, прочитав во французском переводе «Преступление и наказание». Среди прочих достоинств романа Достоевского она усматривала в нем освобождение литературы от грехов натурализма: «На сцену „Преступления и наказания“ Достоевский выводит проститутку, и в этом персонаже нет ничего ни от романтической Маргариты Готье, ни от Нана, ее не поэтизируют, не приукрашивают, не шаржируют и при этом — кто сомневается, пусть читает роман, — она оставляет впечатление чистоты, страдания и кротости».¹

В сознании немецких читателей «Преступления и наказания» важное место занимал нравственный аспект романа и вопрос о «реабилитации» его героя. Упомянувшийся выше писатель Карл Блайбтрой в заметке 1887 г. доказывал, что «„Раскольников“ — это в первую очередь роман совести и только совести. Нигде мировая проблема, занимающая центральное место в судьбах человечества со времени Адама и Евы, всемогущая власть (...) бога, которого мы называем „совестью“, не находила такого исчерпывающего решения, нигде, за исключением немногих произведений Байрона и Шекспира...».² По мнению соавтора одной из первых инсценировок «Преступления и наказания» (1890) Ойгена Цабеля, фигура Свидригайлова была введена Достоевским для того, чтобы оттенить убийцу-идеолога, «нравственно возвысить своего героя, невзирая на его преступление».³ Известный датский критик Георг Брандес в своих книгах «Русские впечатления» (1889) и «Достоевский» (1889) подчеркивал острую современность нравственной дилеммы Раскольникова, ставя ее в контекст современной общественной жизни и, в частности, в контекст русского нигилизма и революционного терроризма. В немецкой критике «в целом» была принята точка зрения Брандеса, который считал, что «преступление Раскольникова не уголовное дело, а политическое убийство».⁴

К концу XIX в. получило распространение и прочно утвердилось восприятие Раскольникова как «сверхчеловека» в духе идей Ф. Ницше. «Раскольников в двух отношениях произвел переворот в современной литературе — как в смысле проникновенности творчества, так и в самой постановке проблемы о сверхчеловеке», — утверждал немецкий критик Лео Берг в книге «Сверхчеловек в современной литературе» (1897), отмечая при этом, что герою Достоевского не удастся тем не менее решить задачу создания новой нравственности: «...прежнее аскетическое мировоззрение не может принять его, потому что он выдвигает на первый план свое я, а новое — потому, что не умеет до конца отстоять его; в глазах общества он преступник, а для высшего человечества отщепенец». Соответственно автора романа Л. Берг про-

---

¹ Пардо Басан Э. Из книги «Революция и роман в России» / Вступ. заметка, пер. с исп. К. С. Корконосенко // К истории идей на Западе. С. 545.

² Цит. по: Дудкин, Азадовский. С. 669.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 668.

возглашал «предтечей Ницше».¹ Не оправдывая героя «Преступления и наказания», немецкие натуралисты, выделявшие на первый план противоречивость современного человека, полагали, что «именно преступник наиболее полно воплощает» его.²

Сам Фридрих Ницше, рассматривая в «Сумерках идолов» (1888) «тип преступника» как «тип сильного человека при неблагоприятных условиях», предлагал обратиться к опыту Достоевского — «единственного психолога, у которого я мог кое-чему поучиться: он принадлежит к самым счастливым случаям моей жизни...».³ «Преступление и наказание» Ницше называл «главным романом Достоевского».⁴ Резкую реакцию вызвало у него высказанное Карлом Блайттроем в его брошюре о «Преступлении и наказании» предпочтение «Жерминаля» Э. Золя; основанием для этого критику послужила «значительность мировоззрения, идеи», представленных в романе французского писателя. «Какая психологическая убогость (...) в его пренебрежительном замечании о последнем произведении Достоевского! — писал Ницше об этом суждении Блайттроя в одном из писем. — Ведь проблема, более всего занимающая Достоевского, в том как раз и состоит, что самая тонкая психологическая микроскопия и пронизательность вовсе ничего не добавляют к ценности человека: очевидно, в русских условиях у него было более чем достаточно возможностей в этом убедить!»⁵ Впрочем, по заключению Г. М. Фридлендера, роман «Преступление и наказание» «либо не был внимательно прочитан Ницше, либо, по сравнению с ранее прочитанными вещами, заинтересовал его меньше» (Фридлендер, 1985. С. 270).

Вместе с тем сближение Раскольникова с немецким философом было актуальным моментом в рецепции «Преступления и наказания». В частности, Лев Шестов писал: «...Раскольников становится „по ту сторону добра и зла“, и это уже 35 лет тому назад, когда Ницше еще был студентом и мечтал о высоких идеалах».⁶ В присущей ему заостренной форме Шестов подчеркивал родственность героя романа и его автора: «Он один, во всем мире, позавидовал нравственному величию преступника — и, не смея высказать свои настоящие мысли, создавал для них разного рода „обстановки“». Однако Раскольников, с точки

---

¹ Берг Л. Сверхчеловек в современной литературе: Глава к истории умственного развития XIX века / Пер. с нем. Л. Горбуновой. 2-е изд. М., 2007. С. 99.

² Дудкин, Азадовский. С. 670.

³ Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Ницше Ф. Соч. М., 1990. Т. 2. С. 619.

⁴ Цит. по: Gesemann W. Nietzsches Verhältnis zu Dostojewskij auf dem europäischen Hintergrund der 80-er Jahre // Die Welt der Slawen. (Wiesbaden). 1961. Jg. 6. H. 2. S. 131.

⁵ Цит. по: Ibid. S. 136.

⁶ Шестов Л. И. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Ницше: Pro et contra. Антология. СПб., 2001. С. 509, 510.

зрения Шестова, оказался «оклеветан» Достоевским, и в финале романа «раздавлен неизвестно за что».¹

«Специфически русской книгой» считала «Преступление и наказание» автор первой биографии Достоевского, написанной на немецком языке (1899), Нина Гофман. В духе современных ей неоромантических идей она полагала, что в Раскольникове «русская душа» проявляется как «люциферово начало», подавляемое им «благодаря набожной любви Сони, которая открывает грешнику христианскую веру».² Близкий по направлению австрийский писатель-эссеист Эмиль Лука в статье «Проблема Раскольникова» (1914) противопоставлял русскую этику, основанную на «чувстве и религии», утилитарной позитивистской морали Запада.³

В литературной критике немецкого экспрессионизма главным героем «Преступления и наказания» вообще оказался уже не Раскольников, а Соня Мармеладова. Отношение к ней «как к христианской мученице прочно утвердилось в немецком экспрессионизме. (...) В ряду произведений, в которых изображена и возведена проститутка, критики чаще других называли раннюю драму Г. Йоста „Начала” (1917) и пьесы П. Корнфельда „Обольщение” (1917) и „Небо и ад” (1920)».⁴ Еще в гимназии познакомился с «Преступлением и наказанием» Альфред Деблин, и этот роман был для него не просто литературным произведением, а, по характеристике исследователей, сильнейшим проявлением «откровения иррациональной стихии жизни».⁵

Связь с Раскольниковым усматривается в герое романа Р. М. Рильке «Заметки Мальте Лауридса Бригге» (1910).⁶ Своего рода этико-философский спор с метафизикой преступления у Достоевского вел австрийский писатель Роберт Музиль в своих романах «Душевные смуты воспитанника Терлеса» (1906) и «Человек без свойств» (1942).⁷ По всей видимости, «Преступление и наказание» стало одним из

---

¹ Там же. С. 511, 520. Стремление вписать «Преступление и наказание» в избранный круг произведений, сформировавших ключевые идеи ницшеанской философии, присуще также и многим другим критикам, в частности британскому литератору славянского происхождения Янко Лаврину, автору книги «Творчество Достоевского-психолога» (1920). См.: *Джоунс М. В. Лаврин в Британии (1917—1986) // Янко Лаврин и Россия. М., 2011. С. 100.*

² Цит. по: *Дудкин, Азадовский. С. 690—691.*

³ См. подробнее: Там же. С. 692—693.

⁴ Там же. С. 705.

⁵ См. подробнее: Там же. С. 708.

⁶ Там же. С. 695.

⁷ См.: *Киселева М. В. Рецепция Р. Музилом творчества Достоевского: русский, немецкий, австрийский, французский и американский исследовательские подходы // Д, Материалы и исследования. Вып. 20. С. 373—378.*

импульсов к созданию «Процесса» (1925) Ф. Кафки.¹ Австрийский прозаик Йозеф Рот в своем «русском» романе «Исповедь убийцы» (1936), создавая образ своевольного агента охранки Голубчика, совершающего двойное убийство и не испытывающего ни малейшего раскаяния, по-видимому, отчасти вдохновлялся и образом Раскольникова.²

Роман Достоевского оказался действенным фактором в создании в Европе так называемой «русской моды», которой была посвящена одноименная статья (1886) французского писателя Мориса Барреса: «...всякий молодой человек, — говорилось в ней, — тянется к идеалу; однако по причине гнетущей необходимости в нескольких луйдорах (...) наши самые утонченные подростки уже не смотрят на Ловеласа или Дон Кихота: всех прельщает Растиньяк и даже Раскольников, который убивает старую даму ради того, чтобы утвердить свою волю и завладеть жалким состоянием, потворствует их аппетитам, напичканным всякими теориями; так что к двум утра эти brave молодые люди, изрядно поднабравшись и проигравшись в пух и прах, начинают нести чепуху, превознося до небес мелкие мошенничества. Любопытно отметить, что в „Преступлении и наказании“ мы снова сталкиваемся с авантюрой Барре и Лебьеца, двух убийц-дарвинистов, которые, оправдываясь научными принципами, убили молочницу, чтобы иметь средства для основания журнала».³ Баррес упоминает здесь подлинный случай, произошедший в Париже: студент медицинского факультета, стремясь спасти друга, растратившего доверенную ему пожилкой женщиной сумму, убил ее, а затем объяснил свой поступок дарвиновской теорией борьбы за существование. Этот случай, так же как и роман «Преступление и наказание», послужил Альфонсу Доде импульсом к созданию романа «Бессмертный» (1888) и пьесы «Борьба за существование» (1888—1889), в которых он изобразил циника Астье, совершающего преступления не ради высоких целей, а ради карьеры, власти и богатства. В предисловии к пьесе Доде прямо указал на «Преступление и наказание» как на свой образец.

Одним из ранних непосредственных отзвуков «Преступления и наказания» во французской литературе стал роман Поля Бурже «Ученик» (1889), главный герой которого Робер Грелу, увлеченный идея-

---

¹ См.: *Ranftl J. J. Von der wirklichen zur behaupteten Schuld: Studie über den Einfluß von F. M. Dostojewskijs Romanen «Schuld und Sühne» und «Der Doppelgänger» auf Franz Kafkas Roman «Der Prozeß».* Erlangen, 1991.

² По предположению А. Штильмарка, другим ориентиром послужил для Рота А. Г. Ковнер, похитивший крупную сумму денег малоизвестный писатель, вступивший после осуждения в переписку с Достоевским. См.: *Штильмарк А. Литературная исповедь: Йозеф Рот и Достоевский // Достоевский и мировая культура.* № 10. С. 154. Очевидно, впрочем, что в Голубчике есть черты и других героев Достоевского: Петра Верховенского и Ивана Карамазова.

³ Цит. по: *Фокин.* С. 75.

ми позитивизма, методично влюбляет в себя Шарлотту де Жюсса, а затем целенаправленно доводит ее до самоубийства.¹ Подобно Раскольникову, он также делит людей на две разные категории; его «великий жизненный принцип: не считать законом для нас, мыслящих людей, то, что является законом для тех, кто не мыслит».² В обоих романах присутствует «ситуация „краха идей“». Бурже заимствует у Достоевского также и тему „очистительного значения страдания“».³ Впрочем, в «Ученике» в образе кумира Грелу, «современного философа»-позитивиста Адриена Сикста, доказывавшего, что «для философа не существует ни преступления, ни добродетели» (Уч., 67), развита также и «проблема ответственности учителя за ученика» (Уч., 90), восходящая уже к «Братьям Карамазовым». И именно ему, а не Грелу, застреленному братом Шарлотты, приходится испытать на себе это очистительное значение.

Еще более явным образом «Преступление и наказание» отозвалось в романной дилогии Гектора Мало «Совесть» (1888) и «Правосудие» (1889), герой которой врач Виктор Санизель совершает убийство ростовщика под влиянием идей социал-дарвинизма.⁴ Авторские размышления о взаимоотношениях Сони Мармеладовой с Раскольниковым и о том, могла ли она остаться с ним до самого конца, находим на страницах романа Марселя Швоба (1867—1905) «Книга Монеллы» (1894).⁵ М. Баррес написал роман «Без корней» (1897), в котором философия «беспочвенности» толкает молодых людей к совершенному убийству.⁶ Шарль Луи Филипп в романе «Бюбю с Монпарнаса»

---

¹ См.: Михаленко Э. Психологические и философские связи романов Поля Бурже и Ф. М. Достоевского // Проблемы русской литературы: Сб. трудов. М., 1973. С. 86—99; Фридлендер, 1985. С. 292—302. Высказывалось предположение о влиянии «Преступления и наказания» на замысел другого романа Бурже — «Андре Корнелис» (1887). См.: Hemmings F. W. J. The Russian Novel in France, 1884—1914. Oxford, 1950. P. 127—128.

² Бурже П. Ученик: Роман / Пер. А. Ладинского. М., 1958. С. 107. Далее цитаты из этого романа приводятся по данному изданию с указанием в тексте: Уч., номер страницы.

³ Степанова М. А. «Крушение идей» в романах «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Ученик» Поля Бурже // Романский коллегийум. СПб., 2014. Вып. 6, посвященный памяти И. В. Лукьянец. Французские пассажи Достоевского / Под ред. С. А. Фокина. С. 129—130. См. также: Недосейкин Н. Н. Наука, ошибка и игра в романе П. Бурже «Ученик» // Вестн. Пермск. ун-та. 2011. Вып. 3 (15). С. 115—120.

⁴ См.: Drougard E. Dostoevskij et Hector Malot // Revue des études slaves. 1934. Т. 14, fasc. 3/4. P. 204—211; Донская С. Л. Гектор Мало и Ф. М. Достоевский // Тр. Ленинград. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской. 1957. Т. 2. С. 170—173.

⁵ Schwob M. Le Livre de Monelle. Paris, 1894. P. 7—10.

⁶ См.: Фокин. С. 77—78.

(1901) изобразил судьбу парижской девушки, которую ничто, даже самая преданная любовь, не в силах спасти от типичной судьбы проститутки.¹

В какой-то мере полемической трансформацией «Преступления и наказания» являются и «Подземелья Ватикана» (1914) Андре Жида, «роман о совершенно беспричинном убийстве, единственный смысл которого заключается в утверждении своеволия»,² «своего рода парафраз „Преступления и наказания“, т. е. воспроизведение того, что Жиду казалось замыслом Достоевского».³

Немалое место отведено «Преступлению и наказанию» в первых книгах о Достоевском, опубликованных во Франции: Андре Сюареса (1912), Андре Жида (1923) и др.⁴ Раскольникова Жид воспринял как предшественника идеи «сверхчеловека»: «Вот перед нами Раскольников: это у него впервые возникает та самая мысль, которая у Ницше становится мыслью о сверхчеловеке», — писал он.⁵ Нарисованный Жидом образ Достоевского оспаривал в письмах к нему Поль Клодель, упрекавший его в создании «статичного и завершенного» портрета и видевший уникальность Достоевского в его способности показать внезапное, не обусловленное логически, преобразование человеческой личности, как например в случае с Свидригайловым.⁶

В черновиках Марселя Пруста сохранился фрагмент незавершенной статьи о Достоевском, в котором, в частности, сказано: «Все романы Достоевского могли бы называться „Преступление и наказание“ (...). В его жизни наверное было преступление и наказание (может быть, и не связанное с этим преступлением), но он предпочел разделить надвое, в крайнем случае переложить впечатления наказания на самого себя («Записки из Мертвого дома»), а преступление на других».⁷ Однако высказанное Рене Жираром утверждение об «одержимости» Пруста структурой романа Достоевского остается дискуссионным.⁸ Ромен Роллан познакомился с «Преступлением и наказанием» еще в сентябре 1887 года и был им «очарован», восприняв его как

¹ См.: Милешин. С. 26—28.

² Григорьев А. Л. «Преступление и наказание» за рубежом. С. 720. См. подробнее: Милешин. С. 17—18.

³ Владимирова А. И. Достоевский во французской литературе XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. С. 55.

⁴ См.: Sonnenfeld A. De Dostoievski à Gide // The French Review. 1973, March. Vol. 46. № 4. P. 722—729; Фрилендер. 1985. С. 302—309; Spariosu M. The Wreath of Wild Olive: Play, Liminality, and the Study of Literature. Albany (N. Y.), 1997. P. 151—155.

⁵ Жид А. Собр. соч. Л., 1935. Т. 2. С. 446.

⁶ Paul Claudel et André Gide: Correspondance, 1899—1926. Paris, 1949. P. 23.

⁷ Цит. по: Фокин. С. 149.

⁸ Girard R. Marcel Proust // Girard R. Mimesis and Theory: Essays on Literature and Criticism, 1953—2005. Palo Alto, 2008. P. 66—67.

«бурю, разразившуюся в одной душе», и себя почувствовав «чайкой, вознесенной на гребне огромной волны, уносящей ее в водовороте пены».¹ Это знакомство, по мнению исследователей, сказалось в отдельных эпизодах его эпопеи «Жан-Кристоф».² Отзвуки «Преступления и наказания» присутствуют и в ряде романов Андре Мальро.³

Основополагающая нравственная дилемма «Преступления и наказания» предопределила далеко идущее влияние этого романа на французский католический роман: «Радость» (1928), «Преступление» (1935) и «Дурной сон» (1950) Жоржа Бернаноса,⁴ «Тереза Дескейру» (1927) и «Клубок змей» (1932) Франсуа Мориака.⁵ Как своего рода «вариации на темы „Преступления и наказания“» Луи-Фердинандом Селином был представлен в письме к редактору «Нового французского обозрения» Б. Кремье от сентября 1932 г. его роман «Путешествие на край ночи» (1932).⁶ После посещения России Селин высказал в памфлете «Безделицы для побоища» (1937) мысль о том, что типы, изображенные Достоевским, являются в России обычным, заурядным явлением. Говоря о Раскольникове, он писал: «Этот „проклятый“ представляется им (русским. — С. К.) существом, в общем, довольно заурядным, довольно банальным, столь же непредска-

---

¹ Cahiers Romain Rolland. Le cloître de la rue d'Ulm. Paris, 1952. Cahier 4. P. 148; *Роллан Р.* Воспоминания. М., 1966. С. 359; *Акад. ПСС.* Т. 7. С. 359.

² См.: *Motylova T.* Romain Rolland et Dostoïevski // Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Romanistica Pragensia. 1983. Т. 15. № 1/2. P. 59; Cahiers Romain Rolland. Paris, 1983. № 26. P. 71; *Starr W.* Romain Rolland. One against All: A Biography. The Hague; Paris, 1971. P. 25; *Duchatelet B.* La genèse de Jean-Cristophe de Romain Rolland. Paris, 1978. Т. 1. P. 39—40, 54; *Ozouf O., Gacheron G.* Littératures sans frontières: mélanges offerts à Jean Pérus. Clermont-Ferrand, 1991. P. 129—134.

³ См.: *Милешин.* С. 45—51; *Фокин.* С. 209—224.

⁴ См.: *Millner M.* Georges Bernanos. Paris, 1989. P. 193—194; *Maakaroun É.* Bernanos et Dostoïevski: le roman comme expérience de liberté // Etudes Bernanosiennes 19: Confrontations (2) / M. Estève, éd. Paris, 1988. P. 43—66. (La revue de lettres modernes. № 857—864).

⁵ *Милешин.* С. 51—74; *Kimozé Z.* Les passions chez Mauriac et Dostoïevski // François Mauriac et l'observation des passions: actes du colloque de la Sorbonne, 2—4 octobre 1995. Paris, 1996. P. 48; *Ollivier S.* Mauriac et Dostoïevski // Dostoevsky Studies. New ser. 2004. Vol. 8. P. 49—52; *LeTouzé Ph.* Mauriac le lecteur de Dostoïevski: l'humaniste et le prophète // François Mauriac: lectures et création. Paris, 2004. P. 239—265; *Bréteau C.* Mauriac et Dostoïevski // Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2010. Вып. 9. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Художественный мир Франсуа Мориака. С. 52, 57; *Sherry P.* Images of Redemption: Art, Literature and Salvation. London, 2003. P. 117, и др. работы.

⁶ *Фокин.* С. 168.

зваемым, сколь же привычным и столь же обыкновенным, как наш Бурбуль!.. Они рождаются такими».¹ Разумеется, связана с «Преступлением и наказанием» проза французского экзистенциализма, и прежде всего роман Альбера Камю «Посторонний» (1942).² Существенные реминисценции из романа Достоевского присутствуют и в послевоенной литературе Франции.³

«Преступление и наказание» получило множество разнообразных отзвуков и в английской литературе,⁴ последовавших уже почти сразу за появлением первого французского перевода романа. Таковым признается, в частности, рассказ Р. Л. Стивенсона «Маркхейм» (1885), герой которого убивает владельца ломбарда, а затем раскаивается и сознается в содеянном. Интерес к «Преступлению и наказанию» Оскара Уайльда выразился в рецензии на французский перевод романа, озаглавленной «Русский реалистический роман». Особенное внимание в ней он уделил анализу образов Раскольникова и Сони в свете евангельского рассказа о воскресении Лазаря.⁵ Соотносимая с идеей Раскольникова тема анархического бунта личности против общественных установлений владела Уайльдом в его новелле «Преступление лорда Артура Сэвилла» (1887), очерке «Кисть, перо и отравы: Этюд в зеленых тонах» (1889) и романе «Портрет Дориана Грея» (1891), в котором он следовал Достоевскому в изображении того, что «идея возмездия таится в самом человеческом характере».⁶

Несмотря на возмущение Джозефа Конрада полонофобией, имперскими взглядами и тяжеловесным стилем Достоевского, исследо-

---

¹ Цит. по: Там же. С. 333.

² См.: Милешин. С. 74—99; Фокин С. Л. Альбер Камю: Роман. Философия. Жизнь. СПб., 1999. С. 120—150, 233—244, и др. работы.

³ См., например: Гуреева Н. В. Последний сон Раскольникова как сюжетная основа романа Натали Хеннеберг «Язва» // Грехневские чтения. Нижний Новгород, 2010. Вып. 6. С. 324—329.

⁴ См., например: Хуснулина Р. Р. Английский роман XX века и «Преступление и наказание»: очерки о прозе О. Уайльда, В. Вульф, С. Мозма, Б. Хопкинса, Э. Берджесса, Дж. Фаулза. Казань, 1998.

⁵ См.: Ипатова С. А. Неизвестная рецензия Оскара Уайльда на «Преступление и наказание» // Pro memoria: Памяти академика Г. М. Фридендера. СПб., 2003. С. 250—271; Дайхин Т. Л. Идеи Ф. М. Достоевского в художественном сознании О. Уайльда // Филологический класс: Региональный науч.-метод. журнал учителей-словесников Урала. 2012. № 4 (30). С. 116—119. URL [http://journals.uspu.ru/attachments/article/276/филологический_класс_4\(30\)_2012.pdf](http://journals.uspu.ru/attachments/article/276/филологический_класс_4(30)_2012.pdf)

⁶ Хуснулина Р. Р. Английский роман XX века и наследие Ф. М. Достоевского. Казань, 2005. С. 52. Преемственность английского писателя в отношении к Достоевскому стала предметом осмысления уже в русской критике Серебряного века. См.: Абрамович Н. Я. Религия красоты и страдания: О. Уайльд и Достоевский. СПб., 1909.

ватели единодушно усматривают отражение «Преступления и наказания» в его так называемых «русских романах»: «Тайный агент» (1907) и «Глазами Запада» (1911), а также в повести «Теневая черта» (1917).¹ Существенные тематические и интертекстуальные связи с «Преступлением и наказанием» видят также в его романе «Лорд Джим» (1900).²

Не остался в стороне от влияния Достоевского и от «Преступления и наказания» Джон Голсуорси (рассказ «Поражение», 1917; повесть «Первые и последние», 1918). От Достоевского он отталкивался также в своей публицистике (в частности, в очерке «Сверхчеловек» (1915)), направленной против модернистов.³

Дэвид Г. Лоуренс, прочитав «Преступление и наказание» в мае 1909 г., в разговоре об этом произведении сказал: «Это великая книга, но она мне не нравится. Я толком ее не понял. Нужно прочесть ее еще раз».⁴ В письмах к разным лицам он многократно отзывался неодобрительно как о самом Достоевском, так и о его творчестве, а в своем романе «Влюбленные женщины» (1920) создал сатирический образ Гермiony Родис, прототипом которой стал писатель и критик Джон Миддлтон Марри, автор книги «Достоевский: Критическое исследование» (1916). Вместе с тем между этим романом Лоуренса и «Преступлением и наказанием» исследователи проводят существенные параллели,⁵ а в резких оценках русского писателя со стороны английского видят проявление ревнивого отношения и даже восприятия первого вторым как соперника.⁶

Именно в «Преступлении и наказании», по мнению американского исследователя Джозефа Фрэнка, «благодаря переключению временных планов в воспоминаниях и поразительным манипуляциям с темпоральной последовательностью событий» Достоевскому удалось пред-

---

¹ См.: Толмачев В. М. Джозеф Конрад и его «русские романы» // Конрад Дж. Тайный агент: Простая история. На взгляд Запада. М., 2012. С. 543—544, 548, 551—552, 566, 567; Хуснулина Р. Р. Английский роман XX века и наследие Достоевского. С. 61; *Maitlaw R. E. Dostoevskii and Conrad's political novels // Dostoevskii and Britain. Oxford; Providence, 1995. P. 229—248.*

² См.: Соколянский М. Г. Ф. М. Достоевский и Джозеф Конрад // *Достоевский и мировая культура. № 17. С. 368.*

³ Хуснулина Р. Р. Английский роман XX века и наследие Ф. М. Достоевского. С. 62.

⁴ *Burwell R. M. A checklist of Lawrence's reading // A D. H. Lawrence Handbook. Manchester, 1982. P. 71; Chambers J. D. H. Lawrence: A Personal Record. Cambridge, 1935. P. 123.*

⁵ *Oates J. C. Lawrence's Götterdämmerung: The Tragic Vision of Women in Love // D. H. Lawrence's Women in Love: A Casebook. Oxford, 2006. P. 40.*

⁶ См.: *Kaye P. Dostoevsky and English Modernism 1900—1930. Cambridge; New York, 1999. P. 29.*

восхитить как опыты Генри Джеймса и Джозефа Конрада, так и технику «потока сознания» в произведениях Вирджинии Вульф и Джеймса Джойса (Frank, 1995. P. 93). Вирджиния Вульф в статье «Мистер Беннетт и миссис Браун» (1923) заявила о том, что произведения Достоевского, и не в последнюю очередь роман «Преступление и наказание», дискредитировали литературу викторианской эпохи и подготовили литературу ее поколения.¹ Косвенные отсылки к мотивам и героям романа можно видеть в ее эссе «Достоевский в Крэнфорд» (1919) и «Русская точка зрения» (1925), а также в романе «Миссис Дэллоуэй» (1925).² Джеймс Джойс питал глубокий пиетет перед Достоевским, но при этом о «Преступлении и наказании» он позволял себе отзывать критически или, по крайней мере, неоднозначно.³ Однако в «Улиссе» выявлены переключки именно с этим романом.⁴

В итальянской литературе у Г. Д'Аннунцио проблематика «Преступления и наказания» была разработана «в прямо противоположном смысле. Герой его романа „Невинная жертва“ («L'innocente», 1892) совершает убийство не для того, чтобы облегчить участь страждущего человечества, а чтобы утвердить свое право сильного».⁵ Не слишком отличается от него и герой романа Л. Капуаны «Маркиз Роккавердина» (1901), который с «Преступлением и наказанием» сопоставлял еще Л. Пиранделло: «Оба романа, — писал он, — действительно изображают тяжелый внутренний процесс прозрения после соверше-

---

¹ Между тем сам А. Беннетт, критиковавший стиль Достоевского, вдохновлялся типами Достоевского в своем романе «Райсимен-Степс» (1923). См.: Stone D. D. The Art of Arnold Bennett: Transmutation and Empathy in *Anna of the Five Towns* and *Riceman Steps* // *Modernism Reconsidered*. Cambridge (Mass.), 1963. P. 35.

² См.: Вульф В. Обыкновенный читатель. М., 2012. С. 143, 681; Rubenstein R. Virginia Woolf and the Russian Point of View. Basingstoke, 2009. P. 40—47; Dolan A. E. The Influence of Fyodor Dostoevsky on E. M. Foster and Virginia Woolf: Thesis presented to the Faculty of the Graduate School of Missouri-Columbia. May, 2011. P. 35, 40—52, 55—62. (URL <https://mospace.umsystem.edu/xmlui/bitstream/handle/10355/11167/research.pdf?sequence=3&isAllowed=y>)

³ См.: Ellmann R. James Joyce. New York; Oxford; Toronto, 1982. P. 485; Budgen F. James Joyce and the Making of «Ulysses», and Other Things. Oxford, 1972. P. 184.

⁴ См.: Sultan S. Eliot, Joyce and Company. Oxford, 1987. P. 50—77; Keith Booker M. Joyce, Bakhtin and Literary Tradition: Toward a Comparative Cultural Poetics. Ann Arbor, 1997. P. 171—173, 196. Экземпляр «Преступления и наказания» был у Джойса в начале 1910-х годов, в Триесте, до начала работы над «Улиссом» (Ellmann R. The Consciousness of Joyce. London, 1977. P. 107).

⁵ Володина И. П. Достоевский и итальянская литература XIX—начала XX вв. // *Достоевский в зарубежных литературах*. С. 17.

ния преступления, и сама роковая сила тайного злодеяния толкает в конце концов обоих героев к признанию». Этот «нравственный итог» сближает, по мнению Пиранделло, итальянского и русского писателей.¹ Ознакомившись с романом Достоевского во французском и итальянском переводах, сардинская писательница Грация Деледда написала рассказ «Заблуждение» («Un'aberrazione», 1901), в котором она «полемизирует с идеей индивидуальной свободы как заблуждением и ошибкой и стремится представить, как повел бы себя в сходных условиях „итальянский” Раскольников».² Особое внимание к «Преступлению и наказанию» во второй половине XX в. было привлечено статьей Альберто Моравиа «Дуэль Маркса с Достоевским» (1963).

Есть у романа Достоевского «спутники» и в других европейских литературах. Так, например, хорватский писатель Август Цесарец «под впечатлением „Преступления и наказания” написал повесть „Судите меня” (1925); в ней он близок к Достоевскому как художник и спорит с ним как с мыслителем».³

В США «Преступление и наказание» было воспринято вначале, с одной стороны, как еще одно проявление «главенствующей роли русских в современной литературе», а с другой — как произведение писателя, который «вопреки его страшным картинам душевных мук», «благодарен и внушает надежду, и каждой строкой учит терпению, состраданию, скромному милосердию и той человеческой ответственности, тому взаимному долгу людей, от которых не освобождены даже американцы».⁴ Скептически относившийся к «Преступлению и наказанию» Генри Джеймс тем не менее почерпнул из него отдельные мотивы.⁵ Роман Достоевского оказался важнейшим ориентиром для литературы американского экзистенциализма (в частности, для Нор-

---

¹ См. об этом: Володина И. П. Итальянская традиция сквозь века: Из истории итальянской литературы XVI—XX веков: Сб. статей. СПб., 2004. С. 186—194. Показательно, что первый переводчик романа Капуаны «Маркиз Роккавердина» на русский язык А. Е. Никифорки напечатал свой перевод под заглавием «Преступление и наказание» (Вестник иностранной литературы. 1904. Апрель—август).

² Володина И. П. Достоевский и итальянская литература XIX—начала XX в. С. 25.

³ Григорьев А. Л. «Преступление и наказание» за рубежом. С. 722. См. также: Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. А. Цесарец и Ф. Достоевский // Развитие реализма и славянские литературы: Сб. статей. Л., 1962. С. 71—92.

⁴ Хоуэллс У. Д. О «Преступлении и наказании» Достоевского (1886) // Хоуэллс У. Д. Возвышение Сайласа Лэфема: Роман. Гость из Альтрурии: Роман. Эссе / Пер. с англ. М., 1990. С. 543, 550.

⁵ Simon L. William James: The European Connection // William James in Russian Culture. Lanham, Md., 2003. P. 16; Hadley T. Henry James and the Imagination of Pleasure. Cambridge, 2009. P. 51, 186.

мана Мейлера с его романом «Американская мечта», 1964, для Филиппа Рота — со «Случаем Портного», 1969, рассказом «Мой женский портрет» и др.) и для романа поколения Бит.¹

В Японии писатель Июкомицу Риити в 1930-е годы приводил «Преступление и наказание» в качестве образца «чистого», по терминологии Андре Жида, романа. Психологию «убийства для убийства» и «проблему осознания вины» с явным отталкиванием от «Преступления и наказания» разрабатывал в своих повестях «Суд» (1947), «Порождения ехидны» (1948), «Фу Бац Ка» (1948), а также в эссе «Бесчувственная кнопка» (1948) Такэда Тайдзюн.² Роман получил немало других «отражений» в японской, а также в других восточных литературах XX столетия.

14

Первое публичное чтение отрывка из «Преступления и наказания» состоялось на вечере в пользу Литературного фонда 18 марта 1866 г. Достоевский прочел разговор Мармеладова с Раскольниковым (II глава первой части) (*Летопись*. Т. 2. С. 58—59). Выступить на вечере писателю предложил Е. П. Ковалевский. Отвечая 14 марта 1866 г. Я. К. Гроту, активному члену Литературного фонда, Достоевский писал: «Я говорил Егору Петровичу, что буду читать 2-ю главу первой части моего романа „Преступление и наказание“, — так как тут отдельный эпизод. Егор Петрович это одобрил. Вставок не сделаю ни одного слова, но сокращения некоторые сделаю, что, конечно, возможно» (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 153).

Как сообщил Достоевскому в ответном письме Я. К. Грот 16 марта 1866 г., товарищ министра народного просвещения И. Д. Деянов потребовал печатный экземпляр главы: «Он, с своей стороны, также не находит препятствия к этому чтению и полагается на ваше чувство приличия в сокращении некоторых подробностей, которое не может ослабить общего впечатления» (*РГБ*. Ф. 93.П.2.127; *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 429).

---

¹ См.: *Денисова Т. М.* Экзистенциализм и современный американский роман. Киев, 1985; *Львова И. В.* 1) Ф. М. Достоевский и американский роман 1940—1960-х гг. Петрозаводск, 2008. С. 7—204; Достоевский и роман поколения Бит; С. 266—288: Проблема преступления и наказания в романе Ф. Рота «Случай Портного»; 2) Из истории рецепции Достоевского в США // *Д. Материалы и исследования*. Т. 20. С. 359; 3) «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского в художественном сознании Ф. Рота // Там же. Т. 21. С. 322—331.

² См.: *Тоёфуса Киносита*. Ф. М. Достоевский и японская литература до и после Второй мировой войны // *Достоевский и XX век*. Т. 2. С. 427—428, 431—434.

Впоследствии та же глава романа неоднократно исполнялась публично.¹ В рукописном отделе Института русской литературы РАН хранится переписанная рукой А. Г. Достоевской «Исповедь Мармеладова» (с цензорской пометкой: «К представлению дозволено. С.-Петербург. 13 сентября 1910 г.»).

Почти сразу после окончания печатания романа в «Русском вестнике» возникла мысль об его инсценировке. 22 февраля 1867 г. московский книготорговец и литератор А. С. Ушаков писал Достоевскому: «Кружку любителей, или, как он формально называется, „друзей драматического искусства в Москве“, а в их числе и Вашему покорному слуге, прочитавшему с наслаждением, давно уже не изведываемым, Ваш роман „Преступление и наказание“, пришла, неотступно преследующая нас, мысль переделать или скорее приноровить его для сцены {...} При всех этих условиях я принялся уже за работу; план готов, и, по моему мнению, главные мотивы драмы не потеряют ни одного тона. Чтобы быть в этом более уверенным, я имел честь обратиться к Вам, уважаемый Федор Михайлович, с моею покорнейшею просьбою не отказать мне просмотреть пиесу, когда она будет готова, и сказать свое мнение» (*Достоевский и его время*. С. 270). Достоевский в апреле вернул пьесу. Замечания его неизвестны.

Инсценировка была представлена в драматическую цензуру. 30 июня 1867 г. состоялось заседание Совета Главного управления по делам печати, рассмотревшее рапорт цензора Г. И. Кейзера фон Нилькгейма.

«В основании пьесы лежит нигилистическая идея о невеняемости, в известных случаях, преступления, — говорилось в рапорте, — постигающее Раскольникову наказание, кара закона, нисколько не умаляет, однако, значения проводимой им мысли; она как будто торжествует, при совершенном отсутствии, с его стороны, раскаяния; в Раскольникове не происходит внутреннего переворота, не видно омерзения к себе и к своему делу; он в течение всей драмы подвергается исключительно мучениям страха, а не упрекам совести, и под конец провозглашает, что совесть его покойна, сознавая лишь, что у него не доставало силы для приложения своей теории к делу, почему и не был вправе разрешить себе совершение преступления. Ввиду такого неудовлетворительного исхода пьесы, отсутствия в ней торжества жизненной правды и нравственных начал, цензор не находит удобным

---

¹ В 1875 г. монолог Мармеладова исполнил в Петербурге артист Александринского театра О. А. Правдин. Большое и долгое впечатление оставило чтение этого фрагмента В. Н. Андреевым-Бурлаком в январе—марте 1884 г. на сцене Московского Пушкинского театра и зимой 1884 г. в Петербурге в клубе Художественного общества (см.: *Ниню А. А. Рождение театра Достоевского // Достоевский и театр*. С. 206, 209—210). Этот отрывок выбирали для чтения молодые актеры при поступлении в театральные труппы (см.: *Чехов М. А. Литературное наследие: В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 58*).

дозволить оную к представлению на сцене». Совет постановил: «Пьесе под заглавием „Преступление и наказание” — драму в 5 действиях, с эпилогом, переделанную из романа Ф. М. Достоевского А. С. Ушаковым, в настоящем ее виде не позволять к представлению на сцене».

А. С. Ушаков переработал свою инсценировку, и 24 октября 1867 г. вопрос о ней рассматривался снова. Цензор, а также члены Совета Ф. М. Толстой и Н. В. Варадинов сочли возможным разрешить инсценировку к постановке. Член Совета В. М. Лазаревский выступил против их заключения. Его суждение и легло в основу решения Совета: «...пьеса „Преступление и наказание” и по заглавию своему, и по названиям действующих лиц, и по целым заимствованным цитатам напоминает вполне известный роман, воспроизведение коего на сцене едва ли может быть признано удобным, а потому попытка автора, ввиду готового уже впечатления публики, смягчить коренную мысль романа не может достигать цели тем более, что опровержение теории убийства сделано в пьесе весьма слабо; самое же раскаяние и страдание героя драмы слишком искусственны, а личность Раскольникова представлена симпатичною, названа честною и обставлена подвигами самопожертвования (...) По этим соображениям Совет большинством голосов полагает, что драму „Преступление и наказание”, переделанную г-ном Ушаковым, не позволять к представлению и в настоящем ее виде». В течение пятнадцати лет (1867—1882) пытался А. С. Ушаков добиться разрешения на постановку своей инсценировки, но так и не получил его.¹

Кроме ранней попытки Ушакова инсценировать роман, мы знаем о другом аналогичном проекте, относящемся к началу 1870-х годов. 6 декабря 1871 г. с просьбою о дозволении ей «переделать „Преступление и наказание” в драму для представления в императорских театрах» к писателю обратилась дочь тогдашнего товарища министра государственных имуществ княжна В. Д. Оболенская. В письме она указывала, что мысль эта стала ее «лелеемой мечтой», так как она считает роман лучшим произведением русской словесности.² В ответном письме от 20 января 1872 г. Достоевский дал согласие на просьбу Оболенской, хотя и высказал при этом сомнение в успехе ее работы, мотивировав его тем, что «для разных форм искусства существуют и соответственные им ряды поэтических мыслей», а потому «эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической» (*Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 225). Осуществила ли Оболенская свое намерение — неизвестно.

¹ См.: *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. Пб., 1917. С. 196; *Орнатская Т. И., Степанова Г. В.* Романы Ф. М. Достоевского и драматическая цензура // *Д, Материалы и исследования*. Вып. 1. С. 268—274.

² Письмо В. Д. Оболенской хранится: *РГБ*. Ф. 93. II. 7.30; частично опубликовано: *Д, Письма*. Т. 3. С. 291.

Последующие инсценировки «Преступления и наказания» были осуществлены и поставлены на русской сцене после смерти писателя.¹

Роман многократно инсценировался за рубежом. Причем специфический характер первых переводов «Преступления и наказания» обусловил чрезвычайно раннее перенесение их на сцену — гораздо более раннее, чем это случилось в России. (...) переводы эти уже заключали внутри себя детективную мелодраму и, следовательно, сами как бы просились на сцену» (Бушужева. С. 465).

Первые представления «Преступления и наказания» на европейской сцене состоялись в парижском «Одеоне» (15 сентября 1888, инсценировка П. Жинисти и Ю. Леру).² Инсценировка О. Цабеля и Э. Коппеля «Raskolnikow», сохранившая заглавие немецкого перевода, шла под ним в Лейпцигском театре (1890) и в Берлинском «Лессинг-театре» (1890), а потом в венском Бургтеатре (1891), в Новом театре Берлина (1895) и в Гамбурге (1896).

В 1894 г. спектакль по «Преступлению и наказанию» шел в миланском театре Мандзони,³ причем на нем присутствовал А. П. Чехов, написавший об этом в письме к М. П. Чеховой от 29 сентября (11 октября) 1894 г.: «Я был в оперетке, видел в итальянском переводе „Преступление и наказание“ Достоевского, вспоминал наших актеров, наших великих, образованных актеров и находил, что в игре их нет даже лимонада. Насколько человечны на сцене здешние актеры и актрисы, настолько наши свиньи».⁴ В 1901 г. спектакль по роману Достоевского снова был поставлен в Париже (театр «Монпарнас»), также в 1901 — в Мадриде, в 1905 — в Праге, в 1907 — в Нью-Йорке, в 1909 — в Варшаве.

Первые постановки Достоевского на Западе были окрашены представлением о писателе как о «сочинителе мелодраматических историй с экзотической славянской окраской. (...) Правда, при принципиальном сходстве трактовки эта социальная мелодрама в каждой

---

¹ Сведения и литературу о русских и многих зарубежных сценических, кино-, радио-, телевизионных и других постановках «Преступления и наказания» см.: Д. Библиография (раздел: Ф. М. Достоевский и театр; Драматические произведения на сюжеты Ф. М. Достоевского; Ф. М. Достоевский и кино; Ф. М. Достоевский и телевидение; Ф. М. Достоевский и радио; Ф. М. Достоевский и музыка).

² См.: Гительман Л. И. Достоевский на сценах Парижа // Гительман Л. И. Русская классика на французской сцене. Л., 1978. С. 55—56; Сухачев Н. Л. Достоевский на французской сцене // ЛН. Т. 86. С. 741—759.

³ Инсценировка Д. Чамполи исполнялась также в 1895 г. в Турине на сцене Джербино. См.: Бушужева С. К. Достоевский на итальянской сцене // Театр и драматургия. Л., 1974. Вып. 4. С. 245—260.

⁴ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1977. Т. 5. С. 321.

стране приобрела специфическую окраску. У французов и англичан, сосредоточенных на динамике действия, она превратилась в драму интриги, в криминальную мелодраму. Немцы создали сентиментальную мелодраму, костюмированную „а ля рюс”. Пожалуй, более других приблизились, если не к миру идей, то к миру великих страстей Достоевского, итальянцы, ибо традиция психологизма, прочно жившая на итальянской сцене, превратила инсценировку Д. Чамполи в драму характеров» (*Бушужева*. С. 467, 469). При этом, «переделывая роман Достоевского в социальную мелодраму, авторы инсценировок превратили убийство по теоретическому принципу в убийство по страсти, в преступление, полностью оправдываемое социальными условиями. Во французской версии Раскольников убивал Алену Ивановну, сделавшуюся центральным персонажем пьесы, за то, что она толкала Соню на путь порока. (...) В немецкой инсценировке старуха-процентщица приносила Соню в жертву Свидригайлову и обвиняла Катерину Ивановну в краже ста рублей, вынуждая таким образом Раскольникова выступить в качестве социального мстителя» (Там же. С. 468—469).

«Наиболее далекая от подлинника английская версия „Преступления и наказания”» под заглавием «Неписанный закон» была поставлена в 1910 г. в лондонском Театре им. Д. Гаррика¹: Раскольников «убивал здесь не процентщицу — ее вообще не было, а састололюбивого домовладельца, домогавшегося бедной и чистой девушки Сони» (*Бушужева*. С. 469). Причем поставивший спектакль актер Л. Ирвинг, исполнявший главную роль, «воплощал расхожее представление о типе „русского революционного студента”» (Там же. С. 470).

Первая состоявшаяся постановка в России относится к самому концу XIX века. Премьера «Преступления и наказания» в переделке Дельера (Я. А. Плющик-Плющевский)² состоялась на сцене петербургского Театра Литературно-художественного общества (Суворинского, или Малого театра) в Петербурге 4 сентября 1899 г. (режиссер Я. В. Быховец-Самарин).

Уже после этого события была запрещена еще одна инсценировка «Преступления и наказания», предложенная актером, режиссером и драматургом П. К. Дьяконовым. В отзыве цензора П. П. Исаевича, частично повторявшем дословно заключение Кейзера фон Нилькгейма, неприемлемым в этой драматической переделке признавалось то, что ее составитель «не постеснялся представить Раскольникова не только равнодушным к религии, но и абсолютно неверующим, что особенно рельефно проявляется в сцене его с Соней, с которой обмениваются крестами и объясняет мотивы совершенного им преступления, и с

¹ См.: *Друзина М. В.* Достоевский в английском театре // Театр и драматургия. Л., 1976. Вып. 5. С. 314—330.

² См.: Преступление и наказание: Драматические сцены в 10 картинах, с эпилогом: По роману Ф. М. Достоевского / [Соч.] Я. А. Дельера. СПб., 1900. (Прилож. к журн. «Театр и искусство», № 38).

сестрою Дуней».¹ Отвергаемой пьесе П. К. Дьяконова цензор противопоставлял инсценировку Дельера: «...пьеса в переделке Дельера может смотреться простолюдином и вообще менее интеллигентным человеком без всякого вреда и соблазна потому, что Раскольников сильно смягчен Дельером для сцены, является раскаивающимся преступником-грешником, а не таким непримиримым, как в пьесе П. К. Д. Эпилог к пьесе придуман Дельером весьма тактично и мирит зрителя с Раскольниковым. Ничего подобного нет в пьесе П. К. Д., и она производит иное впечатление, впечатление мрачное и тяжелое».² Разрешение на постановку «Преступления и наказания» в сценическом варианте Дьяконова было дано лишь в 1905 году.³

Большинство дореволюционных постановок «Преступления и наказания» в России следовало тексту Дельера.

В 1899—1901 гг. спектакль «Преступление и наказание» шел в труппе Н. Н. Соловцова с Л. М. Леонидовым в главной роли (до нас дошел отзыв о спектакле А. Г. Достоевской).⁴ В 1901 г. инсценировка Я. А. Плющика-Плющевского (Дельера) в его собственном переводе на французский язык шла на сцене петербургского Михайловского театра в исполнении французской труппы (реж. Н. Ф. Арбенин). В 1907, 1910 и 1911 гг. спектакль по роману Достоевского в исполнении труппы П. Н. Орленева шел на провинциальных сценах (в Одессе, Омске и Курске).

В 1918 г. «Преступление и наказание» было поставлено в Театре Народного Просвещения (бывший театр К. Н. Незлобина), а в сезон 1918/19 г. представлено группой актеров коршевского театра (так называемый «Новый Корш»). В 1920 г. в Якутске по инициативе местного Союза учителей средних школ состоялось представление в жанре «Суд над Раскольниковым», в 1921 г. подобный же «суд» в исполнении артистов и профессиональных юристов состоялся в петроградском Большом драматическом театре (БДТ), вызвав серьезную критику (Лапкина, 1983. С. 299). Позднее, в том же году в Петрограде состоялось еще два «суда»: на первом Раскольников был оправдан как «действовавший в состоянии невменяемости», а на втором признан виновным; затем суд был повторен в Москве в Театре музыкальной драмы. Также в 1921 г. спектакль «Преступление и наказание» был поставлен в Москве в Театре-студии им. Ф. И. Шляпина и в Ростове-

---

¹ Орнатская Т. И., Степанова Г. В. Романы Достоевского и драматическая цензура. С. 274.

² Там же. С. 274—275. В русской печати высказывались оценки пьесы Дельера, резко отличавшиеся от мнения цензора (см.: Там же. С. 275).

³ Пьеса дважды издавалась литографически: Дьяконов П. К. Преступление и наказание: Драм. сцены в 5 д. и 10 карт. СПб., 1900; М., 1906.

⁴ См.: Леонидов Л. М. Прошлое и настоящее: Из воспоминаний // Ежегодник МХАТ за 1944 г. М., 1946. Т. 1. С. 470—476.

на-Дону в Театре ПУСКВО (Политуправления Северо-Кавказского военного округа).

В 1922 г. в Академическом театре драмы (бывшем Александринском) «Преступление и наказание» поставил режиссер Е. П. Карпов. На новый спектакль наложила отпечаток старая инсценировка Дельера: «Он словно не имел контуров. Его замысел формировался не режиссерской концепцией. Он зависел лишь от трактовки главных ролей» (Там же. С. 296). Она в свою очередь опиралась на живую традицию, заложенную и продолжавшуюся лучшими исполнителями ролей героев Достоевского: «...и Н. Ходотов, и П. Орленев, романтизируя Раскольникова, стремились выразить нетерпимость к социальной несправедливости, яростное сопротивление окружающему миру. Пусть борьба безнадежна, пусть уродлива форма бунта, все же бунт признавали актом героизма. Порфирий Петрович, которого блестяще играл К. Н. Яковлев, становился агентом фарисейски циничной власти, угнетающей человека, а мучительный надлом, страдания Раскольникова заставляли почти забыть о его преступлении» (Лапкина, 2006. С. 209). Аналогичный характер имела постановка в Театре им. Каляева (1923) (Лапкина, 1983. С. 298).

Эстрадная программа Л. О. Утесова «От трагедии до трапеции», премьера которой состоялась 2 февраля 1923 г. в петроградском «Паллас-театре» (ныне Театр музыкальной комедии), открывалась сценой интеллектуального поединка между Раскольниковым (Утесов) и Порфирием Петровичем (К. Н. Яковлев), оставившей у зрителей большое впечатление и получившей доброжелательную критику.

В условиях резко отрицательного отношения официальной советской идеологии к творчеству Достоевского в истории отечественных инсценировок «Преступления и наказания» наступает с конца 1920-х годов продолжительный, длившийся три десятилетия, вынужденный перерыв.

Иначе обстояло дело за рубежом. В 1930-е годы спектакль по роману Достоевского шел во многих европейских театрах — в Варшаве, Праге, Осло и др. Большинство первых адаптаций «Преступления и наказания» к сцене вслед за постановкой в парижском театре «Одеон» превращало роман в «остросюжетную „полицейскую пьесу“, смысл которой заключался не в муках совести Раскольникова, а в хитроумии следователя Порфирия Петровича, играющего со своей жертвой в „кошки-мышки“».¹

Довольно значительный успех выпал на долю инсценировки романа Гастоном Бати в парижском театре «Монпарнас» (1933—1934). Он был предопределен тем, что «вопросы, поднятые Бати в 1933—1934 годах, звучали ошеломляюще современно: тема „наполеонизма“ раскрылась к тому времени во всем своем зловещем и античеловече-

---

¹Финкельштейн Е. Л. Картель четырех. Французская театральная режиссура между двумя войнами: Шарль Дюллен, Луи Жуве, Гастон Бати, Жорж Питолев. Л., 1974. С. 252.

ском содержании. Ведь книга „Майн кампф” уже несколько лет ходила во Франции по рукам». ¹ Спектакль Бати был воспроизведен во множестве других постановок: итальянской, финской, английской, причем некоторые из этих воспроизведений (в США, в Норвегии) Бати ставил сам (Бушужева. С. 479).

В зарубежных инсценировках романа Достоевского после Второй мировой войны на первый план выступила его философская проблематика. Спектакль 1945 г. в Гамбурге произвел сильное впечатление на молодого, в будущем знаменитого английского режиссера театра и кино, Питера Брука. ² В 1946 г. роман с большим успехом был поставлен в Лондоне (инсценировка Р. Эккланда, реж. Дж. Гилгуд), причем исполнявший роль Раскольникова режиссер спектакля вызывал ассоциации не со студентом-разночинцем, а скорее с Гамлетом (вариант этого спектакля был поставлен в США) (Бушужева. С. 482). В Риме в том же году постановку романа осуществил Л. Висконти, «представивший „Преступление и наказание” как трагедию духа»; при этом «отрыв от социально-исторической конкретики оказался доведенным до крайности» (Там же).

Инсценировка Леопольда Алена была поставлена в 1960 г. в западноберлинском Шлосспарктеатре и с успехом показана на Берлинском театральном фестивале, а также в парижском Театре наций. Раскольников был представлен как «атеист с нечистой совестью, который своим поступком хочет доказать отсутствие бога, но доказывает лишь обратное». ³ В 1962 г. французский режиссер Франсуа Канделье поставил в театре «Тертр» собственную инсценировку «Преступления и наказания», уделив в ней основное внимание полицейской интриге. ⁴

В СССР новая, после долгого вынужденного перерыва, волна инсценировок «Преступления и наказания» была связана с так называемой «оттепелью» и набрала силу сразу после XX съезда КПСС (Красноярский драматический театр, 1956; Московский театр им. М. Н. Ермоловой, 1957; Ленинградский драматический театр им. В. Ф. Комиссаржевской, 1962; Свердловский театр юного зрителя им. Ленинского комсомола, 1963; Алтайский Краевой театр драмы в Барнауле, 1963; Тамбовский Областной драматический театр им. А. В. Луначарского, 1964; Казанский Большой драматический театр им. В. И. Качалова, 1965, и др.).

В спектаклях Красноярского театра (реж. А. П. Дунаев), Театра им. М. Н. Ермоловой (реж. П. П. Васильев) и Ленинградского драматического театра им. В. Ф. Комиссаржевской (реж. И. С. Оль-

¹ Там же. С. 254.

² Брук П. Пустое пространство / Пер. с англ. Ю. С. Родман и И. С. Цимбал; вступ. ст. Ю. Кагарлицкого, коммент. Ю. Фридштейна и М. Швыдкого. М., 1976. С. 136—137.

³ Хроника // Театр. 1961. № 7. С. 188.

⁴ Сухачев Н. Л. Достоевский на французской сцене // ЛН. Т. 86. С. 754, 759.

швангер) лейтмотивом проходила актуальная для тех лет общественно-политического подъема тема нонконформизма: «Режиссеры, хотя и осуждали несправедливые средства, вместе с тем видели в Раскольникове личность высокого порыва; трагическая ошибка, а не реализация ужасающей в самой основе мысли — вот чем было двойное убийство старухи-процентщицы и ее сестры». Актеры, игравшие Раскольникова, «были „адвокатами“ своего героя. Факт убийства невольно оттеснялся. Мир нищеты, тесных дворов и „углов“, унижение человека — вот что провоцировало идею Раскольникова. Бунт был необходим обществу, освобождавшемуся из пут тоталитаризма. Слова Достоевского, что „бунтом жить нельзя“, игнорировались» (Лапкина, 2006. С. 209—210).¹

Большим успехом многие годы пользовался спектакль Театра им. Моссовета («Петербургские сновидения», 1969, реж. Ю. А. Завадский, в роли Раскольникова — Г. Л. Бортников, затем Г. Г. Тараторкин). Как полагал режиссер этой постановки, «задача заключалась в том, чтобы доказать, что это роман не о преступлении гордого человека, стоящего над всеми и потому взявшего на себя право „преступить“ — убить, но роман о чудовищном заблуждении одинокого человека, роман об одиночестве несчастной души».² При этом если Бортников в спектакле Завадского, как и Тараторкин в классической экранизации Кулиджанова (1970), вызывал сострадание и симпатию, то сам Тараторкин, по всей видимости, вследствие изменения режиссерской трактовки темы, «обаятельности не искал и „романтической натурой“ не интересовался», а играл «сущее, рациональнее».³

Тем самым в какой-то мере подготавливалась почва для новой, обвинительной линии по отношению к Раскольникову, впервые проявившейся в спектакле Государственного Рижского театра русской драмы «Убивец» (1978, реж. М. Г. Розовский), который представлял собой мюзикл, «где современная музыка, стихи, с одной стороны, Достоевский — с другой, постоянно друг в друга взаимопроникают, „сцеплены“ неизменно» (Лапкина, 1983. С. 423).

Наиболее развернуто эта линия была воплощена в спектакле Театра драмы и комедии на Таганке (1979, реж. Ю. П. Любимов, автор инсценировки — Ю. Ф. Карякин,⁴ в роли Свидригайлова В. С. Вы-

---

¹ Аналогичный характер имел спектакль в театре «Повшехны» (Варшава, 1965), в главном герое которого, Раскольникове (эту роль исполнил режиссер спектакля А. Ханушкевич), было «что-то, сближающее с поколением „сердитых молодых людей“» (Марков П. На спектаклях театра «Повшехны» // Театр. 1965. № 8. С. 148).

² Завадский Ю. А. Достоевский сегодня // Достоевский и театр. С. 45.

³ Рудницкий К. Л. Приключения идей // Там же. С. 438—439.

⁴ «Именно полемически заостренная концепция Ю. Карякина» (в его книге «Самообман Раскольникова: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». — С. К.), по мнению исследовательницы, «лег-

соцкый): «Выставляя всем на вид преступление Раскольникова, Юрий Любимов позаботился о том, чтобы снять какой-либо оттенок оправдания его идеи или сочувствия его выбору».¹ «Спектакль строится как обвинительное заключение не столько по делу убийцы Раскольникова, сколько по существу его „проклятой мечты“. Не Раскольников, но идея Раскольникова — да, именно маниакальная идея — предана публичному суду. Факт преступления указан и объявлен с самого начала, затем одно за другим отменяются все якобы смягчающие вину обстоятельства. (...) Режиссер сосредоточен на другом: на том, как самоутверждается и мечется в поисках аргументов идеология, согласно которой убийство — необходимо, преступление — разрешено».²

Новые полемические страницы в сценической истории романа открывал спектакль «Преступление и наказание» в Ленинградском театре им. Ленсовета (1971, реж. И. П. Владимиров). Постепенно «Преступление и наказание» начинает занимать такое место на сцене отечественных театров, что перечислить все его инсценировки совсем непросто.

В 1990-е годы под названием «О преступлении» роман Достоевского был инсценирован Михаилом Мокеевым в «Мастерской М. Мокеева» Союза театральных деятелей (1990), мюзикл М. Г. Розовского «Убийец» был перенесен в театр «У Никитских ворот» (1993), в Российском молодежном театре показали свою работу студенты мастерской А. В. Бородина (Российская Академия театрального искусства, 1996), на подмостках МХАТа им. А. П. Чехова появляется «Преступление и наказание», инсценированное и поставленное известным актером В. Н. Сергачевым (1996), а на Новой сцене того же театра возникает новая сценическая версия романа — спектакль молодого режиссера, ученицы П. Н. Фоменко Е. А. Невежиной «Сочинения по роману» (2002). В московском ТЮЗе выходят знаковые спектакли К. М. Гинкаса — «Играем „Преступление“» (1991) и «К. И. из „Преступления и наказания“» (1994).

В петербургском ТЮЗе им. А. А. Брянцева рождается версия Г. М. Козлова (1994); на сцене Театра им. Ленсовета представляют «театральное расследование» Э. Г. Горошевского «730 шагов до преступления» (2001), на фестиваль «Балтийский Дом» привозит свое «Преступление и наказание» эстонский режиссер Э. Ньюганен (2001). Различность трактовок романа Достоевского выражается даже в на-

---

ла в основу другого „знакового“ спектакля — постановки „Преступления и наказания“ в Театре драмы и комедии на Таганке в 1979 г.» (Лапкина, 2006. С. 221).

¹ Нинов А. А. Введение // *Достоевский и театр*. С. 30. «В книге В. Я. Кирпотина («Разочарование и крушение Родиона Раскольникова». М., 1970), в статьях Ю. Ф. Карякина о „Преступлении и наказании“, — отмечала Г. А. Лапкина, — быть может, сказались эти страстные диспуты вокруг спектакля Ю. Завадского» (Лапкина, 1983. С. 334).

² Рудницкий К. Л. Приключения идей. С. 443.

званиях инсценировок: так, Б. Л. Мильграм в Театре Центрального Дома актера выносит в название спектакля евангельское «Воскресение Лазаря» (2001), а спектакль Молодежного театра-студии «Предел» из г. Скопина получает заглавие «Дьяволов водевиль» (2002).

Перечислим последние по времени инсценировки: «Осколки Раскольникова» — Камерный драматический театр (Вологда), реж. Я. Р. Рубин, 2006; «Преступление и наказание» — Саратовский академический театр драмы, реж. М. В. Глуховская, 2007; рок-опера «Преступление и наказание», автор музыки — Э. Н. Артемьев, либретто А. С. Кончаловского, М. Г. Розовского, Ю. Е. Ряшенцева, 2007; «Преступление и наказание» — Московский Молодежный экспериментальный театр под руководством Вячеслава Спесивцева, реж. В. С. Спесивцев, 2012; «РРР» — Театр им. Моссовета, реж. Ю. И. Еремин, 2012.

По мотивам романа неоднократно снимались художественные и мультипликационные фильмы. Среди них: «Преступление и наказание» (1909, Россия, реж. В. Гончаров); «Рассказ Мармеладова» (1911, Россия); «Преступление и наказание» (1913, Россия, реж. И. Вронский); «Преступление и наказание» (1915, Россия); «Crime and Punishment» (1917, США, реж. Л. МакГилл); «Родион Раскольников» (1919, Россия, реж., предположительно, И. Сойфер); «Раскольников» («Обитатель чердака») (Россия, 1910-е годы); «Преступление и наказание» (1910-е годы, Италия, с участием Л. Борелли); «Raskolnikow» (1923, Германия, реж. Р. Вине), «Crime and Punishment» (1935, США); «Crime et châtiment» (1956, Франция, реж. Ж. Лампен, с участием Ж. Габена, М. Влади и Р. Оссейна); «Crime and Punishment» (1979, Великобритания, короткометражный фильм с участием Т. Уэста, В. Редгрейв и Д. Хёрта); «Преступление и наказание» (фин. «Rikos ja rangaistus»; 1983, Финляндия, реж. А. Каурисмяки); «Потрясение» (англ. «Astonished»; 1988, США, с участием Л. Комаровски, Т. Холлиса и К. Райана); «Dostoevsky's Crime and Punishment» (1998, США, телефильм с участием П. Демпси, Б. Кингсли и Ж. Дельпи); «Crime and Punishment» (2002, Великобритания, двухсерийная адаптация BBC с участием Д. Симма), мультфильм «Crime and Punishment» (2002, США—Россия—Польша, реж. П. Думала).

В современных адаптациях романа: «Нина» (порт. «Nina», 2004); «Match Point» (2005, США, Великобритания, реж. В. Аллен); «Избранник» (2012, Россия, реж. Д. Мамулия); «Студент» (2012, Казахстан, реж. Д. Омирбаев); «Иррациональный человек» (2015, США, реж. В. Аллен) — сюжет романа Достоевского значительно изменен.

Классической в России остается киноэкранизация «Преступления и наказания» Л. А. Кулиджанова (1969, с участием Г. Г. Тараторкина и И. М. Смоктуновского),¹ в которой «Раскольников был юношей

¹ См.: Исаева К. М. Роль. Актер. Режиссер: На съемках фильма «Преступление и наказание». М., 1975.

чистым, безгрешным. Зло если и вторгалось в душу героя, то уж, конечно, извне — из мрачной атмосферы сырых углов, грязных комнатушек и дымных трактиров нищего Петербурга, из тупика, обусловленного эпохой. Без вины виноватый Раскольников — Тараторкин в фильме Кулиджанова вызывал сострадание и симпатию...»¹

В 2007 г. на телеэкраны России вышел восьмисерийный телевизионный фильм «Преступление и наказание» в постановке режиссера Д. И. Светозарова, при участии В. О. Кошевого, П. Ю. Филоненко, А. В. Панина, А. Н. Балуева и Е. А. Яковлевой.

С. 5.² *В начале июля...* — Действие в романе начинается 7 июля 1865 г. (см. ниже, с. 621, коммент. к б, 21). В первоначальной редакции оно было приурочено к июню 1865 г., причем убийство отнесено, как и в окончательном тексте, к девятому числу (7, 11); ср. в отрывке второй редакции, о встрече с Мармеладовым: «Это ровно за четыре дня до девятого числа было»; «...погода тогда стояла знойная {...} июльская...» (7, 124—125). О календаре событий в романе см.: *Мочульский. С. 243—244.*

С. 5. *...в чрезвычайно жаркое время...* — Конец июня—июль 1865 г. (после холодного и дождливого начала лета) был в Петербурге чрезвычайно жарким (см. во вступ. статье: 7, 477; *Данилов. С. 249—252*). «Жар, духота невыносимые! — писала одна из газет. — Когда ни выглянешь на термометр: 24—25—26 градусов (по шкале Реомюра) выше ноля, в тени! Ни малейшего ветерка! В первом, во втором часу ночи, едва можно дышать» (*ПЛ. 1865. 18 июля, № 106*).

С. 5. *...вышел из своей каморки ~ в С—м переулке ~ к К—ну мосту.* — В корректуре издания полного собрания сочинений писателя 1904—1906 гг. А. Г. Достоевская сделала ряд ценных примечаний, связанных с содержанием «Преступления и наказания», в частности к адресу Раскольникова: «Столярный переулок, Кокушкин мост» (*Гроссман, Семинарий. С. 56*; см. об этом: *Анциферов, 1991. С. 248—249*). Гипотеза об отнесении первого криптонима к Спаскому переулку высказана в изд.: *Кумпан, Конечный. С. 184* (ее критическую оценку см.: *Тихомиров, 2005. С. 46*). Оба этих переулка и мост (через Екатерининский канал, ныне канал Грибоедова) находятся вблизи Сенной площади. Произведения Н. В. Гоголя («Записки сумасшедшего», 1834) и М. Ю. Лермонтова («Штосс»; 1841), в которых упоминается адрес «в Столярном переулке у Кокушкина моста», — в сопоставлении со страницами романа Достоевского, связанными с теми же местами Петербурга, — рассмотрены

¹ *Рудницкий К.* Приключения идей. С. 439.

² Здесь и ниже в начале примечания указаны страницы т. 6 наст. изд. Пояснения отдельных слов по БАС даются в примечаниях в основном без ссылок на это издание. Дата, стоящая в скобках после названия произведения, относится, как правило, к его публикации.

в изд.: *Анциферов, 2009. С. 197—201, 264—265; Топоров. С. 223, 254.*

Улицу, на которой Достоевский поселяет героя «Преступления и наказания», как и все кварталы вокруг Сенной площади, он знал очень хорошо. О районе Сенной и Вознесенского проспекта Н. П. Анциферов пишет, что к нему, из всего Петербурга, «с особой силой тяготел автор „Преступления и наказания“» (*Анциферов, 2009. С. 305; см. также: Белов С. В. Петербург Достоевского. СПб., 2002. С. 330—343*). В небольшом Столярном переулке с «домом Раскольников» связываются по крайней мере три адреса. В период работы над романом Достоевский жил в доме И. М. Алонкина на углу Малой Мещанской улицы (современный адрес: Казначейская улица, дом 7 / Столярный переулок, дом 14). «Дом был большой, — писала А. Г. Достоевская, вспоминая осень 1866 г., — со множеством мелких квартир, населенных купцами и ремесленниками. Он мне сразу напомнил тот дом в романе „Преступление и наказание“, в котором жил герой романа Раскольников» (*Достоевская А. Г., Воспоминания, 1987. С. 66*); в доме Алонкина квартира Достоевского имела тот же номер, что и у Раскольникова (6, 150; см. также: *Летопись. Т. 1. С. 466, с указанием иного (36-й) номера квартиры при заключении контракта в августе 1864 г.*), но на втором этаже. См.: *Холшевников, 1976. С. 391—392; Фоякова, Видь мест. С. 147; Бурмистров А. С. Дом Алонкина // Аврора. 1972. № 2. С. 68—70. Другой дом в Столярном переулке указал, опираясь на текст романа, Н. П. Анциферов; он принадлежал Иоахиму и находился на углу улицы Средней Мещанской (современный адрес: Гражданская улица, дом 19 / Столярный переулок, дом 5). См.: *Анциферов, 1991. С. 249—251; Холшевников, 1976. С. 391; Саруханян. С. 180—183; Бурмистров А. С. «Тринадцать ступеней вверх» // Веч. Ленинград. 1973. 6 августа, № 182. С. 3; Раков Ю. А. По следам литературных героев. М., 1974. С. 107—110; Белов С. В. Петербург Достоевского // Нева. 1983. № 11. С. 197—198; см. также рисунок «Дом Раскольников» в изд.: *Анциферов Н. П. Петербург Достоевского / Рис. М. В. Добужинского. Пб., 1923. С. 65. Достоевского «дом Иоахима мог увлечь (...) своей мрачностью, в особенности, своими лестницами» (Анциферов, 2009. С. 264). О третьем доме в Столярном переулке, принадлежавшем Скуридину (ранее — Я. Х. Шилу, которого в полицейской конторе Раскольников называет в качестве своего домовладельца), см. 7, 67, коммент. к 6, 150.***

«Нельзя быть уверенным, — писал Н. П. Анциферов, — что дом, описанный Достоевским, существует в действительности» (*Анциферов, 2009. С. 264*). Ни один из домов, указанных сначала женой писателя, а затем и исследователями как «дом Раскольникова», не соответствует описанию в романе Достоевского, полному, с учетом всех рассыпанных в тексте деталей. Огромный доходный дом в «Преступлении и наказании» (как и каморка Раскольникова) представляет собой художественный образ, сотканный Достоевским из личных впечатлений (причем с 1840-х гг., как в случае с домом Шила) и наи-

более типичных, ярких примет петербургской действительности. Анализ тех расхождений, которые связаны практически со всеми «адресами» в «Преступлении и наказании», был дан в сообщении Б. В. Федоренко (см.: *Батист, Федоренко*), а затем в работе К. А. Кумпан и А. М. Конечного, считавших, что противоречивость романной топографии была обусловлена творческой установкой автора: «...с одной стороны, узнаваемый конкретный район города, с другой — город-двойник, отраженный как бы в кривом зеркале, где улицы и расстояния не соответствуют реальным, а дома героев и их местонахождение подвижны и неуловимы» (*Кумпан, Конечный*. С. 190); тот же принцип положен в основу «топографических» примечаний к роману в изд.: *Тихомиров, 2005*.

С. 5. *Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома...* — «Под самую кровлей» огромных петербургских домов находят себе нищенское пристанище и другие персонажи Достоевского: старый Смит, а после его смерти и повествователь Иван Петрович в «Униженных и оскорбленных», семейство героини в повести «Неточка Незванова», герой в «Сне смешного человека» и др. Населявших верхние этажи мелких чиновников сделал героями своих рассказов Я. П. Бутков, автор сборника под названием «Петербургские вершины» (Ч. 1—2; 1845—1846).

С. 6—7. *Близость Сенной, обилие известных заведений...* — Сенная площадь — торговый центр Петербурга в 1860-е годы. «По краям площади, — писал В. В. Крестовский в «Петербургских трущобах» (Ч. 3; 1865), — в громадных, многоэтажных (...) домах мигали (...) фонари над входными дверями, означая собою целые ряды харчевен, трактиров, съестных, перекусочных подвалов, винных погребов, кабаков с портерными и тех особенных приютов, где лепится, прячется, болеет и умирает всеми отверженный разврат, из которого почти нет возврата (...) и где знают только два исхода: тюрьму да кладбище» (*Крестовский*. Т. 1. С. 233; несколько глав этого романа были напечатаны в журнале «Эпоха». 1864. № 1/2). Согласно статистическим данным, «в Казанской и Спасской частях города (где происходит действие романа) располагалось наибольшее количество домов терпимости (...) если в Адмиралтейской (наиболее привилегированной) части города находилось всего два публичных дома, то лишь в одном 2-м участке Казанской части, ограниченном Мойкой и Екатерининским каналом, Гороховой улицей и Вознесенским проспектом (именно здесь проходит Столярный переулок, где живет Раскольников), их было 15» (*Тихомиров, 2005*. С. 41; см.: *Кузнецов, Проституция в Петербурге*. С. 48—49). «Дома терпимости вообще имеют какое-то особенное влечение группироваться в известных местах»: Фонарный переулок, Сенная площадь, Таиров переулок, Большая, Средняя и Малая Меццанские улицы, Вознесенский проспект и обе стороны Екатерининского канала (*Б-ский Н. Очерк проституции в Петербурге // Архив судебной медицины*. 1868. Кн. 4. Отд. III. С. 84—85; см. также: *Кузнецов, Проституция в России*. С. 33).

С. 7. ...в этих срединных петербургских улицах... — Т. е. находящихся в центре (середине) города (см.: Белов, Комментарий. С. 49).

С. 7. *Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская...* (см. 6, 456: *Шляпа есть блин, я ее у Циммермана куплю...*) — К. Ф. Циммерман — известный в Петербурге владелец фабрики «круглых и форменных шляп» и магазина головных уборов на Невском проспекте, в доме лютеранской церкви Св. Петра (см.: Михневич. Ч. 2. С. 498). В его магазине была куплена шляпа самого Ф. М. Достоевского.

С. 7. ...он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать. — Навык измерения расстояния шагами был получен Достоевским в Главном инженерном училище, где он изучал топографию. В рукописях романа этот навык отражен в большей степени — ср. в первой редакции: «Контора была от нас шагов в четырехста» (7, 21); в окончательном тексте: «Контора была от него с четверть версты» (6, 82). См. коммент. ниже.

С. 7. ...к преогромнейшему дому, выходившему одною стеной на канаву, а другою в —ю улицу. — Канавой Достоевский называет Екатерининский канал. О «канаве» как «основном стержне» топографии романа см.: Андциферов, 2009. С. 309—311.

—я улица — Екатеринингофская (ныне проспект Римского-Корсакова). Н. П. Андциферов раскрывал криптоним как «Садовая улица», считая, что дом процентщицы находился у Никольского рынка (современный адрес: Садовая улица, дом 65 / набережная канала Грибоедова, дом 118) (Андциферов, 1991. С. 253, 327; Андциферов, 2009. С. 308; Батист, Федоренко. С. 190—192). Более вероятное предположение связывает повествование Достоевского с домом на углу Екатерининского канала и Средней Подьяческой улицы (современный адрес: набережная канала Грибоедова, дом 104 / Средняя Подьяческая улица, дом 15), по проспекту Екатеринингофскому (Римского-Корсакова) это дом 25 (см.: Холиевников, 1976. С. 389—390, 391; Саруханян. С. 183—184; см. также схему: Тихомиров, 2005. С. 448). Достоевский пишет, что до старухи-процентщицы от дома Раскольниково было «ровно семьсот тридцать» шагов, однако ни одно из гипотетических построений в связи с адресами в «Преступлении и наказании» этого количества не дает (см.: Кумпан, Конечный. С. 185—186).

С. 7. ...заселен был всякими промышленниками... — Т. е. людьми, занимающимися каким-нибудь промыслом. Н. П. Андциферов подчеркивал характерность «названий улиц, прорезающих этот район: Мещанские, Подьяческие, Казначейская, переулки Столярный, Кустарный, Щепяной, Конный. (...) Эти промышленные улицы были заселены купцами, ремесленниками, ломпен-пролетариатом. Здесь было гнездо социальных болезней большого города» (Андциферов, 2009. С. 306; см. также: Михневич. Ч. 1. С. 78). Ср. в «Записках из подполья», герой которых любил толкаться «по самым людным, промышленным улицам», в том числе «по Мещанским» (5, 185).

С. 8. ...разными немцами... — Немцы селились в Петербурге вокруг Сенной площади и (более зажиточные слои) на Васильевском острове (см.: Белов, *Комментарий*. С. 50).

С. 8. Лестница была темная и узкая, «черная»... — В петербургских домах квартиры имели выход на парадную и черную (с кухни) лестницы. Последней пользовалась прислуга; по ней носили дрова, воду, помои (см.: Юхнёва. С. 223—224).

С. 10. ...два билетика... — Т. е. два рубля. Билет — бумажный денежный знак.

С. 10. Укладка — небольшой сундук.

С. 10. ...когда по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек... — Условия, на которых Алена Ивановна предлагает Раскольникову ссуду под заклад, — 10 % в месяц (см.: Карпушина Н. Проценты простые и сложные: Уроки арифметики в классической литературе // Наука и жизнь. 2009. № 9. С. 93—94); ср. 6, 57: ...процентов по пяти и даже по семи берет в месяц... К моменту начала работы Достоевского над романом ростовщичество уже не считалось уголовным преступлением, и «указные проценты» (т. е. разрешенные законом, не более 6) отошли в прошлое (см.: Тихомиров, 2005. С. 60). С 1865 г. ссудные кассы стали распространенным промыслом, и объявления о них наводнили газетные полосы (см. выше во вступ. статье: 7, 475, а также: Данилов. С. 260—261).

С. 11. Сибирка — широко распространенная мужская одежда, короткий кафтан в талию со сборками и стоячим воротником (см.: *Словарь историзмов*. С. 139).

С. 12. Целый год жену ласкал ~ По Подьяческой пошел, Свою прежнюю нашел... — Ср. стихи из водевиля актера и популярного водевилиста П. И. Григорьева 1-го (1806 или 1807—1871), которые в 1862 г. высмеивал журнал Достоевских: «...идя по Гороховой, мы будем непременно повторять прелестные стихи г-на Григорьева 1-го: „По Гороховой я шел / И гороху не нашел”» (Вр. 1862. № 12. Совр. обзор. С. 145). Народная песня, которую слышит Раскольников в трактире, известна в публикации 1880 г. под названием «Трактирщик» и рассказывает о жизни в столице крестьянского парня (см.: Михневич В. О. Извращение народного песнотворчества // ИВ. 1880. № 12. С. 771; Смирнов Н. А. Русские народные песни новейшего времени: Этногр. очерк. СПб., 1895. С. 10—11; Борисова В. В. Об одном фольклорном источнике в романах Достоевского // Д, Материалы и исследования. Т. 13. С. 67—68). Ср.:

В первый год я постарался,
Сот пяток домой послал.
Тогда мил в долгу остался —
Свою женушку ласкал.

<...>

Я по Невскому прошел,
Свою прежнюю нашел...
Мы нечаянно сошлись,
Поздоровались...

Отрывки, приведенные в романе, представляют собой первое упоминание, по-видимому, новой песни, входившей в моду в народной среде; оценка ее Достоевским («какая-то ерунда») предвосхищает ту, которую позднее дал уже в названии своей статьи В. О. Михневич.

С. 13. *Из-под нанкового жилета...* — Нанка — дешевая грубая хлопчатобумажная ткань.

С. 13. *Манишка* — нагрудник к мужской сорочке.

С. 13. *Лицо было выбрито, по-чиновничьи...* — Для чиновника 1860-х годов — это баки без усов и выбритый подбородок.

С. 13. *...состою титулярным советником.* — Согласно Табели о рангах, чиновник 9 класса.

С. 14. *...происходили учную часть!* — Происходить — здесь в значении: постигать, познавать (БАС. Т. 11. С. 1117). Близкие по смыслу выражения начинают входить в употребление в конце 1850-х гг. — см. в «Губернских очерках» («Порфирий Петрович», 1856) Салтыкова-Щедрина: «...произошел всю механику жизни»; в «Невинных рассказах» («Гегемониев»; 1859): «...я много, брат, в жизни произошел» (Салтыков-Щедрин. Т. 2. С. 63; Т. 3. С. 10).

С. 14. *...бедность не порок, это истина ~ нищета — порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто.* — См. также в подготовительных материалах (7, 109—110). Ср.: «Бедность благопристойна; она не ходит в дырявом платье циника; жилище ее чисто, здорово; она меняет белье по крайней мере раз в неделю; она не бледна, не голодна. <...> она имеет хлеб насущный, она счастлива»; и далее: «Пауперизм есть аномальная бедность, действующая разрушительным образом. <...> Работник, например, который не получает за свой труд минимума среднего коллективного дохода <...> не может <...> восстанавливать как следует свои силы, вести свое хозяйство, воспитывать своих детей, а тем более не может развивать свой ум и незаметно впадает в маразм, деморализацию и нищету» (Прудон, *Война и мир, 1864*. Т. 2. С. 108, 116—117). О книге французского философа-социалиста П.-Ж. Прудона (1809—1865) «*La Cuiete et la raix*» (1861) и полемике вокруг нее в русской периодике см. ниже, с. 682 и 686, коммент. к 6, 220 и 224.

С. 14. *...изволили вы ночевать на Неве, на сенных барках?* — Известное в 1860-х гг. в Петербурге место ночлега нищих и бродяг, упоминаемое также в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» (Ч. 5; 1866) (см.: *Крестовский*. Т. 2. С. 212—230). Барки, груженные сеном, стояли у пристаней, пока оно не распродавалось (см.: *Даль*. Т. 4. С. 380).

С. 15. *А для ча не работасшь, для ча не служите, коли чиновник?* — По замечанию Б. Г. Реизова, «в речевом сознании трактир-

цика падший Мармеладов предстает сразу в двух видах: потенциально он „вы”, реально — „ты”: «Слово „служить” не сочетается с фамильярным и оскорбительным „ты”. Но слово „работать” вполне с ним согласуется» (*Резиов Б. Г.* Из наблюдений над стилем Ф. М. Достоевского // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. С. 100). См. также статью «„Ты” и „вы” в наших судах» (Весть. 1866. 21 декабря, № 107. С. 1; подпись: Р. С. Т.). Сходным образом меняется «ты» на «вы» по отношению к Раскольникову (как оказалось, студенту) в полицейской конторе (6, 83; 7, 22, 25—26; см. об этом: *Тихомиров, 2005*. С. 63). Просторечная форма «для ча» была популярна у литераторов, стремившихся к передаче особенностей народного говора, см., например, в повести «Антон-Горемыка» (1847) Д. В. Григоровича: «Для ча не выпить, когда добрый человек подносит...» (*Григорович Д. В.* Соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 1. С. 191).

С. 15. ...*господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями...* — Значение этой фамилии определяется по одной из записей в подготовительных материалах (декабрь 1865 г.): «...необходимо иметь обеспечение 5000 с самого начала, чтоб стать на твердую дорогу, не то будешь подличать, лебезить, поддакивать. {...} (изображение, что можно на них сделать, развить силы и отстоять свободу и, напротив, картина лебезятничества перед Лужиними в случае нищеты)»; в другой записи: «Соню зазывают к Лужину. Обокрала. Лебезятников лебезит и отрекается» (7, 183—184, 215). С фамилией нигилиста Лебезятникова, по-видимому, связывалась важная для романа мысль (ноябрь 1866 г.): «Нигилизм — это лакейство мысли» (7, 257; см. также далее, с. 791, коммент. к этой странице). О полемическом смысле образа Лебезятникова см. во вступительной статье: 7, 484; об изменениях, коснувшихся сюжетной линии Лебезятникова (в романе он не «отрекается» от Сони перед Лужиным), см.: *Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986*. С. 241—242; *Альтман*. С. 170; *Белов, Комментарий*. С. 63. По мнению Г. Е. Тамарченко, развитие образа Лебезятникова показывает, что его, нигилиста (в отличие от дельца Лужина), «выручает стихия нравственного чувства» (*Тамарченко, 1975*. С. 774; см. также ниже, с. 661—663, коммент. к 6, 128). Персонаж под той же фамилией встречается у Достоевского в рассказе «Бобок» («Дневник писателя» на 1873 г. — *Акад. ПСС*. Т. 21. С. 48).

С. 15. ...*сострадание в наше время даже наукой воспрещено ~ так уже делается в Англии, где политическая экономия.* — Речь идет о благотворительности и взглядах на нее английских экономистов Т. Мальтуса и Дж. С. Милля. С их критикой выступил Н. Н. Страхов (Н. Косица) в своих «письмах в редакцию» «Тяжелое время» и «Нечто об авторитетах», напечатанных в октябрьской и декабрьской книжках журнала «Время» за 1862 г. В рукописных редакциях «Преступления и наказания» на эту тему, с изложением различных точек зрения, говорит Разумихин, причем в связи с «единичной» помощью

упоминает «политическую экономию» (см.: 7, 326—327 и 342; см. также с. 793, коммент. к с. 326—327). Позднее близкую Страхову аргументацию в пользу права на «единичную „милостыню“» отстаивал в романе Достоевского «Идиот» Ипполит (см.: *Акад. ПСС*. Т. 8. С. 335—336; Т. 9. С. 450).

Толчок дискуссии о благотворительности и милостыне в русской периодике дала книга И. Г. Прыжова «Нищие на Святой Руси. Материалы для истории общественного и народного быта в России» (М., 1862); именно в ней была высказана мысль об унизости, причем обоюдной, милостыни, использованная впоследствии Достоевским в «Бесах» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 10. С. 239, 264; Т. 12. С. 300). Положительный отзыв на книгу Прыжова прозвучал в статье С. Яковлева «Нищие и копеечная благотворительность», напечатанной в газете «Московские ведомости» (1862. 25 июля, № 163). Журнал «Время» критически оценил мысль Прыжова о том, что «нищих плодит религиозная благотворительность, т. е. вообще религия» (*Вр.* 1862. № 12. Совр. обзор. С. 98); напечатанная в журнале рецензия М. В. Родевича подводила некий итог «большой и жаркой полемике» и выражала несогласие с осмеянием «копеечной милостыни», в которой человек находит «удовлетворение своей совести» (Там же. С. 102). О полемике вокруг книги «Нищие на Святой Руси» см.: *Пушкарев Л. Н.* Прыжов И. Г. // *Рус. писатели*. Т. 5. С. 171—172.

Свою позицию Прыжов еще раз разъяснил в статье «Нищенство», направленной против И. С. Аксакова (*Совр. слово*. 1862. 3 ноября, № 125. С. 507—510; без подписи). На Прыжова и сочувствовавшего ему рецензента «Московских ведомостей» Аксаков намекнул в одной из своих передовых статей: «...поползновения пополицействовать в народном сердце и внести регламентацию в живое дело благотворения обнаруживаются нашими либералами по отношению к нищим...» (*Д.* 1862. 22 сентября, № 38. С. 2). Отзыв на статью прозвучал в обзоре «Балаганчики „Дня“» (без подписи) Г. З. Елисеева, настаивавшего, что благотворительность «раздачею медных пятак и грошей нищим на улицах поддерживает тунеядство, пьянство, разврат, ханжество» и что «современная экономическая наука всеми силами вооружается против подобного неразумного деморализирования общества» (*Искра*. 1862. 5 октября, № 38. С. 499).

Статьи Страхова в журнале «Время» писались в ответ на выступления «Искры», причем в одной из них он назвал то условие, которое делало благотворительность, с точки зрения Милля (в противоположность Мальтусу, якобы ее отвергавшему), полезной, — это крайняя, угрожающая жизни бедность (*Вр.* 1862. № 12. Совр. обзор. С. 39—40). Публицисты, выступавшие на страницах русских периодических изданий с критикой благотворительности, отдавали предпочтение, как и английские экономисты, общественным формам ее организации (ср.: «Благотворительность служит утешением и очарованием жизни...» — *Мальтус Т. Р.* Опыт о законе народонаселения: В 2 т. / Пер. П. А. Бибилова. СПб., 1868. Т. 2. С. 360).

О предисловии К.-О. Руайе к французскому изданию книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», в котором переводчица выступила против идей христианского милосердия и сострадания, см. во вступительной статье: 7, 490—491. Возмущением по поводу ее предисловия была проникнута статья Страхова «Дурные признаки» (1862), напечатанная в журнале «Время» и вызвавшая в том же году ответную, попавшую под запрет цензуры статью П. А. Бибикова «Сентиментальная философия (по поводу чтений г-жи Ройе о теории Дарвина и тревог, возбужденных ими)». В ней Бибиков утверждал: «Когда в семействе много детей, а есть нечего, Мальтус простодушно принимал это за несчастье. Теперь же мы видим, что чем больше детей, тем лучше {...} Слабые погибнут, выдержат борьбу только естественно избранные, лучшие, привилегированные члены, так что в результате получится прогресс — улучшение всего племени» (Бибиков П. А. Критические этюды: 1859—1865. СПб., 1865. С. 118; о статье Бибикова, который, по мнению Г. М. Фридендера, мог быть прототипом Лебезятникова, см.: Фридендер, 1985. С. 259).

Дополнительные материалы о полемике в России вокруг проблем бедности и благотворительности см.: АП. С. 736.

С. 15. *Единородная дочь* — единственная у родителей.

С. 15. *Желтый билет* — медицинский билет (по цвету бланка), выдаваемый проституткам Врачебно-полицейским комитетом при Министерстве внутренних дел вместо вида на жительство (паспорта) — «с тою целью, чтобы лишить женщин возможности укрываться от врачебного надзора» (Б—ский Н. Очерк проституции в Петербурге. С. 87; см.: Тихомиров, 2005. С. 67—68).

С. 15. *Сим покиванием глав не смущаюсь...* — Ср.: «Ты сделал нас притчею между народами, покиванием головы между иноплемениками» (црк.-слав.: «...покиванию главы в людех»; Пс. 43, 15); «Проходящие же злословили Его, кивая головами своими...» (црк.-слав.: «...покивающе главами своими...»; Мф. 27, 39; ср.: Мк. 15, 29); «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою...» (црк.-слав.: «...покиваша главою...»; Пс. 21, 7—9) (см. об этом: *Ветловская, Приемы полемики. С. 82; Касаткина, 2005б. С. 237—238*). Выражение активно использовалось духовными авторами — «с воздыханием и покиванием главы», например в «Слове о власти и чести царской...» (1718) Феофана Прокоповича (Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 80). О стилистических приемах в романе и, в частности в монологе Мармеладова, восходящих к духовным сочинениям, см.: Nilsson N. A. Rhyming as a stylistic device in “Crime and Punishment” // Russian Literature (Amsterdam). 1973. Vol. 1. № 5. P. 70—71.

С. 15. *...всё тайное становится явным...* — Ср.: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным...» (Мк. 4, 22; Лк. 8, 17; ср.: Мф. 10, 26—27). См. об этом: *Мейер. С. 112*.

С. 15. «*Се человек!*» — Слова Понтия Пилата («се, Человек!») об Иисусе Христе (после бичевания), обращенные к иудеям для увещевания их и смягчения приговора, из Евангелия от Иоанна (Ин. 19, 5); в издании 1823 г.: «...вот человек!» (*Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 270¹ (страница загнута); Т. 2. С. 342—343). Слова «Се человек!» Мармеладов, по-видимому, относит к себе, а не к дочери, как предполагается в изд.: *Тихомиров, 2005*. С. 69, 72.

С. 15. ...*Катерина Ивановна ~ особа образованная...* — Как указывала А. Г. Достоевская, «в лице Катерины Ивановны изображены многие черты характера» Марии Дмитриевны Исаевой (урожд. Констант; 1824—1864) — первой жены Достоевского, умершей от чахотки (*Гроссман, Семинарий*. С. 57). Л. П. Гроссман считал, что портрет Катерины Ивановны был списан «с покойной жены писателя в период ее медленной агонии» (*Гроссман, Город и люди*. С. 37—38). Первый брак Марии Дмитриевны был омрачен нищетой и болезнью ее мужа А. И. Исаева (1822—1855), чиновника особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа в Семипалатинске, умершего от алкоголизма. Еще одна черта подлинного облика Марии Дмитриевны, отразившаяся в Катерине Ивановне, — предсмертное (временами) помешательство. См. ниже, с. 615, 701, коммент. к 6, 16, 17, 272, а также: *Волгин, Родные и близкие*. С. 1042—1064.

Существует предположение (см. во вступ. статье: 7, 479), что у Катерины Ивановны был еще один прототип — жена П. Н. Горского, сотрудника журнала «Время», Марфа Петровна Браун (наст. имя: Елизавета Андреевна, урожд. Хлебникова) (см.: *Прохоров Г. В.* Неразвернувшийся роман Достоевского: (Письма Марфы Браун к Ф. М. Достоевскому) // *Звенья*. Т. 6. С. 582—600; *Нечаева, «Время»*. С. 233; *Белов, Достоевский и его окружение*. Т. 1. С. 114—115; *Долгов В. А.* История несостоявшегося романа Ф. М. Достоевского и Марфы Браун и его отражение в творчестве писателя // *Сура*. 2013. № 2. С. 204—209). В шестнадцать лет бежавшая из дома, она долго жила за границей, затем вернулась в Россию и сошлась с Горским, содержа порой себя и его за счет заработка на панели; прошла через множество испытаний, знала нищету и голодную, бродяжническую жизнь. Достоевский мог использовать в образе Катерины Ивановны некоторые черты ее внешнего облика (см. подробный портрет Браун в письме Горского: *Достоевский и его время*. С. 258 (публ. Е. М. Хмелевской)).

С. 15. ...*урожденная штаб-офицерская дочь*. — Штаб-офицеры — старшие офицерские чины от майора до полковника. По словам Катерины Ивановны, ее отец был «статским полковником» (6, 153); в другом случае она называет его просто «полковником» (6, 337),

---

¹ Здесь и далее ссылки на Новый Завет 1823 г. даются по факсимильному изданию *Евангелие Достоевского* (Т. 1), с указанием страницы в принадлежавшей писателю книге.

но себя «почти полковничьей дочерью» (6, 335), поскольку ее отец состоял в чине 7 класса (надворный советник — Там же), соответствовавшем армейскому подполковнику. Ср.: «...как ты там себе ни переворачивай, — говорит в «Женитьбе» (1842) Гоголя Подколесин, — а надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет» (Гоголь. Т. 5. С. 10).

С. 16. *Косыночку ее из козьего пуха ~ дареную...* — «Косынку шерстяного кружева», как сообщал Достоевский в письме к брату от 22 декабря 1856 г., он хотел подарить своей будущей жене Марии Дмитриевне (Акад. ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 259; см.: ЛП. С. 737).

С. 16. *...в благородном губернском дворянском институте воспитывалась и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе ~ похвальный лист получила.* — В закрытых учебных заведениях танец с шалью (*pas de châle*) был почетной привилегией лучших воспитанниц (см.: Кирсанова. С. 141—143). Черта биографии первой жены Достоевского Марии Дмитриевны, закончившей с похвальным листом пансион в Таганроге, а затем учившейся в Институте благородных девиц в Астрахани. 19 июля 1841 г. «Астраханские губернские ведомости» сообщали об успехах сестер Констант, которые «на выпуске удивили всех игрой на фортепьяно под аккомпанементом оркестра и чтением стихов на французском и русском языках»; на торжественном акте присутствовал губернатор с супругой (Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Д, Материалы и исследования. Т. 11. С. 241—242).

С. 17. *И осталась она ~ в уезде далеком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной...* — Обстоятельства, сходные с эпизодами биографии Достоевского и его первой жены Марии Дмитриевны. После смерти ее первого мужа А. И. Исаева (в Кузнецком уезде Томской губернии) она осталась «без куска хлеба», «заброшенная на край света», «одна с малолетним сыном, в отдаленном захолустье Сибири, без призора и без помощи» (из писем Достоевского к брату от 13 января, 24 марта и 22 декабря 1856 г. — Акад. ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 202, 221, 256).

С. 17. *Полуштоф — русская мера жидкостей, равная 1/20 ведра (0,615 л); водочная или пивная бутылка.*

С. 17. *...места лишился ~ по изменению в штатах...* — Ср.: 7, 135. Повсеместные сокращения штатов были следствием начавшихся в стране реформ. О выступлениях по этому поводу в русской периодике и, в частности, на страницах журнала братьев Достоевских см.: Нечаева, «Время». С. 121—122.

С. 17. *...у хозяйки Амалии Федоровны Липпехель...* — Корреспондент одной из газет писал: «Замечательно, что квартирные хозяйки, по большей части, немецкого происхождения — чисто русские попадаются весьма редко» (ПЛ. 1865. 18 июля, № 196).

С. 18. *Кир Персидский — Кир II Великий, первый царь (558—530 до н. э.) Ахеменидского государства.*

С. 18. ...книжку — «Физиологию» Льюиса, изволите знать-с? — Имеется в виду перевод вышедшей в 1859—1860 г. в Лондоне книги английского позитивиста Джорджа Генри Льюиса (Lewes; 1817—1878): Физиология обыденной жизни: В 2 т. / Пер. с англ. профессоров Моск. ун-та С. А. Рачинского и Я. А. Борзенкова; С политипажками. М., 1861—1862. Этот перевод издавался еще трижды (последний раз — с исправлениями — в 1867 г.), у Достоевского было первое или второе (1863) издание книги — см. счет из книжного магазина А. Ф. Базунова от 5 апреля 1863 г.: *Летопись*. Т. 1. С. 400; *Библиотека*. С. 174—175 (книга, купленная в 1863 г., не сохранилась). В 1866 и 1876 гг. «Физиология...» печаталась в другом переводе (Л. Трейтера и А. Смирнова), с более точной передачей текста Льюиса. Последнее издание (1876) приобрел Достоевский (см.: *Гроссман, Семинарий*. С. 47); упоминание «Физиологии...» в перечне необходимых для работы книг, 1875—1876 гг., см.: *Акад. ЛСС*. Т. 27. С. 113, 376.

Как популярное изложение новейших, передовых естественнонаучных идей книга Льюиса пользовалась широкой известностью среди русской молодежи 1860-х годов наряду с сочинениями Г. Т. Бокля, Ч. Дарвина, Я. Молешотта, К. Фохта, Л. Бюхнера. По свидетельству мемуаристов, «Физиология обыденной жизни» была одной из тех книг, на которую «с жадностью» набрасывались нигилисты 1860-х годов (см.: *Юнге Е. Ф. Воспоминания*. (1843—1860 гг.). СПб., [1914]. С. 480). Эту книгу называли в ряду тех сочинений, которые должны научить молодежь «служению общественным интересам» (см.: *Водозова Е. Н. На заре жизни: В 2 т.* М., 1964. Т. 2. С. 79, 117). О популяризации естественнонаучных концепций как важной составляющей в борьбе радикальной журналистики с «мистическим взглядом на человека» см. в статье Г. Г. Елизаветиной в изд.: *Писарев, 2000*. Т. 3. С. 409—415.

Критические отзывы на книгу Льюиса в русской прессе с самого начала оказались связаны с откликами на «Антропологический принцип в философии» (1860) Н. Г. Чернышевского. Выступивший против него в трудах Киевской духовной академии П. Д. Юркевич («Из науки о человеческом духе», 1860) дал противникам позитивизма в философии и нравственности богатый материал, который был использован и в выступлениях в связи с «Физиологией...» Льюиса (фрагменты из работы Юркевича были приведены в статьях М. Н. Каткова: *РВ*. 1861. № 4. Лит. обзор. и заметки. С. 79—105; № 5. Лит. обзор. и заметки. С. 26—59; см. также: *ОЗ*. 1861. № 7. Рус. лит. С. 57—59; см. об этом: *Пич Р. Критическое рассмотрение П. Д. Юркевичем философии Канта // Вопр. философии*. 2002. № 7. С. 108). Журнал «Время» в ноябре 1861 г. посвятил статью обсуждению книги Льюиса и оценил ее достаточно высоко: «...мало найдется популярных книг равного с нею достоинства. {...} Настоящая наука всегда занимательна, потому что в ней присутствует живая деятельность ума, живой интерес познания». Самого ироничного отзыва со стороны журнала

братьев Достоевских заслужила журнальная полемика вокруг философских идей Чернышевского и, попутно, «Физиологии...»: «...„Отечественные записки” схватились за нее, чтобы на основании физиологии опровергать разные отвлеченные учения г. Чернышевского (...)
„Русский вестник” стал предостерегать г. Чернышевского, чтобы он не слишком доверялся Льюису, что есть вещи, в которых он с Льюисом никак не сойдется (...) Все эти Льюисы, Бокли, Милли, Дарвины — преопасный народ...» (Вр. 1861. № 11. Крит. обзор. С. 52—51).

Выступления эти были вызваны первым томом Льюиса; после выхода второго полемика вспыхнула с новой силой. Рецензия М. А. Антоновича на «Физиологию...», писавшаяся с учетом тех выпадов, которые сделала в адрес друг друга Чернышевский и Юркевич, вышла под красноречивым названием «Современная физиология и философия» (С. 1862. № 2). В ответ Катков предоставил Юркевичу место для публикации огромной рецензии на книгу Льюиса под еще более красноречивым названием «Язык физиологов и философов» (РВ. 1862. № 4—6, 8). В статье Юркевича, отдававшего должное таланту Льюиса, выражался протест против попыток позитивистского упрощения психической жизни, при этом статья в значительной части была направлена и против Антоновича. О полемике вокруг работ Юркевича см.: Колубовский Я. Н. Материалы для истории философии в России. 1855—1880 // Вопр. философии и психологии. 1890. Кн. 5. С. 37—40; Шкуринов. С. 152—154.

Льюис неоднократно с большим пиететом упоминался на страницах журнала «Русское слово» в статьях Д. И. Писарева 1864 г. (см.: Писарев, 2000. Т. 5. С. 369; Т. 6. С. 274, 291, 345). Фигурировал он и в критических выступлениях журнала братьев Достоевских «Эпоха», по-прежнему с оговоркой в пользу больших достоинств его труда (Д. В. Аверкиев в статье «Университетские отцы и дети» отозвался о книге Льюиса как «дельной» и поучительной — Э. 1864. № 3. С. 304—305). Тем не менее в «Преступлении и наказании» упоминание «Физиологии обыденной жизни» было дано Достоевским, по-видимому, в негативном смысле, который совпадал с оценкой ее «Русским вестником». Катков был встревожен этой книгой, считая ее успех важным свидетельством поворота молодого поколения к чуждым философским началам.

Писарев, с самого начала своей деятельности настаивавший на необходимости для женщин естественнонаучных знаний, утверждал, что только на этом пути «убеждения» придут на смену «предрассудкам» (см. его отклик на 5-е «Парижское письмо» М. Л. Михайлова 1859 г.: Писарев, 2000. Т. 1. С. 328, 384). В. Я. Кирпотин считал, что Лебезятников предлагал Соне Мармеладовой Льюиса «с тайными мыслями не только просветить, но и „воспользоваться” распропагандированной Сонечкой» (Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 235). В восприятии читателей 1860-х годов подобная связь, по-видимому, существовала, о чем свидетельствует статья Н. И. Соловьева «Разлад», где «нигилистка-камелия» завязывает в маскараде

разговор вопросом: «Ты читал Льюиса?» (Э. 1865. № 2. С. 25). Ср.: «Г-н Достоевский (...) не говорит прямо, что либеральные идеи и естественные науки ведут молодых людей к убийству, а молодых девиц к проституции (...) Автор перед тем как пустить по „желтому билету“ едва грамотную Соню, дочь пьянчужки Мармеладова, дает ей прочесть, что бы вы думали? Поль де Кока, Баркова? нет — „Физиологию“ Льюиса» (Н. 1866. 10 апреля, № 5. С. 72—73; см.: ЛП. С. 737). О двух других книгах Льюиса, упоминаемых в рукописях романа, см. с. 775, коммент. к 7, 136. См. также: *Кларр*. Р. 49—50; *Березкина*, 2013а. С. 16—18.

С. 18. ...много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?.. Пятнадцать копеек в день ~ не заработает... — Вопрос о женском труде и об его оплате — один из злободневных в 1860-е годы. «Известно, что у нас ныне, так сказать, мода на вопрос о женском труде», — писал «Голос», помещая обзор содержания лекций Е. П. Карновича «О женском труде». «Она, — говорится о женщине в этом обзоре, — работая неутомимо, расходуя за малое вознаграждение свою жизнь, подвергается самым трудным испытаниям, самым горьким лишениям (...) Не надо забывать, что вследствие горького положения женщины-работницы она часто повергается в порок и окончательно погибает» (Г. 1865. 2 (14) апреля, № 92. С. 3; о зависимости проституции от возможности содержать себя честным трудом постоянно писали периодические издания — см.: *Тишкин*. С. 54—57). Публичные лекции Карновича в Петербурге привлекли к себе пристальное внимание (см.: *СПбВ*. 1865. 25 марта (6 апреля), № 76; 15 (27) апреля, № 91; 20 апреля (2 мая), № 95; 29 апреля (11 мая), № 104; 30 апреля (12 мая), № 105). В них давались следующие сведения: «Шитьем на дому самая усердная швейка не может заработать в Петербурге более 5 руб. в месяц» (здесь имеется в виду шитье одежды по более высоким расценкам, чем труд белошвейки, которым занимается Соня Мармеладова), «шитьем перчаток» — не более 3 руб., «вязаньем чулков» — не более 1 руб. 50 коп. (*Карнович Е. П.* О развитии женского труда в Петербурге: Публ. чтения. СПб., 1865. С. 66—67); ср. более благополучные данные в очерке В. В. Крестовского «Швейка (в некотором роде идиллия петербургская)» (*Крестовский В. В.* Петербургские типы. СПб., 1865. С. 147—148). Журналы Достоевских также писали о тяжести женского труда (ср.: *Родевич М.* Наша общественная нравственность // *Вр*. 1862. № 8; *Сокальский П.* Заметки по вопросу общественной нравственности // *Вр*. 1862. № 10; *Молчанов Ив.* Очерки из жизни московских белошвеек // Э. 1865. № 2). Организация женского труда, устройство швейных мастерских на артельных началах — одна из тем романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863).

С. 18. ...статский советник Клопшток, Иван Иванович... — Фамилия немецкого поэта Фридриха Клопштока (1724—1803), получившая возвышенный ореол во многом благодаря роману Гёте

«Страдания юного Вертера» (1774) (восклицанием «Клопшток!» сопровождается в нем сентиментальное любовное свидание), использована Достоевским в русле традиции Гоголя, который в «Невском проспекте» наделил фамилиями немецких романтиков самых прозаических персонажей (см.: *Альтман*. С. 162—163). См. также 7, 764—765, коммент. к 7, 73.

С. 18. ...надела бурнусик... — Бурнус — верхняя одежда в виде накидки или пальто с широкими рукавами.

С. 18. ...тридцать целковых молча выложила. — Т. е. тридцать рублей; целковый — серебряный рубль. Сумма символична и напоминает о «тридцати сребрениках» — крылатом евангельском выражении, означающем цену предательства (за малую сумму — бесценное, в данном случае девственность) (см.: *Белов*, *Комментарий*. С. 70—71). О ценах в публичных домах (не дороже пяти рублей) см.: *Кузнецов*, *Проституция в Петербурге*. С. 38; о «больших деньгах», которые отдавались за «честную девушку», см.: *Кузнецов*, *Проституция в России*. С. 37.

С. 18. ...большой драдедамовый зеленый платок... — Драдедам (от фр. *drap de dames*) — тонкое (дамское) сукно. (Ср. во второй редакции: 7, 138: ...зимний зеленый платок...). А. Г. Достоевская вспоминает о своем первом посещении квартиры писателя осенью 1866 г.: «Я позвонила, и мне тотчас отворила дверь пожилая служанка в накинутом на плечи зеленом в клетку платке. Я так недавно читала „Преступление“, что невольно подумала, не является ли этот платок прототипом того драдедамового платка, который играл такую большую роль в семье Мармеладовых» (*Достоевская А. Г.*, *Воспоминания*, 1987. С. 66—67). Однако ранее, по более свежим воспоминаниям, она упомянула, что платок был «черным» (*Достоевская А. Г.*, *Дневник*. С. 303). См. об этом расхождении: *Тихомиров*, 2005. С. 75.

С. 19. ...ей в надлежащем почтении манкировали... — Манкировать (фр. *manquer*) — здесь в значении: сделать (делать) упущение (*Ушаков*. Т. 3. С. 141), оказывать пренебрежение (*БАС*. Т. 6. С. 608).

С. 19. Живет же на квартире у портного Капернауова... — Хотя фамилия, по-видимому, образована от названия города Капернаум, с которым связан целый этап жизни Иисуса Христа, ее евангельский подтекст проясняется с учетом ряда опосредованных, в том числе литературных, влияний. Б. В. Томашевский считал, что фамилия восходит к повести Бальзака «Феррагус, вождь деворантов» (из трилогии «История тринадцати»; 1833), где словом «сарнапайт» (фр. хаотическое нагромождение вещей, хаос; в переводе Томашевского: настоящий парижский кафернау) назван труппный дом-лабиринт, напоминающий о жилище Сони и событиях вокруг него, в частности о сцене подслушивания (указано: *Д*, *Письма*. Т. 1. С. 466). Наблюдение Томашевского было развито в диссертации Н. П. Андиферова (защищена в 1944 г.): «Достоевский, словно подчеркивая связь со-

зданного им образа Петербурга с Парижем Бальзака, в своем романе описывает такой же таинственный дом. (...) В лабиринте комнат, кривых, угловатых, частью пустых, со всевозможными переходами, Свидригайлов нашел угол для своих преступных наблюдений. (...) Таинственный и роковой Капернаум превращен Достоевским в квартиру портного Капернаумова» (Анциферов, 2009. С. 94).

Нарицательное «капернаум» дважды попало в словари русского языка начала XX в.: во-первых, как «беспорядочное сборище, бестолковое общество (...) страна тьмы и невежества» (Михельсон. Т. 1. С. 415), во-вторых, как кабак, публичный дом, ватерклозет (Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. СПб., 1908. Т. 4. Вып. 2. С. 395, 631—632). Об истории слова см. также: Гаева (Ковалева) Е. В. Одна из особенностей проекта «Гости из прошлого: Словарь редких слов по художественным произведениям П. Д. Боборыкина, Н. С. Лескова, Б. М. Маркевича» // Русский язык и проблемы современного образования. Архангельск, 2012. Вып. 3. С. 183—184.

Слово «капернаум» применительно к кабаку или какому-то пированию было в употреблении, по-видимому, с середины 1850-х гг. (см.: Петерб. трактиры. С. 32—33, 37—38, 275; Березкина, 2013б. С. 170—171). Говорящую фамилию Копернаумов (sic!) носил склонный к обильным возлияниям «поэт-обличитель» в фельетонах А. В. Дружинина из популярной серии «Заметки петербургского туриста» (см.: Альтман. С. 254), печатавшейся на страницах «С.-Петербургских ведомостей» (1855—1856) и «Библиотеки для чтения» (1856—1857), «Искры» (1860) и «Века» (1861) (см.: Дружинин А. В. Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1867. Т. 8. С. 118, 349—359, 440, 482, 664—675). В автобиографической повести Т. Г. Шевченко «Художник» (написана 1856, опубл. 1887) упоминается «„Капернаум“, сиречь трактир „Берлин“ на углу Шестой линии и Академического переулка» (Шевченко Т. Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 1965. Т. 4. С. 145). «Капернаумом» называют заведение, куда нужно бежать за водкой, и герои рассказа В. А. Слепцова «Спевка», опубликованного в 1862 г. в «Отечественных записках». См. также: Быков П. В. Силуэты далекого прошлого / С примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1930. С. 147—148; Альтман. С. 55—57; Коган, 1981. С. 430—431. Мало вероятно, что Достоевский, нарекая фамилией Капернаумова хозяина квартиры, где приютилась Соня Мармеладова, не учитывал негативного значения слова «капернаум».

В черновых записях Соня, подобно блуднице Марии Магдалине из города Магдала, близ Капернаума, идет «на Голгофу» за Раскольниковым (см. 7, 243). Р. В. Плетнев в статье «Достоевский и Евангелие» (1930), просянующей тот евангельский подтекст, который присутствует во всем, что связано с квартирой Капернаумовых в романе, указывает, что в основе символического сходства новозаветного поствозвещения с происходящим в ней лежат «милосердное исцеление и прощение грехов, осияние светом истины Божией и поправление гор-

дыни» (*Плетнев*. С. 174—175; см. также: *Кларр*. Р. 57—58, 247). Евангельская история Капернаума заканчивается пророчеством («И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься...» — Мф. 11, 23), с которым, по-видимому, корреспондирует значение слова «капернаум», вошедшего в русский язык во второй половине XIX в. (см.: *Березкина*, 2013б. С. 171—172).

С. 19. ...воск перед лицом Господним; яко тает воск!.. — Мармеладов либо сбивчиво цитирует молитву Честному Кресту из вечернего правила («...яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога...»), либо контаминирует ее с 96 псалмом (ср.: «Горы, как воск, тают от лица Господа...» (церк.-слав.: «Горы яко воск растаяша от лица Господня...») — Пс. 96, 5).

С. 19. Облобызал я прах ног его... — Выражение, широко распространенное в поэтической (в том числе проповеднической) речи. Ср.: *Тихомиров*, 2005. С. 78, где оно ошибочно возводится к библейскому «лизать прах», в церковнославянских текстах не связанному с глаголом «лобзать».

С. 20. ...звуки нанятой шарманки и детский, надтреснутый семилетний голосок... — В газетах того времени часто встречались сообщения о детях 5—6 лет, которых шарманщики «таскают с собою по улицам» (см., например: *Г.* 1865. 20 января (1 февраля), № 20. Петерб. отметки. С. 3; см.: *ЛП*. С. 738). См. также ниже, с. 724, коммент. к 6, 372.

С. 20. «Хуторок» — популярная в России в середине XIX в. песня Е. И. Климовского на стихи А. В. Кольцова (1839) (см., например: *Петербургский песенник: Собр. лучших романсов и песен, исполняемых хором певцов князя Голицына, русскими артистами: Петровым, Никольским (...)*. СПб., 1868. С. 9—10). В русской литературе первые упоминания о «Хуторке» относятся к 1860-м годам, когда он вошел в моду благодаря певцу Ф. К. Никольскому (см.: *Голенпуд*, 1981. С. 121).

С. 20. Нарукавнички — манжеты, прикрепляемые или пришиваемые к рукаву платья.

С. 21. ...шесть дней назад, я первое жалованье ~ сполна принес... — Выплата месячного жалованья осуществлялась первого числа; следовательно, встреча Раскольников с Мармеладовым состоялась 7 июля. См. выше, с. 605, коммент. к 6, 5, а также: *Тихомиров*, 2005. С. 45.

С. 21. ...как тать в нощи... — Пословица, восходящая к славянской Библии: «...яко тать в нощи...» (2 Пет. 3, 10; см. также: 1 Фес. 5, 2). Ср.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 385 («...как тать [ночью]...»), 530 («...как тать в ноци»); Т. 2. С. 372, 411.

С. 21. Египетский мост — мост через реку Фонтанку с архитектурным оформлением в египетском стиле.

С. 22. ...помадки тоже купить... — Помада — душистая косметическая мазь для ухода за волосами.

С. 22. Пропятие — пригвождение ко кресту, распятие.

С. 22. Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел; а пожалает нас Тот, Кто всех пожалел... — В ранних редакциях мысль об искуплении грехов скорбями была выражена определеннее: «...вы страдали. (...) Я малодушных пакость видел и видел, что они больше тех, кого губили, страдали...» (речь ведется от имени Христа); «В скорби своей вину свою искупиша»; «И простит всё, за скорбь» (7, 114—115, 145 (примеч. 3), 146; см. об этом: *Тихомиров, 2005. С. 79*).

С. 22. Приидет в тот день и спросит: «А где дочь, что мате-чехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала? и след. — Речь идет о втором пришествии Христа. Картину Страшного суда Достоевский рисует на основе гл. 25 (31—46) Евангелия от Матфея. См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 67—69* (загнуты страницы); см. также с. 189 (загнута страница): «Так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится» (Лк. 17, 30). См.: *Thompson D. O. Problems of the Biblical word in Dostoevsky's poetics // Dostoevsky and the Christian Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 71—73; Сальвестрони. С. 27—34*.

С. 22. Я уже простил тебя раз ~ Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много... — Ср. во второй редакции романа (7, 145): *Прощаются же и теперь грехи твои мнози за то, что возлюбила много! За то же, что и прежде. За то же. За прежнее же!* См. также выше, с. 114. Ср. в Евангелии от Луки о блуднице, омывшей Иисусу Христу ноги слезами и помазавшей их мирром (к ней относятся в окончательном тексте романа слова «я уже простил тебя раз», которыми Достоевский связывает воедино два сюжета — евангельский, о той самой блуднице, и романский, о Соне Мармеладовой): «...прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много (...)» Ей же сказал: прощаются тебе грехи» (церк.-слав.: «...отпускаются греси ея мнози, яко возлюби много...»); Лк. 7, 47—48). В экземпляре Евангелия, принадлежавшем Достоевскому, эти строки отмечены Достоевским знаком NB (см.: *Kjetsaa. P. 23; Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 155; Т. 2. С. 249—250*). Слова «возлюбила много» подразумевают отношение грешницы к Господу. В этом смысле толковал эпизод Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. (ДП. 1876. Май. Гл. 1. § 5 — *Акад. ПСС. Т. 23. С. 19—20*) и в подготовительных материалах к нему, где, споря с адвокатом, упомянувшим его в ином смысле (как «клубничку»), писал о Христе, переходя на другую евангельскую историю, с грешницей, взятой в прелюбодейнии: «...про такую любовь он прямо сказал: иди и впредь не согрешай» (Там же. Т. 24. С. 209). Вновь кощунственный образ «возлюбившей много» блудницы, которую якобы «за эту самую» любовь простил Христос, возник в разглагольствованиях Федора Карамазова (Там же. Т. 14. С. 69).

С. 22. И всех рассудит и простит ~ тогда возлаголет и нам ~ «Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!» — Ср. в романе «Идиот» рассуждение князя Мышкина

о пьянице, продавшем свой крест: «...этого хриstopродавца подожду еще осуждать. Бог ведь знает, что в этих пьяных и слабых сердцах заключается» (Акад. ПСС. Т. 8. С. 183) Апостол Павел предупредил, что пьяницы «Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 10). Это предсказание отразилось в черновиках монолога Мармеладова: «Ну нам, конечно, не Царствие Божие, а так что-нибудь отведут, где-нибудь отведут местечко»; «Да неужели ж и тебя в рай, — крикнул кто-то из гостей. — Ну, не в рай! (...) а так, где-нибудь и нам уголок такой отведут. Так, уголок, уголочек. По чину...» (7, 115, 146).

С. 23. ...образа звериного и печати его... (Ср. 6, 15: Я звериный образ имею...) — Выражение восходит к славянской Библии: «...дати дух образу зверину...»; «...да иже аще не поклонятся образу звериному...»; ср. в издании 1823 г.: «...вложить дух во образ зверя...» и след. (Откр. 13, 15) — см.: Kjetsaa. P. 73—74; *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 603 (стих отмечен Достоевским); Т. 2. С. 446—447.

О выражении «до звериного образа» (при утрате человеческого) — в сочетании с глаголом «напиться» — см.: Ушаков. Т. 2. С. 694. В статье «Об одном самом основном деле» (1880) Достоевский писал о либералах, которые решили «на лекциях и в отделении журнальных фельетонов, что народ наш „образа звериного и печати его”»; из дальнейшего разъяснения становится ясно, что под «звериным образом» («зверством») понимается им грубость, пьянство народа, а под «печатью его» (т. е. зверя) — грех: «...пусть (...) в нашем народе зверство и грех, но (...) он (...) никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду!» (Акад. ПСС. Т. 26. С. 152); см. об этом во второй речи Вл. Соловьева о Достоевском 1882 г.: *Соловьев Вл. С. Три речи в память Достоевского: (1881—1883 гг.)*. М., 1884. С. 26—27.

С. 23. ...приидите и вы! — Распространенный оборот в богослужебных текстах и проповедях. Ср.: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»; «...приидите, благодолные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 11, 28; 25, 34); первая из этих цитат была приведена Достоевским в первоначальной редакции монолога (7, 114).

С. 23. И возглаголят премудрые, возглаголят разумные... — Ср.: «...славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных» (церк.-слав.: «...яко утаил еси сия от премудрых и разумных...»; Мф. 11, 25); «...погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну» (церк.-слав.: «...погублю премудрость премудрых, и разум разумных отвергну»; 1 Кор. 1, 19).

С. 23. И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...» — Исследователями отмечались следы знакомства Достоевского с духовными стихами, воплотившими в себе образ «русского Христа», всеблагого и всепрощающего, и отразившимися в монологе Мармеладова (см.: Михнюкевич. С. 83—85; Бузина Т. В. Ду-

ховные стихи о Страшном суде как стилистическая модель и идейный противовес монолога Мармеладова // *Д, Дополнения к комментарию*. С. 270—273; Фридлиндер Г. М. Проблемы народа и народности в творчестве Достоевского: (Из неопубликованной статьи) // *Д, Материалы и исследования*. Т. 16. С. 402; Тихомиров, 2005. С. 85—86). О другом герое — пьянице из пародийной «Повести о бражнике» XVII в. (к 1865 г., с момента первой публикации в 1859 г., она была трижды издана) и его споре со святыми, которые настаивают, что «бражникам не входимо в рай», см.: Лотман Л. М., 1974. С. 286—290.

С. 23. ...и мы припадем... и заплачем... и всё поймем! — Распространенный в проповеднической литературе оборот, восходящий к псалму (Пс. 94, 6). Использован в книге «Сокровище духовное, от мира собираемое» (1777—1779) Тихона Задонского, любимого духовного писателя Достоевского (см. изд.: СПб., 1861. Ч. 2. С. 104). См.: Тихомиров, 2005. С. 86; Тихомиров, 2007.

С. 23. Господи, да придет Царствие Твое! — Из молитвы «Отче наш» (ср.: Мф. 6, 10; Лк. 11, 2). О молении Мармеладова см.: Мережковский, Вечные спутники. С. 193—195.

С. 23. Дом Козеля, на дворе. (См. ниже, на той же странице: Слесаря, немца, богатого...) — Дом Мармеладовых находился, предположительно, на Большой Подьяческой улице близ Садовой; домовладелец со сходной фамилией Козелл существовал в Петербурге в 1820-х гг. (см.: Тихомиров, 2005. С. 86, 202; ср.: Кумпан, Конечный. С. 188; Белов, Комментарий. С. 75).

С. 25. Колодник! — Как вспоминала А. Г. Достоевская, «колодником», т. е. каторжником, называла Достоевского его первая жена Мария Дмитриевна (Достоевская А. Г., *Дневник*. С. 210).

С. 26. ...охота по красному зверю... золотопромышленность... — Охотиться «на красного зверя» означало «обобрать богача» (Крестовский. Т. 2. С. 660). В 1865 г. вышла книга Крестовского с красноречивым названием «Петербургские золотопромышленники», в которой описывались различные способы мошенничества, в том числе женского. См. также: *Словарь языка Достоевского*, 2001. Вып. 2. С. 193.

С. 26. Ко всему-то подлец-человек привыкает! — Ср. в «Записках из Мертвого дома»: «Человек есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение» (4, 11).

С. 26. ...студенческим пальто... — Речь идет о форменной студенческой шинели.

С. 27. Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу... — Об устойчивости этого образа в творчестве Достоевского см.: Тихомиров, 2005. С. 88—89.

С. 27. Фатера (искаж.) — квартира (*Даль*. Т. 4. С. 533).

С. 28. ...от матери, из Р-й губернии. — По-видимому, Рязанская губерния — единственная в России на букву «Р» (см.: Гроссман, *Город и люди*. С. 40). В первой редакции речь шла о Пензе (7, 70).

С. 28. ...письмо было большое, плотное, в два лота... — Лот — русская мера веса (12,797 г), равная трем золотникам; плата за почтовое отправление взималась в зависимости от веса, который измерялся в лотах.

С. 29. ...у здешнего нашего купца Афанасия Ивановича Вахрушина. — В ранней редакции — Андрон Иванович Толстоногов (Толстоногий), из Пензы; в подготовительных материалах к третьей редакции — Афанасий Иванович Вахрушин (7, 63, 195). Известный в Москве род купцов Вахрушиных происходил из Зарайска Рязанской губернии, откуда приезжает семья Раскольниковы; в десяти верстах от этого города находилось тульское имение Достоевских Даровое (*Тихомиров, 2005. С. 158; см. также: Бем А. Л. Личные имена у Достоевского // О Достоевском. С. 263; Белов, Комментарий. С. 80.*)

С. 29. ...в доме господ Свидригайловых... — По мнению Л. П. Гроссмана, фамилия «Свидригайлов» была взята «из текущей периодики» (*Гроссман, Город и люди. С. 21*); она выводила «читателя-современника далеко за пределы романа», имея «определенный нарицательный смысл» (*Коган, 1981. С. 427; см. также: Jernakoff N. «Crime and Punishment»: Svidrigailov — a character in his own right // Записки Русской академической группы в США = Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U. S. A. 1981. Vol. 14. P. 47—48. Газета «Искра», сообщающая в 1861 г. в разделе «Нам пишут» (его вел М. М. Стопановский) о «фатах, бесчинствующих в провинции», — Бородавкине и его «левретке» Свидригайлове, так характеризовала последнего: «...Свидригайлов — чиновник особых, или, как говорят особенных, или, как еще выражаются, всяких поручений (...) человек темного происхождения, с грязным прошедшим, личность отталкивающая, омерзительная для свежего, честного взгляда, вкрадчивая, вползающая в душу (...) Нужно ли сочинить какую-нибудь каверзу, перенести куда следует сплетню, подгадить... на это один готовый и талантливый человек — Свидригайлов; нужно ли сорвать с кого-нибудь за место или по делу крупную, задушевную взятку; нужно ли приобрести хорошенькую гувернантку... (...) И эта низкая, оскорбляющая всякое человеческое достоинство, ползающая, вечно пресмыкающаяся личность благоденствует: строит дом за домом, обзаводится лошадьми и экипажами, кидает ядовитую пыль в глаза общества, на счет которого жиреет, бухнет, как грецкая губка в мыльном растворе...» (*Искра. 1861. 14 июля, № 26. С. 381; см. также: Искра. 1861. 13 января, № 2; 30 июня, № 24.*)*

Первое появление этого персонажа в «Искре» состоялось еще в 1860 г. под именем Жак (т. е. Яков) Свидрыгайлов (*Искра. 1860. 12 августа, № 31. С. 596*), причем события всех фельетонов, в которых он фигурировал, разыгрывались на юге России. О «смутно ощущаемой общей отрицательно-эмоциональной окраске (...) чуждого для русского языка и уха звучания» фамилии Свидригайлов, связанного с юго-западом России, см.: *Шагинян Р. П., Магазанник Э. Б. Экспрессия собственных имен в русской художественной литературе // Тр.*

Узбек. гос. ун-та. Новая сер. Каф. рус. и заруб. лит. Самарканд, 1958. Вып. 93. С. 118.

Фамилия напоминала о великом литовском князе XV в. Свидригайле Ольгердовиче, о котором Достоевский не мог не знать. Сведения о нем содержались в трудах Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева (см.: Белов, *Комментарий*. С. 80; Лодзинский В. Э. «Тайна» Свидригайлова: (Одна из «поворотных вех» в работе Достоевского над романом «Преступление и наказание») // *Д, Материалы и исследования*. Т. 10. С. 69; Тихомиров, 2005. С. 267—268), а также в романе Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» (1832) (об этой книге см.: 3, 596—597; 5, 71, 459). В «Истории России» Соловьева (Т. 4; 1854) сообщалось: «Польские писатели изображают Свидригайла человеком, преданным вину и праздности, непостоянным, вспыльчивым, безрассудным, склонным на все стороны, куда ветер подует, и находят в нем одно только доброе качество — щедрость» (Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3—4. С. 423; об «Истории» Соловьева, принадлежавшей Достоевскому, см.: *Библиотека*. С. 277—278); сведения о литовском князе содержались и в Густинской летописи, вошедшей в издание, которое имелось в библиотеке Достоевского (см.: *Акад. ПСС*. Т. 27. С. 97; *Библиотека*. С. 270): Полн. собр. русских летописей, изданное (...) Археографическою комиссиею. СПб., 1843. Т. 2. С. 354 и след.; ср. высказывание Свидригайлова в романе: «У нас в образованном обществе особенно священных преданий ведь нет (...) разве кто как-нибудь себе по книгам составит... али из летописей что-нибудь выведет» (6, 425). На русском языке была издана в 1835 г. основанная на архивных источниках биография «Свитригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской» Августа Коцебу (1-е изд. в Берлине, 1820).

С. 30. *Произошла у них тут же в саду ужасная сцена... и след.* — Подобный случай был описан в журнале Достоевских «Время» в обозрении А. У. Порецкого: гувернантка, прожившая в семье больше шести лет, «спаслась от нападения, выскочив в окно и спрятавшись в саду. Когда она вышла потом из засады, то увидела все свои пожитки выброшенными на двор (...) Девушка приютилась у соседей, а благородное семейство, ею теперь оставленное, чтоб оправдать свой гнусный поступок, принялось поносить ее на весь околоток разными небылицами» (Вр. 1861. № 3. Внутр. новости. С. 37). См.: *Гроссман, Город и люди*. С. 33; *ЛП*. С. 738.

С. 31. *...вымазав дегтем ворота нашего дома...* — Об обычае мазать дегтем ворота дома, где живет согрешившая девушка, Достоевский писал в главе «Акулькин муж» в «Записках из Мертвого дома» (4, 186—187).

С. 32. *Петр Петрович Лужин* — о прототипе этого персонажа существуют две гипотезы. Называются присяжный поверенный Павел Петрович Лыжин (1829—1904), фамилия которого встречается в подготовительных материалах к роману (см. о нем с. 781, коммент. к

7, 191), и Петр Андреевич Карепин (1796—1850), муж сестры Достоевского Варвары Михайловны, опекун братьев и сестер Достоевских, которого писатель (см. его письмо к нему от 19 сентября 1844 г.) воспринимал как ограниченного, черствого дельца. См.: Комарович, *Лит. наследство*. С. 272—273; Гроссман, *Город и люди*. С. 7, 36—37; Д, *Письма*. Т. 4. С. 448; Альтман. С. 171—172; Хроника рода Достоевских, 2013. С. 572—580; Волгин, *Родные и близкие*. С. 1032—1034.

С. 33. ...он человек очень расчетливый ~ его собственное супружеское счастье будет тем вернее, чем Дунечка будет за ним счастливее. — Вариация формулы «разумного эгоизма» в романе Чернышевского «Что делать?»: «...наше счастье невозможно без счастья других. Просветимся — и обогатимся; будем счастливы — и будем братья и сестры...» (Чернышевский, 1975. С. 9). Ср. также: «Будь честен, то есть расчетлив, не просчитывайся в расчете (...) твоя человеческая натура сильнее, важнее для тебя, чем каждое отдельное твое стремление, предпочитай же ее выгоды выгодам каждого отдельного твоего стремления (...) вот и весь результат науки, вот и весь свод законов счастливой жизни» (Там же. С. 179). О теории «разумного расчета выгод» Чернышевского и полемике с ней Достоевского, начавшейся в «Записках из подполья» и «Зимних заметках о летних впечатлениях», см.: Тамарченко, 1975. С. 772—775; 5, 491—494. Концепцию утилитаристской этики «новых людей» отстаивали на страницах «Русского слова» Д. И. Писарев и В. А. Зайцев. О «теории эгоизма», ее философских истоках и разработке в статьях Писарева, начавшейся еще в 1861 г., см.: Щербаков В. И. *Этика Писарева: теория и практика* // Мир Д. И. Писарева. М., 2000. Вып. 2: Исследования и материалы. С. 98—135.

С. 34. ...хочет открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору. — В ходе судебной реформы 1864 г. были учреждены две категории адвокатов — поверенные присяжные (на государственной службе) и частные. «Публичная адвокатская контора» предполагала деятельность частного поверенного. Новые судебные уставы были введены в Петербурге в октябре 1865 г., несколькими месяцами позднее приезда, согласно хронологии романа, Лужина в Петербург.

С. 34. ...одно значительное дело в сенате. — В Правительствующем Сенате, высшем судебно-административном учреждении России, рассматривались кассации по судебным делам, как уголовным, так и гражданским.

С. 36. ...сыграть свадьбу в теперешний же мясоед, а если не удастся ~ после госпожинок. — В России свадьбы устраивались между постами, т. е. в мясоед. «Теперешний мясоед» в письме Пульхерии Александровны — это промежуток между Петровым днем (29 июня), заканчивавшим Петровский пост, и началом Успенского поста (1 августа), продолжавшимся до 15 августа. Госпожинками (по молитвенному обращению к Богородице: Госпожа) Успенский пост назван Достоевским и в «Записках из Мертвого дома» (4, 201).

С. 37. ...через В—й проспект... — Т. е. Вознесенский проспект. Об этом частом в произведениях Достоевского топониме см.: *Анциферов, 2009. С. 312—313.*

С. 37. ...как на почтовых... — На трактах Российской империи ездили на лошадях почтовых (их меняли на каждой почтовой станции) и «на долгих» (т. е. на своих). Выражение «лететь на почтовых» указывало на «самое быстрое сообщение» (до появления железных дорог) (*Михельсон. Т. 1. С. 507*).

С. 38. ...перед Казанскою Божией Матерью... — Имеется в виду богородичная икона, явленная в Казани в XVI в., одна из самых почитаемых в России.

С. 38. *На Голгофу-то тяжело всходить.* — Место распятия Христа (холм вблизи Иерусалима) упомянуто как символ страдания и мученичества, на которые решается Дуня Раскольников ради брата.

С. 39. ...скалдырничество... — Скупость, жадность.

С. 39. ...у этих шиллеровских прекрасных душ... — Имя Шиллера для Достоевского с юных лет было «родным, каким-то волшебным звуком, вызывающим столько мечтаний» (письмо к брату Михаилу, 1 января 1840 г. — *Акад. ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 69*); см. также высказывания Достоевского о Шиллере в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» (1861; Там же. Т. 19. С. 70—71) и в примечании к статье Н. Н. Страхова «Нечто о Шиллере» (1861; Там же. С. 90, 286—292); в «Дневнике писателя» за 1876 г. (*ДП. 1876. Июнь. Гл. 1. § 1*), а также в предварительных записях к нему (*Акад. ПСС. Т. 23. С. 31; Т. 24. С. 248*). Возвышенные мечтания, чувство прекрасного, связанные с чтением Шиллера, Достоевский в конце своей жизни рекомендует воспитывать в детях (см. письмо Достоевского к Н. Л. Озмидову, 18 августа 1880 г. — Там же Т. 30, кн. 1. С. 212). Как символ этического идеализма имя Шиллера и образы шиллеровских «прекрасных душ» («schöne Seelen») нередко встречаются также и в других романах Достоевского. См.: *Фридлендер. С. 278—284; Фридлендер Г. М. [Рец.] С. Schulz. Aspekte der schillerschen Kunsttheorie im Literaturkonzept Dostojewskijs (...)* 1992 // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 2. С. 89—91; Библиотека. С. 102—103*; а также с. 734, коммент. к 6, 407.

С. 39. ...об заклад бьюсь, что Анна в петлице есть... — Имеется в виду орден Святой Анны (третьей степени, по месту ношения «в петлице»), соответствовавший чину Лужина и занимавший одну из самых нижних позиций среди российских орденов (см.: *Шенелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII—начала XX в. СПб., 1999. С. 346*).

С. 40. ...душу свою не продаст ~ нравственную свободу свою не отдаст ~ за весь Шлезвиг-Гольштейн не отдаст... — Отторжение герцогств Шлезвиг и Гольштейн от Дании и присоединение их к Пруссии было одной из целей войн Пруссии с Данией (1864) и Австрией (1866). В 1867 г. Шлезвиг и Гольштейн стали прусскими провинциями. Все эти события систематически освещались русскими газе-

тами и журналами 1860-х годов, в частности журналом Достоевского «Время» (1861. № 4. Полит. обзор. С. 85—130). Ср.: СПбВ. 1865. 21 июля (2 августа), № 185; Г. 1865. 7 (19) июля, № 185; МВед. 1865. 9 мая—13 мая, № 100—103 (рубрика «Шлезвиг-Гольштейнский вопрос», появлявшаяся в газете на протяжении всего 1865 г.).

Герой «Записок из подполья» взывал: «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. (...) Вот вам Наполеон — и великий, и теперешний. (...) Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн...» (5, 125). Датой «23 августа» 1864 г. помечена запись в тетради Достоевского о статье в «Московских ведомостях», которая свидетельствовала, что в событиях вокруг Шлезвиг-Гольштейна писателя волновали милитаристские устремления Пруссии (Акад. ПСС. Т. 20. С. 190, 382). О войне Пруссии с Австрией писатель упоминает и в письме к Каткову от 25 апреля 1866 г. (см.: Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 153, коммент. с. 430—431).

В дни работы над романом в Люблине летом 1866 г. Достоевский, как вспоминал Н. Н. Фон-Фохт, рассказывал окружающим «о последних политических событиях, весь интерес которых в то время сосредоточивался на австро-прусской войне» (Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 56—57). Высказывалось предположение о том, что за упоминанием о Шлезвиг-Гольштейне в рассуждении Раскольникова о судьбе сестры стоит мысль о Бисмарке с его идеей решения «великих вопросов времени» «железом и кровью» — см.: Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986. С. 113—114; Тихомиров, 2005. С. 100; о речах Бисмарка, затрагивающих вопрос о «двойственной оценке обществом человеческой жизни», в соотношении с идеями, которые занимают Раскольникова, см.: Брандес Г. Литературные впечатления // Собр. соч.: В 20 т. СПб., [1913]. Т. 19. С. 233; Подосокорский Н. Н. Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф. М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 85—93.

В размышлениях героя «Преступления и наказания» угадываются события, предшествовавшие войне 1864 г. М. Н. Катков коснулся их в одной из своих передовых газетных статей, где писал: «Недавно, когда у несчастной Дании был отнят Шлезвиг германскими державами и когда некоторые из держав нейтральных (...) из желания сохранить за Датским королевством тень прежнего государственного состава предложили ему удержать за собою как Шлезвиг, так и Гольштейн на праве личного соединения (т. е. под другой династией), то главное препятствие к тому оказалось в самой Дании: гражданское чувство народа этой маленькой монархии было более оскорблено и взволновано этим предложением, нежели исходом несчастной войны, отнявшей у нее столь значительную часть ее территории. Без сомнения, датчане отказались бы от такого предложения даже и в том случае, если б оно простиралось не только на Шлезвиг, но и на весь Ютландский полуостров» (МВед. 1864. 17 ноября, № 252. С. 1). Статья Каткова,

представлявшая собой вторую часть его большой работы (первая и заключительная ее части были напечатаны в «Московских ведомостях» за 10 и 19 ноября 1864 г.), имела большой резонанс и была замечена Достоевским: с ней была связана запись в рабочей книжке Достоевского, начинающаяся словами: «В то время, когда Гольштейн со Шлезвигом...» (*Акад. ПСС*. Т. 20. С. 203, 391). Раскольников смотрит на судьбу своей сестры, ставя ее на место, говоря словами Каткова, «маленькой» европейской монархии, отказавшейся изменить важнейшую часть своей внутренней жизни — даже при условии сохранения за ней спорных территорий. Подробнее см.: *Березкина, 2013а*. С. 18—19.

С. 40. ...*скорее в негры пойдет к плантатору...* Ср. в подготовительных материалах к третьей редакции (7, 184): *Сестра скорее негром, скорей латышом у остзейского немца, скорей Соней, чем наложницей у г-на, служащего в двух местах.* — Гражданская война между Севером и Югом (1861—1865) и борьба за освобождение негров в США находили живой отклик в журналах и газетах 1860-х годов, которые часто прибегали к аналогиям между положением русских крепостных крестьян и негров в Америке. В 1857 г. вышел русский перевод «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, в 1862 г. в приложении к журналу Достоевского «Время» был напечатан перевод романа Р. Хилдрета (Hildreth; 1807—1865) «Белый раб, или Воспоминания беглеца» («The White Slave, or Memoirs of a Fugitive»; заглавие в изданном русском переводе: «Воспоминания беглеца. (Очерки американских нравов)»). Оба эти произведения, написанные сторонниками освобождения негров, живо рисовали отношения между ними и плантаторами Южных штатов. В том же журнале была напечатана переводная, по-видимому, статья «Черные люди в Соединенных Штатах» (см.: *Нечаева, «Эпоха»*. С. 236, 262), в которой выражалась надежда, что «время освобождения невольников, кажется, уже близко» (*Вр.* 1861. № 4. С. 519). Подробнее об отражении проблемы рабства в Соединенных Штатах Америки на страницах журнала братьев Достоевских см.: *Нечаева, «Время»*. С. 160—162.

С. 40. ...*в латыши к остзейскому немцу...* — Имеется в виду население Остзейского (Прибалтийского) края — латышские крестьяне, освобожденные из крепостной неволи без земли, и немецкие помещики, жестоко их эксплуатировавшие. Критические статьи о положении в Прибалтийском крае печатались практически во всех периодических изданиях (в том числе за рубежом, в «Колоколе») со второй половины 1850-х гг.; обострение дискуссии пришлось на 1864—1865 гг. В газетах сообщалось о тяжелом положении латышей: «Обыкновенный немецкий башмачный подмастерье считает крестьянина своим подчиненным, своим рабом (...) Помещика они должны называть великий господин (...) народ до того угнетен и поруган, что образованный латыш часто не смеет даже признать себя за латыша» (*Латыш. Из Лифляндии // МВед.* 1865. 29 мая, № 115. С. 3). Одним из самых ярких выступлений русской периодической печати по

остзейскому вопросу была публикация, в самый разгар работы Достоевского над первой частью «Преступления и наказания», статьи Яниса Лациса «Латыши» в газете «День» (1865. 28 октября, № 39; 30 октября, № 40; 4 ноября, № 41; подп.: Иост Весул). Статья, дающая всестороннее описание жизни латышского крестьянства, отличалась резкостью обличений и нетерпимостью к угнетателям (немецким помещикам и пасторам), а также особой искренностью и лиризмом (см.: *Исаков С. Г. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов. Тарту, 1961. С. 48—51*).

В 1862 г. статью по остзейскому вопросу пытался напечатать журнал «Время». К. К. Сунгуров, корректор журнала, отметил в своем дневнике: «В последней книжке нынешнего года (июньской) запрещена статья П. Сокальского (...) об остзейских крестьянах. В статье проведена та мысль, что положение свободных (с 1817 года) остзейских крестьян еще хуже, невыносимее быта наших крепостных» (*Базанов В. Г. Капитон Сунгуров и его записная книжка // РЛ. 1962. № 1. С. 228; см. также: Коган, 1973. С. 588*).

С. 41. ...да ведь это буки, а теперь? — Буки — неосновательные, неопределенные надежды на будущее. Ср.: *Даль. Т. 1. С. 139*.

С. 42. Во что бы то ни стало надо решиться ~ «Или отказаться от жизни совсем ~ послушно принять судьбу ~ отказаться от всякого права действовать, жить и любить!» — Ср. монолог Гамлета: «Быть или не быть — вот в чем вопрос! / Что доблестнее для души: сносить / Удары оскорбительной судьбы, / Или вооружиться против моря зол / И победить его, исчерпав разом?» (*Полевой Н. А. Драм. соч. и переводы: В 4 ч. СПб., 1843. Ч. 3. С. 106*). См. об этом: *Кирай Д. Раскольников и Гамлет — XIX век и Ренессанс: (Интеллектуально-психологический роман Ф. М. Достоевского) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 134—136; Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С. 185—194; Встловская, «Хождение души», 1. С. 98—99*.

С. 42. ...проходил же он тогда по К—му бульвару. — Конногвардейский бульвар. См.: *Тихомиров Б. Н. Загадочный квартал в Петербурге Достоевского: (К анализу мотива «обиженной девочки») // Достоевский и мировая культура. № 16. С. 138—141*.

С. 42. ...простоволосая, без зонтика и без перчаток... — Для того времени появление на улице женщины с непокрытой головой было нетерпимым. Ср. также высказывание, касающееся обычая носить перчатки, в хронике Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь» (январь—февраль 1863): «Человек, который ходит по улице без перчаток, — нигилист...» (*Салтыков-Щедрин. Т. 6. С. 17*).

С. 44. ...будто папироску свертывает... — 3 июля 1865 г. был опубликован указ Правительствующего Сената, разрешавший «курить табак» на улицах (*СПбВ. 1865. 3 (15) июля, № 167. С. 3*). См.: *Данилов. С. 256*.

С. 46. Такой процент, говорят, должен уходить каждый год ~ стало быть, и тревожиться нечего. — Рассуждения о постоянном

«проценте» жертв, неизбежно обреченных природой на преступление и проституцию, появлялись в 1865—1866 гг. на страницах русских газет и журналов в связи с выходом на русском языке книги известного бельгийского математика, социолога, «отца статистики» А. Кетле (Quételet; 1796—1874) «Человек и развитие его способностей, или Опыт общественной физики» (СПб., 1865; напечатан был только первый том этого двухтомного труда, вышедшего в свет в Париже в 1835 г.; первое изложение идей Кетле в России было сделано в 1838 г. в книге профессора Петербургского университета В. С. Порошина). Интерес к учению Кетле в России получили дополнительный стимул после издания в 1866 г. перевода его книги «Социальная система и законы, ею управляющие» (1848).

Одного из популяризаторов идей Кетле, немецкого экономиста А. Вагнера (Wagner; 1835—1917), Достоевский называет на страницах романа (см. ниже, с. 718, примеч. к 6, 345). Кетле и Вагнера тогдашние газеты и журналы упоминали в качестве виднейших представителей «науки нравственной статистики», интерес к которой в русском обществе был огромным (см.: *СПбВ.* 1865. 6 (18) марта, № 58. С. 1; 28 марта (9 апреля), № 78. С. 1; 23 апреля (5 мая), № 98. С. 1—2; *ОЗ.* 1865. № 6. С. 60—64).

Следуя учению Кетле, Вагнер стремился «утвердить статистически законосообразность человеческих действий»: «Исследуя браки, самоубийства, преступления и развивая законы, управляемые ими, — писал он, — мы (...) можем с большою точностью предсказать наперед, сколько браков, разводов, самоубийств и преступлений случится в следующем году и как они распределятся» (Вагнер А. Законосообразность в по-видимому произвольных человеческих действиях с точки зрения статистики // *Общий вывод положительного метода* / Пер. под ред. Н. Н. Неклюдова. СПб., 1866. С. 306, 378; публикация представляла первую часть книги Вагнера, которая вышла в Гамбурге в 1864 г.).

Вокруг идей Кетле в русской журналистике велась оживленная полемика (см.: *Фридендер.* С. 150—157; *Этов.* С. 220—230). Противники обвиняли ученого в том, что статистика делает человека пешкой, действующей в русле неких объективных законов, а его последователей — в фатализме и эмпиризме. На страницах журнала «Русское слово» в статье «Естествознание и юстиция» (1863), а также в рецензии на книгу К. Фохта «Естественная история мироздания» (1863) В. А. Зайцев, горячий пропагандист учения Кетле, выразил это в вульгарном «оправдании» преступных деяний и наклонностей, неизбежных в «неразвитом обществе» (см. об этом: *Берлинер Г. О.* В. А. Зайцев — публицист шестидесятых годов // *Зайцев.* С. 27; о «неразвитом обществе» см. в рецензии Зайцева «Рассуждения и исследование Дж. Стюарта Милля»: Там же. С. 349).

Для Достоевского были неприемлемы выводы, делавшиеся на основе нравственной (моральной) статистики и опиравшиеся на разработанные Кетле методы математического вероятностного анализа ста-

тистических данных (в русле именно этого направления в пореформенной России началось развитие земской статистики).

С. 47. ...он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту ~ целую зиму совсем не топил своей комнаты ~ в холоде лучше спится. — В XIX в. рост человека обозначался в вершках сверх двух аршин (вершок — 4,44 см; аршин — 71,12 см), следовательно, «блюститель» был чуть менее двух метров ростом. Под «блюстителем» подразумевается, вероятно, человек, воспрепятствовавший Разумихину что-то сделать или сделавший ему воспринятое им как оскорбительное замечание. Другие толкования см.: Белов, Комментарий. С. 91; Тихомиров, 2005. С. 107.

Разумихин появляется в «Преступлении и наказании» как человек, наделенный чертами, которые не напомнить читателю героя романа Чернышевского «Что делать?» Рахметова, с его «спартанским образом жизни» и незаурядной силой (имя Рахметова упомянуто в черновых записях к роману вместо имени Разумихина — см.: 7, 96, примеч. 3).

С. 48. ...перешел мост и поворотил на Острова. Зелень и свежесть понравились сначала его усталым глазам... — Имеется в виду Тучков мост через Малую Неву, с Васильевского острова на Петербургскую сторону. Об островах в дельте Невы, упоминающихся в «Преступлении и наказании» и других произведениях Достоевского, см.: Анциферов, 2009. С. 318—319. По свидетельству наборщика и метранпажа М. А. Александрова, Достоевский любил эти места: «В летние приезды свои в Петербург, или весной, в начале лета, до отъезда из Петербурга, Федор Михайлович в часы отдыха делал прогулки за город, чтобы подышать чистым воздухом. В таких случаях из окрестностей столицы он отдавал предпочтение архипелагу невских островов, в особенности ему нравились острова Аптекарский, Елагин и Каменный...» (Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 гг. Оттиск из «Русской старины» (1892, май) с авторскими исправлениями // РГАЛИ. Ф. 212.1.256; об этом оттиске и добавлениях мемуариста см.: Зильберштейн И. С. Две записки к метранпажу М. А. Александрову // ЛН. Т. 86. С. 134). Воспоминания Александрова (по тексту «Русской старины», без учета авторских дополнений) см.: Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 251—324.

О возможной параллели между впечатлениями Раскольникова от прогулки вдоль дачных оград и стихотворением Ф. И. Тютчева «Пошли, Господь, свою отраду...» (опубл. 1851) см.: Ясенский С. Ю. О некоторых особенностях литературного и культурологического контекста романа «Преступление и наказание» // Д, Материалы и исследования. Т. 15. С. 373—375.

С. 49. В болезненном состоянии сны ~ не выдумать наяву этому же самому сновидцу, будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев. — Эта мысль была повторена Достоевским в

«Братьях Карамазовых», но с заменой имен: «...Лев Толстой не сочинит...» (*Акад. ПСС. Т. 15. С. 74, 590—591*).

С. 49—53. *Приснилось ему его детство, еще в их городке. ~ Он проснулся весь в поту...* — Ср. в первой редакции упоминание героя о своем состоянии после убийства: «...как одна загнанная лошадь, которую я видел в детстве...» (7, 57). Описание сна в романе навеяно автобиографическими воспоминаниями. Дрожащих от слабости, загнанных, тощих крестьянских клячонок Достоевский мог видеть в деревне, в усадьбе родителей, неподалеку от Зарайска. В переписке родителей писателя не раз упоминаются «чрезвычайно худые» лошади, которые «не в силах пахать» и «дотащить» до Москвы (см. письмо М. Ф. Достоевской к М. А. Достоевскому от 26 апреля 1835 г.: *Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских: (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., 1939. С. 83, 84*).

В подготовительных материалах к роману Достоевский замечает: «Мое первое личное оскорбление, лошадь, фельдъегерь» (7, 168; см. также коммент. на с. 776); в более ранних подготовительных записях: «Пьяные. Все пакости. (Воспоминания о лошади, о Демянском и проч.)» (7, 119; см. также коммент. на с. 774). Детские и отроческие воспоминания о лошади и нещадно колотившем кулаком ямщика фельдъегере навсегда остались переплетены в памяти Достоевского. О повсеместном обычае безжалостного битья перегруженных лошадей и об «одном действительном происшествии» с фельдъегерем, свидетелем которого он был в Демянске в 1837 г., говорилось в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. 3. § 1 — *Акад. ПСС. Т. 22. С. 27, 28—29*). Причину «многого позорного и жестокого в русском народе» Достоевский усматривал в направленной на народ жестокости, с одной стороны, и его пьянстве — с другой. См. об этом: *Волгин. С. 127*.

«Сон Раскольникова о загнанной лошади» Достоевский выбрал для чтения на одном из благотворительных вечеров, о чем вспоминала жена писателя: «Впечатление было подавляющее, и я сама видела, как люди сидели, бледные от ужаса, а иные плакали» (*Достоевская А. Г., Воспоминания, 1987. С. 372—373*). Об ошибке Достоевской в дате этого вечера (якобы 21 марта 1880 г.) см.: *Летопись. Т. 3. С. 392*.

О символике этого сна см.: *Бухарев. С. 230; Мерезковский, Вечные спутники. С. 186—187; Щенников Г. К. Художественное мышление Ф. М. Достоевского. Свердловск, 1978. С. 132—134; Джексон. С. 158—161; Амелин Г. Г. Очерки по философии литературы. М., 2005. С. 290—295; о народных толкованиях видения во сне лошади: *Владимирцев В. П. Дополнения к комментарию // Д, Материалы и исследования. Т. 10. С. 143*.*

С. 50. *...кутья была сахарная из рису и изюму, вдавленного в рис крестом.* — Имеется в виду ритуальная еда, которой угощают, поминая покойного, после похорон и панихид (см.: *Даль. Т. 2. С. 227*). Упоминаемые в романе «раза два в год», когда посещалась кладбищенская церковь и «служились панихиды» по бабушке, могли

быть связаны с традиционными для семейства днями ее поминовения и родительскими субботами (судя по времени года, это Радоница (вторник на второй неделе после Пасхи) или суббота перед праздником Троицы). Ср.: *Печерская Т. И.* Мотив смерти-воскресения в поэтике сна Ф. М. Достоевского (первый сон Раскольникова) // *Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»*. Новосибирск, 1996. [Вып. 1]: От сюжета к мотиву. С. 140—147.

С. 50. *Миколка* — производное (укр., белорус., многие диалекты рус.) от имени Николай. Оно было достаточно популярным — см., например, в очерке Крестовского «Извозчик ванька», заканчивающемся словами: «Итак, Миколка делается негодяем. Но виноват ли в этом Миколка?» (*Крестовский В. В.* Петербургские типы. СПб., 1865. С. 93); в его же «Петербургских трущобах» (Ч. 3; 1865) (*Крестовский*. Т. 1. С. 264); в одном из «раскольничьих» рассказов цикла Салтыкова-Щедрина «Губернские очерки» («Старец», 1856) (*Салтыков-Щедрин*. Т. 2. С. 387, 392) и т. д.

Два важных для раскрытия темы русского народа персонажа названы в «Преступлении и наказании» одним именем — это Миколка-убийца, из сна Раскольникова, «с мясистым, красным, как морковь, лицом», и Миколка-красильщик (Николай Дементьев), крестьянский парень, из сектантов, оказывающийся захваченным историей преступления и желающий, из религиозных побуждений, «принять страдание» на себя. Г. А. Мейер подчеркивал, что оба они носят имя угодника, особенно чтимого русским народом (*Мейер*. С. 80—82). Достоевский писал А. Н. Майкову 9 (21) октября 1870 г.: «Пишете Вы мне много про Николая-Чудотворца. Он нас не оставит, потому что Николай-Чудотворец есть русский дух и русское единство» (*Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 144—145); ср. слова об этом же святом, в народе называемом Миколой, из письма Майкова, на которое отвечал Достоевский: «...Миколка свое дело знает...» (Там же. С. 444). Наречение в романе одним и тем же именем двух персонажей, столь различных по направленности своих душевных наклонностей и свойств, указывает на стихийную и противоречивую силу этого «русского единства». См. также: *Назиров*. С. 149; *Белов*, *Комментарий*. С. 92; *Тихомиров*, 2005. С. 111; *Reber N.* Die Tiefenstruktur des Traums in Dostojewskijs Werk und ihre Bedeutung für den Bewusstseinsprozess des Menschen // *Dostojewskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983. S. 191—196. (Schriften (...) Slavischen Studien. Bd. 7).

С. 51. ...в кумачах, в кичке с бисером, на ногах коты... — Кумач — хлопчатобумажная ткань ярко-красного или, реже, синего цвета; кичка — сложный праздничный головной убор замужней женщины; коты — женская обувь, род нарядных полусапожек.

С. 51. ...лядащая кобыленка... — Лядаший (ледаший) — слабосильный, тщедушный, хилый. Ср.: *Даль*. Т. 2. С. 286.

С. 52. ...Он бежит подле лошадки ~ он видит, как ее секут по глазам... и след. — К этому сюжету дважды обращался Н. А. Некрасов — в фельетоне из цикла «Петербургские дачи и окрестности»

(1844), об истязаниях извозчичьих лошадей кнутом «в самую морду» (Некрасов, 1981—2000. Т. 12, кн. 1. С. 102), и в стихотворном цикле «О погоде» (ч. 1, II, «До сумерек», 1859), о влачащей «непосильную ношу» «лошади-калеке», которую бьют:

...по спине, по бокам,
И, вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим кротким глазам!

(Там же. Т. 2. С. 179—180)

Достоевский вспоминал «стихи о том, как мужик сечет лошадь кнутом (...) „по кротким глазам“», в «Братьях Карамазовых» (Акад. ПСС. Т. 14. С. 219; см. об этом: Розенблюм. С. 112). О судьбе сюжета в русской литературе см.: Гин М. М. Литература и время. Петрозаводск, 1969. С. 187—204.

Близкий мотив (надрывающийся конь и избивение его пьяным возчиком) встречается также у В. Гюго («Melancholia», 1846; опубл. 1856; см.: Гюго. Т. 12. С. 350; Лапшин И. И. Эстетика Достоевского. Берлин, 1923. С. 95—98; Некрасов, 1981—2000. Т. 2. С. 406). О соотношении стихотворений Некрасова и Гюго, с одной стороны, и текста Достоевского — с другой, см.: Brown. P. 77—93, 101—105; Телегин С. М. Стихотворение Н. А. Некрасова «До сумерек» в романах Ф. М. Достоевского // Развитие лирической поэзии и ее взаимодействие с прозой в русской литературе конца XVIII—начала XX века. М., 1988. С. 95—103.

Ю. В. Лебедев и В. И. Мельник в статье «О двух возможных источниках сна Раскольников» (правильнее здесь говорить о параллели) указали на роман П. Р. Фурмана «Парголовские тайны», в котором рассказывалось о сходном происшествии (Д. Материалы и исследования. Т. 5. С. 227—228; о возможном знакомстве Достоевского с Фурманом см.: Белов, Достоевский и его окружение. Т. 2. С. 369): «Мужик немилосердно колотил лошадь то по спине, то под брюхо, по доброму русскому обычаю, — но она, видно, была с нором, потому что упрямо переносила удары и не трогалась с места. Нашелся добрый человек из ломовых извозчиков, который (...) нашел где-то в стороне огромную дубину (...) Мужик взял дубину и уже замахнулся, как вдруг молодой человек (...) схватил его за руку. — Что ты делаешь? (...) Ведь ты убьешь ее! — Ну убью так убью, проклятую!.. — отвечал мужик с раскрасневшимся от злости лицом...» (Иллюстрация. 1845. Т. 1. № 21. С. 326).

Газеты 1860-х годов не раз возмущенно писали об истязании лошадей ломовыми извозчиками. Обсуждение темы было связано с идеей создания в России общества покровительства животных. Корреспондент одной из газет сообщал о происшествии под Петербургом: «...в канаве (...) лежала опрокинутая телега, запряженная тощею, маленькою клячей. (...) седок, дюжий парень лет тридцати, тузил несчастную тварь изо всей силы дугой по голове. (...) На наше замечание,

что подобное обращение с животными противно совести и закону Божию, парень отвечал: „Известное дело, лошадь мужицкая, она слов не понимает” (Современная летопись «Русского вестника». 1862. № 29. С. 31). См. также: Г. 1865. 3 (15) марта, № 62. Петерб. отчетки. С. 3.

С. 54. *Т—в мост* — Тучков мост (примеч. А. Г. Достоевской — Гроссман, *Семинарий*. С. 56), через Малую Неву.

С. 54. *Господи!* — молил он, — покажи мне путь мой... — Ср.: «Укажи мне путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою» (церк.-слав.: «...скажи мне, Господи, путь, в онъже пойду, яко к тебе взях душу мою...»; Пс. 142, 8; указано: Тихомиров, 2005. С. 115). Псалом 142 входит в Шестопсалмие и читается в церкви ежедневно.оборот «покажи (укажи) путь» был широко распространен — см., например, в романе Н. Г. Помяловского «Молотов» (1861): «Умири ее душу (...) вразуми ее, укажи путь истинный...» (Помяловский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 210); в анонимном очерке «К вопросу о женском труде. Размышления по поводу одного Дома трудолюбия»: «Несчастливая девушка (...) горько плакала и молилась: „Боже, укажи мне мой путь”» (ОЗ. 1863. № 11/12. С. 136).

С. 55. ...на грязных и вонючих дворах домов Сенной площади ~ много разного и всякого сорта промышленников и лохмотников. — См. выше, с. 607, примеч. к 6, 6—7. О промышленниках, занимающихся преступными промыслами на Сенной площади и вблизи нее, рассказывалось в романе Крестовского «Петербургские труппы». Лохмотники — оборванцы, бездельники. Ср. слова Екатерины Ивановны о Мармеладове: «Что этот лохмотник нейдет, пьяница!» (6, 154).

С. 55. У самого К—ного переулка... — Т. е. Конного переулка (ныне переулок Гривцова). В доме А. Кранихфельда (№ 24) в 1850-х гг. жил Н. Н. Страхов. На встречающуюся в научной литературе ошибку в раскрытии криптонима как Кокушкина переулка указано: Бурмистров, 1977. С. 73.

С. 55. ...Лизавета Ивановна, или просто, как все звали ее, Лизавета... — Имя Лизавета Ивановна приобрело особую популярность в русской литературе, по-видимому, после появления пушкинской «Пиковой дамы» (1833) (см.: «Записки одного молодого человека» (1840) А. И. Герцена, «Барышня» (1844) И. И. Панаева, «Переписка» (1848) Ю. И. Жадовской, «Несчастный» (1855) Т. Г. Шевченко, «Горькая судьбина» (1859) А. Ф. Писемского и др.). Форма имени Лизавета была общепринятой, причем как в образованных слоях, так и у простонародья. О традиции, связанной с именем Лизавета в творчестве Достоевского, см.: Щенникова Л. П. Имена // Д, Словарь-справочник, 1997. С. 167.

С. 55. ...Алены Ивановны, коллежской регистраторши... — Старуха-процентщица является вдовой коллежского регистратора, чиновника 14 класса, низшего гражданского чина; ср. 6, 57, где она, по-видимому, ошибочно называется «коллежской секретаршей», т. е.

вдовой чиновника 10 класса; в первоначальном замысле, судя по письму Достоевского к Каткову 1865 г. (см. 7, 436), она была «титularной советницей», что подразумевает чин 9 класса (см. об этом: *Тихомиров, 2005. С. 117—118*).

С. 55. *И сестра она вам не родная, а сведенная...* С. 58: *Лизавета была младшая, сводная (от разных матерей) сестра старухи...* — «Сведенные дети, т. е. дети вдовца и вдовы, во второй брак вступивших, оставшиеся от первого супружества» (*Словарь церковно-слав. и рус. яз., 1867. Т. 4. С. 202*; то же: *Даль. Т. 1. С. 124*). Однако Лизавета Ивановна и Алена Ивановна приходятся друг другу сестрами единокровными (от одного отца). Отнесение к ним в романе характеристики «сводные» отражает распространенную в России традицию. Например, так называл свою единокровную сестру Е. А. Протасову В. А. Жуковский (а вслед за ним и другие лица из его дружеского окружения). Д. С. Мережковский в романе «Петр и Алексей» (1905) назвал царей Феодора Алексеевича (1661—1682) и Петра Алексеевича (1672—1725) сводными братьями (см.: *Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1911. Т. 4. С. 78*).

С. 56. *...забедневшее семейство продавало вещи ~ Лизавета этим занималась...* — В заметке «Кочевая промышленность Петербурга», напечатанной в «Петербургском листке» за 1865 г., сообщалось, что барышники «состоят по большей части из отставных солдат, крестьян, мещан и шатающихся без места лакеев. Между ними есть и женщины, которые преимущественно скупают нижнее белье и женскую одежду» (*Данилов. С. 255*).

С. 57. *...восьми вершков росту...* — Около 178 см (см. с. 633, коммент. к 6, 47).

С. 58. *...дни же все назначались в один монастырь в Н—й губернии, на вечный помин души.* — Ср. в подготовительных материалах (7, 171): *У ней завещание: всё в монастырь в Новгородской губернии на поминание ее души. Сто руб. на поминание души Лизаветы.* См. об этом: *Мейер. С. 291*.

С. 58. *...Лизавета поминутно была беременна...* — Это обстоятельство предполагает наличие незаконных детей (отданных, по обычаю того времени, в приют или же сердобольным людям), и соответственно в набросках первой и второй редакций присутствует персонаж по имени Сяся — дочь Лизаветы (7, 102, 106, 112, 116—117, 119, 168, 174). Ср. слова Настасьи о Лизавете в первой редакции: «А убили беременную, нипочем били, ведь над нею кто захотел, тот и надругался»; «А ведь ее ж потрошили. На шестом месяце была. Мальчик. Мертвенький»; «А робеночек-то, что нашли, был его, лекарев (т. е. Бакавина)». В первоначальной редакции присутствовало и объяснение поведения Лизаветы: «Девка была сговорчивая. И не то чтоб [ей самой надо было, а так уж от смирения своего терпела. Всяк-то озорник над ней потешался»; Бакавин (впоследствии Зосимов) резюмировал это сообщение: «Идиотка она» (7, 87, 95—96). Ср. в окончательном тексте

(6, 55): «...робкая и смиренная девка, чуть не идиотка...»; см. об этом: *Анненский, 1979. С. 188; Березкина, 2013б. С. 173—174.* Фраза об отцовстве нерожденного мальчика перешла в текст *РВ*: «А ведь ребенок-то лекарский (т. е. Зосимова) был! (...) Сама сказывала...» (7, 369), но при подготовке отдельного издания Достоевский ее вычеркнул, «смягчив» тем самым обстоятельства преступления Раскольникова и приведя их в соответствие с ходом всего сюжета (ролью в нем Зосимова) и приговором герою. Новый контекст, в котором оказались слова «поминутно была беременна», подсказал предположение, что Достоевский их «забыл изъять из окончательного текста» (*Кожин. С. 128*) и они в нем остались «рудиментом первоначального замысла» (см.: *Тихомиров, 2005. С. 120*).

С. 58—59. *Позволь, я тебе серьезный вопрос задать хочу ~ А по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!* — Сходная проблема обсуждалась в диалоге Растиньяка и Бьяншиона, героев романа Бальзака «Отец Горио» (1834) (*Бальзак. Т. 2. С. 393—394; указано: Гроссман, Библиотека. С. 51—63; об иных, более ранних преломлениях этой коллизии в творчестве Бальзака и Шатобриана см.: Реизов Б. Г. Бальзак. Л., 1960. С. 149—150*). Фрагментарный пересказ этого диалога, с усилением его фантастического колорита, обнаруживается в рукописях Речи о Пушкине Достоевского, где упомянуто о некоей «нравственной задаче», связанной с убийством, посредством лишь одного пожелания, «дряхлого, больного мандарина», за которого «какой-то волшебник придет затем миллион», — см.: *Акад. ПСС. Т. 26. С. 288, 336, 455, 499*, а также во вступительной статье (7, 500). Ситуация («проблема китайского мандарина») проанализирована в статье «Трагедия „своеволия“ в интерпретации Достоевского и Бальзака» Е. Н. Купреяновой, которая считала, что «роковой „идее века“» писатель противопоставил «непреложность, и в этом смысле необходимость, нравственного закона, начертанного в душе каждого человека, неотвратимо карающего всякого, кто дерзнул его переступить» (*Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы: Очерки и характеристики. Л., 1976. С. 404*). См.: *Фридлендер, 1985. С. 258; Барковская Н. В. Проблема характера и среды в романах О. Бальзака «Отец Горио» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (опыт сравнительно-типологического анализа) // Проблема характера в зарубежных литературах. Свердловск, 1985. С. 61—62; Туниманов В. А. Отзвуки романа О. Бальзака «Отец Горио» в творчестве Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 24. С. 7—21.*

С. 59. *...да ведь тут арифметика!* — Тезис об «исчислении обстоятельств», которыми «можно измерить ценность известного количества удовольствия или страдания» («Сложите все ценности всех удовольствий, с одной стороны, и все ценности всех страданий с другой» и т. д.), был выдвинут И. Бенетом, настаивавшим на необходимости взвешивания выгоды или невыгоды деяний — с целью

достижения счастья для наибольшего количества людей, и развит Дж. С. Миллем, приблизившим систему ценностей в утилитаристской этике к частной жизни, — см.: *Бентам И.* Избр. соч. СПб., 1867. Т. 1. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 26—29; *Милль Дж. С.* Утилитаризм // Милль Дж. С. Рассуждения и исследования политические, философские и исторические: В 3 ч. СПб., 1865. Ч. 2, вып. 2. С. 304—375. Чернышевский, выстраивая в статье «Антропологический принцип в философии» (1860) свои доказательства теоретической правоты или неправоты той или иной нации, сословия, учреждения и проч., апеллировал к «применению геометрических аксиом» («целое больше своей части», «большее количество больше меньшего количества») (*Чернышевский*. Т. 7. С. 286; ср.: *Щербаков В. И.* Этика Писарева. С. 116—118; см. также с. 661—662, коммент. к с. 6, 128).

С. 59. ... она намереди Лизавете палец со зла укусила... — Обычное проявление злобы у персонажей произведений Достоевского. В «Записках из подполья»: «Я зубами вцеплюсь ему в руку, я укушу его» (5, 168); в романе «Идиот»: «Жила с ней еще несколько лет пред этим племянница, горбатая и злая, говорят, как ведьма, и даже раз старуху укусила за палец...» (*Акад. ПСС*. Т. 8. С. 126); в «Бесах»: «...он почувствовал ужасную боль в мизинце своей левой руки (...) он вне себя три раза изо всей силы ударил (...) укусившего его палец Кириллова» (Там же. Т. 10. С. 476); в «Братьях Карамазовых»: «...злой мальчишка, нагнув голову и схватив обеими руками его левую руку, больно укусил ему средний ее палец» (Там же. Т. 14. С. 163). См.: *Тихомиров*, 2005. С. 122.

С. 60—61. ...представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе ~ по такому чистому с золотыми блестками песку... — Ср. во второй редакции: 7, 176. О соотношении образов оазиса и чудесной воды, утоляющей жажду Раскольников в его сне, со стихотворением «Три пальмы» (1839) М. Ю. Лермонтова, а также последним (IX) из «Подражаний Корану» (1824) А. С. Пушкина см.: *Назирова*, 1976. С. 94—95; *Белов*, *Комментарий*. С. 100—101; *Борисова В. В.* Синтетизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф. М. Достоевского (Библия и Коран) // *Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза*. Екатеринбург, 1991. С. 71—72.

С. 62. Этот заклад был, впрочем, вовсе не заклад... — Сходное обстоятельство фигурировало в газетных сообщениях об убийстве 3 августа 1865 г. коллежской советницы А. О. Дубарасовой: убийцы, чтоб «иметь предлог зайти в квартиру», приготовили фальшивую посылку; один из них «стал развязывать принесенный им ящик, и, как только Дубарасова нагнулась посмотреть», другой «ударил ее по голове» (*Г.* 1865. 8 (20) октября, № 278. С. 3). Указано: *Тихомиров*, 2005. С. 126—127.

С. 62. ...стал сходить вниз свои тринадцать ступеней... — Лестница с тринадцатью ступенями, ведущими в квартиру на пятом

этаже, находится в доме Иоахима, в Столярном переулке (см.: *Грашин Д. А.* Дом на углу // Лит. газета. 1969. 1 января, № 1. С. 7; *Саруханян С.* 182. С. 3). См. также выше, с. 605—607, коммент. к 6, 5.

С. 63. ...казуистика его выточилась, как бритва... — Об отношении Достоевского к религиозно-юридической казуистике как одном из признаков морального упадка западной цивилизации см.: *Назирова Р. Г.* Проблема художественности Ф. М. Достоевского // *Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза*. С. 134; *Мотидзуки Т.* Тема казуистики в романе «Братья Карамазовы» // *Достоевский и мировая культура*. № 8. С. 127—128.

С. 64. ...болезнь ли порождает самое преступление или само преступление ~ сопровождается чем-то вроде болезни? — См. ниже, с. 684, коммент. к 6, 221.

С. 65. *Юсупов сад* — находится на Садовой улице, напротив Екатеринбургского проспекта (ныне проспект Римского-Корсакова); до 1810 г. — часть усадьбы князя Б. Г. Юсупова (получил от этого свое название); был открыт для публики в 1863 г. О маршруте Раскольникова и, в частности, о тех домах, мимо которых он шел к старухе-процентщице (в одном из них, напротив Юсупова сада, жил книгоиздатель Ф. Т. Стелловский), см.: *Бурмистров, 1977*. С. 77—78.

С. 65. ...занялся мыслями об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. — 18 июля 1865 г. в «Петербургском листке» был опубликован проект о необходимости повсеместного устройства фонтанов (см.: *Данилов*. С. 260, а также во вступительной статье: 7, 478).

С. 65. *Летний сад, Марсово поле, Михайловский сад* — Марсово поле (Царицын луг), занимающее пространство между садами Летним и Михайловским (при Михайловском дворце; в настоящее время Русский музей), было в императорском Петербурге местом проведения военных парадов и смотров, а также народных гуляний. Идя по Садовой улице, Раскольников переносится мыслью к тому месту, где она начинается. О фантазии Раскольникова, связанной с превращением Петербурга в цветущий, зеленый город, см.: *Холшевников, 1976*. С. 392—393; *Lindenmeyer A.* Raskolnikov's city and the Napoleonic plan // *Slavic Review*. Champaign, 1976. Vol. 35. № 1. P. 37—48; *Грачева И. В.* Подтекст пейзажей в «Преступлении и наказании» // *РР*. 2001. № 5. С. 4—5.

С. 65. «Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге»... — Эти чувства были знакомы самому Достоевскому. В письме к брату из Петропавловской крепости 22 декабря 1849 г. он вспоминал о виденном им «из окон кареты», когда петрашевцев, в день объявления им приговора, везли на Семеновский плац (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 1. С. 162; иную трактовку этого письма см.: *Тихомиров, 2005*. С. 132). В 1860 г. в журнале «Светоч» М. М. Достоевским был опубликован перевод повести В. Гюго «Последний день пригово-

ренного к смерти» (1829), перед сдачей в печать, по-видимому, просмотренный Ф. М. Достоевским и отразивший следы его стилистической правки (см.: *Акад. ПСС. Т. 9. С. 430; Фридендер Г. М. Достоевский и В. Гюго // Фридендер, 1985. С. 182*). Достоевский считал это произведение Гюго шедевром — «самым реальнейшим и самым правдивейшим произведением из всех им написанных» (см. предисловие к повести «Кроткая», а также подготовительные материалы к «Дневнику писателя» за 1876 г., где она была напечатана: *ДП. 1876. Ноябрь. Гл. 1. — Акад. ПСС. Т. 24. С. 6, 100, 128*). Герой рассказа Гюго по дороге на казнь «прилепляется мыслями ко всем предметам», обращает внимание на вывески и толпу: «...не взирая на сумерки и частый и беловатый дождь, который стоял в воздухе как гигантская паутина, ничто, никакая подробность не ускользнула от меня. Каждая из них приносила мне свою пытку. Не выразишь словами моих ощущений»; и далее: «Глаза мои машинально читали вывески. (...) А телега ехала, все ехала, а лавки проходили, а вывески мелькали, писанные, рисованные, позолоченные...» (Св. 1860. № 3. С. 164, 165; ср.: *Гюго. Т. 1. С. 291—292*). О влиянии повести Гюго на творчество Достоевского см.: *Бем А. Л. Гюго и Достоевский: (Лит. обзор) // О Dostojevském. С. 141—143; Виноградов В. В. Из биографии одного «неистового» произведения: «Последний день приговоренного к смерти» // Виноградов, Поэтика. С. 63—76; Andrews L. R. Dostoevskij and Hugo's «Le dernier jour d'un condamné» // Comparative Literature. 1977. Vol. 29. № 1. P. 1—16; Brown. P. 111—135; Фридендер, 1985. С. 181—183, 156; Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...»: К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012. С. 183—193.*

В романе «Идиот» писатель возвращается к переживаниям осужденного на казнь, в частности к тем впечатлениям, которые встречают его на последнем пути (см.: *Акад. ПСС. Т. 8. С. 55—56*). См. также запись в набросках к «Братьям Карамазовым»: «Марию-Антуанетту везли, не на оскорбление обратила внимание, а вывеска, на которой было что-то написано» (*Акад. ПСС. Т. 15. С. 364*) — ср. о Свидригайлове, читающем по пути к месту самоубийства вывески, а также о Раскольникове, идущем с повинной в полицию (6, 441, 453).

С. 69. ...два креста, кипарисный и медный... (Ср. 6, 452: *Кипарисный, то есть простонародный...*) — Кипарис использовался для разных церковных изделий; кипарисные кресты привозили из монастырей, покупали в монастырских лавках. С кипарисом предание связывает крест, на котором был распят Иисус Христос.

С. 69. *Финифтяный образок* — финифть — эмаль. В XVIII—XIX вв. в России широкое хождение имели финифтяные иконки, изготовлявшиеся в Ростове Великом.

С. 70. *Гарнитур* (искаж. от «гродетур», фр. gros de Tours — ткань из города Тур) — плотная шелковая ткань.

С. 73. *Незванный гость был уже тоже у дверей ~ крепко позволил.* — Появление у дверей, сразу же после убийства, «незванных гос-

тей» происходит в двух значимых для автора романа текстах — в истории совершенного Ласенером убийства старухи и случайно оказавшегося в ее квартире сына (см. во вступительной статье: 7, 480—481, а также примечание Достоевского (1861) к статье «Процесс Ласенера» — *Акад. ПСС*. Т. 19. С. 89—90, 284—286) и в «Макбете» Шекспира (см.: *Левин Ю. Д.* Достоевский и Шекспир // *Д. Материалы и исследования*. Т. 1. С. 131). См. также: *Белоусов Р. С.* Пьер Ласенер и Родион Раскольников // *ЛУ*. 1980. № 4. С. 193—194; 1995. Т. 4. С. 697—698 (републикация статьи «Процесс Ласенера» из журнала «Время», 1861), 938—949 (коммент. В. В. Дудкина, с рассмотрением вопроса о степени участия Достоевского в этой статье); Т. 7. С. 728—729.

С. 73. *Эй, Алена Ивановна, старая ведьма!* — Выражение «старая ведьма» возводится комментаторами романа к «Пиковой даме» Пушкина (см., например: 1995. Т. 7. С. 729), хотя оно было общепотребительным как до, так и после появления этой повести (см.: «Бедная Маша» (1801) А. Е. Измайлова, «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) и «Аскольдова могила» (1833) М. Н. Загоскина, «Сорочинская ярмарка» (1832—1833) Н. В. Гоголя, «Последний Новик» (1831—1833) И. И. Лажечникова, «Кощей бесмертный» (1833) А. Ф. Вельмана, «Рассказы русского солдата» (1834) Н. А. Полевого, «Черная женщина» (1834) Н. И. Греча и др.); выражение было очень распространенным в литературе и в годы, непосредственно предшествовавшие созданию «Преступления и наказания».

С. 73. ...в «Гамбринусе»... — Имеется в виду заведение пивоваренного товарищества «Гамбринус» на Васильевском острове (см.: *ЛП*. С. 742).

С. 74. *Я ведь в судебные следователи готовлюсь!* — Институт судебных следователей был введен в России в 1860 г. в ходе судебной реформы, в основу которой была положена идея отделения судебной власти от власти административной (полицейской). Несколько раньше, в 1859 г., был определен на новых основаниях статус должности «следственный пристав»; в 1860 г., после учреждения должности «судебный следователь», вышли императорские указы, разделявшие два этапа — производство дознания (его осуществлял полицейский следователь) и предварительное следствие (оно предполагало подготовку судебного дела, находившегося в ведении судебного следователя). О должности следственного пристава, со ссылкой на роман Достоевского, см.: *Васильев О. А.* Система органов предварительного расследования в отечественном уголовном процессе // *Вестн. МГУ*. Сер. 11: Право. 2006. № 2. С. 40—42. Требования к судебному следователю, наделявшемуся судебной неприкосновенностью, были очень высокими (образование, стаж, возрастной ценз). См.: *Волчкова А. А.* Развитие института судебных следователей в России до Судебной реформы 1864 года // *Российский судья*. 2004. № 12. С. 37—40; *Мамонтов А. Г.* Следственная реформа 1860 года в России: опыт системного исследования // *Человек и закон*. 2007. № 8. С. 45—49.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (§ 249—261) предусматривалось участие полиции в производстве дознания. Именно этим занимается в романе полицейский следователь (пристав следственных дел) Порфирий Петрович (см.: 6, 286). В «Преступлении и наказании» линия различения органов следствия пореформенной России проведена Достоевским с предельной четкостью. В эпилоге, когда речь идет о процессе над Раскольниковым, писатель упоминает о «следователях и судьях» (6, 460), причем здесь имеет в виду именно судебных следователей. Ср.: *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 387—388; *Белов, Комментарий*. С. 125—126; 1995. Т. 7. С. 730—731, где дается ошибочное указание на временную «параллельность» существования в пореформенной России «двух институтов» — судебных следователей и приставов следственных дел.

В первой редакции подробности преступления передавались со слов Порфирия, из которого, как утверждает Разумихин, «следователь {...} выйдет отличный» (7, 89 (коммент. на с. 765), 91, 96). Впоследствии в подготовительных материалах он именуется судебным следователем (7, 119, 170, 172, 188). То, что в окончательном тексте Порфирий Петрович выступает в роли полицейского следователя, можно связать с какими-то разъяснениями о ходе расследования уголовных дел, полученными Достоевским. 27 октября (8 ноября) 1869 г. он сообщал в письме А. Н. Майкову, что ему «много {...} способствовал разными сведениями, которые потом пригодились для „Преступления и наказания“», помощник квартального надзирателя (*Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 75); см. также ниже, с. 645, коммент. к 6, 84.

С. 76. ...*вот и переулоч; он поворотил в него...* — По-видимому, Большая Подьяческая улица (см.: *Анциферов, 1991*. С. 253; 1995. Т. 7. С. 731).

С. 78. ...*доносились страшные, отчаянные вопли с улицы ~ из распивочных пьяные выходят...* — Ср. в первой редакции: 7, 12. Об обилии питейных заведений в Столярном переулке в то время, когда там жил сам Достоевский, см. во вступительной статье: 7, 477—478, а также: *Данилов*. С. 252. В доме Алонкина (см. выше, с. 606, коммент. к 6, 5) было два заведения — питейный погреб и трактир (см.: *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 302; *Бурмистров А. С.* «Тринадцать ступеней вверх». С. 3), в доме Иоахима — еще один трактир (см.: *Тихомиров, 2005*. С. 135).

С. 82. ...*полуразвалившиеся извозчики*. — О пролетках, «готовых развалиться на части от езды даже по хорошей мостовой», см., например, упоминание в заметке «Петербургские извозчики»: *ПЛ*. 1865. 20 апреля, № 56, а также: *Данилов*. С. 253.

С. 82. ...*во вчерашнюю улицу...* — Имеется в виду Екатеринбургский проспект, где находится дом старухи-процентщицы (см. выше, с. 608, коммент. к 6, 7).

С. 82. *Контора была от него с четверть версты. Она только что переехала на новую квартиру, в новый дом, в четвертый*

этаж. — По-видимому, речь идет о полицейской конторе 3-го квартала Казанской части на набережной Екатерининского канала, дом 7 (см.: *ЛП. С. 742; Кумпан, Конечный. С. 189; Белов, Комментарий. С. 107*). Незадолго до начала работы над романом контора переехала туда с Большой Мещанской улицы (ныне Казанской); другие сообщаемые сведения о ее местонахождении — длина пути от дома в Столярном переулке, пересечение со «вчерашней улицей» — не совпадают с подлинной топографией Петербурга (см.: *Тихомиров, 2005. С. 136*).

С. 83. Вверх и вниз всходили и сходили дворники с книжками под мышкой, хожалые... — Речь идет о домовых книгах, в которых регистрировались жильцы дома (см.: *Михневич. Ч. 1. Прил. С. LXI; Белов, Комментарий. С. 107—108*). Хожалый — служащий при полиции в качестве рассыльного, низший полицейский чин (городовой); см. также: *Даль. Т. 4. С. 557; Юхнёва. С. 128—129*.

С. 83. ...человек с неподвижной идеей во взгляде. — О выражении «неподвижная идея», неоднократно использовавшемся Достоевским и восходящем, по-видимому, к «Пиковой даме» Пушкина, см.: 2, 710 (коммент. к «Негодке Незвановой»).

С. 84. Луиза Ивановна — В 1860-х гг. содержательницами домов терпимости были в основном немки (см.: *Б—ский Н. Очерк протитуции в Петербурге. С. 90; ср.: Альтман. С. 181*). Возможно, Луизе Ивановне отводилась в первоначальном замысле значительная роль — в связи с поступлением к ней Сони, которая «себя запродала за него», т. е. за Раскольников (7, 189; см.: *Шкловский. С. 188*).

С. 84. Это был поручик, помощник квартального надзирателя... — В июне 1865 г. Достоевскому, в связи с предъявленными к оплате векселями, пришлось улаживать дела с полицией. Полученная им повестка была подписана младшим помощником квартального надзирателя подпоручиком А. А. Макаровым. По-видимому, именно об этом помощнике надзирателя и дружеском общении с ним идет речь в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 27 октября (8 ноября) 1869 г (см. выше, с. 644, коммент. к с. 74, а также: *Летопись. Т. 2. С. 34*). См. о нем: *Гроссман, Жизнь и труды. С. 149; Бурмистров, 1977. С. 84—85* (здесь же уточнение сообщения о нем Л. П. Гроссмана и Г. Ф. Коган (см.: *Акад. ПСС. Т. 7. С. 370*) и предположение о том, что он мог быть прототипом Заметова); *Белов, Достоевский и его окружение. Т. 1. С. 517; Тихомиров, 2005. С. 137—138* (с предположением о том, что Макаров послужил прототипом Ильи Петровича).

С. 84. ...и не думает ступшеватьсья от его молниеносного взгляда. — Об истории слова «ступшеваться», которое Достоевский считал своим неологизмом, см.: 1, 714—715.

С. 85. Присутствие — государственное учреждение в Российской империи; место, занимаемое им.

С. 85. ...всем нам манкируете. — См. выше, с. 619, коммент. к 6, 19.

С. 85. ...сокол ясный! — Фольклорное выражение. Ср.: 1, 23.

С. 85. ...уплатить со всеми издержками, пенными и прочими... — Пенными деньгами (от «пеня») назывались деньги, взимавшиеся в качестве штрафа (см.: *Словарь историзмов*. С. 104; *Даль*. Т. 3. С. 30).

С. 86. ...надворному советнику Чебарову... — С. 108. ...господин Чебаров, надворный советник и деловой человек. — Как указал А. С. Долинин, за этим слегка измененным именем скрывается поверенный Ф. Т. Стелловского Иван Петрович Бочаров (1820—1892), с которым писатель столкнулся летом 1865 г. (см.: *Д*, *Письма*. Т. 2. С. 509). Контракт со Стелловским (см. выше, с. 460) Достоевский был вынужден заключить под угрозой «засадить» его в тюрьму, «пустив» в ход просроченные векселя (письмо Достоевского к А. Н. Майкову, 27 октября (8 ноября) 1869 г. — *Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 75); их «предъявил некто надворный советник Бочаров. Когда-то сам пописывал, переводил Гёте; ныне же, кажется, мировым судьей на Васильевском острове. Между нами, человек весьма нечестный» (письмо к В. И. Губину, 8 (20) мая 1871 г. — Там же. С. 211). Первоначально Достоевский дал Бочарову фамилию Бочкаров. Это имя каллиграфически выписывается на (с. 57) первой записной тетради; затем на (с. 96) появляется имя «Чебаров» (7, 27, 70—73). Эта же фамилия была использована Достоевским в романе «Идиот» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 8. С. 225).

И. П. Бочаров был воспитанником Училища правоведения, выпускник 1840 г. Бочарову принадлежит сборник стихотворений (СПб., 1841) и первая попытка издания в России собрания сочинений Гёте (СПб., 1842—1843. Вып. 1—3; не оконч.). Подробнее см.: *Викторович В. А.* 1) Как статья литературным героем, или Житие графомана // *ЛУ*. 1985. № 2. С. 211—214; 2) Бочаров И. П. // *Рус. писатели*. Т. 1. С. 321—322.

Надворный советник — см. выше, с. 614—615, коммент. к 6, 15.

С. 86. *В смиренный мечтает!* — Смирительный дом предназначался для содержания нарушителей различных полицейско-административных предписаний. В Уставе благочиния (1782), являвшемся полицейским уставом, заключение в смиренном доме было наказанием за организацию борделей и проституцию.

С. 86. *Илья Петрович!* — «Достоевский иронически называет помощника квартального надзирателя именем громовержца пророка Ильи» (*Белов, Комментарий*. С. 111). Ср. 7, 28 и 33: «В эту минуту вдруг гром и молния поразили нас. Действительно, было нечто вроде грома и молнии»; «Опять грохот, опять гром и молния! смерч, ураган!»

С. 87. ...ганц фортепьян ~ гедрюкт будет... — Ганц (нем. ganz) — весь; зейн рок (нем. sein Rock) — его сюртук, пиджак (здесь: фрак); ман мус (нем. man muss) — надо; гедрюкт (нем. gedruckt) — напечатанный, т. е. — будет напечатан. Примечательное отличие петербургских «заведений» (по сравнению с московскими):

«...непреренно есть фортепиано или рояль» (*Кузнецов, Проституция в России*. С. 33).

С. 87—88. ...тебя самое на цугундер, как в высоком слоге говорится. — Взять на цугундер — в переносном смысле — привлечь для расправы, к ответственности. От нем. zu Hundert — к сотне (ударов); по-видимому, из старого военного арга, для обозначения приговора к телесному наказанию (см.: *Ушаков*. Т. 4. С. 1228).

С. 88. Третьего дня в трактире тоже история: пообедал, а платить не желает; «я, дескать, вас в сатире за то опишу». — «Нравы нашего литературного задворья, — писал фельетонист одной из газет в 1865 г., — становятся всё более и более дикими. Про обличителей разных трактиров, ресторанов и проч. приходится слышать вещи самого возмутительного содержания. Они являются всюду, едят, пьют, получают подарки и хвастаются, что обличат тотчас, если что не по ним, т. е. если не дадут им взятки или спросят за выпитое вино или съеденный обед деньги» (цит. по: *Данилов*. С. 254—255).

Сходная ситуация с угрозой «обличения» в газете была очерчена Достоевским в рассказе «Скверный анекдот» (1862) (5, 38). В «Дополнениях к комментарию» В. А. Викторovich указал на многократно обыгранный сюжет с не платящими в трактирах «обличителями» в газете «Оса» (прилож. к еженедельнику «Якорь»), причем намеки в ней адресовались В. С. Курочкину и Д. Д. Минаеву (*Д, Материалы и исследования*. Т. 10. С. 156—157).

С. 88. ...сам Никодим Фомич, квартальный надзиратель. — В июне 1865 г. Достоевский улаживал в конторе 3-го квартала Казанской части дело об описи его имущества за неплатеж по векселям (см. выше, с. 645, коммент. к б, 84). Квартальным надзирателем был поручик Иван Николаевич Пикар (см.: *Бурмистров*, 1977. С. 84). Гипотезу о том, что Пикар являлся прототипом Никодима Фомича в романе, см.: *Тихомиров Б. Н.* Персонажи «Преступления и наказания» в романе и жизни: Из наблюдений над прототипами в творчестве Достоевского. Этюд 1-й: квартальный надзиратель Никодим Фомич // *Д, Дополнения к комментарию*. С. 288—294.

С. 88—89. ...векселей надавал, квартиру не очищает (...) не понимаю совершенно, какой это вексель! — Когда после смерти брата Михаила Михайловича Достоевский взял на себя его долги, «к нему стали являться люди (...) брали векселя, обещали ждать...» Один из них был выдан писателю Х. Он «горячо благодарил, обещал ждать (...) Каково же было изумление Федора Михайловича, когда через две недели с него потребовали по этому векселю деньги и хотели приступить к описи имущества». Оказалось, что квартирная хозяйка писателя Х. «грозила прогнать его с квартиры, и он, доведенный до крайности, отдал ей вексель Федора Михайловича (...) пришлось за большие проценты занять деньги для уплаты этого долга» (*Достоевская А. Г., Воспоминания*, 1987. С. 232—233). В *Акад. ПСС* (Т. 7. С. 370) Г. Ф. Коган высказала предположение, что речь идет о писателе К. И. Бабикове (1841—1873).

С. 88. ...но всё еще будируя. — Т. е. сердясь, показывая неудовольствие (от фр. *bouder*).

С. 91. *Серебряник* — художник (т. е. ремесленник), делающий серебряные вещи (*Словарь церковно-слав. и рус. яз., 1867. Т. 4. С. 249*). См. в первой редакции: «Старый был ювелир» (7, 12, примеч. 2).

С. 92. *Дом — Носв ковчег...* — Применительно к городским доходным домам эта восходящая к Библии метафора была употреблена в рассказе М. И. Воскресенского «Замоскворецкие Тереза и Фальдони» (1843) (см.: 1, 682) и статье В. Г. Белинского «Петербург и Москва» (1844) (*Белинский. Т. 8. С. 397*; см.: *Топоров. С. 352—353*), подхвачена Достоевским в «Бедных людях» (1846) (1, 24) и «Униженных и оскорбленных» (3, 197, 646).

С. 92. ...с желтым стаканом, наполненным желтою водою... — В. В. Данилов, в подтверждение печальной «картины питания водою Петербурга 60-х годов» (*Данилов. С. 253*), привел жалобу газетного репортера о том, что в имеющихся на некоторых дворах колодцах цвет воды «подходит к цвету пива» (*Г. 1865. 18 (30) июля, № 196. С. 1*).

С. 94—95. ...выходя с В—го проспекта на площадь ~ заметил он большой неотесанный камень... — Ср. в первой редакции (7, 44): ...выходя с Возн(есенского) проспекта на Марьинскую площадь... Имеется в виду Марининская (ныне Исаакиевская) площадь (см. ниже, с. 761, коммент. к 7, 44). Примеч. А. Г. Достоевской: «Федор Михайлович в первые недели нашей брачной жизни, гуляя со мною, завел меня во двор одного дома и показал камень, под который его Раскольников спрятал украденные у старухи вещи. Двор этот находится по Вознесенскому проспекту (д. 3 или 5), второй от Максимилиановского переулка (ныне переулка Пирогова); на его месте построен громадный дом, где теперь редакция немецкой газеты («St.-Petersburger Herold», издавалась с 1875 г.). На мой вопрос, зачем же ты забрел на этот пустынный двор? Федор Михайлович ответил: „А за тем, за чем заходят в укромные места прохожие“» (*Гроссман, Семинарий. С. 56*; ср.: *Анциферов, 1991. С. 222, 248, 323*). О доме, во дворе которого находился этот камень, см.: *Саруханян. С. 185*; *Канн П. Я. Прогулки по Петербургу. СПб., 1994. С. 250*; *Тихомиров, 2005. С. 145*. О символическом значении сцены с камнем, под которым Раскольников прячет награбленное, см.: *Андерсон Р. О композиции романа «Преступление и наказание» // РЛ. 1993. № 4. С. 114—117*.

С. 96. ...вышел на набережную Малой Невы, на Васильевском острове, подле моста. — Имеется в виду Тучков мост (ср. в ранней редакции: 7, 48). О предполагаемом «доме Разумихина» на набережной Малой Невы (ныне набережная Макарова, д. 24) см.: *Тихомиров, 2005. С. 146*; *Мейер. С. 164—166*.

С. 97. ...есть на Толкучем книгопродавце Херувимов ~ Он такие издания делает и естественнонаучные книжонки выпускает ~ Одни заглавия чего стоят! — Сообщение, вложенное До-

стоевским в уста Разумихина, напоминало о резких высказываниях относительно «литературы толкучего рынка» в рецензиях Белинского на книги для низовой читательской аудитории (см., например: *Белинский*. Т. 13. С. 61). В «Петербургском листке» за 1865 г. (25 марта, № 44; 28 марта, № 46) были напечатаны два сообщения (А. Д. Штукина, а затем анонимное) о деятельности книгоиздателей с Апраксина двора, по-видимому, замеченные Достоевским. «Издательская деятельность рыночных книгопродавцев, — говорилось в первом из них, — основана, большей частью, не на знании потребностей и вкуса читающей публики, но на спекуляции (...) ей мы обязаны (...) „Правдой о мужчине и женщине“, „Уликами пылких женщин и горячих мужчин“ и т. п. чепухи». В другой статье уточнялось, что «каждый апраксинский издатель имеет свою специальность, один, например, издает книжки научные, другой — азбуки, третий — песенники и сказки»; здесь же рассказывалось об авторах, среди которых попадаются «даже люди с истинным дарованием», «передовые» (цит. по: *Свешников Н. И.* Воспоминания пропавшего человека / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. А. И. Рейтблата. М., 1996. Прилож. С. 281, 289, 290; см. также примеч. на с. 308 с указанием на отсутствие каких-либо данных о книге под названием «Правда о мужчине и женщине»). Ф. А. Кони назвал авторов «с толкучего рынка» «средниками (...) между высшими представителями нашей литературы и низшим классом читателей» (*Кони Ф. А.* Кое-что о Москве // *СП*. 1836. 10 апр., № 80. С. 319; см. также: *Рейтблат А. И.* Витязи толкучего рынка: К истории низовой словесности // *Лица*: Биогр. альм. М.; СПб., 1994. Вып. 4. С. 373—386).

Газеты 1860-х годов были полны объявлений о конкурсе на составление книг для народа, объявленном Санкт-Петербургским комитетом грамотности, и о продаже новинок естественнонаучной литературы. Журналы «Время» и «Эпоха» уделяли пристальное внимание изданиям такого рода. Позиции Достоевского в отношении популяризации естественнонаучных знаний среди неподготовленных к их восприятию читателей, отразившейся в «Преступлении и наказании» в рассуждениях Разумихина о деятельности Херувимова (ср. в подготовительных записях, где Разумихин называет работу для него «подлостью» — 7, 102), были близки статьи М. И. Владиславлева, Д. В. Аверкиева и Н. И. Соловьёва, напечатанные в журнале «Эпоха» в 1864—1865 гг. (*Нечаева*, «Эпоха». С. 105—108, 202—203). Выступление Аверкиева в статье «Университетские отцы и дети» (*Э*. 1864. № 3) против моды на популяризацию научных знаний было подвергнуто жесточайшей критике в ряде работ Д. И. Писарева (см.: *Нечаева*, «Эпоха». С. 194—195; *Писарев*, 2000. Т. 6. С. 541—542).

«Литература толкучего рынка» опознавалась современниками по внешнему виду, витиеватым и броским заголовкам (ср. в первой редакции о Херувимове: 7, 51: «...издаст под пышным заглавием в полстраницы...»), а также типографиям, поставлявшим продукцию специально для рыночных книгопродавцев (см.: *Рейтблат А. И.* Как

Пушкин вышел в гении: Ист.-социол. очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. С. 158).

В черновых записях к роману Достоевский называет книгопродавца «на Толкучем» Зайчиковым (7, 51, примеч. 5). Фамилия Херувимов в окончательном тексте свидетельствует о его принадлежности, по замыслу автора, к кругу семинаристов, близких к разночинно-демократической среде. Образ Херувимова в «Преступлении и наказании» был, вероятнее всего, собирательным. Тем не менее исследователи соотносили его, без достаточных, по-видимому, к тому оснований, с владельцами разных петербургских издательств: Г. Ф. Коган — с О. И. Бакстом (1834—1895) (см.: *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 371), Б. Н. Тихомиров — с М. О. Вольфом (1825—1883) (см.: *Тихомиров*, 2005. С. 146—147). Оба этих книгоиздателя печатали, помимо прочего, и естественнонаучную литературу, при этом первый был близок к журналу «Современник» (см.: *Баренбаум И. Е.* Издатель-шестидесятник О. И. Бакст (по цензурным материалам) // Книга: Исслед. и материалы. М., 1981. Сб. 43. С. 98—114), а второй возглавлял процветающее издательство либерально-буржуазного характера (см.: *Баренбаум И. Е., Костылева Н. А.* Книжный Петербург — Ленинград. Л., 1986. С. 201—206).

С. 97. *Теперь в направлении тоже полез...* — Направление — общественное, литературное и т. п. течение; здесь: передовое общественное движение.

С. 97—98. *...два с лишком листа немецкого текста ~ человек ли женщина или не человек ~ доказывается, что человек. Херувимов это по части женского вопроса готовит...* — Здесь иронически перефразирован подзаголовок одного из обзоров Г. З. Елисеева (указано: *ЛП*. С. 743): «Разные мнения о том: женщины — люди ли? — Мнения древних, мнения новейшие. — Наше предубеждение в пользу женщин» (С. 1861. № 5. Внутр. обзор. С. 53). В обзоре говорилось: «Относительно женщин существуют мнения самые крайние. Одни говорят, что они несравненно ниже мужчин, другие — что они бесконечно выше их»; в обоснование последнего мнения был процитирован текст из изданного в 1784 г. перевода (с латинского) трактата Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского (1486—1535) «О благородстве и преимуществе женского пола» (об издании книги и ее переводчице — И. А. Алексееве — см.: *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1. С. 25—26).

Женский вопрос представлял собой сложнейшую социальную проблему, охватывающую экономические, политические, правовые и этические стороны общественной жизни. В середине XIX в. обсуждение его в отечественной литературе, публицистике (в том числе религиозно-церковной), правоведении, естественнонаучных дисциплинах сопровождалось острой дискуссией, обнаруживавшей глубочайшие разногласия между различными идейными течениями в подходах к проблеме эмансипации женщины от общественного и семейного деспотизма (см.: *Тишкин*. С. 4—5). Если радикальное крыло, в первую

очередь «Современник» и «Русское слово», пропагандировали идеи новой нравственности и равных прав женщин во всех сферах жизни, то журналистика умеренно-консервативного толка (в том числе «Время» и «Эпоха»), при огромном сочувственном внимании к проблемам женской эмансипации, рассматривали их с учетом тех исторических условий и традиций, которые способствовали закреплению социально-общественной роли женщины.

На страницах «Современника» в 1850—1860-х гг. печатались статьи соратника Н. Г. Чернышевского М. Л. Михайлова, имевшие большой общественный резонанс: «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», «Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин» (С. 1860. № 4, 5, 8, 11), «Уважение к женщинам (Историческое исследование)» (С. 1866. № 2, 3). Еще ранее Михайлова выступления по женскому вопросу приветствовал Д. И. Писарев в своих рецензиях и статьях, печатавшихся на страницах журнала «Рассвет» в 1859 г. (см., например, его отклик на 5-е «Парижское письмо» Михайлова: *Писарев, 2000*. Т. 1. С. 325—329; о вкладе Писарева в обсуждение женского вопроса см.: Там же. С. 382—386). Наряду с русскими сочинениями по женскому вопросу выходили переводные. В 1865 г. газеты оповещали о том, что в книжных магазинах Петербурга и Москвы продается только что отпечатанная книга под названием: «Женщина в физиологическом, патологическом и нравственном отношениях. Исследование медицинское, философское и литературное. Соч. д-ра Морица Герцгеи; пер. с фр. изд. 1864 г.» (*МВед.* 1865. 13 мая, № 103; *СПбВ.* 1865. 5 (17) мая, № 110 и след.). В 1865 г. в газетах (*МВед.* 1865. 10 сентября, № 197; *СПбВ.* 1865. 2 (14) ноября, № 288) сообщалось о поступившей в продажу брошюре Р. Вирхова «О воспитании женщины, сообразно ее призванию» (на обложке: Р. Фирхов), с приложением статьи Д. И. Писарева «Мысли Фирхова о воспитании женщин» (*РСл.* 1865. № 4; см.: *Писарев, 2000*. Т. 7. С. 189—205, 556—557). Брошюра Вирхова (так же, как и книга Льюиса «Физиология обыденной жизни» — см. выше, с. 616—618, коммент. к 6, 18) была предметом оживленной полемики, которую вели журналы в 1860-е гг. по вопросам «реального образования» и значения естественных наук в России.

С. 98. ...из второй части «Confessions» какие-то скучнейшие сплетни ~ переводить будем; Херувимову кто-то сказал, что будто бы Руссо в своем роде Радищев. — Упоминание о Ж.-Ж. Руссо и его «Исповеди» (1782—1789) в монологе Разумихина отражает характерное для Достоевского негативное отношение к французскому писателю (см.: *Miller R. F. Dostoevsky and Rousseau: The morality of Confession reconsidered // Dostoevsky: New Perspectives*. N. J., Prentice-Hall: Englewood Cliffs, Inc., 1984. P. 82—98). Сатирический характер упоминания о нем был спровоцирован интересом к Руссо, который сформировался к середине 1860-х гг. в кругах, близких к «Современнику». В статье «Антропологический принцип в философии» (1860) Н. Г. Чернышевский назвал Руссо революционным

демократом (см.: *Чернышевский*. Т. 7. С. 223). Какие «скучнейшие сплетни» во второй части «Исповеди» Руссо подразумевают слова Разумихина, неизвестно. В *Акад. ПСС* (Т. 7. С. 372) было высказано предположение относительно связи разумихинских суждений о Руссо со статьей Д. И. Писарева «Популяризаторы отрицательных доктрин» (1866), в которой давались сведения из биографии французского писателя с рядом подробностей интимного характера и фактами, которые могли напомнить русским читателям о Радищеве, однако вышла она уже после февральского номера «Русского вестника» со второй частью романа Достоевского (см.: *Писарев, 2000*. Т. 8. С. 557—558).

С. 98. *Да у тебя белая горячка, что ль!* С. 193. ...*в белой горячке...* — Выражение «белая горячка» в связи не с алкоголизмом (см.: *БАС*. Т. 1. С. 385), а с бредовым помешательством или же лихорадкой использовалось Достоевским в соответствии с распространенным в обиходе того времени словоупотреблением (см., например, характеристику «белой горячки» фон Лембке («от „внезапности испуга“») в романе «Бесы» — *Акад. ПСС*. Т. 10. С. 393). См.: *Тихомиров, 2005*. С. 220. 16 марта 1867 г. анонимный критик газеты «Гласный суд» (отд. «Заметки и разные известия») писал, что Раскольников — «просто-напросто сумасшедший человек (...) У Раскольникова — все признаки белой горячки...» (цит. по: *Критика 60-х годов XIX века / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. И. Соболева*. М., 2003. С. 355—356).

С. 98. *Николаевский мост* — ныне Благовещенский, через Большую Неву, между Адмиралтейской стороной и Васильевским островом.

С. 99. *Его плотно хлестнул кнутом по спине кучер...* — Ср. в подготовительных материалах: 7, 110. Сходный городской мотив встречается у Достоевского в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» (1861) (*Акад. ПСС*. Т. 19. С. 71, 72). Ср. в «Медном всаднике» Пушкина: «Нередко кучерские плети / Его стегали, потому / Что он не разбирает дороги...» (*Пушкин*. Т. 5. С. 146); см. об этом: *Ветловская В. В.* Достоевский и Пушкин: Петербургская тема в «Преступлении и наказании» // *Д, Материалы и исследования*. Т. 19. С. 153—154.

С. 99. ...*злобно заскрежетал и защелкал зубами*. — Выражение «защелкать зубами» было весьма распространенным в литературе того времени — см., например, в «Петербургских трущобах» (Ч. 3; 1865) Крестовского: «Старик только окрысился, защелкал зубами да часто замигал веками со злости...» (*Крестовский*. Т. 1. С. 240). Ср.: *Ветловская В. Е.* Анализ эпического произведения: Логика положений («Тот свет» в «Преступлении и наказании») // *Д, Материалы и исследования*. Т. 14. С. 127.

С. 99. *Выжиг* — опытный плут, пройдоха; падкий до наживы и ловко умеющий извлекать выгоду (*Ушаков*. Т. 1. С. 453).

С. 99. ...*пьяным представится да нарочно и лезет под колеса ~ тем промышляют...* — Эту фразу комментирует следующая за-

метка одной из петербургских газет 1860-х годов: «...не далее как в пятницу, около полудня, чрез Александринскую площадь к Невскому неслась пара вороных в дышловых санках самым сумасшедшим образом, унося осанистого толстого кучера и молодого шикара, закутанного в бобрый или соболь (...) Когда санки миновали театр (...) какой-то средних лет господин перебирался через дорогу (...) мгновенно на него налетела пара, сшибла с ног и помчалась далее (...). Сшибленный с ног господин вскочил на ноги (...) и, к счастью, отделался только падением и испугом. При виде удачного столкновения рысачник погрозил упавшему джентльменским кулаком и прокричал (...): „Мерзавец! Вздумал подвертываться под лошадей, чтоб сорвать награждение. Благодарю судьбу, что не переломил руку или ногу!“ (...) Что эти господа дают прохожих, это, конечно, не ново; но им этого кажется мало: дают да еще оскорбляют ничем не доказанным подозрением» (Г. 1865. 6 (18) марта, № 65. С. 3; см.: Данилов. С. 254).

С. 99. ...*купчиха, в головке...* — Головка — «бабья головная повязка, платок, косынка» (Даль. Т. 1. С. 368); платок плотно покрывал голову и завязывался на лбу или темени (см.: *Словарь историзмов*. С. 31).

С. 99. ...*купчиха ~ с нею девушка ~ «Прими, батюшка, ради Христа»*. — Сходную историю из своей жизни на каторге Достоевский рассказал в «Записках из Мертвого дома»; в отличие от героя романа он «долго берег у себя» копеечку, поданную ему дочерью вдовы-солдатки (4, 20). См.: Мейер. С. 167—168, 171.

С. 99. ...*оборотился лицом к Неве, по направлению дворца*. — Речь идет о Зимнем дворце.

С. 99. *Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста, не доходя шагов двадцать до часовни...* — Имеется в виду Исаакиевский собор и часовня Николая Чудотворца (не сохр.) на Николаевском мосту (ближе к Васильевскому острову) (см.: Холшевников, 1976. С. 388). По утверждению художника М. В. Добужинского, с места, указанного Достоевским для обозрения собора, «получается полная симметрия в расположении частей» его (Анциферов, 1991. С. 246; см. также: Белов С. В. Одна из «литературных точек»... // Нева. 1981. № 10. С. 219).

С. 99. *Когда он ходил в университет...* — Императорский Санкт-Петербургский университет, на Васильевском острове, торцом выходящий на набережную Большой Невы. См.: Тихомиров, 2005. С. 154, где указано на ошибку Б. В. Шкловского (см.: Шкловский. С. 214—215) и затем Г. Ф. Коган (см.: ЛП. С. 775) в определении маршрута, которым Раскольников должен был следовать в университет (якобы не через Николаевский мост). См. также ниже, с. 761, коммент. к 7, 47.

С. 99. *Несобъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина...* — Ср. в Евангелии от Марка, где «дух

нечистый» поименован по болезни отрока, страдающего немотой и глухотой: «Иисус (...) запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него» (Мк. 9, 25; см. также: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 102 (загнута страница); Т. 2. С. 212—213). В журнальном тексте Соня, после признания Раскольникова, говорит ему: «От Бога вы отошли, и глухотой и немотой вас Бог поразил, дьяволу предал!» (7, 392).

По мнению С. Сальвестрони, в красивейшей петербургской панораме Раскольникова возмущала ее бездуховность (*Сальвестрони*. С. 35—36). Мысль об искусственности и «отвлеченности» всей этой красоты более явственно выражена в тексте первой редакции романа (7, 54—55). Анализ изображения набережных Невы в произведениях Достоевского, в том числе в «Слабом сердце» и «Подростке», см.: *Бем А. Л. Чужая беда в творчестве Достоевского // О Dostojevském*. С. 232; *Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986*. С. 37—41; *Тихомиров, 2005*. С. 155—157 (с уточнением параметров тех пейзажей, которые видят герои Достоевского, и, по-видимому, спорной концепцией Петербурга как «города, находящегося во власти беса»). Ф. И. Евнин сопоставил петербургский пейзаж в «Преступлении и наказании» с картиной Лондона в «Зимних заметках о летних впечатлениях», где Достоевского поразил «гордый и мрачный дух», царящий над «исполнинским городом» (*Евнин, 1959*. С. 141; см.: 5, 83).

С. 100. *Казалось, он улетал куда-то вверх и всё исчезало в глазах его...* — Одно из тех свидетельств в романе, которые в ряде исследований связываются с демонской (бесовской) одержимостью Раскольникова, — ср. в рукописных редакциях: «...тут вдруг выставился весь характер во всей его демонской силе и становятся понятными все прежние побуждения к преступлению»; «Бесовская гордость»; «...в его гордости сатанинской»; «гордость демонская» (7, 118, 180, 182, 187). Эта идея как одна из основных в романе прослеживается Г. А. Мейером на примере многих сюжетных положений (о сцене на мосту: *Мейер*. С. 171—172). См. также: *Мочульский*. С. 232—234, 239, 248—249; *Müller*. S. 42—43; *Жулякова Э. М.* Демонические герои // *Д, Словарь-справочник, 1997*. С. 76—77; *Ветловская, «Хождение души», 1*. С. 102—108; *Недзвецкий В. А.* История русского классического романа: Неклассические формы. М., 2011. С. 88—89; ср.: *Реизов*. С. 396.

С. 102. *...это кровь в тебе кричит. Это когда ей выходу нет и уж печенками запекаться начнет...* — «Кровь печенками» — это кровь «створоженная, запекающаяся» (*Даль*. Т. 1. С. 613; Т. 3. С. 109). Ср. в книге П. И. Мельникова-Печерского «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» (1867): «...сухой кашель одолевал ее, печенками отхаркивала она кровь» (*Мельников-Печерский*. Т. 8. С. 393).

С. 102. *...с виду походил на артельщика*. С. 103: *А я в нашей конторе артельщиком...* — Как сообщает В. И. Даль, «в Питере этому званию (...) усвоено особое значение доверенного и ответственного».

ного служителя» (*Даль*. Т. 1. С. 24). В 1866 г. Достоевскому при улаживании своих дел с кредиторами приходилось часто обращаться к артельщику издателя Ф. Т. Стелловского: «...артельщик или что-то вроде его приказчика в магазине Стелловского. С этим артельщиком я потом говорил...» (письмо Достоевского к В. И. Губину, 8 (20) мая 1871 г. — *Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 213).

С. 103. ...не *Разумихин*, как меня все величают, а *Вразумихин*... — «Семинарская» фамилия подчеркивает принадлежность Разумихина к кругу демократического студенчества 1860-х годов. См.: *Гроссман*, *Город и люди*. С. 19—21; *Гус*. С. 291—294; *Бем А. А.* *Личные имена у Достоевского // О Dostojevském*. С. 270; *Евнин*, 1959. С. 160—161.

С. 103. ...от купца *Шелопаева*-с... — Именем Шелопаева Достоевский, возможно, заклеил здесь «безграмотного», по его выражению в письме к Губину, петербургского второй гильдии купца Ф. Т. Стелловского. Подтверждением этого предположения можно считать то обстоятельство, что впервые имя Шелопаева появляется на тех же страницах записной тетради, где речь идет о Чебарове (см. 7, 71, примеч. 14), т. е. Бочарове, поверенном Стелловского (см. выше, с. 646, коммент. к 6, 86).

С. 103. ...через *Афанасия Ивановича Вахрушина*... — См. выше, с. 625, коммент. к 6, 29.

С. 104. ...он только так... опять *вояжирует*. — Т. е. грезит, блуждает в царстве снов (от фр. *voyager* — путешествовать, перемещаться).

С. 105. ...насчет чаю, кажется, можно и без факультета. — Слово «факультет», относящееся к Зосимову, употреблено здесь в значении «высокая корпорация», «высокое собрание» (т. е. руководство, профессорско-преподавательский состав факультета) — ср. в романе Ф. В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин» (1829): «...весь закусный факультет решил, что невозможно быть одетой лучше и богаче ее» (*Булгарин Ф. В.* Соч. М., 1990. С. 259); в поэме И. П. Мятлева «Коммеражки» (1844): «Собрался факультет, / Велел литографировать / Родильницы портрет!» (*Мятлев И. П.* Полн. собр. соч.: В 2 т. СПб., 1857. Т. 1. С. 214).

С. 106. ...у *Пяти Углов*, — *Харламова дом* ~ он вовсе и не *Харламов дом*, а *Буха*... — Пять Углов — название перекрестка (еще раз он упоминается: 6, 462), где сходятся Загородный проспект, Чернышев переулок (ныне улица Ломоносова), Разъезжая и Троицкая (ныне Рубинштейна) улицы (см.: *Петерб. календарь, 1867*. С. 138). Ср. в журнальном тексте: ...помню только, что не доходя какого-то моста на здешней канаве и в здешних местах, — *Харламова дом* (7, 367, вариант к 6, 106, строкам 38—39). Журнальный (в отличие от окончателюного) вариант «прежнего» адреса Раскольникова давал «точное указание на реальный дом — № 44 по Екатерининскому каналу, угол Спасского переулка, который в середине 1860-х гг. (...) принадлежал купцу 2-й гильдии А. К. Буху» (*Тихомиров*, 2005. С. 159). Изменение в тексте романа «выявляет тенден-

цию, вероятно, принципиальную для Достоевского, к деконкретизации и сдвигу реальной топографии» (*Кумпан, Конечный*. С. 190). О домах в районе Сенной площади, владельцами которых были Бух и Харламов, см. также: *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 373 (коммент. Г. Ф. Коган). Дом Буха на 2-й линии Васильевского острова упоминается Достоевским в записной книжке 1864—1865 гг. в списке адресов (*ЛН*. Т. 83. С. 234).

С. 106. ...*пошел ~ в адресный стол...* — Сведения о жильцах и постояльцах предоставлялись в полицию домовладельцами и дворниками; находился адресный стол на Большой Садовой улице, напротив Юсупова сада (см.: *Бурмистров, 1977*. С. 78; *Чернуха В. Г.* Паспорт в России: 1719—1917. СПб., 2007. С. 106). См. также выше, с. 645, коммент. к 6, 83.

С. 107. *Ну ты, пес!* — Здесь: волокита, бабник. В черновом автографе первой редакции: Ну ты, кобель! (7, 68). Изменено из-за упоминания несколькими строками выше «генерала Кобелева».

С. 107. ...*я хотел сначала здесь электрическую струю повсеместно пустить...* — Ср. в «Дневнике писателя» за 1873 г.: «Лет через пятнадцать, может, будут стрелять уже не ружьями, а какой-нибудь молнией, какую-нибудь всежигающую электрическую струю из машины» (*Акад. ПСС*. Т. 21. С. 92).

С. 107. *Авенантинская* (ср. 6, 178: *Превенантинская!*..) — приятная, привлекательная (от фр. *avenante*).

С. 108. ...*а деловой человек слушает да ест, а потом и съест.* — Крылатое выражение «А Васька слушает, да ест» восходит к басне И. А. Крылова «Кот и повар» (1812).

С. 109. *Ведь я в эту часть переехал.* — Имеются в виду полицейские части, на которые делился Петербург. Разумихин переехал из Васильевской части в Казанскую, где живет Раскольников. Об административном делении Петербурга в 1865—1866 гг. см.: *Тихомиров, 2005*. С. 161.

С. 109. ...*о графине ничего не было сказано.* — По-видимому, скрытый намек на стихотворение Пушкина «Паж, или Пятнадцатый год» (1830; опубл. 1841): «Хотите знать мою богиню, / Мою севильскую графиню?.. / Нет! ни за что не назову!» (*Пушкин*. Т. 3, кн. 1. С. 235; см.: *Альтман*. С. 143, 262). См. также: *Бем, У истоков*. С. 443—444 (с указанием на «Пиковую даму» Пушкина).

С. 112. *Каскетка* (фр. *casquette*) — род легкой фуражки.

С. 112. ...*сей пальмерстон ~ исковерканную круглую шляпу Раскольникова, которую, неизвестно почему, назвал пальмерстоном...* — Генри Джон Темпл Пальмерстон (1784—1865) — английский государственный деятель, глава партии тори, в 1855—1865 гг. — премьер-министр. Пальмерстоном назывался особый фасон пальто (см.: *Кирсанова*. С. 192). Отнесение Разумихиным этого имени к шляпе Раскольникова ассоциативно могло быть навеяно многочисленными карикатурными изображениями английского премьер-министра (см.: *Тихомиров, 2005*. С. 164; см. также в рассказе «По-

ликушка» (1863) Л. Н. Толстого: «Я недавно видел, как лорд Пальмерстон сидел, накрывшись шляпой, в то время как член оппозиции громил министерство, и, вдруг встав, трехчасовую речь отвечал на все пункты противника...» — *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.*: В 100 т. Худож. произведения: В 18 т. М., 2001. Т. 4. С. 133, 331).

С. 113. ...что значит у Шармера-то заказывать! — Е. Ф. Шармер — известный в то время петербургский портной, у которого, как указывала А. Г. Достоевская, писатель заказывал свое платье (см.: *Гроссман, Семинарий. С. 56*; см. также: *Акад. ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 29*). Упомянут в «Бесах» и черновых материалах к «Подростку». Шармер был весьма популярной фигурой в литературе с конца 1850-х годов. Его любил упоминать Салтыков-Щедрин, см., например, в «Сатирах в прозе» («К читателю», 1862): «Платье Шармера легко и удобно; человек одетый этим портным, нередко впадает в недоумение, действительно ли он одет» (*Салтыков-Щедрин. Т. 3. С. 283*).

С. 114. ...в «Пале де Кристаль» зайдем... — Под названием «Пале де Кристаль» («Хрустальный дворец») в 1862 г. в Петербурге была открыта гостиница с рестораном, помещавшаяся на углу Большой Садовой улицы и Вознесенского проспекта (ныне дом 45/60; см.: *СПбВ. 1862. 6—11 мая, № 97—100; Бурмистров, 1977. С. 78—79*). Этот адрес соответствовал маршруту Разумихина, который намеревался зайти с Раскольниковым в «Пале де Кристаль» после прогулки в Юсуповом саду (см. также: *Тихомиров, 2005. С. 184*, где указывается, что в 1866 г. эта гостиница стала называться «Вознесенской»).

Другой трактир под названием «Хрустальный дворец», куда заходит Раскольников один (см. 6, 137: *Ба! „Хрустальный дворец“!*) и где затем встречается со Свидригайловым, находился «шагах в тридцати или в сорока от Сенной» (6, 401) и не мог быть на углу Вознесенского проспекта (см. ниже, с. 733, коммент. к 6, 401, а также: *Анциферов, 1991. С. 245, 326; Холшевников, 1976. С. 393; Саруханян. С. 178—179; Бслов, Комментарий. С. 123; Тихомиров, 2005. С. 185, 374*). В позднейшей справочной книге говорится: «К особого рода собраниям, подходящим к разряду кафешантанов, относятся: „Пале де Кристаль“, по Обуховскому проспекту (затем Забалканскому, ныне Московскому), вблизи Сенной» (Памятная книжка: Описание и адресные сведения о Петербурге. СПб., 1880. Клубы. С. 160—161). А. Г. Достоевская в своих примечаниях к роману также указывает, что под именем «Пале де Кристаль» в романе подразумевается «трактир (под другим названием (т. е. «Хрустальный дворец»)) во втором доме по Забалканскому проспекту, в доме Вяземской лавры» (*Гроссман, Семинарий. С. 57*; о Вяземской лавре см. ниже, с. 699, коммент. к 6, 251). Высказывалось мнение, что «Пале де Кристаль» вблизи Сенной получил свое название «по следам» уже вышедшего романа (*Кумпан, Конечный. С. 56*).

Здание Хрустального дворца Достоевский видел в Лондоне в июле 1862 г., во время своего первого заграничного путешествия. Для современников это сооружение, построенное для первой Всемирной выставки 1851 г., было памятником мощи промышленной индустрии. В восторженных откликах поклонников технократии Хрустальный дворец символизировал будущее всей планеты. Он послужил для Чернышевского в романе «Что делать?» прообразом новой архитектуры (см.: Чернышевский, 1975. С. 284). Название «Хрустальный дворец» для современников Достоевского и Чернышевского имело значение символа новых отношений, о которых мечтали утопические социалисты 1840—1860-х годов. Достоевский полемизировал с их представлением о будущем как о некоем неподвижном, застывшем, прекрасном «хрустальном дворце» уже в 1863 г. в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: 5, 78). Эта полемика обостряется в «Записках из подполья»: «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать» (Там же. С. 134). О лондонском Хрустальном дворце и преломлении его образа в творчестве Достоевского см.: 5, 78, 461.

В «Преступлении и наказании» Достоевский продолжает вести с Чернышевским скрытую полемику: писатель указывает на то, что сама действительность окрестила именем «Пале де Кристаль» не идеал будущей Гармонии (см.: Шкловский. С. 195 (примеч.)), а трагир, и именно здесь несчастный, бунтующий нигилист Раскольников в порыве злобного отчаяния раскрывает Заметову свою тайну («А что, если это я старуху и Лизвету убил?») — т. е. как бы «выставляет язык» логическому, вычисленному с математической точностью, «разумному» миропорядку (6, 142, 165). См. об этом: Альтман. С. 203—204; Johae A. Towards an iconography of Dostoevsky's «Crime and Punishments» // Dostoevsky and the Christian Tradition. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. P. 181—184.

С. 115. Порфирий Петрович ~ пристав следственных дел... правовед. — О должности «следственный пристав» см. выше, с. 643—644, коммент. к 6, 74. Правовед — выпускник привилегированного Училища правоведения в Санкт-Петербурге, основанного в 1835 г. В одной из рецензий на роман Достоевского утверждалось, что Порфирий Петрович «не похож» на правоведа (Ахшарумов. С. 152; см. также: Кунильский А. Е. Ценностный анализ литературного произведения (роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»). Петрозаводск, 1988. С. 56—57). Это подтверждается воспоминаниями князя В. П. Меццерского, который рассказывал о своей службе в 1858 г. при следственном приставе, имевшем, как подчеркивал мемуарист, редчайший для полицейского чиновника образовательный статус — правовед, причем с золотой медалью (Меццерский В. П. Мои воспоминания: В 3 ч. СПб., 1897. Ч. 1. С. 118). В литературной традиции 1860-х годов «правовед» — это молодой франт или же солидный человек, но неизменно образованный, с прекрасными манерами

и блестящими служебными перспективами (см., например, в романах А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863) и «Люди сороковых годов» (1869), «Бродящие силы» (1865—1867) В. П. Авенариуса и др.).

Г. Ф. Коган высказала предположение, что в образе Порфирия Петровича отразились впечатления Достоевского от сообщений в газетах о деле Неофитова (см. ниже, с. 663—664, коммент. к 6, 130), которое вел полковник Иван Петрович Поль (1827—1888) (см.: Коган, 2000. С. 179—182).

С. 116. ...про убийство старухи-то закладчицы... (Ср. с. 118: ...сам он закладчик, и краденое прячет...) — Слово «закладчик» относилось к человеку как закладывающему имущество, так и берущему заклады, т. е. ростовщику (БАС. Т. 4. С. 514).

С. 117. Некто крестьянин Душкин... — Среди кредиторов Достоевского был крестьянин С. М. Пушкин, который, вероятно, и подразумевается здесь (см. с. 766, коммент. к 7, 89).

С. 117. ...дальше-де положишь, ближе возьмешь... — Ср. запись № 256 в СТ (4, 278).

С. 117—118. ...бабушкин сон рассказывает... — Ср. запись № 258 в СТ (Там же).

С. 118. ...нашей губернии и уезда, Зарайского, потому-де мы сами рязанские. — Места, знакомые Достоевскому с детства, с 1831 г. в Каширском уезде Тульской губернии находилось имение его родителей, состоявшее из сельца Дарового и деревни Черемошны (см.: Достоевский А. М., 1992. С. 58—63; Хроника рода Достоевских, 2013. С. 95—96), а смежная с их имением земля относилась к Рязанской губернии Зарайского уезда (см. «Описание смежных земель» в изд.: Нечасва В. С. В семье и усадьбе Достоевских. С. 132). Дорога из Москвы в Даровое проходила через Зарайск, куда Достоевские ездили «на ярмарки и большие базары» (Достоевский А. М., 1992. С. 59, 61).

С. 118. ...тихими стопами... — Ср. запись № 436 в СТ (4, 287).

С. 118—119. „А на Песках, говорит, у коломенских“ {...} пораспотрошили и коломенских... — Песками называлась Рождественская часть — район Петербурга, за Лиговским проспектом (см.: Петерб. календарь, 1867. С. 138; 1, 768). Определение «коломенские» в данном случае относилось не к жителям петербургской Коломны, другого отдаленного района Петербурга (см.: 2, 648), а к какой-то артели из Коломенского уезда Московской губернии (см. об этом: Белов, Комментарий. С. 127; Тихомиров, 2005. С. 169). Для Миколки, который был родом из Зарайского уезда, коломенские были практически земляками или соседями, поскольку уезды Коломенский и Зарайский были разделены, с отнесением последнего к Рязанской губернии, лишь в 1778 г.

С. 119. Застава — место въезда в город и выезда из него.

С. 119. Шкалик — старая русская мера водки, равная 0,06 л.

С. 119. Ну, его с надлежащими онерами и представили в такую-то часть... (Ср. с. 419: ...рассказал ей историю Софьи Семеновны, даже со всеми онерами, ничего не скрывая.) — Онёр (от фр. honneurs — фигуры в карточной игре) — одна из старших козырных карт. Со всеми онёрами (шутл.) — со всем, что необходимо, что полагается, ничего не исключая (БАС. Т. 8. С. 867).

С. 120. ...крюочки такие махочкие... (Ср. с. 389: ...хоть бы самую махочкую черточку...) — От слова «махотка» — что-то очень маленькое (БАС. Т. 6. С. 724). Слово, возможно, «восходит к каторжным лексикографическим запасам писателя» (Тихомиров, 2005. С. 171) — ср.: Словарь русских народных говоров. Л., 1982. Вып. 18. С. 53, с указанием на сибирский ареал распространения слова «ма́хочкий».

С. 126. ...пара сиреневых, настоящих жувеневских, перчаток... — Жувеневские перчатки — по имени французского перчаточника Ксавье Жувена из Гренобля, совершившего в 1834 г. переворот в производстве перчаток изобретением специальной колодки, придающей перчаткам форму. В «Дворянском гнезде» (1859) Тургенева упоминаются «бледно-лиловые жувеневские перчатки» (Тургенев, Сочинения. Т. 7. С. 254).

С. 127. Это на Вознесенском ~ там два этажа под номерами ~ подозрительное место; штуки случались... — По указанию А. Г. Достоевской, «эти номера были на углу Вознесенского проспекта и Казанской, д. № 43/22 {...} (Федор Михайлович сообщил мне в ответ на мои вопросы)» (Гроссман, Семинарий. С. 56). В 1865—1866 гг. здесь, в доме Ф. И. Блюммера, находилась «Варваринская» гостиница, со стоимостью номеров от 50 коп. до 2 руб. в сутки и танцевальными залами, пользовавшимися скандальной известностью (Тихомиров, 2005. С. 172; см. также: Холшевников, 1976. С. 382; Белов, Комментарий. С. 128; Петерб. трактиры. С. 272).

С. 127. ...купец Юшин содержит... — Фамилию купцов 2-й гильдии Юшиных Достоевский мог видеть на вывеске в доме № 47 по Большой Садовой улице (напротив Юсупова сада), где жил А. Н. Майков, друг Достоевского (см.: Бурмистров, 1977. С. 77).

С. 128. ...мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены... — Эти слова Разумихина перекликаются с утверждениями Достоевского периода «Времени» и «Эпохи», что Петровская реформа разъединила образованное общество с народом. (см.: «(Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год)» (1860) — Акад. ПСС. Т. 18. С. 35—36). См.: 7, 5 и 412—413 (набросок «Пьяненькие» и коммент. к нему). В наброске статьи для «Эпохи» Достоевский писал: «С Петровской реформой, с жизнью европейской мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как и на Западе. Оттого развилось сознание и самоанализирование, но материалу для познания (непосредственно народной жизни) всё менее и менее становилось...»; и далее, на другой странице тетради: «...И вот всё поколение оказалось несостоятельно, и это плоды трудов Петра!» (Акад. ПСС. Т. 20.

С. 194). Первая запись данного наброска представляет собой отклик на передовую статью И. С. Аксакова, где говорилось, что в России «разобщение между жизнью и знанием, практикой и теорией, между действительностью и представлением о действительности у нас, вследствие петровского переворота, сильнее, чем где-либо» (Д. 1865. 30 января, № 5. С. 98).

С. 128. *Деловитость в сапогах ходит.* — Ср. запись № 210 в СТ (4, 275).

С. 128. *...прогресс, хотя бы во имя науки и экономической правды... (...)* Экономическая же правда прибавляет... (Ср. с. 131: *...экономическая идея...*) — В «Крокодиле» (1865) Достоевским многократно употреблено выражение «экономический принцип» (5, 207, 208, 211, 224 и др.), которое должно было напомнить о романе «Что делать?» Чернышевского, с его опорой на «наши экономические принципы» и современную «экономическую науку» (см.: Чернышевский, 1975. С. 194, 319). По-видимому, ту же роль выполняли в «Преступлении и наказании» выражения «экономическая правда» и «экономическая идея», вложенные в уста Лужина (см.: Дороватовская-Любимова В. С. Достоевский и шестидесятники: («Искра», «Современник», Чернышевский) // Достоевский: [Сб. ст.]. М., 1928. С. 51. (Труды Гос. Акад. худож. наук. Лит. секция. Вып. 3).

С. 128. *Если мне, например, до сих пор говорили: «возлюби»....* — Имеется в виду заповедь Иисуса Христа: «...возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12, 31; Мф. 22, 39).

С. 128. *...я рвал кафтан пополам, делился с ближним, и оба мы оставались наполовину голы..* — Ср.: «...у кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3, 11; ср.: Лк. 6, 29; Мф. 5, 40). В тексте церковнославянской Библии упоминаются «ризы» и «срачица» (сорочка, рубашка), которые Лужин меняет на прозаический «кафтан». Ревизия христианской этики с позиций позитивизма коснулась и этого постулата; см., например, в статье Д. И. Писарева «Исторические идеи Огюста Конта» (РСЛ. 1865. № 11): «Если каждый будет постоянно стремиться к своей собственной выгоде и если каждый будет правильно понимать свою собственную выгоду, то, конечно, никто не будет снимать рубашку с самого себя, но зато это добродетельное снятие окажется излишним, потому что каждый будет отстаивать твердо и искусно собственную рубашку, и вследствие этого каждая рубашка будет украшать и согревать именно то тело, которое ее выработало» (Писарев, 2000. Т. 8. С. 142). См. также выше, с. 627, коммент. к с. 33.

С. 128. *Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано. Возлюбивши одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел.* Ср. в материалах к третьей редакции (7, 184): *...я устроил свои дела, стало быть, и другим полезен, и чем более, стало быть, я эгоист, тем для других же лучше. А то, что по-прежнему-то: возлюби, дескать, о других думай, а свои дела запустил,*

вот и сел на шею к своему ближнему. — В словах Лужина содержатся отзвуки идей утилитарной этики английского экономиста и философа И. Бентама. С ними Достоевский познакомился уже в молодости: «...в Петербурге процветает более чем где-нибудь коммерция, покровительствуемая Бентамом», — писал он П. А. Карепину 19 сентября 1844 г., имея в виду трактат «В защиту ростовщичества» (1787) Бентама (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 1. С. 98, 422). В «Библиотеке для чтения» в анонимной статье о Бентаме, где давалось изложение главных доводов его учения «об утилитарности, или полезности», высказывалось следующее опасение: «Очень, очень заметна уже в настоящем положении эта ненасытная страсть к выгоде и ее наслаждениям, которая всегда сопряжена с материальной идеей — *полезность*. Чтобы достигнуть богатства, все средства хороши, и то, что полезно, всегда покажется обыкновенным умам довольно нравственным...» (*БдЧт*. 1845. Т. 68. № 1/2. Отд. III. С. 33—34). В 1860-е годы в связи с публикацией в России сочинений последователя Бентама — Дж. С. Милля (1806—1873) — споры об утилитарной этике вспыхнули в печати с новой силой (см.: *РСл*. 1865. № 5. Библиогр. листок. С. 1—36; С. 1865. № 11/12. С. 333 и др.). Вокруг нее шел спор и в связи с полемикой вокруг романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (см., например: *Писарев Д. И.* Нерешенный вопрос [Реалисты] // *РСл*. 1864. № 9—11; *Соловьев Н. И.* Теория пользы и выгоды // *Э*. 1864. № 11). О постулатах утилитаризма, заимствованных у Милля, Спенсера и Бентама, в теории Раскольникова и в рассуждениях Лужина, см.: *Львов К. И.* Проблема личности у Достоевского: («Преступление и наказание»). М., 1918. С. 45—47, 51—56.

По-видимому, из статьи Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (1860) была взята Достоевским неоднократно употребленная в ней формула «Наука же говорит...» (*Чернышевский*. Т. 7. С. 244, 261, 288; см. об этом: *Тихомиров*, 2005. С. 176). В словах Лужина содержался полемический отклик на рассуждения Лопухова и Кирсанова в романе «Что делать?» и на известные слова Чернышевского в той же статье: «...каждый человек думает всё только о себе самом, заботится о своих выгодах больше, нежели о чужих...» (*Чернышевский*. Т. 7. С. 282; см. об этом: *Тамарченко*, 1975. С. 774—775). Ср. в романе «Что делать?»: «Стало быть, правду говорят холодные практические люди, что человеком управляет только расчет выгоды? (...) То, что называют возвышенными чувствами, идеальными стремлениями, — все это в общем ходе жизни, — отвечает Лопухов, — совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе...» (*Чернышевский*, 1975. С. 68). Писарев в статье «Новый тип» (*РСл*. 1865. № 10; при переиздании статья получила название «Мыслящий пролетариат») подчеркивал эгоизм «новых людей» («...этому эгоизму нет границ...»), настаивая: «И дорогие люди, и наслаждения, и любимая женщина — все это, несомненно, очень хорошие вещи, но сам человек для самого себя дороже всего на свете» (*Писарев*, 2000. Т. 8. С. 217). Теория «разумного эгоизма» Черны-

шевского и его последователей неоднократно подвергалась критике на страницах «Эпохи» («...непростительно ни в каком случае быть эгоистом по принципу и вводить этот принцип в жизнь» — Соловьев Н. И. Разлад // Э. 1865. № 2. С. 13; о выступлениях Соловьева см.: Нечасва, «Эпоха». С. 203—205; Косенкова А. В. «Главный оппонент» — Н. И. Соловьев // Мир Д. И. Писарева. М., 2000. Вып. 2: Исследования и материалы. С. 139—161; Писарев, 2000. Т. 6. С. 540—542). См. также выше, с. 611—613, коммент. к 6, 15.

С. 130. ...бывший студент на большой дороге почту разбил... — См. об этом в письме Достоевского к Каткову (сентябрь 1865) (7, 436).

С. 130. ...там передовые, по общественному своему положению, люди — фальшивые бумажки делают... — Имеется в виду харьковское «дело серий», следствие по которому началось летом 1865 г.; участниками его были уездные предводители дворянства, отставной гусарский полковник и т. п. (см.: Кони А. Ф. Дело о подделке серий // Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 1. С. 74—83; указано: Белов, Комментарий. С. 131). И. С. Аксаков писал в передовой статье газеты «День»: «Если сообразить все наиболее резкие особенности харьковского дела с таковыми же особенностями подделки пятипроцентных билетов, открытой в Москве (см. об этом ниже), то нельзя не поразиться сходством в характеристических чертах: то же участие поляков, то же участие русских дворян — „столбовых” и „крупных собственников”, то же участие лиц „образованного класса”. Харьковский происшествие, рассматриваемое в связи с московским, таким образом, уже не представляется частным, исключительным случаем» (Д. 1865. 9 октября, № 36. С. 845; указано: Тихомиров, 2005. С. 178). См. также с. 792, коммент. к 7, 260.

С. 130. ...в Москве, ловят целую компанию подделывателей билетов последнего займа с лотерей, — и в главных участниках один лектор всемирной истории... — Подобная «компания» была в 1865 г. раскрыта в Москве. Материалы следствия, а затем судебного разбирательства «Дела о превращении свидетельств внутреннего 5%-го с выигрышами займа из настоящего их достоинства в высшее» печатались в «Московских ведомостях» (под рубрикой «Моск. новости»: МВед. 1865. 10 сентября, № 197; 5 октября, № 216).

Среди «главных участников» этой шайки оказался и «лектор всемирной истории»: «...арестованный объяснил, что его зовут Александр Тимофеевичем Неофитовым, что он в чине коллежского советника, служит в Практической академии коммерческих наук профессором всеобщей истории (...) в квартире Неофитова (...) найдено 13 переданных свидетельств лотерейного займа...» (МВед. 1865. 10 сентября, № 197. С. 3). Это был лишь один из эпизодов дела, по которому было привлечено около полутора десятков человек; его подробное изложение публиковалось в «Московских ведомостях» в январе 1866 г., № 1—6.

Фамилия «профессора всеобщей истории», а также сообщение о том, что «из частных лиц более всего пострадала купчиха Куманина, у которой г-н Неофитов занял 15 000 р. под залог трех переделанных свидетельств в 5000 р. каждое», не могли не привлечь внимание писателя, так как А. Ф. Куманина и Неофитов (ее душеприказчик) были родственниками Достоевского с материнской стороны. Младший брат писателя, Андрей Михайлович Достоевский, рассказывая в своих воспоминаниях о родственниках, окружавших их в детстве, указывает, что двоюродная племянница дяди А. А. Куманина — Е. Е. Куманина — была выдана замуж за Неофитова. Он часто бывал в квартире Достоевских на Божедомке, особенно в те дни, когда тяжело заболела их мать М. Ф. Достоевская (*Достоевский А. М.*, 1992. С. 48—49, 77).

Обвиненный по делу «подделывателей билетов» А. Т. Неофитов был сыном Т. И. и Е. Е. Неофитовых. Как и Достоевский, он был одним из наследников А. Ф. Куманиной, богатой московской купчихи (ее муж А. А. Куманин был почетным членом совета Практической академии коммерческих наук — см.: *Хроника рода Достоевских*, 2013. С. 179—181). Вопрос о куманинском наследстве долгие годы беспокоил братьев Достоевских. Несколько лет спустя А. М. Достоевский рассказывал писателю о Неофитове: «О существовании завещания, сделанного тетущкою А. Ф., я впервые узнал в декабре 1864 г. (...) В конце 1865 г. (...) я во время пребывания в Москве узнал, что вследствие арестования Неофитова по случаю подделки им свидетельства на 5%(-ные) билеты и вследствие того, что он обманул и тетущку на 15 тыс. руб., — завещание переписано, что Неофитов вовсе исключен из числа наследников и что душеприказчиком назначен Александр Павлович Иванов» (письмо А. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому, 30 сентября 1869 г. — *Достоевский А. М.*, 1992. С. 292—293; см. также: *Ильин Н. Н.* Достоевский в споре за куманинское наследство // *Звенья*. Т. 9. С. 547—559; *Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 421 (коммент. к ответу Ф. М. Достоевского на письмо брата Андрея); *Якубович И. Д.* Неизвестные деловые бумаги Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 7. С. 266—270). О Неофитове см. ниже, с. 665, 668—669, коммент. к б, 131 и 140.

С. 130. ...там убивают нашего секретаря за границей, по причине денежной и загадочной... — Имеется в виду процесс А. Е. Никитченкова (Никитченко). В записной книжке с материалами первой редакции «Преступления и наказания» Достоевский упоминает его имя: «В „Записную книгу“. Процесс Никитченко» (*ЛН*. Т. 83. С. 273; см. также: *Акад. ПСС*. Т. 20. С. 194, 385; *Летопись*. Т. 2. С. 39). Отставной поручик русской армии, получив отказ в денежной помощи для возвращения на родину, совершил покушение на секретаря русского посольства в Париже, а затем еще на двух чиновников (о суде над ним см.: *Г*. 1865. 24—25 августа (5—6 сентября). № 233—234). См. также: *ЛП*. С. 747.

С. 130. ...чем же объяснить ~ распушенность цивилизованной части нашего общества? — Перемен экономических много... — Имеется в виду начавшееся после отмены крепостного права разорение дворян: «Может быть, впрочем, — задавался вопросом И. С. Аксаков в цитированной выше (см. с. 663) статье, — они не выдержали непривычного им гнета бедности, обрушившейся на них вместе с эмансипацией крестьян? (...) Дворяне, уличаемые теперь в подделке билетов, — только цвет, распутившийся на деморализованной почве нашей общественной среды» (Д. 1865. 9 октября, № 36. С. 846—847). См. также: Данилов. С. 255.

С. 131. А что отвечал в Москве вот лектор-то ваш на вопрос, зачем он билеты подделывал: «Все богатеют разными способами, так и мне поскорей захотелось разбогатеть». — Ср. ответы Неофитова в изложении газетного обозревателя: «Видя затруднительное положение своих дел и дел своей матери, желая по возможности упрочить свое состояние и смотря в то же время на людей, легко обогащающихся недозволенными средствами без всякой ответственности, он пришел к мысли воспользоваться легкостью незаконного приобретения и обеспечить себя и семейство матери своей каким-нибудь одним предприятием. Таковым представилась переделка свидетельств 5%-го с выгрышами займа из 100-рублевых в 5000-ные» (МВед. 1866. 1 января, № 1. С. 4).

Мотивировка преступления в газетном отчете напоминает мотивировку, даваемую Раскольниковым в черновых записях к роману, — см.: 7, 211: Я хотел обеспечить себя и мать... Ср. письмо Достоевского к М. Н. Каткову о замысле «Преступления и наказания», где говорится, что герой убивает ростовщицу, «чтобы сделать счастливою свою мать, живущую в уезде» (7, 436).

Для творческой истории романа существен рассказ о признаниях Неофитова в изложении его защитника: «Неофитов признался не перед следователем, он признался перед своей совестью (...) как преступник он имел всю возможность дальнейшим заpirationством снять с себя обвинение» (МВед. 1866. 5 января, № 3. С. 3).

С. 134. *Кринолин* — широкая юбка на тонких обручах, модная в 1860-е годы.

С. 134. ...вид фланера. — Т. е. празднующегося (от фр. flâneur). См. также: 2, 7, 625; Анциферов, 2009. С. 269—286.

С. 134—135. ...зевавшему у входа в мучной лабаз ~ и принцессы найдутся... — В так называемом «Малиннике» на Сенной площади, неподалеку от Конного переулка (ныне дом 3 на Сенной), размещались: мучной лабаз купца М. И. Гусарского, питейное заведение Н. К. Константинова, трактир Е. Е. Петровой, а также заведения с «принцессами» (см.: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. СПб., 1867/1868. Отд. III. С. 139, 242, 367). «Малинник», с «притонами самого мрачного, ужасающего разврата» (Крестовский. Т. 2. С. 311), описан в пятой части (опубл. 1866) романа Крестовского «Петербургские труппы». См. также о «всем известном Малиннике»: Кузнецов, Проституция в России. С. 33.

С. 135. *Уж и ты не зарайский ли? Которой губернии? ~ У нас, ваше сиятельство, не губерния, а уезд, а ездил-то брат, а я дома сидел, так и не знаю-с...* — Ср. запись № 143 в СТ (4, 273).

С. 135. *Миновал площадь, он попал в переулок...* — Таиров (Таировский) — ныне переулок Бринько (Петербург. календарь, 1867. С. 126; ср.: Гроссман, Семинарий. С. 57; Андиферов, 1991. С. 244—245). Здесь в доме де Роберти (ныне дом 4) в 1844 г. в типографии К. И. Жернакова печатался журнал «Репертуар и Пантеон русских и всех европейских театров», в № 6—7 которого был помещен роман Бальзака «Евгения Гранде» в переводе Достоевского (см.: 1, 781). См.: Бурмистров, 1977. С. 74—76.

С. 135. *В двух-трех местах они толпились на тротуаре группами ~ увеселительные заведения.* — Ср.: «Около Сенной, в Таировом переулке, помещаются три дома терпимости в подвальном этаже дома с дверьми прямо на улицу» (К-ц. Петербургская проституция // Петербург: Календарь на 1870 г. СПб., 1870. Отд. II. С. 103). Об опустившихся проститутках из притонов Таировского переуллка как «париях женского пола» писал Крестовский в «Петербургских трущобах» (см.: Крестовский. Т. 1. С. 27—28, 234; Т. 2. С. 305).

С. 136. *Ты мой бутюшник прикрасной Ты не бей меня напрасно!* — Будочник — лицо, несущее службу в полицейской будке (Словарь XVIII в. Вып. 2. С. 155). Напрасно — 1) несправедливо, бесосновательно, беспричинно; 2) внезапно (церковнославянизм), нечаянно (Там же. Вып. 13. С. 270—271). О песне см.: Борисова В. В. Об одном фольклорном источнике в романах Достоевского // Д, Материалы и исследования. Т. 13. С. 68.

С. 136. *Кажись, и генеральские дочки, а носы всё курносые!* — Ср. запись № 81 в СТ (4, 270).

С. 136. *...всегда с вами рада буду часы разделить, а теперь вот как-то совести при вас не соберу.* — Ср. запись № 166 в СТ (4, 274).

С. 136—137. *...где это я читал, как один приговоренный к смерти, за час до смерти ~ если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке ~ стоя на аршине пространства ~ Только бы жить, жить и жить!* (Ср. с. 148: *Аршин пространства будет...* С. 163: *А ведь я уже соглашался жить на аршине пространства!*) — Имеется в виду роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (кн. XI, гл. 2), где говорится об архидьяконе Клоде Фролло, пытающемся удержаться от падения с высоты собора: «По временам он взглядывал на род узкой площадки, случайно устроившейся из скульптурных украшений футах в десяти ниже его, и молил Бога, чтобы Он допустил его провести весь остаток жизни на этом крошечном пространстве, если бы даже довелось ему жить еще двести лет» (Вр. 1862. № 12. С. 230).

С. 137. *«Ба! „Хрустальный дворец“!* — Речь идет о трактире в Вяземской лавре — см. выше, с. 657, коммент. к 6, 114.

С. 137. *Излер Иван Иванович (1811—1877)* — владелец загородного сада заведения искусственных минеральных вод, в Новой Деревне (ныне Приморское шоссе), на Большой Невке. С конца 1850-х годов здесь был открытый театр, устраивались фейерверки и иллюминация, пел цыганский хор, играла музыка. В петербургских газетах постоянно печатались сообщения о заведении Излера, весьма популярном в 1860-е годы (см.: *Данилов. С. 255*). Сад Излера посетил Достоевский (см. его запись в записной книжке 1860—1862 гг. — *ЛН. Т. 83. С. 129*). См.: *Уварова Е. Д.* Вокзалы, сады, парки // *Развлекательная культура России XVIII—XIX вв.: Очерки истории и теории.* СПб., 2000. С. 321—324.

С. 137. ...*Бартола — Массимо — Ацтеки*... — В 1865 г. петербургские газеты были полны сообщений о приезде в Петербург лилипутов — юноши по имени Массимо (или Максимо), 26 лет, и девушки Бартоло, 21 года, которые будто бы были потомками древних обитателей Мексики — ацтеков. «Ацтеки эти были открыты в Центральной Америке в 1849 г. и с этого времени путешествовали по Америке и Европе, представляя собою любопытнейший образчик человеческой природы», — сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» 11 июля 1865 г. (см. также в фельетоне «Невского наблюдателя» Ивана Любича (Л. А. Полонского): *СПбВ. 1865. 20 июня (2 июля), № 154. С. 1—2*). 29 июня 1865 г. «ацтеки» были приняты в России, по примеру других европейских монархов, императором и императрицею в Петергофе. В Петербурге их демонстрировал антрепренер Моррис на Малой Морской, дом 16, о чем извещалось в газетных афишах (см.: *ПЛ. 1865. 4 июля, № 98; 3 августа, № 115; СПбВ. 1865. 11 (23) июля, № 175; 18 (30) июля, № 182; 31 июля (12 августа), № 195; см. также: Данилов. С. 256*). В связи с приездом «ацтеков» был выпущен ряд брошюр, в частности: *Иллюстрированные записки о любопытной экспедиции в Центральную Америку <...> найдено двое замечательных детей ацтеков, Максимо (мальчик) и Бартоло (девочка)*... СПб., 1866.

С. 137. *А, вот отметки*... — Речь идет о рубрике «Отметки» (ранее, до конца сентября 1865 г., «Петербургские отметки») в газете «Голос»: «...коротенькие заметки, уличные происшествия, злободневные курьезы, клочки быта. Они <...> занимали два, три, а то и четыре больших столбца...» (*Дороватовская-Любимова В. С.* Достоевский и шестидесятники. С. 21).

С. 137—138. ...*пожар на Песках — пожар на Петербургской — еще пожар на Петербургской <...> Много про пожары пишут*... — Пески — см. выше, с. 659, коммент. к 6, 118—119. Петербургская (ныне — Петроградская) сторона — район Петербурга, отделенный от центральной части города Невой (примеч. А. Г. Достоевской: «В шестидесятих годах на Петербургской стороне были сплошь деревянные дома, а потому там часто случались пожары» — *Гроссман, Семинарий. С. 56*). О пожарах, начавшихся еще в мае 1862 г., журнал «Время» писал: «Пожары, начавшиеся с Петербурга, перекину-

лись потом и в разные углы России (...) теперь каждое пожарное известие напечатлевается сильнее, и потому число пожаров кажется очень большим» (*Вр.* 1862. № 7. Отд. III. С. 36). Две статьи о пожарах, подготовленные для публикации в журнале «Время» в 1862 г. (автором одной из них, под названием «Пожары», был М. М. Достоевский), не пропустила цензура; в них делался выпад по адресу тех периодических изданий, которые возлагали вину за происшествия на радикально настроенное студенчество (см.: *ЛН.* Т. 86. С. 48—54; *Сажин В. Н.* Об авторе запрещенной цензурой статьи «Пожары» («Время», 1862) // *РЛ.* 1974. № 2. С. 218). Эти статьи навлекли на журнал угрозу приостановки на восемь месяцев.

О том, как Достоевский был взволнован начавшимися в Петербурге пожарами, вспоминает Н. Н. Страхон: «Пожары наводили ужас, который трудно описать. Помню, мы вместе с Федором Михайловичем отправились для развлечения куда-то на загородное гулянье. Издали, с парохода, видны были клубы дыма, в трех или четырех местах подымавшиеся над городом. Мы приехали в какой-то сад, где играла музыка и пели цыгане. Но, как мы ни старались позабавиться, тяжелое настроение не проходило...» (*Биография.* С. 239). Среди населения наибольшей популярностью пользовалась версия о политических поджогах, поскольку именно в мае 1862 г., за несколько дней до начала пожаров, в Петербурге появилась прокламация «Молодая Россия» с призывами к гражданской войне. Петербургские пожары, оставившие без крова многие тысячи людей, привели к повсеместной дискредитации революционеров и радикалов в общественном мнении (см. об этом: *Писарев, 2000.* Т. 4. С. 375). После пожара Толкучего рынка в 1862 г. Достоевский, по позднейшему рассказу Чернышевского, приезжал к нему, чтобы просить его повлиять на молодое поколение (см.: *Чернышевский.* Т. 1. С. 777). Воспоминание самого Достоевского об этом событии см.: *ДП.* 1873. § 4 — *Акад. ПСС.* Т. 21. С. 25—26, 393—394. Известиями о пожарах петербургские газеты были полны и в 1865 г. (см.: *Г, СПбВ, ПЛ* за июль 1865 г.). Помимо многочисленных столичных пожаров, горели и целые города (Симбирск, Витебск, Минск и др.). «Ужасные размеры бедствия породили молву (...) что пожары — результат поджогов, устраиваемых поляками, мстившими за подавление восстания 1863—1864 гг.» (*Данилов.* С. 257).

В одном из вариантов сюжета романа пожар должен был стать важным эпизодом, решающим судьбу Раскольникова (7, 167, 169, 175, 177, 181, 182, 189, 191, 211, 212, 220); в окончательном тексте о пожаре и спасении Раскольниковым детей из огня упоминает в выступлении на суде его квартирная хозяйка (6, 462).

С. 140. ...читал в «Московских ведомостях», что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили ~ Поддельвали билеты. — См. выше, с. 663—664, коммент. к 6, 130.

С. 140. Бланбеки (фр. blanc-bec) — молокососы, желторотые.

С. 140. Нанимают ненадежных людей разменивать билеты в конторах ~ Четыре пересчитал, а пятую принял не считая, на

веру, чтобы только в карман да убежать поскорее. Ну, и возбудил подозрение. — В одной из тогдашних газет читаем: «19 мая в контору для размена разных кредитных бумаг г-на Марецкого явился молодой человек, назвавший себя Виноградовым, не окончившим студенческого курса в здешнем университете. Виноградов предложил конторе купить у него свидетельство государственного с выигрышами займа в 5000 р., и когда занимающийся в конторе г. Сырейщиков выдал ему следующие деньги, то Виноградов, при счете денег, смутился, положил их поспешно в карман и ушел из конторы. Обстоятельство это возбудило подозрение...» Виноградов был представлен в Сретенскую часть. Была назначена следственная комиссия, которая привела к раскрытию дела фальшивомонетчиков (МВед. 1865. 10 сентября, № 197. С. 3). По-видимому, именно этот Виноградов упоминается Достоевским в каллиграфических прописях к наброскам глав VI—VII второй части романа (7, 284). О сцене Раскольников с Заметовым в трактире см.: *Natou N. Some plot invariants in the works of F. M. Dostoevsky as a means of expression of his ideas // F. M. Dostoevsky 1821—1881 / Association of Russian-American scholars in USA. New York, 1971. P. 90.*

С. 141. ...даже натертому, отчаянному человеку за себя поручиться нельзя. — Натёртый (простореч.) — опытный, много видевший и испытывавший; бывалый (БАС. Т. 7. С. 577). Ср. в «Записках из Мертвого дома» Достоевского: «Близко к городу, натертый народ; арестантам не дадут потачки, изловят и выдадут» (4, 251).

С. 141. ...в нашей-то части, старуху-то убили. — Неточность: дома, где жили Раскольников и Алена Ивановна, находились в разных полицейских частях города — Казанской и Спасской (см. выше, с. 606 и 608, коммент. к 6, 5 и 7). См.: *Батист, Федоренко. С. 191—192; Тихомиров, 2005. С. 194.*

С. 141. ...убьет-то хитро, жизнь отваживает... — Отважить, отваживать — подвергать опасности (Словарь церковно-слав. и рус. яз., 1867. Т. 3. С. 198; см. также: *Даль. Т. 2. С. 712*). Ср. в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1782): «Неустрашимость его состоит {...} не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он ее никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать» (Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 157).

С. 144. ...с кредитками, — красненькие, синенькие... — Государственные кредитные билеты, бумажные деньги: десять рублей — красного цвета, пять рублей — синего.

С. 144. *Assez causé!* — Одно из любимых выражений Достоевского; слова Вотрена в романах Бальзака (см.: *Гроссман, Библиотека. С. 31*). В «Преступлении и наказании» оно вкладывается в уста сначала Раскольникова, а затем Свидригайлова (6, 417). Об использовании выражения в публицистике Достоевского см.: *Акад. ПСС. Т. 20. С. 48, 54; ср.: Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens and Gogol. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1965. P. 246—247.*

С. 145. *Из спермацетной мази вы сделаны, а вместо крови сыворотка!* — Спермацетная мазь — мазь на основе спермацета, воскообразного вещества, которое получают из голов кашалотов (первоначально его принимали за китовую сперму). Подробнее о мотиве искусственного человека (гомункулуса, гомункула) в творчестве Достоевского см.: 5, 455, а также: *Тихомиров, 2005. С. 195—196.*

С. 146. *Дом Починкова, номер сорок семь...* — Дом, в котором поселился Разумихин, мог располагаться как на Большой Садовой улице, так и на Вознесенском проспекте (подробнее см.: Там же. С. 196—197).

С. 146. —ский мост — Вознесенский (примеч. А. Г. Достоевской — *Гроссман, Семинарий. С. 57*), мост на Екатерининском канале.

С. 147. *Анамнясь* — намедни, вариант наречия «ономнясь» (см.: *Словарь XVIII в. Вып. 1. С. 65*).

С. 149. *«И что ты, говорю, передо мной лимонничаешь, чего ты передо мной, говорю, апельсинничаешь?»* — Ср. запись № 60 в СТ (4, 269); ранее была использована в повести «Село Степанчиково и его обитатели» (3, 28).

С. 149. *А уж как разодета: журнал, просто журнал!* (...) *окромя отца-матери, всё есть!* — Имеются в виду журналы с картинками мод. Ср. запись № 468 в СТ (4, 289); использована в «Селе Степанчикове» (3, 133).

С. 149. *Суфлеры* — на тюремном жаргоне женщины «легкого поведения»; см. запись № 205 в СТ (4, 275).

С. 149. *...отдай ты мне всё, да и мало!* — Ср. запись № 29 в СТ (4, 268). Выражение использовалось Салтыковым-Щедриным, см., например, в «Невинных рассказах» («Развеселое житье»; 1859) (*Салтыков-Щедрин. Т. 3. С. 177*).

С. 150. *...а живу в доме Шия...* — Я. Х. Шиль имел в Петербурге несколько домов (см.: *Нистрем К. М. Адрес-календарь санкт-петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям. СПб., 1844. Т. 3: Адресы частных лиц, дипломатического корпуса и купечества. С. 496*). В одном из них, на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта, Достоевский жил в 1847—1849 гг. (современный адрес: Вознесенский проспект, дом 8). Здесь 23 апреля 1849 г. он был арестован по делу петрашевцев. В 1820—1830-х годах Шия принадлежал также дом в Столярном переулке (ныне дом 9), позже перешедший к Скуридину (см.: *ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. № 3160; Ф. 515. Оп. 4. № 5363*). Дом этот расположен почти напротив дома Алонкина, в котором жил Достоевский в пору создания «Преступления и наказания» (см. 7, 606, коммент. к 6, 5). О доме Шия см.: *Анциферов, 2009. С. 264—266; Батист, Фодоренко. С. 201* (дополнение к архивным свидетельствам о том, что Шиль был среди домовладельцев в Столярном переулке, напечатанным в *Акад. ЛСС*); *Бурмистров, 1977. С. 71.*

С. 152. *Все видели: люди ложь, и я то ж.* — Ср. запись № 110 в СТ (4, 271).

С. 152. *Пьяный свечки не поставит...* — Ср. запись № 355 в СТ (4, 283).

С. 153. *Статский полковник* — Армейскому чину полковника соответствовал в гражданской службе чин 6 класса — коллежский советник. Отец Катерины Ивановны имел чин 7 класса, равный подполковнику (см. выше, с. 614—615, коммент. к 6, 15).

С. 154. *...у предводителя...* — Имеется в виду предводитель дворянства (губернский или уездный) — почетная выборная должность в органах местного самоуправления.

С. 156. *...ощущением довольства, которое всегда замечается, даже в самых близких людях, при внезапном несчастье с их ближним, и от которого не избавлен ни один человек, без исключения...* — Ср.: «В невзгодах наших лучших друзей мы всегда находим нечто даже приятное для себя» (Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы / Изд. подгот. А. С. Бобович и др. Л., 1971. С. 199); ср. в «Бесах»: «Вообще в каждом несчастье ближнего есть всегда нечто веселящее посторонний глаз — и даже кто бы вы ни были»; в главе «У Тихона» — с отсылкой к «замечанию мыслителя» (Акад. ПСС. Т. 10. С. 255; Т. 11. С. 26).

С. 156. *...поступок ваш будет известен самому генерал-губернатору. Князь знал меня еще в девицах...* — Генерал-губернатор — представитель высшей военно-административной власти в Российской империи. В 1860-е годы (до мая 1866) петербургским генерал-губернатором был светлейший князь А. А. Суворов-Рымникский. См.: Тихомиров, 2005. С. 204.

С. 157. *Славу Богу...* — В Акад. ПСС (Т. 7. С. 305) выражение было включено в список исправлений с заменой его в тексте романа на «Слава Богу...» по изданиям, предшествовавшим последнему прижизненному (1877). В посмертных изданиях выражение печаталось как по 1877, так и по более ранним изданиям с исправлением. Употребленное в 1877 выражение — это фразеологический вводный оборот, распространенный в XVIII—XIX вв., производный от «воздай (воздаждь) славу Богу» (использован Достоевским в «Двойнике» — см.: 1, 172). Выражение «славу Богу» активно использовалось литераторами (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Н. Загоскин, И. И. Лажечников, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков и др.).

С. 158. *...с запасными дарами...* — Т. е. со Святыми Дарами, хранящимися в дарохранительнице, для причащения тяжелобольных и умирающих.

С. 159. *...платье с длиннейшим и смешным хвостом...* — Имеется в виду шлейф (трен). В русской литературе существовала устойчивая традиция негативно-сатирического отношения к этой детали женского туалета, а также к особам в подобного рода нарядах (см., например, в книге Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и акку-

ратности» («Господа Молчалины». Гл. IV; 1876): «...шлейф паскудной кокотки...» — *Салтыков-Щедрин*. Т. 12. С. 95). Упомянув в своих произведениях о шлейфе, Достоевский, как правило, с иронией подчеркивал несоответствие претенциозного наряда и общественного положения (или поведения) женщины; см., например, в «Братьях Карамазовых»: «...хозяйки здешнего домика дочь, которая (...) платье со шлейфом носит и за супом к Марфе Игнатьевне ходит...» (*Акад. ПСС*. Т. 14. С. 204). См.: *Кирсанова*. С. 330—331.

В черновом тексте одяние Сони описывалось в иной тональности: новенькая мантилька, светлое платьице, щегольская омбрелька и проч. (7, 272). В ходе доработки оно превратилось в «лохмотья», разукрашенные с «позорно выдающейся целью».

С. 159. *Омбрелька* (фр. ombrelle) — зонтик от солнца.

С. 159. *Соня была малого роста...* — В журнальном тексте ее рост определялся как средний (см.: 7, 371, а также во вступительной статье, с. 471).

С. 161. *Это ощущение могло походить на ощущение приговоренно к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение.* — В этих словах отражены переживания самого Достоевского: «...22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. (...) вызывали по трое, след(овательно), я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. (...) Наконец ударили отбой...» (письмо к М. М. Достоевскому, 22 декабря 1849 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 1. С. 161—162). В романе «Идиот» Достоевский вновь вспоминает об этих переживаниях: «...прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: „Ступай, тебя прощают“» (*Акад. ПСС*. Т. 8. С. 21; Т. 9. С. 430; см. также: *Биография*. С. 117—120; ср. примеч. А. Г. Достоевской в корректуре «Идиота»: *Гроссман, Семинарий*. С. 58). Позднейшие воспоминания Достоевского обнаруживают иное соотношение между переживанием сразу же после отмены смертной казни (рассказ писателя, в передаче Е. П. Летковой-Султановой: «...весть (...) воспринялась тоже тупо...» — *Достоевский в воспоминаниях*, 1990. Т. 2. С. 445) и по возвращении в каземат («...пел, громко пел, так рад был дарованной мне жизни!» — *Достоевская А. Г., Воспоминания*, 1987. С. 72; см. также: *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 307).

С. 162. *...Коля с Лидочкой вместе с мамашей ~ «Богородицу» прочитают...* — Имеется в виду молитва «Богородице Дево, радуйся...» (Песнь Пресвятой Богородице). Как вспоминала дочь писателя, каждый вечер отец «заходил (...) пожелать нам спокойной ночи, благословить и прочитать с нами короткую молитву Богородице, ту самую, которую его заставляли читать родители, когда он был ребенком» (*Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб., 1992. С. 148). См. также: *Тихомиров*, 2005. С. 209.

С. 172. ...полной безличности требуют и в этом самый смак находят ~ Это-то у них самым высочайшим прогрессом и считается. — Русская философско-критическая мысль выдвинула термин «безличность» на рубеже 1820—1830-х годов; особо популярным он стал в 1840-х годах; со второй половины 1850-х годов термин обрел новую жизнь применительно к явлениям действительности, лишенным своеобразия в первую очередь национального (см.: *Виноградов, История слов.* С. 301—302; *Борисова В. В. Общечеловек (общечеловечность) // Д, Словарь-справочник, 1997.* С. 34). Понятие «безличный», «безличность» стало важной составляющей в теории почвенничества, развиваемой в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский выступил против европейской цивилизованной безличности, противопоставляя ей развитую личность, соединенную посредством братских уз с другими. Разумихин в «Преступлении и наказании» выражает сходные убеждения (см.: *Тихомиров, 2005.* С. 213—214; ср.: *Белов, Комментарий.* С. 144). Об отражении в рассуждениях Разумихина идей и особенностей критической манеры Ап. Григорьева см.: *Никитин Т. Н. О возможном прототипе Разумихина // Достоевский и современность. Чт. 26 (2011). 2012.* С. 268—279.

Для Достоевского и близкого ему круга авторов главным противником в полемике по этому вопросу был «Современник», позицию которого — прежде всего М. А. Антоновича — он, утрируя, выразил в программной для «Времени» статье «Два лагеря теоретиков» (1862): «Наш идеал (...) характеризуется общечеловеческими свойствами. Нам нужен человек, который был бы везде один и тот же — в Германии ли то, в Англии или во Франции, который воплощал бы в себе тот общий тип человека, какой выработался на Западе. Всё, что приобретено им общечеловечного, смело давайте всякому другому народу, вносите общечеловечные элементы во всякую среду, какова бы она ни была. К чему тут толки о почве, с которой будто бы нужно справляться, при усвоении ей начал, выработанных другим народом?» (*Акад. ПСС.* Т. 20. С. 6). Достоевский и в дальнейшем, после «Преступления и наказания», использовал понятие «безличность» при характеристике не терпимой для развития России перспективы: «Да неужели же вы серьезно думаете, что наш народ весь, всей массой своей, согласится стать такою же безличностью, как эти господа русские европейцы?» (*ДП.* 1880. Август. Гл. 3. § 3 — Там же. Т. 26. С. 170).

С. 175. *Рот у ней был немного мал, нижняя же губка, свежая и алая, чуть-чуть выдавалась вперед...* — Сестру Раскольникова Достоевский наделил именем и некоторыми особенностями внешности А. Я. Панаевой (1820—1893), во втором браке Головачевой. Писатель познакомился с ней в ноябре 1845 г., тут же сообщив брату о том, что «влюбился» в жену И. И. Панаева (*Акад. ПСС.* Т. 28, кн. 1. С. 116, 118). См. портрет, со сходными чертами, Грушеньки в «Братьях Карамазовых» (*Акад. ПСС.* Т. 14. С. 136—137), а также: *Гроссман, Биография.* С. 67; *Сараскина Л. И. Возлюбленная Достоевско-*

го. Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994. С. 387 (отзыв В. В. Розанова о чертах сходства Дуни Раскольниковой с А. П. Суловой); *Коган, 2000*. С. 176—179.

С. 176. ...спит во всю ивановскую... — Т. е. спит крепко, с храпом.

С. 178. *Преавенантненькая!*.. — См. выше, с. 656, коммент. к 6, 107.

С. 178. ...одна песенка есть, русская, настоящая: «Зальюсь слезьми горючими...» — Сходное выражение входит во многие «похоронные, рекрутские, арестантские (темничные) и другие причитания», а также «народные лирические и балладные песни — там, где они созвучны рыдающим голосам плача» (*Владимирцев В. П.* «Зальюсь слезьми горючими» // *РР*. 1988. № 1. С. 121; см. также: 2, 77, 639). Ап. Григорьев в статье «Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны» призывал не искажать при публикации песенных текстов народное «слезьми» книжным «слезами» (*ОЗ*. 1860. № 4. С. 452; указано: *ЛП*. С. 750). Колоритное слово привлекло к себе многих литераторов, см., например, в повести «Саввушка» (1852) И. Т. Кокорев: «...горюнится мать, слезьми обливается дочь» (*Кокорев И. Т.* Соч. М.; Л., 1959. С. 236, 274).

С. 178. *Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894) — русский композитор и пианист. В 1859 г. в Петербурге по его инициативе было создано Русское музыкальное общество. Достоевский слышал игру Рубинштейна. 2 марта 1862 г. они оба выступали в зале М. Ф. Руадзе на литературно-музыкальном вечере в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в котором участвовали также Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов, П. В. Павлов, В. С. Курочкин, Г. Венявский. Достоевский читал отрывок из «Записок из Мертвого дома», Рубинштейн исполнил «Турецкий марш» Бетховена (см.: *Сын Отечества*. 1862. 26 февраля, № 49. С. 386; *Белов, Достоевский и его окружение*. Т. 2. С. 165—166).

С. 179. *Прусская палата господ* — верхняя палата (нем. *Neppenhaus*) законодательного собрания в Пруссии.

С. 179. ...этакое перинное начало ~ эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара, тихих воздыханий и теплых кацавесек, натопленных лежанок ~ точно ты умер, а в то же время и жив... — Аллюзия на роман И. А. Гончарова «Обломов» (жизнь Обломова у вдовы Пшеницыной в домике на Выборгской стороне) (см.: *Тихомиров, 2005*. С. 216); об отголосках образа Обломова в замысле «Преступления и наказания» см. 7, 786 и 793, коммент. к 7, 211 и 294. Подобная же деградация личности под влиянием «благоустроенного» чиновничьего бытия показана в рассказе «Скука» (1856) из «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: *Березкина, 2015*. С. 102).

С. 179. ...луп земли, трехрыбное основание мира... — Ср. в статье Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» (1860): «Вы можете сообщить калиновским жителям некоторые географические знания; но не касайтесь того, что земля на трех китах стоит и что в Иеру-

салиме есть пуп земли, — этого они вам не уступят...» (*Добролюбов*. Т. 6. С. 325). Про «пуп земли», который представлял собой весьма популярную тему в сочинениях, касавшихся религиозно-мифологических представлений русского народа, сообщалось в путевых записках Н. А. Благовещенского «Из воспоминаний бывалого об Иерусалиме» (*Вр.* 1862. № 2. С. 499—500). В статье Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (1864) Щедродаров проповедует «про „пуп земли“, в который так бессмысленно верит народ, зараженный пагубными предрассудками-с» (*Акад. ПСС*. Т. 20. С. 109—110). Артефакт, о котором идет речь (установлен не ранее 1810 г.), находится в иерусалимском Храме Гроба Господня, напротив входа в пещеру, под одним из куполов храма: это — мраморный вазон с шаром, на котором начертан крест (см.: *Православная энциклопедия*. М., 2006. Т. 13. С. 133).

Еще более популярен в печати второй половины 1850—1860-х годов был образ стояния земли «на трех рыбах (китах)» как символ крайнего невежества простого русского народа — см., например, в «Отцах и детях» Тургенева разговор Базарова с мужиком, который «с патриархально-добродушною певучестью» рассказывает ему о земле, которая «стоит на трех рыбах» (*Тургенев, Сочинения*. Т. 8. С. 384). Салтыков-Щедрин в хронике «Наша общественная жизнь» (1863, ноябрь) сделал это верование символом отсталости русской университетской науки, пребывающей в идеалистических путах, причем само слово «трехрыбный» было его неологизмом: «И много погибнет человеческих голов жертвою такого верования, и долго придется потом их скоблить, чтоб соскоблить эту трехрыбную золотуху...» (*Салтыков-Щедрин*. Т. 6. С. 174). Подробнее о литераторах, «которые от трех рыб в негодование приходят и этим торгуют», Достоевский писал в первой редакции романа; в ней отрывочная запись «как иной сатирический человек из трехрыбного сорта», возможно, относилась именно к Салтыкову-Щедрину (см.: 7, 71—72, а также: *Березкина, 2015*. С. 102—104).

С. 181. Ты, как доктор, разумеется, больше меня прав имеешь. — Не духовник же и я... — Ср. в «Двойнике» Достоевского: «...ведь доктор, как говорят, что духовник...» (1, 134, 731).

С. 182. ...мой бонжур... — Bonjour (фр.) — здравствуй(те).

С. 182. Он рассчитал без хозяина... — Т. е. ошибся в своих предположениях. Восходит к французскому выражению: compter sans son hôte (рассчитать без хозяина, ошибиться в расчете).

С. 187. Дебаркадер (фр. débarcadère) — пассажирская платформа на железнодорожной станции.

С. 188. «Та королева ~ которая чинила свои чулки в тюрьме, уж конечно, в ту минуту смотрела настоящею королевой и даже более, чем во время самых пышных торжеств и выходов». — Имеется в виду жена Людовика XVI Мария Антуанетта (1755—1793), имя которой упоминается также в черновых записях к роману. Ф. Шатобриан рассказывает о ее пребывании в тюрьме: «...дщерь

Кесарей покрыта была рубищем, доведена до крайности собственными руками чинить свою одежду, принуждена в сырой темнице прикрывать оледенелые ноги ветхим одеялом (...) при всем том сохранила величие королевы...» (Речь, произнесенная виконтом де Шатобрианом в Палате пэров, при сообщении завещания Марии Антонии // *СО*. 1816. Т. 28. № 10. С. 150). Ср.: «...время утра препровождено было в шитье, вязанье или вышиванье» (*Клери Г.* Дневная записка случившимся в башне Тампля происшествиям во время заключения в оной Людовика XVI короля французского / Перевел с фр. Н. О(сипов). СПб., 1806. С. 29). В 1857 г. вышел девятый том «Истории французской революции 1789 года» Луи Блана, в котором среди событий 1793 г. освещался судебный процесс и казнь Марии Антуанетты, и в частности сообщалось: «Дочь Марии-Терезии, всегда столь блестящая, ходила в висевшем лохмотьями платье. (...) Однажды, желая сплести себе подвязку, она была вынуждена вырывать нитки из занавески у кровати, а вместо вязальных игол воспользоваться двумя зубочистками!» (*Блан Л.* История французской революции 1789 года: В 12 т. СПб., 1908. Т. 9. С. 321); указано: *Тихомиров, 2005. С. 321* — здесь же см. об «Истории жирондистов» (1847) А. Ламартина с упоминанием сходного эпизода (об интересе Достоевского к этому труду см.: *Акад. ПСС. Т. 22. С. 351; Библиотека. С. 233*). Достоевский мог знать также труд Ш. Мазада о мадам Ролан и Марии Антуанетте, напечатанный в «*Revue de deux mondes*» (1865. № 1) и затем выпущенный отдельным изданием: *Masade Ch. de. Deux femmes de la Révolution. Paris, 1866*. Последний день Марии Антуанетты, ее поведение при допросе и в последние минуты перед казнью интересовали Достоевского (см.: 768, 777, коммент. к 7, 102, 175). В первоначальных редакциях Достоевским планировалось более широкое использование образа низвергнутой, обреченной на прозябание королевы (см.: 7, 102, 106, 113, 116, 175), причем он относил его, по-видимому, к жене (вдове) Мармеладова (см.: 767—768, коммент. к 7, 102).

С. 189. ...приснилась покойница Марфа Петровна... и вся в белом... подошла ко мне, взяла за руку, а сама головой качает на меня ~ как будто осуждает... — Возможно, реминисценция, напоминающая о «Пиковой даме» Пушкина (см.: *Ашимбаева Н. Т.* Достоевский: Контекст творчества и времени. СПб., 2005. С. 23), где эпиграфом к гл. V приведена вымышленная цитата со ссылкой на Э. Сведенборга: «В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон В***. Она была вся в белом и сказала мне: „Здравствуйте, господин советник!“» (*Пушкин. Т. 8, кн. 1. С. 246*).

С. 189. ...особенно про здоровье очень не спрашивайте: не любит. — Примеч. А. Г. Достоевской: «Черта Федора Михайловича: он чрезвычайно не любил вопросов о здоровье не только от чужих, но даже и от близких» (*Гроссман, Семинарий. С. 57*).

С. 194. Чтобы помогать, надо сначала право такое иметь, не то: «*Crevez, chiens, si vous n'êtes pas contents!*» — Ср. в черновых

набросках: 7, 324: *Чтоб помогать несчастью, нужно ведь иметь право, т. е. быть богатым...* Ср. в романе В. Гюго «Отверженные»: «...si vous n'êtes pas contents, crevez, chiens!» (Hugo V. Les Misérables. Bruxelles, 1862. Т. 6. Р. 130; указано: *Мацумото К.* Крушение «мессианской идеи» у Раскольникова // *Достоевский и современность.* Чт. 21 (2006). 2007. С. 196—203). Эти слова звучат из уст Эпонины Тенарде, ожидающей милостыни: «Знаете, что это будет означать, если мы сегодня позавтракаем? Да то, что нынче утром мы съедим позавчерашний завтрак, позавчерашний обед, вчерашний завтрак, вчерашний обед — и все в один присест! (...) А ежели вам этого мало, так и подыхайте, собаки!» (Гюго. Т. 7. С. 194). См. запись в подготовительных материалах: 7, 181, а также коммент. ниже.

С. 194. *Так ли, Дуня? — Нет, не так, — твердо ответила Дуня. — Ба! да и ты... с намерениями!..* — В черновых набросках Раскольников определеннее выражал свое мнение относительно Дуни — 7, 326: *А так ты вот как думаешь — уж не социалистка ли? Это похвально.* В окончательном тексте дальнейшее (в связи с «намерениями» Дуни) рассуждение Раскольникова о «чёрте», которую ей предстояло перешагнуть, подразумевает именно это обстоятельство — близкие к социалистическим убеждения брата и сестры (изменение в печатном тексте, вуалирующее мысль героя, могло носить цензурный (или автоцензурный) характер). Ср. мнение о возможном для сестры Раскольникова будущем в каком-либо из революционных кружков: *Мейер.* С. 423—424.

С. 196. *Да что вы все такие скучные ~ Собрались и молчим... Ну, что-нибудь!* — Примеч. А. Г. Достоевской: «Собственные слова Федора Михайловича, когда, бывало, соберутся у нас родные (пасынок, брат Николай Михайлович, невестка и племянники), сидят и молчат» (Гроссман, Семинарий. С. 57).

С. 197. *Да что вы опять замолчали? Всё только я да я говорю!..* — Примеч. А. Г. Достоевской (ср. коммент. выше): «Говорит один Федор Михайлович, а они не поддерживают разговора. Это всегда сердило Федора Михайловича» (Там же).

С. 198. *Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб ~ какую вы странную мысль сейчас сказали, маменька...* (Ср. 6, 204: *Что это вы мою комнату разглядываете? Вот маменька говорит тоже, что на гроб похожа.*) — В ряде исследований особенности каморки Раскольникова связываются аллюзионно с евангельским повествованием о воскрешении, после пребывания во гробе, Лазаря Четверодневного, которое читает Соня Мармеладова, — см.: *Альтман.* С. 45—46; *Тороп.* С. 104—115; *Тихомиров, 2005.* С. 220—221, 295—297.

Согласно статистическим данным, самыми низкими в петербургских домах того времени (от 3 аршин, т. е. 2,1 м) были именно антресольные помещения; средний же размер комнат равнялся 12—16 кв. м при высоте потолков около 3,5 м (см.: *Юхнёва.* С. 112).

С. 203. *...на Митрофаниевском... (Ср. с. 204: ...на кладбище перенесут, до завтра, в часовню (...)) на отпевании в церкви быть*

завтра...) — Митрофаниевское кладбище в Петербурге было основано в 1831 г., во время эпидемии холеры (см.: *Михневич*. Ч. 1. С. 175). Это было кладбище бедных чиновников, солдат, ремесленного и цехового люда. На кладбище была часовня (у ворот) и две церкви (см.: *Крестовский*. Т. 2. С. 125).

С. 205. *Прощай, Родя, то есть до свиданья; не люблю говорить «прощай».* — Примеч. А. Г. Достоевской: «Федор Михайлович всегда был недоволен, когда люди, которых он любил, говорили ему „прощайте“, и всегда отвечал: „зачем «прощайте», лучше — «до свиданья»»» (*Гроссман, Семинарий*. С. 57).

С. 207. *Я бы хотел вам еще два слова сказать...* — Примеч. А. Г. Достоевской: «Федор Михайлович часто употреблял это выражение» (Там же).

С. 209. *Волосы его, очень еще густые, были совсем белокурые ~ Глаза его были голубые ~ губы алые.* — Сходство портретов Свидригайлова и особенно Ставрогина с отдельными штрихами портрета патера Мансии в падуанском эпизоде первой части (гл. III) мемуаров Казановы («голубые глаза», «черты Аполлона», «ослепительная белизна», «коралловые губы» и т. д.) отмечена в коммент. Г. М. Фридендера к предисловию, написанному Достоевским к публикации в 1861 г. в журнале «Время» отрывка «Заключение и чудесное бегство Жака Казановы из венецианских темниц (Пломб)» (*Акад. ПСС*. Т. 19. С. 280).

С. 211. *...Лазаря петь...* — В евангельской притче Лазарь — бедняк, лежавший у ворот бессердечного богача и просивший о помощи (Лк. 16, 19—31). «Петь Лазаря» в переносном смысле — жаловаться на свою судьбу. Духовный стих о нем пели слепые, прося милостыню (*Альтман*. С. 44—45, 253; *Михнюкевич*. С. 83). См.: 3, 660.

С. 212. *...Ромео десяти вершков росту!* — См. выше, с. 633, коммент. к 6, 47; рост Разумихина — больше 186 см.

С. 213. *Да зачем же стулья-то ломать, господа, казне ведь убыток!* — Восходит к «Ревизору» (1836) Гоголя, где городничий говорит об учителе: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне» (*Гоголь, 2001*. Т. 4. С. 14); в 1850—1860-х годах цитата широко использовалась русскими литераторами (см., например, в «Невинных рассказах» («Наш дружеский хлам», 1860) и «Сатирах в прозе» («Литераторы-обыватели», 1861) *Салтыкова-Щедрина*).

С. 215. *Это ведь на простой бумаге? <...> О, на самой простейшей-с!* — Т. е. не на гербовой бумаге, с продажи которой взималась пошлина.

С. 216. *Эвона сморозил!* — Ср. запись № 310 в СТ (4, 281). О слове «сморозить» см.: *Виноградов, История слов*. С. 642—643.

С. 219. *Началось с воззрения социалистов ~ преступление есть протест против ненормальности социального устройства ~ никаких причин больше не допускается ~ если общество устроит*

нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать... — В год начала работы Достоевского над романом вышел перевод книги «Новый взгляд на общество, или Опыты о формировании человеческого характера» (1813) Р. Оуэна, одного из основоположников учения утопического социализма, в которой утверждалось: «Лица, совершающие теперь преступления, не виноваты в них: вся вина лежит на системах, в которых они были воспитаны. Устраните обстоятельства, способствующие совершению преступлений, — и преступлений не будет. Замените их условиями, при которых зарождается склонность к порядку, правильности, воздержности, трудолюбию, — и эти качества непременно явятся» (Оуэн Р. Образование человеческого характера. СПб., 1865. С. 62; указано: ЛП. С. 752). Об этой стороне учения английского социалиста с восхищением писал А. И. Герцен в «Былом и думах», в главе «Роберт Оуэн», напечатанной в «Полярной звезде» за 1861 г.: «Не один Оуэн в наше время сомневался в ответственности человека за его поступки; следы этого сомнения мы найдем у Бентама и у Фурье, у Канта и у Шопенгауэра, у натуралистов и у врачей и, что всего важнее, у всех занимающихся статистикой преступлений» (см.: Герцен. Т. 11. С. 235—236; см. также: С. 207—208, 221—222). Сходные мысли о причинах злых и добрых деяний человека выражались Чернышевским в «Антропологическом принципе...» и «Что делать?» (см.: Чернышевский, 1975. С. 114; ЛП. С. 752). В статье П. Н. Ткачева «Статистические этюды. Преступление и наказание. (Этюд второй)» подчеркивалось, что главной причиной преступности является «нищета, бедность, неравномерное распределение богатств, одним словом, беспорядок и неустройство в экономическом быте народов» (БдЧт. 1863. № 12. С. 1; о позиции Ткачева, одного из самых ярких представителей революционного подпольного движения, см.: Твардовская. С. 67—68). Утверждения такого рода делались на фоне обзора данных о преступности, как например в работе В. П. Попова «Преступления и наказания. (Эскизы из истории уголовного права)»: «Всякое преступление есть протест против ненормального состояния общества...» (Вр. 1863. № 4. Совр. обзор. С. 144; указано: Тихомиров, 2005. С. 226). Крестовский в «Петербургских трущобах» (Ч. 4; 1866) обобщил популярные представления того времени о преступности: «...человек делается жертвой преступления (...) из тройких побуждений: либо это несчастная, психиатрически-врожденная склонность, либо негаданный-недуманный прежде страстный порыв, либо же, наконец, экономические и социальные условия жизни и быта. Эти последние, к несчастию, служат наиболее частой, почти общей, характеристической причиной преступлений для задавленного, бедного и необразованного класса» (Крестовский. Т. 2. С. 33—34). Писарев в статье «Посмотрим!» отстаивал за журналом «Русское слово» (1865. № 9) приоритет в последовательном проведении идеи об «устранении всяких наказаний» (иначе: «идеи невменяемости» преступника), основанной на данных современной европейской науки (Писарев,

2000. Т. 8. С. 16, 450; см. об этом: Буланов А. М. Некоторые аспекты журнальной полемики 1863—1866 гг. по юридическим вопросам и роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы русской и зарубежной литературы. Волгоград, 1971. С. 89—93). Ра-зумихиным «воззрения социалистов» выражены в заостренной, утри-рованной форме (ср. в романе «Бесы» суждение Петра Верховенско-го, с отсылкой к современным публицистам, о преступлении как «бла-городном протесте»: *Акад. ПСС. Т. 10. С. 324; Т. 12. С. 306*).

С. 219. ...всё у них потому, что «среда заела»... — Формула «среда заела» получила в конце 1850-х—начале 1860-х годов широ-кое хождение в либеральной и демократической критике и беллетри-стике как объяснение социальных причин, способствующих трагиче-скому прозябанию «лишних людей» и их гибели; об истории выраже-ния и его вариациях (с 1830-х годов) см.: *Виноградов, История слов. С. 1014—1019* (статья «Среда»). О традиционности этой формулы для И. С. Тургенева и «тургеневской» школы беллетристов писал в 1860 г. Н. А. Добролюбов в статье «Благонамеренность и деятельность», раз-бирая повести друга Достоевского А. Н. Плещеева (*Добролюбов. Т. 6. С. 193*; ср.: *Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962. С. 129—132*); см. также в статье «Луч света в темном царстве» (1860) (*Добролюбов. Т. 6. С. 354*). Добролюбов утверждал, в проти-вовес формуле «среда заела», мысль об активности природы человека и о его способности протгивиться влиянию среды. Горячим защитником этой идеи был Д. И. Писарев (см., например, его статью о Помялов-ском «Роман кисейной девушки» (*РСл. 1865. № 1*) — *Писарев, 2000. Т. 7. С. 9—12*). О полемике журнала «Время» и самого До-стоевского против формулы «среда заела», которой писатель противо-поставлял идею нравственной ответственности личности за свое пове-дение и за общий уровень окружающей жизни, см.: *Фридлендер. С. 205—206*; ср.: *Иванов Вяч., 1987. С. 536—537*. К этой теме До-стоевский обращался в «Записках из Мертвого дома» (4, 158), в под-готовительных материалах к «Бесам» (*Акад. ПСС. Т. 11. С. 149, 234, 287*) и к «Подростку» (Там же. Т. 16. С. 159—160), в «Братьях Ка-рамазовых» (Там же. Т. 14. С. 69), письме к В. А. Алексею от 7 июня 1876 г. (Там же. Т. 29, кн. 2. С. 85) и др. В статье «Среда» он охарактеризовал «заедающую среду» как «любимое {...} учение наше» (*ДП. 1873. § 3* — Там же. Т. 21. С. 14; см. также: С. 386—387).

С. 219. ...социальная система, выйдя из какой-нибудь матема-тической головы, тотчас же и устроит всё человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным... — Ср. в письме Досто-евского к М. Н. Каткову от 25 апреля 1866 г.: «Фурье ведь был же уверен, что стоит построить одну фаланстеру и весь мир тотчас же по-кроется фаланстерами; это его слова» (*Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 154, 431—432*; о фаланстерах см. ниже, с. 681, коммент. к 6, 219); в коммент. к этому письму указывается на трактат «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), в котором Фурье утверждал:

«...организация сосиетарного (социетарного, т. е. основанного на ассоциации, объединении людей) строя потребует не свыше двух лет с того момента, как какой-либо кантон подготовит здания и насаждения. Этот прекрасный социальный строй народился бы мгновенно, если бы где-либо можно было осуществить эти мероприятия...» (*Фурье Ш. Избр. соч.: В 2 т. М., 1938. Т. 1. С. 118*). В статье Добролюбова «Роберт Овен и его попытки общественных реформ» (1859), включавшей «Манифест Роберта Оуэна, основателя системы разумного общества и религии» (1840), говорилось: «...в самый тот год, как ее примут, она произведет на земле более благосостояния, наслаждений и нравственности, нежели сколько старая система могла произвести в течение веков...» (*Добролюбов. Т. 4. С. 38*; указано: *Тихомиров, 2005. С. 229*).

*С. 219. Оттого-то они так инстинктивно и не любят историю: «безобразия одни в ней да глупости»... — В «Манифесте Роберта Оуэна...» говорилось: «История человечества неотразимо доказывает неразвитость доселе человеческого ума, и каждая из ее страниц подтверждает в подробности, как безумны и бестолковы были его стремления» (*Добролюбов. Т. 4. С. 38*).*

*С. 219. Оттого так и не любят живого процесса жизни: не надо живой души! — О свойственном современному русскому человеку отращении к «живой жизни» Достоевский впервые заговорил устами Парадоксалиста в «Записках из подполья» (5, 199—200, 501—505), сходная мысль была впоследствии выражена им в «Подростке» (см.: *Акад. ПСС. Т. 13. С. 178; Т. 17. С. 286—287*).*

*С. 219. ...всё на одну только кладку кирпичиков да на расположение коридоров и комнат в фаланстере свели! — Фаланстеры — дворцы-общезития, о которых мечтал Фурье, для людей будущего социалистического общества. К мысли о мелочной стесненности и «калторжной» регламентированности жизни в них Достоевский вернулся в романе «Бесы» (см.: *Акад. ПСС. Т. 10. С. 311; Т. 12. С. 211—212*). В 1860-х годах в русской литературе складывается традиция сатирического использования образа фаланстера, однако с разными общественно-политическими акцентами; так, Салтыков-Щедрин считал, что эта идея французского социалиста сформировалась в русле глубокого цивилизационного развития, вне которого она становится «каким-то пугалом в виде фаланстера» («Итоги», 1871; *Салтыков-Щедрин. Т. 7. С. 452*).*

С. 219. Фаланстера-то и готова, да натура-то у вас для фаланстеры еще не готова, жизни хочет... — В «Зимних заметках о летних впечатлениях» эта мысль была развита Достоевским применительно к картинам жизни французов (5, 90—92).

С. 220. С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион! Отрезать весь миллион и всё на один вопрос о комфорте свести! (Ср. с. 394: Тут {...} дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое {...} когда вся жизнь проповедуется в комфорте.) — Уже в «Униженных и оскорбленных» Достоевский, устами

князя Валковского, сопрягал понятие «комфорт» с нравственностью: «...нравственность в сущности тот же комфорт, то есть изобретена единственно для комфорта» (3, 404). В «Преступлении и наказании» комфорт упоминается в связи с этикой «новых людей» Чернышевского — ср. в романе «Что делать?»: «...и нравственность и комфорт, и чувственность и добро понимают они на особый лад, и все на один лад (...) так что и нравственность, и комфорт, и добро, и чувственность, — всё это выходит у них как будто одно и то же» (Чернышевский, 1975. С. 150). Эта идея вызывала резкое неприятие Достоевского: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием», — написал он в подготовительных материалах, формулируя «идею романа» как «православное воззрение» (7, 197 и коммент. к этой странице). Ср. восприятие «господствующей идеи» романа Чернышевского Страховым («Счастливые люди», 1865, апрель), который считал, что «она состоит в мысли о счастье, в представлении благополучной жизни. Роман учит, как быть счастливым» (Страхов Н. Н. Из истории литературного нигилизма. 1861—1865: Письма Н. Косицы; Заметки Летописца, и пр. СПб., 1890. С. 318). Проповедь счастья — одна из основных идей Л. Фейербаха, высоко ценимого Чернышевским.

Комфорт был весьма модной литературной темой: своего рода проповедником его, с обозначением параметров подлинного комфорта, не совпадающего с роскошью, был И. А. Гончаров, главным образом в записках «Фрегат „Паллада”» (1855) (см.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 56—57, 271—273 и др.), ниспровергателем, с выражением протеста против самой идеи комфорта как вожделенной цели человеческого существования, — А. Ф. Писемский, в частности в романе «Тысяча душ» (1858) (см.: Писемский. Т. 3. С. 135—136). Ср. также в книге Прудона «Война и мир», где высказывалась самая резкая критика в адрес «политической экономии» и «социалистической школы»: «Дошли даже до того, что утверждали, будто, чтобы сделать людей добродетельными, уничтожить порок и преступление, надо только разлить повсюду комфорт, утроить или учетверить богатство....» (Прудон, Война и мир, 1864. Т. 2. С. 111). О книге Прудона см. 7, 610 и 686, коммент. к 6, 14 и 224.

С. 220. ...я тебе сейчас выведу ~ у тебя белые ресницы единственно от того только, что в Иване Великом тридцать пять сажен высоты, и выведу ясно, точно, прогрессивно и даже с либеральным оттенком? — «Ироническая реплика на рассуждения героев романа Чернышевского» (Тихомиров, 2005. С. 233) — ср. вопрос Веры Павловны: «...есть случаи, когда кажется, что от моего произвола зависит поступить так или иначе. Например: я играю и перевертываю страницы нот; я перевертываю их иногда левою рукою, иногда правую. (...) не зависит ли это от моего произвола?»; в ответ Лопухов указывает на строгий детерминизм ее поступков (Чернышевский, 1975. С. 71). В реплике Разумихина упоминается московская достопримечательность — колокольня Ивана Великого в Кремле, высотой более 80 м.

С. 220—221. ...одна ваша статейка: «О преступлении»... или как там у вас, забыл название ~ я действительно написал, полгода назад, когда из университета вышел, по поводу одной книги, одну статью... — О сходстве ряда положений статьи Раскольникова о преступлении с некоторыми тезисами трактата английского писателя Де Квинси (1785—1859) «Убийство как одно из изящных искусств» (1827) — с указанием при этом на маловероятность знакомства с ним Достоевского — см.: *Алексеев М. П.* Ф. М. Достоевский и книга Де Квинси «Confessions of an English Opium-Eater» // Учен. зап. Высшей школы г. Одессы. Одесса, 1922. Т. 2: Сб. статей, посвященных проф. Б. М. Ляпунову. С. 102; см. также: *Де Квинси Т.* Исповедь англичанина, любителя опиума / Изд. подгот. Н. Я. Дьяконова, С. Л. Сухарев, Г. В. Яковлева. М., 2000. С. 187, 188; *Ипатова С. А.* Достоевский и повесть Томаса Де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум»: (К теме «мечтательства») // *Д, Материалы и исследования.* Т. 17. С. 188—189.

В. В. Данилов связал статью Раскольникова с книгой французского императора Наполеона III «История Юлия Цезаря» (1865—1866), о которой сразу же, еще до выхода двухтомного русского перевода (1865—1866), заговорили в России (см.: *Данилов.* С. 262—263; *Евнин, 1959.* С. 153—157). Особую активность проявляла газета «Голос», в которой печатали свои фельетоны Евгения Тур (Е. В. Салиас де Турнемир) и Леон Поль (Л. А. Полонский), сообщавшие, в числе прочего, и отзывы французской и английской прессы об «Истории...» (сведения (с рядом неверных атрибуций) о статьях Е. Тур, появившихся в марте 1865 г. на страницах различных изданий (*Г, СПбВ*), см.: *Коган Г. Ф.* Ф. М. Достоевский, русская общественная мысль и «мексиканский вопрос» в 60-е годы XIX в. // *Латинская Америка.* 1974. № 4. С. 125). Анализ отдельных идей этой книги в соотношении с теориями исторического прогресса и роли в нем великих людей дан в статье Б. Н. Тихомирова «К вопросу о „прототипах идей“ в романах Достоевского» (*Д, Материалы и исследования.* Т. 10. С. 42—55). Предисловие к «Истории...», опубликованное в газетах, в том числе русских, в канун выхода книги, повествовало о великих («необыкновенных») людях, доказывая, что, «посылая таких людей, как Цезарь, Карл Великий, Наполеон, Провидение призывает их начертать народам путь, которым они должны следовать, запечатлеть своим гением новую эру и совершить в несколько лет труд нескольких веков» (*СПбВ.* 1865. 19 февраля (3 марта), № 43. С. 1; *Наполеон III, имп.* История Юлия Цезаря: В 2 т. СПб., 1865. Т. 1. С. VI). Русские рецензенты «Истории Юлия Цезаря» справедливо указывали на ее связь с идеями английского историка Т. Карлейля (см., например: *W. [Ватсон Э. К.]*. Что такое великие люди в истории? (По поводу предисловия к «Истории Юлия Цезаря» Наполеона III) // С. 1865. № 2. С. 320; Английские газеты об «Истории Юлия Цезаря» // *СПбВ.* 1865. 1 (13) марта, № 53. С. 1). Его труд «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841), напечатан-

ный в журнале «Современник» в отрывках в 1855—1856 гг., оказал заметное воздействие на теорию Родиона Раскольникова. В ней Достоевский исследует метаморфозы идей Карлейля на новой социально-политической, психологической и национальной почве (Тихомиров, 2005. С. 235).

Отмечалась близость теории Раскольникова с идеями М. Штирнера, развитыми в книге «Единственный и его собственность» (1845), которой, возможно, в 1849 г. было посвящено выступление Достоевского «о личности и об эгоизме» на одной из встреч у Петрашевского (Акад. ПСС. Т. 18. С. 128, 339). См. об этом: 3, 631—632; 5, 495.

С. 221. *Да ведь «Еженедельная речь» перестала существовать... Ср. в черновых набросках (7, 234): Скажите, статья в «Ведомостях» в а ш а?* — В 1861 г. «перестала существовать» на № 39 и соединилась с «Московским вестником» газета «Русская речь». Может быть, имеется в виду и журнал «Юридический вестник», издававшийся Н. В. Калачевым. В 1862—1864 гг. он ежемесячно издавался самостоятельно, а в 1864 г. после шестого номера перестал выходить. Многие из авторов, сотрудничавших в этом журнале, помещали свои статьи по юридическим вопросам и в журнале «Время».

С. 221. *...настаиваете, что акт исполнения преступления совершается всегда болезнью.* — Речь идет об идее невменяемости преступника, распространенной в передовой русской журналистике. См., например, в статье В. А. Зайцева «Естествознание и юстиция» (РСЛ. 1863. № 7): «...преступление, подобно умопомешательству, имеет своим источником органические повреждения, остро или хронического свойства...»; «...всякое преступление, при каких бы обстоятельствах ни было совершено, есть внешнее выражение физиологических или патологических явлений нашего организма и, следовательно, может так же мало влечь за собой ответственность, как какое-нибудь наружное уродство, например горб или кривизна шеи. Нам уже доказали цифры, что преступление не зависит от человеческой воли...» (Зайцев. С. 81, 83; указано: АП. С. 753). О том, что «преступление бывает или следствием болезни, или недоразвитости, или вынуждается необходимостью сохранить свою жизнь, и (ли) общественными условиями», писал в статье «Преступления и наказания. (Эскизы из истории уголовного права)» В. П. Попов (Вр. 1863. № 4. Совр. обзор. С. 131). Подробнее о распространении в России идеи «преступление есть помешательство» см. коммент. Т. И. Орнатской к «Бесам»: Акад. ПСС. Т. 12. С. 306, а также (со ссылкой на статьи Н. В. Шелгунова): АП. С. 753—754.

С. 222. *...в ихней статье все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных».* (С. 224: *...чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных?*) — Сразу после публикации предисловия к «Истории Юлия Цезаря» Наполеона III (см. выше, с. 683, коммент. к 6, 220—221) появились рецензии, в которых поднимался вопрос о распознавании «великих людей» и участи «людей обыкновенных». Евгения Тур в «Парижском обозрении»

(подзаголовок: «Нескончаемые толки об „Истории Цезаря”, ограничивающиеся пока предисловием») привела отзыв «Saturday Review», английской газеты республиканско-демократического направления: «Как разобрать, кто у нас Цезари, Карлы Великие, Наполеоны? (...) нет другого знака, по которому отличишь пророка от лжепророка, кроме неотразимой логики успеха. Всякий, кто побеждает, проводя свои идеи и достигая успеха своим гением, — прав. (...) долг наш, а следовательно и счастье, заключается в том, чтоб послушно идти за нашими руководителями. (...) А что же те, которые не имеют успеха? Пусть мертвецы хоронят своих мертвецов. (...) Изгнания, казни, триумфираты, государственные перевороты — таковы орудия, которыми спасители обязаны были проводить свою грозную задачу для исполнения возложенного на них Провидением дела» (Г. 1865. 6 (18) марта, № 65. С. 1; указано: Данилов. С. 262—263). Ср. слова Раскольникова, сказанные Соне (6, 360): *Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее!* В другом отклике на предисловие Наполеона III говорилось: «Итак, существуют две различные человеческие логики, точно так же существуют и различные моральные законы. Одна логика и одни законы, по которым следует судить действия людей обыкновенных; другая логика и другие законы, по которым следует судить мировых гениев, героев, полубогов. (...) Но если великие гении истории изъяты от обыкновенных законов, если к ним не применимы законы обыкновенной логики, то спрашивается, как же узнавать таких личностей?» (W. [Ватсон Э. К.]. *Что такое великие люди в истории?* С. 325; об этой статье см.: Евнин, 1959. С. 156; Боград В. Э. Ватсон Э. К. // *Рус. писатели*. Т. 1. С. 398). В учении Т. Карлейля свидетельством истинного героя был успех, поскольку он мог выступать только в роли победителя (см.: Костикова И. В. *Философско-социологические взгляды Томаса Карлейля*. М., 1983. С. 82—83).

С. 222. ...если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия... — Отголосок формирующихся сциентистских настроений в философском осмыслении хода мировой истории. Обращение к именам Кеплера и Ньютона должно было свидетельствовать о существовании непоколебимых законов истории (см.: ЛП. С. 755—756). А. И. Герцен писал в «Былом и думах» (Ч. 4. Гл. XXXII; 1858): «...я заметил, что развитие науки, что современное состояние ее обязывает нас к принятию кой-каких истин (...) однажды узнанные, они перестают быть историческими загадками, а делаются просто неопровержимыми фактами сознания, как Эвклидовы теоремы, как Кеплеровы законы, как нераздельность причины и действия, духа и материи» (Герцен. Т. 9. С. 209).

С. 223. ...если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь... — Ср. в «Борисе Годунове» Пушкина: «Конечно, кровь невинного младен-

ца / Ему ступить мешает на престол. {...} Перешагнет; Борис не так-то робок!» (Пушкин. Т. 7. С. 7). См.: Мережковский, Вечные спутники. С. 277; Билинкис Я. С. Романы Достоевского и трагедия Пушкина «Борис Годунов»: (К проблеме единства пути русской литературы XIX столетия) // Д, Материалы и исследования. Т. 2. С. 164—168; Благой. С. 548; Назиров. С. 101—104.

С. 223. ...масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их ~ в следующих поколениях эта же масса ставит каменных на пьедестал и им поклоняется... — В подготовительных материалах характеристика судеб «великих людей» давалась Достоевским, от лица Раскольникова, с налетом иронии: «Все великие люди были счастливы. Их грусть — счастье (<ι>), их страд(анья) (<—>) счастье. {...} Великий человек не может быть несчастлив. А что их на крестах распинали, то это ничего» (7, 240; ср. в романе «Братья Карамазовы» суждение старца Зосимы, восходящее к словам апостола Павла (Евр. 11, 32—38): «Не принимает род людской пророков своих и избивает их, но любят люди мучеников своих и чтят тех, коих замучили» — Акад. ПСС. Т. 14. С. 292). Мысль о трагичности судеб великих людей была распространенной в русской литературе того времени — см., например, в статье Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) (Тургенев, Сочинения. Т. 8. С. 180).

С. 224. ...vive la guerre éternelle... — По предположению Б. Н. Тихомирова (см.: Тихомиров Б. Н. К вопросу о «прототипах образа идеи» Родиона Раскольникова // Достоевский и современность: Тез. выступлений на «Старорусских чтениях». Новгород, 1988. С. 109—111), здесь имеется в виду одна из основных идей книги П.-Ж. Прудона «Война и мир» — ср.: «...la guerre, je ne crains pas de le dire, est éternelle. Salut à la guerre!» (Proudhon P. J. La Guerre et la paix. Paris, 1861. Т. 1. Р. 38); рус. пер.: «...я смело говорю, что война вечна. Слава войне!» (Прудон, Война и мир, 1864. Т. 1. С. 31). К своим заслугам Прудон относил взгляд на войну «в ее сокровенной мысли, в ее разуме, ее совести {...} ее высокой нравственности...» (Там же. С. 23—24). В журнале «Время» (см.: Нечаева, «Время». С. 186—189), в связи с полемикой вокруг книги Прудона, была помещена статья П. А. Бибикова «Феноменология войны. (La Guerre et la paix)» (1861. № 12) и очерк Евгении Тур «Шесть недель в гостях и дома» (1862. № 4); Достоевский снабдил статью Бибикова примечанием — см.: Акад. ПСС. Т. 19. С. 214, 353—354. О восприятии книги Прудона в России и откликах на нее см.: Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 499—516; Акад. ПСС. Т. 9. С. 444—445. Следы размышлений об этой книге запечатлелись в целом ряде творческих текстов Достоевского («Идиот», записная книжка 1872—1875 гг., «Дневник писателя» за 1876 и 1877 гг., записная тетрадь 1876—1877 гг.) — см.: Там же. Т. 21. С. 524; Т. 22. С. 302; Т. 24. С. 291, 452, 500; Т. 25. С. 394.

С. 224. ...до Нового Иерусалима, разумеется! — Образ Нового Иерусалима восходит к Апокалипсису («И увидел я новое небо и но-

вую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет...» — Откр. 21, 1—4). В книге Нового Завета, принадлежавшей Достоевскому, угол страницы с этими строками загнут и сделаны на ней отметки карандашом (см.: *Kjetsaa*. P. 78—79; *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 616; Т. 2. С. 465). См. также: Гал. 4, 24—26; Евр. 12, 22; Откр. 3, 12.

По учению сенсимонистов, вера в Новый Иерусалим означала веру в наступление нового земного рая — «золотого века» (см. в подготовительных материалах о мечтаниях героя, связанных с «золотым веком»: 7, 120 и 774—775). Это переосмысление христианского идеала в духе учений утопических социалистов 1830—1840-х годов было хорошо известно Достоевскому и другим петрашевцам (см.: *Przybylski R.* *Chrystologia Dostojewskiego // Slavia orientalis*. 1964. R. 13. № 1. S. 17—32; *Григорьев А. Л.* *Достоевский в современном зарубежном литературоведении (1945—1971): (Основные проблемы и направления в изучении его наследия) // РЛ*. 1972. № 1. С. 196; *Frank J.* *Dostoevsky: The Seeds of Revolt. 1821—1849*. Princeton University Press, 1976. P. 239—257; *Neuhäuser R.* *Das Frühwerk Dostojewskijs: Literarische Tradition und gesellschaftlicher Anspruch*. Heidelberg, 1979. S. 136—155; *Wett B.* «Neuer Mensch» und «Goldene Mittelmässigkeit»: F. M. Dostojewskijs Kritik am rationalistisch-utopischen Menschenbild. München, 1986). «...Зарождавшийся социализм, — писал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 г., — сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, согласно веку и цивилизации» (ДП. 1873. § 16 — *Акад. ПСС*. Т. 21. С. 130). Как «неохристианизм» сенсимонизм определялся в редактировавшемся Петрашевским втором выпуске «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. С. Кириллова (СПб., 1846. С. 239). Иден, близкие к «новому христианству» сенсимонистов, звучали и в стихах поэтов-петрашевцев Д. Д. Ахшарумова и А. Н. Плещеева. В рецензии Н. Д. Ахшарумова на «Преступление и наказание» говорилось: «Насчет того, что собственно Раскольников разумеет под *Новым Иерусалимом*, сомнения нет. Это тот новый порядок жизни, к которому клонятся все стремления социалистов, порядок, в котором *всеобщее счастье* может осуществиться, и Раскольников готов верить в возможность такого порядка, по крайней мере он не оспаривает его возможность» (*Ахшарумов*. С. 133—134). См. также: *Кирпотин, Разочарование Раскольникова*, 1986. С. 50—51.

О том, какое важное значение для Достоевского имел образ «нового Иерусалима», свидетельствует его незаконченная статья «Социа-

лизм и христианство» (1864), в которой он был противопоставлен тому идеальному обществу, которое социалисты преподносили в виде конечной цели мировой истории (в нем «все страшно будут богаты»). Достоевский усматривал в евангельском «новом граде» высший по красоте и поэтичности образ грядущей встречи человечества с Иисусом Христом: «...новый Иерусалим, объятия, зеленые ветви» (*Акад. ПСС*. Т. 20. С. 193); «зеленые ветви» здесь — это пальмовые ветви, срезанные для приветствия входящего в Иерусалим Христа (ср. упоминание о «зеленых ветвях» в том образе будущего братского единения народов, о котором говорит Анжольрас на баррикаде в романе Гюго «Отверженные»: *Гюго*. Т. 7. С. 27).

Порфирий Петрович спрашивает Раскольников: «Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?» — и слышит в ответ: «Верую». Однако Раскольников и Порфирий Петрович, по-видимому, говорят о разных идеях: для первого это образ будущего «земного рая» из какой-то социалистической системы, для другого — традиционный, опирающийся на церковное понимание евангельского Иерусалима как «надмирного града».

Об образе Нового Иерусалима в «Преступлении и наказании» см. также: *Новикова Е. Г.* Софийность русской прозы второй половины XIX века: Евангельский текст и художественный контекст. Томск, 1999. С. 104—108; *Тихомиров, 2005*. С. 244—248; *Тихомиров, 2007*.

С. 224. *И-и в воскресение Лазаря веруете?* — Имеется в виду глава 11 Евангелия от Иоанна, которую в части четвертой (гл. IV) читает Раскольникову Соня (см. ниже, с. 703, коммент. к с. 279). В первоначальных планах романа разговор о воскрешении Лазаря герой вел со Свидригайловым (7, 211).

С. 224. *...чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль, знаки ~ клеймы там, что ли, какие?..* — Возможно, намек на предания о чудесном появлении на свет героев, мифологических и исторических, отмеченных особыми знаками (см.: *Тихомиров, 2005*. С. 248—249).

С. 227. *Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца.* — Ср. высказывание Достоевского в «Зимних заметках...» о герое «Отцов и детей» — «беспокойный и тоскующий Базаров (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (5, 67). Базаров, с его тоской, вечным беспокойством и неудовлетворенностью, был не безразличен Достоевскому в период раздумий над образом Раскольникова — другом варианте «несчастливого» нигилиста, изображенного «не как жалкое и дикое явление, а в трагическом виде, как искажение души, сопровождаемое жестоким страданием» (*Страхов Н. Н.* Наша изящная словесность: «Преступление и наказание» // *ОЗ*. 1867. Т. 17. № 3. С. 331). О соотношении образов Базарова и Раскольникова см.: *Бялый Г. А.* О психологической манере Тургенева: (Тургенев и Достоевский) // *РЛ*. 1968. № 4. С. 34—50. Выражение «широкое сознание (понимание)», типичное для ра-

дикальной журналистики, могло запомниться Достоевскому по одному из мест в статье Н. А. Добролюбова «Забитые люди» (1861), где говорилось о «людях, потерявших широкое сознание своего человеческого права» (Добролюбов. Т. 7. С. 247).

С. 227. *Истинно великие люди ~ должны ощущать на свете великую грусть...* — Идея, прослеживающаяся в трудах Карлейля, в частности в главе о Мартине Лютере его книги «Герои, почитание героев и героическое в истории» (см.: Костикова И. В. Философско-социологические взгляды Томаса Карлейля. С. 28—29). См. также указание на сходное высказывание у Фурье: Гус. С. 312; Акад. ПСС. Т. 7. С. 381.

С. 228. *...кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?* — Об отражении в «Преступлении и наказании» строк «Евгения Онегина» («Мы все глядим в Наполеоны...» и след.) см. во вступительной статье: 7, 499, а также: Храмова Л. В., Михнюкевич В. А. Наполеон // Д, Словарь-справочник, 1997. С. 100—102.

С. 230. *...с досады прорвался.* — Прорываться (прорваться) — внезапно обнаруживаться, нечаянно, невольно проявляться. Ср. в «Губернских очерках» («Первый шаг», 1857) Салтыкова-Щедрина: «...как бы не прорваться нам на этом деле!» (Салтыков-Щедрин. Т. 2. С. 459).

С. 230. *Кварташки* (от «квартальный надзиратель») — полицейские.

С. 230. *...тридцать градусов Реомюра...* — Т. е. 37,5° по шкале Цельсия.

С. 230—231. *...раскидал бы на все стороны десятка два плюх ~ тем бы и покончил.* — Ср. запись № 119 в СТ (4, 272).

С. 233. *Дворник ~ указывал прямо на него какому-то невысокому человеку ~ в чем-то вроде халата ~ походившему издали на бабу.* и след. — Описание мещанина связано реминисценциями с Плюшкиным в «Мертвых душах» Гоголя; см.: Назиров, 1976. С. 93—94.

С. 234. *...колокольня В-й церкви...* — Церковь Вознесения Господня (Вознесенская) находилась у Вознесенского моста, на углу Вознесенского проспекта и набережной Екатерининского канала.

С. 234. *Не замай...* — Не трогай, не тревожь.

С. 235. *...настоящий властелин, кому всё разрешается, громит Тулон...* — Тулон — город на юге Франции, где произошло первое сражение, выигранное еще неизвестным в то время Наполеоном Бонапартом 17 декабря 1793 г. За взятие Тулона и разгром роялистов Наполеон получил чин бригадного генерала. Раскольников перечисляет мысленно здесь и далее основные этапы карьеры Наполеона.

Во Франции после переворота 1851 г. и прихода к власти императора Наполеона III начался взлет бонапартистской историографии и наполеоновского культа: были напечатаны многотомные издания документов, связанных с жизнью Наполеона I и его семьи, издавались

биографии и исторические сочинения о «великом полководце». В 1860-х годах бонапартистская историография развивалась уже в условиях жесткой оппозиционной критики. См.: Бендрикова Л. А. Французская историография революции 1848—1849 гг. во Франции (1848—1968). М., 1969. С. 119—120.

С. 235. ...делает резню в Париже... — 5 октября 1795 г. Наполеон разгромил в Париже восстание роялистов, пустив для этого в ход артиллерию. По описанию историков, папёрть церкви Св. Роха, где произошла битва, была залита кровью и усеяна сотнями трупов. Ср. об этом же событии: *Прав, прав „пророк“, когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошю батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и обьясниться!* (6, 236).

С. 235. ...з а б ы в а е т армию в Египте... — В 1799 г. Наполеон оставил в Египте армию, которой он командовал, и тайно уехал во Францию с намерением низвергнуть Директорию и овладеть верховной властью. «Армия осталась в чужой земле, когда столь потребна была ее помощь ея отечеству, — писал об этом в статье, которую мог читать молодой Достоевский, Н. А. Полевой, — флот был уничтожен; главнокомандующий возвращался украдкой — почти один» (*Полевой Н. Поход Наполеона в Египет // БдЧт. 1844. Т. 67. № 11. Отд. III. С. 66*).

С. 235. ...т р а т и т полмиллиона людей в московском походе... — «Из пятисот тысяч человек и бесчисленной артиллерии, переходивших в августе (1812 г.) через реку (Неман), — писал Шатобриан, — воротилось в Ковно не больше как тысяча человек регулярной пехоты, несколько пушек, да тысячи три несчастных, покрытых ранами. (...) Франция могла сказать Бонапарту: „Куда девал ты, в один поход, пятьсот тысяч солдат, моих детей и союзников? Они погибли!“» (*Шатобриан Ф. Р. Замогильные записки. 1768—1813. СПб., 1851. [Т. 6.] С. 35—36; у Достоевского было французское издание записок — см.: Библиотека. С. 215—216*). По мнению В. И. Мельника, слово «тратил» в рассуждениях Раскольникова восходило к историческим рассказам о Наполеоне (*Мельник В. И. К теме: Раскольников и Наполеон // Д, Материалы и исследования. Т. 6. С. 230—231*) — ср.: «Во время пребывания Наполеона в Дрездене (...) король саксонский в разговоре с ним заметил, что предстоящая кампания (в России) будет стоить множества людей. „Вероятно, — отвечал деспот, — но я могу ежемесячно тратить (dépenser) двадцать пять тысяч человек!“» (*СО. 1813. Ч. 3. № 8. С. 97*); см. также о Наполеоне, «тратившем по десять тысяч человек в сутки», в изд.: *Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов: В 4 т. СПб., 1837. Т. 1. С. 287*. Само выражение «тратить людей» было весьма распространенным — см., например: «Пан Ходкевич, предводитель Сигизмундова войска в Ливонии, убеждал наших воевод не тратить людей в бесполезных сшибках» (*Карамзин Н. М. История государства Российского. 3-е изд. СПб., 1831. Т. 9. С. 39; см.: Библиотека. С. 139—140*); в «Истории Пугачева» (1833) Пушкина:

«Не стану тратить людей <...> выморю город мором» (Пушкин. Т. 9, кн. 1. С. 25).

С. 235. ...отделяется каламбуром в Вильне... — Имеются в виду известные слова Наполеона: «От великого до смешного один шаг» (см.: Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 344; Стендаль. Жизнь Наполеона // Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 11. С. 137); восходят к крылатому выражению Ж.-Ф. Мармонталя «Вообще смешное соприкасается с великим».

С. 235. «Наполеон, пирамиды... — В Египте, возле Александрии, между селением Эмбабе и пирамидами, произошло в 1798 г. сражение французской армии с мамлюками. В начале битвы Наполеоном были произнесены известные слова, обращенные к его солдатам и ставшие крылатой фразой: «С высоты сих пирамид сорок веков взирают на вас!!!» (Экспедиция французов в Египет: Из записок Наполеона, изданных после его смерти французскими генералами, участвовавшими в сей экспедиции / Пер. с фр. М., 1832. С. 105).

С. 235. Ватерлоо — при местечке Ватерлоо в Бельгии 18 июня 1815 г. произошло последнее сражение Наполеона с союзниками, в котором он потерпел поражение, после чего был сослан англичанами на остров Св. Елены.

С. 235. „Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастье... Ср. в подготовительных материалах: 7, 250: Работать будут машины. Хорошо бы хоть кирпичик. — Выражение «принести свой камень для здания будущего общества» («apporter sa pierre à l'Édifice Nouveau») встречается в различных вариациях в книгах ученика и пропагандиста учения Фурье французского социалиста-утописта В. Консидерана (1808—1893) (указано: 1957. С. 594) — см., например: *Considérant V*. 1) *Destinée sociale*. Paris, 1837. Т. 1. P. 3; 2) *Description du Phalanstère et considérations sociales sur l'Architectonique*. Paris, 1848. P. 23. Трехтомный труд Консидерана «Общественное назначение» («*Destinée sociale*», 1834—1844) Достоевский упомянул в романе «Бесы» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 10. С. 44—45; Т. 12. С. 290).

Идеи Консидерана были хорошо знакомы молодому Достоевскому (см.: Комарович В. А. Юность Достоевского // *Былое*. 1924. № 23. С. 5; Комарович, «*Мировая гармония*»). Имя Консидерана как «представителя фурьеристов» писатель назвал в своих показаниях следственной комиссии по делу петрашевцев (см.: Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 111; *Акад. ПСС*. Т. 18. С. 133). Учение Консидерана о свободных трудовых объединениях как основе будущего социалистического общества было близко кругу революционеров 1860-х годов (его читают герои романа Чернышевского «Что делать?»). В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский, говоря об истории революции 1848 года, упомянул о журналистской деятельности Консидерана (см. *ДП*. 1873. § 16 — Там же. Т. 21. С. 130, 456); о сюжетных параллелях в рассказе Достоевского «Сон смешного человека» (1877) и романе Консидерана «Судьба общества» (1834—1838) см.: Там же. Т. 25. С. 402—403.

Достоевский, увлекавшийся идеалами Фурье в юности, в 1860-е годы относился к ним скептически (см. в «Записках из подполья»: «...отсохни у меня рука, коль я хоть один кирпичик на такой капитальный дом принесу!» — 5, 135). О библейской аллюзии (строительство Вавилонской башни, для которой использовались именно кирпичи «вместо камней», — Быт. 11, 3) см.: 2008. С. 635, 639.

С. 236. ...не для своей, дескать, плоти и похоти предпринимаю, а имею в виду великолепную и приятную цель... — Ср.: «...тех, которые следуют плоти и ее скверным похотям...» (Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 383; Т. 2. С. 370); в синодальном переводе: «...тех, которые идут вслед скверных похотей плоти...» (2 Пет. 2, 10).

С. 236. ...О, как я понимаю „пророка“ ~ Велик Аллах, и повинуйся „дрожащая“ тварь! (Ср. с. 362: Тварь ли я дрожащая...) — Выражение «дрожащая тварь» восходит к первому стихотворению из цикла Пушкина «Подражания Корану» (1824):

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

(Пушкин. Т. 2, кн. 1. С. 352)

К «Подражаниям Корану» Достоевский обращается также в романе «Подросток» (Ч. 2. Гл. 1, IV; см.: Акад. ПСС. Т. 13. С. 175; Т. 17. С. 379) и Речи о Пушкине (см.: Там же. Т. 26. С. 146, 501).

Выражение «дрожащая тварь» является собственно пушкинским, в Коране его нет. По мнению С. Г. Бочарова, «Раскольников, пользуясь пушкинским словом, производит в нем семантический сдвиг богоборческого характера» (Бочаров С. Г. «Ты человечество презрел»: (Об одном сюжете русской литературы: Достоевский и Пушкин) // Про memoria: Памяти акад. Г. М. Фридендера (1915—1995). СПб., 2003. С. 94); см. также: Бем А. А. Достоевский — гениальный читатель // Вокруг Достоевского. Т. 1. С. 211; Борисова В. В. «Тварь дрожащая» // Д, Словарь-справочник, 1997. С. 118; Тихомиров, 2005. С. 262—263.

Со словом «тварь» связано важное для христианской церкви понятие «Божьего творения»; это церковнославянизм, сохранивший свои позиции в синодальном переводе Библии, — см., например: «...идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15). Любовь и послушание твари своему Творцу были важной темой проповеднической литературы; см., например, в «Размышлениях о Божественной Литургии» (1847) Гоголя: «Тоскующая тварь звала своего Творца» (Гоголь Н. В. Размышления о Божественной Литургии. СПб., 1857. С. 1). В радикальной журналистике складывается иная традиция, вызванная протестом против подавления человеческой личности. В статье «Черты для характеристики русского простонародья» (1860) Добролюбов писал об «исходном пункте {...} рассуждений»,

взывающих к покорности, который усматривался им в «отрицании личности в подчиненном существе, признании его за тварь, за вещь, для которой нет другого закона бытия, кроме произвола того, кому она подчинена...» (Добролюбов. Т. 6. С. 236; текст статьи с приведенной цитатой был восстановлен в издании сочинений Добролюбова 1862 г.). В подобного рода настроениях коренится исток ненависти Раскольникова к самой идее «дрожащей твари».

С. 236—238. Он забылся ~ а старушонка так вся и колыхалась от хохота. — Образ смеющейся старухи в сне Раскольникова созвучен пушкинским образам подмигивающей Германну в гробу старухи графини, а также карточной пиковой дамы (об отношении Достоевского к «Пиковой даме» см.: Бем, У истоков. С. 430—462; Иванов Вяч., 1987. С. 531—532; Евнин, 1959. С. 132; Бахтин, 1972. С. 288—290; Альтман. С. 47—55; Тмарченко Н. Д. Тема преступления у Пушкина, Гюго и Достоевского // Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов: Сб. науч. тр. Л., 1974. С. 32—40; Тихомиров, 2005. С. 266—267).

Достоевский высоко ценил повесть Пушкина. Он писал Ю. Ф. Абаза 15 июня 1880 г.: «Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал „Пиковую даму“ — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем, в конце повести, т. е. прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов» (Акад. ПСС. Т. 30, кн. 1. С. 192). Ср. в воспоминаниях М. А. Поливановой (9 июня 1880 г.): *Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 436—437.*

Сон Раскольникова в известной мере близок и сну героя «Последнего дня приговоренного к смерти» В. Гюго (в переводе М. М. Достоевского: Св. 1860. № 3. С. 152—154; ср.: Гюго. Т. 1. С. 282—283; см. выше, с. 641—642, коммент. к 6, 65). По мнению В. В. Виноградова, указавшего на эту параллель, в сне Раскольникова «легко отметить структурные части, общие со сном приговоренного к смерти (поиски по комнатам, вид гостиной, место в углу, за шкафом, где пряталась старушонка, деревянная неподвижность старушонки, разглядыванье, ее истязания)» (Виноградов В. В. Из биографии одного «неистового» произведения: «Последний день приговоренного к смерти» // Виноградов, Поэтика. С. 75; см. также: Тихомиров, 2005. С. 264—265).

Достоевскому была знакома и поэма английского поэта Т. Гуда (Hood; 1799—1845) «Сон Евгения Арама» (в переводе В. Д. Костомарова: РВ. 1862. № 6. С. 826—833), где рисуется сон убийцы и непреодолимая сила, влекущая его к месту совершенного им преступления. О переводах поэмы см.: Жаткин Д. Н. «The Dream of Eugene Aram the Murderer» Томаса Гуда в осмыслении М. Л. Михайлова, В. П. Буренина и В. Д. Костомарова (специфика творческих интерпретаций) // Гуманит. исследования. 2011. № 4 (44). С. 116—124.

С. 240. ...и я человек емь, et nihil humanum... — Перефразировка известных слов из комедии римского драматурга Теренция (ок. 185—159 до н. э.) «Самоистязатель», акт I, сц. I, ст. 25: «Homo sum, humani nil a me alienum puto» (Я человек, ничто человеческое мне не чуждо — лат.). Использовано Достоевским в «Братьях Карамазовых» в реплике чёрта — собеседника Ивана Карамазова (*Акад. ПСС*. Т. 15. С. 74). См. также: Березкина, 2015. С. 107.

С. 242. История ~ истоцилась до ижицы. — Ижица (v) — последняя буква славянской и дореволюционной русской азбуки (см.: «От азá до ижицы. Дошли до ижицы, кончили» — *Даль*. Т. 4. С. 683).

С. 242. ...несколько лет тому назад, еще во времена благодетельной гласности, осрамили у нас всенародно и вселитературно одного дворянина ~ вот еще немку-то отхлестал в вагоне ~ случаются иногда такие подстрекательные «немки» ~ С этой точки никто не посмотрел тогда на предмет, а между тем эта точка-то и есть настоящая гуманная... — В 1860 г. в газетах сообщалось о вышневолоцком помещике А. П. Козляинове, избившем в вагоне поезда пассажирку — рижанку. Поступок Козляинова возбудил в печати полемику, в которой принял участие и журнал Достоевских «Время»: «Безобразия же на свете немало, — писал на его страницах А. У. Порецкий. — Вот вы знаете историю г-на Козляинова с немкой; но проследили ли вы эту историю до конца? Читали ли, например, московского корреспондента в № 271 „Северной пчелы“ (за 1860 г.), где излагается дело в защиту и пользу г-на Козляинова, и потом опровержение этой защиты, помещенное Львом Камбеком в № 280 той же „Северной пчелы“?» (*Вр.* 1861. № 1. Внутр. новости. С. 10). «Защита» Козляинова (в корреспонденции «Из Москвы», подпись: —цкий) настаивала, что «подстрекательная» немка была «в не совсем трезвом виде и стала довольно неприлично обращаться к сестре г-на Козляинова. Он несколько раз просил эту женщину оставить его сестру в покое (...) выйдя из терпения, наконец ее ударил. (...) ужели в этом рассказе нет в пользу г-на Козляинова облегчительных обстоятельств...» (*СП.* 1860. 5 дек., № 271. С. 1155). По-видимому, «настоящая гуманная» точка зрения Свидригайлова на поступок «одного дворянина» с немкой восходит именно к этой публикации в «Северной пчеле» (см.: Тихомиров, 2005. С. 272—273). Когда вскоре в Ярославской губернии друтой помещик Н. Козляинов избил крестьянку А. Лукьянову, «Время», сообщая о безобразиях, творимых помещиками, и, в частности, о «геройском подвиге» Козляинова, вновь напоминало в обозрении А. Е. Разина: «...г-н Козляинов... (странное сближение звуков!.. Помните, читатель: железная дорога... вагон... немка)» (*Вр.* 1861. № 3. Отд. IV. С. 38). О журнальных выступлениях по поводу двух этих инцидентов и высказываниях во «Времени» в связи с «именной гласностью» см.: Коган, 1981. С. 432; *Акад. ПСС*. Т. 27. С. 135, 404—405.

А. У. Порецкий писал за пять лет до написания романа о времени «незнакомой нам гостьи, прозванной „благодетельной“ гласностью»

(Вр. 1861. № 1. Внутр. новости. С. 8). Именно в это время «стало возможным осмеивать некоторые лица или всем надоевшие, или злоупотребившие закон и власть, им предоставленную, или, наконец, такие, как, например, г-н Козляинов, которые нет-нет да и отдуют немку» ([Достоевский Ф. М. ?] Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г-на Панаева и «Нового поэта» // Вр. 1861. № 1. Отд. II. С. 53; *Акад. ПСС*. Т. 27. С. 135); ср. об эпизоде с Козляиновым в «современном предании» «Како-Вышневолоцкий рыцарь» Д. Д. Минаева: *Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека)*. СПб., 1864. С. 266—268; ср. на с. 344 в стихотворении «В вагоне»: «Не тревожили гласность наш девственный слух / И статейки в карательном тоне, / И Козляинов рыцарь могучей рукой / Бил проезжую немку в вагоне».

С. 242. Тогда еще ~ «Безобразный поступок „Века”» случился (ну, «Египетские-то ночи», чтение-то публичное, помните? — «Безобразный поступок „Века”» — так озаглавил свою нашумевшую статью горячий сторонник женской эмансипации М. Л. Михайлов (*СПбВ*. 1861. 3 марта, № 51. С. 274). В ней Михайлов осудил фельетон Камня Виногорова (псевдоним поэта и переводчика Петра И. Вейнберга) «Русские диковинки», появившийся в еженедельном журнале «Век» (1861. 22 февраля, № 8). Вейнберг обрушился здесь с нападениями на жену видного пермского чиновника Е. Э. Толмачеву, выступившую в Благородном собрании на литературно-музыкальном вечере с чтением стихов «Чертог сиял...» из «Египетских ночей» Пушкина. Публичное чтение эпизода о любовном вызове Клеопатры было оценено Вейнбергом как безнравственный поступок, свидетельствующий об истинных целях поборниц женской эмансипации. Статья Михайлова встретила поддержку Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова, М. А. Антоновича и др. Достоевский также принял участие в полемике с Вейнбергом.

Кроме статьи Н. Н. Страхова «Один поступок и несколько мнений г-на Камня Виногорова...» (Вр. 1861. № 3) в журнале «Время» были напечатаны две статьи самого Достоевского — «Образцы чистосердечия» и «Ответ „Русскому вестнику”» (Вр. 1861. № 3 и 5; см.: *Акад. ПСС*. Т. 19. С. 91—104, 119—139), где писатель заступился «за жестоко обиженную женщину», желая, по его словам, «показать, что не вся литература разделяет мнение обидчика» (Там же. С. 123): «Читать такое художественное произведение, как „Египетские ночи” Пушкина, вслух, в обществе, — писал он, — разумеется, несколько не стыдно, так же точно как не стыдно останавливаться в восторге перед Венерой Медицейской на выставке в зале (...) Но на женщину за это чтение восстанут. Женщине у нас нет еще таких прав» (Там же. С. 102). Достоевский сам любил декламировать стихи импровизатора из «Египетских ночей», восторженное истолкование которых он дал в статье «Ответ „Русскому вестнику”» (см. также в *Речи о Пушкине* (1880): Там же. Т. 26. С. 146, 501—502). О выступлениях Достоев-

ского в защиту Толмачевой и об его истолковании «Египетских ночей» см.: *Комарович В. Л. Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29/30. С. 36—48; Толмашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 417—418; Кирпотин В. Я. 1) Достоевский о «Египетских ночах» Пушкина // ВЛ. 1962. № 11. С. 111—121; 2) Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 97—103; *Акад. ПСС. Т. 19. С. 292—294, 300—303* (коммент. А. И. Батюто); *Благой. С. 550—552; Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006. С. 17—37.**

С. 242. *Черные-то глаза!* — В полемике о «Безобразном поступке „Века”» (см. предыдущий коммент.) не раз цитировались строки пермского корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей» (1861. 14 февраля, № 36), изображающие г-жу Толмачеву: «Большие глаза ее (...) то загорались, то меркли и погасали (...) всё лицо ее изменялось беспрестанно, принимая то нежно-страстное, то жгучее, то неумолимо-суровое, то горделиво-вызывающее (...) выражение...» (*Акад. ПСС. Т. 19. С. 97*). Выписывая это место из фельетона Виногорова, Достоевский во «Времени» выражал свое возмущение оскорбительными намеками фельетона.

Героиня скандала, Е. Э. Толмачева, осенью 1861 г. оставила мужа и с Е. Тиммерманом, автором той самой корреспонденции из Перми, уехала в Казань, а затем в Лондон, где посетила Герцена (см.: *Козан, 1973. С. 583—584, 590; Блюм А. Инцидент с «Египетскими ночами» // Рифей: Урал. лит.-краевед. сб. Челябинск, 1976. С. 149—158; Писарев, 2000. Т. 2. С. 442—445*).

С. 243. *...верно, дивитесь, что я такой складной человек?* — Складной — сговорчивый, покладистый (*БАС. Т. 13. С. 947*). Складным человеком Достоевский назвал себя в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I. § 1; *Акад. ПСС. Т. 22. С. 42*).

С. 243. *...нас ведь и крестьянская реформа обошла: леса да луга заливные, доход-то и не теряется...* — Т. е. в имении жены Свидригайлова было мало пахотной земли, которой наделялись выходившие из крепостной неволи крестьяне. После межевания сельские общины оказывались без выпасов и лесных угодий, оставшихся за помещиками (или же пользование ими, причем в недостаточных размерах, становилось для крестьян крайне затрудненным).

С. 244. *...этих клубов, Дюссотов...* — Свидригайлов говорит о петербургских собраниях (клубах), объединявших людей определенного круга для отдыха и развлечений, и ресторанах. Дюссо (*Dussot*) — владелец известного в Петербурге ресторана с французской кухней на Большой Морской улице, посещавшегося великосветской публикой и известного своей дороговизной. См.: *Михневич. Ч. 2. С. 486; Петерб. трактиры. По Указателю.*

С. 244. *...пуантов этих ваших...* — Пуант (фр. *pointe* — одно из значений: оконечность мыса, «стрелка») — место гуляний на Елагином острове, куда «многие, особенно из высшего света, ежедневно

приезжают любоваться летним закатом солнца» (Михневич. Ч. 1. С. 64). «Петербургский листок» постоянно печатал объявления о гуляньях в заведениях «Château de fleurs», «Русский семейный сад», «Элизиум», «Минеральные воды» Излера (см., например: ПЛ. 1865. 29 июля, № 112, и др.).

С. 244. ...гречонка один нежинский. — Популярная в русской периодике тема, связанная с привилегиями греческой диаспоры в Нежине. Ср. в хронике Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь» (сентябрь 1863): «...он малоросс и, в качестве угнетенной нации, вместе с остзейскими немцами, поляками, армянами, нежинскими греками и евреями, считает за долг надуть великорусов при всяком удобном случае; разница только в том, что остзейские немцы, армяне, нежинские греки и евреи надуют нас en gros (оптом — фр.), а поляки и малороссы, как братья по крови, en detail (в розницу — фр.)» (Салтыков-Щедрин. Т. 6. С. 138). См.: Березкина, 2015. С. 108.

С. 244. Я бы, может, теперь в экспедицию на Северный полюс поехал... — По сообщениям газет, в 1865 г. Королевским Географическим обществом в Лондоне готовилась экспедиция «для достижения и исследования Северного полюса земного шара» (СПбВ. 1865. 24 января (9 февраля), № 21. С. 3).

С. 244. ...говорят, Берг в воскресенье в Юсуповом саду на огромном шаре полетит... — Вильгельм Берг — владелец петербургских аттракционов, «известный Петербургу воздухоплаватель» (Г. 1865. 15 (27) апреля, № 103. С. 3). Имя его в середине 1860-х годов не сходило со страниц петербургских газет (см., например: Г. 1865. 29 апреля (11 мая), № 117; СПбВ. 1865. 8 (20) августа, № 203 (в фельетоне «Невского наблюдателя», о намерении Берга устроить зоологический сад в Юсуповом саду); ПЛ. 1865. 13 июля, № 103; 8 августа, № 117; Русский инвалид. 1865. 20 мая, № 158). Берг устраивал полеты на воздушном шаре под названием «Санкт-Петербург», с несколькими пассажирами. Об образе воздушного шара и воздухоплавателя, оторвавшегося от национальной почвы, у Достоевского см.: Акад. ПСС. Т. 19. С. 313 (примеч. к «Объявлению о подписке на журнал „Время“ на 1862 год»); Писарев, 2000. Т. 4. С. 300.

С. 245. ...верите вы в привидения? — В рецензии на книгу «Рассказы о темных предметах: о волшебстве, натуральной магии, обманах чувств, суевериях, фокусничестве, колдунах, ведьмах и т. п.» (Изд. М. С. Хотинским. СПб., 1861) говорилось: «Сколько (...) рассказывают о явлениях мертвецов, привидений... Всеми этому не может не верить человек, незнакомый с наукой. Между тем для образованного человека подобного рода вещи не более как субъективные иллюзии, галлюцинации»; «Нельзя отрицать и того, что могут быть и теперь неразгаданные явления, которые, по-видимому, указывают на существа другого, чем мы, рода. Но эти явления — неразгаданные, непонятные, следовательно, не могут быть основанием для заключения

рго или сонга мира сверхчувственного (...) настанет время, когда наука объяснит если не все, то весьма многие из фактов ныне непонятных» (Вр. 1861. № 8. Крит. обзор. С. 62, 63).

С. 246. ...похоронная служба, со святыми упокой, потом лития, закуска... — Имеются в виду церковное отпевание (с возгласом «со святыми упокой»), краткое молитвословие на могиле и поминки.

С. 246. ...забыли в столовой часы завести». А часы эти ~ каждую неделю сам заводил, а забуду — так всегда, бывало, напоминает. — Сходный сюжетный элемент присутствует в романе Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760—1767) (Т. 1. Гл. 1—3). См.: *Альтман. С. 253—254; Мошинская Р. П. «Верите ли вы в привидения?» // Нов. лит. обозрение. 1993. № 3. С. 202—203.*

С. 246. На другой день я уж еду сюда. — Между тем, что сообщает о смерти Марфы Петровны и ее похоронах, с одной стороны, сам Свидригайлов, а с другой — Пульхерия Александровна (см. на с. 6, 195 упоминание о том, что смерть ее пришлось на день, когда было отправлено к Раскольникову письмо матери, а также на с. 6, 124 отнесение Лужиным отправки этого письма к первым числам июля), разница, по-видимому, в несколько дней, что может составлять некоторое противоречие в хронологии романа (см. подробнее: *Тихомиров, 2005. С. 282*).

С. 247. Привидения ~ клочки и отрывки других миров ~ Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть ~ должен жить одною здешнею жизнью ~ Ну а чуть заболел ~ начинает сказываться возможность другого мира ~ когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир. — См. 7, 697 и 785—786, коммент. к 6, 245 и 7, 209—210. Ср. рассуждения Жуковского в статье «Нечто о привидениях» (1850): «В этой невозможности приобрести насчет их убеждение выражается для нас закон самого Создателя, который, поместив нас на земле, дабы мы к здешнему, а не к другому какому порядку принадлежали, отделил нас от другого мира таинственной завесою. Эта завеса непроницаема; она порою сама перед нами приподымается, чтобы мы знали, что за нею не пусто»; далее, об одном из чудесных явлений: «...пока в составе тела не было никакого расстройства, до тех пор эта скованная, совершенно подвластная телу душа ни в чем себя не проявляла (...) С развитием болезни и с постепенным приближением смерти, мало-помалу совершается освобождение души», которое приводит к возможности видеть в предсмертный час то, что называется привидением (*Жуковский В. А. Соч.: В 13 т. 5-е изд. СПб., 1857. Т. 11. С. 273—274, 282—283; указано: Тихомиров, 2005. С. 280*). По мнению В. А. Туниманова, на рассуждения Свидригайлова о привидениях оказало воздействие то впечатление, которое получил Достоевский, печатая в 1861 г. в журнале «Время» переводы рассказов Э. По (*Акад. ПСС. Т. 25. С. 399*).

С. 248. А что, если там одни пауки... — Ср. в подготовительных материалах: 7, 206, 208. Ассоциативная связь образа паука с

разложением, гибелью человеческой души, свойственная Достоевскому, неоднократно отмечалась исследователями — см.: *Акад. ПСС*. Т. 17. С. 386 (коммент. А. В. Архиповой к роману «Подросток»); 3, 657, а также: *Комарович В. Л.* Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина. С. 42—46; *Бем А. Л.* Перед лицом смерти: «Последний день приговоренного к казни» В. Гюго и «Идиот» Достоевского // *О Dostojevském*. С. 162—163; *Panichas C.* The Burden of Vision: Dostoevsky's Spiritual Art. Grand Rapids, Mich., 1977. P. 40; *Владимирцев В. П.* Бестиарий // *Д, Словарь-справочник*, 1997. С. 141; *Кори С.* Смерть в сюжетном построении романа «Идиот» // *Д, Материалы и исследования*. Т. 14. С. 132—133; *Евлампиев И. И.* Кириллов и Христос: Самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия // *Вопр. философии*. 1998. № 2. С. 21—22. О возможной связи образа паука в представлениях Свидригайлова с мотивами сказки В. Ф. Одоевского «Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жоко» («Пестрые сказки», 1833), см.: *Ветловская, «Хождение души»*, 2. С. 155—156. Образ «закоптелой комнатки, эдак вроде деревенской бани», к тому же полной разного рода насекомых, мог быть навеян воспоминаниями о «хате», в которой, по словам А. Е. Врангеля, жил в семипалатинской ссылке писатель (Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 1. С. 349—350; указано К. А. Барштом).

С. 251. ...и с шулерами уживался ~ и об Рафаэлевой Мадонне госпоже Прилуковой в альбом сумел написать ~ и в доме Вяземского на Сенной в старину ночевывал... — Ср. второй набросок «Страстные и бурные порывы»: «Непомерная и ненасытная жажда наслаждений. (...) Многообразие наслаждений и утолений. (...) Наслаждения Мадонной Рафаэля. Наслаждения кражей, наслаждения разбоем, наслаждения самоубийством» и т. п. (7, 6). Ср. также в «Братьях Карамазовых»: «...иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны...» (*Акад. ПСС*. Т. 14. С. 100). См.: *Heim Ch.* Die Gestalt Svidrigajlovs in Dostoevskijs Roman «Verbrechen und Strafe». Tübingen, 1978. (Skripten des Slavischen Seminars der Univ. Tübingen. № 16). См. также далее, с. 736, коммент. к 6, 415.

Дом Вяземского близ Сенной (в просторечии — «Вяземская лавра»), выходявший двумя большими флигелями на Обуховский (с 1878 г. Забалканский, ныне Московский) проспект и одним — на Фонтанку (см.: *Памятная книжка: Описание и адресные сведения о Петербурге*. СПб., 1880. С. 55), был ночлежкой обитателей петербургского «дна», средоточием трактирных заведений, кабаков и притонов. Вяземская лавра описана В. В. Крестовским в пятой части (опубл. 1866) романа «Петербургские трущобы» (см.: *Бурмистров*, 1977. С. 74); ср.: *Свешников Н. И.* Петербургские Вяземские трущобы и их обитатели: Оригинальный очерк с натуры. СПб., 1900 (автор был знаком с жизнью Вяземской лавры с конца 1850-х годов). Слова

«в доме Вяземского ночевывал» повторяется буквально в рассказе «Кроткая» (1876) (*Акад. ПСС. Т. 24. С. 19, 391*).

С. 255. ...некоторая Ресслих ~ мелкая процентщица... (Ср. с. 414: *А Ресслих эта шельма...*) — В черновых записях эта ростовщица, А. И. Рейслер (см. о ней: *Белов, Достоевский и его окружение. Т. 2. С. 145*), фигурирует под своей настоящей фамилией (7, 189, 191, 192, 201, 202). Выплачивая долги покойного брата, Достоевский должен был по векселям уплатить ей «капитал и проценты». Имя ее упоминается в его письмах, с характеристикой «эта шельма Рейслер» (письмо к П. А. Исаеву, 10 октября (22 октября) 1867 г. — *Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 229*; см. также: С. 184—185). В записной тетради 1864—1865 гг. (в том числе в «Подробном счете всем долгам») имя Рейслер указано среди тех, кому Достоевский должен был по срочным векселям с июля 1864 г. (*ЛН. Т. 83. С. 216, 218*).

С. 256. ...исчезнет опять в долговом отделении. — Имеются в виду особые (долговые) отделения, в которых содержались должники, причем за счет «кормовых денег» кредиторов, на срок не более пяти лет; отменены в России в 1879 г. См. о петербургском «доме Тарасова» в первой редакции: 7, 72 и коммент. к ней (7, 764).

С. 263. *Петр Петрович ~ иногда, наедине, любовался своим лицом в зеркале.* — Ср. в «Мертвых душах», о Чичикове: «Целый час был посвящен только на одно рассматривание лица в зеркале. (...) Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов, подмигнул бровью и губами и сделал кое-что даже языком; словом, мало ли чего не делаешь, оставшись один, чувствуя притом, что хорош...» (*Гоголь, 2001. Т. 7, кн. 1. С. 151—152*). С Чичиковым Достоевский сравнивал и П. А. Карепина, мужа сестры Варвары и опекуна Достоевских, возможного прототипа Лужина (см. выше, с. 626—627, коммент. к 6, 32, а также: *Акад. ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 98, 422*).

С. 267. ...будем трудиться ~ иные издания дают теперь славный процент ~ Будем и переводить, и издавать... — Издательские планы Разумихина напоминают издательские планы самого Достоевского в 1840-е годы, когда он с братом Михаилом задумывал издание сочинений Шиллера (см. письма Достоевского к нему, март—апрель и 30 сентября 1844 г., 16 ноября 1845 г. — Там же. С. 88—89, 99—101, 115—116; см. также: *Коган Г. Ф. Цензурная история «Дона Карлоса» в переводе М. М. Достоевского // Фридрих Шиллер: Статьи и материалы. М., 1966. С. 320—327*).

С. 269. ...Раскольников пошел прямо к дому на канаве, где жила Соня. — По-видимому, угловой дом по каналу Грибоедова (бывшему Екатерининскому) № 63 и Казначейской улице (бывшей Малой Мещанской) № 2 (см.: *Фонякова, Виды мест. С. 154*). Высказывалось мнение, что домом Сони Мармеладовой мог быть и другой, соседний дом № 61 (по набережной канала Грибоедова): в нем, в отличие от № 63, было три, а не два этажа, а кроме того на старых планах обнаруживается комната, как у Сони, в виде «весьма неправильного четырехугольника» (см.: *Батист, Федоренко. С. 196*). В этом

доме жил в 1861—1863 годах Достоевский с женой, а также семья его брата Михаила (см.: *Летопись*. Т. 1. С. 332; *Д, Материалы и исследования*. Т. 6. С. 287 (из воспоминаний М. Ф. Достоевского, внука того племянника писателя; публ. В. С. Нечаевой)). Эти два адреса опираются на указание в романе о местонахождении дома Сони Мармеладовой у «—ского моста» (6, 368), т. е. Банковского (впоследствии Демидова). Если же толковать криптоним как Вознесенский мост, то тогда правомочным оказывается адрес с другого конца Казначейской улицы, в глубокой излучине Екатерининского канала; современный адрес — по каналу Грибоедова № 73, по Казначейской улице № 13 (см.: *Анциферов, 1991*. С. 249—252; *Холишевников, 1976*. С. 390—391; *Саруханян*. С. 186; *Белов, Комментарий*. С. 174—175). О «доме Сони Мармеладовой» подробнее см.: *Тихомиров, 2005*. С. 222—223.

С. 272. *Она справедливости ищет... Она чистая. Она так верит, что во всем справедливость должна быть ~ как ребенок!* — Ср. высказывание Достоевского о своей первой жене Марии Дмитриевне в воспоминаниях В. В. Тимофеевой (Починковской): «...была это женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова — да! — и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок» (*Достоевский в воспоминаниях, 1990*. Т. 2. С. 161; о М. Д. Достоевской см. также выше, с. 614—615, коммент. к 6, 15—17). Екатерина на греческом означает «чистая».

С. 273. *...башмачки Полечке и Лене купить...* — Ранее младшая дочь Мармеладовой называлась в романе не Ленией, а Лидой (см. об этом вступительную статью: 7, 471).

С. 278. *Юродивая!* (С. 279: *...сходки с Лизаветой, и обе — юродивые. «Тут и сам станешь юродивым!»*) — Ср. в «Записках из Мертвого дома», где тема юродства также возникает в связи с чтением Священного Писания: «Его так и считали каким-то юродивым. Он был грамотный и весь последний год постоянно читал библию...» (4, 30). Об образе юродства в творчестве Достоевского как «выражения святости героев в миру» см.: *Иванов В. В. Юродивый герой; Алексеев А. А. Юродское; Исупов К. Г. Юродство // Д, Словарь-справочник, 1997*. С. 130—133. См. также ниже, с. 736, коммент. к 6, 415.

С. 278. *Это был Новый Завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете.* — Речь идет о переводе Нового Завета на русский язык, изданном Российским библейским обществом в 1823 г. Достоевский описывает экземпляр Евангелия, который был подарен ему в январе 1850 г. в Тобольске, на пересыльном дворе, женами декабристов П. Е. Анненковой, Ж. А. Муравьевой и Н. Д. Фонвизиной. «Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге.

Я читал ее иногда и читал другим», — писал об этом Достоевский в «Дневнике писателя» на 1873 г. (ДП. 1873. § 2 — Акад. ПСС. Т. 21. С. 12). О принадлежавшей ему книге говорилось в «Записках из Мертвого дома» (см.: 4, 58). «Новый Завет в русском переводе, исчерченный карандашом на полях и с отметками ногтем» (как и в экземпляре самого Достоевского), фигурирует в «Униженных и оскорбленных» (3, 196, 646). Экземпляр этот хранится: РГБ. Ф. 93.1.5 в.1 (см.: Описание. С. 271). Постраничное описание помет в нем Достоевского: *Kjetsaa*; факсимильное издание, с комментарием: *Евангелие Достоевского*. Т. 1—2; об истории книги подробнее см.: *Kjetsaa*. P. 5—17; *Захаров В. Н.* 1) Тобольск, 1850: Обретение книги // *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 643—646; 2) Достоевский и Евангелие // Там же. Т. 2. С. 5—35. Первые публикации многих маргиналий Достоевского в книге осуществлены в ЛП и затем в Акад. ПСС, в том числе в т. 7, коммент. Г. Ф. Коган (см. об этом: *Коган Г. Ф.* Вечное и текущее: (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // *Достоевский и мировая культура*. № 3. С. 28—29). Об особом значении того, что Новый Завет Соне приносит именно Лизавета, см.: *Мейер*. С. 324—325; *Томпсон Д. О.* Проблемы совести в «Преступлении и наказании» // *Евангельский текст*. Вып. 2. С. 363—373.

С. 278. *Где тут про Лазаря?* ~ в четвертом Евангелии... — Т. е. в Евангелии от Иоанна (11, 1—46).

С. 279. *...на седьмую версту, милости просим!* — Выражение «отправить на седьмую версту» значило признать кого-либо сумасшедшим, поместить в психиатрическую больницу (*Даль, Пословицы*. С. 443 с пометой: «петерб.»; *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2007. С. 78). См., например, в повести Т. Г. Шевченко «Художник» (1856; опубл. 1887): «Твой друг живет теперь в самой теплой квартире, на седьмой версте {...} он, недолго думавши, спятил с ума...» (*Шевченко Т. Г.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1965. Т. 4. С. 245). В Петербурге, где это выражение было весьма распространенным, оно относилось к больнице Всех Скорбящих Радости (в просторечии: Всех Скорбящих), находившейся на Петергофской дороге в 13 (а после переноса границы города на Обводный канал в 11) верстах (отсюда существование параллельных выражений: «на тринадцатую (одиннадцатую) версту»). Выражение «на седьмую версту» употреблено Достоевским еще раз в «Бесах» (*Акад. ПСС*. Т. 10. С. 276).

С. 279. *А в церкви не слышали?* — *Я... не ходил.* — О воскресении Лазаря читают в Лазареву субботу, в конце шестой недели Великого поста. Именно на этой неделе Горянчиков, главный персонаж «Записок из Мертвого дома», посещал со своей партией острожников церковь во время говения (4, 195).

С. 279. *А ты часто ходишь?* — *Н-нет,* — *прошптала Соня.* — Религиозная настроенность Сони имела существенное отличие от этой стороны жизни продажных женщин, о которой сообщалось в статистическом очерке: «Религиозность их выражается в исполнении

обрядной стороны; они ходят в церковь, ставят свечи, говеют, подают милостину и т. п. и вместе с тем принимают мужчин во время обедни, заутрени и т. д. Общий уровень религиозного развития у проституток чрезвычайно низок...» (Кузнецов, *Проституция в России*. С. 24). См. также далее, с. 787, коммент. к 7, 218.

С. 279. *Она Бога узрит*. — Имеется в виду следующее евангельское изречение: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8; ср.: Откр. 22, 4).

С. 279. «*Был же болен некто Лазарь, из Вифании...*» и след. — Начало гл. 11 Евангелия от Иоанна. В Новом Завете, принадлежавшем Достоевскому, текст этой главы размечен его рукой, цитируемые отрывки помечены различными значками (I, II и т. п.), отчеркиваниями на полях, подчеркиваниями, а также знаками NB; пометы (чернилами и карандашом) отражают подготовку текста для использования в романе (см.: Kjetsaa. P. 35—37; *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 247—250; Т. 2. С. 320—321). В произведении, однако, цитаты приводятся не по этому изданию, а по синодальному переводу, вышедшему в свет в 1860 г., с рядом отступлений, обнаруживающих, что первоначально в тексте цитировалось издание 1823 г. (см.: Тихомиров Б. Н. Достоевский цитирует Евангелие (Заметки текстолога) // *Д, Материалы и исследования*. Т. 13. С. 189—194).

В журнальном тексте значение истории Лазаря Четверодневного для судьбы героя обнаруживалось в словах Сони: «...Бог опять тебе жизни пошлет и воскресит тебя. Воскресил же чудом Лазаря, и тебя воскресит» (7, 392; ср. в подготовительных материалах: 7, 243). О прочитанном Соней Мармеладовой евангельском тексте, его символизме и месте в решении проблемы религиозно-нравственного воскресения героя см.: Мочульский. С. 251—252; *Гуардини*. С. 58—62; Cox R. L. *Between Earth and Heaven: Shakespeare, Dostoevsky and the Meaning of Christian Tragedy*. New York; Chicago; San Francisco, 1969. P. 140—163; Pease. P. 36—57; Müller L. *Dostojewskij: sein Leben — sein Werk — sein Vermächtnis*. München, 1982. S. 40—43; *Губиан*. С. 236—237; Шестопалова Г. А. «Всё замутилось! Где же обетованное...»: (Христианские идеи и символы в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // *Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века*. М., 1997. С. 127—136; Белов, *Комментарий*. С. 177—179; Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века... С. 114—127; Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф. М. Достоевского. М., 2001. С. 337—339; *Сальвестрони*. С. 35—46; Ivanits L. *The other Lazarus in «Crime and Punishment»* // *Russian Review*. 2002. Vol. 61. № 3. P. 341—357; *Caiteau J. La résurrection de Lazare dans «Crime et châtiment»* // *Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов*. СПб., 2011. Вып. 2. С. 11—20; Тихомиров, 2005. С. 294—297; и др.

С. 280. «*Иисус говорит ей ~ сын Божий, грядущий в мир*». — Ин. 11, 23—28. Стих «Я емь воскресение и жизнь» подчеркнут

Достоевским в его экземпляре Евангелия карандашом (он выделен особо в тексте романа). Стих «Верить ли сему?» выделен черными чернилами, стихи 25—27 отмечены двойным знаком NB. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 249.

С. 280. *Дочли до 32-го стиха.* — Т. е. до следующего текста Евангелия: «Мария же пришедши...». Весь отрывок от 32-го до 38-го стиха включительно помечен Достоевским в его экземпляре Евангелия значками III и IIII. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 249—250.

С. 281. «Иисус же, опять скорбя ~ ибо четыре дни, как он во гробе». — Ин. 11, 38—40. В Евангелии, принадлежавшем писателю, выделены карандашом слова: «Сестра умершего (...) как он во гробе». Весь текст от стиха 38 до середины 41-го («...где положен был умерший») отмечен значком IIII; дальнейший текст, от слов «Иисус же возвел очи...» (ст. 42—44), — значком V (каждый из боковых элементов этого значка дважды повторен — как значок III, но с соединением всех элементов в одной точке, внизу) и на полях знаком NB, с подчеркиванием этого текста (см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 250). Ср. в подготовительных материалах: 7, 237, 239, 243.

В ряде работ «четыре дни» Лазаря во гробе приравниваются к дням, проведенным Раскольниковым после убийства старухи-процентщицы, а также, символически, к четырем годам каторги Достоевского (см.: *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 386; *Альтман*. С. 45—46; *Белов, Комментарий*. С. 177—178; и др.). На ошибочность этих расчетов (приход Раскольникова к Соне пришелся на шестой день после убийства) указано: *Тихомиров, 2005*. С. 297—298. При чтении Соней выделено «четыре» как доказательство величайшего чуда, совершенного Иисусом Христом; курсив в цитатах из евангельского текста и далее связан со словами о воскрешении Лазаря, которые с особой значительностью произносятся героиней.

С. 281. *...приходит ко гробу.* — Ср.: «Иисус же (...) приходит ко гробу» (Ин. 11, 38). Поскольку «приходит» фигурирует в обоих, 1823 г. и синодальном, изданиях Нового Завета, было высказано предположение о возможной опечатке в тексте романа, причем во всех изданиях — в них фигурировало слово «проходит». См.: 1926. С. 475; *Тихомиров, 2005*. С. 295; *Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского*. Петрозаводск, 2009. Вып. 1. С. 55.

С. 281. *Огарок уже давно погасал...* — О присутствии Достоевскому «рембрандтовскому» освещению, усиливающим трагизм описываемых событий, см.: *Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Творчество Ф. М. Достоевского*. М., 1959. С. 411; *Рубанович А. Л. Пейзаж в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Тр. Иркут. ун-та. Иркутск, 1958 (обл. 1959)*. Т. 28. Сер. литературоведения и критики. Вып. 1. С. 91—105.

С. 284. *...за чтением вечной книги.* — В книге, принадлежавшей Достоевскому, слова «вечное Евангелие» (Откр. 14, 6) отмечены знаком NB и подчеркнуты (см.: *Kjetsaa*. P. 39; *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 604; Т. 2. С. 449).

С. 284. Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на Сенной... — Ср. в «Записках из подполья» слова героя к Лизе, проститутке, о ее будущем: «Перейдешь ты в другое место, потом в третье (...) доберешься наконец до Сенной. А там уж походя бить начнут...» (5, 179). В возможности для Сони, как это видится Раскольникову, жить «духом и разумом» (ср. его слова о себе: 6, 163: *Царство рассудка и света теперь...*) угадывается отголосок «позитивной религии» О. Конта, провозглашенной в его книге «Система позитивной политики, или Социологический трактат, учреждающий религию человечества» (1851—1854). Конт, глашатай принципа этического альтруизма, положенного в основу всей его религиозной системы, отводил в ней особое место культу Женщины. Дж. С. Милль, критично отзывавшийся о «Системе позитивной политики...» в своей работе «Утилитаризм» (1861), считал тем не менее, что Конт «неопровержимо доказал возможность употребить в пользу человечества психологическую силу и социальную действительность религии» (*Милль Дж. С. Рассуждения и исследования политические, философские и исторические: В 3 ч. СПб., 1864. Ч. 2. С. 340; ср. в другом переводе: Милль Дж. С. Утилитарианизм. — О свободе. СПб., 1866. С. 77*). В глазах Раскольникова «юродство» Сониной веры приобретало, по-видимому, некую будущность в свете идеалов «позитивной религии».

С. 285. ...ведь дети — образ Христов: «Сих есть царствие Божие». Он велел их чтить и любить, они будущее человечество... — Цитируется обращение Иисуса Христа к ученикам, не допуская к Нему детей: «...пустите детей приходиться ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10, 14; см. также: Мф. 19, 13—14; Лк. 18, 16). См. об этом: *Rousse W. W. Dostoevsky: Child and Man in His Works. New York, New York Univ. Press, 1968; Тихомиров Б. Н., Тихомирова Н. А. «Я бы удивился, если б в Евангелии была пропущена встреча Христа с детьми...» // «Педагогия» Ф. М. Достоевского. Коломна, 2003. С. 21—31; Евангелие Достоевского. Т. 2. С. 221.*

С. 285. Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. — О «дрожащей твари» см. выше, с. 692—693, коммент. к 6, 236. Образ «муравейника» как символ неприемлемой концепции общества будущего Достоевский уже использовал в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Записках из подполья» (см.: 5, 78, 92, 132, 472, 524). Встречается он и в статьях А. А. Григорьева («Лермонтов и его направление. Крайние грани развития отрицательного взгляда» — *Вр. 1862. № 10. Отд. II. С. 15—16*) и Н. Н. Страхова, цитировавшего «Микромегас» Вольтера («путешествие в наш маленький муравейник») в своей напумевшей в 1860-е годы статье «Жители планет» (*Вр. 1861. № 1. Отд. II. С. 23—24; см.: Акад. ПСС. Т. 20. С. 328*).

С муравейником, следуя за Вольтером и Лессингом (см. коммент. к «Зимним заметкам...»: 5, 472; здесь же о цитации Лессинга Чернышевским), сравнивал жизнь народов мира и французский романтик

Ш. Нодье в романе «Жан Сбогар» (1818). Имя героя этого романа Достоевский дважды упоминает в черновых записях к «Преступлению и наказанию» (7, 113, 190). «Есть от чего умереть от стыда, — пишет герой Нодье в записной книжке, — когда видишь, как народы бьются вокруг какой-нибудь идеи, словно муравьи из-за соломинки. (...) Покажите мне город, улей или муравейник, и я покажу вам рабство. Только лев и орел — короли, ибо они одиноки» (*Нодье Ш. Жан Сбогар* / Пер. В. Н. Карякина. Л., 1934. С. 189). См. с. 772—773, коммент. к 7, 113, а также: *Фридлендер*. С. 145. Как символ для обозначения общественного идеала социалистов-утопистов, с его рационалистическим и механическим характером, образ «муравейника» встречается в статьях Достоевского, в частности в полемике с Чернышевским и Салтыковым-Щедриным.

С. 286. ...вошел в дом — й части, в отделение пристава следственных дел... — Отделение, о котором идет речь, — это съезжий дом (управление) полицейской части города — Казанской (Офицерская ул., дом 28, близ Большого театра) или Спасской (Большая Садовая ул., дом 60, угол Большой Подьяческой) (см.: *Тихомиров*, 2005. С. 302, а также 7, 644—645, коммент. к 6, 82).

С. 288. ...многократное глупенькое повторение, что казенная квартира славная вещь... — Игра слов, основанная на отнесении выражения «казенная квартира», во-первых, к служебной квартире, а во-вторых — к тюрьме (см.: *Михельсон*. Т. 1. С. 391); см. замечание о «полупословице» на тему «казенной квартиры» в письме Достоевского 1844 г. (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 1. С. 93). В «Двойнике» «казенной квартирой» называется «сумасшедший дом» (1, 262). Указано: *Тихомиров*, 2005. С. 302—303.

С. 290. ...затрясусь, как гуммиластик... — Гуммиластик (лат. *gummi elasticum*, нем. *Gummielastikum*) — резинка, резина, каучук. В значении «резина» слово употреблено Достоевским в «Крокодиле» (5, 226). В наборной рукописи вместо «гуммиластик» было «губка» (7, 355).

С. 290. ...к тому же законченный человек, закоченелый человек-с, в семя пошл... — Ср. в хронике Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь» (ноябрь 1863): «Огурчик маленький, но уже сморщившийся, он успел отцвести не цветя и пошел в семена, еще сам находясь, так сказать, в зародыше. Ничему он не удивляется, ничему не радуется, потому что всё уж давно себе разрешил» (*Салтыков-Щедрин*. Т. 6. С. 165); см. также в статье из того же цикла за январь—февраль 1863 г. и в «Современных призраках» (1863; опубл. 1934) (Там же. С. 15, 382).

С. 291. ...статские, действительные статские и даже тайные советники... — Чиновники 5—3 классов по Табели о рангах.

С. 291. Вон реформа идет, и мы хоть в названии-то будем переименованы... — Речь идет о преобразовании следственного дела как части всей судебной реформы в России — см. выше, с. 643—644, коммент. к 6, 74, а также: *Васильев О. Л.* Система органов предвари-

тельного расследования в отечественном уголовном процессе // Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 2006. № 2. С. 43 (о пореформенных сложностях в проведении как дознания, так и предварительного следствия). В связи с ее осуществлением газеты были полны сообщений о предстоящих преобразованиях в суде (см., например: «Первая публичная лекция профессора Михайлова» о значении судебной реформы в России // ПЛ. 1865. 30 марта, № 47; Толки о новых судебных реформах в провинциях и юридические понятия крестьян // СПбВ. 1865. 17 февраля (1 марта), № 41; Осмотр судебных помещений за границею // СПбВ. 20 февраля (4 марта), № 44; Объявления об открытии бесплатных и срочных курсов стенографии ввиду предстоящих судебных и земских реформ // ПЛ. 1865. 7 февраля, № 20. Петерб. обозр.). Новые судебные уставы были утверждены в России 20 ноября 1864 г. (см. о них: СПбВ. 1865. 29 марта (10 апреля), № 79; 30 июля (11 августа), № 194; 31 июля (12 августа), № 195; об имевшихся в библиотеке Достоевского Судебных уставах 1864 г. (в изданиях 1870-х годов) см.: Библиотека. С. 192—193, 195). Статьи о предстоящей судебной реформе печатались и на страницах журнала «Эпоха» (например, статья П. Н. Ткачева «Быть или не быть сословию адвокатов» — Э. 1864. № 3). В печати широко обсуждалась деятельность будущих адвокатов и принципы судебного разбирательства — судить ли преступника на основании чувства человечности или на основании буквы закона (см.: Наши будущие адвокаты перед «Московскими ведомостями» // Колокол. 1865. 1 августа, № 201 — ответ на статью, напечатанную в МВед 22 июня 1865 г.). Судебные дела должны были отныне слушаться при открытых дверях, с участием присяжных и адвокатов. В газетах начали печататься отчеты о судебных разбирательствах и постоянная «юридическая летопись».

С. 293. *Говорят вон, в Севастополе, сейчас после Альмы...* — Во время Крымской войны (1853—1856) после неблагоприятной для русской армии битвы на реке Альме 8 сентября 1854 г. англо-французские войска начали осаду Севастополя, продолжавшуюся 11 месяцев.

С. 293. *...первую параллель открывают...* — «В военном искусстве параллелями наз(ываются) рвы, выкапываемые при осаде крепости {...} Параллелей закладывают обыкновенно три» (Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: (Справочный энциклопедический лексикон): В 3 т. / Сост. под ред. Ф. Г. Толля. СПб., 1864. Т. 3. С. 26).

С. 295. *Буффон* (фр. bouffon) — шут.

С. 295. *...как прежний австрийский гофкригсрат ~ на бумаге-то они и Наполеона разбили и в полон взяли ~ смотришь, генерал-то Мак и сдается со всей своей армией...* — Гофкригсрат (нем. Hofkriegsrat) — придворный военный совет, высшее военное учреждение в Австрии (до 1849 г.). Австрийский фельдмаршал Карл Мак (Mask; 1752—1828) в 1805 г. был окружен французскими войсками под Ульмом (австрийский город и крепость на Дунае), и его армия

сдалась в плен Наполеону. Эпизод появления Мака после поражения его армии в штабе Кутузова описан Толстым в романе «Война и мир» (Т. I. Ч. 2. Гл. III), начало которого («Тысяча восемьсот пятый год») появилось в печати в 1865—1866 г.; указанная глава романа Толстого была опубликована в «Русском вестнике» (1866. № 2).

В романе Кутузов зачитывает письмо австрийского эрцгерцога Фердинанда с планом разгрома Наполеона, заканчивающееся словами: «...мы (...) легко найдем возможность уготовить неприятелю участь, коей он заслуживает» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1930. Т. 9. С. 149). В словах Порфирия Петровича слышится непосредственное отражение описания событий под Ульмом в романе Толстого: насмешка Порфирия Петровича над «отвлеченными доводами рассудка» разительно перекликается с ироническим отношением Кутузова к расчетам австрийского гофкригсрата. См. об этом: Тамарченко Н. Д. Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра. М., 1997. С. 75—88.

С. 295. ...люблю военное дело ~ читать все эти военные реляции... — В 1860-е годы широко рекламировалась в газетах книга «Политическая и военная жизнь Наполеона, сочинение генерал-адъютанта барона Жюмини, переведенное с французского Н. Линдфорсом. Описание сражений» (СПб., 1844. 3-е изд.). Здесь излагались подробности сражений, описания расположения войск противников (с приложением 45 л. карт и планов), по ней можно было «судить о военных событиях». В книге Жюмини есть и карта военных действий близ Ульма с 10 по 14 октября 1805 г. (С. 12—14).

С. 300. ...фамилия теперь приехала... — Здесь «фамилия» употреблено в значении: семья (фр. famille).

С. 301. Комиссия — хлопоты, затруднения (перен.); порученье, наряд (Даль. Т. 2. С. 147).

С. 302. ...лжешь, полишинель проклятый! — Полишинель (фр. polichinelle) — шут, паяц, персонаж французского кукольного театра, имя которого стало нарицательным. Ср. отзыв Порфирия Петровича о том же самом разговоре с Раскольниковым: «Я тогда поглумился, но это для того, чтобы вас на дальнейшее вызвать» (6, 390). См. также в «Униженных и оскорбленных»: 3, 401.

С. 302. ...а потом и огорошить вдруг попами да депутатами... — Речь идет о священниках, призывавшихся для увещевания обвиняемых и свидетелей, а также для приведения к присяге, и понятых, которые представлялись на следствии от своих сословий. Ср. в подготовительных материалах: 7, 243, 246, 250.

С. 312. ...на всю эту дрянь, от Кнопа, да из английского магазина... — Лужин вспоминает о двух магазинах на Невском проспекте: «А la toilette», фирма «Кноп» («Галантерейные изделия из бронзы, фарфора и хрустала, туалетные и дорожные принадлежности, часы, ковры, косметические товары, игрушки и проч.») и английский магазин фирмы «Никольс-Плинке и К°» («Торговля заграничными галантерейными изделиями всякого рода, золотыми и серебряными ве-

щами, гаванскими сигарами, винами и проч.» (*Путеводитель*, 1865. С. 211—212, 191, 196; указано: *Тихомиров*, 2005. С. 313).

С. 313. *Пуше всего боялся он, вот уже несколько лет, обличения ~ два случая жестоко обличенных губернских довольно значительных лиц ~ Один случай кончился для обличенного лица как-то особенно скандально...* — По мнению Г. Ф. Коган (см.: *Коган*, 1981. С. 429—430), речь идет об отделе «Нам пишут» газеты «Искра», возглавлявшемся М. М. Стопановским, автором романа «Обличители» (1862). Попасть в отдел «Нам пишут» было хуже, чем попасть под суд, поскольку «оклеветанное и опозоренное (...) лицо не имеет никакой возможности ни оправдаться, ни зацелиться против возводимых на него обвинений», — сообщалось в донесении 1862 г. Александру II из Министерства народного просвещения, требовавшего закрытия этого отдела (*Быховский Н.* Из архива курочкинской «Искры» // *АН.* Т. 25—26. С. 608).

С. 314. *...до всех этих учений, мыслей, систем ~ ему никакого не было дела. У него была своя собственная цель ~ нельзя ли как-нибудь к ним поддаться...* — Вспоминая о людях типа Лукина, видный деятель народнического движения Н. К. Михайловский писал в 1873 г.: «...пришлые люди, подобрав наши краткие и ясные формулы (...) навесили на них всевозможные грязные поползновения, всяческую низость, всякое совсем не подходящее нравственное тряпье, подобранное ими на заднем дворе практической жизни» (*Михайловский Н. К.* Идеализм, идолопоклонство и реализм // *Полн. собр. соч.:* В 6 т. 4-е изд. СПб., 1909. Т. 4. С. 41).

«Мошенников в пакостников между ними бездна», — отмечал Достоевский в письме к М. Н. Каткову от 25 апреля 1866 г., имея в виду «попутчиков» нигилистов 1860-х годов. Основную же массу молодого поколения писатель в том же письме определял как людей честных, которые «беззаветно обратились в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы» (*Акад. ПСС.* Т. 28, кн. 2. С. 154). Подробнее см. во вступит. статье: 7, 483—485, а также с. 792, коммент. к с. 260.

С. 314. *Прикомандировался же он к прогрессу и к «молодым поколениям нашим» ~ чтобы мигом окарикатурить всё, чему они же иногда самым искренним образом служат.* — Ср. в рукописных набросках: «Да ведь это из глупеньких; есть гораздо умнее; по одному не судите...»; «Есть тысячи дураков, тупых, с изъяном. Этим мы взяли не брать» (7, 243, 287). Высказано предположение о воздействии на характеристику Лебезятникова портрета «вислоухих» нигилистов (публицистов «Русского слова») в хронике Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь» (март 1864) (*Тихомиров*, 2005. С. 314—315). Ср.: «...в слове „нигилизм“ обрели для себя какую-то тихую пристань, в которой можно отдыхать свободно, по временам делая набег в область ерунды (...) эти невинные существа отнюдь не должны считаться представителями какого бы то ни было поколения (...) они изображают собой тот паразитский, из угла в угол шата-

ющийся элемент, от которого, по несчастью, не может быть свободно никакое, даже самое лучшее дело» (*Салтыков-Щедрин*. Т. 6. С. 322). В мае 1863 г. появилась на страницах «Северной пчелы» статья Н. С. Лескова «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“», в которой также отделялись «настоящие нигилисты {...} от нигилиствующих», охарактеризованных как «дряңцо с пылью» (*Лесков*. Т. 10. С. 18, 22). См.: *Базанов В. Г.* Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941. С. 56—57.

С. 315. ...способствовать будущему и скорому устройству новой «коммуны»... — Под влиянием учения Фурье и романа «Что делать?» в Петербурге появились коммуны, основанные передовой молодежью. Самой известной была Знаменская коммуна, устроенная В. А. Слепцовым на Знаменской улице, в доме Бекмана, в 1863 г. По словам мемуаристики, Слепцов «задумал осуществить фаланстер Фурье {...} решил начать с простого городского общежития и потом постепенно превращать его в настоящий фаланстер» (*Жуковская Е. И.* Записки / Ред., предисл. К. И. Чуковского. Л., 1930. С. 156). В 1864 г. Знаменская коммуна распалась после нескольких месяцев существования, породив о себе множество негативных слухов (см.: *Базанов В. Г.* Из литературной полемики 60-х годов. С. 120—127). Она изображена в романах «Некуда» (1864) Н. С. Лескова и «Панургово стадо» (1869) В. В. Крестовского.

С. 315. ...где-нибудь в Мещанской улице... — Достоевский не имеет в виду конкретную существовавшую коммуны, а высказывает лишь предположение о возможности возникновения подобного объединения в одной из Мещанских улиц. Уже после выхода романа (*Тихомиров*, 2005. С. 319), в Средней Мещанской (ныне Гражданской) улице обосновалась коммуна, помещавшаяся до этого в Эртелевом переулке, № 4, в доме Хрущова. О ней см.: *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 389.

С. 315. ...или, например, не мешать Дунечке, если той, с первым же месяцем брака, вздумается завести любовника... — Рассуждения Лебезятникова о семейной жизни нацелены на изображение «новых людей» в романе Чернышевского «Что делать?», в частности на взаимоотношения между Верой Павловной, Лопуховым и Кирсановым. Интерес к этой коллизии оживила статья «Мыслящий пролетарият» (1865) Писарева, настаивавшего на правильности пути, который избирает муж, Лопухов, после того, как замечает склонность своей жены к Кирсанову, — во имя, как писал критик, «прямого и честного расчета»: «Лопухов знает, что сам не может составить счастья своей жены, стало быть, их семейная жизнь будет тягостна для обоих {...} может случиться, что Вера Павловна с горя влюбится в такого человека, который будет во всех отношениях хуже Кирсанова. Если же она полюбит Кирсанова, то тягостное положение будет разрушено к обоюдной выгоде Лопуховых...» (*Писарев*, 2000. Т. 8. С. 232). См. об этом: *Павлова И. Б.* Роль Писарева в разработке семейной темы в пореформенные годы // *Мир Д. И. Писарева*. М., 2000. Вып. 2: Исследования и материалы. С. 79—97.

Достоевский, обдумывая в 1864 г. опыт современных литераторов в жанре «нигилистического романа», отметил в своей записной книжке: «Его концепция — всегда одно и то же: муж с рогами, жена развратничает и потом опять возвращается. Дальше и больше этого они ничего не могли изобрести» (*Акад. ПСС*. Т. 20. С. 202). Эта оценка повлияла на периферийный характер семейной (и шире, женской) темы в «Преступлении и наказании».

С. 315. *Пятипроцентные билеты* — вид ценных бумаг с пятипроцентным годовым доходом.

С. 315. ...пересчитывал пачки кредиток и серий. — Кредитки — см. выше, с. 669, коммент. к б, 144. Серии — краткосрочные билеты Государственного казначейства, в 50 рублей серебром, с 4,32 % дохода, принимались казной при всех платежах (см.: *Петербургский календарь, 1867*. СПб., 1867. С. 172).

С. 317. ...когда она вышла из семьи ~ написала матери и отцу, что не хочет жить среди предрассудков и вступает в гражданский брак... — Брачное законодательство Российской империи зиждилось на церковных установлениях (именно их Лебезятников называет предрассудками). Целый ряд статей в Своде законов гражданских регламентировал семейную жизнь — вплоть до запрещения детям вступать в брак без согласия родителей и обязанности супругов жить вместе. Такого понятия, как «гражданский брак», законодательство России не знало. Гражданский брак не влек за собой никаких юридических последствий, а дети, рожденные в нем, признавались незаконнорожденными. Сама его идея появилась в России именно в 1860-е годы (см.: *Тишкин*. С. 54—55). «Никогда еще не было в России, — вспоминал Н. В. Шелгунов, — столько жен и мужей, живущих отдельно, сколько их явилось в шестидесятых (...) Вопрос о том, легальная или нелегальная у кого жена, стал невозможным, не имеющим смысла» (*Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 141). Тонкая, изощренная пропаганда гражданских союзов содержалась в выступлениях радикальных критиков и публицистов — см., например, в статье Д. И. Писарева «Стоячая вода» (1861): «Вот вам образчик общественной логики: выйти замуж за человека, которого не любишь, — не беда; отдаться любимому человеку — стыдно и грешно» (*Писарев, 2000*. Т. 3. С. 223). Консервативная печать с негодованием отвергала гражданский брак, считая его формой разврата, разрушительной для общественного устройства.

С. 318. *И если я когда сожалел, что у меня отец и мать умерли ~ Это что, какой-нибудь там «отрезанный ломоть», тьфу! Я бы им показал!* — См. в подготовительных материалах: 7, 238: *Мне очень жаль, что у меня нет отца. Отрезанный ломоть. Я воображаю, как бы я там.* По-видимому, намек на то, что Лебезятников «превозмог бы „самого Базарова“ в нигилистическом отношении к родителям» (*Тихомиров, 2005*. С. 321); ср. в «Отцах и детях» Тургенева слова матери Базарова о сыне, мужу: «Что делать, Вася! Сын — отрезанный ломоть» (*Тургенев, Сочинения*. Т. 8. С. 334).

С. 318. *Что же касается до Софьи Семеновны ~ смотрю на ее действия как на энергический и олицетворенный протест против устройства общества и глубоко уважаю ее за это...* — Высказывание Лебезятникова передает общий настрой публицистов и критиков, выступавших с связи с женским вопросом в «Современнике» и «Русском слове». См.: Тишкин. С. 66; Siegel G. The fallen woman in nineteenth century Russian literature // Harvard Slavic Studies. 1970. Vol. 5. P. 81—107; Моравцевич N. The romantization of the prostitute in Dostoevskij's fiction // The Image of the Prostitute in Modern Literature. New York, F. Ungar, 1984. P. 53—61.

С. 318. *В коммуне таких ролей нет. Коммуна и устраивается для того, чтобы таких ролей не было.* — Отголосок тех слухов, которые ходили вокруг коммун, в частности Знаменской (см. выше, с. 710, коммент. к 6, 315), о царящей в них «свободной любви» (см., например: Успенский Н. В. Из прошлого: Воспоминания. М., 1889. С. 118, 122, 128).

С. 318. *Всё зависит, в какой обстановке и в какой среде человек. Всё от среды, а сам человек есть ничто.* — Ср.: «...человек есть ни что иное как животный организм, животный же организм зависит от тысячи физических условий как в самом себе, так и в окружающей среде, следовательно, человек — раб своего тела и внешней природы» (Зайцев. С. 24). Публицисты, полемизировавшие с радикальными журналистами, не отрицали обусловленность человека «средой», но делали акцент на глубинных связях человека с тем, что его окружает, отодвигая в сторону его «животный организм»; см., например, в статье Каткова «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева»: «Человека в отдельности нет; человек везде есть часть какой-нибудь живой связи, какой-нибудь общественной организации; везде он связан с другими людьми, и везде его жизнь и образование обуславливаются окружающею средою. Человек, взятый отдельно от среды, есть не более как фикция или отвлеченность» (РВ. 1862. № 7. С. 411). См. также выше, с. 680, коммент. к 6, 219.

С. 319. *Мы пошли дальше в своих убеждениях. Мы большие отрицаем! Если бы встал из гроба Добролюбов, я бы с ним поспорил. А уж Белинского закатал бы!* — Намек на критику Добролюбова на страницах журнала «Русское слово» в 1864 г., развернувшуюся в статьях В. А. Зайцева («Белинский и Добролюбов») и Д. И. Писарева («Мотивы русской драмы»). «Если бы Белинский и Добролюбов, — говорилось в статье «Нерешенный вопрос» («Реалисты», 1864), — поговорили между собой с глазу на глаз, с полною откровенностью, то они разошлись бы между собой на очень многих пунктах. А если бы мы поговорили таким же образом с Добролюбовым, то мы не сошлись бы с ним почти ни на одном пункте. (...) самые идеи Белинского уже не годятся для нашего времени» (Писарев, 2000. Т. 6. С. 250; эти слова Писарева процитировал Н. И. Соловьев в статье «Теория пользы и выгоды» — см.: Э. 1864. № 11. С. 10). В 1865 г., в июньском номере журнала «Русское слово», Писарев писал в статье

«Пушкин и Белинский» об ошибках критика, настаивая: «Если бы Белинский дожил до наших времен, то он принужден был бы сознаться...»; «Если бы Белинский задал себе эти вопросы, то он немедленно сообразил бы...» (Писарев, 2000. Т. 7. С. 208, 252). К критике Добролюбова Писарев еще раз вернулся в статье «Посмотрим!», напечатанной в сентябре 1865 г. См. об этом: Там же. Т. 5. С. 417—419 (коммент. Г. Г. Елизаветиной и А. И. Володина).

С. 320. Она великолепно, например, поняла вопрос о целовании рук ~ мужчина оскорбляет женщину неравенством, если целует у ней руку. — Намек на рассуждение Веры Павловны в романе «Что делать?»: «...не надобно мужчинам целовать рук у женщин. Это, мой милый, должно бы быть очень обидно для женщин; это значит, что их не считают такими же людьми...» (Чернышевский, 1975. С. 97).

С. 320. Об ассоциациях рабочих во Франции она тоже слушала внимательно. — В 1864 г. в «Современнике» печаталась статья Ю. Г. Жуковского «Историческое развитие вопроса о рабочих ассоциациях во Франции». «Ни одна из рабочих ассоциаций, основанная в Париже (...) — писал Жуковский, — не походила на обыкновенное торговое общество. (...) Одна из них (...) проводила принцип братства», другие «обязывались (...) оказывать взаимное уважение к слабостям других (...) поддерживать больных (...) помогать вдовам и сиротам...» (С. 1864. № 6. С. 407). Аналогичными принципами руководствовалась Вера Павловна в романе «Что делать?».

В 1865 г. вышел также русский перевод книги Э. Пфейффера «Об ассоциации. Настоящее положение рабочего сословия и чем оно должно быть» (на обл.: 1866). Здесь находим специальную главу «Ассоциация рабочих во Франции». «Современник» приветствовал появление этой книги, популяризовавшей идею «кооперативного труда и ассоциаций» (С. 1866. № 1. С. 65—69). См. также: 5, 361, 556.

В «Дневнике писателя» за 1876 г., говоря о демографическом спаде в Европе и «детских секретах», с ним связанных, Достоевский вновь, как и в рассуждениях Лебезятникова, соединил «рабочие ассоциации» с проблемой свободной любви, заметив: «...пролетарии, восемь, десять, а пожалуй, и все двенадцать миллионов пролетариев, людей некрещеных и невенчанных» живут «вместо брака, в „разумных ассоциациях“, для „избежания тирании“» (ДП. 1876. Июль—август. Гл. 4. § 3 — Акад. ПСС. Т. 23. С. 94). Возможно, этот уклон имела тема ассоциаций в разговорах Лебезятникова с Соней.

С. 320. Теперь я толкую ей вопрос свободного входа в комнаты в будущем обществе. — Ср.: «...у нас будут две комнаты, твоя и моя, и третья, в которой мы будем пить чай, обедать, принимать гостей (...) я в твою комнату не смею входить, чтоб не надоедать тебе (...) Ты в мою также» (Чернышевский, 1975. С. 94; см. об этом: Гроссман, Город и люди. С. 19). О том, что проблема «свободного входа в комнаты» обсуждалась в дискуссиях того времени, свидетельствуют воспоминания А. А. Фета, писавшего о встрече в начале 1864 г. с М. Е. Салтыковым-Щедриным и его рассказе о Знаменской

коммуне: «...вошедший стал бойко расхваливать Тургеневу успех недавно возникших фаланстеров, где мужчины и женщины в свободном сожителестве приносят результаты трудов своих в общий склад, причем каждый и каждая имеют право, входя в комнату другого, читать его книги, письма и брать его вещи и деньги» (*Фет А. А. Воспоминания*: В 3 т. [М.], 1992. Т. 1. С. 367—368; см. об этом эпизоде в воспоминаниях Н. К. Михайловского: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 138—139).

С. 320. *Я первый, я, готов вычистить какие хотите помойные ямы! Тут даже нет никакого самопожертвования!* — Лебезятников намекает на «когорту самоотверженных» (подростков), которым предназначалась в будущем гармоническом обществе (фаланстере) самая грязная работа (см. главу «О маленьких ордах» в книге Фурье «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти» (1830): *Фурье Ш.* Избр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 412—425). Салтыков-Щедрин в хронике «Наша общественная жизнь» (март 1864) относил идею создания подобной «когорты» к «сочиненным и только портящим дело подробностям» теории Фурье, привлекающим особое внимание «вислоухих» (*Салтыков-Щедрин*. Т. 6. С. 324; указано: *Тихомиров, 2005*. С. 324—325).

С. 320. *...выше, например, деятельность какого-нибудь Рафаэля или Пушкина, потому что полезнее!* — Лебезятников пересказывает здесь полемические высказывания критиков журнала «Русское слово» — В. А. Зайцева и Д. И. Писарева, боровшихся с идеями «чистой» науки и «чистого» искусства и требовавших от науки и искусства практической пользы для общества. Против них была направлена статья Н. И. Соловьева «Теория безобразия», помещенная в журнале «Эпоха» (Э. 1864. № 7). «...Главная, основная идея его совершенно разделяется нами», — отмечал Достоевский в редакционном примечании к ней (*Акад. ПСС*. Т. 20. С. 228). См. также статьи Соловьева «Теория пользы и выгоды», «Бесплодная плодovitость» и «Разлад (Критика критики)» (Э. 1864. № 11, 12; 1865. № 2). В последней из них автор высмеивал тех, кто считает, что сапоги даже лучше Пушкина. Ср. в подготовительных материалах: *...я, знаете, люблю этот реализм новейшего поколения, нет этих романтизированных, сапожник и Пушкин...* (см.: 7, 185 и коммент. на с. 778).

Слова Лебезятникова напоминали о высказываниях тургеневского Базарова: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта»; «Рафаэль гроша медного не стоит...» (*Тургенев, Сочинения*. Т. 8. С. 219, 247), а также Зайцева в рецензии «Юлиан Шмидт. История французской литературы» (1864): «...пора понять, что всякий ремесленник настолько же полезнее любого поэта, насколько всякое положительное число, как бы мало ни было, больше нуля» (*Зайцев*. С. 216; см. об этом: *Акад. ПСС*. Т. 12. С. 311—312; Т. 20. С. 152, 192—193). О публицистах «Русского слова» Достоевский-пародист писал в 1864 г. в статье «Господин Щедрин, или Раскол в ни-

гилистах» («...сапоги во всяком случае лучше Пушкина, потому что без Пушкина очень можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись...» — *Акад. ПСС*. Т. 20. С. 109) и в подготовительных материалах к «Крокодилу» («Немец, показывая крокодила, вносит цивилизующие начала и несравненно полезнее Рафаэля» — 5, 364). См. об этом: *Елизаветина Г. Г.* Писарев-критик: Испытание эстетикой. М., 1999. С. 49—96.

С. 320. *Всё, что полезно человечеству, то и благородно! Я понимаю только одно слово: полезное!* — Намек на высказывания Писарева, а отчасти и Чернышевского, заявлявшего в своей работе «Антропологический принцип в философии»: «...только то, что полезно для человека вообще, признается за истинное добро» (*Чернышевский*. Т. 7. С. 288).

В статье «Реалисты» Писарев писал о подлинном смысле понятия «польза» в устах революционных демократов начала 1860-х годов: «Реалисты, построившие всю свою жизнь на идее общей пользы и разумного труда, относятся презрительно и враждебно ко всему, что разъединяет человеческие интересы, и ко всему, что отвлекает человека от общепользующей деятельности»; и далее: «...слово „польза“ мы принимаем совсем не в том узком смысле, в каком его навязывают нам наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говорим поэту: „шей сапоги“, или историку: „пеки кулебяки“, но мы требуем непременно, чтобы поэт, как поэт, и историк, как историк, приносили, каждый в своей специальности, действительную пользу» (*Писарев*, 2000. Т. 6. С. 298, 307).

С. 322. *Серые и радужные кредитки* — пятидесяти- и сторублевые кредитные билеты (см. выше, с. 669, коммент. к с. 6, 144).

С. 323. *...устроить в ее пользу подписку...* — Имеется в виду благотворительный сбор средств.

С. 324. *...не могу сочувствовать ~ частной благотворительности, потому что она не только не искореняет зла радикально, но даже питает его еще более...* (Ср. с. 345: *...отрицаю частную благотворительность, ничего не исцеляющую...*) — См. выше, с. 611—612, коммент. к 6, 15, а также далее, с. 793, коммент. к 7, 326.

С. 325. *...вопрос о детях разрешится иначе. Некоторые даже совершенно отрицают детей, как всякий намек на семью.* — Мысль о последствиях для женщин отношений, внедрявшихся «эмансипаторами», проходит через напечатанные в «Эпохе» статьи Н. И. Соловьева «Теория безобразия», «Теория пользы и выгоды» и «Женщинам» (Э. 1864. № 7, 11, 12; язвительный отклик на последнюю из них прозвучал в статье Писарева «Прогулка по садам российской словесности» (РСл. 1865. № 3) — см.: *Писарев*, 2000. Т. 7. С. 168—171). Уже в первой из этих статей Соловьев, врач по профессии, отмечал, что герои в романах, написанных с «современной целью», всегда бездетны. В статье «Женщинам» он дал разбор любовной коллизии романа «Что делать?», указав на своекорыстие тех, кто ее проповедует. См. примечания Достоевского к статье Соловьева «Теория пользы и выгоды»:

Акад. ПСС. Т. 20. С. 231—232, 423. Своеобразие подходов к решению проблемы детей в произведении Чернышевского отмечалось и в других отзывах на него, например, в статье Н. С. Лескова «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“» (1863).

В воспоминаниях Фета приведен рассказ Салтыкова-Щедрина об отношениях в Знаменской коммуне (см. о ней выше, с. 710, 712 и 713—714, коммент. к 6, 315, 318 и 320), вызвавший со стороны Тургенева вопрос: «Ну, а какая же участь ожидает детей? — Детей не полагается, — отвечал Щедрин» (Фет А. А. Воспоминания. Т. 1. С. 368; см.: Рейсер С. А. Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // Чернышевский, 1975. С. 808). Отвечая на выступления русских литераторов по поводу последствий эмансипации для женщин в среде нигилистов, Писарев неизменно переносил акцент на женское самосознание, а также на жизненный выбор, который женщина делает самостоятельно — в соответствии со своим развитием (см., например, в статье «Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби» (1864): Писарев, 2000. Т. 6. С. 180—185).

С. 325. *...займемся рогами! ~ Это скверно, гусарское, пушкинское выражение...* — Здесь мог подразумеваться один из стихотворных текстов Пушкина: «Куплеты на слова „С позволения сказать“» (написано совместно с А. А. Дельвигом или А. Д. Иличевским; опубл. 1863, в «Современнике», в качестве стихотворения Пушкина); «У Клариссы денег мало...» (1822); «Евгений Онегин», гл. 1, XII; и др.

С. 325. *«Друг мой, до сих пор я только любил тебя, теперь же я тебя уважаю, потому что ты сумела протестовать!»* — Пародийный отклик на суждения о любви и ревности в романе «Что делать?». В частности, слова Лебезятникова: «...жена ваша докажет вам только, как она же уважает вас, считая вас неспособным воспротивиться ее счастью» являются пародийной парафразой заявления Лопухова, узнавшего, что Вера Павловна полюбила Кирсанова: «...разве ты перестанешь уважать меня? (...) Не жалею меня: моя судьба насколько не будет жалка оттого, что ты не лишишься через меня счастья» (Чернышевский, 1975. С. 196). Пародия на ту же ситуацию из романа «Что делать?» прозвучала затем в романе Достоевского «Бесы»: «Уверяли, что Виргинский, при объявлении ему женой отставки, сказал ей: „Друг мой, до сих пор я только любил тебя, теперь уважаю“» (Акад. ПСС. Т. 10. С. 29; см. также о повести А. В. Дружинина «Полинька Сакс» (1847), изображающей сходную со «Что делать?» любовную коллизию, и ее критическую оценку Достоевским в подготовительных материалах к «Бесам»: Там же. Т. 11. С. 65, 67 и др.; Т. 12. С. 286, 317, 333).

С. 326. *...многие бедняки тарашатся из последних сил... — Тарашиться (устар., разг.) — стараться (БАС. Т. 15. С. 122).*

С. 326—327. *...Катерина Ивановна ~ не из забытых ~ а битъ ее нравственно, то есть запугать и подчинить себе ее волю, нельзя было.* — В этих словах романа можно видеть отражение одной из мыслей Добролюбова, высказанных им в 1861 г. в связи с оценкой

героев Достоевского: «...большая часть этих забытых, которых (...) считали, может быть, пропавшими и умершими нравственно, — все-таки крепко и глубоко, хотя и затаенно даже для себя самих, хранит в себе живую душу и вечное неисторжимое никакими муками сознание своего человеческого права на жизнь и счастье» (*Добролюбов*. Т. 7. С. 275).

С. 327. ...«пани хорунжина»... — Хорунжина (пол., укр.), хорунжиха (рус.) — жена хорунжего (младший офицерский чин в казачьих войсках); см. также о польском титуле хорунжий: *Энциклопедический словарь*: В 86 т. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1903. Т. 37 А. С. 581.

С. 329. *Тонная* (от фр. ton) — придерживающаяся светского тона, изысканных манер.

С. 329. *Не пришел тоже и толстый подполковник (в сущности, отставной штабс-капитан)*... — Подполковник, штабс-капитан — армейские чины 7 и 10 классов соответственно. По-видимому, «наименование „толстый подполковник” — элемент несобственно-прямой речи Катерины Ивановны», которая с легкостью «повышает и понижает в чинах тех, о ком ведет речь» (*Тихомиров*, 2005. С. 331).

С. 334. ...«*фатер аус Берлин*... — Vater aus Berlin (нем.) — отец из Берлина.

С. 335. ...*заведет в своем родном городе Т... пансион для благородных девиц*. — По-видимому, имеется в виду Таганрог, где М. Д. Достоевская, первая жена писателя, училась в пансионе (см. о ней выше, с. 614—615, коммент. к 6, 15, 16, 17). За полмесяца до смерти от чахотки она мечтала, «как через три года переедет в Таганрог или в Астрахань» (письмо Достоевского к брату Михаилу от 26 марта 1864 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 74). Иное предположение: Тобольск, «родной» город «сибирячки» М. Д. Достоевской (*Альтман*. С. 193; *Белов*, *Комментарий*. С. 193).

С. 335. ...*полковничья дочь ~ она дочь надворного советника и кавалера*... — См. выше, с. 614—615, коммент. к 6, 15. Кавалер — лицо, награжденное орденом.

С. 335. ...*об одном почтенном старичке, французе Манго*... — Под этой фамилией известен надзиратель в пансионе Л. И. Чермака, где учились братья Достоевские, упомянутый затем в «Житии великого грешника» (1869—1870) (см.: *Акад. ПСС*. Т. 9. С. 130, 521—522). К концу 1830-х годов это был «мужчина лет 45-ти» (*Достоевский А. М.*, 1992. С. 95—96; см. также: *Федоров Г. А.* Пансион Г. А. Чермака в 1834—1837 гг. (по новым материалам) // *Д. Материалы и исследования*. Т. 1. С. 248; *Белов*, *Достоевский и его окружение*. Т. 1. С. 523—524).

С. 336. ...*(ди вёше)*... — Die Wäsche (нем.) — белье.

С. 336. ...*гельд*... — Geld (нем.) — деньги.

С. 336. ...*так как она чумичка, то и не может судить о том, что такое истинное благородство*. — Чумичка — здесь: женщина из низшего сословия (*БАС*. Т. 17. С. 1200).

С. 340. *Гот дер бармгерциге!* — Gott der barmherzige! (нем.) — Боже милосердный!

С. 341. *Колбасница*, колбасник — бранная кличка немцев.

С. 341. ...*подлая ты прусская куриная нога в кринолине!* — По воспоминаниям племянницы писателя М. А. Ивановой, Достоевский звал «куриной ногой в кринолине» немку-гувернантку одного из соседей Ивановых в Люблине под Москвой, где летом 1866 г. он работал над пятой частью «Преступления и наказания» (см.: *Нечаева В. С. Поездка в Даровое // НМ. 1926. № 3. С. 139; Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 43*).

С. 344. ...*я видел, как вы ей тихонько подсунули!* ~ в карман бумажку. — Об этом эпизоде, в сравнении его с эпизодом из «Лавки древностей» Ч. Диккенса, когда адвокат Брасс подсовывает мальчику Киту деньги, см.: *Катарский И. М. Достоевский и Диккенс: (1860—1870-е гг.) // Д, Материалы и исследования. Т. 2. С. 281—282*.

С. 345. ...*чтоб правая рука, что ль, не знала...* — Лебезятников, путаясь, цитирует Новый Завет: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне...» (Мф. 6, 3—4).

С. 345. ...*чтоб занести им «Общий вывод положительного метода» и особенно рекомендовать статью Пидерита (а впрочем, тоже и Вагнера)...* — О сборнике «Общий вывод положительного метода» (СПб., 1866) см. выше, с. 632, коммент. к 6, 46. Кобылятниковы, мать и дочь, «малообразованны и не в состоянии понять» то, что хотел рекомендовать им Лебезятников (*Чапел Р. Материалы для «Словаря языка Достоевского» (реалии культуры, истории и быта Германии) // Д, Материалы и исследования. Т. 10. С. 245*). Он выделяет в сборнике статьи «Мозг и дух. Очерк физиологической психологии для всех мыслящих читателей» (1863) Т. Пидерита (С. 234—293) и «Законосообразность в по-видимому произвольных человеческих действиях с точки зрения статистики» А. Вагнера (С. 297—383). Статья Пидерита печаталась затем вместе со статьей И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (см.: *Пидерит Т. Мозг и его деятельность: Попул. очерк физиологической психологии. СПб., 1866*).

Сообщение о выходе сборника «Общий вывод положительного метода» было дано в изд.: *Книжный вестник. 1866. 30 апреля, № 8. С. 193—194* (указано: *Тихомиров, 2005. С. 335—336*); отзыв о нем был негативным, среди статей выделены три, в том числе — Пидерита и Вагнера. Труд последнего назван в рецензии «образцом положительного метода». Значимость для позитивистски настроенного передового русского лагеря самого понятия «положительный метод», по-видимому, побудила Достоевского включить в роман упоминание о только что вышедшем сборнике. В рецензии 1858 г. на книгу В. Ф. Берви «Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни» (1858) Н. А. Добролюбов утверждал: «Ныне в естественных науках усвоен положительный метод, все выводы основываются на опытных, фактических знаниях, а не на мечтательных

теориях, когда-то и кем-то составленных наобум...» (Добролюбов. Т. 2. С. 328).

С. 346. ...по насердке... — Насердка (простореч.) — злость, злоба (Словарь церковно-слав. и рус. яз., 1867. Т. 2. С. 844); см. также: *Даль*. Т. 2. С. 468.

С. 346. О жалкий, подлый человек! — В журнальном тексте к обвинению было еще добавлено «обскурант» (7, 388) — в соответствии с характеристиками в радикальной печати тех, кто воевал с ее доктринами.

С. 346. Прошу ~ прислушать... — Прислушать — «слушая, брать на особое замечание» (Словарь церковно-слав. и рус. яз., 1867. Т. 3. С. 1040). Выражение «извольте (прошу) прислушать» носило идиоматический характер; см., например, в «Губернских очерках» («Неумелые», 1856) Салтыкова-Щедрина: «Ну, вот-с, извольте прислушать. Ездили мы с ним, этта, на следствие» (Салтыков-Щедрин. Т. 2. С. 252).

С. 348. Лайдак (пол. lajdak) — мерзавец, прохвост. См. также: *Даль*. Т. 2. С. 235.

С. 352. И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить? — Ср.: «Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас?» (Лк. 12, 14; церк.-слав.: «...кто мя постави судию или делителя над вами?»).

С. 354. ...спросил он вдруг, с тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни. (Ср. с. 394. ...решился, да как ~ с колокольни слетел...) — Выражение «упасть (броситься, слететь) с колокольни» получило у Достоевского трагическое звучание (то же в романе «Идиот» — см.: *Акад. ПСС*. Т. 8. С. 345, 347), хотя в литературе середины XIX в. оно использовалось при характеристике нелепейшего, чаще всего чисто русского, происшествия. Ср.: «...слушали — ровно ничего не слушали, а приказали — ровно с колокольни слетели» («Губернские очерки» («Первый шаг», 1857); Салтыков-Щедрин. Т. 2. С. 461); см. также о Тишке, получившем гривенник за то, что «с колокольни упал», в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» (1849) (Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 118) и в статье Н. А. Добролюбова «Темное царство» (1859): «Вот источники приобретения для Тишки: сбегать за водкой, упасть с колокольни, выиграть, украсть» (Добролюбов. Т. 5. С. 59); см. также: «Он с колокольни свалился, из семинаристов» (*Даль*. Т. 2. С. 140).

С. 358. ...ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан... — См. выше, с. 689—690, коммент. к с. 235. Переход через Монблан (Альпы), по перевалу Сен-Бернар, позволил Наполеону зайти в тыл австрийской армии и разгромить ее у деревни Маренго 14 июня 1800 г. Это сражение упоминалось и в подготовительных материалах к роману: «Почему истратить 100 000 при Маренго — не то, что истратить старуху»; «А завтра же меня другой Наполеон за вошь сочтет и под Маренго истратит» (7, 193, 185).

С. 360. ...низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят! — Ср. в романе «Униженные и оскорбленные»: «...в тесной квартире даже и мыслям тесно» (3, 188). Сходную мысль высказал Л. Фейербах в статье «Против дуализма тела и души, плоти и духа» («Wider den Dualismus von Leib und Seele, Fleisch und Geist», 1846), однако в русском переводе она в XIX в. не была известна. В статье говорилось: «Во дворце мыслят иначе, чем в хижине, низкий потолок как бы давит на мозг. На вольном воздухе мы иные люди, чем в комнате; тесные помещения удручают, простор освобождает сердце и голову. Где нет случая проявить талант, там нет и талантов; где нет простора для деятельности, там нет и стремления, по крайней мере истинного стремления к деятельности. Пространство — основное условие жизни и духа» (Фейербах Л. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 156). Указано К. А. Барштом.

С. 361. ...этот мрачный катехизис стал его верой и законом. — Катехизис — здесь: сущность, основные положения какой-либо науки, учения. Достоевский в соответствии с художественным языком своей эпохи выстраивал с этим словом образные выражения, передающие суть различных течений общественно-политической жизни, например в «Игроке»: «катехизис добродетелей и достоинств цивилизованного западного человека» (5, 250); в «Бесах», о романе «Что делать?»: «катехизис» революционной партии (Акад. ПСС. Т. 10. С. 238).

С. 361. ...меня черт тащил. (С. 362. ...черт-то меня тогда тащил ~ Насмеялся он надо мной...) — В православной традиции широко распространено именование нечистого «врагом», насмехающимся над тем, кого он хочет погубить. См.: *Ветловская, «Хождение души», 1. С. 122—123; Словарь языка Достоевского, 2008. Т. 1. С. 751, а также 7, 654, коммент. к 6, 100.*

С. 362. Разве я старушонку убил? Я себя убил... — «...юридическ(ое) наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника (...) потому, что он и сам его нравственно требует», — писал Достоевский в письме к Каткову, излагая замысел романа (7, 436). Вопрос о юридических наказаниях, налагаемых на преступников, широко обсуждался в 1860-е годы. Особое внимание обратила на себя книга «О смертной казни. Сочинение А. Бернера» (СПб., 1865), где на с. 33 приводилось следующее положение известного немецкого криминалиста А. Фейербаха (1775—1833): «Человек, однажды обогривший свои руки кровью такого же индивидуума и помирившийся со своею совестью, всегда останется для общества таким же ужасным и страшным, как и опасным явлением. Человек осваивается с кровью, и отвращение, осиленное в первый раз, во второй раз не требует преодоления. Кто совершил такое кровавое дело, тот должен или сойти с ума, или в одной смерти искать спокойствия; или же — если не одно из двух, — то кровавая смерть, нанесенная им ближнему, нравственно убивает его самого».

С. 362. А старушонку эту черт убил... — Ср. в «Братьях Карамазовых»: «О, это черт сделал, черт отца убил...» (Акад. ПСС. Т. 14. С. 431; см.: *Мочульский. С. 253—254; Реизов. С. 396.*)

С. 362. ...стань на перекрестке... — По мнению А. М. Бухарева, высказанному в статье о «Преступлении и наказании» (опубл. 1884), Соня предлагала Раскольникову принести покаяние там, «где (...) больше народу» (Бухарев. С. 239). Перекресток в народном сознании — это еще и место свершения разного рода событий (при значительном региональном разбросе установлений и обычаев): с ним были связаны гадания и моления, встречи и расставания, здесь ставили кресты и хоронили таинственных мертвецов.

С. 362. ...поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету ~ скажи всем, вслух: «я убил!» Тогда Бог опять тебе жизни пошлет. (Ср. с. 454: Он вдруг вспомнил слова Сони: «Пооди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: „я убийца!“») (...) Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем.) — Обряд, представлявшийся Соне, начинался с земного поклона и целования земли (см.: Мережковский, Вечные спутники. С. 187; Иванов Вяч., 1987. С. 431 (о символичности самого жеста как отречения героя от «сверхчеловеческого своеначалия», «мятежа», «беспочвенности»), 514; ср.: Мейер. С. 149—150, 345). Потом следовал поклон «всему свету» (на четыре стороны, в пояс), в соответствии с благочестивым народным обычаем (Достоевский упомянул о нем в «Хозяйке» — см.: 2, 9). Основным же условием новой жизни для Раскольникова, по убеждению героини, было его признание в преступлении (именно поэтому трудно согласиться с тем, что героиня имела в виду «покаяние земле», характерное для разного рода сект, — см.: Тихомиров, 2005. С. 414—415). Признание в убийстве, как это представляется Соне, несколько напоминает о дохристианских обычаях (см. об этом: Роднянская И. Б. Вяч. И. Иванов. Свобода и трагическая жизнь: Исследование о Достоевском // Д, Материалы и исследования. Т. 4. С. 219—225; Гибиан. С. 237; Гидини К. Концепция творчества Достоевского в книге Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика» // Там же. Т. 15. С. 172; Шукин В. Г. О петербургском «грунте», пшеничном зерне и Новом Иерусалиме: (Смысловой контекст одного из мотивов «Преступления и наказания») // Там же. Т. 19. С. 309—319). Причем пафос упоминания Соней об осквернении земли убийством далек от ветхозаветных высказываний на ту же тему, например: «...кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее» (Чис. 35, 33; церк.-слав.: «...кровь бо сия убивает землю») и след.).

Признание в убийстве Соня обставляет традиционными, с точки зрения православно-русского человека, выражениями покаянного чувства, целомудренными и лаконичными. В словах Сони отразились народные представления о святости земли, возвышенные и облагороженные христианским учением. «Народ наш, — писал профессор Московской духовной академии С. И. Смирнов, — зовет землю свя-

тою матерью или просто святою: „земля — святая мати”. Зовут ее: „кормилица”, „поилица”, „питомая”. (...) Но всего чаще зовется она — „*Мать сыра земля*”. Название земли матерью свойственно и святоотеческой письменности; само по себе оно не содержало языческой мысли о ее божественности. Но в устах двоеверного народа эти выражения давали чувствовать нехристианскую мысль» (Смирнов С. И. Исповедь земле // Богословский вестник. 1912. № 11. С. 516); следует подчеркнуть, что в рассуждениях Сони оттенка двоеверия нет. См. также: Миллер О. Ф. Русские писатели после Гоголя: В 2 ч. СПб., 1886. Ч. 1. С. 176.

О «матери сырой земле» много говорилось в статьях, публикациях текстов и комментариях к ним исследователей 1850—1860-х годов, занимавшихся изучением фольклора, в особенности народного эпоса, и памятников древнерусской письменности. Мифологическая школа (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев и др.) настаивала на отголосках в них мифа о «богине земли». Публикации такого рода могли оказать влияние на слова о покаянии убийцы, которые вкладывает Достоевский в уста Сони, хотя непосредственное влияние на него народных представлений более вероятно. См.: Фудель, 2005. С. 49—50; Михнюкевич. С. 80, 85—87; Тихомиров, 2005. С. 341—342; 7, 543.

С. 363. Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают. — Ср. в одной из газетных хроник: «Виктор Гюго замечает, что Наполеон издерживал ежедневно по две тысячи солдат. (...) Те страны, которые долго были театром войны, потерпели уменьшение в народонаселении. В Испании до войны было 12 млн. жителей; после войны — 8 млн., в Португалии до войны 2 1/2 млн., после войны всего миллион» (Поль Леон [Полонский Л. А.]. Заграничная хроника // Г. 1865. 7 (19) апреля, № 95. С. 1). См. выше, с. 690, 719, коммент. к 6, 235 и 358, а также: Фридлиндер, 1985. С. 258.

С. 364. Мы с Лизаветой крестами поменялись, она мне свой крест, а я ей свой образок дала. — Лизавета — крестовая сестра Сони. Крестовыми братьями являются и герои романа «Идиот» — князь Мышкин и Рогожин. Обычай был хорошо известен по публикациям текстов «народной словесности» (см., например: Буслаев Ф. И. Русский народный эпос // РВ. 1862. Т. 41. № 9. С. 31); см. об этом: Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 130—142; Роуэн Уильямс, архиеп. Кентерберийский. Достоевский. Язык, вера, повествование / Пер. с англ. М., 2013. С. 186—188.

С. 365. «Хуторок» — см. выше, с. 621, коммент. к 6, 20.

С. 365. Это, говорят, такие бугорки, в чахотке, на мозгу вскакивают... — В XIX в. чахотку, т. е. туберкулез (лат. tuberculum — бугорок), называли также буторчаткой (см.: БАС. Т. 1. С. 665), по мелким нарывам в легких и других внутренних органах. Лебезятников говорит о туберкулезном менингите (воспалении оболочек мозга). См. подробно: ЛП. С. 767; Тихомиров, 2005. С. 343—344. В подгото-

вительных материалах «буторки» — одна из тем беседы Раскольниковва со Свидригайловым (7, 256—257), однако в ней речь идет, по-видимому, о других «буторках».

С. 368. *Солнце заходило. Какая-то особенная тоска начала сказываться ему в последнее время.* — Час заката в романах Достоевского — глубокий психологический символ. Час этот обостряет душевное состояние его персонажей. В «Преступлении и наказании» золото заката побеждает пыль и зной петербургского лета, а вызванная им тоска героя способствует нравственному очищению Раскольникова (см.: *Дурьлин С. Н.* Об одном символе у Достоевского // *Достоевский: [Сб. ст.]*. М., 1928. С. 197, а также во вступительной статье: 7, 495).

С. 368. *...у —ского моста...* — См. выше, с. 700—701, коммент. к 6, 269.

С. 371. *...не «Петрушку» же мы какого-нибудь представляем на улицах...* — Имеется в виду бродячий кукольный театр с представлениями о Петрушке, в сопровождении шарманки. О Петрушке как «цельном художественном характере» и «бессмертной народной комедии» сохранился восхищенный отзыв Достоевского в черновом автографе «Дневника писателя» за 1876 г. (*Акад. ПСС*. Т. 22. С. 180).

С. 371. *Не «Гусара же на саблю опираясь» петь...* — «Гусар, на саблю опираясь...» — широко известная песня на стихи К. Н. Батюшкова «Разлука» (1812—1813). Музыка приписывается М. Ю. Виельгорскому. Упоминание этой песенки встречается у Достоевского в рассказе «Ползунков» (1848) (2, 77, 639). См.: *Гозенпуд*, 1981. С. 121.

С. 371. *Ах, споемте по-французски «Cinq sous»!* — «Cinq sous» (пять су — фр.) — известная петербургским жителям песенка нищих из французской пьесы А.-Ф. Деннери и Г. Лемуана «Божья милость» (1841), поставленной еще в 1842 г. французской труппой в Михайловском театре в Петербурге под названием «Новая Фаншон». В 1842 г. пьеса была переделана Н. А. Некрасовым в мелодраму «Материнское благословение, или Бедность и честь», пользовавшуюся большим успехом на русской сцене вплоть до начала XX в. В пьесе Некрасова слова «cinq sous» переведены по созвучию «семь су» (*Некрасов*, 1981. Т. 6. С. 326—327, 696—703). См.: *Белинский*. Т. 13. С. 158; *Погожева Л.* Образы в романе «Преступление и наказание» // *ЛУ*. 1940. № 8—9. С. 88; *Гозенпуд*, 1981. С. 122.

С. 371. *...«Malborough s'en va-t-en guerre» ~ совершенно детская песенка и употребляется во всех аристократических домах, когда убавкивают детей.* — Популярная французская шуточная песня «Мальбрук в поход собрался...» была связана с именем английского герцога Дж. Ч. Мальборо (1650—1722) и создана, возможно, в 1709 г., когда после одного из сражений разнесся слух о гибели герцога. Она действительно исполнялась часто как колыбельная: кормилица напевала ее дофину, сыну Людовика XVI. Песенка кормилицы стала модной в Париже; несколько позднее ее любил, по воспоминаниям со-

временников, распевать Наполеон перед отправлением в поход (см. об этом: *Chansons nationales et populaires de France / Accompagnées de notes historiques et littéraires par Dumersan et N. Ségur. Paris, [1846]. Т. 1. Р. 141—142; перевод (с параллельным французским текстом): Песни разных народов / Пер. Н. В. Берга. М., 1854. С. 529—535). См.: Тоичкина А. В. Malbrough s'en va-t-en guette... (Тема воскресения в «Преступлении и наказании») // Д, Материалы и исследования. Т. 17. С. 240—248.*

С. 372. *На тонкой ноге* — деликатно, с достоинством (БАС. Т. 7. С. 1373). В русском языке XVIII—XIX вв. вариантность фразеологических выражений этого типа была весьма высокой, например в «Неточке Незвановой» Достоевского: «на благородной ноге» (2, 224); в «Преступлении и наказании»: «на какой-то патриархальной ноге» (6, 402). См. об этом: Каганер Ю. Ю. Вариантность фразеологических единиц в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русский язык: единицы разных уровней и закономерности их функционирования. Бишкек, 1991. С. 63.

С. 372. *...с орденом на шее (последнее было очень приятно Катерине Ивановне и повлияло на городского)...* — Орденские знаки указывали на ранг чиновника. На шее носились ордена второй степени.

С. 372. *...по улицам запрещено-с ~ Насчет шарманки надо дозволение иметь...* — «Распоряжение о прекращении в городе этого преступного промысла» было издано петербургским обер-полицмейстером в конце 1865 г. В нем подчеркивалось «бедственное положение мальчиков и девочек, которых родители, родственники и даже посторонние лица высылают на улицу с шарманками, одевая их с намерением в рубище, для возбуждения сострадания в проходящих и для извлечения из того, по возможности, более барышей» (Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1865. 11 ноября, № 246; указано: Тихомиров, 2005. С. 347).

С. 374. *...с меня довольно!.. Кончен бал!* — Крылатое выражение «кончен бал» восходит к стихотворению А. Д. Иличевского «Три слепца» (1826).

С. 374. *Беспокойный бред охватывал ее болес и болес.* — «Щепу смерти чахоточной Федор Михайлович мог наблюдать у одра болезни его первой жены Марии Дмитриевны», облик которой, по мнению А. Г. Достоевской, повлиял на создание образа Мармеладовой (Гроссман, Семинарий. С. 30; см. выше, с. 614, коммент. к 6, 15).

С. 375. *...глицсе-глицсе, па-де-баск!* — *Glissé, pas de basque* (фр.) — названия танцевальных фигур.

С. 375. *Du hast Diamanten und Perlen...* — Романс восходит к стихотворению Г. Гейне, входящему в цикл «Опять на родине» («Книга песен», 1824). В переводе А. Н. Майкова («Из Гейне»), вышедшем в ноябре 1865 г.: «Ты вся в жемчугах и алмазах! / Богатство — венец красоты! / При этом — чудесные глазки... / Ужель недовольна всё ты?» (Модный магазин. 1865. № 21. С. 322). Достоевский мог быть знаком со стихотворением и в переводе Н. А. Добро-

любова («У тебя есть алмазы и жемчуг...»; опубли. 1862; см.: 1957. С. 596).

Достоевский, по свидетельству Н. Н. Фон-Фохта, услышал романс в подмосковном Люблине, летом 1866 г., во время работы над пятой частью романа и позднее часто его напевал: «...он любопытствовал узнать, где я его слышал. Я ответил, что несколько раз слышал, как его играли шарманщики в Москве» (*Достоевский в воспоминаниях*, 1990 Т. 2. С. 56). По мнению А. А. Гозенпуда, в воспоминаниях Фон-Фохта и в произведении Достоевского речь идет о популярном романсе Дж. Стигелли (Г. Штигеля) «Чудесные глазки» («Die schönsten Augen»), вошедшем во многие сборники и антологии (Гозенпуд, 1981. С. 113—114, 122). См., например: Сборник 50 романсов и песен (с сопровождением фортепиано) Баха... и других с сохранением оригинальных текстов и с прибавлением русских переводов... М., 1866. Ч. 2. С. 250—254 (стихотворение в переводе А. Н. Майкова). Романс Стигелли исполнялся и впоследствии в России на слова именно этого перевода. О более позднем романсе Ф. Шуберта см.: *Акад. ПСС*. Т. 7. С. 393; ср. в статье Н. Айдзава «Шуберт в русской культуре XIX века» в записках Университета Хоккайдо (*Slavic Studies*. 1998. Vol. 45. P. 1—33).

С. 375. *В полдневный жар, в долине Дагестана...* — Романс на стихи М. Ю. Лермонтова «Сон» (1841) на музыку К. Н. Пауфлера (1854) или А. В. Толстой (1864).

С. 376. *С какими же целями вы так разблаготворились? ~ эти деньги у меня лишние. Ну, а просто, по человечеству, не допускаете, что ль?* — Предсмертная благотворительность Свидригайлова вызвала различные оценки в исследовательской литературе, с одной стороны, вплоть до полного оправдания самоубийцы, а с другой — отказа ему в искуплении содеянного зла (см.: *Мережковский, Вечные спутники*. С. 193; *Мочульский*. С. 251; *Мейер*. С. 421—422, 425—429, 480—481; *Розенблюм*. С. 270—271; *Сараскина Л. И.* «Наметив подходящую жертву...»: Стандарты интерпретаций // *Достоевский и мировая культура*. № 27. С. 241—242; *Heim Ch.* Die Gestalt Svidrigajlovs in Dostoevskijs Roman «Verbrechen und Strafe». S. 16—17; *Richardson R. E.* Svidrigailov and the «performing self» // *Slavic Review*. 1987. Vol. 46. № 3/4. P. 540—552).

С. 379. *...всем человекам надобно воздуху, воздуху, воздуху-с... Прежде всего!* (Ср. с. 384: *Вчера мне один человек сказал, что надо воздуху человеку...* С. 397: *Вам, во-первых, давно уже воздух переменить надо (<...> Вам теперь только воздуху надо, воздуху, воздуху!* С. 398: *В бегах гадко и трудно, а вам прежде всего надо ~ воздуху соответственного; ну, а ваш ли там воздух?*) — В статье «Книжность и грамотность» (1861) Достоевский писал: «...мы чувствуем, что истратили все наши силы в отдельной с народом жизни, испортили и попортили воздух, которым дышали, задыхаемся от недостатка его и похожи на рыбу, вытащенную из воды на песок» (*Акад. ПСС*. Т. 19. С. 6). Нехватка воздуха символизирует в романе небла-

гополучие в российском обществе, в особенности, по-видимому, в Петербурге (см. также: 7, 538—539). О понятии «воздух» (наряду с «почвой»), несущем «конкретно-национальное содержание» в полемике, которую вел Достоевский с «Современником» в период издания журналов «Время» и «Эпоха», см.: Тихомиров Б. Н. Из наблюдений над романом «Преступление и наказание» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 13. С. 241—244; Назиров. С. 12—15.

В литературной традиции «воздух», с его здоровой свежестью, был связан с представлениями о России, лежащей за городскими пределами. См., например, в «Детских годах Багрова-внука» (1858) С. Т. Аксакова: «Я приписываю мое спасение {...} неусыпному уходу, неослабному попечению, безграничному вниманию матери и дороге, то есть движению и воздуху» (Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 294). Призыв к Раскольникову «переменить воздух» был созвучен тому, что видел Достоевский в российском обществе: «Бывают такие времена в жизни народа, — писал он в статье «Два лагеря теоретиков» (1862), — что в нем особенно чувствуется потребность выйти на свежий воздух, какое-то особенное недовольство настоящим, потребность чего-то нового» (Акад. ПСС. Т. 20. С. 14).

В романе мысль о недостатке воздуха связывается с камеркой Раскольникова. В 1865 г. в «Русском инвалиде» (13 июня, № 128. С. 3—4) и «Санкт-Петербургских ведомостях» (1 июля, № 165. С. 3) была напечатана статья С. А. Идарова «Квартиры и жилые помещения в отношении к смертности», в том же году изданная в виде брошюры. В ней излагались сведения о гигиенических требованиях к жилищам, главным образом, к нормам пространства («воздуха», в кубических единицах), полагавшимся на человека (речь шла о жилищах бедноты, тюрьмах, больницах, казармах). Идаров сообщал о негативном воздействии на человека нехватки воздуха и жилищной тесноты.

С. 380. *В сознании о смерти и в ощущении присутствия смерти всегда для него было что-то тяжелое и мистически ужасное...* — Примеч. А. Г. Достоевской: «Ощущения Федора Михайловича в случаях, когда ему приходилось присутствовать при кончине кого-либо и бывать на панихидах» (Гроссман, Семинарий. С. 57).

С. 387. *Но только что он отворил дверь в сени, как вдруг столкнулся с самим Порфирием.* — Ср. в подготовительных материалах: 7, 218, примеч. 2: *Как сделать приличнее и складнее, что Порфирий сам приходит к Раскольникову.* — Встреча с Порфирием Петровичем (а также беседа со Свидригайловым в трактире, встреча Свидригайлова с Дуней и прощание его с Соней и своей невестой) происходит на тринадцатый день, самоубийство Свидригайлова и признание Раскольникова — на четырнадцатый день с начала романного действия, т. е. 20 июля — в Ильин день. Подробнее о хронологии событий в шестой части романа см.: Тихомиров, 2005. С. 354—355.

С. 387. *...поехал наемни к Б—ну...* — Подразумевается, очевидно, знаменитый врач-терапевт Сергей Петрович Боткин (1832—

1889), у которого лечился и сам Достоевский в разные годы (см. письмо А. Е. Разина к Достоевскому, 11 марта 1862 г. — РГБ. Ф. 93.П.8.6), в том числе в 1865 г. (см. письмо Достоевского к жене, 9/21 июля 1876 — *Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 2. С. 93). См. также: *Путеводитель, 1865*. С. 301 («Адресы врачей, пользующихся наибольшей известностью в столице: {...} Боткин у Пяти углов»).

С. 390. *Изо ста кроликов никогда не составитя лошадь ~ английская пословица...* — В подготовительных материалах (7, 235): *английская судебская поговорка*. Ср. в письме И. С. Тургенева к Л. Ф. Нелидовой от 20 января (1 февраля) 1883 г., где упоминается французская пословица «jamaïs trente six petits lapins blancs ne feront un cheval blanc» (никогда тридцать шесть маленьких белых кроликов не составят одной белой лошади — фр.) (*Тургенев, Письма*. Т. 13, кн. 2. С. 158, 364). См. об этом: *Белов, Комментарий*. С. 204.

С. 390—391. *Дым, туман, струна звенит в тумане. Статья ваша нелепа и фантастична, но в ней мелькает такая искренность ~ хорошо-с.* — Ср. в «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя: «...сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане...» (*Гоголь*. Т. 3. С. 214). Достоевский упоминает эти строки в письме к И. С. Тургеневу от 23 декабря 1863 г., характеризуя основной тон его повести «Призраки»: «...в „Призраках“ слишком много реального. Это реальное — есть тоска развитого и сознющего существа, живущего в наше время, уловленная тоска. Этой тоской наполнены все „Призраки“. Это „струна звенит в тумане“, и хорошо делает, что звенит» (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 61); по мнению А. И. Батюто, гоголевская цитата «по существу в том же значении» употреблена в «Преступлении и наказании» (Там же. С. 392).

С. 392. *...таким-то вот образом я и дошел до последних столбов...* (Ср. с. 397: *...долго себя не морочил, разом до последних столбов дошел.*) — Дойти до последних (геркулесовых) столбов (столпов) — дойти до предела чего-либо, до крайней точки (согласно античному мифу, связывающему границы мира с двумя скалами в Гибралтарском проливе). В литературе 1850—1860-х годов выражение употреблялось, преимущественным образом, в ироничном смысле (подробнее см.: *Брезкина, 2015*. С. 107—108). В «Идиоте» Достоевский связал его со спецификой русского характера: «Наши как доберутся до берега, — говорит князь Мышкин, — как уверуют, что это берег, то уж так обрадуются ему, что немедленно доходят до последних столбов...» (*Акад. ПСС*. Т. 8. С. 452).

С. 392. *...укрепился, как адамант.* — Адамант — драгоценный камень, алмаз, в переносном смысле: адамант веры (см.: *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 61). Ср.: «Слово сие адамант находится токмо в церковных книгах, а в общем употреблении камень сей называется {...} алмаз» (*Словарь Академии Российской*. СПб., 1789. Ч. 1. С. 9).

С. 392. *Нет, думаю, морген фри!* — Ср. запись № 434 в СТ (4, 287); использована в «Селе Степанчикове» (3, 30).

С. 392. ...двоим любо, третий не суйся. — Ср. запись № 413 в СТ (4, 286).

С. 392. ...это еще дитя несовершеннолетнее... — Совершеннолетие в Российской империи наступало в 21 год; Миколке в романе — 22 (6, 119); в журнальном тексте — 25 лет (7, 368).

С. 393. Он тогда вот и украл, а и сам этого не знает; потому, «коли на земле поднял, что за украл?» — Речь идет об уголовном наказании за утаивание и присвоение найденной вещи, которое в Российской империи признавалось за кражу.

С. 393. А известно ли вам, что он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роде бегуны бывали ~ что значит у иных из них «пострадать?» — Ср. в подготовительных материалах (7, 238): ...известие, что в религиозном настроении был человек; ср. также в журнальном тексте «любимую поговорку» Лизаветы, о которой говорит Раскольникову Соня (7, 393): «не пострадешь, так и не порадуешься». Бегуны — одна из сект русского раскола, возникшая во второй половине XVIII в. и распространенная среди крестьян, мещан, беглых солдат; была известна в народе под именем страннической, или сопелковской — от села Сопелок близ Ярославля. Основателем ее считался беглый солдат Евфимий. «Странники смотрят на церковь русскую как на отступническую, еретическую и веруют, будто антихрист уже пришел и царствует на земле (...) Посему единственным путем ко спасению эти сектанты почитают не только совершенное отчуждение от русской церкви, но вместе совершенное непризнание над собою царской и всякой земной власти и при невозможности бороться с нею — бегство от антихристового владычества, удаление от семейства, общества, от подчинения каким бы то ни было гражданским законам и странствование в лесах и пустынях, почему и называются странниками» (Макарий [Булгаков], митр. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 280—281). Ценные сведения о странниках по запискам и донесениям комиссии МВД содержались в изд.: Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. И. Кельсиев. Лондон, 1861. Вып. 2. С. 59—95; 1862. Вып. 4. С. 114—127. Этапным событием был выход в 1863 г. последней (8-й) книги «Истории Министерства внутренних дел» Н. В. Варадинова, посвященной расколу и разного рода сектантским движениям.

В 1864—1866 гг. журналы и газеты в России были полны материалов о раскольниках (см., например: МВед. 1864. 18 янв., № 13; 6 окт., № 208; Биржевые ведомости. 1864. 22 дек., № 341 (о притонах бегунов); Г. 1864. 13 (25) сент., № 253. Петерб. отметки (сведения о числе раскольников в Петербурге, в сопоставлении со статистическими данными в книге Е. П. Карновича 1860 г.); Д. 1864. 14 ноября, № 46 (передовая статья о расколе)). В «Северной челе» (1865. 5, 8, 10, 11, 15, 16 янв., № 5, 7, 9, 10, 14, 15) печатались «Письма о расколе» П. И. Мельникова-Печерского, в «Библиотеке для чтения» (1863. № 11; 1864. № 9) — заметки «С людьми древле-

го благочестия» М. Стебницкого (Н. С. Лескова), в «Русском архиве» (1866. № 4) — «Краткая записка о странниках, или бегунах» И. С. Аксакова (извлечение из его доклада 1850—1851 г. для МВД) и статья Л. Н. Трефолева «Странники (из истории раскола)» с примечаниями Аксакова. Об истории изучения секты странников см.: *Мальцев А. И.* Староверы-странники в XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. С. 6—16.

Достоевский рекомендует в 1866 г. «Русскому вестнику» поэму А. Н. Майкова «Странник»: «Три лица. Все трое раскольники-бегуны. Еще в первый раз в нашей поэзии берется тема из раскольничьего быта. Как это ново и как эффектно!» (письмо к Н. А. Любимову, 16 ноября 1866 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 171; ср.: *Гачева А. Г.* «Странник» А. Н. Майкова в художественном мире Достоевского // *Д. Дополнения к комментарию*. С. 422—454). Существуют свидетельства, что еще в 1840-х годах, будучи петрашевцем, Достоевский думал о сближении с раскольниками (см.: *Биография*. С. 87). По свидетельству А. Г. Достоевской, в библиотеке Достоевского в 1860-х годах «много было серьезных произведений по отделам истории и старообрядчества» (*Достоевская А. Г.*, *Воспоминания*, 1987. С. 228). В счете Достоевскому из книжного магазина А. Ф. Бабунова от 29 августа 1862 г. значатся следующие книги по расколу: «Рассказы из истории старообрядства» (1861) С. В. Максимова, «Раскольничьи дела XVIII столетия» (1861) Г. В. Есипова, «История Выговской старообрядческой пустыни» (1862) И. Филиппова, «Русский раскол старообрядства» (1859) А. П. Шапова. См.: *Библиотека*. С. 261, 267—269, 282—284; *Тихомиров Б. Н.* Книги, купленные Достоевским в 1862—1863 гг. в книжном магазине А. Ф. Бабунова // *Достоевский и мировая культура*. № 18. С. 162, 164, 167—169.

Вопрос о том, «что произвело наш русский раскол», глубоко волновал Достоевского. «...Ни славянофилы, ни западники не могут как должно оценить такого крупного явления в нашей исторической жизни, — писал Достоевский в 1862 г. о расколе в статье «Два лагеря теоретиков». — {...} Они не поняли в этом странном отрицании странного стремления к истине, глубокого недовольства действительностью». В расколе, «самом крупном явлении русской жизни», по его определению, Достоевский видел «самый лучший залог надежды на лучшее будущее в русской жизни» (*Акад. ПСС*. Т. 20. С. 20—21).

На страницах журнала «Время» печаталось исследование о бегунах А. П. Шапова «Земство и раскол. Бегуны» (вошло в его книгу «Земство и раскол», 1862). «Основной мотив всех этих движений и физических, и нравственных сил податного, крепостного и служилого народа составляла — месть за угнетенье и жажда воли, — писал здесь Шапов. — В бегунах преимущественно выразилось отрицание ревизской, военно-служилой и податной прикрепленности душ, личностей к империи и великороссийской церкви и порабощенности их властям и учреждениям той и другой» (*Вр.* 1862. № 10. С. 320—321). О публикациях по истории раскола в журнале «Время» см.: *Нечаева*,

«Время». С. 196—200; Карпи Г. Достоевский-экономист: Очерки по социологии литературы. М., 2012. С. 169—185.

О характерном для бегунов добровольном принятии мучений рассказывает Л. Н. Трефолов: «Ложь и обман, особенно во время следствия и суда, у всех сектаторов беспоповщины как бы неперменная обязанность, освященная (...) примером из жития великомученицы Варвары, где говорится, что „некто сказал правду и погиб, другой солгал — и свят сделался“. У странников ложь тем обязательнее, что она есть выражение брани, которую каждый должен вести с антихристом и слугами его» (Трефолов Л. Н. Странники (Из истории раскола) // Русский архив. 1866. № 4. С. 615). А. Ф. Кони, которому приходилось в своей судебной практике сталкиваться с обвиняемыми, родственными по убеждениям Миколке, рассказывает в статье «Обвиняемые и свидетели»: «Есть, наконец, между последователями крайних и мрачных сектантских учений, вроде морельщиков, самосожигателей, бегунов, люди, считающие, что Царствие Небесное может быть достигнуто только тяжкими и незаслуженными земными испытаниями, и потому ищущие „принять страдание“, возводя на себя небывалые преступления или обвиняя себя в совершении преступления, несомненно содеянного другими. Я помню одного такого старика, принадлежавшего к секте бегунов, или странников, так называемого сопелковского согласия, который (...) возводил на себя разные преступления, с угрюмым упорством отвергая твердо установленные данные, указывавшие на его невиновность» (Кони А. Ф. На жизненном пути: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 314). В рассказе «Гриша. Из раскольничьего быта» (1860) старец-странник Ардалион поучает героя: «Претерпи раны и поношения, претерпи темничное заточение, самую смерть (...) еще постраждешь доблественно, паче всех мученик венец получишь» (Мельников-Печерский. Т. 1. С. 315).

Миколка родом из Зарайского уезда. Уезд этот был знаком Достоевскому с детства и известен среди старообрядцев. Уезды Зарайский и Егорьевский один из авторов 1870-х годов называет «особливо (...) религиозно-вольнодумствующими» (см.: Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. СПб., 1872. Т. 2. С. 513 и след.; Т. 3. С. 379—386).

Достоевского интересовали не только бегуны, но и другие секты старообрядцев. На каторге он жил в одной казарме со стародубовцем (см. в «Записках из Мертвого дома» — 4, 35—36), в «Эпохе» печатались статьи о монтанах и скопцах (см.: Калатузов В. И. 1) Монтаны (1. Никифорыч; 2. Келейницы) // Э. 1864. № 8; 2) Очерк быта и верований скопцов. Из рассказов странницы // Э. 1865. № 1; об этих статьях, отличающихся по своей идейной направленности (осуждение раскола с позиций церкви) от тех, которые печатались во «Времени», см.: Нечасва, «Эпоха». С. 113—114). Одно из главных убеждений бегунов — требование добровольного принятия страдания — Достоевский считал выражением черты, присущей искони русскому народу: «Я думаю, — писал он в «Дневнике писателя» на 1873 г., — самая

главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков» (ДП. 1873. § 5 — Акад. ПСС. Т. 21. С. 36). См. также: Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995; Казари Р. Некоторые мотивы раскола в творчестве Достоевского // Русский язык за рубежом. 2003. № 2. С. 91—94.

С. 393. ...сам он еще недавно ~ у некоего старца под духовным началом был. — Ср. в подготовительных материалах о важной для Миколки встрече (7, 179): *А тут старик сидит: пострадать, говорить, надо*. См. в рассказе «Гриша» о «послушании без рассуждения» старцу-страннику: «...совершенное отсечение своей воли, совершенная смерть всякого помысла, всякого пожелания... Ты должен будешь делать только то, что велют, своей же воли отнюдь не иметь...» (Мельников-Печерский. Т. 1. С. 316, 317).

С. 393. ...в пустыню бежать хотел! — Пустынь (пустыня) — келья отшельника, небольшой монастырь или скит в отдаленной безлюдной местности (см.: БАС. Т. 11. С. 1731—1732).

С. 393. ...книги старые, «истинные» читал и зачитывался. — Имеются в виду книги, созданные (переписанные, напечатанные) до раскола русской церкви; краткий их обзор, с указанием на некоторые исторические и вероучительные сочинения, написанные раскольниками, дал в первом из «Писем о расколе» (1862) Мельников-Печерский (см.: Мельников-Печерский. Т. 8. С. 8—12).

С. 393. Юридика — с ироническим оттенком: правоведение, юриспруденция.

С. 393. Сидел в мое время один смиреннейший арестант ~ всё Библию читал ~ «принял, значит, страдание». — Этот арестант, пожелавший через неудачное нападение на офицера «страдание принять», описан Достоевским в «Записках из Мертвого дома»: «Сошедший с ума, зачитавшийся в библии арестант (...) был из отчаявшихся, из тех, кого покинула последняя надежда...» (4, 218; см. также 4, 30—31). О сходном эпизоде в «Преступлении и наказании» как «переосмыслении каторжного опыта» см.: Туниманов В. А. Творчество Ф. М. Достоевского 1854—1862 гг. Л., 1980. С. 138.

С. 394. ...когда цитруется фраза, что кровь «освежает»... — Возможно, имеется в виду газетная заметка, в которой содержались следующие сведения о Наполеоне, основанные на вышедшем в свет очередном томе его переписки и на показаниях его врача: «...Наполеону нужно было не завоевание, а собственно война, как средство возбуждения, как опьянение (...) Кровообращение у Наполеона было неправильно и крайне медленно (...) Только среди войны он чувствовал себя хорошо, пульс его начинал биться ровно и с нормальной скоростью»; и далее: «Автор находит в этом отношении сходство между Наполеоном и Цезарем; он видит в Цезаре ту же потребность в постоянном самовозбуждении войною...» (Поль Леон [Полонский Л. А.]. Заграничная хроника // Г. 1865. 7 (19) апреля, № 95. С. 1).

Б. Н. Тихомировым высказано предположение, что намек Порфирия на цитацию был связан с книгой Прудона «Война и мир» (см. о ней выше, с. 610, 682 и 686, коммент. к 6, 14, 220 и 224, а также: Тихомиров, 2005. С. 367—368). В изложении этой книги, появившемся в журнале «Время», говорилось: «...началась борьба, открылась война, потекла кровь, которая должна обновить новый мир и указать ему новые идеалы» (Бибиков П. А. Феноменология войны // Вр. 1861. № 12. С. 428). См. также в «Дневнике писателя» за 1876 г. мнения о войне, которые высказывает «парадоксалист»: «Война освежает людей»; и далее: «Пролитая кровь важная вещь» (ДП. 1876. Апрель. Гл. 2. § 2 — Акад. ПСС. Т. 22. С. 125, 126, 302).

С. 396. *Ищите и обрящите.* — Евангельское выражение: «Присите, и дастся вам; ищите, и обрящите; толцуйте, и отверзется вам» (церк.-слав.) (Мф. 7, 7; Лк. 11, 9).

С. 397. *...а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, — прямо на берег вынесет и на ноги поставит.* — Ср. в письме Достоевского к Н. П. Суловой от 19 апреля 1865 г.: «...не закупоривайте себя в исключительность, отдайтесь природе, отдайтесь внешнему миру и внешним вещам хоть немножко. Жизнь внешняя, действительная развивает нашу человеческую природу чрезвычайно, она материал дает» (Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 122; указано: Тихомиров, 2005. С. 371—372).

С. 397. *Рацея* — длинное скучное наставление, назидательное рассуждение.

С. 398. *...модный сектант убедит...* — Достоевский, вероятно, имел в виду В. И. Кельсиева (1835—1872) (малоосновательное сомнение в этом, высказанное без учета издательско-публицистических трудов Кельсиева начала 1860-х годов, см.: Эткин А. М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С. 82; ср.: ЛН. Т. 83. С. 329). В 1859 г., после встреч с А. И. Герценом, Кельсиев объявил себя политическим эмигрантом и начал издавать в Лондоне материалы, относящиеся к расколу. По инициативе Кельсиева в 1861 г. начался выпуск газеты для народа «Общее вече» (прилож. к «Колоколу»), обращенной к старообрядческо-сектантскому населению России с целью вовлечения его в революционное движение (рецензию Каткова на первые выпуски газеты, а также издания Кельсиева о расколе, с его биографией, см.: РВ. 1862. Т. 41. № 9. С. 425—438). «Известным авантюристом и литератором, русским эмигрантом, мечтавшим произвесть агитацию между русскими раскольниками в России и за границей», назван он в некрологе «Гражданина» (1873. 15 января, № 3. С. 81). Имя Кельсиева, личность которого глубоко интересовала Достоевского, встречается в его записной книжке 1872—1875 гг. (см.: Акад. ПСС. Т. 21. С. 259, 261; ЛН. Т. 83. С. 300—303); об отражении его биографии в «Бесах» (образ Шатова) см.: Акад. ПСС. Т. 12. С. 231—233. См. также главу «В. И. Кельсиев» (опубл. 1870) в седьмой части «Былого и дум» (Герцен. Т. 11. С. 329—340).

В период непосредственной работы над «Преступлением и наказанием» имя Кельсиева стало «модным» в связи с передовой статьей Каткова об «агенции Герцена в Тульче», появившейся в «Московских ведомостях» за 21 августа 1865 г. и посвященной жизни среди старообрядцев-некрасовцев братьев В. И. и И. И. Кельсиевых. В ответ Герценом была помещена в «Колоколе» за 15 сентября 1865 г. статья «Агенство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“», в которой давалось сообщение о деятельности Кельсиевых в Румынии «на поприще религиозно-политической пропаганды». Говоря о том, что «братья (...) избрали своею специальностью мир раскольничий», Герцен настаивал, что это был личный выбор В. Кельсиева, отчасти обусловленный происхождением — его дед был священником (Там же. Т. 18. С. 423—424). Дальнейшее «рenegатство» Кельсиева, принесшего покаяние и прощенного царем в 1867 г., подтвердило незрелость его убеждений, уподобленных, в устах Порфирия Петровича, воззрениям «мичмана Дырки» (см. ниже). В 1866 г. Кельсиев (под псевдонимом) печатался в «Голосе», «Отечественных записках», «Русском вестнике».

С. 398. ...как мичману Дыркс... — Упоминается в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» (д. I, явл. 16). Достоевский, по-видимому, спутал его с другим персонажем той же комедии — смешливым мичманом Петуховым (д. II, явл. 8): «Бывало, ему, ничего больше, покажешь эдак один палец — вдруг засмеется, ей богу, и до самого вечера смеется» (Гоголь. Т. 5. С. 45).

С. 398. Тюремный замок — название некоторых тюрем в Российской империи.

С. 401—402. Он находился на —ском проспекте, шагах в тридцати или в сорока от Сенной (...) Трактир был грязный, дрянной и даже не средней руки. — «Пале де Кристаль» на Обуховском проспекте — см. выше, с. 657, коммент. к 6, 114; иное предположение (третьеразрядная распивочная купца 2-й гильдии Николая Петрова): Тихомиров, 2005. С. 374.

С. 402. ...мальчик-шарманщик ~ девушка в подтыканной полосатой юбке и в тирольской шляпке ~ пела под аккомпанемент органиста... — В «Прогулках по Невскому проспекту» (1846) Е. И. Расторгуева сообщалось о модных бродячих ансамблях: «Многочисленные оркестры музыкантов, тирольские певцы в блузах, певички в капотах и шляпках, виртуозы с кларнетом и флейтою, немецкий бас с шарманкою...» (Чувствительные путешествия и прогулки по Невскому проспекту / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Конечного. СПб., 2009. С. 157). Л. А. Полонский (Иван Любич) в фельетоне «Невский наблюдатель» противопоставлял увлечение тирольскими музыкантами в петербургских увеселительных заведениях призывам «любить отечественное», которыми был так памятен Аполлон Григорьев (СПбВ. 1865. 20 июня (2 июля). № 154. С. 1—2).

С. 403. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния! — Мысль о влиянии климатических усло-

вий на душевное состояние преступника нередко высказывалась в 1860-е годы, в частности в тех сочинениях, которые Достоевский упоминает в своем романе. «Преступления соопределяются также и влиянием природы, например погодю», — писал А. Вагнер в статье «Законосообразность в по-видимому произвольных человеческих действиях с точки зрения статистики», помещенной в сборнике «Общий вывод положительного метода» (СПб., 1866. С. 343; см. выше, с. 632 и 718, коммент. к 6, 46 и 345).

С. 405. ...клубный гастроном... — Свидригайлов говорит о том, что было центром жизни различных клубов; многие из них славились своей кухней.

С. 405. ...чтобы подмонтировать... С. 407: ...обстоятельство, которое меня очень монтировало... — Монтировать; монтировать (от фр. monter — подниматься, всходить) — возбуждать, волновать; быть возбужденным, взволнованным, находиться в приподнятом настроении.

С. 407. Вы — Шиллер, вы — идеалист ~ А кстати, вы любите Шиллера? Я ужасно люблю. — Ср. в черновых записях к «Братьям Карамазовым» слова Мити: «Я Шиллера любитель, я идеалист. Кто решил, что я пакоствник, тот меня еще не знает» (Акад. ПСС. Т. 15. С. 344); см. также 7, 628, коммент. к 6, 39. Шиллер принадлежал к числу тех литературных фигур, вокруг которых в начале 1860-х годов разгорелась острая журнальная полемика в связи с вопросом об их «пригодности» для молодого поколения (см. об этом: Акад. ПСС. Т. 19. С. 286—291; Данилевский Р. Ю. Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2012. С. 392—394). Весьма критично относились к немецкому поэту публицисты журнала «Русское слово». Особую позицию занимал М. Е. Салтыков-Щедрин, который писал в хронике «Петербургские театры» (1863): «...идеализм совсем не в том состоит, чтобы веровать непременно в Шиллера и ненавидеть Бюхнера; можно любить и признавать Шиллера величайшим поэтом и в то же время не быть идеалистом, как равно можно быть последователем Бюхнера и в то же время быть яростнейшим идеалистом...» (Салтыков-Щедрин. Т. 5. С. 169). В одной из своих статей М. Н. Катков назвал русских революционеров, как они, по его мнению, представлялись в то время за границей А. И. Герцену, «Шиллерами с примесью Бабефа» (французского коммуниста, казненного в 1797 г.) — или «их приятной смесью» (Катков М. Н. Заметка для издателя «Колокола» // РВ. 1862. Т. 39. № 6. С. 849; см. об этом: Краснов Г. В., Викторovich В. А. Нигилист на рубеже 60-х годов как социальный и литературный тип // Революционная ситуация в России в середине XIX века: Деятели и историки. М., 1986. [Сб. 9]. С. 27—28; Березкина, 2015. С. 104—105). Достоевский видел всю сложность проблемы современного шиллеризма, поэтому в любви к немецкому поэту в романе признается «сладоэрастник» Свидригайлов, далекий от каких-либо новых веяний, но угадывающий при этом «Шиллера» в нигилисте Раскольникове.

С. 410. ...судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры ~ одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. — В основу этого образа, возможно, легли впечатления Достоевского от картины итальянского художника Себастьяно дель Пьомбо (1485—1547) «Мученичество святой Агаты», которую он мог видеть в галерее Питти во Флоренции в 1862 г. (см.: Назиров, 1974. С. 207—209). О соотношениях с житиями других святых см.: Тихомиров, 2005. С. 380—381. См. также в подготовительных материалах: 7, 204.

С. 410. ...в четвертом и в пятом веках ушла бы в египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями. — Имеется в виду подвиг Марии Египетской (V—VI вв.), христианской святой, прожившей 47 лет в пустыне Иорданской, «победившей кровь свою и род свой страданием неслыханным»; образ ее интересовал Достоевского до конца жизни (см. его письмо к Ю. Ф. Абаза, 15 июня 1880 г. — Акад. ПСС. Т. 30, кн. 1. С. 192). О «Житии Марии Египетской», памятнике раннехристианской литературы, говорится в «Подростке»: «...это почти нельзя было вынести без слез, и не от умиления, а от какого-то странного восторга: чувствовалось что-то необычайное и горячее, как та раскаленная песчаная степь со львами, в которой скиталась святая» (Там же. Т. 13. С. 309). О Марии Египетской Достоевский упоминал в «Ползункове», «Братьях Карамазовых», «Дневнике писателя» за 1880 г., а также в разного рода подготовительных материалах и набросках.

С. 410—411. ...о каком-то господине Разумихине. Он малый, говорят, рассудительный (что и фамилия его показывает, семинарист должно быть)... — Свидригайлов связывает фамилию Разумихина с семинарским обычаем наречения учащихся «благозвучными» фамилиями. В романе «Некуда» (1864) Лескова сообщалось, что среди критериев, по которым они выбирались, были и «высокие свойства духа», например, «Любомудров, Остромысленский» (Лесков. Т. 2. С. 178).

С. 411. ...Параша, черноокая Параша... — Перефразировка первых строк стихотворения Г. Р. Державина «Параша» (1798): «Белокурая Параша, / Сребророзова лицом...» (Державин Г. Р. Соч.: В 9 т. / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1865. Т. 2. С. 184).

С. 413. Приказный (суц.) — мелкий чиновник, канцелярский служащий (пренебр.) (Ушаков. Т. 3. С. 799).

С. 414. ...только что шестнадцать лет минет, значит, через месяц ее и выдать можно ~ ну что ж, что мне пятьдесят, а той и шестнадцати нет? Кто ж на это смотрит? — По российскому законодательству, брачный возраст невесты — 16 лет. Препятствием к браку признавалась большая разница в возрасте, хотя при этом речь шла об устном внушении со стороны священника, но не об отказе в венчании.

С. 414—415. ...еще в коротеньком платьице, неразвернувшийся бутончик, краснеет, вспыхивает, как заря... — Тема развращения детей, которых для привлечения женихов водят до пятнадцати лет в «коротеньких» платьях, была намечена Достоевским в «Дядюшкином сне» (2, 441—442, 750).

С. 415. Тут что называется *la nature et la vérité!* — О выражении «*la nature et la vérité*» из «Исповеди» Руссо, где утверждается нацеленность всего произведения на изображение человека «в истинной природе», см. «Зимние заметки о летних впечатлениях» и коммент. к ним: 5, 100, 106, 475.

С. 415. ...у ней личико вроде Рафаэлевой Мадонны. Ведь у Сикстинской Мадонны лицо фантастическое, лицо скорбной юродивой... — Эта характеристика Сикстинской Мадонны отражает один из устойчивых аспектов восприятия ее Достоевским. «Федя находит скорбь в улыбке», — записала о Мадонне А. Г. Достоевская в дневнике 18 апреля 1867 г. (Достоевская А. Г., Дневник. С. 10). Об этом же она писала в 1867 г. из Дрездена С. А. Кашиной: «Сикстинская Мадонна — что это за милое, доброе, кроткое, ясное, именно скорбное (как говорит Ф. М.) лице. Мадонна Гольбейна, по-моему (с чем Ф. М. почти согласен), совсем не то» (Сб. Достоевский, 2. С. 310).

Записи о Свидригайлове в подготовительных материалах к роману: «...(невеста, сравнивает свою невесту с Раф(азлевой) Мадонной). О Рафаэлевой Мадоне — юродивая» (7, 257). Помимо «Преступления и наказания», Достоевский упоминает Сикстинскую Мадонну в «Зимних заметках о летних впечатлениях», «Бесах», «Подростке» и др. (см.: 7, 422).

С. 416. Поцалите, батюшка, я человек грешный! — Ср.: «...выйди от меня, Господи! я человек грешный» (Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 145; Т. 2. С. 244); синодальный перевод: «...выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк. 5, 8).

С. 416. Попал я на один танцевальный так называемый вечер — клоак страшный ~ ну, разумеется, канкан, каких нету и каких в мое время и не было ~ девочка, лет тринадцати... — О канканах, трактирных сценах, пьянстве как характерных явлениях петербургской жизни писала «Эпоха» (см.: Соловьев Н. Разлад // Э. 1865. № 2. Отд. II. С. 39; см. также: Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 241—242).

Разрешение на открытие танцевальных вечеров последовало в 1862 г., что, по мнению М. И. Кузнецова, способствовало развитию проституции: «...весьма редко можно встретить там какую-нибудь мастерицу модного магазина, живущую честным трудом (...) Неприличный канкан считается молодечеством; женщины также заставляют канкировать, и чем размахистее, чем пошлее канкан, тем в больший восторг приходит публика (...) Обнять, поцеловать, ущипнуть, толкнуть незнакомую женщину, подставить ей ногу, чтобы она упала, — дело обыкновенное. Пьянство часто доходит до неистовства и безобразия

⟨...⟩ Таким образом само общество обратило эти танцевальные вечера в притон разврата, а на женщин, посещающих их, смотрит как на проституток» (Кузнецов, *Проституция в Петербурге*. С. 34—35). Скандальными историями, связанными с танцевальными вечерами, были полны газетные полосы (см., например, фельетон «Невского наблюдателя» (Л. А. Полонского): *СПбВ*. 1865. 11 июля, № 175. С. 1—2).

С. 417. *Шиллер-то, Шиллер-то наш...* (Ср. с. 419: *Шиллер-то в вас смущается поминутно.*) — См. выше, с. 734, коммент. к 6, 407.

С. 417. *Où va-t-elle la vertu se nicher?* — Воскликание, приписываемое Мольеру, в ответ на обращение к нему нищего, решившего, что поэт ошибся, подав ему золотой. Об этом эпизоде упоминает Вольтер в «Жизни Мольера» (1739) — см.: *Guerlac O. Les citations françaises*. Paris, 1961. P. 323—324.

С. 418. *...adieu, mon plaisir, до радостного свидания!* — Выражение восходит к Карамзину: «Старик Тоблер простился со мною до радостного свидания в полях вечности, которая есть любимый предмет утренних и вечерних его размышлений» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника* / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 125).

С. 419. *...уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку!* — В подготовительных материалах об этом намерении заявляет сам Раскольников — см. 7, 246: *Да я вчера вырвался квартиру нанимать. Да хотел в Америку...* Ср. далее (6, 442) реплику Свидригайлова перед тем, как спустить курок: *Я, брат, еду в чужие края. ⟨...⟩ В Америку.*

В учебнике уголовного права В. Д. Спасовича, в разделе «Ссылка английская в Америку», говорилось, что отправкой в Америку «государство избавлялось разом от всех мазуриков, бродяг, отъявленных злодеев и людей подозрительных» (*Спасович В. Д. Учебник уголовного права*. СПб., 1863. Т. 1. Вып. 2. С. 211). «Колонисты состояли из испорченных и негодных классов населения больших английских городов», — замечал другой автор (*Нейманн К. Ф. История Американских Соединенных Штатов* / Пер. с нем. СПб., 1864. Т. 1. С. 3). С большим сарказмом писал об этой «системе наказания» — «выселении освобождаемых из тюрьмы преступников в другие части света» — Н. В. Шелгунов в статье «Келейная тюрьма» (Луч: Учен. лит. сб. СПб., 1866. С. 51).

В третьем номере журнала «Время» за 1863 г. в статье В. П. Попова «Преступления и наказания. (Эскизы из истории уголовного права)», в историческом обзоре теорий уголовного права различных стран, называлась книга «Пенитенциарная система» («*Du système pénitentiaire aux États-Unis et de son application en France*», 1833), авторы которой Г. де Бомон и А. де Токвиль выезжали специально в 1831 г. в Америку, по заданию правительства Франции, для ее изучения. Их работы были хорошо знакомы Достоевскому. Среди книг, которые он брал из библиотеки Петрашевского, было сочинение Бомона

«Мария, или Рабство в Соединенных Штатах» («Marie, ou L'Esclavage aux Etats-Unis»; 1835). Сочинение Токвиля «Демократия в Америке» («De la démocratie en Amérique», 1835—1840), в котором дается критический анализ американской демократии и «объясняется весь состав общества, как оно должно быть», обсуждалось на пятницах Петрашевского и также было известно писателю (см.: Дело петрашевцев. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 387, 402; *Акад. ПСС*. Т. 18. С. 340—341). В 1860 г. в России появились новые переводы сочинений Токвиля на русский язык.

О бегстве в Америку с целью «испытать свободный труд в свободном государстве» (выражение оформлено как чужая цитата) Достоевский упоминал в «Дневнике писателя» на 1873 г. (*ДП*. 1873. § 11 — *Акад. ПСС*. Т. 21. С. 96, 441). Тема эта звучит и в романах Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы». См.: *Сараскина Л. И.* Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // *Теория художественной культуры*. М., 2010. Вып. 13. С. 195—211.

С. 425. *Русские люди вообще широкие люди ~ как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особенной гениальности.* — В «Моих литературных и нравственных скитальчествах» Ап. Григорьева (часть «Детство», гл. I; опубл. 1862, в журнале «Время») утверждалось, с отсылкой к высказываниям Ж. Санд и Э. Ренана, о «людях сильных» и «людях великих», «мыслях узких» и «мыслях широких»: «Есть люди широкие; из них делаются или великие люди, или Обломовы, и есть люди сильные, крепкие, кряжевые, из которых великие люди бывают, и даже часто, но Обломовы никогда. Они отдаются жизни и всем ее веяниям, и благо им, если они гении — представители веяний жизни...» (*Григорьев А. А.* Воспоминания / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров. Л., 1980. С. 26—27, 384). Выражение «широкие люди» постепенно приобретало все более и более иронический оттенок (не в последнюю очередь благодаря статье Н. А. Добролюбова «Забитые люди» (1861)) — ср. в «Братьях Карамазовых», в речи прокурора: «Мы широки, широки, как вся наша матушка Россия...» (*Акад. ПСС*. Т. 15. С. 129).

С. 426. *Хотите, я увезу его за границу? ~ в три дня достану билет.* — Имеется в виду разрешение на выезд за границу.

С. 428. *...ты мне говорил об яде... я знаю, ты за ним ездил...* — Согласно медицинскому заключению, Марфа Петровна умерла от апоплексического удара (6, 241). По предположению Б. Н. Тихомирова, Достоевский воспользовался ситуацией, описанной в анонимной статье «Отравление мышьяком или апоплексический удар?» (см.: *Архив судебной медицины*. 1865. Кн. 2—3; *Тихомиров*, 2005. С. 391—392). В ней сообщалось о судебном разбирательстве начала 1860-х годов в одном из немецких судов по делу Г. Трескена, обвинявшегося в отравлении своей жены; у него была молодая сообщница, которой он был увлечен. Несмотря на обнаружение в трупе небольшого количества мышьяка, эксперты не смогли опровергнуть предположение о смерти жены Трескена от апоплексического удара.

С. 431. ...оба они были с кривыми носами: у одного нос шел криво вправо, а у другого влево. — По мнению П. М. Бицилли, выказанному в статье «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (1945—1946), здесь усматривается гоголевская традиция создания комических близнецов — Бобчинский и Добчинский, Иван Иванович и Иван Никифорович (см.: Бицилли П. М. Избр. труды по филологии. [М.], 1996. С. 493; Тихомиров, 2005. С. 393). Ср.: «Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова у Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх» (Гоголь. Т. 2. С. 226).

С. 431. ...в какой-то увеселительный сад ~ «вакзал», в сущности распивочная... — Вокзал в словоупотреблении XIX в. — помещение для общественных увеселений (от англ. Vauxhall — названия лондонского пригорода, превращенного в парк для гулянья).

С. 432. Ну, вы эту даму сегодня видели? Я знаю, что она вам говорила, нечего пересказывать ~ У этого народа известная складка. — Свидригайлов говорит о деятельницах на ниве благотворительности. С 1830-х годов в Петербурге существовало благотворительное движение по спасению «магдалинок». В статистическом исследовании М. И. Кузнецова за 1850—1860-е годы отмечена малая эффективность Дома милосердия для падших женщин, поскольку многие из обрадовавшихся в него не выдерживали приютской жизни (в частности, из-за тяжести повседневного труда) и возвращались к своему ремеслу (см.: Кузнецов, Проституция в Петербурге. С. 52, 55; Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге: (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 124—126). Огромные усилия в приюте направлялись на религиозно-нравственное просвещение. Видимо, на эту «складку» благотворительниц и намекает Свидригайлов. Несколько ранее он охарактеризовал деятельницу, к которой направил Соню, как «знатную даму-старушку» и «распорядительницу в каких-то сиротских заведениях» (6, 418—419). Здесь, вероятнее всего, подразумевается членство (или даже председательство) в каком-то попечительском совете.

С. 432. ...по Владимирке. — Владимирка — тракт через город Владимир, по которому отправляли в Сибирь ссыльнокаторжных.

С. 433. Живите и много живите... — Ср. запись № 83 в СТ (4, 270).

С. 434. Федосья — имя служанки Достоевского в 1866—1867 годах, до отъезда за границу, неоднократно упоминавшейся в его письмах (см.: Акад. ПСС. Т. 30, кн. 2. С. 358; Достоевская А. Г., Воспоминания, 1987. С. 67, 102—103, 138—139).

С. 434. ...переходил через —ков мост... — Тучков мост (см. выше, с. 633, коммент. к б, 48).

С. 434. ...и пошел на —ой проспект. Он шагал по бесконечному —ому проспекту... — Примеч. А. Г. Достоевской: «По Большому проспекту Петербургской стороны. Эта местность была хорошо известна Федору Михайловичу, так как сестра его Александра Михайлов-

на Голеновская (по второму мужу Шевякова) владела домом на Большом проспекте, близ Каменноостровского, и Федор Михайлович, приезжая к ней, всегда тяготился „бесконечностью” Большого проспекта, тогда еще довольно пустынного и застроенного мелкими деревянными домишками» (*Гроссман, Семинарий*. С. 57—58).

С. 435. ...гостиницу ~ что-то вроде Адрианополя. — На Большом проспекте Петербургской стороны существовала гостиница «Александрия» (см.: *Тихомиров, 2005*. С. 398). Трактир под названием «Адрианополь» («в одном из великороссийских губернских городов») фигурирует в романе Лескова «Некуда» (1864) (*Лесков*. Т. 2. С. 53). Адрианополь (ныне Эдирне), город в Турции, был связан с памятью о победе, которую одержала Россия в войне с Турцией 1828—1829 гг. О Петербурге, в котором живет и умирает Свидригайлов, см.: *Samosionek-Godlewska H.* Художественное пространство в «Преступлении и наказании» Федора Достоевского // *Studia rossica rosniensis*. 1986. Vol. 18. С. 220—228.

С. 435. *Кафешантан* (фр. *café-chantant*) — увеселительное заведение с эстрадой. Первый кафешантан в Петербурге был открыт в 1860 г. И. И. Излером, переименовавшим таким образом одно из своих заведений.

С. 436. *Петровский парк* — парк на Петровском острове.

С. 438. *Троицын день* — день Святой Троицы (Пятидесятница), праздник «двунадесятый», из числа важнейших в христианской церкви.

С. 438. ...езде были цветы. Полы были усыпаны свежеею накошенною душистою травой... — Народный обычай празднования Троицы. См. об этом: *Тихомиров, 2005*. С. 400—401.

С. 438. ...гроб был обит белым гроденаплем... — Гроденапл (фр. *gros de Naples*) — плотная шелковая ткань. Ср. в «Кроткой» Достоевского: «...гроб будет завтра, белый, белый гроденапл...» (*Акад. ПСС*. Т. 24. С. 6).

С. 438. *Вся в цветах лежала в нем девочка, в белом тюлевом платье ~ веноч из роз обвивал ее голову.* — Традиционное одеяние девушки, умершей до брака.

С. 438. ...ни образа, ни зажженных свечей не было у этого гроба и не слышно было молитв ~ Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце... — Христианская церковь запрещает отпевать и поминать самоубийц (поэтому у гроба девочки «не слышно (...) молитв»). Она погибла «в сырую оттепель, когда выл ветер», однако совесть Свидригайлова переносит сон о ней на Троицу (ср. сон Ставрогина: *Акад. ПСС*. Т. 11. С. 22) — возможно, потому, что с этим праздником (а главное, с Троицкой родительской субботой в канун его) народная молва связывает возможность церковного поминовения самоубийц (см. об этом в повести Лескова «Очарованный странник» (1873): *Лесков*. Т. 4. С. 390). Ср.: *Курганов Е. Я.* Творчество Достоевского и архаические ритуалы (три заметки) // *Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры*. М., 2002. С. 776—777.

О девочке-самоубийце рассказывалось в обозрении «Внутренние новости» А. У. Порецкого в журнале «Время» (1861. № 5. С. 17). Тема обиженной девочки многократно варьировалась в творчестве Достоевского: помимо «Преступления и наказания», это обольщенная Тоцким Настасья Филипповна в «Идиоте», Хроменькая в «Житии великого грешника», Матреша в «Бесах» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 12. С. 238), оскорбленная девочка в черновиках «Подростка» и др. (см. об этом: *Захаров В. Н.* Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978. С. 100—104). Повторяющийся мотив, по-видимому, был связан с воспоминанием Достоевского, относящимся к началу 1830-х годов, о страшной смерти девятилетнего ребенка, «дочери кухера или повара», с которой он играл в детстве (*З. А. Трубецкая, Достоевский и А. П. Философова* / Публ. С. В. Белова // *РЛ*. 1973. № 3. С. 117; *Летопись*. Т. 1. С. 20; см. также в воспоминаниях С. В. Ковалевской сообщение Достоевского (весна 1865 г.) о задуманном им произведении: *Достоевский в воспоминаниях*, 1990. Т. 2. С. 29, 496).

С. 439. ...пушечный выстрел ~ сигнал! Вода прибывает... — Пушечными выстрелами с Петропавловской крепости предупреждались жители столицы об опасности наводнения. Буря в Петербурге была в ночь с 29 на 30 июня 1865 г., и от нее в особенности пострадала Петербургская сторона; вода в Неве поднялась на 6 футов и 4 дюйма — чуть менее двух метров (см.: *СПбВ*. 1865. 1 (13) июля, № 162. С. 3; *РИ*. 1865. 2 июля, № 143).

С. 440. Камелия — женщина легкого поведения. О петербургских камелиях см. в фельетоне Достоевского «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861) (*Акад. ПСС*. Т. 19. С. 67, 73, 79—81, 84, 267—268, 271, 274).

С. 441. ...поворотил в —скую улицу. Тут-то стоял большой дом с каланчой. — Примеч. А. Г. Достоевской: «Полицейский дом Петербургской стороны (Пожарный отдел). На углу Съезжинской и Большого проспекта» (*Гроссман, Семинарий*. С. 58).

С. 442. ...в медной ахиллесовской каске. — Ахиллеса, героя «Илиады», обычно изображали в шлеме, увенчанном нависшим вперед гребнем. Медная или бронзовая каска с гребнем, с двумя козырьками, спереди и сзади — головной убор пожарных в Российской империи.

С. 442. На лице его виднелась та вековечная брезгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени. — Позднее в статье «Но да здравствует братство!» Достоевский связал «всегдашнюю „скорбную брезгливость“ евреев» с «русским племенем», назвав ее «предубеждением, „историческим наростом“», который должен исчезнуть «в полном братстве» (*ДП*. 1877. Март. Гл. 2. § 4 — *Акад. ПСС*. Т. 25. С. 87). О последнем собеседнике Свидригайлова см.: *Штейнберг А. З.* Достоевский и еврейство // *Рус. эмигранты о Достоевском*. С. 121—122; *Мейер*. С. 457—467, 503—510; *Лапшин И. И.* Комическое в

произведениях Достоевского // *О Достоевском*. С. 231; Busch R. L. *Humor in the Major Novels of F. M. Dostoevsky*. Columbus: Slavica Publishers, 1987. P. 37—38; *Гибан*. С. 228—233; *Сараскина Л. И.* Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского. С. 207—208.

С. 443. ...*двадцать три года сказались*. — Ср. в подготовительных материалах: «23-летняя черта»; «В художественном исполнении не забыть, что ему 23 года» (7, 174 (примеч. 2), 199). Отмеченная Достоевским «черта» Раскольников должен был напомнить о восклицании героя трагедии Шиллера «Дон Карлос, инфант Испанский» (1785—1787): «Двадцать три уж года, / И ничего не сделать для потомства!» (пер. М. М. Достоевского, опубл. 1848; цит. по изданию, в которое вошел в переработанном виде: *Драматические сочинения Шиллера в переводах русских писателей / Под ред. Н. В. Гербеля*. СПб., 1857. Ч. 3. С. 232; см.: *Тихомиров, 2005*. С. 409—410). Ср. в книге Герцена «Былое и думы» (Ч. 4. Гл. XXV; 1855): «...еще во времена студентские мы раз сидели с Вадимом за рейнвейном, он становился мрачнее и мрачнее и вдруг, со слезами на глазах, повторил слова Дон-Карлоса, повторившего, в свою очередь, слова Юлия Цезаря: „Двадцать три года, и ничего не сделано для бессмертия!“» (*Герцен*. Т. 9. С. 10; о сходном высказывании Юлия Цезаря, приведенном Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях», см.: Там же. С. 308).

С. 448. ...я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят... — Ср. в «Петербургских трущобах» (Ч. 1), в главе, вошедшей в публикацию журнала «Эпоха» 1864 г. под заглавием «Ерши»: «Сорок грехов тебе за это простится, мошенник ты эдакий!» (Э. 1864. № 1/2. С. 371; *Крестовский*. Т. 1. С. 95). В романе Крестовского поговорка о «сорока грехах» употреблена в разговоре двух мазуриков, из которых один уговаривает другого сыграть с ним в карты.

Прощение «сорока грехов» связывалось в народе с разными зловредными тварями, например, змеей (в романе «Ледяной дом» (1835) — см.: *Лажечников И. И.* Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 192), волком (в романе «Три конца» (1890) — см.: *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 291), пауком (в народных легендах — см.: *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 504). См. также в рассказе Салтыкова-Щедрина «Развеселое житье» (1859; «Невинные рассказы»): «...паука убить — сто грехов убавится...» (*Салтыков-Щедрин*. Т. 3. С. 160). См. также: *Словарь языка Достоевского, 2008*. Т. 1. С. 744—746.

Более сложным является генезис убеждения Раскольникова в «безгрешности» произведенного им суда над старухой-процентщицей, которая, как вошь, «из бедных сок высасывала». Позднейшая песня «О двух великих грешниках» (гл. «Пир на весь мир», опубл. 1881) из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» демонстрирует сходную радикальную идею об освобождении от грехов через убийство страшного грешника (см.: *Некрасов, 1981—2000*. Т. 5. С. 207—

210; см. об этом: Кирпотин, *Разочарование Раскольникова*, 1986. С. 94—95).

С. 448. ...кровь ~ которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии... — Юлий Цезарь был удостоен званий верховного жреца и военного трибуна по возвращении в Рим из Пергама, где он жестоко расправился с морскими пиратами (см.: *Наполеон III, имп.* История Юлия Цезаря. СПб., 1865. Т. 1. С. 298—300).

С. 448. *А! не та форма, не так эстетически хорошая форма ~ Боязнь эстетики есть первый признак бессилия!..* — Ср. набросок, где слова о «боязни эстетики» предназначались, по-видимому, Свидригайлову (7, 211). «Боязнь эстетики» — это страх перед оценкой убийства процентщицы «косным» большинством. Здесь, несомненно, подразумевались выступления на страницах «Русского слова» Д. И. Писарева — борца с нормативной эстетикой, отвергающей отражения в искусстве этики, мировоззрения и образа жизни критически мыслящего молодого поколения. Разбирая отношения Базарова с Одинцовой, он писал в статье «Реалисты» (1864): «Что за удивительная смесь различных чувств! И боязнь, и доверие, и уважение, и желание дружбы <...> Боязнь тут не что иное, как неполное понимание, потому что мы всегда боимся того, что кажется нам странным, неизвестным или необъяснимым. Но отчего же из всей этой смеси чувств не составляется та своеобразная кристаллизация, которая называется любовью? <...> Оттого, что эстетика мешает; оттого, что в чувстве Базарова нет той внешней миловидности, *joli à voir* <красивого, миловидного — фр.>, которые Одинцова совершенно бессознательно считает необходимыми атрибутами всякого любовного пафоса. <...> Эстетика и реализм действительно находятся в непримиримой вражде между собою, и реализм должен радикально истребить эстетику <...> эстетика есть самый прочный элемент умственного застоя и самый надежный враг разумного прогресса» (*Писарев, 2000.* Т. 6. С. 273—274; см. об этом: *Никитин, 2010.* С. 221—222). О выступлениях на страницах «Эпохи» против «эстетики» Писарева см.: *Нечаева, «Эпоха».* С. 199—202; о «Реалистах» см. также далее, с. 778, коммент. к 7, 185. Ср.: *Leatherbarrow W. J. Fedor Dostoevsky.* Boston: Twayne Publishers, 1981. P. 83—89.

С. 451. *Буркалы — глаза (простореч.)* (*Словарь XVIII в.* Вып. 2. С. 169).

С. 452. *Я знаю тоже подобных два креста, серебряный и образок. Я их сбросил тогда старушонке на грудь.* (Ср. с. 69: *На шурке были два креста, кипарисный и медный, и, кроме того, финифтяный образок...*) — Об ошибке памяти Раскольникова см.: *Тороп.* С. 111—112.

С. 453. *Он шел по набережной канавы ~ вдруг повернул на мост, в сторону, и прошел на Сенную.* — Имеется в виду деревянный Кокушкин мост на Екатерининском канале.

С. 453. *...проvezут куда-нибудь в этих арестантских каретах...* — Мысль об арестантах посещает Раскольникова на Сенной,

поскольку рядом была пересыльная тюрьма (см.: Тихомиров, 2005. С. 414); ср. в подготовительных материалах (7, 239): *Картина / Проводят каторжных*. См. в мемуарах А. Ф. Кони «Петербург. Воспоминания старожила» (1922), в которых описывается город 1850-х—первой половины 1860-х годов: «Когда мы подходим к концу Сенной площади, нам пересекает дорогу идущая со стороны Демидова переулочка большая группа людей, одетых в серые куртки с бубновыми тузами на спине. Это ссыльнокаторжные из пересыльной тюрьмы (...) Они идут, звеня цепями, в серых войлочных шапках на полубритых головах, понурые и угрюмые, а сзади на повозках едут следующие за ними жены, часто с детьми. Отряд войск окружает эту группу. Прохожие останавливаются и подают калачи, булки и милостыню „несчастным“» (Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 42).

С. 454—455. ...на Сенной ~ Она пряталась от него за одним из деревянных барачков, стоявших на площади... — Имеются в виду торговые балаганы (см.: Бурмистров. С. 73).

С. 455. *Слыхом не слышать, видом не видать, а русский дух... как это там в сказке... забыл!* — Ироничное «забыл!» в связи с известной сказочной формулой напоминало об острой полемике между Достоевским и Салтыковым-Щедриным 1863 года. Ср. в статье Достоевского «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» — о «Современнике»: «Духа русского тут и слыхом не слышать и видом не видать. Чутья русского и во сне не предвидится» (*Акад. ПСС*. Т. 20. С. 52); в хронике Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь» (март 1863), после цитаты о «духе русском»: «А в вас-то что русского? А что, если мы докажем, что все ваше русское есть не более как арбузные корки, выкинутые вам покойною „Русскою беседой“ за ненадобностью и обглоданием? А что, если мы докажем вам, что в вас только и есть русского, что „Мертвый дом“?» (*Салтыков-Щедрин*. Т. 6. С. 49; см.: Березкина, 2015. С. 105).

С. 457. ...записки Ливингстона изволили читать? — Дэвид Ливингстон (1813—1873) — известный английский путешественник, совершил ряд путешествий в глубь Африки в 1840—1860-х годах, описания которых приобрели общеевропейскую известность. В 1858 г. в «Отечественных записках» был напечатан перевод книги Ливингстона «Путешествие и исследование миссионера в Южной Африке» (1857) (отклик на публикацию см.: Писарев, 2000. Т. 1. С. 51—53, 416—417). В 1865 г. в Лондоне была опубликована его книга (в соавторстве с братом), вышедшая в русском переводе через два года (*Ливингстон Д., Ливингстон Ч.* Путешествие по Замбези и ее притокам и открытие озер Ширва и Ниасса (1858—1864): В 2 т. СПб.; М., 1867; ценз. разр. т. 1—8 ноября 1866 г.). Еще в 1861 г. А. П. Милюков сравнивал «Записки из Мертвого дома» с сочинениями Ливингстона об Африке: «Это одно из таких сочинений, которые приковывают ваше внимание поразительной свежестью впечатления, точно книга какого-нибудь Ливингстона, сообщающего открытия в не-

знакомом и любопытном мире» (Св. 1861. № 5. Крит. обзор. С. 28). Редактором русского перевода «Путешествия по Замбези...» был Н. Н. Страхов. О популярности Ливингстона в России см.: Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Облик далекой страны. М., 1975. С. 397—405.

С. 457. ...этих стриженных девок ~ прозвал их сам от себя повивальными бабками ~ Лезут в академию, учатся анатомии... — Отражение традиционных для того времени нападок на сторонниц женского образования. С 1859 г. женщины в качестве вольнослушательниц начали посещать лекции в Петербургском университете (а вслед за ним и в других российских городах), однако в 1863 г. новый университетский устав наложил на это запрет. Профессиональное образование было ограничено для женщин в 1860-х годах только профессиями акушерки и учительницы. Подготовка к первой из них осуществлялась в Петербурге на курсах при Медико-хирургической (ныне Военно-медицинской) академии. О борьбе передовой молодежи за возможность для женщин обучения в академии и ее отражении в периодической печати см.: Тишков. С. 152—154. В 1864 г. женщины были изгнаны и оттуда. О разного рода повивальных и акушерских школах, открытых в различных городах России в середине 1860-х годов, см.: Там же. С. 191—192. Отнесение к нигилисткам определения «стриженные» было в русской литературе 1860-х годов повсеместным и встречается в произведениях Достоевского («Бесы»), Салтыкова-Щедрина (последовательного их защитника), Лескова, Боборыкина и др.

Среди курсисток, посещавших лекции Медико-хирургической академии, была Н. П. Сулова, сестра А. П. Суловой, ставшая первой в России женщиной — доктором медицины. Достоевский был дружен с Н. П. Суловой. Сохранилось его письмо к ней от 19 апреля 1865 г.: «Я Вас высоко ценю, Вы редкое существо из встреченных мною в жизни» (Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 122). За успехами Н. П. Суловой он продолжал следить и позднее. «...На днях прочел в газетах, что прежний друг мой, Надежда Сулова (<...>), — писал он своей племяннице С. А. Ивановой из Женевы 1 (13) января 1868 г., — выдержала в Цюрихском университете экзамен на доктора медицины и блистательно защитила свою диссертацию. Это еще очень молодая девушка; ей, впрочем, теперь 23 года, редкая личность, благородная, честная, высокая!» (Там же. С. 252).

С. 457. ...я вот заболелю, ну позову ли я девицу лечить себя? — В статье «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» (РСЛ. 1861. № 12) Д. И. Писарев возражал фельетонисту киевской газеты «Современная медицина» (1861. 2 ноября, № 44), заявившему, что «женщины-медики будут поставлены в щекотливое положение, если им придется лечить специально мужские болезни» (см.: Писарев, 2000. Т. 3. С. 352, 497).

С. 457. Вот еще сколько этих самоубийств распространилось... — «Самоубийства в Петербурге стали видимо увеличиваться с 1864 года (<...> В 1864 году было 57 самоубийств (<...> в 1870 —

125» и т. д. (Русский календарь на 1875 год / Изд. А. С. Суворин. СПб., 1875. С. 367; см. также: Тихомиров, 2005. С. 420).

С. 460. Сибирь. На берегу широкой, пустынной реки стоит город, один из административных центров России; в городе крепость, в крепости острог. — Достоевский говорит об Омском остроге, расположенном на берегу Иртыша, где он провел четыре года (см. описание той же крепости и реки в «Записках из Мертвого дома» — 4, 9, 197). В Омске находилось в то время Главное управление Западной Сибири.

С. 460. ...заключен ссыльно-каторжный второго разряда... — К тому же разряду ссыльнокаторжных относился Достоевский (см.: Летопись. Т. 1. С. 183; ср.: 4, 6).

С. 461. Тут, кстати, подоспела новейшая модная теория временного умопомешательства... — «Тезис» о том, что «преступление есть помешательство», упомянут Достоевским в «Бесах», где вложен в уста Петра Верховенского (см.: Акад. ПСС. Т. 10. С. 324; Т. 12. С. 306). О разработке этого «тезиса» в русской журналистике см. выше, с. 684, коммент. к 6, 221. В «Преступлении и наказании» могла подразумеваться и книга немецкого психиатра Р. фон Краффта-Эбинга (1840—1902) «Учение о временном или преходящем помешательстве (mania transitoria), изложенное для врачей и юристов» («Die Lehre von der Mania transitoria für Aerzte und Juristen dargestellt»; 1865), реферат которой был опубликован в изд.: *Архив судебной медицины*. 1866. Кн. 2, 3. Отд. II. В ней утверждалось: «Временное помешательство становится тем важнее для судебной практики, что здесь очевидно представляется вполне несвободное состояние: в приступе временного помешательства человек не сознает ни самого себя, ни значения своего поступка, его последствий, наказуемости...» (Там же. Кн. 3. С. 118; см.: Тихомиров, 2005. С. 423—424); в 1867 г. книга вышла на русском языке отдельным изданием. По мнению Н. Д. Ахшарумова, Достоевский «явно смеется над модной теорией временного умопомешательства» (Ахшарумов. С. 148).

С. 461. Приговор, однако ж, оказался милостивее, чем можно было ожидать, судя по совершенному преступлению... — Убийство с целью ограбления каралось каторжными работами на срок от 15 до 20 лет. Б. Н. Тихомиров привел пример смягчения приговора студенту А. М. Данилову, убившему в 1866 г. ростовщика и его служанку (см. о нем во вступительной статье: 7, 508): он был приговорен как «заслуживающий снисхождения» к «каторжным работам в рудниках на девять лет» с последующим поселением «в Сибири навсегда» (Замечательные уголовные процессы, разрешенные в Московском окружном суде с участием присяжных заседателей / Сост. А. А. Лютецкий. М., 1867. С. 208; см.: Тихомиров, 2005. С. 425). Ср. в подготовительных материалах: 7, 211: 7 лет каторги, смягчено по высочайшему повелению.

С. 462. ...вследствие ложного показания на себя упавшего духом изувера (Николая)... — Изувер — фанатик (Ушаков. Т. 1.

С. 1182); в отношении старообрядцев это определение было традиционным в официальных документах.

С. 465. *В публичных каретах...* — О петербургских омнибусах (вместимостью до двадцати пассажиров) см. в мемуарах А. Ф. Кони «Петербург. Воспоминания старожил» (Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 29).

С. 466. *...завести у себя ежедневный чай...* — Ср. в «Записках из Мертвого дома»: 4, 27, 63, 75 и др.

С. 467. *...у острожных ворот или в кордегардии ~ на работах ~ на кирпичных заводах...* — Эти строки автобиографичны. Достоевский дважды ходил с партией арестантов за несколько верст от крепости работать на кирпичный завод (см.: *Биография*. С. 131). Из мемуаров П. К. Мартыанова мы знаем также, что «Ф. М. Достоевский и С. Ф. Дуров часто оставались для работ при остроге и, по смене старого караула, требовались новым начальником в кордегардию и находились некоторое время в комнате караульного офицера, где им сообщались новости дня, передавались от сердобольных людей пожертвования и дозволялось чтение...» (*Достоевский в воспоминаниях*, 1990. Т. 1. С. 340).

С. 467. *...он заболел весьма серьезно и лежит в госпитале, в арестантской палате...* — Ср. в «Записках из Мертвого дома», гл. «Госпиталь»: 4, 145—157.

С. 467. *Кандалов он даже на себе не чувствовал.* — По утверждению Достоевского, кандалы весили «от восьми до двенадцати фунтов. Носить десять фунтов здоровому человеку неотягчительно» (4, 154, 430).

С. 467. *Стыдиться ли ему было своей бритой головы и половинчатой куртки?* — В «Записках из Мертвого дома» Достоевский писал о различиях в одежде каторжников разных разрядов: «...у одних половина куртки была темно-бурая, а другая серая, равно и на панталонах одна нога серая, а другая темно-бурая. <...> Голова тоже брилась по-разному: у одних половина головы была выбрита вдоль черепа, у других поперек» (4, 13).

С. 467—468. *...он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого промаху <...> И хотя бы судьба послала ему раскаяние ~ Но он не раскаивался в своем преступлении.* — В статье «Мыслящий пролетариат» Писарев утверждал: «Новые люди не грешат и не каются; они всегда размышляют и потому делают только ошибки в расчете, а потом исправляют эти ошибки и избегают их в последующих выкладках. <...> У нового человека нет причин для разлада между умом и чувством, потому что ум, направленный на любимый и полезный труд, всегда советует только то, что согласно с личною выгодою, совпадающею с истинными интересами человечества и, следовательно, с требованиями самой строгой справедливости и самого щекотливого нравственного чувства» (*Писарев*, 2000. Т. 8. С. 222; об этой статье см. во вступительной ст., 7, 484). По мнению Д. С. Мережковского, у Раскольникова «нет раскаяния, потому что <...> он

продолжает верить в то, что оправдывает его убийство» (*Мережковский, Вечные спутники*. С. 181); об утилитаристской основе этого убеждения Раскольников см.: *Резов*. С. 394—396.

С. 469. ...были тоже ссыльные поляки... — О поляках, отбывавших каторгу в Омском остроге одновременно с Достоевским, и их отношении к каторжникам см.: 4, 232—242, 356—358.

С. 469. ...считали весь этот люд за неведжд и хлопов... — Хлоп (пол. *chlop*) — мужик, холоп. К тому, что говорилось в «Записках из Мертвого дома» об отношении ссыльных поляков к каторжникам, Достоевский добавил в «Преступлении и наказании» оскорбительное «хлопы» — слово, получившее большую популярность в 1860-х годах в сочинениях, которые касались польской темы (см., например, о «ненависти польского пана к хлопам» в т. 10 (1860) «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева — *Соловьев С. М. Соч.*: В 18 кн. М., 1990. Кн. 2, т. 9—10. С. 545).

С. 469. Его же самого не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть ~ смеялись над его преступлением... — Эти строки автобиографичны. В письме Достоевского к брату Михаилу от 30 января—22 февраля 1854 г. писатель вспоминал: «...нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. (...) „Вы дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего, наш брат стал”» (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 1. С. 169). См. также в «Записках из Мертвого дома»: 4, 195.

С. 470. На второй неделе Великого поста пришла ему очередь говеть вместе с своей казармой. — О том, как каторжники говели Великим постом и как затем причащались за ранней обедней Святых Христовых Тайн, Достоевский рассказал в «Записках из Мертвого дома»: «Весь острог, еще с первой недели, разделен был (...) на семь смен, по числу недель поста, для говения. (...) Говевшие освобождались от работ. Мы ходили в церковь, которая была неподалеку от острога, раза по два и по три в день» (Там же). В эпилоге «Преступления и наказания» (6, 470—471) все временные вехи связаны с церковным календарем (см.: *Тихомиров, 2005*. С. 430): «...на Рождестве...»; «...на второй неделе Великого поста...»; «...весь конец поста и Святую...»; «...вторая неделя после Святой...». Святой (Светлой) называется неделя, начинающаяся с Пасхи.

С. 470. ..мать ты наша, нежная, болезная! — Обращение «мать наша» было чрезвычайно популярным и связывалось с самыми почитаемыми, высокими общественными институтами и особами (церковью, родиной, Россией, государыней-императрицей), а также самыми дорогими личностями. Слово «болезная» в обращении каторжников могло подразумевать и «милая, дорогая», и «сострадательная, жалостливая» (см.: *Ушаков*. Т. 1. С. 168; *Даль*. Т. 1. С. 112).

С. 470. ...клейменные каторжные... — См. в «Записках из Мертвого дома»: 4, 10, 11, 23 и др. Клеймение (выкалывание букв на лбу и щеках) было отменено в 1863 г.

С. 470. Он пролежал в больнице весь конец поста и Святую. — Автобиографический эпизод.

С. 470—471. Ему грезилось ~ весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве ~ Спаслись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю... — По мнению В. В. Розанова, выраженному в «Легенде о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1891), сном «закljučается идейное развитие главного лица романа, как бы высказывается суд его над тревожными своими мыслями, окончательная на них точка зрения» (Розанов В. В. Собр. соч.: Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 1996. С. 123). Вяч. И. Иванов в работе «Достоевский и роман-трагедия» (1911) утверждал, что для Раскольникова «этот бред есть лишь обобщенное последствие его собственного, недавнего самоутверждения в одиноком сверхчеловеческом своеначалии, поставившем весь мир только объектом его как единственного субъекта познания и действия» (Иванов Вяч., 1987. С. 419, 429). После революции 1917 г. в творчестве ряда писателей (В. В. Розанов, М. А. Волошин, А. И. Куприн и др.) раскольниковские сны были истолкованы как апокалиптическое пророчество Достоевского; см.: Розанов В. В. Собр. соч.: Апокалипсис нашего времени. Вып. 1—10; Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2000. С. 311; Сараскина Л. И. Логика и мука апокалипсического сознания: Поправки В. В. Розанова и Н. А. Бердяева к эсхатологии Достоевского // *Достоевский и современность*. Чт. 21 (2006). 2007. С. 283—285; Сыроватко Л. В. Мотивы Достоевского в книгах стихов Максимилиана Волошина и Игоря Северянина // *Д, Материалы и исследования*. Т. 15. С. 205—206; Трофимова Т. Б. Достоевский в публицистике А. И. Куприна 1919—1920-х гг. // Там же. Т. 19. С. 349; и др. См. также: 7, 540.

Стилистика раскольниковских снов навеяна Апокалипсисом, образы которого Достоевский наполнил широким идейным содержанием (см.: Откр. 9—11, 13—14, 17; о других сходных евангельских и ветхозаветных образах, отразившихся в снах, см.: Белов, *Комментарий*. С. 228; Тихомиров, 2005. С. 432—433). Ряд стихов Апокалипсиса подчеркнут или отмечен Достоевским в принадлежащем ему экземпляре Нового Завета, но, возможно, эти пометы относятся к 1870-м годам. Здесь же на полях чернилами написано, против ст. 11, гл. 13 («И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон»): «социал(изм)». Далее, в ст. 9, гл. 17 («Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена»), слово «гор» отмечено крестиком и на полях с той же пометой добавлено: «цивилизации». Здесь же, против ст. 11 («И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель»), приписано: «общечеловек» (см.: Kjetsaa. P. 74, 76—77; *Евангелие Достоевского*.

Т. 1. С. 603, 609; Т. 2. С. 446, 455; Власкин А. П., Щенников Г. К. Апокалипсизм // *Д. Словарь-справочник*, 1997. С. 72).

А. С. Долинин полагал, что сны Раскольникова в эпилоге символизировали «трагедию всего европейского человечества, заблудившегося, разрознённого в своей ни на минуту не прекращающейся борьбе» (Долинин, *Последние романы*. С. 58, 142). По мнению Г. Ф. Коган, сон Раскольникова полемически был заострен Достоевским против высказываний Чернышевского по поводу судеб европейской цивилизации: «Мысли об „одряхлении“ и неминуемой гибели Европы {...} высказывалась „почвенниками“ на страницах журнала „Время“ {...} В „Зимних заметках о летних впечатлениях“, где Достоевский впервые обратился к образам Апокалипсиса {...} (глава «Ваал»), он полемизировал с основными положениями статьи Чернышевского „Антропологический принцип в философии“, опровергавшей опасность роковой для Европы катастрофы. Последний сон Раскольникова — продолжение этой полемики с Чернышевским и открытый ответ Салтыкову-Щедрину, осмеявшему „одержимого бесами“ автора „Зимних заметок о летних впечатлениях“» (ЛП. С. 773; здесь цитируется заглавие якобы написанной сатириком статьи «Безумная заметка о сумасшедших впечатлениях. Фельетон нового мормона за все время одержания бесами», о которой он сообщил в последнем номере «Свистка» в апреле 1863 г., — см.: Салтыков-Щедрин. Т. 5. С. 304). Ср. также в «Антропологическом принципе...» опровержение Чернышевским мнений Милля, а затем и Прудона, о том, что Европу ждёт движение «к китаизму, к деспотизму под формулю свободы, к застою под формулю прогресса, к варварству под формулю цивилизации» (Чернышевский. Т. 7. С. 234). Об этой полемике Достоевского и Салтыкова-Щедрина см.: Борщевский С. С. Щедрин и Достоевский: История их идейной борьбы. М., 1956. С. 158—214.

После апокалиптики «Зимних заметок...», с изображением поклонения огромных человеческих масс богу технического прогресса и богатства и вопиющим поправлением «проклятых», т. е. нищих, прогнанных «с пиру людского» (5, 79—80; см.: Cabat G. C. Ideology and Imagination: The Image of Society in Dostoevsky. New York: Columbia University Press, 1978. P. 75), писатель обращается к иной картине, рисуя, в соответствии с новозаветным пророчеством о последних временах, утрату человечеством веры и извращение заветов Христа — об истине и спасении. Отнесение характеристики «избранные» к святым было повсеместно распространено, часто с цитацией Нового Завета, в духовных сочинениях, а также в исследованиях, посвящённых «народной словесности», например в работах Ф. И. Буслаева. Мятающиеся люди последних времен, в изображении Достоевского, считают себя носителями истины и ожидают спасения от нескольких «чистых и избранных», принявших очищение и избрание от самих себя. Если христианское учение связывает начало «нового рода людей и новой жизни» со вторым пришествием Христа, то беснующееся человечество последних времен в сне Раскольникова — с «чистыми и избранными». См.:

Иванова А. А. *Философские открытия Достоевского*. М., 1995. С. 98—100.

Тема избранничества в передовой журналистике сатирически была заострена против тех, кто обладал всеми сословно-общественными привилегиями. «Забота об общественной безопасности, — писал Добролюбов в 1861 г. (опубл. 1862), — должна быть сосредоточена в руках избранных, для которых все мы и должны жертвовать нашими личными интересами» (Добролюбов. Т. 7. С. 487). Деятели этого литературного лагеря настаивали на избранничестве другого рода — людей передовых убеждений: «Увлечься идеею не трудно, — утверждал Писарев в статье «Писемский, Тургенев и Гончаров» (1861), — подчиниться идее способен человек очень ограниченных способностей, но такой человек не принесет идее никакой пользы {...} только тот, кто переработал идею, способен сделаться деятелем или изменить условия своей собственной жизни под влиянием воспринятой им идеи {...} Подчиняются идеям многие, овладевают ими — избранные личности...» (Писарев, 2000. Т. 3. С. 259). К моменту начала работы над «Преступлением и наказанием» возмущение избранническим самосознанием «прогрессистов» уже нашло свое отражение в антинигилистическом романе — например, во «Взбаламученном море» Писемского: «И кто наконец эта соль земли, эти избранные, пришедшие к общественной трапезе!...» (Писемский, ПСС. Т. 4. С. 441). Ср. в подготовительных материалах слова Раскольникова: 7, 216: *Для всех надо закон, а для избранных нет.*

Еще одно отличие «избранных» в сне Раскольникова заключается в том, что, согласно Писанию, избранные всегда были объектом ожесточенного преследования. Собственно страдания за Христа и являются свидетельством их избранничества. Герои же сна Раскольникова пребывают над обезумевшей толпой, ожидая своего часа. См.: *Мейер*. С. 191; *Holquist J. M. Disease as dialectic in «Crime and Punishment» // Twentieth Century Interpretations of «Crime and Punishment» / Ed. by R. L. Jackson. Englewood Cliffs, New Jersey, 1974. P. 109—118; Артемьева С. В. Случаи цитирования Ф. М. Достоевским Откровения Иоанна Богослова // Д, Дополнения к комментарию. С. 329; 2008. С. 611—612, 651; Тихомиров, 2005. С. 434—436.*

С. 470—471. *Появились какие-то новые трихины...* — В конце 1865—начале 1866 г. в русских газетах печатались тревожные сообщения о неизвестных в то время медицине микроскопических существах — трихинах (паразитических червях) и о повальной болезни, причиняемой ими (см., например: *ПЛ*. 1866. 13 января, № 7). Была издана брошюра: *Руднев М. М. О трихинах в России. Нерешенные вопросы трихинной болезни*. СПб., 1866 (впервые: *Медицинский вестник*. 1866. 23 апреля—21 мая, № 17—21). Ср. в книге К. Н. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (Т. 2; 1869): «Мы точно так же, как и предки наши, не знаем причины самых опасных для нас явлений: ни чумы, ни тифа, ни холеры, ни появления трихин...» (*Ушинский К. Н. Собр. соч.*: В 11 т.

М., 1950. Т. 9. С. 225). «Петербургской трихиной» названа одна из глав пятой части «Петербургских трущоб» В. В. Крестовского, опубликованной в 1867 г. В «Сне смешного человека» Достоевский вернулся к этому образу: «Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю» (ДП. 1877. Апрель. Гл. 2 — Акад. ПСС. Т. 25. С. 115).

С. 471. ...эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. — В «Критических беседах. (По поводу сочинений Достоевского)» Е. Л. Маркова высказано мнение, что содержание «Бесов» вышло из апокалиптических видений Раскольникова (Русская речь. 1879. № 6. С. 172).

С. 471. ...никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. — «Зараженными» Достоевский назвал в «Дневнике писателя» на 1873 г. и всех тех, кто был увлечен мечтами о коммунистическом обществе в эпоху своего участия в кружке петрашевцев (см.: ДП. 1873. § 16 — Акад. ПСС. Т. 21. С. 131). Катков в статье «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» писал об «отрицательном догматизме» нового поколения: «Чем решительнее отрицание, чем менее обнаруживает оно колебаний и сомнений, тем лучше, тем могущественнее авторитет, тем возвышеннее идол, тем непоколебимее вера» (РВ. 1862. № 7. С. 409). Вера в истинность своих убеждений была в высшей степени характерна для формирующегося русского революционного движения — ср. в «Письмах из Франции и Италии» (письмо 14-е, 1855) Герцена: «Нас называли зловецами воронами, накликающими беды, нас упрекали в расколе, в незнании народа, в гордом удалении, в детском негодовании, а мы были только виноваты в истине и в откровенном высказывании ее» (Герцен. Т. 5. С. 210). Особый упор делался представителями этого движения на исключительность своей этики: «Что же касается до тех из обитателей „темного царства“, которые имели силу и привычку к делу, — писал Добролюбов в статье «Темное царство», — так они все с самого первого шага вступали на такую дорожку, которая никак уж не могла привести к чистым нравственным убеждениям» (Добролюбов. Т. 5. С. 45).

С. 471. ...это были чистые и избранные, предназначенные nascita новый род людей и новую жизнь... — Ср. в романе «Что делать?»: «Как вдвойне отрадна показалась Вере Павловне ее новая жизнь с чистыми мыслями, в обществе чистых людей!» (Чернышевский, 1975. С. 122—123).

С. 472. ...на берег реки, где в сарае устроена была обжигательная печь для алебаstra и где толкли его. — Ср. в «Записках из Мертвого дома» воспоминание о работе, на которую назначали стариков и слабосильных, а также каторжников из дворян: 4, 88—89.

С. 472. Раскольников вышел из сарая на самый берег ~ Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних... — Ср. в «Записках из Мертвого дома»: «...работа производилась на берегу Иртыша. (...) единственно только с него и был виден мир Божий, чистая, ясная даль, незаселенные, вольные степи (...) Всё для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. Всмотриваешься долго и разглядишь наконец какую-нибудь бедную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая о чем-то там хлопочет с своими двумя бабанами. Всё это бедно и дико, но свободно» (4, 197—198).

С. 472. ...точно не прошли еще века Авраама и стада его. — Имеется в виду Авраам, первый из библейских патриархов; в христианской традиции почитается как образец верности Богу и отец всех верующих. О значении образа Авраама в эпилоге романа см.: Иванов Вяч., 1987. С. 434, 512; Кожин. С. 173—176; Вильмонт Н. Н. Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М., 1984. С. 184; Борисова В. В. Авраам // Д, Словарь-справочник, 1997. С. 61.

С. 473. ...заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. — См. в первоначальном замысле финала истории Раскольникова: «В последней главе, в каторге, он говорит, что без этого преступления он бы не обрел в себе таких вопросов, желаний, чувств, потребностей, стремлений и развития» (7, 170). По мнению Л. М. Розенблюм, «воскресение» героя готовилось в романе по ходу развития сюжета как некое предчувствие, с одной стороны, разочарования в тех идеях, которые вели его к преступлению, а с другой — воссоединения с людьми в чувстве приятия и любви к ним (Розенблюм. С. 363—366; ср. в черновом автографе мысли Раскольникова после разговора на лестнице с Поленькой — 7, 278—279).

Открытый характер эпилога в «Преступлении и наказании» подчеркивался М. М. Бахтиным, Н. М. Чирковым, Г. М. Фридендером, В. Н. Захаровым и др. При этом многими критиками и исследователями высказывалось мнение об искусственности, необидительности воскресения Раскольникова «в новую жизнь». См., например, в книге Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (1900—1902): «Не лучше ли, не чище ли было бы откровенно умереть, чем так сомнительно воскресать?» (Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1912. Т. 8. С. 162); ср. в статье «Достоевский» (1890): «Достоевский довел его до момента, когда в нем пробуждается подавленное, но не убитое религиозное чувство. Автор покидает героя в ту минуту, когда он на каторге в Сибири задумался над Евангелием, еще не смея открыть его» (Мережковский, Вечные спутники. С. 187). По мнению Н. О. Лосского, «задача изобразить правдиво этот глубокий перелом оказалась не по плечу даже такому гению, как Достоевский»: это «бледная схема, а не художественное изображение» (Лосский Н. О. Условия абсолютного доб-

ра: Основы этики. М., 1991. С. 140). К. В. Мочульский назвал заключительный этап развития Раскольникова «благочестивой ложью» (Мочульский. С. 255; см. также: С. 234).

Критикам Достоевского возражал Г. А. Мейер, который полагал, что уверенность в возможности «воскресения» для Раскольникова коренилась в жизненном опыте самого Достоевского, подвергнувшего себя на каторге суду за свои заблуждения, связанные с революционными идеями (Мейер. С. 204—205; см. также: С. 252, 278, 353—354, 399, 468). О том же процессе в жизни писателя Вяч. Иванов писал в статье «Достоевский и роман-трагедия»: «Ибо не то важно, осудил ли он или нет и в какой мере осудил разумом свое прежнее самоопределение до каторги, признал ли себя в душе виновным или же осужденным невинно: важно одно, что он страстно пожелал освободиться от прежнего свойства своей личности...» (Иванов Вяч., 1987. С. 414; фрагмент статьи не вошел в изд. 1932 г.). См. также: Rosenshield G. «Crime and Punishment»: The Techniques of the Omniscient Narrator. Lisse, Netherlands: the Peter de Ridder Press, 1976. P. 112; Иоанн (Шаховской), архиеп. Можно ли «гуманизировать» Достоевского? // Рус. эмигранты о Достоевском. С. 365—369; Müller. S. 39—43; Matual D. In defense of the epilogue of «Crime and Punishment» // Studies in the Novel. 1992. Vol. 24. № 1. P. 26—34; Frank, 1995. P. 143—147; Кларр. P. 60—65; Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского / Пер. с япон. СПб., 1997. С. 11—64; Tucker J. G. Profane Challenge and Orthodox Response in Dostoevsky's «Crime and Punishment». Amsterdam; New York, 2008. P. 209—230; и др.

С. 473. В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково. — Ср. в рассказе Достоевского «Мужик Марей» воспоминание о происшествии с ним, случившемся также после Пасхи: «И вот когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем» (ДП. 1876. Февраль. § 3 — Акд. ПСС. Т. 22. С. 46, 49). См. об этом: Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 37—49.

С. 473. Под подушкой его лежало Евангелие. — Эти строки носят автобиографический характер (см. выше, с. 701—702, коммент. к 6, 278).

Рукописные редакции

«Преступление и наказание» — первый роман Достоевского, к которому сохранился довольно большой рукописный фонд. Это три рабочих тетради 1864—1866 гг., где 250 страниц, полностью или частично, заняты черновиками, планами, конспектами романа и заметками

к нему. Сохранились также черновые наброски, фрагменты чернового и белого автографов на отдельных листах (73 листа разного формата, заполненные большей частью с обеих сторон) и небольшие отрывки наборной рукописи (см. список рукописных источников текста, с. 424—426).

В своих воспоминаниях о первых годах жизни в Петербурге, после четырехлетнего пребывания за границей, А. Г. Достоевская рассказывала, что тетради нашлись случайно в июле—сентябре 1871 г., в корзине с другими рукописями и бумагами, на чердаке. Их поставил туда на время племянник Достоевского, Федор Михайлович «младший». Позднее А. Г. Достоевская подарила тетради внуку (*Достоевская А. Г., Воспоминания, 1987. С. 228; речь идет об А. Ф. Достоевском*).

Выдержки из этих тетрадей были напечатаны впервые с предисловием И. И. Гливенко в журнале «Красный архив» (1924. № 7. С. 146—200).¹ Полная публикация появилась в 1931 г. (см.: *Гливенко*). Это издание механически воспроизводило страницу за страницей (с рядом пропусков и множеством неразобранных мест) материалы, относящиеся к «Преступлению и наказанию».²

Такой способ подачи черновиков Достоевского вызвал справедливые возражения В. Л. Комаровича, который заметил, что записные тетради «недопустимо издавать просто в механической последовательности страниц» и что в публикации И. И. Гливенко «смысловая (не говоря уж о хронологической) последовательность отдельных заметок и даже просто отдельных фраз Достоевского оказалась нарушенной, искаженной». Он предлагал систематизировать черновики «в приурочении к тому или иному хронологически определенному моменту генезиса романа, к тому или иному первоначальному его плану» (*Комарович, Лит. наследство. С. 262*).

Новая публикация рукописей «Преступления и наказания» по записным тетрадям Достоевского была осуществлена Л. Д. Опульской в 1970 г. (см.: *ЛП. С. 427—596*). Каждая из тетрадей воспроизводилась отдельно — с рубрикацией, четко вычленяющей только одну (первую) редакцию романа. Хронологическая последовательность страниц внутри каждой из тетрадей была выстроена аналитически, с выделением связных кусков текста и отделов «Заметки, планы, конспекты» (в *Акад. ПСС* и в настоящем издании: «Подготовительные материалы»). Следующим этапом в изучении рукописного наследия Достоевского являлась публикация в 1973 г. в *Акад. ПСС (Т. 7)* записных книжек с вычленением трех редакций «Преступления и наказания»; разграничения, важные для понимания творческой истории

---

¹ Критический разбор этой публикации был сделан А. С. Долиным (*Былое. 1925. № 4 (32). С. 253—259*).

² См. позднейшую републикацию работы Гливенко: 2003—2007. Прилож. Т. 1. С. 13—201.

произведения, коснулись и других рукописей романа — отдельных черновых и беловых автографов.

В настоящем томе (так же как и в *Акад. ПСС*) помещены все сохранившиеся рукописные материалы, относящиеся к истории создания романа «Преступление и наказание». Они расположены в порядке следования редакций романа, а внутри каждой редакции — в соответствии с хронологией работы писателя и по характеру рукописных источников.

Еще И. И. Гливенко заметил, что тетрадь, пронумерованная А. Г. Достоевской № 2 (*РГАЛИ. Ф. 212.1.4*), содержит первые дошедшие до нас записи «Преступления и наказания» (*Гливенко. С. 5*). В. Л. Комарович подтвердил это заключение (см.: *Комарович, Лит. наследство. С. 261*). Почти все материалы из этой записной тетради (август—первая половина октября 1865 г., с исправлениями позднейшего характера) относятся к первой редакции романа (о набросках, связанных с третьей редакцией (*ПМ₃*), см. ниже). Они открывают публикацию в настоящем издании (см. *ЧА₁* и *ПМ₁*).

Вторая тетрадь (*РГАЛИ. Ф. 212.1.3*) — по нумерации А. Г. Достоевской № 1 — заполнялась Достоевским позже, со второй половины октября 1865 г. и до начала 1866 г. Содержащиеся в ней материалы относятся как ко второй редакции романа (см. *ЧА₂* и *ПМ₂*), так и к третьей (*ПМ₃*). Многие наброски делались в тетрадях на страницах, которые оставались свободными после записей 1863—1865 гг., связанных с работой Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха».

Третья тетрадь (*РГАЛИ. Ф. 212.1.5*) велась с декабря 1865 г. и до конца 1866 г., когда роман уже публиковался в «Русском вестнике» и одновременно дописывался (см. *ПМ₃*). Работая над окончательным текстом романа, Достоевский возвращался к записям в первой и второй записных книжках, перечитывая их и иногда исправляя, а также одновременно делая в них отрывочные наброски, относящиеся к замыслу третьей редакции «Преступления и наказания». Ряд набросков на страницах третьей тетради также соседствует с записями личного характера, относящимися как к 1866 г., так и ко времени издания «Эпохи».

Определить хронологию и смысловые связи текста удалось благодаря датам, хотя редким, но всё же имеющимся в тетрадях, по различным авторским значкам, указывающим на продолжение записи; путем сопоставления рукописей с тем, что рассказывал об истории романа сам Достоевский в письмах к разным лицам. Особую сложность представляют подготовительные материалы третьей тетради. Работая над окончательным текстом, Достоевский оснащал сделанные им наброски постраничными нумерациями, которые, по-видимому, облегчали ему нахождение тех или иных нужных фрагментов (см. во вступительной статье: 7, 452, а также: 7, 204, 219 и др.). Публикация подготовительных материалов в третьей тетради дается в строгом соответствии с этими нумерациями, хотя в ряде случаев это вносит в последователь-

ность записей элемент анахронизма. В таких случаях датировки проясняются с помощью сносок в тексте, а также примечаний к нему.¹

По характеру своему и содержанию тексты рабочих тетрадей можно разделить на две категории. Преимущественно это отдельные заметки, от двух-трех слов до нескольких страниц: планы, конспекты, характеристики персонажей, перечни их, формулировки главных и частных идей, записи диалогов, сцен. Лишь в двух случаях выделяются связанные повествовательные куски. В хронологически первой тетради — это почти полный текст первой (краткой) редакции романа («повести»), предложенной в сентябре 1865 г. издателю «Русского вестника» М. Н. Каткову. Во второй тетради содержится начало второй, более пространной редакции. Оно озаглавлено «Под судом» и ведется в форме исповеди преступника. В том и другом случае — это черновые рукописи; на полях — многочисленные заметки автора для себя, между строк — варианты взамен зачеркнутых, а иногда незачеркнутых слов и фраз. Оба повествовательных фрагмента (ЧА₁ и ЧА₂) печатаются полностью. Текст дан по последнему слою этих автографов, под строкой помещены все предшествующие ему варианты, а также заметки и пометы Достоевского. Позднейшие варианты и наброски, относящиеся к третьей (окончательной) редакции романа, приводятся под строкой с соответствующей аннотацией.

Повествовательные фрагменты (ЧА₁ и ЧА₂) обозначают главные вехи творческой истории «Преступления и наказания»: сначала повесть — «исповедь», затем роман от лица героя. Они своего рода центры, вокруг которых группируются отдельные заметки, наброски данного периода (ПМ₁, ПМ₂). Подготовительные материалы к окончательной редакции романа (ПМ₃) находятся среди последних записей первой, второй² и продолжают в третьей тетради.³ В настоящем из-

---

¹ Третья записная книжка выпала из публикации записных книжек и тетрадей Достоевского в т. 83 «Литературного наследства». Материалы третьей записной книжки были «поделены» между публикаторами рукописей «Преступления и наказания» и «Идиота», притом что в ней имеется ряд кратких, но ценных в биографическом отношении записей Достоевского личного характера (см., например, 7, 785).

² Б. Н. Тихомировым были вычленены позднейшие записи в первой и второй тетрадях, относящиеся к работе над третьей (окончательной) редакцией (см.: Тихомиров Б. Н. Спорный вопрос хронологии рукописных материалов к роману Достоевского «Преступление и наказание» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 7. С. 53—64); в настоящем издании они включены в состав ПМ₃.

³ Высказывалось мнение о включении в состав подготовительных материалов к «Преступлению и наказанию» отдельного наброска «Какова я собою, чтобы всё устроилось...» (ИРЛИ. № 29495; *Акад. ПСС*. Т. 17. С. 13); Баршт К. А., Битюгова И. А. К творческой истории «Преступления и наказания»: (Атрибуция одного из набросков) // *Д. Материалы и исследования*. Т. 16. С. 325—329. Иные мнения, связы-

дании публикация подготовительных материалов дополнена отрывочными каллиграфическими написаниями, сделанными Достоевским попутно и ассоциативно связанными с работой над «Преступлением и наказанием».¹

Подготовительные материалы в рабочих тетрадях часто снабжены тире, которые стоят в начале абзацев, отделяя одну запись (мысль) от других; в *Акад. ПСС* эти знаки опущены на том, по-видимому, основании, что они смешиваются с диалоговыми тире, как авторскими, так и редакторскими. В настоящем издании они все воспроизводятся на своих местах,² а редакторские диалоговые и другие тире (кроме отделяющих авторские слова после или внутри прямой речи), равно как и редакторские восклицательные, вопросительные и в отдельных случаях некоторые другие знаки, заключаются в угловые скобки.³ Записи Достоевского снабжены многочисленными значками — «NB» (в различных комбинациях), разного рода скобками (например, фигурными, причем разнонаправленными, иногда как бы «отвернувшимися» от текста), подчеркиваниями и т. п. Встречается в тетрадях и корректорский знак абзаца (его воспроизведение см.: 1, 613), который Достоевский чаще всего использовал не по назначению, а как знак выделения (в публикации подготовительных материалов он обозначается в сносках как «особый знак», который в ряде случаев, несомненно, похож на вопросительный). Этот значок был связан и с диалогами — в тех случаях, когда абзацы включали в себя их элементы (ставя этот значок на полях, Достоевский отмечал в абзаце таким образом дополнительный абзац). В настоящем издании значки, сопровождающие рукописный текст, не воспроизводятся, а даются описательно в сносках.

Дошедшие до нас рукописи романа на отдельных листах также относятся к различным редакциям. В отличие от быстрой скорописи тет-

---

вающие набросок как с «Братьями Карамазовыми», так и с «Бесами», см.: *Орнатская Т. И.* «Братья Карамазовы»: Черновые наброски // *Д. Материалы и исследования.* Т. 5. С. 71; *Тихомиров Б. Н.* Сложный случай атрибуции наброска к роману «Бесы» // *Достоевский и мировая культура.* № 32. С. 293—300.

¹ О необходимости их включения в публикации рукописных материалов писали в своих работах К. А. Баршт (см., например, его статью: «Каллиграфия» Ф. М. Достоевского // *Новые аспекты в изучении Достоевского.* Петрозаводск, 1994. С. 101—129) и Б. Н. Тихомиров (см.: *Тихомиров, 2010б.* С. 103—104).

² Одобрительный отзыв об этом решении см.: *Викторович В. А.* Академический Достоевский: Проблемы и перспективы // *Вопросы литературы.* 2015. № 5. С. 378—379. (Примеч. редактора).

³ Вопросительный знак в угловых скобках обозначает вопросительную интонацию данной фразы, предложения; перевернутый вопросительный знак в угловых скобках (<¿), стоящий после любого слова, в том числе и последнего в фразе, предложении, — обозначает неуверенное чтение данного слова, группы слов, фразы, предложения.

радей большинство этих автографов написано разборчивым, каллиграфическим почерком — явный признак, что они предназначались для набора. О том же свидетельствует авторская пагинация. На уцелевших отрывках главы II первой части (ЧА₂) рукой Достоевского пронумеровано: «19—20»; на тексте, соответствующем главе II второй части (ЧА₃): «79—88».

В трех фрагментах (ЧА₃), как и в первой и второй тетрадах, повествование ведется от первого лица, лишь позднейшие авторские поправки заменяют первое лицо на третье; таким образом, перед нами — переделанные (частично, поскольку в ряде случаев сохранено «я» героя) фрагменты ранней, а именно второй, редакции. При переработке ее сделаны многочисленные вставки, зачеркивания (иногда настолько густо и старательно, что зачеркнутый текст с трудом удалось разобрать). Эти фрагменты помещены среди материалов второй редакции романа.¹ Приведен первый слой автографов с вариантами этой редакции, а в подстрочных примечаниях даны варианты, возникшие при создании третьей редакции романа.

Среди рукописей «Преступления и наказания» на отдельных листах находятся также планы и конспекты (ЧН₁, ЧН₃), по типу сходные с материалами в записных тетрадах. Они относятся к третьей редакции — главам VI—VII второй части и главам III—IV третьей части.

Остальные рукописи (ЧА₄, БА) — это черновые и беловые автографы третьей редакции романа, соответствующие, полностью или частично, главе VII второй части и главам II—IV третьей части. В итоге рукописи ЧА₄ и БА сохранились лишь к четырем листам романа, который в печати составил тридцать листов. Наборная рукопись утрачена, за исключением двух фрагментов из четвертой части (НР), вклеенных Н. А. Любимовым (помощником М. Н. Каткова по редактированию «Русского вестника») в принадлежавший ему альбом с автографами разных писателей. Рукописи остальных, названных выше глав уцелели потому, что для набора они были автором переписаны (иногда по несколько раз).

Один из фрагментов черновой рукописи (ЧА₄) помечен: «XIII глава». Текст начинается словами: «Посреди улицы стояла коляска...». Это будущая VII глава второй части (смерть Мармеладова), которая первоначально, в «Русском вестнике», где весь роман был поделен не на шесть, а на три части, представляла собою именно XIII главу первой части (РВ. 1866. № 2. С. 556—574). Хотя повествование ведется от третьего лица, т. е. соответствует периоду, когда писался роман в окончательной его редакции, в тексте много зачеркнутых слов, на полях — заметок, имеющих характер планов и набросков для дальней-

---

¹ См. также публикацию фрагментов ЧА₃ по иному, нежели в *Акад. ПСС*, плану — в виде параллельной колонки к соответствующим фрагментам текста (в том числе ЧА₂): *ЛП*. С. 520—523, 598—606.

шей переработки. Для набора рукопись перебелилась; от этой приготовленной к набору главы сохранилась часть (посещение Раскольниковым Разумихина и разговор с ним), где рукой автора проставлена нумерация страниц: 236—238, текст снова выправлен и, стало быть, переписывался еще раз (см. варианты *БА*). Над этим эпизодом (Раскольников на вечере у Разумихина, спор о преступлении и наказании) Достоевский работал чрезвычайно много. Сохранился вариант этой сцены (см. *ЧН₂*), сильно отличающийся и от рукописи XIII главы, и от напечатанного текста.

Черновой автограф (*ЧА₄*) печатается полным текстом; по беловому автографу (*БА*), близкому к основному тексту романа, а также по наборной рукописи дается исчерпывающий свод вариантов.¹

Нескольким фрагментам рукописных текстов определено в настоящей публикации иное, чем в *Акад. ПСС*, местоположение:

Запись в *ПМ₃*: «28 декабря ~ потом перестань.» (Тетрадь № 2. *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 3. С. 104), завершающая в публикации *Акад. ПСС* (Т. 7. С. 152) рукописную страницу как приписанная на ней, выделена из нее и перенесена ниже, после окончания ⟨с. 105⟩ (7, 186).

Текст: «Проснулся он после болезни ~ Аристова ее приятельница.» (Тетрадь № 2. *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 3. С. 113, 112, 111, 134, 133, 132) — перенесен из *ПМ₂* (*Акад. ПСС*. Т. 7. С. 132—136) в *ПМ₃*, где помещен после предыдущей записи со ⟨с. 104⟩ (7, 186—192).

Текст: «Главные заботы об этом ~ Потом похороны Мармеладова, жена — трагичнее.» (Тетрадь № 1. *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 4. С. 150, 151, 152) — перенесен из *ПМ₁* (*Акад. ПСС*. Т. 7. С. 92—95) в *ПМ₃*, где помещен после ⟨с. 132⟩ предыдущего текста (7, 192—195).

Текст в *ПМ₃*: «[Я с вами вожусь] ~ Я не предполагал вас спрашивать.» (Вырванная из тетради № 3 (*РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 5) ⟨с. 155⟩ — *ИРЛИ*. № 29491) — перенесен из определенного ему в *Акад. ПСС* места (Т. 7. С. 205) в другое, после записей на ⟨с. 149⟩ в той же тетради (7, 251—252) на основании сохранившегося в архиве Группы по изданию Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского замечания Л. Д. Опульской, не согласившейся с решением по этому вопросу редколлегии *Акад. ПСС*.

О набросках «Пьяненькие» и ««Страстные и бурные порывы...»», выделенных в особый раздел как самостоятельные замыслы, см. выше, с. 407.

---

¹ О наборной рукописи (*НР*), с анализом авторской пунктуации и публикацией ряда пунктуационных вариантов, см.: *Тарасова, 2007*. В издании 1995 пунктуация тех фрагментов романа (основной текст), которые сохранились в *НР*, дана по этому источнику (см.: 1995. Т. 7. С. 322—333, 337—339). В итоге пунктуация произведения получила в 1995 бессистемный («лоскутный») характер, поскольку пунктуация в *НР* отличалась от той, которая отразилась в печатных изданиях романа Достоевского.

Употребление в воспроизводимых в данном томе рукописных текстах Ф. М. Достоевского прописных и строчных букв в названиях, связанных с религией, соответствует авторскому написанию этих слов в источнике, по которому печатается текст.

«Неприличные» слова воспроизводятся в авторском написании.

В подстрочных примечаниях к публикуемому рукописному тексту и комментариях к нему номера страниц рукописи приводятся в ломаных скобках для четкого их отличения от страниц печатных текстов.

С. 23.¹ Каллиграфическая пропись. [Леонтьев] — вероятно, Павел Михайлович Леонтьев (1822—1874), профессор классической филологии Московского университета, публицист, соредактор М. Н. Каткова по журналу «Русский вестник».

С. 24. ...на белых сверкавших пальцах... — Т. е. унизанных перстнями. Ср. в «Станционном смотрителе» Пушкина: «Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы» (Пушкин. Т. 8, кн. 1. С. 104).

С. 27. ...я никакому Бочкарову не должен. — См. выше, с. 646, коммент. к 6, 86.

С. 29. Илья Петрович... — В рукописи персонаж именуется и Ильей Петровичем (как в окончательном тексте), и Александром Ильичом, и Александром Петровичем. См. во вступительной статье выше, с. 442.

С. 31. 12 зильбер рубель — 12 рублей серебром (нем. Silber).

С. 40. Каллиграфические прописи: Отто — в ПМ₁ ((с. 11)) упоминается барон Отто Рейнгольд Людвиг Унгерн-Штернберг (см.: 7, 113, 771—772); ср. пункт в замысле «Ростовщик»: «Данилов, От(¿)» (5, 358). Видолясов — персонаж повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»; воспоминание о нем могло быть связано с образом письмоводителя.

С. 42. Каллиграфическая пропись. [Витали] — Иван Петрович Витали (1794—1855), профессор скульптуры Академии художеств, автор скульптурных портретов А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, барельефов Исаакиевского собора.

С. 44. Марьянская площадь — часть нынешней Исаакиевской площади, перед дворцом великой княгини Марии Николаевны (Маринский дворец, ныне здание Законодательного собрания Санкт-Петербурга), у Синего моста (см.: Михневич. Ч. 1. С. 104, а также 7, 648, коммент. к 6, 94—95).

С. 47. Я пошел потом по Сенатской площади. Тут всегда бывает ветер, особенно около памятника. Грустное и тяжелое место. — Во время работы над романом у площади было иное официальное название: Петровская. В наброске речь идет о памятнике Петру I («Медный всадник») французского скульптора Э.-М. Фальконе,

¹ Здесь и ниже в начале примечания указаны страницы настоящего тома.

установленном в 1782 г. на Сенатской площади, который для Достоевского был символом чуждых русским национальным началам петровских реформ. Упоминание о нем в текстах Достоевского неизменно окрашивается в апокалиптические тона — см., например, в романе «Подросток» фантазию героя об исчезновении «всего этого гнилого, склизкого города», оставляющего после себя «прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне» (*Акад. ПСС. Т. 13. С. 113*); в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за 1876 г.: «Уцелеют немцы, множество домов, (...) дыря в окнах — а посреди — памятник Петра» (Там же. Т. 23. С. 199). И Сенатская площадь, и памятник Фальконе не могли не ассоциироваться у Достоевского с темой пушкинского «Медного всадника» — столкновением маленького человека и самодержавной государственности, страданием его в жестоком, казенном Петербурге. В окончательном тексте, при описании «великолепной панорамы» Петербурга (6, 99), Достоевский опустил упоминание и площади, и памятника.

С. 47. *Николаевский мост* — см. выше, с. 652, коммент. к 6, 98.

С. 48. *Первая линия* — линиями называются стороны улиц на Васильевском острове Петербурга, идущих параллельно друг другу.

С. 50. *...вершков 12 росту.* — См. выше, с. 633, коммент. к 6, 47.

С. 50. *Что ты, НВ...* — Далее Достоевский выбирает для героя (будущего Родиона Раскольникова) имя Василий (Васюк, Вася) (см.: 7, 64 и след.).

С. 51. *Херувимов, Зайчиков* — см. выше, с. 648—650, коммент. к 6, 97, а также: *Коган, 2000. С. 185.*

С. 52. *...немецкие листики статьи, выданные из какого-нибудь лексикона...* — Лексикон — здесь: энциклопедический словарь.

С. 55. *...не видал ни Венеции, ни Золотого Рога...* — Золотой Рог — бухта Босфора. Описание его «несравненной панорамы» есть в книге друга писателя А. П. Милюкова «Афины и Константинополь» (СПб., 1859), подаренной им Достоевскому (*РГБ. Ф. 93. II. 6*). В записках М. А. Гамазова «От Босфора до Персидского залива» (подпись: М. Г.) было дано восхищенное описание порта, который «не даром носит название Золотого Рога» (*Вр. 1861. № 6. С. 502—513*). О том, что Петербург по красоте не уступает Босфору, писатель в 1870-е гг. говорил корректору М. А. Александрову (*РГАЛИ. Ф. 212. I. 256* — об этой рукописи см. выше, с. 633, коммент. к 6, 48).

С. 55. *...камни всё еще говорят, всё еще «вопиют»...* — Ср.: Венеция (отрывок из Байрона) / Пер. А. Григорьева // *Вр. 1861. № 2. С. 408.*

С. 57. *...как одна загнанная лошадь, которую я видел в детстве...* — См. выше, с. 634, коммент. к 6, 49—53.

С. 57. *...бил ее Александр Ильич...* — Имеется в виду помощник квартального надзирателя (см. выше, с. 761, коммент. к 7, 29).

С. 62. ...от купца Шерстобитова-с... — Купцы Шерстобитовы значатся в петербургских адрес-календарях 1860-х годов. Имя Шерстобитова упоминается Достоевским и позднее в черновых записях к роману «Подросток»: «О Шерстобитове (Путилин). Вид суровый, в доме у него канарейки поют, сам на гитаре играет. Каменный дом имеет» (*Акад. ПСС*. Т. 16. С. 184). Речь здесь идет о петербургском обер-полицмейстере И. Д. Путилине, от которого (или через посредство знакомого с ним В. В. Крестовского) Достоевский мог слышать рассказ о купце Шерстобитове (см.: *Орнатская Т. И., Туниманов В. А. Альбом племянницы Ф. М. Достоевского // Ленинградская панорама*: Л., 1988. [Вып. 2]. С. 360—361; *Орнатская Т. И. Редакционно-литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860—1865) // Д. Материалы и исследования*. Т. 8. С. 259).

С. 62. Молодец Бакавин, знатно полечивает... — Возможно, измененная фамилия врача А. И. Баканина, сотрудника журнала «Время» (см. о нем: *Нечаева, «Эпоха»*. С. 266). В 1860-х годах Баканин был вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета. Достоевский бывал с ним у К. К. Сунгурова, который был принят корректором в журнал «Время» после его исключения из университета за участие в студенческих беспорядках (см.: *Дело о Капитоне Сунгурове // ГАРФ*. Ф. 95. Оп. 2. № 105. Л. 102). Баканин упоминается Достоевским среди заметок 1862 г. в одной из записных книжек (*Акад. ПСС*. Т. 27. С. 91). Ср. о Баканине как прототипе Бакавина, а также о возможном отражении в образе Раскольниковых некоторых черт личности Сунгурова: *Коган, 1973*. С. 582; о радикально настроенной молодежи в окружении Достоевского см. также: *Твардовская*. С. 64—65.

Более отдаленно фамилия Бакавин напоминает о докторе П. И. Бокове (1835—1914), известном среди шестидесятников как «близкий человек» Чернышевскому (к тому же один из прототипов «Что делать?») и «друг Добролюбова» (см. о нем: *Пантелеев Л. Ф. Воспоминания*. М., 1958. С. 310). Достоевский, вероятно, знал Бокова (см.: *Коган, 1973*. С. 581—582; *Белов, Достоевский и его окружение*. Т. 1. С. 110). 21 марта 1862 г. его «как врача честного и добросовестного» рекомендовала Достоевскому Е. И. Корсини (в замужестве Висковатова), одна из видных участниц студенческого движения 1860 г. (см. ее письмо к Достоевскому — *РГБ*. Ф. 93. 5. 125; *Летопись*. Т. 1. С. 354). Первоначально Бакавину были приданы и внешние черты Бокова (см.: *Коган, 1973*. С. 582): «...борода черная, [гладкая] глаза черные...» (7, 83). В окончательном тексте Достоевский дает врачу, принадлежащему по своим убеждениям к радикалам, другую, теперь уже «семинаристскую», фамилию — Зосимов (см. в подготовительных материалах к роману несколько жестких выпадов Достоевского в адрес семинаристов: 7, 202, 203, 208, а также: *Белоусов А. Ф. Образ «семинариста» в представлениях и творчестве Ф. М. Достоевского // Philologia*. Рига, 1997. Сб. 2: Словесность и эволюция культуры. С. 56—60). В этой связи важна характеристика Зосимова, опу-

щенная Достоевским в окончательном тексте: «...хирург, матерьялист, в Бога не верующий, помешал(ся) сам на душевных болезнях» (7, 280; см. об этом: ЛП. С. 776). По мнению Л. П. Гроссмана, «черты образа выбраны не случайно, ими как бы длится в художественном плане полемика с радикалами и противопоставляется „герою нашего времени“ его прозаический двойник» (Гроссман, *Город и люди*. С. 39). О Зосимове см. также: Мейер. С. 188—190.

С. 70. Чебаров — см. выше, с. 646, коммент. к 6, 86.

С. 70—71. Сатирические стишки тоже пишет, общественные пороки преследует... — Тирада Разумихина направлена против мелкотравчатой обличительной литературы начала 1860-х годов, которую высмеивал также Добролюбов в «Свистке». «...Явились такие поэты и прозаики, — писал о ней Достоевский в «Ряде статей о русской литературе» (1861), — которые никогда бы не явились на свет, если б не было обличительной литературы» (Акад. ПСС. Т. 18. С. 60, 265—266). Карикатурная фигура писателя-обличителя выведена Достоевским и в рассказе «Скверный анекдот» (1862; см.: 5, 24). См. также выше, с. 647, коммент. к 6, 88.

С. 71. ...предрассудки искореняет, от трех рыб, на которых земля стоит... — См. выше, с. 674—675, коммент. к 6, 179.

С. 71. ...корнетов, играющих на пистоне, сатирически обличает. — В статье «Опять „Молодое перо“» (1863) Достоевский вспомнил «„Корнета, играющего на пистоне“, о котором упоминалось как-то раз в „Головешке“, — карикатуру Н. А. Степанова, напечатанную в 1862 г. в «Искре» и высмеивающую чиновника, у которого название музыкального инструмента *cornet à pistons* (корнет-а-пистон) вызывает желание послушать «корнета, играющего на пистоне» (см.: Акад. ПСС. Т. 20. С. 85, 311—312).

С. 72. Дом Тарасова — известное в Петербурге по имени домовладельца долговое отделение (Дом содержания неисправных должников). Оно помещалось близ Измайловского моста, в Первой роте Измайловского полка (ныне 1-я Красноармейская улица, 7/9). Кредиторы, которым Достоевский остался должен после прекращения «Эпохи», угрожали ему Тарасовым домом (ср. письмо Достоевского к И. Л. Янышеву, 29 апреля 1866 г., и к А. Н. Майкову, 16/28 августа 1867 г. — Там же. Т. 28, кн. 2. С. 156, 204). См.: Тихомиров, 2005. С. 379.

С. 72. *Propriétaire* (фр. *propriétaire*) — собственник, владелец какого-либо имущества; употреблялось русскими литераторами почти исключительно в сатирическом смысле.

С. 73. ...к Чебарову ~ во все часы дня я к нему раз по 5 заходил... — Ср. выше, с. 646, коммент. к 6, 86, а также следующую фразу из позднейшего письма Достоевского: «...я толкался везде, чтоб достать денег для уплаты векселей (...) Был и у Бочарова раз 8 и никогда не заставал его дома» (письмо Достоевского к В. И. Губину, 8 (20) мая 1871 г. — Акад. ПСС. Т. 29, кн. 1. С. 211).

С. 73. Клопштока ведь он выпускал <ι> лет 20 назад. — И. П. Бочаров предпринимал издание собрания сочинений Гёте (см.

выше, с. 646, коммент. к 6, 86). Об использовании в «Преступлении и наказании» фамилии немецкого поэта Ф. Клопштока см. выше, с. 618—619, коммент. к 6, 18.

С. 80. ...птичье гнездо из Зангвебара... — Зангвебаром называлась в XIX в. часть берегов Восточной Африки против острова Занзибар.

С. 80. Казинстовые — из казинета, плотной бумажной или полшерстяной ткани для верхней одежды.

С. 81. ...как [Кювье] натуралист восстанавливал по одной косточке целый скелет... — Имеется в виду французский геолог и зоолог Жорж Кювье (1769—1832), основатель сравнительной анатомии и палеонтологии. Всего им было описано и восстановлено около 150 видов млекопитающих и пресмыкающихся. Ср. в рецензии Белинского 1841 г. на «Римские элегии» Гёте в переводе А. Н. Струговщикова: «Подобно Кювье, который по одной вырытой из земли кости безошибочно определял род, вид, величину и наружную форму животного...» (Белинский. Т. 5. С. 233; см. также: Писарев, 2000. Т. 2. С. 102—103). Один из трудов Кювье («Le règne animal, distribué d'après son organisation», 1817) упомянут Достоевским в статье 1864 г. «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» (Акад. ПСС. Т. 20. С. 132, 336). См.: Даугович С. Н. Ум слизняка: (Достоевский и Кювье) // Достоевский и мировая культура. № 25. С. 433—442.

С. 82. ...невыразимых две шту(ки)... — Иносказательное название кальсон (БАС. Т. 7. С. 774).

С. 85. Пестряков студент, вот в этой истории. — По-видимому, Разумихин намекает на участие одного из своих гостей в каких-то студенческих беспорядках.

С. 87. А убили беременную, на сносях была, ведь над (нею) кто захотел, тот и надругался. — См. 7, 95—96, а также с. 638—639, коммент. к 6, 58.

С. 89. ...и следовательно из него выйдет отличный. — Ср. в той же рукописи первой редакции, но в позднейшей вставке, относящейся к началу работы над печатным текстом: «Порфирий Степаныч, пристав следственных дел...» (7, 85). О двух этих должностях, судебной и полицейской, см. с. 643—644, коммент. к 6, 74.

С. 89. Теперь, при реформе, нам таких людей надо практическ(их). — А. Ф. Кони рассказывал, что первый министр юстиции пореформенного времени Д. Н. Замятнин старался призвать на новое поприще «не чиновников, а деятелей»; для него личность будущего судебного деятеля, «со всеми своими нравственными и духовными особенностями, стояла при этом выборе на первом плане»; новый судебный деятель должен был не только знать дело, но и «уметь дерзать» (Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы: (К пятидесятилетию судебных уставов). 1864—1914. М., 1914. С. 119, 123). Журнал Достоевских принимал участие в обсуждении вопроса о том, каким должен быть судебный следователь. См. обзор мнений, высказанных в

печати о новой судебной должности, в хронике А. У. Порецкого: *Вр.* 1861. № 5. Внутр. новости. С. 9—11.

С. 89. *Крестьянин Пушкин, содержатель распивочно(й) и на вынос...* — См. выше, с. 659, коммент. к 6, 117. В записной книжке Достоевского за 1864—1865 гг. дважды записан адрес: «Дом № 80 по Невскому 3-го кварт(ала) Литейной части, Семен Матвеевч Пушкин, крестьянин» (*Рукою Достоевского / Публ. Т. И. Орнатской // Д, Материалы и исследования. Т. 6. С. 20, 22*). 5 июня 1865 г. Достоевский получил повестку от квартального надзирателя 3-го квартала Казанской части о назначенной на 6 июня 1865 г. описи имущества Достоевского за неплатеж крестьянину С. М. Пушкину и присяжному поверенному П. П. Лыжину по векселям 249 и 450 руб. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды. С. 149; Летопись. Т. 2. С. 30—31*). Возможно, фигурирующий далее в рукописи Мортирин (хозяин распивочной) — «прозрачный псевдоним» того же крестьянина Пушкина (*Тихомиров, 2005. С. 167*). В окончательном тексте фамилия изменена на Душкин.

С. 90. *Тонина* — тонкость.

С. 91. *Семенов* — имеется в виду Порфирий Петрович.

С. 96. *Рахметов*. — См. выше, с. 633, коммент. к 6, 47.

С. 100. *На углу Садовой и Вознесенского я набрал на одну гостиницу, и так как я знал, что в ней есть газеты, то и зашел туда...* — О гостинице под названием «Пале де Кристаль» см. выше, с. 657, коммент. к 6, 114. На углу Большой Садовой и Вознесенского проспекта находилась и еврейская «ресторация без всякой вывески», которую охотно посещали (см.: *СПбВ. 1865. 6 (18) июня, № 170. С. 3*).

С. 100. *...чтоб прочесть в газете, под рубрикой ежеднев(ных) событий...* — В газете «Голос» часто печатались сообщения об убийствах. Так, в июньских номерах «Голоса» 1865 г. подробно сообщалось о процессе над крестьянами, совершившими убийство (см.: *Г. 1865. 22 июня (4 июля), № 170 и след.*). Достоевский мог иметь в виду именно эти статьи, о чем говорит одна из записей в подготовительных материалах к третьей редакции: «Мужик режет и не раскаивается» (7, 203). Ср. также во вступ. статье: 7, 475—476.

С. 101. *В стр(2 буквы нрзб.)е ~ лош(адь).* С. 102: *...лошадь ~ фельдгегерь.* — См. с. 634, коммент. к 6, 49—53.

С. 101. *Гас* — Федор Петрович (Фридрих Йозеф) Гааз (1780—1853), старший врач московских тюремных больниц, широко известный по всей России своей бескорыстной филантропической деятельностью среди ссыльных, участь которых старался смягчить, помогая каждому чем мог — деньгами и необходимыми вещами. Про него была сложена поговорка «У Гааза нет отказа». «О нем, — говорилось в журнале братьев Достоевских, — можно сказать только, что он был в полном смысле слова человек Божий!» (*Тур Е. Воспоминания и размышления // Вр. 1862. № 6. С. 64—65; см. также: Кони А. Ф. Ф. П. Гааз: Биогр. очерк. СПб., 1897; перепечатано: Доктор Гааз:*

[Сб.] / Сост. Ю. Г. Куликов; Вступ. ст. Л. В. Жарова, Т. Л. Черноситовой; Пер. [книги Гааза 1811 г.] Т. Л. Черноситовой. Ставрополь, 1989. С. 183—348; см. также: *Блохина Н. Н.* Вклад врача-гуманиста Ф. П. Гааза в медицинскую науку и практику. Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2004). В романе «Идиот» и набросках к «Житию великого грешника» Достоевский также называет имя доктора Гааза, которое он многократно слышал, вероятно, на каторге (см.: *Акад. ПСС. Т. 9. С. 139, 344, 450—451, 505, 511, 524*); упоминания о Гаазе встречаются в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за 1876 г., а также в дневнике 1881 г., где он причислен к лучшим русским людям, почитаемым в народе наряду с Алексием человеком Божиим (см.: Там же. Т. 22. С. 271; Т. 27. С. 53, 336).

С именем Гааза в черновиках «Преступления и наказания» связывается проблема нравственного идеала, к которому стремится герой, прошедший через многочисленные искушения и преступление, — ср.: 7, 106: *Неужели ж я не могу быть как Гас? О своего рода «чересполосице»* в рукописях, а также окончательном тексте романа, когда мысль писателя следует концепции, выражающей взаимисключающими друг друга мотивами преступления — «убить для других» или «убить для себя», см.: *Гливенко. С. 14—15; Фридлендер. С. 148—149; Гурвич И. А.* Преступление Раскольникова и его объяснение // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 1. С. 43—51; *Джексон. С. 155—157; Альми И. А.* О сюжетно-композиционном строе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Статьи о поэзии и прозе: В 2 кн. Владимир, 1999. Кн. 2. С. 29—32.

С. 102. Сяся — дочь Лизаветы. См. о ней во вступ. статье: 7, 443.

С. 102. *Вдова Капет. Христос, баррикада. С. 181: Вихрь, Христос, Veuve Capet...* — См. также: 7, 106, 113, 116, 175. В рукописях упоминания о *Veuve Capet* (вдове Капет) связаны с образом вдовы Мармеладова, женщины еще молодой и, несмотря на болезнь, красивой (7, 150), в окончательном тексте о ней вспоминает Разумихин в связи с другой героиней — сестрой Раскольникова, Авдотьей Романовной. Н. Д. Ахшарумов писал о Мармеладовой в рецензии, выделяя ту особенность ее образа, которая в восприятии Достоевского, возможно, ассоциировалась с *Veuve Capet*: «Катерина Ивановна — вот настоящая героиня (...) Это безвыходное, отчаянное несчастье, это отсутствие всякой опоры и всякого утешения, и в виду всего этого такая борьба! Борьба ежедневная, ежечасная, без одной минуты отдыха, без малейшей надежды на помощь или победу, борьба без уступки и сдачи, борьба до последнего вздоха и до последнего замирания сердца!..» (*Ахшарумов. С. 150*).

Veuve Capet — Мария Антуанетта (1755—1793), вдова французского короля Людовика XVI, казненная во время Великой французской революции (см. о ней выше, с. 675—676, коммент. к б, 188). История французской революции 1789—1793 гг. была злободневной в 1860-х годах. О ней постоянно писали журналы того времени. Журнал братьев Достоевских в 1862 г. поместил на своих страницах обзор

В. А. Фукса «Состояние исторической науки и новейшие исторические труды во Франции» (*Вр.* 1862. № 7), где так объяснялась причина современного интереса к событиям во Франции в 1789—1793 гг.: «Стремление к изучению французской революции продолжает неуклонно занимать умы французов, и число сочинений об этом предмете увеличивается с каждым годом. Этот величайший переворот нашего времени есть постоянно поддерживаемый пылающий очаг, на котором сталкиваются идеи, страсти и полемики нынешнего общества (...) Первая причина та, что, несмотря на много прекрасных трудов, история революции остается все-таки неразрешенной загадкой (...) Вторая причина заключается в том, что история революции есть в полном смысле история настоящего времени» (*Вр.* 1862. № 7. С. 110—111; об этой статье см.: *Нечаева*, «*Время*». С. 193). В обзоре анализировались сочинения О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле, Т. Карлейля, А. Мартена, Ф. Минье, Ж.-Б. Капфига, А. Токвиля, Л. Блана — историков, хорошо известных Достоевскому (см.: *Библиотека*. По указ.).

Проблемы, волнующие Раскольникова (Христос, баррикады, процесс Людовика XVI и Марии Антуанетты), были остро поставлены В. Гюго в его романе «Отверженные». По свидетельству Страхова, Достоевский в 1862 г., в дни путешествия за границей, покупал этот роман «том за томом», по мере его появления в печати и «тома три или четыре было прочитано» за неделю (*Биография*. С. 244). Роман В. Гюго Достоевский называл «великой вещью». «„*Les Misérables*” я очень люблю сам, — писал он в 1877 г. — Они вышли в то время, когда вышло мое „Преступление и наказание” (то есть они появились 2 года раньше)» (письмо Достоевского к С. Е. Лурье, 17 апреля 1877 г. — *Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 2. С. 151). В беседе двух героев Гюго, епископа Мириэля и старого члена Конвента, обсуждались вопросы истории, подлежащие суду Божьему и суду человеческой совести: о правосудии Божьем и революционном, о допросах и казни Людовика XVI, королевы и их сына (Ч. I, кн. 1. Гл. X); еще раз Гюго вернулся к этой теме в главе о короле Луи Филиппе (Ч. IV, кн. 1. Гл. III): «Он видел всё, он созерцал все эти головокружительные превращения; слепое ясновидение революции, которая сокрушила монархию в лице монарха и монарха вместе с монархией, почти не заметив человека во время этого яростного уничтожения идеи; он видел могучую бурю народного гнева в революционном трибунале, допрос Капета, не знающего, что ответить, ужасающее бессмысленное покачивание этой царственной головы под мрачным дыханием этой бури, относительно невинность всех участников катастрофы — как тех, кто осуждал, так и тех, кто был осужден; он видел века, представшие перед судом Конвента; он видел, как за спиной Людовика XVI, этого злополучного прохожего, на которого пало всё бремя ответственности, вырисовывался во мраке главный обвиняемый — Монархия, и его душа исполнялась почтительного страха перед необъятным правосудием народа, почти столь же безличным, как правосудие Бога» (*Гюго*. Т. 7. С. 293).

Страницы романа, на которых умирающий член Конвента рассуждает о правосудии революции, относились к числу наиболее «опасных», из-за которых перевод «Отверженных» не смог появиться в России в 1866 г. По свидетельству министра народного просвещения А. В. Головнина, «внимание Его Величества было обращено именно на сцену епископа и члена Конвента» (*Цез В. А. Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения // ИВ. 1911. № 9. С. 963*; см. также: *Алексеев М. П. Русская культура и романский мир: Избр. труды. Л., 1985. С. 435—436*). Достоевского же эти страницы волновали до конца его дней; он вспоминал о епископе Миряле при создании образа старца Зосимы (см. коммент. В. Л. Комаровича в изд.: *Die Urgestalt der Brüder Karamasoff: Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente / Erl. W. Komarowitsch. München, 1928. S. 506*; см. также: *Акад. ПСС. Т. 15. С. 463*). Беседой епископа с членом Конвента в «Отверженных» могли быть в той или иной мере навеяны и записи о *Veuve Carpe* в черновиках к «Преступлению и наказанию». См. также: *Кийко Е. И. Достоевский и Гюго: (Из истории создания «Братьев Карамазовых») // Д, Материалы и исследования. Т. 3. С. 167—168*; *Буданова Н. Ф. «А поле битвы — сердца людей»: («Братья Карамазовы» и «Девяносто третий год») // Там же. Т. 12. С. 144—146*.

Критика не раз отмечала близость Гюго и Достоевского в изображении «униженных и всеми отринутых париев» парижского и петербургского общественного дна, сопоставляла образы Фантины и Сони Мармеладовой, Жавера и Порфирия Петровича (см., например: *Цейтлин А. Г. «Преступление и наказание» и «Les Misérables»: Социологические параллели // Литература и марксизм. 1928. № 5. С. 20—58*; *Гроссман, Город и люди. С. 30*).

С. 103. Каллиграфическая пропись. *Оренок* — река в Южной Америке (Ориноко).

С. 104. ...эта газета известна... вот и о Папе. Вольтеров *Кандид*. О *Фонтенеле*. — Имеется в виду «Голос», ежедневная политическая и литературная газета умеренно-либерального направления, выходившая в Петербурге под редакцией А. А. Краевского с 1863 по 1884 г. Здесь в 1865 г. в «Парижском обозрении» Евгении Тур сообщались толки о послании папы Пия IX «*Syllabus Errosum*» (декабрь 1864 г.) — «Списке заблуждений» в религиозной и общественно-политической жизни, не совместимых с учением римско-католической церкви (именно с этим посланием, по-видимому, связано — по ассоциации — упоминание Достоевским в записи и Вольтера, и Фонтенеля): «...соборное послание Пия IX уже произвело столкновение между тем, что католические французы называют *цесаризмом*, и епископами: министр внутренних дел запретил читать папское послание в церквях, основываясь на законе Наполеона I, по которому ограничена власть и права епископов». Внимание Достоевского могли привлечь в этом обзоре следующие газетные строки: «Папа и с ним все истинные католики ясно видят, что теория такого либерализма и такой демократии,

приложенная на практике, последовательно и неуклонно привела к материализму, атеизму, эгоизму и распадению всех общественных основ, к шаткости всяких принципов и всякой веры (веры не в одном только религиозном смысле)» (Г. 1865. 21 янв. (2 февр.), № 21. С. 1—2). В «Голосе» печатались также «Дипломатические документы из французской „Желтой книги“. Документы по вопросу о папском послании» (Г. 1865. 10 (22) февраля, № 41. С. 3—4).

Журнал братьев Достоевских «Эпоха» еще в 1864 г. писал о борьбе вокруг власти папы как об одном из самых «модных политических вопросов современности». Журнал давал обзор сочинений, появлявшихся во Франции в связи с нею, и старался объяснить, что такое «папизм» в настоящее время (см.: С. К. [Колошин С. П.] Рим, папа и Антонелли // Э. 1864. № 3. С. 98—119; об антииезуитских и антипапистских публикациях журнала см.: Нечаева, «Эпоха». С. 89—92; Ковальская М. И. Италия эпохи Рисорджименто в творчестве Ф. И. Тютчева и Ф. М. Достоевского // Россия и Италия. М., 1993. С. 134—141). В тетради Достоевского, с черновыми заготовками к роману «Преступление и наказание», находится запись (возможно, набросок статьи) о будущем падении власти папства (Акад. ПСС. Т. 20. С. 189, 380). Эти вопросы особенно остро будут волновать Достоевского в 1870-х годах, в период издания «Дневника писателя» и создания «Братьев Карамазовых».

О вольтеровской повести «Кандид, или Оптимизм» (1759) Достоевский вспоминал в 1861 г. в полемике с Добролюбовым в статье «Г-н — бов и вопрос об искусстве» (см.: Там же. Т. 18. С. 76, 289). Этот роман Вольтера остро интересовал писателя всю жизнь в связи с его основной темой, близкой Достоевскому, — протестом против религиозно-философского оптимизма, оправдывающего человеческие страдания. В последние годы жизни Достоевский собирался написать «Русского Кандида» (см.: Там же. Т. 17. С. 14, 443—444) — замысел, частично осуществленный в «Карамазовых» (Ч. 4. Кн. 10. Гл. VI), где о «Кандиде» упоминает Коля Красоткин в разговоре с Алексеем (Там же. Т. 14. С. 500; Т. 15. С. 409—410). О соотношении проблематики «Кандида» и «Преступления и наказания» см.: Müller. S. 36—37.

О Б. Фонтенеле (1657—1757), сравнивая его с Вольтером, и книге Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (1686; рус. пер. 1740) упоминает Н. Н. Страхов в статье «Жители планет» (Вр. 1861. № 1. Отд. II. С. 21—23; см.: Нечаева, «Время». С. 177), вызвавшей в 1860-х годах острую полемику и отразившейся в «Сне смешного человека» (1877) Достоевского (см.: Акад. ПСС. Т. 25. С. 400). Страхов писал о Фонтенеле: «Ему нравится воображать мир в виде бесконечной перетасовки карт; его остроумие совершенно удовлетворено этими разнообразными сочетаниями, и он в восторге называет их удивительным секретом природы» (Вр. 1861. № 1. Отд. II. С. 22). См. также: Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979. С. 68—172.

С. 104—105. *Ведь вот бумажку менял, 5-процент(ный) фальшивый ~ подозрение возбудил.* — См. выше, с. 668—669, коммент. к 6, 140.

С. 105. *...саечник убил.* — Речь идет об убийстве с целью грабежа молодым парнем («саешником», т. е. пекарем, выпекающим сайки; см.: *Даль*. Т. 4. С. 129) своего знакомого, сидельца питейной лавки, которое произошло 17 августа 1865 г.; убийца был захвачен с ножом в руках, которым перерезал ему горло (см.: *Г.* 1865. 18 (30) августа. С. 3). Указано: *Тихомиров, 2007*.

С. 107. Каллиграфические прописи. *Itineraire* — написанное крупными буквами в середине незаполненной первой страницы тетради, это слово было, по всей видимости, заглавием к записям впечатлений и наблюдений, которые Достоевский намеревался вести во время заграничной поездки, в которую выехал в июле 1865 г. Ср. аналогичные записи в *ПМ₃* (*РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 5. С. 212, 131; 7, 233, 247). [*Уроков*] — запись связана, очевидно, с отказом Раскольникова от переводов и уроков (см.: 7, 50, 70, 123, 156).

С. 113. *Для полноты лица его пленяет роль затасанного существа, тайны, Унгерна, Sbogar, Ускока и проч.* — Имя рыцарей Унгерн-Штернберг упоминается в ливонских хрониках в связи с историей Северной войны. Особенно был известен Отто Рейнгольд Людвиг Унгерн-Штернберг (1744—1811), барон, «хиумский пират». Он родился в Лифляндии, учился на юридическом факультете Лейпцигского университета. Служа в голландской армии, получил чин капитана, бывал в Англии и других странах. С 1772 г. поселился на острове Хиума (или Даго; здесь было его имение). В одном из его поместий (Киргесаара) с XVI в. находился маяк, предупреждавший корабли об опасности. Унгерн-Штернберг вместе со своими людьми помогал потерпевшим крушение. Вероятно, за это Унгерн-Штернберг забирал с кораблей часть имущества (это, впрочем, было распространенным явлением). Отличавшийся крайне вспыльчивым нравом и долго враждовавший с шведским капитаном, Унгерн-Штернберг в октябре 1802 г. убил своего врага и попал под суд (акты этого процесса хранятся в архиве г. Тарту). Суд происходил в Ревеле в 1803 г., затем дело слушалось в Петербурге, в Сенате в 1804—1805 гг. Ему было предъявлено два обвинения: 1) убийство шведского капитана и 2) сокрытие товаров с проходящих кораблей от таможенников. Унгерн был приговорен к лишению дворянства и ссылке на вечное поселение в Сибирь, умер в Тобольске 2 августа 1811 г. Еще при жизни Унгерн-Штернберга имя его обросло легендами. Рассказывали о бегстве его из Сибири в дальние страны, о том, что, находясь на о. Хиума, он нарочно топил корабли, зажигая ложные огни и сознательно наводя корабли на скалы и рифы.

Первые книги об Унгерн-Штернберге вышли в Ревеле в 1804 г., затем в 1807 г. появились апокрифические мемуары о нем (анонимные). Весь тираж их был куплен семейством Унгерн-Штернберга и уничтожен. Единственный экземпляр находится в отделе редкой книги

Академической библиотеки Таллинского университета. Унгерн стал героем многих авантюрных повестей, исторических романов и музыкальных произведений (см.: *Eesti biograafiline leksikon*. Tartus, 1926—1929. [Т. 1]. С. 548—549).

Достоевскому Унгерн-Штернберг мог быть известен по книге маркиза де Кюстина «*La Russie en 1839*», где автор приводит о нем рассказ со слов князя П. Б. Козловского: «Барон Унгерн фон Штернберг был человек острого ума, объездивший всю Европу (...) Возвратившись в Санкт-Петербург при императоре Павле, он (...) впал в немилость и решил удалиться от двора. Он поселился в диком краю, на принадлежавшем ему безраздельно острове Даго (...) и возненавидел весь род людской». Унгерн соорудил башню, где устроил ложный маяк. Убивая терпящих кораблекрушение, он грабил корабли и тем составил себе несметное богатство. «...Всё это барон творил не столько из алчности, сколько из чистой любви к злу, из бескорыстной тяги к разрушению» (*Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 116—118, 539*). См. также: *Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) // ЛН. Т. 91. С. 452*. Достоевский многократно упоминает Унгерна в черновиках «*Подростка*» (см.: *Акад. ПСС. Т. 16. С. 35, 40, 49 и др.; Т. 17. С. 369, 400*); см. также набросок замысла «*Идея*» (1872), в котором он «варьирует мотивы», связанные с морским разбойником Унгерн-Штернбергом и Жаном Сбогаром (Там же. Т. 12. С. 8, 369—370). Достоевский мог также слышать об Унгерн-Штернберге, гостя в 1840-х гг. в Ревеле у М. М. Достоевского, в то время военного инженера Ревельской полевой команды.

Жан Сбогар — герой одноименного романа (1818) французского романтика Шарля Нодье (1780—1844) — благородный разбойник, атаман «братьев общего блага», поставивших себя вне всех обычаев и преступивших все законы, «вечный бунтарь». Этот роман наряду с поэмами Байрона сыграл большую роль в истории литературы и общественной мысли XIX в. В письме, адресованном Луи Бланом 22 февраля 1866 г. в газету «*Temps*» (приведено в его предисловии к «*Истории Великой французской революции*» в издании 1868 г.), утверждалось: «О, Шарль Нодье был прав, когда он писал в „Жане Сбогаре“: „Я понял впоследствии, что события гораздо сильнее, чем характеры, и что если некоторые люди на своем пути сломали народы, то это потому, что они были возбуждаемы силой, не менее непреодолимой, чем та сила, которая разрывает вулканы и низвергает водопады!“» (*Блан Л. История Великой французской революции: 12 т. / Пер. М. А. Антоновича. СПб., 1871. Т. 1. С. 12*). Некоторые размышления Сбогара близки «идее» Раскольникова, например: «Как тяжело преступнику жить на свете, если он ненавистен душам (...) и у него нет даже предлога, чтобы оправдаться или смягчить жестокость их приговора! (...) Вы верите в PROVIDENCE — и смеете осуждать пути его! (...) Помните, кто были основатели каждого нового общества, и вы увидите, что всё это — разбойники, подобные тем, кого вы осуждаете! Кто

были, спрашиваю я, все эти Тезеи, Перифои, эти Ромулы, которыми отмечен переход от века варваров к веку героев, возглавленному ими? (...) Кто был Геркулес, чье имя до сих пор почитается всеми слабыми людьми (...) Жрецы освятили память о его подвигах и причислили его к сонму богов, хоть он и был незаконнорожденным, вором, убийцей и отцеубийцей» (*Нодье Ш.* Избр. произведения. М.; Л., 1960. С. 214, 216). См.: *Фридлендер*. С. 145; *Pothhoff W.* Dostoevskij und Charles Nodier // *Dostojevskij und die Literatur.* Köln; Wien, 1983. S. 57—73; *Недзвецкий В. А.* Родион Раскольников и Жан Сбогар // *Д, Дополнения к комментарию.* С. 351—356; *Бузина Т. В.* Философия самообожения и влияние романтизма в творчестве Ф. М. Достоевского (Иван Карамазов, Люцифер и Жан Сбогар) // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та.* Сер. 7. 2008. Вып. 2. С. 68—76).

Ускок — герой одноименной повести (1838) Жорж Санд, предводитель морских разбойников, пират-флибустьер (см.: *Ускок*, повесть г-жи Дюдеван // *БдЧт.* 1838. Т. 29). Повесть взволновала Достоевского еще в юности. «Мне было, я думаю, лет шестнадцать, — писал он, — когда я прочел в первый раз ее повесть „Ускок“ (...) Я помню, я был потом в лихорадке всю ночь» (*ДП.* 1876. Июнь. Гл. 1. § 2 — *Акад. ПСС.* Т. 23. С. 33). Герой повести Ж. Санд, венецианец Орио Соранцо, становится пиратом и ценой преступлений приобретает несметные богатства ради славы и удовлетворения своей страсти. См.: *Недзвецкий В. А.* История русского классического романа: Неклассические формы. М., 2011. С. 40; *Иванчикова Е. А.* Автор и его герои в повествовательной структуре «Преступления и наказания» // *Д, Материалы и исследования.* Т. 16. С. 123.

С. 114. ...«и ругах(у)ся ему». — Ср. церк.-слав.: «И мужие державши Иисуса ругахуся ему, биюще...» (Лк. 22, 63). В автографе Достоевского ошибочно «ругахося» — ср. то же выражение в другом автографе (ЧА₂), в правильном написании: 7, 145. См.: *Тихомиров, 2007; Евангелие Достоевского.* Т. 2. С. 289.

С. 114. ...проща(ю)тся тебе грехи твои мнози, ибо возлюбила много». — Ср.: 7, 116 и 145; см. выше, с. 622, коммент. к 6, 22.

С. 115. ...ибо сами возгнушались собой. — Ср. в романе «Подорож» парафраз из Книги Иова (9, 31: «...возгнушаются мною одежды мои»): «...а я в грязь погружен и „самые одежды мои возгнушались мною”» (*Акад. ПСС.* Т. 13. С. 317; Т. 17. С. 385); подробнее см.: *Тихомиров, 2007.*

С. 115. ...тогда-то я жену свою обниму и выпрошу многострадалице венцу... — Мармеладов говорит о венце мученичества.

С. 115. Ну нам, конечно, не Царствие Божие ~ где-нибудь отведут местечко. — Ср.: «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14, 2).

С. 118. «Что, бегают, что, ищут преступника? ~ Андрей Александрович. С. 121: ...али я Краевского убил и обрабил... — Андрей Александрович Краевский (1810—1889) — журналист, издатель-редактор «Отечественных записок», где, в основном, печатались

произведения Достоевского до каторги (после каторги — только «Маленький герой» и «Село Степанчиково и его обитатели»). Письма Достоевского к Краевскому от начала 1849 г. свидетельствуют об унижениях, которые не раз испытывал Достоевский при обращении к Краевскому с просьбами о гонораре. В конце 1840-х гг. Н. А. Степановым была создана карикатура на Краевского и молчаливо склонившегося перед ним Достоевского (предназначалась для литературного сборника журнала «Современник» на 1848 г. — см.: Фельетоны сороковых годов: Журнальная и газетная проза И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева. М.; Л., 1930. С. 111). В 1860-е годы Краевский, как издатель, предприниматель и эксплуататор, постоянно презрительно высмеивался Достоевским на страницах журналов «Время» и «Эпоха». В эпилоге «Униженных и оскорбленных» он выведен под именем журналиста Александра Петровича (см.: 3, 473—474). Развернутую характеристику его деятельности писатель дал в статье 1864 г. «Каламбуры в жизни и в литературе» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 20. С. 137—147, 338—342). См.: *Виноградов В. В. Достоевский и А. А. Краевский // Достоевский и его время*. С. 17—32; *Турьян М. А. Краевский А. А. // Рус. писатели*. Т. 3. С. 124—127; *Белов, Достоевский и его окружение*. Т. 1. С. 425—428.

С. 119. *Все пакости*. (Воспоминания о лошади, о Демянском и проч.). — Демянское — неточное название населенного места, где Достоевский был потрясен «отвратительной картиной» избияния фельдъегерем ямщика, описанной им в «Дневнике писателя» за 1876 г., — см. 7, 634 и 776, коммент. к 6, 49—53 и 7, 168. Имеется в виду уездный город Демянск, входивший в состав Новгородской губернии (ныне поселок городского типа в Новгородской области).

С. 120. *Сцена с б. на Сенной (с рыбой)*. С. 121: *...грязную и пьяную с рыбой*. — Ср. в «Записках из подполья», где Достоевский подробно, с трагическими деталями, пишет о пьяной, избитой проститутке (5, 179—180).

С. 120. «О, зачем не все в счастье?» *Картина золотого века*. — Идеал будущего «золотого века» — идеал самого Достоевского, воспринятый им в 1840-е годы из учения Сен-Симона и других французских социалистов-утопистов. Высказывание Сен-Симона «Золотой век, который слепая традиция помещала в прошлом, находится впереди нас» было вынесено как эпитафия в его книге «Рассуждения литературные, философские и промышленные» («*Opinions littéraires, philosophiques et industrielles*», 1825). Об этой идее Сен-Симона, популярной в среде петрашевцев, Достоевский вспоминал в «Дневнике писателя» за 1876 г. (*ДП*. 1876. Июль—август. Гл. 4. § 1 — *Акад. ПСС*. Т. 23. С. 87, 389). Мечтой о возвращении «золотого века», «самой невероятной из всех, какие были, но (...) без которой народы не хотят жить и не могут даже умереть» (слова Версилова в романе «Подросток» — см.: *Акад. ПСС*. Т. 17. С. 312—313), наделены, вслед за Раскольниковым, и другие герои произведений Достоевского, таких как «Бесы» (см. подготовительные материалы, главу «У Тихо-

на»), «Подросток», «Сон смешного человека». См.: Комарович, «Мировая гармония»; Хмелевская Н. А. Об идейных источниках рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Вестн. Ленинград. ун-та. Сер. ист., яз. и лит. 1963. № 8. Вып. 2. С. 137—140; Фридлендер. С. 33—43; Пруцков Н. И. 1) Утопия или антиутопия? // Достоевский и его время. С. 88—107; 2) Социально-этическая утопия Достоевского // Идеи социализма в русской литературе. Л., 1969. С. 334—373; Фридлендер, 1985. С. 100—101; Якубович, 2005. С. 52; см. также выше, с. 687, коммент. к 6, 224.

С. 120. *Воспоминания мерещатся: Отчего, когда мать читала Евангелие: Талифа куми...* — Строки имеют автобиографический характер. Первою наставницею Достоевского была его мать М. Ф. Достоевская. Талифа́ куми́ — восклицание Иисуса Христа из евангельского рассказа о воскрешении дочери Иаира («И, взяв девицу за руку, говорит ей: талифа́ куми́! что значит: девица! тебе говорю, встань. Тотчас девица встала и пошла...» (Мк. 5, 41—42 — *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 93). Достоевский упоминает его в романе «Идиот» и затем в «Братьях Карамазовых» — см.: *Акад. ПСС*. Т. 9. С. 339; Т. 15. С. 227.

С. 121. *Примечание к «Исповеди»* — т. е. к исповеди Раскольникова. См. во вступительной статье: 7, 433, 439.

С. 130. *А для ча не работасишь? Для ча не служите, коли чиновник?* — См. выше, с. 610—611, коммент. к 6, 15.

С. 134. *...фамильи известной, столбовой...* — Т. е. из старинного рода потомственных дворян.

С. 136. *...одну книжку какую-то об море и что внутри его есть...* — В газетах 1865 г. извещалось о продаже в книжном магазине А. И. Глазунова следующих книг: «На берегу моря. Зоологические этюды (...) Георга Генри Льюиса (Льюиса), автора „Физиологии обыденной жизни“ и „Жизни Гете“» (М., 1862), «Море и его жизнь» Г. Гартвига (2-е изд. М., 1864; 3-е изд. 1866). Указано: *ЛП*. С. 787—788. О Льюисе см. выше, с. 616—618, коммент. к 6, 18.

С. 139. *...нанимая квартиру у портного Ухватова...* — Первоначальная фамилия хозяина квартиры, где живет Соня Мармеладова, возможно, символична так же, как и фамилия его в окончательном тексте — Капернаумов (см. выше, с. 619—621, коммент. к 6, 19). В повести «Село Степанчиково и его обитатели» (3, 151, 604—605) и в статье «Г-н — бов и вопрос об искусстве» (*Акад. ПСС*. Т. 18. С. 71, 286) Достоевский иронизировал над статьей известного исследователя и собирателя русского фольклора А. Н. Афанасьева, где автор писал: «Изда была первым языческим храмом. (...) Действительно, первые жертвоприношения, первая мольба и первые религиозные очищения совершались в избе, пред очагом (...) атрибуты кухни и очага — кочерга, помело, голик, ухват, лопата, скородода и проч. получили значение орудий жертвенных и удержали это значение даже до позднейшей эпохи языческого развития» (*Афанасьев А. Н. Религиозно-языческое значение избы славянина* // *ОЗ*. 1851. № 6. С. 56—57). Эта статья

вызвала иронические выпады и со стороны других литераторов, в частности Добролюбова и Некрасова.

В «Селе Степанчикове» полковник Ростанев, руководствуясь новой теорией, утверждает, что ухват — это «эмблема или мифология». Припоминая о его символическом значении по толкованию Афанасьева, Достоевский мог назвать Ухватовым хозяина дома, где совершалось «жертвоприношение» Сони и происходит нравственно-религиозное возрождение Раскольникова. Такой прием связывания символа с именем хозяина дома или квартиры, в которых живут герои, был применен Достоевским в повести «Хозяйка» (см.: 2, 15, 28, 621).

С. 143. ...в Стремянном переулке... — Стремянная улица (а не переулок) в Петербурге соединяла Владимирский проспект с Николаевской (бывшей Грязной) улицей (ныне улица Марата) (см. список улиц: *Петерб. календарь, 1867*. С. 119).

С. 166. ...«шевельнуть нельзя»... — Ср. 6, 114: в окончательном тексте — ч. 2, гл. IV, в *РВ* — ч. 1, гл. XI; 7, 84.

С. 167. Каллиграфическая пропись. *La Routine* — запись связана с размышлениями Достоевского о теории Раскольникова относительно существования двух типов людей, один из которых олицетворяет «рутину», отождествляемую с «толпою» и характеризуемую «низостью» (см. 7, 118). Ср. другие записи на эту тему (7, 172, 216, 220), а также в основном тексте слова Разумихина (6, 117): *Я ведь на что злюсь-то, понимаешь ты это? На рутину их дряхлую, пошлейшую, закорузлую злюсь...* Что понималось радикально мыслящей молодежью под словом «рутина», проясняет статья Писарева «Реалисты», в которой выражался протест против «царства рутины, умственного бессилия, вреда и мрака» (или: «эстетики, безотчетности, рутины, привычки»), произошедших «из той почвы, которая нас выкормила, из понятий того общества, среди которого мы развились и жили» (*Писарев, 2000*. Т. 6. С. 276).

С. 168. *1-е отделение*. — На данном этапе работы над замыслом произведение делится композиционно на три «отделения», по-видимому, не связывавшиеся писателем с понятием «часть».

С. 168. *Мое первое личное оскорбление, лошадь, фельдъегерь*. С. 172, примеч. 4: *Воспоминания обид, фельдъегерь и проч.* С. 179: *(Во время странствований воспоминания об лошади и об обидах.)* — см. 7, 634 и 774, коммент. к 6, 49—53 и к 7, 119. О многочисленных записях в тетрадях Достоевского с упоминанием «фельдъегера» или «курьера» см.: *Розенблюм*. С. 112.

С. 168. *Видение. Христос*. — См. ниже, с. 786, коммент. к 7, 211. См. также записи: 7, 102 (коммент. на с. 767—769), 181. В окончательном тексте видение Христа заменила, по-видимому, «евангельская глава» романа.

С. 171. *У ней завещание: всё в монастырь в Новгородской губернии на поминание ее души*. — Эти строки, возможно, подсказаны обстоятельствами личной биографии писателя. В 1865 г. сестра его матери А. Ф. Куманина составила завещание, по которому выделила из

своего очень большого состояния Козьмодемьянской что на Покровке церкви 6000 руб. на ее украшение и поминование своей души; в среде родственников, однако, ходили слухи о значительно большей сумме (см.: Достоевский А. М., 1992. С. 285; Ильин Н. Н. Достоевский в споре за куманинское наследство // *Звенья*. Т. 9. С. 550—551; см. также письмо Достоевского к В. И. Веселовскому, 14 (26) августа 1869 г. — *Акад. ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 46—47).

С. 172. Каллиграфическая пропись: *За Пробой* — в основном тексте романа «*пробой*» называется предварительное посещение Раскольниковым старухи-процентщицы (6, 7); в черновом автографе «*пробой*» Лужину — присутствие Раскольникова во время посещения Лужинным его сестры и матери вопреки выраженному нежеланию последнего с ним встречаться (7, 240, 310).

С. 174. *Nombour* — по-видимому, имеется в виду Nomburg (Гомбург) — курорт в Германии, где Достоевский в 1863 г. играл в рулетку. См. ниже, с. 785, коммент. к 7, 209.

С. 175. *Разбирает все пункты Veuve Carot*. — См. выше, с. 767—768, коммент. к 7, 102. В *Акад. ПСС* (Т. 7. С. 410) высказано предположение, что речь здесь идет о пунктах обвинительного заключения против Марии Антуанетты (см.: Вебер Г. Курс всеобщей истории. 7-е изд. М., 1861. Т. 4. Вып. 8. С. 87; Тьер А. История французской революции (1788—1799): В 5 т. СПб., 1874. Т. 2. С. 556—562; Блан Л. История французской революции 1789 г.: В 12 т. СПб., 1908. Т. 9. С. 309—330). Более вероятно иное объяснение записи: Раскольников анализирует здесь свои взаимоотношения или какой-то разговор с вдовой Мармеладова, которая на этом этапе работы именовалась в рукописях *Veuve Carot*. Ср.: «И потом уже когда она (т. е. Соня) отвергла его, между вопросами о *Veuve Carot*...»; «Так что он потом (при *Veuve Carot*) сам себя спрашивает...»; «Похороны Мармеладова. Вдова. Серьезный разговор с ней» (7, 174, 177) и т. д.

С. 175. *А вы, может, лишили ее минуты покаяния тем, что убили*. — Широко распространенным среди русских православных людей было мнение о едва ли не страшнейшем из всех жизненных наказаний: «Смерть без покаяния — собачья смерть» (*Даль*. Т. 4. С. 252).

С. 175. *...отца-матери только нет*. — См. выше, с. 670, коммент. к 6, 149.

С. 181. *Crevez chiens si vous n'êtes pas contents*. — См. выше, с. 676—677, коммент. к 6, 194.

С. 182. *Сасеник*. — См. выше, с. 771, коммент. к 7, 105.

С. 183. *...Севрюгина дом*. — В «Петербургском некрополе» встречается несколько лиц с этой фамилией, среди них купец-старообрядец Я. М. Севрюгин, умерший в 1831 г. (см.: Саитов В. И. Петербургский некрополь: В 4 т. СПб., 1913. Т. 4. С. 45). Купцы-раскольники «особенно строят свои дома, приспособительно к пристанодержательству. Сохраняя во всей наружности домов общий и старинный архитектурный тип русских построек, пристанодержатели бегунов

обыкновенно устраивают в подзбицах, в подпольях, в подклетьях или подгорницах, под сеньями, иногда на чердаке особые кельи и клетки, в которых и проживают беглые раскольники, странствующие бегуны» (Щапов А. П. Земство и раскол. Бегуны // Вр. 1862. № 11. С. 275; см. также выше, с. 728, коммент. к 6, 393).

С. 183. Каллиграфические прописи: *Большая* — запись относится, возможно, к совету Сони Раскольникову «донести на себя»: «„Лучше донести самому. Есть разница.“ — „Какая?“ — „Большая.“ У Сони привычка какое-нибудь слово говорить» (7, 226).

С. 183. ...*Бог, кого очень любит и на кого много надеется, посылает тому много несчастий...* — Намек на библейскую книгу Иова, которую с детства любил Достоевский. Иов со смирением и кротостью перенес испытания, ниспосланные ему Богом (потерю детей, разорение, нищету и проказу), но остался непоколебимым в своей вере, и Бог исцелил и наградил его. В библиотеке Достоевского была «Книга Иова в русском переводе с кратким объяснением» (1860), выпущенная еп. Агафангелом (Соловьевым) (см.: *Балашов Н. В. Спор о русской Библии и Достоевский // Д, Материалы и исследования. Т. 13. С. 10—11; Библиотека. С. 105—106*). «Читаю книгу Иова, — писал Достоевский жене 10 (22) июня 1875 г., — и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача (<...> Эта книга, Аня, странно это, — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!» (*Акад. ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 43*). Книга Иова оставила заметный след в творчестве создателя «Подростка» и «Братьев Карамазовых». См.: *Якубович, 2005. С. 47—50, 57—60*.

С. 185. ...*люблю этот реализм новейшего поколения, нет этих романтизировааний ~ целое направление спасительно.* — См. выше, с. 715, коммент. к 6, 320. Имеется в виду статья Писарева «Реальность», ярко характеризовавшая идеологию радикальной интеллигенции. К людям «базаровского типа» Писарев относил понятие «реалисты» еще в статье «Базаров» (1862), уравнивая его с понятиями «материалист», «эмпирик», «человек дела». Слово «реалист» явилось на смену слова «нигилист», ставшего к 1864 г. бранной кличкой и многих раздражавшего (см.: *Писарев, 2000. Т. 6. С. 525—528* (коммент. В. И. Щербакова)). «Сообразно с этим и самое название нигилистов теперь упраздняется, сменившись более свежим, хоть и не столь удачным, прозвищем реалистов» (*Соловьев Н. И. Теория пользы и выгоды // Э. 1864. № 11. С. 1*).

С. 185. ...*про Неофитова, про Гаврилова (Коха) и проч.* — О Неофитове см. выше, с. 663—664, коммент. к 6, 130. Упомянутый в записи Михаил Гаврилович Гаврилов — фактор типографии Э. Праца (Пратца), где печатались журналы братьев Достоевских (о Гаврилове и Праце см.: *Белов, Достоевский и его окружение. Т. 1. С. 166; Т. 2. С. 130*). С Гавриловым «дельвал уже неоднократно, удачно и счастливо, большие и тысячные дела», «Гаврилов занимается изданиями», — вспоминал о нем Достоевский в письме к

Э. Ф. Достоевской от 9 (21) августа 1868 г. (*Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 311; см. также в других письмах 1868 г.: С. 299—300, 303—305, 310—313, 331—332, 534). С 1861 г. упоминается Гаврилов и в записных книжках Достоевского (см.: *ЛН*. Т. 83. По указ.). После закрытия «Эпохи», летом 1865 г., Гаврилов предъявил к уплате вексель в 1000 рублей, выданный ему писателем в 1864 г. (см. об этом в письме Достоевского к А. Н. Майкову, 22 июня (4 июля) 1868 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 303—304, а также: *Летопись*. Т. 2. С. 29, 34, 36). Этот вексель был приобретен Стелловским.

В доме Коха в Москве на Моховой помещалась контора московского нотариуса Н. Я. Павлова, где оформлялись документы по наследству А. А. и А. Ф. Куманиных.

С. 188. «Ведь я это от трусости характера только выносить не могу ~ принять Байроновские мучения». — О Байроне см. также: 7, 6. Герои произведений Байрона с их непреклонной гордостью, тоской, нравственными терзаниями и требованием искупления всех страданий были близки и другим героям Достоевского. «Байронизм, — утверждал он, — хоть был и моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества» (*ДП*. 1877. Декабрь. Гл. 2. § 2 — *Акад. ПСС*. Т. 26. С. 113, 418—419). О различных исторических воплощениях на русской почве байронического типа личности Достоевский писал начиная с «Ряда статей о русской литературе» (1861). Проблема опошленного байронизма в образе современного нигилиста остро волновала его в период создания романа «Бесы». В байроническом герое Достоевский «осуждал такие черты, как крайний индивидуализм, эгоизм, демонизм, отсутствие высокого нравственного идеала, во имя которого вершится суд над неправдой жизни, отрыв от народа» (*Буданова*, 1987. С. 24). О «хищном и гордом начале» натуры Раскольникова, роднящем его с байроновскими героями, см.: *Мережковский, Вечные спутники*. С. 184—186, 255; *Rapichas G. The Burden of Vision: Dostoevsky's Spiritual Art*. Grand Rapids, Mich., 1977. P. 30—33; *Фридлендер*, 1985. С. 98. См. также во вступительной статье: 7, 498.

С. 189. ...непосредственная вера, ведь тоже предрассудок. — Имеется в виду вера без раздумий и сомнений, следующая своему внутреннему влечению (см. о слове «непосредственный»: *БАС*. Т. 7. С. 1072). На это утверждение Раскольникова в рукописи следует возражение Сони: «В красоту русского элемента верь...».

С. 189. Луиза Ивановна — хозяйка публичного дома. См. выше, с. 645, коммент. к 6, 84.

С. 189. Каллиграфическая пропись: *Журнал* — запись связана, возможно, с размышлениями Достоевского о форме произведения, переходящего в процессе работы над ним из повести, написанной от первого лица и частично как дневник, в роман «от имени автора, как бы невидимого, но всеведущего» (7, 178). Другие записи на эту тему: 7, 171, 181.

С. 190. ...когда он называет ее святою, она с испугом говорит ~ Я великая грешница». Когда же он думает, что она говорит о желтом билете ~ я не про это ~ я против любви много раз погрешила ~ униженной и убитой Мармеладовой захотелось раз воротничка вышитого... — О «воротничках» («нарукавничках») см. также: 7, 239, 240. Черновой фрагмент второй записной книжки является важным аргументом в вопросе об исправлении в настоящем издании текста на с. 276 тома 6. Ср. в *РВ*: «Да ведь я недостойная!.. я... я ведь бесчестная, я великая, великая грешница! Ах, что вы это сказали! — Не за бесчестие и грех я сказал это про тебя, а за великое страдание твое. А что ты великая грешница, то это так, — прибавил он почти восторженно, — а пуще всего, тем ты грешница, что понапрасну умертвила и предала себя». В последующих изданиях (в том числе в 1877) были сняты «я недостойная!» и «я великая, великая грешница!» Второе из этих исключений вносит в текст романа видимую ошибку, поскольку Раскольников далее отвечает Соне на слова, которые она о себе не произносит (впервые на эту «странную» несообразность текста указано Б. М. Эйхенбаумом в изд.: *Достоевский Ф. М. Преступление и наказание*. Берлин, 1923. С. 500). В изданиях 1926, а затем и в *ЛП* исправлений в текст по первопечатному источнику внесено не было, поскольку, как пишет Л. Д. Опульская-Громова, «не исключено, что, обращаясь к Соне: „ты великая грешница...“, — Раскольников следует ходу своих мыслей о ней, а не ее словам» (*ЛП*. С. 734). Б. Н. Тихомиров писал по этому поводу: «В раннем варианте Соня комментирует свое восклицание, объясняя герою, что она говорит „вовсе не об этом“, то есть не „о желтом билете“, а о своем нравственном прегрешении перед Катериной Ивановной. В журнальном варианте смысл восклицания героини *прямо противоположный*, относящийся именно к ее „ремеслу“, так как она тут же называет себя и „бесчестной“ {...} Словом „бесчестие“ Соня характеризует свое отношение с людьми, словом „грех“ (точнее: грешница) — с Богом. Отсутствие в отдельном издании романа восклицания героини: „Я великая, великая грешница!“ возвращает нас к тому варианту обрисовки религиозно-нравственного самосознания Сони, который намечен в черновом наброске» (*Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского: Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Петрозаводск, 2006. С. 39). В этих рассуждениях не учтен еще один черновой фрагмент, свидетельствующий, что самохарактеристика Сони как грешницы именно из-за ее «ремесла» не была навязана редакцией катковского журнала, а существовала в замысле Достоевского, причем с самого начала работы над печатным текстом романа: «Она считает себя постоянно глубокой грешницей, павшей развратницей, которой не замолить спасения» (7, 185). См. также другой набросок, более поздний: «Он у Сони. Он ей рассказывает {...} про блядь с ребенком. Мать с детьми {...} и они будут блядьми. — Но что же мне делать {далее было: Я гре{шница}}. Папаша, дети, я грешница. Плачет»

(7, 241). «Папаша, дети, я» — это перечисление тех, кого Соня содержит своим «ремеслом», причем «грешница» произносится ею не в связи с Катериной Ивановной. Эти наблюдения позволили в *Акад. ПСС* и вслед за ним в настоящем издании вернуть в текст романа слова «я великая, великая грешница!» как исправление ошибки в нем. О сознании Соней своей «великой греховности» см. во вступительной статье, с. 464—465, а также: *Мережковский, Великие спутники*. С. 191.

С. 191. *Надобно, чтоб Лыжин...* — Еще одно упоминание этой фамилии в подготовительных материалах см.: 7, 194. Имя Павла Петровича Лыжина встречается в петербургских адрес-календарях 1860-х годов в списках присяжных поверенных. Сохранилась повестка о назначенной на 6 июня 1865 г. описи имущества Достоевского за неплатеж П. П. Лыжину по векселю (см. с. 766, коммент. к 7, 89). Осенью 1866 г. имя Лыжина было названо одним из подсудимых по делу Каракозова в качестве возможного адвоката, однако тот отказался под предлогом отсутствия у него опыта по уголовным делам (см.: *Гроссман, Город и люди*. С. 36). О Лыжине как прототипе Петра Петровича Лужина см. также выше, с. 626—627, коммент. к 6, 32.

С. 192. *Аристов и его история*. — Об омском каторжнике Павле Аристове см. во вступительной статье (7, 454), а также в «Записках из Мертвого дома» (4, 67—70, 351—354); ср.: *Комарович, Лит. наследство*. С. 264; *Евнин, 1959*. С. 145.

С. 192. Каллиграфическая пропись: *Мальбранш* — Никола Мальбранш (1638—1715), французский философ. Его труд «Разыскания истины» («*De la recherche de la vérité*», 1674—1675) на протяжении XVIII и XIX веков был существенным компонентом европейской философской жизни и нашел, возможно, отзвук в русской литературе (см.: *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Пер. с англ. СПб., 1998. С. 87; *Бочаров С. Г.* Французский эпиграф к «Евгению Онегину» (Онегин и Ставрогин) // *Моск. пушкинист*. М., 1995. Вып. 1. С. 213). Если Достоевский был знаком с трактатом Мальбранша, то в оригинале, так как русского перевода в его время не существовало. См.: *Баршт К. А.* Имя и философия Николая Мальбранша в черновых записях и произведениях Достоевского // *Вопр. философии*. 2015. № 2. С. 94—105.

С. 193. *Неофитов*. — См. выше, с. 663—664, коммент. к 6, 130.

С. 193. *Как приобретает(ся) немец*. С. 211: «Я хотел обеспечить себя и мать. Немецким путем было некогда. — О «немецком способе» накопления богатства, кроме пушкинской «Пиковой дамы», говорилось в романе Достоевского «Игрок»: «Лет эдак чрез пятьдесят или чрез семьдесят внук первого фатера (...) уже осуществляет свой капитал и передает своему сыну, тот своему, и поколений чрез пять или шесть выходит сам барон Ротшильд или Гоппе и Комп. (...) Не хочу я быть Гоппе и Комп. чрез пять поколений» (5, 252).

С. 193. *Шатов* — имя это в черновиках Достоевского связано с той «шатостью понятий», о которой, как о характерной черте времени,

Достоевский говорит в письме М. Н. Каткову в сентябре 1865 г., рассказывая ему о замысле романа (см. во вступительной статье: 7, 435). Н. Н. Страхов писал позднее, что именно в «Преступлении и наказании» начинается анализ «нравственного и умственного шатания», в котором Достоевский видел корень нигилизма (*Биография*. С. 237). Мысль о колебаниях и «шатости» убеждений молодого поколения повторяется Достоевским в черновиках романа «Бесы»; в этом романе имя Шатова дано одному из персонажей, причем глашатаю близких автору идей (см.: *Акад. ПСС*. Т. 12. С. 232); вновь имя Шатова появляется в черновых записях к роману «Подросток». См.: *Альтман*. С. 102—105; *Арутюнова Н. Д.* Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // *Поэтика*. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 71, 88.

С. 195. Каллиграфическая пропись: *Italia* — по-видимому, первоначальная запись в чистой, еще ничем не заполненной тетради; написанная посередине страницы, она, возможно, предполагалась в тот момент заголовком к будущим записям.

С. 196. *V-я глава...* — Имеется в виду глава V второй (в окончательном тексте — третьей) части, которая вышла в апрельском номере «Русского вестника» (отослано в Москву 18—20 апреля 1866 г. — см.: *Летопись*. Т. 2. С. 63).

С. 197. *22 ию(ля)* — позднейшая помета против текста: «Р(аскольнико)в Соне ~ ничего бы не было». Приписана, по всей вероятности, в указанный день в качестве отсылки к записям в той же тетради на {с. 114 и 115} (7, 235) с такой же пометой. См.: *Летопись*. Т. 2. С. 73.

С. 197. *5 sous* — см. выше, с. 723, коммент. к 6, 371.

С. 197. (*3 часть*) — содержание записей ниже под этим заголовком соотносится с гл. 13—15 второй части первой публикации (*РВ*. 1866. № 7 и 8; в окончательном тексте — ч. V, гл. 3—5). На этапе заполнения данной страницы рабочей тетради Достоевский предполагал отнести их в журнале к третьей части, но впоследствии ее выделение было перенесено в ноябрьский номер.

С. 197. Каллиграфические прописи. *Менотти*, [*Ричиотти*] — имена сыновей и сподвижников Джузеппе Гарибальди в борьбе за освобождение Италии от иноземного господства и объединение страны: Доменико Менотти (1840—1903) и Риччотти (1847—1924). Первый был назван в честь Менотти Чиро (1798—1831), итальянского революционера, карбонария, возглавившего заговор в Модене и казненного в 1831 г.; его имя стало нарицательным, обозначая героя-мученика, павшего за объединение Италии.

С. 197, 199. **ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЗЗРЕНИЕ / В СЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ / Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием** (и след.). — Чтение *Акад. ПСС* (Т. 7. С. 154), принятое в научном обиходе: «В чем есть православие». Запись отражает размышления Достоевского об идее произведения на этапе, когда оно было, по-видимому, «далеко от завершения» (*Тихомиров Б. Н.*

«Страдание принять и искупить себя им, вот что надо»: (К вопросу о философии страдания в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Традиции и новаторство в русской классической литературе (...Гоголь... Достоевский...). СПб., 1992. С. 165; ср.: Захаров В. Н. Идеи и идеал // 2003—2007. Т. 7. С. 390). Некоторым пояснением к тому, что Достоевский назвал в этой записи «счастьем», может служить другая, дневниковая, запись («Маша лежит на столе...»), от 16 апреля 1864 г., в которой он утверждал: «...человек беспрерывно должен чувствовать страдание, которое уравнивается раийским наслаждением исполнения закона, то есть жертвой» (Акад. ПСС. Т. 20. С. 175). По мнению Н. О. Лосского, там, где Достоевский «возвеличивает страдание, он имеет в виду страдание как неизбежное следствие нравственного зла, очищающее душу от этого зла» (Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 297). Сходные идеи «об очищающей силе страдания» Достоевский высказывал и в дружеском кругу, о чем вспоминал Н. Ф. Бунаков, встречавшийся с ним в период издания журнала «Время» (см.: Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 167). См. также: Мочульский С. 235; Müller L. Dostojewskij als Theologe // Jahrbuch der Heidelberger Akademie der Wissenschaften 1983. Heidelberg, 1984. S. 90; Трубецкой Н. С. О двух романах Достоевского // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 706; Лурье. С. 296—298; Постникова Е. Г. Идея страдания в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Современные научные концепции в филологии и преподавание словесности. Магнитогорск, 2003. С. 35—39.

«Православное воззрение» выражено Достоевским в форме, заостренной против тех тенденций в русской литературе 1860-х годов, которые были связаны с проповедью комфорта. Утилитаризм устами своих русских идеологов, в первую очередь Чернышевского и Писарева, отрицал жертвенность, утверждая, что комфорт должен пронизать все стороны человеческой жизни, в том числе этику (см. выше, с. 681—682, коммент. к 6, 220). Достоевский ощущал враждебность новой идеологии самим основам русской жизни, обозначенным в записи как «православие» (Русский народ всегда, как Христос, страдал, говорит Соня. — 7, 189; см. об этом во вступительной статье (с. 465), а также: Недзвецкий В. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и его оппоненты. М., 2003. С. 154). В письме к А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. Достоевский утверждал, что «понятия нравственные и цели русских — выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте» (Акад. ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 260).

С. 197. Таков ~ страдания. — Место вставки отмечено повторением перед ней слова «страданием.» — строго напротив первого его написания. Иную компановку записи, с добавлением слова «страданием» к выражению «перетащить на себе» (см. ниже) и отнесением

вставки на полях к окончанию всей записи, см.: Тихомиров, 2000. С. 235. Эта компановка не объясняет, почему Достоевский начал писать на полях, не использовав нижнюю часть страницы. Ср. это выражение в устах Порфирия и Свидригайлова (6, 389, 437).

С. 199. *NB. Всё это выразить на вечере Разуმიхина.* — Ср. главу VII второй части (опубликовано в февральском номере «Русского вестника»).

С. 199. ...*сыскать и выпустить в роман русского купца (Бабушкина) Алонкина...* — Купцы Бабушкины упоминаются в петербургских адрес-календарях (см. также: Саитов В. И. Петербургский некрополь. Т. 1. С. 117). Иван Максимович Алонкин (Олонкин; ум. 1875) — хозяин дома на углу Малой Мещанской и Столярного переулка в Петербурге, где писатель жил с августа 1864 по январь 1867 г. (см.: Белов, Достоевский и его окружение. Т. 1. С. 36). «...Хозяин дома, богатый купец Алонкин, — вспоминала А. Г. Достоевская, — очень почитал Федора Михайловича, как „великого трудолюбца“, как он про него выражался, и никогда не беспокоил напоминанием о квартирной плате, зная, что, когда будут деньги, Федор Михайлович сам их принесет. И Федор Михайлович любил беседовать с почтенным стариком» (Достоевская А. Г., Воспоминания, 1987. С. 125—126).

С. 200. *Бамбошёр* (фр. *bambocheur*) — гуляка, кутила, пропойца.

С. 201. *Севастополец* — участник обороны Севастополя 1854—1855 гг.

С. 201. Каллиграфические прописи. *Bousiris* — Бусирис, мифологический тиран, царь Египта, приносивший чужеземцев в жертву и угрожавший смертью Гераклу.

С. 201. Каллиграфические прописи. *Semiramis* — Семирамида, легендарная царица Ассирии (IX в. до н. э.), упоминаемая в Библии; с ней связаны представления о выдающейся красоте, сладострастии, воинственности; предположение о связи написания ее имени с оперой Дж. Россини «Семирамида» см.: Тихомиров, 2010б. С. 103—104. [*Romul*] (правильно: *Romulus*) — легендарный основатель Рима и первый римский царь. *Caius Caligula* — римский император Гай Юлий Цезарь, по прозвищу Калигула (*Gaius Julius Caesar Caligula*; 12—41 н. э.), символ жестокого и деспотичного правителя.

С. 202. *В его скупости нечто из пушкинского скупого барона ~ господствовать.* — Ср. в окончательном тексте о Лужине (6, 263): *Но более всего на свете любил и ценил он, добытые трудом и всякими средствами, свои деньги: они равняли его со всем, что было выше его.* Пушкинский Скупой рыцарь, «лицо колоссальное», по мнению Достоевского, упоминается им в 1861 г. в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (см.: Акад. ПСС. Т. 19. С. 73—74). Высокая оценка этого пушкинского образа получила отражение в письмах писателя, а также в романах «Идиот» и «Подорожник» (см.: Там же. Т. 8. С. 105; Т. 13. С. 74). Ср.: 2, 627.

С. 202. Каллиграфическая пропись. [*Ich*] — ср. записи на (с. 99 и 100) этой же тетради (7, 221, 222).

С. 203. *Мужик режет и не раскаивается.* — См. выше, с. 766, коммент. к 7, 100.

С. 203—204. *Свидригайлов. Наши демократы ~ иногда значительными.* — Все наброски на (с. 60) тетради датируются временем не ранее 9 апреля 1866 г., поскольку сделаны вокруг записи: «Русский инвалид 9-го апреля 66, корреспонденция немецкой газеты». См. также ниже, коммент. к с. 205.

С. 205. *Отметки о Свидригайлове ~ только механика.* — О датировке набросков на (с. 62), по-видимому, одновременных с набросками на (с. 60), см. выше, коммент. к с. 203.

С. 205. *Если это прогресс, то что же значит китайщина!* — О термине «китаизм» («китайщина»), употреблявшемся литераторами середины XIX в. для определения общественного застоя, см.: 5, 462.

С. 205. *Свидригайлов ~ мнение о том, что человек сам одна только механика.* — В окончательном тексте мысль о «механистическом» воззрении социалистов на человека вложена в уста Разумихина, который горячо высказывается против нее при посещении с Раскольниковым Порфирия Петровича (см.: 6, 219 и коммент. к ней 7, 680—681). Набросок появился в тетради Достоевского до того, как эта сцена (в составе части третьей, в журнальном тексте — начало второй части) была напечатана в апрельском номере «Русского вестника» (вышел из печати 20 мая 1866 г.; рукопись была отправлена Достоевским в Москву 18—20 апреля — см.: *Летопись*. Т. 2. С. 63).

С. 205. *Калиграфические прописи. Napoleon Buonaparte* — Наполеон I. *Caro d'Istria* — Иоаннис (Иван Антонович) Каподистрия (1776—1831), русский и греческий политический деятель, дипломат, первый президент независимой Греции. *Pozzo di Borgo* — Шарль Андре (Карл Осипович (Андреевич)) Поццо ди Борго (1764—1842) — уроженец Корсики, российский дипломат и государственный деятель, противник Наполеона, участник войны 1812 г. на русской стороне.

С. 209. *Говорит об игре; об рулетках.* — В начале 1860-х годов за границей и в период работы над романом Достоевский увлекался рулеткой. В 1863 г. им был задуман роман «Игрок» (см.: 5, 561—562) — «как НАГЛЯДНОЕ и подробнейшее изображение рулеточной игры» (письмо Достоевского к Н. Н. Страхову, 18 (30) сентября 1863 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28, кн. 2. С. 51). В 1866 г. Достоевский обдумывал план этого романа, писавшегося параллельно с окончанием «Преступления и наказания». См.: 7, 460—461, 467.

С. 209—210. *Суждение его о явлении призраков.* — В 1860-е годы в России наряду с интересом к вопросам криминалистики заметно оживился интерес и к проблемам психиатрии. В очерках теорий уголовного права, на страницах созданного в 1865 г. журнала «Архив судебной медицины и общественной гигиены», при анализе различных степеней вменяемости, извиняющей или оправдывающей

преступника, рассматривались и вопросы о связи явлений жизни физической с явлениями жизни психической, анализировались случаи галлюцинаций (см.: Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. Вып. 1. С. 116—128), монomanии (см.: Стифен Дж. Ф. Уголовное право Англии в кратком очертании / Пер. В. Д. Спасовича. СПб., 1866. С. 119). См. также выше, с. 697 и 698, коммент. к 6, 245 и 247.

С. 210. *Одной общечеловеческой жизнью жить нельзя ~ Национального чувства не развито.* — О развитии в публицистике Достоевского 1860-х годов понятия «общечеловек», под которым подразумевался русский либерал-западник, утративший связь с национальной почвой, см.: Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...»: К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012. С. 265—267.

С. 211. *Боязнь эстетики* — см. выше, с. 743, коммент. к 6, 448.

С. 211. Глава «Христос» (как «Сон Обломова») *кончается пожаром.* — Сходная запись имеется в наброске Достоевского «Великолепная мысль...» (1870): «...поэтическое представление вроде „Сна Обломова“, о Христе...» (Акад. ПСС. Т. 12. С. 5, 367; см. также: Розенблюм. С. 46—52). По свидетельству доктора С. Д. Яновского, Достоевский читал и цитировал с увлечением еще в 1849 г. только что вышедший «Сон Обломова» Гончарова (*Достоевский в воспоминаниях*, 1990. Т. 1. С. 238). В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский назвал «Сон Обломова» лучшим эпизодом в романе Гончарова (ДП. 1876. Апрель. Гл. 1. § 2 — Акад. ПСС. Т. 22. С. 105, 372—373). См. также: 3, 667—668.

Гипотеза о характере возможной связи между главой «Христос», задуманной Достоевским, и «Сном Обломова», высказана И. А. Битюговой: это «высокие видения Раскольникова, переживающего состояние катарсиса», — в «художественной манере и на фоне, подобном охарактеризованному» в статье Ап. Григорьева из цикла «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“» (1859) (Битюгова И. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 2. С. 196). Обломовка в представлении Григорьева — это «органический продукт почвы и народности»; говоря о русском человеке, критик утверждал, что Обломовка «неотделима органически от его собственного бытия, что только на ее почве может он жить неискусственную, негальваническую жизнь и, полный такого искреннего сознания, готов скорее идти в крайность положительного смирения перед нею, чем в противоположную крайность азбучного правила» (Григорьев Ап. Литературная критика. М., 1967. С. 325—326). Этот «фон» созвучен высказываниям Сони в подготовительных материалах к роману (7, 189): *В красоте русского элемента верь (Соня). Русский народ всегда, как Христос, страдал, говорит Соня.*

С. 211. ...я еще не готов, я полон гордости и фальши; я только что начинаю весь процесс переделки»... — Ср. позднейшие слова Достоевского в «Дневнике писателя» за 1877 г.: «...осмыслить и почувствовать можно даже и верно и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина. Вот эту-то неустанную дисциплину над собой и отвергают иные наши современные мыслители (...) Мало того: мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если б этот идеал и возможен был, то с *недоделанными* людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные» (ДП. 1877. Февраль. Гл. 1. § 3 — *Акад. ПСС*. Т. 25. С. 47). Ср. в подготовительных материалах к «Подростку»: «Готовым человеком никто не родится» (Там же. Т. 16. С. 276).

С. 212. Каллиграфическая пропись. *Raphael Santio d'Urbino* — аналогичные прописи см. далее на (с. 88, 89, 95, 100) этой же тетради (7, 215, 216, 219, 222). О теме Рафаэля и его «Сикстинской мадонны» в романе Достоевского см. с. 699, 714, 736 и 421—422, коммент. к 6, 251, 320, 415, а также к 7, 6 и 257.

С. 213. *Вся 3-я часть*. — Имеется в виду третья по счету публикация «Русского вестника» (апрельский номер; в журнальном тексте — часть вторая, в окончательном тексте — часть третья).

С. 214. *2-я глава*. — См. предыдущее примечание. В окончательном тексте: часть третья, глава II.

С. 216. *4-я часть*. — Имеется в виду следующая (четвертая) публикация в «Русском вестнике» (вышла в июньском номере). В окончательном тексте совпадает с четвертой частью, в журнальном — продолжение второй части.

С. 217. Каллиграфическая пропись. *Сироты* — запись, по-видимому, связана с судьбой осиротевших детей Мармеладова.

С. 218. *Ее ночь (встреча: Ich mache ein Kreuz)*. — Ср. 7, 241: «Вы ведь по ночам ходите. — Мне одна рассказывала: *Ich mache ein Kreuz und ich gehe*»; см. также ниже на той же странице. Речь идет о ночном промысле проститутки. В Петербурге среди них почти половина была из Остзейского края (см.: *К-ц [Кузнецов М. И.]*. Петербургская проституция // Петербург: Календарь на 1870 год. СПб., 1870. Отд. II. С. 91).

С. 218. ...и о пансионе и *ne parlez pas Russe*. — Имеется в виду способ обучения иностранным языкам в закрытых учебных заведениях — через запрет в определенные дни (или часы) говорить на родном языке.

С. 219. *NB. Мать ему ~ об здоровье*. — В окончательном тексте вошло в главу II третьей части (напечатано в апрельском номере «Русского вестника»). См. выше, с. 676, коммент. к 6, 189.

С. 220. ...об этом пункте будет в 4-й части. — Эпизод с признанием работника и показанием мещанина напечатан в пятой (июль-

ской) публикации «Русского вестника» (в окончательном тексте это конец четвертой части).

С. 225. *Ne touchez pas à la hache*. — Источник цитируемой фразы — повесть «Герцогиня де Ланже» из трилогии О. де Бальзака «История тринадцати» (1834), где к словам «*Ne touchez pas à la hache*» дается пояснение: «Слова сторожа в Вестминстере, когда он показывал топор, которым палач в маске отрубил голову Карлу Первому, — эти слова, по преданию, произнес сам король, предостерегая какого-то любопытного» (Бальзак. Т. 11. С. 219 (указано: Тихомиров, 2007); ср.: *Balsac H. de. Histoire des treize*. Paris, 1840. P. 317). Н. В. Станкевич в письме к Я. М. Неверову от 2 января 1835 г. особо выделял в «Истории тринадцати» эпизод с «*Ne touchez pas à la hache*» (опубл.: Анненков П. В. Н. В. Станкевич: переписка его и биография. М., 1857. С. 120). О другой реминесценции, связывающей «Преступление и наказание» с этой трилогией Бальзака, см. выше, с. 619, коммент. к 6, 19.

С. 225. Каллиграфические прописи. *Colombina* — персонаж итальянской комедии масок (комедия дель арте), проницательная служанка, находящаяся в центре сюжетной любовной интриги. Запись относится, возможно, к работе над романом «Идиот». Ср. аналогичные записи на (с. 105 и 106) этой же тетради (см. 7, 226, 227).

С. 226. Каллиграфическая пропись. *Вселенский* — в плане «Жизния великого грешника» намечены «вдохновенные рассказы Тихона» «о вселенской радости живой жизни».

С. 227. Каллиграфические прописи. *Круковский* — по-видимому, генерал-лейтенант В. В. Корвин-Круковский, отец А. В. Корвин-Круковской (в замужестве Жакар; 1843—1887) и С. В. Корвин-Круковской (в замужестве Ковалевской; 1850—1891) (об отражении впечатлений от общения с семейством Круковского в 1864—1865 гг. в романе «Идиот» см.: *Акад. ПСС*. Т. 9. С. 386; Т. 28, кн. 2. С. 574—575). *Печаткин* — один из братьев Печаткиных, владельцев Красносельской бумажной фабрики, вероятнее всего, Е. П. Печаткин (1838—1918), книгопродавец, близкий революционным кругам, кредитор писателя.

С. 228. Каллиграфическая пропись. *Кирсанов* — герой романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

С. 230. Каллиграфическая пропись. *Писаренко* — «прозвание» персонажа повести Достоевского «Двойник» (см.: 1, 221—222, 229).

С. 230. В 3-й части. — В окончательном тексте первый разговор Раскольникова с Соней — четвертая часть, глава IV, в журнальном (июньский номер «Русского вестника») — вторая часть романа, глава IX.

С. 230. *Дуня* в 4-й части. — В окончательном тексте вошло в пятую часть романа, напечатанную в августовском номере журнала (продолжение второй части).

С. 230. *Соня* в V-й части. — В окончательном тексте вошло в пятую часть романа, напечатанную в августовском номере журнала (вторая часть).

С. 233. Каллиграфическая пропись. *Itineraire* — см. аналогичную запись в ПМ₁ (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 4. С. 1; 7, 107) и коммент. к ней (7, 771).

С. 233. ...*натура не выдерживает ~ сам побледнеет али денег не досчитается.* — Ср.: *Солгал-то он бесплодно, а на натуру-то и не сумел рассчитать.* и след. (6, 296). Имеется в виду случай из газетных материалов процесса о фальшивомонетчиках — см. выше, с. 668—669, коммент. к 6, 140.

С. 236. *А мы оба прокляты — парии общества.* — Формула «парии общества» была впервые применена Достоевским в 1862 г. к героям «Отверженных» Гюго в предисловии к публикации перевода романа «Собор Парижской Богоматери» в журнале «Время» (Акад. ПСС. Т. 20. С. 28); с «Отверженными», по-видимому, было связано и отнесение ее к героям «Преступления и наказания» (Фридендер, 1985. С. 189). Идея «социального проклятия» отразилась не только в подготовительных материалах, но и в тексте «Преступления и наказания»: «Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!» — говорит Раскольников Соне (6, 284). О «социальном проклятии», довлеющем над неимущими слоями и доводящем их до состояния «париий общества», говорилось в кратком предисловии Гюго к «Отверженным»: «До тех пор, пока силою законов и нравов будет существовать социальное проклятие, которое среди расцвета цивилизации искусственно создает ад и отягчает судьбу, зависящую от Бога, роковым предопределением человеческим; до тех пор, пока не будут разрешены три основные проблемы нашего века — принижение мужчины вследствие принадлежности его к классу пролетариата, падение женщины вследствие голода, увядание ребенка вследствие мрака невежества (...) до тех пор, пока будут царить на земле нужда и невежество, книги, подобные этой, окажутся, быть может, бесполезными» (Гюго. Т. 6. С. 6).

С. 237. ...*о двух разрядах людей: об предназначенных и об материале...* — В «Парижском обозрении» (подзаголовок: «Нескончаемые толки об „Истории Цезаря“, ограничивающиеся пока предисловием») Евгения Тур привела мнение об этой книге из открытого письма П. Ларрока во французской газете «L'Avenir national» (см. выше, с. 684—685, коммент. к 6, 222): «Люди попирают ногами человечество, отнимают у него священнейшие права его и, за этими-то людьми, хотят, чтоб мы признали, что они предназначены провидением исполнить миссию, что они существа высшие, являющиеся время от времени в истории, как яркие маяки, рассеивающие мрак эпохи и освещающие будущее» (Г. 1865. 6 (18) марта, № 65. С. 2). Ср. в подготовительных материалах (7, 239): *Слушайте: есть два сорта людей. Для высших натур можно переступать через препятствия.*

С. 238. Каллиграфическая пропись. *Особое Прибавление* — название приложений, издававшихся при различных периодических изданиях.

С. 239. *Картина / Проводят каторжных* — см. выше, с. 743—744, коммент. к 6, 453.

С. 240. *Во времена баронов повесить на воротах вассала ничего не значило. Убить своего брата тоже. След(ственно), натура подчиняется тоже разным эпохам.* — Речь идет об идеях позитивистской этики, развивавшихся на страницах журнала «Русское слово».

С. 241. *Голландец.* Там же: ...он ей рассказывает про голландский метод... — Под «голландцем» здесь, как и выше (7, 196), подразумевается Петр I, а под «голландским методом» — насаждение им «сверху» цивилизации и идеи полезного труда, ведущего к обогащению. «Нужно было быть слишком оригинальным, чтоб, быв московским царем, вздумать — не только полюбить, но даже поехать в Голландию (...) — писал Достоевский в 1861 г. во Введении к «Ряду статей о русской литературе». — Во всяком случае, в лице Петра мы видим пример того, на что может решиться русский человек, когда он выживет себе полное убеждение и почувствует, что пора пришла, а в нем самом уже созрели и сказались новые силы» (*Акад. ПСС. Т. 18. С. 55, 259*).

С. 241. *Тело им отдам.* — Фраза, по-видимому, имеет евангельский подтекст, намекая на образ жертвы Христа (слово «Тело» употреблено в сходном контексте в одном из апостольских посланий — см.: 1 Кор. 10, 16; 11, 27—29).

С. 242. *Где же обетование, что пребудет «Дух во веки», что пребудет до скончания мира Христос...* — По-видимому, имеется в виду гл. 14 Евангелия от Иоанна: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины...» (Ин. 14, 16—17); ср. также: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8); см. также: *Евангелие Достоевского. Т. 2. С. 371—372* (о 2 Пет. 3, 4).

С. 243. *Начало 3-й части.* — По-видимому, имеется в виду третья часть романа в журнальном тексте (ноябрьский номер «Русского вестника»); в окончательном тексте — начало шестой части.

С. 246. *Каллиграфические прописи. Мадазима, Хазильдея Вандальская* — имена из романа Сервантеса «Дон Кихот»; прописи, по-видимому, связаны с работой в той же тетради над романом «Идиот» (см.: *Тихомиров, 2010. С. 103*).

С. 247. *Каллиграфические прописи. Itineraire* — см. аналогичную запись в ПМ₁ (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 4. С. 1; 7, 107) и коммент. к ней (7, 771).

С. 247. *Возлюби!* — Угол страницы в Евангелии от Матфея (22, 39) с заповедью Христа «возлюби ближнего твоего, как самого себя», одной из двух «наибольших», неоднократно загнут — см.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 79; Т. 2. С. 163—164*.

С. 249. *Каллиграфическая пропись. Неопалимый* — возможна связь с предложением в тексте на этой странице: «Бабочку на свечку тянуло»; ср. 6, 294.

С. 249—250. *Явление Свидригайлова. Тот лежит с закрытыми глазами. Этот сидит и смотрит ~ Да ведь не в том*

дело...» — Записи на (с. 148) делались в три приема. Самая ранняя из них (о Свидригайлове, новой улике и «глупости» убийства старухи) появилась в тетради не позднее весны 1866 г. (глава с явлением Свидригайлова у Раскольникова вышла в апрельском номере «Русского вестника»). См. 7, 785, коммент. к 7, 205.

С. 252. 4-я глава — имеется в виду глава IV третьей части (в окончательном тексте часть шестая), вошло в ноябрьский номер «Русского вестника».

С. 256. *Бугорки, доктор говорит. (Уныние на него от бугорков.)* С. 257: *О бугорках.* — См. выше, с. 722—723, коммент. к 6, 365.

С. 256. *Стоял один гроб...* — См. 6, 391 и коммент. к ней.

С. 257. *Нигилизм — это лакейство мысли. Нигилист — это лакей мысли.* — О связи этой мысли Достоевского с фамилией нигилиста Лебезятникова см. выше, с. 611, коммент. к 6, 15. О лакействе как подчинении авторитету и слепом следовании чужой догме — выражении, встречающемся в произведениях («Бесы», «Дневник писателя» за 1877 г.), а также рукописных материалах к ним Достоевского — см.: *Акад. ПСС. Т. 26. С. 497.* Это выражение Достоевский относил к нигилистам, атеистам, либералам-западникам.

С. 257. *НВ. Катерина Ивановна.* и след. — Сцена смерти Мармеладовой появилась в августовском номере «Русского вестника».

С. 258. **ПОСЛЕДНЯЯ СТРОЧКА:** *Неисповедимы пути, которыми находит Бог человека.* — Запись относится к преступлению Раскольникова — ср. слова Порфирия, во время последней встречи с ним (6, 396): *Вас, может, Бог на этом и ждал.*

С. 258. «*Что, Соня, что, Лужину ли жить ~ или умирать Кат(ерине) Ивановне?*» — Мысль нашла отражение в журнальном тексте (7, 395), но затем была удалена из романа.

С. 259. *Не заняты мы... Белоручки, en grand ~ в белоручничестве много высокого.* — Ср. в «Дворянском гнезде» (1859) Тургенева: «Une nature roétique (Поэтическая натура — фр.), — заговорила Марья Дмитриевна, — конечно, не может пахать... et ruís (и потом — фр.), вы призваны, Владимир Николаич, делать всё en grand (в крупном масштабе — фр.)» (*Тургенев, Сочинения. Т. 7. С. 233*). Разговор Раскольникова со Свидригайловым в набросках касался проблемы «лишнего человека», которая интересовала Достоевского на протяжении всего его творческого пути. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), где эта проблема рассматривается на примере Чацкого, он писал: «И если хочешь непременно одним шагом до цели прийти, так ведь это, по-моему, вовсе не ум. Это даже называется белоручничеством. Трудов мы не любим (...) лучше прямо одним шагом перелететь до цели...» (5, 70, 457—458). С проблемой «лишнего человека» связана и другая запись, от лица Свидригайлова, на той же странице тетради Достоевского (7, 260): *Да я сгораю любовью к отечеству, нет, переписывай от телева до селева ~ Согласитесь сами, что и плюнешь на всё.*

С. 260. *Теперь мы проистлеваемся ~ исподлились ~ Нигилизм в своем роде. — Нигилизма ведь два... — От нигилизма как явления общественно-политической жизни России Достоевский отделяет падение нравственности «в цивилизованной части нашего общества», о котором он с тревогой говорит на страницах романа, в частности в связи с разного рода уголовными делами. См.: Буданова, 1987. С. 50—53; Викторovich В. А. О двух историко-публицистических замыслах Достоевского // Д, Материалы и исследования. Т. 6. С. 148—153, а также 7, 663—665 и 709, коммент. к 6, 130 и 314.*

С. 260. *Инвалид. Статья об Австрии (игривенький сюжет).* — Имеется в виду газета «Русский инвалид».

С. 261. *в №-х Зап(исной) книж(ки).* — По-видимому, имеются в виду те нумерации, которыми Достоевский снабжал наброски и подготовительные материалы в своих записных книжках (см., например: 7, 219).

С. 277. *...был на аршине пространства...* — См. выше, с. 666, коммент. к 6, 136—137.

С. 277. *Каллиграфические прописи. Lapidaire* — в процессе работы над романом Достоевский неоднократно формулировал правило излагать события «как можно короче», «оригинальнее и короче» (7, 49, 108, 110). *Благосв(етлов)* — Григорий Евлампиевич Благосветлов (1824—1880), публицист, журналист, редактор журналов «Русское слово» и «Дело».

С. 279. *Каллиграфические прописи. Эмилия* — Эмилия Федоровна Достоевская (урожд. Дитмар) (1822—1879), жена М. М. Достоевского, старшего брата писателя.

С. 284. *Каллиграфические прописи. Виноградов* — см. выше, с. 669, коммент. к 6, 140 (предположительно).

С. 287. *Нет преступлений.* — См. выше, с. 680, 684, коммент. к 6, 219 и 221.

С. 287. *Всякая деятельность, даже и злая, полезна.* — Вероятнее всего, подразумевается выступление одного из публицистов «Русского слова» — см., например, в статье Н. В. Шелгунова «Одинокое заключение и смертная казнь»: «Способность разрушения есть одна из важнейших человеческих способностей, имеющая наибольшее практическое значение. В этой способности лежит не только начало тех действий, которые на юридическом языке зовутся проступками и преступлениями; но и начало той нравственной силы, которую называют энергией. (...) Известные исторические личности все обладали этой способностью; конечно, она не всегда была направлена у них полезным образом, но, во всяком случае, только ею создавалось то полезное в истории, чем разрушался старый вред» (РСЛ. № 1. С. 180—181). См. об этом: Никитин, 2010. С. 223—224.

С. 288. *Каллиграфические прописи. Помялов(ский), Писемский* — изображение попойки на квартире Разуმიкина, дошедшей до градуса «умственной» оргии, сопровождается упоминанием имен Н. Г. Помяловского (писателя, принадлежавшего к новому поколе-

нию, к тому же, страдавшего алкоголизмом) и А. Ф. Писемского (автора антинигилистического романа).

С. 290. *Мечтать ~ что обладаешь Бразильской империей...*
С. 292: *Бразильская империя* — в 1865 г. император Бразилии Педро II, действуя в союзе с Аргентиной и Уругваем, начал оборонительную войну против парагвайского диктатора Франсиско Солено Лопеса, захватившего бразильское судно и вторгшегося в провинцию Матто Грассо (война эта закончилась лишь после смерти Лопеса в 1870 г.). В связи с этим события в Бразилии в 1865 г. регулярно освещались русской и западноевропейской печатью. Широко освещались в 1864—1865 гг. в печати также события в Мексике, где в 1864 г. была провозглашена империя, а императором, по настоянию Наполеона III, — австрийский эрцгерцог Максимилиан, который ради этого отрекся от своих наследственных прав на австрийский престол. Возможно, что интерес Достоевского к Латинской Америке в 1860-х гг. стимулирован в первую очередь мексиканскими событиями. Подробнее см.: *Коган Г. Ф.* Ф. М. Достоевский, русская общественная мысль и «мексиканский вопрос» в 60-е годы XIX в. // *Латинская Америка.* 1974. № 4. С. 115—131.

С. 293. *...мыть свое белье ~ скатывал его, занимая валеk и скалку у соседки.* — Валёк — изогнутая длинная и толстая лопатка с зарубками на выгнутой стороне для катания белья; скалка — деревянный валик для разглаживания белья путем катания (ср.: катать белье на скалке вальком).

С. 294. *Как [Обломов].* — См. выше, с. 674 и 786, коммент. к 6, 179 и к 7, 211.

С. 326—327. *...грустно и тяжело помогать единично ~ единичное добро не помогает обществу ~ Ну а дураки и плуты тотчас из этого выведут, что и совсем помогать не надо...* — См. также в беловом автографе: 7, 342. Отклик на журнальную полемику 1860-х годов о нищенстве и разных видах благотворительности — см. выше, с. 611—613 и 715, коммент. к 6, 15 и 324. В окончательном тексте мыслям Разумихина о благотворительности Достоевский придал пародийное звучание и вложил их в уста Лужина — см. с. 661—662, коммент. к 6, 128.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ¹

Места хранения рукописей и документов

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург).

Собрания сочинений Ф. М. Достоевского

- Акад. ПСС — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. / Акад. наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972—1990.
Акад. ПСС₂ — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. СПб.: Наука, 2013—2016. Т. 1—6. (Издание продолжается).
1870 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. / Вновь просмотренное и дополненное автором. СПб.: Изд. Ф. Стелловского, 1870. Т. 4.
1918 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: С многочисл. прилож.: В 23 т. Пг.: Просвещение, [1918]. Т. 23.
1926 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худож. произведений: В 13 т. / Под ред. Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5.

---

¹ В список не включены сокращения, совпадающие с сигналами, указанными в перечне источников текста к каждому произведению.

1957 — *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 10 т. / Под общ. ред. Л. П. Гроссмана и др. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 5 / Подгот. текста и примеч. К. Н. Полонской.

1995 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995—2015. Т. 1—9, 11. (Издание продолжается).

2003—2007 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 18 т. М.: Воскресенье, 2003—2007.

2008 — *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 9 т. / Подгот. текстов, сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Касаткиной. М.: Астрель: АСТ, 2008. Т. 3.

Мемуарные, критические, научные и другие печатные источники

Абрамович — Абрамович Н. Я. Христос Достоевского. М.: Изд. И. А. Маевского, 1914.

Альтман — Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975.

Амелин, Пильщиков — Амелин Г. Г., Пильщиков И. А. Новый Завет в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Логос. 1992. № 3. С. 269—279.

Анненский, 1979 — Анненский И. Ф. Книги отражений / Изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева и др. М.: Наука, 1979. (Лит. памятники).

Антоний (Храповицкий) — Антоний (Храповицкий), митрополит. Словарь к творениям Достоевского // Антоний (Храповицкий), митр. Ф. М. Достоевский как проповедник возрождения / Посмертное изд. под ред. и с предисл. архиеп. Никона (Рклицкого); Изд. Северо-Американской и Канадской епархии. Монреаль; Нью-Йорк: Monastery Press; Diocesan Publishing House, 1965.

Анциферов, 1991 — Анциферов Н. П. «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Сост. М. Б. Вербловская; Вступ. ст. и примеч. А. М. Конечного и К. А. Кумпан. СПб.: Лениздат, 1991.

Анциферов, 2009 — Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / Сост., подгот. текста, послесл. Д. С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Архив судебной медицины — «Архив судебной медицины и общественной гигиены» (журнал).

Аскольдов, 1921 — Аскольдов С. А. Достоевский как учитель жизни // О Достоевском, 1881—1931. С. 252—263.

Аскольдов, 1922 — Аскольдов С. А. Религиозно-этическое значение Достоевского // Сб. Достоевский, 1. С. 1—32.

Ахшарумов — Ахшарумов Н. Д. «Преступление и наказание», роман Ф. М. Достоевского // Всемирный труд. 1867. № 3. С. 125—156.

Ашимбаева — Ашимбаева Н. Т. Сердце в произведениях Достоевского и библейская антропология // Достоевский в конце XX века. С. 378—387.

Бальзак — Бальзак Оноре де. Собр. соч.: В 24 т. М.: Правда, 1960. (Б-ка «Огонек»).

Барсотти — Барсотти Д. Достоевский: Христос — страсть жизни. М.: Паолине, 1999.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950—1965.

Батист, Федоренко — Батист Г. «Дом Раскольникова»: [Беседа с Б. В. Федоренко] // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л.: Лениздат, 1974. [Вып. 3]. С. 186—204.

Бахтин, 1972 — Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М.: Худож. лит., 1972.

БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).

Белинский — Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.

Белов, Достоевский и его окружение — Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: Энцикл. словарь / Рос. нац. б-ка. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1—2.

Белов, Комментарий — Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Книга для учителя. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985.

Бем, У истоков — Бем А. Л. У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский // Вокруг Достоевского. Т. 1. С. 411—551. [Первое изд.: Прага: Петрополис, 1936. (О Достоевском. Вып. 3)].

Бердяев — Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 7—150. (Сер. «Русские философы XX века»).

Березкина, 2013а — Березкина С. В. Ф. М. Достоевский и М. Н. Катков: (Из истории романа «Преступление и наказание») // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2013. Т. 72. № 5. С. 16—26.

Березкина, 2013б — Березкина С. В. «Живет же на квартире у портного Капернаумова...»: (Из комментария к «Преступлению и наказанию» Достоевского) // РЛ. 2013. № 4. С. 169—179.

Березкина, 2015 — Березкина С. В. М. Е. Салтыков-Щедрин на страницах «Преступления и наказания» (Из комментария к роману Достоевского) // РЛ. 2015. № 1. С. 101—110.

Библиотека — Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции, науч. описание / Отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005.

Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. Т. 1).

Благой — Благой Д. Д. Достоевский и Пушкин // Благой Д. Д. Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1979. С. 501—575.

Богданова — Богданова О. А. Под созвездием Достоевского: Художественная проза рубежа XIX—XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы. М., 2008.

Буданова, 1987 — Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л.: Наука, 1987.

Бурмистров, 1977 — Бурмистров А. С. Петербург в романе «Преступление и наказание» // Прометей: Ист.-биогр. альманах сер. «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 1977. Т. 11. С. 71—85.

Бухарев — Феодор (Бухарев А. М.), архим. О романе Достоевского «Преступление и наказание» по отношению к делу мысли и науки в России // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев) о духовных потребностях жизни / Сост., вступ. ст. и коммент. К. А. Кокшениевой. М.: Столица, 1991. С. 213—252.

Бушueva — Бушueva С. К. Достоевский на зарубежной сцене // Достоевский и театр. С. 463—492.

Ветловская, Из комментария 2 — Ветловская В. Е. Из комментария к произведению Достоевского. 2 // Д, Материалы и исследования. Т. 19. С. 451—457.

Ветловская, Приемы полемики — Ветловская В. Е. Приемы идеологической полемики в «Преступлении и наказании» Достоевского // Д, Материалы и исследования. Т. 12. С. 78—98.

Ветловская, «Хождение души», 1—2 — Ветловская В. Е. 1) «Хождение души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» Достоевского // Д, Материалы и исследования. Т. 16. С. 97—117; 2) «Хождение души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» Достоевского (статья 2-я) // Д, Материалы и исследования. Т. 18. С. 143—160.

Виноградов, История слов — Виноградов В. В. История слов: Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Рос. Акад. наук; Отд-ние рус. яз. и лит.; Науч. совет «Рус. яз.: История и современное состояние»; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. [2-е изд.] М.: Азъ, 1999.

Виноградов, Поэтика — Виноградов В. В. Избр. труды: Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 3—187: Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский [первое изд.: Л.: Academia, 1929].

Виноградов И. И. — Виноградов И. И. Духовные искания русской литературы. М.: Русский путь, 2005. С. 233—252: Красота зла. Из «Этюдов о Достоевском»; С. 299—332: Диалог Белинского и Достоевского: философская алгебра и социальная арифметика; С. 495—597: Реализм в высшем смысле: К вопросу о типологии реализма Достоевского («Преступление и наказание» Достоевского и «Утраченные иллюзии» Бальзака — опыт сравнительного анализа).

Властитель дум — Властитель дум: Ф. М. Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века / Сост., вступ. ст., коммент. Н. Т. Ашимбаевой. СПб.: Худож. лит., 1997.

Вокруг Достоевского — Вокруг Достоевского: В 2 т. / Сост., вступ. ст. М. Магидовой; Коммент. М. Магидовой при участии П. Е. Фокина. М.: Рус. путь, 2007. Т. 1: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929/1933/1936.

Волгин — Волгин И. Л. «Родиться в России...». Достоевский и современники: Жизнь в документах. М.: Книга, 1991.

Волгин, Родные и близкие — Хроника рода Достоевских, 2013. С. 961—1167.

ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).

Вр — «Время» (журнал).

Г — «Голос» (газета).

Габдуллина, 1998 — Габдуллина В. И. Евангельская притча в творческом сознании Ф. М. Достоевского // Культура и текст: Литературоведение: Сб. науч. тр. / Рос. пед. ун-т; Барнаул. пед. ун-т. СПб.; Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. Ч. 1. С. 158—164.

Габдуллина, 2012 — Габдуллина В. И. Архетипический мотив «договора с дьяволом» в романах Ф. М. Достоевского: «богоотметное писание» // *Евангельский текст*. Вып. 7. С. 133—142.

Герцен — Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР; Наука, 1954—1966.

Гибиан — Гибиан Дж. Традиционная символика в «Преступлении и наказании» // *Д, Материалы и исследования*. Т. 10. С. 228—240.

Гливенко — Из архива Ф. М. Достоевского: «Преступление и наказание»: Неизд. материалы / Подгот. И. И. Гливенко. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1931.

Глинка — Глинка А. С. Религиозно-нравственная проблема у Достоевского / *Волжский* // *Властитель дум*. С. 172—241.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937—1952.

Гоголь, 2001 — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наследие, 2001—2012. Т. 1, 3, 4, 7 (кн. 1—2). (Издание продолжается).

Гозенпуд, 1981 — Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство: Исследование. Л.: Сов. композитор, 1981.

Головин — Головин К. Ф. Русский роман и русское общество. СПб.: Тип. А. А. Пороховщикова, 1897.

Григорьев Д. — Григорьев Д., прот. Достоевский и Церковь: У истоков религиозных убеждений писателя. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского ин-та, 2002.

Гроссман, Библиотека — Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского: По неизданным материалам / С прил. каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.

Гроссман, Биография — Гроссман Л. П. Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1965. (ЖЗЛ).

Гроссман, Город и люди — Гроссман Л. П. Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ред., [вступ. ст.] Л. П. Гроссмана. М.: Гослитиздат, 1935. С. 5—52.

Гроссман, Жизнь и труды — Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935.

Гроссман, Семинарий — Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарии. М.; Пг.: Госиздат, 1922.

Гуардини — Гуардини Р. Человек и вера / Пер. с нем. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1994.

Гус — Гус М. С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1971.

Гюго — Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. / Под ред. В. Н. Николаева и др. М.: Гослитиздат, 1953—1956.

Д — «День» (газета).

Д, Библиография — Белов С. В. Ф. М. Достоевский: Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844—2004 гг. / Рос. нац. б-ка. СПб., 2011.

Д, Дополнения к комментарию — Достоевский: Дополнения к комментарию / ИМЛИ РАН; Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2005.

Д, Материалы и исследования — Достоевский: Материалы и исследования / Акад. наук СССР; Рос. Акад. наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.; СПб.: Наука, 1974—2016. Т. 1—21. (Издание продолжается).

Д, Письма — Достоевский Ф. М. Письма / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ; Academia; Гослитиздат, 1928—1959. Т. 1—4.

Д, Словарь-справочник, 1997 — Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Челяб. гос. ун-т; Сост.: Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; Науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997.

Д, Словарь-справочник, 2008 — Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1989—1991.

Даль, Пословицы — Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957.

Данилов — Данилов В. В. К вопросу о композиционных приемах в «Преступлении и наказании» Достоевского // Изв. АН СССР. Отд. общест. наук. 1933. № 3. С. 249—263.

Джексон — Джексон Р. Л. Искусство Достоевского: Бреды и ноктюрны / Пер. с англ. М.: Радикс, 1998.

Добролюбов — Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1961—1964.

Долинин, Последние романы — Долинин А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963.

Достоевская А. Г., Воспоминания, 1987 — Достоевская А. Г. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М.: Худож. лит., 1987. (Сер. лит. мемуаров).

Достоевская А. Г., Дневник — Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1993. (Лит. памятники).

Достоевский А. М., 1992 — Достоевский А. М. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992.

Достоевский в воспоминаниях, 1990 — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. К. И. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1990.

Достоевский в зарубежных литературах — Достоевский в зарубежных литературах: [Сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Отв. ред. Б. Г. Рензов. Л.: Наука, 1978.

Достоевский в конце XX века — Достоевский в конце XX века / Сост. и ред. К. А. Степанян. М.: Изд-во «Классика плюс», 1996.

Достоевский и XX век — Достоевский и XX век: [Сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Комис. по изуч. творчества Ф. М. Достоевского; Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ, 2007. Т. 1—2.

Достоевский и его время — Достоевский и его время / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридендера. Л.: Наука, 1971.

Достоевский и мировая культура — Достоевский и мировая культура: Альм. / Общ-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербурге. СПб.; М., 1993—2015. № 1—33. (Издание продолжается).

Достоевский и русское зарубежье XX в. — Достоевский и русское зарубежье XX века: [Доклады XII Междунар. симпозиума о Достоевском. Женева, 1—6 сент. 2004 г.] / Под ред. Ж.-Ф. Жаккара и У. Шмида. СПб.: Д. Буланин, 2008.

Достоевский и Серебряный век — Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Водолей, 2013.

Достоевский и современность — Достоевский и современность: Материалы Междунар. Старорусских чтений / Новгород. гос. объедин. музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского. Великий Новгород; Старая Русса, 1994—2015. Чтения 8-е (1993). 1994 — 30-е (2015). 2016. (Издание продолжается. В библиографических справках указываются после серийного названия сборника порядковый номер чтений, год их проведения (в скобках) и год издания сборника).

Достоевский и театр — Достоевский и театр: Сб. ст. / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии; Сост., общ. ред. А. А. Нинова. М.: Искусство. Ленингр. отд., 1983.

ДП — «Дневник писателя».

Дудкин, Азадовский — Дудкин В. В., Азадовский К. М. Достоевский в Германии (1846—1921) // *ЛН*. Т. 86. С. 659—740.

Евангелие Достоевского — Евангелие Достоевского: Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года: [В 2 т.] / Вступ. ст. В. Н. Захарова, В. Ф. Молчанова, Б. Н. Тихомирова; Комментар. Б. Н. Тихомирова. М.: Рус. мирь, 2010. Т. 1: [Факсим. воспроизведение]; Т. 2: Исследования; материалы к комментарию.

Евангельский текст — Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994—2014. Вып. 3, 5—12: Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1—9. (Издание продолжается).

Евнин, 1959 — Евнин Ф. И. Роман «Преступление и наказание» // *Творчество Достоевского. 1959*. С. 128—172.

Епишев — Епишев Н. Духовные источники творческого вдохновения Ф. М. Достоевского: Псаломские мотивы в произведениях писателя // *Достоевский и современность*. Чт. 17 (2002). 2003. С. 88—97.

Ермакова — Ермакова М. Я. Романы Достоевского и творческие искания в русской литературе XX века. Горький, 1973.

Зайцев — Зайцев В. А. Избр. соч. / Под ред. и с предисл. Б. П. Козьмина; Вступ. ст. Г. О. Берлинера; Подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба, С. А. Рейсера и И. Г. Ямпольского. М.: Изд-во Всесоюз. общ. политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. 1. (Классики рев. мысли домарксистского периода. IV).

Звенья — Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX в. М.; Л.: Академия; Госкультпросветиздат, 1932—1951. Т. 1—6, 8—9.

Зеньковский — Зеньковский В. В. История русской философии: [В 2 т.]. Л.: Эго и др., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 220—244.

Зохран — Зохран И. «Европейские гипотезы» и «русские аксиомы»: Достоевский и Джон Стюарт Милль // *РА*. 2003. № 3. С. 37—52.

ИВ — «Исторический вестник» (журнал).

Иванов Вяч., 1987 — Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1987. Т. 4 [при участии А. Б. Шишкина]. С. 401—436: Достоевский и роман-трагедия; С. 437—444: Экскурс. Основной миф в романе «Бесы».

Истомина — Истомина Т. Б. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в его связях с древнерусской литературой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1976.

Иустин, 1998 — *Иустин* (Попович Б.), преп. Достоевский о Европе и славянстве / Пер. с серб. Л. Н. Даниленко. СПб.: Изд. дом «Адмиралтейство», 1998.

Иустин, 2007 — *Иустин* (Попович Б.) преп. Философия и религия Ф. М. Достоевского / Пер. И. А. Чароты. Минск: Издатель Д. В. Харченко, 2007.

Капилупи — *Капилупи С. М.* «Трагический оптимизм» христианства и проблема спасения: Ф. М. Достоевский. СПб.: Алетейя, 2014.

Карякин, 1971 — *Карякин Ю. Ф.* О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание» // *Достоевский и его время.* С. 166—195.

Карякин, 1976 — *Карякин Ю. Ф.* Самообман Раскольникова: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Худож. лит., 1976.

Касаткина, 1994 — *Касаткина Т. А.* Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // *Д, Материалы и исследования.* Т. 11. С. 81—88.

Касаткина, 1996 — *Касаткина Т. А.* Об одном свойстве эпизодов пяти великих романов Достоевского // *Достоевский в конце XX века.* С. 67—136.

Касаткина, 2005a — *Касаткина Т. А.* Воскрешение Лазаря: Опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Д, Дополнения к комментарию.* С. 203—235.

Касаткина, 2005b — *Касаткина Т. А.* Время, пространство, образ, имя, символика цвета, символическая деталь в «Преступлении и наказании»: Комментарий // *Д, Дополнения к комментарию.* С. 236—269.

Касаткина, 2007 — *Касаткина Т. А.* По поводу суждений об антисемитизме Достоевского // *Достоевский и мировая культура.* № 22. С. 413—436.

Кириллова, 1997 — *Кириллова И. А.* Христос в жизни и творчестве Достоевского // *Д, Материалы и исследования.* Т. 14. С. 17—25.

Кирпотин, Разочарование Раскольникова, 1986 — *Кирпотин В. Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольникова: (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). 4-е изд. М.: Худож. лит., 1986. [Первое изд.: М.: Сов. писатель, 1970.]

Кирсанова — *Кирсанова Р. М.* Русский костюм и быт XVIII—XIX веков. М.: Слово, 2002.

Коган, 1973 — *Коган Г. Ф.* Журнал «Время» и революционное студенчество 1860-х годов // *ЛН.* Т. 86. С. 581—593.

Коган, 1981 — *Коган Г. Ф.* «Загадочное» имя Свидригайлова: («Преступление и наказание» и периодическая печать 1860-х годов) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка.* 1981. Т. 40. № 5. С. 426—435.

Коган, 1996 — *Коган Г. Ф.* Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // *Достоевский в конце XX века.* С. 147—166.

Коган, 2000 — Коган Г. Ф. Почему Родион Раскольников? (Источники имен и фамилий персонажей) // Слово Достоевского, 2000: Сб. ст. / Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001. С. 172—198.

Кожин — Кожин В. В. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Три шедевра русской классики: [Сб. ст.] М.: Худож. лит., 1971. С. 105—184.

Колобаева — Колобаева Л. А. Достоевский и писатели XX века в художественном осмыслении зла, «преступления и наказания» // Колобаева Л. А. Философия и литература: параллели, переключки и отзвуки: (русская литература XX века). М.: Рус. импульс, 2013.

Кольшко — Кольшко И. И. Два преступления и два искупления: Критико-психологический этюд. СПб.: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1901.

Комарович, Лит. наследство — Комарович В. Л. Литературное наследство Достоевского за годы революции: Обзор публикаций 1917—1933 гг. // ЛН. Т. 15. С. 258—281.

Комарович, «Мировая гармония» — Комарович В. Л. «Мировая гармония» Достоевского // Атеней: Ист.-лит. временник / Под ред. Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и П. Н. Сакулина. Пг.: Атеней, 1924. Кн. 1—2. С. 112—142.

Крестовский — Крестовский В. В. Петербургские трудобы: (Книга о сытых и голодных) / Подгот. текста, примеч. Т. И. Орнатская; Вступ. ст. М. В. Отрадина. Л.: Худож. лит., 1990. Кн. 1—2.

Круглый стол. — Круглый стол «Проблема „реализма в высшем смысле” в творчестве Достоевского». ИМЛИ РАН, 2 дек. 2002 г. // Достоевский и мировая культура. № 20. С. 43—96.

Кузнецов, Проституция в Петербурге — Кузнецов М. И. Историко-статистический очерк проституции в Петербурге с 1852 г. по 1869 г. // Архив судебной медицины. 1870. № 1. Отд. III. С. 1—55.

Кузнецов, Проституция в России — Кузнецов М. И. Проституция и сифилис в России: Ист.-стат. исследования. СПб., 1871.

Кумпан, Конечный — Кумпан К. А., Конечный А. М. Наблюдения над топографией «Преступления и наказания» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 2. С. 180—190.

Курляндская — Курляндская Г. Б. Онтология свободы в системе религиозно-философских взглядов Достоевского и Толстого. Орел: ООО «Вариант», 2011.

Лапкина, 1983 — Лапкина Г. А. Достоевский на советской сцене (1917—1970) // Достоевский и театр. С. 290—334.

Лапкина, 2006 — Лапкина Г. А. Родион Раскольников в пространстве современной сцены // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание; Наука, 2006. Т. 2. С. 207—218.

Лебедева, 1976 — Лебедева Т. Б. Образ Раскольникова в свете житейных ассоциаций // Проблемы реализма / Под ред. В. В. Гуры. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1976. Вып. 3. С. 80—100.

Лебедева, 1977 — Лебедева Т. Б. О некоторых мотивах апокрифической литературы в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Герценовские чтения, 29-е. Литературоведение: Науч. доклады. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1977. С. 25—29.

Леметр — Леметр Ж. Этюды о русских писателях. 2-е изд. Одесса: Тип. Исаковича, 1894.

Лесков — Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: Гос. Изд-во худож. лит., 1956—1958.

Летопись — Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. / Под ред. Н. Ф. Будаковой и Г. М. Фридендера. СПб.: Академический проект, 1993—1995.

ЛН — Литературное наследство. М.: Журн.-газ. об-ние; Изд-во АН СССР; Наука; ИМЛИ, Наследие, 1931—2011. Т. 1—103. (Издание продолжается).

Лотман Л. М., 1974 — Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века: (Истоки и эстетическое своеобразие). Л.: Наука, 1974.

ЛП — Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Изд. подгот. Л. Д. Опульская и Г. Ф. Коган. М.: Наука, 1970. (Лит. памятники).

ЛУ — «Литературная учеба» (журнал).

Лурье — Лурье В. М. Догматика «религии любви»: Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1996. Сб. 2. С. 290—309.

Магомедова — Магомедова Д. М. Переписывание сюжета «Преступления и наказания» в русской литературе конца XIX—начала XX в. // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов. СПб., 2011. С. 298—304.

МВед — «Московские ведомости» (газета).

Медведев — Медведев В. П. «Как тяжело мертвецу среди людей...»: Три типа сознания в «Преступлении и наказании» // Дружба народов. 1993. № 10. С. 160—174.

Мейер — Мейер Г. А. Свет в ночи. (О «Преступлении и наказании»): Опыт медленного чтения. Frankfurt am Mein: Посев, 1967.

Мельников-Печерский — Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976.

Мережковский, Вечные спутники — Мережковский Д. С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. С. 175—195: Достоевский. (Лит. памятники).

Милешин — Милешин Ю. А. Достоевский и французские романисты первой половины XX века. Челябинск: Челяб. гос. пед. ин-т, 1984.

Миллер, Публ. лекции, 1874 — Миллер О. Ф. Русская литература после Гоголя (за исключением драматической): Публичные лекции. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1874. С. 54—65.

Милюков — Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб.: А. С. Суворин, 1890.

Михельсон — Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. М.: Терра—Тerra, 1994.

Михневич — Михневич В. О. Петербург весь на ладони / С планом Петербурга, его панорамой с птичьего полета, 22 картинками и с прибавл. календаря. СПб.: К. Н. Плотников, 1874. [Ч. 1—2].

Михнюкевич — Михнюкевич В. А. Духовные стихи в системе поэтики Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 10. С. 77—89.

Мочульский — Мочульский К. В. Достоевский: Жизнь и творчество. Paris: YMCA-Press, 1980. [Первое изд.: Париж: YMCA-Press, 1947].

Мочульский, 1995 — Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В. М. Толмачева; Примеч. К. А. Александровой. М.: Республика, 1995. С. 217—548: Достоевский: Жизнь и творчество.

Н — «Неделя» (еженедельная газета).

Назирова — Назирова Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982.

Назирова, 1974 — Назирова Р. Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 1. С. 202—219.

Назирова, 1976 — Назирова Р. Г. Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании» // *Д, Материалы и исследования*. Т. 2. С. 88—95.

Натова — Натова Н. А. Метафизический символизм Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 14. С. 26—45.

Некрасов, 1981—2000 — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1981—2000.

Нечаева, «Время» — Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М.: Наука, 1972.

Нечаева, «Эпоха» — Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М.: Наука, 1975.

Никитин, 2010 — Никитин Т. Н. О возможном прототипе Раскольникова // *Достоевский и современность*. Чт. 25 (2010). 2011. С. 212—226.

НМ — «Новый мир» (журнал).

О Достоевском — О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929, 1933, 1936. Вып. 1—3. См.: *Вокруг Достоевского*. Т. 1.

О Достоевском, 1881—1931 — О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. М.: Книга, 1990.

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Библиотека СССР им. В. И. Ленина; Центр. гос. архив литературы и искусства СССР; Институт рус. лит. (Пушкинский Дом) / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957.

Оршанский — *Оршанский Ис. Г.* История одного идейного преступления («Преступление и Наказание» Ф. М. Достоевского) // Северный вестник. 1896. № 10. Октябрь. С. 15—34; № 11. Ноябрь. С. 48—70.

Петерб. календарь, 1867 — Петербургский календарь на 1867 год / Изд. М. Михайлова. СПб., 1867.

Петерб. трактиры — Петербургские трактиры и рестораны / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Конечного. СПб.: Азбука-классика. 2006.

Писарев, 2000 — *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М.: Наука, 2000—2013.

Писемский — *Писемский А. Ф.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1959. (Б-ка «Огонек»).

Писемский, ПСС — *Писемский А. Ф.* Полн. собр. соч.: В 8 т. СПб.: Т-во А. Ф. Маркса, 1910—1911.

ПЛ — «Петербургский листок» (газета).

Плетнев — *Плетнев Р. В.* Достоевский и Евангелие // Рус. эмигранты о Достоевском. С. 160—190.

Прудон, Война и мир, 1864 — *Прудон П. Ж.* Война и мир. Исследование о принципе и содержании международного права: В 2 т. М.: М. А. Черенин и К°, 1864.

Пруцков, 1971 — *Пруцков Н. И.* Утопия или антиутопия? // Достоевский и его время. С. 88—107.

Пустовойт — *Пустовойт П. Г.* Христианская образность в романах Ф. М. Достоевского // Рус. лит. XIX в. и христианство. С. 82—90.

Путеводитель, 1865 — Путеводитель по С.-Петербургу / С прилож. программ всех учебных заведений и 6-ти планов Петербурга / Сост. и изд. А. П. Червяков. СПб., 1865.

Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.

РВ — «Русский вестник» (журнал).

Резов — *Резов Б. Г.* «Преступление и наказание» и проблемы европейской действительности // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. № 5. С. 388—399.

РИ — «Русский инвалид» (газета).

РЛ — «Русская литература» (журнал).

Розенблюм — *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981.

РР — «Русская речь» (журнал).

РСл — «Русское слово» (журнал).

Рус. лит. XIX в. и христианство — Русская литература XIX века и христианство / Под общ. ред. В. И. Кулешова. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Рус. писатели — Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь / Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия»; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. М.: Сов. энцикл.; Больш. рос. энцикл., 1989—2007. Т. 1—5.

Рус. эмигранты о Достоевском — Русские эмигранты о Достоевском / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.

С — «Современник» (журнал).

Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965—1977.

Сальвестрони — Сальвестрони С. Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского: Пер. с ит. СПб.: Акад. проект, 2001.

Саруханян — Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1972.

Сб. Достоевский, 1 — Ф. М. Достоевский: Ст. и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. [Сб. 1].

Сб. Достоевский, 2 — Ф. М. Достоевский: Ст. и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. Сб. 2.

Св — «Светоч» (журнал).

Серопян — Серопян С. «Преступление и наказание» как литургическая эпопея // *Достоевский и мировая культура*. № 25. С. 158—177.

Словарь XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века / Акад. наук СССР, Рос. Акад. наук; Институт русского языка; Институт лингвистических исследований. Л.; СПб.: Наука, 1984—2013. Вып. 1—20. (Издание продолжается).

Словарь историзмов — Аркадьева Т. Г., Васильева М. И., Пронычев В. П., Шарри Т. Г. Словарь русских историзмов: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2005.

Словарь церковно-слав. и рус. яз., 1867 — Словарь церковно-славянского и русского языка: В 4 т. / Сост. Вторым отделением Имп. Академии наук. 2-е изд. СПб., 1867.

Словарь языка Достоевского, 2001 — Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / Рос. акад. наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Авт.-сост. Е. Л. Гинзбург и др.; Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001—2003. Вып. 1—3.

Словарь языка Достоевского, 2008 — Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий / Учреждение Рос. акад. наук Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Авт.-сост. Е. Л. Гинзбург и др.; Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. [Т. 1] А—В; 2010. [Т. 2] Г—З. (Издание продолжается).

СО — «Сын Отечества» (журнал).

Соловьев Вл. — Соловьев Вл. С. Три речи в память Достоевского // Соловьев Вл. С. Соч.: В 2 т. / АН СССР, Ин-т философии; Общ. ред. и сост. А. В. Гульги, А. Ф. Лосева; Примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 289—323. (Философское наследие. Т. 105).

СП — «Северная пчела» (газета).

СПбВ — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

СТ — «Сибирская тетрадь» Достоевского.

Старикова, 1974 — Старикова Е. В. Реализм и символизм // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. М.: Наука, 1974. Т. 3. С. 165—246.

Страхов — Страхов Н. Н. Литературная критика / Сост. и вступ. ст. Н. Н. Скатова; Коммент. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. М.: Современник, 1984. С. 96—122: Преступление и наказание.

Тамарченко, 1975 — Тамарченко Г. Е. «Что делать?» и русский роман шестидесятых годов // Чернышевский, 1975. С. 747—781.

Тамарченко, 1997 — Тамарченко Н. Д. Теодицея и традиционные сюжетные структуры в русском романе // Рус. лит. XIX в. и христианство. С. 74—82.

Тарасов, 2012 — Тарасов Б. Н. «Тайна человека» и тайна истории. Непрочитанный Чаадаев. Неопознанный Тютчев. Неуслышанный Достоевский. СПб.: Алетейя, 2012.

Тарасова, 2007 — Тарасова Н. А. «Преступление и наказание»: от рукописи к печатному тексту // 1995. Т. 7. С. 575—600.

Твардовская — Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861—1881). М.: Наука, 1990.

Творчество Достоевского, 1959 — Творчество Ф. М. Достоевского / Акад. наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького; Ред.: Н. Л. Степанов (отв. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Тихомиров, 1996 — Тихомиров Б. Н. Из наблюдений над романом «Преступление и наказание» // Д, Материалы и исследования. Т. 13. С. 232—246.

Тихомиров, 1997 — Тихомиров Б. Н. Издание, открывающее новые возможности в изучении романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Рец.: A Concordance to Dostoevsky's «Crime and Punishment» = Конкорданс (Указатель слов в контексте) к роману «Преступление и наказание» / Ed. by A. Ando, Y. Urai and T. Mochizuki. Slavik Research Center, Hokkaido University, Sapporo, 1994. Vol. 1—3] // Достоевский и мировая культура. № 8. С. 233—248.

Тихомиров, 2000 — Тихомиров Б. Н. Заметки на полях академического Полного собрания сочинений Достоевского (уточнения и дополнения) // Достоевский и мировая культура. № 15. С. 231—241.

Тихомиров, 2005 — Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005.

Тихомиров, 2007 — Тихомиров Б. Н. Зачем нужен новый комментарий к «Рабочим тетрадам» Достоевского? // <http://www.rgali.ru/object/203550941?lc=ru>

Тихомиров, 2010б — Тихомиров Б. Н. Задачи и проблемы издания записных книжек и тетрадей Ф. М. Достоевского // Вестн. РГНФ. 2010. № 1. С. 101—115.

Тишкин — Тишкин Г. А. Женский вопрос в России (50—60-е годы XIX в.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы.

Топоров — Топоров В. И. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995.

Тороп — Тороп П. Достоевский: История и идеология. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. С. 104—115: Перевоплощение персонажей в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание».

Трофимов — Трофимов Е. А. О логичности сюжета и образов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Достоевский в конце XX века*. С. 167—188.

Туниманов, 2004 — Туниманов В. А. Ф. М. Достоевский и русские писатели XX века. СПб.: Наука, 2004.

Тургенев, Письма — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1961—1968.

Тургенев, Письма (2 изд.) — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982—2016. Т. 1—16 (кн. 1). (Издание продолжается).

Тургенев, Сочинения — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1960—1968.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл., ОГИЗ, 1934—1940.

Фокин — Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2013.

Фонякова, Виды мест — Фонякова Н. Н. Виды мест, связанных с Ф. М. Достоевским // Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 5: И. А. Гончаров; Ф. М. Достоевский. С. 130—155.

Фридендер — Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964.

Фридендер, 1985 — Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. Л.: Сов. писатель, 1985.

Фридендер, 1995 — Фридендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб.: Наука, 1995.

Фудель, 2005 — Фудель С. И. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., подгот. текста, коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М.: Рус. путь, 2005. Т. 3. С. 7—176: Наследство Достоевского.

Холшевников, 1970 — Холшевников В. Е. Первый философский роман Достоевского // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Л.: Лениздат, 1970. С. 542—555.

Холшевников, 1976 — Холшевников В. Е. Ф. М. Достоевский // Литературные памятные места Ленинграда: Очерки. 3-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1976. С. 368—399.

Хоу — Хоу А. Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 11. С. 51—80.

Хроника рода Достоевских, 2013 — Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина (рук. проекта); *Волгин И. Л. Родные и близкие: Ист.-биогр. очерки*. М.: Фонд Достоевского, 2013.

Чернышевский — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Гослитиздат, 1939—1953.

Чернышевский, 1975 — Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Изд. подгот. Т. И. Орнатская и С. А. Рейсер. Л.: Наука, 1975. (Лит. памятники).

Чирков, 1963 — Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Чирков, 1967 — Чирков Н. М. О стиле Достоевского: Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967.

Шкловский — Шкловский В. Б. За и против: Заметки о Достоевском. М.: Сов. писатель, 1957.

Шкуринов — Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Щенников — Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 209—235: Раскольников как тип «нового человека».

Э — «Эпоха» (журнал).

Этов — Этов В. И. Достоевский: Очерк творчества. М.: Промышленность, 1968.

Юхнёва — Юхнёва Е. Д. Петербургские доходные дома: Очерки из истории быта. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2008.

Якубович, 2005 — Якубович И. Д. Поэтика ветхозаветной цитаты и аллюзии: Бытование и контекст // *Д, Материалы и исследования*. Т. 17. С. 42—60.

Brown — Brown N. V. Hugo and Dostoevsky. Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1978.

Frank, 1995 — Frank J. Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865—1871. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1995.

Jackson, 1966 — Jackson R. L. Dostoevsky's Quest for Form: A Study of His Philosophy of Art. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1966.

Kjetsaa — Kjetsaa G. Dostoevsky and His New Testament. Oslo: Solum; Atlantic Highlands, New Jersey: Humanities Press, 1984. (Slavica Norvegica III).

Knapp — Knapp L. The Annihilation of Inertia: Dostoevsky and Metaphysics. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1996. (Studies in Russian Literature and Theory).

Müller — Müller L. Die Religion Dostojewkijs // Von Dostojewskij bis Grass: Schriftsteller vor der Gottesfrage. Karlsruhe, 1986. S. 30—59. (Herrenalber Texte. H. 71).

O Dostojevském — O Dostojevském: Sbornik stati a materiálů. Praha, 1972.

Pascal, 19616 — *Dostoïevski. Crime et châtime* / Traduction par P. Pascal. Paris, 1961. (Classiques Garnier).

Peace — *Peace R. Dostoyevsky: An Examination of the Major Novels*. Cambridge Univ. press, 1971.

PMLA — Publications of the Modern Language Association of America (журнал).

Sub specie tolerantiae — *Sub specie tolerantiae: Памяти В. А. Туниманова*. СПб.: Наука, 2008.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К Т. 6—7*

Абаза Ю. Ф. 7: 693, 735 Абрамович Н. Я. 7: 522, 526, 530—531, 535, 590, 795 А—в см. Аристов П. Авенариус В. П. 7: 659 Аверкиев Д. В. 7: 617, 649 Агафангел (Соловьев А. Ф.), ар-хiep. 7: 778 Агин А. А. 7: 494 Агриппа Неттесгеймский (von Nettesheim) Г. К. 7: 650 Адамов А. 7: 580 Азадовский К. М. 7: 577—578, 583—585, 801 Айдзава Н. 7: 725 Аксаков И. С. 7: 612, 661, 663, 665, 729 Аксаков К. С. 7: 420 Аксаков С. Т. 7: 726 Акунин Б. (наст. имя Чхартишвили Г. Ш.) 7: 577 Алданов М. А. 7: 551—552, 561, 564, 567—570 Александр II, император 7: 458—459, 493, 709	Александров М. А. 7: 633, 762 Александрова К. А. 7: 805 Алексеев А. А. 7: 531, 701, 799 Алексеев В. А. 7: 680 Алексеев И. А. 7: 650 Алексеев М. П. 7: 683, 769, 772 Ален Л. 7: 601 Аллен В. 7: 604 Алонкин (Олонкин) И. М. 7: 199, 454, 477, 606, 644, 670, 784 Алоз С. 7: 536, 546 Альми И. Л. 7: 499, 767 Альтман М. С. 7: 453, 497, 522, 531, 534, 536—537, 611, 619—620, 627, 645, 656, 658, 677—678, 693, 698, 704, 717, 782, 795 Амелин Г. Г. 7: 522, 524, 537, 634, 795 Андерсон Р. 7: 496, 648 Андреев Л. Н. 7: 551—556 Андреев-Бурлак В. Н. 7: 595 Андрианова И. С. 7: 516—517 Андрющенко Е. А. 7: 557, 804

---

* Сост. Н. И. Коваленко. В Указателе тома обозначены арабской цифрой с двоеточием, после которого следуют номера страниц.

- Анненков П. В. 7: 788
 Анненкова П. Е. 7: 701
 Анненский И. Ф. 7: 639, 795
 Антонелли (Antonelli) Дж. 7: 770
 Антоний (Храповицкий А. П.), митр. 7: 523, 528, 795
 Антонович М. А. 7: 617, 673, 695, 772
 Анциферов Н. П. 7: 475, 605—606, 608, 619—620, 628, 633, 644, 648, 653, 657, 665—666, 670, 701, 795
 Апостолов Н. Н. (псевд. Арденс Н. Н.) 7: 547
 Арбенин Н. Ф. 7: 599
 Арий (Agius) 7: 6, 423
 Аристов П. (А—в) 7: 191—192, 454, 456, 479, 781
 Аркадьева Т. Г. 7: 807
 Артемьев Э. Н. 7: 604
 Артемьева С. В. 7: 524, 526—527, 536, 751
 Арутюнова Н. Д. 7: 782
 Архипова А. В. 7: 699
 Арцыбашев М. П. 7: 549
 Асеев Н. Н. 7: 561
 Аскольдов С. А. 7: 522—524, 527, 531, 540, 546, 795
 Астафьев В. П. 7: 574
 Афанасьев А. Н. 7: 722, 775—776
 Ахматова А. А. 7: 560
 Ахшарумов Д. Д. 7: 687
 Ахшарумов Н. Д. 7: 457, 504, 514—515, 525, 658, 687, 746, 767, 796
 Ашимбаева Н. Т. 7: 528, 676, 795—796, 798
 Бабеф (Babeuf) Г. 7: 734
 Бабилов К. И. 7: 647
 Бабушкин, купец, домовладелец 7: 195, 199, 331, 784
 Багно В. Е. 7: 4
 Базанов В. Г. 7: 4, 631, 710, 800
 Базунов А. Ф. 7: 426, 616, 729
 Байрон (Вугон) Дж. Г. 7: 6, 188, 423, 498, 500, 549, 583, 762, 772, 779
 Баканин А. И. 7: 763
 Бакст О. И. 7: 650
 Балашов Н. В. 7: 545, 778, 809
 Балуев А. Н. 7: 605
 Бальзак О. де см. также Balsac Н. de 6: 144, 417; 7: 225, 497, 500—501, 586, 619—620, 639, 666, 669, 788, 796—797
 Бар (Bahr) Г. 7: 578
 Баренбаум И. Е. 7: 650
 Барков И. С. 7: 618
 Барковская Н. В. 7: 639
 Баррес (Barrès) М. 7: 586—587
 Барсотти Д. 7: 527, 530—531, 533, 536, 538, 543, 545, 796
 Бартоло, лилипутка 6: 137; 7: 667
 Баршт К. А. 7: 4, 409, 417, 423, 486, 527, 699, 720, 757—758, 781
 Бати Г. 7: 600—601
 Батист Г. 7: 475, 607—608, 669—670, 700, 796
 Батюто А. И. 7: 696, 727
 Батюшков К. Н. 6: 371; 7: 723
 Бахрушины, род моск. купцов 7: 625
 Бахтин М. М. 7: 493, 495—497, 501, 523, 533, 542, 693, 753, 796
 Беззубов В. И. 7: 553
 Бек, ростовщик 7: 476—477

- Беккариа (Beccaria) Ч. 7: 480
Беккет (Beckett) С. Б. 7: 580
Бекман, петерб. домовладелец 7: 710
Белинский В. Г. 6: 319; 7: 504, 525, 648—649, 712—713, 723, 765, 796—797
Белкин А. А. 7: 563
Белов С. В. 7: 459, 475, 479, 520, 545, 606, 608—609, 611, 614, 619, 624—626, 633, 635—636, 640, 644—646, 653, 657, 659—660, 663, 672—674, 700—701, 703—704, 717, 727, 741, 749, 763, 774, 778, 784, 796, 799—800, 807
Белопольский В. Н. 7: 534, 537, 543
Белоусов А. Ф. 7: 763
Белоусов Р. С. 7: 643
Белый (наст. имя Бугаев Б. Н.) А. 7: 558—559, 566
Бельчиков Н. Ф. 7: 518, 691
Бем А. Л. 7: 497, 501, 625, 642, 654—656, 692—693, 699, 796, 798, 805
Бендрикова Л. А. 7: 690
Беннетт (Bennett) А. 7: 592
Бентам (Bentham) И. (Дж.) 7: 488, 491, 524, 639—640, 662, 679
Берви В. Ф. 7: 718
Берг В. 6: 244, 251; 7: 697
Берг Л. 7: 583—584
Берг Н. В. 7: 724
Бергенгрюн (Bergengruen) В. 7: 579
Берджесс (Burgess) Э. 7: 590
Бердяев Н. А. 7: 522, 535, 749, 796
Березкина С. В. 7: 4, 408, 464, 537, 618, 620—621, 630, 639, 674—675, 694, 697, 727, 734, 744, 796
Берлинер Г. О. 7: 632, 801
Бернанос Ж. см. также Bernanos G. 7: 589
Бернер (Berner) А. Ф. 7: 720
Бетховен (Beethoven) Л. ван 7: 674
Бибииков П. А. 7: 612—613, 686, 732
Билинкис Я. С. 7: 686
Бисмарк (Bismarck) О. 7: 486, 629
Битюгова И. А. 7: 4, 456, 757, 786
Бицилли П. М. 7: 739
Бичер-Стоу (Beecher Stowe) Г. Э. 7: 630
Благовещенский Н. А. 7: 675
Благой Д. Д. 7: 501, 686, 696, 797
Благосветлов Г. Е. 7: 277, 792
Блайбтрой (Bleibtreu) К. 7: 578, 583—584
Блан (Blanc) Л. 7: 676, 768, 772, 777
Блок А. А. 7: 560, 566
Блохина Н. Н. 7: 767
Блюм А. 7: 696
Блюммер Ф. И. 7: 660
Б—н см. Боткин С. П.
Бобович А. С. 7: 671
Боборыкин П. Д. 7: 434, 620, 745
Богданова О. А. 7: 548, 555—557, 560, 797
Боград В. Э. 7: 685
Боград Г. Л. 7: 536—537
Боденштедт (Bodenstedt) Ф. 7: 578

- Бокль (Buckle) Г. Т. 7: 490, 616—617
 Боков П. И. 7: 763
 Бомон (Beaumont) Г. де 7: 737—738
 Борелли Л. 7: 604
 Борзенков Я. А. 7: 616
 Борисова В. В. 7: 533, 539—540, 609, 640, 666, 673, 692, 753
 Бородавкин 7: 625
 Бородин А. В. 7: 603
 Бортников Г. Л. 7: 602
 Борщевский С. С. 7: 750
 Борятин (ский) 7: 277
 Боткин С. П. 6: 387; 7: 726—727
 Боуи Р. 7: 563
 Бочаров И. П. 6: 86, 108; 7: 27, 70—73, 479, 646, 655, 764
 Бочаров С. Г. 7: 692, 781
 Брандес (Brandes) Г. М. К. 7: 582—583, 629
 Браун М. П. (Хлебникова Е. А.) 7: 479, 614
 Бретон (Breton) А. 7: 580
 Бродовикофф Л. 7: 580
 Бройер (Bräuer) М. 7: 579
 Бройер (Bräuer) Р. 7: 579
 Брокгауз Ф. А. 7: 717
 Брук (Brook) П. 7: 601
 Брянцев А. А. 7: 603
 Б—ский Н. 7: 607, 613, 645
 Буданова Н. Ф. 7: 4, 476, 642, 769, 779, 786, 792, 796—797, 804
 Бузина Т. В. 7: 535, 546, 623, 773
 Буйда Ю. В. 7: 577
 Буланин Д. М. 7: 800
 Буланов А. М. 7: 528, 680
 Булгаков С. Н. 7: 524
 Булгарин Ф. В. 7: 655
 Бульвер-Литтон (Bulwer-Lytton) Э. 7: 500
 Бунаков Н. Ф. 7: 783
 Бунин И. А. 7: 561—564, 566—567, 569—570
 Буренин В. П. 7: 693
 Бурже (Bourget) П. 7: 586—587
 Бурмистров А. С. 7: 408, 475, 606, 637, 641, 644—645, 647, 656—657, 660, 666, 670, 699, 744, 797
 Буслаев Ф. И. 7: 411, 722, 750
 Бугашевич-Петрашевский М. В. 7: 435, 684, 687, 737—738
 Бутков Я. П. 7: 607
 Бух А. К. 6: 106; 7: 655—656
 Бухарев А. М. см. Феодор (Бухарев А. М.), архим.
 Бухаркин П. Е. 7: 527
 Бухштаб Б. Я. 7: 801
 Бушуева С. К. 7: 578, 581, 595, 597—598, 600—601, 797
 Быков П. В. 7: 620
 Быстров В. Н. 7: 574
 Быховец-Самарин Я. В. 7: 598
 Быховский Н. 7: 709
 Бюхнер (Buchner) Л. 7: 616, 734
 Бялый Г. А. 7: 680, 688

 Вагин Е. А. 7: 525
 Вагинов К. К. 7: 564
 Вагнер (Wagner) А. 6: 345; 7: 490, 632, 718, 734
 Варадинов Н. В. 7: 596, 728
 Васильев О. Л. 7: 643, 706
 Васильев П. П. 7: 601
 Васильева Е. Н. 7: 534
 Васильева М. И. 7: 807
 Ватсон Э. К. (W.) 7: 683, 685
 Введенский А. И. 7: 520, 542

- Вебер (Weber) Г. 7: 777
 Вейденштраух Я. 7: 426
 Вейнберг П. И. (псевд. Камень-
 Виногоров) 7: 459, 695
 Вельтман А. Ф. 7: 643
 Венявский (Wieniawski) Г. И. 7:
 674
 Вербловская М. Б. 7: 795
 Веселова О. Н. 7: 548
 Веселовский В. И. 7: 777
 Ветловская В. Е. 7: 482, 501,
 524—528, 532—537, 545,
 613, 631, 652, 654, 699, 720,
 797
 Виельгорский М. Ю. 6: 371; 7:
 723
 Викторovich В. А. 7: 485, 539,
 646—647, 734, 758, 792
 Вильмонт Н. Н. 7: 492, 753
 Вине Р. 7: 604
 Виноградов В. В. 7: 4, 408, 448,
 642, 673, 678, 680, 693, 774,
 797
 Виноградов И. И. 7: 523, 528—
 529, 797
 Виноградов, студент 7: 284, 669,
 792
 Винокур Т. Г. 7: 782
 Вирхов (Фирхов) Р. 7: 651
 Висконти Л. 7: 601
 Витали И. П. 7: 42, 761
 Влади М. 7: 604
 Владимиров И. П. 7: 603
 Владимирова А. И. 7: 588
 Владимирцев В. П. 7: 535, 634,
 674, 699
 Владиславлев М. И. 7: 649
 Власкин А. П. 7: 523, 544, 750
 Влащенко В. И. 7: 575
 Вогюэ Э.-М. де см. также Vo-
 güé Е.-М. де 7: 582
 Водовозова Е. Н. 7: 616
 Волгин И. Л. 7: 486, 614, 627,
 634, 798, 810
 Волман В. 7: 580
 Володин А. И. 7: 460, 713
 Володина И. П. 7: 592—593
 Волохонская Л. 7: 581
 Волошин М. А. 7: 749
 Волчкова А. А. 7: 643
 Вольтер (Voltaire) 7: 104, 705,
 737, 769—770
 Вольф М. О. 7: 650
 Воронов М. А. 7: 494
 Воскобойников Н. Н. 7: 434—
 435, 450
 Воскресенский М. И. 7: 648
 Врангель А. Е. 7: 410, 413, 438,
 445—446, 449—451, 460,
 469, 503, 699
 Вронский И. 7: 604
 Вульф (Woolf) В. 7: 590, 592
 Высоцкий В. С. 7: 602—603
 Вьшеславцев Б. П. 7: 543
 Гааз (Гас, Гаас; Haass F.-J.) Ф. П.
 7: 101—102, 106, 109, 117—
 118, 766—767
 Габдулина В. И. 7: 437, 522,
 526, 537, 544, 798
 Габен Ж. 7: 604
 Габорио (Gaboriau) Э. 7: 568,
 578
 Гаварни (Gavarni) П. 7: 494
 Гаврилов М. Г. 7: 778—779
 Гаева (Ковалева) Е. В. 7: 620
 Газданов Г. И. 7: 574
 Гай Юлий Цезарь (Gaius Iulius
 Caesar) 7: 489, 491, 683—
 685, 731, 742—743, 789
 Гайер С. 7: 579
 Галковский Д. 7: 577

- Гамазов М. А. 7: 762
 Гарибальди (Garibaldi) Дж. 7: 782
 Гарибальди (Garibaldi) Доменико Менотти 7: 197, 782
 Гарибальди (Garibaldi) Риччотти 7: 197, 782
 Гарнетт К. см. также Garnett С. 7: 580—581
 Гаррикс Д. 7: 598
 Гартвиг (Hartwig) Г. 7: 775
 Гаскелл (Gaskell) Э. 7: 500—501
 Гауптман (Hauptmann) Г. 7: 578
 Гачева А. Г. 7: 526, 729
 Гейне (Heine) Г. 6: 375; 7: 259, 724
 Генкель (Henckel) В. Е. 7: 577—579, 581
 Гербель Н. В. 7: 742
 Гертик Э. 7: 580
 Герцего М. 7: 651
 Герцен А. И. 7: 637, 679, 685, 696, 732—734, 742, 752, 798, 801, 804
 Гёте (Goethe) И. В. фон 7: 498—499, 514, 618—619, 646, 764—765, 775
 Гибиан Дж. см. также Gibian С. 7: 495, 522, 536—541, 543, 545, 703, 721, 742, 798
 Гидини К. 7: 721
 Гизо (Guizot) Ф. 7: 768
 Гилгуд Дж. 7: 601
 Гин М. М. 7: 636
 Гинзбург Е. Л. 7: 803, 807
 Гинкас К. М. 7: 603
 Гиргензон Б. 7: 579
 Гительман Л. И. 7: 597
 Глазунов А. И. 7: 775
 Гливленко И. И. 7: 416, 424—425, 451, 455, 755—756, 767, 798
 Глинка А. С. 7: 521—522, 524, 798
 Глуховская М. В. 7: 604
 Гоголь Н. В. 6: 213, 306; 7: 499, 517, 558, 566, 605, 615, 619, 643, 671, 678, 689, 692, 700, 722, 727, 733, 739, 761, 783, 796—798, 804—805
 Годвин У. 7: 465
 Гозенпуд А. А. 7: 621, 723, 725, 798
 Голеновская (Шевякова) А. М. 7: 739—740
 Голицын Ю. Н. 7: 621
 Головин К. Ф. 7: 531—532, 798
 Головин А. В. 7: 769
 Голсуорси (Galsworthy) Дж. 7: 591
 Гольбейн (Holbein) Г. 7: 736
 Гомер 6: 442; 7: 741
 Гончаров В. 7: 604
 Гончаров И. А. 7: 294, 296, 671, 674, 682, 738, 745, 751, 774, 786, 793, 809
 Гоппе (Гоппе и Комп.), банкирский дом 7: 781
 Горбунова Л. 7: 584
 Горенштейн Ф. Н. 7: 574—575
 Горошевский Э. Г. 7: 603
 Горский П. Н. 7: 479, 494, 614
 Горький А. М. 7: 550—552, 566, 800
 Гофман Н. 7: 585
 Гофман Э. Т. А. 7: 498, 501
 Гранин Д. А. 7: 475, 641
 Грачева И. В. 7: 641
 Греч Н. И. 7: 643
 Грибоедов А. С. 7: 791, 796

- Григорий Нисский 7: 532
 Григорович Д. В. 7: 611
 Григорьев А. А. 7: 411, 673—674, 705, 733, 738, 762, 786
 Григорьев А. Л. 7: 4, 408, 581, 588, 593, 687
 Григорьев Д., прот. 7: 519—520, 798
 Григорьев П. И. 7: 609
 Громыко М. М. 7: 722
 Гроссман Дж. Д. 7: 501
 Гроссман Л. П. 7: 411, 433, 472, 474—476, 479—480, 488, 494, 497—498, 501, 605, 614, 616, 624—627, 637, 639, 645, 648, 655, 657, 660, 666—667, 669—670, 672—673, 676—678, 704, 713, 724, 726, 740—741, 764, 766, 769, 781, 795, 798—799
 Грот Я. К. 7: 594, 735
 Гуардини Р. 7: 495, 529—531, 703, 799
 Губин В. И. 7: 646, 655, 764
 Гуд (Hood) Т. 7: 693
 Гулыга А. В. 7: 492, 807
 Гумерова А. Л. 7: 545
 Гура А. В. 7: 742
 Гурвич И. А. 7: 767
 Гург М. 7: 572
 Гуреева Н. В. 7: 590
 Гус М. С. 7: 459, 488, 490, 528, 541, 655, 689, 799
 Гусарский М. И. 7: 665
 Гусев Н. Н. 7: 547
 Гюго В. см. также Hugo V. 6: 136—137, 194; 7: 443, 473, 500—501, 518, 542, 636, 641—642, 666, 677, 688, 693, 699, 722, 768—769, 789, 799
 Д'Аннунцио (D'Annunzio) Г. 7: 592
 Давидсон А. Б. 7: 745
 Дайхин Т. Л. 7: 590
 Даль В. И. 7: 610, 624, 631, 634—635, 638, 645—646, 653—655, 669, 694, 702, 708, 719, 748, 771, 777, 799
 Данилевский А. А. 7: 556—557
 Данилевский Р. Ю. 7: 734
 Даниленко Л. Н. 7: 802
 Данилов А. М. 7: 508, 746
 Данилов В. В. 7: 478, 538, 605, 609, 631, 638, 641, 644, 647—648, 653, 665, 667—668, 683, 685, 799
 Дарвин (Darwin) Ч. 6: 315; 7: 490—491, 613, 616—617
 Даутовиш С. Н. 7: 765
 Де Квинси (Quincey) Т. 7: 501, 683
 Де Роберти, домовладелец 7: 666
 Деблин А. 7: 585
 Дедек Б. 7: 579
 Деледда Г. 7: 593
 Дельвиг А. А. 7: 716
 Дельер Я. А. см. Плющик-Плющевский Я. А.
 Дельпи Ж. 7: 604
 Делянов И. Д. 7: 594
 Демпси П. 7: 604
 Денисова Т. М. 7: 594
 Деннери (d'Ennery) А.-Ф. 6: 371—372; 7: 723
 Дерели В. см. также Derély V. 7: 580—581
 Державин Г. Р. 7: 574, 735
 Дешарт О. 7: 801
 Джеймс (James) Г. 7: 592—593
 Джексон Р. Л. см. также Jackson R. L. 7: 416, 484, 521—

- 523, 535—536, 545, 634, 767, 799
- Джойс (Joyce) Дж. 7: 592
- Джоунс М. В. 7: 493, 585
- Диккенс Ч. см. также Dickens Ch. 7: 501, 718
- Дитмар Э. Ф. см. Достоевская Э. Ф.
- Дмитриев А. П. 7: 519
- Дмитриев П. А. 7: 593
- Дмитриева Л. В. 7: 519
- Добролюбов Н. А. 6: 319, 375; 7: 189, 259, 674—675, 680, 724, 681, 689, 692—693, 712—713, 716—719, 724—725, 738, 751—752, 763—764, 770, 776, 799
- Добужинский М. В. 7: 606, 653
- Доде (Daudet) А. 7: 586
- Дойл (Conan Doyle) А. К. 7: 570
- Долгенко А. Н. 7: 547, 549
- Долгов В. А. 7: 614
- Долгополов Л. К. 7: 558, 563
- Долинин А. А. 7: 570—572
- Долинин А. С. 7: 413, 502, 646, 750, 755, 799—800, 807
- Долинина А. А. 7: 581
- Донская С. Л. 7: 587
- Дороватовская-Любимова В. С. 7: 661, 667
- Дорский А. Ю. 7: 496
- Достоевская (Дитмар) Э. Ф. 7: 279, 792, 779, 792
- Достоевская (Констант, Исаева) М. Д. 7: 479, 614—615, 624, 701, 717, 724
- Достоевская (Сниткина) А. Г. 7: 421—422, 425, 434, 467—468, 471, 475, 479, 507—508, 541, 595, 599, 605—606, 614, 619, 624, 634, 637, 644, 647—648, 657, 660, 667, 670, 672, 676—678, 724, 726, 729, 736, 739, 741, 755—756, 778, 784, 800
- Достоевская Вар. М. 7: 627, 700
- Достоевская Д. И. 7: 450
- Достоевская Л. Ф. 7: 672
- Достоевская М. Ф. 7: 634, 664, 775
- Достоевские, семья М. М. Достоевского 7: 677, 701
- Достоевский А. М. 7: 659, 664, 717, 800
- Достоевский А. Ф. 7: 755
- Достоевский М. А. 7: 634
- Достоевский М. М. 7: 410, 432, 478, 482, 493, 615, 628, 641, 647, 668, 672—673, 693, 700—701, 717, 742, 748, 763, 772, 792, 805
- Достоевский М. Ф. 7: 701
- Достоевский Н. М. 7: 411, 446, 677
- Достоевский Ф. М. (младший) 7: 755
- Дризен Н. В. 7: 596
- Дружинин А. В. 7: 620, 716
- Друзина М. В. 7: 598
- Дрыжакова Е. Н. 7: 454, 464, 482
- Дубарасова А. О. 7: 640
- Дубровина, мещанка 7: 476
- Дудкин В. В. 7: 481, 527, 577—579, 583—585, 643, 801
- Дулова А. 7: 492
- Думала П. 7: 604
- Дунаев А. П. 7: 601
- Дуров С. Ф. 7: 747
- Дурьлян С. Н. 7: 723
- Дьяконов П. К. 7: 598—599
- Дьяконова Н. Я. 7: 683

- Дюллен Ш. 7: 600
 Дюма (Dumas) А. (сын) 7: 550, 583
 Дюссо (Dussot), ресторатор 6: 244; 7: 192, 696
 Евлампиев И. И. 7: 699
 Евнин Ф. И. 7: 411, 494, 520, 654—655, 683, 685, 693, 781, 801
 Евфимий, сектант 7: 728
 Егоров Б. Ф. 7: 738
 Елизаветина Г. Г. 7: 510, 616, 713, 715
 Елисеев Г. З. 7: 504—505, 612, 650
 Емец Т. В. 7: 575
 Епишев Н. 7: 523, 528, 539, 545, 801
 Еремин И. П. 7: 613
 Еремин Ю. И. 7: 604
 Ермакова М. Я. 7: 553—556, 801
 Ермолова М. Н. 7: 601
 Ерофеев Вен. В. 7: 576
 Ерофеев Вик. В. 7: 577
 Есипов Г. В. 7: 729
 Ефрон И. А. 7: 717
 Жадовская Ю. И. 7: 637
 Жаккар Ж.-Ф. 7: 565, 800
 Жаров Л. В. 7: 767
 Жаткин Д. Н. 7: 693
 Жернаков К. И. 7: 666
 Жид А. см. также Gide А. 7: 580, 588, 594
 Жильцова Е. А. 7: 561, 564
 Жилиякова Э. М. 7: 654
 Жинисти П. 7: 597
 Жирар Р. 7: 588
 Житомирская С. В. 7: 800
 Жомини (Jomini) Г. 7: 708
 Жуве Л. 7: 600
 Жувен К. 6: 126; 7: 660
 Жукова Ю. А. 7: 486
 Жуковская Е. И. 7: 710
 Жуковский В. А. 7: 638, 698
 Жуковский Ю. Г. 7: 489, 713
 Заборов П. Р. 7: 582
 Завадский Ю. А. 7: 602—603
 Заваркина М. В. 7: 408
 Загоскин М. Н. 7: 643, 671
 Зайцев Б. К. 7: 567
 Зайцев В. А. 7: 490, 491, 627, 632, 684, 712, 714, 801
 Замятин Е. И. 7: 565—566
 Замятнин Д. Н. 7: 765
 Зандер Л. А. 7: 529, 543
 Захаров В. Н. 7: 531, 539, 544, 546, 702, 741, 753—754, 783, 795, 801
 Зверев А. М. 7: 575
 Зеньковский В. В. 7: 525, 528, 801
 Зильберштейн И. С. 7: 463, 633
 Злочевская А. В. 7: 571—573
 Золя (Zola) Э. 7: 578, 582—584
 Зотов В. Р. 7: 516
 Зохраб И. 7: 488, 801
 Зунделович Я. О. 7: 495
 Зыховская Н. Л. 7: 539
 Иван IV Васильевич (Грозный) 7: 5, 417, 419—421
 Иванов А. П. 7: 664
 Иванов В. В. 7: 530, 532, 537—539, 541, 701
 Иванов Вяч. И. 7: 423, 496, 501, 521—524, 535, 680, 693, 721, 749, 753—754, 801

- Иванов Г. В. 7: 573
Иванов Д. В. 7: 801
Иванова А. А. 7: 751
Иванова В. М. 7: 461
Иванова М. А. 7: 461, 718
Иванова С. А. 7: 508, 745
Иванчикова Е. А. 7: 773
Иваши(н) 7: 212
Игнатова Н. И. 7: 414
Игэга С. 7: 536
Идаров С. А. 7: 726
Излер И. И. 6: 137; 7: 667, 697, 740
Измайлов А. Е. 7: 643
Илличевский А. Д. 6: 374; 7: 716, 724
Ильин И. А. 7: 566
Ильин Н. Н. 7: 664, 777
Иоанн (Шаховской Д. А.), архиеп. 7: 754
Иоанн Лествичник 7: 536
Иоаким, петерб. домовладелец 7: 606, 641, 644
Иокомицу (Ёкомицу) Р. 7: 594
Ипатова С. А. 7: 501, 590, 683
Ирвинг Л. 7: 598
Исаак Сирий 7: 526
Исаев А. И. 7: 614—615
Исаев П. А. (Паша) 7: 460, 471, 677, 700
Исаева К. М. 7: 604
Исаева М. Д. см. Достоевская М. Д.
Исаевич П. П. 7: 598
Исаков С. Г. 7: 631
Истомин К. К. 7: 493
Истомина Т. Б. см.: Лебедева Т. Б.
Исулов К. Г. 7: 519, 701
Итокава К. 7: 531
Иустин (Попович Б.), преп. 7: 492, 524, 526—528, 536, 802
Ишутин Н. А. 7: 459
Йенсен В. 7: 579
Йост (Johst) Г. 7: 585
Каганер Ю. Ю. 7: 724
Кагарлицкий Ю. И. 7: 601
Казанова (Casanova) Дж. Дж. 7: 678
Казари Р. 7: 731
Калатузов В. И. 7: 730
Калачев Н. В. 7: 684
Калигула (нас. имя Гай Юлий Цезарь Август Германик; Gaius Iulius Caesar Augustus Germanicus) 7: 201, 784
Камбек Л. Л. 7: 694
Камю (Camus) А. 7: 590
Канделье Ф. 7: 601
Канн П. Я. 7: 648
Кант (Kant) И. (Э.) 7: 492, 616, 679
Капет, вдова см. Мария Антуанетта Австрийская
Капилупи С. М. 7: 521, 537, 543, 802
Каподистрия И. А. 7: 205, 785
Капуана Л. 7: 592—593
Капустин С. Я. 7: 507
Капфиг (Capefigue) Ж.-Б. 7: 768
Каракозов Д. В. 7: 458—460, 781
Карамзин Н. М. 6: 418; 7: 420—421, 626, 690, 737
Караулов Ю. Н. 7: 803, 807
Карепин П. А. 7: 479, 627, 662, 700
Карл I Великий 7: 683, 685, 788

- Карлейль (Carlyle) Т. 7: 486, 489, 524, 683—685, 689, 768
- Карнович Е. П. 7: 476, 618, 728
- Карпи Г. 7: 730
- Карпов Е. П. 7: 600
- Карпушина Н. 7: 609
- Карякин В. Н. 7: 706
- Карякин Ю. Ф. 7: 438, 443, 465, 481, 493, 520, 523, 528, 533, 535, 537, 539, 541, 602—603, 802
- Касаткина Т. А. 7: 422, 520, 522—523, 525, 528, 530—531, 533—539, 544—545, 560, 613, 795, 799—800, 802
- Катарский И. М. 7: 501, 718
- Катков М. Н. 7: 434—435, 437—439, 445, 450, 452, 459, 461—467, 473, 475, 483—485, 487, 508, 616—617, 629—630, 638, 663, 665, 680, 709, 712, 720, 732—734, 752, 757, 759, 761, 780, 782, 796
- Катто Ж. 7: 544—545
- Катцер Дж. 7: 581
- Каурисмяки А. 7: 604
- Каутман Ф. 7: 581
- Кафка (Kafka) Ф. 7: 586
- Кацис Л. Ф. 7: 561
- Качалов В. И. 7: 601
- Кашина С. А. 7: 736
- Кевремон С. 7: 580
- Кейзер-фон-Нилькгейм Г. И. 7: 595—596, 598
- Кельдш В. А. 7: 519
- Кельсиев В. И. 7: 728, 732—733
- Кельсиев И. И. 7: 733
- Кеплер (Kepler) И. 6: 222; 7: 512, 685
- Кетле (Quételet) Л. А. 7: 490, 632
- Кибальник С. А. 7: 4, 409, 546, 574
- Кийко Е. И. 7: 407, 525, 769
- Кингсли Б. 7: 604
- Кир II Великий 6: 18; 7: 136, 615
- Кирай Д. 7: 631
- Кирилл Белозерский 7: 421
- Кириллов Н. С. 7: 687
- Кириллова И. А. 7: 525, 538, 802
- Кирпотин В. Я. 7: 465, 474, 481, 493, 502, 520, 522, 524—526, 529, 535, 537, 541, 603, 611, 617, 629, 654, 687, 696, 743, 802
- Кирсанова Р. М. 7: 615, 656, 672, 802
- Киселева М. В. 7: 585
- Клаас Б. 7: 579
- Клери Г. 7: 676
- Климовский Е. И. 6: 20, 365, 371; 7: 175, 621, 722
- Клодель (Claudel) П. 7: 580, 588
- Клопшток (Klopstock) Ф. Г. 7: 73, 618—619, 764—765
- Клюс Э. 7: 531
- Клюшников В. П. 7: 484
- Кноп, владелец магазина 6: 312; 7: 708
- Кобринский А. 7: 565
- Ковалевская С. В. см. Корвин-Круковская С. В.
- Ковалевский Е. П. 7: 410, 594
- Коваленко Н. И. 7: 409
- Ковальская М. И. 7: 770
- Ковач А. 7: 496

- Ковнер А. Г. 7: 586
- Коган Г. Ф. (В.) 7: 4, 408, 416, 433, 437, 476, 486, 497, 528, 537—538, 540, 545, 620, 625, 631, 645, 647, 650, 653, 656, 659, 674, 683, 694, 696, 702, 709, 750, 762—763, 793, 802—804
- Кожин В. В. 7: 495, 539, 639, 753, 803
- Козаков М. Э. 7: 565—566
- Козелл, петерб. домовладелец 6: 23; 7: 146—147, 262, 624
- Козлов Г. М. 7: 603
- Козловский П. Б. 7: 772
- Козляинов А. П. 6: 242, 490; 7: 694—695
- Козлянинов Н. 7: 694
- Козьмин Б. П. 7: 620, 801
- Кок (Коск) Ш.-П. де 7: 618
- Кокорев И. Т. 7: 674
- Кокшенова К. А. 7: 797
- Коленкур (Caulaincourt) А. де 6: 235; 7: 691
- Колобаева Л. А. 7: 551, 562, 575—576, 803
- Колошин С. П. 7: 770
- Колубовский Я. Н. 7: 617
- Кольшко И. И. 7: 527, 541, 803
- Кольцов А. В. 6: 20, 365, 371; 7: 175, 621, 722
- Комарович В. Л. 7: 442, 451, 479, 488, 525, 527—528, 627, 691, 696, 699, 755—756, 769, 775, 781, 803
- Комаровски Л. 7: 604
- Комиссаржевская В. Ф. 7: 601
- Конечный А. М. 7: 475, 605, 607—608, 624, 645, 656—657, 733, 795, 803, 806
- Кони А. Ф. 7: 507, 518, 663, 730, 744, 747, 765—766
- Кони Ф. А. 7: 649
- Конрад Дж. 7: 590—592
- Консидеран В. см. также Considérant V. 6: 235; 7: 691
- Констант М. Д. см. Достоевская М. Д.
- Константинов Н. К. 7: 665
- Конт (Comte) О. 7: 661, 705
- Кончаловский А. С. 7: 604
- Коншина Е. Н. 7: 414, 416
- Коппель Э. 7: 597
- Корвин-Круковская (Жаклар) А. В. 7: 458, 460, 788
- Корвин-Круковская (Ковалевская) С. В. 7: 741, 788
- Корвин-Круковский В. В. 7: 227, 788
- Кори С. 7: 526, 535, 699
- Корконосенко К. С. 7: 583
- Корнфельд П. 7: 585
- Корсини (Висковатова) Е. И. 7: 763
- Корш В. Ф. 7: 410, 450, 599
- Косенкова А. В. 7: 663
- Костикова И. В. 7: 685, 689
- Костомаров В. Д. 7: 693
- Костылева Н. А. 7: 650
- Котельников В. А. 7: 519, 573—574, 808
- Котов А. Э. 7: 464
- Котомин А. М. 7: 804
- Котульский А. 7: 579
- Коулсон Дж. 7: 580
- Кох, домовладелец 7: 779
- Коцебу (Kotzebue) А. фон 7: 626
- Кошевой В. О. 7: 605
- Кравец С. Л. 7: 807
- Кравчук И. А. 7: 4, 408—409

- Краевский А. А. 7: 118, 121, 410, 412, 503, 769, 773—774
- Кранихфельд А., домовладелец 7: 637
- Краснов Г. В. 7: 734
- Краснова Г. А. 7: 539
- Крафт-Эбинг Р. фон 7: 746
- Кремье Б. 7: 589
- Крестовский В. В. 7: 494, 607, 610, 618, 624, 635, 637, 652, 665—666, 678—679, 699, 710, 742, 752, 763, 803
- Криницын А. Б. 7: 703
- Кроо К. 7: 541
- Кропоткин П. А. 7: 581
- Кропоткина А. П. 7: 581
- Крылов И. А. 7: 656
- Кудрявцев Ю. Г. 7: 529
- Кузнецов М. И. 7: 607, 619, 647, 665, 703, 736—737, 739, 787, 803
- Кузнецов О. Н. 7: 434
- Кузьмина-Караваева Е. Ю. 7: 543
- Кулешов В. И. 7: 806
- Кулиджанов Л. А. 7: 602, 604—605
- Куликов Ю. Г. 7: 767
- Куманин А. А. 7: 664, 779
- Куманина А. Ф. 7: 482, 664, 776—777, 779
- Куманина Е. Е. 7: 664
- Кумпан К. А. 7: 475, 605, 607—608, 624, 645, 656—657, 795, 803
- Кунильский А. Е. 7: 466, 658
- Купреянова Е. Н. 7: 497, 639
- Куприн А. И. 7: 749
- Курбский А., князь 7: 420—421
- Курганов Е. Я. 7: 740
- Курляндская Г. Б. 7: 521, 523, 530—532, 546, 803
- Курочкин В. С. 7: 647, 674
- Кустовская М. А. 7: 540
- Кутузов М. И. 7: 708
- Кэррик (Лесс) Э. (псевд. Rahsin E. K.; Feofanoff M.) 7: 579
- Кювье (Cuvier) Ж.-Л. 7: 81, 765
- Кюстин (Custine) А. де 7: 772
- Лавлинский С. П. 7: 541—542
- Лаврин Я. И. 7: 585
- Ладинский А. 7: 587
- Лажечников И. И. 7: 643, 671, 742
- Лазаревский В. М. 7: 596
- Лазурский В. Ф. 7: 547
- Ламартин (Lamartine) А. де 7: 676
- Лампен Ж. 7: 604
- Ланский Л. Р. 7: 450
- Лапкина Г. А. 7: 599—600, 602—603, 803
- Лапшин И. И. 7: 522, 636, 741—742
- Ларин Б. А. 7: 611
- Ларошфуко (La Rochefoucauld) Ф. де 7: 671
- Ларрок П. 7: 789
- Ласенер П. Ф. 7: 480—481, 497, 643
- Лацис Я. (Иост Весул) 7: 631
- Лебедев В. И. 7: 434
- Лебедев Ю. В. 7: 636
- Лебедева (Истомина) Т. Б. 7: 495, 526—527, 529—532, 535, 537—538, 540—541, 543, 545—546, 801, 803—804
- Лебина Н. Б. 7: 739
- Леблан (Leblanc) М. 7: 570
- Левашова О. Г. 7: 574
- Левин Ю. Д. 7: 631, 643
- Левитов А. И. 7: 494

- Левченко Н. И. 7: 615
 Леметр (Lemaitre) Ж. 7: 524, 530, 533, 804
 Лемуан Г. 6: 371—372; 7: 723
 Леонардо да Винчи 7: 422
 Леонидов Л. М. 7: 599
 Леонов Л. М. 7: 565—566
 Леонтьев К. Н. 7: 525
 Леонтьев П. М. 7: 23, 761
 Лермонтов М. Ю. 6: 375; 7: 259, 499, 539, 605, 640, 705, 725
 Леру Ю. 7: 597
 Лесков Н. С. (псевд. Стебницкий М.) 7: 463, 515, 620, 671, 710, 716, 729, 735, 740, 745, 804
 Лесовски В. 7: 579
 Лессинг (Lessing) Г. Э. 7: 705
 Леткова-Султанова Е. П. 7: 672
 Ливанов Ф. В. 7: 730
 Ливанский И. В. 7: 518
 Ливингстон (Livingstone) Д. 6: 457; 7: 744—745
 Ливингстон (Livingstone) Ч. 7: 744
 Ликург Спартанский 6: 222, 226
 Линдфорс Н. 7: 708
 Лодзинский В. Э. 7: 420, 626
 Лопес (Lopez) Ф. С. 7: 793
 Лосев А. Ф. 7: 807
 Лосский Н. О. 7: 753—754, 783
 Лотман Л. М. 7: 411, 494, 498, 532, 546, 624, 804
 Лотман Ю. М. 7: 737
 Лоуренс (Lawrence) Д. Г. 7: 590
 Лохвицкий А. В. 7: 515
 Луи Наполеон Бонапарт см. Наполеон III
 Луи Филипп I (Louis-Philippe I) 7: 768
 Лука Э. 7: 585
 Лукаш И. С. 7: 574
 Лукьянец И. В. 7: 587
 Лукьянова А., крестьянка 7: 694
 Луначарский А. В. 7: 529, 601
 Лурье В. М. 7: 466, 783, 804
 Лурье С. Е. 7: 518, 768
 Лыжин П. П. 7: 191, 194, 479, 626—627, 766, 781
 Львов К. И. 7: 662
 Львова И. В. 7: 594
 Льюис (Lewes) Дж. Г. 6: 18; 7: 616—618, 651, 775
 Любимов Н. А. 7: 461—464, 466—468, 729, 759
 Любимов Ю. П. 7: 602—603
 Любомудров А. М. 7: 567
 Людовик XVI (Louis XVI) 7: 675—676, 723, 767—768
 Лютер (Luther) М. 7: 689
 Лютецкий А. А. 7: 746
 Ляпунов Б. М. 7: 683
 Магазанник Э. П. 7: 625
 Магаршек Д. см. также Magarshack D. 7: 580
 Магидова М. 7: 798
 Магомедова Д. М. 7: 552, 554, 562—563, 804
 Магомет (Мухаммед) 6: 222, 226, 228; 7: 497, 502
 Маевский И. А. 7: 795
 Мазад (Masade) Ш. де 7: 676
 Майков А. Н. 6: 375; 7: 259, 432, 459, 724, 471, 507, 509, 635, 644—646, 660, 724—725, 729, 764, 779, 783
 Мак (Mack) К. 6: 295; 7: 707—708
 Маканин В. С. 7: 576

- Макарий (Булгаков П. М.), митр. 7: 728
- Макаров А. А. 7: 645
- МакГилл Л. 7: 604
- Макдафф Д. 7: 580
- Макогоненко Г. П. 7: 497, 639
- Макрушин В. А. 7: 745
- Максимилиан, австр. эрцгерцог 7: 793
- Максимов С. В. 7: 729
- Мало Г. см. также Malot Н. 7: 587
- Мальборо Д. Ч., герцог 7: 723
- Мальбранш (Малебранш; Malebranch) Н. 7: 192, 781
- Мальро А. 7: 589
- Мальтус (Malthus) Т. Р. 7: 611—612
- Мальцев А. И. 7: 729
- Мамин-Сибиряк Д. Н. 7: 742
- Мамлеев Ю. В. 7: 577
- Мамонтов А. Г. 7: 643
- Мамулия Д. 7: 604
- Манго, педагог 6: 335; 7: 717
- Мандельштам О. Э. 7: 560
- Манолакев Х. 7: 533
- Марецкий, владелец разменной конторы 7: 669
- Мария Николаевна, вел. княгиня 7: 761
- Мария Антуанетта (Мария-Антуанетта) Австрийская (Вдова Капет; *Veuve Capet*) 6: 188, 7: 102, 106, 113, 115—116, 174—175, 296, 443, 642, 675—676, 767—769, 777
- Мария Терезия (Мария-Терезия), эрцгерцогиня Австрии 7: 676
- Маркевич Б. М. 7: 620
- Марков Е. Л. 7: 752
- Марков П. А. 7: 602
- Маркович А. 7: 580
- Маркс А. Ф. 7: 806
- Мармонтель (Marmontel) Ж.-Ф. 7: 691
- Марри (Murphy) Д. М. 7: 591
- Мартен А. 7: 768
- Мартьянов П. К. 7: 747
- Марченко Н. А. 7: 737
- Массимо 6: 137; 7: 667
- Мата Хари (Mata Hari) 7: 567
- Мацумото К. 7: 677
- Маяковский В. В. 7: 561
- Медведев В. П. 7: 464, 536—537, 804
- Медынский Г. А. 7: 529
- Меерсон О. 7: 529, 545
- Мейер (Meyer) К. Ф. 7: 578
- Мейер Г. А. 7: 526, 533—535, 537, 542—543, 613, 635, 638, 648, 653—654, 677, 702, 721, 725, 741, 751, 754, 764, 804
- Мейлер Н. 7: 594
- Мелетинский Е. М. 7: 498
- Мельник В. И. 7: 636, 690
- Мельников-Печерский П. И. (псевд. Андрей Печерский) 7: 502, 654, 728, 730—731, 804
- Менотти Чиро (Menotti Ciro) 7: 782
- Мережковский Д. С. 7: 486, 489, 496, 501, 503, 523—524, 526, 528, 530, 532, 535, 557—558, 579, 624, 634, 638, 686, 721, 725, 747—748, 753, 779, 781, 804
- Мешалкин А. Н. 7: 574
- Мещерский В. П. 7: 658, 803
- Мещеряков А. Н. 7: 530
- Миджиферджян Т. В. 7: 520, 533

- Микеладзе, князь 7: 476
 Милешин Ю. А. 7: 588—590, 804
 Миллер О. Ф. 7: 517, 531, 533, 540, 722, 804
 Милль (Mill) Дж. С. 7: 488, 491, 524, 611—612, 617, 632, 639, 651, 662, 705, 750, 801
 Мильграм Б. Л. 7: 604
 Милюков А. П. 7: 435, 461—463, 467, 744—745, 762, 804
 Минаев Д. Д. 7: 647, 695
 Минц З. Г. 7: 560
 Минье (Mignet) Ф.-О. 7: 768
 Михайлов М., издатель 7: 806
 Михайлов М. Л. 6: 242; 7: 617, 651, 693, 695, 711
 Михайловский Б. В. 7: 550—551
 Михайловский Н. К. 7: 709, 714
 Михаленко Э. 7: 587
 Михельсон М. И. 7: 620, 628, 706, 805
 Михневич В. О. 7: 608—610, 645, 678, 696—697, 761, 805
 Михновец Н. Г. 7: 545—546
 Михнюкевич В. А. 7: 531, 540, 543—544, 546, 623, 678, 689, 722, 805
 Мишле (Michelet) Ж. 7: 768
 Мкртчян Л. М. 7: 520
 Модзалевский Б. Л. 7: 803
 Мозер Х. 7: 579
 Мокеев М. 7: 603
 Мокиенко В. М. 7: 702
 Молешотт (Moleschott) Я. 7: 616
 Молчанов В. Ф. 7: 801
 Молчанов Ив. 7: 618
 Мольер (Moliere; наст. имя По-
 клен Ж.-Б.) 6: 417; 7: 737
 Монас С. 7: 580
 Моравия (Moravia) А. 7: 593
 Мориак (Mauriac) Ф. 7: 589
 Морильяс Ж. 7: 524, 535
 Моррис, антрепренер 7: 667
 Московская Д. С. 7: 795
 Мотидауки Т. 7: 641
 Мочульский К. В. 7: 416, 465—
 466, 484, 496, 522, 525,
 528—529, 537—538, 542,
 544, 605, 654, 703, 720, 725,
 754, 783, 805
 Мошинская Р. П. 7: 698
 Моэм (Maugham) У. С. 7: 590
 Музиль Р. 7: 585
 Муравьева Ж. А. 7: 701
 Мюссе (Musset) А. де 7: 486
 Мятлев И. П. 7: 655
 Набоков В. В. 7: 570—573,
 781
 Назиров Р. Г. 7: 465, 472, 482,
 497, 522, 530, 539, 546, 635,
 640—641, 686, 689, 726,
 735, 805
 Накамура К. 7: 530, 534, 754
 Наполеон I Бонапарт (Napoleon
 Buonaparte) 6: 222, 228, 235,
 295, 358, 361, 425; 7: 109,
 113, 118, 173, 185, 193, 205,
 210, 239—240, 423, 432,
 444, 472, 486, 497, 499, 502,
 512, 524, 527, 555, 575, 600,
 629, 683, 685, 689—691,
 707—708, 719, 722, 724, 731,
 769, 785
 Наполеон III (Луи Наполеон Бо-
 напарт; Людовик Бонапарт) 7:
 486, 489, 491, 524, 629,
 683—685, 689, 743, 793
 Наринский М. М. 7: 486

- Натова Н. А. 7: 527, 534, 538, 805
Невахович М. Л. 7: 494
Невежина Е. А. 7: 603
Неверов Я. М. 7: 788
Недзвецкий В. А. 7: 524, 654, 773, 783
Недосейкин Н. Н. 7: 587
Незлобин К. Н. 7: 599
Нейманн К. Ф. 7: 737
Неклюдов Н. Н. 7: 632
Некрасов Н. А. 7: 560, 635—636, 674, 693, 723, 742, 776, 805
Нелидова Л. Ф. 7: 727
Неминуций А. Н. 7: 539
Неофитов А. Т. 7: 185, 193, 482, 659, 663—665, 778, 781
Неофитов Т. И. 7: 664
Неофитова Е. Е. 7: 664
Нерон Клавдий Цезарь (Nero, Claudius Caesar Nero) 7: 6, 419, 422
Нечаева В. С. 7: 408, 413, 416, 425, 474, 479—480, 483, 614—615, 630, 634, 649, 659, 663, 686, 701, 718, 729—730, 743, 763, 768, 770, 805
Никитин Т. Н. 7: 673, 743, 792, 805
Никитина Н. С. 7: 490
Никитина Т. Г. 7: 702
Никитченков (Никитченко) А. Е. 7: 664
Никифораки А. Е. 7: 593
Николаев В. Н. 7: 799
Никольский Ф. К. 7: 621
Николюкин А. Н. 7: 749
Никон (Рклицкий), архиеп. 7: 795
Нинов А. А. 7: 595, 603, 801
Нистрем К. М. 7: 670
Ницше (Nietzsche) Ф. В. 7: 491, 531, 552, 558, 580, 583—584, 588
Новикова Е. Г. 7: 532—533, 545, 688, 703
Нодье (Nodier) Ш. 7: 113, 190, 500, 706, 771—773
Нордау М. 7: 553
Нордман М. 7: 508—509
Ньютон (Newton) И. 6: 222; 7: 250, 512, 685
Нюганен Э. 7: 603
О(сипов) Н. 7: 676
Оболенская В. Д. 7: 596
Огарев Н. П. 7: 508
Одоевский В. Ф. 7: 536, 699
Озмидов Н. Л. 7: 628
Оки Т. 7: 576
Оксман Ю. Г. 7: 803
Олеша Ю. К. 7: 565
Олонкин И. М. см. Алонкин И. М.
Ольшвангер И. С. 7: 601—602
Омирбаев Д. 7: 604
Опульская (Громова) Л. Д. 7: 4, 408, 416, 443, 755, 760, 780, 804
Ориген 7: 532
Орленев П. Н. 7: 599—600
Орнатская Т. И. 7: 476—477, 493, 596, 599, 684, 758, 763, 803, 810
Оробий С. П. 7: 577
Оршанский Ис. Г. 7: 520, 523, 528, 806
Осмоловский О. Н. 7: 520, 530, 553—554
Оссейн Р. 7: 604
Островский А. Н. 7: 719
Острогорский А. Н. 7: 516

- Отрадин М. В. 7: 803
 Отто см. Унгерн-Штернберг О. Р. Л.
 Оуэн (Owen) Р. 7: 679, 681
- Павел I**, император 7: 772
 Павленков Ф. Ф. 7: 515
 Павлов Н. Я. 7: 779
 Павлов П. В. 7: 674
 Павлова И. Б. 7: 491, 510, 710
 Павлова М. М. 7: 548
 Пальмерстон Г. Д. Т. 6: 112; 7: 83, 656—657
 Панаев И. И. 7: 637, 673, 695
 Панаева А. Я. 7: 673
 Панин А. В. 7: 605
 Пантелеев Л. Ф. 7: 763
 Пантелеевы, братья 7: 426
 Пантелей И. В. 7: 549
 Панюкова Т. В. 7: 408
 Пардо Басан (Pardo Bazán) Э. 7: 582—583
 Паршин А. Н. 7: 543
 Паскаль П. 7: 580, 811
 Паскаль (Pascal) Б. 7: 528
 Пауфлер К. Н. 6: 375; 7: 259, 725
 Педро II, император Бразилии 7: 793
 Пелевин В. О. 7: 577
 Пенижек Й. 7: 581
 Перцов В. О. 7: 561
 Петр I, император 7: 196, 241, 412—413, 498, 638, 660, 761—762, 790
 Петрашевский М. В. см. Буташевич-Петрашевский М. В.
 Петров К. П. 7: 517
 Петров Н., купец 7: 733
 Петрова Е. Е. 7: 665
 Печаткин Е. П. 7: 227, 788
 Печерская Т. И. 7: 635
- Пивир Р. 7: 581
 Пидерит (Piderit) Т. 6: 345; 7: 718
 Пий IX, Папа 7: 104, 769—770
 Пикар И. Н. 7: 647
 Пиксанов Н. К. 7: 518
 Пильщиков И. А. 7: 522, 524, 537, 795
 Пипер Р. 7: 579
 Пиранделло (Pirandello) Л. 7: 592—593
 Пис Р. 7: 411
 Писарев Д. И. 7: 460, 484, 488, 491—493, 510—515, 616—617, 627, 640, 649, 651—652, 661—663, 668, 679—680, 695—697, 710—716, 743—745, 747, 751, 765, 776, 778, 783, 806
 Писарева В. Д. 7: 510
 Писемский А. Ф. 7: 288, 792—793, 484, 582, 637, 659, 682, 745, 751, 792—793, 806
 Питоев Ж. 7: 600
 Пич Р. 7: 616
 Плетнев Р. В. 7: 521—522, 537, 540, 620—621, 806
 Плещеев А. Н. 7: 680, 687
 Плотников К. Н. 7: 805
 Плутарх 7: 742
 Плющик-Плющевский Я. А. (Дельер) 7: 598—600
 Плященко Т. Е. 7: 465
 По (Poe) Э. А. 7: 501, 698
 Погодин А. Л. 7: 526
 Погожева Л. П. 7: 723
 Поддубная Р. Н. 7: 454, 474, 493, 534
 Подосокорский Н. Н. 7: 497, 629
 Полевой Н. А. 7: 626, 631, 643, 690

- Поливанова М. А. 7: 693
 Полонская К. Н. 7: 795
 Полонский Л. А. (псевд. Иван Любич; Леон Поль) 7: 667, 683, 722, 731, 733, 737
 Полонский Я. П. 7: 518
 Полоцкая Э. А. 7: 547
 Поль И. П. 7: 659
 Помяловский Н. Г. 7: 288, 411, 494, 637, 680, 792—793
 Пономарева Г. Б. 7: 525, 527
 Попов В. П. 7: 480, 679, 684, 737
 Попов, ростовщик 7: 508—509
 Порецкий А. У. 7: 538, 626, 694—695, 741, 766
 Пороховщиков А. А. 7: 798
 Порошин В. С. 7: 632
 Постникова Е. Г. 7: 783
 Потапова Г. Е. 7: 579
 Поццо ди Борго (Pozzo di Borgo) К. О. 7: 205, 785
 Правдин О. А. 7: 595
 Прац (Пратц) К. Э. 7: 426, 778
 Прийма Ф. Я. 7: 4
 Прокопович Ф. 7: 613
 Проничев В. П. 7: 807
 Проскурина Ю. М. 7: 525
 Протасова Е. А. 7: 638
 Прохоров Г. В. 7: 614
 Прохорова Т. Г. 7: 577
 Прудон П.-Ж. см. также Proudhon P.-J. 7: 610, 682, 686, 732, 750, 806
 Пруст (Proust) М. 7: 580, 588
 Пруцков Н. И. 7: 525, 531—532, 775, 806
 Прыжов И. Г. 7: 612
 Пустовойт П. Г. 7: 521, 543, 806
 Путилин И. Д. 7: 763
 Пухачёв С. Б. 7: 422
 Пушкарев Л. Н. 7: 612
 Пушкин А. С. 6: 49, 242, 320, 325; 7: 185, 416, 456, 497—501, 503, 539, 558, 566, 573, 633, 637, 639—640, 643, 645, 650, 652, 656, 671, 676, 685—686, 689—693, 695—696, 699, 713—716, 761—762, 781, 784, 795—797, 806, 809
 Пушкин С. М. 6: 17; 7: 89, 202, 479, 659, 766
 Пфейффер (Pfeiffer) Э. 7: 713
 Рабле (Rabelais) Ф. 7: 542
 Радищев А. Н. 6: 98; 7: 651—652
 Радонежский А. А. 7: 532
 Разин А. Е. 7: 694, 727
 Райан К. 7: 604
 Рак В. Д. 7: 4, 408—409, 501
 Раков Ю. А. 7: 606
 Ранчин А. М. 7: 573
 Распутин В. Г. 7: 575—576
 Расторгуев Е. И. 7: 733
 Рафаэль Санти (Raffaello Santi) 6: 251, 320, 415; 7: 6, 212, 215—216, 219, 222, 257, 418, 421—422, 699, 714—715, 736, 787
 Рачинский С. А. 7: 616
 Редгрейв В. 7: 604
 Реди О. 7: 580—581
 Реизов Б. Г. 7: 481, 486, 610—611, 639, 654, 720, 748, 800, 806
 Рейнгольд А. 7: 578
 Рейсер С. А. 7: 716, 801, 810
 Рейсер А. И. 7: 189, 191—192, 197, 201—202, 207—208, 453, 479, 700

- Рейтблат А. И. 7: 649—650
 Рёль Г. 7: 579
 Рембрандт ван Рейн (Rembrandt) X. 7: 495
 Ремизов А. М. 7: 555—558, 566
 Ренан (Renan) Ж.-Э. 7: 423, 738
 Рильке Р. М. 7: 585
 Риникер Д. 7: 562, 563
 Ричардсон (Richardson) С. 7: 586
 Ричиотти см.: Гарибальди (Garibaldi) Риччотти
 Родевич М. В. 7: 477, 612, 618
 Родман Ю. С. 7: 601
 Роднянская И. Б. 7: 721
 Розанов В. В. 7: 496, 561, 674, 749
 Розанов Ю. В. 7: 556
 Розенблюм Л. М. 7: 433, 442—443, 448—449, 453, 455, 457, 474, 636, 725, 753, 776, 786, 806
 Розовский М. Г. 7: 602—604
 Ролан М. Ж. де Ла Платьер 7: 676
 Роллан (Rolland) Р. 7: 566, 588—589
 Рославцева О. И. 7: 4, 408
 Россини (Rossini) Дж. 7: 784
 Россинский И. Н. (псев. И. Р.) 7: 505—506
 Рот (Roth) Й. 7: 586
 Рот (Roth) Ф. М. 7: 594
 Ротшильды, банкирский дом 7: 781
 Руадзе М. Ф. 7: 674
 Руайе (Royer) К.-О. 7: 490—491, 613
 Рубанович А. Л. 7: 495, 704
 Рубин Я. Р. 7: 604
 Рубинштейн А. Г. 6: 178; 7: 674
 Руднев М. М. 7: 751
 Рудницкий К. Л. 7: 602—603, 605
 Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 6: 98; 7: 651—652, 736
 Ряшенцев Ю. Е. 7: 604
 Савинков Б. В. (псевд. В. Ропшин) 7: 555, 561—562
 Сажин В. Н. 7: 668
 Сайтов В. И. 7: 777, 784
 Сакулин П. Н. 7: 803
 Салтыков-Щедрин М. Е. 7: 610, 631, 635, 657, 670—672, 674—675, 678, 681, 689, 697, 706, 709—710, 713—714, 716, 719, 734, 742, 744—745, 750, 796, 807
 Сальвестрони С. 7: 526—527, 534—535, 538, 542, 545, 622, 654, 703, 807
 Санд (Sand) Ж. (наст. имя Дюпен А.) 7: 113, 738, 771, 773
 Сараскина Л. И. 7: 573, 577, 673—674, 696, 725, 738, 742, 749, 809
 Саруханян Е. П. 7: 475, 606, 608, 641, 648, 657, 701, 807
 Сафронов Г. И. 7: 593
 Сведенборг (Swedenborg) Э. 7: 676
 Светозаров Д. И. 7: 605
 Свешников Н. И. 7: 649, 699
 Свидригайл Ольгердович, литовск. князь 7: 626
 Свитов М. М. 7: 542
 Себастьяно дель Пьомбо (Sebastiano del Piombo; Себастьяно Лучани) 7: 735

- Северянин И. (наст. имя Лотарев И. В.) 7: 749
- Севрюгин Я. М. 7: 183, 777
- Сегал Д. 7: 564
- Селезнев Ю. И. 7: 412
- Селин Л.-Ф. 7: 589—590
- Семенов М. 7: 580
- Семькина Р. С.-И. 7: 576—577
- Сен А. 7: 491
- Сенатов В. Г. 7: 498
- Сен-Симон (Saint-Simon) К. А. де Рувруа 7: 774
- Серафим Саровский 7: 526
- Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) М. де 7: 246, 423, 790, 586, 686, 790
- Сергачев В. Н. 7: 603
- Серман И. Э. 7: 445
- Серов А. Н. 7: 451
- Серопян С. 7: 530, 537, 540, 543—544, 546, 807
- Сеченов И. М. 7: 718
- Сигизмунд II Август 7: 690
- Симеон Новый Богослов 7: 526
- Симидзу Т. 7: 539
- Симм Д. 7: 604
- Скабичевский А. М. 7: 505, 736
- Скатов Н. Н. 7: 808
- Скотт (Scott) В. 7: 690
- Скуридин, домовладелец 7: 606, 670
- Скэмел М. 7: 580
- Слепцов В. А. 7: 620, 710
- Сливицкая О. В. 7: 563—564
- Смирнов А. 7: 616
- Смирнов Н. А. 7: 609
- Смирнов С. И. 7: 721—722
- Смоктуновский И. М. 7: 604
- Сниткина А. Г. см. Достоевская А. Г.
- Соболев Л. И. 7: 652
- Созина Е. К. 7: 519
- Сойфер И. 7: 604
- Сокальский П. П. 7: 477, 618, 631
- Соколянский М. Г. 7: 591
- Солженицын А. И. 7: 573, 696
- Соловцов Н. Н. 7: 599
- Соловьев Вл. С. 7: 496, 518—519, 523, 623, 806—807
- Соловьев Н. И. 7: 617, 649, 662—663, 712, 714—715, 736, 776
- Соловьев С. М. 7: 420, 495, 626, 748
- Соловьева И. Е. 7: 494
- Сологуб Ф. К. 7: 547—550, 552
- Солон 6: 222
- Солянкина О. Н. 7: 538
- Сорокин Ю. С. 7: 510
- Сосновская О. А. 7: 516
- Спасович В. Д. 7: 737, 786
- Спенсер (Spencer) Г. 7: 491, 662
- Спесивцев В. С. 7: 604
- Станкевич Н. В. 7: 788
- Старикова Е. В. 7: 548, 550, 558—559, 565—566, 808
- Старостина Г. В. 7: 411
- Стелловский Ф. Т. 7: 426, 460, 467, 471, 479, 641, 646, 655, 779, 794
- Стендаль (Stendhal; наст. имя Бейль М.-А.) 7: 486, 500—501, 691
- Степанов Н. А. 7: 764, 774
- Степанов Н. Л. 7: 808
- Степанова Г. В. 7: 408, 596, 599
- Степанова М. А. 7: 587
- Степаян К. А. 7: 422—423, 576, 800
- Стерн (Sterne) Л. 7: 698

- Стивенсон (Stevenson) Р. Л. 7: 590
- Стигели (Штигель Г.) Дж. 6: 375; 7: 259, 725
- Стифен Дж. Ф. 7: 786
- Столярова И. В. 7: 515—516
- Стопановский М. М. 7: 625, 709
- Страхов Н. Н. (псевд. Н. Косица) 7: 419—420, 484, 490, 508—509, 513—514, 517, 540—541, 611—613, 628, 637, 668, 682, 688, 695, 705, 745, 768, 770, 782, 785, 808
- Струговщиков А. Н. 7: 765
- Стычинский П. 7: 579
- Суворин А. С. 7: 509—510, 746, 804
- Суворов А. А. 7: 671
- Сунгуров К. К. 7: 631, 763
- Сулова А. П. 7: 432, 435, 674, 745
- Сулова Н. П. 7: 732, 745
- Сухарев С. Л. 7: 683
- Сухачев Н. Л. 7: 597, 601
- Сырейщиков, служащий разменной конторы 7: 669
- Сыроватко Л. В. 7: 536, 546, 749
- Сюарес (Suarez) А. 7: 588
- Такахаси С. 7: 520
- Такада Тайдзюн 7: 594
- Таль В. 7: 579
- Тамарченко Г. Е. 7: 611, 627, 662, 808
- Тамарченко Н. Д. 7: 521—522, 693, 708, 808
- Тарановский К. Ф. 7: 561
- Тарасов Б. Н. 7: 528, 808
- Тарасов Ф. Б. 7: 524, 527
- Тарасова Н. А. 7: 4, 408—409, 426, 519, 760, 808
- Тараторкин Г. Г. 7: 602, 604—605
- Тассис Ж. 7: 567, 569—570
- Твардовская В. А. 7: 460, 480, 485, 679, 763, 808
- Телегин С. М. 7: 636
- Теренций, Публий 7: 694
- Тернер (Turner) Ч. 7: 582
- Тиммерман Е. 7: 696
- Тимофеева В. В. (псевд. О. Починковская) 7: 701
- Тихомиров Б. Н. 7: 408, 412, 417, 419, 433—434, 437, 441, 447, 450, 465—466, 475, 481, 495, 525, 527, 531, 533—541, 543—545, 605, 607—609, 611, 613—614, 619, 621—622, 624—626, 629, 631, 633, 635, 637, 638—641, 644—645, 647—648, 650, 652—657, 659—660, 662—663, 669—674, 676—677, 679, 681—684, 686, 688, 692—694, 698, 701, 703—706, 709—711, 714, 717—718, 721—722, 724, 726, 729, 732—733, 735, 738—740, 742, 744, 746, 748—749, 751, 757—758, 764, 766, 771, 773, 780, 782, 784, 788, 790, 799, 801, 808
- Тихомирова Н. А. 7: 705
- Тихон Задонский (Соколов Т. С.) 7: 624
- Тишкин Г. А. 7: 464, 618, 650, 711—712, 745, 809
- Ткачев П. Н. 7: 480, 679, 707
- Тоёфуса Киносита 7: 594
- Тоичкина А. В. 7: 532, 534, 536, 542, 724

- Токвиль (Tocqueville) А. де 7: 737—738, 768
Толь Ф. Г. 7: 707
Толмачев В. М. 7: 591, 805
Толмачева Е. Э. 6: 242; 7: 695—696
Толстая А. В. 6: 375; 7: 259, 725
Толстой А. К. 7: 420
Толстой А. Н. 7: 565
Толстой Л. Н. 7: 450, 486, 503, 521, 547, 551, 557, 567, 574, 634, 657, 671, 686, 708, 753, 796, 803
Толстой Ф. М. 7: 596
Томашевский Б. В. 7: 619, 696, 794
Томпсон Д. О. см. также Thompson D. O. 7: 448, 521, 702
Топоров В. И. 7: 496, 606, 648, 809
Тороп П. 7: 522, 524, 534—535, 537—540, 542, 545, 677, 743, 809
Трейтер Л. 7: 616
Трескен Г. 7: 738
Трефолев Л. Н. 7: 729—730
Трифонов Ю. В. 7: 575
Трофимов Е. А. 7: 526—528, 530, 534, 536, 544, 809
Трофимова Т. Б. 7: 466, 749
Труайя А. 7: 522
Трубейская Э. А. 7: 741
Трубейской Н. С. 7: 783
Трунин С. Е. 7: 577
Туган-Барановский М. И. 7: 520, 528
Туниманов В. А. 7: 501, 562—563, 566, 568, 639, 698, 731, 763, 800, 809, 811
Тур Е. (наст. имя Салиас де Турнемир Е. В.) 7: 683—686, 766, 769, 789
Тургенев И. С. 6: 49; 7: 410, 450, 458, 484, 505, 507, 513, 580, 633, 660, 662, 671, 675, 680, 686, 688, 711—712, 714, 716, 727, 743, 745, 751—752, 774, 776, 786, 791, 797, 809
Турьян М. А. 7: 774
Тусичишный А. П. 7: 533
Тынянов Ю. Н. 7: 562
Тьер А. 7: 777
Тьерри (Thierry) О. 7: 768
Тюнькин К. И. 7: 800
Тютчев Ф. И. 7: 518, 633, 770, 808
Уайльд (Wilde) О. 7: 580, 590
Уварова Е. Д. 7: 667
Уильямс (Williams) Р. Д. 7: 722
архиеп. Кентерберийский
Уитшоу Ф. см. также Whitshaw F. 7: 580
Унгерн-Штернберг О. Р. Л. 7: 40, 113, 761, 771—772
Уоллес (Wallace) Э. 7: 570
Успенский Б. А. 7: 737
Успенский Н. В. 7: 712
Утесов Л. О. 7: 600
Ушаков А. С. 7: 595—596
Ушаков Д. Н. 7: 619, 623, 647, 652, 735, 746, 748, 809
Ушинский К. Н. 7: 751—752
Уэст Т. 7: 604
Фальконе (Falconet) Э.-М. 7: 761—762
Фасмер М. Р. 7: 727
Фаулз (Fowles) Дж. Р. 7: 590
Федин К. А. 7: 566

- Федоренко Б. В. 7: 475, 607—608, 669—670, 700, 796
- Федоров Г. А. 7: 717
- Федоров Н. Ф. 7: 527
- Федорова Е. А. 7: 516—517
- Федосья, служанка Достоевских 6: 434; 7: 739
- Фейербах (Feuerbach) А. 7: 720
- Фейербах (Feuerbach) Л. А. фон 7: 682, 720
- Феодор (Бухарев А. М.), архим. 7: 466, 489, 518—519, 531, 538, 540, 634, 721, 797
- Феодор Алексеевич, царь 7: 638
- Фердинанд, эрцгерцог 7: 708
- Фет А. А. 7: 507, 713—714, 716
- Филипп (Philippe) Ш.-Л. 7: 587—588
- Филиппов И. 7: 729
- Филоненко П. Ю. 7: 605
- Философова А. П. 7: 741
- Финкельштейн Е. Л. 7: 600
- Флери Ж. см. также Fleury J. 7: 582
- Флоровский Г. В. 7: 525, 532
- Фокин П. Е. 7: 798
- Фокин С. Л. 7: 582, 586—587, 589—590, 809
- Фоменко П. Н. 7: 603
- Фонвизин Д. И. 7: 669
- Фонвизина Н. Д. 7: 522, 701
- Фонтенель (Fontenelle) Б. 7: 104, 769—770
- Фон-Фохт Н. Н. 7: 463, 629, 725
- Фонякова Н. Н. 7: 606, 700, 809
- Фохт (Vogt) К. 7: 616, 632
- Франк С. Л. 7: 532
- Фрейд (Freud) З. 7: 482
- Фрейтаг Г. 7: 578
- Фридлендер Г. М. 7: 4, 408, 416, 422, 433, 437, 442, 479—480, 484—485, 487, 490—492, 496—499, 501—503, 514, 520, 522, 528, 533—534, 537—538, 541, 544, 584, 587—588, 590, 613, 624, 628, 632, 639, 642, 678, 680, 692, 706, 722, 753, 767, 773, 775, 779, 789, 800, 804, 809
- Фридрих В. 7: 578
- Фридштейн Ю. 7: 601
- Фриче В. М. 7: 529
- Фриш Ф. 7: 579
- Фрэнк (Frank) Дж. 7: 591—592
- Фудель С. И. 7: 521, 523, 525—526, 540, 543, 546, 722, 809
- Фукс В. А. 7: 483, 768
- Фурман П. Р. 7: 636
- Фурье (Fourier) Ш. 6: 315; 7: 526, 679, 680—681, 689, 691—692, 710, 714
- Халабаев К. И. 7: 794
- Ханушкевич А. 7: 602
- Харламов, домовладелец 6: 106; 7: 68, 367, 655—656
- Хармс Д. И. (наст. имя Ювачёв Д. И.) 7: 564—565
- Харченко Д. В. 7: 802
- Хейзе П. 7: 578
- Хейне В. 7: 578
- Хеннеберг Н. 7: 590
- Хёрт Д. 7: 604
- Хилдрет (Hildreth) Р. 7: 630
- Хмелевская Е. М. 7: 408, 479, 614, 775
- Ходкевич Я. К. 7: 690
- Ходотов Н. Н. 7: 600
- Холлис Т. 7: 604

- Холшевников В. Е. 7: 475, 525, 528, 534, 541, 606, 608, 641, 653, 657, 660, 701, 809
 Хольц А. 7: 578
 Хопкинс (Hopkins) Б. 7: 590
 Хотинский М. С. 7: 697
 Хоуэллс У. Д. 7: 593
 Хофман М.-Р. 7: 580
 Хоффман Р. 7: 579
 Хоц А. Н. 7: 529, 542—543, 810
 Храмова Л. В. 7: 689
 Храпченко М. Б. 7: 4
 Хрущов, домовладелец 7: 710
 Хуснулина Р. Р. 7: 590—591
- Ц**
 Цабель О. 7: 578, 583, 597
 Цейтлин А. Г. 7: 501, 769
 Целкова Л. Н. 7: 572—573
 Цельсий (Celsius) А. 7: 689
 Цесарец А. 7: 593
 Цеэ В. А. 7: 769
 Циглер Т. 7: 578
 Цимбал И. С. 7: 601
 Циммерман К. Ф. 6: 7, 456; 7: 608
 Цой Л. Н. 7: 497—498, 731
- Ч**
 Чаадаев П. Я. 7: 808
 Чамполи Д. 7: 597—598
 Чапл Р. 7: 718
 Чарота И. А. 7: 802
 Червяков А. П. 7: 806
 Черенин М. А. 7: 806
 Чермак Л. И. 7: 717
 Черненко Т. Ю. 7: 530
 Черноситова Т. Л. 7: 767
 Чернуха В. Г. 7: 656
 Чернышевский Н. Г. 7: 96, 228, 484, 488, 616—618, 627, 633, 640, 651—652, 658, 661—
- 663, 668, 674, 679, 682, 691, 705—706, 710, 713, 715—716, 750, 752, 763, 766, 788, 808, 810
 Чехов А. П. 7: 546—547, 550, 597, 783
 Чехов М. А. 7: 595
 Чехова М. П. 7: 597
 Чжань Бянь Гэ 7: 581
 Чиж В. Ф. 7: 518
 Чирков Н. М. 7: 465, 488, 495, 527, 530, 534—535, 753, 810
 Чистов Г. 7: 437, 476
 Чудова О. И. 7: 575
 Чуковский К. И. 7: 710
- Ш**
 Шагинян Р. П. 7: 625
 Шаликова Н. П. (псевд. Горская Н., Нарская Е.) 7: 434
 Шаляпин Ф. И. 7: 599
 Шармер Е. Ф. 6: 113; 7: 657
 Шарри Т. Г. 7: 807
 Шатобриан (Chateaubriand) Ф.-Р. де 7: 639, 675—676, 690
 Швейхель (Schweichel) Р. 7: 578
 Швоб (Schwob) М. 7: 587
 Швыдкой М. Е. 7: 601
 Шевченко Т. Г. 7: 620, 637, 702
 Шекспир (Shakespeare) У. 6: 212—213; 7: 250, 495, 498, 514, 583, 601, 631, 643, 686
 Шелгунов Н. В. 7: 684, 695, 711, 737, 792
 Шелгунова Л. П. 7: 711
 Шеллинг (Schelling) Ф. В. Й. фон 7: 492, 543
 Шепелев Л. Е. 7: 628
 Шепелева С. Н. 7: 495
 Шерстобитовы, купцы 7: 62, 440, 763
 Шестакова Е. А. 7: 560

- Шестов Л. И. (наст. имя Шварцман Л. И.) 7: 521, 541, 556—558, 584—585
- Шестопалова Г. А. 7: 703
- Шибанов, раб князя Курбского 7: 420—421
- Шиллер (Schiller) Ф. фон 6: 39, 398, 407, 417, 419; 7: 492, 497—498, 551, 628, 700, 734, 737, 742, 753
- Шиль Я. Х. 6: 150; 7: 195, 606, 670
- Шишкин А. Б. 7: 801
- Шкаровский М. В. 7: 739
- Шкловский В. Б. 7: 480, 495, 501, 645, 653, 658, 810
- Шкуринов П. С. 7: 488, 617, 810
- Шмелев И. С. 7: 566, 567
- Шмид У. 7: 800
- Шмидт Ю. 7: 714
- Шопенгауэр (Schopenhauer) А. 7: 524, 535, 679
- Штейнберг А. Э. 7: 741
- Штейнгель Э. А. 7: 477
- Штильмарк А. 7: 586
- Штирнер (Stirner) М. (наст. имя Шмид И. К.) 7: 486, 524, 684
- Шtrandман Р. Р. 7: 480
- Штукин А. Д. 7: 649
- Шуберт (Schubert) Ф. 7: 725
- Шузевиль Ж. 7: 580
- Шукшин В. М. 7: 574
- Шульц О. фон 7: 532
- Щапов А. П. 7: 729, 777—778
- Щенников Г. К. 7: 485, 487, 495—496, 503, 519, 531, 634, 637, 750, 799, 810
- Щенникова Л. П. 7: 498
- Щербаков В. И. 7: 493, 627, 640, 778
- Щукин В. Г. 7: 523, 544, 721
- Эвклид 7: 685
- Эйхенбаум Б. М. 7: 686, 780
- Экклэнд Р. 7: 601
- Элиасберг А. 7: 579
- Элиот (Eliot) Т. С. 7: 580
- Энгельгардт Б. М. 7: 496
- Эннекен (Hennequin) Э. 7: 582
- Эргаз Д. 7: 580
- Эсалнек А. Я. 7: 496
- Эткинд А. М. 7: 732
- Этов В. И. 7: 490, 494, 632, 810
- Юнг (Jung) К. Г. 7: 482
- Юнгтрен (Ljunggren) М. 7: 559—560
- Юнге Е. Ф. 7: 616
- Юркевич П. Д. 7: 616—617
- Юсупов Б. Г. 7: 641
- Юхнёва Е. Д. 7: 609, 645, 677, 810
- Юшины, купцы 6: 127; 7: 660
- Яковлев К. Н. 7: 600
- Яковлев С. 7: 612
- Яковлева Г. В. 7: 683
- Яковлева Е. А. 7: 605
- Якубович И. Д. 7: 4, 409, 540, 545, 664, 775, 778, 810
- Ямпольский И. Г. 7: 411, 801
- Яновский С. Д. 7: 786
- Янышев И. Л. 7: 434—435, 446, 451, 458, 503, 764
- Ярхо Г. 7: 579
- Ясенский С. Ю. 7: 526, 633
- Ando A. 7: 495, 808
- Andrews L. R. 7: 642

- Backés J.-L.** 7: 582
Balsac H. de см. также Бальзак
 О. де 7: 669, 788
Belinskij см. Белинский В. Г.
Bennett A. см. также Беннетт А.
 7: 592
Bernanos G. см. также Бернанос
 Ж. 7: 589
Beyer-Thoma H. 7: 578
Blackmur R. P. 7: 465, 481
Brémeau C. 7: 589
Brodey E. C. 7: 497
Brown N. B. 7: 501, 636, 642,
 810
Budgen F. 7: 592
Burwell R. M. 7: 591
Busch R. L. 7: 742

Cabat G. C. 7: 481—482, 750
Caligula Caius см. Гай Юлий Цезарь
Carpet (veuve Carpet) см. Мария Антуанетта Австрийская
Caro d'Istria см. Каподистрия И. А.
Catteau J. 7: 496, 703
Chambers J. 7: 591
Checkland O. 7: 581
Claudé P. см. также Клодель П.
 7: 588
Connolly J. 7: 572
Considérant V. см. также Консидеран В. 7: 691
Cox R. L. 7: 703

Dauner L. 7: 482
Davydov S. 7: 572
Derély V. см. также Дерели В. 7: 580
Dickens Ch. см. также Диккенс Ч. 7: 669

Dolan A. E. 7: 592
Drougard E. 7: 587
Drouilly J. 7: 484
Duchatelet B. 7: 589

Ebert Ch. 7: 578
Ellmann R. 7: 592

Fanger D. 7: 494, 669
Fleury J. 7: 582
Foster E. M. 7: 592
Frank J. 7: 448, 482, 488, 592,
 687, 754, 810

Gacheron G. 7: 589
Garnett C. см. также Гарнетт К.
 7: 580
Gerigk H.-J. 7: 482
Gesemann W. 7: 584
Gibian G. см. также Гибиан Дж.
 7: 495
Gide A. см. также Жид А. 7: 588
Girard R. 7: 588
Glad J. 7: 580
Gogol см. Гоголь Н. В. 7: 669
Guerlac O. 7: 737

Hadley T. 7: 593
Heim Ch. 7: 699, 725
Hemmings F. W. J. 7: 587
Holquist J. M. 7: 751
Hudspith S. 7: 547
Hugo V. см. также Гюго В. 7: 677

Ivanits L. 7: 703

Jackson R. L. см. также Джексон Р. Л. 7: 488, 492, 751, 810
Jacobson R. 561
Jekutsch U. 7: 579

- Jernakoff N. 7: 625
 Johae A. 7: 658
 Joyce J. см. также Джойс Дж. 7: 592
Kampman Th. 7: 578
 Kaye P. 7: 591
 Keith Booker M. 7: 592
 Kirnozé Z. 7: 589
 Kjetsaa G. 7: 545, 622—623, 687, 702—704, 749, 810
 Knapp L. 7: 488, 618, 621, 754, 810

Lawrence D. H. см. также Лоуренс Д. Г. 7: 591
 Leatherbarrow W. J. 7: 486, 580, 743
 LeTouzé Ph. 7: 589
 Lindenmeyer A. 7: 641
 Loew R. 7: 577

Maakaroun É. 7: 589
 Magarshack D. см. также Магаршек Д. 7: 580
 Majakovskij см. Маяковский В. В.
 Malot H. см. также Мало Г. 7: 587
 Masade Ch. de см. также Мазад Ш. 7: 676
 Matlaw R. E. 7: 591
 Mutual D. 7: 754
 Mauriac F. см. также Мориак Ф. 7: 589
 Miller R. F. 7: 651, 654
 Millner M. 7: 589
 Mochizuki T. 7: 495, 808
 Moravcevic N. 7: 712
 Motylova T. 7: 589
 Muchnik H. 7: 580
 Müller L. 7: 703, 754, 770, 783, 810

Napoleon Buonaparte см. Наполеон I Бонапарт
 Natov N. 7: 669
 Neuhauser R. 7: 484, 687
 Nilsson N. A. 7: 613
 Nodier Ch. см. также Нодье Ш. 7: 773

Oates J. C. 7: 591
 Offord D. 7: 484
 Ollivier S. 7: 589
 Ozouf O. 7: 589

Panichas G. 7: 699, 779
 Pascal P. см. Паскаль П.
 Peace R. 7: 481, 496, 703, 811
 Potthoff W. 7: 498, 773
 Pozzo di Borgo см. Поццо ди Борго К. О.
 Proctor Th. 7: 488
 Proudhon P. J. см. также Прудон П.-Ж. 7: 686
 Proust M. см. также Пруст М. 7: 588
 Przybylski R. 7: 687

Ranftl J. J. 7: 586
 Raphael Santio d'Urbino см. Рафаэль Санти
 Reber N. 7: 635
 Richardson R. E. 7: 725
 Röhl M. 7: 582
 Rolland R. см. также Роллан Р. 7: 589
 Rosenshield G. 7: 754
 Rowe W. W. 7: 705
 Rubenstein R. 7: 592

Samosionek-Godlewska H. 7: 740
 Schmid W. 7: 496
 Schult M. 7: 578

- Schulz C. 7.: 628
Schwob M. 7: 587
Seghers A. 7: 486
Shapiro Kortan J. 7: 561
Sherry P. 7: 589
Siegel G. 7: 712
Simon L. 7: 593
Sonnenfeld A. 7: 588
Spariosu M. 7: 588
Starr W. 7: 589
Stone D. D. 7: 592
Sultan S. 7: 592
- T**hompson D. O. см. также Томп-
сон Д. О. 7: 622
- Tucker J. G. 7: 754
- U**rai Y. 7: 495, 808
- V**ogüé E.-M. de 7: 582
Vykoupil S. 7: 579
Voldemar 7: 21
- W.** см. Ватсон Э. К.
Wett B. 7: 484, 687
Whitshaw F. 580
Woolf V. см. также Вульф В. 7:
592
- Z**elinsky B. 484

ИСПРАВЛЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ К ТОМАМ I—III

Страница, строка	Напечатано	Следует читать
---------------------	------------	----------------

Том I

115, 14	Двадцать пять рублей	25 рублей
118, 1	Сорок копеек	40 коп.
119, 14—15	Пятисот рублей	500 руб.
661, 7	<i>Майков.</i>	<i>Майков В. Н.,</i>
661, 29	<i>Майков.</i>	<i>Майков В. Н.,</i>
692, 23	<i>БдЧ</i>	<i>БдЧт</i>
712, 8	<i>Анненский.</i>	<i>Анненский, 1979.</i>
730, 23	названия ассигнаций (см. с. 683, коммент. к с 26)	названия ассигнаций (см. с. 683, коммент. к с. 26) и вводимых с 1843 г. в обращение на их постепенную замену кредитных билетов
778, 29	<i>БдЧ</i>	<i>БдЧт</i>
781, 11—12	<i>Гозенпуд.</i>	<i>Гозенпуд, 1971.</i>
796—803	«Список условных сокращений» следует дополнить следующими записями: <i>Анненский — Анненский И. Ф.</i> Книга отражений. СПб.: бр. Башмаковы, 1906. [Кн. 1]. <i>Белинский, Летопись — Оксман Ю. Г.</i> Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М.: Гослитиздат, 1958.	

Страница. строка	Напечатано	Следует читать
	<p><i>Гозенпуд, 1971</i> — <i>Гозенпуд А. А. Достоевский и музыка. Л.: Музыка, 1971.</i></p> <p><i>Гозенпуд, 1981</i> — <i>Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство: Исследование. Л.: Сов. композитор, 1981.</i></p> <p><i>ЛГ</i> — Литературная газета: Вестник наук, искусств, литературы, новостей, театра и мод. СПб., 1840—1849.</p> <p><i>РО</i> — «Русское обозрение» (журнал).</p> <p><i>СО</i> — «Сын отечества» (журнал).</p> <p><i>Чернышевский</i> — <i>Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Гослитиздат, 1939—1953.</i></p>	

Том II

582, 30—31	<i>Творчество Достоевского.</i>	<i>Творчество Достоевского, 1959.</i>
627, 40	С. 82—123	С. 209—244
648, 1	<i>О Достоевском. Приложение. С. 39—40.</i>	<i>Вокруг Достоевского. Т. 1. С. 326.</i>
649, 5	С. 20, 26—27	С. 186, 192—193
652, 31	<i>Гозенпуд. С. 18—37</i>	<i>Гозенпуд. С. 10—53, об отражении театральных впечатлений Достоевского в рассказе «Чужая жена и муж под кроватью»: С. 35—36, 40—42</i>
678, 39	С. 159	С. 234
681, 11	С. 000	С. 332
681, 42—43	С. 26—27	С. 12, 15, 18—19
682, 19	<i>Розенблюм. С. 646</i>	<i>1956—1958. Т. 2. С. 646, примеч. Л. М. Розенблюм</i>
694, 2—3	Там же. С. 37—48	<i>Гозенпуд. С. 18, 53—59</i>
694, 24	С. 16—19, 34, 35	С. 10—17

Страница. строка	Напечатано	Следует читать
710, 39	<i>idée fixe</i>	<i>idée fixe</i>
710, 45	Т. 5. С. 216	Т. 8, кн. 1. С. 249
712, 25	С. 19	С. 35
717, 43	<i>Летопись.</i>	<i>Летопись.</i> Т. 1.
718, 32	<i>Летопись.</i>	<i>Летопись.</i> Т. 1.
720, 23	<i>Тургенев, 1979, Сочинения.</i> Т. 6. С. 301—364.	<i>Тургенев, Сочинения.</i> Т. 9. С. 7—76, 459
720, 32	С. 114	С. 62—64
721, 30—33	Вероятно, что Достоевский ~ Смесь. С. 67—68).	Текст изымается
721, 40	«Адалузка»	«Адалузка»
722, 6—7	Севилья — центральный город провинции Андалусия	Текст изымается
722, 37	С. 29—30	С. 214
723, 38	протекриса	протектриса
751, 41	С. 90—91	С. 114
761, 18	<i>Тынянов, Поэтика.</i>	<i>Тургенев, Сочинения — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1960—1968.</i> <i>Тынянов, Поэтика</i>

Том III

576, 29—30	«К теории пародии» (<i>Тынянов, Поэтика.</i> С. 412—455).	«Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (<i>Тынянов, Поэтика.</i> С. 198—226).
576, 33—34	<i>Тынянов, Поэтика.</i> С. 199—201	Там же. С. 212—226

Страница, строка	Напечатано	Следует читать
579, 14	С. 447—452	С. 221—224
579, 16	С. 440—441	С. 217
583, 39—40	С. 412—455	С. 198—226
588, 10	С. 441.	С. 217.
588, 30	С. 442	С. 218
596, 2	С. 454—455.	С. 226.
597, 30	С. 445—446.	С. 220.
600, 36	С. 450.	С. 223.
605, 29	С. 443—444	С. 219
605, 40	С. 452	С. 224
606, 30	С. 70	С. 72
606, 42	С. 453	С. 225
607, 13	С. 451	С. 224
615, 22—23	<i>Достоевская А. Г., Воспоминания, 1987. С. 324;</i>	<i>Достоевская А. Г., Воспоминания, 1987. С. 348;</i>
616, 23	копчу	кончу
647, 44	С. 69	С. 70
661, 20	XXV	XXXV
671, 41	<i>Вокруг Достоевского — Вокруг Достоевского: В 2 т.</i>	<i>Владимирцев, Каторж- ная тетрадка — Вла- димирцев В. П. Каторж- ная тетрадка Достоевско- го. Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2009.</i>
674, 38	<i>Толстой — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т.</i>	<i>Творчество Достоев- ского, 1959 — Творче- ство Ф. М. Достоев- ского / Акад. наук СССР, Институт миро- вой литературы им. А. М. Горького; Ред. Н. Л. Степанов</i>

Страница. строка	Напечатано	Следует читать
674, 42—44	<p><i>Тургенев, Сочинения (2-е изд.) — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. / 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978—1986.</i></p>	<p>(отв. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1959. <i>Толстой — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т.</i> <i>Тургенев, Сочинения — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1961— 1968.</i></p>

СОДЕРЖАНИЕ

	Страница
Наброски 1864—1867	5
Преступление и наказание. <i>Рукописные редакции</i>	
Первая (краткая) редакция («повесть»)	
Черновой автограф конца 1-й—6-й глав	9
Подготовительные материалы	101
Вторая (пространная) редакция	
Черновой автограф: «Под судом»	122
Черновой автограф отрывка главы II первой части	150
Черновой автограф отрывка главы II второй части	153
Черновой автограф варианта отрывка главы II второй части	163
Подготовительные материалы	164
Третья (окончательная) редакция	
Подготовительные материалы	178
Черновой автограф главы VII второй части	260
Черновые наброски к главам VI—VII второй части	283
Черновой набросок конца главы VII второй части	285
Черновой автограф глав II—IV третьей части	288
Черновые наброски к главам III—IV третьей части	324
Варианты	329
Варианты белого автографа	331
Варианты наборной рукописи	354
Варианты прижизненных изданий	361

Примечания	405
Наброски 1864—1867	409
Пьяньенькие	409
〈Страстные и бурные порывы〉	414
Преступление и наказание	424
Преступление и наказание. <i>Рукописные редакции</i>	754
Список условных сокращений	794
Указатель имен	812
Исправления и дополнения к томам I—III	841

Научное издание

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ТРИДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ**

2-е издание, исправленное и дополненное

Том 7

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ.
РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ.
НАБРОСКИ 1864—1867**

*Утверждено к печати
Ученым советом Института русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской Академии наук*

Редактор издательства *И. Е. Петросян*
Художник *П. Э. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева* и *А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Подписано к печати 22.11.2018.

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Академическая.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 53. Уч.-изд. л. 58.8.

Тираж 300 экз. Тип. зак. № 3410

Издатель: Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-038243-5

9785020382435

